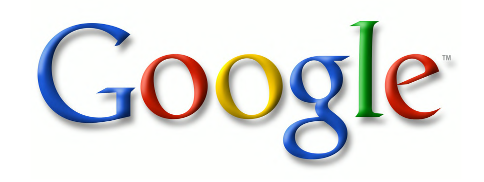
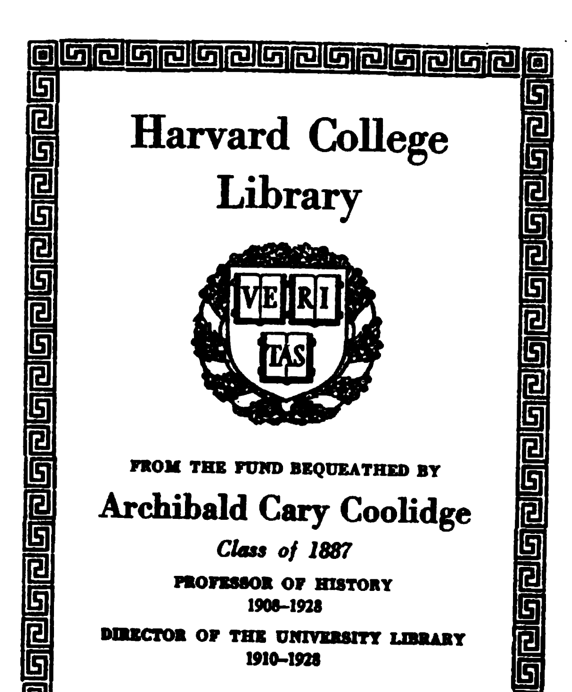

VE RI TAS

ИСТОРІЯ РОССІИ

Ъ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАТЕЛЯ Н. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ,
ПОДЪ №№ 21 И 22.
1861.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
У ИЗДАТЕЛЯ Н. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ
ПОДЪ №№ 21 и 22.
1861.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

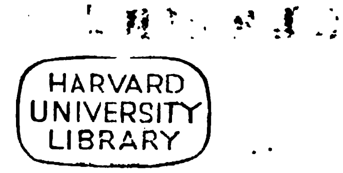
АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
У ИЗДАТЕЛЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, ВЪ Д. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ,
ПОДЪ №№ 21 И 22.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 11 апрѣля 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ. И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ГЛАВА I.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Гетманскіе и митрополичьи выборы въ Малороссіи. Переговоры съ Тетерею въ Москвѣ. Посольство Кикина въ Малороссію. Выговскій замышляетъ измѣну. Союзъ его съ ханомъ Крымскимъ. Сношенія хана съ Москвою и дѣла на Дону. Выговскій и Лесницкій возбуждаютъ козаковъ противъ царя. Посольство Матвѣева и Рагозина къ Выговскому; посланцы Выговскаго — Миневскій и Коробка въ Москвѣ. Запорожцы жалуются царю на Выговскаго. Вопросъ о воеводахъ. Хитрово въ Малороссіи и Переяславская рада. Полтавскій полковникъ Пушкарь противъ Выговскаго. Извѣты его царю. Лесницкій въ Москвѣ. Выговскій съ Татарами идетъ на Пушкаря. Гибель послѣдняго. Выговскій поддается Польскому королю. Военныя дѣйствія подъ Кіевомъ. Раздѣленіе Малороссіи и усобица. Радость въ Польшѣ. Двадцать-одна причина, почему царь Алексѣй не могъ быть избранъ въ преемники Яну Казиміру. Старанія Матвѣева склонить Литву на царскую сторону. Сношенія съ Польшею. Виленскіе съѣзды. Враждебныя движенія Польскихъ войскъ. Побѣда Долгорукаго надъ Гонсѣвскимъ и плѣнъ послѣдняго. Затруднительное положеніе Москвы. Ординъ-Нащокинъ и его преобразовательные замыслы. Борьба въ Малороссіи. Походъ Трубецкаго. Наказъ ему насчетъ соглашеній съ Выговскимъ. Конотопская битва. Ужасъ въ Москвѣ. Дѣйствія Выговскаго и сношенія его съ Трубецкимъ. Дѣла въ Крыму. Дѣйствія Донскихъ козаковъ. Паденіе Выговскаго. Юрій Хмельницкій гетманъ. Переговоры съ Швеціею. Ссора Нащокина съ Хованскимъ. Валіесарское перемиріе. Побѣгъ сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца съ царемъ по этому случаю. Кардискій миръ.

Въ Чигиринѣ около гроба знаменитаго гетмана волновалась старшина козацкая важнымъ вопросомъ — кому быть на

мѣстѣ Хмельницкаго? Живому Богдану никто не рѣшился отказать въ просьбѣ насчетъ избранія въ гетманы сына его; теперь никто не думалъ объ исполненіи обѣщанія, когда грозный батька козацкій лежалъ безъ дыханія. Выговскій, не боясь, что его раскуютъ по рукамъ лицемъ къ землѣ, дѣйствовалъ свободно и пріобрѣталъ сильную сторону. Не стало гетмана въ Чигиринѣ, не было митрополита въ Кіевѣ: здѣсь волновались не менѣе важнымъ вопросомъ, какъ выбирать преемника Сильвестру Коссову? Хлопоталъ воевода Андрей Бутурлинъ, призывалъ епископа Черниговскаго Лазаря Барановича, Печерскаго игумена Иннокентія Гизеля, другихъ игуменовъ и говорилъ имъ всякими мѣрами, съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ поискали милости великаго государя, правду свою къ нему показали, были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патріаршаго благословенія митрополита не избирали. Епископъ Лазарь отвѣчалъ, что онъ радъ царской милости и патріаршему благословенію, но надобно подумать съ архимандритами и игуменами. 7 Августа Лазарь пріѣхалъ къ воеводѣ и объявилъ, что духовенство Кіевское приговорило быть подъ послушаніемъ Никона патріарха, что теперь они ѣдутъ въ Чигиринъ на погребеніе гетманское, а когда возвратятся и укрѣпятся между собою, то отправятъ кого-нибудь изъ своихъ къ великому государю. Выговскій писалъ Лазарю: «Выбирайте митрополита между собою кого хотите, а намъ теперь по смерти гетманской до того дѣла нѣтъ» [1].

А между-тѣмъ въ Москвѣ, ничего не зная, разсуждали съ Павломъ Тетерею, пріѣхавшимъ въ послахъ еще отъ гетмана Богдана Хмельницкаго. 4 Августа Тетеря представлялся государю и говорилъ рѣчь: «Егда богодарованную пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества державу нынѣшними времяны надъ Малороссійскимъ племенемъ нашимъ утвержденну и укрѣпленну внутренними созираю очима, привожду себѣ въ память реченное царствующимъ пророкомъ: отъ Господа

бысть се и есть дивно во очію вашею воистинно соединеніе Малые Россіи и прицѣпленіе оноя къ великодержавному пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества скифетру, яко естественной вѣтви къ приличному корени. И якожъ древле Давиду Израильскія дѣвы ликоствующе въ тимпанѣхъ съ радостію и гуслѣхъ припѣваху: побѣди Саулъ со тысящами, а Давидъ со тмами, тако и пресвѣтлому вашему царскому величеству истинно всѣ Россійстіи сынове припѣвати можемъ: иные царя побѣдиша со тысящами, тыжъ великодержавный царь нашъ побѣдилъ еси со тмами. Преславная воистину есть пресвѣтлаго вашего царскаго величества на враги побѣда, понеже ревнующе по благочестивой вѣрѣ не пощадилъ еси своея царскія главы, не предпочелъ еси своего угодія, но, оставя множицею свой царскій престолъ и презрѣвше своя царскія палаты, изшелъ еси предъ нами на враги наша и самъ возжелалъ еси побораги по насъ прямыхъ подданныхъ своихъ. Воистину поставленъ еси отъ вышнія десницы Божія надъ Сіономъ горою святою Его, надъ Сіоновыми глаголю сыны Россійскими, возвѣщая намъ всѣмъ повелѣнія Господня и свѣдѣнія Его: не возвѣщаеши ли намъ житіемъ непорочнымъ своимъ повелѣній Господнихъ? не учиши ли насъ изрядныхъ добродѣтелей своихъ? и кто не познаваетъ кротость твою, кто ли не причастенъ милости твоея? кто не проповѣдуетъ благоутробія вашего царскаго величества и къ самимъ врагамъ непамятозлобнаго нрава? Дивно есть во очію нашею, дивно и чудесно: понеже егда оскудѣваше въ помощи Малая Россія, тогда Богъ подвиже благочестивое вашего царскаго величества сердце, что отъ высокаго своего престола призрѣлъ если на насъ и подъ высокую свою руку воинство наше Запорожское щедротне воспріяти благоволилъ, которое, крестнымъ цѣлованіемъ государю и царю своему привязанное, чрезъ насъ, посланниковъ своихъ, предъ святымъ вашего царскаго величества престоломъ до лица земли упадаетъ и, не превратно и не льстиве въ своемъ крестномъ цѣлованіи пребывающе, пресвѣтлаго вашего царскаго вели-

чества, яко втораго великаго во царѣхъ и равнаго во апостолѣхъ Владиміра, не точію почитаетъ, но и предпочитаетъ, понеже онъ аще ли Россійское племя святымъ просвѣтилъ крещеніемъ, но и самъ кромѣ закона иногда живяше и многихъ сыновъ Россійскихъ своимъ порочнымъ языческимъ житіемъ погубляше; но ваше царское величество вящшія сподобися благодати, егда отторженную вѣтвь, Малую Россію, пріобрѣте».

Оратору былъ сдѣланъ первый вопросъ: по утвержденнымъ статьямъ, въ городахъ должны быть урядники и всякіе доходы собирать на царское величество и отдавать тѣмъ людямъ, которыхъ онъ пришлетъ; изъ этихъ поборовъ давать жалованье начальнымъ людямъ и козакамъ, которые должны быть въ числѣ 60,000. Но поборовъ до сихъ поръ ничего не взято; гетманъ ихъ собираетъ ли и жалованье козакамъ даетъ ли? Государь объ этомъ спрашиваетъ не для того, чтобъ доходы были надобны въ царскую казну, но для того: государь узналъ, что на гетмана и полковниковъ козаки бунтуютъ, будто они доходы сбираютъ на себя, а имъ жалованья не даютъ. — «То-то и бѣда» отвѣчалъ Тетеря: «что доходы не собираются, жалованье козакамъ не дается, и они служатъ лѣниво, а принудить ихъ нельзя служить безъ жалованья. Съ Кіевскаго воеводства я самъ собралъ 20,000 рублей, а можно собрать и 50,000 золотыхъ червонныхъ, если впрямь собирать; въ иныхъ повѣтахъ полковники сбираютъ со двора золотыхъ по два и по три, говорятъ, что собираютъ на гетмана, но гетману если чтò и дадутъ, то не все, а корыстуются сами, и отъ того происходятъ смуты и бунтовство. Изволилъ бы великій государь послать къ гетману, чтобъ созвалъ раду, при всѣхъ царскую милость объявилъ и статьи вычелъ; хотя гетману это будетъ и не любо, только войску будетъ годно, а намъ теперь съ гетманомъ спорить нельзя, потому что будетъ ему не любо». — Объявили посланнику и второе неудовольствіе царское: «Гетманъ не исполнилъ статьи, чтобъ не принимать иностранныхъ по-

словъ; царское величество все посылалъ милостиво, потому что гетманъ писалъ съ покорностію: такъ гетману и всему войску, видя такую милость, надобно знать и обѣщаніе свое исполнять, ибо за всякое крестопреступленіе надобно бояться гнѣва Божія».—«Все это правда» отвѣчалъ Тетеря: «только намъ всего этого гетману выговорить нельзя».

Въ грамотѣ, поданной Тетерею отъ Богдана (отъ 10 Іюля), гетманъ писалъ, что пошлетъ къ Шведскому королю провѣдать о его умыслѣ; что приказалъ уже полковнику Антону возвратиться и идти подъ Каменецъ; идущему къ нему Бѣнѣвскому скажетъ, чтобъ Поляки непремѣнно выбрали царя въ короли. Тетеря имѣлъ порученіе и отъ Выговскаго: «Билъ челомъ писарь о маетностяхъ жены своей Статкеевичевны, да жены брата своего, дочери Ивана Мещеринова: такъ какое будетъ царскаго величества изволенье?» Ему отвѣчали: «какъ присылалъ къ царскому величеству въ 1655 году Иванъ Выговскій брата своего Данилу бить челомъ о маетностяхъ, то великій государь пожаловалъ ихъ большими городами и маетностями; имъ этимъ можно жить безъ нужды, а Статкѣевичевы маетности розданы шляхтѣ присяжной, у которой назадъ ихъ взять нельзя.»

10 Августа пришла вѣсть, что Богданъ Хмельницкій умеръ. Тетеря подалъ письмо отъ Выговскаго: писарь писалъ, что гетманъ умеръ 27 Іюля, во вторникъ, въ пятомъ часу дня; письмо оканчивалось такъ: «Непремѣнно надобно бить челомъ царскому величеству, чтобъ изволилъ насъ оборонять войскомъ; да прошу еще вашу милость: бейте челомъ царскому величеству, чтобъ мнѣ въ Литвѣ спокойнѣйшее житіе дать, потому что я тутъ, будучи старъ, съ козаками ничего не успѣю». Тетеря объяснилъ, почему Выговскому хочется имѣній въ Литвѣ: «Хотя царское величество писаря, отца его и братью и пожаловалъ, только они этимъ ничѣмъ не владѣютъ, опасаясь войска Запорожскаго». Ему отвѣчали «Если они до сихъ поръ не владѣли, опасаясь войска, то теперь будетъ посланъ въ Малую Россію ближній бояринъ

князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, онъ объ этихъ маетностяхъ объявитъ, и тогда Выговскимъ можно будетъ ими владѣть свободно съ вѣдома войска». — «Сохрани Боже!» отвѣчалъ Тетеря: «чтобъ царское величество войску о своихъ пожалованіяхъ объявлять не велѣлъ, потому что объ этомъ и гетманъ Богданъ Хмельницкій не зналъ; если въ войскѣ свѣдаютъ, что писарь съ товарищами выпросили себѣ у царскаго величества такія большія маетности, то ихъ всѣхъ тотчасъ побьютъ и станутъ говорить: мы всѣмъ войскомъ царскому величеству служили и за него помирали, а маетности выпросили себѣ одинъ писарь съ товарищами; да станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ кромѣ жалованья ничего не надобно. Если царское величество велитъ пожаловать писаря, отца его и брата маетностями, то велѣлъ бы отвести въ Литовскихъ краяхъ особое мѣсто, чтобъ имъ ни съ кѣмъ ссоры не было, а въ войскѣ Запорожскомъ владѣть имъ ничѣмъ нельзя. Изъ присланныхъ мнѣ писемъ вижу я, что теперь старшины всѣ при гетмановомъ сынѣ Юрьѣ, въ войскѣ смирно, и думаю, что выберутъ Юрія въ гетманы. Но какъ послышатъ, что царское величество шлетъ своихъ бояръ и рада будетъ, то при гетмановѣ сынѣ есть много такихъ людей, которые ему дружатъ, а съ полковниками не въ совѣтѣ, и станутъ они ему говорить, чтобъ рады не сбиралъ, чтобъ ему своего владѣнья не убавить, также какъ и отецъ его рады не сбиралъ, а владѣлъ всѣмъ одинъ, что̀ прикажетъ, то всѣмъ войскомъ и дѣлаютъ, а только раду ему собрать, то на радѣ безъ бунта не пройдетъ: у всякаго будетъ своя мысль, иной захочетъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, иной другаго, а иной захочетъ того, чтобъ владѣлъ всѣмъ царское величество, а хотя и гетманъ будетъ, то владѣнье его передъ прежнимъ будетъ не такъ сильно. У насъ теперь отъ непріятелей опасенья нѣтъ, а въ войскѣ много неразумныхъ людей, которые станутъ мыслить, что царскіе бояре идутъ съ войскомъ затѣмъ, чтобъ войско Запорожское чѣмъ-нибудь

отпустить, а намъ теперь войска не надобно. Царское величество изволилъ бы въ своей грамотѣ въ началѣ написать имя гетманова сына Юрія, чтобъ ему не было досадно; отецъ его государю билъ челомъ, чтобъ послѣ него гетманомъ быть сыну его, и царскаго величества на то изволенье есть»[2].

Самъ Выговскій давалъ знать о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго; такъ онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ Зюзину: «Если хочешь знать, кто теперь избранъ въ гетманы, то, я думаю, ты знаешь, какъ еще при жизни покойнаго гетмана вся старшина избрала сына его пана Юрія, который и теперь гетманомъ пребываетъ, а впередъ какъ будетъ, не знаю; тотчасъ послѣ похоронъ соберется рада изо всей старшины и *нѣкоторой* черни; что̀ усовѣтуютъ на этой радѣ, не знаю. А я послѣ такихъ трудовъ великихъ радъ бы отдохнуть и никакого урядничества и начальства не желаю». Къ Бутурлину въ Кіевъ писалъ Выговскій, что Польскій посолъ Бѣнѣвскій присланъ къ нимъ для хитрости, чтобъ отлучить войско Запорожское отъ высокой царской руки, но что такой неправдѣ въ войскѣ Запорожскомъ мѣста нѣтъ, отъ царскаго величества оно во вѣки вѣковъ не отступитъ.

Зюзинъ, узнавъ изъ письма Выговскаго о радѣ, отправилъ подьячаго въ Чигиринъ посмотрѣть, что̀ тамъ будетъ дѣлаться. Подьячій пріѣхалъ въ Чигиринъ 21 Августа и тотчасъ же явился къ писарю. Выговскій говорилъ ему: «Царскому величеству я вѣренъ во всемъ, служу великому государю и войско Запорожское держу въ крѣпости. Какъ гетмана Богдана похоронимъ, то у насъ будетъ рада о новомъ гетманѣ, а мнѣ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ быть опекуномъ надъ сыномъ его, и я, помня приказъ, сына его не покину. Полковники, сотники и все войско Запорожское говорятъ, чтобъ мнѣ быть гетманомъ, пока Юрій Хмельницкій въ возрастѣ и въ совершенномъ умѣ будетъ». Августа 23 похоронили Богдана въ Субботовѣ; 26 была рада: выбрали гетманомъ Выговскаго, дали ему царскую булаву и

говорили, чтобъ онъ великому государю служилъ вѣрно и надъ войскомъ Запорожскимъ добрую управу чинилъ. Выговскій отвѣчалъ: «Эта булава доброму на ласку, а злому на каранье; потворствовать я никому не буду; войско Запорожское безъ страха быть не можетъ». Старшина козацкая, также войты и бурмистры говорили, чтобъ новый гетманъ прочелъ имъ всѣмъ вслухъ царскую жалованную грамоту, хотятъ они знать, на какихъ воляхъ пожалованы. Гетманъ прочелъ грамоту и всѣ закричали: «Ради великому государю служить вѣчно!» Подъячій привезъ Зюзину грамоту отъ новаго гетмана. Выговскій, теперь уже Іоаннъ, а не Иванъ, писалъ, что покойный Богданъ сына своего и все войско Запорожское ему въ обереганье отдалъ, а теперь вся старшина и чернь старшинство надъ войскомъ ему же вручили, и онъ царскому величеству вѣрно служить будетъ. Бутурлину Выговскій писалъ: «Ни желанія, ни промысла, ни помышленія моего о томъ не было, чтобъ быть мнѣ старшимъ надъ войскомъ Запорожскимъ; но, видно исполняя волю Божію, войско совѣтными голосами возложило на меня не столько урядъ, сколько тягость. Надѣюсь, что царское величество будетъ доволенъ моими услугами».

Между-тѣмъ, еще не зная о выборѣ Выговскаго, государь отправилъ въ Малороссію стольника Кикина объявить войску, что царское величество, извѣстившись еще отъ покойнаго Богдана о непріятельскихъ замыслахъ хана Крымскаго, посылаетъ на помощь козакамъ войско свое подъ начальствомъ князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго и Василья Борисовича Шереметева; сверхъ того, скоро явятся къ нимъ Алексѣй Никитичъ Трубецкой и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово для рады. Мы видѣли, что̀ говорилъ Тетеря о жалованьѣ козакамъ и какъ проговорился онъ, что нѣкоторые будутъ желать непосредственнаго подчиненія Малороссіи царю. Въ Москвѣ не проронили этихъ словъ, и Кикину велѣно было говорить рядовымъ козакамъ: давали ли имъ при гетманѣ Богданѣ во время походовъ жалованье? и если скажутъ, что

не давали, внушить, что гетманъ дѣлалъ это безъ воли государя, который назначилъ имъ на жалованье сборъ съ городовъ и повѣтовъ Малороссійскихъ, и теперь все это велѣлъ разсмотрѣть и указъ учинить князю Трубецкому. Кикинъ долженъ былъ также говорить съ войтами, бурмистрами и мѣщанами наединѣ, что гетмана не стало, а на города Малороссійскіе наступили непріятели, Крымскій ханъ и Ляхи, да у нихъ же между собою учинилось смятеніе; царское величество для ихъ обороны послалъ войско, а для своихъ государевыхъ дѣлъ князя Трубецкаго съ товарищами: такъ они бы ничѣмъ не оскорблялись. А если станутъ говорить: хорошо было бы, еслибъ великій государь для всякихъ непріятельскихъ приходовъ и расправныхъ дѣлъ изволилъ быть у нихъ въ городахъ своимъ воеводамъ, то отвѣчать, что всѣ эти дѣла положены на князя Трубецкаго. А если про воеводъ и не начнутъ говорить, то Кикину самому начать, чтобъ государевымъ воеводамъ быть въ Черкасскихъ знатныхъ городахъ для того, чтобъ тамошнимъ жильцамъ отъ полковниковъ и другихъ людей обидъ и налоговъ не было». Кикинъ долженъ былъ вездѣ развѣдывать: кто у Черкасъ начальный человѣкъ, кого больше слушаютъ и кого хотятъ избрать въ гетманы, Юрія ли Хмельницкаго, или кого другаго, и нѣтъ ли теперь между Черкасами на полковниковъ какого рокошу, и если есть — за что? и чего между ними чаять? и захотятъ ли, чтобъ въ городахъ были государевы воеводы? [3]

Въ Украйнѣ дѣйствительно начинался рокошъ, но шелъ онъ не снизу, а сверху. Присоединеніе къ Москвѣ было дѣломъ народнаго большинства, и большинство это до сихъ поръ не имѣло никакой причины раскаяться въ своемъ дѣлѣ. Другой взглядъ былъ у меньшинства, находившагося на верху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединеніе съ шляхетскимъ государствомъ, съ Польшею, имѣло болѣе прелести. Представителемъ этого меньшинства былъ именно шляхтичь Выговскій, сдѣлавшійся теперь, *по избранію меньшинства*, гетманомъ. Уже и Бог-

дану, привыкшему, во время борьбы съ Польшею, распоряжаться произвольно, тяжело было подчиненіе Московскому государству, столь ревнивому къ правамъ своимъ; уже Богдану тяжело было извертываться предъ послами великаго государя, требовавшими неуклоннаго исполненія обязательствъ. Но стараго Богдана, за его славу и заслугу, щадили въ Москвѣ: будутъ ли щадить Выговскаго? Послѣдній имѣлъ основанія рѣшать этотъ вопросъ отрицательно и давно уже устремилъ свои взоры на западъ, къ шляхетскому государству, гдѣ сулили ему блестящее, независимое положеніе, сенаторство. Многіе изъ старшинъ, прельщенные тѣми же выгодами, были на сторонѣ Выговскаго. Но прямо, немедленно объявить себя противъ Москвы и соединиться съ Польшею было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще отъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей Москвою и Швеціею, не могла она собственными силами защитить Выговскаго и товарищей его отъ мщенія царскаго; притомъ же войско и народъ были противъ подданства Польшѣ; надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союзъ, дѣйствительнѣе Польскаго, и Выговскій обратился къ хану Крымскому, союзъ съ которымъ такъ много помогъ Хмельницкому въ началѣ борьбы его съ Польшею. Мы видѣли, какой сильный гнѣвъ возбудило въ Крыму извѣстіе о подданствѣ Малороссіи Московскому царю. Явно помогая Польскому королю противъ козаковъ, подданныхъ царскихъ, ханъ не прерывалъ сношеній съ Москвою, бралъ подарки попрежнему, мѣнялся послами, но послы его твердили: «Царское величество велѣлъ бы Донскихъ козаковъ унять, чтобъ они Крымскому юрту убытковъ не чинили и на море не ходили; а если царь Донскихъ козаковъ унять не велитъ и станутъ отмазывать попрежнему, будто Донскіе козаки у него государя въ непослушаньи, то у хана есть въ степи Ногайскихъ Татаръ, вольныхъ людей не мало, и они также Московскому государству убытки чинить станутъ. Царское величество въ титулѣ своемъ пишетъ Великую и Малую Русь: у Крымскаго хана Ма-

Русь была подъ рукою лѣтъ съ 7 или 8, но ханъ Ма-
Русью не писался, а нынѣ Богъ вѣдаетъ, за кѣмъ та
Русь будетъ. Прежде съ Крымскими послами и гон-
хаживали многіе люди, а послѣ это отговорено, и хо-
теперь съ послами немногіе люди: чтобъ царское ве-
ство указалъ и теперь людямъ ходить попрежнему». Ханъ
царю: «Въ вашей грамотѣ написано не попрежнему:
сточной и западной и сѣверной страны отчичь и дѣдичь,
слѣдникъ и обладатель. Такихъ непристойныхъ титуловъ
дки ваши не писывали: гдѣ Москва? гдѣ востокъ? гдѣ
падъ? между востокомъ и западомъ мало ли великихъ госу-
рей и государствъ? можно было это знать и не писаться
сей вселенной отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ; такъ
ниво и непристойно писать непригоже!» Когда послы Вы-
говскаго явились въ Крымъ съ объявленіемъ, что новый гет-
манъ откладывается отъ царя Московскаго, то ханъ не зналъ,
вѣрить или не вѣрить такой радости; ближній человѣкъ его
Сеферъгазы-ага въ разговорѣ съ Московскимъ посланникомъ
Якушкинымъ сказалъ: «Писарь Иванъ Выговскій, узнавъ, что
ханъ Магметъ-Гирей сбирается идти на Запорожскихъ Чер-
касъ войною за ихъ воровство и грубость, присылалъ въ
Крымъ гонцовъ своихъ сказать, что онъ, писарь, сдѣлался
гетманомъ и у Московскаго государя въ подданствѣ быть не
хочетъ, хочетъ быть въ подданствѣ у Магметъ-Гирея; но
ханъ его словамъ не вѣритъ, потому-что Черкасы люди не-
постоянные». Якушкинъ возражалъ, что Сефергазы-ага на-
прасно называетъ Черкасъ ворами, воровства ихъ нигдѣ не
бывало. Но, сдѣлавъ это возраженіе, Якушкинъ не оставилъ
однако безъ вниманія словъ Сефергазы-аги и освѣдомился у
преданнаго Москвѣ князя Маметши-Сулешова, зачѣмъ пріѣз-
жали гонцы отъ Выговскаго? Сулешовъ разсказалъ все по-
дробно: гонцы пріѣзжали съ предложеніемъ союза, какой
былъ у козаковъ съ Крымцами при Богданѣ Хмельницкомъ;
Выговскій просилъ, чтобъ, по заключеніи союза, ханъ шелъ
вмѣстѣ съ нимъ разорять Запорожье, потому что Московскіе

царь посылаетъ Запорожцамъ жалованье и наущаетъ ихъ на него, Выговскаго. Ханъ отправилъ къ Выговскому князя Карраша для заключенія союза, и Выговскій объявилъ посланному настоящую причину, по которой онъ отложился отъ Москвы: Московскій государь посылаетъ къ нимъ въ Черкасскіе города воеводъ, а онъ, гетманъ, у воеводъ подъ началомъ быть не хочетъ, хочетъ Черкасскими городами владѣть самъ, какъ владѣлъ ими Богданъ Хмельницкій. Вслѣдствіе этого ханъ велѣлъ объявить Якушкину, что онъ готовъ дать шертную грамоту, но такую, какія давались царю Михаилу Ѳеодоровичу, безъ упоминовенія о Черкасахъ, потому что Запорожскіе Черкасы люди вольные, на мѣрѣ еще не стали и у царскаго величества еще не утвердились. Такой шерти Московскій царь не могъ принять, и если ханъ заключалъ союзъ съ измѣнившими царю козаками Малороссійскими, то въ Москвѣ, разумѣется, не имѣли болѣе побужденій удерживать Донскихъ козаковъ отъ войны съ бусурманами. Еще въ Маѣ 1657 года Донцы писали царю: «Въ твоихъ государевыхъ грамотахъ къ намъ писано, чтобъ намъ съ Турскимъ и съ Крымскимъ ханомъ никакого задора не чинить: и мы твоего царскаго повелѣнья не преслушались, съ Азовцами помирились. Но они души свои потѣснили, въ миру и въ правдѣ своей не устояли, твою вотчину, Черкасскій городокъ, у насъ хотѣли за миромъ и за душами взять, приходили къ намъ на приступъ съ приметомъ и мы долгое время отъ нихъ въ осадѣ сидѣли и отсидѣлись, а приходили къ намъ отъ хана Крымскаго многіе мурзы съ Таманцами, Черкесами Горскими, Кабардинцами, Малыми Ногаями, Темрюцкими и Азовцами; да и теперь слухи приходятъ, что ханъ хочетъ быть къ намъ самъ со многими умыслами и на похвальбѣ, хочетъ твою вотчину запустошить, столповую рѣку Донъ и верхніе городки». Донцы не остались въ долгу, и лѣтомъ того же года посланники царскіе въ Крыму были свидѣтелями, какъ они вошли въ устье Алмы, чтобъ запастись водою, бились съ Татарами, которые не хотѣли давать имъ воды, жгли деревни. Та-

[цы] были въ ужасѣ, тѣмъ болѣе, что ханъ ушелъ въ походъ; они ежечасно ждали новаго нападенія козаковъ, покопали глубокія ямы и на ночь сажали туда невольниковъ, [ихъ] закладывали досками и сами спали на этихъ доскахъ, [боясь], чтобъ невольники не убѣжали къ козакамъ. Осенью [Донцы] писали царю, что уже цѣлый годъ не пріѣзжаютъ къ [нимъ] торговые люди изъ украйныхъ городовъ, изъ Ельца, [Воронежа], Бѣлгорода и Валуекъ, хлѣбныхъ запасовъ, по[роху] и свинцу купить негдѣ, помираютъ голодною смертію. «А мы, холопи твои, служимъ тебѣ съ воды да съ травы, а не съ помѣстій и не съ вотчинъ». Въ Мартѣ 1658 года ве[ликій] государь пожаловалъ, велѣлъ послать къ нимъ тысячу рублей денегъ, тысячу рублей за хлѣбные запасы, пушечныхъ запасовъ тридцать пудъ, зелья пушечнаго пятьдесятъ пудъ. У Донцовъ окончательно развязались руки [4].

Между-тѣмъ положеніе новаго гетмана Малороссійскаго далеко не было завиднымъ: онъ былъ избранникъ меньшинства и похититель въ глазахъ огромнаго большинства козаковъ, для которыхъ законнымъ гетманомъ могъ быть только выбранный вольными голосами на общей радѣ, а Выговскій не могъ надѣяться такого избранія: за молодымъ Хмельницкимъ было знаменитое имя, дорогое козачеству; минуя Хмельницкаго, были полковники, выдававшіеся впередъ заслугами войсковыми, а Выговскій былъ писарь — званіе, не пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ въ воинственной толпѣ; кромѣ того, Выговскій даже не былъ козакъ и, что̀ всего хуже для козака, былъ шляхтичь. Попытка Выговскаго и его приверженцевъ поднять въ козакахъ неудовольствіе противъ Москвы не удалась. Григорій Лесницкій, пріѣхавши по смерти Богдана изъ Чигирина въ Миргородъ, собралъ раду на своемъ полковничьемъ дворѣ, собралъ сотниковъ и атамановъ и говорилъ имъ: «Присылаетъ царь Московскій къ намъ воеводу Трубецкаго, чтобъ войска Запорожскаго было только 10,000, да и тѣ должны жить въ Запорожьѣ. Пишетъ царь Крымскій очень ласково къ намъ, чтобъ ему поддались; лучше под-

датьея Крымскому царю: Московскій царь всѣхъ васъ дра-
нями и невольниками вѣчными сдѣлаетъ, женъ и дѣтей в-
ашихъ въ лаптяхъ лычныхъ водить станетъ, а царь Крымс-
въ атласѣ, аксамитѣ и сапогахъ Турецкихъ водить будет-
Сотники и атаманы отказали, что бусурману не хотятъ п-
даваться. Тотъ же Лесницкій прислалъ грамоту въ Конст-
тиновъ: «Были мы въ подданствѣ у его царскаго величест-
на своихъ воляхъ по смерть гетмана Богдана Хмельницк-
а теперь идутъ къ намъ воеводы Трубецкой и Ромодановс-
съ войскомъ и вы должны будете давать имъ кормы и вс-
кую живность; по нашимъ городамъ хотятъ посадить ца-
скихъ воеводъ и живность имъ давать, а которыя под-
брали на короля и на пановъ, и тѣ подати будутъ брать
государя; войску быть въ Запорогахъ всего десяти тысячам-
остальные будутъ или мѣщане, или хлопы, а кто не хоч-
быть мѣщаниномъ, тому быть въ драгунахъ». Вслѣдъ за эт-
грамотою Лесницкій прислалъ другую *лукавствомъ*, отводя чер-
отъ шалости, чтобъ прежнею грамотою не тревожились. Са-
Выговскій, пріѣхавъ въ Корсунь, созвалъ 11 Октября полк-
никовъ, отдалъ имъ булаву и сказалъ: «Не хочу быть у ва-
гетманомъ: царь прежнія вольности у насъ отнимаетъ, и
въ неволѣ быть не хочу». Полковники отдали ему наза-
булаву и говорили, чтобъ былъ у нихъ гетманомъ: «За вол-
ности будемъ стоять всѣ вмѣстѣ», говорили они, и приг-
ворили послать къ государю бить челомъ, чтобъ все было
старому. Выговскій взялъ булаву и, поднявъ ее, говорилъ:
«Вы, полковники, должны мнѣ присягать, а я государю не при-
сягалъ, присягалъ Хмельницкій». Тутъ отозвался Полтавскій
полковникъ Мартынъ Пушкарь: «Все войско Запорожское
присягало великому государю, а ты чему присягалъ: сабл-
или пищали?» Выговскій вынулъ изъ кармана Московскія мѣд-
ныя деньги, бросилъ по столу и сказалъ: «Хочетъ намъ цар-
Московскій давать жалованье мѣдными деньгами; но что это
за деньги, какъ ихъ брать?» Отвѣчалъ тотъ же Пушкарь:
«Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ

ваетъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, и радъ его государево жалованье принимать» *.

Надобно было хитрить съ Москвою. Отсюда въ Сентябрѣ явился любимецъ государевъ Матвѣевъ съ выговоромъ генеральному писарю и старшинамъ, зачѣмъ не увѣдомили великаго государя о кончинѣ гетмана Хмельницкаго, и съ приказаніемъ отправить козацкое посольство въ Стокгольмъ для склоненія Шведовъ къ миру. Выговскій оправдывался: въ самый день смерти гетмана приказалъ было онъ тремъ гонцамъ ѣхать въ Москву съ этою вѣстію; но начальные люди стали волноваться и говорить, будто онъ, желая получить гетманство, посылаетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ войска Запорожскаго; это и заставило его дать знать о гетманской смерти Кіевскому воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому. Въ Швецію обѣщалъ писать, чтобъ король не надѣялся на Запорожское войско, которое будетъ дѣйствовать противъ него, если онъ не помирится съ Москвою. Выговскій говорилъ съ Матвѣевымъ только какъ писарь, но Матвѣевъ же привезъ царю извѣстіе, что Выговскій избранъ въ гетманы, и 18 Октября государь отправилъ къ Выговскому, уже какъ къ гетману, стряпчаго Рагозина съ извѣстіемъ о рожденіи царевны Софіи Алексѣевны. Вездѣ по дорогѣ простые козаки разсказывали Рагозину, что Грицка Лесницкій отводилъ ихъ отъ государя, но что они и мѣщане не согласились; разсказывали, что Запорожье шатается. Выговскій говорилъ Рагозину: «Изъ Запорожья поѣхали воры бить челомъ царскому величеству: такъ великій государь изволилъ бы держать ихъ у себя, или бы пожаловалъ, ко мнѣ изволилъ прислать, чтобъ впередъ ссоры не было; они себѣ выбрали другаго гетмана. Если великій государь отпуститъ ихъ въ Запороги, то у меня для нихъ поставлены заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобъ ихъ переловить. Да я же не велю къ нимъ торговыхъ людей съ запасами пропускать и имъ будетъ ѣсть нечего». При Рагозинѣ пріѣхали изъ Запорожья козаки съ листомъ къ гетману,

били челомъ, чтобъ онъ въ Запороги не ходилъ и никого не посылалъ, потому что воры заводчики бунтовщики всѣ разбѣжались; посланцы били челомъ, чтобъ гетманъ велѣлъ пропускать къ нимъ торговыхъ людей съ запасами. Выговскій отвѣчалъ имъ: «Когда пришлютъ ко мнѣ Барабашенка, то я войска на нихъ не пошлю и торговыхъ людей велю пропускать». И на возвратномъ пути козаки повторяли Рагозину: «Мы всѣ ради быть подъ государевою рукою, да лихо наши старшіе, не станутъ на мѣрѣ, мятутся, только чернь вся рада быть за великимъ государемъ». Въ Лубнахъ наказный войтъ Котляръ говорилъ посланнику: «Мы всѣ были рады, когда намъ сказали, что будутъ царскіе бояре и воеводы и ратные люди; мы, мѣщане, съ козаками и чернью заодно. Будетъ у насъ въ Николинъ день ярмарка, и мы станемъ совѣтоваться, чтобъ послать къ великому государю бить челомъ, чтобъ у насъ были воеводы».

Но въ то время, какъ Рагозинъ ѣхалъ въ Чигиринъ, въ Москву пріѣхали козацкіе посланники — есаулъ Миневскій и сотникъ Коробка съ извѣстіемъ, что Выговскій избранъ въ гетманы, и съ просьбою отъ всего войска Запорожскаго, чтобъ великій государь утвердилъ избраннаго и далъ ему такую же грамоту, какъ и Хмельницкому. Посланцы разсказывали: «Въ войскѣ и въ городахъ все тихо, посылокъ ссорныхъ отъ Польскихъ людей не слыхали и шатости у насъ ни отъ кого нѣтъ, хотятъ всѣ единодушно быть въ подданствѣ вѣчномъ у великаго государя. Учинилъ было бунтъ Лесницкій, внушалъ людямъ, будто государь велѣлъ посажать по Малороссійскимъ городамъ воеводъ и вольности козацкія велѣлъ поломать. Но гетманъ Иванъ Выговскій, послыша то, козаковъ разговорилъ, чтобъ они этому не вѣрили, на полковника Грицка гнѣвается и ни въ какую раду пускать его не велѣлъ, и когда Ивана Выговскаго выбирали въ гетманы, въ то время Грицка въ раду не пускали. Какъ великій государь гетмана пожалуетъ, прежнія привилеи велитъ подтвердить, то гетманъ полковника Грицка перемѣнитъ. Бун-

тует въ Запорогахъ козакъ Барабашенокъ съ своевольниками гультяями и хочетъ учинить въ Запорожьѣ армату, такую же, какая въ войскѣ при гетманѣ; а всему этому заводчикъ Грицка Лесницкій, потому что хотѣлъ на гетманство, и какъ по его мысли не сталось, то онъ въ своемъ полку многія смутныя рѣчи вмѣщалъ; прошлаго года, какъ ходило войско Запорожское противъ Татаръ, наказнымъ гетманомъ былъ Грицка; Хмельницкій далъ ему булаву и бунчукъ, и какъ гетмана Богдана не стало, то Грицка булавы и бунчука отдать не хотѣлъ; Иванъ Выговскій посылалъ для того къ нему гетманова сына Юрья, но Грицка и ему булавы и бунчука не отдалъ, держалъ ихъ у себя цѣлую недѣлю, такъ что полковники, собравшись, должны были брать ихъ у него силою. Такъ теперь Грицка, злясь на гетмана Выговскаго и на полковниковъ, бунтъ и заводитъ».

Посланцамъ замѣтили, что на челобитной, ими привезенной, нѣтъ рукъ челобитчиковъ, ни обознаго, ни судьи, ни полковниковъ. Спросили: при избраніи Выговскаго много ли полковниковъ, сотниковъ и черни было? и Запорожцы были ли, и не было ли отъ нихъ рокоша? Посланцы отвѣчали: «На первой радѣ въ Чигиринѣ были полковники и чернь немногіе; Запорожскіе козаки были и рокошу отъ нихъ никакого не было. А какъ была другая рада въ Корсуни, то на ней были полковники и козаки всѣхъ полковъ, со всякимъ сотникомъ было черни человѣкъ по 20. На этой радѣ гетманъ Иванъ Выговскій клалъ булаву и бунчукъ и говорилъ войску, чтобъ они гетмана выбрали, кого себѣ излюбятъ, и изъ рады поѣхалъ было вонъ, но войско, догнавъ его, упросило, чтобъ онъ былъ гетманомъ, и булаву и бунчукъ ему дали. Изъ Запорогъ на этой радѣ козаковъ не было потому: еслибы за ними посылать, то въ этомъ прошло бы недѣли три или четыре; да и посылать за ними было не для чего, потому что въ Запорогахъ живутъ наши же братья козаки, переходятъ изъ городовъ для промысловъ, и иной который пропьется или проиграется, а жены ихъ и дѣти живутъ всѣ

по городамъ; а присылали на эту другую раду Запорожскіе козаки съ листомъ о войсковомъ дѣлѣ».

Но бояръ не удовлетворяли эти разсказы; смущали ихъ названія: *войско Запорожское, гетманъ войска Запорожскаго*, а между-тѣмъ гетманскіе посланцы съ такимъ пренебреженіемъ отзывались о Запорожьѣ! Посланцамъ даны были еще вопросы: гетманы въ Запорожьѣ ли живали, или въ городахъ, и откуда гетмановъ выбирали, и гетманъ Богданъ Хмельницкій откуда выбранъ? Посланцы отвѣчали: «Прежде гетманы и войско больше живали въ Запорогахъ, потому что въ то время были у нихъ добычи, ходили челнами на море, а теперь имъ на море ходить уже нельзя. Гетманъ Богданъ Хмельницкій выбранъ былъ въ Запорогахъ же и самъ онъ былъ Запорожанинъ». Посланцевъ спросили: не чаютъ ли они впередъ отъ Запорожья бунта, потому что Запорожцевъ на второй радѣ не было? «Бунта не ждемъ» отвѣчали посланцы: «потому что Выговскаго выбрали всѣмъ войскомъ; но лучше было бы сдѣлать такъ: пусть великій государь пошлетъ въ войско кого ему угодно, тотъ посланный соберетъ всѣхъ полковниковъ, сотниковъ, чернь городовую и изъ Запорожья, учинитъ раду большую вновь, и кого на этой радѣ въ гетманы выберутъ, тотъ бы уже былъ прочен и царскому величеству присягу далъ; да и гетманъ Иванъ Выговскій желаетъ того же, потому что уже тогда онъ никого бояться не станетъ, въ войскѣ и въ черни никакой смуты не будетъ; если же выберутъ кого-нибудь другаго, то онъ, Иванъ, этимъ не оскорбится». Гдѣ же лучше собрать раду? спросили ихъ. «Всего лучше въ Переяславлѣ» отвѣчали они: «потому что мѣсто людное и всѣмъ людямъ съѣздъ близокъ». Посланцы были отпущены съ грамотою, въ которой государь писалъ войску, что для утвержденія новоизбраннаго гетмана посылаетъ окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрово.

Мы видѣли, какія мѣры принималъ Выговскій, чтобъ не пропустить посланцевъ изъ Запорожья въ Москву; онъ за-

ѣхалъ къ Морозову, къ которому писалъ: «Просимъ твоей милости, изволь предъ его царскимъ величествомъ за насъ ходатаемъ быть, чтобъ великій государь своевольникамъ, о вѣрѣ и прямой службѣ нерадящимъ, не изволилъ вѣрить, чтобъ посланцевъ ихъ покаралъ, потому что эти своевольники о вѣрѣ не радѣютъ, о службѣ царской не думаютъ, женъ, дѣтей, пожитковъ и доходовъ никакихъ не имѣютъ, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ было имъ на что пить, зернью играть и другія Богу и людямъ мерзкія безчинства творить; а мы за вѣру православную и за достоинство царскаго величества при женахъ, дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ всегда умереть готовы».

Страшные Запорожцы однако пробрались мимо всѣхъ заставъ Выговскаго, въ Ноябрѣ явились въ Москвѣ, били челомъ отъ кошеваго атамана Якова Ѳедоровича Барабаша и объявили: «Хотя по сіе время все войско Запорожское и вся чернь, городовая и Запорожская, великія обиды и притѣсненія терпятъ отъ гетмана городоваго и отъ всѣхъ полковниковъ и другихъ начальныхъ людей въ городахъ, однако они молчали до вашего царскаго указа. Но теперь все войско Запорожское увидало отъ городовыхъ старшинъ противъ вашего царскаго величества великую измѣну; чернь войска Запорожскаго узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкаго вся старшина, гетманъ и всѣ полковники присягу учинили невѣдомо для чего съ княземъ Седмиградскимъ Рагоци, съ королемъ Шведскимъ, съ воеводами Молдавскимъ и Волошскимъ, и къ царю Крымскому посылаютъ грамоты: все это измѣны вашему царскому величеству! Чернь войска Запорожскаго на это не произволяетъ и никакой измѣны дѣлать не хочетъ; изъ городовъ къ намъ на Запорожье бѣгутъ и сказываютъ, что старшіе городовые отъ вашего царскаго величества отступили». Посланцевъ спросили: «Какія обиды гетманъ имъ дѣлаетъ?» Они отвѣчали: «Рыбы въ рѣчкахъ ловить не велитъ и вина на продажу держать; отдаютъ все это на аренду, а всѣ поборы сби-

раетъ гетманъ себѣ, въ войско ничего не даетъ, говоритъ, будто казну держитъ на посольскіе расходы; но пословъ принимаетъ и отпускаетъ онъ безъ указу, чего не довелось дѣлать, при Польскихъ короляхъ гетманы этого не дѣлывали». Спросили: чего же Запорожцы хотятъ теперь? Посланцы отвѣчали: «Хотимъ, чтобъ посланъ былъ въ войско ближній человѣкъ и собралъ раду; на этой радѣ выбирать въ гетманы, кого всѣмъ войскомъ излюбятъ». Спросили: «Гдѣ раду собрать, въ Кіевѣ»? «Козаки отвѣчали: «Въ Кіевѣ изъ Запорожья собираться далеко; лучше быть радѣ подъ городомъ Лубнами, на урочищѣ Соляницѣ: это мѣсто середина». Потомъ стали говорить, чтобъ быть радѣ въ Запорожьѣ, потому что и прежніе гетманы выбирались изъ Запорогъ, тутъ у нихъ столица Запорожская. Имъ отвѣчали: «Несхожее дѣло, что радѣ быть въ Запорожьѣ, мѣсто дальнее и отъ непріятелей опасно; лучше быть радѣ въ Кіевѣ, потому что тутъ столица Малой Россіи, въ Кіевѣ духовныя власти и всякіе урядники; также и въ Лубнахъ радѣ быть непристойно, мѣсто малое, да и гетманъ Выговскій, опасаясь ихъ, туда на раду не поѣдетъ». Но посланцы настаивали на Лубнахъ. Послѣ этого разговора у нихъ спросили: «Когда умеръ Хмельницкій, то у черни на Выговскаго и полковниковъ была молва и говорили: лучше, еслибъ были у нихъ въ городахъ царскіе воеводы; такъ теперь вамъ надобно ли, чтобъ въ знатныхъ городахъ были воеводы и городовыя всякія дѣла вѣдали, а полковники вѣдали бы только войсковыя дѣла?» Посланцы отвѣчали: «Объ этомъ мы давно у царскаго величества милости просить хотѣли, вся чернь и мѣщане тому рады, да не допускаютъ до того полковники для своей корысти». Насчетъ Выговскаго посланцы сказали: «Выговскаго мы гетманомъ отнюдь не хотимъ и не вѣримъ ему ни въ чемъ, потому что онъ не природный Запорожскій козакъ, а взятъ изъ Польскаго войска на бою при Желтыхъ Водахъ; Богданъ подарилъ ему жизнь и сдѣлалъ писаремъ; но онъ, по своей природѣ, войску никакого добра не хочетъ; да у

него и жена шляхтянка изъ знатнаго дома, и та потому же войску Запорожскому добра не хочетъ». Государь отпустилъ и этихъ посланцевъ съ тѣмъ, что высылаетъ окольничаго Хитрово на раду, которая будетъ въ Переяславлѣ.

Такъ ясно высказались въ Малороссіи двѣ враждебныя стороны: сторона старшины и сторона черни, представителемъ которой было Запорожье, наполненное людьми безъ семейства и собственности, какъ писалъ Выговскій. Борьба этихъ сторонъ, неумѣнье соединиться въ общихъ интересахъ страны уже готовили Малороссіи судьбу Новгорода Великаго; Москва съ своимъ началомъ уравненія была тутъ и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ задавала вопросъ: «Ссоритесь, обижаете другъ друга: не хотите ли воеводъ его царскаго величества?» И мы видѣли, что въ Малороссіи шли на встрѣчу этому вопросу: посланцы Запорожскіе, войтъ Лубенскій просили воеводъ; о томъ же писалъ къ Ртищеву Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ: «Изволь, милостивый панъ, совѣтовать царю, чтобъ не откладывая взялъ здѣшніе края и города Черкасскіе на себя и своихъ воеводъ поставилъ, потому что всѣ желаютъ, вся чернь рада имѣть одного подлиннаго государя, чтобъ было на кого надѣяться; двухъ вещей только боятся: чтобъ ихъ отсюда въ Москву не гнали да чтобъ обычаевъ здѣшнихъ церковныхъ и мірскихъ не перемѣняли. Мы ихъ обнадеживаемъ, что царь этого не желаетъ, желаетъ только вѣры и правды нашей. Мы всѣ желаемъ и просимъ, чтобъ былъ у насъ одинъ Господь на небѣ и одинъ царь на землѣ. Противятся этому нѣкоторые старшіе для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотятъ ея отступиться».

Между-тѣмъ уже семь недѣль стоялъ въ Переяславлѣ съ войскомъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, дожидаясь гетмана, чтобъ условиться съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ. 25 Октября пріѣхалъ въ Переяславль Выговскій; Московскій воевода встрѣтилъ его упреками:» И покойный Хмельницкій и ты писали государю, что на васъ наступилъ

ханъ Крымскій вмѣстѣ съ Поляками, и просили помощи; я, по государеву указу, поспѣшилъ къ вамъ изъ Бѣлгорода, вотъ уже семь недѣль стою въ Переяславлѣ, нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ, чтобъ ты сюда пріѣхалъ, и ты только теперь явился, а между-тѣмъ царскаго величества ратнымъ людямъ запасовъ и конскихъ кормовъ не давали, и много ратныхъ людей отъ этого разбѣжалось, лошади отъ безкормицы попадали, и если вы запасовъ давать не будете, то мнѣ велѣно отступить въ Бѣлгородъ. Выговскій отвѣчалъ: «Мы за царскую премногую милость челомъ бьемъ, приходу твоему ради, виноваты, что по сіе время ратнымъ людямъ запасовъ было скудно: послѣ Богдана Хмельницкаго я на гетманствѣ не утверждался долгое время, до Корсунской рады, многіе мнѣ были непослушны, а теперь царскаго величества ратнымъ людямъ дворы и запасы будутъ нескудные. Непріятели Ляхи всѣ въ сборѣ, и Татаръ 20,000 наготовѣ, ждутъ, чтобъ между нами въ войскѣ Запорожскомъ смута и рознь какая-нибудь началась или чтобъ государевы ратные люди отступили: тогда они на Черкасскіе города и придутъ. Если ты съ войскомъ своимъ отступишь и отъ того кровь христіанская прольется, то буди царская воля: но на комъ великій государь изволитъ за это взыскать? Послѣ Богдана Хмельницкаго во многихъ Черкасскихъ городахъ мятежи и шатости и бунты были, а какъ ты съ войскомъ пришелъ — и все утихло. А въ Запорожьѣ и теперь мятежъ великій, старшинъ своихъ хотятъ побить и поддаться Крымскому хану. Я иду ихъ усмирить, а ты, князь Григорій Григорьевичъ, перейди съ своимъ войскомъ за Днѣпръ и стой за Днѣпромъ противъ непріятелей Ляховъ и Татаръ; Черкасскаго войска будетъ съ тобою нѣсколько полковъ, а я, управясь съ бунтовщиками, буду къ тебѣ за Днѣпръ тотчасъ же. Бунтовщики многіе говорятъ, будто мы царскому величеству служимъ не вѣрно: но мы живымъ Богомъ обѣщаемся, клянемся небомъ и землею, не покажи Господь на насъ милости, если мы какую-нибудь неправду мыслили

мы впередъ будемъ мыслить». Ромодановскій сказалъ на это: «Безъ повелѣнья царскаго за Днѣпръ не пойду, стану писать объ этомъ къ великому государю».

Выговскому очень хотѣлось удалить Ромодановскаго съ царскимъ войскомъ за Днѣпръ на Польскія границы; но въ Москвѣ, слыша безпрестанно и отъ Выговскаго и отъ враговъ его о волненіяхъ и вредныхъ замыслахъ, хотѣли стать крѣпкою ногою въ Черкасскихъ городахъ, ввести туда воеводъ. Хитрово, пріѣхавъ въ Переяславль для рады, прежде всего началъ говорить гетману о воеводахъ, чѣмъ, разумѣется, заставлялъ его и приверженцевъ его торопиться дѣломъ отпаденія. «Великій государь» началъ Хитрово: «велѣлъ тебѣ, гетману, и всему войску Запорожескому говорить вслухъ: когда вы были подъ властію королей Польскихъ, въ то время въ городахъ никакихъ крѣпостей дѣлать вамъ не позволялось, и когда вы учинились подъ государевою рукою, то непріятели ваши, Ляхи и Крымскіе Татары, многіе города и мѣста въ Малой Россіи запустошили. Великій государь, видя на васъ непріятельскія нахожденія, оборонялъ васъ своими ратными людьми, а въ Кіевѣ велѣлъ устроить городъ крѣпкій. Вы и сами такую царскую милость выславляете. Такъ великій государь, желая, чтобъ войско Запорожское было отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ въ безстрашіи, изволилъ въ знатныхъ городахъ Малороссійскихъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславлѣ и другихъ, быть своимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ и крѣпить эти города; полковники будутъ вѣдать козаковъ и расправу между ними по войсковому праву чинить, а въ городахъ мѣщанъ будутъ вѣдать войты и бурмистры по ихъ правамъ, а воеводы станутъ вѣдать осадныхъ людей, судить и расправу чинить по вашимъ правамъ; поборы подымные и съ арендъ сбирать въ войсковую казну и давать на войско Запорожское, какъ на службу пойдетъ, и осаднымъ ратнымъ людямъ, которые будутъ при царскихъ воеводахъ». Выговскій, чтобъ оттянуть страшное дѣло, отвѣчалъ письменно: «Мы поста-

новили быть воеводамъ въ городахъ Малой Россіи, а въ какихъ городахъ имъ быть, объ этомъ доложу вашему царскому величеству, когда, Богъ дастъ, увижу ваши пресвѣтлыя очи». Потомъ Хитрово говорилъ, что Старый Быховъ сдался на царское имя, а залога (гарнизонъ) въ немъ козацкая: такъ пусть гетманъ прикажетъ козакамъ выйти изъ Быхова, потому что этотъ городъ издавна принадлежитъ къ Оршанскому повѣту. На это Выговскій отвѣчалъ, что готовъ исполнить царскую волю. Хитрово повторилъ также старую жалобу на пріемъ бѣглыхъ крестьянъ: отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ Брянскихъ, Корачевскихъ и Путивльскихъ бѣгутъ крестьяне толпами въ Черкасскіе города, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ, и, приходя изъ этихъ городовъ къ старымъ своимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, женъ и дѣтей ихъ бьютъ, грабятъ и въ избахъ заваливаютъ, людей ихъ и крестьянъ съ собою вывозятъ со всѣмъ имѣніемъ. Гетманъ обѣщалъ розыскать и карать полковниковъ, виновныхъ въ пріемѣ крестьянъ. Наконецъ Хитрово сдѣлалъ Выговскому слѣдующій упрекъ: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ грамотахъ къ царскому величеству писался вѣрнымъ слугою и подданнымъ, а ты теперь, Иванъ, написался вольнымъ подданнымъ: и такъ тебѣ къ царскому величеству писатъ не годилось».

Кромѣ Выговскаго, Хитрово нашелъ въ Переяславлѣ обознаго, судью, полковниковъ, сотниковъ и много черни. Нѣсколько времени дожидались Полтавскаго полковника Мартына Пушкаря; потомъ начали говорить, что ждать больше нельзя, всѣ разъѣдутся, и если Пушкарь такъ долго не ѣдетъ, то это не спроста, пріѣдетъ сь войскомъ и начнется междоусобіе. Тогда Хитрово созвалъ раду и объявилъ, чтобъ все войско выбирало себѣ гетмана кого хочетъ, по своимъ волямъ. Старшины и чернь отвѣчали единогласно, что выбранъ въ гетманы всѣмъ войскомъ Иванъ Выговскій и любъ онъ всѣмъ. Тутъ Выговскій положилъ булаву и сказалъ, что не хочетъ гетманства, потому что многіе люди въ черни

говорятъ, будто онъ на гетманство захотѣлъ самъ собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтобъ держалъ булаву по ихъ единогласному избранію, и гетманъ, по прошенію всего войска, булаву принялъ и присягнулъ великому государю. Дѣло казалось конченнымъ, но вотъ скачетъ гонецъ изъ Полтавы и подаетъ Хитрову грамоту: Пушкарь пишетъ, что пріѣдетъ въ городъ Лубны, гдѣ должна быть новая рада о гетманскомъ избраніи, а Переяславская рада не въ раду. «Пріѣзжай въ Переяславль видѣться со мною», отвѣчаетъ окольничій; но Пушкарь не ѣдетъ; возвращается посланецъ Хитрова и доноситъ, что у Полтавскаго полковника живутъ посланцы Запорожскаго кошеваго Барабаша — Михайла Стрыжа съ товарищами и при Пушкарѣ говорятъ про Хитрово многія безчестныя рѣчи къ большой ссорѣ.

Прошелъ 1657 годъ. Въ началѣ 1658 Выговскій казнилъ смертію въ Гадячѣ нѣсколько начальныхъ людей, ему непріязненныхъ; съ Пушкаремъ пытался было онъ покончить миромъ; но Пушкарь забилъ въ кандалы и отослалъ въ заточеніе посланца гетманскаго, сказавши: «Выговскій хочетъ и со мною помириться такъ же, какъ помирился въ Гадячѣ съ братьями нашими, которые получше его будутъ, головы имъ отсѣкъ; но со мною ему такъ не сдѣлать». Выговскій, узнавши о судьбѣ своего посланца, отправилъ противъ Пушкаря полковника Богдана съ козаками и Ивана Сербина съ Сербами своей гвардіи, всего полторы тысячи. Но Пушкарь уже успѣлъ призвать къ себѣ Запорожцевъ, которые, вмѣстѣ съ Полтавскими козаками, 25 Генваря, разгромили отрядъ Богдана и Сербина подъ Диканькою, побили у нихъ человѣкъ 300, послѣ чего Пушкарь, усиливъ себя войскомъ, набраннымъ изъ всякаго рода людей, выгналъ Лесницкаго изъ Миргорода, гдѣ полковникомъ былъ провозглашенъ Степанъ Довгаль. Новый митрополитъ Кіевскій, Діонисій Балабанъ, грозилъ Пушкарю проклятіемъ за междоусобіе; Пушкарь отвѣчалъ: «Вся чернь войска Запорожскаго не хочетъ имѣть

Ивана Выговскаго гетманомъ. Только когда состоится общая рада, и вся чернь Днѣпровская единомысленна будетъ съ черныю городовою всего войска Запорожскаго: тогда, по царскимъ жалованнымъ грамотамъ, вольно будетъ войску Запорожскому всей черни улюбить того же пана Ивана Выговскаго и принять на гетманство, и я готовъ то же сдѣлать вмѣстѣ со всею черныю Запорожскаго войска и быть во всемъ послушнымъ. Все, что̀ теперь дѣлается, дѣлается не по моему хотѣнію, а по волѣ Божіей; дѣлаетъ это все войско и вся чернь, по жалованнымъ грамотамъ, и меня одного отъ себя отпустить къ пану Выговскому не хотятъ. Вмѣстѣ съ посланцами, бывшими у царскаго величества, все войско изъ Запорожья выгреблось и съ городовымъ войскомъ Запорожскимъ для рады генеральной соединилось, а не для какихъ-нибудь бунтовъ. Что мы бунтовщики — этого на насъ никогда никто не докажетъ, и мы готовы во всемъ передъ царскимъ величествомъ оправдаться, только пусть ѣдутъ въ Москву панъ Иванъ Выговскій и панъ Григорій Лесницкій. А что ваша пастырская милость грозите своимъ неблагословеніемъ, то налагайте его на кого-нибудь другаго, кто невѣрныхъ царей принимаетъ, а мы одного православнаго царя держимся. Послали мы на войну православныхъ христіанъ, охраняя собственную жизнь, видя наступленіе враговъ, а междоусобной брани между народомъ христіанскимъ и войскомъ Запорожскимъ не было и не будетъ. А можно было нѣкоторое время и въ Переяславлѣ подождать войска Запорожскаго, которое уже выгреблось изъ Запорожья, также и городоваго войска подождать». 8 Февраля Пушкарь присылалъ въ Москву первый извѣтъ свой на Выговскаго, писалъ, что гетманъ измѣнникъ государю, помирился съ Ляхами и ордою, и что онъ, Пушкарь, слышалъ объ этомъ отъ Юрія Хмельницкаго.

Выговскій не ѣхалъ въ Москву, какъ приглашалъ его Пушкарь, давалъ знать государю, что непремѣнно бы пріѣхалъ видѣть его пресвѣтлыя очи, еслибъ не задерживали

его внутреннія смуты и вѣсти о враждебныхъ движеніяхъ Ляховъ, Татаръ и Турокъ. Вмѣсто гетмана, въ Апрѣлѣ, явился въ Москву уже извѣстный здѣсь Григорій Лесницкій. Посланный жаловался, что, по отъѣздѣ Хитрово изъ Переяславля, гетманъ Выговскій спокойно отправился въ Чигиринъ; но въ это время, по наученью Пушкаря, Ивашка Донецъ, бывшій въ Москвѣ посланцемъ отъ Барабаша, собралъ нѣсколько сотъ гультяевъ, приходилъ войною на Чигиринскій полкъ и многихъ людей побилъ и пограбилъ, распуская слухи, что нынѣшнею весною по травѣ будетъ новая рада на Солоницѣ. Выговскій созвалъ раду въ Чигиринъ и объявилъ, что оставляетъ гетманство, видя нестроеніе въ войскѣ, но полковники насилу уговорили его не покидатъ булавы, и теперь послали его, Лесницкаго, бить челомъ, чтобъ великій государь послалъ приказъ Пушкарю отстать отъ своевольства и быть съ гетманомъ въ соединеніи; да чтобъ великій государь послалъ сдѣлать перепись между козаками, написать 60,000, и впередъ бы гультяямъ въ козаки писаться было не вольно; а теперь отъ этихъ гультяевъ большой мятежъ учинился, потому что всякій называется козакомъ; также переписать всѣ доходы и реестровымъ козакамъ давать жалованье.—Такимъ образомъ теперь, вслѣдствіе образованія партій—старшины и черни, самъ гетманъ проситъ о томъ, чего при Хмельницкомъ такъ добивалось Польское правительство и чего не хотѣлъ исполнить Богданъ, ибо гультяйство, исключенное изъ реестра, поднимало возмущенія. Съ другой стороны, еслибъ Московское правительство исполнило просьбу гетманскую, приняло мѣры противъ гультяйства, то этимъ возбудило бы противъ себя сильное неудовольствіе, чего именно желалъ Выговскій. Въ Москвѣ однако остереглись; бояринъ Шереметевъ, бывшій въ отвѣтѣ съ Лесницкимъ, замѣтилъ ему: «Не будетъ ли бунта, когда многіе козаки останутся за реестромъ?» Лесницкій отвѣчалъ: «Надобно послать изъ Москвы коммиссаровъ знатныхъ людей съ войскомъ, чтобъ въ войскѣ Запорожскомъ было страшно». Лес-

ницкій пошелъ дальше: когда ему сказали, что великій государь, по челобитью Выговскаго, въ знатныхъ городахъ велѣлъ быть своимъ воеводамъ, то онъ отвѣчалъ: «На премногой милости царскаго величества гетманъ и все войско челомъ бьютъ, потому что этимъ въ войскѣ бунты усмирятся; да хотя бы великій государь и въ иныхъ городахъ изволилъ воеводамъ быть, то у нихъ бы въ войскѣ было гораздо лучше и смирнѣе; изволилъ бы великій государь послать въ войско Запорожское своихъ воеводъ и ратныхъ людей для искорененія своеволія».

Но въ то время, когда Лесницкій такъ ловко поддѣлывался подъ желанія Московскія, такъ ловко старался показать, что интересы царя и гетмана одинаковы, Пушкарь постоянно держалъ Москву въ тревогѣ своими извѣтами. Онъ писалъ государю (11 Марта и 26 Апрѣля): «Выговскій измѣнилъ Богу и вашему царскому величеству, помирился съ ордою, Ляхами и съ иными землями и замыселъ имѣетъ извоевать Запорожье. Выговскій далъ города поВорсклѣ Юрію Немиричу Лютеравину, чего Хмельницкій безъ указа царскаго не дѣлывалъ; Выговскій держитъ у себя много Сербовъ, Нѣмцовъ и Ляховъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Выговскаго поставили гетманомъ безъ совѣта всей черни, не держитъ онъ при себѣ ни одного козака, все держитъ иноземныхъ людей, отъ которыхъ намъ обиды нестерпимыя дѣлаться начали. Окольничій Хитрово Выговскому безъ полевой рады и безъ всей черни въ Переяславлѣ на церковномъ мѣстѣ гетманство далъ, булаву и все украшеніе войсковое въ руки отдалъ; а въ прошлые годы всегда въ войскѣ Запорожскомъ въ полѣ общею радою гетмановъ и полковниковъ и иныхъ старшинъ по любви войсковой избирали». Пушкарь просилъ, чтобъ государь самъ пріѣхалъ въ Малороссію, въ Кіевъ, съ патріархомъ, съ сыномъ, съ ближними боярами и думными дьяками, всѣхъ подданныхъ своихъ въ Малороссіи милостивыми очами разсмотрѣть. Посланецъ его Искра объявилъ, что полковники Полтавскій, Нѣжинскій, Миргородскій и все-

го войска Запорожскаго городовая и Запорожская чернь бьютъ челомъ на гетмана Ивана Выговскаго и на бывшаго Миргородскаго полковника Лесницкаго, которые великому государю никакого добра не хотятъ и чаятъ въ нихъ измѣны: такъ чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ Выговскаго отъ гетманства отставить, а назначить гетмана и полковниковъ новыхъ и велѣлъ бы имъ для этого собрать раду. Бояре спросили Искру, какія измѣны онъ знаетъ за Выговскимъ? Искра отвѣчалъ: «Безъ указа ссылался съ непріятелями царскаго величества, пословъ ихъ къ себѣ принималъ и отпускалъ, Венгерскаго Рагоцу хотѣлъ посадить на Польское королевство». Бояре говорили: «На Переяславской радѣ выбрали единогласно Выговскаго и никто тогда въ измѣнѣ его не обвинялъ; Выговскій присягалъ при митрополитѣ и при всемъ духовенствѣ: теперь новой рады сбирать не для чего, потому что это дѣло уже вершоное». Искра отвѣчалъ: «Переяславская рада была не настоящая, были на ней только тѣ полковники, которые съ Выговскимъ въ одной мысли, а съ ними сотниковъ и черни у полковника человѣкъ по десяти и меньше». Бояре продолжали: «Что Выговскій иностранныхъ пословъ принималъ, въ томъ онъ повинился, и потому измѣны отъ него нѣтъ». Искра возражалъ: «Измѣна есть: послѣ рады послалъ Павла Тетерю въ Польшу». Бояре отвѣчали: «Несхожее дѣло, что гетману, учиня такое крѣпкое обѣщаніе, тотчасъ же измѣну задумать! хотя и послалъ куда Тетерю, такъ не для измѣны же».

Не видя въ извѣтахъ Пушкаря основаній къ обвиненію въ измѣнѣ, царь приказывалъ Полтавскому полковнику не затѣвать смуты, повиноваться гетману. Но пришелъ извѣтъ изъ Кіева отъ Бутурлина. Воевода доносилъ, что 19 Мая прислана въ Кіевъ грамота о неправдахъ Выговскаго, который призвалъ къ себѣ орду и, сославшись съ Ляхами, хочетъ все православное христіанство выдать въ неволю; митрополитъ и все духовенство, Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко-Хмельницкій, племянникъ покойнаго Богдана, мѣща-

не и всякихъ чиновъ люди, Кіевскіе и пріѣзжіе, безпрестанно говорятъ ему, Бутурлину, что Выговскій привелъ орду, съ Поляками ссылается, а государевыхъ ратныхъ людей у нихъ въ городахъ нѣтъ, и они боятся, чтобъ, сошедшись вмѣстѣ, Поляки и Татары надъ ними не сдѣлали чего-нибудь дурнаго; говорили они ему, воеводѣ, съ большимъ усердіемъ, со слезами, чтобъ великій государь, для обороны христіанской, велѣлъ прислать поскорѣе своихъ бояръ и воеводъ съ людьми ратными. Извѣстіе это опоздало. Еще въ Апрѣлѣ государь былъ встревоженъ слухами, что Выговскій призываетъ Татаръ и хочетъ съ ними двинуться противъ Пушкаря. Немедленно былъ отправленъ въ Малороссію Иванъ Опухтинъ съ приказаніемъ, чтобъ гетманъ не смѣлъ самовольно расправляться съ своими противниками, не смѣлъ приводить Татаръ въ Малороссію, а ждалъ бы царскаго войска. Опухтинъ, на жалобы Выговскаго, вызывался самъ ѣхать къ Пушкарю съ царскою грамотою и уговорить его быть послушнымъ гетману; но Выговскій не пустилъ Опухтина въ Полтаву и 4 Мая, въ присутствіи посланника, повторяющаго царскій запретъ, выступилъ изъ Чигирина къ Полтавѣ на Пушкаря. На другой день Опухтинъ пошелъ въ соборную церковь и говорилъ духовенству, чтобъ оно написало отъ себя гетману, запретило ему ходить съ Татарами войною на православныхъ христіанъ, пусть ждетъ указа великаго государя. Но и это не помогло. Вслѣдъ за Опухтинымъ отправленъ былъ изъ Москвы съ такимъ же запрещеніемъ Петръ Скуратовъ, который нашелъ Выговскаго уже въ обозѣ подъ Голтвою. Когда въ царской грамотѣ прочли титулъ, то гетманъ сѣлъ на постель, пригласилъ сѣсть и посланника, но тотъ отвѣчалъ, что надобно стоя выслушать грамоту. «Все у васъ высоко», сказалъ Выговскій, однако дослушалъ грамоту стоя и потомъ началъ говорить: «Все это ничего, грамотами Пушкаря не унять, взять было его да голову отсѣчь, либо прислать въ войско Запорожское. Я къ великому государю писалъ много разъ, чтобъ Пушкаря велѣлъ смирить до

Велика дня, а если не изволитъ его смирить, и я самъ съ нимъ управлюсь; можно было его по сю пору смирить, такъ бы православные христіане были цѣлы, которыхъ онъ побилъ; я терпѣлъ, ждалъ царскаго указа, а то бы еще зимою Пушкаря смирилъ мечемъ да огнемъ. Я и булавы брать не хотѣлъ, хотѣлъ жить въ покоѣ. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово хотѣлъ взять Пушкаря и привесть ко мнѣ, но не только не привезъ, а еще больше ему повадку сдѣлалъ, далъ ему соболей да отпустилъ; а къ Барабашу нечего писать, Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали великому государю на томъ, что правъ нашихъ не порушать, а по нашимъ правамъ нельзя полковнику и никому давать грамотъ, кромѣ гетмана; всѣмъ управляетъ одинъ гетманъ, а вы сдѣлали всѣхъ гетманами, дали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ этихъ грамотъ бунты начались. Когда мы присягали, въ то время Пушкаря не было, все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій да я, иныхъ статей никто и не зналъ; не надобно было тогда и начинать этого дѣла. Пушкарь пишетъ, что позволено имъ на четыре года взять на всякаго голика по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ больше: какъ будто завладѣли мы шестидесятью тысячами талеровъ! Иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ, вездѣ его достану, хотя въ царскіе города уйдетъ, кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется; а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ, не я началъ — онъ, хочу съ нимъ биться не за гетманство, а за свое здоровье. Дожидаюсь рады: покину булаву и пойду къ Волохамъ или къ Сербамъ, или къ Молдаванамъ: они мнѣ будутъ рады. Великій государь насъ жаловалъ, а теперь вѣритъ ворамъ, которые ему государю не служили, на степи его людей побивали и казну грабили, тѣхъ жалуетъ, посланцевъ ихъ принимаетъ, деньги имъ и соболей даетъ, а такихъ бунтовщиковъ надобно было присылать въ войско Запорожское. Обычай у васъ такой, что все дѣлать по своей волѣ. Первые бунты начались въ войскѣ отъ по-

сланца царскаго, Ивана Желябужскаго, который посланъ былъ къ Рагоци. И при короляхъ Польскихъ также было: какъ начали вольности наши ломать, такъ за то и стало».

Выговскій говорилъ также Скуратову: «Многіе пристаютъ къ Пушкареву совѣту; у полковниковъ, которые теперь при мнѣ, не много людей, другіе идти не хотятъ, и еслибы я не пошелъ, то всѣ бы пристали къ Пушкарю». Дѣйствительно, встала сильная рознь: одни были за Выговскаго, другіе за Пушкаря: Лубны заперлись отъ полковъ Выговскаго, которые должны были силою пробиваться черезъ городъ; но Миргородцы свергнули своего полковника Довгаля и посадили подъ стражу за преданность дѣлу Пушкаря. Козаки изъ Голтвы не пошли за Выговскимъ въ походъ и гетманъ велѣлъ объявить имъ, что если не пойдутъ, то на возвратномъ пути онъ всѣхъ ихъ перебьетъ и городъ сожжетъ; козаки испугались и выступили въ походъ. Малороссія дѣлилась уже Днѣпромъ: по лѣвую сторону жители всѣхъ городовъ желали, чтобъ были у нихъ воеводы государевы, а на правой сторонѣ козаки говорили: «Пушкарь хочетъ, чтобъ быть государевымъ воеводамъ, но у насъ этого никогда не будетъ».

Испуганные ордою, Барабашъ и Пушкарь написали Выговскому 14 Мая: «Добраго здоровья и всякихъ радостныхъ потѣхъ милости твоей отъ Господа Бога желаемъ. Вѣдомо учинилось намъ, что ты, поднявъ орду, хочешь огнемъ и мечемъ искоренять города украинскіе. Богъ свидѣтель, что мы стоимъ въ полѣ, послышавъ приходъ иноземныхъ людей, оберегая свое здоровье. Теперь отъ его царскаго величества пріѣхалъ къ намъ стольникъ Алфимовъ для успокоенія, чтобъ между народомъ христіанскимъ кровопролитія не было, чтобъ мы между собою мирно жили и у тебя въ послушаніи были. Мы противъ царскаго повелѣнія что̀ противъ Божія не можемъ стоять, полагаемся на государеву волю и просимъ твою милость, прости намъ наше неисправленіе предъ тобою, а впередъ, по царскому повелѣнію, мы у тебя всегда въ послушаніи будемъ, какъ и другіе полковники, только будь ми-

лостивъ и отошли орду назадъ въ Крымъ, а царскихъ и заднѣпровскихъ городовъ ей не отдавай и въ плѣнъ христіанъ не вели брать».

Но Выговскій не обратилъ вниманія на это письмо, 17 Мая выступилъ изъ-подъ Голтвы и остановился въ десяти верстахъ отъ Полтавы, гдѣ Пушкарь и Барабашъ заперлись, выжегши посады. Новый посолъ царскій, Василій Петровичъ Кикинъ, хлопоталъ о примиреніи; по его письмамъ и словеснымъ увѣщаніямъ Пушкарь договорился было съ Выговскимъ помириться за присягою, что гетманъ не будетъ мстить ни ему и никому изъ его товарищей; Выговскій далъ требуемую присягу передъ Кикинымъ, и Пушкарь сбирался ѣхать вмѣстѣ съ послѣднимъ въ обозъ гетманскій, но Полтавскіе козаки и Запорожцы, пришедшіе съ Барабашемъ, не выпустили его изъ города и запретили мириться съ Выговскимъ. Узнавъ объ этомъ, гетманъ хотѣлъ немедленно двинуться подъ Полтаву; Кикинъ удержалъ его, но не могъ удержать Пушкаря, который, въ ночь на первое Іюня, вмѣстѣ съ Барабашемъ и Довгалемъ, напалъ на гетманскій обозъ, выбилъ изъ него Выговскаго и все его войско, захватилъ армату, скарбы гетманскіе и пожитки козацкіе; Кикинъ едва спасся отъ смерти; но когда разсвѣло, Выговскій оправился, ударилъ на враговъ и вытѣснилъ ихъ изъ обоза, причемъ Пушкарь былъ убитъ, а Барабашъ съ немногими людьми ушелъ въ Полтаву; говорили, что побѣжденные потеряли на этомъ бою около 8000 человѣкъ, побѣдители съ 1000. На другой день къ Выговскому явились изъ Полтавы игуменъ, священники, козаки и мѣщане съ повинною; гетманъ поклялся, что не будетъ имъ мстить, но какъ скоро ворота городскіе отворились, то козаки его и Татары ворвались въ Полтаву, стали жечь, грабить, не пощадили и монастыря, а Татары начали забирать въ плѣнъ жителей. «Гдѣ жь твоя клятва?» говорилъ Кикинъ Выговскому, и тотъ самъ ѣздилъ въ Полтаву выбивать козаковъ и Татаръ, посылалъ и къ начальнику Татарскаго отряда съ просьбою освободить плѣнныхъ Полтавцевъ.

Съ торжествомъ возвращался гетманъ въ Чигиринъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его козакъ съ листомъ отъ Бѣлоцерковскаго полковника; сидя на лошади, Выговскій распечаталъ письмо и нахмурился, прочитавъ недобрыя вѣсти: полковникъ увѣдомлялъ, что Кіевскій воевода Андрей Васильевичъ Бутурлинъ далъ ему знать о прибытіи въ Кіевъ царскаго воеводы, назначеннаго въ Бѣлую Церковь. «Воеводы пріѣхали опять бунты заводить» говорилъ гетманъ въ сердцѣ Скуратову: «пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись!» Скуратовъ возразилъ: «Не дѣломъ ты, гетманъ, сердишься: самъ ты великому государю писалъ, чтобъ быть въ Черкасскихъ городахъ воеводамъ».—«Что я къ великому государю пишу» отвѣчалъ Выговскій: «надъ тѣмъ въ Москвѣ смѣются; никогда я не писалъ о томъ, чтобъ въ Бѣлой Церкви воеводѣ быть; какъ воевода пріѣхалъ, такъ и поѣдетъ, ничего я ему давать не велю. Государевы воеводы должны пріѣзжать ко мнѣ и уже отъ меня въ города ѣхать, а то я ничего не вѣдаю, а они по городамъ ѣдутъ. Въ Кіевѣ государевы люди по сю пору съ Черкасами безпрестанно кіями бьются. Теперь я съ самовольниками самъ управился, государевы воеводы и ратные люди мнѣ больше ненадобны, они только бунты начнутъ. Который злодѣй у насъ что сдѣлаетъ и уйдетъ въ государевы украйные города, то воеводы его намъ не выдаютъ: такъ и я тѣхъ воровъ, которые прибѣгутъ ко мнѣ изъ государевыхъ городовъ, отдавать не хочу. Съ Пушкаремъ на бою государевы люди были: мои Нѣмцы у нихъ и барабанъ взяли. Государь меня тѣшилъ грамотами, и по сю пору нарочно мѣшкалъ. У короля Польскаго намъ было хорошо: придутъ къ нему, скажутъ о чемъ надобно, и указъ тотчасъ. Вамъ надобенъ такой гетманъ, чтобъ взявши за хохолъ водить». Скуратовъ отвѣчалъ: «Я съ тобою вмѣстѣ на бою былъ, государевыхъ людей съ Пушкаремъ никого не видалъ и ты мнѣ ихъ тогда ни одного не показалъ; а что взятъ барабанъ, и то не барабанъ, а бубенъ, да еслибы и настоящій барабанъ былъ, такъ что жь изъ этого? Черкасы въ

Москву и въ украйные города пріѣзжаютъ и покупаютъ что имъ надобно. Ты говоришь, что хорошо вамъ было при короляхъ Польскихъ: плакать вамъ надобно, вспомнивши объ этомъ времени, когда благочестивые христіане отъ злаго гоненія прилагались къ Латинской вѣрѣ, а теперь благочестивая вѣра множится, и милостію государевою отъ всѣхъ непріятелей вы защищены: такъ тебѣ бы такихъ высокихъ словъ не говорить. О какихъ дѣлахъ пишешь ты къ великому государю, отвѣтъ дается немедленно, а что твои посланцы къ тебѣ пріѣзжаютъ поздно, такъ они мѣшкаютъ за своими забавами да и оправдываются тѣмъ, что ихъ въ Москвѣ задерживаютъ. Надобно тебѣ самому къ великому государю ѣхать челомъ ударить: тогда самъ государскую милость увидишь. Говоришь, что о государевыхъ воеводахъ ничего ты не зналъ: но со мною прислана къ тебѣ царская грамота, велѣно отписать въ города, чтобъ воеводъ приняли честно, что воеводы изъ Москвы отпущены; ты у меня эту грамоту принялъ, прочелъ и ничего тогда не сказалъ, а теперь, когда воеводы пріѣхали, ты говоришь, что они ненадобны. Говоришь, что намъ надобенъ гетманъ по нашей волѣ: но ты гетманъ въ войскѣ Запорожскомъ великому государю многихъ вѣрнѣе». Выговскій утихъ и отвѣчалъ: «Я великому государю и теперь служу вѣрно, а отъ воеводъ бунты начнутся; государевы ратные люди мнѣ были надобны въ то время, чтобъ въ войскѣ было славно, а мнѣ была честь». Въ это время ѣхавшій за гетманомъ Чигиринецъ Иванъ Богунъ сталъ кричать: «Намъ воеводы ненадобны; женъ да дѣтей нашихъ переписывать пріѣхали». Обратившись къ Скуратову, Богунъ закричалъ: «Ты къ намъ воеводою въ Чигиринъ ѣдешь, нездоровъ отъ насъ выйдешь!» — «Уйми его» сказалъ Скуратовъ гетману; тотъ велѣлъ крикуну замолчать и прибавилъ: «не теперешняя эта рѣчь». Однако ту же самую рѣчь на письмѣ отправилъ Выговскій въ Москву съ Опухтинымъ: «Всѣ бунты усмирены, потому войско, присланное съ княземъ Ромодановскимъ, болѣе ненужно, и орда отпущена». Тутъ же

гетманъ отправилъ къ царю жалобу на боярина Шереметева: «Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, пріѣхавши въ Кіевъ, съ нами не посовѣтовавшись и не повидавшись, многія новыя дѣла начинаетъ, казны невѣдомо какой спрашиваетъ и воеводъ, безъ совѣта съ нами, по городамъ посылаетъ, на что есть ли указъ вашего царскаго величества — не знаемъ. Челомъ бьемъ, чтобъ ваше царское величество приказалъ ему отъ этого воздержаться; онъ и въ Бѣлой Россіи, дѣлая то же съ христіанами, козаковъ вашему царскому величеству въ остуду учинилъ, самъ будучи виноватъ».

Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана насчетъ воеводъ, и 26 Іюля отправился отсюда въ Малороссію подъячій Яковъ Портомоинъ съ такою грамотою: «Писали къ намъ изъ Литовскихъ городовъ наши воеводы, что Польскій король Янъ Казимиръ послалъ въ Малую Россію прелестные листы, будто бояринъ Шереметевъ и окольничій князь Ромодановскій посланы на тебя, гетмана, и на все войско Запорожское. Зная твою вѣрную къ намъ службу, мы не думаемъ, чтобъ ты этимъ письмамъ повѣрилъ: знатные люди отправлены на своевольниковъ, по твоему челобитью, а не для войны съ вами, единовѣрными православными христіанами. Такъ ты объяви начальнымъ и всякимъ людямъ, чтобъ они Польскими листами не прельщались и сомнѣнья никакого не имѣли, жили бы подъ нашею высокою рукою въ совѣтѣ и любви». 9 Августа Портомоинъ пріѣхалъ въ Чигиринъ и подалъ гетману царскую грамоту. Выговскій отвѣчалъ: «Ратные люди Ромодановскаго людей побиваютъ и всякое разоренье чинятъ; притомъ князь Ромодановскій своевольниковъ Барабаша да Лукаша и другихъ многихъ Черкасъ къ себѣ въ полкъ принялъ. И я, не дожидаясь того, чтобъ на меня государевы ратные люди пришли войною, иду за Днѣпръ самъ съ войскомъ Запорожскимъ и Татарами отыскивать этихъ своевольниковъ, и если государевы ратные люди станутъ ихъ защищать или будутъ какой задоръ въ Черкасскихъ городахъ дѣлать, то я молчать не буду, а къ Кіеву пошлю брата сво-

его Данила съ войскомъ и съ Татарами, чтобъ боярина и воеводу выслать вонъ, городъ, который по указу царскаго величества въ Кіевѣ сдѣланъ, разорить и разметать, а если воевода не выйдетъ, то его въ Кіевѣ осадить». Портомоинъ былъ задержанъ подъ стражею и 11 Августа Выговскій выступилъ изъ Чигирина, но еще не для того, чтобъ воевать съ государевыми ратными людьми: ему нужно было сперва покончить другое дѣло...

Еще въ концѣ Марта Виленскій воевода князь Шаховской писалъ къ государю о вѣстяхъ изъ Варшавы: «Надежду Польскій король имѣетъ большую на козаковъ и на Татаръ да на Прусскаго; если козаки не будутъ при королѣ, то король поневолѣ будетъ мириться съ тобою, великимъ государемъ, а если козаки съ королемъ соединятся, то мира у короля съ тобою не будетъ: большая надежда у короля на козаковъ да на Татаръ». Но это была еще только надежда: Бѣнѣвскій, хлопотавшій еще при Хмельницкомъ о возвращеніи Малороссіи подъ власть королевскую, хлопоталъ о томъ же и при Выговскомъ, но въ договорахъ послѣдняго съ нимъ пока еще не было никакихъ статей, вредныхъ для Москвы: Выговскій, въ сношеніяхъ своихъ съ Бѣнѣвскимъ, съ королемъ и вельможами Польскими, хлопоталъ только объ одномъ: чтобъ сохраненъ былъ миръ, чтобъ Польскія войска не вступали въ Украйну и дали бы ему, гетману, время управиться со внутреннимъ врагомъ—Пушкаремъ, котораго поддерживало Запорожье и который нашелъ бы большую поддержку въ Москвѣ и во всей черни, еслибъ Выговскій объявилъ себя за Польшу. Но когда Пушкаря не было болѣе, когда враги были поражены безсиліемъ и ужасомъ, когда ханскій союзъ былъ обезпеченъ, а съ Москвою нельза было болѣе хитрить, потому что походъ Полтавскій былъ самымъ дерзкимъ неповиновеніемъ волѣ государя, когда, съ другой стороны, явились въ Малороссіи воеводы—тогда время открытаго дѣйствія наступило, по мнѣнію Выговскаго, и 7 Іюня Бѣнѣвскій извѣстилъ короля, что повѣренный Выгов-

скаго, Львовскій мѣщанинъ, Грекъ Θеодосій Томковичъ, ѣдетъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ вѣрноподданства, и что тотъ же Θеодосій отправляется и къ королю Шведскому съ предложеніемъ заключить миръ съ Польшею и съ угрозою, что въ противномъ случаѣ войско Запорожское будетъ стоять за Польшу.

Въ послѣднихъ числахъ Августа съѣхался Выговскій съ Бѣнѣвскимъ въ Гадячѣ, и 6 Сентября постановлены были здѣсь слѣдующія условія, на которыхъ Запорожское войско опять поддавалось Польшѣ: 1) Вѣра древняя Греческая уравнивается въ правахъ своихъ съ Римскою вездѣ, какъ въ коронѣ Польской, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 2) Митрополитъ Кіевскій и пять архіереевъ Русскихъ—Луцкій, Львовскій, Перемышльскій и Мстиславскій — будутъ засѣдать въ сенатѣ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣютъ прелаты католическіе; мѣсто Кіевскаго митрополита будетъ послѣ Львовскаго Римскаго архіепископа, остальные же владыки будутъ сидѣть послѣ католическихъ бискуповъ повѣтовъ своихъ. 3) Войска Запорожскаго будетъ 60,000. 4) Гетману великаго княженія Русскаго Украинскаго вѣчно быть первымъ Кіевскимъ воеводою и генераломъ. 5) Сенаторовъ въ коронѣ Польской выбирать не только изъ Поляковъ, но и изъ Русскихъ. 6) Дозволяется устроить въ Кіевѣ академію, которая пользуется тѣми же правами, какъ и академія Кіевская, со тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ ней никакихъ расколовъ, Аріанскихъ, Кальвинскихъ, Лютеранскихъ учителей и учениковъ не было, и дабы между студентами и прочими учащимися никакихъ поводовъ къ ссорамъ не было; всѣ другія школы, какія прежде въ Кіевѣ были, король велитъ перевести въ другія мѣста. 7) Король и чины позволяютъ учредить и другую академію на правахъ Кіевской, гдѣ найдется для нея приличное мѣсто. 8) Коллегіи, училища и типографіи, сколько ихъ понадобится, вольно будетъ устроивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякія и религіозно-полемическія, только безъ укоризны и

безъ нарушенія маестату королевскаго. 9) Случившееся при Хмельницкомъ предается вѣчному забвенію. 10) Податей никакихъ правительство Польское получать не будетъ; обозы коронные не принимаются; обѣ Украйны находятся только подъ гетманскимъ управленіемъ. 11) Король будетъ нобилитовать козаковъ, которыхъ представитъ ему гетманъ. 12) Коронныимъ войскамъ въ Украйнѣ не быть, кромѣ необходимости, но въ такомъ случаѣ они находятся подъ командою гетмана, козакамъ же вольно стоять по всѣмъ волостямъ королевскимъ, духовнымъ и сенаторскимъ. 13) Гетманъ имѣетъ право чеканить монету и платить ею жалованье войску. 14) Во всякихъ нужныхъ дѣлахъ короны Польской призываются на совѣтъ козаки; правительство должно стараться, какъ бы отворить Днѣпромъ путь къ Черному морю. 15) Въ войнѣ короля съ Москвою козаки могутъ держать нейтралитетъ, но въ случаѣ нападенія Московскихъ войскъ на Украйну король обязанъ защищать ее. 16) Тѣмъ, которые держали сторону козаковъ противъ Польши, возвращаются отобранныя имѣнія и опять они вписываются въ урядъ. 17) Гетману не искать другихъ иностранныхъ протекцій кромѣ Польской; онъ можетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ Крымскимъ, но не долженъ признавать надъ собою власти государя Московскаго, и козаки всѣ должны возвратиться въ свои жилища. 18) Король и республика дозволяютъ Русскому гетману суды свои и трибуналъ устроить и отправлять тамъ, гдѣ захочетъ. 19) Чигиринскій повѣтъ остается при гетманской булавѣ попрежнему. 20) Въ воеводствѣ Кіевскомъ всѣ уряды и чины сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ Греческой вѣры, а въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ поперемѣнно съ католиками. 21) Въ Русскихъ воеводствахъ учреждаются печатари, маршалки и подскарбіи, и уряды эти будутъ раздаваться только Русскимъ. 22) Титулъ гетмана будетъ: гетманъ Русскій и первый воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сенаторъ.

Выговскій получилъ все, чего только могъ желать; привер-

женцы его, съ которыми онъ устроилъ Польскій союзъ, были также награждены: уроженые, т. е. бывшіе прежде шляхтичами, получили земли, не шляхтичи нобилитованы; Нѣжинскій полковникъ, Василій Золотаренко, рыцарь войска Запорожскаго, принятый за рыцарскія дѣла въ клейнотъ шляхетства Польскаго, изъ Золотаренка сдѣлался Злотаревскимъ.

Поддавшись королю, Выговскій хотѣлъ еще продолжать обманывать царя, чтобъ не имѣть на плечахъ Московскихъ воеводъ, пока не пришли въ Украйну войска Польскія и ханъ Крымскій. Въ Августѣ онъ клялся въ вѣрности своей къ великому государю передъ посланникомъ его, дьякомъ Василіемъ Михайловымъ, и въ то же время войска его уже дѣйствовали противъ Кіева: 16 Августа прибѣжали сюда изъ лѣсовъ работники, которые были посланы за лѣсомъ на острожное и валовое дѣло, солдаты, драгуны и люди боярскіе, битые, стрѣляные и пограбленные, и объявили: «Били насъ и грабили Черкасы, а стрѣляли изъ луковъ Татары, идутъ подъ Кіевъ многіе люди!» Воевода Шереметевъ вышелъ самъ съ воинскими людьми изъ города и разослалъ подъѣзды: подъѣзжане встрѣтили полковниковъ: Бѣлоцерковскаго Ивана Кравченка, Брацлавскаго Ивана Сербина, Подольскаго Астаѳья Гоголя: какъ увидали Черкасы, что воеводы на-готовѣ, то подъ Кіевъ не пошли, стали въ двухъ верстахъ отъ города за рѣчкою Лыбедью. Шереметевъ послалъ спросить полковниковъ: зачѣмъ они пришли подъ Кіевъ безвѣстно со многими людьми? для чего съ ними Татары? и для чего ихъ люди государевыхъ ратныхъ людей били и грабили, а иныхъ до смерти побили? Полковники отвѣчали: «Пришли мы по приказу гетмана Ивана Выговскаго, Татаръ съ нами нѣтъ, будетъ къ намъ подъ Кіевъ Данила Выговскій, и Татары придутъ съ нимъ; подъ Кіевъ мы пришли и Данила придетъ для договора о всякихъ дѣлахъ». Послѣ этого пришли еще два полковника — Паволоцкій Богунъ да Саблинскій съ пѣхотою, а 23 Августа явился и Данила Выговскій съ Татарами и Чер-

касами, въ числѣ болѣе 20,000; Черкасы отогнали стада у Комарицкихъ драгунъ и начали гонять сторожевыя сотни; въ то же время Данила Выговскій завелъ сношенія съ Кіевскимъ полковникомъ Павломъ Яненкомъ, велѣлъ на посадѣ на торгу побивать государевыхъ людей, которые ходили изъ города для хлѣбной покупки, и посадъ зажечь. Шереметевъ выслалъ противъ Выговскаго своихъ товарищей, а самъ остался оберегать крѣпость; но въ то время, какъ младшіе воеводы бились съ Выговскимъ, Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко съ своимъ полкомъ приступилъ къ городу отъ посада съ Киселева городка. Шереметевъ выслалъ на вылазку стрѣлецкаго голову Ивана Зубова съ стрѣльцами и солдатами: Зубовъ поразилъ Черкасъ, выбилъ ихъ изъ Киселева городка, взялъ знамя, а младшіе воеводы въ то же время отбили отъ валу, отъ Золотыхъ воротъ Выговскаго, который, соединясь со всѣми другими полковниками, сталъ обозомъ подъ Печерскимъ монастыремъ, а Татаръ поставилъ подлѣ обоза. На 24 число въ ночь у землянаго вала противъ Печерскихъ воротъ начали было Черкасы копать шанцы въ двухъ мѣстахъ, но на разсвѣтѣ вышли изъ города младшіе воеводы съ полковникомъ фонъ-Стаденомъ, который предводительствовалъ пѣхотою, ударили на Черкасъ въ шанцахъ и нанесли имъ рѣшительное пораженіе: весь обозъ, пушки, знамена, бунчукъ и печать войсковая достались побѣдителямъ; много Черкасъ потонуло въ Днѣпрѣ, Данило Выговскій ушелъ въ лодкѣ самъ другъ, какъ говорили, раненый. Во время этого боя Яненко изъ своего обоза съ Щековицы приступилъ къ земляному новому валу со всѣмъ своимъ полкомъ, но былъ сдержанъ отрядомъ пѣхоты подъ начальствомъ Сафонова, къ которому съ большаго боя поспѣшилъ на помощь воевода князь Юрій Борятинскій съ рейтарами: Яненко былъ разбитъ и потерялъ обозъ свой на Щековицѣ, которымъ овладѣли стрѣльцы; много Черкасъ Яненковыхъ перетонуло въ Почайнѣ. Со всѣхъ этихъ боевъ Москвѣ досталось 12 пушекъ, 48 знаменъ, три бочки пороху. Плѣнные козаки сказывали воево-

дамъ, что они приходили подъ Кіевъ по большой неволѣ, старшины высылали ихъ побоями, клялись, что будутъ служить вѣрно государю. Что жь касается мѣщанъ Кіевскихъ, то задолго еще до прихода Выговскаго они являлись къ воеводамъ и говорили, что козаки заставляютъ ихъ дѣлать на Щековицѣ земляной валъ, но что они козакамъ отказали и валу не дѣлали; при этомъ мѣщане просили, въ случаѣ прихода воинскихъ людей, позволить имъ перевезтись въ городъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ. Воеводы позволили, и потомъ сами нѣсколько разъ напоминали имъ, чтобъ перебрались въ городъ; но когда пришелъ Выговскій, то мѣщане стали возиться на Днѣпръ въ суда; воеводы послали сказать имъ: для чего они возятся въ суда, а не въ городъ? Мѣщане отвѣчали: «Возимся по приказу гетмана Ивана Выговскаго, боимся: если Черкасы городъ возьмутъ, то мы пропадемъ». У нихъ было семь пушекъ, данныхъ имъ княземъ Куракинымъ; теперь, когда подошелъ непріятель, воеводы требовали эти пушки въ городъ; мѣщане отвѣчали, что они отослали ихъ для починки; но когда взятъ былъ обозъ Яненка, то эти Московскія пушки очутились здѣсь.

Въ Сентябрѣ царь разсылалъ уже грамоты объ измѣнѣ гетмана съ обстоятельнымъ изложеніемъ всего дѣла, а Выговскій все еще продолжалъ притворяться: 8 Октября онъ писалъ государю, что и не помышляетъ на Московскіе города наступать и присягу ломать: «Бога ради усмотри ваше царское величество, чтобъ непріятели вѣры православной не тѣшились и силъ не воспріяли, пошли указъ свой къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, чтобъ онъ больше разоренья не чинилъ и крови не проливалъ». Вслѣдъ за этою другая грамота въ такомъ же родѣ: «Изволь ваше царское величество обратить на насъ прежнее милостивое лице, видя, что мы и нынѣ неотмѣнными вашего царскаго величества подданными остаемся». Дѣла шли не такъ, какъ бы хотѣлось Русскому гетману и сенатору: на восточной сторонѣ Днѣпра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины

были за Выговскаго, и потому царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, могли держаться, опираясь на вѣрныхъ козаковъ. Въ послѣднихъ числахъ Ноября, при Варвѣ, вѣрные Москвѣ козаки выбрали себѣ на время въ гетманы Ивана Безпалаго, «чтобъ дѣла войсковыя не гуляли». Между-тѣмъ военныя дѣйствія начались съ обѣихъ сторонъ; города и села запылали, несчастные жители начали испытывать на себѣ всѣ военные ужасы, сами не зная за что. Поляки не приходили на помощь, и, чтобы остановить присылку новыхъ воеводъ Московскихъ, Выговскій отправилъ къ царю Бѣлоцерковскаго полковника Кравченка съ повинною; на письмо князя Ромодановскаго, чтобъ распустилъ войско и не приходилъ на царскіе города, Выговскій отвѣчалъ (14 Декабря изъ табора подъ Ржищевымъ): «На царскіе города приходить я не мыслю, а только своевольниковъ своихъ укромляю и укромлять буду, равно какъ и *союзниковъ* ихъ. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтобъ у своихъ холопей въ неволѣ быть, чтобъ они насъ за шею водили, но въ надеждѣ на вольность больше прежней; а теперь ты, соединившись съ своевольниками, многую и великую въ Малороссіи ссору учинилъ». 13 Декабря Безпалый писалъ государю, что враги наступаютъ со всѣхъ сторонъ, а царскіе воеводы помощи имъ, вѣрнымъ Малороссіянамъ, не даютъ. Царь отвѣчалъ, что, вслѣдствіе пріѣзда Кравченка съ повинною, онъ назначилъ раду въ Переяславлѣ къ 1 Февраля, а между-тѣмъ пусть онъ, Безпалый, соединившись съ княземъ Ромодановскимъ, промышляетъ надъ непріятелемъ. Непріятель не заставилъ себя ждать: 16 Декабря наказной гетманъ Выговскаго, Скоробогатенко, подступилъ подъ Ромны, гдѣ находился Безпалый, но былъ отогнанъ послѣднимъ, который послѣ этого дѣла писалъ царю: «Если ваша пресвѣтлая царская милость съ престола своего не подвигнитесь въ свою отчину, то между нами, войскомъ Запорожскимъ, и всѣмъ народомъ христіанскимъ покою не будетъ; Выговскій Кравченка на обманъ послалъ и ему бы ни въ чемъ не вѣрить». 20 Декабря Татары и вѣр-

ные Выговскому козацкіе полки — Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій и Корсунскій, подъ начальствомъ Переяславскаго полковника Цыцуры, наказнаго гетмана Скоробогатенка и Поляка Груши, дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты. Между-тѣмъ Шереметевъ изъ Кіева писалъ государю, что Выговскій хотѣлъ пріѣхать къ нему въ Кіевъ для переговоровъ, но что онъ, воевода, безъ царскаго указа не смѣлъ пустить его въ городъ и съ малыми людьми. Шереметевъ прибавлялъ, что междоусобіе въ Малороссіи можетъ прекратиться только вслѣдствіе этихъ личныхъ переговоровъ. Царь отвѣчалъ ему (21 Декабря): «Промышляй всякими людьми, чтобъ тебѣ съ гетманомъ въ Кіевѣ видѣться и переговорить, какими бы мѣрами междоусобіе успокоить». Но и въ Кіевѣ и въ Москвѣ напрасно надѣялись на это успокоеніе: Выговскій, получивъ Татарскую помощь, не думалъ болѣе о мирныхъ переговорахъ; у него было всегда въ запасѣ одно оправданіе, что бьется не противъ царскихъ войскъ, а противъ своихъ ослушниковъ, Безпалаго съ товарищами [6].

Какъ тяжело отозвалась въ Москвѣ вѣсть о смутѣ Малороссійской, объ измѣнѣ Выговскаго, такъ радостно была принята она въ Польшѣ, ибо это была для нея вѣсть о воскресеніи. Мы видѣли, что Польскіе коммиссары въ Вильнѣ обязались предложить на сеймѣ объ избраніи Алексѣя Михайловича въ преемники Яну Казимиру. Предложеніе было дѣйствительно сдѣлано, но епископы тутъ же протестовали, что они согласятся на избраніе царя не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ католицизмъ, и Янъ Казимиръ велѣлъ обнародовать этотъ протестъ по всему королевству [7]. Находили двадцать-одну причину, почему ни царь Московскій, ни сынъ его не могли быть избраны въ короли Польскіе, и всѣ эти причины сходились преимущественно къ одному, что домъ Австрійскій никакъ не выпуститъ изъ рукъ своихъ Польской короны: войны козацкія, въ соединеніи съ Московскою и Шведскою, втолкнули Поляковъ по неволѣ въ объятія Австрійскаго дома; король, по совѣту сенаторовъ, еще

въ Сентябрѣ 1655 года предложилъ императору быть его наслѣдникомъ и обѣщалъ согласіе всей республики, если только императоръ поможетъ ей въ настоящей бѣдѣ; императоръ предложилъ свое посредничество для примиренія съ Москвою и Швеціею, чтобъ тѣмъ легче, въ качествѣ посредника, достигнуть своей цѣли; Австрійцы внушили Полякамъ, чтобъ прельстили Московскаго царя надеждою Польской короны, чтобъ въ этой надеждѣ онъ объявилъ войну Швеціи, и какъ только царь вступилъ съ войскомъ въ Ливонію, король и сенаторы, отъ имени республики, чрезъ торжественное посольство, поднесли императору корону Польскую; тотъ публично отказался, но частнымъ образомъ принялъ корону для сына своего Карла Іосифа; король Польскій въ 1657 году объявилъ королю Шведскому, что отказывается отъ титула Шведскаго и уступаетъ Швеціи всю Ливонію; Польшѣ легче помириться съ Швеціею и поднять ее противъ Москвы, потому что король Шведскій не стремится быть королемъ Польскимъ; между Австріею и Польшею идутъ совѣщанія, какъ вести дѣло съ царемъ, чтобъ заставить его продолжать войну съ Швеціею, пока Польша съ нею не уладится; Литовцы, по сосѣдству съ Москвою, изъ страха, льстятъ царю, но Поляки никакъ его не хотятъ; они думаютъ, что самое лучшее средство успокоить Австрійцевъ состоитъ въ томъ, чтобъ папа поручился императору за вѣрность Польскаго наслѣдства для его дома подъ страхомъ отлученія въ противномъ случаѣ, объявилъ, что сеймовое постановленіе о царѣ Московскомъ нисколько не предосудительно праву Австрійскому; если Австрія будетъ довольна этимъ тайнымъ соглашеніемъ и ручательствомъ папы, то Поляки думаютъ, что имъ можно будетъ вести переговоры съ царемъ насчетъ короны и постановленіе, сдѣланное въ случаѣ необходимости, уничтожить властію первосвященника Римскаго; Австрійцы уже давно поджигаютъ Порту и Татаръ противъ Москвы, чтобъ такимъ образомъ сдержать царя, а себѣ проложить дорогу къ Польской коронѣ [8].

Но въ Москвѣ не знали всѣхъ этихъ причинъ, и царь продолжалъ хлопотать о Польскомъ престолѣ, или, по крайней мѣрѣ, о соединеніе Литвы съ Москвою. Въ началѣ 1657 года онъ отправилъ въ Литву любимца своего Матвѣева слѣдить за тамошними дѣлами. Матвѣеву было наказано, въ случаѣ, если произойдетъ разрывъ между Польшею и Литвою, хлопотать, чтобъ Литовскія войска перешли подъ высокую руку великаго государя и присягнули ему. Матвѣевъ писалъ, что Литовскаго войска при гетманѣ Гонсѣвскомъ не много, оно твердо стоитъ на томъ, чтобъ по смерти Яна Казимира быть королемъ царю, и ждетъ сейма, но коронное войско рознится: иные хотятъ къ цесарю, другіе къ Рагоци, третьи не хотятъ съ княжествомъ Литовскимъ разлучиться; писалъ, что сейма нечего скоро ждать по причинѣ войны у Поляковъ со Шведами. Государь приказывалъ ему разыскать, черезъ какихъ пановъ всего скорѣе можно добиться до благопріятнаго ему рѣшенія на сеймѣ. Матвѣевъ отвѣчалъ, что всего скорѣе можно получить желаемое чрезъ надворнаго маршалка Любомирскаго и Познанскаго воеводу Лещинскаго: роды ихъ многолюдные и начальныхъ людей роду ихъ много; только они государству государя своего впередъ не прочатъ, нѣтъ того, чтобъ поболѣть о государствѣ, а просятъ прежде всего чести и подарковъ большихъ—Рагоци сулилъ имъ по сту тысячъ червонныхъ; гетманъ Гонсѣвскій потребовалъ точно такой же суммы у царя. «Сперва присягни съ начальными людьми и со всѣмъ войскомъ» отвѣчалъ ему Матвѣевъ: «тогда государь васъ и пожалуетъ отъ своей казны; самъ помысли: если ты такія большія деньги возьмешь и присягу дашь одинъ, то всякій человѣкъ смертенъ, а теперь время неспокойное отъ непріятелей; ты безпрестанно въ службахъ, убьютъ тебя или въ плѣнъ возьмутъ—кто тогда эти деньги заслужитъ великому государю?» — «Я готовъ присягнуть великому государю» говорилъ Гонсѣвскій: «готовъ присягнуть, что буду стараться о провозглашеніи его наслѣдникомъ короля Яна Казимира; а теперь начать государю служить никакъ

нельзя, чтобъ не испортить дѣла, постановленнаго на съѣздѣ. Если же государь дастъ мнѣ деньги, то я стану призывать начальныхъ людей и войско тайно и присягу дамъ за всѣхъ». Потомъ Гонсѣвскій говорилъ о необходимости соединенія церквей. Матвѣевъ отвѣчалъ, что когда государь будетъ королемъ, то созоветъ духовенство Греческое и Римское и другихъ многихъ вѣръ, и *если* духовныя особы на то склонятся волею, а не нуждою, чтобъ быть съѣзду, и *если* тогда великій государь изволитъ сослаться съ цесаремъ и съ папою, то пошлетъ; но чтобъ не было никакого сомнѣнія насчетъ вѣры и церквей, то великій государь уже велѣлъ послать свои грамоты во всѣ покорившіеся ему Литовскіе города, что права ихъ, религія и вольности ни въ чемъ нарушены не будутъ. «Хорошо такъ» сказалъ на это Гонсѣвскій: «но вотъ въ чемъ дѣло: какъ былъ на коронѣ Польской король Сигизмундъ III, вѣрою католикъ, то было у него 172 сенатора, все разныхъ вѣръ, только двое было католиковъ, и въ сорокъ лѣтъ всѣ стали католиками, не нуждою, а вотъ чѣмъ: никому не давалъ онъ ни воеводства, ни каштелянства до тѣхъ поръ, пока не приступятъ къ католической вѣрѣ». Гонсѣвскій говорилъ также, чтобъ всѣ правительственныя мѣста въ Литвѣ постоянно оставались за Литовцами, а не были раздаваемы Москвичамъ. Матвѣевъ отвѣчалъ: «Великій государь обычной воли въ неволю не приводитъ; Литовская шляхта служитъ ему въ розныхъ строяхъ, и надъ нею начальные люди ихъ же братья шляхта, а не Московскіе урядники».

Въ Февралѣ отправился изъ Москвы къ королю стряпчій Іевлевъ, и 22 Апрѣля нашелъ короля въ городкѣ Данковѣ. Въ отвѣтѣ паны начали упрекомъ: «Было уговорено, что царскому величеству на общаго непріятеля Шведскаго короля войною ходить и людей своихъ посылать; а теперь противъ Шведовъ Русскихъ людей никого нѣтъ; Шведъ съ Рагоци и козаками Хмельницкаго Польскую землю плѣнятъ; королевскому величеству становится тѣсно, ожидаетъ войска цесарскаго, а если цесарь не умилосердится, войска не пришлетъ,

то мы будемъ въ великомъ разореньи». Іевлевъ отвѣчалъ: «По договору царское величество ждалъ долго отъ короля гонца, и по сіе время вѣдома никакого не было: такъ царское величество и поусумнился. А на Шведскихъ и Лифляндскихъ рубежахъ у царскаго величества стояли многія рати всю зиму, а теперь царское величество пойдетъ самъ па Шведскаго короля. На съѣздѣ въ Вильнѣ договорились и записями укрѣпились, что великаго государя выбирать на королевство, для чего сложить сеймъ въ Декабрѣ или Генварѣ мѣсяцѣ, а передъ сеймомъ дать знать великому государю черезъ гонца: царское величество ждалъ долгое время, полномочные послы на сеймъ уже были назначены, и замедленіе это царскому величеству учинилось въ великое подивленье». Паны извинялись, что сейма нельзя было созвать такъ скоро за военными дѣлами, и объявили, что сеймъ будетъ созванъ въ Брестѣ 28 Мая. Іевлевъ замѣтилъ, что и въ Маѣ сеймъ не состоится, потому что остается одинъ мѣсяцъ, а король до сихъ поръ находится въ дальнихъ мѣстахъ на границѣ цесарской. Паны отвѣчали: «Король видѣлъ и самъ, что сейму на тотъ срокъ не бывать: что же дѣлать? Со всѣхъ сторонъ непріятели, ты самъ видѣлъ, самъ насилу проѣхалъ. Царское величество сомнѣвается, а у короля иной мысли нѣтъ и не будетъ, и у насъ слова наши и договоръ не перемѣнятся». Іевлевъ продолжалъ: «Писалъ государю гетманъ Хмельницкій, что Поляки задоръ учинили, Малороссійскій городъ Налюзъ истребили, въ Пинскомъ уѣздѣ монастыри попалили». Паны отвѣчали: «Такого города Налюза во всей Малороссіи нѣтъ; а нашихъ Польскихъ людей задоръ по неволѣ: никто не хочетъ быть убитымъ до смерти, а козаки Хмельницкаго сѣкутъ насъ и жгутъ вопреки договору, а умыселъ ихъ явенъ: Хмельницкій присягнулъ Рагоцѣ и войско свое къ нему прислалъ».

Тѣмъ и кончились объясненія. Іевлевъ представлялся и королевѣ, и когда ѣхалъ отъ нея, приставъ говорилъ ему: «Королева старается о дружбѣ царскаго величества съ королемъ

такъ, что и въ умъ не вмѣщается такое радѣнье: какъ былъ сеймикъ въ Ченстоховѣ объ окончаніи добраго дѣла между королевскимъ и царскимъ величествами, и на этомъ сеймикѣ канцлеръ коронный разрывалъ и мѣшалъ, то королева сама къ канцлеру и къ другимъ ѣздила и уговаривала ихъ не мѣшать дѣлу». Король въ особой запискѣ давалъ знать царю, чтобъ онъ не вѣрилъ ни въ чемъ ни Французамъ, ни Англичанамъ; о томъ же давала знать королева царицѣ, и прибавляла, что когда царевичъ Алексѣй придетъ въ возрастъ, то она, королева, будетъ стараться женить его на дочери покойнаго императора Фердинанда III.

И 28 Мая сейма не было; въ Іюлѣ отправленъ былъ къ королю другой посланникъ, стольникъ Алфимовъ, который въ Сентябрѣ нашелъ Яна Казимира въ Варшавѣ. Въ отвѣтѣ паны начали тѣмъ, что Виленскій договоръ нарушенъ со стороны царя, потому что подданный его гетманъ Хмельницкій вмѣстѣ съ Рагоци воюетъ Польскую землю. Алфимовъ отвѣчалъ, что къ Хмельницкому посланъ указъ отозвать свои войска отъ Рагоци, и козаки отозваны; но Хмельницкій бьетъ челомъ великому государю, что съ королевской стороны чинятся явныя неправды, султана и хана на войско Запорожское Поляки подговаривали и обѣщали имъ всѣ Украинскіе города, начиная отъ Каменца Подольскаго. Когда козаки, по царскому приказу, отъ Рагоци отступили, то отступили отъ него и Шведы, и Молдаване, и Волохи; Поляки этимъ воспользовались и, соединясь съ Татарами, Рагоци побили; а еслибъ козаки, по царскому приказу, отъ Рагоци не отступили, то не отступили бы отъ нихъ и Шведы съ Молдаванами и Волохами; этимъ отъ царскаго величества королю и коронѣ Польской сдѣлано вспоможенье не малое. Паны указывали на другое нарушеніе договора: Русскіе не воюютъ больше съ Шведами. Алфимовъ отвѣчалъ: «Шведскіе генералы, которые перва были въ Польшѣ, теперь стоятъ противъ царскаго войска на своихъ границахъ, и еслибы они не были задержаны царскими воеводами, то теперь разоряли бы Польскіе

города: слѣдовательно коронѣ Польской отъ царскаго величества чинится вспоможенье не малое». На замѣчаніе Алфимова, что начатое дѣло по Виленскому договору надобно кончить немедленно, былъ извѣстный отвѣтъ, что до сихъ поръ непріятели мѣшали, но теперь непріятели отступили и открылась возможность созвать сеймъ, о которомъ дано будетъ знать великому государю.

Прошелъ 1657 годъ—сейма все не было. Въ Мартѣ 1658 года явился гонецъ королевскій съ извѣстіемъ, что сеймъ назначенъ на 27 Іюня. Въ Маѣ мѣсяцѣ изъ Москвы отправились въ Вильну великіе и полномочные послы—бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ для новаго съѣзда съ Польскими коммиссарами. Но прежде всего они должны были выслушивать жалобы отъ жителей Литовскихъ городовъ и уѣздовъ, занятыхъ Русскими войсками. Минская шляхта просила ихъ оборонить отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ, охранить отъ своевольныхъ людей. Гродненская шляхта била челомъ на воеводу Апрѣлева, который изъ соборной церкви взялъ образъ Богородицы, потиръ и ризы и не хочетъ отдать, несмотря на просьбу шляхты, что̀ дѣлается вопреки вольностямъ, отъ царя пожалованнымъ. Великіе послы отправили къ Апрѣлеву грамоту, чтобъ немедленно возвратилъ въ церковь образъ, потиръ и ризы и ничѣмъ не нарушалъ вольностей обывательскихъ. Потомъ началась переписка съ Польскими коммиссарами, которыми были назначены бискупъ Виленскій Янъ Завиша и гетманы Павелъ Сапѣга и Гонсѣвскій. Еще не зная о назначеніи коммиссаровъ, великіе послы отправили къ гетману Павлу Сапѣгѣ Дениса Астаѳьева, который нашелъ его въ имѣніи подлѣ Бреста. Поговоривъ о коммиссарахъ и гдѣ имъ стоять, Астаѳьевъ спросилъ Сапѣгу: «Слухомъ пронеслось, будто посланъ къ великому государю въ Москву Адамъ Саковичъ; отъ васъ ли, гетмановъ Литовскихъ, онъ посланъ, и знаешь ли ты, отъ кого онъ посланъ и съ чѣмъ?» Сапѣга долг

сидѣлъ молча, потомъ началъ говорить: «Посланъ онъ отъ насъ, съ моего повелѣнья; послалъ его Гонсѣвскій съ тѣм: если наши не успѣютъ сдѣлать на сеймѣ по своему, осилятъ насъ коронные, поставятъ на томъ, что прежде мириться съ Шведомъ, тогда дѣлать нечего, перемѣнить нельзя». Астаѳьевъ сказалъ на это: «Слухъ у насъ такой есть, что съ вами коронные не тянутъ и рознь у васъ началась». Сапѣга отвѣчалъ: «За грѣхъ нашъ у всѣхъ у насъ рознь; прежде всего скажу тебѣ: король съ нами идетъ неправдою, а все водитъ его королева, отъ нея у насъ и вся смута; а съ коронными у насъ рознь отъ того: они себѣ покою хотятъ, а намъ не помогаютъ. Послы пришли изъ многихъ государствъ, королева поѣхала обо всемъ съ ними договариваться, а мы ничего объ этомъ не знаемъ: гдѣ быть тутъ добру? Намъ жаль коронныхъ, а короннымъ жаль насъ; самъ знаешь, какъ не жалѣть? смѣшались мы съ ними вѣрою и поженились — они у насъ, а мы у нихъ, и маетностями помѣшались». — «Если однако будетъ не мѣра» говорилъ Астаѳьевъ: «то какъ смекаете: отступитесь отъ нихъ или нѣтъ?» Гетманъ опять долго сидѣлъ молча, потомъ сказалъ: «Какъ кто хочетъ, а я не отступлю». Астаѳьевъ: «Унасъ такой слухъ носится, что Саковичь съ тѣмъ и къ великому государю пошелъ, что хотятъ отступить отъ короны». Сапѣга: «Какъ себѣ хотятъ; послали мы Саковича, и что я ему приказывалъ, отъ тѣхъ словъ не отопрусь и по смерть и никого не осрамлю; я не такой человѣкъ; по моему, чтó говорить, то и дѣлать, а чего не дѣлать, того нечего и говорить; а сверхъ того свой разумъ въ головѣ имѣете, сами разсуждайте; больше тебѣ ничего не скажу; съ чѣмъ Саковичь посланъ, о томъ знаютъ у насъ въ Литвѣ человѣкъ съ десять сенаторовъ; самъ знаешь, что дѣло великое и страшное, что при живомъ государѣ другаго ищемъ. Пожалуетъ ли Саковича великій государь, велитъ ли его принять за его баламутство? да и канцлеръ Литовскій Пацъ такой же баламутъ; я думаю, не худо ли Саковичу въ Москвѣ будетъ?» Астаѳьевъ: «Если съ такимъ

великимъ дѣломъ идетъ и съ правдою, а не шалберствомъ, то государь велитъ его принять и отпустить съ честію; если же идетъ съ такою правдою, какъ я отъ тебя теперь слышу; то не знаю!... Мы слышали такъ, что вы впрямъ отъ короны отступили и съ тѣмъ Саковича послали къ государю». Гетманъ: «Нѣтъ, отъ короны мы не отступимъ, развѣ по неволѣ, по нуждѣ большой; тогда станемъ промышлять о себѣ. Я не такой человѣкъ, отъ своихъ словъ не отпираюсь, да и того не хочу, чтобъ отъ моего лукавства кровь христіанская пролилась и мнѣ бы пришлось на томъ свѣтѣ отвѣтъ отдавать Богу; лучше истрачу все послѣднее свое панство, да меньше отвѣта Богу отдамъ. Сталъ я на всей своей правдѣ и умереть хочу; все у себя утратилъ, съ кручины надсадился, не слышу на себѣ головы, сердце все изныло; а другіе какъ себѣ хотятъ такъ и живутъ». Саковичь, пріѣхавшій отъ гетмановъ въ Москву, объявилъ, что гетманы и все посполъство великаго княжества Литовскаго по королѣ Янѣ Казимирѣ Венгерскаго и Французскаго королей выбирать не хотятъ, хотятъ договоръ учинить по Виленской коммиссіи, чтобъ выбрать на корону Польскую и на великое княжество Литовское великаго государя царя. Пусть царское величество прикажетъ своимъ полномочнымъ посламъ съ гетманомъ объ этомъ договориться, и на чемъ договоръ учинятъ и письмомъ укрѣпятся, съ этимъ гетманы поѣдутъ на сеймъ къ королю; и какъ они пріѣдутъ на сеймъ, и если король и корона Польская по этому ихъ договору сдѣлать не захотятъ, то они, гетманы, и все посполъство Литовское королю въ подданствѣ откажутъ и съ короною Польскою въ соединеніи не будутъ, а учинятся въ подданствѣ у великаго государя, по своему договору. А безъ этого объявленія королю и коронѣ Польской перейти въ подданство къ царскому величеству имъ нельзя. При этомъ переходѣ Волынь, Подолія и Подляшье должны быть при Литвѣ. Царскимъ полномочнымъ посламъ съ гетманами на договорѣ говорить, чтобъ орду Татарскую какимъ-нибудь способомъ на время успокоить. Чтобъ курфюрстъ

Бранденбургскій и князь Курляндскій были съ царскимъ величествомъ и съ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ соединеніи, а съ Шведами и Поляками не соединялись бы. Запорожскихъ Черкасъ утвердить, чтобъ они отъ царскаго величества никуда не отошли и были бы съ Литвою въ соединеніи. Чтобъ царское величество изволилъ гетмановъ и все посполъство Литовское держать въ подданствѣ по ихъ вольностямъ и правамъ, какъ другіе государи государства держать, вольностей ихъ и правъ не нарушаютъ. Пусть царское величество гетмана Гонсѣвскаго обнадежитъ, что по смерти Павла Сапѣги великимъ гетманомъ быть ему, Гонсѣвскому, а малую булаву (гетманство польное) пожаловалъ бы великій государь тому, о комъ онъ, гетманъ, побьетъ челомъ. Наконецъ Гонсѣвскій просилъ себѣ у царя 100,000 червонныхъ, города Могилева и нѣсколькихъ городовъ въ Ливоніи. Царь въ своей грамотѣ отвѣчалъ гетманамъ, чтобъ они съѣхались съ великими послами и договорились о доброначатомъ дѣлѣ немедленно, а онъ ихъ всѣхъ, сенаторовъ и всю рѣчь посполитую хочетъ содержать въ милостивомъ жалованьѣ, въ вѣрахъ и вольностяхъ по правамъ. Но гетманы не съѣзжались.

По государеву наказу, Одоевскому съ товарищами велѣно было дожидаться Польскихъ коммиссаровъ не далѣе 30 Іюля. Срокъ этотъ прошелъ, а коммиссары не бывали; къ тому же стали приходить слухи, что въ Польшѣ моровое повѣтріе. Тогда Одоевскій, 6 Августа, выѣхалъ изъ Вильны въ Москву. Но въ самый этотъ день пригнали гонцы съ вѣстію, что коммиссары ѣдутъ къ Вильнѣ. Одоевскій не возвратился, и велѣлъ сказать имъ, что царскіе послы жили въ Вильнѣ безъ дѣла семь недѣль, время съѣзда миновало по ихъ коммиссарской проволочкѣ, такъ чтобъ они уже къ Вильнѣ не ѣздили. Коммиссары пріѣхали къ Вильнѣ, не были впущены и возвратились назадъ, крича о безчестьѣ. Одоевскій съ товарищами уже былъ въ Минскѣ, когда пришла къ нему царская грамота съ приказаніемъ возвратиться въ Вильну и пригласить ту-

да опять коммиссаровъ для добраго дѣла. Одоевскій возвратился и послалъ звать коммиссаровъ; они обѣщались пріѣхать, но проволакивали время, а между-тѣмъ Гродненскій воевода Апрѣлевъ далъ знать Одоевскому въ Сентябрѣ, что гетманъ Павелъ Сапѣга идетъ подъ города великаго государя и что Литовскіе ратные люди уже начали государевыхъ людей бить, грабить и въ полонъ брать, Гродненскаго повѣта шляхта и мужики всѣ взбунтовались, а коммиссары отпущены подъ Вильну для того, чтобъ великій государь изволилъ отдать Польскому королю всѣ Литовскіе города: тогда и миръ будетъ; а если государь городовъ не отдастъ, то сейчасъ же начнется война, для чего гетманъ Сапѣга и идетъ. Вслѣдъ за этимъ другое извѣстіе, что Запорожское войско поддалось королю; а тутъ шляхта Ошмянскаго повѣта прислала челобитную, что Черкасы наказнаго Чаусовскаго полковника Мурашки въ маетностяхъ ихъ людей и крестьянъ въ конецъ разоряютъ. Переговоры уполномоченныхъ должны были уяснить дѣло. Они съѣхались 16 Сентября; Московскіе послы начали дѣло требованіемъ всей Литвы за безчестье, нанесенное великому государю проволокою дѣла послѣ перваго Виленскаго съѣзда. Коммиссары отвѣчали: «Еслибъ мы знали, что съ вашей стороны будетъ такое требованіе, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, говорить мы объ этомъ не будемъ и поѣдемъ назадъ безъ дѣла; а если царскому величеству Литовское великое княжество надобно, то у него ратные люди готовы, и у королевскаго величества ратные люди есть же, Литву надобно добывать кровью, а не посольствомъ». Коммиссары объявили, что имѣютъ полномочіе относительно двухъ статей — избранія государя въ короли и заключенія вѣчнаго мира. Переговоры объ этихъ статьяхъ отложили до 18 числа. Въ этотъ съѣздъ коммиссары прежде всего подняли вопросъ о Шведахъ, съ которыми, по прежнему договору, одному государству безъ другаго мириться было нельзя. «Слухъ до насъ дошелъ» сказали коммиссары: «что царскіе послы договариваются о мирѣ со Шведами подъ Нарвою: такъ преж-

де всего вы должны укрѣпиться съ нами насчетъ этого дѣла, иначе мы вамъ не объявимъ своихъ статей объ избраніи вашего государя въ короли: мы для того и соединяемся съ вами и права свои давныя нарушаемъ, чтобъ надъ общимъ непріятелемъ промыслъ вмѣстѣ учинить и къ такому миру его привести, чтобъ обѣимъ сторонамъ было прибыльно». Послы отвѣчали, что у великаго государя съ Шведскимъ королемъ мира нѣтъ; если же идутъ сношенія, то у Польскаго короля такія сношенія начались еще прежде, и что у нихъ, пословъ, нѣтъ наказа относительно Шведскаго дѣла. Послѣ многихъ споровъ коммиссары оставили Шведское дѣло и приступили къ условіямъ объ избраніи. Послы никакъ не соглашались, чтобъ унія, *грубная* Богу Всемогущему, продолжала существовать. Далѣе коммиссары объявили, что необходимымъ условіемъ избранія царя въ короли должно быть возстановленіе Поляновскаго договора: «Со стороны королевскаго величества царскому величеству и такъ уступлено много, что мы, стародавныя свои права поломавши, при жизни королевской государя вашего въ короли выбрали, не по нуждѣ какой-нибудь, но по доброй волѣ, желая такого преславнаго, великаго, храбраго и мужественнаго государя, отыскивая того, что потеряно, стараясь о цѣлости государства своего и о прекращеніи кровопролитія; царскому величеству будетъ вѣчная слава, что мы сдѣлали это мимо стародавныхъ своихъ правъ, для соединенія обоихъ народовъ, сами всѣ головами и съ имѣніемъ своимъ великому государю въ подданство отдались; за такое великое дѣло вы должны намъ и своего уступить, не только что наше назадъ отдать. Если же царское величество завоеванныхъ городовъ и земель отдать не изволитъ, то намъ и Богъ поможетъ, и если мы что отыщемъ войною, то вамъ будетъ стыдно».

Весь Сентябрь прошелъ въ безполезныхъ съѣздахъ и спорахъ. Московскіе уполномоченные изъ завоеваннаго въ Литвѣ уступали по рѣку Березу, коммиссары не соглашались, а между-тѣмъ послы съ разныхъ сторонъ получали извѣстія о

непріязненныхъ дѣйствіяхъ Литовскихъ войскъ: оба гетмана — Сапѣга и Гонсѣвскій придвигались къ Вильнѣ, ратные люди ихъ хватали и били Русскихъ, залегли всѣ пути, на Ошмянской дорогѣ подъ Мѣдниками осадили отрядъ драгуновъ, отправлявшихся въ полки князя Юрія Долгорукаго. 9 Октября на съѣздѣ послы потребовали у коммиссаровъ, чтобъ всѣ эти зацѣпки были прекращены и драгуны выпущены изъ осады. Коммиссары отвѣчали дерзко: «По нашему прошенью гетманъ Павелъ Сапѣга драгуновъ изъ осады освободитъ, велитъ ихъ отпустить къ Москвѣ, а не въ полки, а что при нихъ оружія, зелья и свинцу, то все у нихъ велитъ взять». Послы отвѣчали на это съ большимъ шумомъ: «Съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ ратныхъ людей много, будутъ драгуны выручены и безъ гетманскаго отпуска; кровопролитіе начинается отъ вашего несходства, а нашему великому государю по его правдѣ Богъ поможетъ». Этимъ съѣздъ кончился, и послы дали знать Долгорукому, чтобъ онъ Божіимъ и государевымъ дѣломъ промышлялъ по указу; 19 числа выѣхали они изъ Вильны и въ дорогѣ узнали, что Польскіе и Литовскіе люди Сапѣгина полку, присяжная шляхта и Черкасы по дорогѣ отъ Вильны къ Минску, около Минска и до Борисова заѣзжаютъ занятыя царскими войсками мѣста; изъ Минска получили они вѣсть, что этотъ городъ съ 1 Октября осажденъ Черкасами, которые пишутся королевскими подданными; шляхта Минская и другихъ повѣтовъ, въ числѣ 1000 человѣкъ, стоитъ въ Минскомъ посадѣ, Черкасы пріѣзжаютъ къ ней каждый день и говорятъ, чтобъ Минскъ взять; мѣщане Минскіе въ городъ въ осаду не пошли и разъѣхались всѣ въ Польскіе города [9]. Но князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій поправилъ дѣло: чтобъ не допустить до соединенія непріятельскія силы, со всѣхъ сторонъ скопляющіяся, онъ рѣшился 8 Октября напасть на Гонсѣвскаго въ селѣ Варкѣ (Werki). Гонсѣвскій, узнавъ о приближеніи Москвы, поспѣшилъ предупредить нападеніе, и сначала конница его имѣла успѣхъ, замѣшала, обратила въ бѣгство ряды Москов-

сіе; но тутъ Долгорукій ввелъ въ дѣло два пѣхотныхъ стрѣлецкихъ полка; Литва не выдержала и побѣжала, оставивъ въ рукахъ побѣдителей своего гетмана [10]. Другой гетманъ, Павелъ Сапѣга, остался цѣлъ благодаря мѣстничеству: двинувшись противъ непріятелей, Долгорукій послалъ къ уполномоченнымъ Одоевскому съ товарищами, чтобъ отправили къ нему на помощь бывшихъ съ ними ратныхъ людей; но сотенные головы, князь Θедоръ Борятинскій и двое Плещеевыхъ, объявили, что имъ идти на помощь къ князю Долгорукому невмѣстно. Послѣ разрядный дьякъ объявилъ имъ на постельномъ крыльцѣ: «Тутъ мѣстъ нѣтъ, всегда большой воевода меньшему помогаетъ; вашею измѣною гетмана Павла Сапѣгу упустили». Виновные посланы были головою на дворъ къ Долгорукому [11]. Но и самъ Долгорукій разсердилъ государя, отступивъ отъ Вильны безъ указа, не далъ знать въ Москву и о побѣдѣ своей. 17 Ноября государь отправилъ къ нему любопытную грамоту: «Похваляемъ тебя безъ вѣсти и жаловать обѣщаемся; а что ты безъ нашего указа пошелъ, и то ты учинилъ себѣ великое безчестье, потому что и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо противъ чего писать тебѣ! А безчестье ты себѣ учинилъ такое: теперь тебя одинъ стольникъ встрѣтитъ подлѣ Москвы, а еслибъ ты безъ указа не пошелъ, то къ тебѣ и третій стольникъ былъ бы. Другое то: Поляки опять займутъ дороги отъ Вильны и людей взбунтуютъ. Напрасно ты послушалъ худыхъ людей; видишь ты самъ, что развѣ нынѣ у тебя много друзей стало, а прежде мало было кромѣ Бога и насъ грѣшныхъ; людей ратныхъ для тебя самъ я сбиралъ, и еслибъ не жалѣлъ тебя, то и Спасова образа съ тобою не отпускалъ бы: и ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ, писалъ къ друзьямъ своимъ, а тѣ, ей ей! про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь; а я къ тебѣ никогда немилостивъ не бывалъ и впе-

редъ отъ меня къ тебѣ, Богъ вѣсть, какому злу бывать и я чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ, и его было слушать напрасно, вѣдаешь самъ, каковъ онъ промышленникъ? послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ. А ты хотя бы и пошелъ, но пѣхоту солдатскую оставилъ бы въ Вильнѣ да полкъ рейтаръ, да посулилъ бы рейтарамъ хотя бы по сороку рублевъ человѣку; а теперь, чаю, и самъ размышляешь, что сдѣлалось безъ конца. Князь Никитѣ показалось, что мы васъ и позабыли, да и людей не стало, и выручить васъ нечѣмъ и некому. Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться, любя тебя пишу, а не кручинясь, а сверхъ того сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему. И тебѣ бы отписать ко мнѣ наскоро, коимъ обычаемъ ты пошелъ и чего ради, и чего чая впередъ? будетъ чая миру нынѣшней зимою, то по дѣлу; а будетъ не чая миру и Сапѣгу покинулъ въ собраньѣ на Виленской сторонѣ, и то сдѣлалось добрѣ худо. Помысли самъ себѣ: по какому указу пошелъ? какая тебѣ честь будетъ, какъ возьмутъ Ковну или Гродню? Какъ и помыслить, что, пришедши въ Смоленскъ безъ нашего указа, писать объ указѣ! Князь Никита не пособитъ, какъ Вильню сбрѣютъ и по дорогамъ пуще стараго залоги поставятъ, и Шведъ близко, а Нечая и безъ князь Никиты Сергій Чудотворецъ дважды побилъ, а на весну съ Поляками втрое нынѣшняго пуще будетъ сдѣлываться и боемъ биться. Жаль конечно тебя: впрямъ Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести и совершенную честь на вѣки неподвижну учинить, да самъ ты отъ себя потерялъ; теперь тебѣ и скорбно, а какъ пообмыслишься гораздо, и ты и самъ о себѣ потужишь и узнаешь, что не ладно сдѣлалось. А мы и нынѣ за твою усердную вѣру къ Богу, а къ намъ вѣрную службу всякимъ милостивымъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ; а какъ бы ты безъ нашего указа изъ Вильны не ходилъ, а ратнымъ бы людямъ на прокормъ по своему разсмотрѣнію роздалъ шляхетскія маетности, и послѣ такого великаго побою изволилъ бы Гос-

годь Богъ миръ совершить вскорѣ, и ты бъ наипаче нашею, великаго государя, милостію за два такія великія дѣла — се за бой, се за миръ былъ бы пожалованъ. А прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ» [12].

Несчастіе Гонсѣвскаго и побѣда князя Ивана Андреевича Хованскаго надъ Литвою при Мядзѣлахъ охолодили Поляковъ, разгоряченныхъ подданствомъ Выговскаго, возмечтавшихъ, что съ этимъ подданствомъ успѣхъ войны перейдетъ на ихъ сторону, возвратятся къ нимъ всѣ потерянныя силы. Но, съ другой стороны, взятіе въ плѣнъ гетмана Литовскаго не возгордило Москвы: здѣсь очень хорошо понимали всю опасность, начавшую грозить отъ измѣны гетмана войска Запорожскаго; а главное, казна была истощена пятилѣтнею войною, ратные люди кормились на счетъ занятыхъ земель, и кàкъ они кормились, мы видѣли изъ жалобъ Ордина-Нащокина, который всё болѣе и болѣе пріобрѣталъ привязанность и довѣріе царя сколько умными совѣтами, распорядительностію, столько же и религіозностію, такъ нравившеюся Алексѣю Михайловичу. Весною 1658 года, жалуя его въ думные дворяне, государь прислалъ ему такую грамоту: «Пожаловали мы тебя за твои къ намъ многія службы и радѣнье, что ты, помня Бога и Его св. заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь и наше крестное цѣлованье исполняешь, намъ служишь, о нашихъ дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спускаешь, и противъ Шведскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ» [13]. Нащокинъ не переставалъ повторять прежнее. «Теперь» писалъ онъ въ началѣ 1659 года: «теперь изъ Царевичева Димитріева города надобно въ три мѣста посылать помощь, оборонять отъ злаго мученія: надобно оборонить Чадосы отъ осады Литовскихъ людей, которые пришли мстить за разоренье шляхты Браславской;

рейтары мучатъ людей въ Икажнѣ и Бряславлѣ, а Донскіе козаки пустошатъ Друю съ волостями; отовсюда просятъ помощи, обливаются кровавыми слезами; лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли! лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ!» Тщетно посылалъ Нащокинъ приказы рейтарамъ и Донскимъ козакамъ, чтобъ выступали противъ непріятеля: они не трогались, «отяжелѣвъ награбленными пожитками, которые нахватали у людей, присягнувшихъ царю». Глядя широкимъ взглядомъ на дѣла, предтеча Преобразователя требовалъ новаго, Европейскаго образа веденія войны, для котораго въ Москвѣ не было еще ни средствъ, ни пониманія. «Не стыдно—писалъ Нащокинъ—навыкать доброму отъ стороны, и отъ враговъ своихъ свидѣтельство крѣпче принимаемъ: во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границахъ бываютъ даже и не въ военное время, а когда война, то и подавна съ войскомъ стоятъ на границахъ, рати къ нимъ идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ: отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно. Надобно знающимъ полководцамъ быть по рубежу, рати держать въ строеньѣ и отъ крови сдерживать, чтобъ миру мѣсто было, а не разрушеніе, не все войну вести». Нащокинъ требовалъ полнаго преобразованія войска, замѣненія старинной дворянской конницы даточными конными и пѣшими людьми[14].

Но для этихъ преобразованій надобенъ былъ Петръ; царь Алексѣй видѣлъ отсутствіе средствъ къ войнѣ, не имѣлъ возможности создать ихъ, не умѣлъ, подобно сыну своему, собственнымъ неутомимымъ движеніемъ возбуждать всюду коснѣющія силы, и спѣшилъ прекратить войну въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобъ обратить всѣ усилія на югъ, въ Малороссію. Польша, обманутая въ своихъ надеждахъ, также хотѣла пріостановить военныя дѣйствія, и вотъ, въ одно и то же

время, въ Генварѣ 1659 года, Московскій посланникъ ѣхалъ въ Польшу, а Польскій гонецъ въ Москву. Король въ грамотѣ своей жаловался на Долгорукаго, что тотъ разорвалъ перемиріе, напавши и взявши въ плѣнъ Гонсѣвскаго, который пришелъ только въ качествѣ коммиссара, для мирныхъ переговоровъ, и имѣлъ при себѣ нѣсколько сотъ конницы; жаловался на уполномоченныхъ царскихъ, что разорвали коммиссію; предлагалъ третью коммиссію и требовалъ освобожденія Гонсѣвскаго, какъ коммиссара, безъ котораго нельзя вести переговоровъ. Царь, съ своей стороны, жаловался королю на Польскихъ коммиссаровъ и на Гонсѣвскаго, но также прибавлялъ, что согласенъ на миръ, для заключенія котораго пусть король присылаетъ уполномоченныхъ въ Москву. Король продолжалъ предлагать, чтобъ коммиссія, разорванная подъ Вильною, была возобновлена опять въ Вильнѣ же или въ Минскѣ, или въ Оршѣ, чтобъ во время коммиссіи военныя дѣйствія были задержаны и Гонсѣвскій освобожденъ; царь отвѣчалъ: «Когда король пришлетъ своихъ великихъ пословъ въ Москву, тогда мы велимъ присоединить къ нимъ и Гонсѣвскаго, и когда доброе дѣло сдѣлается, то онъ вмѣстѣ съ послами и будетъ отпущенъ; что же касается до прекращенія военныхъ дѣйствій, то мы уже велѣли прекратить ихъ на все то время, когда ваши великіе послы будутъ въ Москвѣ». Понятно, что съ Польской стороны это была одна проволочка времени, хотѣли выждать, чѣмъ рѣшится дѣло въ Малороссіи.

Здѣсь упорная борьба продолжалась подъ Лохвицею, гдѣ стояли царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, и подъ Ромнами, гдѣ стоялъ Безпалый. Народъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на эту войну, говорили: «Войну начали старшіе, и еслибъ царскіе ратные люди гдѣ-нибудь старшину нашу осадили, то мы бы ее всю, перевязавши, царскому величеству выдали; а теперь мы слушаемся своихъ старшихъ по неволѣ, боясь всякаго разоренія и смертнаго убійства». Старшіе неволею выбивали козаковъ въ полки, грозя, кто въ полки не

поѣдетъ, у того женъ и дѣтей поберутъ и отдадутъ Татарамъ. Пошло въ ходъ слово *измѣнникъ*; такъ величали старшіе козаковъ, которые не хотѣли сражаться противъ царскихъ войскъ.

Въ Февралѣ 1659 года Безпалый далъ знать въ Москву, что изъ Новой Чернухи приходили подъ Лохвицу Скоробогатенко и Немиричь съ Ляхами и Татарами, въ числѣ 30,000, къ городу приступали трижды, но были отбиты. Самъ Выговскій подъ Лохвицу не приходилъ, стоялъ въ Чернухахъ, а потомъ пошелъ къ Миргороду и 4 Февраля явился подъ этимъ городомъ. Находившіеся здѣсь Московскіе драгуны укрѣпили осаду въ маломъ городѣ, а Миргородцы всѣ присягнули служить государю и ратныхъ людей не выдавать. Но 7 Февраля, по прелестнымъ письмамъ отъ Выговскаго и по наговору протопопа Филиппа, Степанъ Довгаль, бывшій здѣсь снова полковникомъ, выѣхалъ изъ города къ Выговскому, Миргородцы зашатались и сдались; Московскихъ драгуновъ Выговскій ограбилъ и отослалъ въ Лохвицу, а самъ двинулся въ Полтавскій полкъ. На всѣ просьбы Безпалаго о помощи былъ одинъ отвѣтъ изъ Москвы, что идетъ въ Малороссію бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

Трубецкой, дѣйствительно, выступилъ изъ Москвы 15 Генваря, съ войскомъ, простиравшимся, какъ говорятъ, до 150,000; 30 числа бояринъ стоялъ уже въ Сѣвскѣ. Но на многочисленное войско въ Москвѣ не надѣялись, хотѣли во что бы то ни стало оторвать Выговскаго отъ Польши, ибо только этимъ можно было добиться счастливаго окончанія дѣлъ съ послѣднею. 7 Февраля въ трапезѣ у дворцовой церкви св. Евдокіи государь слушалъ важныя статьи, а комнатные бояре слушали ихъ въ комнатахъ; эти бояре были: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Илья Даниловичъ Милославскій, Иванъ Андреевичъ Милославскій. Статьи были отправлены къ Трубецкому; въ нихъ предписывалось воеводѣ войти въ сношенія съ Выговскимъ и предложить ему начать доброе дѣло такимъ способомъ: ратныхъ людей съ обѣихъ сторонъ раз-

вость беть крови и Татаръ вывести. Когда гетманъ будетъ съ нимъ на съѣздѣ, то всякими мѣрами его уговаривать и государевою милостію обнадеживать. Если Выговскій покажетъ статьи Польскаго короля, гдѣ ему написано гетманство и воеводство Кіевское, полковникамъ и другимъ начальнымъ людямъ шляхетство, вольности шляхетскія и маетности въ Малороссіи, то написать договоръ, примѣриваясь къ этимъ статьямъ и смотря по тамошнему дѣлу, если между этими статьями не будетъ самыхъ высокихъ и затѣйныхъ, которыя не къ чести государеву имени. Если Выговскаго любятъ и гетманомъ его на будущее время имѣть хотятъ, то ему гетманомъ по прежнему быть. Если станетъ просить воеводства Кіевскаго, быть по его прошенію. Если на отца своего, на братью и на друзей станетъ просить каштелянства и староствъ—быть по его прошенію. Станетъ просить на гетманскую булаву города въ прибавку—согласиться. Если станетъ говорить, чтобъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ государевымъ воеводамъ и ратнымъ людямъ не быть, а боярина Шереметева съ людьми ратными изъ Кіева вывести, то боярина вывести, согласиться и на выводъ ратныхъ людей, если будетъ требовать этого упорно. Если станетъ говорить о своевольникахъ, чтобы ихъ усмирить, то отвѣчать: «И такъ много крови христіанской пролилось нынѣшнимъ вашимъ междоусобіемъ, съ обѣихъ сторонъ православные христіане побиты и разорены, а бусурманы были рады; надобно съ своевольниками помириться безъ кровопролитія, а я, по указу великаго государя, стану ихъ къ миру склонять; а если впередъ затѣятъ бунты, то ихъ смирять, но Татаръ не приводить».

Но дѣло не дошло до переговоровъ. 28 Февраля Трубецской выступилъ изъ Сѣвска и 10 Марта пришелъ въ Путивль; 26 Марта выступилъ изъ Путивля, направляясь на мѣстечко Константиновъ на Сулѣ, стягивая къ себѣ и Московскихъ воеводъ изъ Лохвицы и Безпалаго изъ Роменъ. 10 Апрѣля Трубецкой вышелъ изъ Константинова къ Коно-

топу, гдѣ заперся приверженецъ Выговскаго, полковникъ Гуляницкій. 19 Апрѣля Трубецкой подошелъ къ Конотопу и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до 27 Іюня, когда явился туда Выговскій вмѣстѣ съ ханомъ Крымскимъ. Оставивши всѣхъ Татаръ и половину козаковъ своихъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, съ другою половиною козаковъ Выговскій подкрался подъ Конотопъ, на разсвѣтѣ ударилъ на осаждающихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что непріятельскаго войска только и есть, отрядили для его преслѣдованія князя Семена Романовича Пожарскаго и князя Семена Петровича Львова съ конницею. 28 Іюня Пожарскій нагналъ Черкасъ, поразилъ и погнался за отступавшими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди много непріятельскаго войска, и остальная половина козаковъ, и целая орда съ ханомъ и калгою: передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. «Давайте мнѣ ханишку!» кричалъ онъ: «давайте калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ, такихъ-то и такихъ-то..., вырубимъ и выплѣнимъ». Но только что успѣлъ онъ перегнать Выговскаго за болотную рѣчку Сосновку и самъ перебрался за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленныя толпы Татаръ и козаковъ и разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ плѣнъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ Татарскихъ; но Пожарскій былъ одинаковъ и на полѣ битвы и въ плѣну: выбранивъ хана по *Московскому обычаю*, онъ плюнулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову. Такъ разсказываетъ Малороссійскій лѣтописецъ [15]; но Московскій толмачъ Фроловъ, бывшій очевидцемъ умерщвленія Пожарскаго, разсказывалъ, что ханъ велѣлъ убить Пожарскаго за то, что этотъ самый воевода въ прошлыхъ годахъ приходилъ войною подъ Азовъ на Крымскихъ царевичей. Князь Львовъ былъ оставленъ въ живыхъ, но недѣли черезъ двѣ умеръ отъ болѣзни [16].

цвѣтъ Московской конницы, совершившей счастливые по-
[illegible]ды 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; плѣнныхъ до-
[illegible]лось побѣдителямъ тысять пять; несчастныхъ вывели
[illegible] открытое мѣсто и рѣзали какъ барановъ: такъ уго-
[illegible]рились между собою союзники—ханъ Крымскій и гетманъ
[illegible]ска Запорожскаго! Никогда послѣ того царь Московскій
[illegible] былъ уже въ состояніи вывести въ поле такого сильна-
[illegible] ополченія. Въ печальномъ платьѣ вышелъ Алексѣй Ми-
[illegible]йловичъ къ народу, и ужасъ напалъ на Москву. Ударъ
[illegible]ъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неожиданнѣе; послѣдовалъ онъ за
[illegible]ими блестящими успѣхами! еще недавно Долгорукій при-
[illegible]ъ въ Москву плѣннаго гетмана Литовскаго, недавно слы-
[illegible]лись радостные разговоры о торжествѣ Хованскаго; а те-
[illegible]рь Трубецкой, на котораго было больше всѣхъ надежды,
[illegible]ужъ благоговѣйный и изящный, въ воинствѣ счастливый и
[illegible]ругамъ страшный», сгубилъ такое громадное войско!
[illegible]слѣ взятія стольких городовъ, послѣ взятія столицы Ли-
[illegible]ской, царствующій градъ затрепеталъ за собственную
[illegible]опасность: въ Августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ
[illegible]овъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія Москвы.
[illegible]ъ царь съ боярами часто присутствовалъ при работахъ;
[illegible]рестные жители съ семействами, пожитками наполняли
[illegible]скву, и шелъ слухъ, что государь уѣзжаетъ за Волгу, за
[illegible]ославль [17].

Разгромивши отрядъ Пожарскаго, ханъ и Выговскій дви-
[illegible]лись къ Конотопу, чтобъ ударить на Трубецкаго; но боя-
[illegible]ъ уже отступилъ отъ города и, благодаря многочисленной ар-
[illegible]ллеріи, успѣлъ безъ большаго вреда отъ напирающаго не-
[illegible]ятеля перевести свое войско въ Путивль, куда прибылъ
[illegible] Іюля; Выговскій и ханъ не преслѣдовали его далѣе рѣки
[illegible] и отправились подъ Роменъ, жители котораго сдались
[illegible]ъ; Выговскій поклялся выпустить бывшій здѣсь Московскій
[illegible]низонъ, и, несмотря на клятву, отправилъ его къ Поль-
[illegible]му королю. Изъ подъ Ромна союзники пошли подъ Гадячь.
[illegible]сь Татары, расположившись станомъ въ полѣ, спокойно

смотрѣли, какъ Черкасы Выговскаго рѣзались съ сво
братьями, жителями Гадяча, на приступѣ. Осаждающіе до
ны были отступить, потерявши больше тысячи человѣкъ. Т
пришла вѣсть къ хану, что молодой Юрій Хмельницкій
Запорожцами ходилъ подъ Крымъ, погромилъ четыре Но
скихъ улуса и взялъ много плѣнныхъ. Ханъ и Выгов
немедленно послали сказать ему, чтобъ отпустилъ плѣнн
въ Крымъ, но Хмельницкій отвѣчалъ: «Если ханъ отпуст
изъ Крыма прежній полонъ козацкій, то и мы от
стимъ Татаръ; если же ханъ пойдетъ на государевы г
да войною, то и мы опять пойдемъ на Крымскіе улусы».
шумѣвъ за это съ Выговскимъ, ханъ отдѣлился отъ н
пошелъ на Сумы, Хотмылъ, Карповъ, Ливны, городовъ
тронулъ, но выжегъ уѣзды и направилъ путь домой [18].

Между-тѣмъ Трубецкой изъ Путивля писалъ Выговск
чтобъ тотъ прислалъ къ нему добрыхъ людей для пер
воровъ о прекращеніи кровопролитія. Выговскій отвѣ
(1 Августа), все еще называя себя гетманомъ его царс
величества: «Знаете вы и сами хорошо, что мы нынѣшн
междоусобію и кровопролитію между христіанами ни ма
шей не дали причины, и не только самому его царс
величеству, но и вамъ не однажды писали, чтобъ въ со
пребывали; такъ и теперь, видитъ Богъ, нестроенія не
лаемъ и Бога просимъ, чтобъ Онъ сердца непримирител
къ братолюбію возвратилъ, и пусть кровь христіанская
детъ на голову того, кто желалъ и желаетъ ея прол
Согласно желанію вашему, изъ войска нашего людей добр
двоихъ, троихъ или четверыхъ для разговора о всякихъ
рыхъ дѣлахъ пошлемъ, только бы имъ какой-нибудь непр
не было, и самъ съ вами сойдусь, чтобъ имѣть частыя с
шенія. А что вы пишете, что подъ Конотопъ приходили
для войны, а для разговора и усмиренія домашняго меж
усобія, то какая ваша правда? Кто видалъ, чтобъ съ т
ми великими ратями и съ такимъ великимъ нарядомъ на
говоръ приходили? въ Конотопѣ никакого своеволія и н

доусобія не было: зачѣмъ было къ нему приступать? Вы на искорененіе наше со многими людьми пришли, Борзну вырубили и людей въ полонъ забрали, въ чемъ оправдываться не можете, ибо тамошніе люди не только вамъ никакой причины къ нападенію не давали, но и ратямъ вашимъ не противились, а еслибы оборонялись, то не скоро бы вы ихъ взяли». Въ заключеніе Выговскій писалъ, что не пришлетъ своихъ посланцевъ въ Путивль, но пусть Трубецкой присылаетъ своихъ въ Батуринъ.

Видя, что Выговскій особенно страшенъ въ союзѣ съ ханомъ, въ Москвѣ стали думать, какъ бы разорвать этотъ союзъ. Но прозорливый Ординъ-Нащокинъ писалъ царю: «Вашему царскому величеству угодно, чтобъ хана Крымскаго съ Выговскимъ какими-нибудь письмами поссорить, чтобъ они, побранясь между собою, разошлись: но такихъ людей, которые бы умѣли это сдѣлать, у вашего царскаго величества нѣтъ, не учились; которыя дѣла и по наказу дѣлаются, и тѣ не скоро въ совершеніе приходятъ. Хана Крымскаго отъ Выговскаго можно оторвать только однимъ: послать людей на Донъ, только не такъ, какъ былъ на Дону думный дворянинъ Жданъ Васильевичъ Кондыревъ: кромѣ письменныхъ людей было при немъ множество вольныхъ на Дону, а прибыли тебѣ, великому государю, ничего не сдѣлали, и вольные и письменные всѣ померли отъ голоду» [19]. Въ Крыму начали опять грабить Русскихъ пословъ, которые успѣвали только спасать царскіе наказы, пряча ихъ—въ ветчинѣ! Во время похода ханскаго подъ Конотопъ пословъ держали въ тюрьмѣ, въ оковахъ, и говорили имъ: «Государь вашъ Запорожскими Черкасами хочетъ завладѣть; Польскій король также хотѣлъ ими завладѣть, но и свое королевство потомъ потерялъ: то же будетъ и Московскому государству, будетъ запустошено изъ-за козаковъ». Татары хвастались Конотопскимъ дѣломъ: «Теперь» говорили они: «Московскіе люди полевымъ боемъ съ нами биться не станутъ», но въ то же время не скрывали и своего страха предъ усиливавшимся мо-

гуществомъ Москвы: «Вашъ государь» говорили они посламъ: «хочетъ завладѣть козаками и Поляками, а потомъ и Крымомъ»; требовали, чтобы царь помирился съ королемъ, удержавъ за собою всѣ завоеванія, но отдавъ Малороссію Польшѣ. Тщетно послы Московскіе предлагали большія деньги вельможамъ, если они убѣдятъ хана не помогать Полякамъ и Выговскому; вельможи отвѣчали: «Не думайте, что мы сдадимся на деньги; всѣ помремъ, а надъ Московскимъ государствомъ и надъ Черкасами всячески станемъ промышлять». Но и Донскіе козаки также промышляли: во время Конотопскаго похода суда ихъ явились у Крымскихъ береговъ; Донцы высаживались подъ Каѳою, Балаклавою, Керчью, углубляясь внутрь полуострова верстъ на 50, взяли плѣнныхъ тысячи съ двѣ, освободили своихъ полтораста; на Турецкой сторонѣ были въ окрестностяхъ Синопа, у Константинова острова и города Кондры, за сутки пути отъ Царягорода; въ степяхъ залегали дороги, прерывали сношенія хана съ Калмыками, отрѣзывали Татарскіе отряды, шедшіе къ Выговскому [20].

Въ Москвѣ напрасно очень безпокоились. Конотопское дѣло было явленіемъ случайнымъ, не могшимъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Ханъ, который одинъ давалъ силу Выговскому, ушелъ въ Крымъ, оставивши въ Малороссіи только 15,000 орды; войско, которое могла дать Выговскому Польша, было ничтожно: какихъ-нибудь 1500 человѣкъ! и тщетно ждалъ онъ подкрѣпленій отъ короля. Выговскій возвратился въ Чигиринъ, не могши взять на дорогѣ Гадяча; изъ Чигирина онъ выслалъ было козаковъ западной стороны и Татаръ подъ начальствомъ брата своего Данила, но это войско 22 Августа было поражено на-голову Московскими войсками, вышедшими изъ Кіева. Въ какомъ состояніи находилась въ это время Малороссія, лучше всего видно изъ донесенія королю Яну Казимиру обознаго короннаго, Андрея Потоцкаго, начальствовавшаго вспомогательнымъ Польскимъ отрядомъ при Выговскомъ: «Не изволь ваша королевская

милость ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края! Всѣ здѣшніе жители (т. е. жители западной стороны Днѣпра) скоро будутъ Московскими, ибо перетянетъ ихъ къ себѣ Заднѣпровье (восточная сторона), а они того и хотятъ, и только ищутъ случая, чтобъ благовиднѣе достигнуть желаемаго. Они послали къ Шереметеву копію привилегій вашей королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить съ ними такія же условія? Одно мѣстечко воюетъ противъ другаго, сынъ грабитъ отца, отецъ сына. Страшное представляется здѣсь Вавилонское столпотвореніе! Благоразумнѣйшіе изъ старшинъ козацкихъ молятъ Бога, чтобъ кто-нибудь, или ваша королевская милость, или царь, взялъ ихъ въ крѣпкія руки и не допускалъ грубую чернь до такого своеволія».

Восточная сторона перетянула. Здѣсь, какъ скоро Выговскій удалился съ Татарами въ Чигиринъ, Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецура объявилъ себя за Москву, перебилъ тѣхъ немногихъ, которые были за Выговскаго, и далъ знать объ этомъ въ Путивль князю Трубецкому. 30 Августа Кіевскій воевода Шереметевъ писалъ государю, что полковники—Переяславскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Лубенскій добили челомъ и присягнули. На западной сторонѣ Днѣпра, заслышавъ о движеніяхъ Цыцуры, козаки начали собираться и разсуждать, оставаться ли имъ въ подданствѣ королевскомъ, или бить челомъ государю Московскому? Выговскій находился въ самомъ печальномъ положеніи; многіе изъ близкихъ людей совѣтовали ему пуститься въ степи и уйти къ хану. Андрей Потоцкій понялъ, какая бѣда начнетъ грозить Польшѣ, если еще Турки вмѣшаются въ борьбу за Украйну, и уговорилъ Выговскаго переѣхать изъ Чигирина къ нему въ обозъ, расположенный на Гребенкахъ, недалеко отъ Бѣлой Церкви. Скоро всѣ козаки отстали отъ Выговскаго, собрались около молодаго Юрія Хмельницкаго въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ и стали на Германовкѣ. Братъ Выговскаго, Данила, женатый на родной сестрѣ Юрія, Еленѣ Богдановнѣ, соединился также съ шуриномъ своимъ.

Шереметевъ писалъ Хмельницкому, чтобъ онъ отступилъ отъ измѣнниковъ и соединился съ вѣрными козаками восточной стороны; 5 Сентября Хмельницкій отвѣчалъ, что онъ и все войско Запорожское хочетъ служить великому государю. 11 Сентября была у козаковъ рада: Иванъ Выговскій пріѣхалъ къ нимъ, показывалъ и читалъ Гадячскія условія, подтвержденныя уже на сеймѣ, уговаривалъ козаковъ оставаться подъ королевскою рукою, но вслѣдствіе этихъ уговоровъ едва успѣлъ убѣжать въ Польскій станъ; козаки кричали, что у короля въ подданствѣ быть не хотятъ, хотятъ быть подъ государевою рукою. 13 Сентября Хмельницкій съ своимъ войскомъ двинулся на Расаву для соединенія съ стоявшими тамъ полками—Чигиринскимъ, Уманьскимъ и Черкасскимъ; Иванъ Выговскій и Потоцкій слѣдовали за нимъ; козаки говорили, что на Расавѣ будетъ большая рада, гдѣ изберутъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, а Выговскаго убьютъ. Въ двадцатыхъ числахъ Потоцкій съ Выговскимъ остановились подъ Хвостовомъ, а Хмельницый на Взеньи, близь Бѣлой Церкви, и козаки прислали къ Потоцкому съ просьбою, чтобъ уговорилъ Выговскаго сложить булаву на радѣ. Потоцкій отправилъ козацкихъ посланниковъ съ бранью; но вслѣдъ за ними пріѣхали къ Выговскому Каневскій полковникъ Лизогубъ и Миргородскій Грицко Лесницкій съ требованіемъ, чтобъ онъ черезъ нихъ переслалъ войску булаву и бунчукъ, просили о томъ же и Потоцкаго, утверждая, что войско хочетъ остаться вѣрнымъ королю. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Выговскій наконецъ объявилъ Потоцкому, что, для сохраненія мира, готовъ отдать бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ войско Запорожское оставалось вѣрнымъ королю. Лизогубъ и Лесницкій дали слово, что это условіе будетъ выполнено, и онъ отправилъ булаву и бунчукъ съ братомъ своимъ Данилою. Лизогубъ, Лесницкій и Данила встрѣтили войско на дорогѣ, потому что оно двинулось уже къ Польскому стану, чтобъ страхомъ принудить Потоцкаго оставить Выговскаго. Когда бунчукъ и булава, присланные послѣд-

ковъ, внесены были въ раду, то войско тотчасъ отдало ихъ Хмельницкому, громко желая ему счастливаго гетманства.

Между-тѣмъ 5 Сентября Трубецкой выступилъ изъ Путивля въ Черкасскіе города, и вездѣ въ этихъ городахъ принимали его съ торжествомъ, полковники и посольство, при пушечной стрѣльбѣ присягали на вѣрную службу великому государю. 27 числа подошелъ Трубецкой къ Переяславлю: полковникъ Тимоѳей Цецура со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его за пять верстъ отъ города; протопопъ Григорій, священники со крестами, мѣщане, войтъ, бурмистры, райцы, лавники и вся чернь за городомъ. Пошли въ церковь, отпѣли молебенъ; послѣ молебна Трубецкой объявилъ Переяславцамъ милость великаго государя, что пожаловалъ, велѣлъ имъ быть подъ своею высокою рукою по прежнему, правъ и вольностей ихъ нарушать не велѣлъ, а что были они отъ него отступны, и онъ вины имъ отдалъ: такъ они бы, видя премногую милость, великому государю служили вѣрно. Переяславцы били челомъ и обѣщали быть подъ рукою великаго государя на вѣки неотступно. Тутъ раздалась стрѣльба изъ всего наряду, что только было въ Переяславлѣ.

На другой день бояринъ отправилъ грамоту къ Юрію Хмельницкому, чтобъ онъ, помня милость царскую къ отцу своему и къ себѣ, служилъ великому государю вѣрно, привелъ въ подданство заднѣпровскіе полки; послана увѣщательная грамота за Днѣпръ ко всей старшинѣ и черни, съ обнадеживаніемъ, что они останутся при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ. 1 Октября пріѣхалъ въ Переяславль отъ Хмельницкаго и всѣхъ полковниковъ полковникъ Петръ Дорошенко и изо всѣхъ полковъ сотники съ листами, и объявили боярину, что гетманъ и все войско рады быть въ подданствѣ у великаго государя при прежнихъ правахъ и вольностяхъ. Бояринъ обнадежилъ ихъ государевою милостью, далъ имъ жалованье и отпустилъ съ приказомъ, чтобъ гетманъ, обозный и полковники для дѣлъ государевыхъ ѣхали къ не мувъ Переяславль безъ опасенія, а если опасаются, то пусть оставятъ

въ залогъ отправляющагося вмѣстѣ съ Дарошенкомъ послан Владыкина. Но Владыкинъ возвратился съ треми полковниками и привезъ отвѣтъ, чтобъ самъ бояринъ ѣхалъ за Днѣпр къ Терехтемировскому монастырю. Трубецкой отказалъ; тогда полковники потребовали, чтобъ бояринъ, по крайней мѣрѣ, отправилъ къ нимъ въ войско товарищей своихъ, а если не отправитъ, то Хмельницкій съ полковниками въ Переяславль не поѣдутъ. Тутъ же полковники подали боярину четырнадцать статей, на которыхъ быть имъ въ царскомъ подданствѣ: въ статьяхъ говорилось, чтобъ, кромѣ Кіева, воеводъ не посылать ни въ какіе города и чтобъ Московскі войска, которыя будутъ присылаться на помощь, находилис подъ гетманскимъ начальствомъ. Царское величество не принимаетъ изъ войска Запорожскаго никакихъ листовъ безъ вѣдома гетманскаго и всей старшины, безъ подписи руки гетманской и приложенія печати войсковой. Гетманъ долженъ быть одинъ для всѣхъ полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Чтобъ избраніе гетмана было вольное какъ для старшихъ, такъ и для меньшихъ, чтобъ кромѣ войсковыхъ людей никого при избраніи не было; по избраніи отправляются къ царскому величеству послы за подтвержденіемъ, въ которомъ не можетъ быть отказа. Всѣхъ иностранныхъ пословъ вольно принимать, отсылая только списки съ привезенныхъ ими грамотъ къ царскому величеству. Чтобъ при заключеніи мира съ окольными землями, а особенно съ Ляхами, Татарами и Шведами, были коммиссары отъ войска Запорожскаго съ вольными голосами. Духовенство Малороссійское остается подъ властію Константинопольскаго патріарха; избраніе духовныхъ властей по прежнему остается вольное. Вольно каждому основывать школы и монастыри.

5 Октября Трубецкой послалъ опять Владыкина къ Хмельницкому и полковникамъ, чтобъ ѣхали въ Переяславль безо всякаго опасенья, если же не согласятся, то объявить, что къ нимъ въ войско для приводу къ присягѣ пріѣдетъ товарищъ Трубецкаго, окольничій Андрей Васильевичъ Бутурлинъ.

Хмельницкій согласился пріѣхать только подъ послѣднимъ условіемъ, и 9 числа въ одно время Бутурлинъ переѣхалъ на западную сторону Днѣпра, а Хмельницкій на восточную; съ нимъ были: обозный Тимоѳей Носачь, войсковой судья Иванъ Кравченко, есаулъ Иванъ Ковалевскій да полковники: Черкасскій Андрей Одинецъ, Каневскій Иванъ Лизогубъ, Корсунскій Яковъ Петренко, Прилуцкій Петръ Дорошенко, Кальницкій Иванъ Сѣрко, потомъ изъ каждаго полка сотники и козаки. За городомъ гетмана встрѣтили двѣ сотни жильцовъ да три роты рейтаръ; въ городѣ, по улицѣ, по которой ѣхалъ гетманъ, стояли стрѣльцы и солдаты съ ружьемъ, знаменами и барабанами. 10 числа Хмельницкій со всею старшиною былъ у Трубецкаго, который встрѣтилъ его словами: «Извѣстно великому государю, что ты ему служишь и ни къ какимъ прелестямъ не приставалъ; за твою службу великій государь тебя жалуетъ, милостиво похваляетъ, и тебѣ бы и впередъ служить вѣрно, какъ служилъ отецъ твой, гетманъ Богданъ Хмельницкій». Хмельницкій билъ челомъ; за нимъ ударили челомъ старшины, чтобъ государь велѣлъ вины имъ отдать, отлучились они отъ него по неволѣ, принудилъ ихъ измѣнникъ Ивашка Выговскій. Бояринъ отвѣчалъ, что государь вины имъ отдалъ и велѣлъ въ Переяславлѣ созвать раду, выбрать гетмана, кто имъ надобенъ, и постановить статьи.

Къ половинѣ Октября пріѣхали въ Переяславль бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, окольничій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, наказной гетманъ Безпалый, съѣхались всѣ полковники, вся старшина и вся чернь восточной стороны Днѣпра, и 15 числа Трубецкой, призвавши Хмельницкаго и старшинъ, показалъ имъ свою вѣрющую грамоту и прочелъ статьи, старыя Богдановскія и новыя. Хмельницкій и старшина отвѣчали, что статьи надобно прочесть на радѣ при всемъ войскѣ. Но у Трубецкаго была одна важная статья, которую онъ сейчасъ же и объявилъ: государь указалъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и По-

чепѣ быть своимъ воеводамъ, потому что эти города изстари принадлежатъ къ Московскому государству, а не къ Малой Россіи, а если въ этихъ городахъ устроены козаки землями, и въ другомъ мѣстѣ устроить ихъ будетъ негдѣ, то пусть они на своихъ земляхъ остаются и при воеводахъ. Хмельницкій и старшина отвѣчали: «Въ этихъ городахъ устроено много козаковъ и за ними много земли и всякихъ угодій, Новгородокъ Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ Нѣжинскому полку, а въ Черниговѣ свой полкъ, и если изъ этихъ городовъ козаковъ вывесть, то имъ будетъ домовное и всякое разоренье, права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь велѣлъ намъ быть на прежнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, и если козаковъ переводить, то надобно опасаться между ними всякой шатости». Старшина била челомъ, чтобъ объ этомъ на радѣ не говорить, иначе нечего ждать прекращенія междоусобія.

17 Октября открылась эта рада на полѣ за городомъ; тутъ же на полѣ для обереганья стоялъ съ Московскимъ войскомъ окольничій князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукій. Теперь уже обѣими сторонами Днѣпра выбранъ былъ въ гетманы Юрій Хмельницкій. Читали статьи, прежнія Богдановскія и новыя; новыя говорили: Гетманъ со всѣмъ войскомъ всегда долженъ быть готовъ на царскую службу. Никакими Ляцкими прелестями не прельщаться, про Московское государство никакимъ ссорамъ не вѣрить, ссорщиковъ казнить смертью, о всякихъ ссорныхъ дѣлахъ писать къ великому государю. Безъ государева приказа на войну никуда не ходить и никому не помогать, чтобъ этимъ вспоможеньемъ войско Запорожское не умалялось, а кто пойдетъ самовольствомъ, того казнить смертью. Быть царскимъ воеводамъ съ войсками въ городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Браславлѣ, Умани, для обороны отъ непріятелей; воеводамъ этимъ въ войсковыя права и вольности не вступаться; въ Переяславлѣ и Нѣжинѣ быть воеводамъ на своихъ запасахъ, а въ Кіевѣ, Черниговѣ и Браславлѣ владѣть маетностями, которыя прежде принадле-

жали тѣмъ воеводствамъ; а въ полковничьи поборы воеводамъ не вступаться; государевымъ ратнымъ людямъ у реестровыхъ козаковъ на дворахъ не ставиться, ставиться имъ у другихъ жителей, также подводъ подъ посланниковъ и гонцовъ у реестровыхъ козаковъ не брать, брать у городскихъ и деревенскихъ жителей; реестровымъ козакамъ держать вино, пиво и медъ, продавать вино бочкою куда кто захочетъ, а пиво и медъ вольно продавать гарнцемъ, кто же будетъ вино продавать въ кварты, тѣхъ карать. Въ городахъ, мѣстахъ мѣстечкахъ Бѣлорусскихъ залогамъ козацкимъ не быть, чтобъ ссоры между ратными людьми не было. Если гетманъ совершитъ какое-нибудь преступленіе, то войско не можетъ его перемѣнить безъ указа царскаго: государь велитъ сыскать о гетманской винѣ всѣмъ войскомъ, и по сыску велитъ указъ учинить какъ повелось въ войскѣ; также и гетману безъ рады и безъ совѣту всей черни въ полковники и въ иные начальные люди никого не выбирать, выбирать полковниковъ на радѣ, кого межъ себя излюбятъ изъ своихъ полковъ, а изъ иныхъ не выбирать; гетманъ также не имѣетъ права отставлять полковниковъ безъ рады. Въ начальные люди кромѣ православныхъ христіанъ изъ иновѣрцевъ не выбирать, не выбирать и новокрещеновъ, потому что отъ нихъ большая смута въ войскѣ и междоусобіе и козакамъ дѣлаются налоги и тѣсноты. Измѣнника Ивашки Выговскаго жену и дѣтей, также брата Данила и другихъ Выговскихъ, которые есть въ войскѣ, отдать царскому величеству и впредь въ войскѣ Запорожскомъ Выговскимъ не быть. Совѣтникамъ Выговскаго: Гришкѣ Гуляницкому, Гришкѣ Лесницкому, Самошкѣ Богданову, Антошкѣ Жданову, Герману и Лободѣ никогда въ радѣ войсковой и секретной и въ урядѣ никакомъ не быть. При гетманѣ быть съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судьѣ, по есаулу, по писарю. Полковниковъ и начальныхъ людей гетманъ не можетъ казнить смертью безъ присланнаго на судъ отъ царскаго величества, ибо Выговскій напрасно казнилъ смертью многихъ полковниковъ, начальныхъ людей и козаковъ,

которые служили вѣрно царскому величеству. Плѣнниковъ съ обѣихъ сторонъ освободить, а кто захочетъ остаться, тѣхъ не неволить. Немедленно отослать въ Кіевъ знамена, пушки и большую верховую пушку, которыя взяты подъ Конотопомъ. Изъ Стараго Быхова вывести Черкасъ. Бѣглыхъ крестьянъ выдать и впередъ не принимать. — По выслушаніи каждой изъ этихъ статей рада постановляла: быть статьѣ такъ, какъ написана; а прежнія 14 статей, которыя были присланы Хмельницкимъ и старшиною съ Дорошенкомъ, на радѣ отговорены.

По окончаніи рады гетманъ, старшина и козаки заднѣпровскихъ полковъ отправились въ соборную церковь и принесли присягу; изъ церкви, при громѣ городовыхъ пушекъ, пошли обѣдать къ боярину, который, послѣ государевой чаши, велѣлъ стрѣлять изо всего наряда, что ни есть въ полкахъ; статьи, утвержденныя на радѣ, записаны въ книгу, къ которой гетманъ и старшина приложили руки. Неграмотными оказались: обозный Носачь, судьи— Безпалый (что былъ наказнымъ гетманомъ), Кравченко, есаулы — Ковалевскій и Чеботковъ, полковники — Черкасскій Одинецъ, Каневскій Лизогубъ, Корсунскій Петренко, Переславскій Цецура, Калницкій Сѣрко, Миргородскій Павелъ Апостолъ, Лубенскій Засадка, Прилуцкій Терешенко, Нѣжинскій Золотаренко. Вмѣсто тѣхъ полковниковъ, которые не были на радѣ, потому что стояли на границѣ противъ Татаръ и Ляховъ, приложилъ руку гетманъ Хмельницкій. Это были: Чигиринскій Кирилла Андреевъ, Бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко, Кіевскій Василій Бутримовъ, Уманьскій Михайла Хоненко, Бряславскій Михайла Зеленскій, Паволоцкій Иванъ Богунъ, Подольскій Астаѳій Гоголь. Одинъ экземпляръ статей отосланъ былъ въ Кіевъ: тамъ ихъ напечатали и разослали по всѣмъ полкамъ. 21 Октября выѣхалъ изъ Переяславля гетманъ, 26 князь Трубецкой, везя съ собою Выговскихъ — Данилу, Василья, Юрья и Илью. Данила умеръ на дорогѣ, остальные были сосланы въ Сибирь. Кончилъ свое поприщеи Нечай: 4 Декабря ночью

воеводы князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и Семенъ Змѣевъ взяли приступомъ Старый Быховъ, Ивана Нечая съ братомъ, Самушку Выговскаго, женъ ихъ, шляхту, козаковъ и мѣщанъ многихъ взяли въ плѣнъ живыхъ, многихъ побили на приступѣ. За счастливое окончаніе Малороссійскихъ дѣлъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой получилъ шубу въ 360 рублей, кубокъ въ 10 гривениkъ, 200 рублей придачи къ прежнему окладу да прародительскую вотчину городъ Трубчевскъ (Трубецкъ) съ уѣздомъ; князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ шубу въ 330 рублей, кубокъ въ 8 гривенокъ, придачи къ окладу 160 рублей да на вотчину 8000 ефимковъ; князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій шубу во 150 рублей, кубокъ въ 6 гривенокъ, придачи къ окладу 80 рублей да на вотчину 6000 ефимковъ.

Теперь взглянемъ, какъ смотрѣли на описанныя событія нѣкоторые грамотные люди въ Малороссіи. Въ Москву какъ-то дошло любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: Описаніе пути отъ Львова до Москвы, въ которомъ, послѣ описанія страшнаго опустошенія Украйны, заставившаго козаковъ снова поддаться царю, говорится: «Хотя Черкасы исповѣдуютъ вѣру православную, но обычаи и нравы звѣриные имѣютъ; причиною тому одна ересь, не духовная, а политическая, начальники этой ереси — Ляхи, а отъ нихъ научились держать ее крѣпко и Черкасы и мало не всѣ Европейскіе народы: взяли себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ Русскимъ хуже Турецкаго мучительства и Египетской работы. Такое дьявольское убѣжденіе внушаютъ имъ духовные и Греческіе митрополиты, какъ намъ не отъ одного изъ нихъ случалось слышать. Мы почли за полезное написать книгу противъ такихъ ложныхъ, дьявольскихъ внушеній, да соблюдутся люди отъ такого страшнаго заблужденія и хулы, отъ которыхъ произошло нынѣшнее кровопролитіе. Но о книгахъ будетъ рѣчь впереди, а теперь изложимъ кратко наше разсужденіе, какъ надобно обходиться съ Черкасами?» — Тутъ авторъ учитъ, какую рѣчь долженъ дер-

жать къ Черкасамъ бояринъ, который будетъ приводить ихъ къ новой присягѣ царю; потомъ совѣтуетъ царю учредить въ Москвѣ особый приказъ, въ которомъ бы приказные люди были изъ самихъ Черкасъ; эти Черкасы были бы порукамі за своихъ земляковъ, дома оставшихся. «Надобно, чтобъ съ этихъ поръ ни одинъ гетманъ не выбирался на всю жизнь, а только на три или на два года; чрезъ это и вамъ, служилые люди, которые только и знаете, что вопить: вольность, вольность! умножится вольность, потому что не одному только будетъ доставаться гетманская честь, но многимъ, такъ какъ между вами много есть достойныхъ этой чести; чрезъ это у волостныхъ и городскихъ людей отнимется страхъ и вскорѣ пустыя села и города населятся. Самому царскому величеству не стыдно назваться вѣчнымъ гетманомъ Поднѣпровскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, потому что такое гетманство то же, что и великое княжество, если не царство. Смотрите, Черкасы! какъ прежде вы были постоянно несогласны въ своихъ совѣтахъ, между собою бились, такъ и теперь несогласны: одни изъ васъ хотятъ въ гетманы Хмельницкаго, другіе Безпалаго и опять готовы изъ-за этого драться: чтобъ предупредить междоусобіе, царское величество Хмельницкому обѣщаетъ гетманство по времени, когда совершенно возмужаетъ, а теперь, пока еще молодъ, лучше ему поѣхать въ Москву и послужить царскому величеству, чтобъ сдѣлаться достойнымъ гетманской чести, а Безпалаго царское величество поставляетъ гетманомъ на три года за его вѣрность. Не дурно было бы также, еслибъ гетманство раздѣлилось, чтобъ одинъ гетманъ былъ на восточной, а другой на западной сторонѣ Днѣпра» [21].

Принужденный возобновить войну съ Польшею при невыгодныхъ условіяхъ, не забирать города Бѣлорусскіе и Литовскіе, какъ прежде, но биться въ Малороссіи съ Малороссійскимъ гетманомъ, царь тѣмъ болѣе спѣшилъ покончить войну съ Швеціею, съ которою не за что было болѣе ссориться, ибо нечѣмъ стало дѣлиться. Съ своей стороны, Карлъ X, котораго

дѣла шли дурно въ Польшѣ и который долженъ былъ еще вести войну съ Даніею, искренно желалъ помириться съ царемъ и побуждалъ къ посредничеству курфюрста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго. Мы видѣли, что при началѣ войны съ нимъ Шведскіе послы Густавъ Белке съ товарищами были задержаны въ Москвѣ. Въ концѣ 1657 года король прислалъ къ нимъ грамоту, выражая свое сильное желаніе помириться съ царемъ, съ которымъ, по его убѣжденію, разсорили его Австрійцы, и для облегченія дѣла приказывалъ Белке объявить боярамъ, что онъ соглашается титуловать царя Бѣлорусскимъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, хотя и не водится вносить въ титулъ названія областей, пріобрѣтенныхъ оружіемъ, но еще не утвержденныхъ мирнымъ договоромъ. Что же касается титула: «и инымъ многимъ государствамъ, восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ», то хотя эти выраженія странны и неопредѣленны, невразумительны и темны и можно ихъ толковать такъ, что царь обнаруживаетъ притязанія на тѣ земли, которыя уступлены Швеціи по Столбовскому договору — однако мы, пишетъ король, согласны величать царя и этимъ титуломъ, если онъ дастъ письменное удостовѣреніе, что этими выраженіями не наносится ущерба намъ и землямъ нашимъ. Послы исполнили королевское приказаніе, что̀ не было неожиданностію для царя, ибо королевская грамота была отдана посламъ уже послѣ того, какъ она была переведена для государя. 11 Апрѣля 1658 года, на праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, великій государь пожаловалъ Шведскихъ пословъ, велѣлъ послать къ нимъ съ своимъ милостивымъ словомъ, спросить о здоровьѣ и указалъ послать имъ свое жалованье — столъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого пріѣхалъ въ Москву Шведскій дворянинъ Кондратъ фонъ-Барнеръ, и 19 Апрѣля думный дьякъ Алмазъ Ивановъ имѣлъ переговоры съ послами, которые объявили, что фонъ-Барнеръ пріѣхалъ со всякимъ добрымъ дѣломъ, которое годно на обѣ стороны обоимъ великимъ государямъ, и хотя ко-

ролю ихъ посчастливилось, съ Датскимъ королемъ помирился по своей волѣ, однако онъ отъ добраго дѣла неотступенъ и мира съ царскимъ величествомъ желаетъ. «Королевское величество» продолжали послы: «изволилъ присоединить къ намъ еще двоихъ товарищей, Ревельскаго коменданта Бентгорна и Ягана Монсона, и наказалъ намъ вести переговоры на границѣ въ Ливонской землѣ, за пять верстъ отъ Нарвы. Королевское величество лучше желаетъ мира съ царскимъ величествомъ, чѣмъ съ королемъ Польскимъ, потому что между Швеціею и Москвою нынѣшняя война началась съ подущенія злыхъ людей, за малыми причинами: вотъ почему графъ Магнусъ Делагарди, посланный въ Пруссію для заключенія мира съ Поляками, проволакиваетъ время, дожидаясь извѣстія о томъ, какъ идутъ дѣла въ Москвѣ». — «Объявите» сказалъ на это дьякъ: «на какихъ статьяхъ королевское величество желаетъ мира?» — «Обо всѣхъ статьяхъ договоръ будетъ на рубежѣ» отвѣчали послы: «и великій бы государь изволилъ насъ отпустить изъ Москвы для этого дѣла». — «По всему видно» возражалъ дьякъ: «что вы промышляете только о томъ, чтобъ вамъ отсюда высвободиться, а учините ли между государями доброе дѣло или нѣтъ, того невѣдомо». — «За нами дѣло не остановится» отвѣчали послы: «изволитъ ли царское величество насъ отпустить, или нѣтъ, только видитъ Богъ, что мы ради между государями доброе дѣло вести, а начинать намъ теперь переговоры до освобожденія нельзя, нигдѣ не водится, чтобъ невольные люди вели мирные переговоры». 25 Апрѣля посламъ объявлено, что государь отпускаетъ ихъ къ королевскому величеству и посылаетъ на съѣздъ своихъ великихъ пословъ. Белке просилъ, чтобъ государь велѣлъ объявить, кто именно царскіе послы будутъ на съѣздъ, гдѣ и когда съѣдутся? просилъ, чтобъ непріятельскія дѣйствія были прекращены и объявлено было свободное сообщеніе между жителями обоихъ государствъ; просилъ взаймы денегъ на 12,000 ефимковъ, которые онъ отдастъ на съѣздѣ Московскимъ посламъ, а теперь у нихъ денегъ нѣтъ,

покупки искупить не на что; просилъ перевести ихъ на другой дворъ въ городъ и возвратить оружіе: это будетъ знакомъ, что они уже люди свободные. Опредѣлено, что съѣздъ будетъ подъ Нарвою за пять верстъ, за рѣкою, Іюня 12; гдѣ будетъ посольскій съѣздъ, туда съ обѣихъ сторонъ будетъ вольно пріѣзжать съ хлѣбомъ и живностію; деньги взаймы дадутся съ порукою торговыхъ иноземцевъ, и на другой дворъ ихъ переведутъ. Не видя въ отвѣтѣ ничего о прекращеніи военныхъ дѣйствій, послы обратились съ предложеніемъ заключить перемиріе; бояре согласились заключить перемиріе съ 20 Мая, и если миръ не состоится, то перемирья не нарушать еще мѣсяцъ по разъѣздѣ уполномоченныхъ. 29 Апрѣля пословъ перевели въ Китай городъ, отдали имъ оружіе и позволили имъ и людямъ ихъ ходить съ стрѣльцами по городу для закупокъ. 30 Апрѣля бояре, въ отвѣтѣ, объявили посламъ, что государь отпускаетъ на съѣздъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, думнаго дворянина Аѳанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина, стольника Прончищева и дьяковъ Дохтурова и Юрьева; опредѣлили, что съѣздъ будетъ посреди рѣки Наровы на мосту въ шатрѣ. Бояре дали запись, что царскій титулъ: «восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ» не имѣетъ никакого отношенія къ владѣніямъ Шведскаго короля; а послы, въ свою очередь, дали запись, что запись боярская не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ уступкамъ, которыя могутъ быть сдѣланы на съѣздѣ съ Шведской стороны въ Московскую.

Ординъ-Нащокинъ находился по прежнему въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, когда узналъ о своемъ назначеніи вторымъ уполномоченнымъ на съѣздѣ съ Шведами; такъ какъ въ грамотѣ, къ нему присланной, не было означено именно, гдѣ будетъ съѣздъ, то онъ писалъ государю, что всего лучше съѣзжаться между Царевичевымъ-Дмитріевымъ городомъ и Ригою, именно между Нелевардомъ и Керхолемъ, на рѣкѣ Угрѣ, за двадцать верстъ отъ Риги. Онъ боялся уѣхать подъ Нарву на съѣздъ и оставить въ Царевичевомъ-Дмитріевѣ

городѣ войска безъ своего надзора, боялся за крестьянъ, которые бы въ такомъ случаѣ были разорены ратными людьми: «Крестьяне» писалъ онъ: «съ Ноября 1656 года по Декабрь 1657 собрались въ девятнадцати уѣздахъ, селятся въ самыхъ разоренныхъ мѣстахъ, около большой дороги, и если впередъ ихъ такъ же беречь, то на Шведовъ отъ нихъ помощь будетъ большая; если Лифляндскіе мужики, видя милость, обдержатся, то и къ солдатскому ученью будутъ охотны. Не боясь сильныхъ, которые меня ненавидятъ, издалече, какъ мытарь сокрушеннымъ сердцемъ, какъ Евангельская жена грѣшница, твои великаго государя праведныя ноги слезами обливаю: во всѣхъ дѣлахъ службишки мои только объявлялись, а къ совершенію не допускались злыми ненавистями».

У сильныхъ было все больше и больше причинъ преслѣдовать худороднаго Нащокина злыми ненавистями. Такъ и теперь царь послалъ тайно грамоту къ Царевиче-Дмитріевскому воеводѣ, поручая ему одному вести самые важные переговоры, подкупать Шведскихъ уполномоченныхъ, чтобъ всякими средствами добыть завѣтныя морскія пристанища: отецъ указывалъ на то самое мѣсто, гдѣ послѣ сынъ основалъ столицу Россійской имперіи. «Промышляй всякими мѣрами» писалъ царь Нащокину: «чтобъ у Шведовъ выговорить въ нашу сторону въ *Канцахъ* (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзду къ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейносъ, что теперь Царевичевъ-Дмитріевъ, и иныя мѣста, которыя пристойны; а Шведскимъ коммиссарамъ или генераламъ, и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей; объ уступкѣ городовъ за эту дачу промышляй по своему разсмотрѣнію одинъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ наставитъ, а что у тебя станетъ дѣлаться втайнѣ, пиши къ намъ въ приказъ нашихъ тайныхъ дѣлъ». Ободренный царскою милостивою гра-

мотою, Нащокинъ началъ настаивать, чтобъ съѣздъ былъ въ Лифляндіи, - прямо писалъ къ Прозоровскому, чтобъ тотъ ѣхалъ туда, а что ему, Нащокину, нельзя отступить ни на минуту отъ Двины. Писалъ и къ царю, что Шведы въ Ригѣ только и дожидаются его отъѣзда подъ Нарву, чтобъ начать непріятельскія дѣйствія:. «Царевичевымъ-Дмитріевымъ городомъ больше всѣхъ городовъ сдерживаются Литва и Шведы, только надобно, чтобъ онъ былъ наполненъ ратными людьми какъ Псковъ, а то мнѣ къ Литовскимъ людямъ на заставы посылать некого; такъ нельзя ни войнѣ, ни миру быть; лучше всякой силы промыслъ; Шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми беретъ верхъ; у него, государь, никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ».

Представленія Нащокина насчетъ съѣздовъ остались напрасны: приговора, утвержденнаго въ Москвѣ съ обѣихъ сторонъ, перемѣнить было нельзя, и Нащокину былъ присланъ подтвердительный указъ—ѣхать къ боярину князю Прозоровскому. Но тутъ новая бѣда: Шведы провѣдали, что самымъ несговорчивымъ посломъ будетъ Нащокинъ, которому хочется стать твердою ногою въ Ливоніи, у моря, и вотъ пошла челобитная въ Москву: «Царю государю бьетъ челомъ холопъ твой Аѳонка Нащокинъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 167 (1658) году, Сентября 29, у твоихъ великихъ пословъ въ деревнѣ Ямѣ были изъ Нарвы отъ Шведскихъ пословъ королевскій дворянинъ и переводчикъ и съ твоимъ переводчикомъ Иваномъ Адамовымъ приказывали къ князю Ивану Семеновичу, будто отъ меня, холопа твоего, твоему посольскому дѣлу чинится нарушеніе; наслышались объ этомъ Шведы отъ Русскихъ людей, которые, ненавидя службишку мою, научили иноземцевъ, чтобъ я у посольскаго дѣла не былъ. Милосердый государь! вели разспросить переводчика Ивана Адамова передъ послами, и эту мою челобитную и разспросъ послать къ себѣ въ приказъ тайныхъ дѣлъ, чтобъ мнѣ впредь быть у твоего дѣла отъ многихъ стороннихъ ссоръ безстрашно». Адамова спросили, и онъ пересказалъ рѣчи Шведскаго дво-

рянина: «Царскіе послы» жаловался Шведъ: «упрямятся, бли-же къ Нарвѣ подвинуться не хотятъ, а королевскіе послы ради бы сюда пріѣхать, да нельзя по причинѣ дальней и дурной дороги; они знаютъ навѣрное, что царскіе послы уже были подъ деревней Гостинцы недалеко отъ Нарвы, но какъ скоро пріѣхалъ Кокенгаузенскій воевода Нащокинъ, то они назадъ поѣхали и здѣсь на Наровѣ рѣкѣ стали, на томъ мѣстѣ, куда Шведскимъ посламъ невозможно пріѣхать. Изъ этого легко увидать, что Нащокинъ теперь опять ищетъ доброму дѣлу помѣшки, какъ онъ прежде въ Ливонской землѣ при графѣ Магнусѣ Делагарди доброму дѣлу помѣшалъ, потому что съ Польскимъ гетманомъ Гонсѣвскимъ всегда въ великой дружбѣ жилъ, какъ братъ родной, и Полякамъ норовилъ, а съ ихъ стороны ему подарки большіе были; въ Варшавѣ на сеймѣ знатные люди говорили, что они не боятся мира между Шведами и Русскими, потому что есть человѣкъ, который этому миру помѣшаетъ».

Съ одной стороны Шведы доносили на Нащокина, съ другой воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, стоявшій съ войскомъ во Псковѣ, осердился на пословъ, зачѣмъ они послали память одному изъ его полковниковъ во Гдовъ, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ въ Сыренскъ для обереганія посольскихъ съѣздовъ; но въ сердцахъ Хованскій накинулся не на Прозоровскаго, а на того же Нащокина: «По указу великаго государя» писалъ Хованскій: «велѣно мнѣ идти ближе къ Нарвѣ, смотря по вѣстямъ; а полка моего вамъ, великимъ посламъ, отнимать у меня не велѣно. Знаю я, чьи это затѣйки! За Нарову рѣку дорогу зналъ я давно, когда Нарова рѣка была пострашнѣе, и на государеву службу, по вѣстямъ, идти готовъ не только подъ Нарву, хотя бы и подъ Ревель; служба моя великому государю извѣстна: за то я отъ многихъ ненавидимъ, что великому государю работаю какъ Богу. Похвальныя слова Аѳанасья Лаврентьевича не исполнятся; стану я у великаго государя на васъ милости просить, что высоко себя ставите, будто вамъ велѣно мною наряжать; но

нимъ наряжать мною стыдно, добро всякому знать свою мѣру. Вы пишете, что я отдамъ отвѣтъ въ свое время: знаю я, что у васъ такіе люди есть, которые умѣютъ *слагательно* написать, но я въ правдѣ своей надѣюсь на Бога и на великаго государя. Какъ кто ни коварничай и ни умышляй, я не боюсь: суетно помышленіе человѣческое». Послы писали ему, зачѣмъ онъ не даетъ имъ знать о своемъ походѣ подъ Нарву, а пишетъ вещи, нейдущія къ дѣлу, писали, что они дали знать государю о его поведеніи, жаловались, что посольскіе съѣзды замедляются по его милости, потому что, не имѣя большаго войска подъ руками въ Ливоніи, нельзя вынудить у Шведовъ выгодныхъ мирныхъ условій. Хованскій отвѣчалъ: «Нѣсть рабъ болій господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Что указалъ мнѣ великій государь, и его повелѣніе со страхомъ храню. Отъ кого посольскій съѣздъ замешкался, то извѣстно будетъ великому государю. Письма мои, которыя я къ вамъ писалъ, идутъ ли они къ дѣлу, или нейдутъ, у васъ и въ свое время мнѣ пригодятся. Письмо, которое вы писали на меня къ государю, писали мнѣ на радость, потому что государь по этому письму велитъ сыскать мою вину, а вашу правду; я, убогая сиротина, въ правдѣ своей надѣюсь на государеву пресвѣтлую неизреченную милость; нѣтъ тайны, которая бы не объявилась, и великому государю все будетъ извѣстно въ свое время».

Государь нашелъ, что и послы и Хованскій неправы, но что ссора началась отъ пословъ, и потому послалъ сказать имъ: «Вы государеву дѣлу учинили замедленіе и поруху, ссоритесь съ воеводою княземъ Хованскимъ и переписываетесь съ нимъ многими, къ дѣлу ненадобными статьями; къ полковнику послали память мимо князя Ивана съ нимъ для раздора, и довелось вамъ о присылкѣ къ себѣ ратныхъ людей писать къ нему, князю Ивану, а еслибъ онъ по вашему письму ратныхъ людей къ вамъ и не послалъ, то вамъ слѣдовало писать на него великому государю давно. И впередъ бы вамъ съ княземъ Хованскимъ быть въ любви и совѣтѣ». Хован-

скому тотъ же посланецъ долженъ былъ сказать: «Тебѣ для обереганья великихъ пословъ надобно было спѣшить изо Пскова во Гдовъ, изо Гдова на съѣзжее мѣсто посылать безъ задержанья, а прежнихъ своихъ службъ для своей чести объявлять и непристойныхъ словъ, нейдущихъ къ дѣлу, писать не довелось: и впередъ бы тебѣ съ великими послами быть въ любви и совѣтѣ, посылать къ нимъ ратныхъ людей тотчасъ какъ потребуютъ; а что тебѣ велѣно великихъ пословъ оберегать, и то не въ случай и не въ мѣста». Тотъ же посланный объявилъ Нащокину наединѣ, чтобъ непремѣнно съ Шведскими коммиссарами заключить миръ, хотябъ и съ убыткомъ государевой казнѣ. Но прежде всего царю хотѣлось помирить Нащокина съ Хованскимъ. Посланному было наказано: «Спросить Аѳанасья: за что у нихъ съ княземъ Хованскимъ началась ссора? Если Аѳанасій станетъ говорить, что когда онъ изъ Царевичева-Дмитріева города ѣздилъ въ Печерскій монастырь молиться, то князь Иванъ посылалъ его хватать, чтобъ его удержать за заставою, а сына его Воина за заставою держали долгое время — отвѣчать: заставы были сдѣланы по указу великаго государя, и князь Иванъ думалъ, что онъ Аѳанасій и сынъ его Воинъ пріѣзжали изъ моровыхъ мѣстъ. Если Аѳанасій еще станетъ жаловаться на Хованскаго, то говорить, чтобъ, помня Божію заповѣдь: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ, съ княземъ Иваномъ съѣхался и помирился. Потомъ посланный долженъ былъ ѣхать къ Хованскому и если тотъ станетъ говорить о Нащокинѣ съ сердцемъ, то отвѣчать ему съ выговоромъ: Аѳанасій хотя отечествомъ и меньше тебя, однакó великому государю служитъ вѣрно, отъ всего сердца, и за эту службу государь жалуетъ его своею милостію: такъ тебѣ, видя къ нему государеву милость, ссориться съ нимъ не для чего, а быть бы вамъ съ нимъ въ совѣтѣ и служить великому государю сообща; а тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно; ты

хвалишься, что тебѣ и подъ Ревель идти не страшно: и тебѣ хвалиться не довелось, потому-что кто на похвальбѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ; *и ты этою своею похвальбою изломаешь саблю*; за что ты тѣхъ ненавидишь, которые государю служатъ вѣрно? Тебѣ бы великаго государя указъ исполнить, съ Аѳанасьемъ помириться, а если не помиришься и станешь Аѳанасья тѣснить и безчестить, то великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушанье и за Аѳанасья тебѣ и всему роду твоему быть разорену». Нащокинъ отвѣчалъ государю, что если онъ писалъ о нерадѣніи Полоцкихъ и Псковскихъ воеводъ, то онъ это дѣлалъ по государевымъ же грамотамъ, въ которыхъ приказано ему никого не бояться, во всемъ быть надежну, выданъ онъ никому не будетъ: «Ненавидимъ я за твое государево дѣло, не только между Русскими людьми оглашенъ, и Шведскіе послы доносили на меня бояряну князю Прозоровскому. Видя отовсюду нестерпимое гоненіе, не знаю, какъ твое дѣло дѣлать? Велишь мнѣ помириться съ княземъ Хованскимъ: но у меня съ нимъ, по моимъ дѣламъ, никакой ссоры нѣтъ». Когда посланный передалъ Нащокину приказъ государевъ, чтобъ непремѣнно заключить миръ, хотя бы казнѣ и убытокъ былъ, то онъ отвѣчалъ: «Промышлять я объ этомъ долженъ, да промышлять некѣмъ: въ Нарвѣ мѣщанъ вѣрныхъ теперь нѣтъ, старые померли, а иные отъ войны выбѣжали за море. Государь приказываетъ не жалѣть казны; но дѣло можно дѣлать и безъ денегъ, деньги пригодятся на жалованье ратнымъ людямъ, а у Шведовъ теперь денегъ и своихъ много. Если бы съѣздъ былъ на Двинѣ, то Рижскіе мѣщане, которые въ два года сдѣлались вѣрны великому государю, промышляли бы и Шведскихъ пословъ наговаривали и къ миру приводили. Вотъ почему я къ великому государю и не писалъ, чтобъ съѣзду быть подъ Нарвою, и на чемъ заключенъ перемирный договоръ въ Москвѣ, я не зналъ до тѣхъ поръ, пока съѣхался съ княземъ Прозоровскимъ. Въ этомъ договорѣ для чего позабыта Литва, не укрѣплено, что княжество Литовское подъ высокою рукою ве-

ликаго государя. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ долженъ былъ объ этомъ напомнить и доложить государю; да и то забыли, что велѣно мнѣ видѣться съ Гонсѣвскимъ и соединить рати на общаго непріятеля Шведскаго короля; по этому соединенію Гонсѣвскій взялъ въ Лифляндіи два города, да я взялъ Маріенбургъ, заступилъ многія волости и поставилъ заставу за 20 верстъ отъ Риги; Московскій договоръ весь написанъ Шведамъ на помощь, и графъ Магнусъ Делагарди показывалъ его на съѣздѣ Полякамъ и хвалился, что они въ этомъ договорѣ не укрѣплены, и княжество Литовское отбивалъ отъ подданства этимъ договоромъ; и какъ я поѣхалъ на посольскій съѣздъ, то Шведы пустили славу, что вотъ Лявонская земля отдана имъ, что съѣздъ будетъ на Ижерской землѣ, и будто мнѣ изъ Царевичева-Димитріева города потому велѣно ѣхать, что городъ этотъ имъ отданъ. Шведы нарочно назначили съѣздъ подъ Нарвою, чтобъ княжество Литовское разорить и отъ подданства отогнать». — Выставляя свои заслуги, разумность своихъ совѣтовъ, которыхъ не послушали, выставляя чужія ошибки, жалуясь уже слишкомъ часто на свое печальное положеніе, на гоненія ото всѣхъ ради государева дѣла, Нащокинъ опять обратился къ Хованскому: «Князя Ивана» говорилъ онъ: «съ промыслъ не стало, и его можно перемѣнить, и велѣть быть у такого дѣла, съ которое его станетъ, Псковъ данъ ему не въ вотчину, а промышленковъ у великаго государя много, которые въ дѣлѣ промыслъ знаютъ и къ прибыли искательны; хотя бы князь Иванъ былъ многихъ городовъ владѣтель, только въ Псковскомъ государствѣ онъ съ промысломъ своимъ не надобенъ; во всякомъ дѣлѣ сила въ промыслѣ, а не въ томъ, что собрано людей много; и людей много, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ. Шведы, видя такихъ промышленниковъ, говорятъ, чтобъ половину рати продать да промышленника купить. И теперь Хованскій, вышедъ изъ Пскова, стоитъ даромъ, рать помираетъ съ голоду, а къ промыслу не допуститъ, обжигаетъ себѣ Русскіе города, а непріятель радуется, что люди изъ до-

ковъ своихъ выбиты, а къ промыслу не допущены. Лучше было рати оставаться во Псковѣ: и непріятелю было бы страшнѣе, и люди были бы въ покоѣ и къ службѣ на-готовѣ. Обо всемъ этомъ надобно разсмотрѣніе воеводское. Нельзя во всемъ дожидаться указа государева. Вотъ мнѣ не было прислано указа, чтобъ идти подъ Маріенбургъ, но я, видя, что нашихъ ратныхъ людей изъ Полоцка и изо Пскова нѣтъ, а Шведы въ сборѣ, призвалъ къ себѣ Гонсѣвскаго и пустилъ въ Лифляндію, и затѣмъ взялъ городъ Маріенбургъ. Но кто что ни дѣлаетъ, только я передъ великимъ государемъ безо всякаго оправданія во всемъ виноватъ. А теперь я указу великаго государя не противлюсь, ко князю Ивану во Гдовъ ѣхать готовъ и добивать челомъ, буду передъ нимъ безсловенъ; только впередъ князь Иванъ на этомъ не устоитъ, станетъ дѣлать по прежнему, потому что держитъ при себѣ держальниковъ многихъ, которые его ссорятъ, а онъ имъ вѣритъ, и нравомъ онъ человѣкъ непостоянный. Знаю и самъ, что великому государю годно, чтобъ мы между собою были въ совѣтѣ, и у меня за свое дѣло вражды никакой нѣтъ, но о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда вижу въ государевѣ дѣлѣ чье нерадѣнье. Еслибъ князь Иванъ съ первыхъ дней прислалъ къ намъ пѣшихъ ратныхъ людей, то государево дѣло давно было бы начато, и думаю, что и къ совершенію приходило бы, а то ни мостовъ намостить, ни насъ оберегать некому, а мѣста болотныя». Прозоровскій говорилъ съ клятвою, что у него съ Хованскимъ отечества и никакихъ прихотей нѣтъ; а Хованскій государеву дѣлу чинитъ поруху для чести своей и его бояринa безчеститъ, приказывалъ къ нему при многихъ своихъ полчанахъ, что будто онъ князь Иванъ его бояринa больше тремя мѣстами, и онъ бояринъ то поставилъ въ смѣхъ. Да онъ же Хованскій приказывалъ къ нему боярину, чтобъ онъ товарища своего Аѳанасія Лаврентьевича Нащокина ни въ чемъ не слушалъ, будто товарищъ доведетъ его до бѣды; но великій государь ему боярину указалъ съ товарищемъ своимъ во всемъ совѣ-

товаться и во всемъ ему вѣрить, потому что онъ Нѣмецкое дѣло знаетъ, и Нѣмецкіе нравы знаетъ же. И онъ бояринъ поставилъ это въ смѣхъ. Хованскій, съ своей стороны, отвѣчалъ посланному: «Указъ великаго государя исполню, ссору эту оставлю, въ безчестьѣ своемъ бить челомъ на великихъ пословъ не стану и впередъ въ совѣтѣ и любви быть съ ними радъ, только бы и они были со мною въ совѣтѣ. Съ княземъ Прозоровскимъ и со всѣми другими послами недружбы и ссоры у меня нѣтъ, только перебранивались на письмѣ; досадно мнѣ то, что пишутъ ко мнѣ съ указомъ; прежде наша братья за честь свою помирали. Недружба у меня съ Аѳанасьемъ Нащокинымъ, и хотя въ отпискахъ пишется князь Прозоровскій, только всѣ затѣйки его Аѳанасьевы, ищетъ онъ мнѣ всякаго зла. Князь Прозоровскій Аѳанасью говорилъ, чтобъ онъ со мною былъ въ совѣтѣ, но онъ князя не слушалъ. По приказу великаго государя я все покину, Аѳанасья прощаю и впередъ съ нимъ въ совѣтѣ и въ любви быть радъ; знаю я, что Аѳанасій человѣкъ умный, великому государю служитъ вѣрно и государская милость къ нему есть, въ прежнія времена и хуже Аѳанасья при государской милости былъ Малюта Скуратовъ; я Аѳанасья не знаю, слыхалъ про него отъ людей, и большой вражды у меня съ нимъ нѣтъ, только что на письмѣ другъ у друга ума отвѣдывали; а какъ я съ нимъ увижусь, то иныхъ ссорщиковъ передъ нимъ поставлю».

Въ этихъ пересылкахъ, любопытныхъ для потомства, но нисколько не подвигавшихъ посольскаго дѣла, прошло все лѣто. Въ концѣ Сентября великіе послы увѣдомили государя, что Шведскіе коммиссары показали упорство большое, не хотятъ присылать дворянъ своихъ на назначенное отъ нихъ же мѣсто, именно въ деревню Кароль, а домогаются, чтобъ съѣздъ былъ подлѣ Нарвы на устьѣ рѣки Плюсы, гдѣ бывали прежніе рубежи Московскаго государства съ Шведскимъ, хотятъ этимъ снискать себѣ вѣчную славу, а мирные переговоры вести по своей волѣ, потому что урочище на устьѣ Плюсы мѣ-

сто тѣсное и болотное, конскими кормами бѣдное, необоронное и во всемъ негодное. Потомъ Шведскіе коммиссары назначили новое мѣсто для съѣздовъ — деревню Валіесаръ, между Нарвою и Сыренскомъ. Царь писалъ Прозоровскому: «Развѣдавъ подлинно, что на съѣздѣ вамъ и нашему дѣлу порухи никакой не будетъ, съѣзжайтесь въ деревнѣ Валіесарѣ, а изъ-за мѣстъ не разъѣзжайтесь». Прошелъ еще мѣсяцъ слишкомъ въ пересылкахъ и спорахъ, и съѣзды начались только 17 Ноября. Московскіе послы требовали Ливонскихъ городовъ, Корельской и Ижерской земли; Шведскіе коммиссары объявили, что они могутъ заключить миръ только на Столбовскихъ условіяхъ. Царь послалъ сказать Нащокину: спѣшить заключеніемъ мира къ веснѣ, или, по крайней мѣрѣ, весною; помириться на Юрьевѣ Ливонскомъ, да на Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, да на Борисоглѣбовѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Царевичевѣ и на Борисовѣ. Если же будетъ нельзя, то промышлять о Борисовѣ съ которыми уѣздами пристойно, хотя много давать денегъ, за тѣмъ не стоять, только чтобъ дальше Мая не откладывать. Если же ни одного города уступить не захотятъ, то мириться на томъ, чтобъ всѣми городами владѣть до трехъ лѣтъ. Но послы 20 Декабря заключили трехлѣтнее перемиріе съ удержаніемъ всего завоеваннаго въ Ливоніи. Царь былъ въ восторгѣ; онъ приписалъ успѣхъ дѣла заступленію Богородицы, ибо съ послами была та же икона Ея (Тихвинская), которая была и съ княземъ Мезецкимъ при заключеніи Столбовскаго мира.

По обычаю, великіе послы, отправленные съ обѣихъ сторонъ для подтвержденія договора, должны были встрѣтиться въ назначенномъ мѣстѣ, сравнить свои грамоты и потомъ уже отправляться по назначенію — Шведскіе въ Москву, а Московскіе въ Стокгольмъ. Великимъ посломъ отъ царя былъ назначенъ думный дворянинъ, намѣстникъ Шацкій и Лифляндской земли надъ городами начальный воевода Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, которому было наказано промышлять о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Швеціею, а Швед-

скаго короля съ Польскимъ королемъ къ миру не допускать, уступить изъ Литовскаго княжества Шведамъ Жмудь, сулить имъ это на словахъ, а въ крѣпость не писать, для того, чтобъ не повредить миру съ Польскимъ королемъ. Въ Сентябрѣ 1659 года Нащокинъ съѣхался съ Шведскимъ посломъ Бентгорномъ на Двинѣ между Ригою и Кокенгаузеномъ и уговорился, не разъѣзжаясь, начать въ Октябрѣ переговоры о вѣчномъ мирѣ между Дерптомъ и Ревелемъ, потому что оставаться на Двинѣ было опасно отъ Польскихъ войскъ. Нащокинъ спѣшилъ заключить вѣчный миръ прежде окончанія переговоровъ, которые велись у Шведовъ съ Поляками въ Пруссіи. Царь писалъ Нащокину, чтобъ къ уступленнымъ въ Валіесарѣ Ливонскимъ городамъ вытребовать еще у Шведовъ Иваньгородъ для корабельной пристани; Нащокинъ отвѣчалъ, что Шведы никакъ на это не согласятся, «а что Жмудь имъ сулить, то и они также станутъ давать что не въ ихъ рукахъ; отъ Иваньгорода прибыли никакой нѣтъ: Нарва получше его, и та теперь запустѣла, потому что отъ Новгорода торги худы, а съ моря быть купцамъ ихъ же Шведскимъ, да къ Иваньгороду и корабли не ходятъ; когда Иваньгородъ былъ въ Русскомъ владѣньѣ, то черезъ Нарову рѣку съ городомъ Нарвою безпрестанныя ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будутъ за однимъ государемъ. Если бы даже на Шведа и упадокъ былъ и уступилъ бы онъ Иваньгородъ и Канцы, то города эти лежатъ къ Шведской и Финской землѣ, кромѣ Шведовъ другихъ купцовъ нѣтъ, на этомъ же морѣ у нихъ города Рига, Ревель, Пернау, Гапсаль, Нарва, велятъ купцамъ пріѣзжать къ своимъ городамъ, и Русскіе люди по неволѣ съ своими товарами къ ихъ же городамъ будутъ ѣздить; въ торговлѣ Русскіе люди слабы другъ передъ другомъ, туда поѣдутъ, куда ихъ поманятъ, на своихъ мѣстахъ не держатся».

Нащокинъ былъ правъ относительно неумѣренности Московскихъ требованій; но и самъ Нащокинъ сильно обманывался, думая, что Шведы согласятся на вѣчный миръ съ ус-

тупкою всего завоеваннаго Русскими въ Ливоніи; а между-тѣмъ царь повторялъ приказаніе—непремѣнно заключить вѣчный миръ, въ даль не откладывая.

Въ Февралѣ 1660 года Нащокинъ приготовлялся уговаривать Шведскихъ пословъ къ вѣчному миру на съѣздѣ, назначенномъ въ Мартѣ, какъ вдругъ поразила его страшная, неожиданная вѣсть. Сынъ его Воинъ уже давно былъ извѣстенъ какъ умный, распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодаго человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на Западъ, постоянными выходками своими противъ порядковъ Московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными Поляками, и эти учителя постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламенили его разсказами о Польской волѣ. Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ Польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію. Сынъ царскаго любимца измѣнилъ государю-благодѣтелю! Что скажутъ теперь враги Нащокина, которыхъ у него было такъ много, которые, при видимой покорности волѣ царской, не могли удержаться, чтобъ предъ посланнымъ царскимъ не назвать Нащокина временщикомъ, обязаннымъ своимъ возвышеніемъ произволу государя, не могли удержаться, чтобъ не сравнить его съ Малютою Скуратовымъ, хотя съ презрительною снисходительностію и признавали, что онъ лучше Малюты? Чего добраго было ожидать отцу измѣнника въ то время, когда, вслѣдствіе долговременнаго господства родовыхъ отношеній, родственники преступника и не столь

близкіе подвергались тяжелой опалѣ? Несчастный отецъ самъ увѣдомилъ царя о своемъ горѣ и просилъ уволить отъ посольскаго дѣла, ибо онъ обезпамятѣлъ отъ горя, отъ страха передъ казнію безъ вины. Но онъ напрасно безпокоился. Царь немедленно отвѣчалъ ему: «Вѣрному и избранному и радѣтельному о Божіихъ и о нашихъ государскихъ дѣлахъ и судящему людей Божіихъ и нашихъ государевыхъ вправду (воистину доброе и спасительное дѣло людей Божіихъ судить вправду!), наипаче же христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богопріимцу и страннопріимцу и нашему государеву всякому дѣлу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводѣ Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину отъ насъ, великаго государя, милостивое слово. Учинилось намъ вѣдомо, что сынъ твой попущеніемъ Божіимъ, а своимъ безумствомъ объявился во Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ отцу своему лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, изшедшу сему злому вихру и смятоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ отъ тебе отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на тя сея горькія болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга воистинно! Еще же скорбимъ и о сожительницѣ твоей яко же и о пустыножилицѣ и единопребывательницѣ въ дому твоемъ и пріемшую горькую пелынь тую въ утробѣ своей, и зѣло оскорбляемся двойнаго и неутѣшнаго ея плача: перваго ея плача не имущи тебя Богомъ даннаго и истинна супруга своего предъ очима своима всегда; втораго плача ея о восхищеніи и разлученіи отъ лютаго и яростнаго звѣря единоутробнаго птенца своего, напрасно отторгнутаго отъ утробы ее. О злое сіе насиліе отъ темнаго звѣря попущеніемъ Божіимъ, а вашихъ грѣхъ ради! воистинно зѣло великъ и неутѣшимъ плачъ кромѣ Божія надѣянія, обоимъ

вамъ, супругу съ супружницею, лишившася таковаго наслѣдника и единоутробнаго отъ нѣдръ своихъ, еще же утѣшителя и водителя старости и угодителя честной вашей сѣдинѣ и по отшествіи вашемъ въ вѣчная благая памятотворителя добраго. Бьешь челомъ намъ, чтобъ тебя перемѣнить: и ты отъ которагo обычая такое челобитье предлагаешь? мню, что отъ безмѣрныя печали. Обезчестенъ ли бысть? но къ славѣ, яже ради терпѣнія на небесѣхъ лежащей взирай. Отщетенъ ли бысть? но взирай богатство небесное и сокровище, еже скрылъ еси себѣ ради благихъ дѣлъ. Отпалъ ли еси отечества? но имаши отечество на небесѣхъ — Іерусалимъ. Чадо ли отложилъ еси? но ангелы имаши, съ ними же ликоствуеши у престола Божія и возвеселишися вѣчнымъ веселіемъ. Не люто бо есть пасти, люто бо есть падши не востати: такъ и тебѣ подобаетъ отъ паденія своего предъ Богомъ, что до конца впалъ въ печаль, востати борзо и стати крѣпко, и уповати, и дерзати и на его приключившееся дѣйство крѣпко и на свою безмѣрную печаль дерзостно, безо всякаго сомнительства; воистинно Богъ съ тобою есть и будетъ во вѣки и на вѣки; сію печаль Той да обратитъ вамъ въ радость и утѣшитъ васъ вскорѣ. А что будто и впрямь сынъ твой измѣнилъ, и мы, великій государь, его измѣну поставили ни во что, и конечно вѣдаемъ, что кромѣ твоея воли сотворилъ, и тебѣ злую печаль, а себѣ вѣчное поползновеніе учинилъ. И будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и въ соглашеніе твое ему: и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ и не по одно время и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова просто умышленнаго яда подъ языкомъ его не вѣдали. А тому мы, великій государь, не подивляемся, что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ, якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо

свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе отъ св. Духа во святой купели, и къ вамъ вскорѣ возвратится. И тебѣ, вѣрному рабу Божію и нашему государеву, видя къ себѣ Божію милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и отложа тое печаль, Божіе и наше государево дѣло совершать, смотря по тамошнему дѣлу; а нашего государскаго не токмо гнѣву на тебя къ вѣдомости плутости сына твоего, ни слова нѣтъ; а міра сего тлѣннаго и вихровъ исходящихъ отъ злыхъ человѣкъ не перенять, потому что во всемъ свѣтѣ разсѣяни быша, точію бо человѣку душою предъ Богомъ не погрѣшить, а вихры злые, отъ человѣкъ нашедшіе, кромѣ воли Божіей что̀ могутъ учинити? Упованіе намъ Богъ, а прибѣжище наше Христосъ, а покровитель намъ есть Духъ Святый».

Съ этою грамотою и съ порученіемъ разговаривать Нащокина отъ печали отправленъ былъ приказа тайныхъ дѣлъ подъячій Юрій Никифоровъ, которому было наказано: «Аѳанасью говорить, чтобъ онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился, и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадеживать; а что говорятъ въ мірѣ о сынѣ его, что онъ измѣнилъ, и эту измѣну причитаютъ и къ нему, то онъ бы эту мысль отложилъ и уповалъ во всемъ на всемилостиваго Бога и на государскія праведныя щедроты и на свою къ нему великому государю нелицемѣрную правду и службу и радѣнье. О сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳанасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ выслушавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аѳанасью: вспомни, что ни одинъ купецъ, не истощивъ богатства своего до конца, не можетъ въ первое свое достоинство придти, а тебѣ, думному дворянину, больше

этой бѣды впередъ уже не будетъ, больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ».

— «Твоя великаго государя неизреченная милость свѣтомъ небеснымъ мрачную душу мою озарила» отвѣчалъ Нащокинъ: «что воздамъ господеви моему за сіе? Умилосердись, повели заблудшуюся овцу въ суемысленныхъ горахъ сыскивать! Билъ я челомъ объ отставкѣ отъ посольскаго дѣла отъ жалости души моей, чтобъ мнѣ въ такомъ паденіи сынишка моего, зазорну будучи отъ всѣхъ людей, въ дѣлѣ не ослабѣть, и отъ того бы твоему великаго государя дѣлу въ посольствѣ низости не было; отъ одной же печали о заблужденіи сынишка моего, я твоего государева дѣла не оставлю: если бы я жену или чадо паче твоего дѣла возлюбилъ бы, не былъ бы милости достоинъ; нынѣ судимъ отъ Господа наказуюсь, да не съ міромъ осужусь». Подъячій Никифоровъ доносилъ, что Нащокинъ читалъ государеву грамоту со слезами и говорилъ: «Печали у меня о сынѣ нѣтъ и его не жаль, а жаль дѣла, и печаль о томъ, что сынъ мой, презрѣвъ великаго государя неизреченную милость, своровалъ; а я про то вовсе ничего не зналъ: смертной казни достоинъ я безъ всякаго милосердія, если что-нибудь зналъ. Безмѣрно горько мнѣ то, что сыну моему отданы ефимки, а я, какъ поѣхалъ изъ Москвы, билъ челомъ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, чтобъ ихъ никому не давать, а держать ихъ въ приказѣ Лифляндской земли на государевы расходы. Въ мысль мнѣ не вмѣстится, какъ это учинилось? многіе пріѣзжіе люди мнѣ сказывали, какая неизреченная государева милость была къ сыну моему въ Москвѣ, сказывали, будто посланъ онъ тайно въ Нѣмецкія земли и провожалъ его Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, и я, слыша объ этомъ, дивился».— «О сынѣ печали у меня нѣтъ» повторялъ и послѣ Нащокинъ: «Дѣло это положилъ я на судъ Божій, а о поимкѣ его промышлять и за то деньги давать не для чего, потому что онъ за неправду и безъ того пропадетъ и згинетъ, и убитъ будетъ судомъ Божіимъ».

Въ Апрѣлѣ начались съѣзды у Нащокина съ Шведскими

послами, но не повели ни къ чему: еще въ Февралѣ умеръ король Карлъ X Густавъ, и Шведскіе послы объявили, что не могутъ заключить вѣчнаго мира, потому что отъ новаго короля нужна имъ полномочная грамота новая. Эту новую грамоту они обѣщали привезти въ Іюнѣ мѣсяцѣ; но въ Маѣ заключенъ былъ у Шведовъ миръ съ Поляками въ Оливѣ, совершенно перемѣнявшій отношенія ко вреду Москвѣ: обѣ державы теперь, и Швеція и Польша, особенно послѣдняя, получили возможность усилить свои требованія относительно Москвы, которой приходилось, чтобъ успѣшно воевать и заключить выгодный миръ съ одной изъ нихъ, уступить все другой. Прошелъ Іюнь, прошло лѣто, морской ходъ минулся, а Шведскіе уполномоченные не являлись на съѣздъ. А между-тѣмъ дѣла шли худо въ Бѣлоруссіи, еще хуже въ Малороссіи; испуганный этимъ царь писалъ Нащокину, чтобъ заключалъ вѣчный миръ съ Шведами, выговоривъ изъ завоеваннаго города два или хотя одинъ, и давши за нихъ деньги, чтобъ миръ былъ сколько-нибудь честенъ. «На Черкасъ надѣяться никакъ невозможно» писалъ государь: «вѣрить имъ нечего: какъ трость, вѣтромъ колеблема, такъ и они; поманятъ на время, а если увидятъ нужду, тотчасъ Русскими людьми помирятся съ Ляхами и Татарами». — «Выговорить два города или одинъ, и ими какъ владѣть?» возражалъ Нащокинъ: «ото Пскова будутъ далеко, около нихъ все будутъ Шведскіе города, Шведскіе люди; Поляки станутъ приходить на Псковскія мѣста и разорять, а Шведы имъ не воспрепятствуютъ. Теперь, пока перемирье съ Шведами не вышло, надобно поскорѣе промышлять о мирѣ съ Польскимъ королемъ черезъ посредство курфюрста Бранденбургскаго и герцога Курляндскаго; съ Польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе Шведскаго, потому что разлились крови многія и уже время дать покой. А не уступивши Черкасъ, съ Польскимъ королемъ миру не сыскать. Прежде, когда они были отъ великаго государя неотступны, уступить ихъ было нельзя, потому что приняты были для единой православной вѣ-

ры; а теперь въ другой разъ измѣнили безъ причины: такъ изъ чего за нихъ стоять? Какъ заключенъ будетъ миръ съ Польскимъ королемъ, такъ и Татары отстанутъ; хана деньгами закупить нельзя, потому что онъ султанскій подданный: Турокъ велитъ ему помогать Польскому королю, и онъ станетъ помогать, и будетъ отговариваться, что по неволѣ помогаетъ; миромъ съ Поляками Турокъ и ханъ будутъ задавлены, а къ Шведу ханъ на помощь не пойдетъ; ужь если надобно уступить Шведу города, то можно уступить и помирясь съ Поляками; я стою за Ливонію ни изъ чего другаго, какъ только памятуя крестное цѣлованіе, у меня тутъ ни помѣстья, ни вотчины нѣтъ. Если съ Шведскимъ помириться теперь и города уступить, то съ Польскимъ королемъ миру не сыскать: это народъ гордый, подумаютъ, что у насъ большое безсилье и возвысятся безъ мѣры. А вмѣсто того, чтобъ за города платить Шведамъ деньги, лучше удержать перемирье посредствомъ Англійскаго короля: послать въ Англію умнаго человѣка, поздравить короля Карла II съ восшествіемъ на престолъ и попросить о посредничествѣ. Король согласится и будетъ радѣть для прежней дружбы, потому что государь съ Кромвелемъ дружбы не имѣлъ и въ посредники его не принялъ. Съ Польскимъ королемъ надобно мириться въ мѣру, чтобъ Поляки не искали потомъ перваго случая отомстить; взять Полоцкъ да Витепскъ, а если Поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно: прибыли отъ нихъ никакой нѣтъ, а убытки большіе: надобно будетъ безпрестанно помогать всякою казною да держать въ нихъ войско. Другое дѣло Лифляндская земля: отъ нея Русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ; а изъ Полоцка и Витепска Двиною рѣкою которые товары станутъ ходить; и съ нихъ пошлина въ Лифляндскихъ городахъ будетъ большая, жалованными грамотами и льготою отговариваться не станутъ. А если съ Польскимъ королемъ миръ заключенъ будетъ ему обидный, то онъ крѣпокъ не будетъ, потому что Польша и Литва не за моремъ, причина

къ войнѣ скоро найдется. Съѣздамъ съ Польскими коммиссарами быть въ Полоцкѣ, а въ великихъ послахъ быть боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, потому что его Литва хорошо знаетъ, разумъ и дѣла его выславляетъ вездѣ, да съ нимъ быть думному дьяку Алмазу Иванову». Объявивши свои мысли, Аѳанасій Лаврентьевичъ послалъ такое письмо къ государю: «Бьетъ челомъ бѣдный и беззаступный холопъ твой Аѳонка Нащокинъ. Моя службишка Богу и тебѣ, великому государю, извѣстна; за твое государево дѣло, не страшась никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москвѣ отъ твоихъ думныхъ людей доклады съ посяганьемъ и изъ городовъ отписка со многими неправдами, и тѣмъ разрушаются твои государевы дѣла, которыя указано мнѣ въ Лифляндахъ дѣлать; я за свою вину давно достоинъ смерти, не слышалъ бы, что тебѣ, великому государю, безпрестанно отовсюду приносятъ печали черезъ меня, беззаступнаго холопа твоего, и службишка моя до конца всѣми ненавидима. Милосердый государь! вели меня отъ посольства Шведскаго отставить, чтобъ тебѣ отъ многихъ людей докуки не было, чтобъ не было злыхъ переговоровъ и разрушенія твоему дѣлу изъ ненависти ко мнѣ».

Желаніе Нащокина было исполнено: вмѣсто него на съѣзды съ послами новаго Шведскаго короля, Карла XI, Бентгорномъ съ товарищами, въ началѣ 1661 года отправился прежній великій посолъ бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій съ товарищами: стольникомъ княземъ Иваномъ Петровичемъ Борятинскимъ, стольникомъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Прончищевымъ, дьяками Дохтуровымъ и Юрьевымъ. Въ Мартѣ начались съѣзды въ Кардисѣ между Дерптомъ и Ревелемъ. Шведскіе послы начали жалобою на Ордина-Нащокина, который не показалъ никакого расположенія къ вѣчному миру и только проволакивалъ время, водили ихъ съ мѣста на мѣсто, что и заставило ихъ, Шведовъ, по неволѣ заключить миръ съ Поляками, тогда какъ имъ гораздо желательнѣе было заключить миръ съ Россіею, чѣмъ съ Польшею. Прозоровскій

алъ своего предшественника и складывалъ всю вину овъ. Послѣ этого спора Шведы спросили, будетъ ли ллено все завоеванное въ Ливоніи? и прибавили, что ительнаго отвѣта на этотъ вопросъ они ни о чемъ не станутъ. Прозоровскій потребовалъ городовъ, от- по Столбовскому миру; Шведы отвѣчали, что объ родахъ и говорить нечего, потому что они въ преж- ахъ закрѣплены государскими душами, что они не возвратятъ Столбовскихъ уступокъ, но требуютъ и Корельской земли, которая осталась за царемъ по- бовскаго мира, да 500,000 золотыхъ червонныхъ. награду дать отъ какой неволи?» отвѣчалъ Прозо- «лучше этою казною вновь чего-нибудь доступать, апрасно давать; это вы сами можете разсудить». замъ по дружбѣ объявляемъ» продолжали Шведы: рь, за Божіею помощію, дѣла у насъ идутъ не по , какъ было лѣтъ за пять, а запросы наши не такъ акъ велики убытки, понесенные нами отъ войны».— и запросы слышать пуще войны» возражалъ Прозо- «вы это начинаете мимо прямаго настоящаго дѣла и одите отъ вѣчнаго покоя христіанскаго». Послѣ споровъ и вычетовъ, Шведы объявили, что уступа- арскую сторону остальную часть Корельской земли, жнему требуютъ завоеваннаго въ Ливоніи и денеж- ды за убытки. — «Вы уступаете то, чего у васъ ь нѣтъ» отвѣчалъ Прозоровскій: «уступите Ивань- Ямъ и Копорье, тогда великій государь поможетъ ежною казною». Шведы не хотѣли слышать ни о ступкахъ, и Русскіе уполномоченные должны были ь миръ на всей ихъ волѣ. 21 Іюня окончательно ь былъ вѣковѣчный мирный договоръ: обязались другъ всякихъ мѣрахъ всякаго добра хотѣть, лучшаго ис- всемъ правду чинить; титла обоихъ государей пи- ихъ достоинству и чести, какъ они сами себя опи- царское величество уступаетъ въ королевскую сто-

рону всѣ взятые въ Ливоніи города, а именно: Кокенгаузенъ, Дерптъ, Маріенбургъ, Анзль, Нейгаузенъ, Сыренскъ, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и крѣпостями и со всякими пушечными запасами, съ которыми они взяты; сверхъ того, выходя изъ этихъ городовъ, Русскіе обязаны оставить королевскимъ ратнымъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ — 10,000 бочекъ ржи и 5000 бочекъ жита; для земляныхъ граней въ Апрѣлѣ будущаго 1662 года выслать съ обѣихъ сторонъ межевыхъ людей по три человѣка дворянъ и дьяковъ добрыхъ; начать имъ межевать выше Новаго Городка (Нейгаузенъ) между Русскими и Шведскими деревнями по рѣчкѣ Меузицѣ; съ обѣихъ сторонъ изъ пограничныхъ областей людей не перезывать и не выводить ни тайно, ни явно; между обоими государствами быть вольной и безпрепятственной торговлѣ; по всѣмъ ихъ областямъ, всякими путями, показавши разъ свою проѣзжую память первому порубежному воеводѣ, торговый человѣкъ воленъ ѣхать всюду куда ему угодно; Русскимъ торговымъ людямъ имѣть вольные торговые дворы въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ; на тѣхъ дворахъ отправлять церковную службу въ своихъ хоромахъ, но церквей своей вѣры не ставить, кромѣ той церкви, которую они въ Ревелѣ изстари имѣли; на тѣхъ же условіяхъ Шведамъ имѣть торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ; если Русскія суда будутъ разбиты бурею у Шведскихъ береговъ, то люди безпрепятственно отходятъ оттуда со всѣмъ ихъ имѣніемъ, которое сами сберегутъ или сберечь велятъ, а Шведы должны помогать имъ въ сбереженіи имущества; такимъ же образомъ поступаютъ Русскіе со Шведами на своихъ берегахъ; посламъ, посланникамъ, гонцамъ и переводчикамъ вольно ѣздить черезъ области обоихъ государствъ во всѣ страны, которыя не состоятъ съ ними въ явной враждѣ; черезъ Шведскія области путь чистъ въ Россію иностраннымъ купцамъ съ узорочными товарами, которые годны въ казну царскаго величества, также докторамъ и лекарямъ и всякимъ служилымъ и мастеровымъ людямъ; со стороны же царскаго

величества королевскому величеству такимъ же образомъ во всемъ воздано будетъ; плѣнные съ обѣихъ сторонъ освобождаются безъ окупа, кромѣ тѣхъ, которые сами добровольно захотятъ служить на той или другой сторонѣ, и тѣхъ, которые въ Россіи приняли православную вѣру Греческаго закона; перебѣжчиковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ; обиднымъ дѣламъ расправа на рубежѣ чрезъ высланныхъ съ обѣихъ сторонъ годныхъ, добрыхъ и разсудныхъ людей; для большихъ дѣлъ оба великіе государя высылаютъ пословъ своихъ на рубежъ [22].

Миръ былъ тяжелый, потому что условіями своими вполнѣ выражалъ безплодность войны. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ возможность окончательно развязать руки относительно Швеціи была благодѣяніемъ для Москвы: Малороссія опять волновалась, Польша брала верхъ, бояринъ Московскій сидѣлъ въ оковахъ у Крымскаго поганца, война затягивалась въ безконечность и казна царская пустѣла все болѣе и болѣе.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Сношенія съ новымъ гетманомъ; отказъ въ его просьбахъ. Нерпіятельскія дѣйствія и переговоры съ Поляками. Пораженіе князя Хованскаго подъ Полонкою. Военныя дѣйствія Долгорукаго у Могилева. Переписка Бѣнѣвскаго съ Юріемъ Хмельницкимъ. Походъ Шереметева и Хмельницкаго ко Львову. Военныя дѣйствія у Любара. Отступленіе Шереметева къ Чуднову. Хмельницкій передается Полякамъ. Сдача Шереметева и плѣнъ въ Крыму. Состояніе Москвы послѣ извѣстія о Чудновскомъ несчастіи. Дурныя вѣсти съ Дону. Ссора воеводъ въ Малороссіи. Москва печатаетъ извѣстія о военныхъ дѣлахъ для Европы. Переговоры Бѣнѣвскаго и Хмельницкаго въ Корсунѣ. Черная рада. Павелъ Тетеря. Движенія на восточной сторонѣ Днѣпра въ пользу Москвы. Наказный гетманъ Самко. Запорожье, Сѣрко и Брюховецкій. Посольство Полтева въ Малороссію. Военныя дѣйствія здѣсь. Причина ихъ прекращенія. Смута въ Малороссіи: Самко, Золотаренко и Брюховецкій ищутъ гетманства. Посольство Протасьева въ Малороссію. Самко совѣтуетъ, чтобъ западная сторона была уступлена Польшѣ и чтобъ при гетманѣ Малороссійскомъ находился постоянно Великороссійскій чиновникъ. Доносы на Самка. Епископъ Меѳодій. Нашествіе Крымцевъ. Козелецкая рада. Доносы Самка и его приверженцевъ на Золотаренка, Меѳодія на Самка; Брюховецкій доноситъ и на Самка и на Золотаренка и требуетъ Ртищева въ князья Малороссійскіе. Оправдательная грамота Самка. Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Малороссіи. Хмельницкій слагаетъ гетманство и постригается въ монахи. Тетеря — гетманъ западной стороны. Продолженіе борьбы между искателями гетманства на восточной сторонѣ. Церковная усобица вмѣстѣ съ политическою. Посольство Ладыженскаго въ Малороссію. Нѣжинская рада; избраніе Брюховецкаго; казнь его противниковъ. Неудовольствія въ Украйнѣ. Пораженіе Хованскаго при Кушликахъ. Потеря Гродна, Могилева, Вильны. Судьба Виленскаго воеводы князя Данилы Мышецкаго. Печальное состояніе царскаго войска въ Бѣлоруссіи. Мирные переговоры. Размѣнъ плѣнныхъ. Трагическая смерть Гонсѣвскаго. Король сбирается перейти на восточный берегъ Днѣпра. Дѣйствія Московскаго воеводы Косогова и Сѣрка на югѣ. Вол-

неніе въ Запорожьѣ. Письмо Касогова въ Москву. Тревога въ Малороссіи по причинѣ королевскаго похода. Переговоры дьяка Вашмакова съ гетманомъ и старшиною. Нашествіе короля на восточную сторону и неуспѣхъ его. Военныя дѣйствія на западней сторонѣ. Замыселъ Выговскаго и смерть его. Заточеніе митрополита Іосифа Тукальскаго. Состояніе царскаго войска въ Малороссіи. Вражда Брюховецкаго съ епископомъ Меѳодіемъ и съ городами. Жалобы ратныхъ людей на Брюховецкаго. Оправдательное письмо его къ Хитрово. Брюховецкій требуетъ Великороссійскаго духовнаго на Кіевскую митрополію и объявляетъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву.

Мы видѣли, что грозная туча, ужаснувшая Москву въ 1659 году, пронеслась мимо; ханъ съ Выговскимъ не являлись изъ-подъ Конотопа подъ ея стѣнами; Малороссія снова подчинилась великому государю. 1659 годъ завершился удачею: въ Декабрѣ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ изъ Кіева ударилъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ обозъ [23]. Но въ Малороссіи что-то не ладилось.

Въ Декабрѣ 1659 года пріѣхали въ Москву отъ Хмельницкаго послы—Андрей Одинецъ и Петръ Дорошенко съ наказомъ бить челомъ: 1) Чтобъ царскихъ воеводъ, кромѣ Кіева и Переяславля, нигдѣ въ другихъ городахъ не было, кромѣ случаевъ непріятельскаго нашествія. — Государь указалъ: этой статьѣ быть по Переяславскому договору, а утѣсненья отъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей войску Запорожскому не будетъ. 2) Чтобъ гетману съ судьями войсковыми и иною старшиною судъ на преступныхъ людей вольно было имѣть на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, какъ надъ старшиною, такъ и надъ чернью, и осужденныхъ по закону карать: иначе водворится непослушаніе и черезъ непослушаніе смятеніе въ войскѣ; чтобъ послы гетманскіе грамоту отдавали сами въ руки царскаго величества, и чтобъ эта грамота при послахъ же была прочитываема государю. — Первая половина просьбы была отвергнута, какъ несообразная съ

Переяславскимъ договоромъ; на вторую отвѣчали: листы гетманскіе при царскомъ величествѣ принимаютъ всегда: такъ повелось издавна; это измѣнникъ Ивашка Выговскій толковалъ, будто посланцамъ ихъ листовъ до царскаго величества доносить не даютъ; но этого никогда не бывало и впередъ не будетъ; листы передъ царскимъ величествомъ читаютъ и все по нимъ государю бываетъ вѣдомо. 3) Чтобъ государь не принималъ никакихъ грамотъ, челобитенъ и посланцевъ изъ войска Запорожскаго, ни отъ старшинъ, ни отъ черни, ни отъ духовныхъ, ни отъ мірскихъ людей, безъ листа отъ гетмана и печати войсковой: это для разныхъ причинъ, потому что отъ оболганія ненавистныхъ людей многія ссоры происходятъ. — Отвѣтъ: если кто изъ войска Запорожскаго къ царскому величеству безъ гетманскаго листа и пріѣдетъ, то царское величество велитъ дѣло разсмотрѣть, и если которые люди станутъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ, а не для смуты, то царское величество и указъ имъ велитъ чинить по ихъ дѣламъ; отъ которыхъ же объявятся ссоры, то государь никакимъ ссорамъ не повѣритъ и велитъ отписать объ этомъ къ гетману. Такъ гетманъ бы ничего не опасался; если же исполнить эту ихъ просьбу, то вольностямъ ихъ будетъ нарушенье, этимъ они вольности свои сами замыкаютъ. 4) При мирныхъ переговорахъ съ королемъ Польскимъ и другими окрестными монархами быть и посламъ войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ и засѣдать въ особомъ мѣстѣ; если будетъ коммиссія съ королевскими послами, то послы войска Запорожскаго станутъ просить о возвращеніи отъ уніатовъ забранныхъ ими у православныхъ владычествъ, архимандритствъ, игуменствъ и разныхъ маетностей. Царское величество указалъ: быть по ихъ прошенью, послать имъ на съѣздъ съ Польскими коммиссарами двухъ или трехъ человѣкъ добрыхъ, а не совѣтниковъ Ивашки Выговскаго. 5) Чтобъ гетману и всему войску Запорожскому вольно было пословъ отъ разныхъ государствъ принимать и отпускать, доставляя въ Москву списки съ грамотъ, ими принесенныхъ, или даже подлинныя грамоты съ

печатами. Отвѣтъ:—Турецкихъ, Польскихъ и другихъ подобныхъ пословъ не принимать; Молдавскихъ и Валахскихъ, которые придутъ съ порубежными малыми дѣлами, принимать; если же придутъ съ большими дѣлами, то грамоты присылать въ Москву, а самихъ отпускать. 6) Чтобъ царское величество простилъ Данилу Выговскаго, Ивашку Нечая, Гришку Лесницкаго, Гришку Гуляницкаго, Самошку Богданова, Гершку Гапонова, Ѳедку Лободу, быть имъ въ прежнемъ достоинствѣ; чтобъ государь велѣлъ освободить плѣнныхъ, Ивана Сербина и другихъ.—Отвѣтъ: царское величество пожаловалъ, впередъ этимъ людямъ баннитами не быть, а когда гетманъ самъ будетъ у государя, тогда объ этомъ и указъ послѣдуетъ. 7) Чтобъ гетману и войску даны были жалованныя грамоты, какъ даны были Богдану Хмельницкому; чтобъ Юрію Хмельницкому дана была грамота на староство Чигиринское и Гадяцкій повѣтъ, съ которыхъ денежные и хлѣбные сборы должны идти на гетмана. Эта просьба была исполнена.

Юрій не былъ доволенъ Москвою: просьбы, которыя всего больше лежали у него на сердцѣ, не были исполнены. Въ это время заслышали въ Малороссіи, что сбираются на нее съ двухъ сторонъ — король Польскій и ханъ Крымскій. Въ половинѣ Іюля 1660 года гетманъ отправилъ посланцевъ къ царю съ такою *информаціею*: просить государя, чтобъ прислалъ въ Малороссію другаго боярина для обороны отъ хана Крымскаго, потому что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ Ляховъ; объявить, что король Польскій, хитрый въ думахъ и въ уставѣ, наступаетъ крѣпко на царское величество и на города Украинскіе съ посполитымъ рушеніемъ; къ нему на помощь Крымскій ханъ послалъ калгу съ мурзами. Просить государя, чтобъ велѣлъ Донскимъ козакамъ промышлять надъ Крымскими городами и такимъ образомъ помѣшать соединенію Татаръ съ Поляками. Просить, чтобъ государь отпустилъ шурина гетманскаго Ивана Нечая, потому что однимъ человѣкомъ богатая земля не

убожится, а бѣдная не богатѣетъ: «Сколько разъ» писал Юрій въ грамотѣ: «просилъ я ваше царское величество о Иванѣ Нечаѣ, но до сихъ поръ не могъ получить желаемаго: думаю, что писаніе мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило; сестры мои двѣ вдовы: одна по Даниле Выговскомъ, другая по Иванѣ Нечаѣ, съ дѣтками безпрестанно слезы проливаютъ кровавыя, на меня нарекаютъ и докучаютъ и просятъ, чтобъ вашему царскому величеству билъ челомъ и писалъ». Посланцы гетманскіе объявили въ Москвѣ, что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ короннаго войска, а съ нимъ пошло 11 полковъ Черкасскихъ, всѣхъ ратныхъ людей у него 60,000, а наказнымъ гетманомъ при Черкасахъ Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цыцура. Коронный гетманъ Потоцкій стоитъ около Межибожа, а войска у него съ 10,000; Чарнецкій и Сапѣга стоятъ подъ Борисовымъ: два раза приступали они къ этому городу, но были отбиты. Въ Запорожье гетманъ посылаетъ два полка — Черкасскій да Каневскій, а съ кошевымъ въ Запорогахъ съ 10,000 войска, да охотниковъ съ Сѣркомъ 5000: велѣно имъ промышлять надъ Татарами.

Царь отвѣчалъ гетману, что къ нему на помощь отъ Татаръ идетъ изъ Москвы окольничій князь Осипъ Щербатый со многими ратными людьми, да изъ Бѣлгорода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій пошлетъ товарища своего Петра Скуратова; къ Донскимъ козакамъ уже посланъ приказъ промышлять надъ Крымцами. Въ просьбѣ объ освобожденіи Нечая и на этотъ разъ было отказано гетману; царь писалъ ему: «Иванъ Нечай намъ измѣнилъ, Польскому королю Яну Казимиру присягалъ, нашихъ ратныхъ людей на проѣздахъ многихъ побивалъ, въ Мстиставль и Кричевъ мѣщанамъ прелестные листы писалъ, по которымъ мѣщане намъ измѣнили, воеводъ нашихъ и ратныхъ людей побили, а иныхъ воеводъ онъ, Нечай, отослалъ къ Польскому королю; онъ же изъ Чаусъ подъ Могилевъ и подъ Мстиславль приходилъ, многое разоренье и кровопролитіе починилъ, въ Смоленскъ къ воеводѣ и въ другіе горо-

да воровскіе листы писалъ, называясь вѣрнымъ подданнымъ Польскаго короля; въ Быховѣ заперся, нашихъ милостивыхъ грамотъ не послушалъ, почему и взятъ въ Быховѣ нашими ратными людьми. Польскій король и теперь съ нами войну ведетъ, такъ намъ Нечая къ вамъ въ войско Запорожское отпустить нельзя, потому что онъ, по присягѣ своей, станетъ Польскому королю желать всякаго добра, а намъ и вамъ всякаго зла» [24].

Но страшное зло сдѣлалось и безъ Нечая. Непріятельскія дѣйствія между Московскими и Польскими войсками не прекращались. Въ Генварѣ 1660 года бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій взялъ Брестъ, выжегъ его и высѣкъ, поразивши въ трехъ битвахъ троихъ непріятельскихъ вождей — Полубенскаго, Обуховича и Огинскаго [25]. А между-тѣмъ въ Борисовъ пріѣхали князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами для мирныхъ переговоровъ съ Польскими уполномоченными; для участія въ этихъ переговорахъ пріѣхали и послы войска Запорожскаго — Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко и Ѳедоръ Коробка съ 53-мя козаками. Относительно Малороссіянъ Одоевскій получилъ наказъ: отвести имъ въ Борисовѣ дворы добрые; для береженья быть у нихъ стрѣльцамъ, чтобъ имъ отъ ратныхъ государевыхъ людей никакой тѣсноты и безчестья не было; на съѣздахъ сидѣть имъ въ государевомъ шатрѣ особо на скамьѣ или на стульяхъ отъ посольскаго стола недалеко, гдѣ пристойно, а къ шатру и отъ шатра велѣть имъ ѣздить за дьяками; а о рубежахъ съ Польскими коммиссарами говорить имъ по информаціи, какая имъ дана отъ гетмана Юрія Хмельницкаго и отъ всего войска Запорожскаго. Въ информаціи говорилось, что Волынь и Подолія не должны отдѣляться отъ владѣній царскаго величества, тѣмъ болѣе, что государь уже называется Волынскимъ и Подольскимъ; чтобъ унія была уничтожена; чтобъ плѣнники Украинскіе, особенно взятые не на войнѣ, были возвращены; чтобъ была сво-

бодная торговля между Малороссіею и Польшею. Но информація оказалась ненужною: Русскіе уполномоченные не дождались Польскихъ коммиссаровъ въ Борисовѣ. Въ Мартѣ мѣсяцѣ коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обозный Андрей Потоцкій, Выговскій съ Поляками и Татарами начали военныя дѣйствія на югѣ, безъ успѣха приступали къ Могилеву (на Днѣстрѣ), Браславлю, Умани, жгли села и разсылали всюду прелестныя грамоты; зимній походъ былъ труденъ: войско терпѣло сильный голодъ, потому что крестьяне попрятали весь хлѣбъ въ ямы, а сами заперлись въ крѣпостяхъ вмѣстѣ съ козаками; край опустѣлъ; ханъ прислалъ только нѣсколько тысячъ Татаръ и то очень изнуренныхъ. Гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ въ Апрѣлѣ коммиссарамъ: «Если мы заключимъ миръ съ Москвою, то обѣ фуріи, и Турецкая и Татарская, непремѣнно бросятся на насъ, потому что господари Молдавскій и Волошскій поселили въ Татарахъ большое недовѣріе къ намъ, внушивъ, что мы согласились съ Москвою противъ нихъ. Я желалъ бы мира съ Москвою, но если за нимъ должна послѣдовать Турецкая война, то надобно хорошенько обдумать дѣло». Вотъ еще новая причина неуступчивости и медленности со стороны коммиссаровъ! [26] Они стали отказываться писать царя *Малыя и Бѣлыя Россіи* самодержцемъ, стали требовать, чтобъ Московскіе уполномоченные не писали Запорожскихъ посланныхъ подданными царскими и чтобъ эти посланные не имѣли вольнаго голоса при переговорахъ. «Странное дѣло!» отвѣчалъ имъ Одоевскій: «у васъ на сеймахъ посолъ каждаго повѣта имѣетъ вольный голосъ; въ Малороссіи повѣтовъ много, а вы не хотите Малороссійскимъ посламъ дать вольнаго голоса при нашихъ переговорахъ!» Коммиссары прислали сказать Одоевскому, что послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій былъ провозглашенъ гетманомъ, посланцы его за него и за все войско присягали королю въ Шубинѣ. Одоевскій показалъ грамоту коммиссаровъ Золотаренку, и тотъ отвѣчалъ имъ: «Святаго божественнаго маестата дѣло отнимать

земли у одного монарха и отдавать ихъ другому, и вы, не желая называть насъ подданными царскими, волѣ Божіей противитесь. Несмотря на то, что нѣкоторые Ляхи, находившіеся въ войскѣ Запорожскомъ, старались склонить его на Польскую сторону, войско, какъ скоро узнало объ ихъ замыслахъ, свергнуло съ безчестіемъ Выговскаго и отдало булаву Хмельницкому, который, какъ достойный сынъ, пошелъ по стопамъ отцовскимъ и воскресилъ въ войскѣ присягу царскому величеству, умерщвленную насиліемъ Выговскаго, и теперь на Украйнѣ нѣтъ ни одного полка, ни одного полковника, ни одного товарища, который былъ бы подданнымъ королевскимъ». Въ то время, какъ шла эта безполезная переписка, 29 Апрѣля ночью, Поляки, съ 1000 человѣкъ, явились подъ Вильною, овладѣли большимъ городомъ и начали приступать къ замку; но Русскіе солдаты сдѣлали удачную вылазку изъ замка и выбили непріятеля изъ большаго города. Съ Польскими ратными людьми приходило подъ Вильну много шляхты, присягнувшей прежде царю; наканунѣ непріятельскаго прихода нѣкоторые изъ этой шляхты пріѣзжали подъ Вильну для провѣдыванія; мѣщане вышли къ нимъ на встрѣчу за пять верстъ и разсказали, на которыя мѣста въ городѣ лучше ударить; когда же Поляки подошли къ Вильнѣ, то мѣщане помостили имъ мосты черезъ рвы, ворота съ ними заодно высѣкали и къ замку приводили, указывая на слабыя мѣста. Извѣстный намъ Нѣжинскій протопопъ Максимъ писалъ Нѣжинскому сотнику Роману Ракушкѣ, бывшему въ Борисовѣ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ: «Ради Бога, будьте осторожны на этой коммиссіи съ Ляхами, зная Ляцкую хитрость, и боярамъ скажите, чтобъ были осторожны; знаю подлинно, что Ляхи призвали въ Литву 12,000 Татаръ и хотятъ подвести ихъ измѣною на царскихъ уполномоченныхъ. Объ этихъ Татарахъ выпытали въ Прилукахъ у пьянаго чернеца Тарасія Бузскаго, который былъ при митрополитѣ Балабанѣ, пріѣзжалъ съ нимъ изъ Слуцка въ Кіевъ и опять съ нимъ уѣхалъ, лютый кобель, и хотя подъ клобукомъ, а на-

стоящій іезуитъ; теперь после Пасхи пріѣзжалъ онъ изъ Слуцка къ пану гетману, сказываетъ, съ митрополичьими письмами; такъ онъ говорилъ, что Заднѣпровье король выдалъ Туркамъ и Татарамъ, чтобъ огнемъ и мечемъ выгубили». Наконецъ, 18 Іюня, Одоевскій получаетъ коротенькую записку отъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго, который осаждалъ Ляховичи: «Князь Никита Ивановичъ! Бога ради берегитесь: идутъ на васъ люди изъ Жмуди, а на насъ ужь пришли—Чарнецкій съ товарищами; посольству у васъ никакъ не статься, обманываютъ; не покручинься, что коротко написалъ: и много было писать да некогда, пошелъ противъ непріятеля. Ивашка Хованскій челомъ бьетъ, Бога ради берегитесь!» Не долго послѣ того послы ждали новыхъ вѣстей: 20 Іюня прибѣжалъ изъ полковъ Хованскаго солдатъ и объявилъ о страшномъ несчастіи: 17 числа Хованскій выступилъ изъ обоза подъ Ляховичами, ночевалъ въ двадцати верстахъ въ мѣстечкѣ Мышахъ и на другой день, 18 Іюня, въ десяти верстахъ отъ Мышей, въ мѣстечкѣ Воловѣ (Полонкѣ) встрѣтился съ Польскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Полубенскаго и Кмитича; здѣсь Русская пѣхота потерпѣла совершенное пораженіе, воевода князь Семенъ Щербатый попался въ плѣнъ, двое сыновей князя Хованскаго и воевода Змѣевъ были ранены; Хованскій отецъ съ остальнымъ войскомъ побѣжалъ къ Полоцку; обозъ подъ Ляховичами достался побѣдителямъ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, уполномоченные немедленно же выѣхали изъ Борисова въ Смоленскъ [27].

Такъ исполнилось пророчество царя относительно Хованскаго, который съ этихъ поръ сдѣлался знаменитъ своими пораженіями [28]. Но кромѣ Хованскаго въ Бѣлоруссіи былъ еще другой воевода, прославившійся разбитіемъ и взятіемъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. 3 Октября онъ далъ знать изъ села Губарева, отъ Могилева за 30 верстъ, что въ трехдневномъ бою, 24, 25 и 26 Сентября, онъ разбилъ гетмана Павла Сапѣгу, Чар-

нецкаго, Паца и Полубенскаго, взялъ у нихъ 19 человѣка плѣнныхъ; 10 Октября новыя вѣсти отъ Долгорукаго оттуда же, что гетманъ Сапѣга приходилъ на его обозъ, но былъ отбитъ. По Польскимъ извѣстіямъ, Сапѣга и Чарнецкій напали съ двухъ сторонъ на войска Долгорукаго, разставленныя въ лѣсу въ числѣ 25,000; конницу разбили, но пѣхота, храбро защищаясь, въ порядкѣ возвратилась въ свой лагерь. Въ слѣдующіе дни Поляки окружили Долгорукаго, отнимали съѣстные припасы, шедшіе изъ Смоленска, перенимали людей, хотѣвшихъ пробраться въ Смоленскъ. Въ это время Хованскій, собравшись снова съ силами у Полоцка, въ числѣ 12,000 человѣкъ, началъ наступать на Поляковъ сзади. Чарнецкій и Сапѣга обратились на него и принудили бѣжать; этимъ временемъ Долгорукій отступилъ къ Могилеву, а брата своего Петра послалъ къ Шклову; но князь Петръ потерпѣлъ пораженіе подъ этимъ городомъ [29].

На югѣ дѣла шли еще хуже. Здѣсь Поляки прежде всего хлопотали около новаго гетмана, склоняя его на сторону королевскую. Въ концѣ Генваря 1660 года Бѣнѣвскій писалъ Юрію: «Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ Поляковъ: но неужели природный панъ вашъ король потому кажется вамъ жестокосердымъ, что, какъ добрый отецъ, покрылъ ризою милости и далъ перстень сынамъ заблудшимъ? не потому ли онъ вамъ кажется жестокосердымъ, что всякому до него, какъ до отца, доступъ и разговоръ вольный? или потому, что всѣ присланные отъ васъ были одарены и удовольствованы? или наконецъ потому, что помазанникъ Божій присягнулъ Царю царей вмѣстѣ съ сенатомъ и рѣчью посполитою, что васъ, какъ дѣтей, принимаетъ и вольностей вашихъ никогда не нарушитъ. А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украйна мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на крюкѣ, дочь въ плѣну и въ безчестіи; когда бы увидѣлъ другаго зятя неслыханно замученнаго; когда бы

увидѣлъ тѣло его истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза вынутые и серебромъ залитые, уши буравомъ просверленныя и серебромъ залитыя; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ милаго мужа; когда бы увидѣлъ сиротъ малыхъ, у которыхъ отца такъ замучили — еслибъ Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только принялся бы за оружіе, но и въ огонь ринулся бы; наконецъ разоренное Заднѣпровье и ежедневныя обиды — дивно мнѣ, какъ все это могло полюбиться? Знаю, что вы присягали царю, но знаю, что не по доброй волѣ; знаю, въ какомъ опасномъ положеніи находились вы подъ Терехтемировымъ; нескорое прибытіе нашей помощи причиною тому, что вы принуждены были присягнуть царю. Но смотрите, какъ сдержаны обѣщанія царскія! Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же человѣкъ замученъ? Не только печаль, но и безчестье всему войску — прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго, на весь свѣтъ славнаго, въ войскѣ заслуженнаго, а вашей милости шурина. Удивляюсь, что панъ Ковалевскій, присяжный мой братъ, такъ скоро забылъ присягу свою, которую далъ Богу и пану своему природному, забылъ милость панскую, забылъ и мои къ себѣ милости. Не такимъ я зналъ пана Ковалевскаго прежде, во времена покойнаго родителя вашего; вспомнилъ бы то, какъ былъ переводчикомъ у покойника, какъ тотъ черезъ него все дѣлалъ. Если бы родитель вашъ хотя немножко побольше пожилъ, то водворилъ бы совершенный покой, радѣніемъ и трудами пана Ковалевскаго, который пусть припомнитъ, какія были къ нему милости отъ короля и королевы; а теперь онъ спиною къ помазаннику Божію обращается, несмотря на свою присягу, несмотря на то, что прежде самъ указывалъ способъ, какъ дѣйствовать противъ Москвы. Знаю, что васъ, панъ гетманъ, отлучаютъ отъ насъ двоякаго рода представленіями: вопервыхъ стращаютъ, что Ляхи будутъ мстить вамъ за обиды, нанесенныя имъ отцемъ вашимъ; но убей меня Богъ съ душою и тѣ-

ломъ, если намъ въ голову входитъ что-нибудь подобное; съ какой стати будемъ мстить вамъ! вѣдь вы еще не поднимали рукъ на короля и республику; скорѣе надобно было бы мстить на панѣ Выговскомъ, который такъ жестоко на Польшу наступалъ и, надобно признаться, при покойномъ родителѣ вашемъ, никакъ не склонялся на нашу сторону; но сами знаете, какъ онъ теперь взысканъ милостію королевскою, какою честію украшенъ. Вспомните и о панѣ Антонѣ Ждановичѣ: начавши отъ Кракова прошелъ онъ съ огнемъ Польшу, а теперь взысканъ также милостію королевскою. И другихъ примѣровъ безчисленное множество. Бойся, панъ гетманъ, не Польши, бойся Москвы, которая скоро захочетъ доходовъ Малороссійскихъ и поступитъ съ вами какъ съ другими. Во-вторыхъ говорятъ, что у Ляховъ нѣтъ войска, говорятъ: и собака на насъ не залаетъ, какъ пойдемъ въ землю Польскую. Но жестоко обманется войско Запорожское такими вѣстями: до сихъ поръ, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ были мы окружены непріятелями, мы давали имъ отпоръ; теперь же, когда съ Шведскимъ королемъ уже заключено перемиріе на 15 лѣтъ, когда войска короля Шведскаго вступили къ намъ въ службу, когда наши войска соединились или скоро соединятся съ ордою, когда вся шляхта вооружится, когда войска изъ Пруссіи съ паномъ Чарнецкимъ, изъ Курляндіи съ Полубенскимъ уже направляются въ Литву, то увидятъ, какъ мы безсильны! Не думайте, что король призываетъ васъ, чувствуя свою слабость; нѣтъ, онъ зоветъ васъ потому только, чтобъ Украйна не стала пустынею и чрезъ то не отворились бы ворота въ Польшу; притомъ же панъ природный не мечемъ, но добротою хочетъ привлечь къ себѣ подданныхъ. Свою шею заложу за вашу безопасность, при васъ и съ вами хочу быть. Ради Бога размыслите хорошенько, не навлекайте на себя проклятія за клятвопреступленіе и поступайте по правдѣ, а то теперь какъ смотрѣть на ваши поступки? пишете ко мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ, а посланца моего въ заключеніи держали и хотѣли въ Москву отослать!

Разсуди, милостивый панъ, и то: хорошо ли отправить пословъ къ помазаннику Божію съ изъявленіемъ покорности, а потомъ поступить совершенно иначе: не значитъ ли это съ Богомъ и государемъ шутить? ибо что дѣлаетъ посолъ, то все равно что дѣлаетъ самъ панъ. Вы своихъ пословъ, людей невинныхъ, подъ такую бѣду подвели! Но я, зная, что не одна мать родила всѣхъ, пословъ этихъ держу у себя въ чести, всякій день вмѣстѣ со мною ѣдятъ и пьютъ, всего у нихъ довольно. Я бы ихъ давно уже отпустилъ, но панъ воевода Кіевскій (Выговскій) просилъ не отпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ прислана къ нему жена его. Подарите меня за мои услуги, выпустите невинную женщину, потому что не рыцарское дѣло съ женщинами воевать, а я посылаю письменную присягу, что какъ скоро пріѣдетъ въ Межибожь панья Выговская, сейчасъ же отпущу къ вамъ пановъ пословъ вашихъ». Хмельницкій сказалъ посланному Бѣнѣвскаго: «Я другъ твоему пану; пріѣзжаетъ къ намъ или не пріѣзжаетъ—какъ хочетъ, потому что не мое правленіе, а пана Ковалевскаго».

Этотъ отвѣтъ показывалъ лучше всего ничтожность Хмельницкаго; справедливо отозвался объ немъ Кіевскій воевода Шереметевъ, который, повидавшись съ Юріемъ, сказалъ: «Этому гетманишкѣ надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать». При этомъ свиданіи, которое дало Шереметеву такое невыгодное мнѣніе о Хмельницкомъ, они уговорились идти ко Львову, и въ концѣ Августа дѣйствительно выступили въ походъ, по двумъ разнымъ дорогамъ: Шереметевъ пошелъ на Котельню, Хмельницкій на Гончариху; къ Шереметеву присоединился отрядъ козаковъ подъ начальствомъ Цецуры. Непріятель умѣлъ утаить свои движенія и свои силы, и на Волыни у Любара Шереметевъ встрѣтилъ тридцатитысячное Польское войско подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго и маршалка Любомирскаго; но съ Поляками шло еще 60,000 Татаръ. Видя превосходство силъ непріятельскихъ, Шереметевъ засѣлъ въ обозѣ, изъ котораго отбивался впро-

долженіе двухъ дней, 5 и 6 Сентября; 1500 Москвичей и 200 козаковъ полегло при этой оборонѣ. Но бѣды только начинались: въ Московскомъ обозѣ оказался голодъ. Чтобъ промыслить что-нибудь, 9 Сентября воевода выслалъ трехтысячный отрядъ; но Татары уже стерегли его на дорогѣ, ударили изъ западни, убили 500 человѣкъ, взяли въ плѣнъ 300. Прошло три дня; въ Русскомъ обозѣ царствовала глубочайшая тишина; только по дыму да по лошадямъ, пасущимся внутри и внѣ обоза, можно было догадаться, что въ немъ еще сидятъ люди. Русскіе притаились нарочно, и 13 числа, около 6 часовъ утра, вдругъ выступили на поле, разстилавшееся между двумя непріятельскими станами; Поляки однако не были застигнуты въ расплохъ и поспѣшили къ нимъ на встрѣчу; увидавши ихъ, Русскіе немедленно скрылись въ свои укрѣпленія; Поляки возвратились, но только что успѣли сойти съ лошадей, какъ Русскіе опять показались въ полѣ и четыре раза повторяли эту тревогу. Они не могли долѣе оставаться въ покоѣ: не было ни людскихъ, ни конскихъ кормовъ, ни пороха. 14 числа ночью они подкрались было подъ станъ непріятельскій, но, увидавъ, что Поляки готовы биться, ушли назадъ. Всѣ эти безполезныя движенія только еще болѣе раздражили голодное войско. Козаки первые взволновались и рѣшили уходить; но въ то время, какъ они уже готовы были садиться на коней, является Шереметевъ съ саблею въ рукахъ, упрекаетъ ихъ въ трусости и обѣщаетъ, если останутся, заплатить имъ въ Кіевѣ хорошія деньги. Козаки успокоились; но на другой день, 16 числа, взволновалось и Московское войско, требуя, чтобъ бояринъ выводилъ его ночью изъ обоза, гдѣ оно не можетъ долѣе выносить голода. Шереметевъ отказалъ: «Стыдно намъ бѣжать, будучи въ такой силѣ» говорилъ онъ: «подождемъ до завтрашняго утра, до семи часовъ». Бояринъ никакъ не могъ рѣшиться бѣжать ночью, воровски; онъ хотѣлъ выступить честно, днемъ, въ виду непріятеля. Исполняя данное слово, онъ передъ разсвѣтомъ отправилъ обозъ съ слабѣйшею частію войска, а самъ

выступилъ послѣ съ лучшими полками, отлично отбиваясь отъ наступавшихъ Поляковъ и Татаръ, по свидѣтельству самихъ враговъ. Но это отступленіе не могло совершиться безъ большихъ потерь: кромѣ множества убитыхъ, Русскіе оставили въ рукахъ непріятеля 400 телѣгъ и девять пушекъ. Отдыхать было нельзя: послѣ тяжелаго дня Русскіе должны были продолжать отступленіе всю ночь. Только въ 7 часовъ утра 18 числа достигли они города Чуднова; измученные, не успѣли они еще вздохнуть, оглядѣться, какъ въ 10 часовъ явились Поляки, заняли зàмокъ и гору, господствующую надъ городомъ. Русскимъ поэтому не было никакой возможности оставаться здѣсь: захвативши, сколько можно было, съѣстныхъ припасовъ и зажегши городъ, они вышли изъ него и расположились станомъ подлѣ. Таборъ ихъ представлялъ видъ треугольника: Московскіе полки расположились на низменности, козаки занимали возвышеніе. Но едва успѣли они размѣститься на новосельѣ, какъ непріятели окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и гранаты полетѣли въ таборъ. Но въ это время стали приходить слухи о приближеніи Хмельницкаго: Поляки боялись, чтобъ гетманъ не занялъ высокой горы, находившейся позади ихъ стана, и потому перенесли его за рѣку Тетерю. Русскіе обрадовались, что могли вздохнуть нѣсколько свободнѣе; притомъ же, по указанію Чудновскихъ жителей, они отыскали запасы хлѣба и могли спокойно дожидаться Черкасъ. Но Польскіе вожди не хотѣли оставить ихъ въ этомъ спокойствіи: они рѣшились сдѣлать то же, что нѣкогда старый Хмельницкій сдѣлалъ подъ Зборовымъ: Потоцкій остался наблюдать за Шереметевымъ, а Любомирскій двинулся на перерѣзъ Юрію Хмельницкому и напалъ на него подъ Слободищами. Жаркая схватка съ козаками стоила дорого Полякамъ, не давши имъ никакого перевѣса, но уже одно неожиданное появленіе Любомирскаго произвело сильное впечатлѣніе: Поляки тутъ, а гдѣ Шереметевъ? чтò съ нимъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приносятъ грамоту отъ Выговскаго, съ увѣщаніемъ отложиться отъ Москвы, которой

силы уже сокрушены, которая болѣе не свѣтитъ, а чадитъ, какъ погасающая лампада; съ уничтоженіемъ войска Шереметевскаго, что немедленно должно послѣдовать, вся тяжесть войны падетъ на гетмана Малороссійскаго; а король милосердъ и отъ великодушнаго народа Польскаго козаки получатъ то, чего не дождаться имъ отъ варварства Московскаго.

Между-тѣмъ Шереметевъ хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Любомирскаго и выйти изъ стана, но Потоцкій загородилъ ему дорогу и принудилъ возвратиться, и въ тотъ же день пришелъ назадъ Любомирскій изъ-подъ Слабодищъ. Что же Хмельницкій? вмѣсто того, чтобъ по слѣдамъ Любомирскаго двинуться на помощь къ Шереметеву, онъ 1 Октября прислалъ въ Польскій станъ грамоту съ просьбою о мирѣ, а 3 числа козакъ перебѣжчикъ изъ Русскаго стана принесъ извѣстіе, что бояринъ на другой день готовится выступить къ Пяткамъ для соединенія съ Хмельницкимъ. Цѣлую ночь не спалъ Потоцкій, готовясь къ кровавому дню, и не напрасно: небывалый бой загорѣлся 4 Октября, когда Русскіе съ послѣдними, отчаянными усиліями порывались пробиться сквозь ряды Поляковъ и Татаръ. Никакія усилія не помогли: Шереметевъ возвратился назадъ въ свой таборъ, полкъ Потоцкаго ворвался было туда же за нимъ, но былъ выбитъ. Поляки говорятъ, что если бы Татары сражались какъ надобно, то войско Шереметева было бы окончательно сокрушено въ этотъ день, но Татары, бросившись грабить Русскія телѣги, покинули битву прежде чѣмъ слѣдовало. Русскіе, по счету Поляковъ, потеряли 3000 убитыми.

На другой день, 5 числа, Хмельницкій прислалъ новыя предложенія въ Польскій станъ; въ отвѣтъ было отправлено приглашеніе явиться лично и принести присягу королю. Черезъ два дня, 8 Октября, гетманъ Малороссійскій пріѣхалъ; Поляки изумились, увидавъ наслѣдника страшнаго для нихъ имени: это былъ черноватый осьмнадцатилѣтній мальчикъ, скромный, неловкій, молчаливый, смотрѣвшій послушникомъ монастырскимъ, а не гетманомъ козацкимъ и сыномъ знаменитаго Хмеля. 9

числа Юрій присягнулъ королю, и вечеромъ того же дня отправилъ письмо въ Русскій станъ къ Цецурѣ, съ объявленіемъ, что миръ съ Польшею заключенъ и чтобъ полковникъ слѣдовалъ примѣру гетмана, переходилъ на королевскую сторону. 11 Октября Цецура отвѣчалъ, что отдѣлится отъ Москалей, какъ скоро удостовѣрится въ присутствіи своего гетмана у Поляковъ, и вотъ Хмельницкій является на холмѣ подъ бунчукомъ. При этомъ видѣ Цецура съ 2000 козаковъ (другіе остаются въ обозѣ) рванулся изъ табора; Татары бросаются на нихъ, думая, что это вылазка, Поляки спѣшатъ защитить перебѣжчиковъ; около 200 козаковъ гибнетъ отъ Татаръ, другіе цѣпляются за Польскихъ всадниковъ и достигаютъ табора. Цецура произвелъ здѣсь совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ Хмельницкій: онъ былъ приземистъ, крѣпокъ, пріятной наружности, въ глазахъ горѣла отвага, движенія тѣла изобличали подвижность духа [30].

Побѣгъ Цецуры былъ окончательнымъ ударомъ для Шереметева: о помощи нечего было и думать, а между-тѣмъ «отъ пушечной и гранатной стрѣльбы тѣснота была великая; съ голоду ратные люди ѣли палыхъ лошадей и мерли; пороху и свинцу у нихъ не стало». Въ такомъ отчаянномъ положеніи Шереметевъ продержался еще одиннадцать дней, и 23 Октября рѣшился вступить въ переговоры съ Польскими вождями; подписаны были слѣдующія условія: 1) Царскія войска должны очистить Малороссійскіе города: Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, оставя въ нихъ пушки и всякіе пушечные запасы, послѣ чего беспрепятственно отступятъ къ Путивлю, взявши съ собою имѣніе свое и казну царскую. 2) Войско Шереметева, сдавши оружіе, всѣ военные запасы и хоругви, остается въ обозѣ три дня, а на четвертый выступаетъ въ города — Кодню, Котельню, Паволочь и ближнія мѣста. 3) Шереметавъ съ начальными людьми остается у гетмановъ коронныхъ и у султана Крымскаго, пока царскія войска не выйдутъ изъ Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова; имъ позволяется оставить при себѣ только сабли

иметь сто топоровъ въ войскѣ для рубки дровъ; когда упомянутые города будутъ очищены, то войско, подъ защитою королевскихъ полковъ, отпустится къ Путивлю, гдѣ будетъ ему возвращено все ручное оружіе; дорогою Русскихъ ратныхъ людей не будутъ ни грабить, ни побивать, ни въ плѣнъ брать; пищу себѣ и лошадямъ вольно имъ будетъ покупать. 4) Козаки, оставшіеся въ таборѣ Шереметева по уходѣ Цецуры, выйдутъ напередъ изъ обоза, оружіе и знамена повергнутъ подъ ноги гетмановъ коронныхъ, и Москвѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. 5) Шереметевъ съ товарищами ручаются, что воевода князь Юрій Никитичъ Борятинскій на всѣ эти статьи согласится, пріѣдетъ къ гетманамъ и останется у нихъ до очищенія Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова; если же онъ этого при первой повѣсткѣ не сдѣлаетъ, то уговорныя статьи до него не касаются.

Вслѣдствіе этого Шереметевъ немедленно отправилъ грамоты къ Борятинскому, стоявшему подъ Кіевомъ, и другому воеводѣ, Чаадаеву, находившемуся въ самомъ Кіевѣ, просилъ ихъ согласиться на Чудновскій договоръ; Шереметевъ писалъ: «Вамъ бы учинить по этому нашему договору, а въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ государевымъ ратнымъ людямъ быть неучего, потому что Юрій Хмельницкій со всѣмъ войскомъ и съ городами измѣнилъ». Но Борятинскій, не находясь въ положеніи Шереметева, не думалъ, что Малороссія потеряна для Москвы потому только, что Хмельницкій передался Полякамъ. «Я повинуюсь указамъ царскаго величества, а не Шереметева; много въ Москвѣ Шереметевыхъ!» отвѣчалъ Борятинскій. Получивши этотъ отвѣтъ, Поляки сочли себя въ правѣ задержать воеводъ и войско, ибо главное условіе — очистка городовъ Малороссійскихъ, не было исполнено. Но прежде всего надобно было удовлетворить хищныхъ союзниковъ, и самый важный плѣнникъ, за котораго надѣялись получить самый богатый выкупъ, Шереметевъ, отведенъ былъ въ Крымъ, гдѣ сначала сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ въ ханскомъ дворцѣ; потомъ, по ходатайству Сефергазы-аги, канда-

лы съ него сняли и послали въ Жидовскій городъ; здѣсь о имѣлъ при себѣ священника, толмача, могъ писать въ Мос грамоты, и воспользовался этимъ, чтобъ отомстить Борят скому, сложивши на него всю вину Чудновскаго несчас «Я и гетманъ писали къ нему, чтобъ шелъ намъ помог онъ было и выступилъ и отошелъ отъ Кіева верстъ съ но, не дойдя до насъ, поворотилъ назадъ, пограбилъ м мѣстечекъ и деревень, а гетману, который его ждалъ, мощи не далъ» [31]. Видя, что Московскіе воеводы не на рены сдавать Кіева, Поляки отправили туда тайно пана Ч линскаго поднимать жителей противъ Москвы; воевода узн о незванномъ гостѣ и посадилъ его подъ стражу; но Чапл скому удалось уйти изъ-подъ стражи; онъ скрылся въ мо стырѣ, гдѣ игуменъ Сафоновичь обрилъ у него бороду и у нарядилъ монахинею и велѣлъ выпустить изъ города въ время, когда монахини коровъ выгоняютъ [32].

Сильно испугала Москву вѣсть о Конотопскомъ пораже еще бо̀льшій ужасъ навела вѣсть о Чудновскомъ. Тогда истр лена была часть войска, сгибли вожди молодые; теперь лое войско, опора власти царской въ Малороссіи, не су ствуетъ, и бояринъ и воевода, которымъ по справедливо гордились, котораго царь величалъ «вѣрнымъ и истинны послушникомъ своимъ, храбрымъ и мужественнымъ архист тигомъ», бояринъ Шереметевъ въ позорномъ плѣну у Кр скаго поганца! Тогда ханъ съ Выговскимъ были ближе Москвѣ, но и теперь боялись, что наступающая зима пос летъ гладкій путь Полякамъ и Крымцамъ, и нѣтъ больше вой которое бы можно было противупоставить имъ; съ дру стороны можетъ явиться подъ Москвою войско Литовск гордое побѣдою надъ Хованскимъ, и какое ручательство, Шведъ не захочетъ воспользоваться бѣдою Москвы и не падетъ на нее съ третьей стороны, какъ прежде напалъ Польшу? Боялись и другаго рода несчастія — боялись бунта ни Московской, раздраженной бѣдствіями продолжительной ны, и войны теперь несчастной. Опять во дворцѣ начали при

...иться къ отъѣзду царя въ Ярославль или Нижній [34]. А тутъ ... дурныя вѣсти съ Дону: въ Іюнѣ пришло изъ Царяграда мо... ъ подъ Азовъ 33 корабля съ людьми ратными, со всякими ...асами и пушками, ратныхъ людей съ 10,000; да въ то же ...мя изъ Крыма пришелъ Крымскій ханъ, съ нимъ Татаръ, ...ркасъ Темрюцкихъ, Кабардинскихъ и Горскихъ и мурзъ ...гайскихъ съ 40,000, да рабочихъ людей, Венгровъ, Во...хъ и Молдаванъ, съ 10,000. Пришедши подъ Азовъ, по ...имъ сторонамъ Дона поставили двѣ башни каменныя, а ...жду башнями черезъ Донъ подѣлали цѣпи; на устьѣ проѣзд...го Донца, противъ Азова, поставили городъ каменный съ башнями и съ нарядомъ большимъ и малымъ. Во время ...роенія крѣпостей Донцы ходили трижды для языковъ, но ...ботамъ помѣшать не могли по своему малолюдству, да и ...ались на себя непріятельскаго прихода, стада у нихъ Крым...ы всѣ отогнали. Пришли на Донъ царскіе воеводы, столь...ки Семенъ Савичь и Иванъ Савостьяновичь Хитрово, ... пришли они уже тогда, какъ ханъ, отстроивъ крѣпости, ...шелъ назадъ въ Крымъ. Государевы люди сдѣлали себѣ го...докъ выше Черкаска съ полверсты и вмѣстѣ съ козаками ...дили подъ Азовъ, выжгли посады, были и подъ башнями, ... ничего имъ не сдѣлали. Всѣхъ козаковъ въ Черкаскѣ было ...лько 3000, да государевыхъ людей 7000. Крымцы навѣ...али послѣднихъ въ ихъ городкѣ, но были отбиты. Госуда...вы люди были привычны сидѣть и отсиживаться въ город...хъ, но козаки привыкли нападать и грабить, оборонитель...я война была для нихъ тяжела; они говорили: «Какъ стало ... Дону войско быть, такого утѣсненья намъ никогда не бы...ло: для промысловъ ходить никуда нельзя, и многіе безъ ...омысловъ съ Дону отъ насъ разбредутся». Оставшіеся въ ...алороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ. Воевода ...адаевъ изъ Кіева билъ челомъ на воеводу князя Юрія Бо...тинскаго: «Пишетъ многія отписки у себя на дворѣ, со ...мною не говоря и ни о чемъ со мною не совѣтуетъ, и во мно...гіе походы ключей городовыхъ мнѣ не отдаетъ, оставляетъ

ихъ у человѣка своего Далматова, и передъ своими друзь хвалится, что онъ меня ото всего оттѣснилъ, а ходитъ въ походы не для государевыхъ дѣлъ, для своей коры Мая 23 (1661 г.) ходилъ онъ въ маетность Печерскаго настыря, Иванково, и, не доходя до нея, выбравъ сво угодниковъ, послалъ съ ними людей своихъ, велѣлъ граб на себя; ратные люди многіе лошадей поморили. а при и съ чѣмъ, только искорыстовался князь Юрій и дру своихъ накормилъ; а къ тебѣ, великому государю, пиш все ложно и посылаетъ съ отписками своихъ угодниковъ. салъ онъ къ тебѣ, будто городъ Иванковъ взялъ и мн мѣста и села повоевалъ; но писалъ ложно: кромѣ одного стечка Иванкова нигдѣ войны не бывало, и въ томъ мѣсте никакихъ воинскихъ людей, кромѣ тутошнихъ жителей, было и воевать было не съ кѣмъ, а выграбилъ его для св корысти, и церкви Божіи вездѣ выграбилъ; добрыхъ лю своимъ озорничествомъ всѣхъ отогналъ; а меня называ измѣнникомъ, будто я съ тѣми людьми знаюсь для измѣны грозитъ убійствомъ; а все это онъ дѣлаетъ по мысли гол Ѳедора Александрова. Многіе ратные люди говорятъ, что подняться не на что, добра отъ насъ никакого не чаютъ многіе изъ Кіева бѣгаютъ, на день человѣкъ по 20, 30 больше»[35].

Обращая все болѣе и болѣе вниманія на Европу, въ Мо квѣ боялись невыгоднаго впечатлѣнія, какое произведутъ нее разглашенія Поляковъ о своихъ торжествахъ надъ Ру скими, и сочли за нужное противодѣйствовать этимъ разгл шеніямъ путемъ печати. Написано было изложеніе военны дѣйствій 1660 года, гдѣ выставлены успѣхи Долгорукаго вначалѣ Шереметева, коварство Польскихъ коммиссаро длившихъ время нарочно, чтобъ дать своимъ возможность с брать войско и дождаться Татаръ, наконецъ измѣна Хмел ницкаго и дурной поступокъ Поляковъ съ Шереметевы подъ Чудновымъ. Это извѣстіе отправлено было въ Любе къ Ягану фонъ-Горну, чтобъ онъ напечаталъ его на Нѣме

разослалъ по окрестнымъ государствамъ. Поляки хлопотали, какъ бы въ другой разъ не своихъ рукъ войска Запорожскаго. Здѣсь опять мъ дѣйствующимъ лицемъ извѣстный намъ Бѣдалъ ему знать, что онъ собралъ раду въ Корпалъ его на ней присутствовать. Бѣнѣвскій равился и узналъ на мѣстѣ, что Хмельницкій етъ сложить булаву, что нѣкоторые, подъ ликъ нему, уговариваютъ его отказаться отъ ча булаву кому-то другому (Выговскому). Но аясь отъ *этого другаго* бѣды для республики, ть, чтобъ булава осталась за Хмельницкимъ, абости своей, какъ нельзя лучше приходился тобъ окончательно убѣдиться, кого хотятъ выны, Бѣнѣвскій призвалъ къ себѣ полковниковъ оворить, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ , такъ кого бы они считали достойнымъ гетная часть полковниковъ сейчасъ же отвѣчали: чего безпокоиться: у насъ уже готовъ гетманъ, й къ кому и тутъ же его изберемъ»—и наать своего избранника, воображая, что эти ы Бѣнѣвскому. Ночью послѣдній свидѣлся съ и сталъ распрашивать его, чтб за причины, по непремѣнно хочетъ сложить булаву?—«Я моивъ, боленъ (падучею болѣзнію и грыжею)» насказалъ и много другихъ, менѣе важныхъ скій сталъ уговаривать его: «Изъ-за пустыхъ рилъ онъ: «ты хочешь отказаться отъ гетмая, какимъ опасностямъ подвергаешь себя, домъ!» Бѣнѣвскій открылъ ему интриги его со- его ждетъ, когда этотъ соперникъ сдѣлается ельницкій не вѣрилъ, что интриги соперника ко; тогда Бѣнѣвскій предложилъ ему призвать полковниковъ, которые сами скажутъ ему о никѣ. Полковники были призваны и объявили:

«Завтра же надобно созвать раду, и если ты, панъ гетм
покинешь булаву, то безъ гетмана быть не можемъ, и с
часъ же посылаемъ кой къ кому, которому отдаемъ въ о
себя, женъ и дѣтей нашихъ». Это объявленіе убило несч
наго Хмельницкаго: «Завтра будетъ рада» сказалъ онъ и
пустилъ полковниковъ. Оставшись наединѣ съ Бѣнѣвск
онъ началъ срывать сердце, обвинять каждаго полковни
измѣнѣ противъ республики и коварствѣ: «И теперь они
тятъ выбрать того въ гетманы, чтобъ опять своевольнич
говорилъ онъ. Бѣнѣвскій торжествовалъ: онъ пустилъ че
кошку между гетманомъ и полковниками, и чтобъ еще б
ше раздражить Хмельницкаго и вывѣдать все нужное, с
говорить: «А полковники, панъ гетманъ, все зло складыв
на тебя, говорятъ, что и Сѣрко, и Апостолъ, и Цецур
Пушкарь изъ-за тебя возмутились, говорятъ, что ваша
лость и Брюховецкаго съ частію казны отправили къ
Московскому, и Самченко, твой родной дядя, по тв
внушенію поднялъ бунтъ въ Переяславлѣ». Бѣдный Х
ниченко совсѣмъ потерялся: сталъ оправдываться,
иномъ признавался, наконецъ сталъ умолять искуси
«Будь отцомъ, совѣтникомъ, ходатаемъ у короля и коро
клянусь, что буду слѣдовать твоимъ совѣтамъ, не буду
шать злыхъ рѣчей». Бѣнѣвскій, разумѣется, прежде всего п
вѣтовалъ не покидать гетманства, потомъ, такъ какъ Юрі
молодости и нездоровью, нуждался въ помощникѣ, то Бѣнѣ
присовѣтовалъ ему взять на писарство Тетерю, чѣмъ прі
тетъ довѣренность короля и республики, потому что наст
писарь Семенъ Голуховскій преданъ царю и царемъ постав
Хмельницкій на все согласился, требуя одного, чтобъ Б
скій оставался ему другомъ и добрымъ совѣтникомъ.

10 Ноября собралась рада изъ одной старшины на
гетманскомъ; Бѣнѣвскій началъ первый говорить, объя
что ни одно изъ царскихъ распоряженій не можетъ и
больше силы, и отъ имени королевскаго вручилъ булаву Хм
ницкому, при всеобщемъ восторгѣ, какъ будто бы никог

.. ли ни о комъ другомъ. Но къ вечеру торжество Бѣнѣв-
.. ю было нарушено: ему дали знать, что чернь бунтуетъ,
.. ъ рада была въ избѣ, не по старинѣ, подозрѣваетъ тутъ
.. умыселъ противъ войска. Бѣнѣвскій послалъ сказать гет-
.. у, чтобъ на другой день созвалъ черную раду и на ней
.. а принялъ отъ него булаву. Хмельницкому не хотѣлось
.. вать черни: «Если панъ воевода» отвѣчалъ онъ: «хочетъ
.. ной рады, да еще во время ярмарки, то пусть знаетъ, что
.. убитъ и себя, и меня, и полковниковъ, и учинитъ смуту
.. шую». Новый посланецъ отъ воеводы къ гетману: «На-
.. по безпокоишься; если не будетъ черной рады, то все
.. ю, что ничего!» Не одинъ Хмельницкій, всѣ старшіе ко-
.. , всѣ домашніе Бѣнѣвскаго были противъ черной рады;
.. воевода былъ непреклоненъ, и Хмельницкій, раскаяваясь,
.. обѣщалъ его слушаться, велѣлъ повѣстить раду.
11 Ноября площадь у церкви св. Спаса шумѣла глухимъ
.. момъ: стояло тысячъ двадцать черни, а гетманскій дворъ
.. ъ на заперти: тамъ тихо сидѣли перетрусившіеся полков-
.. и гетманъ, дожидались, пока пріѣдетъ на раду Бѣнѣв-
.. : что-то будетъ, какъ-то приметъ его чернь? И вотъ
.. ны расколыхались, ѣдетъ воевода, сходитъ съ лошади, са-
.. ся на скамью, озирается: «Гдѣ же панъ гетманъ?» Въ от-
.. ъ раздался крикъ: «Ваша милость на мѣстѣ королевскомъ:
.. шлешь за гетманомъ, и долженъ придти». Бѣнѣвскій по-
.. алъ и гетманъ явился съ полковниками: безъ шапки, кла-
.. сь на всѣ стороны, вошелъ онъ въ кругъ, положилъ шапку
.. земь, на шапку булаву — знакъ, что слагаетъ съ себя
.. манство. Но вотъ онъ начинаетъ говорить: «По Божіей и
.. вашей волѣ возвратились мы къ пану прирожденному, и
.. тобъ не оставалось больше между нами Московскихъ рас-
.. рядковъ, король его милость прислалъ коммиссара своего:
.. ъ введетъ между нами порядокъ». Смолкъ Хмельницкій, не
.. дѣвшій даромъ слова, и началъ широкую рѣчь Бѣнѣвскій
.. ъ отеческомъ милосердіи короля; кончилъ тѣмъ, что ко-
.. оль прощаетъ всѣ ихъ вины. Въ отвѣтъ раздались крики:

«Благодаримъ Бога и короля; это все старшіе насъ обма вали для своего лакомства; если теперь кто вздумаетъ бу товать противъ короля, того сами побьемъ, не пощадимъ отца роднаго!» Когда поустали кричать, Бнѣвскій подошел къ булавѣ, поднялъ ее и отъ королевскаго имени перед Хмельницкому; тутъ же Носачь объявленъ былъ обозны Раздались новые крики въ честь Хмельницкаго, и толпы д нулись въ церковь — присягать королю. Вечеромъ гетманс домъ заблисталъ яркими огнями, гремѣли пушки, шелъ ро кошный, Польскій пиръ; подпившіе козаки особенно расх ливали королеву, только и слышалось: «мать наша!» На др гой день новая рада: читали Гадяцкія привилегіи войску порожскому; всѣ были очень довольны и ругали Выговск «Если бы онъ, такой и такой, прочелъ намъ эти привилег ничего бы дурнаго не случилось». На третьей радѣ отд была печать войсковая Тетерѣ. Новый писарь — это на старый знакомый: мы видѣли его въ Москвѣ, слышали, кую великолѣпную рѣчь онъ говорилъ царю Алексѣю хайловичу, какъ ставилъ его выше св. Владиміра, слыша какъ потомъ онъ разказывалъ о непорядкахъ Малоросс скихъ и какъ проговорился, что нѣкоторые изъ его зем ковъ желаютъ непосредственно зависѣть отъ царскаго ве чества. И теперь Тетеря началъ разказывать, какъ онъ бы въ Москвѣ, но не повторилъ своей привѣтственной рѣчи своихъ разговоровъ съ думными людьми; онъ разказыва козакамъ, какіе страшные замыслы противъ Малороссіи таетъ царь! онъ все это провѣдалъ, будучи на Моск Ораторъ произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей. « дай намъ Боже мыслить о царѣ, ни о бунтахъ!» говор козаки. Они глубоко были тронуты: мудръ, добродѣтеле великъ явился передъ ними панъ писарь Тетеря, такъ бе укоризненно, такъ свято ведшій себя въ Москвѣ. «Панъ сарь!» говорили они: «будь милостивъ, учи гетмана уму-р уму, вѣдь онъ молоденькій еще! поручаемъ его тебѣ, по чаемъ тебѣ женъ, дѣтей, имѣніе наше!»

емя, какъ въ Корсунѣ происходили эти чувстви-
ны, въ то время, какъ въ здѣшней соборной цер-
присягали королю, на другой сторонѣ Днѣпра, въ
, также толпился народъ въ соборной церкви: дя-
цкаго, полковникъ Якимъ Самко, вмѣстѣ съ ко-
ожанами и духовенствомъ клялся умирать за ве-
даря, за церкви Божіи и за вѣру православную, а
алороссійскихъ врагамъ не сдавать, противъ не-
оять и отпоръ давать. Получивъ отъ племянника
увѣщаніемъ покориться королю, Самко отвѣчалъ:
ю милостію, пріятелемъ своимъ, свойства не раз-
ько удивляюсь, что ваша милость, вѣры своей не
, разбиваешь свойство наше съ православіемъ.
, что король видитъ руку Промысла въ бѣдѣ, слу-
Шереметевымъ; правда, что Богъ всѣмъ упра-
рушаетъ и милуетъ, немощныхъ сильными дѣла-
обно знать, что̀ счастье и что̀ грѣхъ? потому что
ѣнчиво. Я не измѣнникъ потому только, что не
ъ сдаться; я знаю и вижу пріязнь Ляцкую и Та-
аша милость человѣкъ еще молодой, не знаешь,
ь въ прошлыхъ годахъ надъ козацкими головами;
еличество никакихъ поборовъ не требуетъ и, на-
у съ королемъ, здоровья своего не жалѣетъ; мы
жны немощныхъ немощь носить, а не себѣ уго-
ше съ добрыми дѣлами умереть, нежели дурно
те, что царское величество никакой помощи къ
исылаетъ: вѣрь ваша милость, что есть у насъ
и и будутъ; а еслибъ даже ихъ и не было, то
сударева, а мы будемъ обороняться отъ наступа-
насъ враговъ, пока силъ станетъ, помня при-
метева, который хотя и сдался, однако мало хо-
училъ: вопреки присягѣ сенаторской, со всѣмъ
неволю Татарскую пошелъ. Видя, что сдѣлалось
тевымъ и Цецурою, хотя умру, а на прелести ва-
я». Выбранный наказнымъ гетманомъ, Самко, въ

началѣ Декабря, прислалъ сказать въ Москву о своей вѣрности, и что бояринъ Шереметевъ выдалъ войско Запорожское, при немъ бывшее, въ неволю Татарамъ; ему, разумѣется, отвѣчали, что во всемъ виноватъ Хмельницкій, а не Шереметевъ.

Запорожье было также за царя, Запорожье, пустивше отъ себя отпрыскъ: лихой козакъ Сѣрко, съ которымъ такъ часто будемъ встрѣчаться впослѣдствіи, составилъ свою особую дружину и дѣйствовалъ самостоятельно. Вскорѣ послѣ Чудновскаго дѣла прискакалъ въ Москву Запорожскій кошевой Иванъ Брюховецкій и объявилъ: «Миръ съ Поляками Хмельницкій заключилъ по наговору тѣхъ, которымъ отъ короля дана честь: Носача, Лесницкаго, Гуляницкаго; у гетмана напередъ была ли о томъ мысль или нѣтъ — не знаю; только гетманъ шелъ въ сходъ къ Шереметеву не на то мѣсто, гдѣ ближе, и ставился не тамъ, гдѣ надобно; пришедши въ Слободище, отъ боярина за три мили, стоялъ три дня, а къ боярину въ сходъ не шелъ. Какъ на Кодачкѣ, на радѣ, былъ договоръ у гетмана съ бояриномъ, тутъ впервые измѣнили по вымыслу Выговскаго: уговорились, что боярину идти напередъ, тогда какъ довелось идти напередъ Черкасскимъ полкамъ, а гетману быть съ бояриномъ, отъ него не отставать. Якимъ Самко царскому величеству вѣренъ ли, про то я не знаю, а гетману Юрію Хмельницкому онъ дядя родной; только ему, Самку, недругъ Иванъ Выговскій; и прежде онъ отъ Выговскаго отбѣгалъ и жилъ на Дону, а въ войскѣ при немъ жить не смѣлъ. Василій Золотаренко царскому величеству вѣренъ, и Семенъ писарь вѣренъ, только развѣ помѣшаетъ ему то, что онъ теперь женился на Дорошенковой сестрѣ» [36].

Чтобъ разузнать, въ какомъ дѣйствительно состояніи находятся дѣла въ Малороссіи, кто вѣренъ и кто нѣтъ, кто кому дядя и кто кому зять, и какъ это родство и свойство мѣшаетъ вѣрности, отправился стрѣлецкій голова Иванъ Полтевъ. Пріѣхавши въ Нѣжинъ 29 Декабря, Полтевъ прежде всего повидался съ тамошнимъ царскимъ воево-

дою, княземъ Семеномъ Шаховскимъ, и спросилъ его: «Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко великому государю вѣренъ ли, къ нему, воеводѣ, совѣтенъ ли, сколько при немъ козаковъ, въ козакахъ и мѣщанахъ нѣтъ ли какой шатости и Василью Золотаренку они послушны ли?» — «Золотаренко великому государю вѣренъ» отвѣчалъ Шаховской: «со мною совѣтенъ; козаковъ при немъ тысячъ съ десять; между немногими козаками и мѣщанами была шатость». На другой день къ Золотаренку явился сотникъ города Дѣвицы, Демидъ Рагоза, съ извѣтомъ на козака Тараса Незная, который говорилъ при многихъ людяхъ: «Полковникъ Золотаренко хочетъ быть подъ Московскимъ царемъ, а мы хотимъ быть у Польскаго короля, при Юріи Хмельницкомъ». Незная схватили, привели къ полковнику, и когда козакъ повинился, Золотаренко велѣлъ собрать раду; на радѣ приговорили — казнить Незная за такія рѣчи, и приговоръ былъ исполненъ. Полтевъ объявилъ Золотаренку, что великій государь все войско Запорожское этой стороны Днѣпра пожаловалъ, гетмана избрать позволилъ, кого войскомъ изберутъ: «Ты бы, полковникъ» продолжалъ Полтевъ: «согласился съ гетманомъ наказнымъ, Якимомъ Самкомъ, и съ другими полковниками, которые великому государю вѣрны, и съ войскомъ Запорожскимъ и чернью, и выбрали бы гетмана». — «Царскаго величества бояре и воеводы съ войскомъ къ намъ будутъ ли?» спросилъ Золотаренко: «Когда царскіе ратные люди въ Нѣжинѣ будутъ, то Украйна всего Нѣжинскаго полка будетъ крѣпка: мы великому государю вѣрно служить рады». — «Въ Сѣвскѣ» отвѣчалъ Полтевъ: «будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ конными и пѣшими людьми, а въ Путивлѣ окольничій князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій». Золотаренко обрадовался и сказалъ: «Еслибъ царскіе воеводы пришли ко мнѣ въ Нѣжинъ скоро, то Украйна по сю сторону Днѣпра была бы цѣла, непріятелей всѣхъ бы выбили за Днѣпръ; если же воеводы ко мнѣ скоро не придутъ, то къ Кіеву и Переяславлю изъ Нѣжина проѣзду не будетъ; стоятъ

крѣпко и великому государю вѣрно служатъ только Нѣжинскій да Черниговскій полки; если же этихъ полковъ не будетъ, то и Переяславскій полкъ не устоитъ».

Московскіе воеводы скоро придти не могли послѣ недавнихъ несчастій, а уже 2 Генваря заднѣпровскіе Черкасы съ Поляками приступали къ Козельцу. Они были отбиты съ урономъ, но Золотаренко ждалъ гостей къ себѣ и сказалъ Полтеву: «Теперь намѣ гетмана выбирать некогда: наступаютъ со всѣхъ сторонъ непріятели». Дѣйствительно, 6 Генваря враги явились подъ Нѣжинымъ, ворвались въ посадъ и завязали бой съ Нѣжинцами. На бою взятъ былъ Татаринъ, который объявилъ, что послалъ ихъ Хмельницкій изъ Чигирина для провѣдыванія, есть ли на восточтой сторонѣ Днѣпра царскіе ратные люди? и Черкасы съ горожанами хотятъ ли здѣсь великому государю вѣрно служить, или хотятъ поддаться Польскому королю? если царскихъ ратныхъ людей нѣтъ, то онъ съ заднѣпровскими козаками, Татарами и Поляками пойдетъ подъ Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ, скоро къ нему придутъ изъ Крыма Татары, охочіе люди, пока еще Днѣпръ стоитъ. Услыхавъ эти вѣсти, Золотаренко сказалъ Полтеву: «Оставайся здѣсь, въ Переяславль тебѣ ѣхать нельзя чрезъ непріятелей», и прибавилъ прежнее: «о гетманскомъ избраніи теперь нечего думать: наступаютъ Ляхи и Татары». 10 Генваря Поляки опять приступали къ Козельцу и опять были отбиты. Вѣрные Черкасы начали наступательныя дѣйствія и бились съ Поляками подъ Остромъ; а Генваря 30 и Февраля 2, 4 и 6 приходили Поляки и Татары подъ Нѣжинъ и бились съ его жителями, но безъ успѣха. Съ другой стороны князь Иванъ Андреевичъ Хованскій въ Февралѣ подъ Друею разбилъ и взялъ въ плѣнъ измѣнившаго государю полковника Лисовскаго. Скоро пришла вѣсть, что Поляки съ Чарнецкимъ и Татары ушли за Днѣпръ, оставя на восточной сторонѣ Татаръ съ тысячу человѣкъ да Поляковъ два полка; а въ Апрѣлѣ пріѣхали въ Москву посланцы отъ Самка и объявили, что Ляховъ на восточной сто-

рожѣ Днѣпра нигдѣ нѣтъ, дороги къ Кіеву, Нѣжину и другимъ мѣстамъ чисты; немногіе Ляхи, которые были въ Триполѣ, Оржищевѣ и у Бѣлой Церкви, всѣ отступили въ коронные города, остались больные и тѣхъ около Бѣлой Церкви Черкасы тайно всѣхъ побили; Татаръ также нигдѣ нѣтъ; полки Лубенскій, Миргородскій, Прилуцкій и Полтавскій великому государю добили челомъ; не сдаются только Остряне; Сѣрко въ Запорожьѣ великому государю служитъ вѣрно.

Что же это значило? Въ Москвѣ боялись, что Поляки воспользуются Чудновскою побѣдою, перейдутъ немедленно со всѣми силами на лѣвый берегъ Днѣпра, займутъ всю Малороссію и двинутся къ беззащитной столицѣ царской, а между тѣмъ это страшное войско исчезаетъ отвсюду! Ужь не Шведы ли опять напали на Польшу? не Турки ли собрались ворваться въ Подолію? Нѣтъ: побѣдоносное воинство потребовало жалованья и, не получа его, по обычаю своему, взволновалось, отказалось повиноваться вождямъ, составило союзъ подъ именемъ *священнаго* и стало жить на счетъ Польскихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ Польша своею безурядицею дала возможность Москвѣ нѣсколько отдохнуть послѣ ударовъ 1660 года. Но временное облегченіе для Москвы послѣдовало только съ одной стороны, съ юго-запада, со стороны короннаго войска, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи не прекращались наступательныя дѣйствія враговъ, которымъ Москва, при тогдашнемъ истощеніи въ людяхъ и казнѣ, не могла давать успѣшнаго отпора. Но Малороссія не хотѣла понимать затруднительнаго положенія Великой Россіи и безпрестанно докучала просьбами о присылкѣ войска, котораго негдѣ было взять царю. Самко жаловался, что кромѣ небольшаго (въ 2500 человѣкъ) отряда князя Бориса Ефимовича Мышецкаго, онъ не имѣлъ никакой помощи отъ царскихъ воеводъ; несмотря однако на такую безпомощность, онъ, Самко, не только давалъ отпоръ непріятелю, но и самъ ходилъ на него: въ Терехтемировѣ громилъ Татаръ, подъ Стайками Ляховъ, подъ Козло-

вымъ измѣнника Сулиму. Посланцы наказнаго гетмана подали слѣдующія просьбы: 1) чтобъ государь прислалъ въ Переяславль ратныхъ людей на помощь; 2) прислалъ жалованье козакамъ, которые, будучи съ бояриномъ Шереметевымъ, коней и оружіе растеряли, а теперь служатъ великому государю; 3) чтобъ великій государь велѣлъ деньги Самковы обмѣнять и прислать къ нему; 4) чтобъ указалъ быть у нихъ въ городѣ и надъ ратными людьми одному воеводѣ, а не двоимъ, потому что отъ двоихъ порядка не будетъ; именно приказалъ бы у нихъ быть стольнику князю Василью Волконскому; 5) чтобъ царскія грамоты посылались къ нимъ для увѣренія за большою печатью. Въ заключеніе посланцы объявили отъ имени Самка, что Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко съ нимъ въ сопротивленіи и на раду не поѣхалъ. Государь отвѣчалъ, что воеводамъ уже данъ указъ помогать Черкасамъ, жалованье имъ князь Ромодановскій роздалъ, деньги Самковы мѣдныя обмѣнены на серебряныя и отправлены съ Меѳодіемъ, епископомъ Мстиславскимъ.

Въ Маѣ пріѣхали новые посланцы и объявили, что въ третье воскресенье послѣ Пасхи была у нихъ рада въ полѣ, въ Быковѣ, съ милю отъ Нѣжина: были на радѣ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій съ своими ратными людьми стольникъ Семенъ Змѣевъ, наказной гетманъ Якимъ Самко, Нѣжинскій полковникъ Золотаренко, полковники Прилуцкій, Лубенскій, Миргородскій, изъ Полтавскаго полка сотники тѣхъ городовъ, которые великому государю добили челомъ, и все войско тѣхъ полковъ, которые при Якимѣ Самкѣ. Всѣ выбирали въ гетманы Якима Самка, одни Нѣжинцы хотѣли выбрать своего полковника Золотаренка, и приговорили на радѣ всѣмъ войскомъ отдать гетманское избраніе на волю царскаго величества, кого онъ, великій государь, пожалуетъ въ гетманы. Полтавскій полковникъ Жученко на радѣ не былъ, потому что вины свои великому государю не принесъ, и сидитъ въ Полтавѣ, а при немъ держатся городки: Опушня, Котельва, два Санжарова, новый да старый, да Кобыляки.

Юрій Хмельницкій въ Чигиринѣ, при немъ писарь генеральный Тетеря, да Носачь, да Грицка Лесницкій, судья войсковой, а войска при Хмельницкомъ никакого нѣтъ; посылалъ онъ къ королю на сеймъ, и посланецъ пріѣхалъ назадъ ни съ чѣмъ, даже корму ему королевскаго не давали. Сѣрко вышелъ для добычи на Бугъ, на Андреевскій островъ, и тамъ стоитъ съ войскомъ своимъ для Татарскаго прихода; атаманъ стоитъ въ Запорогахъ съ большимъ войскомъ: съ Сѣркомъ они сходятся для порядка во всякихъ войсковыхъ дѣлахъ, а ни къ кому не приклоняются: ни къ государю, ни къ Польскому королю. — Посланцы говорили, что на радѣ положено отдать гетманское избраніе на волю царскую, кого государь пожалуетъ въ гетманы, но въ грамотѣ, привезенной ими отъ всѣхъ бывшихъ на радѣ, говорилось: «Мы на той радѣ между собой усовѣтовали, что намъ самимъ безъ вѣдома вашего царскаго величества нельзя гетмана выбирать, и потому черезъ пословъ своихъ просимъ: извольте милость свою надъ нами вѣрными своими показать и намъ по давнему обычаю того гетмана избрать, кого все войско любитъ, и къ намъ на это избраніе прислать кого-нибудь изъ ближнихъ своихъ людей». Государь отвѣчалъ, что о гетманскомъ избраніи будетъ имъ указъ впередъ.

Указъ замедлился въ Москвѣ, потому что здѣсь видѣли новую смуту въ Малороссіи вслѣдствіе соперничества Самка и Золотаренка; въ Москвѣ не хотѣли спѣшить выборами и потому, что являлась надежда безъ кровопролитія подчинить себѣ и западную сторону Днѣпра. Юрій Хмельницкій, оставленный Поляками и Татарами, прислалъ въ Москву съ объясненіемъ, что онъ въ Слободищахъ долженъ былъ перейти на королевскую сторону по неволѣ; онъ писалъ государю: «Если что со мною, по принужденію заднѣпровскихъ полковниковъ, учинится, если я долженъ буду повиноваться ихъ принужденію, то вамъ бы, великому государю, не обвинять меня за это, а я впередъ какъ можно стану промышлять о своемъ обращеніи и желаю быть по прежнему въ подданствѣ

у вашего царскаго величества». Дѣйствительно, въ Польшѣ шли слухи, что Хмельницкій посылалъ монаха Шафранскаго въ Константинополь къ патріарху съ просьбою разрѣшить его отъ присяги королю, а самъ намѣревался условиться съ Брюховецкимъ и Самкомъ, чтобъ они напали на него съ Московскимъ войскомъ: тогда онъ, какъ будто по неволѣ, сдался бы на царское имя, извиняясь тѣмъ, что Поляки не прислали къ нему помощи. Говорили также, что Выговскій замышляетъ быть гетманомъ, но подъ покровительствомъ Турціи [37]. Вслѣдствіе присылки Хмельницкаго, 26 Іюня отправленъ былъ въ Малороссію дворянинъ Протасьевъ; царь писалъ съ нимъ къ Самку: «Юрія Хмельницкаго не допускаютъ до обращенія къ намъ немногіе измѣнники, заднѣпровскіе полковники, которые, по Ляцкому хотѣнію, давно ищутъ погибели всему войску Запорожскому: такъ вы бы, гетманъ наказной, служа намъ, къ родственнику своему, Юрію Хмельницкому, написали, чтобъ онъ обратился и былъ подъ нашею высокою рукою по прежнему; обнадежь его, что если обратится, то вины его всѣ будутъ забыты и получитъ онъ отъ насъ городъ Гадячь, который прежде былъ пожалованъ отцу его; если захочетъ ѣхать къ намъ, то пусть ѣдетъ безо всякаго опасенія, увидитъ милость нашу, получитъ многое жалованье и честь, а твоя служба забыта никогда не будетъ». Пріѣхавши въ Нѣжинъ, Протасьевъ обратился къ воеводѣ князю Семену Шаховскому съ обычнымъ вопросомъ, какъ идутъ дѣла? Шаховской отвѣчалъ, что все хорошо, въ полковникѣ Золотаренкѣ и козакахъ шатости нѣтъ, но есть шатость въ мѣщанахъ, переписываются съ измѣнникомъ Грицкою Гуляницкимъ и даютъ ему знать обо всемъ, что дѣлается въ Нѣжинѣ. Потомъ Протасьевъ видѣлся съ полковникомъ, отдалъ ему царскую грамоту и дары—соболи; Золотаренко тутъ же сталъ дарить этими соболями сотниковъ и другихъ начальныхъ людей, говоря имъ: «Служите великому государю во всемъ правдою такъ же, какъ и я служу, и ни на какія бы вамъ Ляцкія прелести не уклоняться и съ измѣнниками не ссылаться». 11 Іюля Протасьевъ

пріѣхалъ въ Переяславль; здѣсь воевода князь Волконскій объявилъ ему, что Самко великому государю вѣренъ, въ Переяславскихъ козакахъ и мѣщанахъ до сихъ поръ никакой шатости нѣтъ, о Ляхахъ и Татарахъ по сю сторону Днѣпра не слыхать. Получивши эти свѣдѣнія, посланникъ обратился къ Самку съ требованіемъ, чтобъ тотъ, по указу царскому, завелъ сношенія съ Хмельницкимъ. Самко отвѣчалъ: «Я великому государю служить радъ и къ Юрасу Хмельницкому писать стану скоро; но государь прислалъ бы для него Юраса милостивую грамоту, которую я перешлю къ нему тайно». Протасьевъ перешелъ къ другому дѣлу: «Ты Якимъ пишешься къ великому государю съ *вичемъ* мимо прежнихъ обычаевъ, а прежніе гетманы, Богданъ Хмельницкій и сынъ его Юрій, писались безъ *вича* просто». Самко отвѣчалъ на это: «Я человѣкъ неграмотный, а писарь у меня новый, и такія государевы дѣла мнѣ и писарю не за обычай, впередъ я съ *вичемъ* писаться не стану». Самко выразилъ безпокойство, что въ послѣдней грамотѣ его къ царю была прописка въ титулахъ; Протасьевъ отвѣчалъ: «Прописка есть и посланцамъ твоимъ за это выговорено: только царскаго гнѣва за это на тебя нѣтъ, не сомнѣвайся, а пиши впередъ остерегательно.» — «Въ письмѣ къ Змѣеву» продолжалъ Протасьевъ: «ты жаловался на царскую немилость: объяви мнѣ, какая это немилость?»—«Писалъ я это прежде» отвѣчалъ Самко: «писалъ, что служу великому государю, не щадя головы своей, и за мою службу въ то время ко мнѣ и къ козакамъ государева жалованья ничего не было, и я думалъ, что на меня государь гнѣвается, что кто-нибудь ему на меня нанесъ; думалъ, что царскому величеству городъ Переяславль не надобенъ, потому что князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій и остальныхъ людей изъ Переяславля взялъ, и козаки, видя, что городъ остался безлюденъ, начали было шататься. Но теперь, когда великаго государя милость объявилась, въ городѣ людей прибавляется и въ козакахъ шатости никакой нѣтъ. Пожаловалъ бы великій государь, не велѣлъ города

безлюднымъ оставлять, потому что городъ украйный; наступитъ непріятель безвѣстно, а людей въ немъ будетъ мало, такъ чтобъ какая поруха городу не учинилась. Изволилъ бы государь поскорѣе прислать своихъ ратныхъ людей въ Переяславль, такъ я бы сталъ промышлять надъ непріятелями, которые за Днѣпромъ, чтобъ не дать Ляхамъ и Татарамъ собраться вмѣстѣ». Протасьевъ уговаривалъ Самка, чтобъ онъ не оскорблялся, отъ царскаго величества немилости къ нему никакой нѣтъ, писемъ на него отъ воеводъ ни отъ кого не бывало, и впередъ государь ссорамъ никакимъ вѣрить не станетъ. «Великому государю радъ служить» отвѣчалъ на это Самко: «на томъ я ему крестъ цѣловалъ; а великій государь пожаловалъ бы, ссорамъ и наносным словамъ вѣрить не велѣлъ, потому что я человѣкъ беззаступный и простой».

Въ Малороссіи оправдывали медленность Москвы, уговаривали не давать гетманства ни тому, ни другому сопернику. Во время бытности Протасьева въ Переяславлѣ, пріѣхалъ туда Нѣжинскій протопопъ и говорилъ царскому посланнику: «Слухъ у насъ есть, что Самко и Золотаренко домогаются отъ великаго государя созванія рады для гетманскаго избранія. Великій государь не велѣлъ бы сказывать гетманства ни Самку, ни Золотаренку потому: если будетъ Самко гетманомъ, то Золотаренко не будетъ ему послушенъ; а будетъ гетманомъ Золотаренко, то Самко станетъ подъ нимъ подкапываться. Пусть великій государь не велитъ сказывать гетманства ни тому, ни другому, пока утишится вся Украйна, а между-тѣмъ, быть можетъ, обратится къ царскому величеству и Юрій Хмельницкій съ заднѣпровскими полками». Самъ наказной атаманъ, по крайней мѣрѣ повидимому, отчаявался быть настоящимъ гетманомъ, сносился, по царскому приказанію, съ Юріемъ Хмельницкимъ и давалъ совѣты Москвѣ, какъ поступать относительно западной стороны Днѣпра. «Надобно» говорилъ Самко: «крѣпить здѣшнюю сторону Днѣпра тѣмъ, что по Днѣпру поставить городки и въ нихъ посадить лю-

дей, да за Днѣпромъ занять городокъ Каневъ, чѣмъ освободится водяной путь до Переяславля и дальше, а больше того въ государеву сторону ничего не надобно. Если же Юрій Хмельницкій придетъ въ подданство къ великому государю по прежнему, то за Днѣпръ надобно будетъ послать ратныхъ людей 20,000 и больше и занять тамъ шесть городовъ—Чигиринъ, Корсунь, Умань, Каневъ, Браславль, Бѣлую Церковь. Изъ этихъ городовъ жителей перезвать бы на сю сторону Днѣпра, а Заднѣпріе уступить Польскому королю безъ людей; такая уступка будетъ изъ воли, Польскій король къ миру придетъ скорѣе и здѣшная сторона Днѣпра подъ высокою рукою великаго государя утвердится; если же этихъ заднѣпровскихъ городовъ не занять и уступить ихъ Польшѣ, то король и этой стороны Днѣпра уступить не захочетъ. Если Юрій Хмельницкій поддастся по прежнему, то ему бы надъ полковниками быть владѣтельну; при гетманѣ непремѣнно долженъ быть человѣкъ, присланный изъ Москвы для того: если полковникъ затѣетъ что-нибудь недоброе, то его наказать тайно, если же не уймется, то казнить смертію, а безъ присланнаго изъ Москвы человѣка быть нельзя». Такимъ образомъ наказной гетманъ Запорожскій самъ указывалъ на условія мира съ Польшею, по которымъ западная сторона Днѣпра должна быть уступлена королю: мы увидимъ, что это будетъ исполнено въ Андрусовѣ; самъ наказный гетманъ указывалъ на необходимость присутствія Великороссійскаго чиновника при гетманѣ: это будетъ исполнено при Петрѣ Великомъ. Наконецъ Самко, многіе полковники и старшіе козаки говорили, чтобъ царь указалъ вѣдать ихъ окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву, потому что Ртищевъ къ нимъ ласковъ, объ ихъ прошеньѣ всякую рѣчь доноситъ царю, и что имъ скажетъ, то все правдиво.

Имѣя соперниковъ, Самко хорошо зналъ, какими средствами дѣйствовали обыкновенно соперники другъ противъ друга: «Я» говорилъ онъ: «служу великому государю вѣрно и радѣтельно, власти себѣ никакой не ищу и не желаю. Мнѣ

лучше съ государевыми людьми ссылаться и совѣтываться, нежели съ своими, потому что отъ своихъ ненависть и оболганіе». Не одного Золотаренка имѣлъ въ виду Самко, когда говорилъ о ненависти и оболганіяхъ: на сцену выступилъ третій искатель гетманства, уже извѣстный намъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. «О промыслѣ надъ Татарами» говорилъ Самко: «я стану писать въ Запорожье къ Сѣрку, а къ Брюховецкому объ этомъ писать не стану; лучше писать объ этомъ къ Сѣрку, а не къ Брюховецкому». Самко еще не высказывался, почему не хочетъ переписываться съ Брюховецкимъ; но Брюховецкій, въ письмѣ къ воеводѣ Касогову (отъ 14 Сентября), уже прямо обвинялъ Самка въ измѣнѣ.

Но въ Москвѣ тревожились тѣмъ, что не одни свои доносили на Самка, доносили и государевы люди. Въ Октябрѣ явился къ Хмельницкому ханъ Крымскій съ ордою, и гетманъ, волею-неволею, отправился съ Татарами за Днѣпръ и осадилъ Переяславль. Непріятелю не удалось ничего сдѣлать надъ Переяславлемъ; но воевода Чаадаевъ доносилъ государю, что во все осадное время Самко пилъ и промысла отъ него никакого не было, на вылазки не выѣзжалъ; если козаки съ государевыми людьми выйдутъ на вылазку, то наказной гетманъ приказывалъ вгонять ихъ въ городъ; если козаки возьмутъ въ плѣнъ Татаръ, то Самко таилъ ихъ отъ царскихъ воеводъ, таилъ всякую вѣдомость. Во время осады Самко три раза съѣзжался съ племянникомъ своимъ Хмельницкимъ на мельничной плотинѣ и разговаривалъ тайно. Возвращаясь съ свиданія, онъ разсказывалъ Чаадаеву, что обнадеживалъ племянника государскою милостію, уговаривалъ быть подъ рукою великаго государя: но Юроска не слушается по неволѣ: всѣмъ владѣютъ Носачь, да Грицка Миргородскій, да Грицка Гуляницкій. Въ другой разъ Самко присылалъ къ Чаадаеву писаря объявить, что у него съ Юросомъ ссылка о добромъ дѣлѣ, какъ бы всѣмъ быть подъ государевою рукою; а писарь, съ-пьяну, проговорился, что ссылка между племянникомъ и дядею идетъ о томъ, чтобъ вмѣстѣ соеди-

питься съ ханомъ Крымскимъ. Доносили на Самка и жители городовъ, говорили: «у насъ бы и мѣдными деньгами торговали, да старшіе, полковники и сотники, берутъ себѣ за правежомъ у насъ ефимки, серебряныя деньги и Польскіе гроши: отъ того у насъ мѣдныя деньги и въ расходъ нейдутъ; а Самко приказалъ, чтобъ нигдѣ мѣдныхъ денегъ не брали» [38].

Тяжела становилась для царя смута Малороссійская; со всѣхъ сторонъ доносы въ измѣнѣ: кому и чему вѣрить? Московскіе воеводы, если бы даже были изъ нихъ люди вполнѣ чистые по характеру и безпристрастные, какъ люди пришлые въ Малороссію, не могли доставить государю вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ лицъ и партій; нуженъ былъ человѣкъ тамошній, Малороссійскій, человѣкъ, хорошо знающій людей и отношенія ихъ, вліятельный по своему званію, чуждый партій и пристрастія—однимъ словомъ, высшее лице духовное, архіерей. Но мы уже видѣли, въ какое положеніе ставило себя высшее духовенство Малороссійское относительно правительства Московскаго. Мы видѣли столкновенія съ Сильвестромъ Коссовымъ. Преемникъ Коссова, Діонисій Балабанъ, измѣнилъ царю вмѣстѣ съ Выговскимъ. Такимъ образомъ къ смутѣ политической присоединялась смута церковная и въ Кіевѣ не было митрополита, ибо Московское правительство не могло признавать въ этомъ званіи измѣнника Діонисія, а политическія смуты не позволяли приступать къ избранію другаго митрополита, поднимать вопросъ — отъ какого патріарха зависѣть ему — отъ Константинопольскаго или Московскаго? Временнымъ правителемъ, блюстителемъ митрополіи Кіевской былъ епископъ Черниговскій Лазарь Барановичь; но этотъ архіерей не пользовался большимъ довѣріемъ въ Москвѣ. Гораздо болѣе усердія великому государю показывалъ знакомый уже намъ протопопъ Нѣжинскій Максимъ Филимоновъ. Онъ былъ вызванъ въ Москву, 5 Мая 1661 года поставленъ въ епископы Мстиславскіе и Оршанскіе подъ именемъ Меѳодія и отправленъ въ Малороссію

въ санѣ блюстителя митрополіи Кіевской. Мы скоро увидимъ его дѣятельность.

Легко понять, что для восточной Малороссіи и для Москвы важно было то обстоятельство, что западная сторона не могла воспользоваться смутою, соперничествомъ между искателями гетманства: Хмельницкій слишкомъ ничтоженъ, а Польша ослаблена возмущеніемъ войска. Только Татары напоминали о себѣ, и не одной Малороссіи. Въ Генварѣ 1662 года многочисленныя толпы Крымцевъ, подъ начальствомъ князя Ширинскаго, ворвались въ Сѣвскія и Корачевскія мѣста и захватили множество плѣнныхъ. Сѣвскій воевода, бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, отправилъ противъ нихъ товарища своего, Григорья Ѳедоровича Бутурлина. Бутурлинъ напалъ на разбойниковъ, взялъ въ плѣнъ самого князя Ширинскаго, много Татаръ и, что всего важнѣе, освободилъ Русскихъ плѣнниковъ, которыхъ было до 20,000. Съ другой стороны самъ ханъ подошелъ къ Путивлю, но былъ отброшенъ воеводою, бояриномъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и не пошелъ дальше [30].

Татарская туча прошла, и опять все вниманіе царя сосредоточилось на дѣлахъ Малороссійскихъ. Весною 1662 года въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и немедленно пришли объ этой радѣ различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Самко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меѳодій, полковники, сотники и есаулы сей стороны Днѣпра, а черни и всего поспольства не было; черни и поспольству Самко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было; на радѣ выбрали въ гетманы Самка до указа великаго государя, а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велитъ быть всему поспольству и черни. Когда послѣ рады присутствовавшіе разъѣхались по домамъ и пріѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меѳодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Самко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ,

Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ. «Васюта» писали приверженцы Самка: «обѣщалъ идти къ намъ въ войско, но когда епископъ Меѳодій въ Нѣжинъ пріѣхалъ, то Васюта обѣщаніе свое и присягу отмѣнилъ, на службу вашего царскаго величества идти не хочетъ, намъ всѣмъ сомнѣнье, а непріятелямъ потѣху сдѣлалъ; нашу вѣрную службу уничижаетъ, самовольно не повинуется власти войсковой, упрямствомъ дома живетъ, только казну сбираетъ и стережетъ, а границъ не обороняетъ; боимся, чтобъ не исполнилось на немъ слово Брюховецкаго, что Васюта въ конституціи у короля написанъ и сдѣланъ шляхтичемъ». Прося о присылкѣ оборонной грамоты на Золотаренка и всѣхъ непослушныхъ, приверженцы Самка просили царя, чтобъ оборонилъ ихъ и отъ Брюховецкаго, который ихъ безчеститъ; просили, чтобъ всему войску вольно было всякаго старшаго и меньшаго по разсмотрѣнію съ гетманомъ, по своему обычаю, карать, и чтобъ виновнаго въ ихъ глазахъ никто изъ воеводъ Московскихъ не защищалъ, а только со всѣмъ войскомъ приговаривалъ; «а то теперь князь Шаховской, повѣривши несправедливому умыслу Васютину, государевыхъ ратныхъ людей въ городки Нѣжинскаго полка посылаетъ, какъ будто бы мы съ гетманомъ Нѣжинъ разорить хотѣли». Приверженцы Самка извѣщали, что жители Малороссійскихъ городовъ, послышавъ о порчѣ мѣдныхъ денегъ на Москвѣ, не берутъ ихъ у войска и живности ни откуда не привозятъ, государевы ратные люди съ голоду помираютъ и междоусобіе безпрестанное въ тѣхъ городахъ, гдѣ они живутъ; полки не берутъ годоваго жалованья мѣдными деньгами, хотя бы ихъ рубить велѣли, но всѣхъ не перерубить.

Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Самко и приверженцы его писали безсмыслицу, за которою скрывалось какое-то незаконное дѣло: что это была за рада въ Козельцѣ безъ черни и поспольства? гетманъ выбранъ, зачѣмъ же еще нужна новая рада? что-нибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незакон-

ная, или новая рада не нужна! Изъ грамотъ самихъ приверженцевъ Самка уже можно было видѣть, что въ Малороссіи начинается то же самое, что́ было при Выговскомъ: гетманъ выбирается на какой-то странной радѣ, но вотъ новый Пушкарь, Золотаренко Нѣжинскій, противится, говоритъ, что избраніе незаконное, гетманство взято самовольствомъ, и конечно царь не долженъ въ другой разъ повѣрить новому Выговскому; а тутъ еще, для довершенія сходства, приверженцы Самка требуютъ, чтобъ царь позволилъ имъ раздѣлаться съ противниками, карать ихъ, какъ Выговскій спѣшилъ покарать непослушника своего Пушкаря.

Епископъ Мееодій спѣшилъ оправдать подозрѣнія, естественно рождавшіяся по прочтеніи грамотъ Самка и его приверженцевъ. «Пока не видалъ я подлиннаго лукавства наказнаго гетмана Якима Самка» писалъ Мееодій: «до тѣхъ поръ не смѣлъ объ немъ ничего худаго тебѣ, великому государю, объявить; но теперь, когда лукавство его и неправда обнаружились, трудно мнѣ этого тебѣ, великому государю, не извѣстить, потому что душа моя отдана Богу и тебѣ. Самко обманулъ меня и полковниковъ—Нѣжинскаго, Черниговскаго, Прилуцкаго и другихъ: писалъ, чтобъ съѣхались въ городъ Козелецъ съ небольшими людьми для великихъ государевыхъ дѣлъ, для скорыхъ войсковыхъ потребъ и для разговору, посовѣтоваться, какъ бы съ непріятелемъ управиться. Когда мы къ нему съѣхались, то онъ началъ говорить, чтобъ полковники выбрали себѣ совершеннаго гетмана, чтобъ имъ было у кого быть въ послушаніи и чтобъ было кому противъ непріятелей стоять, и въ ту ночь, 14 Апрѣля, ввелъ въ Козелецъ нѣсколько тысячъ козацкой пѣхоты, разставилъ вездѣ караулы и не велѣлъ никого выпускать изъ города. Я ему говорилъ, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и не приказывалъ выбирать гетмана до твоего государева указа; но онъ меня не послушалъ и велѣлъ полковникамъ выбирать совершеннаго гетмана; я сталъ говорить полковникамъ, чтобъ не выбирали, но онъ началъ грозить имъ смертію, и они по неволѣ выбрали его.

15 Апрѣля я выгналъ его изъ церкви отъ присяги, а онъ пуще сталъ грозить полковникамъ смертью; тѣ бросились ко мнѣ съ просьбами, и я, видя ихъ слезное прошеніе, чтобъ не погубить ихъ, какъ-нибудь изъ Козельца вывесть, и особенно жалѣя вѣрнаго твоего слуги, Василья Золотаренка, позволилъ Самку дѣлать что̀ хочетъ». Въ заключеніи письма Меѳодій просилъ, чтобъ государь поскорѣе прислалъ боярина для гетманскихъ выборовъ, чтобъ эти выборы были въ полѣ, а не въ городѣ, и чтобъ на нихъ были Запорожцы съ своимъ кошевымъ Брюховецкимъ.

Меѳодій жалѣлъ больше всего вѣрнаго слуги царскаго Золотаренка, и однако просилъ, чтобъ на радѣ былъ Брюховецкій, который, прокладывая себѣ путь къ гетманству, не щадилъ ни Самка, ни Золотаренка; онъ писалъ къ Меѳодію: «Панъ Васюта не имѣетъ права перехватывать и драть моихъ грамотъ, я не его служка, я царскій войсковой холопъ; пусть онъ прежде расплатится за пшеницу, которую съ братомъ покрали въ Корсунѣ, а теперь запрещаетъ не мнѣ, а всему войску. Завидуютъ нашей бѣдной саламатѣ; коли хотятъ, помѣняемся: пусть сюда идутъ, а мы на ихъ мѣсто пойдемъ, въ то время узнаютъ, кто кого обманетъ. Васюта не надѣйся, чтобъ его здѣсь слушали, потому что войско въ откупахъ не ходитъ, какъ они хотятъ выманить булаву и указывать тѣмъ, кто ихъ не хочетъ слушать, научились до году откупа откупать и табакъ, а войско привыкло умирать только за свои вольности. Этимъ особнымъ гетманствомъ они до конца землю сгубятъ. Царское величество обѣщалъ не дѣлать насилія войску, признавать гетманомъ только того, кого чернь по волѣ Божіей излюбивъ выберетъ, а не силою; никогда не бывало, чтобъ гетманы были накупные, безъ заслугъ войсковыхъ, а теперь прежде невода рыбу начали ловить; теперь прежде всего надобно землю успокоить. Все войско скучаетъ, говоритъ: доголь намъ еще такую неволю терпѣть, что въ городахъ гетмановъ ставятъ на нашу пагубу, а теперь и подавно кричатъ, что никого не было при князѣ Ро-

модановскомъ. Васюта только о богатствѣ хлопочетъ, которое въ землѣ погніетъ, а ничего добраго родинѣ этимъ не насовѣтуетъ, или къ Ляхамъ свезетъ, чтобъ заплатить за шляхетство: вѣдь онъ тамъ доложенъ въ конституцію, какъ Гуляницкій и другіе; боюсь, чтобъ онъ не задумалъ чего-нибудь недобраго. Бѣдная наша отчизна гибнетъ, потому что не хотимъ оборонять ее отъ непріятелей, а только за гетманствомъ гоняемся; еще намъ новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому паны городовые хлопочутъ прибавить. Самко пуще цыгана всѣхъ людей морочитъ, а онъ-то и есть главный измѣнникъ, на обличеніе котораго посылаю грамоту къ вашей святынѣ; намъ не о гетманствѣ надобно заботиться, а о князѣ Малороссійскомъ отъ его царскаго величества; на это княжество желаю Ѳедора Михайловича (Ртищева)».

Самко хорошо зналъ, что на него со всѣхъ сторонъ посылаются обвиненія въ Москву, что его выставляютъ тамъ измѣнникомъ — слово, пошедшее въ ходъ въ Малороссіи съ легкой руки Выговскаго, считавшееся вѣрнымъ средствомъ вредить противнику предъ великимъ государемъ. 30 Мая Самко написалъ въ Москву жалобную грамоту, въ стопы ногъ царскихъ челомъ билъ, посылалъ тридцать человѣкъ Татаръ, взятыхъ въ плѣнъ. «Изъ этой посылки» писалъ Самко: «ваше царское величество разсмотрѣть изволишь, что, не щадя головы своей съ своими Переяславскими козаками, бьюсь съ непріятелемъ за ваше величество и за цѣлость падшей Малороссіи. Смиренно молю: покажи премногую милость надъ вѣрнымъ слугою своимъ, не дай меня въ поношеніе соперникамъ моимъ, которые выставляютъ меня передъ тобою измѣнникомъ; они въ домахъ своихъ сидятъ, помощи намъ на непріятеля давать не хотятъ, и, не считая самихъ себя измѣнниками, грамотами оправдываются, а работою оправдываться не хотятъ; а мою работу и вѣрную службу самъ Господь Богъ видитъ, за всѣхъ одинъ умиралъ на пограничьѣ, и теперь совсѣмъ готовый стою въ полѣ со всѣми доброжелательными вашему величеству людьми, жду присылки боя-

рина и милостиваго слова отъ вашего величества. Не знаю, для чего епископъ съ Васютою меня измѣнникомъ описываютъ? я не перестану плакать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не пришлешь ко мнѣ такихъ грамотъ, чтобъ всякій мой противникъ и непослушникъ устыдился. Да бью челомъ, повели, многомилостивый государь, прислать мнѣ деньги, которыя я далъ взаймы на ратныхъ людей воеводѣ Чаадаеву; прошу я объ этихъ деньгахъ, вспомнивъ, что всякій человѣкъ смертенъ, и если я умру, то некому будетъ бить о нихъ челомъ вашему царскому величеству, потому что было у меня два сына, но они вдругъ померли, и я хочу, чтобъ при жизни моей все мое было у меня. Бью челомъ вашему царскому величеству, чтобъ епископъересталъ побуждать на злое, а тѣ люди, которые были надуты совѣтами епископскими, пусть начнутъ вмѣстѣ со мною вѣрно служить вашему царскому величеству. Смиренно молимъ, изволь на все войско пустить вольный голосъ о выборѣ гетманскомъ, по старому предковъ нашихъ порядку, а епископъ чтобъ въ это не вступался; а хлопочу не о гетманствѣ, проливаю кровь за цѣлость Малой Россіи и за добрый порядокъ и убиваюсь впрямь вѣрою и правдою за ваше царское величество». Самко утверждалъ, что не хлопочетъ о гетманствѣ, требовалъ новой рады, выбора вольными голосами, а между-тѣмъ на той же грамотѣ подписывался гетманомъ, не хотѣлъ отступиться отъ титула, пріобрѣтеннаго на незаконной Козелецкой радѣ [40].

Но въ то время, какъ раздоры между Самкомъ, Золотаренкомъ и Брюховецкимъ волновали восточную сторону Днѣпра, на западной Юрій Хмельницкій собрался съ силами и, подкрѣпленный Поляками и Татарами, началъ наступательное движеніе. 12 Іюня козаки западной стороны съ Поляками и Татарами, въ числѣ 6000, напали внезапно на Самка, стоявшаго таборомъ въ трехъ верстахъ отъ Переяславля; битва длилась съ полудня до ночи, и Самко отбился. Къ нему на выручку прислалъ князь Волковскій изъ Переяславля Московскихъ ратныхъ людей, которые и дали ему возможность от-

ступить въ Переяславль. Хмельницкій осадилъ его здѣсь, но 8 Іюля Самко съ Москвою и козаками вышелъ на вылазку и поразилъ непріятеля, который отступилъ къ Каневу. Кременчукскіе козаки измѣнили, 23 Іюня впустили въ городъ двѣ тысячи козаковъ Хмельницкаго, но 500 человѣкъ Московскаго гарнизона вмѣстѣ съ мѣщанами засѣли въ маломъ городѣ и отбили осаждавшихъ. Узнавъ объ этомъ, князь Ромодановскій немедленно выслалъ къ нимъ на помощь десять тысячъ Московскаго войска. 1 Іюля это войско подошло къ Кременчуку и ударило на осаждавшихъ, осажденные сдѣлали съ своей стороны вылазку, козаки потерпѣли совершенное пораженіе, и Кременчукъ былъ очищенъ отъ измѣнниковъ. Ромодановскій съ главными силами своими и съ Золотаренкомъ вступилъ въ Переяславль, соединился здѣсь съ Самкомъ и 16 Іюля напалъ на таборы Хмельницкаго, который потерпѣлъ совершенное пораженіе. Каневъ и Черкасы были заняты царскими войсками. Но скоро счастіе перемѣнилось: Хмельницкому съ Татарами удалось разбить подъ Бужиномъ Московскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ стольника Приклонскаго, и прогнать его за Днѣпръ (3 Августа); по донесенію Хмельницкаго королю, 1 Августа подъ Крыловымъ истреблено было больше 3000 царскаго войска; подъ Бужиномъ погибло 10,000, козаки и Татары взяли семь царскихъ пушекъ, множество знаменъ, барабановъ и разныхъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого Ромодановскій тотчасъ велѣлъ отступать, бросая тяжести; но султанъ Магметъ-Гирей, переправившись съ своими Татарами черезъ Сулу, настигъ Ромодановскаго, разбилъ его, взялъ 18 пушекъ и весь лагерь. Ромодановскій ушелъ въ Лубны. Но Хмельницкій, донося объ этихъ успѣхахъ королю, умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жалуется на свое безсиліе, на невозможность удерживать въ повиновеніи Украинскій народъ, шатающійся отъ малѣйшаго вѣтра. Тетеря писалъ королю, что, пріѣхавъ въ станъ Хмельницкаго на Рассавѣ, онъ нашелъ здѣсь много безпорядковъ: самъ гетманъ человѣкъ усердный, но войско непослушное.

И Тетеря настаивалъ на то же, что необходимо какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому, иначе дѣла примутъ дурной оборотъ. Въ Октябрѣ явился къ королю Грицка Лесницкій съ просьбою отъ Хмельницкаго, чтобъ король позволилъ ему сложить гетманство, ибо онъ не въ состояніи болѣе нести эту трудную должность, будучи молодъ и разоренъ подарками, которые долженъ былъ давать Татарамъ и которые простираются до милліона. Лесницкій же привезъ страшную новость, что соперничество между Москвою и Польшею, соперничество, разорившее Украйну и не могущее окончиться по безсилію обѣихъ державъ, пролагаетъ дорогу третьему сопернику: Татары, говорилъ Лесницкій, уговариваютъ всю Украйну, чтобъ она отторглась отъ республики и отдалась въ покровительство хана и Порты, которые способны защищать ее, тогда какъ Польша этого сдѣлать не хочетъ и не можетъ: Поляки ссорятся между собою у себя дома, войско не слушается короля, и еслибы не Татары, то Польша давно бы уже погибла. Лесницкій прибавлялъ, что эти внушенія могли имѣть сильное вліяніе на чернь. Тетеря доносилъ, что войско не терпитъ Хмельницкаго, требуетъ его смѣны, и что едва онъ, Тетеря, успѣлъ уговорить козаковъ успокоиться; для этого онъ употребилъ угрозу, что если они обидятъ Хмельницкаго, то этотъ богачь найметъ Татаръ и опустошитъ Украйну. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Тетеря уговаривалъ козаковъ не смѣнять Хмельницкаго; знаемъ только то, что послѣдній въ концѣ 1662 года самъ отказался отъ гетманства и постригся въ монахи, а Тетеря избранъ былъ на его мѣсто. Новый гетманъ началъ тѣмъ, что увѣдомилъ короля о нестерпимыхъ обидахъ отъ орды, повторяя прежнюю просьбу о присылкѣ ратныхъ людей, ибо если ханъ придетъ прежде Польскаго войска, то Украйна распрощается съ королемъ. Тетеря писалъ, что Хмельницкій потому отказался отъ гетманства, что не могъ получить отъ короля помощи, и онъ, Тетеря, долженъ безпрестанно докучать объ этомъ же, а на войско Запорожское надежда слаба, потому что въ немъ больше та-

кихъ, которые желаютъ не спокойствія, а постоянныхъ смятеній [41].

Въ то время, какъ западная сторона перемѣнила гетмана, на восточной по прежнему продолжалась борьба между искателями гетманства, борьба, ведшаяся доносами въ Москву. Самко билъ челомъ, чтобъ государь отставилъ его отъ старшинства, потому что Нѣжинскій полковникъ его слушаться не хочетъ и наносы на него наноситъ; жаловался, что въ Малороссіи трое гетмановъ, кромѣ него еще Золотаренко и Брюховецкій: послѣдній самовольно прислалъ своихъ козаковъ въ города и въ полкахъ беретъ стаціи; Самко просилъ уволить его отъ гетманства и дать оборонную грамоту, чтобъ на него и на имѣніе его наступать не смѣли и никакихъ обидъ не дѣлали. Самко жаловался и на князя Ромодановскаго, просилъ, чтобъ на его мѣсто былъ присланъ другой бояринъ, потому что Ромодановскій, не слушая его совѣтовъ, тратитъ войско, слушается только Меѳодія и Золотаренка, генеральной рады не собираетъ, отъ чего смута и своевольство, ибо онъ, Самко, какъ гетманъ несовершенный, распоряжаться не можетъ. «Меѳодій и Васюта» продолжаетъ Самко: «отговариваются отъ рады отсутствіемъ Запорожцевъ: но у насъ всегда, по стародавнымъ правамъ, гетмановъ выбирали въ городахъ безъ Запорожцевъ, потому что войско Запорожское одно, выходящіе изъ Запорожья должны по своимъ полкамъ расходиться. Теперь орда насъ заперла и множество людей побила; а на Преображеньевъ день, подъ самыми Лубнами, Татары, напавши на таборъ Нѣжинскій, многихъ побили, самъ полковникъ, таборъ оставя, напередъ ушелъ въ Лубны. Все это приключилось отъ того, что епископъ и Васюта отвели князя Ромодановскаго отъ совѣта съ нами, въ поле, въ безхлѣбіе вывели; неопытные въ дѣлахъ войсковыхъ, епископъ и Васюта были виновниками потери славы и людей. А я, вашего царскаго величества вѣрный слуга, хотя и уничиженъ ими, загоны всѣ изъ-за Днѣпра вывелъ и въ Переяславль пришелъ въ цѣлости.

Умоляю, милосердый государь, вели князю Ромодановскому, или кому-нибудь другому, собрать полки козацкіе, чтобъ больше какъ бѣдныя овцы безъ пастыря не ходили и не гинули, но при своихъ вольностяхъ стояли бы за вѣру православную, а теперь и сами не знаемъ, за что погибаемъ?» Относительно Юрія Хмельницкаго, Самко извѣщалъ, что онъ посылалъ къ нему Каневскаго полковника Лизогуба уговаривать покориться государю; но Хмельницкій велѣлъ разстрѣлять посланнаго въ Чигиринѣ и съ нимъ вмѣстѣ многихъ другихъ Каневцевъ, Черкасцевъ, Корсунцевъ, которые начали было радѣть государю. За это Самко велѣлъ порубить 10 человѣкъ плѣнныхъ Поляковъ, «потому что мы» писалъ онъ въ Москву: «никакого добра отъ Ляховъ не ищемъ». Потомъ Хмельницкій далъ знать Самку, что слагаетъ съ себя гетманство и идетъ въ монахи.

Самко жаловался на Меѳодія за то, что епископъ этотъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ совѣтовали Ромодановскому медлить созваніемъ рады; а Меѳодій писалъ царю, что Самко не поѣхалъ на раду самъ и другимъ запретилъ; полковники Нѣжинскій и Черниговскій отговорились дальностію пути и тревожнымъ состояніемъ страны; иные полковники, боясь Самка и глядя на Золотаренка, не поѣхали. Брюховецкій писалъ, что Самко измѣнникъ, потому что хулитъ Московскія серебряныя копѣйки, велѣлъ спалить суда, которыми царь пожаловалъ войско низовое, Кодакъ уступилъ Татарамъ, Кременчукъ, сговорясь съ Хмельницкимъ, сжегъ; вѣрныхъ государю людей отослалъ къ Хмельницкому, который, по его письмамъ, переказнилъ ихъ. А тутъ еще церковная усобица: митрополитъ Діонисій Балабанъ послалъ къ Константинопольскому патріарху съ жалобою, что Меѳодій изгналъ его и силою похитилъ митрополичій престолъ посредствомъ мірской власти. По просьбамъ Балабана и Хмельницкаго, патріархъ выдалъ на Меѳодія проклятіе, которое Балабанъ переслалъ въ Кіевъ, отъ чего здѣсь произошло сильное волненіе между

духовными и мірскими людьми. Меѳодій просилъ царя ходатайствовать у патріарха о снятіи проклятія [42].

Въ такихъ смутахъ проходилъ 1662 годъ. Зимою нечего было думать о созваніи рады, имѣвшей прекратить эти смуты, и потому 19 Декабря отправленъ былъ изъ Москвы въ Малороссію стольникъ Ладыженскій, съ объявленіемъ, что весною должна быть непремѣнно рада, на которую обязаны всѣ явиться, а для прекращенія неудовольствій на зиму, Ладыженскій долженъ былъ объявить Брюховецкому, стоявшему въ Гадячѣ, чтобъ онъ шелъ на зиму къ себѣ въ Запорожье, а весною приходилъ опять для рады. Это требованіе сильно не понравилось Брюховецкому; онъ отвѣчалъ Ладыженскому: «Не дождавшись государева указа и полной рады въ Запороги мнѣ появиться нельзя, свои казаки меня убьютъ тотчасъ, зачѣмъ я столько людей водилъ, и, не дождавшись рады, пришелъ. Самко заказъ дѣлаетъ въ городяхъ крѣпкій, чтобъ въ Запорожье никто не ходилъ и запасовъ не пропускалъ; а если надо мною Самко или козаки что сдѣлаютъ, то Запорожье смятется и въ городахъ будетъ замятня большая. По сношеніамъ съ Самкомъ, Юраска Хмельницкій многихъ за Днѣпромъ полковниковъ и козаковъ казнилъ, которые великому государю добра хотѣли; а чернь вся и теперь хочетъ поддаться великому государю; когда выберется гетманъ всѣми вольными голосами, пункты закрѣпятся и чернымъ людамъ въ поборахъ легче будетъ, то за Днѣпромъ, смотря на это, черные люди поддадутся великому государю». Ладыженскій, по наказу, повторялъ царское требованіе; Брюховецкій расплакался: «Радъ я государю служить и голову за него положить; но выгребъ я съ козаками въ судахъ, у козаковъ лошадей нѣтъ, живучи здѣсь многое время пропились всѣ до нага, зимою идти нельзя, тотчасъ меня убьютъ свои козаки; да и Самко великому государю не вѣренъ, на дорогѣ меня убьетъ, какъ Выговскій Барабаша, и если надо мною что случится, то, говорю тебѣ сущую правду, вся Украйна смутится и Запорожье отложится. Если государь весною полной

рады учинить не велитъ, то я извѣщаю, что Самко поддается королю: для этого Юраска Хмельницкій и гетманство сдалъ Павлу Тетерѣ по родству. Чего прежде у насъ никогда не бывало, нынче гетманъ, полковники и начальные люди всѣ города, мѣста и мельницы пустопорозжія разобрали по себѣ, всѣмъ владѣютъ сами своимъ самовольствомъ и черныхъ людей отягогили поборами такъ, что въ Царѣградѣ и подъ бусурманами христіанамъ такой тягости нѣтъ. Когда будетъ полная черная рада и пункты всѣ закрѣпятся, то всѣ эти доходы у гетмана, полковниковъ и начальныхъ людей отнимутъ, а станутъ эти доходы собирать въ государеву казну государевымъ ратнымъ людамъ на жалованье: поэтому-то наказной гетманъ и начальные люди полной черной рады и не хотятъ». 14 Генваря у Брюховецкаго съ его козаками былъ кругъ, въ кругу козаки кричали, что они наги и безконны, и пѣшкомъ имъ въ Запорожье никакъ идти нельзя; а еще наканунѣ, 13 числа, Брюховецкій написалъ царю такую грамоту: «Мы, все войско Запорожское, съ великою охотою ради бы указѣ твой исполнить, но не можемъ, потому что время зимнее; теперь на зиму изъ Запорожья въ города за хлѣбомъ приходятъ, а не изъ городовъ идутъ въ Запорожье; притомъ же путь туда изъ Гадача дальный, съ полтораста миль; а за порогами никакихъ городовъ нѣтъ, ни сѣютъ, ни орутъ, только отсюда изъ городовъ хлѣбъ добываютъ, и то развѣ саблею. Умилосердись, государь праведный, не дай погибнуть головамъ нашимъ отъ безбожныхъ измѣнниковъ, изволь нѣсколько полковъ ратныхъ людей къ намъ прислать, а въ городахъ позволь быть намъ до полной рады».

Въ Гадячѣ Ладыженскій нашелъ и епископа Меѳодія, который былъ совершенно на сторонѣ Брюховецкаго и говорилъ Московскому посланнику тѣ же рѣчи, что̀ и тотъ, также толковалъ объ измѣнѣ Самка; пріѣхали полковники—Полтавскій, Миргородскій и Зѣнковскій и подтвердили слова Брюховецкаго и Меѳодія. Ясныхъ доказательствъ измѣны Самковой представить не могли, и потому внушали, что Юрій Хмель-

ницкій Самку племянникъ, а Самкова сестра за Павломъ Тетерею, которому Хмельницкій сдалъ гетманство, и какъ только Самко сдѣлается совершеннымъ гетманомъ, то непремѣнно измѣнитъ. Разсказывали, что Бѣнѣвскій съ ханомъ всѣ пункты положилъ, и ханъ къ королю приказывалъ, чтобъ Черкасамъ для прелести жаловалъ большія почести, хотя бы кого и въ Краковскіе воеводы пожаловалъ, только бы всѣхъ Черкасъ обратилъ къ себѣ; а когда всѣ Черкасы будутъ подъ властію короля, то онъ будетъ ихъ мало по малу сжимать и приведетъ ихъ въ свою волю; для этого онъ и прислалъ Павла Тетерю и велѣлъ ему принять гетманство у Юраски Хмельницкаго. Въ Гадячѣ Ладыженскій узналъ, что Золотаренко сблизился съ Самкомъ и согласился на избраніе его въ гетманы; Московскаго посланника извѣстили, что Золотаренко все свое имѣніе перевезъ изъ Путивля въ Нѣжинъ: «По этому ихъ вѣрность знать можно» толковали Ладыженскому: «пока Золотаренко съ Самкомъ не еднался, до тѣхъ поръ государю и прямилъ, а теперь имѣніе свое все изъ Путивля перевезъ, чтобъ у него ничего въ старыхъ государевыхъ городахъ не было». Меѳодій говорилъ Ладыженскому: «Мнѣ по государеву указу ѣхать въ Кіевъ нельзя, не смѣю, потому что Самко государю не прочитъ, хочетъ измѣнить, а меня велитъ погубить; государь бы пожаловалъ, до полной рады велѣлъ мнѣ жить въ Гадячѣ».

Когда Ладыженскій пріѣхалъ въ Переяславль, то здѣсь Самко разсыпался передъ нимъ въ жалобахъ, что онъ служитъ вѣрою и правдою, а государь его не жалуетъ, гетманомъ послѣ Козелецкаго избранія не утверждаетъ. Ладыженскій отвѣчалъ, что государь не утверждаетъ его по розни полковниковъ, которые не всѣ въ Козелецкой радѣ были, и хочетъ, чтобъ его, Самка, выбрали полною радою, согласно съ правами. Самко продолжалъ: «Если государь епископа Меѳодія изъ Кіева и изо всѣхъ Черкасскихъ городовъ вывести не велитъ, а быть ему на радѣ, то мы и на раду не пойдемъ; никогда и митрополиты на раду не ѣзжали и въ гетманы не выбирали; служить великому государю отъ та-

шихъ баламутовъ нельзя, я гетманство съ себя сдаю, выбирайте себѣ Черкасы ласковаго господаря. Государевы люди живутъ въ Переяславлѣ многое время, государево жалованье даютъ имъ деньгами мѣдными, а у насъ въ Черкасскихъ городахъ деньгами мѣдными не торгуютъ; отъ этого ратные люди оскудѣли въ конецъ и начали воровать безпрестанно, многихъ людей безъ животовъ сдѣлали, жить съ ними вмѣстѣ нельзя». Ладыженскій упомянулъ о царской милости къ нему, Самку; тотъ отвѣчалъ: «Посланники, пріѣзжая изъ Москвы, всегда мнѣ государскія милости сказываютъ, а не только что государева жалованья, не могу дождаться и своихъ денегъ, которыя далъ взаймы воеводѣ Чаадаеву на жалованье государевымъ ратнымъ людамъ 4000 рублей». Ладыженскій отвѣчалъ, что деньги не привезены потому, что дороги не безопасны. Потомъ Самко обратился къ Брюховецкому: «Зачѣмъ Брюховецкій называется гетманомъ? въ Запорожьѣ бываютъ только кошевые атаманы; Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полулахъ; былъ Ляхомъ, да крестился, а въ войскѣ не служивалъ, и козакомъ не бывалъ, служилъ онъ у Богдана Хмельницкаго и приказано ему было во дворѣ, а на войну Богданъ его съ собою никогда не бралъ. Козаки порознь по своимъ лейстрамъ (реестрамъ) переписаны, а мужики себѣ переписаны будутъ; леестровые козаки станутъ государю служить, а съ мужиковъ станутъ собирать государеву казну и хлѣбные запасы; а теперь, въ этой розни, у великаго государя все пропадаетъ, называются всѣ козаками, на службу нейдутъ и государевой казны не платятъ; а какъ непріятели наступятъ, то козаки леестровые многіе, не хотя государю служить, а мѣщане не хотя податей давать, бѣгаютъ въ Запорожье, да только на себя рыбу ловятъ, а сказываютъ, будто противъ непріятеля ходили».

Въ то время, какъ Ладыженскій жилъ въ Переяславлѣ, пріѣхалъ человѣкъ Самка, Жилка, посыланный къ Тетерѣ. Ладыженскій зазвалъ Жилку къ себѣ и разспрашивалъ, потчивалъ и дарилъ, и вотъ что узналъ: былъ онъ Жилка у гетмана

Павла Тетери, а Юраска Хмельницкій при немъ постригся и жить ему въ Чигиринѣ въ Новоскицкомъ монастырѣ. Писалъ Самко къ Тетерѣ, чтобъ имъ другъ съ другомъ жить мирно, а Тетеря писалъ, чтобъ имъ соединиться и поддаться королю; но казаки говорятъ, чтобъ сложиться съ Татарами, а Татары говорятъ, что у Турскаго они отягчены великою данью и имъ бы отъ Турскаго отложиться да съ Черкасами жить заодно; Павелъ Тетеря на той сторонѣ непрочный гетманъ, пойдетъ опять въ Польшу къ королю, потому что онъ секретаремъ у короля.—Ладыженскій, послѣ разговоровъ съ Жилкою, пошелъ къ Самку и потребовалъ, чтобъ онъ далъ ему всѣ письма, присланныя Тетерею. Самко отвѣчалъ: «Теперь я началъ пить, имѣю вольность, а какіе у меня есть листы, всѣ пошлю въ Москву». Тетеря, давая знать королю о сношеніяхъ своихъ съ Самко, писалъ: «Панъ Самченко склоняется отчасти къ добру и, какъ я понялъ изъ его письма, прельстится еще больше, если ваша королевская милость увѣрите его и всѣхъ Заднѣпровцевъ явнымъ ручательствомъ и другою, особою привилегіею въ томъ, что не будете мстить ни ему и никому изъ Заднѣпровскаго войска и что наравнѣ съ нами даруете имъ свободу и милость».

Въ Гадячѣ Ладыженскому говорили, что Золотаренко соединился съ Самкомъ, хочетъ его въ гетманы; въ Переяславлѣ Самко утверждалъ, что въ Нѣжинѣ была рада, полковники и чернь выбрали его въ совершенные гетманы и листъ ему прислали, закрѣпя руками своими и печатями; а на весну по травѣ быть радѣ только затѣмъ, чтобъ князю Ромодановскому отдать ему при полковникахъ и при всей черни пункты и привилей. Но когда Ладыженскій сказалъ объ этомъ въ Нѣжинѣ Золотаренку, тотъ отвѣчалъ: «Въ Нѣжинѣ у насъ рада была нынче о томъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ до весны полную раду отсрочить, а до полной рады быть старому гетману Самку, чтобъ между нами розни не было; а на полной радѣ кого всею черньью выберутъ, тому и быть гетманомъ; въ совершенные гетманы Самка не выбирали; это онъ затѣялъ;

онъ безпрестанно ссылался съ Юраскою Хмельницкимъ, а теперь ссылается съ Тетерею и вѣрить ему нельзя».

И въ грамотѣ къ царю Самко повторилъ просьбу не допускать епископа Меѳодія на раду; повторилъ и жалобу на воровство Московскихъ ратныхъ людей, которые били, грабили Переяславцевъ и называли ихъ измѣнниками; Самко требовалъ смертной казни виновнымъ и жаловался на Переяславскаго воеводу князя Волконскаго, который воровъ не казнитъ, какъ будто самъ съ ними вмѣстѣ воруетъ. Царь въ Мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Переяславль стольника Петра Бунакова розыскать по жалобѣ наказнаго гетмана. Когда Бунаковъ явился къ Самку и подалъ ему царскую грамоту, тотъ отвѣчалъ, что на царской милости челомъ бьетъ, но что розыску обиднымъ дѣламъ сдѣлать нельзя: ратные люди обижали Переяславцевъ долгое время, такъ что иные обиженные побиты на бояхъ, другіе взяты въ плѣнъ, иной челобитчикъ и есть, да отвѣтчика нѣтъ, отвѣтчикъ на лице, такъ челобитчика нѣтъ, и потому теперь отъ Переяславскихъ жителей на ратныхъ людей челобитья не чаять; пусть великій государь пожалуетъ, впередъ своимъ ратнымъ людямъ обижать Переяславцевъ не велитъ. Бунаковъ жилъ въ Переяславлѣ съ 29 Мая по 28 Іюня, на съѣзжемъ дворѣ сидѣлъ каждый день, и во все это время только разъ приведенъ былъ драгунъ, пойманый въ кражѣ, повинился, былъ битъ кнутомъ на козлѣ и въ проводку и отданъ на поруки. Бунаковъ призвалъ Переяславскихъ начальныхъ людей и спросилъ ихъ, будутъ ли наконецъ челобитныя отъ Переяславцевъ на Московскихъ ратныхъ людей, или нѣтъ? Тѣ отвѣчали, что по прежнимъ челобитнымъ нѣкоторые Переяславцы учинили сдѣлки съ обидчиками; иные ратные люди въ искахъ сидятъ въ тюрьмѣ и стоятъ на правежѣ; а вновь челобитій вскорѣ не чаять, и ему, Бунакову, въ Переяславлѣ жить, надобно думать, не зачѣмъ [43].

Между-тѣмъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Брюховецкій писалъ къ князю Ромодановскому, что Самко съ Тетерею тайно войну ведутъ

противъ великаго государя такимъ обычаемъ: Тетеря Татаръ призываетъ, а Самко государевыхъ бѣдныхъ людей грабитъ и платежъ вымышляетъ; теперь, говорятъ, по его же призыву, три тысячи Татаръ пошли къ Путивлю, чтобъ помѣшать радѣ. Но Татары не помѣшали радѣ. Еще въ Мартѣ государь отправилъ въ Малороссію окольничаго князя Данила Великаго-Гагина объявить старшинѣ, войску, мѣщанамъ и черни, чтобъ они учинили черневую енеральную раду для выбора совершеннаго гетмана всѣми вольными голосами, кто имъ будетъ любъ, по ихъ стародавнымъ войсковымъ правамъ и по Переяславскимъ статьямъ. Подъ Нѣжинымъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, собралась эта рада: пріѣхали епископъ Меѳодій, Самко, Брюховецкій, всѣ полковники и вся старшина, было все войско и мѣщане. Брюховецкій и отсюда не замедлилъ отправить доносъ въ Москву; 8 Іюня онъ писалъ царю: «По указу вашего пресвѣтлаго царскаго величества, благодѣтеля нашего милостиваго, пришелъ я съ войскомъ на раду подъ Нѣжинъ, и стою въ Новыхъ Млынахъ, потому что полковники и чернь просятъ, чтобъ я сжидался съ ними. А Васюта Золотаренко докладывался окольничаго князя Великаго-Гагина, чтобъ позволилъ ему съ нами драться, потому что не любитъ правды, которую ему чернь хочетъ въ глаза говорить и объявлять его измѣну, что онъ съ Самкомъ усовѣтовалъ отложиться отъ вашего царскаго величества, для чего и города всѣ укрѣпили и колокола на пушки перелили. Только ихъ совѣтъ Господь разорилъ счастьемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, и если бы эти смутники на сей сторонѣ Днѣпра чернь не обманывали, то и та сторона давно бы подъ вашею высокою рукою была; полковникъ Поволоцкій недавно побилъ всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, которые были въ его полку; теперь онъ одинъ такъ сдѣлалъ, а еслибъ не Самко съ Васютою смущали здѣсь народъ, то и всѣ полковники за Днѣпромъ сдѣлали бы то же, что̀ Поволоцкій». Брюховецкій подписался: «Вѣрный холопъ и нижайшая подножка пресвѣтлаго престола».

Наконецъ судьба искателей гетманства рѣшились. 18 Іюня

была знаменитая черная или генеральная рада, о которой такъ много толковали и переписывались. Не дали еще Гагину дочитать царскаго указа о гетманскомъ избраніи, какъ съ одной стороны раздались крики: «Брюховецкаго!» а съ другой: «Самка!» но за криками слѣдовала драка: Запорожцы Брюховецкаго кинулись на приверженцевъ Самка; бунчукъ наказнаго гетмана былъ сломанъ, онъ самъ едва могъ выдраться изъ толпы и скрыться въ шатеръ царскаго воеводы; нѣсколько человѣкъ было убито; побѣдители Запорожцы столкнули Гагина съ его мѣста и выкрикнули своего кошеваго гетманомъ. Гагинъ однако не далъ Брюховецкому утвержденія отъ имени царскаго: Самко объявилъ ему, что гетманство Брюховецкаго, пріобрѣтенное насиліемъ, не есть законное, что ни онъ, ни войско не признаетъ его гетманомъ и что необходимо собрать новую раду; рада была созвана, но Самко не получилъ отъ нея никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ и стали грабить возы своей старшины; единственною причиною такого оступничества Малороссійскій лѣтописецъ полагаетъ непостоянство своихъ соотечественниковъ. Послѣ этого новаго избранія, противъ котораго нельзя было ничего сказать, Гагинъ далъ булаву Брюховецкому; Запорожцы праздновали свое торжество трехдневнымъ убійствомъ: гибли непріязненные Брюховецкому полковники и ихъ мѣсто заступали Запорожцы. Новый гетманъ отправилъ въ Москву благодарственное посольство и, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, по прежнему твердилъ объ измѣнѣ Самка и Золотаренка; обвиненные отданы были на войсковый судъ, по древнему обычаю козацкому; судьями были враги-побѣдители, которые и приговорили побѣжденныхъ къ смертной казни; приговоръ былъ исполненъ въ Борзнѣ 18 Сентября, въ присутствіи обознаго Ивана Цесарскаго, Кіевскаго полковника Василія Дворецкаго и Прилуцкаго Данилы Песоцкаго. Вмѣстѣ съ Самкомъ и Золотаренкомъ казнены были: Аѳанасій Щуровскій, Аникій Силичь (полковникъ Черниговскій), Степанъ Шамрицкій, Павелъ

Киндей, Ананка Семеновъ, Кириллъ Ширяй. Десять человѣкъ: Семенъ Третьякъ, Матьяшъ Панкѣевъ, Дмитрій Черняевскій, Самойла Савицкій, Михайла Вухѣевъ, Ѳома Тризничь, Иванъ Воробей, Семенъ и Прокофій Кулженскіе, Левка Бутъ, Лубенскаго Мгарскаго монастыря игуменъ Викторъ были отвезены въ оковахъ въ Москву; отвезли ихъ тѣ же Цесарскій и Дворецкій. Украйна волновалась. Въ Черниговѣ всѣ начальные люди радѣли Полякамъ, купцы и чернь тянули къ Москвѣ. Черниговскій епископъ Лазарь Барановичь хвалился, что онъ удержалъ Новгородъ Сѣверскій за Москвою. Въ Кіевѣ воевода Чаадаевъ успѣлъ пріобрѣсть всеобщую любовь, но волновалось войско по причинѣ мѣдныхъ денегъ: двадцать мѣдныхъ денегъ платили за одну серебряную [44].

Такимъ образомъ и прекращеніе распри между искателями гетманства не обѣщало продолжительнаго спокойствія въ Малороссіи; а между-тѣмъ Польша оправилась, войско получило жалованье. Мы уже упоминали, что въ Бѣлоруссіи и Литвѣ война продолжалась очень неудачно для Москвы. Осенью 1661 года Хованскій, вмѣстѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ, потерпѣлъ новое пораженіе при Кушликахъ отъ Литовскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Жеромскаго; изъ 20,000 Русскихъ не болѣе тысячи спаслось въ Полоцкъ вмѣстѣ съ Хованскимъ и раненымъ Нащокинымъ; Литва хвалилась, что потеряла только человѣкъ около 40 убитыми и взяла множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ сына Хованскаго; девять пушекъ, знамена, образъ Богородицы, бывшій съ Нащокинымъ при Валіесарѣ и которымъ такъ дорожили и царь и воевода, достались побѣдителямъ [45].

Потеряны были Гродно, Могилевъ, самая Вильна. Въ этой столицѣ Литвы сидѣлъ воеводою стольникъ князь Данила Мышецкій только съ 78 солдатами. Самъ король осадилъ Вильну и отправилъ къ Мышецкому Литовскаго канцлера Паца и подканцлера Нарушевича съ требованіемъ сдачи, обѣщая для воеводы и всѣхъ ратныхъ людей свободный выходъ къ Московскимъ границамъ съ казною и со всѣмъ имѣніемъ. Мы-

цкій отвѣчалъ, что сдастъ городъ, если король позволитъ ему распродать весь хлѣбъ и соль и дастъ ему подъ его пожитки 300 подводъ. Король не согласился на распродажу хлѣба и соли и обѣщалъ дать воеводѣ только 30 подводъ. Тогда Мышецкій объявилъ, что хотя всѣ помрутъ, а города не сдадутъ. Король велѣлъ своему войску готовиться къ приступу. Узнавши объ этомъ отъ перебѣжчика, Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ, въ подпольѣ, приготовить 10 бочекъ пороху, и хотѣлъ, зазвавши къ себѣ въ избу всѣхъ солдатъ, какъ будто бы для совѣщанія, запалить порохъ. Но солдаты провѣдали объ этомъ умыслѣ, схватили воеводу, сковали и выдали королю. Когда его привели къ Яну Казимиру, то онъ не поклонился; король, видя его гордость, не захотѣлъ съ нимъ говорить самъ, а выслалъ канцлера Паца спросить его, какого онъ хочетъ милосердія? «Никакого милосердія отъ короля не требую, а желаю себѣ казни», отвѣчалъ Мышецкій. Его желаніе было исполнено; передъ казнью читали сказку, что Мышецкаго казнятъ не за то, что онъ былъ добрый кавалеръ и государю своему служилъ вѣрно, города не сдалъ и мужественно защищался, но за то, что онъ былъ большой тиранъ, много людей невинно покаралъ и, на части разсѣкши, изъ пушекъ ими стрѣлялъ, иныхъ на колъ сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рождали младенцевъ. Передъ смертію осужденный написалъ духовную, которую потомъ одинъ монахъ доставилъ въ Москву: «Память сыну моему князю Ивану Даниловичу Мышецкому, да женѣ моей княгинѣ Аннѣ Кириловнѣ: вѣдайте о мнѣ убогомъ: сидѣлъ въ замкѣ отъ Польскихъ людей въ осадѣ безъ пяти недѣль полтора года, принималъ отъ непріятелей своихъ всякія утѣсненія и отстоялся отъ пяти приступовъ, а людей съ нами осталось отъ осадной болѣзни только 78 человѣкъ; грѣховъ ради моихъ измѣнили семь человѣкъ, Ивашка Чешиха, Антошка Поваръ да Сенька подъячій, и Польскимъ людямъ обо всемъ дали знать. Отъ этого стала въ замкѣ между полковниками и солдатами шаткость большая,

стали мнѣ говорить шумомъ, чтобъ городъ сдать; я склонился на это ихъ прошенье, выходилъ къ Польскимъ людямъ на переговоры и просилъ срока на одинъ день, чтобъ въ то время, гдѣ изъ пушекъ разбито, позадѣлать; но пришли ко мнѣ начальные люди и солдаты всѣ гилемъ, взяли меня, связали, заковали въ желѣза, рухлядь мою пограбили всю безъ остатка, впустили Польскихъ людей въ замокъ, а меня выдали королю и просили казнить меня смертію, а сами всѣ, кромѣ пяти человѣкъ, приняли службу королевскую. Король, мстя мнѣ за побитіе многихъ Польскихъ людей на приступахъ и за казнь измѣнниковъ, велѣлъ казнить меня смертію». Приговоръ былъ исполненъ поваромъ княжескимъ; тѣло казненнаго похоронено въ Духовомъ монастырѣ. Послѣ въ Вильнѣ разказывали, что многіе люди видѣли, какъ обезглавленный воевода расхаживалъ около своей могилы.

Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, извѣщая государя объ успѣхѣ, одержанномъ княземъ Данилою Боратинскимъ надъ Поляками при Благовичахъ (въ Могилевскомъ уѣздѣ), прибавляетъ: «въ Быховѣ хлѣбныхъ запасовъ ничего нѣтъ, ратные люди ѣдятъ траву и лошадей». Въ самомъ Смоленскѣ на рынкахъ не было хлѣбнаго привоза, потому что уѣздные люди, обмолотивши хлѣбъ, ссыпали его въ ямы, а солому жгли, и никто не везъ хлѣба на продажу въ городъ. Царь долженъ былъ грозить имъ за это жестокимъ наказаньемъ безо всякой пощады. Грозя Смоленскимъ уѣзднымъ людямъ наказаніемъ за укрывательство хлѣба, царь приказывалъ пустошить въ конецъ другіе уѣзды, не имѣя другаго средства вредить усиливающемуся непріятелю. Такъ въ Сентябрѣ онъ послалъ указъ Долгорукому отправить ратныхъ людей въ уѣзды Дубровинскій, Оршанскій, Копысскій, Шкловскій, Могилевскій, Кричевскій съ тѣмъ, чтобъ они забрали жителей, хлѣбъ и скотъ, а сѣно и солому жгли безъ остатку, чтобъ Польскимъ людямъ въ зимнее время пристанища не было. Ратные люди исполнили охотно этотъ царскій указъ въ надеждѣ обогатиться добычею. Они подошли подъ Копысъ,

разбили непріятеля, сдѣлавшаго на нихъ вылазку изъ этого города. Ходить на приступы было запрещено, чтобъ не тратить людей, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ. Желая постращать жителей Копыса и принудить ихъ къ сдачѣ безъ бою, воевода Толочановъ велѣлъ пускать въ городъ гранаты, отъ которыхъ загорѣлось два двора. Тутъ солдаты, ударивъ въ барабаны, закричавъ ясакомъ, пошли на приступъ. Толочановъ бросился къ полковникамъ, крича, что на приступы ходить не велѣно; полковники отвѣчали, что солдаты пошли безъ ихъ приказанія, самовольно. Тогда воевода отправилъ полковниковъ Вильяма Брюса и Николая фонъ-Залена отвести солдатъ отъ города, послалъ съ полковниками есауловъ и дворянъ; но полковники, возвратясь изъ-подъ города, объявили, что солдаты ихъ не послушали, поручиковъ и дворянъ перебили, полковника Брюса ранили по рукѣ, фонъ-Залена кирпичемъ въ голову. Приступъ не удался, солдаты были перебиты и переранены. Толочановъ спрашивалъ возвратившихся съ приступа, зачѣмъ они пошли безъ приказанія? тѣ отвѣчали: «Намъ обуховъ не перетерпѣть; мы всѣми полками скажемъ, что намъ велѣли идти полковники и начальные люди». Если слышались частыя жалобы изъ Малороссіи на побѣги ратныхъ людей, то въ Бѣлоруссіи было то же самое: изъ отряда майора Дурова убѣжало 35 человѣкъ, у подполковника Жданова 57, на лицо осталось 564; у стрѣлецкаго головы Колупаева не пошло на службу изъ Москвы 46 человѣкъ, ушло 128, на лицо 209; у полковника Дефрома убѣжало 226 солдатъ, на лицо 330 и т. д. Борисовъ еще съ 1660 года находился въ осадѣ; въ 1662 году воевода его, Кирилла Хлоповъ, писалъ, что ратные люди безпрестанно бьютъ челомъ о соли, а ему дать имъ нечего, и онъ боится, чтобъ отъ нихъ не сдѣлалось чего-нибудь дурнаго, потому что они сильно скучаютъ и измѣняютъ, начали перебѣгать къ Польскимъ людямъ. Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, доносилъ, что у него пороху и фитилю нѣтъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ изъ Кобрина вышелъ полковникъ Статкѣевичь съ тѣмъ,

*

чтобъ стянуть Литовскіе отряды, находившіеся въ Полоцкомъ, Витепскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ повѣтахъ, идти съ ними въ Оршу и стеречь, чтобъ осажденные въ Быховѣ и Борисовѣ не получали изъ Москвы подкрѣпленій и запасовъ; узнавъ, что изъ Смоленска къ Быхову идутъ Московскіе ратные люди съ денежною казною и запасами, Статкѣевичь послалъ свое войско перенять ихъ. Въ пяти верстахъ отъ Чаусъ, между рѣками Пронею и Басею, Поляки Статкѣевича встрѣтились съ Русскими, бывшими подъ начальствомъ иностранца, генералъ-майора Вильяма Друмонта: въ упорномъ бою 15 знаменъ старой королевской пѣхоты были истреблены всѣ до одного человѣка, конницу побѣдители топтали на 15 верстахъ и взяли въ плѣнъ 70 человѣкъ. Но этотъ частный успѣхъ не могъ перемѣнить общаго хода дѣлъ въ пользу Москвы. Поляки знали, что пѣхота начинаетъ перебѣгать изъ Московскихъ полковъ вслѣдствіе скуднаго жалованья, получаемаго мѣдными деньгами; что для предупрежденія побѣговъ солдатъ и стрѣльцовъ въ Смоленскѣ не пускаютъ за городскія стѣны; что иностранные офицеры недовольны опять вслѣдствіе плохаго жалованья мѣдными деньгами и насильственною задержкою въ Россіи; что солдаты бѣгутъ изъ самой Москвы и изъ полковъ Украинскихъ, бѣгутъ въ степи и въ Сибирь; что въ Москвѣ самъ царь лично два раза упрашивалъ войско не покидать службы; что большая половина Смоленской шляхты склоняется на сторону королевскую; что въ самой Москвѣ, по причинѣ мѣдныхъ денегъ, дороговизна, голодъ и возмущенія. Въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Виленахъ, въ это время находилось 242 Русскихъ чиновныхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ одинъ стольникъ (князь Петръ Ивановичъ Хованскій), 3 полковника, 2 стрѣлецкихъ головы, 4 подполковника, 7 ротмистровъ, 2 майора, 8 капитановъ, 15 поручиковъ, 11 прапорщиковъ, 103 человѣка дворянъ и дѣтей боярскихъ. Такъ какъ ихъ содержали очень дурно, то царь считалъ своимъ долгомъ посылать къ нимъ деньги, что́ еще увеличивало военные расходы: такъ въ началѣ 1662 года роз-

дано было плѣннымъ въ Литвѣ 836 золотыхъ червонныхъ, да въ займы, для нужды и голоду, дано 82 золотыхъ. Кромѣ того были плѣнные у короля, Чарнецкаго и другихъ сенаторовъ.

Чѣмъ хуже шли дѣла въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, тѣмъ сильнѣе становилось въ Москвѣ желаніе мира. Въ 1661 году попытка царя задержать военныя дѣйствія мирными переговорами не удалась. Съѣздъ посольскій, обѣщанный въ Октябрѣ, не состоялся. Въ Мартѣ 1662 года новый посланникъ царскій, стольникъ Нестеровъ, пріѣзжалъ въ Варшаву съ тѣмъ же предложеніемъ перемирія на время посольскихъ съѣздовъ. Сенаторы отвѣчали, что если царь уступитъ королю Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и всѣ Черкасскіе города Заднѣпрской Путивльской стороны, также Полоцкъ, Витебскъ, Динабургъ, Борисовъ и Быховъ, то король велитъ заключить перемиріе и удержать войска мѣсяца на два или на три для посольскаго съѣзда, которому быть на Поляновкѣ. Нестеровъ отвѣчалъ, что въ два или три мѣсяца уполномоченные не успѣютъ и съѣхаться; для перемирья на два или на три года онъ уступитъ королю Борисовъ, о другихъ же городахъ ему говорить не наказано; потомъ согласился уступить еще Динабургъ; но паны объявили ему рѣшительно, что перемирья не будетъ, а ратные люди отведутся на 15 миль отъ того мѣста, гдѣ будетъ назначенъ съѣздъ уполномоченныхъ; сенаторы прибавили, что если постановлять договоръ о перемирьѣ, то надобно посылать къ Крымскому хану, что̀ потребуетъ много времени, безъ пересылки же съ Крымскимъ ханомъ перемирья заключить нельзя. Нестеровъ отвѣчалъ на это: «Удивительно, что королевское величество и вся рѣчь посполитая въ государствѣ своемъ безъ вѣдома искони вѣчнаго христіанскаго непріятеля Крымскаго хана сдѣлать ничего не можете и не смѣете; а Крымскій ханъ между христіанскими государствами никогда покою не пожелаетъ, и о томъ королевскому величеству Крымскаго хана спрашивать не доведется». Паны отвѣчали: » Крымскій ханъ намъ това-

рищъ, да и король и вся рѣчь посполитая перемирья заключить не хотятъ». На это Нестеровъ сказалъ: «Съ которой стороны перемирью не быть, съ той стороны и правдѣ не быть». Но царскіе уполномоченые — бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ уже отправились въ Смоленскъ, куда къ нимъ высланы были и Польскіе плѣнники — гетманъ Гонсѣвскій, полковники Невѣровскій и Обуховичь съ товарищами, всего 212 человѣкъ, потому что за этихъ плѣнниковъ король обѣщалъ отдать окольничаго князя Осипа Щербатаго, стольниковъ князей Семена Щербатаго и Григорья Козловскаго, Ивана Акинѳова; а гетманъ Гонсѣвскій обѣщалъ государю, что за него король дастъ, кромѣ означенныхъ плѣнниковъ, еще князя Петра Хованскаго. Гонсѣвскаго немедленно отпустили изъ Смоленска въ Шкловъ; но Русскіе плѣнники не были возвращены, потому что Потоцкій, Любомирскій, Чарнецкій, на долю которыхъ они достались, не хотѣли отпустить ихъ безъ окупу. Между-тѣмъ изъ Борисова пришли вѣсти, что съѣстные запасы всѣ вышли и Нѣмцы сильно скучаютъ; въ Москвѣ признали невозможнымъ поддерживать долѣе этотъ городъ и послали приказъ воеводѣ его Хлопову покинуть Борисовъ. 9 Іюля Хлоповъ исполнилъ приказъ, вышелъ изъ города со всѣми ратными людьми, пушками, запасами и казною.

Лѣто проходило. Польскіе коммиссары не являлись для переговоровъ. Австрійскіе послы, пріѣхавшіе для посредничества, жили понапрасну въ Смоленскѣ. Въ Августѣ пріѣхалъ въ Смоленскъ выпущенный изъ плѣна окольничій князь Осипъ Щербатый; но вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Львовскій купецъ, Грекъ Кирьякъ, который заплатилъ за плѣнника Потоцкому 20,000 золотыхъ Польскихъ, и теперь пріѣхалъ искать своихъ денегъ. Такъ какъ Потоцкій взялъ деньги вопреки рѣшенію короля и сейма, опредѣлившихъ, чтобъ плѣнныхъ не давать на окупъ, то въ записи, данной Щербатовымъ, было означено, что

окольничій посулилъ гетману подарокъ за его добродѣйство. Полномочные послы велѣли выгнать Кирьяка изъ Смоленска и писали Шкловскому коменданту: «Вы пишете въ своей грамотѣ, что окольничій князь Щербатовъ отпущенъ изъ Шкловской крѣпости по приказу королевскому за гетмана Гонсѣвскаго: такъ вопреки указу королевскому съ какой стати онъ будетъ еще платить деньги за какое-то добродѣйство гетмана Потоцкаго? То ли гетманское добродѣйство, что, вопреки присягѣ своей, вмѣсто увольненія плѣнникомъ его сдѣлалъ и, по бусурманскому обычаю, захотѣлъ его продать? Когда гетманъ Гонсѣвскій по милости великаго государя нашего изъ плѣна былъ освобожденъ, то на немъ никакихъ подарковъ никто не спрашивалъ. Христіанское ли то дѣло, чтобъ христіанину христіанами какъ скотомъ торговать и прибыли по бусурмански искать?» Несчастный Грекъ считалъ также себя въ правѣ думать, что съ нимъ поступили по бусурмански; онъ писалъ къ Одоевскому съ товарищи: «Самъ князь Щербатовъ обѣщался мнѣ и поручился; вы обѣщались, что будетъ мнѣ свободный пропускъ въ Москву. Я у плѣнниковъ былъ отцемъ и добродѣемъ, а теперь какъ измѣнникъ выгнанъ изъ Смоленска. Христіанское ли это дѣло, бѣднаго торговаго человѣка приводить къ такой пагубѣ, что мнѣ уже не зачѣмъ къ бѣднымъ моимъ дѣтямъ возвратиться. Камень бы заплакалъ, смотря на мою обиду, какой и бусурманы не дѣлаютъ. Такія обиды государства до пагубы приводятъ. Со слезами къ ногамъ вашимъ припадаю, пропустите меня къ пресвѣтлѣйшему царю, а онъ государь христіанскій, великій, еще ни одному нашему брату торговому человѣку обиды не сдѣлалъ и бѣдныхъ сиротъ не ослезилъ». Потоцкій прикрылъ выкупъ именемъ подарка, но Чарнецкій не считалъ нужнымъ церемониться: онъ прямо потребовалъ съ плѣнныхъ, находившихся у него въ Тыкотинѣ, съ 75 человѣкъ окупу 16,000 рублей, мѣхъ рысій или за него сто рублей денегъ, да барса; плѣнники посулили окупъ, не стерпя тяжкой нехристіанской неволи и немѣрной работы. Послы отписали Чарнецко-

му, чтобъ онъ, зная сеймовое постановленіе о размѣнѣ плѣнныхъ, оставилъ бусурманскій обычай; отписали всему войску коронному, чтобъ оно Московскихъ плѣнниковъ высылало на размѣну на своихъ Поляковъ, которыхъ множество въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ въ Сентябрѣ освобождены были обѣщанные за Гонсѣвскаго знатные плѣнники—князья Семенъ Щербатый, Григорій Козловскій, Петръ Хованскій, Иванъ Акинѳовъ. Для остальныхъ назначена была въ мѣстечкѣ Горахъ генеральная размѣна, для чего съѣхались съ обѣихъ сторонъ размѣнные коммиссары; мѣняли чинъ на чинъ и человѣка на человѣка; на время размѣны условились прекратить непріятельскія дѣйствія. Въ Октябрѣ коммиссары разъѣхались, не кончивши размѣны; Русскіе коммисары жаловались на несоблюденіе условій со стороны Поляковъ. Во время размѣны королевскіе ратные люди приходили подъ Витебскъ, въ Витебскомъ повѣтѣ села и деревни разорили и городъ держатъ въ большой тѣснотѣ; другой отрядъ Поляковъ приходилъ подъ Великія Луки, выжегъ посады, въ уѣздѣ села и деревни разорилъ; наконецъ во время же размѣны Поляки напали на Русскій отрядъ, возвращавшійся съ хлѣбными запасами изъ Полоцка въ Витебскъ. Польскіе коммиссары не отдавали Русскихъ начальныхъ людей на обмѣнъ за Польскихъ, своихъ начальныхъ людей называли волонтерами и шишами, за Русскихъ полковниковъ и полуполковниковъ просили своихъ товарищей по шести и по семи человѣкъ; товарищей, драгуновъ и челядниковъ брали выборомъ, шляхту, свою братью, родоватыхъ людей называли челядью и хлопцами и давали за нихъ не противъ ихъ версты людей боярскихъ и мужиковъ, побранныхъ въ обозахъ и въ дорогѣ за возами, а не на бою. Тщетно Русскіе коммиссары настаивали, чтобъ Поляки брали за полковника шляхты и драгуновъ по четыре человѣка, за полуполковника по три, а за иные чины, кромѣ прапорщиковъ, по два: Поляки дѣлали по своему, и, оставя своихъ плѣнныхъ, человѣкъ съ двѣсти, уѣхали изъ Горъ и задержали Русскихъ плѣнныхъ, началь-

шихъ людей, въ Шкловѣ; освобождено же было Русскихъ плѣнниковъ всего 438 человѣкъ, Поляковъ отпущено 381 человѣкъ; за размѣною осталось въ Смоленскѣ Поляковъ и Литвы 366 человѣкъ, да у князя Петра Долгорукаго 150; Польскіе коммиссары потому требовали такъ много шляхты за начальныхъ Русскихъ людей, что между Польскими плѣнными начальныхъ людей не было. Не зная еще о прекращеніи размѣны, изъ Москвы продолжали высылать Польскихъ плѣнниковъ, такъ что въ Ноябрѣ въ Смоленскѣ было ихъ 611 человѣкъ; дворъ, на которомъ прежде помѣщались плѣнники, и тюрьма стали тѣсны, а на мѣщанскихъ дворахъ ставить ихъ было нельзя, потому что всѣ дворы были заняты ратными людьми. Плѣннымъ давали — шляхтичу по десяти мѣдныхъ денегъ на день, челяднику и драгуну по шести, да каждому по четверику сухарей и по гривенкѣ соли на мѣсяцъ. Но воевода Смоленскій, князь Петръ Долгорукій, объявилъ, что въ казнѣ сухарей мало и впередъ плѣннымъ давать будетъ нечего. Государь, получивъ объ этомъ извѣстіе, велѣлъ Одоевскому давать за Русскихъ начальныхъ людей столько Польскихъ плѣнниковъ, сколько запросятъ коммиссары, лишь бы Русскіе люди, будучи въ плѣну, не померли напрасною смертію.

Но число Русскихъ плѣнниковъ, начальныхъ людей увеличивалось у Поляковъ: 16 Декабря королевскія войска, подъ начальствомъ полковника Черновскаго, взяли приступомъ Усвятъ, плѣнили воеводу и многихъ государевыхъ людей побили и побрали въ плѣнъ; шляхетскій ротмистръ Глиновецкій, шляхтичь Сестринскій и мѣщанскій войтъ были повѣшены за то, что не сдали города Полякамъ. Посланецъ Одоевскаго Дичковъ понапрасну жилъ въ Вильнѣ, дожидаясь какого-нибудь отвѣта отъ коммиссаровъ; тѣ отпустили его ни съ чѣмъ, отговариваясь, что сами не получаютъ никакого приказа отъ короля. Дичковъ привезъ въ Смоленскъ извѣстіе о страшной смерти гетмана Гонсѣвскаго и маршалка Жеромскаго: 16 Ноября явились въ Вильну товарищи войсковые Хлевинскій да Новошинскій съ толпою ратныхъ людей и спрашивали,

гдѣ Гонсѣвскій и Жеромскій? имъ сказали, что Жеромскій въ церкви у обѣдни, а Гонсѣвскій у себя дома лежитъ боленъ. Новошинскій отправился въ церковь, гдѣ былъ маршалокъ, и потребовалъ, чтобъ тотъ ѣхалъ съ нимъ къ войску. «Дайте мнѣ отслушать обѣдню», отвѣчалъ Жеромскій. Тутъ солдаты схватили его и силою повели изъ церкви. Напрасно служившій обѣдню священникъ говорилъ имъ, что они этимъ оскорбляютъ домъ Божій: солдаты обругали ксёнза измѣнникомъ, вывели Жеромскаго и повезли его за городъ. Отъѣхавши 12 миль по Гродненской дорогѣ, на рѣкѣ Нѣманѣ солдаты бросились на свою жертву, изсѣкли саблями и забили обухами до смерти. По той же дорогѣ Хлевинскій везъ въ каретѣ больнаго Гонсѣвскаго, съ которымъ сидѣлъ его домовый ксёнзъ. Въ десяти миляхъ отъ Вильны гетмана встрѣтилъ еще отрядъ ратныхъ людей; увидя ихъ, Гонсѣвскій сказалъ ксёнзу: «У Минуція написано, что нынѣшняго дня будетъ убитъ великій человѣкъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ». Только что онъ успѣлъ сказать это, какъ ѣхавшіе на встрѣчу солдаты поровнялись съ каретою и закричали, чтобъ онъ выходилъ. «Для чего выходить?» спросилъ гетманъ. «Выходи!» кричали солдаты съ ругательствами: «пришелъ твой часъ!» Гонсѣвскій вышелъ и сталъ говорить: «Везите меня въ войско, потому что по правамъ нашимъ и челядника безъ суда не караютъ, не только что гетмана». — «Не указывай!» закричали солдаты и хотѣли немедленно его разстрѣлять; несчастный могъ вымолить только сроку, чтобъ исповѣдаться у ксёнза. Убійцы выставили три обвиненія противъ Гонсѣвскаго: 1) При освобожденіи своемъ изъ плѣна присягнулъ царю, что съ помощію орды и Шведовъ подведетъ Польшу подъ власть государеву; разглашали, что у гетмана захвачены царскія грамоты. 2) Пропустилъ въ Ригу товарные струги Смоленскихъ и Витебскихъ мѣщанъ. 3) Пріѣхалъ въ Вильну Устинъ Мещериновъ съ грамотами, безъ войсковаго вѣдома былъ у гетмана ночью и грамоты ему отдалъ. Жеромскаго убили за то, что былъ съ Гонсѣвскимъ въ одной думѣ.

Въ Февралѣ 1663 года царь приказалъ Одоевскому пересмотрѣть плѣнныхъ, находившихся въ Смоленскѣ, и раздѣлить ихъ на двѣ части: которые познатнѣе, тѣхъ держать въ Смоленскѣ, а которые похуже, тѣхъ отпустить въ Польшу безъ размѣны и наказать имъ бить челомъ королю, чтобъ онъ сдѣлалъ то же и съ Русскими плѣнниками. Вслѣдъ затѣмъ отпущена была изъ Москвы другая толпа плѣнниковъ также безъ размѣны. Одоевскій съ товарищами получилъ приказъ возвратиться въ Москву, а въ Польшу еще въ 1662 году отправился Ординъ-Нащокинъ съ предложеніемъ тѣснаго союза подъ условіемъ уступки Смоленска и Сѣверскихъ городовъ, какъ было до Смутнаго времени, съ предложеніемъ денегъ для расплаты съ бунтующимъ войскомъ за уступку южной Ливоніи. Но знаменитый Московскій дипломатъ не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ: чтобъ заключить выгодный миръ, король считалъ необходимымъ перейти самому на восточный берегъ Днѣпра [46].

Въ третій разъ страшная опасность начала грозить Москвѣ. 8 Сентября отправлена была къ находившемуся при Брюховецкомъ воеводѣ, стольнику Кириллу Хлопову, такая грамота: «Говорить гетману тайнымъ обычаемъ: если король Польскій со всѣмъ войскомъ коронымъ и съ измѣнниками Черкасами той стороны Днѣпра и съ Крымскими Татарами станетъ наступать всѣми силами, то, по самой конечной мѣрѣ, если устоять противъ нихъ будетъ нельзя, гетманъ долженъ укрѣпить осаду во всѣхъ городахъ и, соединившись съ воеводою княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, отступать къ пограничнымъ Московскимъ и Черкасскимъ городамъ, къ крѣпкимъ мѣстамъ, гдѣ пристойнѣе, по своему разсмотрѣнію». Для удержанія союзниковъ королевскихъ, Татаръ, еще прежде успѣли подкрѣпить Запорожье: туда отъ Бѣлгородскаго полка Ромодановскаго отдѣленъ былъ отрядъ изъ 500 человѣкъ драгуновъ, солдатъ и Донскихъ козаковъ подъ начальствомъ стряпчаго Григорія Касогова. Сначала этого отряда было достаточно, потому что война велась мел-

кая: Кременчукскіе козаки опять перешли въ королевскую сторону, ихъ примѣру послѣдовали жители городовъ Потока и Переволочны. Въ Кременчукѣ засѣлъ наказной гетманъ западной стороны, Петръ Дорошенко. Узнавши, что въ Запорожье пробирается Московскій отрядъ, Дорошенко въ Іюлѣ мѣсяцѣ послалъ провѣдать объ немъ двѣсти козаковъ и сотню Татаръ, которые столкнулись съ людьми Касогова подъ Кишенкою и были побиты; Переволочане опять поддались великому государю; Касоговъ въ другой разъ побилъ Татарскихъ загонщиковъ подъ Кишенкою и, соединившись съ Запорожцами и Калмыками, отправился въ Сентябрѣ за Днѣстръ: здѣсь выжгли они ханскія села, много въ нихъ побили Армянъ и Волоховъ и 20 Сентября возвратились въ Сѣчь всѣ въ цѣлости; на другой день, 21 числа, явились въ Сѣчь 1200 Запорожцевъ, которые ходили на море, пришли они пѣшкомъ и разсказывали кошевому своему Ивану Сѣрко и Касогову, что настигли ихъ на морѣ Турецкія суда, бились съ ними три дня и двѣ ночи, на третью ночь козаки утекли отъ Турокъ къ берегу, изрубили свои суда и полемъ пустились домой. 2 Октября Сѣрко и Касоговъ выступили подъ Перекопь; 11 числа ночью Сѣрко съ пѣшими Черкасами и солдатами вошелъ въ Перекопскій посадъ съ Крымской стороны, а Касоговъ съ конными Черкасами и Русскими людьми пришелъ къ воротамъ Перекопскимъ съ Русской стороны; большой каменный городъ былъ взятъ, но малаго Русскіе взять не могли и ушли, зажегши большой городъ; Янычары и Татары преслѣдовали ихъ верстъ съ пять. 16 Октября Касоговъ и Сѣрко возвратились въ Сѣчь; изъ отряда Касогова было убито только десять человѣкъ; плѣнныхъ въ Сѣчь не привели, порубили, не пощадивъ ни женъ, ни дѣтей, на томъ основаніи, какъ доносилъ Касоговъ, что въ Крыму и Перекопи было повѣтріе; но пріѣхали въ Москву Запорожскіе посланцы съ тою же вѣстію о походѣ подъ Перекопь и объявили: «Въ Перекопи при насъ мороваго повѣтрія не было, слышали они, что было повѣтріе, но задолго до ихъ при-

хода; плѣнныхъ мы всѣхъ порубили будучи между собою въ ссорѣ, а кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко писалъ про моровое повѣтріе къ гетману Брюховецкому, думаемъ, отъ стыда, что языковъ къ нему послать было некого, потому что войскомъ всѣхъ побили».

Скоро послѣ этого начали приходить отъ Касогова печальныя вѣсти: онъ писалъ, что 23 Ноября прислалъ измѣнникъ Тетеря въ Запорожскую Сѣчь посланцевъ своихъ, двухъ Крыловскихъ мѣщанъ, съ прелестными листами, и когда эти листы читали въ радѣ, то половина Запорожцевъ не хотѣли и слушать, но другіе обрадовались; начались шатости въ Запорогахъ большія; Сѣрко боится за себя, за Московскаго воеводу и за всѣхъ государевыхъ ратныхъ людей; запасы, привезенные Касоговымъ, вышли, а покупать въ Запорожьѣ — осминка муки ржаной стоитъ пять рублей, а пшена и не добыть ни за какія деньги, отъ чего многіе ратные люди разбѣжались. Касоговъ приготовился уже къ смерти и писалъ къ отцу своему: «Батюшка! помилуй меня, дай благословеніе и прости, потому что, думаю, въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ. Если Черкасскіе города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю, и мнѣ съ Сѣркомъ тутъ матъ: и теперь бунтуютъ и на насъ совѣщаются; чуть только осилятъ, сейчасъ выдадутъ насъ или Ляхамъ, или Татарамъ. Смилуйся, государь! дѣвочку мою не покинь! охъ, жаль, какъ душѣ съ тѣломъ, съ нею разстаться и не видать до дня суднаго! Больше писать не умѣю отъ печали лютой; помилуй меня, прости грѣшника и не забудь за меня къ Богу черезъ нищихъ послать и душу мою бѣдную помянуть; челядь мою Русскую вели отпустить на волю, а Татаръ вели удержать, на обмѣну пригодятся. Умились надъ бѣдною, вѣкъ свой въ горѣ скоротавшею моею женою сиротою, не вели ее оскорбить послѣ меня; не утѣшилась бѣдная при мнѣ, только состарѣлась и отъ бѣднаго житья сокрушилась».

Отъ гетмана сначала приходили хорошія вѣсти: осенью 1663 года, 15 Октября, Брюховецкій далъ знать царю, что

генеральный есаулъ взялъ приступомъ городъ Потокъ; 23-го воевода Хлоповъ далъ знать, что они съ гетманомъ ходили подъ Кременчукъ и взяли его со всѣми людьми, нарядомъ и знаменами. Но въ то же самое время получена была въ Москвѣ грамота Меѳодія изъ Кіева (отъ 12 Октября); епископъ писалъ, что 8 Октября король Янъ Казимиръ пришелъ въ Бѣлую Церковь, которая отъ Кіева только въ 60 верстахъ; въ Кіевѣ малолюдно, а городъ большой: «Бога ради» писалъ Меѳодій: «изволь великій государь, въ прибавку прислать въ Кіевъ ратныхъ людей поскорѣе; да и къ гетману изволь прислать войска, а гетманъ Иванъ Брюховецкій тебѣ отъ всего сердца вѣрно служить хочетъ; укажи князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому поспѣшить въ Украинскіе и Черкасскіе города, также и другимъ войскамъ отъ Сѣвска, Путивля и Брянска, потому что тамъ войска эти даромъ стоятъ, только даромъ людей ѣдятъ, а здѣсь очень надобны. Кіевъ, Черниговъ и вся Украйна тебѣ, великому государю, очень надобны, потому что за этими Черкасскими городами твое Россійское государство какъ за стѣною твердою стоитъ и стоять будетъ; сохрани Боже уступить Кіева и другихъ Черкасскихъ городовъ, тогда король и Ляхи дальше пойдутъ; кто тебѣ объ уступкѣ Кіева станетъ совѣтовать, тотъ Богу и тебѣ врагъ и измѣнникъ. Прошу также милости, вели перемѣнить Переяславскаго воеводу, князя Василья Богдановича Волконскаго: человѣкъ упрямый; лучше его перемѣнить, нежели изъ-за его вражды съ гетманомъ какая поруха учинится». Царь отвѣчалъ, что велѣлъ смѣнить Волконскаго и на его мѣсто будетъ пока воевода Хлоповъ. 11 Ноября получено было письмо отъ Брюховецкаго (изъ Гадяча отъ 30 Октября): «вѣрный и во вѣки неотступный холопъ, низко предъ пресвѣтлыми царскаго пресвѣтлаго величества престола ногами до лица земли упадая и смиренно бьючи челомъ», увѣдомлялъ, что король имѣлъ совѣщаніе въ Бѣлой Церкви со всѣми начальными людьми, измѣнниками и султаномъ Крымскимъ, послѣ чего король придвинулся къ городу Ржищеву

на берегъ Днѣпра и войска его начали переправляться за рѣку у Ржищевской пристани.« Я» писалъ Брюховецкій: «всѣ свои полки противъ непріятеля собираю и иду вмѣстѣ съ воеводою Кирилломъ Осиповичемъ Хлоповымъ. Но высокимъ своимъ разумомъ извольте разсмотрѣть, что намъ съ такими малыми войсками на Польскія, Татарскія и измѣнничьи войска идти опасно; а князь Ромодановскій вашихъ указовъ не исполняетъ и съ войскомъ на оборону Малороссійскихъ городовъ нейдетъ, пишетъ ко мнѣ, что войско распустилъ, пишетъ ко мнѣ, что пойдетъ въ Малороссійскіе города, когда къ нему Калмыки придутъ, тѣмъ самымъ походъ свой вдаль откладываетъ, а непріятель, не слыша о силахъ, противъ него идущихъ, въ отчинѣ вашего царскаго величества распространяется, и города прельщать будетъ. Не только князю Ромодановскому, но и боярину Петру Васильевичу Шереметеву и Калмыкамъ надобно со мною соединиться; противъ короля надобно приготовиться строемъ, ибо хотя при немъ и малыя силы, однако это не Выговскій и не Гуляницкій, надобно готовиться, чтобъ города на этой сторонѣ удержались въ вѣрности; непріятель готовится на бой кровавый, и султанъ Крымскій загоновъ не распускаетъ; я послалъ въ Запорожье къ Сѣрку, чтобъ съ Калмыками шелъ къ Чигирину». Кіевскому полковнику, Василью Дворецкому, бывшему тогда въ Москвѣ, Брюховецкій писалъ: «Удивляюсь радѣнію князя Ромодановскаго, который, собравши войско, все лѣто стоялъ въ Бѣлгородѣ, а какъ узналъ о приходѣ королевскомъ, то войско по домамъ распустилъ: не знаю, ужь не пришла ли къ нему грамотка отъ брата его Выговскаго. Приходъ королевскій на Украйну дѣло великое: никто ничѣмъ не откупится, а я своею лысою головою силы непріятельскія не сдержу, некому уже стало вѣрить! Изволь Ѳедору Михайловичу (Ртищеву) обо всемъ словесно объяснить, пусть не кручинится, что пишу обо всемъ правду: когда Украйну потеряютъ, то и всемъ достанется».

Въ это время пріѣзжаетъ въ Малороссію для переговоровъ

съ гетманомъ государевыхъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Дементій Миничъ Башмаковъ, привозитъ старшинѣ соболей на 1700 рублей: и вотъ со всѣхъ сторонъ сыплются къ нему доносы. Меѳодій далъ ему знать изъ Кіева, чтобъ ѣхалъ осторожнѣе: Малороссійскіе жители шатки и непостоянны, вѣрить имъ нечего; подъ часъ непріятельскаго прихода чаять отъ нихъ всякаго дурна; въ Глуховѣ атаманъ и войтъ толковали, что Черкасамъ никому вѣрить нельзя, люди непостоянные и не крѣпкіе, противъ непріятелей долго стоять не будутъ. Воевода Хлоповъ передавалъ вѣсти, полученныя тайно отъ Брюховецкаго, что въ Кіевѣ дѣла очень плохи отъ умысла злыхъ людей: король идетъ къ Кіеву по присылкѣ Кіевскихъ жителей, а вся злая бѣда учинилась отъ старицы Ангилины, которая учитъ въ Кіевѣ епископову дочь грамотѣ, и что̀ услышитъ отъ учиницы, про все даетъ знать въ Польшу и къ Тетерѣ. «Надобно думать» говорилъ Брюховецкій: «что у епископа есть прозябь большая и невѣрность въ радѣньѣ великому государю; объ этомъ я заключаю изъ того, что Кіевскіе монахи взяли себѣ на поруки Нѣжинскаго атамана Шлютовича, который ушелъ, отпустили его монахи нарочно и велѣли ему, собравъ козаковъ и Татаръ, приходить на государевы Черкасскіе города. Я за этими монахами посылалъ Прилуцкаго полковника Песоцкаго, но епископъ ихъ ко мнѣ не прислалъ, а взялъ съ нихъ золотые червонные. Боюсь, чтобъ епископъ злымъ своимъ умысломъ не сдалъ Кіева королю. Если король черезъ Днѣпръ переправится, то боюсь, чтобъ всѣ Малороссійскіе города вдругъ ему не сдались; при мнѣ войска въ сборѣ ничего нѣтъ, и радъ бы я собраться, но козаки меня не слушаютъ, не собираются нигдѣ, и потому буду сидѣть въ городахъ въ осадѣ до прихода государевыхъ большихъ полковъ».

17 Ноября свидѣлся Башмаковъ съ гетманомъ въ Батуринѣ и говорилъ ему: «Въ Нѣжинѣ на генеральной черневой радѣ ты выбранъ гетманомъ всѣми вольными голосами и присягнулъ на вѣрное и вѣчное подданство великому государю:

и великій государь васъ гетмана, старшину и всю чернь держитъ подъ своею самодержавною высокою рукою въ милостивомъ жалованьѣ по прежнимъ вашимъ правамъ и вольностямъ и по Переяславскимъ статьямъ, какія постановлены въ 59 году при прежнемъ гетманѣ Юріи Хмельницкомъ, и вамъ бы, выслушавъ тѣ статьи, подписать». Статьи были прочтены; но гетманъ и старшина, выслушавъ ихъ, отвѣчали: «Намъ всѣхъ этихъ статей за разореньемъ отъ непріятельскихъ приходовъ и за скудостью никакъ содержать теперь невозможно; въ то время, когда эти статьи становлены, Малая Россія вся обѣихъ сторонъ Днѣпра была въ соединеніи и у царскаго величества въ подданствѣ, и города хотя и были поразорены, да все не такъ, какъ теперь». — «Постановленіе этимъ статьямъ давнее, а не новое, возразилъ Башмаковъ: «гетманъ Богданъ Хмельницкій ихъ содержалъ». — «При Богданѣ Хмельницкомъ» отвѣчалъ гетманъ: «непріятели такъ какъ теперь не наступали да и наступать было нельзя, за обороною великаго государя сами непріятелей гоняли и Малороссійскіе жители въ то время были во всякихъ покояхъ и зажиткахъ». Пуще всего гетманъ съ старшинами изъ статей Богдана Хмельницкаго отговаривали вторую статью о сборѣ въ царскую казну денежныхъ доходовъ, да шестую о раздачѣ жалованья войска Запорожскаго начальнымъ людямъ и козакамъ: «Пристойное ли это дѣло» говорили они: «что у сбору и раздачѣ быть войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, и съ кого теперь такіе многіе доходы сбирать и козакамъ раздавать; только это дѣло начать, и мнѣ гетману отъ козаковъ и мѣста не будетъ, всякій захочетъ жалованья, а собрать будетъ не съ кого». Громче всѣхъ кричали судья войсковой Юрій Незамай да Стародубскій полковникъ Иванъ Плотникъ; чтобъ подкрѣпить себя передъ царскимъ посланцемъ, они наконецъ сказали: «Новыя Переяславскія статьи принимали Заднѣпряне, а теперь они въ измѣнѣ». — «На Нѣжинской радѣ» возражалъ Башмаковъ: «вы этихъ статей не оспаривали, подъ статьями приложены руки такихъ людей, которые теперь у

государя въ подданствѣ вмѣстѣ съ вами, служатъ вѣрно и ни въ какой измѣнѣ не оказались; потомъ, вы хотите оставить именно тѣ статьи, которыя были присланы гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и содержаны имъ до конца жизни, и потому оставить ихъ никакъ нельзя. Ты, Незамай, и ты, Плотникъ, говорите, что Заднѣпровскіе жители всѣ въ измѣнѣ: но этими словами вы и себя къ измѣнникамъ причисляете, потому что жены ваши, дѣти и родичи теперь за Днѣпромъ, а можно было вамъ до непріятельскаго прихода на эту сторону Днѣпра ихъ перевесть. Вы всѣ отговариваете вторую и шестую статью за скудостію и непріятельскимъ нашествіемъ: но тому не всегда быть. Если вы въ статьяхъ усмотрѣли что-нибудь ненадобное, то вы бы присылали бить челомъ объ этомъ великому государю, а самимъ бы вамъ его государской воли не отговаривать; помните ли, что Павелъ апостолъ написалъ: рабы владыкамъ во всемъ да повинуются».

Гетманъ и старшина уступили, приняли всѣ статьи и подписали 19 Ноября, обѣщая бить челомъ о тѣхъ статьяхъ, которыхъ по настоящему времени содержать нельзя. Башмаковъ объявилъ, что государь жалуетъ войску имѣніе Самка и его совѣтниковъ; гетманъ и старшина били челомъ до лица земли, но приговорили съ войскомъ, чтобъ все это имѣніе, по стародавнему обычаю, отдать вдовамъ и сиротамъ казненныхъ, потому что за одну вину дважды не караютъ. Башмаковъ потребовалъ, чтобъ во всѣ Малороссійскіе города послать универсалы подъ войсковымъ жестокимъ караньемъ, велѣть всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ перебѣжчиковъ сыскать и отправить на прежнія мѣста жительства и учинить впредь заказъ крѣпкій подъ смертною казнію — Московскаго государства служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, боярскихъ холопей и крестьянъ въ Малороссійскіе города не принимат[ь], чтобъ отъ этого государевой службѣ и податямъ порухи, [и] помѣщикамъ и вотчинникамъ напраснаго разоренья и убыт[]ковъ не было. Гетманъ отвѣчалъ, что теперь этого сдѣлат[ь] нельзя, ибо жители здѣшней стороны Днѣпра, услыша о та[]

комъ договорѣ, могутъ передаться королю; а какъ война минуетъ, тогда царское требованіе исполнить будетъ можно. Башмаковъ говорилъ: Козельскіе и Остренскіе жители, скупая хлѣбъ въ Глуховѣ и другихъ мѣстахъ, отпускаютъ за Днѣпръ безъ вѣдома гетмана и старшинъ, этимъ поднимаютъ цѣны на хлѣбъ здѣсь и помогаютъ Заднѣпровскимъ измѣнникамъ и Татарамъ: такъ надобно запретить продавать хлѣбъ за Днѣпръ, кромѣ Кіева. Если же запретить этого нельзя для удабриванія Заднѣпровскихъ жителей, чтобъ они склонялись подъ царскую руку, то позволять имъ покупать хлѣба указное число съ гетманскаго и старшинъ вѣдома, и они станутъ считать это себѣ за великое благодѣяніе, и другъ другу начнутъ выставлять вашу доброту и переселяться на здѣшнюю сторону отъ тамошняго разоренья. —Гетманъ съ старшинами отвѣчали, что по этому предмету уже давно выданы крѣпкіе универсалы и еще будутъ выданы.

Потомъ Башмаковъ указалъ гетману на безпорядки, господствующіе въ Малороссіи: «Не только козаки не переписаны, но и мѣщане и поселяне, ихъ земли, мельницы и угодья, не переписаны *ранды* и *коморы* для поборовъ, оброковъ ни на что не положено; ты, гетманъ, и вы, старшина, не знаете, сколько теперь въ войскѣ козаковъ, и что̀ имъ доведется дать жалованья въ годъ, сколько съ мѣщанъ и съ угодій ихъ какихъ поборовъ въ годъ собрать можно? козаки безъ переписи на службѣ бываютъ не всѣ, ѣздятъ по своей волѣ и изъ полковъ отъѣзжаютъ безъ вашего отпуска». Гетманъ и старшина отвѣчали, что теперь, когда непріятель надъ головами, реестра писать и казны собирать нельзя, а какъ военная пора минется, тогда будетъ можно. Наконецъ Башмаковъ потребовалъ, чтобъ Малороссіянамъ запрещено было ѣздить въ Великороссію съ заповѣдными товарами, съ виномъ и табакомъ; гетманъ обѣщалъ разослать универсалы съ угрозою, что если кто изъ Малороссіянъ будетъ пойманъ въ Великороссійскихъ городахъ съ виномъ и табакомъ, у тѣхъ вино и табакъ будутъ отбираться на царское величество безденежно. Нако-

нецъ гетманъ обѣщалъ давать на прокормленіе Московскимъ ратнымъ людямъ, которые будутъ въ Малороссіи для ея защиты: воеводамъ по мельницѣ съ двумя колесами мучными, головамъ и полковникамъ по 50 осмачекъ, подполковникамъ и майоромъ по 25, ротмистрамъ и капитанамъ по 20, поручикамъ, прапорщикамъ и сотникамъ по 10, рейтарамъ, драгунамъ, солдатамъ и стрѣльцамъ по 4 осмачки ржаной муки на годъ [47].

Толкуя съ царскимъ дьякомъ, гетманъ постоянно напоминалъ, что непріятель надъ головами, и наконецъ гроза разразилась: король перешелъ на восточную сторону. Чтобъ привлечь къ себѣ Малороссіянъ, онъ выкупалъ у Татаръ Русскихъ плѣнниковъ и отпускалъ ихъ по домамъ; ратнымъ людямъ запрещено было брать что-либо силою у жителей и три шляхтича были повѣшены за нарушеніе этого предписанія. Надобно было употреблять нравственныя средства, ибо матеріальныхъ было у короля очень недостаточно: для завоеванія страны при самомъ Янѣ Казимирѣ находилось только три полка конныхъ, въ нихъ 25 хоругвей, подъ хоругвію человѣкъ по 50 и по 60; пѣхоты при королѣ было только 300 человѣкъ; у гетмана Потоцкаго три полка конныхъ козацкихъ, пѣхоты 4000 человѣкъ да двѣ роты гусаръ; у Чарнецкаго три хоругви гусаръ, три полка козацкихъ, въ которыхъ 36 хоругвей, подъ хоругвію человѣкъ по 60 и по 80, да 400 драгунъ; у Пѣсочинскаго 9 ротъ Нѣмцевъ, 150 солдатъ (жалдаковъ), три полка Поляковъ, въ которыхъ 800 человѣкъ. Союзныхъ Татаръ было 5000.—14,000 Литовскаго войска, подъ начальствомъ Сапѣги, Паца и Полубенскаго, стояло въ Досуговѣ. Король надѣялся, что одного появленія его достаточно, чтобъ вырвать восточную сторону изъ рукъ царя, и сначала дѣйствительно успѣхъ порадовалъ его: тринадцать городовъ отворили ворота Полякамъ; но потомъ дѣла приняли другой оборотъ: надобно было останавливаться подъ городами, тратить время и людей. Лохвица не сдавалась и была взята только жестокимъ приступомъ, на которомъ осаждающіе потеря-

ли много народу. Не сдался и Гадячь: къ нему подошелъ Тетеря съ Ляхами и козаками, изготовилъ уже *приступные вымыслы*, но отошелъ прочь, услыхалъ о движеніи Калмыковъ и князя Григорья Ромодановскаго. Самъ король потерпѣлъ неудачу подъ Глуховымъ и долженъ былъ вывести за Десну свое голодное войско: только оплошность царскаго воеводы, князя Якова Куденетовича Черкасскаго, спасла Поляковъ отъ совершеннаго истребленія [18].

Прошла и третья туча. Неуспѣхъ Яна Казимира поддержалъ спокойствіе въ Запорожьѣ. Сѣрко и Касоговъ остались цѣлы и невредимы и не сидѣли праздно въ Сѣчи: 6 Декабря вмѣстѣ съ Калмыками отправились они опять подъ Перекопь, чтобъ мѣшать хану идти на помощь къ королю и взять языковъ. Они спокойно жгли Татарскія села въ *кутахъ* надъ Чернымъ моремъ, отгромили Русскаго и Черкасскаго полона больше ста человѣкъ, какъ 11 Декабря напали на нихъ Татарскія толпы изъ Перекопи; Русскіе и Калмыки, отбиваясь, отступали двѣ мили къ рѣкѣ Колончаку, здѣсь устроили кошъ, учинили бой, Перекопскую орду побили и рубили Татаръ до самой Перескопи, живыхъ брать въ плѣнъ Калмыки не дали, въ рукахъ кололи. Эти подвиги по прежнему совершались съ самыми незначительными силами: съ Сѣркомъ было 90 человѣкъ Черкасъ, съ Касоговымъ 30 человѣкъ Донскихъ козаковъ да 60 Калмыковъ, а Татаръ, если вѣрить Касогову, было человѣкъ съ тысячу. Въ Генварѣ 1664 года Сѣрко отправился за двѣ рѣки, за Бугъ и за Днѣпръ, гдѣ, напавши на Турецкія села повыше Тягина, многихъ бусурманъ побилъ и добычу великую взялъ; изъ-подъ Тягина пошелъ на Черкаскіе города, лежащіе по Бугу; жители этихъ городовъ, какъ только заслышали о приходѣ Сѣрка, такъ тотчасъ же начали Ляховъ и Жидовъ сѣчь и рубить: Браславскій полкъ и Калницкій, Могилевъ (на Днѣстрѣ), Рашковъ, Уманскій повѣтъ поддались Московскому царю. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ Москвы на западной сторонѣ Днѣпра составился планъ — вытѣснить Поляковъ отовсюду и провозгласить господство царя; на-

чальниками движенія были митрополитъ Іосифъ Тукальскі преемникъ Діонисія Балабана въ королевской сторонѣ, и Кіе скій воевода, бывшій гетманъ, котораго въ Москвѣ не ина называли какъ измѣнникомъ, Иванъ Астаѳьевичъ Выговскі Еще въ 1662 году освободившійся изъ Польскаго плѣна кня Козловскій объявилъ: «Въ Вильнѣ намѣстникъ Духова мона стыря Дороѳѣевичь говорилъ мнѣ: пріѣхалъ въ Духовъ м настырь архимандритъ Бутовичь, духовный отецъ Выговском великому государю надобно бы его пожаловать соболями, онъ говоритъ, что надѣется Выговскаго и Заднѣпровскихъ к заковъ уговорить поддаться по прежнему государю». Неиз вѣстно, воспользовались ли въ Москвѣ этимъ объявленіемъ завязали ли сношенія съ Выговскимъ посредствомъ Бутович только въ началѣ 1664 года Выговскій вошелъ въ сношені съ полковникамъ Сулимою, который долженъ былъ поднимат возстаніе во имя царя и Выговскаго, истреблять Польских старостъ, отнимать имѣнія у шляхты. Но Польскій полковни Маховскій предупредилъ замыселъ, захватилъ Выговскаго и послѣ военнаго суда, разстрѣлялъ его какъ уличеннаго измѣ ника; а Брюховецкій въ универсалѣ своемъ отъ 23 Март провозгласилъ, что Выговскій погибъ за вѣру христіанскую Іосифъ Тукальскій былъ заточенъ въ Маріенбургъ вмѣстѣ с монахомъ Гедеономъ Хмельницкимъ. Несмотря на неудач этого предпріятія, Поляки должны были теперь уже защищат западную сторону Днѣпра отъ царскихъ войскъ. 4 Апрѣл въ Крыловѣ сошлись съ Сѣркомъ Касоговъ съ своею малень-кою дружиною и остальные Запорожцы съ наказнымъ коше вымъ, Сацкомъ Туровцомъ. Касоговъ доносилъ, что Задн провскіе полки, чернь вся съ радостію поддались подъ гос дареву руку, Ляховъ и Тетериныхъ единомышленниковъ п били. Но не поддавался Чигиринъ и призвалъ къ себѣ Ча нецкаго, который съ 2000 конницы 7 Апрѣля напалъ на Сѣ ка и Касогова подъ Бужинымъ; послѣ жестокаго боя Русскі по словамъ Касогова, пришли къ Бужину въ цѣлости, а П ляковъ побили много. Чарнецкій осадилъ ихъ въ Бужин

они отбивались отъ него день и ночь съ 7 по 13 Апрѣля и отбились. Чарнецкій отступилъ; Сѣрко и Касоговъ воспользовались этимъ и перешли въ Смѣлую, но здѣсь были снова осаждены Чарнецкимъ и Тетерею, и снова отсидѣлись безъ урона для себя. Освободившись въ другой разъ отъ осады, Сѣрко и Касоговъ отправились на восточную сторону Днѣпра, гдѣ соединились съ новымъ отрядомъ Московскихъ ратныхъ людей и съ Калмыками. Тетеря писалъ къ канцлеру Пражмовскому, что только миръ съ Москвою можетъ успокоить Украйну; онъ предлагалъ также, опираясь на мнѣніе Чарнецкаго и всей старшины козацкой, что самымъ лучшимъ средствомъ для предупрежденія бунтовъ козацкихъ будетъ отдѣленіе нѣсколькихъ староствъ, гдѣ бы козаки жили подъ управленіемъ своихъ гетмановъ, не зная старостъ и подстаростъ; этимъ уничтожатся всѣ непріязненныя столкновенія козаковъ съ республикою. Тетеря опять указывалъ на страшную опасность со стороны Татаръ, явно стремящихся оторвать Украйну отъ Польши: и на этомъ основаніи Тетеря считалъ миръ съ Москвою необходимымъ, въ противномъ случаѣ просилъ короля уволить его отъ гетманской должности [48].

Между-тѣмъ Брюховецкій съ Московскимъ воеводою Петромъ Скуратовымъ стояли обозомъ подъ Каневымъ. 21 Мая напали на ихъ обозъ Поляки и Татары, и, побившись, отошли прочь. Въ тотъ же день Брюховецкій и Скуратовъ вошли въ Каневъ, а на другой день, 22 числа, явился подъ городомъ самъ Чернецкій съ хорунжимъ короннымъ Собѣскимъ, съ полковникомъ Маховскимъ, Тетерею и Татарами; бой подъ Каневымъ продолжался съ утра до вечера; непріятель отступилъ и сталъ съ версту отъ города. Шесть дней было спокойно, на седьмой, 29 числа, Чарнецкій, отпустивъ свои обозы ко Ржищеву, самъ двинулся опять подъ городъ и всѣми своими силами ударилъ на гетманскую пѣхоту, та дрогнула и опрокинулась на Московскій солдатскій полкъ Юрья Пальта: солдаты выдержали натискъ, того же дня Чарнецкій пошелъ изъ-подъ Канева и, отошедши десять верстъ, сталъ на Днѣпрѣ выше Канева, а

2 Іюня пошелъ отъ Днѣпра къ Корсуни, отправивъ подъ Каневъ небольшой отрядъ конницы, чтобъ помѣшать Русскимъ преслѣдовать его по дорогѣ. Отъ Корсуня Чарнецкій отступилъ за Бѣлую Церковь подъ мѣстечко Ставищи, приступалъ къ нему жестокими приступами, но не могъ ничего сдѣлать, потерялъ, какъ доносили въ Москву, 3000 человѣкъ и самъ былъ раненъ. Чарнецкій остался подъ Ставищами, а Тетеря съ половиною Татаръ пошелъ къ Умани и къ Днѣстру, чтобъ жителямъ Уманскаго и Браславскаго полковъ, поддавшимся Московскому государю, не дать убрать хлѣба съ полей и попытаться, нельзя ли опять склонить ихъ въ королевскую сторону: на прелестныхъ письмахъ его нарисованъ былъ крестъ и образъ Богородицы: этимъ крестомъ и образомъ онъ клялся, что не будетъ никому мстить, и обѣщалъ, что Ляхи не будутъ начальствовать надъ Малороссіянами.

Татары приносили Полякамъ большую пользу тѣмъ, что, перебѣгая загонами изъ одного мѣста въ другое, не давали царскимъ войскамъ возможности сосредоточиваться и дѣйствовать наступательно значительными силами. Царь писалъ Сѣрку, чтобъ соединился съ гетманомъ Брюховецкимъ; Сѣрко отвѣчалъ, что Ляхи и Татары ежедневно около ихъ Украинскихъ городовъ докучаютъ, и онъ пойдетъ не прежде къ гетману, какъ непріятель отступитъ. Сѣрко стоялъ въ Торговицѣ; Брюховецкій не двигался изъ Канева и велѣлъ Касогову, вмѣстѣ съ нѣсколькими козацкими полковниками, учинить промыслъ надъ Корсунемъ. 1 Августа, за пять верстъ отъ Корсуня, Поляки напали на Касогова и поразили его; Русскіе потеряли убитыми одиннадцать человѣкъ рейтаръ и солдатъ, тридцать человѣкъ Черкасъ; кромѣ того многіе ратные люди, прибѣжавъ къ болоту, коней потопили и оружіе пометали; Касоговъ жаловался государю: «Иные рейтары, солдаты, Донскіе козаки и Черкасы передъ походомъ и изъ похода, не дождавшись боя, побѣжали домой; бѣда случилась отъ малолюдства: въ походѣ со мною было рейтаръ 85 человѣкъ, солдатъ 120, козаковъ разныхъ городовъ 470, Черкасъ съ 500 человѣкъ кон-

ныхъ да 1000 пѣшихъ; но этой пѣхотѣ Ляхи не дали со мною соединиться; въ моемъ полку самихъ козаковъ немного, все наймиты, овчары да изъ винницъ работники, и малыхъ ребятъ много, а сами козаки живутъ по домамъ своимъ». О состояніи тогдашняго войска и причинахъ медленности и неуспѣховъ его всего лучше можетъ дать понятіе письмо Касогова изъ Канева: «Твоихъ великаго государя ратныхъ людей со мною до 18 Сентября оставалось рейтаръ 68 человѣкъ, солдатъ 159, а съ 18 Сентября въ ночь бѣжало солдатъ 18 человѣкъ, 19 числа сбѣжало рейтаръ 24 человѣка; у оставшихся со мною запасовъ нѣтъ; въ Каневѣ твоихъ ратныхъ людей очень мало, а непріятели приходятъ безпрестанно; изъ городовъ воеводы бѣглыхъ на службу не высылаютъ, и на то смотря, и остальные разбѣгутся». Московскіе ратные люди били челомъ государю, что у гетмана въ Малороссійскихъ городахъ хлѣбныхъ запасовъ въ сборѣ много, а имъ даютъ мало, голодны они и безодежны. Царь писалъ Брюховецкому, чтобъ онъ службу свою и радѣнье показалъ, кормилъ и одѣвалъ ратныхъ людей, также чтобы и Калмыковъ довольствовалъ живностію и конскими кормами. «Я, вѣрный вашего пресвѣтлаго царскаго величества холопъ» отвѣчалъ Брюховецкій: «весь запасъ, который съ недожженныхъ непріятелемъ мельницъ доходитъ, не на свой пожитокъ обращаю или продаю; начиная съ весны, мало не каждый мѣсяцъ запасы вашимъ ратнымъ людямъ раздавали, въ Каневѣ, Переяславлѣ, въ Запорожьѣ, въ Кодакѣ; вашего царскаго величества ратные люди, забравши жалованье и хлѣбные запасы, продаютъ ихъ, и потомъ бѣгутъ съ службы домой, по дорогамъ людей грабятъ и побиваютъ, а пришедши домой, скудостію и нуждою вины свои покрываютъ, и меня, вѣрнаго холопа, предъ престоломъ вашимъ напрасно оглашаютъ. А объ одеждѣ что мнѣ сказать? никакого денежнаго прихода съ Украйны ни откуда къ моимъ рукамъ не доходитъ, и потому въ умъ свой не могу вмѣстить, откуда одежду ратнымъ людямъ промыслить. На это нужна денежная казна, а съ міру и съ уѣздныхъ людей по-

датей собирать нельзя, потому что на этой сторонѣ Днѣпра, сквозь Украйну, остававшуюся при вашемъ царскомъ величествѣ, неоднократно мечъ непріятельскій прошелъ, а этотъ мечъ не обогащаетъ, а разоряетъ міръ, за достоинство вашего царскаго величества страждущій; не только непріятельскія, но и собранныя противъ непріятеля войска впродолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ людей разорили. На Украйнѣ было обыкновеніе послѣ войны разореннымъ людямъ вольности на нѣсколько лѣтъ давать, и потому я этой вашего царскаго величества грамоты передъ войскомъ, передъ всѣмъ міромъ до сихъ поръ не объявлялъ, боясь смятенія, боясь того, чтобъ на восточной сторонѣ Днѣпра не усумнились, а на западной не обратились къ непріятелямъ, испугавшись тягостей. А для Калмыковъ стація собрана и готова, только бъ приходили поскорѣе».

Несмотря на побѣги ратныхъ людей и скудость оставшихся, Касоговъ 21 Октября отправился къ Умани, чтобъ уберечь ее отъ Чарнецкаго. Чарнецкій и Тетеря переняли его въ Мѣдвинѣ и держали въ осадѣ четыре недѣли: бои и приступы были жестокіе, по словамъ Касогова. Поляковъ и Нѣмцевъ побито и живыхъ взято много, а изъ Московскихъ людей убитъ былъ только одинъ человѣкъ; Чарнецкій отступилъ отъ Мѣдвина, Касоговъ отправился назадъ въ Каневъ, но на дорогѣ, Декабря 12, подъ Староборьемъ, выдержалъ новый бой съ Поляками и съ Корсунскими Черкасами, и опять вышелъ побѣдителемъ.

Другаго войска, кромѣ Касоговскаго отряда, Москва не могла выслать на западную сторону Днѣпра. Но изъ Малороссіи по прежнему приходили безпрестанныя просьбы о присылкѣ новыхъ войскъ. Въ Москву доносили, что по Черкасскимъ городамъ во всѣхъ людяхъ возмущеніе великое и страхъ предъ непріятелемъ, при видѣ какъ мало Московскихъ ратныхъ людей. Приверженные къ царю Малороссіяне приходили въ отчаяніе, говорили: «видно наши города государю не надобны»; особенно поднялся сильный ропотъ, когда при-

шла вѣсть, что боярину Петру Васильевичу Шереметеву велѣно остановиться въ Сѣвскѣ и не ходить въ Малороссію; на гетмана Брюховецкаго никто не надѣялся, ни во что его не ставили, говорили явно: что же дѣлать, по нуждѣ придется измѣнить государю и поддаться Ляхамъ, если нѣтъ изъ Москвы помощи. Раздоръ между Брюховецкимъ и Меѳодіемъ разгорался. Меѳодій, прежде съ такимъ жаромъ выставлявшій вѣрность Брюховецкаго, теперь толковалъ: «Чтобъ великій государь не во всемъ на гетмана полагался, ни въ чемъ меня гетманъ не слушаетъ; прежде всего надобно укрѣплять города государевыми ратными людьми: тогда гетманъ по неволѣ будетъ государя бояться и служить ему вѣрно». Меѳодій указывалъ на возможность перемѣнить Брюховецкаго и выбрать гетмана обѣими сторонами Днѣпра: по его словамъ, Тетеря присылалъ къ нему монаха съ предложеніемъ: если государь его проститъ, то онъ обѣщается служить вѣрно и помирить съ Крымскимъ ханомъ, и когда этотъ миръ состоится, то войску Запорожскому дать раду, чтобъ козаки выбрали въ гетманы кого захотятъ [50].

Въ Генварѣ 1665 года явились въ Москву посланцы Брюховецкаго, объявить великому государю «кровавое и неусыпное радѣніе и трудъ правый отчины его Малороссійской, которая есть преддверіе Великой Россіи; если государь потеряетъ ее, не приславши на Украйну ратныхъ людей, тогда неизбытная въ Россійской землѣ война будетъ. Ведя кровавую войну лѣто, осень и зиму, города помощи дождаться не могутъ. Я успокоиваю ихъ универсалами, то говорю, что коммиссія лукавая Ляцкая удерживала все лѣто; теперь послѣ коммиссіи моровымъ повѣтріемъ отговариваемся, а послѣ мору, который прекратился, уже не знаю, что буду говорить? А Тетеря и Ляхи присылаютъ въ города, чтобъ не надѣялись на помощь царскую. Обѣщали намъ изъ Сѣвска прислать боярина съ войскомъ — и вмѣсто боярина только 400 человѣкъ съ дворяниномъ Протасьевымъ пришло, да и тѣ всѣ разбѣжались. Обѣщали, что придетъ стольникъ князь Семенъ Ива-

новичъ Львовъ изъ Бѣлгорода: но тотъ, пришедши въ Ахтырку, ратныхъ людей по домамъ распустилъ, и теперь стряпчему Тухачевскому и думному дворянину Якову Тимоѳеевичу Хитрово въ Каневъ некого привести, а пока войско будетъ сбираться, Чарнецкій, отдохнувъ, опять станетъ докучать городамъ этой стороны, страхомъ и прельщеніями колебать, и города, не дождившись помощи, пожалуй передадутся Ляхамъ; и въ Каневѣ нельзя весновать, потому что непріятель по ту сторону Днѣпра переправится. Слезно просимъ, чтобъ войско изъ Ахтырки, Бѣлгорода и Сѣвска нынѣшнею зимою въ Каневъ шло, чтобъ мнѣ въ Каневѣ весновать, потому что пока обо мнѣ въ Каневѣ слышно, до тѣхъ поръ и держатся, а мнѣ, при такомъ малолюдствѣ, не слыша о приближающейся помощи, опасно весновать».

Мы уже видѣли въ Малороссіи раздвоеніе между казачествомъ и городами; города, чтобъ избавиться отъ козацкаго правительства, просили прислать къ нимъ воеводъ; козацкій гетманъ, съ своей стороны, внушаетъ царю, какъ вредны привилегіи городскія. «Отъ этихъ привилегій» велитъ онъ объявить въ Москвѣ своимъ посланцамъ: «отъ этихъ привилегій двоедушіе въ мѣщанахъ происходитъ: мѣщане надѣются на Ляцкое панство, которое надъ Русью не имѣетъ никакого права; своего дѣдичнаго монарха Русь имѣла, и какъ чрезъ лживую помощь, князьямъ Русскимъ поданную, Ляхи Малою Россіею овладѣли, такъ теперь мечемъ изъ Ляцкой неволи Русь выбилась и природному монарху своему поддалась и добила челомъ. Не надобно мѣщанамъ держать запасной души, которая въ привилегіяхъ заключается. Въ новыхъ привилегіяхъ королевскихъ, данныхъ мѣщанамъ, находится досада великая его царскому величеству, потому что король называетъ его свѣта не пастыремъ, а наемникомъ; да и въ старыхъ привилегіяхъ почти во всѣхъ укоризна: во Владиславовыхъ король обраннымъ царемъ Московскимъ написался; какъ можно терпѣть такія досадныя привилегіи въ городахъ, находящихся подъ высокою рукою царскаго вели-

чества? Король Польскій, унижая царскій престолъ, грамоты царскія въ городахъ отбиралъ, и хотя всѣ мѣщане по городамъ привилегіи королевскія отдавали безъ сопротивленія, однако одни Кіевляне, затаившій въ сердцахъ своихъ какую-то тайную измѣну, подольстились къ воеводѣ Чаадаеву, который за нихъ въ этомъ дѣлѣ заступается и говоритъ, будто эти привилегіи на Москвѣ въ приказѣ есть. Христіане бѣднѣйшіе, въ городахъ и селахъ живущіе, одну лошадь и мало что пожитку послѣ непріятельскаго прихода имѣя, на всѣхъ бѣдахъ живутъ и отъ частыхъ подводъ къ послѣдней нищетѣ приходятъ, а купцы и мѣщане богатые, за посулами, ни о какихъ докукахъ и подводахъ не знаютъ, за слезнымъ убогихъ христіанъ подводъ отбываніемъ прохлаждаются. Видя это, я было постановилъ, чтобъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ богатыхъ въ росписи писать и на нихъ подати наложить для подводъ; но воевода Чаадаевъ, предваренный мѣщанами, воспротивился этой переписи. Козаки кладутъ свои головы за достоинство царскаго величества, а мѣщане потѣшаются привилегіями, заключающими въ себѣ досаду престолу государеву. Зимою мѣщане, въ надеждѣ на привилегіи, не мало городовъ сдали и козаковъ непріятелямъ выдали. Кіевляне принимаютъ въ Кіевъ и отпускаютъ изъ Кіева Польскихъ купцовъ: для чего же подъѣзды и посылки для захваченія языковъ, когда вольно купца въ непріятельскую землю отпускать?»

Въ грамотѣ своей Иванъ Мартыновичъ, убѣгая мзды и вины лѣниваго дѣлателя, передъ пресвѣтлымъ престоломъ объявлялъ, что три полковника — Черниговскій, наказной Кіевскій и Овруцкій, разбили въ Полѣсьѣ 11 знаменъ Польскихъ; Запорожское войско низовое при урочищѣ Носаковскомъ разбило Турецкія суда, высланныя противъ Сѣчи; 2 Декабря подъ Чеховкою разбиты были измѣнники козаки съ Ляхами, и Нѣмцами: «если бы при помощи Божіей да при вашего царскаго величества молитвахъ, еще намъ, вѣрнымъ холопамъ, присланы были ратные люди изъ Сѣвска и Бѣлгорода, то ка-

кой бы побѣды можно было надѣяться? Чарнецкій давно бы ушелъ въ Польшу, не посмѣлъ здѣсь зимовать. Вмѣсто того и тѣхъ Московскихъ ратныхъ людей, которые при полкахъ Черниговскомъ, Кіевскомъ и Овруцкомъ въ Полѣсье посланы были, князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, безъ моего совѣта, изъ Полѣсья отозвалъ; воевода Михайла Михайловичъ Дмитріевъ указа вашего не исполнилъ, людей къ Чернигову, въ то время какъ Черниговскіе ратные люди въ Полѣсьѣ были, для обороны на время дать не хотѣлъ. Я, вѣрный вашего царскаго величества холопъ, пребываю въ Каневѣ въ великомъ малолюдствѣ, ибо войско козацкое, на слезное разныхъ городовъ прошенье, разослалъ по городамъ. Передъ пресвѣтлымъ вашего царскаго величества престоломъ со всѣмъ міромъ христіанскимъ припадая, слезно прошу: умилосердитесь, великій государь, надъ народомъ христіанскимъ, извольте ратными людьми изъ Сѣвска и изъ Бѣлгорода оборонить церкви Божія и вѣрныхъ православныхъ христіанъ отъ жестокой Ляцкой и бусурманской руки. Прошу и молю, извольте воеводѣ Чаадаеву приказать, чтобъ онъ мѣщанамъ Кіевскимъ не потакалъ, ибо что я, вѣрный вашъ холопъ, наставъ совершеннымъ гетманомъ, дѣлаю, то все дѣлаю на пользу и на похвалу вашему царскому величеству». Гетманъ забывалъ, что у горожанъ были привилегіи, подтвержденныя царемъ, нарушенія которыхъ Московскій воевода никакъ не могъ позволить на томъ только основаніи, что гетманъ все дѣлалъ на пользу и на похвалу царскому величеству; трудно было доказать, чтобъ произвольное со стороны гетмана *ломаніе* правъ служило къ чьей-либо пользѣ и похвалѣ.

Въ то время, какъ происходили эти пересылки и жалобы, мелкія военныя дѣйствія не прекращались. Полковникъ Браславскій Иванъ Сербинъ вѣрною службою царю заглаживалъ прежнюю свою дружбу съ Выговскимъ: вышедши изъ Умани, онъ отнялъ у Поляковъ три города: Бабаны, Косеновки и Кислякъ, перерѣзавши всѣхъ бывшихъ тамъ Ляховъ. По-

аки, пылая мщеніемъ, явились вслѣдъ за нимъ подъ Умань, но Сербинъ, сдѣлавши вылазку, положилъ 120 человѣкъ на мѣстѣ, а другихъ живыхъ какъ овецъ въ городъ загналъ. Изъ тѣхъ городовъ, которые еще были за Поляками, изъ Корсуня, Черкасъ и Бѣлой Церкви, жители перебѣгали на восточную Московскую сторону Днѣпра по нѣскольку десятковъ селеній, «нестерпимаго ради гоненія Ляцкаго». Извѣстія свои объ этихъ событіяхъ Брюховецкій оканчивалъ обычнымъ припѣвомъ и высылкѣ Московскихъ войскъ въ Украйну. Но если гетманъ не переставалъ жаловаться на недостатокъ войска, то другіе не переставали жаловаться на него, что онъ моритъ присылаемое къ нему войско голодомъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, сказалъ пріѣзжавшему въ Москву Кіевскому полковнику Василію Дворецкому: «Нельзя высылать къ вамъ войско: вы голодомъ морите ратныхъ людей на Украйнѣ, къ вамъ надобно малеваныхъ людей присылать, какъ въ сказкахъ сказываютъ». Брюховецкій написалъ Хитрово отвѣтъ: «Еще ни одного ратнаго человѣка на службѣ государевой при мнѣ мертваго отъ голода не хоронили и не будутъ хоронить. Или то голодная смерть, что Василій Петровичъ Кикинъ 80 осмачекъ въ Переяславлѣ продалъ, ѣдучи въ Москву? Или то голодная смерть, что я въ Каневѣ тринадцать струговъ ратнымъ людямъ однимъ прошлымъ лѣтомъ роздалъ, не считая того, что̀ роздано въ другихъ мѣстахъ? Вѣдь я хлѣба не раздаю на гроши для пожитку своего, какъ прежде при Самкѣ и при другихъ на продажу стругами въ непріятельскіе города отпускали; но что только можно получить хлѣба послѣ непріятельскихъ опустошеній, все, по моей вѣрной къ его царскому величеству службѣ, отпускаю на ратныхъ людей. Послѣ пожоги военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно: послѣ войны людямъ свобода, а не подати, особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротою и оборонять отъ непріятелей. Изволь ваша милость, благодѣтель мой, вспомнить,

что прежніе старшіе за деньги хлѣбъ ратнымъ людямъ давали, однако въ честь ихъ служба была; также по ихъ лукавому нерадѣнью ратные люди часто претерпѣвали вредъ отъ непріятелей, и все же имъ войско на помощь присылали; а я хлѣбъ безпрестанно, зимою и лѣтомъ, по городамъ войску роздаю, въ войскѣ царскомъ, моимъ радѣніемъ, никакой утраты не было, великому государю и вашимъ милостямъ благодѣтелямъ моимъ услугами моими угодить старался и стараюсь, всѣ украйные Россійскіе города, Комарицкія и другія волости міромъ христіанскимъ, по моему старанію, наполнились и наполняются, стоя въ Каневѣ волостей Великороссійскихъ на опустошеніе Ляхамъ и Татарамъ не даю, какъ прежде по нерадѣнію старшихъ бывало: однако въ огласкѣ пребываю, помощи не получаю и милостиваго слова за кровавые на войнѣ труды дослужиться не могу, посланцевъ моихъ, пріѣзжающихъ съ языками, знаменами и литаврами непріятельскими, на бою отбитыми, въ столицѣ и въ приказѣ не въ честь и неласково принимаютъ, такъ меня презираютъ, что и грамотъ моихъ нѣкоторыя особы въ руки брать не хотятъ и посланцевъ моихъ на очи къ себѣ не пускаютъ, а съ приказу по достоинству корму не даютъ; козаки, пріѣзжая назадъ, сильно оскорбляются, что больше чести и корму Грекамъ, чѣмъ козакамъ, за кровь, на бояхъ за достоинство царскаго величества разлитую, которой нѣтъ ничего дороже на свѣтѣ какъ богатому, такъ и убогому. Прежде войско Московское хаживало къ Каменцу Подольскому и ко Львову, зимою въ землю непріятельскую, а хлѣба войсковаго ему и казны не давали; а теперь, хотя близко Днѣпра, Кіева и другихъ домашнихъ городовъ, въ Каневѣ пребываю, хотя казна дается и всякая выгода ратнымъ людямъ дѣлается, однако помощи допроситься не могу. Разсудите ваша милость своимъ высокимъ умомъ, что непріятель, овладѣвшій Украйною, пойдетъ въ Великую Россію; взявши силу, Ляхи и Татары не станутъ смотрѣть на коммиссію. Всякій господинъ не внутри дома, но на преддверіи непріятеля срѣтаетъ, но, всею силою

къ дому его не пуская, предсѣніемъ боронится и крѣпится, а Украйна для Великой Россіи истиннымъ преддверіемъ и защитою служитъ, ибо въ эти годы король съ короннымъ, Литовскимъ и Нѣмецкимъ войскомъ, Чарнецкій, три султана съ ордою, Тетеря съ измѣнниками на плечахъ козацкихъ двигались, и до Великой Россіи этимъ преддверіемъ, т. е. Украйною, непріятель не достигъ; сабли Татарскія и Лядскія пали на головы козацкія вмѣсто Великороссійскихъ, и опустошеніе, приготовленное для Великой Россіи, на бѣдной Украйнѣ совершилось; а малеваныхъ людей на Ляховъ и Татаръ, черезъ Украйну въ Великую Россію стремящихся, не надобно; ибо вѣдь это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ у монарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи проситъ. Ваша милость передъ тѣмъ же полковникомъ Кіевскимъ назвалъ окольничаго князя Григорья Ромодановскаго: но объ немъ истинную правду, а не затѣйное дѣло къ великому государю писали: нельзя было свѣту своему не объявить объ его нерадѣніи; уже не говоря о многихъ его ссорахъ, общей пользѣ вредныхъ, одного нельзя было умолчать, что прошлою весною окольничій не хотѣлъ изъ Лохвицы къ Днѣпру идти, но домой къ Бѣлугороду поспѣшилъ; Чарнецкій уже уходилъ въ Польшу, но, услыхавъ объ его отходѣ, опять явился на Украйну, и чтобъ въ скоромъ времени безъ кровопролитія могло статься, т. е. соединеніе Украйны, то теперь и чрезъ долгое кровопролитіе совершиться не можетъ. Не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ утаить мнѣ нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище по Богѣ, Богородицѣ и всѣхъ святыхъ онъ свѣтъ помазанникъ Божій; я не поставлю во гнѣвъ, когда предъ свѣтлымъ маестатомъ за проступку свою по правдѣ, а не по лукавству, оскорбленъ буду. Въ томъ же разговорѣ своемъ съ полковникомъ Кіевскимъ ваша милость изволилъ вспомнить о пріѣздѣ моемъ въ Москву, что такимъ же образомъ

Выговскій и Хмельницкій молодой обѣщались быть въ столицу и, не исполня своего обѣщанія, измѣнили: прошу покорно не равнять меня, слугу своего, съ Хмельницкимъ молодымъ и съ Выговскимъ, потому что извѣстно, какія ихъ добродѣйства къ Ляхамъ были до гетманства и при гетманствѣ: Лядскихъ, Татарскихъ, Шведскихъ и Турецкихъ пословъ безъ вѣдома государева принимали и отпускали, Ляховъ при себѣ держали и съ Лядскими домами роднились; обо мнѣ же ваша милость такъ изволь разумѣть и вѣдать, что я считалъ бы себя на небѣ, еслибъ пресвѣтлыя очи великаго государя прежде гетманства и присяги сподобился увидѣть, да и впредь той же радости причастникомъ себя быти желаю. Какой же бы это былъ вѣрный рабъ, когда бы, видя стѣны господина своего огнемъ пылающія, во время бури, оставилъ и не обороняясь побѣжалъ, тогда какъ въ томъ домѣ сокровища многоцѣнныя лежатъ. Разсуди, благодѣтель мой: развѣ Украйна не горитъ огнемъ, когда отъ Канева за двѣ мили или ближе непріятель? Еслибъ побольше было ратныхъ людей въ Каневѣ и въ Кіевѣ, то можно было бы мнѣ и въ Москву пріѣхать. Самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей Украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютый врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчину, огнемъ пылающую, при такомъ непостоянствѣ и неутвержденіи, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ. Что же касается до Сѣрка, то Богъ видитъ, что онъ отъ меня и отъ войска сытъ былъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я далъ было ему мельницу и домъ съ засѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣлъ, безчестья и обиды отъ меня никакой не имѣлъ».

Гетманъ требовалъ уничтоженія городовыхъ привилегій; легко понять, какъ горожане любили такого гетмана: когда Брюховецкій отправилъ Прилуцкаго полковника Горленка въ Кіевъ, то воевода Чаадаевъ не пустилъ его въ городъ; Горленко писалъ гетману: «Просили мы, чтобъ намъ хотя въ

одномъ углу Кіева дали постоять на малый часъ на своихъ кормахъ: и того не позволили; едва въ Печерскомъ монастырѣ Чаадаевъ допустилъ меня къ себѣ на разговоръ, и разговоръ тутъ былъ какъ у волка съ овцою; но все это, какъ разумѣемъ, сталось отъ войта Кіевскаго Михайлы Зосимовича, потому что цѣлый день отъ Чаадаева съ челобитьемъ не отходили». Приславши въ Москву жалобу на Чаадаева, Брюховецкій вмѣстѣ прислалъ доносъ на Кіевопечерскихъ монаховъ, что хотятъ сдать монастырь Ляхамъ. Боярину Петру Михайловичу Салтыкову, начальнику Малороссійскаго приказа, Брюховецкій писалъ, что Кіевскіе мѣщане живутъ съ непріятелями въ совѣтѣ, Ляховъ изъ тюрьмы выручаютъ.

Весною 1655 года военныя дѣйствія начались счастливо для Русскихъ: Брюховецкій и Протасьевъ отправили изъ Канева Лубенскаго полковника Григорья Гамалѣю, который 4 Апрѣля вошелъ въ Корсунь; Поляки, обороняясь, сожгли городъ, и Гамалѣя привелъ въ Каневъ всѣхъ его жителей съ женами и дѣтьми. Давая знать объ этомъ государю, Брюховецкій писалъ: «Хотя мы съ воеводою Протасьевымъ, по малости силъ своихъ, и малый промыслъ надъ непріятелемъ чинить можемъ, однако праведныя вашего царскаго величества молитвы подкрѣпляютъ нашу немощь, какъ молитва Моисеева пособляла Израилю». Знаменитый Чарнецкій умеръ; преемникъ его Яблоновскій 21 Мая подъ Бѣлою Церковію былъ разбитъ высланными изъ Канева Русскими и Калмыками. Съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ Брюховецкій послалъ въ Москву Прилуцкаго полковника Горленка, которому въ информаціи или наказѣ между прочимъ было написано: «Гетманъ выходитъ въ поле для воинскаго промысла, а людей мало; измѣнники въ грамотахъ своихъ міръ прельщаютъ тѣмъ, что уже два года присылки ратныхъ людей изъ Москвы нѣтъ; которые есть, тѣ назадъ отступаютъ, изъ Канева людей все больше и больше уходитъ: помилуй Богъ какъ міръ шататься начнетъ; поэтому Христа ради просить о присыл-

жѣ людей въ Каневъ, чтобъ таборъ былъ крѣпокъ въ полѣ. Просить о присылкѣ на митрополію Кіевскую Русскаго архіерея изъ Москвы, чтобъ чинъ духовный Кіевскій къ Лядскимъ митрополитамъ не шатался, чтобъ Русь Малая, услышавъ о присылкѣ на митрополію Русскаго строителя, утверждалась и подъ высокою царскаго величества рукою укрѣплялась, духовный бы чинъ оставилъ двоедушіе, отъ непослушанія святѣйшимъ патріархамъ Московскимъ не удалялся. Просить объ освобожденіи Переяславскаго козака Рожки съ товарищами, посаженнаго въ тюрьму воеводою Чаадаевымъ въ противность уложенію войсковому стародавному, и за такое нарушеніе воинскаго устава просить указа на Чаадаева. Извѣстить о безчестіи Прилуцкаго полка, которое нанесъ Чаадаевъ, не пустивши его въ Кіевъ; купцовъ Львовскихъ и другихъ изъ Польши въ городъ пускали и выпускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровь свою проливаютъ, пустить не хотѣли. Бить челомъ, чтобъ отказывали попамъ, которые изъ Малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго въ Москву ѣздятъ и выпрашиваютъ себѣ маетности; войско на это сильно ропщетъ: козаки головы свои въ битвахъ съ непріятелемъ полагаютъ, а они попы имѣніемъ своимъ управить не могутъ, козакамъ въ помѣстьяхъ своихъ жить не позволяютъ и налоги имъ чинятъ.

Брюховецкій дѣйствительно выступилъ изъ Канева подъ Бѣлую Церковь; но, услыхавъ, что орда собирается въ Цыбульникѣ и хочетъ ударить на Русскій лагерь, и что Опара отводитъ города отъ царской руки, отступилъ къ Кіеву подъ Мотовиловку; здѣшніе жители добили челомъ великому государю и перебили стоявшихъ у нихъ Польскихъ гайдуковъ. Слухи, встревожившіе гетмана подъ Бѣлою Церковію, оказались ложными: орда не приходила, Яблоновскій и Тетеря ушли въ Польшу, Польскіе гарнизоны оставались только въ Бѣлой Церкви, въ Чигиринѣ, въ Корсуни (въ маломъ городкѣ) и въ Умани, да Опара съ небольшимъ отрядомъ стоялъ

подъ Корсунемъ. Брюховецкій, расположивши войска по Заднѣпровскимъ городамъ, перешелъ на восточную сторону, остановился въ Гадячѣ и отправилъ къ государю гонца съ извѣстіемъ, что ѣдетъ въ столицу видѣть его пресвѣтлыя очи [51].

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Пріѣздъ гетмана Брюховецкаго въ Москву. Представленныя имъ статьи. Гетманъ пожалованъ въ бояре, старшина въ дворяне. Новый бояринъ сватается на Московской боярышнѣ. Усобица между Малороссіянами въ Москвѣ. Дурныя вѣсти изъ Малороссіи. Дорошенко — преемникъ Тетери. Онъ губитъ Опару и дѣйствуетъ противъ полковниковъ, преданныхъ Москвѣ. Отчаянное письмо епископа Меѳодія. Возвращеніе Брюховецкаго въ Малороссію. Неудовольствіе духовенства по вопросу о митрополичьемъ избраніи. Союзъ духовенства съ мѣщанами противъ гетмана и козаковъ. Смута въ Переяславлѣ и Запорожьѣ Поѣздка дьяка Фролова въ Малороссію. Неудовольствіе козаковъ противъ гетмана-боярина. Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбіе Брюховецкаго. Сильное ожесточеніе духовенства противъ гетмана. Безкорыстіе Кіевскаго воеводы Шереметева. Возмущеніе Переяславскихъ козаковъ. Брюховецкій совѣтуетъ крутыя мѣры. Волненія въ Запорожьѣ. Сношенія Москвы съ Польшею. Записка Ордина-Нащокина о Польскомъ союзѣ и замѣчанія на нее царя. Съѣзды въ Дуровичахъ. Неуступчивость Поляковъ и прекращеніе съѣздовъ. Возмущеніе Любомирскаго заставляетъ Поляковъ возобновить переговоры. Андрусовскіе съѣзды. Перемиріе. Причина уступчивости Поляковъ относительно Кіева. Условія Андрусовскаго перемирія. Польское посольство въ Москвѣ. Переговоры объ изгнанной изъ Украйны шляхтѣ и о союзѣ противъ Турокъ и Крымцевъ. Значеніе Андрусовскаго перемирія. Общій взглядъ на состояніе Малороссіи.

11-го Сентября 1665 года подъѣзжалъ къ Москвѣ небывалый гость, гетманъ Запорожскій съ старшиною. На перестрѣлъ отъ земляного города встрѣтили его ясельни-

чій Желябужскій и дьякъ Богдановъ; Брюховецкій сошелъ съ лошади и, выслушавъ спросъ о здоровьѣ, дважды поклонился въ землю; ему подвели царскую лошадь, сѣрую, Нѣмецкую, въ серебряномъ вызолоченомъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзою, чепракъ Турецкій, шитъ золотомъ волоченымъ по серебряной землѣ, сѣдло — бархатъ золотный; Иванъ Мартыновичъ сѣлъ на лошадь и въѣхалъ въ Серпуховскія ворота, имѣя Желябужскаго по правую и Богданова по лѣвую руку; его поставили на посольскомъ дворѣ. Съ гетманомъ пріѣхали: Переяславскій протопопъ Григорій Бутовичь, гетманскій духовникъ монахъ Гедеонъ, гетманскаго куреня атаманъ Кузьма Филиповъ, обозный генеральный Иванъ Цесарскій, судья генеральный Петръ Забѣла, два писаря генеральныхъ — Степанъ Гречанинъ и Захаръ Шикѣевъ, пять канцелярскихъ писарей, писарскаго куреня атаманъ, два генеральныхъ есаула — Василій Ѳедяенко и Павелъ Константиновъ, Переяславскій посланецъ Андрей Романенко, посланцы разныхъ полковъ, Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Винтовка, Лубенскій Григорій Гамалѣя, Кіевскій Василій Дворецкій, всего съ прислугою 313 человѣкъ; на кушанье гетману опредѣлили выдавать по рублю на день, да питья противъ посланниковъ съ прибавкою, другимъ ратнымъ людямъ по пяти алтынъ; 670 лошадей, приведенныхъ Малороссіянами, пустили пастись въ подмосковныхъ лугахъ.

13 Сентября гетманъ со всѣми своими спутниками представлялся государю; пріемъ былъ обычный посольскій; всѣ цѣловали государеву руку и спрошены были о здоровьѣ; Брюховецкій представилъ подарки: пушку полковую мѣдную, взятую у измѣнниковъ козаковъ, булаву серебряную измѣнника наказнаго гетмана Яненка, жеребца арабскаго, 40 воловъ Чебанскихъ. 15 Сентября гости били челомъ, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ Малороссійскіе города со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежные и всякіе доходы сбирать въ свою государеву казну, и послать въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей.

Государь велѣлъ сказать гетману, чтобъ онъ написалъ объ этомъ статьи, и Брюховецкій подалъ на письмѣ слѣдующее: 1) Для усмиренія частой шатости и для доказательства вѣрности къ государю всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и поселянъ погодно въ казну государеву сбираются; по всѣмъ городамъ Малороссійскимъ кабаки будутъ только на одну горѣлку и приходы кабацкіе отдаются въ государеву казну; туда же идутъ сборы съ мельницъ, дань медовая и доходы съ купцовъ чужеземныхъ. 2) Стародавныя права и вольности козацкія подтверждаются. 3) Послѣ избранія каждый гетманъ обязанъ ѣхать въ Москву и здѣсь отъ самого царя будетъ принимать булаву и знамя большое. 4) Кіевскимъ митрополитомъ долженъ быть святитель Русскій изъ Москвы. 5-я статья опредѣляетъ, по скольку въ какихъ городахъ быть царскаго войска. 6) На войсковую армату (артиллерію) назначаются города Лохвицы и Роменъ. 7) Московскіе ратные люди не должны сбывать по рынкамъ воровскихъ денегъ; 8) не должны называть козаковъ измѣнниками.

Статьи были приняты, кромѣ одной четвертой о митрополитѣ: государь отвѣчалъ, что объ ней онъ перешлется прежде съ Константинопольскимъ патріархомъ. Но вообще усердіемъ гетмана были очень довольны: царь велѣлъ его милостиво похвалить, а потомъ, поговоря съ боярами, пожаловалъ ему боярство, остальная старшина — обозный, судья, полковники и есаулы были пожалованы въ дворяне. Когда новый бояринъ, по обычаю, былъ приглашенъ къ царскому столу, то получилъ третье мѣсто послѣ бояръ князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Петра Михайловича Салтыкова; писался Брюховецкій съ этихъ поръ *бояринъ и гетманъ*. Бояринъ и гетманъ билъ челомъ, чтобъ великій государь умилосердился, ему гетману, женѣ его и дѣтямъ, когда Богъ ихъ ему дастъ (Иванъ Мартыновичъ былъ холостъ), пожаловалъ на прокормленье въ вѣчныя времена сотню Шептаковскую въ Стародубскомъ полку съ Шептоками и со всѣми угодьями, чтобъ ему, будущей

женѣ его и дѣтямъ особое прибѣжище и пропитаніе вѣчное было кромѣ Гадяча, ибо Гадяцкая волость принадлежитъ гетману только на время его гетманства, а не женѣ и дѣтямъ его. Билъ челомъ, чтобъ государь изволилъ пожаловать грамоту на Магдебургское право жителямъ Гадяча; всѣмъ полковникамъ пожаловалъ по селу; чтобъ не отпускалъ пріѣхавшихъ въ Москву войтовъ и мѣщанъ безъ грамотъ государскихъ, дабы чернь, увидѣвши милость царскую, утвердилась. Такъ какъ бояринъ и гетманъ имѣетъ дворъ свой въ Переяславлѣ, какъ въ стольномъ городѣ, то чтобъ къ двору этому приписана была мельница. Всѣ просьбы были исполнены.

Что же это значило? Отчего Иванъ Мартыновичъ такъ спѣшилъ подчиниться требованіямъ государства и въ вопросѣ о митрополитѣ даже ушелъ впередъ, торопя государство? Поведеніе Брюховецкаго объясняется вполнѣ поведеніемъ его предшественника Выговскаго и поведеніемъ послѣдующихъ гетмановъ. Мы видѣли, что немедленно за прекращеніемъ революціоннаго броженія въ Малороссіи интересы гетмана разрознились съ интересами козачества. Богданъ Хмельницкій, какъ говорилъ Тетеря въ Москвѣ, боялся собирать раду, которая могла стѣснить его произволъ. Разрозненность интересовъ высказалась еще сильнѣе при Выговскомъ: Выговскій такъ же не хочетъ рады, какъ не хочетъ вмѣшательства Московскаго государства, не хочетъ воеводъ царскаго величества, ибо не хочетъ стѣсненій ни сверху, ни снизу. Для этого онъ хочетъ поддаться другому государству, которое, по своимъ формамъ, не можетъ грозить ему такою строгою опекою, какою грозило сильное государство Московское, склоняется къ Польшѣ, хочетъ въ ней получить вельможное значеніе и тѣмъ обезпечить себя въ Малороссіи, обезпечить себя относительно козачества; Выговскій сенаторъ, Выговскій *гетманъ Русскій*, а не *гетманъ войска Запорожскаго*; Выговскій не довѣряетъ козакамъ, окружаетъ себя иноземцами; Выговскій требуетъ стѣсненій для гультяйства, требуетъ точнаго реестра, какъ прежде требовали этого паны Польскіе

Брюховецкій, вынесенный повидимому войсковою массою и Запорожьемъ на гетманство, Брюховецкій — гетманъ, подобно Хмельницкому и Выговскому, не можетъ долго сохранять единства и интересовъ съ козачествомъ; онъ понимаетъ очень хорошо, что при тогдашнемъ бытѣ Малороссіи, при тогдашней разладицѣ въ ней, для гетмана нѣтъ никакого обезпеченія и, не имѣя Польскихъ симпатій какъ Выговскій, стремится обезпечить себя съ помощію Москвы, пріобрѣсть здѣсь вельможное положеніе, какъ Выговскій хотѣлъ пріобрѣсть его въ Польшѣ. Мы видѣли, что и Выговскій, прямо указывая на шаткость своего положенія въ Малороссіи, прежде всего просилъ прочныхъ маетностей въ Литвѣ, и очень быть можетъ, что отказъ ему въ этой просьбѣ и стремленіе Москвы распутать отношенія на ненавистной для гетмана радѣ всего сильнѣе побудили Выговскаго спѣшить отпаденіемъ. Теперь Брюховецкій спѣшитъ удовлетворить желаніямъ государства, чтобъ обезпечить посредствомъ него свое положеніе. Онъ достигаетъ цѣли: онъ бояринъ Московскій; но онъ бьетъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ ему прочныя, наслѣдственныя маетности поближе къ Москвѣ; для собственныхъ выгодъ проситъ, чтобъ въ Кіевъ былъ присланъ митрополитъ Москвичь, ибо хорошо знаетъ, что при Московскихъ стремленіяхъ его, *боярина и гетмана*, ему не ужиться съ митрополитомъ Малороссіяниномъ, который прежде всего будетъ хлопотать о независимости Малороссійской церкви отъ Москвы. Брюховецкій и на этомъ не останавливается: онъ хочетъ еще тѣснѣе связать себя съ Москвою, обезпечить себя здѣсь. 17 Сентября Иванъ Мартыновичъ завелъ разговоръ съ приставомъ своимъ Желябужскимъ: «Билъ я челомъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, чтобъ великому государю челобитье мое донесъ: пожаловалъ бы меня великій государь, велѣлъ жениться на Московской дѣвкѣ, пожаловалъ бы государь, не отпускалъ меня не женя». — «Есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста?» спросилъ у него приставъ: «и какую невѣсту тебѣ надобно, дѣвку или вдову?» — «На примѣтѣ у меня невѣсты

нѣтъ» отвѣчалъ гетманъ: «а на вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться; пожаловалъ бы меня великій государь, указалъ гдѣ жениться на дѣвкѣ. А женясь, стану я бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ меня вѣчными вотчинами подлѣ Новгорода Сѣверскаго, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вотчины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны». *Желябужскій*: «Когда будетъ у тебя жена и станетъ въ тѣхъ мѣстахъ жить, то и ты будешь жить тутъ же; а когда войску доведется быть въ собраньѣ, то гдѣ сбираться? да и безъ сбору постоянно при тебѣ надобно быть многимъ людямъ для гетманства твоего». *Брюховецкій*: «Войску сбираться въ Гадячѣ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пристойно по временамъ, а я стану къ войску приходить; при мнѣ будетъ постоянно человѣкъ по триста, у меня такихъ людей, которые мнѣ вѣрны, есть человѣкъ со сто, да великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ изъ Московскихъ людей ко мнѣ прибавить; а безъ такихъ людей мнѣ никакими мѣрами быть нельзя въ шаткое время: меня ужь разъ хотѣли погубить, да свѣдалъ во время». Этими словами Брюховецкій окончательно объяснилъ свое поведеніе. Желябужскій перемѣнилъ разговоръ и спросилъ: «Крымскіе люди къ Полякамъ теперь на помощь ходятъ ли? и за что Крымцы Полякамъ помогаютъ?» *Брюховецкій*: «Крыму Поляки казну даютъ, а потомъ и сами Крымцы берутъ у нихъ и полонъ и что имъ надобно». *Желябужскій*: «Какъ бы сдѣлать, чтобъ Крымскаго отъ Поляковъ отвести?» *Желябужскій*: «Ненавидятъ Крымцы то, что Запорожское войско подъ государевою рукою, и боятся: какъ миръ будетъ у государя съ королемъ Польскимъ, а Запорожское войско останется подъ государевою рукою, то Крыму будетъ жить тѣсно. Хочу бить челомъ государю, чтобъ плѣннымъ Ляхамъ у насъ не быть, ссылать ихъ куда-нибудь въ дальнія мѣста для того, что всякія вѣсти носятъ отъ нихъ въ Польшу; также бы великій государь и на Москвѣ и въ городахъ Полякамъ быть не указалъ, потому что отъ нихъ идутъ всякія вѣсти въ Польшу». Великій государь пожаловалъ

боярина и гетмана, велѣлъ ему жениться на дочери окольничаго князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукаго. Женихъ обратился къ Желябужскому съ новыми вопросами: «Съ княземъ Долгорукимъ самому мнѣ договариваться о женитьбѣ или послать кого-нибудь? по рукамъ бить самому ли и гдѣ мнѣ съ княземъ видѣться? отъ кого невѣсту изъ дому брать, кто станетъ выдавать и на который дворъ ее привесть? На свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть, а я былъ надеженъ, что въ посаженыхъ отцахъ или въ тысяцкихъ будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, и о томъ уже я билъ ему челомъ. Да въ какомъ платьѣ мнѣ жениться, въ служивомъ ли, или въ чиновномъ Московскомъ? А по рукамъ ударя, до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылать ли, потому что по нашему обыкновенію до свадьбы посылаютъ къ невѣстѣ серьги, платье, чулки и башмаки. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ мнѣ объ этомъ указъ свой учинить».— Этотъ указъ не дошелъ до насъ.

Не все такими нѣжными дѣлами занимался въ Москвѣ бояринъ и гетманъ. 11 Декабря въ домъ къ начальнику Малороссійскаго приказа, боярину Салтыкову, вдругъ приходятъ Переяславскій протопопъ Григорій Бутовичь, войсковой судья Петръ Забѣла, писарь, есаулъ, двое полковниковъ, Кіевскій и Нѣжинскій, и начинаютъ жаловаться со слезами: «Вчера обѣдали мы съ бояриномъ и гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ у боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и писарь Захаръ меня протопопа Григорья лаялъ, называлъ брехомъ и замахивался ножомъ, хотѣлъ зарѣзать; я у него ножикъ отнялъ, такъ онъ сталъ замахиваться вилками, хотѣлъ меня колоть». — «А насъ» кричали судья и полковники: «Захаръ также лаялъ позорными словами; мы терпѣть ему не будемъ; если онъ такъ дѣлаетъ надъ нами теперь здѣсь въ Москвѣ, то какого добра ждать намъ отъ него впередъ?» Въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ къ Салтыкову самъ бояринъ и гетманъ съ старшиною и били челомъ царю на писаря Захаря Шикѣева, чтобъ великій государь велѣлъ имъ указъ свой

учинить; войсковой есаулъ Богданъ Щербакъ билъ челомъ отъ всего войска Запорожскаго, которое въ Москвѣ, что имъ, войску Запорожскому, отъ писаря Захара Шикѣева чинятся многіе налоги и тягости, становится онъ Захаръ пышнѣе боярина и гетмана, бьетъ и увѣчитъ многихъ людей невинно, въ войскѣ онъ имъ Захаръ не надобенъ и ни въ какомъ чину не годенъ». На другой день въ приказѣ была очная ставка у Щербака съ Шикѣевымъ: Щербакъ говорилъ прежнее, что «Шикѣевъ имъ въ войскѣ не годенъ, потому что чинитъ налоги многимъ людямъ и безчеститъ, а иныхъ бьетъ безвинно, началъ быть пышенъ и неприступенъ: не только кто съ своимъ дѣломъ къ нему придетъ, но если кто и отъ гетмана придетъ, то онъ говорить съ собою не велитъ, и никто съ нимъ говорить не смѣетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не спроситъ, и отказываетъ всякому человѣку пышно и сердито. Пожаловалъ великій государь гетману и войску Запорожскому подводы и подорожная изъ приказа прислана; вотъ гетманъ съ этою подорожною и послалъ меня въ канцелярію къ нему Захару, а онъ какъ началъ на меня фукать и отослалъ меня съ безчестьемъ; ни съ какимъ дѣломъ къ нему придти нельзя, всѣхъ безчеститъ пыхами своими!» Шикѣева отправили въ ссылку изъ Москвы.

Иванъ Мартыновичъ загостился въ Москвѣ до конца Декабря; а между-тѣмъ еще съ Сентября начали приходить изъ Малороссіи дурныя вѣсти и требованія скораго возвращенія гетмана. Послѣ отъѣзда Тетери въ Польшу, на западномъ берегу Днѣпра выдвигается на первый планъ уже извѣстный намъ Петръ Дорошенко. Опасенія Тетери сбылись: видя, что ни Москва, ни Поляки не могутъ взять рѣшительнаго верха на Украйнѣ, которая опустошается въ конецъ и союзниками и врагами, Дорошенко рѣшился поддаться Туркамъ, чтобъ съ ихъ помощію вытѣснить изъ Украйны и Москву и Поляковъ и быть единственнымъ гетманомъ на обоихъ берегахъ. Сначала онъ хотѣлъ посредствомъ Крыма получить облегченіе отъ Польскихъ насилій. Еще въ Генварѣ 1665 года онъ по-

рону, а на западной изъ вѣрныхъ козаковъ не осталось никого, кромѣ тѣхъ, которые были въ Каневѣ. Децикъ покинулъ Мотовиловку не выжегши ее; этимъ воспользовался королевскій Бѣлоцерковскій комендантъ и королевскіе Черкасы, Малюта съ товарищами, стали накликать въ нее старыхъ жителей и изъ другихъ мѣстъ, чтобъ укрѣпить ее по прежнему, обѣщали прислать туда и Нѣмецкую пѣхоту. Это начало грозить большою опасностію Кіеву, отъ котораго Мотовиловка была только въ 35 верстахъ и которому отъ нея и прежде не было покоя, когда она была за Поляками. Чтобъ предупредить бѣду, Кіевскій воевода князь Никита Львовъ послалъ подъ Мотовиловку рейтарскаго майора Сипягина. Въ полночь Сипягинъ подошелъ къ городу, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ перелѣзть черезъ стѣну и отбить ворота; жители услыхали, начали стрѣлять, но рейтары всѣхъ ихъ побили и выжгли городъ. Малюта въ эту ночь ночевалъ въ мѣстечкѣ Васильковѣ, маетности Печерскаго монастыря; Сипягинъ направился на Васильковъ, чтобъ захватить Малюту, но Печерскіе чернецы дали ему возможность уйти до прихода Сипягина. Въ Декабрѣ епископъ Меѳодій началъ говорить Львову, что въ мѣстечкѣ Бышевкѣ и другихъ ближнихъ мѣстечкахъ Польскія залоги (гарнизоны) небольшія, и ѣздятъ изъ мѣстечка въ мѣстечко безъ опасенія, поэтому надобно послать на нихъ ратныхъ людей для поимки языковъ. Львовъ и отправилъ 18 Декабря подполковника Якшина съ отрядомъ изъ 120 человѣкъ. Якшинъ ночью захватилъ языковъ въ Бышевкѣ; но за 15 верстъ отъ Кіева нагналъ его изъ Бѣлой Церкви майоръ съ Нѣмцами, Татарами и Черкасами, разбилъ на голову и взялъ знамена. Меѳодій, пріѣхавъ въ Кіевъ, писалъ оттуда отчаянное письмо къ Ракушкѣ, казначею или подскарбію войсковому: «Пишу эту грамоту слезами поливаючи; въ Кіевѣ ничего добраго не дѣлается, потому что воевода нынѣшній человѣкъ ни къ чему непригодный, вопервыхъ, человѣкъ старый, къ ратному дѣлу неспособный; вовторыхъ, боленъ ногами и черезъ порогъ избы не престу-

пить; кромѣ слезъ, худобы и воровства въ Кіевѣ ничего не сыщешь; если не поспѣшитъ бояринъ Шереметевъ или замедлитъ гетманъ на Москвѣ, то будетъ бѣда съ Кіевомъ и съ нашимъ Заднѣпріемъ. Ради Бога пиши къ гетману, чтобъ билъ челомъ о скоромъ отпускѣ и спѣшилъ сюда, потому что безъ головы составы всѣ мертвы; пиши и къ наказному, чтобъ, по крайней мѣрѣ, Канева не потеряли» [52].

Наконецъ возвратился отецъ къ дѣтямъ, пріѣхалъ бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій въ Малороссію, и первому не радостенъ былъ его пріѣздъ тому, кто такъ сильно желалъ его — епископу Меѳодію. 22 Февраля 1666 года въ Кіевѣ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, смѣнившему старика Львова, пріѣхалъ Меѳодій вмѣстѣ съ Печерскимъ архимандритомъ, игуменами другихъ монастырей, и начали странную рѣчь, просили, чтобъ позволено имъ было послать челобитчика къ государю, пожаловалъ бы великій государь, не велѣлъ у нихъ отнимать правъ и вольностей. — «Какихъ правъ и вольностей?» спросилъ воевода: «великій государь не только у васъ, властей духовныхъ, но и у мѣщанъ во всѣхъ городахъ Малороссійскихъ правъ и вольностей отнимать не велѣлъ, всѣмъ даны жалованныя грамоты, которыя по сей день ни въ чемъ не нарушены; отъ кого вы узнали, будто великій государь велѣлъ у васъ вольности и права отнять?» Меѳодій отвѣчалъ: «Посылали мы къ боярину и гетману Ивану Мартыновичу Брюховецкому, по стародавному обычаю, по которому Кіевскихъ митрополитовъ выбирали всегда съ вѣдома гетманскаго, посылали мы къ Ивану Мартыновичу просить, чтобъ отписалъ къ великому государю о позволеніи намъ выбрать въ Кіевъ митрополита между собою, по прежнимъ обычаямъ и правамъ. А бояринъ и гетманъ прислалъ къ намъ грамоту, въ которой пишетъ, что указалъ великій государь быть въ Кіевѣ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, тогда какъ мы подъ благословеніемъ Цареградскаго патріарха, а не Московскаго». Епископъ съ товарищами разгорячался все больше и больше, на-

конецъ закричалъ съ сильною яростію: «Если будетъ на то великаго государя изволенье, что отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ Московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только Московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ Малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами, тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ не малый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы. Мнится намъ, что и къ тебѣ боярину указъ объ этомъ тайный есть, и въ статьяхъ, которыя полковникъ Дворецкій изъ Москвы привезъ, то же написано».—«Такого указа ко мнѣ не бывало» отвѣчалъ Шереметевъ: «а что вы говорите о статьяхъ, которыя привезъ Дворецкій, то тамъ написано, что великій государь изволитъ писать объ этомъ къ Цареградскому патріарху; да и гетманъ ко мнѣ объ этомъ не писывалъ; это какой-нибудь воръ распустилъ слухъ, чтобъ поссорить васъ съ гетманомъ. Вы говорите, что запретесь въ монастыряхъ отъ Московскаго митрополита; это слова непристойныя: какъ вамъ быть противными волѣ Божіей, указу государеву и благословенію Цареградскаго патріарха? Ты епископъ поставленъ въ Московскомъ государствѣ митрополитомъ Питиримомъ, и тебѣ подъ благословеніемъ Московскаго патріарха быть можно, только какъ о томъ отпишутъ къ великому государю вселенскіе патріархи. Если Цареградскій патріархъ къ великому государю отпишетъ и благословеніе подастъ избранному вами, то великій государь изволитъ избранника вашего поставить въ царствующемъ градѣ Москвѣ передъ своими госу-

дарскими очами всѣмъ властямъ». — «Если даже великій государь» говорилъ Меѳодій: «изволитъ быть нашему митрополиту подъ благословеніемъ Московскаго патріарха, то пожаловалъ бы, отписалъ объ этомъ къ Цареградскому патріарху, а митрополиту Кіевскому быть бы по нашему избранію, чтобъ наши стародавныя права и вольности нарушены не были; а теперь бы великій государь пожаловалъ, велѣлъ у насъ въ Кіевѣ принять объ этомъ челобитную и челобитчиковъ отпустить въ Москву». — «Челобитной вашей» отвѣчалъ бояринъ: «принять мнѣ непристойно, потому что это дѣло ваше духовное, а челобитчиковъ въ Москву отпустить можно».

На другой день, 23 Февраля, бояринъ видѣлся съ архіепископомъ въ Софійскомъ монастырѣ, и Меѳодій сталъ просить извиненія за вчерашнія рѣчи: «Я эти слова говорилъ по неволѣ, потому что я поставленъ Московскимъ митрополитомъ, и вотъ Малороссійскихъ городовъ духовные люди всѣ говорятъ и поносятъ мнѣ и думаютъ, что я сдѣлалъ это по совѣту съ гетманомъ, чтобъ имъ быть подъ благословеніемъ Московскаго патріарха». Меѳодій прислалъ къ Шереметеву и отвѣтную грамоту гетманскую, въ которой Брюховецкій писалъ: «Когда мы были въ Москвѣ, то намъ припоминали статьи Богдана Хмельницкаго, чтобъ митрополитъ Кіевскій поставлялся патріархомъ Московскимъ, и мы всѣ бывшіе въ Москвѣ руки свои на томъ приложили, и государь отправилъ пословъ къ святѣйшимъ патріархамъ; мы будемъ дожидаться возвращенія этихъ пословъ». Въ Мартѣ 1666 года посломъ отъ Меѳодія и всего духовенства пріѣхалъ въ Москву Кіевскаго Кириллова монастыря игуменъ Мелетій Дзпкъ бить челомъ о позволеніи избрать митрополита по старинѣ, да чтобъ на выборѣ былъ гетманъ и Кіевскій воевода Шереметевъ. Царь отвѣчалъ, что послано объ этомъ къ Константинопольскому патріарху, и чтобъ Меѳодій ѣхалъ въ Москву для исправленія всякихъ духовныхъ дѣлъ.

Между-тѣмъ Шереметевъ писалъ въ Москву и о поведеніи новаго боярина: «Теперь епископъ, архимандритъ Печерскій

и всѣхъ Малороссійскихъ монастырей архимандриты и игумены и приходскіе попы съ мѣщанами въ большомъ совѣтѣ и соединеніи, а съ гетманомъ, полковниками и козаками совѣту у нихъ мало за то, что гетманъ во всѣхъ городахъ многія монастырскія маетности, также и мѣщанскія мельницы отнимаетъ; да онъ же гетманъ со всѣхъ Малороссійскихъ городовъ, которыми великому государю челомъ ударилъ, съ мѣщанъ беретъ хлѣбъ и стацію большую грабежемъ, а съ иныхъ за правежомъ. Шереметевъ посылалъ спрашивать у гетмана, по его ли приказанію стацію со всѣхъ городовъ берутъ? Брюховецкій отвѣчалъ, что безъ его вѣдома, и тотча съ же во всѣ Малороссійскіе города послалъ грамоты съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ нигдѣ на него стаціи не сбирали, а давали бы стацію въ казну государеву.

Бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ извѣщалъ съ своей стороны, что незадолго передъ его пріѣздомъ въ Малороссію чуть было не сдѣлалась бѣда въ Переяславлѣ: тамошній житель Петрушка Скокъ Челюсткинъ, состарѣвшійся въ Переяславлѣ Русскій человѣкъ, составилъ заговоръ перебить всѣхъ Московскихъ ратныхъ людей. Но наказной гетманъ Ермоленко узналъ о заговорѣ и донесъ Брюховецкому, который велѣлъ сковать Челюсткина и отослать въ Москву. Появились своевольныя сборища, которыя отказались повиноваться полковникамъ и сотникамъ, покинули свои домы и начали бродить по разнымъ городкамъ и деревнямъ и бѣднымъ людямъ досады чинить; начальниками такихъ сборищъ были извѣстные намъ Иванъ Донецъ и Децикъ. Гетманъ успѣлъ разогнать эти сборища. Касательно новыхъ распоряженій, договоренныхъ въ Москвѣ о сдачѣ Малороссійскихъ городовъ царскимъ воеводамъ, Брюховецкій писалъ: « Я, вѣрный холопъ, радъ вседушно тому указу исполненіе чинить; но боюсь одного, чтобъ полковники, вся старшина и козаки не встревожились и не взяли дурнаго замысла. Самъ же я вседушно радъ воеводамъ, потому что при нихъ мнѣ будетъ меньше хлопотъ, а то теперь на всѣ стороны оглядываюсь » [53]. Брюховецкій

писалъ также, что епископъ, духовенство и Кіевскій полковникъ Дворецкій просятъ о заведеніи новыхъ Латинскихъ школъ въ Кіевѣ, но что онъ, гетманъ, полагаетъ это на волю великаго государя. Доносилъ, что сынъ епископа Меѳодія женился на Дубичовкѣ, у которой два родныхъ брата служатъ при королѣ. Писалъ о дурныхъ вѣстяхъ изъ Запорожья: даетъ знать оттуда Григорій Касоговъ, что Запорожцы хотятъ государю измѣнить, къ бусурманамъ и къ измѣнникамъ Черкасамъ приклониться; но онъ, гетманъ, послалъ уговаривать ихъ; спрашивалъ, посылать ли въ Запорожье хлѣбные запасы или нѣтъ?

Съ отвѣтами на эти донесенія и для обстоятельнаго разузнанія дѣлъ въ Мартѣ 1666 года отправился въ Малороссію дьякъ Фроловъ. Посланный долженъ былъ похвалить боярина и гетмана за его радѣнье и отвѣчать на статью о школахъ въ Кіевѣ: если имъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленье, то школъ бы теперь не заводить; если же этотъ запретъ оскорбитъ ихъ, какъ противный ихъ вольностямъ, то великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ набрать изъ Кіевскихъ жителей, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ въ школы никого не пускать и не учить, чтобъ отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было. Фроловъ долженъ былъ также сказать: какіе люди сидятъ у гетмана за карауломъ въ своихъ винахъ, тѣхъ бы онъ судилъ и каралъ по войсковымъ правамъ; а если изъ нихъ кому-нибудь по войсковымъ правамъ будетъ свобода, а онъ боится отъ нихъ впередъ чего-нибудь дурнаго, такихъ присылать въ Москву. Хлѣбные запасы въ Запорожье, Кіевъ и другіе города посылать какъ прежде уговорено, пока описчики города опишутъ и по описи воеводы примутъ.

Фроловъ привезъ изъ Малороссіи много разныхъ вѣстей. Иванъ Мартыновичъ на отпускѣ говорилъ ему тайно, что въ Переяславлѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту. Фроловъ немедленно послалъ къ Переяславскому воеводѣ Вердеревскому спросить, что у нихъ

тамъ такое дѣлается? Воевода отвѣчалъ: «Гетманъ великому государю вѣренъ и служитъ вправду; только дивлюсь я тому, для чего переписчики замѣшкались? если полгода не будутъ, и то гетману большая корысть: о чемъ въ Переяславль на ратушу ни отпишетъ, все къ нему посылаютъ. Козаки гетмана всѣ не любятъ, говорятъ: при нашихъ предкахъ у насъ бояръ не бывало, онъ заводитъ новый образецъ, вольности наши отъ насъ всѣ отходятъ, да и доступъ къ нему сталъ тяжелъ. Полковникъ Переяславскій Данила Ермоленко говорилъ у меня на обѣдѣ при головахъ стрѣлецкихъ и при многихъ начальныхъ людяхъ: «Мнѣ дворянство не надобно, я по старому козакъ!» и ко всякому слову, за что осердится, говоритъ: «козаки заведутъ гиль, и васъ поколютъ». Полковнику, атаману и судьѣ идетъ изъ ратуши съ города всякій день вино, пиво, медъ и харчь всякій. А что ему полковнику пожаловалъ государь городъ, то онъ говоритъ: «этотъ городъ украйный, разоренъ весь, стоятъ въ немъ безпрестанно козаки иныхъ полковъ и кормятся по тѣмъ же жилецкимъ людямъ, и мнѣ взять съ него нечего, да и не надобно, потому что и при предкахъ нашихъ такъ не повелось». Козаки въ городѣ говорятъ: «Пойдемъ въ Запороги, и не одни мы, соберемся вмѣстѣ съ Переяславцами и изъ другихъ мѣстечекъ, и пойдемъ изъ Запорогъ на гетмана». Государевыхъ людей, которые живутъ въ Переяславлѣ, зовутъ злодѣями и Жидами». Фроловъ обо всемъ этомъ далъ знать Брюховецкому, тотъ отвѣчалъ, что козаки поднимаютъ такіе голоса, видя вездѣ въ городахъ при воеводахъ малолюдство: надобно, чтобъ великій государь указалъ въ Малороссійскихъ городахъ ратныхъ людей прибавить.

Мы видѣли, что Шереметевъ писалъ къ гетману на счетъ поборовъ съ городовъ. Брюховецкій обидѣлся и говорилъ Фролову: «Дѣло извѣстное, что бояринъ Петръ Васильевичъ написалъ ко мнѣ объ этомъ по чьей-нибудь ссорѣ: бояринъ ссорѣ не вѣрилъ бы и уха своего на ссору не склонялъ; я въ доходы вступаться никогда ни въ какіе не буду и съ бое-

риномъ хочу жить въ любви и въ пріязни, готовъ, пожалуй, и слушать его; только служа великому государю, даю знать свою мысль, чтобъ Малороссійскаго народа своевольныхъ и непостоянныхъ людей большими поборами вскорѣ не ожесточить; пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ по немногу; а вдругъ ожесточить опасно: люди они худоумные и непостоянные; одинъ какой-нибудь плевосѣятель возмутитъ многими тысячами; хотя они и сами згинутъ, а до лиха дойдетъ, успокоивать будетъ трудно, а непріятель подъ бокомъ; стоятъ непріятеля и Запорожцы, только и думаютъ, какъ бы добрыхъ людей разорять, и, пограбивъ чужаго имѣнія, всякому старшинства доступить; а на Запорожьѣ теперь больше Заднѣпранъ. Да и духовенству не всякому бы вѣрить; горазды и они ссорить и возмущать отъ Латинской своей науки, на кого нелюбье положатъ».

Пріѣхалъ Фроловъ въ Кіевъ. Тутъ началъ Шереметевъ говорить свои рѣчи: «Гетманъ Иванъ Мартыновичь очень корыстолюбивъ. Я было велѣлъ въ Переяславлѣ Греку Ивану Тамару сбирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлину на великаго государя противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ Иванъ сбиралъ на гетмановъ. Но Грекъ Иванъ недавно пріѣхалъ въ Кіевъ, и говоритъ мнѣ тайно со слезами, что собралъ онъ въ Переяславлѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, а гетманъ присылаетъ съ угрозами, велитъ привезти къ себѣ въ Гадячь 1000 рублей пошлинныхъ денегъ, и Грекъ, занявши, везетъ, а не везть не смѣетъ, чтобъ безъ головы не быть». Шереметевъ, епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій толковали Фролову одно, чтобъ переписчики спѣшили, а мѣщане этому всѣ рады и доходы въ казну государеву платить будутъ безъ отговорки, только бъ козацкой старшинѣ и козакамъ до нихъ дѣла не было; а если переписчики къ первому Сентябрю людей и угодій переписать не поспѣшатъ, то какъ только Семенъ день придетъ, и гетманъ, и полковники, и старшина поборы всѣ отберутъ на себя, а

великому государю оставятъ мѣщанъ на цѣлый годъ нагихъ и ограбленныхъ.

3 Мая въ Печерскомъ монастырѣ былъ обѣдъ: обѣдали Фроловъ, епископъ Меѳодій, Печерскій архимандритъ, много другихъ духовныхъ, полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда, вставши изъ-за трапезы, взяли Фролова въ архимандричью келью и пили здоровье бояръ и окольничихъ. Фроловъ замѣтилъ, что надобно выпить и здоровье гетмана Ивана Мартыновича, который великому государю службою своею во всемъ вѣренъ, съ духовными во всякомъ совѣтѣ и любви пребываетъ и войску Запорожскому и всему Малороссійскому народу добронравіемъ своимъ и правымъ разсужденіемъ угоденъ. «Онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ» крикнуло въ отвѣтъ духовенство: «бывши на Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобъ въ Кіевѣ быть Московскому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ бы невѣрными». Епископъ и нѣкоторые другіе изъ духовныхъ рѣшительно отказались пить, другіе пили, но несогласно, какъ бы только поустыдясь. Фроловъ развѣдалъ, что статьи, въ которыхъ написано, чтобъ въ Кіевѣ быть Московскому митрополиту, прежде всѣхъ объявилъ въ Кіевѣ полковникъ Дворецкій, отъ чего у духовенства встало нелюбье къ гетману; Дворецкій присталъ къ духовенству. Узнавъ объ этомъ, Брюховецкій два раза присылалъ за Дворецкимъ, хотѣлъ послать его въ Запорожье отговаривать отъ шатости тамошнихъ козаковъ, хотѣлъ послать его затѣмъ, чтобъ тамъ его убили или разстрѣляли. Полковникъ испугался и сталъ бить челомъ, чтобъ ему съ Кіевскимъ полкомъ быть подъ начальствомъ боярина Шереметева. Послѣдній спрашивалъ: если гетманъ пришлетъ въ третій разъ за Дворецкимъ, то отдавать ли его?

Сильнѣе всѣхъ продолжалъ высказываться противъ Брюховецкаго старый другъ его, епископъ Меѳодій: «Брюховецкій намъ не надобенъ» говорилъ онъ при всѣхъ вслухъ: «онъ теперь принялъ всю власть на себя; не только насъ предъ

царскимъ величествомъ невѣрными выставляетъ, но и старшину караетъ, въ колодки сажаетъ и въ Москву отсылаетъ, новыхъ полковниковъ отъ себя по полкамъ разсылаетъ безъ войсковаго приговора; Юрій Незамай, Гамалѣя, Высочанъ и другіе старшины ни въ чемъ не виноваты, страдаютъ отъ него напрасно; а здѣшнимъ людямъ и смерть не такъ страшна, какъ отсылка въ Москву; думаю, что иные и изъ Заднѣпровской старшины поддались бы государю, да боятся погибнуть отъ гетмана; Чечерскій архимандритъ говорилъ, что гетманскаго войска козаки разоряютъ ихъ монастырскія маетности между Кіевомъ и Бѣлою Церковію; писали они къ гетману, и онъ ихъ не защищаетъ».

Дворецкій выставлялъ себя умѣреннымъ, желалъ примиренія: «Епископъ Меѳодій, все духовенство и я гетману не злодѣи и не посягатели; мы только отводимъ его, чтобъ до корыстей былъ не лакомъ и гордость отложилъ; хочется намъ того, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, мы бы, облича его въ неправдахъ, съ нимъ помирились и были въ вѣчной любви. Епископъ Меѳодій посылалъ въ Чигиринъ уговаривать тамошнихъ людей, чтобъ великому государю вины свои принесли; Чигиринскіе жители къ тому склонны, и Дорошенко говорилъ, что онъ тому радъ, да боится гетмана, сдѣлаетъ его безъ головы или въ Москву отошлетъ, пусть епископъ, бояринъ и гетманъ обнадежатъ его грамотами, что ему лиха не будетъ, тогда онъ и станетъ промышлять надъ Ляхами». Меѳодій, кромѣ несчастнаго пункта о митрополитѣ, показывалъ по прежнему усердіе къ Москвѣ и, подобно Ивану Мартыновичу, не щадилъ своихъ: совѣтовалъ также, чтобъ во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ воеводы и ратные люди жили особо въ городкахъ, такъ какъ въ Нѣжинѣ, потому что Малороссійскаго народа люди ко всему шатки, сохрани Боже, чтобъ кто-нибудь чего не началъ; а прежде всего надобно это сдѣлать въ Полтавѣ, тамъ люди больше всѣхъ шатки, къ Запорожью близки и съ Запорожцами въ мысляхъ бываютъ согласны, живутъ совѣтно, что

мужъ съ женою. Шереметевъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ, что онъ отъ епископа никакого злаго умысла и плевелъ не видалъ; но, вопреки словамъ Дворецкаго, доносилъ о невозможности помирить Меѳодія съ Брюховецкимъ и приводилъ въ доказательство слѣдующій случай: «Я говорилъ епископу, чтобъ послать въ Запорожье какого-нибудь вѣрнаго человѣка съ увѣщательною грамотою и для провѣдыванія вѣстей; а Меѳодій отвѣчалъ мнѣ: это дѣло самое надобное, только въ грамотѣ надобно спросить: отъ чего у нихъ, Запорожскихъ козаковъ, дѣлается шатость, не отъ бояръ ли отъ кого? Я ему сказалъ на это, что такъ написать негодится; изъ этого я заключаю, что между ними и впередъ совѣта не будетъ; только я о гетманскихъ грамотахъ епископу, а объ епископскихъ словахъ гетману не даю знать, чтобъ между ними ссоры не было, а ссора опасна, потому что къ епископу и духовенству пристали мѣщане всѣхъ городовъ: такъ чтобъ отъ ихъ ссоры дѣлу великаго государя порухи не было». Отъ самого Шереметева, по разсказамъ Фролова, не могло быть порухи государеву дѣлу, какъ была поруха отъ боярина и гетмана. Въ Кіевѣ на Подолѣ поставлены были рейтары на мѣщанскихъ дворахъ, потому что въ верхнемъ городѣ поставить ихъ было негдѣ. Мѣщане много разъ били челомъ, что отъ рейтаръ тѣснота большая, и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ рейтаръ отъ нихъ свесть. О томъ же просилъ воеводу и Меѳодій. Шереметевъ отвѣчалъ, что перевести рейтаръ въ верхній городъ скоро никакъ нельзя, потому что тамъ дворовъ и избъ мало, а взять избъ негдѣ, потому что около Кіева все разорено; если мѣщане хотятъ, чтобъ отъ нихъ рейтаръ вывели, то пусть дадутъ отъ себя 30 избъ и переведутъ въ нихъ рейтаръ. 4 Мая епископъ является къ Шереметеву и приноситъ ему въ почесть 100 рублей, чтобъ рейтаръ отъ мѣщанъ велѣлъ вывести, избъ на нихъ не спрашивалъ, а велѣлъ бы избы купить изъ государевой казны. Бояринъ отвѣчалъ: «Я денегъ не возьму, а пусть мѣщане отдадутъ ихъ на избы рейтарскія». На другой день въ со-

борной церкви епископъ сталъ говорить боярину, чтобъ онъ сто рублей себѣ въ почесть взялъ, а на избы взялъ еще 100 рублей, мѣщане этимъ не оскорбятся, только бы рейтаръ отъ нихъ велѣлъ вывесть. Шереметевъ велѣлъ взять у мѣщанъ всѣ 200 рублей и купить на нихъ избы, и какъ избы поставятъ, перевести въ нихъ рейтаръ тотчасъ.

Фроловъ привезъ и грамоты: Брюховецкій жаловался по обычаю, что Московскаго войска мало въ Малороссіи: «При мнѣ, вашего царскаго величества вѣрномъ холопѣ, войска очень мало, едва не всѣ ваши государевы ратные люди отъ наготы разбрелись. Воеводы вашего царскаго величества — Миргородскій, Лубенскій и Прилуцкій безъ семей на воеводства свои пріѣхали, а хорошо бы имъ было пріѣхать съ семьями и со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, чтобъ тамошніе жители, видя воеводъ своихъ цѣлое житье, отъ того лучше крѣпились и въ отчаяніе не приходили». Гетманъ жаловался на воеводу Протасьева, который не унималъ иноземныхъ ратниковъ, притѣснявшихъ Малороссіянъ; жаловался, что стольникъ Измайловъ, присланный для сыску обидъ, ничего не дѣлаетъ. Жаловался на Переяславскаго воеводу Вердеревскаго, который зятя его Михѣенка велѣлъ бить и въ тюрьму сажать безвинно, человѣку гетманскому сѣна косить не даетъ: «Все это онъ дѣлаетъ» писалъ Брюховецкій: «по наущенію Ивашки Ѳирсова, который затѣмъ въ Переяславлѣ и живетъ, чтобъ ссорить меня съ воеводою. Вердеревскій же всякому козаку налогу чинитъ, не выслушавъ рѣчей; козаки многіе ропщутъ, говорятъ, что все это дѣлается по моей милости». Полтавскіе козаки жаловались на своего воеводу, Якова Тимоѳеевича Хитрово: «велитъ Москалямъ коней осталыхъ брать въ подводы по домамъ; самъ стоитъ въ домѣ у вдовы; начальныхъ своихъ людей ставитъ по домамъ знатнаго товарищества; полковника, котораго мы почитаемъ какъ отца, бранитъ скверными словами; который товарищъ придетъ къ нему — глаза тростью выбиваетъ, плюетъ или деньщикамъ велитъ выпихнуть въ шею. Почтительнѣе обходится съ наложницами майоровъ

своихъ или солдатъ, чѣмъ съ женою полковника нашего, объ нашихъ же женахъ и дѣтяхъ говорить нечего, какіе позоры терпятъ. Не велитъ у мѣщанъ подводъ брать, а только у козаковъ» [54].

Епископъ Меѳодій больше всего опасался Полтавцевъ, жившихъ съ Запорожцами какъ мужъ съ женою; но бунтъ вспыхнулъ не въ Полтавѣ, а въ Переяславлѣ. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда полковникъ Переяславскій Ермоленко стоялъ съ полкомъ своимъ въ Багушковѣ слободкѣ, козаки его возмутились, убили полковника, и отправились подъ Переяславль, здѣсь побили Московскихъ ратныхъ людей и выжгли большой городъ; въ то же время въ Москву дали знать о шатости козаковъ въ Каневѣ. Шереметевъ и Брюховецкій немедлено приняли рѣшительныя мѣры, съ двухъ сторонъ, изъ Кіева и Гадяча, двинулись войска къ Переяславлю и здѣсь бунтъ былъ задавленъ; но нѣкоторые городки на восточной сторонѣ Днѣпра поддались Полякамъ. Въ Москвѣ распорядились такъ, чтобъ перехватанные заводчики Переяславскаго бунта были казнены въ одинъ день въ Гадячѣ у Брюховецкаго и въ Кіевѣ у Шереметева. Съ извѣстіемъ объ этомъ распоряженіи въ Августѣ отправился въ Малороссію Іона Леонтьевъ, который долженъ былъ также сказатъ гетману, что для предупрежденія козацкихъ бунтовъ не лучше ли козакамъ въ Переяславлѣ не жить, жить имъ за городомъ въ слободахъ, въ большомъ городѣ жить мѣщанамъ и въ меньшомъ государевымъ людямъ. «Конечно это будетъ лучше и крѣпче» отвѣчалъ Брюховецкій: «но теперь сейчасъ же этого сдѣлать нельзя, чтобъ другіе города, на то глядя, не взбудоражились». Потомъ Леонтьевъ спрашивалъ у гетмана: «чѣмъ успокоить шатость въ тѣхъ городахъ, которые приняли къ себѣ Поляковъ?» — «На это одно средство» отвѣчалъ Брюховецкій: «когда эти города будутъ взяты государевыми ратными людьми, то надобно всѣ ихъ высѣчь и выжечь и всячески разорить, также и села около нихъ, чтобъ впередъ въ этихъ городахъ и селахъ жителей не было». Иванъ Мартыновичъ былъ большой охотникъ

сѣчь и жечь; козаки про него говорили: «Что это за гетманъ? запершись сидитъ въ городѣ какъ въ лукошкѣ; шелъ бы лучше съ войскомъ и промышлялъ надъ государевыми непріятелями, а то только и знаетъ, что вѣдьмъ жжетъ». Изъ Гадяча Леонтьевъ отправился въ Кіевъ, и здѣсь бояринъ Шереметевъ говорилъ ему: «Теперь во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ козаки на мѣщанъ злятся за то, что мѣщане по окладамъ всякія подати въ государеву казну хотятъ давать съ радостію, а козацкихъ старшинъ и козаковъ ни въ чемъ не слушаютъ и податей давать имъ не хотятъ, говорятъ имъ: «Теперь насъ Богъ отъ васъ освободилъ, впередъ вы не будете грабить и домовъ нашихъ разорять». Объ отношеніяхъ епископа Меѳодія къ гетманъ Шереметеву говорилъ прежнее: «У епископа съ гетманомъ совѣтъ худой, не знаю, кто ихъ ссоритъ. Вѣренъ государю епископъ Черниговскій Лазарь Барановичь; какъ великому государю угодно, а мнѣ кажется, что лучше всего быть ему въ Кіевѣ на епископствѣ; Московскому же митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя; Печерскій архимандритъ говоритъ: «если услышимъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрусь въ монастырѣ и вы насъ доставайте». — Шереметевъ извѣщалъ, что мѣщане радуются новому порядку, радуются освобожденію своему отъ козаковъ; и изъ словъ Брюховецкаго можно было заключить, что положеніе мѣщанъ улучшилось, ибо козаки начали записываться въ мѣщане: «Многіе козаки» говорилъ гетманъ царскому посланцу въ Ноябрѣ: «многіе козаки пишутся въ мѣщане, а я тому и радъ, думаю, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаю всѣхъ козаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ».

Но понятно, что козаки не могли хладнокровно смотрѣть на приближеніе такого порядка вещей; особенно не могли хладнокровно смотрѣть на это въ гнѣздѣ козачества, въ Запорожьѣ. Еще 5 Февраля 1666 года Касоговъ доносилъ, что съ нимъ въ Запорожьѣ осталось войска только человѣкъ съ 500, и у тѣхъ нѣтъ запасовъ: «Запорожцы» писалъ воевода:

«царскихъ ратныхъ людей не любятъ, и говорятъ, будто по ихъ милости не стало войску добычи, хотятъ мириться съ Татарами и Дорошенкомъ; а всему заводчикъ Кирилла Кодацкій и другіе его товарищи, козаки той стороны Днѣпра. Кошевой Леско Шкура, видя это, хотѣлъ сложить съ себя атаманство; козаки упросили его остаться, но замысловъ своихъ не покинули». Шкура не долго пробылъ кошевымъ: враждебные Москвѣ козаки взяли верхъ, свергли его за то, что знался съ Московскими воеводами, Хитрово и Касоговымъ, да не далъ козакамъ громить Калмыковъ; выбрали въ кошевые Рога, который написалъ такую грамоту Брюховецкому: «Послышали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ; но ее тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честію пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска Запорожскаго, войско же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь вельможность твоя поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что̀ кому злой жребій принесъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить какъ тѣнь за солнцемъ; пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, и какъ мрачный облакъ найдетъ, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ вельможность твоя умѣй счастье почитать». — Послѣ перемѣны кошеваго Касогеву пришлось плохо въ Запорожьѣ: съ нимъ перестали совѣтоваться и сообщать ему новости; запретили добрымъ людямъ ходить къ нему, развѣ кто тайкомъ придетъ; Рогу запретили съ нимъ знаться; Павла Рябуху явно бранили за то, что не громилъ царской казны, посланной въ Крымъ; послали на Кодакъ козаковъ, чтобъ не пускать туда Московскихъ ратныхъ людей, и оставить чистую дорогу Днѣпромъ для Заднѣпровскихъ измѣнниковъ. Касоговъ, не предвидя для себя ничего хорошаго, ушелъ изъ Запорожья. Брюховецкій по-

слалъ спросить Рога, что это значитъ? тотъ отвѣчалъ: «Мы и сами надивиться нъ можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ? мы его не выгоняли; мы не измѣнники, какъ онъ насъ описываетъ; не знаемъ, не для того ли пошелъ, что у насъ куколъ ночныхъ нѣтъ, съ которыми, думаю, на Руси уже натѣшился; войско Запорожское государевыхъ людей колоть не думывало, какъ онъ писалъ; а если когда и случилось, что козакъ, напившись, промолвилъ что-нибудь дурное, то быку не загородить рта, а человѣкъ пьяный подобенъ воску: что захочетъ, то и слѣпитъ». Брюховецкій писалъ царю: «Хотя всѣ Запорожскіе козаки въ своихъ грамотахъ дружелюбно пишутъ ко мнѣ, однако я боюсь, чтобъ между ними не было какого-нибудь смятенія, потому что въ Запорогахъ живутъ козаки большею частію съ западной стороны, которые перемогаютъ желательныхъ вашему государскому престолу. И теперь Запорожцы дурно сдѣлали, что не отославши ко мнѣ Дорошенковыхъ посланниковъ съ грамотами, отпустили ихъ назадъ въ Чигиринъ съ честію и съ ними отправили своихъ козаковъ къ нечестивому Дорошенку не знаю съ чѣмъ. Да сказывали мнѣ мои посланники, пришедшіе изъ Запорогъ, что тамошніе козаки называютъ королей дѣдичными своими государями и ненавидятъ тѣхъ, которые служатъ вѣрно вашему царскому величеству, особенно ненавидятъ дворянъ вашего царскаго величества, полковниковъ войска Запорожскаго, да и меня самого, за то, что въ Малороссійскіе города посланы воеводы и стали вѣдать всякія угодья. Теперь Запорожцы выслали человѣкъ больше двухъ сотъ въ Полтавщину, чтобъ схватить меня; стоятъ они въ Полтавскомъ полку, въ городѣ Беликахъ. Которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашего царскаго величества воеводамъ, или который козакъ къ войску не выходилъ, къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, послалъ я вашего царскаго величества ратныхъ людей на становище и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ понаскучили хорошенько» [55].

Въ такомъ положеніи находились дѣла по сю сторону Днѣпра, когда пришла вѣсть о заключеніи перемирія съ Польшею. Мы видѣли, какъ истощенное государство Московское жаждало этого перемирія, и понятно, что вторженіе короля Яна Казимира въ Малороссію въ 1663 году не могло уменьшить этой жажды. Въ Генварѣ 1664 года отправился къ королю изъ Москвы посланникъ, стряпчій Кирилла Пущинъ, и повезъ царскую грамоту съ предложеніемъ новаго съѣзда уполномоченныхъ. Въ Февралѣ Пущинъ нашелъ Яна Казимира подъ Сѣвскомъ въ селѣ Ушинѣ. Литовскій канцлеръ Христофоръ Пацъ объявилъ посланнику, что съ королевской стороны коммиссары готовы и что съѣзду быть въ Бѣлевѣ или въ Калугѣ. Тутъ же пріѣхалъ къ канцлеру Крымскій посолъ и объявилъ, что самъ ханъ пришелъ подъ Азовъ съ 50,000 Крымцевъ и 40,000 Янычаръ; Татаринъ предлагалъ Пацу истребить и Донскихъ козаковъ и Запорожскихъ Черкасъ, и требовалъ, чтобъ ханскіе послы присутствовали на съѣздахъ королевскихъ коммиссаровъ съ царскими уполномоченными. Канцлеръ отвѣчалъ, что когда король заключитъ миръ съ царемъ, то можетъ помирить послѣдняго и съ ханомъ. Проводя Крымскаго посла, Пацъ сказалъ Пущину: «Когда великіе государи наши христіанскіе склонятся къ покою, то всѣ мечи наши оборотимъ на этихъ бусурманъ. Въ то же время пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Самуилъ Венславскій и договорился съ Ординымъ-Нащокинымъ и думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ царскіе уполномоченные, бояре — князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій, думные дворяне — Григорій Борисовичъ Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ съѣхались съ королевскими коммиссарами — коронымъ канцлеромъ Пражмовскимъ и гетманомъ Потоцкимъ съ товарищами тою же весною. Передъ отъѣздомъ Ординъ-Нащокинъ подалъ государю записку, въ которой настаивалъ на необходимость тѣснаго

союза съ Польшею и обращалъ вниманіе царя на враждебныя дѣйствія Швеціи, которой надобно было, по его мнѣнію, больше всего беречься. «Если заключить простой миръ съ Польшею» писалъ Нащокинъ: «то надобно возвратить всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ плѣнныхъ, которыхъ такое множество въ службѣ во всѣхъ краяхъ Великой Россіи и въ Сибири, поженились здѣсь, женщины замужъ вышли; при союзѣ они могутъ остаться, и намъ очень надобны, потому что свои служивые люди отъ продолжительной войны стали къ службѣ нерадѣтельны, скучаютъ ею, а въ украйныхъ мѣстахъ безъ служиваго добраго строя отъ хана Крымскаго и отъ Калмыковъ быть нельзя. Союзъ съ Польшею необходимъ потому, что только при его условіи мы можемъ покровительствовать православію въ Польскихъ областяхъ. Единовѣрные Молдаване и Волохи, отдѣляемые теперь отъ насъ враждебною Польшею, послышавъ союзъ нашъ съ нею, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ Турка. Такимъ образомъ соединится такой многочисленный христіанскій народъ, одной матери, восточной церкви дѣти: отъ самаго Дуная всѣ Волохи, и черезъ Днѣстръ Подолье, Червонная Русь, Волынь и Малая Россія, уже пріобщенная къ Великой. А по близости вѣдомый нашъ непріятель Шведъ; какъ прежде, такъ и теперь по съѣздамъ посольскимъ извѣстно, какія разрушительныя Шведскія неправды! и всѣ ихъ начинанія отъ того, что съ Польскимъ государствомъ продлилась война и внутреннія ссоры повстали въ Великой Россіи; явный же виновникъ ссоръ Шведскій коммиссаръ: онъ для того и живетъ на Москвѣ и дѣлаетъ что хочетъ. Шведы всячески тайными ссылками совѣтуются съ ханомъ на разореніе Великой Россіи. Они составляютъ злыя вѣсти, въ Стокгольмѣ печатаютъ и во весь свѣтъ разсылаютъ, унижая Московское государство. При мнѣ Грекъ Кирьякъ привезъ эти вѣсти изъ Москвы (надобно думать, что получилъ ихъ отъ Шведскаго коммиссара), и вотъ Польскіе сенаторы начали быть горды и не сходительны въ мирныхъ статьяхъ, стали колоть намъ глаза

этимъ Шведскимъ сочиненіемъ, будто правда, что въ Великой Россіи страшное безсиліе и разореніе; по Шведскимъ же разсыльнымъ вѣстямъ король и въ Украйну пошелъ, услыхавъ, что всѣ Московскія войска высланы противъ Башкирцевъ.» Въ заключеніи Нащокинъ говоритъ: «А Черкасъ Малороссійскихъ какъ отступиться безъ заключенія тѣснаго союза съ Польшею: они, не взирая на Польшу и Литву, по совѣту съ ханомъ и Шведомъ, начнутъ злую войну на Великую Россію». — Эта мысль о возможности отступиться отъ Черкасъ, неопредѣленно высказанная, сильно не понравилась государю; онъ отвѣчалъ Нащокину: «Статьи прочтены и зѣло благополучны, и угодны Богу на небесахъ, и отъ созданія руку Его и намъ грѣшнымъ, кромѣ 53-й (послѣдней); эту статью отложили и велѣли вынуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума: единаго твердаго разума, и втораго половина колеблющагося вѣтромъ. Союзъ превеликое богоугодное дѣло и всего свѣта любовь и радость, только о томъ съ твердымъ разсужденіемъ и съ великимъ подкрѣпленіемъ наказавъ, великихъ и полномочныхъ пословъ отпустимъ по времени. А о Черкасскомъ дѣлѣ о здѣшней сторонѣ мысль свою царскую прилагать непристойно, потому что за помощію Всемогущаго Бога и твоимъ усердствомъ и вѣрною службою во Львовѣ о здѣшней Черкасской сторонѣ ты отговорилъ, впредь эта статья упомянута не будетъ, у насъ, великаго государя, твой извѣтъ про ту статью крѣпко памятенъ и за то тебя милостиво похваляемъ. Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (т. е. Полякамъ недостойно владѣть и западною стороною Днѣпра): только то не отъ насъ будетъ, за грѣхи учинится. Если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть — охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? и какое оправданіе пріиметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ: будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки, отъ сихъ же мукъ да избавитъ насъ Господь Богъ милостію своею и не выдастъ своего хлѣ-

ба собакам. Человѣче! иди съ миромъ царскимъ путемъ среднимъ, и какъ началъ, такъ и совершай, не уклоняйся ни на десную, ни на шуюю; Господь съ тобою!»

Въ Маѣ царскіе уполномоченные отправились въ Смоленскъ съ такимъ наказомъ: «Чтобъ благонадежный и святый миръ учинить и кровь христіанскую успокоить вѣчно на обѣ стороны, а рубежъ бы учинить по Днѣпръ. Если Польскіе коммиссары рубежа постановить такъ не захотятъ, то вамъ бы по конечной мѣрѣ говорить о стародавныхъ городахъ, о Смоленскѣ съ 14 городами. О Черкасахъ обѣихъ сторонъ говорить и стоять всякими мѣрами накрѣпко, что они люди вольные, и какая будетъ прибыль обоимъ государствамъ, если ихъ напрасно въ Крымъ отогнать, и разоренье и войну всегдашнюю отъ нихъ принимать. Если Польскіе коммиссары станутъ этому противиться упорно, то вамъ бы говорить о той сторонѣ Днѣпра, чтобъ тамъ церквей въ костелы не обращать и уніатамъ не отдавать, города и Черкасъ не неволить ничѣмъ, дать волю; о здѣшней же стороны Днѣпра Черкасскихъ городахъ и о Запорожьѣ говорить всякими мѣрами и отказать впрямь и засвидѣтельствоваться Богомъ, что мы, великій государь, крови не желаемъ и впредь желать не будемъ. О плѣнныхъ дѣлать съ превеликимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ крѣпко и впредь постоянно и прочно было, и чтобъ въ томъ между обоими государствами, особенно же въ своемъ государствѣ ссоръ, кровопролитія и убійствъ не учинить. О титулахъ говорить по окончаніи дѣла, стоять крѣпко о Бѣлороссійскихъ и Малороссійскихъ, чтобъ тѣми титулами писаться намъ, великому государю, потому что города Малой и Бѣлой Россіи къ Московскому государству изстари, а теперь подъ нашею высокою рукою многіе, а королевскому величеству этими титулами впередъ писаться же. Стоять объ этомъ накрѣпко и въ примѣръ предлагать какъ Польскій король пишется до сихъ поръ Шведскимъ. Если Польскіе коммиссары станутъ упорно противиться, то говорить съ ними о титулахъ подумавъ, примѣриваясь къ ихъ Польскимъ и Литовскимъ хроникамъ, какіе

прежде у Московскаго государства были города изъ Малой, Бѣлой, Черной и Желтой Россіи, къ тѣмъ бы городамъ тѣ и титулы прилагать, въ этомъ бы намъ, великому государю, вы послужили и порадѣли, какъ васъ Богъ святый вразумитъ и наставитъ». Но скоро государь узналъ, что службѣ и радѣнію уполномоченныхъ мѣшаетъ несогласіе между ними; Ординъ-Нащокинъ, на ловкость котораго царь больше всего надѣялся, писалъ ему: «За многое предъ Богомъ окаянство я въ службишкѣ своей неисправенъ, въ твоемъ дѣлѣ побѣжденъ многими душевными скорбями, ни въ чемъ не успѣваю; я отъ твоихъ ближнихъ бояръ, князя Никиты Ивановича и Юрія Алексѣевича до сихъ поръ никакого обнадеживанія въ тайныхъ дѣлахъ не слыхалъ, они службишкѣ нашей мало довѣряютъ и въ дѣло ставятъ; у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ: меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ. А время, государь, скоро перемѣняется, дѣлать бы теперь, не откладывая на иное время, а твоихъ ратей промыслъ и какъ устали отъ службы тебѣ, великому государю, извѣстно, миру быть теперь самое время безъ проволоки». Государь прислалъ новый наказъ: «Милость Божія да умножится съ вами, великими послами, и молитва Пресвятыя Богородицы да поможетъ вамъ во всякомъ усердіи вашемъ. И вамъ бы великимъ и полномочнымъ посламъ, а на имя стародавныхъ честныхъ родовъ, и пріятелямъ нашимъ вѣрнымъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу, боярину князю Юрію Алексѣевичу (было написано еще: думному дворяну Аѳанасью Лаврентьевичу, но зачеркнуто) о томъ же Бозѣ нашемъ здравствовати и радоваться! Да послужить бы вамъ святой восточной церкви и намъ, государю, и приложить бы вамъ къ усердію наипаче усердіе и къ промыслу промыслъ, и стоять бы за Полоцкъ крѣпко, образа ради Пресвятыя Богородицы Владимірскія и чудесъ, содѣявшихся отъ него въ видѣніи орли во время пришествія того образа во градъ Полоцкъ; удержать бы этотъ городъ, хотя бы и денегъ дать не мало: слезъ достойное будетъ дѣло,

если въ святой велелѣпной великой церкви Полоцкой Поручницыно имя уже болѣе не возгласится православно, призовется по Римски или иной вѣрою неправо, и жертва не принесется правильно, но учинится церковь костеломъ или уніатскою! Также и за Динабургъ давать деньги, а за Витепскъ и упорно говорить не надобно. Если невозможно удержать Полоцка и Динабурга, буди воля Божія и Пресвятыя Богородицы, сдѣлается это по волѣ Божіей, а не отъ васъ, только бы наше намѣреніе и повелѣніе къ вамъ, а ваше предложеніе и усердіе крѣпкое было. А думному нашему дворянину, а вашему товарищу Аѳанасью Лаврентьевичу это письмо вѣдать же».

1 Іюня, въ Дуровичахъ, между Краснымъ и Звѣровичами, начались съѣзды. Три первыхъ съѣзда прошли, по обычаю, во взаимныхъ упрекахъ и спорахъ за титулы: Московскіе уполномоченные жаловались, что король, отпустивъ Ордина-Нащокина изо Львова съ обѣщаніемъ приказать коммиссарамъ своимъ двинуться къ границѣ для мирныхъ переговоровъ, вмѣсто того двинулся самъ съ войскомъ въ Украинскіе города. Коммиссары отвѣчали: «Когда былъ во Львовѣ Ординъ-Нащокинъ и домогался перемирія, то король на это не согласился, говоря, кто желаетъ перемирія, тотъ не желаетъ вѣчнаго мира; король желаетъ мира, но не обѣщалъ прекратить войны, и пошелъ на подданныхъ своихъ Запорожскихъ Черкасъ для того, чтобъ свои города мечемъ отыскать и старыхъ подданныхъ возвратить подъ свою оборону». Между тѣмъ Хованскій снова проигралъ сраженіе подъ Витебскомъ, потерялъ обозъ; Одоевскій писалъ государю: «Польскіе коммиссары передъ прежнимъ горды, стоятъ упорно, проволакиваютъ время нарочно, а гетманъ Пацъ сбирается съ войскомъ безопасно, поджидаетъ къ себѣ коронныхъ полковъ, изъ Украйны вѣстей и отъ Крымскихъ людей помощи; и какъ теперь надъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ и надъ твоими государевыми ратными людьми учинили промыслъ, обозъ взяли и Витепскъ осадили, то и пуще возгордились». Ординъ-

Нащокинъ писалъ отъ себя то же, прибавляя, что коммиссаровъ можно склонить къ миру только обѣщаніемъ союза, но когда онъ совѣтуетъ Одоевскому и Долгорукому предложить коммиссарамъ союзъ, то ближніе бояре и слышать объ этомъ не хотятъ, потому что, говорятъ, въ дѣло этого не поставлено; посредниковъ нѣтъ, а безъ этихъ двухъ статей, безъ предложенія союза и безъ чужаго посредства, успѣха въ переговорахъ не будетъ. «Если я» продолжаетъ Нащокинъ: «доносилъ тебѣ, великому государю, что-нибудь неправдою, если все то, что я тебѣ говорилъ и писалъ по Шведскому и Польскому посольству, не сбылось, то я достоинъ смерти, и не только былъ бы я радъ, еслибъ меня откинули отъ этого посольства, какъ откинули отъ Шведскаго, но даже тѣсная темница или казнь были бы мнѣ радостнѣе нынѣшняго посольства». Князь Юрій Алексѣевичъ Доргорукій писалъ государю свою мысль: «Поляки подлинно знаютъ, что у боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго въ полкахъ ратные люди оскудѣваютъ запасами, стоя на одномъ мѣстѣ, утѣхи себѣ и прибыли никакой не имѣютъ; всегда рать тѣшится, вступая въ чужую землю и видя себѣ прибыль и сытость, а на одномъ мѣстѣ стоя на своихъ хлѣбахъ, всегда попеченіемъ одолѣвается. Лучше, не испуская лѣта, князю Якову Куденетовичу Черкасскому перейти Днѣпръ между Могилевымъ и Быховымъ подъ Варколановымъ монастыремъ и тутъ дать битву, Литовское войско пожать, а коммиссаровъ понизить, а биться ему съ Литовскимъ и Жмудскимъ войскомъ можно, пока Чарнецкій съ короннымъ войскомъ на помощь къ Литвѣ не подоспѣетъ». Ординъ-Нащокинъ утверждалъ то же самое, что для склоненія коммиссаровъ къ уступчивости необходимъ военный успѣхъ съ Русской стороны, но онъ разнился съ Долгорукимъ относительно мѣста, куда должно было двинуться царское войско: «Если государевы ратные люди» говорилъ Нащокинъ: «будутъ стоять безъ промыслу до осени, то они Смоленскіе хлѣбные запасы объѣдятъ, Смоленскихъ ратныхъ людей оголодятъ, и осенью разбѣгутся; если

же имъ хлѣбныхъ запасовъ давать понемногу, то они и до Августа станутъ бѣгать. Если отъ государевыхъ ратныхъ людей будетъ промыслъ по Двинѣ рѣкѣ, то Литва испугается, а запасы нашему войску можно вести рѣками Касплею и Двиною; надъ Могилевомъ же промыслъ Литвѣ не такъ страшенъ, потому что жены, дѣти и домы ихъ около Двины, а Татаръ они въ Литву привести для своего разоренья не захотятъ; если же и приведутъ Татаръ, то Татары въ Литвѣ зимовать не станутъ и за нашимъ войскомъ къ Двинѣ не пойдутъ, а учинятъ Литвѣ такое разоренье, какова она отъ нашего войска и въ десять лѣтъ не видала; видя такое разоренье отъ Татаръ, Литва рада будетъ миру». Ординъ-Нащокинъ совѣтовалъ также дѣйствовать другими средствами, онъ говорилъ: «Для одержанія союзомъ Смоленской и Сѣверской земли надобно послать къ шляхтѣ, у которой въ тѣхъ уѣздахъ были маетности, обнадеживать ее возвращеніемъ этихъ маетностей, обѣщать, что судъ и расправа останутся у ней прежніе; войску Польскому надобно посулить денежной казны, а сенаторамъ уже и объявлено; надобно дать государева жалованья Литовскому референдарю Брестовскому, онъ можетъ все сдѣлать, потому что Литовцы его любятъ и во всемъ вѣрятъ». На всѣ эти мнѣнія и донесенія царь отвѣчалъ отъ 18 Іюня, что князю Якову Куденетовичу Черкасскому велѣно двинуться къ Оршѣ. Къ этому воеводѣ, которымъ были недовольны за дѣйствія его противъ короля, царь послалъ спросить о здоровьѣ и сказать ему такія милостивыя рѣчи: 1) Сынъ его князь Михайла и дочь его княжна Авдотья далъ Богъ здоровы и къ нимъ наша государская милость непремѣнна: отъ насъ великаго государя къ сыну его, отъ царицы къ дочери его подачи ежедневныя и пироги имянинные посылаютъ. 2) Чтобъ онъ бояринъ и воевода, взявъ себѣ на помощь крѣпко великаго Бога и Его святый образъ, безо всякаго сумнѣнія дерзалъ и промышлялъ о имени Его святомъ, не опасаясь ничего. Вѣрилъ бы и уповалъ крѣпко на Бога, и какъ Богъ попуститъ, то будетъ людямъ на хвалу,

а если за невѣріе милость отниметъ, тогда всѣ пуще ворчать станутъ; истинно за Болховскую стойку крѣпко негодуютъ; рѣчамъ глупыхъ людей не радоваться бы, что король отъ него побѣжалъ, и онъ хотя и не нашелъ, за то и не потерялъ. Можно было ему, за Божіею помощію, съ Польскимъ королемъ миръ учинить, если бы онъ на его королевскихъ людей наступалъ всѣми людьми строемъ и обозомъ, и надъ ними промышлялъ; всегда за такимъ промысломъ войнѣ конецъ бываетъ. 3) Радовался бы упованію крѣпкому на Бога, да утѣшался бы тѣмъ, что на недруга наступалъ всякимъ способомъ, бился строемъ, огнемъ и дымомъ и промыслъ чинилъ съ обозами: бо́льшая то слава и честь, нежели людьми, пѣхотою. 4) Чтобъ онъ бояринъ и воевода съ нашими ратными людьми, пушками и обозами подвинулся ближе къ великимъ и полномочнымъ посламъ и сталъ отъ нихъ въ 30 верстахъ для страху Польскимъ коммиссарамъ. Во время съѣздовъ къ великимъ посламъ посылать станицы часто и спрашивать вслухъ, Польскіе коммиссары приступаютъ ли къ миру и правдою ли входятъ въ дѣло или разъѣдутся? Если и не разъѣдутся, а въ дѣло входятъ неправдою, то ему надъ Польскими и Литовскими людьми чинить промыслъ не испустя нынѣшняго лѣтняго времени; а посылалъ бы къ великимъ посламъ людей умныхъ и суровыхъ и ростомъ дородныхъ. 5) Чтобъ онъ бояринъ и воевода надъ польнымъ гетманомъ Пацомъ и надъ Литовскими войсками промышлялъ, ссылаясь съ великими послами, бралъ бы у нихъ совѣтъ и вѣсть почаще какъ Литовскихъ людей приводить къ миру, потому что они на то дѣло смотрятъ какъ его дѣлать. 6) Чтобъ у Полоцка непріятельскимъ людямъ никакъ новаго хлѣба и травъ покосить не далъ, чтобъ къ тому новому хлѣбу на тотъ годъ таборы свои ставить и запасы готовить. 7) Чтобъ онъ походомъ и промысломъ своимъ и посылками на войну себя и нашихъ ратныхъ людей охрабрилъ и нашимъ великаго государя походомъ, если Польскіе коммиссары не помирятся, обнадеживалъ, для того, чтобъ дѣло къ концу привесть. 8) Ратныхъ конныхъ людей

обнадеживать нашимъ государевымъ жалованьемъ, деньгами и хлѣбомъ впередъ. 9) Спросить, для чего полчане его на Москвѣ оставлены? 10) О князѣ Хованскомъ сказать, что къ нему будетъ посланъ товарищъ для подкрѣпленія. 11) Пересляться съ княземъ Хованскимъ, чтобъ Литовскому и Жмудскому войску собраться не дать. 12) Непремѣнно бы онъ бояринъ и воевода на то дѣло смотрѣлъ всячески и надъ непріятельскими людьми чинилъ всякій промыслъ и поискъ, чтобъ непріятельскимъ людямъ собраться не дать и не такъ бы сдѣлать, какъ было нынѣшнею зимою, когда Господь Богъ всякій промыслъ подавалъ, можно было надѣяться всякаго добраго дѣла, а онъ, бояринъ и воевода, какъ Польскій король изъ Сѣвскихъ мѣстъ побѣжалъ къ Могилеву, за нимъ не поспѣшилъ и отъ Почепа отступилъ. 13) Чтобъ крѣпко уповалъ на Бога, на святый образъ и на молитву Пресвятыя Богородицы, дерзалъ бы о имени Божіемъ разумно и ходилъ и посылалъ стройно военнымъ крѣпкимъ обычаемъ. — Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому государь послалъ сказать тайно: «Князю Якову Куденетовичу Черкасскому послано выговорить за прежнее его стоянье безъ промысла; если онъ впередъ будетъ дѣлать такъ же, то великій государь изволитъ идти въ Вязьму, а на мѣсто князя Черкасскаго воеводою быть укажетъ ему, князю Юрію Алексѣевичу, а теперь бы его безъ причины не перемѣнять. Думному дворянину Аѳанасью Лаврентьевичу про эту статью сказать же».

Черкасскій долженъ былъ двинуться съ войскомъ, чтобъ подвинуть посольское дѣло въ Дуровичахъ. Здѣсь уже шесть съѣздовъ прошло въ вычетахъ и перекорахъ, кто виноватъ въ нарушеніи вѣчнаго мира—Москва или Польша? На седьмомъ съѣздѣ, 30 Іюня, Московскіе уполномоченные сказали: «Всѣ эти вычеты обѣимъ сторонамъ извѣстны, пора уже ихъ оставить и говорить о томъ, какъ всѣ ссоры успокоить и вѣчный миръ заключить». Польскіе коммиссары отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на Поляновскихъ условіяхъ. Московскіе уполномоченные возразили, что Поля-

новскія статьи вещь невозможная. «Ну такъ дайте намъ письмо за руками, что Поляновскій договоръ уничтоженъ, и тогда мы будемъ становить новыя условія», сказали коммиссары. Но царскіе послы отказались дать письмо, предполагая хитрость: въ Поляновскомъ договорѣ утвержденъ былъ за государемъ Московскимъ царскій титулъ; если уничтожить договоръ, то Поляки откажутся писать этотъ титулъ. Пошли споры объ уступкѣ земель; Поляки требовали возвращенія всего завоеваннаго и 10,000,000 золотыхъ Польскихъ за убытки и разореніе: «Не уступимъ» кричали они: «ни пяди земли, пока сабля у насъ при боку; вы побрали наши города во время нашего безсилія, когда у насъ много непріятелей было; но хотя Господь Богъ за грѣхи насъ и казнилъ, однако ото всѣхъ непріятелей освободилъ, остались у насъ непріятели вы одни; мы и съ вами хотимъ мира, только отдайте намъ все, а не отдадите, и мы будемъ отыскивать своею саблею. Вы намъ попрекаете за Крымскій союзъ: намъ бы и самимъ не хотѣлось соединяться съ ханомъ, но видя вашу несклонность къ вѣчному миру, по неволѣ съ нимъ соединимся, соединимся и съ Шведскимъ королемъ и съ иными государями, Шведскій посолъ теперь у короля въ Варшавѣ, дожидается заключенія союзнаго договора; да при нашемъ посланникѣ Астраханскіе Татары и Калмыки присылали къ Крымскому хану съ просьбою принять ихъ въ подданство; сами разсудите: когда мы со всѣми этими государями соединимся, то вамъ придется плохо». Царскіе уполномоченные уступили имъ все, что только могли по наказу, уступили и Полоцкъ, и Динабургъ; но Польскіе коммиссары не хотѣли ни о чемъ слышать, кромѣ возвращенія всего завоеваннаго. Тогда царскіе уполномоченные показали твердость, объявили коммиссарамъ, что если они не хотятъ соглашаться ни на какія уступки, то съѣзжаться больше незачѣмъ, ибо они стоятъ въ царскихъ земляхъ, въ Смоленской волости, и своимъ станомъ мѣшаютъ движенію царскихъ войскъ, (по договору, мѣсто съѣзда и окрестности на извѣстное разстояніе были свободны отъ военныхъ

дѣйствій). Польскіе коммиссары присмирѣли, отказались отъ требованія десяти милліоновъ за убытки: «Больше уступать намъ нечего» говорили они: «пусть опять начнется кровопролитіе, у насъ въ государствѣ разорять нечего, потому что оно уже все разорено, а вы смотрите, не доводите насъ до необходимости соединяться съ другими государями». Видя невозможность продолжать переговоры, положили разъѣхаться на три недѣли, съ 10 Іюля по 1 Августа, царскимъ уполномоченнымъ отправиться въ Смоленскъ, а Польскимъ коммиссарамъ въ Толочино.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, великіе послы отправили въ Москву товарища своего Аѳанасья Лаврентьвича Ордина-Нащокина, чтобъ тотъ подробно разказалъ государю, какъ у нихъ дѣло дѣлалось. Слѣдствіемъ этой поѣздки была царская грамота Долгорукому: «Будучи ты на посольскихъ съѣздахъ, служа намъ, великому государю, радѣлъ отъ чистаго сердца, о нашемъ дѣлѣ говорилъ и стоялъ упорно свыше всѣхъ товарищей своихъ. Эта твоя служба и радѣнье вѣдомы намъ отъ присыльщиковъ вашихъ, также и товарищъ твой Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ про твою службу и радѣнье намъ извѣщалъ. Мы за это тебя жалуемъ, милостиво похваляемъ, а теперь указали тебѣ быть полковымъ воеводою, и ты бы надъ Польскими и Литовскими людьми промыслъ и поискъ чинилъ бы, въ которыхъ мѣстахъ пристойно, смотря по тамошнему». Черкасскій былъ отозванъ въ Москву, подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть дворовымъ воеводою во время предпамѣреваемаго царскаго похода въ Литву. Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Смоленскъ съ наказомъ—Польскихъ коммиссаровъ подкупать всячески, чтобъ они къ миру были склонны. 30 Іюля онъ получилъ грамоту: «Ты бы намъ отписалъ съ нарочнымъ гонцомъ наскоро, чаять ли отъ коммиссаровъ сходства къ миру и нашему походу изъ Москвы въ Вязьму быть пристойно ли? Да вѣдомо намъ, великому государю, что генералъ-поручикъ Вильямъ Дромантъ нашу государскую премногую къ себѣ милость и жалованье поставилъ ни во что, и

нашимъ жалованьемъ обогатясь, намъ служить не хочетъ, а хочетъ ѣхать за море: и ты бъ ему поговорилъ отъ себя тайно, чтобъ онъ свою мысль отложилъ и за море не ѣздилъ». Въ отвѣтъ Ординъ-Нащокинъ писалъ, что Долгорукій задерживаетъ войско подъ Шкловомъ, въ которомъ сильный гарнизонъ, и боится выйти изъ Смоленскихъ мѣстъ въ Литовскія; но что онъ, Нащокинъ, держится прежняго своего мнѣнія: осаду городовъ надобно оставить; и прежде эти осады губили войско и давали время непріятелю собираться съ силами; онъ приходилъ и города свои отбиралъ назадъ. Теперь, не задерживая войска подъ Шкловомъ и Могилевомъ, стать къ хлѣбнымъ мѣстамъ Смоленскаго уѣзда и оттуда пустить войну къ Двинѣ, гдѣ у Литовскихъ войскъ домы.

Съ 8 Августа возобновились съѣзды: Польскіе коммиссары объявили, что вѣчный миръ возможенъ только при возвращеніи Польшѣ всего завоеваннаго, и предложили перемиріе до Мая мѣсяца слѣдующаго 1665 года за уступкою царю Смоленска и Сѣверскихъ городовъ. Царскіе уполномоченные соглашались на это осьмимѣсячное перемиріе, но съ удержаніемъ всего завоеваннаго, уступали наконецъ Витебскъ съ уѣздомъ; за уступку на вѣки Смоленска, Сѣверскихъ городовъ, Динабурга, Малороссіи на востокъ отъ Днѣпра и Запорожья предлагали три милліона; да самимъ коммиссарамъ давали соболей на три тысячи рублей; коммиссары ни на что не согласились и разъѣхались въ Сентябрѣ, положивъ начать новые съѣзды не ранѣе Іюня 1665 года, послѣ сейма. Такъ окончилось посольское дѣло; князь Долгорукій извѣщалъ, что гетманъ Пацъ стоитъ въ Могилевѣ въ крѣпости и въ пушечной отстрѣлкѣ, а въ полѣ бою не даетъ, не вышелъ и противъ окольничаго князя Юрія Никитича Борятинскаго, тѣ же непріятельскіе люди, которые встрѣтились съ Борятинскимъ, побиты на голову и въ плѣнъ взято шляхты и Нѣмцевъ 32 человѣка; кромѣ того по обѣимъ сторонамъ Днѣпра Литовскихъ людей во многихъ мѣстахъ побивали; надъ Шкловомъ и Копосомъ промыслить нельзя, потому что сторожа въ нихъ

оставлена сильная и начальные люди вѣрные. Государевымъ ратнымъ людямъ стоять теперь въ Дубровнѣ хорошо, гораздо сытнѣе, чѣмъ подъ Копосомъ и Шкловомъ, хлѣбъ находятъ по ямамъ и на поляхъ жнутъ и въ обозъ возятъ; но передъ прежними годами на поляхъ во многихъ мѣстахъ хлѣба не сѣяно, начало зарастать лѣсомъ; около Могилева и Шклова все пожжено и разорено; отъ Днѣпра до Березы, а въ правую сторону близь Двины, въ лѣвую по Толочино все разорено и сожжено, люди въ полонъ выбраны и повезены въ Русь. Ратнымъ людямъ дано сроку три дня для отпуска плѣнниковъ въ Русь, а которые безлюдные люди, тѣмъ велѣно продавать, а у себя не держать, потому что въ полкахъ появилось много женокъ и дѣвокъ, и надобно очистить души и тѣла ратныхъ людей отъ блуда.

Прошелъ 1664 годъ; приближался уже Іюнь 1665, а о новыхъ посольскихъ съѣздахъ не было слуха. Въ Маѣ мѣсяцѣ Московскій посланникъ дьякъ Григорій Богдановъ толковалъ въ Варшавѣ съ панами радными о посредничествѣ христіанскихъ государей: «У короны Польской» говорили паны: «съ Московскимъ государствомъ не первая теперь война, и въ прежнихъ войнахъ мирились безъ посредниковъ. Императорскіе послы, Аллегретъ съ товарищами, были посредниками, однако при нихъ покою вѣчнаго не учинено; а еслибъ посредниковъ тогда не было, то конечно миръ былъ бы, эти посредники тогда только мѣшали, а не мирили. И теперь только бы вашъ великій государь захотѣлъ покою, то можно бы заключить вѣчный миръ и безъ посредниковъ».—«Сколько разъ съѣзжались великіе уполномоченные послы» отвѣчалъ Богдановъ: «а ни вѣчнаго мира, ни перемирья за многими спорами не заключили: для того теперь посредники и надобны, чтобъ спорныя дѣла разсудили. И опять полномочные послы съѣдутся, и опять безъ посредниковъ ничего не сдѣлаютъ».—«Хорошо» говорилъ референдарь Брестовскій: «успокоивать обидныя дѣла посредниками, не начиная войны, не дѣлая великаго разоренья, не взявши себѣ многихъ городовъ:

а то побрали многіе города, да и говорятъ о посредникахъ. Знаемъ мы, для чего вамъ нужны посредники: для проволоки; чтобъ года три, четыре проволочить и взятые города укрѣпить за собою». — «Царское величество» говорилъ бискупъ Плоцкій: «желаетъ въ посредники цесаря и короля Датскаго; но пусть царское величество знаетъ, что цесарь королю Польскому родня, а Датскому королю во время его упадка, когда на него Шведы наступали, Польское войско большую помощь оказало, потому Датскій король нашему королю другъ и неправды никакой дѣлать не захочетъ. Если соглашаться на посредничество, то до пріѣзда посредниковъ надобно будетъ войну прекратить, и въ это время царь будетъ нашими городами владѣть и ихъ за собою крѣпить. Только принять въ посредники цесаря и короля Датскаго, такъ захотятъ у того же дѣла быть и Французскій, и Шведскій короли, и курфюрстъ Бранденбургскій, и другіе всѣ христіанскіе государи, и всякій изъ нихъ станетъ вымышлять, какъ бы себѣ лучше». Богдановъ возражалъ, что ни одинъ государь безъ приглашенія не навяжется въ посредники. Паны продолжали свое, что посредники только препятствуютъ соглашенію: «Лучше всего» говорили они: «съѣхаться уполномоченнымъ, и если они вѣчнаго мира заключить не смогутъ, то заключить перемиріе лѣтъ на 12 и вмѣстѣ договоръ о посредникахъ, которые должны быть при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ». Съ этимъ Богдановъ и былъ отпущенъ, а въ Москву въ Сентябрѣ пріѣхалъ королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ и объявилъ полномочіе говорить о перемиріи, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о томъ, гдѣ и когда быть съѣздамъ уполномоченныхъ. Что же было причиною такой склонности къ миру и такой уступчивости со стороны Польши? Мы видѣли, что оба государства были поставлены предшествовавшими событіями въ такія отношенія, что миръ между ними не былъ возноженъ; Москва, послѣ такихъ пожертвованій, не могла отказаться отъ Малороссіи и отъ всѣхъ завоеваній; Поляки же прямо говорили: для чего намъ уступать вамъ что-либо, ко-

да обстоятельства перемѣнились, когда вы истощены, безъ союзниковъ, а мы свободны отъ всѣхъ другихъ враговъ и въ союзѣ съ ханомъ? Слѣдовательно миръ между Москвою и Польшею былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда новый какой-нибудь ударъ постигалъ то или другое государство и заставлялъ его спѣшить миромъ съ тяжелыми для себя пожертвованіями. Такой ударъ именно постигъ Польшу; Поляки перестали хвастаться своимъ выгоднымъ положеніемъ, ибо внутри поднялась у нихъ смута, а извнѣ ханъ Крымскій вмѣсто союзника становился врагомъ, и готовилась страшная война Турецкая. Знаменитый Любомирскій, съ которымъ мы встрѣчались при печальныхъ для Москвы событіяхъ, преслѣдуемый противною стороною, въ челѣ которой стояли королева и канцлеръ Пражмовскій, былъ позванъ въ 1664 году передъ сеймъ, и, за неявленіемъ, приговоренъ къ потерѣ достоинствъ, имущества и жизни. Любомирскій удалился въ Силезію, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирскій, въ челѣ ея, вступилъ въ открытую борьбу съ правительствомъ.

Въ Москвѣ знали о возстаніи Любомирскаго, перемѣнили тонъ, объявили Комару, что для перемирья со стороны царскаго величества уступокъ никакихъ не будетъ, и прямо спрашивали, какъ идутъ дѣла у короля съ Любомирскимъ? Комаръ отвѣчалъ: «Любомирскій загналъ королевское величество далеко; но было время, когда на короля наступили вдругъ разные непріятели, и тогда Богъ короля освободилъ, а съ подданнымъ своимъ королевскому величеству война не страшна; когда король пойдетъ на Любомирскаго самъ, то послѣднему стоять будетъ не съ кѣмъ, какъ мышамъ противъ кота». Комаръ уступалъ на перемирье Смоленскъ съ городами Смоленскаго воеводства; думные люди отвѣчали, что это рѣчь неслушная; переговоры о перемирьи кончились и положили — быть коммиссарскимъ съѣздамъ въ Генварѣ 1666 года.

Но только 12 Февраля пріѣхалъ въ Смоленскъ великій и

полномочный посолъ, намѣстникъ Шацкій Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, пожалованный уже въ окольничіе; въ товарищахъ ему назначены были дворянинъ Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дьякъ Григорій Богдановъ; съ ними отпущены были коверъ золотный — постилать на столъ во время переговоровъ съ Польскими коммиссарами, шатеръ суконный красный, карета, шандалъ серебряный, пять шандаловъ мѣдныхъ съ щипцами, лахань съ рукомойникомъ серебряные, десять стопъ бумаги, кувшинъ чернилъ, свѣчи восковыя витыя и свѣчи сальныя. Еще до начала съѣздовъ 6 Марта государь далъ знать Ордину-Нащокину, что въ Москву пріѣхалъ полковникъ отъ Любомирскаго съ двумя просьбами: 1) чтобъ сыну Любомирскаго служить царскому величеству и держать на Украйнѣ два города, заступая Московскую землю отъ Татаръ и Поляковъ; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтобъ ему людну и сильну быть противъ короля. Государь требовалъ совѣта у Нащокина, что́ отвѣчать Любомирскому? Нащокинъ писалъ: «Сыну Любомирскаго пристойно быть въ Москву, это поможетъ миру и явно будетъ всему свѣту, что сынъ великаго человѣка и славнаго сенатора короны Польской пріѣдетъ служить въ Московское государство; дружбѣ съ цесаремъ это не повредитъ, потому что Любомирскій въ милости у цесаря; на Москвѣ въ милости царской держать его не зазорно отъ людей и неново, а Полякамъ будетъ страшно. Если же послать казну самому Любомирскому, то отъ этого Великой Россіи большой прибыли не будетъ: злая ненависть не возрасла бы? свои ратные люди зашумятъ, что въ чужую землю казну посылаютъ, а у себя и хлѣбомъ и деньгами скудно». Любомирскій предлагалъ также царю заключить союзъ съ цесаремъ, курфюрстомъ Бранденбургскимъ и Швеціею, и не допустить на Польскій престолъ принца Конде. Но кромѣ того, что это вмѣшательство въ чужія дѣла вовсе было не ко времени Московскому государству, истощенному, жаждущему мира, мысль о союзѣ съ Шведами была лично ненавистна Нащокину, и онъ отвѣчалъ царю: «Такой

промыслъ теперь не къ дѣлу, а когда было для него время, тогда не хотѣли этимъ заняться. Теперь надобно думать о томъ, какъ бы поскорѣе миръ заключить. Цесарь и курфюрстъ и теперь въ постоянной дружбѣ съ царскимъ величествомъ, а Шведъ отъ промыслу отбитъ не въ мѣру почитаніемъ и страхами посольскаго приказа; чтобъ Шведы не гнѣвались, уступлены имъ пошлины во вредъ Божіимъ людямъ Новгородскаго и Псковскаго государствъ и во вредъ казнѣ, а теперь Шведскій резидентъ въ Москвѣ требуетъ уплаты долговъ, что̀ у Шведовъ на Русскихъ людяхъ: кто бы этому не подивился и не счелъ за порабощеніе! Итакъ, наведши владѣтельство Шведское надъ Русскими людьми, какой ровной сосѣдственной дружбы ожидать? и кто дерзнетъ, будучи въ тѣхъ краяхъ воеводою, людей оберегать и сборъ казны множить?»

Съѣзды у Нащокина съ Польскими коммиссарами, Юріемъ Глѣбовичемъ, старостою Жмудскимъ, съ товарищами, начались только 30 Апрѣля въ деревнѣ Андрусовѣ, надъ рѣкою Городнею, между Смоленскимъ и Мстиславскимъ уѣздами. 26 Мая Нащокинъ доносилъ государю, что коммиссары намѣрены уступить Смоленскъ со всею Сѣверскою землею, также Динабургъ, довольствуясь отдачею Полоцка и Витебска, да денежнымъ вознагражденіемъ, обѣщаннымъ еще въ Дуровичахъ; но Польскіе коммиссары никакъ не хотятъ уступить Украйны; два Польскихъ коммиссара, страшно побранясь, едва не уѣхали отъ Литовскихъ, все за Украйну. «Коронные коммиссары» писалъ Нащокинъ: «затѣмъ и перемирье заключатъ, чтобъ всякими мѣрами впередъ стараться о возобновленіи войны, а тогда и Литва отъ нихъ не отстанетъ: такъ теперь надобно подлиннымъ союзнымъ миромъ ихъ захватить». Нащокинъ оканчиваетъ свое письмо любопытными указаніями о собственныхъ отношеніяхъ: «Узналъ я, что сынишка мой Войка (возвратившійся въ отечество) изо Пскова поѣхалъ въ Москву, и тебѣ, великому государю, бью челомъ, надѣясь на твою государскую по Богѣ безчисленную ко всѣмъ виноватымъ милость, особенно же ко мнѣ, безза-

ступному холопу твоему. Если бы вина его Войкина была отпущена и дошло бы до того, чтобъ его послать ко мнѣ: то твоему государеву дѣлу будетъ помѣшка. Тебѣ, великому государю, извѣстно: въ нынѣшнее воинское время многія неудержательныя рѣчи въ людяхъ происходятъ передъ прежнимъ безстрашно, а передъ всѣми людьми, за твое государево дѣло, никто такъ не возненавиженъ, какъ я; которымъ и службишка моя приказана, и тѣ злыми разговорами возненавижены отъ думныхъ людей. Крѣпче иныхъ ближній окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, и тотъ въ моей службишкѣ отъ злыхъ разговоровъ много пострадалъ, и потому побоялся переписываться со мною по дѣламъ настоящаго посольства, что причиняетъ большой вредъ въ твоемъ и всего міра дѣлѣ, въ докладахъ. Воззри, государь, на Божіе и на свое государское всѐнародное дѣло, чтобъ оно мною и сынишкомъ моимъ отъ ненавистей людскихъ разрушено не было, а я вины сынишка своего не укрываю, и въ обращеніи его какъ тебѣ великому государю Богъ извѣститъ, пожаловать или казнить».

Самымъ яснымъ признакомъ возможности мира было то, что коммисары согласились на прекращеніе враждебныхъ дѣйствій на всѣхъ пунктахъ; но въ то время, какъ явился уже такой благопріятный признакъ, вдругъ Нащокинъ получаетъ изъ приказа тайныхъ дѣлъ грамоту — оставить всѣ замыслы и служить по обѣщанію. «Теперь ли мнѣ замыслы имѣть, когда гробъ у меня въ глазахъ!» отвѣчалъ Нащокинъ государю: «я милосердія твоего, что слѣпой свѣта, ожидаю, жду, что ближніе твои бояре къ совершенію посольства будутъ и мои злыя дѣла покроются честнымъ дѣломъ». 18-го Іюня Нащокинъ увѣдомилъ, что вѣчный миръ невозможенъ, и потому приступлено къ переговорамъ о перемиріи. Въ отвѣтъ пришла милостивая грамота, чтобъ Нащокинъ на милость государеву былъ надеженъ и заключалъ договоръ о перемирьи, отложа всякій страхъ, немедленно. Нащокинъ доносилъ (въ Іюлѣ), что договору о перемиріи сильно помѣшали козаки,

которые стоятъ подъ Гомлемъ, распустили войну и въ дальнія Литовскія мѣста, вездѣ плѣнятъ народъ. Польскіе коммиссары на съѣздахъ говорили, что козаки нарочно нарушаютъ договоръ о прекращеніи военныхъ дѣйствій: имъ не хочется мира, чтобъ быть всегда въ своевольствѣ, а не подъ началомъ на своихъ пашняхъ работать. Въ половинѣ Іюля Нащокину стало легче спорить съ коммиссарами на съѣздахъ: государь писалъ ему, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по Московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни; относительно условій перемирья царь позволилъ Нащокину уступить Витебскъ и Полоцкъ, но приказывалъ стоять упорно за Динабургъ и Малую Лифляндію, сулить за нихъ въ королевскую казну 10,000 рублей и больше, а тѣхъ коммиссаровъ, которые будутъ особенно противиться, подкупать, сулить тайно до 20,000 рублей. Когда Нащокинъ предложилъ это коммиссарамъ, то они отвѣчали, что уступкою Полоцка и Витебска ограничиться нельзя, не можетъ Польша уступить Москвѣ Украйну, потому что тамошніе служивые люди останутся безъ домовъ. Государь велѣлъ предложить имъ изъ Заднѣпровской Украйны городъ Каневъ съ уѣздомъ, потомъ уступать Кіевское воеводство, наконецъ даже и Кіевскій уѣздъ, оставивъ при Кіевѣ только по шести или по пяти верстъ въ окружности, чтобъ въ этихъ верстахъ остались православные монастыри; но самый Кіевъ, Кременчукъ и Запорожье непремѣнно удержать въ государевой сторонѣ; если Нащокинъ узнаетъ подлинно, что коммиссары готовы заключить и вѣчный миръ, если имъ уступленъ будетъ Кіевъ и раздѣлится все Днѣпромъ, то для вѣчнаго мира Кіевъ уступить, но Запорожью и Кременчуку быть въ государевой сторонѣ. Потомъ государь велѣлъ требовать Кіева только на пять лѣтъ. Нащокинъ послалъ въ Москву свой душевный извѣтъ: «Вѣдая правду, умолчать — противно Богу и невозможно по крестому цѣлованію великому государю: коммиссарамъ силы въ посольствѣ прибыло изъ Украйны, потому

что въ прошломъ году въ Украйну изъ Москвы переписчики посланы для сбора доходовъ со всякихъ жилецкихъ людей: но тамошніе люди и отъ Польскаго короля многою кровью отбивались, чтобъ жить въ своей волѣ, имъ лучше кровопролитіе и своевольство, чѣмъ покой; неудовольствіе въ Украйнѣ вслѣдствіе сбора доходовъ возбудило въ Полякахъ надежду къ ея возвращенію и произвело потому затрудненіе въ мирныхъ переговорахъ. Въ Малой Ливоніи тоже неудовольстіе: послѣ отдачи Большой Лифляндіи Шведамъ, на Двинѣ проѣзжихъ людей грабятъ и всячески оскорбляютъ. Наконецъ, какъ нарочно чтобъ раздразнить Литовское войско, изъ Смоленска выслали пашенныхъ людей: успѣли бы это сдѣлать и послѣ заключенія перемирія, а теперь отъ порубежной жесточи война можетъ возобновиться. Чтобъ удовлетворить Литву, надобно уступить къ Полоцку и Витепску Динабургъ съ тамошними мѣстами: тогда Литва и впередъ на сеймикахъ и на большомъ сеймѣ будетъ противиться войнѣ съ нами, потому что Литвѣ нечего будетъ больше желать. Отъ Польскихъ же границъ необходимо удержать Украйну отъ Чернигова по Днѣпръ и во время перемирья укрѣпить Черниговъ и всѣ Сѣверскіе города. Кіевъ на пять лѣтъ и Динабургъ на все перемирье, при томъ, что дѣлается теперь на порубежьѣ, отстоять невозможно; да если и перемирье будетъ, а не прекратится насиліе порубежнымъ крестьянамъ, то Смоленскіе уѣзды и впередъ пусты будутъ, крестьяне выбѣгутъ на льготы за рубежъ. Для успѣха въ посольскомъ дѣлѣ надобно усилить порубежныя мѣста, въ началѣ зимы въ Смоленскъ и въ другіе порубежные города запасы и рати ввести, также ссылаться съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, съ Богуславомъ Радзивиломъ и съ Любомирскимъ». Государь, отъ 10 Ноября, отвѣчалъ Нащокину, чтобъ заключалъ перемирье по прежнему наказу, вытребовавши Кіевъ на пять лѣтъ, а Динабургъ на все перемирное время. Но Польскіе коммиссары (10 Декабря) съ клятвою объявили, что, по сеймовому указу, имъ велѣно уступить Смоленское воеводство со всею Сѣверскою землею, а взять

безъ откладыванія Кіевъ съ тѣми мѣстами, которыя черезъ Днѣпръ на Переяславской сторонѣ теперь за ними, да Запорожье, чтобъ Запорожскіе козаки ссорою не наводили на нихъ войны съ Турками и Крымцами, а на Двинѣ Динабургъ съ другими волостями, которыя прежде были за ними. Нащокинъ предлагалъ разъѣхаться до новаго срока, подтвердивъ только прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій; но коммиссары никакъ на это не соглашались: «или перемирье на 12 лѣтъ на нашихъ условіяхъ, или война» — говорили они и грозили, что ханъ съ ордами идетъ къ нимъ на помощь, что̀ подтверждалъ и воевода Шереметевъ изъ Кіева. Нащокинъ уговорилъ коммиссаровъ не разъѣзжаться до 25 Декабря и, давши знать объ этомъ государю, совѣтовалъ принять условія, ибо другихъ не будетъ: «А въ Московскомъ государствѣ» писалъ онъ: «и въ мысли того не бывало, что Смоленскомъ владѣть, не только Черниговомъ и всею Сѣверскою землею, что̀ теперь отдаютъ. У Полоцкихъ и Витепскихъ служивыхъ людей слышится сильный ропотъ, что живутъ безъ перемѣны, и если война продлится, то едва ли удержатся. Какая нужда въ Кіевѣ, тебѣ, великому государю, извѣстно изъ грамотъ боярина Петра Васильевича Шереметева; а въ Польшѣ и Литвѣ хорошо знаютъ, что порубежные города не крѣпки и большое войско на оборону ихъ скоро не придетъ; слава пущена во всѣ государства, что денежной казны у васъ въ сборѣ нѣтъ, Сибирская рухлядь и всякіе поставы въ жалованье служивымъ людямъ розданы, прежнихъ доходовъ убыло, и на денежныхъ дворахъ въ Москвѣ и по городамъ денегъ не дѣлаютъ. Если миръ отложится, то чтобъ Турка и ханъ въ Украйнѣ не усилились, ее и окольнія мѣста не разорили, когда выведутъ людей, то и мириться будетъ не зачѣмъ; и началась война за то, чтобъ Турка и хана не допустить владѣть Украйною, въ посольствахъ и по всему свѣту объ этомъ разславлено; а кромѣ мира съ Польшею возмущенія въ тамошнихъ людяхъ укротить нечѣмъ». Государь, 17 Декабря, послалъ статьи, примѣриваясь къ которымъ, договариваться: перемирье на 12

лѣтъ или больше, уступить за Кіевъ Динабургъ съ южною Ливоніею, если же не согласятся, то по послѣдней мѣрѣ уступить и Кіевъ съ Заднѣпровскими городами Кіевской стороны, а восточной сторонѣ Днѣпра быть за царемъ, Запорожье подѣлить—здѣшней сторонѣ быть за Москвою, а другую уступить Польшѣ. Статьи объявлять не вдругъ, а продержать коммиссаровъ и войну задержать до послѣдняго зимняго пути. «А тебѣ, Аѳанасію Лаврентьевичу» писалъ государь: «къ терпѣнію еще терпѣніе приложить, потому что гумна пшеницы и мѣры масла еще не исполнились, ибо міръ въ лукавствѣ лежитъ; претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ, и какъ гумна пшеницы и мѣры масла исполнятся, тогда мы, великій государь, укажемъ къ тебѣ отписать». Но скоро это рѣшеніе перемѣнилось вслѣдствіе извѣстія, что ханъ побитъ въ Украйнѣ: 22 Декабря написанъ былъ новый наказъ Нащокину: «За Кіевъ и за здѣшнюю сторону Запорожья давать деньги, что пристойно, чтобъ Кіеву и здѣшней сторонѣ Запорожья никакъ въ уступкѣ не быть; если же коммиссары не согласятся, то съѣзды отсрочить и войну задержать. Нащокинъ донесъ, что послѣ 30 съѣздовъ коммиссары уступили наконецъ всю восточную сторону Днѣпра, но Кіева все еще не уступаютъ и, вопреки договору, Польскія войска двинулись въ Смоленскій уѣздъ для сбора стацій. 6 Генваря 1667 года государь отвѣчалъ: «Мы отправили окольничаго князя Великаго-Гагина въ Вязьму съ двумя полками рейтаръ и съ четырьмя приказами стрѣльцовъ и съ 33 пушками, изъ Вязьмы имъ велѣно идти въ Смоленскъ не для крови, но для того, чтобъ Литовскія войска отступили. Если Польскія войска изъ Смоленскаго уѣзда выйдутъ и коммиссары будутъ къ вамъ сходительнѣе прежняго, то тебѣ отъ Бога избранному и вѣрному доброхоту нашему уступать Динабургъ съ Запорожьемъ кромѣ берега здѣшней стороны противъ Запорожья, потому что по вашему договору коммиссары уступаютъ всѣ Черкасскіе города здѣшней стороны, а за Кіевъ стоятъ; если же никакими способами Кіева удержать будетъ нельзя, коммиссары схо-

дительны не будутъ, рати изъ Смоленскаго уѣзда не выведутъ, а захотятъ крови, то Кіевъ уступить, но прежде настойте о выводѣ и задержаніи войскъ, чтобъ отдавать было волею, а не по нуждѣ. Смотрѣть накрѣпко, не своею ли службою хотятъ коммиссары удержать Кіевъ, не нарочно ли вамъ говорятъ, что указъ имъ присланъ съ сейма; а намъ подлинно извѣстно, что сеймъ разорвался безъ всякаго дѣла. Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ по прежнему Кіевскимъ писаться».

«Свыше человѣческой мысли», по выраженію Нащокина, коммиссары согласились уступить Кіевъ на два года. Виновникомъ этой уступчивости былъ Дорошенко. Еще 20 Февраля 1666 года подъ городомъ Лысенкою Дорошенко предложилъ старшинѣ (безъ черни) — всѣхъ Ляховъ выслать изъ Украйны въ Польшу, самимъ со всѣми Заднѣпровскими городами приклониться къ хану Крымскому, и по веснѣ идти съ ордою на восточную сторону; если Ляхи не пойдутъ добровольно, то бить ихъ, потому что Поляки берутъ стацію многую и налоги чинятъ великіе, а отъ Московскихъ ратныхъ людей и отъ восточныхъ козаковъ не защищаютъ; стацій и хлѣба на западной сторонѣ давать нечего: уже три года хлѣба не сѣяли. Поднялся крикъ отъ старшины Серденева полка на Дорошенка: «Ты Татарскій гетманъ, Татарами поставленъ, а не войскомъ выбранъ; мы всѣ поѣдемъ къ королю». — «Хоть сейчасъ поѣзжайте къ королю» отвѣчалъ Дорошенко: «вы мнѣ не угрозите, я васъ не боюсь; вы меня называете не гетманомъ: для чего же стаціи у меня просите? Королевскаго войска и васъ намъ не прокормить, только себя погубить». При этихъ словахъ Дорошенко положилъ булаву, въ знакъ, что онъ отказывается отъ гетманства, и пошелъ въ городъ. Но полковники и старшина догнали его, привели въ раду и по прежнему провозгласили гетманомъ [56]. Дорошенко далъ знать въ Крымъ и Константинополь, что Украйна въ волѣ султана и хана, и вотъ пришелъ приказъ изъ Константинополя новому Крымскому хану Адиль-Гирею (смѣнившему Магметъ-Гирея вес-

ною 1666 года), чтобъ шелъ воевать короля Польскаго. Въ Сентябрѣ толпы Татаръ нагрянули на Украйну подъ начальствомъ нурадина Девлетъ-Гирея. Царевичь остановился подъ Крыловымъ и отсюда разослалъ загоны за Днѣпръ подъ Переяславль, Нѣжинъ и другіе Черкасскіе города и вывелъ плѣнныхъ тысячъ съ пять. Схвативши эту добычу съ восточнаго, царскаго берега, нурадинъ отошелъ подъ Умань, два мѣсяца кормилъ здѣсь лошадей, соединился съ козаками и двинулся на короля. Подъ Межибожьемъ встрѣтилъ онъ полковниковъ Польскихъ Маховскаго и Красовскаго съ 2000 гусаръ, рейтаръ, шляхты и драгуновъ: все это полегло на мѣстѣ или было взято въ плѣнъ, Маховскаго въ оковахъ привезли въ Крымъ. Послѣ побѣды Татары и козаки разсыпались за добычею подъ Львовымъ, Люблиномъ, Каменцомъ, побрали въ плѣнъ шляхты, женъ и дѣтей, подданныхъ ихъ и Жидовъ до 100,000, а по разказамъ Польскихъ плѣнниковъ, 40,000. Татары брали плѣнныхъ, но козаки этимъ не довольствовались: они вырѣзывали груди у женщинъ, били до смерти младенцевъ. Послѣ этого Дорошенку уже не было возврата къ королю. Чтобъ небояться мести отъ Поляковъ, онъ хотѣлъ сдавить ихъ съ двухъ сторонъ: въ Крымъ явились отъ него посланники — Браславскій полковникъ Михайла Зеленскій и Данила, сынъ Грицка Лесницкаго, хлопотать, чтобъ Адиль-Гирей помирился съ государемъ Московскимъ, не допускалъ его до мира съ Польскимъ королемъ, чтобъвоевать Польшу вмѣстѣ съ Москвою. Плѣнный бояринъ Шереметовъ получилъ такое письмо отъ Зеленскаго: «Ради бы были противъ давняго желательства и пріятства вашу милость навѣстить и поклонъ нижайшій отдать, но намъ запрещено, для чего письменно вашу милость посѣщаемъ; потомъ желаемъ, чтобъ противъ стародавности, на Руси могли вашу милость видѣть, дастъ Богъ, вскорѣ: когда ужь съ Ляхами вновь въ непріязни пребываемъ, тогда Господь въ соединеніе христіанъ сведетъ» [57]. Но если Дорошенко хлопоталъ о томъ, чтобъ не допустить царя до мира съ Польшею, то Поляки должны бы-

и хлопотать о противномъ, и, благодаря этому, Кіевъ остался за Москвою.

Нащокинъ объявилъ коммиссарамъ государево жалованье, по десяти тысячъ золотыхъ Польскихъ; референдарю Брестовскому объявлено, что сверхъ товарищей своихъ получитъ еще 10,000 золотыхъ, а если пріѣдетъ съ подтвержденіемъ договора въ Москву, то будетъ большая ему государская милость. «Королевскому величеству» писалъ Нащокинъ коммиссарамъ: «мы не можемъ назначить, но когда будутъ у него царскіе послы съ мирнымъ подтвержденіемъ, то привезутъ достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будетъ не обидно». 6 Генваря пріѣхалъ отъ коммиссаровъ Іеронимъ Комаръ и билъ челомъ, чтобъ сверхъ обѣщанныхъ денегъ въ тайную дачу пожаловалъ имъ государь явно соболями, чтобъ имъ можно было хвалиться передъ людьми; самъ Комаръ билъ челомъ, чтобъ вмѣсто обѣщанныхъ ему ефимковъ дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, такъ что и домашніе не узнаютъ; Комаръ объявилъ, что какъ скоро коммиссары получатъ государево жалованье, сейчасъ же станутъ писать договорныя статьи. Деньги были высланы изъ Москвы немедленно, и 13 Генваря, на 31-мъ съѣздѣ, написаны договорныя статьи: заключалось перемиріе на 13 лѣтъ, до Іюня мѣсяца 1680 года; въ это время уполномоченные съ обѣихъ сторонъ должны трижды съѣзжаться для постановленія вѣчнаго мира, причемъ третья коммиссія должна быть уже съ посредниками. Въ королевскую сторону отходятъ города: Витебскъ и Полоцкъ съ уѣздами, Динабургъ, Лютинъ, Рѣзица, Маріенбургъ и вся Ливонія, также Украйна на западной сторонѣ Днѣпра, но изъ Кіева выводъ Московскихъ ратныхъ людей отлагается до 5 Апрѣля 1669 года; въ эти два года окрестности Кіева на милю разстоянія остаются во владѣніи царскомъ. Запорожскіе козаки остаются въ оборонѣ и подъ послушаніемъ обоихъ государей, должны быть одинаково готовы на службу противъ непріятелей королевскихъ и царскихъ; но оба государя должны запретить имъ, какъ и во-

обще всѣмъ Черкасамъ, выходить на Черное море и нарушать миръ съ Турками. Въ сторону царскаго величества отходятъ: воеводство Смоленское со всѣми уѣздами и городами, повѣтъ Стародубскій, воеводство Черниговское и вся Украйна съ Путивльской стороны по Днѣпръ, причемъ католики, здѣсь остающіеся, будутъ безпрепятственно отправлять свое богослуженіе въ домахъ; шляхта, мѣщане, Татары и Жиды имѣютъ право продать здѣсь свои имѣнія и уйти въ королевскую сторону. Козакамъ восточной стороны не мстить за то, что отступали въ сторону королевскую, людей отсюда въ Московское государство не выводить и новыхъ крѣпостей не строить. Плѣнники, духовные, шляхта, военные люди, козаки, Жиды, Татары, мѣщане, ремесленники, купцы отпускаются съ обѣихъ сторонъ безусловно, объ отпускѣ же пашенныхъ людей будетъ постановлено на будущей коммиссіи. Оба государя предложатъ Крымскому хану приступить къ перемирію; если онъ отвергнетъ предложеніе и пойдетъ войною на Московское государство, то король никакой помощи давать ему не будетъ; если же онъ станетъ опустошать Украйну по обѣимъ сторонамъ Днѣпра или подговаривать козаковъ къ себѣ, то оба государя общими силами даютъ отпоръ бусурманамъ, препятствуютъ, чтобъ Украйна не отошла къ послѣднимъ, и козакамъ такого самовольства не позволятъ. Оба государя будутъ употреблять короткіе титулы; король будетъ писаться — Польскимъ, Шведскимъ, Литовскимъ, Русскимъ, Бѣлорусскимъ и иныхъ; царь — великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ и прочихъ; на царской печати не будетъ титуловъ Литовскаго, Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго. Всѣ захваченныя бумаги, нарядъ, взятый въ городахъ и замкахъ, королевскихъ и шляхетскихъ, церковныя вещи, часть животворящаго древа, взятая въ Люблинѣ, мощи св. Каллистрата въ Смоленскѣ возвращаются, сколько ни найдется. Торговымъ людямъ путь чистый въ обоихъ государствахъ, сухимъ путемъ и рѣками, а именно Касплею и Двиною изъ Смоленска къ Ригѣ, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ; путь чис-

тый всякихъ и другихъ чиновъ людямъ, черезъ Московское государство духовнымъ особамъ, отправляющимся въ Персію и Китай для распространенія тамъ христіанской вѣры.

Для подтвержденія перемирія въ Москву пріѣхали королевскіе послы — Станиславъ Бѣнѣвскій и Кипріанъ Брестовскій. 21 Октября, въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ, они сказали: «У королевскаго величества и рѣчи посполитой теперь болѣзнь большая: на королевство Польское всталъ великій непріятель всѣми своими бусурманскими силами, такъ надобно обоимъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Есть еще у короля и рѣчи посполитой другая болѣзнь, внутренняя, которую прежде всего надобно исцѣлить, чтобъ больше Турецкой войны мира не разорвала: надобно удовольствовать шляхту, выгнанную изъ уступленной Украйны и Сѣверщизны, потому что отъ нея безпрестанная докука и вопль. Чтобъ царское величество изволилъ объ этихъ статьяхъ договоръ учинить теперь съ нами: тогда непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обоихъ монарховъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властію бусурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго насилія». — «Чѣмъ же успокоить выгнанную шляхту?» спросилъ Нащокинъ. — «На это есть два способа» отвѣчали послы: «пусть царское величество или пожалуетъ ихъ деньгами, или позволитъ имъ жить въ прежнихъ имѣніяхъ». — «Если позволить имъ жить въ прежнихъ маетностяхъ» спросилъ опять Нащокинъ: «то чьими подданными они будутъ называться и какая услуга будетъ отъ нихъ царскому величеству?» Послы отвѣчали: «Они останутся подданными королевскими, а царскому величеству съ имѣній своихъ будутъ давать подати». — «Отъ этого будетъ ссора» сказалъ Нащокинъ: «лучше объявите, сколько этихъ изгнанниковъ и сколько нужно дать денегъ, чтобъ ихъ удовольствовать?» — «Это совершенная правда» отвѣчали послы: «если они останутся въ прежнихъ маетностяхъ, то безъ ссоры не обойдется, лучше дать имъ денегъ, но сколько имен-

но для этого нужно казны, сказать намъ нельзя, потому что у лучшихъ людей, у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскаго и другихъ сенаторовъ и шляхты имѣнія были большія, съ которыхъ каждому сходило по 100, по 200 и по 300 тысячъ дохода; мы полагаемся на милостивое разсужденіе царскаго величества». Нащокинъ обѣщалъ донести объ этомъ государю и потомъ спросилъ: «Не наказано ль что-нибудь вамъ о вѣчномъ мирѣ?» — «О вѣчномъ мирѣ говорить теперь нельзя» отвѣчали послы: «какъ узналъ султанъ Турецкій и про перемирье, то сейчасъ же началъ на насъ войну готовить и Крымскому хану велѣлъ войска отправлять; теперь Татары съ Дорошенкомъ и съ отступниками Черкасами разоряютъ Польшу, побрали въ плѣнъ больше 100,000 человѣкъ, и часъ отъ часу военный огонь распространяется, а какъ рѣки станутъ, то ждемъ отъ Турокъ и Татаръ конечнаго разоренія. Король и рѣчь посполитая прислали насъ теперь для подтвержденія перемирнаго договора и для заключенія союза противъ бусурманъ, пока рѣки не станутъ, также поскорѣе рѣшить дѣло о выгнанной шляхтѣ, а если ее не удовольствовать, то надобно опасаться отъ нея всякаго дурна, потому что голодный отъ нужды и то дѣлаетъ, чего ему не довелось; бѣда, если шляхта затѣетъ смуту, а непріятель вторгнется». Нащокинъ: «Длинные разговоры ведете вы объ удовлетвореніи выгнанной шляхты и о помощи на Турокъ, а о вѣчномъ мирѣ говорить не хотите: но царскому величеству изъ чего удовлетворять шляхту казною? да и помогать вамъ противъ непріятеля не надежно, потому что миръ у насъ съ вами времянной, а не вѣчный». Послы: «Если царское величество намъ не поможетъ и Турки Польшу одолѣютъ, то и Московскому государству будетъ отъ нихъ тѣснота; въ награжденіи же шляхты мы полагаемся на царское милостивое разсужденіе, а не рѣшивши этихъ двухъ дѣлъ, въ другія вступать нельзя».

На слѣдующемъ съѣздѣ, 26 Октября, Нащокинъ сказалъ, что большихъ денегъ для удовлетворенія шляхты царь дать

не можетъ, потому что и такъ казнѣ расходъ большой: много идетъ денегъ Калмыкамъ, чтобъ они тѣснили Крымскій юртъ и не пускали хана на Польшу; кромѣ того у государя войска много, на содержаніе котораго идетъ казна большая; «объявите подлинно, спросилъ бояринъ, чѣмъ шляхту удовольствовать? да безъ большихъ запросовъ». Послы отвѣчали прежнее, что полагаются на милостивое разсужденіе царскаго величества: «Милосердіе великаго государя въ государствѣ нашемъ славится» говорили они: «извѣстно, что всѣхъ бѣдныхъ онъ милостію своею призираетъ и жалуетъ, а выгнанная шляхта, братья наши, бѣдны и безпомощны, и кромѣ государской милости искать имъ негдѣ. Царскому величеству надобно ихъ пожаловать вмѣсто милостыни; мы знаемъ, что у государя и на богадѣльни расходится не меньше того, чѣмъ бѣдную шляхту пожаловать; а Вишневецкимъ и другой знатной шляхтѣ позволилъ бы государь жить въ Черкасскихъ городахъ на Путивльской сторонѣ: они люди честные и богатые, могутъ при себѣ держать войска не малыя, которыя будутъ обоимъ государствамъ на оборону».— «Нѣтъ ужь лучше удовольствовать шляхту казною» отвѣчалъ на это Нащокинъ: «козаки люди самовольные, не только не дадутъ имъ владѣть маетностями, но и самихъ побьютъ, и отъ того, Боже сохрани, чтобъ еще большіе бунты не начались, и станутъ козаки прибѣгать къ Турецкому султану и Крымскому хану».—«Правда» говорили послы: «козаки изсвоевольничались, подъ прежними своими панами жить не захотятъ; а надобно, чтобъ теперь великіе государи, по братской дружбѣ и любви, общими силами ихъ смирили по прежнему, какъ было до войны». Послѣ долгихъ разговоровъ Нащокинъ объявилъ наконецъ, что государь жалуетъ шляхтѣ 500,000 золотыхъ Польскихъ, разложивъ на сроки. Послы отвѣчали, что этимъ бѣдныхъ изгнанниковъ удовольствовать нечѣмъ; изволилъ бы великій государь пожаловать ихъ нескудно, чтобъ они бѣдные за его царское величество были вѣчно богомольцы. «Казна у его царскаго величества большая» говорили они: «съ одной Украйны по нашимъ вѣдомостямъ и роспи-

самъ можно со всѣхъ шляхетскихъ маетностей собрать въ годъ милліоновъ съ двадцать, а по меньшей мѣрѣ съ десять. По государевой милости одному полковнику Константину Греку данъ городъ Лохвица, что было прежде имѣніе Вишневецкаго, а онъ ставитъ съ него по 100 человѣкъ козаковъ; гетману Брюховецкому и многимъ полковникамъ даны большіе города, съ которыхъ можно бы собрать много казны; а нашъ Польскій и Литовскій народъ славный и вольный, и если будетъ ему отъ царскаго величества удовольствованіе, то будетъ на свѣтѣ славно во всѣхъ государствахъ». Послѣ этого предисловія, послы наконецъ высказали свое требованіе, чтобъ государь, на каждый перемирный годъ, давалъ шляхтѣ по 3,000,000. Имъ отвѣчали, что это дѣло нестаточное, запросъ такой *неслушный,* что царскому величеству и донести объ немъ невозможно. Послы спустили до двухъ милліоновъ. Нащокинъ пошелъ доложить объ этомъ государю и, возвратясь, объявилъ посламъ, что государь позволилъ прибавить еще 500,000 золотыхъ Польскихъ. Послы били челомъ и приняли это въ великую милость.

Статья о шляхтѣ была порѣшена; оставалась другая о союзѣ противъ Турокъ и Крыма. 28 Октября послы снова были въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ и говорили: «Чтобъ великій государь изволилъ для опасенья отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ держать на Украйнѣ войска свои безпрестанно, и число войскъ надобно назначить, а королевскія войска на Украйнѣ будутъ готовы указное же число, и какъ придетъ вѣсть, что Крымцы выступаютъ, то громить бы ихъ общими силами; а теперь изволилъ бы царское величество послать свое войско на Украйну поскорѣе, и чтобъ это войско, соединившись съ войскомъ королевскимъ, шло на отступниковъ, которые уже поддались султану Турецкому и вмѣстѣ съ ордою воюютъ королевскія украйныя мѣста, и, смиря ихъ общими силами, привести въ прежнее подданство, чтобъ они были въ послушаніи обоихъ великихъ государей, а не подъ бусурманскимъ игомъ; и напередъ бы послать къ Черкасамъ

грамоты, призывая ихъ къ возвращенію въ подданство и обнадеживая всякимъ милосердіемъ, да и то имъ объявить, если они такого милосердія не поищутъ и изъ-подъ ига бусурманскаго не возвратятся, то на нихъ посланы будутъ войска съ обѣихъ сторонъ». Нащокинъ отвѣчалъ: «Отъ бусурманскаго прихода царскаго величества войска готовы, Бѣлгородскій полкъ стоитъ всегда; а числа войскамъ назначить не годится, чтобъ непріятель не узналъ и больше войска не приготовилъ, говорить надобно просто, что войска много; Калмыки также наготовѣ». Послы: «Государь бы изволилъ поискъ учинить нынѣшнюю зиму, потому что орда и козаки наше государство воюютъ, и постановить бы о томъ договоръ подлинный съ нами». — «Царскаго величества войскамъ гдѣ на Украйнѣ стоять и съ коронными войсками гдѣ сходиться?» спросилъ Нащокинъ. «Это укажетъ потребность» отвѣчали послы. «Если» продолжалъ Нащокинъ: «на Украйнѣ война продлится, а царскимъ войскамъ становища спокойнаго не будетъ, то они потерпятъ нужду большую. Теперь царскимъ войскамъ становище надежное — Кіевъ, пока онъ въ царской сторонѣ, а какъ по договору Андрусовскому отойдетъ въ королевскую сторону, то царскимъ войскамъ надежнаго становища такого другаго не будетъ, и про это какъ вы разсуждаете? отъ королевскаго величества о Кіевѣ что̀ вамъ наказано?» Послы поняли, къ чему клонится рѣчь боярина, и отвѣчали: «Безъ становища царскія войска не будутъ, а о Кіевѣ говорить намъ и разсуждать нечего: какъ объ немъ въ Андрусовскихъ договорахъ постановлено, такъ и быть, и отмѣнять Андрусовскихъ договоровъ ни въ чемъ нельзя, все равно что каменной стѣны: каменная стѣна до тѣхъ поръ и крѣпка, пока цѣла, а выньте изъ нея хотя одинъ кирпичь, и станетъ рушиться». Наконецъ договорились, что царское величество отправитъ на помощь королю противъ Татаръ и непокорныхъ козаковъ 5000 конницы и 20,000 пѣхоты, которыя должны соединиться съ королевскими войсками между Днѣпромъ и Днѣстромъ, а для отвлече-

нія силъ непріятельскихъ Калмыки и Донскіе козаки будутъ воевать Крымъ. Въ вознагражденіе изгнанной изъ Украйны шляхтѣ государь даетъ милліонъ золотыхъ Польскихъ, а Московскимъ счетомъ 200,000 рублей, изъ которыхъ посламъ при отпускѣ отсчитано будетъ 150,000 рублей, а остальныя 50,000 отправлены будутъ изъ Смоленска въ Февралѣ 1668 года. Такъ какъ по случаю союза между обоими государствами противъ бусурманъ и отступниковъ козаковъ будутъ частыя пересылки, также и для усиленія торговли учреждена будетъ еженедѣльная почта, начавъ отъ королевскаго мѣстопребыванія чрезъ все его государство до мѣстечка Кадина на рубежѣ воеводства Мстиславскаго. Почта эта будетъ возить грамоты, какъ государскія, такъ и торговыя, и сдавать ихъ въ порубежномъ Смоленскаго воеводства мѣстечкѣ Мигновичахъ Русскому начальнику почты, который пересылаетъ ихъ какъ можно скорѣе черезъ Смоленскъ въ Москву, и наоборотъ, грамоты, присланныя изъ Москвы, отсылаетъ въ Кадинъ; торговые люди за пересылку своихъ писемъ будутъ платить по обычаю, ведущемуся во всѣхъ государствахъ. Нащокинъ предложилъ также посламъ, чтобъ въ Іюнѣ 1668 года былъ съѣздъ въ Курляндіи уполномоченнымъ Русскимъ, Польскимъ и Шведскимъ для постановленія торговаго договора между тремя государствами: «чтобъ торговые люди по всѣмъ государствамъ общимъ выбираньемъ пошлинъ изобижены не были, понеже всѣ народы пожитками торговыми казну полнить извыкли». Послы обязались донести объ этомъ королю и сейму.

4 Декабря, на отпускѣ, подлѣ государя послы видѣли недавно объявленнаго наслѣдника, царевича Алексѣя Алексѣевича, послѣ чего бояринъ Ординъ-Нащокинъ, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, говорилъ имъ: «Видѣли вы предъ лицемъ великаго монарха безцѣнное сокровище, дражайшую свѣтлость, которая не задолго до вашего пришествія ясностію луча Московскіе народы просвѣтила, видѣли вы благороднаго

государя нашего царевича. Эту превысокую милость можете возвѣстить королевскому величеству и къ желательной любви его подвигнуть. Если, по смерти королевской, государство ваше будетъ просить себѣ въ короли котораго-нибудь изъ царевичей, то великій государь Божіей волѣ противенъ не будетъ». Послы отвѣчали: «Когда будемъ у себя, то королевскому величеству и всей рѣчи посполитой милосердіе великаго монарха и сына его объявимъ и такъ выхвалять и прославлять обѣщаемся, сколько въ насъ духа достанетъ. Приняты мы свыше прежняго обычая Московскаго государства, жалованьемъ и кормами обдарены больше прежнихъ пословъ; посольство выслушано и въ отвѣтахъ было съ великою честію, на славу передъ посторонними народами; мы уже писали въ Польское государство на прославленіе этой милости, надѣемся, что изъ разныхъ государствъ объ этомъ скоро отзовутся и служба наша вѣрна будетъ; объявленіе же о царевичахъ хотя и съ радостію принимаемъ, но повелѣнія королевскаго и рѣчи посполитой на этотъ счетъ не имѣемъ и потому безотвѣтны остаемся». Тутъ возвысилъ голосъ ближній бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій: «Въ прошлые годы въ Вильнѣ» сказалъ онъ: «писали мы статьи объ избраніи царскаго величества или сына его въ короли: и теперь этому быть можно же». — «То посольство не совершилось по праведной волѣ Божіей» отвѣчали послы: «а теперь лучше и крѣпче тогдашняго: далъ Господь Богъ между обоими государями и государствами святой покой, и въ этомъ покоѣ всякое доброе дѣло въ свое время легко совершиться можетъ». Этимъ разговоръ кончился; государь пожаловалъ пословъ къ рукѣ и велѣлъ отпустить [58].

Такъ окончилась въ восточной Европѣ опустошительная тринадцатилѣтняя война, по важности причинъ и слѣдствій своихъ соотвѣтствующая Тридцатилѣтней войнѣ и вообще религіознымъ борьбамъ, потрясавшимъ среднюю и западную Европу въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Война началась, какъ мы видѣли, далеко не вслѣдствіе одной извѣчной вражды ме-

жду двумя народами, ждавшей перваго удобнаго случая для своего обнаруженія, далеко не потому одному, что Москва не могла успокоиться на Поляновскомъ мирѣ, не могла сжиться съ мыслію о потеряхъ, ею понесенныхъ по этому миру. Не за Смоленскъ и Сѣверскую землю загорѣлась борьба. Москвѣ такъ же не хотѣлось начинать ее, какъ и Польшѣ. Она началась вслѣдствіе Малороссійскихъ событій, вслѣдствіе религіозной борьбы, разгорѣвшейся въ западныхъ Русскихъ областяхъ и давшей такую силу козацкимъ интересамъ, козацкимъ движеніямъ. Государь, царствовавшій на Москвѣ въ это время, по господствовавшему направленію своего духа, могъ именно принять къ сердцу тотъ интересъ, во имя котораго происходило историческое движеніе: «Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго; если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть — охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? и какое оправданіе пріиметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ? будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки». Вотъ какъ выражался основный взглядъ царя Алексѣя! Мы не примемъ на себя страннаго труда взвѣшивать и опредѣлять, во сколько къ религіозному взгляду присоединялись политическіе разсчеты и другія побужденія; но легко видѣть, какъ всѣ эти разсчеты и побужденія обхватываются и связываются основнымъ побужденіемъ, какъ въ главныхъ дѣятеляхъ, такъ и въ массѣ народной: исходъ борьбы на Украйнѣ въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ, точно такъ какъ исходъ смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ, объясняется тѣмъ громаднымъ различіемъ, которое въ народномъ сознаніи существовало между понятіями: православный Русскій, Ляхъ-Латынецъ, Татаринъ-бусурманъ, и тотъ всуе будетъ разсуждать о народныхъ интересахъ, кто обойдетъ интересъ религіозный.

Такимъ образомъ описанная тринадцатилѣтняя война была необходимымъ слѣдствіемъ религіозной борьбы, начавшейся въ Польско-Литовскихъ областяхъ въ XVI вѣкѣ. Мы уже ука-

зывали на связь этой борьбы съ общеевропейскимъ религіознымъ движеніемъ, знаменующимъ такъ называемую Новую Исторію: распространеніе протестантизма въ Литвѣ и Польшѣ вызвало католическое противодѣйствіе, явились Іезуиты, которые, осиливъ протестантизмъ, обратились противъ *Русской* вѣры и тѣмъ вызвали къ жизни Русскія народныя силы, подняли народный вопросъ, выяснили для Русскаго человѣка различіе его народности отъ сопоставленной народности Польской. Борьба не могла ограничиться одною духовною сферою, ибо притѣсненіе вызывало отпоръ; возможность матеріальной борьбы, матеріальнаго отпора западная Русь нашла въ козачествѣ, котораго борьба съ государствомъ Польскимъ, съ шляхтою за свои козацкіе интересы какъ-разъ пришлась ко времени народной Русской борьбы. Во время этой матеріальной борьбы противоположности разыгрались до такой степени, что примиренія быть не могло, а между-тѣмъ матеріальныя силы козачества оказались недостаточными для борьбы и союзъ Татарскій не приносящимъ пользы: тутъ естественно явилась необходимость соединенія Малой Россіи съ Великою для окончанія совокупными силами той борьбы, которая уже давно велась порознь, и, относительно Москвы, окончилась Поляновскимъ миромъ.

Силенъ былъ неожиданный ударъ, панесенный Польшѣ Москвою въ 1654 году; понятно, что успѣхамъ Москвы способствовало нападеніе Шведовъ на Польшу съ другой стороны. Но это нападеніе, повидимому грозившее Польшѣ окончательною погибелью, удержало ее на краю пропасти: вопервыхъ, произведя столкновеніе между Швеціею и Москвою, оно остановило напоръ послѣдней на Польшу; вовторыхъ, опять чрезъ поднятіе религіозной борьбы, возбудило народныя силы, произвело народную войну, которая окончилась изгнаніемъ Шведовъ. Обстоятельства перемѣнились: несмотря на страшное опустошеніе, истощеніе страны, Польша нашлась въ выгоднѣйшихъ противъ Москвы условіяхъ для продолженія войны: у нея были два союзника — первый смута Малороссій-

ская, второй—ханъ Крымскій. И война длилась, и не видать было возможности окончить ее: Москва слишкомъ много пріобрѣла въ началѣ, и потому ей было тяжело отказаться отъ всего пріобрѣтеннаго на верхнемъ Днѣпрѣ и Двинѣ, невозможно отказаться ото всей Малороссіи, «отдать оба куска православнаго хлѣба собакѣ»; на это она могла рѣшиться только при послѣдней крайности, а этой крайности, несмотря на страшное истощеніе силъ, еще не было, ибо Польша, вслѣдствіе своего истощенія, не могла наносить рѣшительныхъ ударовъ и пользоваться побѣдами своими. Но, съ другой стороны, положеніе ея вовсе не было такъ отчаянно, чтобъ она могла согласиться на Московскія требованія, возвратить не только все пріобрѣтенное Сигизмундомъ и Владиславомъ, но уступить половину Украйны, отнять земли у своей шляхты въ пользу бунтливыхъ козаковъ. Такимъ образомъ, несмотря на продолжительные съѣзды уполномоченныхъ, миръ былъ невозможенъ. Надобно было, чтобъ одному изъ воюющихъ государствъ нанесенъ былъ откуда бы то ни было новый сильный ударъ, который бы заставилъ его согласиться на требованіе другаго: этотъ ударъ нанесенъ былъ Польшѣ усобицею, поднятою Любомирскимъ, и грозою Турецкою, накликанною Дорошенкомъ. Перемиріе состоялось.

Это перемиріе, съ перваго взгляда, могло назваться очень ненадежнымъ: Кіевъ былъ уступленъ Москвѣ только на два года, а между-тѣмъ легко было видѣть, что Москвѣ онъ очень дорогъ, что Москва употребитъ всѣ усилія оставить его за собою. Но, къ удивленію, война не возобновлялась до второй половины XVIII вѣка, и Андрусовское перемиріе перешло въ вѣчный миръ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ условій. Напрасно Поляки утѣшали себя мыслію, что на ихъ отчизну во второй половинѣ XVII вѣка послано такое же испытаніе, какое было послано на Москву въ началѣ вѣка, и что Польша выйдетъ изъ него такъ же счастливо, какъ и Москва: для Польши съ 1654 года начинается продолжительная, почти полуторавѣковая агонія, условленная внутреннимъ ослабленіемъ,

распаденіемъ; въ 1667 году великая борьба между Россіею и Польшею оканчивается. Съ этихъ поръ вліяніе Россіи на Польшу усиливается постепенно безо всякой борьбы, вслѣдствіе только постепеннаго усиленія Россіи и равномѣрнаго внутренняго ослабленія Польши. Андрусовское перемиріе было полнымъ успокоеніемъ, совершеннымъ *докончаніемъ*, по старинному выраженію. Россія покончила съ Польшею, успокоилась на ея счетъ, перестала ее бояться и обратила свое вниманіе въ другую сторону, занялась рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія, вопросовъ о преобразованіяхъ, о пріобрѣтеніи новыхъ средствъ къ продолженію исторической жизни. Такимъ образомъ Андрусовское перемиріе служитъ также одною изъ граней между древнею и новою Россіею.

Послѣ Андрусовскаго перемирія Москва успокоилась со стороны Польши, но не могла успокоиться со стороны Малороссіи. Въ этой странѣ, на востокъ отъ Днѣпра, произошелъ переворотъ: земельная собственность перемѣнила своихъ владѣтелей; Польскіе паны исчезли, но это не успокоило страны, ибо на ихъ мѣсто явились другіе, войсковая, козацкая старшина, которая стремилась къ господству, стремилась немедленно же выдѣлиться изъ войсковой массы или въ видѣ шляхты Польской подъ руководствомъ сенатора Выговскаго, или въ видѣ дворянства Московскаго подъ руководствомъ боярина Брюховецкаго; но это стремленіе старшины встрѣчало сильное противоборство въ демократическомъ стремленіи козачества, представителемъ котораго было Запорожье. Толкуя о правахъ и вольностяхъ бѣдной отчизны Украйны, старшина стремилась къ господству, имѣя въ виду только собственныя выгоды; козачество требовало равенства, съ ненавистію смотря на людей, которые, вышедши изъ его рядовъ, павлинились въ дворянскомъ или шляхетскомъ званіи; «мы знаемъ только гетмана и не хотимъ знать боярина» кричало Запорожье. Города, ненавидя козаковъ и старшину ихъ, одинаково для нихъ тяжелыхъ, съ радостію увидали бы уничтоже-

ніе гетманскаго, козацкаго *регимента*, лишь бы только оставались за ними ихъ права; высшее духовенство, также толкуя о правахъ и вольностяхъ, ставило себя въ ложное положеніе, изъ-за этихъ правъ и вольностей отвергая православную Москву и приклоняясь къ Латинской Польшѣ, положеніе, котораго большинство народное не могло долго ему позволить. Такъ раздиралась Малороссія внутренно и этимъ, разумѣется, облегчала работу государства Московскаго, которое незамѣтно приготовляло приравненіе. Но прежде чѣмъ это приравненіе послѣдовало, отношенія Московскаго правительства къ Малороссіи были странныя, какъ и слѣдовало ожидать отъ господствовавшей въ Малороссіи безурядицы. Украйна давала Московскому правительству полное право не уважать того, что она называла своими правами и вольностями, ибо, вопервыхъ, каждый въ Малороссіи понималъ эти права и вольности по своему; вовторыхъ, съ самаго начала стали нарушаться права, уступленныя государству, права, которыя оно необходимо должно было имѣть. Еще въ то время, когда сильная рука Богдана Хмельницкаго держала Малороссію, было нарушено самимъ Хмельницкимъ существенное право великаго государя, право, безъ котораго соединеніе Малой Россіи съ Великою было не мыслимо, право, чтобъ Малороссія имѣла одинакую политику съ Москвою. Но этого мало: условіемъ присоединенія было, чтобъ доходы Малороссійскіе собирались на жалованье войску, козакамъ; но вотъ въ Москвѣ узнаютъ, что доходы собираются вовсе не на жалованье козакамъ, которые, не получая этого жалованья, охладѣли къ службѣ; изъ Малороссіи, для которой начата была тяжелая война, доведшая Московское государство до крайняго истощенія, изъ Малороссіи безпрестанно приходятъ требованія, чтобъ войска царскаго величества шли на помощь противъ Ляховъ, измѣнниковъ западной стороны и Татаръ. Московское государство, которое начало войну въ надеждѣ дѣйствовать противъ Польши дружно съ двухъ сторонъ, изъ двухъ Россій, должно теперь растягивать свои силы для за-

щиты громадной пограничной линіи, тогда какъ этихъ силъ недоставало и для защиты пріобрѣтеннаго въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. У преемника Богданова, у гетмана славнаго войска Запорожскаго было ничтожное число козаковъ, съ которыми онъ не могъ ничего предпринять. Разумѣется, при такомъ печальномъ положеніи дѣлъ прежде всего необходимо было опредѣлить доходы Малороссійскіе, ввести сколько-нибудь правильный сборъ, опредѣлить число козаковъ, которыхъ надобно было содержать этими доходами: на все это государство имѣло полное право по статьямъ Богдана Хмельницкаго: но при первой попыткѣ поднимается страшный ропотъ и волненіе; привыкли жить безо всякаго надзора, привыкли брать что кому было угодно, и вмѣшательство правительства, вытребованное необходимостію, страшнымъ безпорядьемъ, явилось нестерпимымъ посягательствомъ на права и вольности! чьи права и вольности? на этотъ вопросъ не могли отвѣчать въ Малороссіи. Вслѣдствіе невозможности отвѣчать на этотъ вопросъ обнаружилось явленіе, что сами Малороссіяне начали диктовать Московскому правительству, какъ дѣйствовать въ пользу приравненія быта Малороссійскаго къ быту остальныхъ областей государства. Но этими внушеніями не ограничивались въ Малороссіи: и старшина свѣтская, и старшина духовная твердили Московскому правительству, что измѣна господствуетъ въ Малороссіи, что козаки шатаются, положиться на нихъ ни въ чемъ нельзя, при первомъ появленіи непріятеля, Ляховъ, передадутся къ нимъ. Съ чѣмъ обыкновенно пріѣзжало посольство Малороссійское въ Москву, чѣмъ наполнены были грамоты и *информаціи*, имъ привозимыя? обвиненіями въ измѣнѣ; вспомнимъ печальную исторію междугетманства, вспомнимъ, какъ гетманъ и епископъ, блюститель Кіевской митрополіи, вели борьбу другъ съ другомъ доносами въ Москву, и кто послѣ этого могъ пожаловаться, что слово Черкашенинъ стало въ Москвѣ синонимомъ измѣнника? Московскій воевода, Московскій ратный человѣкъ входилъ въ Малороссію, какъ въ страну, кипящую измѣною, гдѣ онъ не могъ

положиться ни на кого, гдѣ въ каждомъ жителѣ онъ видѣлъ человѣка, замышляющаго противъ него недоброе, выжидающаго только удобнаго случая, чтобъ вынуть ножъ изъ-за пазухи. Какихъ же дружескихъ отношеній послѣ того можно было ожидать между двумя братственными народонаселеніями? какое уваженіе могъ чувствовать Москаль къ шатающимся, мятущимся Черкасамъ? чѣмъ онъ могъ сдерживаться, особенно въ то время солдатскаго своеволія и хищничества? онъ не сдерживался тѣмъ, что находился въ родной землѣ, между своими же Русскими людьми: ему толковали, и толковали въ самой Малороссіи, сами Малороссіяне, что онъ среди враговъ, среди измѣнниковъ: это, разумѣется, вполнѣ могло разнуздывать Москаля, онъ могъ легко оправдаться въ своихъ и чужихъ глазахъ: что же щадить измѣнниковъ? Но мы видѣли, что иное было поведеніе относительно козаковъ, иное относительно горожанъ, болѣе вѣрныхъ.

Общество Малороссійское вышло слишкомъ юно на сцену, когда исторія рѣшала самые важные для него вопросы. Отсутствіе внутренней сплоченности, разбродъ составныхъ началъ, жизнь *особѣ* и вражда между живущими *особѣ* условливали слабость страны, не дозволяли ей не только независимаго, но и своеобразнаго политическаго существованія. Отсюда эта шатость, колебаніе, которыя мы видѣли впродолженіе нашего разсказа и которыя давали полный просторъ всякой силѣ пробиваться сквозь несплоченные ряды. Почти вся вторая половина XVII вѣка представляетъ смутное время для Малороссіи, подобное смутному времени Московскаго государства въ началѣ вѣка: та же шатость, та же темнота, отсутствіе ясно опредѣленныхъ цѣлей и отношеній, дающихъ твердость человѣку и обществу, то же перелетство; но въ Московскомъ государствѣ печальная эпоха была непродолжительна; кромѣ того Московскіе люди шатались между своими искателями власти, выставлявшими одинаково народное знамя, и какъ скоро явились чужіе искатели, то это появленіе собрало шатающійся народъ, поставило его на твердыя ноги

и повело къ прекращенію смуты. Но несчастная Малороссія шаталась очень долго, шаталась и между Поляками, и между Турками. Уже не говоря о томъ, какой матеріальный ущербъ понесла она отъ этого, какъ Заднѣпровье было въ конецъ опустошено и сильно досталось и восточной сторонѣ, не говоря уже о матеріальномъ вредѣ, мы не можемъ не указать на вредное нравственное вліяніе, которое должно было испытать народонаселеніе страны отъ этой долгой шатости, долгой смуты; не можемъ не указать, какъ вредно должны были дѣйствовать эти явленія на характеръ народа, расшатывая общество все болѣе и болѣе, ослабляя общественный смыслъ у народа, отучая его отъ общественныхъ пріемовъ, отучая его ходить твердо, смотрѣть прямо въ лицо окружающимъ явленіямъ, укореняя вредную привычку не вѣрить никому и вмѣстѣ вѣрить всему и носиться въ разныя стороны по первому слуху. Общественное развитіе было задержано; общество продолжало обнаруживать черты дѣтства. Послѣдующія событія XVII и даже XVIII вѣка должны подтвердить правду сказаннаго.

Андрусовское перемиріе не могло прекратить смуты въ Малороссіи. Но прежде нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ здѣсь, обратимся къ Московскому государству, въ которомъ происходили любопытныя и печальныя событія впродолженіе тринадцатилѣтней войны: Московскій мятежъ вслѣдстіе тяжкаго состоянія народа, расколъ, паденіе Никона; взглянемъ и на борьбу Московскаго государства съ козачествомъ юго-восточной Украйны.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Разстройство финансовъ во время тринадцатилѣтней войны. Выпускъ мѣдныхъ денегъ. Ихъ упадокъ въ цѣнѣ. Воровскія деньги. Московскій бунтъ 1662 года. Отмѣна мѣдныхъ денегъ. Ссора царя съ патріархомъ; причины ея. Враги Никона. Расколъ; его причины. Исправленіе книгъ при патріархѣ Іосифѣ. Единогласное пѣніе и проповѣдь; возстаніе противъ этихъ нововведеній. Исправленіе книгъ при Никонѣ. Сопротивленіе прежнихъ исправителей. Мысль объ антихристѣ. Монахъ Капитонъ. Сопротивленіе Соловецкихъ монаховъ исправленнымъ книгамъ. Челобитная царю на Никона. Окончательный разрывъ его съ царемъ. Удаленіе въ Воскресенскій монастырь. Успокоеніе Никона. Раздраженіе возобновляется. Невозможность выбрать новаго патріарха вслѣдствіе требованій Никона. Пребываніе Никона въ Крестномъ монастырѣ. Соборъ 1660 года. Протестъ Славеницкаго. Дѣло объ отравѣ. Бабарыкинское дѣло. Письмо Никона къ царю по этому случаю. Паисій Лигаридъ. Его стараніе помирить Никона съ царемъ. Вопросы Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Лигарида. Возраженія Никона на эти вопросы и отвѣты. Доносъ Бабарыкина на Никона. Поѣздка князя Одоевскаго и Лигарида съ товарищами въ Воскресенскій монастырь по этому случаю. Отправленіе монаха Мелетія на Востокъ съ вопросами къ патріархамъ относительно поведенія Никона. Волненія между Константинопольскими Греками. Патріархи даютъ отвѣты, осуждающіе Никона. Пріѣздъ Аѳанасія Иконійскаго въ Москву. Затруднительное положеніе царя. Онъ вторично отправляетъ Мелетія звать патріарховъ на соборъ въ Москву. Грамота патріарха Нектарія Іерусалимскаго въ пользу Никона. Сытинское дѣло. Письмо Никона къ царю съ цѣлію отвратить соборъ. Внезапный пріѣздъ Никона въ Москву и Зюзинское дѣло. Грамоты Никона къ восточнымъ патріархамъ перехвачены. Пріѣздъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго. Судъ. Осужденіе. Ссылка Никона въ Ѳерапонтовъ монастырь. Жизнь его тамъ и сношенія съ царемъ.

Два первые года тринадцатилѣтней войны были самымъ счастливымъ, самымъ блистательнымъ временемъ въ царство-

ванія Алексѣя Михайловича, хотя и они омрачены были моровымъ повѣтріемъ. Блестящіе успѣхи воинскіе, собственные походы подняли духъ воспріимчиваго царя, что такъ ясно высказывается въ приведенномъ выше письмѣ его къ Матвѣеву о сношеніяхъ съ Швеціею. Неудачный походъ подъ Ригу былъ началомъ несчастій; смуты Малороссійскія затянули войну, принявшую дурной оборотъ: Конотопъ, Чудново, пораженія Хованскаго тяжело отдавались въ Москвѣ, и хотя не имѣли такихъ гибельныхъ слѣдствій, какихъ можно было ожидать съ перваго взгляда, однако война продолжалась и не видно было ея конца — страшное бѣдствіе для государства бѣднаго, малонаселеннаго, которое едва успѣло оправиться послѣ смутнаго времени, въ которомъ недавно еще происходили волненія вслѣдствіе тяжкаго состоянія промышленнаго класса, которое недавно опустошено было моровою язвою. Тяжкія подати пали на народъ, торговые люди истощились платежемъ пятой деньги. Уже въ 1656 году казны недостало ратнымъ людямъ на жалованье, и государь, по совѣту, какъ говорятъ, Ѳедора Михайловича Ртищева, велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, которыя имѣли нарицательную цѣну серебряныхъ; въ 1657 и 1658 годахъ деньги эти дѣйствительно ходили какъ серебряныя; но съ Сентября 1658 года начали понижаться въ цѣнѣ, именно на рубль надобно было наддавать шесть денегъ; съ Марта 1659 должны были уже на рубль наддавать по 10 денегъ; наддача возрастала въ такой степени, что въ 1663 году за одинъ рубль серебряный надобно было давать уже 12 мѣдныхъ. Наступила страшная дороговизна; указы, запрещавшіе поднимать цѣны на необходимые предметы потребленія, не дѣйствовали; мы видѣли, въ какомъ положеніи находились въ Малороссіи Московскіе ратные люди, получавшіе жалованье мѣдными деньгами, которыхъ никто у нихъ не бралъ. Явилось множество воровскихъ (фальшивыхъ) мѣдныхъ денегъ; начали хватать и пытать людей, которые попадались съ воровскими деньгами — одинъ отвѣтъ: «Мы сами воровскихъ денегъ не дѣлаемъ, беремъ у

другихъ незнаючи». Стали присматривать за денежными мастерами, серебрениками, котельниками, оловянишниками, и увидали, что люди эти, жившіе прежде небогато, при мѣдныхъ деньгахъ поставили себѣ дворы каменные и деревянные, платье себѣ и женамъ подѣлали по боярскому обычаю, въ рядахъ всякіе товары, сосуды серебряные и съѣстные запасы начали покупать дорогою цѣною, не жалѣя денегъ. Причина такого быстраго обогащенія объяснилась, когда у нихъ стали вынимать воровскія деньги и чеканы. Преступниковъ казнили смертію, отсѣкали у нихъ руки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ, домы, имѣнія брали въ казну. Но жестокости не помогли при неодолимой прелести быстраго обогащенія; воры продолжали свое дѣло, тѣмъ болѣе, что богатые изъ нихъ откупались отъ бѣды, давая большія взятки тестю царскому Ильѣ Даниловичу Милославскому, да думному дворянину Матшюкину, за которымъ была родная тетка царя по матери; въ городахъ воры откупались, давая взятки воеводамъ и приказнымъ людямъ. Для разсмотрѣнія, пріема и расхода мѣди и денегъ на денежныхъ дворахъ приставлены были вѣрные головы и цѣловальники, изъ гостей и торговыхъ людей, люди честные и достаточные. Но и они не одолѣли искушенія: покупали мѣдь въ Москвѣ и Швеціи, привозили на денежные дворы съ царскою мѣдью вмѣстѣ, приказывали изъ нея дѣлать деньги и отвозили ихъ къ себѣ домой. Доносы на нихъ не замедлили отъ стрѣльцовъ и денежныхъ мастеровъ; обвиненные съ пытки показали, что давали посулы Милославскому, Матюшкину, дьякамъ и подъячимъ. У дьяковъ и подъячихъ, у головъ и цѣловальниковъ отсѣкали руки и ноги, ссылали преступниковъ въ дальніе города; на Милославскаго царь долго сердился, Матюшкина отставилъ отъ приказа. Но этимъ не были довольны и затѣяли повторить расправу 1648 года [59].

Весною 1662 года, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, начали ходить по Москвѣ слухи, что чернь сбирается и быть отъ нея погрому дворамъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, гостя Василія Шорина и другихъ богатыхъ людей за пере-

мѣну въ денежномъ дѣлѣ, за то, что Шоринъ да еще какой-то Кадашевецъ деньги дѣлаютъ. Въ двадцатыхъ числахъ Іюля начали говорить, что пришли изъ Польши листы про окольничаго Ртищева. Царь жилъ въ это время въ Коломенскомъ. 25 Іюля рано утромъ на Срѣтенкѣ собрались мірскіе люди совѣтоваться о пятинной деньгѣ. Но совѣщанія ихъ скоро прекратились: «На Лубянкѣ у столба письмо приклеено!» начали кричать имъ люди, проходившіе Срѣтенкою отъ Никольскихъ воротъ. Вся толпа хлынула на Лубянку смотрѣть, что за письмо? На столбѣ воскомъ приклеена была бумажка и на ней написано: «Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Өедоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ». Между-тѣмъ Срѣтенской сотни соцкій Павелъ Григорьевъ уже далъ знать о письмѣ въ Земскій приказъ, откуда пріѣхали на Лубянку дворянинъ Семенъ Ларіоновъ и дьякъ Аөанасій Башмаковъ и сорвали письмо. Толпа зашумѣла: «Вы везете письмо къ измѣнникамъ, государя на Москвѣ нѣтъ, а письмо надобно всему міру». Громче всѣхъ кричалъ, бросаясь на всѣ стороны, стрѣлецъ Кузьма Ногаевъ: «Православные христіане! постойте всѣмъ міромъ; дворянинъ и дьякъ отвезутъ письмо къ Ильѣ Даниловичу Милославскому, и тамъ это дѣло такъ и изойдетъ». Міръ двинулся вслѣдъ за Ларіоновымъ и Башмаковымъ, нагнали ихъ, схватили Ларіонова за лошадь и за ноги, и кричали соцкому Григорьеву: «Возьми у него письмо, а не возьмешь, то прибьемъ тебя каменьями»; Григорьевъ вырвалъ письмо у Ларіонова, толпа окружила соцкаго и двинулась назадъ на Лубянку къ церкви преподобнаго Өеодосія; Ногаевъ велъ Григорьева за воротъ. Когда пришли всѣ къ церкви, Ногаевъ сталъ на лавку и читалъ письмо всѣмъ вслухъ и прибавилъ, что надобно за это всѣмъ стоять. Съ Лубянки пошли къ земскому двору, поставили и тутъ скамью, взвели на нее Григорьева и велѣли ему читать письмо, но онъ отказался; тогда опять началъ читать Ногаевъ, а на другую сторону читалъ какой-то подъячій. Григорьевъ вос-

пользовался этимъ временемъ и отошелъ въ сторону, велѣвъ взять письмо у подъячаго десяцкому своей сотни Лучкѣ Жидкому; но міръ не хотѣлъ разстаться съ письмомъ, и, окруживъ Жидкаго, повелъ его въ Коломенское къ государю.

Царь былъ у обѣдни, празднуя рожденіе дочери; взглянувъ въ окно, онъ увидалъ, что толпы народа идутъ въ село и на дворъ, безоружныя, но съ крикомъ и шумомъ, повторяя имена Милославскихъ и Ртищева. Государь догадался, въ чемъ дѣло, велѣлъ Милославскимъ и Ртищеву спрятаться въ комнатахъ царицы и царевень, а самъ остался въ церкви дослушивать обѣдню; царица, царевичи и царевны сидѣли запершись въ хоромахъ ни живы, ни мертвы отъ страха. Гилевщики не дали царю дослушать обѣдни; они подошли къ дворцу, впереди шелъ Лучка Жидкій и несъ въ шапкѣ письмо, найденное на Лубянкѣ. Государь вышелъ на крыльцо; Нижегородецъ Мартынъ Жедринскій взялъ у Жидкаго шапку съ письмомъ и поднесъ царю, говоря: «Изволь, великій государь, вычесть письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привесть передъ себя». — «Ступайте домой» отвѣчалъ царь: «а я, какъ только отойдетъ обѣдня, поѣду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ». Но гилевщики держали его за платье, за пуговицы и говорили: «Чему вѣрить?» Царь обѣщался Богомъ, далъ на своемъ словѣ руку, и когда одинъ изъ гилевщиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, то всѣ спокойно отправились въ Москву; государь не велѣлъ ихъ трогать, хотя и было у него войско; онъ пошелъ назадъ въ церковь дослушивать обѣдню, а въ Москву передъ собою послалъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго. Здѣсь другая толпа гилевщиковъ занималась грабежемъ Шоринова дома. Старикъ Шоринъ успѣлъ скрыться въ Кремлѣ, въ домѣ князя Черкаскаго; но мятежники захватили молодаго пятнадцатилѣтняго сына его, который долженъ былъ служить свидѣтелемъ противъ отца, долженъ быль разказывать, что отецъ его бѣжалъ въ Польшу съ боярскими грамотами. Въ это время пріѣзжаетъ Хованскій и начинаетъ уговаривать, чтобъ пре-

кратили смуту и не грабили ничьихъ домовъ, что нынче же пріѣдетъ самъ царь для сыску; но ему въ отвѣтъ закричали: «Ты, бояринъ, человѣкъ добрый, и службы твоей къ царю противъ Польскаго короля много, намъ до тебя дѣла нѣтъ, но пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ». Хованскій отправился назадъ въ Коломенское, и вслѣдъ за нимъ туда же двинулась толпа, везя съ собою на телѣгѣ молодаго Шорина. За городомъ встрѣтились они съ первыми гилевщиками, шедшими уже изъ Коломенскаго, и уговорили ихъ возвратиться назадъ; солдаты также пристали къ нимъ; встрѣтили боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева и погнались за нимъ съ палками: тотъ едва ушелъ отъ нихъ за рѣку. Царь садился уже на лошадь, чтобъ ѣхать въ Москву, когда гилевщики подвели къ нему молодаго Шорина и тотъ началъ выкрикивать заученную сказку, что отецъ отправился въ Польшу съ боярскими грамотами. Когда мальчикъ кончилъ, въ толпѣ раздались крики. «Выдай измѣнниковъ!» — «Я государь» отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ: «мое дѣло сыскать и наказанье учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои поруками». Но крики не прекращались: «Не дай намъ погибнуть напрасно!» кричали одни; «буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю!» кричали другіе, махали палками. Тутъ Алексѣй Михайловичъ обратился къ стоявшимъ около него стрѣльцамъ и придворнымъ и велѣлъ двинуться на гилевщиковъ, которые, пришедши вовсе не за тѣмъ, чтобъ сражаться, побѣжали врознь; ихъ начали хватать, нѣкоторые защищались, но напрасно. Человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, больше 7000 было перебито и переловлено, тогда какъ настоящихъ гилевщиковъ было не больше 200 человѣкъ, остальные пришли изъ любопытства, посмотрѣть, чтó будетъ дѣлаться. Перехватанныхъ отвезли въ монастырь къ Николѣ на Угрѣшу и тамъ разспрашивали. Главнаго заводчика, кто написалъ письмо и приклеилъ, не нашли, и наказали тѣхъ,

кто болѣе другихъ участвовали въ самомъ гилѣ, волею или неволею: вѣшали, рѣзали ноги, руки, языки и ссылали въ дальніе города [60].

Москва утихла; но жалобы на мѣдныя деньги продолжались: воеводы доносили, что должники приносятъ къ нимъ въ съѣзжую избу мѣдныя деньги для платежа заимодавцамъ, а тѣ не берутъ безъ царскаго указа, просятъ серебряныхъ; наконецъ въ 1663 году вышелъ указъ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ денежнаго мѣднаго дѣла дворы отставить, а старый денежный серебрянаго дѣла дворъ въ Москвѣ завести, и серебряныя деньги на немъ дѣлать съ 15 Іюня; а жалованье всякихъ чиновъ служивымъ людямъ давать серебряными деньгами, въ казну таможенную пошлину и всякіе денежные доходы брать серебряными деньгами, также и въ рядахъ торговать всякими товарами на серебряныя деньги, а мѣдныя отставить. Мѣдныя деньги во всѣхъ приказахъ, что ни есть на лице, по 15 Іюня переписать и запечатать и держать до указа, а въ расходъ не давать; частнымъ людямъ велѣно мѣдныя деньги сливать. Но послѣднее не было исполнено: указъ 20 Генваря 1664 года говоритъ: въ Москвѣ и въ разныхъ городахъ объявляются мѣдныя деньги портучены (натерты ртутью), а иныя посеребрены и полужены. Государь подверждаетъ приказаніе не держать мѣдныхъ денегъ подъ страхомъ жестокаго наказанья, разоренья и ссылки въ дальніе города. Новгородскій воевода князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ получилъ въ 1663 году отъ государя похвалу за то, что разсмотрѣніемъ своимъ для бѣдныхъ людей всякимъ хлѣбнымъ и съѣстнымъ запасамъ положилъ уставную цѣну и запретилъ перекупщикамъ покупать прежде мірскихъ людей, отъ чего запасы начали быть дешевы. Говорятъ, что за порчу денегъ переказнено было больше 7000 человѣкъ, да больше 15,000 наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкою, отобраніемъ имѣнія въ казну. Царица отъ испуга во время Коломенскаго гиля лежала больна больше году [61]. Такъ печально кончилась первая попытка помочь

разстроенному состоянію финансовъ выпускомъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ, ибо что же такое были эти мѣдныя деньги съ нарицательною цѣною серебряныхъ? Мы видѣли, что Полтавскій полковникъ Пушкарь объяснилъ, въ чемъ дѣло. Когда Выговскій, не понимая или не желая понимать значенія мѣдныхъ денегъ, спрашивалъ: «что это за деньги? какъ ихъ брать?» то Пушкарь отвѣчалъ: «Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать». При благопріятныхъ для государства обстоятельствахъ кредитъ былъ силенъ и мѣдныя деньги держались два года; начали падать съ Сентября 1658 года, т. е. съ измѣны Выговскаго, которая затянула войну. Тяжелый ударъ мѣднымъ деньгамъ былъ нанесенъ, когда въ Малороссіи стали смотрѣть на нихъ, какъ смотрѣлъ Выговскій, а не какъ смотрѣлъ Пушкарь, перестали брать ихъ у Московскихъ ратныхъ людей; а другой, окончательный ударъ нанесли воровскія деньги.

Извнѣ тяжкая, неудачная, разорительная война, которой и конца было не видно, внутри бѣдствія физическія, истомленіе народа, его вопль и волненія — и къ этому еще соблазнительная, небывалая вражда царя съ патріархомъ! вражда Алексѣя Михайловича съ Никономъ, *собиннымъ* его пріятелемъ! Мы видѣли, что въ началѣ войны эта собинная дружба была во всей силѣ: самые видные, заслуженные, близкіе къ царю бояре съ благоговѣніемъ преклонялись предъ могущественнымъ патріархомъ, просили его заступленія въ случаѣ неудачи своихъ дѣйствій. Патріархъ принималъ живое участіе въ предпріятіи, по характеру своему сильно увлекся успѣхомъ и поощрялъ царя къ дальнѣйшимъ замысламъ. Во время моровой язвы Никонъ находился при семействѣ царскомъ и привезъ его въ Вязьму, гдѣ находился Алексѣй Михайловичъ. Никонъ писался *великимъ государемъ*. Такимъ образомъ опять явилось въ Московскомъ государствѣ два *великихъ государя*. Титулъ этотъ носилъ па-

тріархъ Филаретъ, но не какъ патріархъ, а какъ отецъ царскій и соправитель, всѣ очень хорошо помнили, что это не былъ пустой титулъ у Филарета; а теперь Никонъ получаетъ этотъ титулъ уже какъ патріархъ, слѣдовательно власть патріаршеская приравнивается къ царской. Тонъ грамотъ Никона прямо указывалъ на двоевластіе, напримѣръ: «Отъ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Руссіи, на Вологду, воеводѣ князю Ухтомскому: указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссіи, и мы, великій государь, со всѣхъ монастырей быть, для его государевы службы подъ Смоленской, подводѣ съ телѣгами, съ проводниками, и прислать къ государю подъ Смоленскъ. А одноличио тебѣ государева нашего указу въ оплошку не поставить, собравъ подводы съ телѣгами и съ проводниками, прислать къ намъ, къ Москвѣ, тотчасъ» [62]. Когда великій государь царь былъ въ походѣ, великій государь патріархъ управлялъ государствомъ изъ Москвы. Походы, дѣятельность воинская и полная самостоятельность въ челѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новые взгляды. Великій государь возвращается въ Москву и застаетъ тамъ другаго великаго государя, который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполнѣ относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властію. Природа, одаривъ его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастіе разнуздало его совершенно и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу. Званіе патріарха, которое для природы болѣе мягкой служило

бы сильною нравственною сдержкою, заставляя быть постоянно образцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона уничтожало всякую сдержку, ибо все вниманіе его было обращено на права высшаго пастыря, высшаго истолкователя божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ для себя все позволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка святительской власти, глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ царю (а такихъ, разумѣется, было очень много) легко отуманили Никона, заставили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами. Наконецъ обратимъ вниманіе на время, на общество, общество крайне юное, представлявшее такъ мало нравственныхъ сдержекъ для всякаго сильнаго, гдѣ всякій сильный такъ легко увлекался своимъ положеніемъ и считалъ себѣ все позволеннымъ въ отношеніи къ менѣе сильнымъ, гдѣ природа самая мягкая, самая человѣчная, какая, напримѣръ, была у царя Алексѣя Михайловича, не могла удерживать отъ поступковъ, кажущихся теперь намъ очень непривлекательными; что же позволяли себѣ люди съ природою болѣе жесткою, когда праву сильнаго *смирять* подчиненныхъ не поставлялось границъ, когда это *смиреніе* обыкновенно было непосредственное и сила его зависѣла отъ силы волненія, происходившаго въ душѣ разгнѣваннаго смирителя? Эта же юность общества, недостатокъ образованія, развитіемъ ума сдерживающаго порывы чувствъ, охлаждающаго человѣка, дающаго ему ровность въ дѣйствіяхъ — эта же юность общества и недостатокъ образованія производили шаткость, отсутствіе послѣдовательности, крутые переходы, сильное паденіе: все это мы увидимъ въ Никонѣ.

Мы видѣли, что Никонъ, благодаря своему характеру, давно уже успѣлъ нажить себѣ враговъ между вельможами, и царь Алексѣй долженъ былъ умолять еще Новгородскаго митрополита сдерживать свое властелинство. Но возведеніе на патіаршество съ условіемъ повиновенія отъ возводившихъ,

размѣры полититескаго вліянія, уступленнаго царемъ патріарху, и наконецъ правительство во время отсутствія царя развили это властелинство до высшей степени и необходимо должны были вести къ столкновеніямъ съ вельможами, къ столкновенію съ самимъ царемъ, который нашелъ перемѣну въ своемъ собинномъ пріятелѣ, и тѣмъ легче нашелъ ее, что въ немъ самомъ произошла перемѣна, что онъ на многое сталъ теперь смотрѣть иначе. Всякій, кто считалъ себя въ правѣ на какую-нибудь власть, на какое-нибудь вліяніе, необходимо сталкивался съ Никономъ, который не любилъ обращать вниманія на чужія права и притязанія, который считалъ для себя унизительнымъ и ненужнымъ пріобрѣтать союзниковъ, который не боялся и презиралъ враговъ. Сама царица, родственники ея Милославскіе, родственники государя по матери Стрѣшневы и всѣ другіе приближенные вельможи сдѣлались врагами Никона. Къ нимъ пристали и духовныя значительныя лица, оскорбленныя властелинствомъ, крутостію нрава Никона, жестокостію наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій.

Мы уже упоминали о неудовольствіяхъ, возбужденныхъ новизнами, вводимыми будто Морозовымъ, Ртищевымъ, Никономъ. Мы видѣли также, что подобныя новизны, или, по крайней мѣрѣ, попытки къ нимъ, начались уже давно; сначала, при Іоаннѣ III, сынѣ его Василіи видимъ страдательное пользованіе чужимъ знаніемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ иностранныхъ мастеровъ; Іоаннъ IV хочетъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и помѣха его желанію, сдѣланная Ливонцами, ведетъ естественно къ мысли о необходимости непосредственнаго сообщенія съ западною Европою, о необходимости пріобрѣтенія Балтійскихъ береговъ, для чего начинается Ливонская война; несчастный исходъ этой войны еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости сближенія съ западною Европою; при Годуновѣ являются иностран-

ныя дружины и слышатся жалобы на пристрастіе Русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковничество царя этому пристрастію; Русскіе люди отправляются учиться за границу; Лжедимитрій затѣваетъ преобразованія въ широкихъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движеніе къ новому, особенно когда приверженцы новаго явились по преимуществу въ Тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у Польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстаніе, восторжествовавшее во имя своей отцовской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленіе ко введенію западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: Русскія войска устроиваются на иностранный образецъ; происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранные мастера заводятъ производства свои, получаютъ привилегіи съ условіемъ учить Русскихъ людей; пользованіе плодами цивилизаціи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣятельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшіе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость новаго, необходимость преобразованій, и шли къ нимъ, разумѣется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движеніи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствія, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствія происходили естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особной жизни Русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенія. Горизонтъ Русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій; эта неизмѣняемость явленій необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи, они получали религіозный характеръ, религіозную неприкосновенность, измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ; такъ жили дѣды и отцы, измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Постоянная неподвижность внѣшнихъ окружающихъ явленій давитъ духъ человѣка, отнимаетъ у него способность

къ движенію, къ стремленію возобладать надъ окружающимъ міромъ и измѣнять его согласно съ своими потребностями; напротивъ, здѣсь внѣшній окружающій міръ господствуетъ надъ человѣкомъ, принимаетъ для него религіозное значеніе. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго народонаселенія, которое потому такъ упорно держится стараго, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣненіе является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ безпрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ перемѣнѣ, перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ веществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ, тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ Московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣть такого значенія, какое онъ имѣлъ въ западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское въ противоположность западнымъ, поморскимъ государствамъ, государствамъ городскимъ по преимуществу; въ немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей, промышленность мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба: мы видѣли, какъ Русскіе купцы объявляли, что имъ не стянуть съ иностранными, которые и богаче и ловчѣе ихъ, умѣютъ дѣйствовать вмѣстѣ, заодно. Такимъ образомъ сельскій бытъ со всѣми его неблагопріятными для развитія условіями преобладалъ въ Московскомъ государствѣ. Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество: самая продолжительность застоя необходимо

ивала силу упора противъ перемѣны, а сила упора, въ очередь, условливала силу противоположнаго стремленія, ивала тотъ переворотъ, къ которому мы приближаемся оемъ разказѣ.

и въ обществѣ, подобномъ Русскому XVII вѣка, вооб- ся внѣшняя обстановка жизни, вслѣдствіе долговремен- еизмѣняемости своей, пользуется религіознымъ уваженіесли считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, зить, то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно ся покушеніе произвести перемѣну во внѣшней обста- религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи бщенія, дающаго возможность различать существенное есущественнаго, перемѣна во внѣшнемъ, могущемъ из- ься, кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ и; мысль, что перемѣна есть исправленіе, не допускает- оедки, святые отцы такъ молились и спаслись, угодили прославились чудесами, а теперь говорятъ, что надоб- иться не такъ, говорятъ, что *святые* молились не такъ, надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встрево- древній Русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ, или ствахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что о мыслію многихъ было: надобно стоять за вѣру, пре- о отцами! Недавно Русская земля собиралась противъ изъ страха, что королевичь Литовскій истребитъ вѣру славную, а теперь свои задумали перемѣнить вѣру, вво- иное; но иное въ вѣрѣ, новое, чужое представлялось аче, какъ Латинскимъ, и вотъ мысль, что хотятъ у ихъ людей отнять православіе, ввести Латинскія новше- что надобно пострадать за вѣру, какъ страдали древніе мученики. «Намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ етъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ вы- ъ изъ Символа тамъ, идѣже глаголется о сынѣ Божіи Христѣ: «рожденна, *а* не сотворенна»; велика зѣло ъ семъ *азъ* сокровенна»[63]. Но древніе мученики стра- страданія ихъ повели къ торжеству вѣры Христовой:

что же такое теперь? зачѣмъ опять необходимость страданій? Откровеніе Богослова говоритъ, что въ послѣднія времена встанетъ страшный гонитель, врагъ Христа, антихристъ, который будетъ отводить отъ истинной вѣры и мучить неповинующихся ему. Извѣстно, какую силу имѣютъ апокалипсическія представленія надъ людьми, у которыхъ наука не умѣряетъ еще излишней живости воображенія: при каждой важной перемѣнѣ, борьбѣ, бѣдствіи имъ уже кажется, что наступаютъ послѣднія времена; извѣстно, какое одушевленіе сообщается человѣку убѣжденіемъ, что онъ живетъ во времена, изображенныя въ таинственной книгѣ Богослова, что борьба, которую ведетъ онъ, должна скоро окончиться торжествомъ Агнца и всѣхъ вѣрныхъ Ему. Протестанты, въ борьбѣ своей съ католицизмомъ, одушевлялись мыслію, что ратуютъ противъ апокалипсическаго Вавилона — Рима, противъ антихриста — папы. У насъ въ западной Россіи, когда тотъ же Римъ сдѣлалъ попытку посредствомъ уніи отторгнуть Русскую церковь отъ восточной, явилось немедленно представленіе объ антихристовыхъ временахъ. Наконецъ въ Московскомъ государствѣ, когда произошло исправленіе книгъ и вслѣдъ затѣмъ начались важныя перемѣны гражданскія, испуганному воображенію приверженцевъ старины сейчасъ же представились времена, изображенныя въ апокалипсисѣ, представились дѣйствія антихриста. Вслѣдствіе вліянія западно-русской литературы, возникшей во времена уніи, явилось представленіе о трехъ эпохахъ антихристовскихъ: первая эпоха — отпаденіе Рима папскаго отъ православія, вторая — отпаденіе западной Россіи въ унію, третья — отпаденіе восточной Россіи отъ православія вслѣдствіе перемѣнъ церковныхъ и гражданскихъ. Всѣ эти представленія, какъ ни легко рождались они при тогдашнемъ состояніи умовъ въ Московскомъ государствѣ, всѣ эти представленія не могли бы однако имѣть такой силы, произвести расколъ, если бы всѣ пастыри церкви, все священство, по образованію своему, сознавало законность перемѣнъ и умѣло истолковать паствѣ,

что перемѣны суть исправленія, возвращеніе къ древней правильности. Но между священниками, даже самыми видными, значительными, между монахами, привлекавшими общее вниманіе подвижничествомъ, даже между архіереями нашлись люди, которые взглянули на церковныя новизны, исправленія, какъ на нарушеніе истинной вѣры и такимъ образомъ дали вождей, опору движенію, направленному противъ преобразованій, противъ науки. Страсти человѣческія, разумѣется, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, оказали могущественное вліяніе. Стремленіе къ просвѣщенію, къ новизнамъ, къ преобразованіямъ преимущественно обнаруживалось въ молодомъ поколѣніи. Молодые люди, пріобрѣтя свѣдѣнія, необходимо начинали указывать на неправильности, толковать объ исправленіяхъ, необходимо становились учителями; кого же они учили? людей старыхъ, сановитыхъ, привыкшихъ считать свой авторитетъ неоспоримымъ, привыкшихъ быть учителями; а теперь они видятъ, что яица курицу учатъ, поднимаютъ голосъ люди молодые потому только, что выучились грамматикѣ у Малороссійскихъ монаховъ. Это оскорбляетъ стариковъ, они начинаютъ вооружаться противъ новыхъ мнѣній, противъ науки, которая вводитъ вредныя новизны и побуждаетъ молодыхъ людей вооружаться противъ старшихъ. Молодые, видя упорство стариковъ, теряютъ къ нимъ всякое уваженіе и, чтобъ поколебать ихъ авторитетъ и укрѣпить свой, клеймятъ ихъ невѣждами, не понимающими дѣла; самолюбія въ схваткѣ, борьба разгорается.

Мы видѣли, какъ шло дѣло исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Михаилѣ, какимъ гоненіямъ подверглись исправители, и какъ они, въ свою очередь, отплачивали гонителямъ выходками противъ ихъ невѣжества. Исправленіе продолжалось, ибо нельзя было печатать книгъ, не исправивши, не приведши текста къ единству; но гдѣ было взять исправителей? Вслѣдствіе недостатка учености явилась возможность посредствомъ видимаго исправленія вносить искаженія въ книги, что и было сдѣлано при патріархѣ Іосифѣ исправителями:

Степаномъ Вонифатьевымъ, Благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ; Иваномъ Нероновымъ, ключаремъ Успенскаго собора, потомъ протопопомъ Казанскаго въ Москвѣ; Ѳедоромъ, дьякономъ Благовѣщенскаго собора; Аввакумомъ, протопопомъ Юрьевца Повольскаго; Лазаремъ, священникомъ Романовскимъ; Никитою, священникомъ Суздальскимъ; Логгиномъ, протопопомъ Муромскимъ; Даниломъ, протопопомъ Костромскимъ и другими. Они внесли въ церковныя книги утвердившееся еще въ XVI вѣкѣ и внесенное въ Стоглавъ ученіе о сугубой аллилуія, о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, которое такимъ образомъ и сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами; Никонъ, будучи митрополитомъ Новгородскимъ и въ началѣ патріаршества, крестился такъ же.

Но эти самые исправители, которыхъ обыкновенно считаютъ начальниками раскола, были въ свое время людьми передовыми, требовали преобразованій, улучшеній и, въ свою очередь, терпѣли нареканіе какъ нововводители. Мудреный вопросъ о книжномъ исправленіи не могъ быть доступенъ многимъ; но лучшимъ людямъ бросался въ глаза страшный безпорядокъ въ богослуженіи: въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Ртищевъ сильно хлопоталъ объ уничтоженіи этого соблазна, говорилъ патріарху Іосифу, архіереямъ, боярамъ; помощникомъ ему былъ протопопъ Иванъ Нероновъ, который уговаривалъ священниковъ Московскихъ ввести единогласіе. Наконецъ оно было введено; вызваны пѣвчіе изъ Малороссіи; оттуда же, благодаря Ртищеву и его Андреевскимъ старцамъ, явился въ Москву обычай проповѣди, неслыханный прежде здѣсь. Но мы уже видѣли, какъ нѣкоторые смотрѣли на дѣятельность Ртищева, какъ смотрѣли на Малороссійскихъ монаховъ и вводимую ими науку, какъ смотрѣли на тѣхъ, которые для усовершенствованія въ наукѣ отправлялись въ Кіевъ. Новшества —

единогласное пѣніе и проповѣдь возбудили также негодованіе: Никольскій попъ Прокофій, гдѣ ни сойдется съ Гавриловскимъ попомъ Иваномъ, такъ начнетъ говорить ему: «Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церкви учить, а мы прежде людей въ церкви не учивали, учивали ихъ въ тайнѣ, бѣса вы имате въ себѣ, всѣ ханжи, и протопопъ Благовѣщенскій такой же ханжа!» 11 Февраля 1651 года собрались священники въ сѣняхъ тіунской избы, и начался у нихъ споръ о единогласіи; Лукинскій попъ Савва съ товарищами кричалъ: «Мнѣ къ выбору объ единогласіи руки не прикладывать, напередъ бы велѣли руки прикладывать о единогласіи боярамъ и окольничимъ: любо ль имъ будетъ единогласіе?» Гавриловскій попъ Иванъ возражалъ: «Вы презираете изволеніе Божіе, правила св. Отецъ, уставъ, государево повелѣніе и святительское благословеніе». — «Ты ханжа, мальчишка!» кричали ему противники: «ты уже былъ у патріарха въ смиреніи, будешь и еще; а намъ хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать!» [64]

Ртищеву помогалъ Нероновъ; Степанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ также съ ними заодно, потому что приверженцы старины и его называютъ ханжею. Но былъ вопросъ, въ которомъ Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами сильно расходились со Ртищевскими Малороссіянами, съ Епифаніемъ Славеницкимъ и товарищами его: этотъ вопросъ былъ объ исправленіи книгъ. Ученый Епифаній видѣлъ искаженія, которыя вносились въ книги невѣжественными издателями, и не молчалъ; приверженцы старины жаловались, что ученики Кіевскихъ старцевъ ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана, Степана и другихъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи находились дѣла, когда на патріаршескій престолъ вступилъ Никонъ. Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами не имѣли причины опасаться новаго патріарха, который былъ очень друженъ съ ними, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ Новгородскимъ, часто пріѣзжалъ на домъ къ духовнику и по пріятельски обо всемъ съ нимъ со-

вѣтовался; о книгахъ вопросъ не поднимался. Никонъ, подобно всѣмъ исправителямъ, крестился двумя перстами; что же касается до введенія порядка въ богослуженіе, то Никонъ не отставалъ отъ Московскихъ ревнителей, если и не опережалъ ихъ, будучи митрополитомъ Новгородскимъ. Но черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь по вступленіи Никона на патріаршество отношенія перемѣнились. По указаніямъ Славеницкаго, Греческаго духовенства и по собственному изслѣдованію Никонъ убѣдился, что книги испорчены. Но легко понять, какъ этимъ убѣжденіемъ оскорблялось самолюбіе исправителей, являвшихся теперь исказителями. Никонъ не обратилъ вниманія на ихъ оскорбленное самолюбіе. Во дворцѣ, въ присутствіи царя (въ концѣ 1653 или самомъ началѣ 1654 года) патріархъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ Русскихъ книгахъ съ Греческими и древними рукописями Славянскими и предложилъ вопросъ: «слѣдовать ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ, или Греческимъ и нашимъ старымъ?» Большинство отвѣчало утвердительно на вторую часть вопроса; но прямо воспротивился этому рѣшенію Коломенскій епископъ Павелъ и старые исправители съ нѣкоторыми другими духовными лицами. Вонифатьевъ впрочемъ уклонился и остался на прежнемъ мѣстѣ; но Нероновъ съ товарищами и епископъ Павелъ сильно упорствовали и были сосланы; дѣло исправленія было поручено Епифанію съ товарищами и Греческому монаху Арсенію, вызванному Никономъ изъ Соловокъ, куда онъ былъ сосланъ, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ Латинскихъ, западныхъ училищахъ и принимавшій временно Латинство, чтобъ быть допущеннымъ въ эти училища. Соборъ Греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ рѣшеніе Московскаго. Въ Москвѣ думали, что древнихъ Греческихъ и Славянскихъ книгъ, находившихся въ Россіи, еще мало, и потому отправленъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ на Аѳонъ и въ другія мѣста для пріобрѣтенія Греческихъ рукописей. Арсеній, ревностный староверъ [65], содѣйствовалъ однако дѣлу исправле-

нія, привезши до 500 рукописей, Греческіе архіереи прислали не менѣе 200. Пріѣхавшій въ Москву Антіохійскій патріархъ Макарій вмѣстѣ съ другими восточными архіереями торжественно объявилъ въ Успенскомъ соборѣ, въ недѣлю православія, что надобно креститься тремя перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестился двумя. Московскій соборъ 1656 подтвердилъ окончательно дѣло.

Но были люди, которые не хотѣли успокоиться на соборныхъ рѣшеніяхъ и свидѣтельствѣ Греческихъ архіереевъ. Нероновъ съ товарищами прислали царю челобитную: «Арсеній Грекъ взятъ въ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ келіи, Никонъ его врага свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. Чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы! благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: зримъ въ нихъ ниедину отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеви покоя ради не хотятъ». Царь не обращалъ вниманія на эти посланія, передавалъ ихъ Никону; но въ народѣ обращали на нихъ большое вниманіе, и мы видѣли, какъ въ 1654 году, во время моровой язвы въ Москвѣ, толпа высказалась противъ Никона и Арсенія Грека. Опасенія потерять правую вѣру предковъ чрезъ новшества и страхъ предъ временами антихристовыми волновали не одни низшіе слои народные. Духовный сынъ Неронова, знатный человѣкъ Плещеевъ, писалъ къ своему духовнику въ мѣсто его заточенія, въ Спасокаменный монастырь: «И мню нѣцыи раздоры внити хощутъ вскорѣ и непокарающимся бѣды и мученія навестися хощутъ... Сбудутся хотящіи быти раздоры, по прореченію книги о вѣрѣ, въ ней же пишетъ о отпаденіи запада и отступленіи юнитовъ къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста. Повелѣ бо и намъ отъ таковыхъ же винъ опасеніе имѣти

егда исполнится отъ воплющенія Сына Божія 1666 лѣтъ... Духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ» [66].

Но Плещеевъ съ товарищами напрасно обращался къ Неронову за подтвержденіемъ своихъ страховъ предъ антихристомъ. Московскіе протопопы Нероновъ, Вонифатьевъ не были способны стать въ челѣ раскольническаго движенія, сообщить ему особенную силу. Они сами были люди передовые, и если враждебно отнеслись къ исправленію книгъ и Никону, то вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, а не изъ фанатической приверженности къ *азу*; изъ побужденій оскорбленнаго самолюбія Нероновъ готовъ былъ всѣми средствами дѣйствовать противъ Никона и Никоновскаго дѣла, но не былъ способенъ изъ-за *аза* претерпѣть не только смерти, но и заточенія. Никонъ, съ своей стороны, не относился фанатически къ дѣлу исправленія: онъ былъ способенъ, по своей природѣ, очень жестоко поступить съ тѣми, кто возвышалъ голосъ противъ него, противъ его власти, противъ его дѣла; но какъ скоро эти люди приносили свои вины передъ святѣйшимъ, онъ готовъ былъ на уступки.

Благодаря посредничеству духовника Вонифатьева, Нероновъ возвратился въ Москву, объявилъ, что подчиняется рѣшенію вселенскихъ патріарховъ; по просьбѣ самого Неронова, постригшагося въ монахи подъ именемъ Григорія, освобождены были и другіе узники за расколъ; Никонъ, въ знакъ забвенія прошлаго, отдалъ Неронову всѣ письма, которыя они писали на него царю и Вонифатьеву; мало того: патріархъ объявилъ Неронову, что все равно, можно служить и по старымъ служебникамъ, и не обращалъ вниманія на то, что въ самомъ Успенскомъ соборѣ, по увѣщаніямъ Неронова, говорили *ἀллилуіа* по дважды. Но эти уступки не могли быть тогда поняты большинствомъ, ибо не могло быть понято самое главное, что дѣло идетъ о внѣшнемъ, несущественномъ: перемѣна относительно двоенія или троенія ал-

лилуія считалась перемѣною въ вѣрѣ, и потому не могли успокоиться на томъ, что можно исповѣдовать одинаково и правую и неправую вѣру, какъ кому угодно. Вонифатьевъ, Нероновъ могли идти на сдѣлку; но не хотѣли идти на сдѣлку товарищи ихъ — Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, которые, по этой самой неспособности къ сдѣлкамъ, по ревности, не знающей границъ, по готовности умереть за *азъ*, производили сильнѣйшее впечатлѣніе и пріобрѣтали приверженцевъ дѣлу, имѣвшему такихъ отчаянныхъ бойцовъ. Скоро пріобрѣтенъ былъ новый сильный союзникъ: это былъ монахъ Капитонъ, обращавшій на себя вниманіе необыкновеннымъ постничествомъ, и потому прослывшій праведникомъ. Наконецъ противъ Никоновыхъ новшествъ объявилъ себя одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей. Въ Августѣ 1657 года пріѣхалъ въ Холмогоры Софійскаго дома сынъ боярскій съ новыми печатными церковными книгами и съ приказомъ отъ Новгородскаго митрополита Макарія раздавать книги по епархіи. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Соловецкаго старца Іосифа, накинулъ на него 18 книгъ и доправилъ денегъ 23 рубля, 8 алтынъ, двѣ деньги. Іосифъ отослалъ книги въ монастырь; архимандритъ Илья созвалъ черный соборъ и объявилъ присылку; священники и дьяконы посмотрѣли книги и сказали: будемъ служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы сперва учились и привыкли; мы, старики, и по старымъ служебникамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ на старости лѣтъ учиться не можемъ же да и некогда, что и учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться, а не навыкнуть, лучше съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быть». Тутъ братія закричали: «Если священники станутъ служить по новымъ служебникамъ, то мы отъ нихъ и причащаться не хотимъ; если же на отца нашего, архимандрита Илію, придетъ какая кручина или жестокое повелѣніе, то намъ всею братьею патріарху и митрополиту бить челомъ своими голо-

вами, стоять всѣмъ заодно и ни въ чемъ архимандрита не подать».

Но не всѣ были согласны на это рѣшеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣлились впослѣдствіи, и въ 1658 году явилась отъ нихъ грамота къ патріарху: «Бьютъ челомъ и извѣщаютъ богомольцы твои, Соловецкаго монастыря попы: Виталій, Кириллъ, Садофъ, Никонъ, Спиридонъ и Германъ, на архимандрита Илію и его совѣтниковъ: въ прошломъ 1657 году присланы въ Соловецкій монастырь служебники твоего государева исправленія; архимандритъ Илья принялъ ихъ тайно съ своими совѣтниками, и, не объявя ихъ никому изъ насъ, положилъ въ казенную палату, и лежатъ они тамъ другой годъ непереплетенные; но когда объ нихъ узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебниковъ намъ не покажутъ? И вотъ въ нынѣшнемъ 1658 году, на шестой недѣлѣ Великаго поста, архимандритъ съ своими совѣтниками написали приговоръ о служебникахъ, и, созвавши насъ, всѣхъ поповъ, принудилъ архимандритъ великими угрозами и прещеніемъ прикладывать руки къ своему бездѣльному приговору, складывая смуту и бѣду съ себя на насъ, будто онъ служебники намъ давалъ, а мы у него не приняли; но мы у него служебниковъ просили посмотрѣть, а онъ намъ и посмотрѣть не далъ, меня, попа Германа, дважды плетьми били за то только, что обѣдню пропѣлъ по новымъ служебникамъ. Какъ начали съ Руси въ монастырь пріѣзжать богомольцы и стали зазирать, что въ Соловкахъ служатъ по старымъ служебникамъ, то архимандритъ, услыхавъ это, вымыслилъ новый приговоръ, уже не тайно, а объявилъ всей братьи, что отнюдь нынѣшнихъ служебниковъ не принимать, а намъ, всей братьи, за архимандрита стоять, и, написавъ приговоръ 8 Іюня, собралъ онъ всю братью въ трапезу на черный соборъ; случились въ то время богомольцы разныхъ городовъ и произошелъ шумъ великій: началъ архимандритъ говорить всей братьи со слезами: «Видите, братья, послѣднее время: встали новые учители, отъ вѣры православной и

отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на Ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть какъ и отцы наши!» Тутъ всѣ закричали великими голосами: «Намъ Латинской службы и еретическаго чина не принимать, причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ». Да и все Поморье онъ, архимандритъ, утверждаетъ, по волостямъ монастырскимъ и по усольямъ заказываетъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали. Мы къ такому приговору рукъ прикладывать не хотѣли, такъ на насъ архимандритъ закричалъ съ своими совѣтниками какъ дикіе звѣри: «хотите Латынскую еретическую службу служить! живыхъ не выпустимъ изъ трапезы!» Мы испугались и приложили руки».

Эта челобитная пришла въ Москву, когда Никону было уже не до Соловокъ. Мы видѣли, сколько вражды накликалъ на себя патріархъ своимъ *великимъ государствованіемъ*. Враги новшествъ подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружались противъ него, не какъ противъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха: «Прежнія пошлины съ духовенства за рукоположеніе брать онъ не велѣлъ, только новый порядокъ установилъ: ставленникамъ велѣлъ привозить отписки отъ десятильниковъ и отъ поповскихъ старостъ, гдѣ кто въ какой десятинѣ живетъ; за такою отпискою пройдетъ недѣли по двѣ и по четыре, да харчу станетъ рубль и два; пріѣдетъ съ отпискою къ Москвѣ и живетъ здѣсь недѣль по 15 и по 30, и становится поповство рублей по пяти и по шести, кромѣ своего харчу, даютъ посулы архидіакону и дьякамъ; иные волочатся въ Москвѣ недѣль 10 и больше, да отошлетъ ставиться въ Казань. Иные ставленники пропадаютъ и безвѣстно животъ свой мучатъ въ Москвѣ, къ слушанью ходятъ, да насилу недѣли въ двѣ дождутся слушанья, ждутъ часу до пятаго и до шестаго ночи зимнею порою, побредетъ иной ночью къ себѣ на подворье да и пропадетъ безъ вѣсти, а нигдѣ на патріарховѣ дворѣ пускать не велѣно. При прежнихъ па-

тріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ ночевали въ хлѣбнѣ, а при Іоасафѣ патріархѣ ставленники зимнею порою всѣ дожидались въ крестовой, а ночевали въ хлѣбнѣ безденежно; а нынѣ и въ сѣняхъ не велятъ стоять, зимою мучатся на крыльцѣ. При прежнихъ святителяхъ до самыхъ крестовыхъ сѣней и къ казначею, и къ ризничему, и въ казенный приказъ, рано и поздо, ходить было невозбранно; а нынѣ у святителя устроено подобно адову подписанію, страшно приблизиться и ко вратамъ, потому что одни ворота и тѣ постоянно заперты. Священники не смѣютъ ходить въ церковь къ благословенію, не то что о невѣдомыхъ вещахъ допросить, только всегда, во всякое время невозбранно ходятъ къ благословенію жонки да дѣвки: тѣмъ нынѣ время и челобитныя принимаетъ отъ нихъ невозбранно. Нынѣ на Москвѣ вдовые попы служатъ: или они святы стали? или объ нихъ знаменіе съ небеси было? а бѣднымъ сельскимъ запрещено, иной останется съ сиротами, съ пятью, шестью и больше, сами и землю пашутъ. Патріаршая область огромная: иныя мѣста верстъ на 800 отъ Москвы, и прежде попы отсюда ставились у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ имѣніе: и теперь такъ остается. Іосифъ же попамъ перехожихъ грамотъ давать не велѣлъ по городамъ съ десятильническихъ дворовъ, а велѣлъ давать на Москвѣ изъ казеннаго приказа, хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подъячихъ. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по 6, 7, 10 и 15 кромѣ своего харчу, волочились недѣль по 20 и по 30, а иной бѣдный человѣкъ поживетъ на Москвѣ недѣль 10 и больше, да проѣстъ рублей 5, 6 и больше, и уѣдетъ безъ перехожей; многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадьи и дѣти ихъ скитаются межъ дворовъ. Святитель Никонъ всего этого очень держится, а въ правилахъ написано отъ церкви къ церкви не переходить. И священники отнюдь изъ воли отъ церкви къ церкви не переходятъ, изо ста не найдется пяти человѣкъ поповъ, которые бы пе-

решли изъ воли безъ гоненія, все переходятъ рыдая и плача, потому что поповъ и дьяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и цѣпи сажаютъ, бьютъ и отъ церкви отсылаютъ. Хотя которому попу и бить челомъ тебѣ государю, но за тѣмъ ходить будетъ полгода или годъ, да попъ или дьяконъ насилу правъ будетъ, потому что и въ приказъ даромъ сторожа никакими мѣрами не пустятъ, а къ подъячему или дьяку и поминать нечего. Когда было у патріарха приказано въ казнѣ Ивану Кокошилову, то людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, а самому рублей по 5 и по 6 деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да женѣ его переносятъ гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ, никакими мѣрами на дворъ не пустятъ. Если и придется кому заплатить за безчестье попа или дьякона, то бояться нечего, потому что, по благому совѣту бояръ твоихъ, безчестье положено очень тяжкое Мордвину, Черемисину, попу пять рублей да четвертая собака—пять же рублей! и нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: бей попа что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь 5 рублей. Иноземцы удивляются, а иные плачутъ, что такъ обезчещенъ чинъ церковный! Года два тому назадъ новаго города Корсуня протопопъ пріѣзжалъ съ святительскою казною, дьяку Ивану Кокошилову и женѣ его и людямъ рублей на 10 перешло отъ него и казну приняли; надобно было взять отъ него еще отписи, онъ тутъ денегъ не далъ и за то волочился многое время и, не хотя умереть голодною смертію, голову свою закабалилъ въ десяти рубляхъ да женѣ дьяка отнесъ, и она у него взяла. Въ это время, по твоему указу, битъ кнутомъ за посулъ Кропоткинъ; дьякъ испугался, чтобъ протопопъ не сталъ бить на него челомъ, да и скажи патріарху, какъ будто протопопъ подкинулъ женѣ его 10 рублей, и патріархъ приказалъ его же протопопа посадить на цѣпь и, муча его въ разрядѣ многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ

А того отнюдь не бываетъ, чтобъ старосту поповскаго, пріѣхавшаго съ доходами, взять къ себѣ въ крестовую да разспросить о всякихъ мѣрахъ. При прежнихъ патріархахъ, изъ которой десятины пріѣдетъ староста поповскій, сперва будетъ у патріарха въ крестовой у благословенія, святитель его пожалуетъ, велитъ кормить и приказываетъ дьяку казну принимать не задерживая, и отдача тогда становилась съ большой десятины рубля три и четыре дьяку, а подъячему рубля два или три, да проживетъ въ Москвѣ за отдачею 10 дней, много недѣли двѣ, да всякій день приходитъ къ святителю и святитель разспрашиваетъ о всякихъ мѣрахъ и подачами жалуетъ мало не всякій день. А нынѣ, за свои согрѣшенія, всего того лишились. Да онъ же святитель велѣлъ во всей области переписать въ городахъ и уѣздахъ и данью обложилъ вновь, да въ окладѣ же велѣлъ положить съ попова двора по 8 денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, пономарева и просвирнина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по 6 денегъ, съ копны сѣна по двѣ деньги. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Никонъ же велѣлъ собрать во всемъ государствѣ съ церквей лошадей, да челомъ ударилъ государю (1655 годъ), да и тутъ лошадей съ 400 или съ 500 разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь ли, свѣтъ премилостивый, что онъ возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Есть ли обычай святителямъ бранныя потребы строить? сей же святитель принялъ власть строить вмѣсто Евангелія бердыши, вмѣсто креста топорки тебѣ на помощь, на бранныя потребы».

Здѣсь Никона обвиняютъ, вопервыхъ, въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиненіе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ. Патріархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко». — «Я

подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быть не хочу» говорилъ однажды Нероновъ Никону: «да какая тебѣ честь, владыка святый, что всякому ты страшенъ, и другъ другу грозя говорятъ: знаете ли кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь: государевы-царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха! Не знаю, какой образъ или званіе ты принялъ?» Но и подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что посланцевъ патріаршескихъ боятся больше чѣмъ царскихъ, что великій государь патріархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ великимъ государемъ царемъ, но стремится превысить его; вступается во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, памяти указныя въ приказы отъ себя посылаетъ, дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ. Когда Алексѣй Михайловичъ окончательно повѣрилъ этимъ внушеніямъ, неизвѣстно; очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печальной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная, капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбье подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душою; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ или что все еще хладнокровенъ, пока наконецъ какое-нибудь ничтожное обстоятельство не вскроетъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху, царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой разсчетъ съ Никономъ; онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочелъ бѣгство. Онъ сталъ удаляться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это, и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражи-

ли Никона, привыкшаго къ противному; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снизойти до того, чтобъ искать объясненія и кроткими средствами уничтожить нелюбье въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся, и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя.

Какъ скоро вельможи, враждебные патріарху, увѣрились, что ихъ сторона взяла верхъ, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество [67]. Лѣтомъ 1658 года былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю пріѣзда въ Москву Грузинскаго царевича Теймураза; окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ путь царевичу; онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣляя палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы; случилось, что попался ему подъ палку дворянинъ патріаршій: «Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ!» закричалъ дворянинъ: «вѣдь я не просто сюда пришелъ, а съ дѣломъ». — «Ты кто такой?» спросилъ окольничій. — «Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланный», отвѣчалъ дворянинъ. — «Не чванься!» закричалъ Хитрово, и съ этими словами ударилъ его въ другой разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться патріарху, и тотъ своею рукою написалъ къ царю, прося розыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручною запискою, что велитъ сыскать и самъ повидается съ патріархомъ. Но свиданія не было. Наступило 8 Іюля, праздникъ Казанской Богородицы, крестный ходъ: царь не былъ въ Казанскомъ соборѣ ни на одной службѣ; черезъ день, 10-го числа, былъ также большой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавняго времени, праздникъ ризы Господней, принесенный изъ Персіи при царѣ Михаилѣ; передъ обѣднею явился къ патріарху князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобъ не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Но къ этому приказанію Ромодановскій прибавилъ еще другое: «Царское величество на тебя гнѣвенъ» сказалъ онъ: «ты пишешься великимъ госуда-

ремъ, а у насъ одинъ великій государь царь».—«Называюсь я великимъ государемъ не самъ собою» отвѣчалъ Никонъ: «такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество, свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою».—«Царское величество» продолжалъ Ромодановскій: «почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, чтобъ ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будетъ». Разговоръ этимъ кончился; Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню, и послѣ причастія велѣлъ ключарю поставить по сторожу, чтобъ не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ! Пропѣли «Буди имя Господне», народъ столпился около амвона слушать поученіе и услыхалъ странныя слова: «Лѣнивъ я былъ васъ учить» говорилъ патріархъ: «не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ, если же помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ лобному мѣсту сбирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы Латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ Нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ какимъ образамъ надобно вѣрить и покланяться (при этомъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконастасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ, новыя-де книги завелъ! И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ. Я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, а вы, въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣли меня каменіемъ побить; но Христосъ насъ одинъ разъ кровію искупилъ, а меня вамъ каменіемъ побить — и мнѣ никого кровію своею не избавить, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ отъ сего времени не буду патріархъ». Кончилъ и сталъ разоблачаться; послышались

всхлипыванія, голоса: «кому ты насъ сирыхъ оставляешь!»— «Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ», отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ письмо къ царю: «Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ». Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантію съ источниками, а клобукъ черный, посохъ Петра митрополита поставилъ на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую палку и пошелъ было изъ собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его, выпустилъ только Крутицкаго митрополита Питирима, который пошелъ во дворецъ сказать царю, что̀ дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился: «Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ» сказалъ онъ, и отправилъ въ соборъ самаго сановитаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 году этотъ же самый Трубецкой передъ отправленіемъ въ походъ съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, бывшаго во всей своей силѣ и славѣ! И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что подошелъ подъ благословеніе къ патріарху, но получилъ въ отвѣтъ: «Прошло мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ». — «Какое твое недостоинство? что ты сдѣлалъ?» спрашивалъ простодушно Трубецкой. — «Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться», отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще больше смутился: «Это не мое дѣло, не кайся, скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престолъ свой оставляешь? живи, не оставляй престола! великій государь нашъ тебя жалуетъ и радъ тебѣ».—«Поднеси это государю» сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо: «попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью». Трубецкой отправился во дворецъ; Никонъ, въ сильномъ волненіи, то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ

къ дверямъ; но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними; но вмѣсто царя вошелъ опять Трубецкой и, отдавая Никону письмо его назадъ, говорилъ именемъ царскимъ, чтобъ онъ патріаршество не оставлялъ, а келій на патріаршемъ дворѣ много. «Уже я слова своего не перемѣню» отвѣчалъ Никонъ: «да и давно у меня обѣщаніе, что патріархомъ не быть». Поклонившись боярину, патріархъ вышелъ изъ церкви, но когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на нее и выпрягъ лошадь; Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ, но народъ забѣжалъ впередъ и заперъ ворота; Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ явились посланные изъ дворца и заставили отворить ворота; Никонъ всталъ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпустилъ его и чрезъ нѣсколько времени самъ отправился въ Воскресенскій монастырь [68].

На третій день, 12-го Іюля, туда поѣхали къ нему князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой и дьякъ Ларіонъ Лопухинъ: «Для чего ты, святѣйшій патріархъ» спрашивалъ Трубецкой: «поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія? а если бы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честію. Ты бы, продолжалъ бояринъ, подалъ великому государю, государынѣ царицѣ и дѣтямъ ихъ благословеніе; благословилъ бы и того, кому изволитъ Богъ быть на твоемъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь Крутицкому патріарху».—«Чтобъ государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили» отвѣчалъ Никонъ: «а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и кто будетъ патріархомъ, того благословляю; бью челомъ, чтобъ церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь вѣдать благословляю Крутицко-

му митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великому государю, и въ томъ передъ нимъ виноватъ: испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобъ мнѣ въ патріархахъ не умереть; а впередъ я въ патріархахъ быть не хочу, а если захочу, то проклятъ буду, анаѳема».

Повидимому Никонъ совершенно успокоился, принявъ твердое намѣреніе не возвращаться на патріаршество и занявшись исключительно заботами о своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ; необыкновеннымъ смиреніемъ дышетъ письмо его къ царю, отправленное съ Трубецкимъ или вслѣдъ за нимъ: «Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, *бывшій* патріархъ, о вашемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога ей-ей со слезами молю и милости у васъ государей и прощенія прошу, Бога ради простите мнѣ многое къ вамъ согрѣшеніе, которому воистину нѣтъ числа. По отшествіи вашего боярина, князя Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію милостиваго указа, не дождался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь». Пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и объявилъ Никону отъ имени царскаго, что бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ опасно боленъ, и если патріарху была на него какая-нибудь досада, то онъ бы простилъ умирающаго. Никонъ письменно отвѣчалъ государю: «Мы никакой досады отъ Бориса Ивановича не видали, кромѣ любви и милости; а хотя бы что-нибудь и было, то мы Христовы подражатели, и его Господь Богъ проститъ, если, какъ человѣкъ, въ чемъ-нибудь виноватъ предъ нами. Мы теперь оскудѣли всѣмъ, и потому молимъ твою кротость пожаловатъ что-нибудь для созиданія храма Христова Воскресенія и намъ бѣднымъ на пропитаніе; а мы ради поминать его боярина, ничто такъ не пользуетъ нашей души, какъ созданіе св. церквей; а всего полезнѣе для души его было бы, еслибъ онъ изволилъ положиться въ домѣ живоноснаго Воскресенія, при св. Голгоѳѣ: и память бы

такого великаго боярина не престала во вѣки, и Богъ бы, ради нашихъ смиренныхъ молитвъ, упокоилъ его».

Но скоро тонъ писемъ Никона и разговоръ его съ посланными царскими измѣняется. Раздраженный окончательно рѣчами Ромодановскаго 10 Іюля, Никонъ рѣшился поразить царя и народъ своимъ удаленіемъ; впечатлѣніе было произведено сильное, какъ мы видѣли, но все не такое, какого могъ ожидать Никонъ: царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ его остаться, не просилъ торжественно прощенія, сцена, происходившая при избраніи Никона на патріаршество, не повторилась. Но за то и рѣчи, которыя позволилъ себѣ Ромодановскій, не повторялись болѣе; посланные царскіе относились къ Никону съ уваженіемъ, царь присылалъ съ теплыми словами, напоминавшими прежнія отношенія. Эти присылки и медленность царя относительно избранія новаго патріарха испугали враговъ Никона: они видѣли, какъ царь волнуется тяжелыми сомнѣніями —хорошо ли поступлено съ Никономъ, дѣйствительно ли онъ виновенъ? И вотъ враги Никона стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывшій патріархъ дѣйствительно виновенъ. Самъ царь далъ знать Никону объ опасности, пославши сказать ему, что только онъ, государь, да еще князь Юрій (Долгорукій?) добры до него. Скоро послѣ этого Никонъ узнаетъ, что враги подъ нимъ подъискиваются, хотятъ показать его неправды, его грѣхи, его недостоинство, показать, что напрасно Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія неправеднаго, не стерпя неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что ему слѣдовало оставить патріаршество по своему собственному недостоинству. Никонъ увидалъ передъ собою ту бездну, къ которой привелъ его поступокъ 10 Іюля; возврата не было, и вотъ поднимаются искушенія: человѣкъ, привыкшій стоять на первомъ планѣ, привыкшій, чтобъ все и всѣ къ нему относились, всѣ предъ нимъ преклонялись, оставленъ, забытъ! мало того: отданъ на жертву врагамъ, которые позорятъ его! человѣкъ, привыкшій къ

обширной и видной дѣятельности, принужденъ ограничиться мелкими заботами о постройкѣ монастыря. Явились и другія искушенія; привыкши къ роскоши, изобилію во всемъ, Никонъ сильно чувствовалъ отсутствіе этой роскоши, этого изобилія въ Воскресенскомъ монастырѣ. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздражаться; нравственнаго величія, христіанскаго духа Никону недоставало для преодолѣнія искушеній, и вотъ онъ ищетъ средствъ, какъ бы удержаться въ выгодномъ положеніи и относительно чести, и относительно средствъ жизни, выставляетъ такія права свои, которыя могли казаться незаконными и опасными даже и не врагамъ его. Раздраженіе, борьба и соблазнъ усиливаются.

Патріарху дали знать, что пересматривали его бумаги, что всякихъ чиномъ людямъ запрещено ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь, и Никонъ пишетъ къ государю: «Молю не прогнѣваться на богомольца вашего, рѣшаюсь писать къ тебѣ о нужнѣйшихъ дѣлахъ, уповая на прежде бывшій твой благій нравъ о Бозѣ. Слышалъ я, что ты велѣлъ возвратить, что̀ прежде далъ святой великой церкви: умоляю тебя Господомъ не дѣлать этого. Ты, великій государь, чрезъ стольника своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина прислалъ мнѣ свое милостивое прощеніе, а теперь, какъ слышу, ты поступаешь со мною не какъ съ человѣкомъ прощеннымъ, но какъ съ послѣднимъ злодѣемъ: пересмотрѣны худыя мои вещи, оставшіяся въ кельѣ, пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ какъ первосвятитель и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя; также много писемъ отъ другихъ людей, которые требовали у меня разрѣшенія въ грѣхахъ: этого никому не должно знать, ни самому тебѣ. Дивлюсь, какъ ты скоро дошелъ до такого дерзновенія? прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не

только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить. Вскую наше нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ? Слышимъ, что все это дѣлается для того, чтобъ отобрать твои грамоты, въ которыхъ ты писалъ насъ великимъ государемъ, не по нашей волѣ, а по своему изволенію; не знаю откуда взялось это названіе? но думаю, что отъ тебя: ты писалъ такъ во всѣхъ своихъ грамотахъ, и къ тебѣ такъ писано въ отпискахъ изо всѣхъ полковъ, во всякихъ дѣлахъ, и невозможно этого исправить. Да потребится злое мое и горделивое проклятое названіе, хотя и не по своей волѣ получилъ я его; надѣюсь на Господа, что нигдѣ не найдется моего хотѣнія и велѣнія на это, развѣ ложно сочинятъ; ради этихъ ложныхъ сочиненій я много пострадалъ и стражду Господа ради отъ лжебратіи: что сказано мною со смиреніемъ, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими лживыми словами возвеличенъ гнѣвъ твой на меня; истязуютъ отъ меня то, чего не хотѣлъ, не искалъ — называться великимъ государемъ, передъ всѣми людьми укоренъ и поруганъ понапрасну; думаю, и ты помнишь, что и во св. литургіи слыхалъ по нашему указу кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ. Былъ я нѣкогда во всякомъ богатствѣ и единотрапезенъ съ тобою, не стыжусь этимъ похвалиться; и питанъ былъ какъ телецъ на заколѣніе жирными многими пищами по обычаю вашему государеву; много этимъ насладившись, скоро не могу забыть: такъ теперь 25 Іюля всѣ веселились, всѣ праздновали рожденіе благовѣрной царевны Анны Михайловны; одинъ я, какъ песъ, лишенъ богатой вашей трапезы, но и псы питаются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господъ своихъ; если я не считался врагомъ, то не былъ бы лишенъ малаго ломтя хлѣба отъ богатой вашей трапезы. Пишу это не потому, что хлѣба лишаюсь, но требуя милости и любви отъ тебя, великаго государя. Молю: перестань, Господа ради, понапрасну гнѣваться; я больше всѣхъ людей оболганъ тебѣ, поношенъ и укоренъ неправедно; потому молю, перемѣнись ко мнѣ Господа ради

и не дѣлай мнѣ грѣшному немилосердія; чего себѣ не хочешь, другимъ не дѣлай. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ всѣ знали твои тайны противъ твоей воли? Какъ будешь помилованъ, самъ не бывши милостивъ? И не одинъ я, но многіе ради меня страдаютъ. Недавно ты приказывалъ ко мнѣ съ княземъ Юріемъ, что только ты да князь Юрій до меня добры; а теперь одинъ ты ко мнѣ убогому богомольцу очень немилостивъ явился, хотящимъ меня миловать возбраняешь, всѣмъ накрѣпко запрещено приходить ко мнѣ. Господа Бога ради молю, перестань! Если ты и царь великій, отъ Бога поставленный, но поставленный для правды: а какая моя неправда предъ тобою? что ради церкви просилъ суда на обидящаго? и вмѣсто суда праведнаго получилъ отвѣты полные немилосердія! Нынѣ же слышу, что, вопреки законамъ церковнымъ, самъ дерзаешь судить церковный чинъ, чего не повелѣно тебѣ Богомъ. Нѣкоторые говорятъ, что я много казны взялъ съ собою; не взялъ, но сколько будетъ издержано на церковное строеніе, и по времени хотѣлъ отдать, и что̀ дано Воскресенскому казначею во время моего отъѣзда, и то дано не ради корысти, но чтобъ не оставить братію въ долгу, потому что съ работниками нечѣмъ было расплатиться. А другія издержки сдѣланы на глазахъ всѣхъ людей: дворъ Московскій выстроенъ — сталъ тысячъ десатокъ и два и больше; насадный заводъ тысячъ въ десять сталъ; тебѣ, великому государю, десять тысячъ поднесъ на подъемъ ратныхъ людей; тысячъ съ десять въ казнѣ на лице; 9000 дано теперь на насадъ, прошлымъ лѣтомъ на 3000 рублей лошадей куплено; шапка архіерейская тысячъ пять-шесть стала, а инаго расхода, святый Богъ вѣсть, сколько убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, нищимъ роздано; тому всему книги есть въ казнѣ; но во всемъ каюсь, Господа ради прости, да самъ прощенъ будешь».

Никону доносили справедливо, что къ нему запрещено ѣздить: въ 1659 году пѣвчіе дьяки Иванъ Тверитиновъ и Савва Семеновъ, вопреки указу, были у патріарха въ Воскре-

комъ; ихъ взяли къ допросу и они разсказали свой раз-
ръ съ Никономъ: «Услышите» говорилъ патріархъ: «ка-
къ вамъ вѣсти недобрыя будутъ вскорѣ!» Говорилъ и про
вскаго: «Когда я былъ на Москвѣ, то на меня роптали,
о я Выговскаго принялъ; но вѣдь при мнѣ никакой отъ
неправды не было, а теперь онъ отошелъ отъ великаго
даря невѣдомо почему; когда я былъ, то великому госу-
о нихъ бивалъ челомъ и во всемъ заступался; а те-
стоитъ мнѣ только двѣ строчки написать Выговскому, и
будетъ по прежнему служить великому государю, и меня
ушаетъ; и прежде во всемъ добромъ меня слушивалъ;
о надобно ихъ держать умѣючи».
добные разговоры Никона съ посѣтителями, стараніе его
вить, какъ онъ необходимъ для государства, какъ все было
шо при немъ и все стало дурно послѣ него, разумѣется, не
и возбудить въ Москвѣ желанія позволить всѣмъ ѣздить въ
ресенскій монастырь. Царь отправилъ къ Никону дьяка Де-
я Башмакова объявить, что *духовенству* не было никакого
та ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь. Башма-
нашелъ патріарха въ пустыни близь монастыря, спро-
отъ имени государева о спасеніи и поднесъ жалованье:
церковное, муку пшеничную, медъ сырецъ, рыбу. Ни-
билъ челомъ за жалованье, спрашивалъ о государевомъ
олѣтнемъ здоровьѣ, и потомъ пошелъ къ обѣднѣ. Послѣ
ни патріархъ отправился изъ пустыни въ большой мона-
, передъ нимъ шли дѣти боярскіе; у монастырскихъ во-
по сторонамъ стояли стрѣльцы человѣкъ съ десять, на
стырѣ встрѣчалъ архимандритъ съ братьею. Вошедши въ
съ Башмаковымъ, Никонъ началъ жаловаться, что его
аютъ, что его не считаютъ больше патріархомъ: «Ме-
властями» говорилъ онъ: «много моихъ ставленниковъ,
бязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за сво-
уками, что будутъ почитать меня и слушаться. Я оста-
святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, Мос-
имъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патріар-

шества я не оставлялъ и благодать св. Духа отъ меня не отнята: въ Воскресенскомъ монастырѣ были два человѣка, одержимые чернымъ недугомъ, я объ нихъ молился, и они отъ своей болѣзни освободились; и когда я былъ на патріаршествѣ, и въ то время моими молитвами многіе отъ различныхъ болѣзней освободились».

Эти притязанія Никона сильно смутили царя, должны были смутить многихъ, даже и не враговъ Никона: теперь нельзя было приступить къ избранію новаго патріарха, не рѣшивши вопроса, въ какомъ же отношеніи будетъ находиться новый патріархъ къ старому? Притязанія Никона явно показывали, что онъ хочетъ сохранить первенствующее положеніе, хочетъ сохранить прежнюю власть надъ владыками, указывая на то, что они поставлены имъ и клялись быть ему послушными. Будетъ слѣдовательно два патріарха? И какъ выбирать новаго? какое значеніе дать при этомъ Никону, а Никонъ малымъ значеніемъ не удовольствуется! Онъ говоритъ, что благодать осталась съ нимъ, что онъ чудотворецъ! Скоро Никонъ высказался, какое онъ хочетъ имѣть значеніе при избраніи новаго патріарха. Крутицкій митрополитъ, который вслѣдствіе его удаленія принялъ управленіе дѣлами патріаршества, счелъ себя въ правѣ замѣнить патріарха и въ извѣстной церемоніи въ Вербное Воскресенье, когда патріархъ ѣздилъ на ослятѣ, представляя Христа, въѣзжавшаго такимъ образомъ въ Іерусалимъ. Никонъ, узнавши объ этомъ, послалъ такое письмо государю: «Нѣкто дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовать, въ недѣлю Вайй дѣяніе дѣйствовать. Я пишу это не самъ собою, и не желая возвращенія къ любоначалію и ко власти, какъ песъ къ своей блевотинѣ. Если хотите избирать патріарха благозаконно, праведно и божественно, да призовется наше смиреніе съ благоволеніемъ честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого божественная благодать изберетъ на великое архіерейство, того мы благословимъ и передадимъ божественную благодать,

какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіяваетъ свѣтъ, такъ отъ содержащаго божественную благодать пріидетъ она на новоизбраннаго чрезъ рукоположеніе, и въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигая многія другія свѣчи, не умаляется въ своемъ свѣтѣ».

Послѣ этого было ясно, что Русской церкви предстоитъ двупатріаршество. 1 Апрѣля 1659 года отправились къ Никону отъ царя думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ напомнить ему, что онъ отъ патріаршества отказался, и потому уже не слѣдуетъ ему вмѣшиваться въ дѣла церковныя. «Ты съ княземъ Трубецкимъ приказывалъ» говорилъ Елизаровъ: «что Московскимъ патріархомъ никогда не будешь, и дѣла тебѣ до архіерейскаго чина нѣтъ; а теперь пишешь, что Крутицкій митрополитъ дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея олюбодѣйствовать: оставя паству свою, писать тебѣ этого не довелось; дѣйство учинилъ митрополитъ по государеву указу, и прежде всегда такъ бывало». — «Первый архіерей» отвѣчалъ Никонъ: «во образъ Христовъ, а митрополиты, архіепископы и епископы во образъ апостоловъ, и рабу на сѣдалище господина держать не достоитъ; прежде дѣлали это по невѣдѣнію, и самъ я въ Новгородѣ дѣлалъ по невѣдѣнію, а во время архіерейства своего во многихъ суетахъ исправить этого не успѣлъ. А престолъ святительскій оставилъ я своею волею, никѣмъ не гонимъ, имени патріаршескаго я не отрицался, только не хочу называться Московскимъ, о возвращеніи же на прежній престолъ и въ мысляхъ у меня нѣтъ». Елизаровъ продолжалъ свое: «Впередъ о такихъ дѣлахъ къ великому государю не пиши, потому что ты патріаршество оставилъ». — Никонъ: «Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ благочестивымъ царямъ Греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали; я своею волею оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану». Елизаровъ: «При прежнихъ Греческихъ царяхъ процвѣтали ереси, и тѣ ереси пустынники

обличали, а теперь никакихъ ересей нѣтъ и тебѣ обличать некого». Никонъ: «Если митрополитъ дѣйствовалъ по указу великаго государя, то я великаго государя прощаю и благословеніе ему подаю».

Мы видѣли, какимъ ужасомъ поражена была Москва, когда пришла вѣсть о Конотопскомъ пораженіи: ждали хана и Выговскаго подъ царствующій градъ. Царь вспомнилъ о Никонѣ и послалъ предложить ему болѣе безопасное убѣжище, именно крѣпкій монастырь Макарія Колязинскаго. Никонъ встрѣтилъ жестко это предложеніе и сказалъ посланному: «Возвѣсти благочестивѣйшему государю, что я въ Колязинъ монастырь нейду, лучше мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ; а есть у меня и безъ Колязина монастыря, милостію Божіею и его государевою, свои монастыри крѣпкіе — Иверскій и Крестный, и я, доложась великому государю, пойду въ свои монастыри, и нынѣ возвѣсти великому государю, что иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться ему». Посланный не понялъ, о какомъ Зачатейскомъ монастырѣ говоритъ патріархъ, и спросилъ объясненія; Никонъ отвѣчалъ: «Тотъ, что на Варварскомъ Крестцѣ подъ горою у Зачатія». — «Вѣдь тамъ только тюрьма большая, а не монастырь» возразилъ посланный. — «Ну вотъ этотъ самый и Зачатейскій монастырь» отвѣчалъ Никонъ. Патріархъ пріѣхалъ въ Москву, видѣлся съ царемъ, съ царицею, принятъ почтительно, одаренъ, но развязки никакой не послѣдовало. Сохранилось любопытное извѣстіе одного иностранца, бывшаго тогда въ Москвѣ: пріѣхавши въ столицу, Никонъ хотѣлъ приклонить къ себѣ народъ, устроилъ трапезу для странныхъ, самъ обмывалъ имъ ноги; желая сложить вину продолжительной, тяжкой войны на государя, спрашивалъ, какъ будто ничего не зная, заключенъ ли миръ съ Поляками? Когда ему отвѣчали, что нѣтъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Святая кровь христіанская изъ-за пустяковъ проливается» и т. д. Узнавши объ этихъ разговорахъ, царь немедленно велѣлъ Никону выѣхать изъ Москвы [69].

Никонъ отправился въ Крестный монастырь. Въ началѣ 1660 года царь велѣлъ созвать духовный соборъ и предложилъ ему рѣшить трудный вопросъ. Соборъ открылся 17-го Февраля; прежде всего бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ принесъ письменныя сказки о томъ, какъ Никонъ оставилъ патріаршество; преосвященные приняли сказки и начали допрашивать свидѣтелей, священнаго чина людей по священству, а прочихъ по Евангельской заповѣди. Въ сказкахъ Крутицкаго митрополита Питирима и князя Трубецкаго было написано: «патріархъ Никонъ патріаршества своего отрекся съ клятвою»; въ остальныхъ сказкахъ о клятвѣ не было упомянуто, но во всѣхъ говорилось согласно, что Никонъ отъ патріаршества отрекся и впередъ на немъ обѣщался не быть. Соборъ послалъ боярина Салтыкова доложить великому государю, что святѣйшій патріархъ Никонъ, какъ дознано, оставилъ патріаршескій престолъ своею волею, и какъ великій государь укажетъ? Салтыковъ возвратился съ отвѣтомъ, что государь указалъ собору выписать изъ правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ все относящееся къ подобнымъ случаямъ, и у выписки велѣлъ быть: архіепископу Маркеллу Вологодскому, архіепископу Иларіону Рязанскому, Макарію Псковскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Свирскаго Александрова монастыря игумену Симону. 27 Февраля соборъ слушалъ выписи и разсуждалъ: Никонъ не внялъ прошенію великаго государя, объявленному князямъ Трубецкимъ; не внялъ прошенію архіереевъ и прочаго духовенства, бывшаго при его отреченіи въ Успенскомъ соборѣ; не объявилъ причину отреченія ни великому государю, ни архіереямъ, ни собору, не оставилъ никакого объясненія, объявилъ только, что отрекается ради своего невѣжества и грѣховъ. Послѣ этого разсужденія, соборъ опредѣлилъ по правиламъ: когда епископъ отречется отъ епископіи безъ благословной вины, то по прошествіи шести мѣсяцевъ поставлять другаго епископа; кромѣ того опредѣлилъ, что Никонъ долженъ быть чуждъ архіерейства, и чести, и священства. Трижды подносили государю правила,

на которыхъ основывался соборъ: царь медлилъ, наконецъ приказалъ пригласить на соборъ Грековъ, бывшихъ въ Москвѣ: Пароенія, митрополита Өивскаго, Кирилла, бывшаго архіепископа Андросскаго, Нектарія, архіепископа пагаційскаго. Греки подтвердили приговоръ Русскихъ, и царь велѣлъ подкрѣпить этотъ приговоръ въ Успенскомъ соборѣ при себѣ и при боярахъ. Дѣло оканчивалось: рѣшеніемъ собора уничтожались всѣ притязанія Никона на сохраненіе прежняго значенія, на право рукоположить новаго патріарха: онъ терялъ архіерейство, терялъ священство! Но вотъ Епифаній Славеницкій, первый ученый авторитетъ тогда въ Москвѣ, подаетъ протестъ: «Греки на соборѣ» пишетъ онъ: «прочли изъ своей Греческой книги выраженіе: «безумно убо есть епископства отрещися, держати же священства», и сказали, что это 16-е правило перваго и втораго собора. Я думалъ, что это правда, не дерзнулъ прекословить и далъ мое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха; но потомъ я сталъ искать и не нашелъ въ правилахъ этого реченія, вслѣдствіе чего беру назадъ свое согласіе на низверженіе Никона и каюсь. Ваше царское величество приказали мнѣ составить соборное опредѣленіе; я готовъ это сдѣлать относительно избранія и поставленія новаго патріарха, потому что это праведно, благополезно и правильно; о низверженіи же Никона не дерзаю писать, потому что не нашелъ такого правила, которое бы низвергало архіерея, оставившаго свой престолъ, но архіерейства не отрекшагося».

Это письмо ученѣйшаго старца остановило дѣло: выбрать новаго патріарха? но что дѣлать со старымъ, который не перестаетъ предъявлять своихъ притязаній на высшую власть въ церкви, который будетъ протестовать, что новаго патріарха поставили незаконно, ибо безъ вѣдома и рукоположенія стараго, и протестъ этотъ дастъ поводъ сомнѣваться въ законности новаго, произведетъ соблазнъ и раздѣленіе въ церкви, когда уже и безъ того было много соблазна и раздѣленія? Притомъ же письмо Епифанія показало, что собо-

ру Московскаго духовенства и пришлыхъ Грековъ вѣрить нельзя, что царь могъ согрѣшить, приведши въ исполненіе приговоръ собора, чего Алексѣй Михайловичъ боялся больше всего. Онъ былъ въ тяжкомъ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что Никонъ упорно стоялъ на своемъ. Въ то самое время, какъ въ Москвѣ соборъ разсуждалъ о Никоновомъ дѣлѣ, въ Февралѣ 1660 года, стольникъ Матвѣй Пушкинъ ѣхалъ къ патріарху въ Крестный монастырь съ ласковыми словами отъ царя, имѣвшими цѣлію выпросить у Никона письменное благословеніе на избраніе новагó патріарха: «Ты патріаршій престолъ изволилъ оставить» говорилъ ему Пушкинъ: «въ то время великій государь посылалъ къ тебѣ князя Трубецкаго не одинъ разъ, велѣлъ тебѣ говорить, чтобъ ты на патріаршій престолъ возвратился, ты отказалъ, не возвратился и великому государю благословеніе подалъ выбрать патріарха, кого онъ изволитъ. Послѣ того посыланы къ тебѣ думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ, ты и имъ сказалъ тѣ же рѣчи, что на патріаршескомъ престолѣ впередъ быть не хочешь: такъ ты бы о избраніи патріарха на свое мѣсто благословеніе подалъ и къ великому государю о томъ отписалъ». — «Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой на патріаршество меня не звалъ» отвѣчалъ Никонъ: «онъ мнѣ только въ Москвѣ въ соборной церкви сказалъ, чтобъ я возвратился. Елизаровъ меня на патріаршество не звалъ, а только мнѣ выговаривалъ; великому государю благословеніе мое всегда готово: невозможно рабу государя своего не благословлять; но патріарха поставить безъ меня я не благословляю: кому его безъ меня ставить и митру возложить, митру дали мнѣ вселенскіе патріархи, митрополиту митры на патріарха положить невозможно, да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? я живъ и благодать св. Духа со мною; оставилъ я престолъ, но архіерейства не оставлялъ; великому государю извѣстно, что и патріаршескій санъ и омофоръ взялъ я съ собою, а то у меня отложено давно, что въ Москвѣ на патріаршествѣ не быть.

У васъ всѣ власти моего рукоположенія; когда ставятся, въ исповѣданіи своемъ проклинаютъ они Григорія Символака за то, что онъ при живомъ митрополитѣ похитилъ святительскій престолъ; да архіереи же обѣщаются на поставленіи, что имъ другаго патріарха не хотѣть: такъ какъ же имъ новоизбраннаго патріарха безъ меня ставить? Если же великій государь позволитъ мнѣ быть въ Москву, то я новоизбраннаго патріарха поставлю, и, принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь. А которые монастыри я строилъ, тѣхъ бы великій государь отбирать у меня не велѣлъ, да указалъ бы отъ соборной церкви давать мнѣ часть, чѣмъ мнѣ быть сыту».

Требуя позволенія пріѣхать въ Москву и права рукоположить новаго патріарха для обезпеченія своей власти и своего матеріальнаго благосостоянія, Никонъ въ то же время не сомнѣвался сравнивать себя съ Аѳанасіемъ, Василіемъ Великими, съ св. Филиппомъ митрополитомъ. Изо всѣхъ бояръ одинъ Зюзинъ находился въ сношеніяхъ, въ перепискѣ съ патріархомъ: «Мы прочли въ письмѣ вашемъ, что о насъ жалѣете» писалъ ему Никонъ изъ Крестнаго монастыря: «но мы радуемся о покоѣ своемъ и вовсе не опечалены. Добро архіерейство во всезаконіи и въ чести своей, надобно попечаловаться о всенародномъ послѣднемъ сбытіи. Когда вѣра Евангельская начала сіять, тогда и архіерейство почиталось, когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась. И здѣсь въ Москвѣ невиннаго патріарха отставили, Ермогена возвели при жизни стараго: и сколько зла сдѣлалось! Твоему благородію извѣстно, что всѣ архіереи нашего рукоположенія, но не многіе по благословенію нашему служатъ Господу; но неблагословенный чѣмъ разнится отъ отлученнаго; а намъ первообразныхъ много, вотъ ихъ реестръ: Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Василій Великій, изъ здѣшнихъ Филиппъ митрополитъ». По письму отъ 28 Іюня Зюзинъ могъ дѣйствительно признать въ Никонѣ страдальца, отъ котораго враги хотятъ освободиться какими бы то ни было средствами:

«Мнѣ о себѣ другаго, кромѣ болѣзней и скорбей многихъ, писать нечего» — такъ начинаетъ Никонъ: «едва живъ въ болѣзняхъ своихъ: Крутицкій митрополитъ да Чудовскій архимандритъ прислали дьякона Θеодосія со многимъ чаровствомъ меня отравить, и онъ было отравилъ, едва Господь помиловалъ, безуемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился; да иныхъ со мною четырехъ старцевъ испортилъ, тѣмъ же, чѣмъ и я, отпились, и нынѣ вельми животомъ скорбенъ». Къ Сентябрю преступники были уже въ Москвѣ; 5 числа бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ разспрашивали чернаго дьякона Θеодосія да портнаго мастера Тимошку Гаврилова противъ обвинительной отписки патріарха Никона. Тимошка сказалъ, что онъ, по наученію Θеодосія, составъ дѣлалъ, жегъ муку пшеничную, волосы у себя изъ головы вырывалъ и въ поту валялъ, велѣлъ ему тотъ составъ дѣлать дьяконъ для с. . . . . б. . . . и для привороту къ себѣ мужеска пола и женска. Θеодосій отрекся. На очной ставкѣ Тимошка говорилъ то же и прибавилъ, что Θеодосій подалъ патріарху повинную челобитную. Θеодосій не винился, говорилъ, что повинную писалъ по наученью и по неволѣ, за пристрастіемъ Поляка Николая Ольшевскаго, который билъ его плетьми девять разъ. У пытки Тимошка повинился и съ дьякона сговорилъ, объявилъ, что велѣлъ ему на дьякона говорить Савинскаго монастыря сотникъ Осипъ Михайловъ, который теперь у патріарха; этотъ Михайловъ вмѣстѣ съ Ольшевскимъ пыткою заставляли его говорить на Θеодосія, а составъ дѣлать училъ его патріаршій кузнецъ, Осташковецъ Кузьма Ивановъ; то же повторилъ Тимошка и на пыткѣ. Θеодосій у пытки и на пыткѣ говорилъ прежнія рѣчи, ни въ чемъ не винился.

Это соблазнительное дѣло еще болѣе усилило раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. При такихъ-то обстоятельствахъ возвратился Никонъ изъ Крестнаго въ Воскресенскій монастырь, и тутъ въ 1661 году завязалось у него новое соблазнительное

дѣло съ сосѣдомъ по землѣ, окольничимъ Романомъ Бабарыкинымъ. Никонъ билъ челомъ государю, что Бабарыкинъ завладѣлъ землею Воскресенскаго монастыря, просилъ сыскать по крѣпостямъ. Указа на челобитную не послѣдовало. Никонъ писалъ вторично, что если государевой милости не будетъ, то онъ станетъ самъ себя оборонять. Угроза была исполнена: крестьяне Воскресенскаго монастыря, по приказанію патріарха, сжали рожь на спорныхъ поляхъ и отвезли въ монастырь. Бабарыкинъ билъ челомъ государю, и дѣло велѣно изслѣдовать, взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря къ допросу. Никонъ вспыхнулъ и написалъ длинное письмо государю: «Начинается наше письмо къ тебѣ словами, безъ которыхъ никто изъ насъ не смѣетъ писать къ вамъ; эти слова: «Бога молю и челомъ чью». Бога молю за васъ по долгу и по заповѣди блаженнаго Павла апостола, который повелѣлъ прежде всего молиться за царя. И словомъ и дѣломъ исполняемъ свои обязанности къ твоему благородію, но щедротъ твоихъ ничѣмъ умолить не можемъ. Не какъ святители, даже не какъ рабы, но какъ рабичища отовсюду мы изобижены, отовсюду гонимы, отовсюду утѣсняемы. Видя святую церковь въ гоненіи, послушавъ слова Божія: аще гонятъ вы во градѣ, бѣгите во инъ градъ, удалился я и водворился въ пустыни, но и здѣсь не обрѣлъ покоя. Воистину сбылось нынѣ пророчество Іоанна Богослова о женѣ, которой родящееся чадо хотѣлъ пожрать змій, и восхищено было отроча на небо къ Богу, а жена бѣжала въ пустыню, и низложенъ былъ на землѣ змій великій, змій древній. Богословы разумѣютъ подъ женою церковь Божію, за которую страдаю теперь заповѣди ради Божія: болши сея любве никто же имать, да аще кто душу свою положитъ за други своя; и мы, видѣвъ братію нашу біенными, жаловались твоему благородію, но ничего не получили кромѣ тщеты, укоризны и уничиженія; тогда удалились мы въ мѣсто пусто. Но злоначальный змѣй нигдѣ насъ не оставляетъ въ покоѣ; теперь навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Ро-

манюмъ Бабарыкинымъ, безъ правды завладѣвшимъ церковною землею. Молимъ вашу кротость престать отъ гнѣва и оставить ярость. Откуда ты такое дерзновеніе принялъ — сыскивать о насъ и судить насъ? какіе законы Божіи велятъ обладать нами, Божіими рабами? не довольно ли тебѣ судить вправду людей царства міра сего? Въ наказѣ твоемъ написано новое повелѣніе — взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря: по какимъ это уставамъ? Послушай, Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ Египтомъ, надъ Содомомъ, надъ Навуходоносоромъ царемъ? Изгнанъ былъ Богословъ въ Патмосъ: тамъ благодати лучшей сподобился — благовѣстіе написать и апокалипсисъ; изгнанъ былъ Іоаннъ Златоустъ — и опять на свой престолъ возвратился; изгнанъ Филиппъ митрополитъ — но паки сталъ противъ лица оскорбившихъ его; и что еще прибавимъ? если этими напоминаніями не умилишься, то хотя бы и все писаніе предложилъ тебѣ, не повѣришь. Еще ли твоему благородію надобно, да бѣгу, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный? Великимъ государемъ больше не называюсь, и какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: страшно молвить, но терпѣть невозможно, какіе слухи сюда доходятъ, что по твоему указу владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игумновъ, поповъ ставятъ и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна св. Духу такъ: по благодати св. Духа и по указу великаго государя: недостаточно св. Духа посвятить безъ твоего указа! Но если кто на св. Духа хулитъ, не имѣетъ оставленія: если это тебя не устрашило, то что̀ устрашить можетъ, когда уже недостоинъ сдѣлался прощенія по своему дерзновенію? Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, епископіямъ, монастырямъ, безо всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ берешь нещадно вещи движимыя и недвижимыя, и всѣ законы св. Отецъ и благочестивыхъ царей и великихъ князей Греческихъ и Русскихъ ни во что обратилъ, также отца своего Михаила Ѳеодоровича и собственные свои грамо-

ты и уставы; уложенная книга хотя и по страсти написана многонароднаго ради смущенія, но и тамъ постановлено: въ монастырскомъ приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣть архимандритамъ, игумнамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; но ты все это упразднилъ: судятъ и насилуютъ мірскіе судьи, и сего ради собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а теперь и невѣдомо кто не постится ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и черницы — всѣ данями обложены тяжкими, вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, нѣтъ никого веселящагося во дни сіи. Хотимъ объявить нехитрою рѣчью: 12 Генваря 1661 года были мы у заутрени въ церкви св. Воскресенія; по прочтеніи первой каѳизмы сѣлъ я на мѣсто и немного вздремнулъ: вдругъ вижу себя въ Москвѣ, въ соборной церкви Успенія, полна церковь огня, стоятъ прежде умершіе архіереи; Петръ митрополитъ всталъ изъ гроба, подошелъ къ престолу и положилъ руку свою на евангеліе, то же сдѣлали и всѣ архіереи и я. И началъ Петръ говорить: братъ Никонъ! говори царю, зачѣмъ онъ св. церковь преобидѣлъ, недвижимыми вещами, нами собранными, безстрашно хотѣлъ завладѣть, и не на пользу ему это; скажи ему, да возвратитъ взятое, ибо многъ гнѣвъ Божій навелъ на себя того ради: дважды моръ былъ, сколько народа перемерло, и теперь не съ кѣмъ ему стоять противъ враговъ. Я отвѣчалъ: не послушаетъ меня, хорошо еслибъ кто-нибудь изъ васъ ему явился. Петръ продолжалъ: судьбы Божіи не повелѣли этому быть, скажи ты: если тебя не послушаетъ, то еслибъ кто и изъ насъ явился, и того не послушаетъ, а вотъ знаменіе ему, смотри: по движенію руки его я обратился на западъ къ царскому двору, и вижу: стѣны церковной нѣтъ, дворецъ весь видѣнъ, и огонь, который былъ въ церкви, собрался, устремился на царскій дворъ и

тотъ запылалъ. «Если не уцѣломудрится, приложатся больше первыхъ казни Божіи» говорилъ Петръ; а другой сѣдой мужъ сказалъ: «вотъ теперь дворъ, который ты купилъ для церковниковъ, царь хочетъ взять и сдѣлать въ немъ гостиный дворъ мамоны ради своея; но не порадуется о своемъ прибыткѣ». Все это было такъ, отъ Бога, или мечтаніемъ — не знаю, но только такъ было; если же кто подумаетъ человѣчески, что я это самъ собою замыслилъ, то сожжетъ меня оный огнь, который я видѣлъ».

Понятно, какъ тяжело должна была лечь эта грамота на сердцѣ у царя, какъ обрадовались ей враги Никона, которымъ она дала возможность представить Алексѣю Михайловичу, что съ Никономъ нѣтъ возможности раздѣлаться добромъ. Въ это время въ Москвѣ находился Греческій архіерей, Паисій Лигаридъ, митрополитъ Газскій, самый образованный, самый представительный изъ Греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву, и потому пріобрѣтшій здѣсь важное значеніе. Извѣстный исправитель книгъ, монахъ Арсеній, указалъ Никону на Паисія, какъ на человѣка обширной учености и потому могущаго быть очень полезнымъ въ Москвѣ, и Никонъ, когда еще не оставлялъ патріаршества, въ 1657 году, писалъ къ господарямъ Молдавскому и Волошскому, чтобъ пропустили въ Москву Лигарида чрезъ свои земли, а къ самому ему писалъ: «Слышали мы о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія и что желаешь видѣть насъ, великаго государя: и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію принять хотимъ». Пріѣхавши въ Москву въ началѣ 1662 года подъ именемъ митрополита Іерусалимскаго Предтечева монастыря, Лигаридъ былъ обласканъ и царемъ, вслѣдствіе чего нашелся въ затруднительномъ положеніи между царемъ и патріархомъ, одинаково къ нему расположенными. Онъ сдѣлалъ попытку помирить ихъ, и 12 Іюля 1662 года написалъ Никону мягкое письмо, уговаривая его возвратиться на патріаршество, подчинившись преданіямъ восточной церкви, уступивъ царской власти.

«Не знаю, куда мнѣ обратиться? потому что никто не можетъ работать двоимъ господамъ» — такъ откровенно начинаетъ Лигаридъ свое письмо: «безъ ласкательства скажу: Алексѣй и Никонъ, самодержецъ и патріархъ: одинъ всякій день оказываетъ милости, другой молится и благословляетъ. Не благо многогосподствіе, одинъ господинъ да будетъ (изъ Гомера)! одинъ царь, потому что и Богъ одинъ, какъ и солнце одно между планетами. Знаю, что въ своихъ поступкахъ ты всегда имѣлъ добрую цѣль: но добрая цѣль должна достигаться и добрыми средствами. Блаженнѣйшій! не всякій рабъ царскій изображаетъ царя, не всякій рабъ патріаршескій представляетъ патріарха. Имѣя важныя причины, ушелъ ты съ престола и отрясъ прахъ ногъ своихъ на Москву за ея непокорство; но сказано: да не будетъ бѣгство ваше въ субботу и зимою, во время крамолъ и браней. Какую пользу принесло твое гнѣвливое отшествіе?» Потомъ Лигаридъ распространяется о терпѣніи царя: «Кто паче возблагоискуствитъ добродѣтелію? Никонъ «покайтеся!» вопіетъ; самодержецъ Алексѣй общую пѣснь поетъ: претерпѣвый до конца, той спасется. Будь пастыремъ добрымъ, а не наемникомъ! вознеси вокругъ очеса твоя и виждь чада твоя, отеческаго руководительства требующія. Послушайся моихъ словъ, о златая глава златорунныя сея паствы! и соединись съ своими членами. Вредно для церкви, бѣдственно для государства, недостойно тебя пребывать внѣ престола. Становлюсь проповѣдникомъ громогласнымъ, потому что ревность моя не позволяетъ мнѣ молчать. Всѣ восклицаютъ на тебя, всѣ упокоиться отъ гнѣва наказуютъ; да замолкнутъ толки охотниковъ до порицанія, да исчезнутъ словоборенія грызущихъ неистовыхъ мужей! Смотри: четыре патріарха жаждутъ видѣть конецъ ссорѣ. Иди и не отказывайся отдать кесарево кесареви, и какому кесарю? смиренномудрѣйшему! И тебѣ смириться подобаетъ».

Не знаемъ отвѣта Никонова; можемъ догадываться, какъ отвѣчалъ Никонъ человѣку, убѣждавшему его смириться; зна-

-емъ одно, что Паисій вскорѣ послѣ этого перешелъ на сторону враговъ Никона. Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ подалъ ему статьи, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона, и требовалъ отзыва на нихъ. 15 Августа того же 1662 года Паисій представилъ отвѣты — всѣ клонящіеся къ осужденію патріарха. Стрѣшневъ обвинялъ Никона въ томъ, что онъ при поставленіи своемъ на патріаршество переосвятился, хиротонисался снова, явно передъ всѣми; не позволилъ исповѣдовать и пріобщать преступниковъ; когда облачался, чесался и въ зеркало смотрѣлся; послѣ отреченія посвящаетъ священниковъ и дьяконовъ; никогда не называлъ архіереевъ братьями, но почиталъ ихъ гораздо ниже себя, потому что имъ были посвящены; Никонъ строитъ теперь по сіе время монастырь, который назвалъ Новымъ Іерусалимомъ: хорошо ли, что имя св. града такъ перенесено, иному мѣсту дано и опозорено? Никонъ разорилъ епископію Коломенскую для своего монастыря, говоря, что это было ближнее епископство отъ Москвы и непригоже быть епископамъ подъ бокомъ у патріарха; хорошо ли архіереямъ строить обозы и грады, потому что Никонъ полюбилъ жить на мѣстахъ пустыхъ и наполняетъ ихъ наемниками и боярскими подданными? Никонъ говоритъ, что не обрѣтается внѣ своего престола и епархіи, только съѣхалъ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя онъ объявитъ передъ престоломъ истиннаго судіи праведнаго. — Паисій на всѣ эти статьи отвѣчалъ осужденіемъ поступковъ Никона. Были предложены и другіе вопросы: 1) Можетъ ли царь созвать соборъ на Никона, или надобно повелѣніе патріаршеское? Царь можетъ созвать соборъ по примѣру Римскихъ кесарей, отвѣчалъ Паисій. 2) Соборъ, созванный царемъ, Никонъ почелъ за ничто и назвалъ сонмищемъ Жидовскимъ! Отвѣтъ: Его надобно какъ еретика проклинать. 3) Можно ли составамъ судить главу своего, начальника? Отвѣтъ: Всѣ священники, какъ преемники апостоловъ, имѣютъ власть вязать и рѣшить. 4) Нарекся Никонъ великимъ государемъ, потому что такъ назвалъ его нашъ

государь, желая почитать его болѣе обыкновеннаго: согрѣшилъ ли Никонъ, что принялъ на себя такой высочайшій титулъ? Отвѣтъ: истинно согрѣшилъ. 5) Подобало ли Никону убѣгать страха ради? Отвѣтъ: кто творитъ добрыя дѣла, никогда не боится. 6) Согрѣшаетъ ли государь, что оставляетъ во вдовствѣ церковь Божію? Отвѣтъ: Если онъ это дѣлаетъ для достойныхъ причинъ, не имѣетъ смертнаго грѣха; однако не свободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что многіе соблазняются и думаютъ, чтъ онъ это дѣлаетъ по нерадѣнію. 7) Архіереи и бояре, которые не бьютъ челомъ и не приводятъ царя къ тому, чтобъ далъ по этому дѣлу рѣшительный указъ, грѣшатъ ли? Отвѣтъ: и очень грѣшатъ. 8) Никонъ проклинаетъ: важно ли его проклятіе? Отвѣтъ: Клятва подобна молніи, сожжетъ виновнаго; если же произнесена не по достоинству, то падаетъ на того, кто произнесъ ее. 9) Прилично ли архіерею драться и въ ссылку ссылать! все это дѣлаетъ Никонъ. Отвѣтъ: Терпѣніе есть высшая добродѣтель, гнѣвъ — худшее зло. 10) Тишайшій государь и всесчастливый царь поручилъ Никону надзоръ надъ судами церковными, далъ ему много привилегій, подобно Константину Великому, давшему привилегіи папѣ Сильвестру. Отвѣтъ: надобно принимать почести отъ царя осторожно; полезнѣе было бы Никону имѣть меньше привилегій, потому что иные надмили его, смотрѣлся онъ въ нихъ какъ въ зеркало, и случилось съ нимъ то же, что пишутъ ѣершописцы о Нарцисѣ, который въ рѣчной водѣ смотрѣлъ на свое лице, хотѣлъ поцѣловать и утонулъ. 11) Можно ли государю отобрать привилегіи? Отвѣтъ: Можно, если тотъ, кому дано, дурно пользуется ими. 12) Никонъ бранитъ монастырскій приказъ, гдѣ посадилъ царь судить мірскихъ людей, порицаетъ царя за то, что назначаетъ по монастырямъ архимандритовъ и игуменовъ, кого захочетъ? Отвѣтъ: Пусть прежде не было монастырскаго приказа: дѣло въ томъ, что царь учредилъ его для лучшаго порядка и лучшаго суда. Устроилъ ли Никонъ лучшій судъ? сидѣлъ ли когда-нибудь на своемъ судейскомъ

мѣстѣ? Никогда, но держалъ мірскихъ же людей, которые судили въ его приказахъ, челобитныя раздавалъ своимъ дворовымъ людямъ, и они прямое дѣлали кривымъ. 13) Кто называетъ царя нашего мучителемъ, обидчикомъ, хищникомъ, что̀ тому подобаетъ по св. правиламъ? Отвѣтъ: если онъ духовнаго чина, да извержется. 14) Никонъ оправдывается тѣмъ, зачѣмъ его не позвали на соборъ, гдѣ бы онъ объявилъ причины своего ухода? Отвѣтъ: Никонъ долженъ былъ самъ явиться на соборъ или прислать письмо. 15) Никонъ винитъ архіереевъ своихъ, что не сдержали присяги своей, данной передъ нимъ, но отверглись его, вышли изъ послушанія къ нему? Отвѣтъ: Обѣщаніе не присяга; архіереи не присягаютъ; обѣщали они послушаніе въ дѣлахъ, которыя справедливы. 16) Проклялъ Никонъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, будто тотъ выучилъ собаку свою благословлять подобно патріарху: достойно ли проклинать за это? Отвѣтъ: Еслибъ мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе; шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятіе, потому что считаютъ его за ничто.

Никону доставили и вопросы и отвѣты; съ обычнымъ своимъ пыломъ онъ принялся писать возраженія, исписалъ большую тетрадь. Ему легко было опровергнуть обвиненія въ присвоеніи титула великаго государя, въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ: «Какого еще другаго толку ищешь ты, вопрошатель» обращается онъ къ Стрѣшневу: «когда самъ свидѣтельствуешь, что царь назвалъ меня великимъ государемъ? на немъ Господь Богъ и взыщетъ и разсудитъ въ день судный по его рукописнымъ грамотамъ. Онъ же былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ на освященіи церкви, ему захотѣлось называть монастырь Новымъ Іерусалимомъ, и въ своихъ грамотахъ написалъ собственною рукою на утвержденіе». Легко опровергаетъ Никонъ и упрекъ относительно присоединенія Коломенской епархіи къ патрі-

эпархіи: «Вы говорите, что я разорилъ Коломенскую епископію. Епископія эта лежитъ подлѣ патріаршеской области, а земля Вятская и Великопермская отстоитъ больше 1500 верстъ, страна обширная и людей множество, не мало тамъ остатковъ языческихъ обычаевъ, а говорятъ, что даже сохранилось и идолопоклонство. На этомъ основаніи, по совѣту съ великимъ государемъ, Коломна присоединена къ Москвѣ, а вмѣсто нея учреждена епархія Вятская и Великопермская, а не для Воскресенскаго монастыря: еще въ то время и зачатковъ Воскресенскаго монастыря не было; сколько было доходовъ у Коломенской епископіи, столько же дано и туда изъ патріаршей епархіи, какое число крестьянскихъ дворовъ было въ епископіи, столько же и тамъ дано, а Коломенскія деревни взяты на государя; а послѣ государь пожаловалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь, будучи на освященіи церковномъ, говоря: святая святымъ достойна; а не я взялъ или разорилъ». — Мы видѣли, что въ числѣ обвиненій Никону были крутые поступки его, побои, ссылки; онъ отвѣчаетъ на это обвиненіе: «И теперь не отказываемся такъ поступать съ врагами и безстрашными людьми по образу Христову, по правилу св. Апостолъ и св. Отецъ». Но всего болѣе разсердило Никона утвержденіе Стрѣшнева, что всесчастливый царь поручилъ ему надзоръ надъ судами церковными и далъ много привилегій; тутъ Никонъ высказалъ свой взглядъ на отношенія царской власти къ патріаршеской, взглядъ, который никакъ не сходился съ преданіями восточной церкви, утвержденными въ Россіи исторіею: «Про всесчастливство царское отвѣчать намъ не нужно, знаютъ всѣ счастіе и несчастіе царское, какую каждый благодать принялъ отъ его царскаго счастія; ты говоришь, что онъ намъ поручилъ надзоръ надъ всякими судами церковными: это скверная хула и превосходитъ гордость денницы: не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привилегіями подарилъ насъ царь? привилегіею вязать

и рѣшить? Мы другаго законоположника себѣ не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконныя. Какія же его дѣла! Церковію обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ; судомъ, пошлинами владѣетъ. Господь Богъ всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего, мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной, архіерейство и все духовенство требуютъ, чтобъ ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій, это мірскіе люди дѣлать обязаны; мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія, духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны внѣшней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга не выше, но каждая происходитъ отъ Бога». Наконецъ, такъ какъ Паисій объявилъ, что духовное лице за порицаніе царя достойно низверженія, то Никонъ отвѣчаетъ: «Досаждать царю всѣмъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено. Уже собранъ многъ ликъ злопострадавшихъ у Господа обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ, злыми смертями и муками скончавшихся».

Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, соблазнъ усиливались часъ отъ часу, а дѣло не рѣшалось. Прошелъ 1662 годъ, половина 1663-го; Паисій, который въ отвѣтахъ Стрѣшневу объявилъ, что архіереи и бояре грѣшатъ, не побуждая царя къ окончанію соблазнительнаго дѣла, 7 Іюня 1663 года самъ написалъ государю письмо: «Если Никонъ виноватъ» писалъ Паисій: «то пусть извержется по опредѣленіямъ собора; если невиненъ, то пусть возвратится на престолъ свой, лишь бы только кончилось какъ-нибудь это дѣло, потому что Московія стала позорищемъ для всей вселенной, всѣ народы ждутъ

конца этой трагикомедіи. Носится слухъ, что Никонъ бѣжалъ, спасаясь отъ умысла на свою жизнь; этотъ слухъ пятнитъ священное величіе ваше, безславитъ сенатъ и народъ Московскій. О клевета, достойная вѣчнаго огня! Таковымъ-то сужденіямъ иностранцевъ подвергаешься ты, Алексѣй, человѣкъ Божій, за одного Никона, обремененнаго твоими благодѣяніями». Паисій заключаетъ письмо совѣтомъ отдать дѣло на судъ Константинопольскаго патріарха. Между тѣмъ Бабарыкинское дѣло продолжалось: полюбовная сдѣлка, на которую соглашался Никонъ, не состоялась, потому что Бабарыкинъ, по свидѣтельству патріарха, потребовалъ слишкомъ много вознагражденія за свои убытки: Никонъ показывалъ, что сжато ржи только 67 четвертей, а Бабарыкинъ утверждалъ, что 600 четвертей. «На ложное твое челобитье денегъ не напастись и не откупиться и всѣмъ монастыремъ!» сказалъ Никонъ и порвалъ сдѣлку, послѣ чего прибѣгнулъ къ обычному своему средству противъ враговъ — къ проклятію. Но Бабарыкинъ донесъ, что Никонъ проклинаетъ царя и семейство его. Алексѣй Михайловичъ призвалъ архіереевъ и сказалъ: «Я грѣшенъ; но чѣмъ согрѣшили дѣти мои, царица и весь дворъ? зачѣмъ надъ ними произносить клятву истребленія?» Рѣшили, что надобно разыскать дѣло, и отправили въ Воскресенскій монастырь боярина князя Никиту Ивановича Одоевскаго, окольничаго Родіона Стрѣшнева, дьяка Алмаза Иванова; изъ духовныхъ поѣхали: Лигаридъ, Астраханскій архіепископъ Іосифъ и Богоявленскій архимандритъ. 18 Іюля пріѣхали они въ Воскресенскій монастырь; патріархъ былъ у вечерни; Одоевскій послалъ сказать ему о пріѣздѣ посланныхъ царскихъ, и всѣ собирались идти къ нему вмѣстѣ; но Никонъ прислалъ сказать, чтобъ приходили всѣ кромѣ Паисія, если только онъ не имѣетъ къ нему грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ. Несмотря на то, Паисій отправился и хотѣлъ было первый говорить, но Никонъ, увидавъ его, вышелъ изъ себя, и бранныя рѣчи полились на Лигарида: «Воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, му-

никъ! давно ли на тебѣ архіерейское платье? есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить! и здѣсь хочешь сдѣлать то же!» Заговорилъ Іосифъ Астраханскій; Никонъ бросился на него: «Помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? обѣщался ты и царя не слушать, а теперь говоришь! развѣ тебѣ, бѣдному, дали что-нибудь? я тебя слушать и говорить съ тобою не стану». Духовные были отдѣланы; дошла очередь до свѣтскихъ. Одоевскій началъ говорить: «Митрополита, архіепископа и архимандрита выбрали освященнымъ соборомъ и о томъ докладывали великаго государя, а ты ихъ безчестишь; этимъ безчестьемъ и великому государю досажденія много приносишь; а Газскій митрополитъ пріѣхалъ къ великому государю и грамоту съ нимъ прислалъ къ царскому величеству Іерусалимскій патріархъ». Паисій оправился и началъ: «Ты, патріархъ, меня воромъ, собакою и самоставленникомъ называешь напрасно; я посланъ къ тебѣ выговаривать твои неистовства, посланъ отъ освященнаго собора, съ доклада великому государю; ты безчестишь не меня, а великаго государя и весь освященный соборъ; я отпишу объ этомъ къ вселенскимъ патріархамъ; а что ты называешь меня самоставленникомъ, за это месть примешь отъ Бога: я поставленъ Іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и ставленная грамота за его рукою у меня есть; если бы ты былъ на своемъ патріаршескомъ престолѣ, то я бы тебѣ свою ставленную грамоту показалъ; а теперь ты не патріархъ, достоинство свое и престолъ самовольно оставилъ, а другаго патріарха на Москвѣ нѣтъ, потому и грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ къ Московскому патріарху со мною нѣтъ». Масло было подлито въ огонь, тронуто самое чувствительное мѣсто: «Я съ тобою, воромъ, ни о чемъ говорить не стану!» закричалъ Никонъ. Тутъ Іосифъ и свѣтскіе посланные рѣшились прямо приступить къ дѣлу, и спросили его, на основаніи извѣта Бабарыкина: «для чего ты на молебнахъ жалованную государеву грамоту приносилъ, клалъ подъ крестъ и

подъ образъ Богородицы, читать ее приказывалъ и, выбирая изъ псалмовъ клятвенныя слова, говорилъ?» — «26 Іюня» отвѣчалъ Никонъ: «на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, со всѣмъ соборомъ я служилъ молебенъ, государеву жалованную грамоту прочитать велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на Романа Бабарыкина, а не на великаго государя, а за великаго государя на ектеньяхъ Бога молилъ». Но посланные не удовольствовались этимъ объясненіемъ: «Хотя бы тебѣ» говорили они: «отъ Бабарыкина или отъ другаго кого-нибудь какая обида и была, и тебѣ ихъ проклинать не довелось, а въ государевой жалованной грамотѣ Бабарыкинской земли не написано; скажи правду: для чего ты государеву грамоту въ церковь приносилъ, подъ образъ клалъ и на кого клятвы произносилъ?» — «Проклиналъ я Бабарыкина, а не великаго государя!» повторялъ Никонъ: «если я проклиналъ великаго государя, то будь я анаѳема; приносилъ я въ церковь государеву грамоту потому, что въ ней написаны всѣ земли Воскресенскаго монастыря, и Бабарыкинская вотчина записана въ помѣстномъ приказѣ по государеву же указу; а за великаго государя я на молебнѣ Бога молилъ, а послѣ молебна читалъ надъ грамотою молитву». Тутъ Никонъ пошелъ въ заднюю комнату и вынесъ тетрадку: «вотъ какую молитву» сказалъ онъ: «читалъ я надъ грамотою», и началъ было читать; но посланные прервали его: «Вольно тебѣ» сказали они: «показывать намъ другую молитву; на молебнѣ ты говорилъ изъ псалмовъ клятвенныя слова, и въ томъ и самъ не запирался, что такіе псалмы на молебнѣ говорилъ». Это могло вывести изъ терпѣнія и человѣка болѣе хладнокровнаго, чѣмъ Никонъ; если говорилось съ тѣмъ, чтобъ раздражить его, заставить выйти изъ себя и насказать вредныхъ для себя вещей, то цѣль была достигнута. «Хотя бы я и къ лицу великаго государя говорилъ» закричалъ Никонъ: «такъ что жь! я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!» — «Какъ ты забылъ пре-

многую государеву милость» отвѣчали посланные: «великій государь почиталъ тебя больше прежнихъ патріарховъ, а ты не боишься суда праведнаго Божія, такія непристойныя рѣчи про государя говоришь! какія тебѣ отъ великаго государя обиды?» — «Онъ закона Божія не исполняетъ» продолжалъ Никонъ: «въ духовныя дѣла и въ святительскіе суды вступается, дѣлаютъ всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ и служить насъ заставляютъ». — «Царское величество государь благочестивый» отвѣчали посланные: «законъ Божій хранитъ, въ духовныя дѣла и святительскіе суды не вступается; а монастырскій приказъ учрежденъ при прежнихъ государяхъ и патріархахъ, а не вновь, учрежденъ для расправы мірскихъ обидныхъ дѣлъ; а даточныхъ людей и поборы съ монастырскихъ крестьянъ берутъ для избавленія православныхъ христіанъ отъ нашествія иноплеменныхъ, а не для прибыли и корысти; а неправды всякія началъ дѣлать ты, будучи на патріаршествѣ, началъ вступаться во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, началъ писаться великимъ государемъ, памяти указныя въ приказы отъ себя посылалъ, дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ приказовъ бралъ, и сталъ многихъ людей обижать, вотчины отнимать, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать; великому государю на тебя было много челобитья, что ты дѣлалъ не по архіерейски, противно преданію св. Отецъ: за такія обиды Богъ тебѣ не потерпѣлъ; возгордившись предъ великимъ государемъ, ты престолъ свой патріаршескій самовольно оставилъ и, живя въ монастырѣ, гордости своей не покинулъ и дѣлаешь такія злыя дѣла, чего тебѣ и помыслить не годилось, повелѣнью великаго государя и всему освященному собору во всемъ противишься и дѣлаешь все по своему нраву». — «Никонъ не сталъ отвѣчать свѣтскимъ посланнымъ, но обратился къ духовнымъ: «Какой у васъ теперь соборъ и кто приказывалъ вамъ его сзывать?» — «Этотъ соборъ» отвѣчали духовные: «мы созвали по приказанію великаго государя, для твоего неистовства; а тебѣ до этого собора дѣла

нѣтъ, потому что ты достоинство свое патріаршеское оставилъ».—«Я достоинства своего патріаршескаго не оставлялъ» сказалъ Никонъ. — «Какъ не оставлялъ?» начали всѣ вмѣстѣ, и свѣтскіе и духовные: «а это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что не возвратишься на патріаршество какъ песъ на свою блевотину? развѣ не ты самъ писался *бывшимъ* патріархомъ? и послѣ этого годится ли тебѣ называться патріархомъ?» Опять затронули самое чувствительное мѣсто: «Я и теперь государю не патріархъ!» закричалъ Никонъ съ сердцемъ. Іосифъ съ товарищами продолжали вонзать оружіе все глубже и глубже: «По самовольному съ патріаршескаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ ты и всѣмъ намъ не патріархъ; достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту». Никонъ вышелъ изъ себя: «Вы пришли на меня, какъ Жиды на Христа!» закричалъ онъ. Долго онъ шумѣлъ; посланные не говорили ни слова и отправились; Одоевскій, уходя, сказалъ Никону: «Пришли къ намъ къ допросу архимандрита, намѣстника, поповъ и дьяконовъ, которые съ тобою служили, да пришли крестника своего и другихъ иноземцевъ» — «Не пришлю я изъ своихъ никого подъ мірской судъ» отвѣчалъ Никонъ: «кто вамъ надобенъ, берите его сами!» Упомянутыя лица вызваны были на гостиный дворъ, гдѣ Іосифъ съ товарищами разспрашивали архимандрита и намѣстника по священству и по иноческому обѣщанію на счетъ извѣта Бабарыкина: единогласный отвѣтъ былъ, что на ектеніяхъ патріархъ за государя Бога молилъ, а псалмы къ какому лицу читалъ, того они не знаютъ, Никонъ не называлъ это лицо по имени. Посланные, отправивъ допросныя рѣчи къ государю, писали ему: «Про уходъ свой изъ монастыря патріархъ не говорилъ ни слова, и мы потому на монастырѣ караула поставить не смѣли до твоего государева указа». Потомъ они взяли подъ стражу крестника Никонова, Нѣмца Долмана, и Бѣлорусца Николая. Но авторъ житія Никонова, Шушера,

и Паисій Лигаридъ, смотрѣвшіе на дѣло совершенно разными глазами, сходятся въ томъ, что Никону закрытъ былъ выходъ изъ монастыря: Шушера пишетъ, что около монастыря была разставлена стрѣлецкая стража и Никону прямо объявили, что его не выпустятъ до государева указа; по словамъ же Лигарида, Никонъ бѣжалъ, былъ схваченъ и лишенъ свободы. Посланные оставались въ монастырѣ довольно долго, и тутъ происходили разныя сцены. Однажды въ Воскресенье Никонъ вошелъ на возвышеніе, представлявшее Голгоѳу, и началъ говорить: «Вотъ уже пришла воинская спира, Иродъ и Пилатъ явились въ судъ, приблизились архіереи — Анна и Каіафа!» Одоевскій и архіереи пришли опять допрашивать Никона по Бабарыкинскому извѣту: «Дайте мнѣ только дождаться собора» отвѣчалъ имъ Никонъ: «я великаго государя оточту отъ христіанства, уже у меня и грамота заготовлена». — «Ты забылъ страхъ Божій, что говоришь такія неподобныя рѣчи!» кричали посланные царскіе: «за такія твои непристойныя рѣчи поразитъ тебя Богъ; намъ такія злыя рѣчи и слышать страшно; только бы ты былъ не такого чина, то мы бы тебя живаго не отпустили». Въ другой разъ пришли къ Никону Паисій съ Одоевскимъ и говорили ему: «Для чего ты ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?» — «Теперь поютъ кто какъ хочетъ» отвѣчалъ Никонъ: «и все это дѣлается отъ непослушанія; а если я въ книгахъ рѣчи перемѣнялъ, то переправлялъ я по письму и свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ». У Паисія была важная улика противъ Никона: «Ты же мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ и въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдь это написано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ вышній судъ преданъ вселенскимъ патріархамъ?» Что же отвѣчалъ Никонъ? «Папу за доброе отчего не почитать? тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ». — «Но

вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ!» возразилъ Паисій. — «Это я знаю» отвѣчалъ Никонъ: «знаю, что папа много дурнаго дѣлаетъ».

Одоевскій и Паисій съ товарищами наконецъ уѣхали изъ Воскресенскаго монастыря. Четыре мѣсяца прошло покойно; въ началѣ Ноября Никонъ далъ о себѣ вѣсть, прислалъ грамоту къ государю отъ своего имени, также и отъ имени архимандрита Воскресенскаго монастыря Герасима и намѣстника Іова: «Пришли вѣсти, что Польскіе и Литовскіе люди идутъ въ твои государевы города и стоятъ недалеко отъ Вязьмы, пойдутъ и дальше; а мы живемъ на пустомъ мѣстѣ, прискудали до конца, хлѣба и денегъ нѣтъ! Милосердый великій государь! выдай милостивый свой указъ, чѣмъ намъ пропитаться и защититься на пустомъ мѣстѣ. Помяни святое свое слово, какъ присылалъ ясельничаго своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина, и онъ говорилъ предъ Христовымъ святымъ образомъ много разъ: великій государь тебѣ велѣлъ сказать, что не покину тебя во вѣки. А когда въ прошлыхъ годахъ объявили о Татарскомъ приходѣ и я былъ на Москвѣ, то думный дьякъ Алмазъ Ивановъ сказывалъ мнѣ твоимъ государевымъ словомъ: ступай, живи въ своихъ монастыряхъ, а великій государь тебя не покинетъ, велитъ уберечь. Когда ты, великій государь, былъ на освященіи церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, и я тебѣ говорилъ, что мѣсто хорошо, да строить нечѣмъ, то ты далъ слово свое: строй, а мы не покинемъ. Вспомнивши все это, обратись на милость! А что тебѣ лихіе люди клевещутъ на меня, ей лгутъ; а я нынѣ за твоимъ государевымъ словомъ хотя и умереть радъ здѣсь; если не попомнишь слова и обѣщанія своего, то на тебѣ Богъ взыщетъ, а мнѣ смерть покой по писанному». Письмо это прислалъ Никонъ къ Ртищеву съ просьбою, чтобъ отдалъ его государю; къ самому Ртищеву Никонъ писалъ: «Пишемъ, надѣясь на твое незлобіе, и вспомнивъ, какъ ты здѣсь былъ, послѣ отъѣзда нашего изъ Москвы, и слово свое далъ быть нашимъ братомъ и строительствовать о всякихъ монастыр-

скихъ нуждахъ; да и въ прошломъ 1662 году, какъ ты присылалъ брата своего Өедора Соковнина, а въ другой разъ Порфирья, то приказывалъ, чтобъ намъ тебя имѣть въ любви своей какъ прежде».

Но мягкія грамоты опоздали: іеродіаконъ Грекъ Мелетій, бывшій въ Москвѣ для устройства пѣвческаго дѣла, другъ Лигарида, отправился къ восточнымъ патріархамъ для разрѣшенія вопросовъ, относящихся къ поведенію Никона. Спрашивали: «Долженъ ли мѣстный епископъ или патріархъ повиноваться царю во всѣхъ свѣтскихъ (политическихъ, kata pasas tas politikas ypotheseis kai kriseis) дѣлахъ, чтобъ быть одному правителю, или нѣтъ? Можетъ ли епископъ или патріархъ отлучать кого-нибудь по собственному произволу и будутъ ли отлученные такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ виновны предъ Богомъ, или тотъ, кто отлучилъ безъ суда, повиненъ правиламъ? Если кто скажетъ, что епархіи патріаршескія плѣнены бусурманами, находятся подъ игомъ, потеряли древнюю честь и прежнее достоинство, и какъ патріархамъ судить и распоряжаться церковными дѣлами? Если кто изъ архіереевъ, по гордости, начнетъ писаться государемъ? Можетъ ли архіерей тратить доходы свои по произволу, строить монастыри, населять пустынныя мѣста? Можетъ ли епископъ или патріархъ управлять мірскими дѣлами? Епископъ, нисшедшій въ число кающихся, можетъ ли опять воспринять санъ архіерейскій? Можетъ ли архіерей, отрекшійся отъ своего сана, свергнувшій съ себя одежды архіерейскія, опять принять прежній санъ? Если случится, что послѣ этого отреченія отрекшійся будетъ призываемъ мѣстною властію, но, по гордости, пренебрежетъ этимъ зовомъ и не возвратится, то что дѣлать въ такомъ случаѣ? Если послѣ отреченія отрекшійся снова станетъ хиротонисать? Могутъ ли судить митрополита или патріарха епископы отъ него поставленные? Если кто ударитъ раба архіерейскаго, то обида эта относится ли къ господину, и можетъ ли послѣдній одинъ судить такое дѣло, или долженъ отнестить къ суду мірскому?»

Патріархи дали отвѣты, желанные въ Москвѣ: они осудили всѣ изложенные въ вопросахъ поступки; за нѣкоторые изъ нихъ прямо произнесли приговоръ низверженія виновному архіерею; провозгласили, что царь долженъ быть единственнымъ владыкою во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ, патріархъ долженъ ему быть подчиненъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ не долженъ дѣлать ничего противнаго царскому рѣшенію, а въ дѣлахъ церковныхъ не долженъ перемѣнять древнихъ уставовъ; опредѣлили, что ни епископъ, ни патріархъ не долженъ никого отлучать отъ причастія прежде объявленія вины; на патріарха можетъ быть подана жалоба къ престолу Константинопольскому, и если остальные патріархи согласятся съ Константинопольскимъ, то уже это рѣшеніе верховное; это право верховнаго суда дано Римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній, по гордости и злонамѣренности своей, отлученъ отъ каѳолической церкви, то означенное право перенесено къ патріарху Византійскому; если бы патріархи и были совлечены славы своихъ престоловъ, но благодать Духа Святаго никогда не старѣетъ, и кто не пріемлетъ ихъ верховнаго суда, тотъ подлежитъ наказанію, какъ противящійся Божію изволенію, повинующійся только чувствамъ и ничего высшаго не разумѣющій. Патріархи утвердили за помѣстнымъ соборомъ право ставить другаго архіерея на мѣсто отрекшагося, право епископовъ судить митрополита или патріарха, ихъ поставившаго.

Но и эти отвѣты патріарховъ нисколько ни подвинули Никонова дѣла. У Никона была сильная сторона между Греками, которая съ южною страстностію начала волноваться, узнавъ о пріѣздѣ Мелетія, начала употреблять всѣ средства, чтобъ помѣшать ему. Отъ приверженныхъ къ Никону Грековъ изъ Москвы пошли письма въ Константинополь, что Никонъ — это второй Златоустъ, царь его любитъ, ночью приходилъ къ нему для бесѣды, но бояре ненавидятъ за то, что онъ уговариваетъ царя выйти на войну противъ Татаръ, плѣнящихъ Москвичей и козаковъ, а боярамъ не хочется вы-

ступать въ походъ и разстаться съ покойнымъ житьемъ Московскимъ; писали, что Никонъ любитъ Грековъ и ревностный защитникъ догматовъ восточной церкви; писали, что грамоты, привезенныя Мелетіемъ, сочинены Лигаридомъ, котораго бояре подкупили деньгами и почестями; что Мелетію дано 8000 золотыхъ, съ помощію которыхъ онъ и успѣлъ въ томъ, что отвѣты даны были противъ Никона. Антіохійскій архимандритъ высказалъ все это предъ самимъ патріархомъ, и потомъ ходилъ и кричалъ по всему Константинополю, ища Мелетія; еще сильнѣе волновалъ Константинопольскихъ Грековъ какой-то клирикъ Михаилъ, получившій отъ зятя своего Анастасія изъ Москвы письмо о 8000 золотыхъ, привезенныхъ Мелетіемъ; а Мелетій, съ своей стороны, писалъ Лигариду, что какой-то Еммануилъ Маивалъ тайно обѣщалъ двоимъ патріархамъ 15,000 золотыхъ, чтобъ только недавали отвѣтовъ, осуждавшихъ Никона, и, не успѣвъ въ этомъ, искалъ убить Мелетія. Письма, что Никонъ страдаетъ за увѣщанія къ войнѣ противъ Татаръ, опустошающихъ Великую и Малую Россію, должны были производить особенное впечатлѣніе на Константинопольскихъ Грековъ: къ ихъ городу ежедневно приставали по три и по четыре корабля, наполненные Русскими плѣнниками; на торговыхъ площадахъ стояли священники, дѣвицы, монахи, юноши; толпами отвозили ихъ въ Египетъ на продажу; нѣкоторые добровольно отрекались отъ христіанства, другіе принуждаемы были къ тому насиліемъ.

Но приверженцы Никона не довольствовались тѣмъ, что возбуждали Константинопольскихъ Грековъ противъ Мелетія: они рѣшились употребить отчаянное средство въ самой Москвѣ. Государю дали знать, что пріѣхалъ Иконійскій митрополитъ Аѳанасій въ званіи экзарха, племянникъ онъ Константинопольскому патріарху, присланъ отъ него и отъ всего собора. На представленіи царю Аѳанасій началъ говорить съ необыкновенною торжественностію: «Прислали меня Константинопольскій патріархъ и весь соборъ, велѣли сказать: какъ Господь Богъ пришелъ къ ученикамъ своимъ дверемъ затво-

реннымъ и сказалъ: миръ вамъ! такъ я отъ имени Константинопольскаго патріарха и всего собора говорю тебѣ, государь! помирись съ Никономъ патріархомъ и призови его на престолъ по прежнему». Алексѣю Михайловичу показалось страннымъ, что этотъ проповѣдникъ мира присланъ безъ грамоты и велитъ на словахъ призвать Никона. «Знаешь ли ты о посольствѣ Мелетія?» спросилъ государь у Аѳанасія. — «Знаю» отвѣчалъ тотъ: «патріархи Мелетія не приняли, твоихъ грамотъ и милостыни не взяли». — «Какъ же это такъ?» продолжалъ царь: «Мелетій писалъ мнѣ совершенно иное!» Аѳанасій, стоя передъ Спасовымъ образомъ, объявилъ, что Мелетій писалъ ложно. Но вотъ пріѣхалъ Мелетій и привезъ отвѣты, подписанные патріархами; царь созвалъ соборъ изъ Русскаго и Греческаго духовенства для свидѣтельствованія подписей; соборъ объявилъ, что подписи настоящія; одинъ Аѳанасій сначала отвергалъ подлинность ихъ, но потомъ и онъ согласился, что подписи подлинныя. Послѣ открылось, почему онъ рѣшился такъ смѣло обличать Мелетія во лжи: онъ спрашивалъ Іерусалимскаго патріарха Нектарія, какъ порѣшили съ Никоновымъ дѣломъ? и тотъ, изъ осторожности, сказалъ ему, что они Мелетію никакого отвѣта не дали и рукъ своихъ ни къ какой грамотѣ не прикладывали.

Какъ бы то ни было, царь не былъ успокоенъ; патріархи могли подписать отвѣты и въ то же время просить, чтобъ соблазнительные дѣло было оставлено, чтобъ послѣдовало примиреніе съ Никономъ; дѣйствовать противъ Никона на основаніи отвѣтовъ, присланныхъ патріархами, царь не рѣшился: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, зналъ, какъ Никонъ начнетъ громить соборъ, опирающійся на мертвыхъ грамотахъ, недавно еще бывшихъ предметомъ спора и въ которыхъ не было даже упомянуто имени Никонова. Чтобъ окончательно уничтожить смуту и успокоить свою совѣсть, ему нужно было присутствіе самихъ патріарховъ, тѣмъ болѣе, что при сильно разыгравшейся борьбѣ сторонъ трудно было полагаться на чистоту средствъ, употреблявшихся при этихъ отдаленныхъ

сношеніяхъ и переговорахъ съ патріархами. Ложное посольство Аѳанасія Иконійскаго не было единственнымъ. Къ Византійскому патріарху Діонисію отправился монахъ Сава: «Агіе деспота!» говоритъ онъ Діонисію: «царь Алексѣй Михайловичъ молитъ тебя, приди въ Москву, благослови домъ его и разныя нужныя вещи исправь, рѣши, что сдѣлать царю? умолять ли Никона патріарха, чтобъ возвратился, или другаго поставить? Да Иконійскій митрополитъ Аѳанасій отъ тебя ли присланъ и родственникъ ли тебѣ? приказывалъ ли ты ему словесно, чтобъ умолять Никона о возвращеніи? Съ Мелетіемъ дьякономъ сколько грамотъ ты прислалъ? Стефанъ Грекъ былъ ли у тебя, и послалъ ли ты съ нимъ грамоту, чтобъ митрополиту Газскому быть экзархомъ?» — «Ѣхать въ Москву никакъ не могу» отвѣчалъ Діонисій: «благословляю государя, чтобъ онъ или простилъ Никона, или другаго поставилъ смиреннаго и кроткаго; если онъ боится другаго поставить, то мы принимаемъ грѣхъ на свои головы; царь самодержецъ: все ему возможно. Мелетій пріѣзжалъ сюда не смирно, всѣ Турки объ немъ узнали, и сдѣлалъ мнѣ убытку на 200 мѣшковъ. Иконійскій митрополитъ Аѳанасій мнѣ не родня; на немъ былъ Турецкій долгъ, онъ упросилъ срока на недѣлю да и ушелъ, я а съ нимъ ни одного слова не приказывалъ, пусть держатъ его крѣпко и отнюдь не отпускаютъ; если царь его отпуститъ, то большую бѣду церкви сдѣлаетъ. Какъ Мелетій дьяконъ приходилъ, то мы съ Нектаріемъ патріархомъ написали двѣ грамоты слово въ слово и руки свои приложили, и одну послали съ Мелетіемъ въ Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своимъ колугеромъ въ Антіохію. Стефанъ Грекъ у меня не бывалъ, только артофилаксій докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ грамотѣ быть Газскому экзархомъ; но я ему этого не позволилъ, и если такая грамота объявилась у царя, то это плевелы, посѣянныя артофилаксіемъ; а Паисій Лигаридъ лоза не Константинопольскаго престола, я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папежникъ, лукавый человѣкъ. Стефана Грека

не отпускайте жь, потому что и онъ великое разореніе церкви православной сдѣлалъ, какъ и Аѳанасій Иконійскій».

Къ остальнымъ троимъ патріархамъ отправился тотъ же Мелетій съ такимъ наказомъ отъ царя: «Непремѣнно такъ сдѣлать, чтобъ Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій и бывшій Паисій, а по нуждѣ два, Антіохійскій и Іерусалимскій, пріѣхали бы. А которые захотятъ прислать вмѣсто себя, то говорить накрѣпко, чтобъ прислали архіереевъ добрыхъ, ученыхъ, благоразумныхъ, односложныхъ, крѣпкихъ правдивыхъ, могущихъ разсудить дѣло Божіе вправду, не желая мзды и ласканія, не боясь никакого страха, кромѣ страха суда Божія. И ты, Мелетій, будучи у вселенскихъ патріарховъ, памятуя страхъ Божій, про патріарха Никона никакихъ лишнихъ словъ не говори, кромѣ правды».

Мелетій, въ Генварѣ 1665 года, нашелъ Нектарія Іерусалимскаго въ Молдавіи, самъ не поѣхалъ къ нему, но отправилъ съ государевою грамотою Стефана Грека и подьячаго Оловенинова. «Великій государь» говорили посланные Нектарію: великій государь проситъ и молитъ тебя, чтобъ изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла, пошелъ въ Московское государство». — «Отъ великаго государя» отвѣчалъ Нектарій: «присланъ былъ ко всѣмъ намъ Мелетій Грекъ, и онъ знаетъ, что я именно затѣмъ и пріѣхалъ въ Молдавскую землю, чтобъ отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила, и по нимъ для чего до сихъ поръ ничего не сдѣлано?» Оловениновъ разсказалъ о пріѣздѣ Аѳанасія Иконійскаго, о свидѣтельствованіи подписей, и когда Нектарій вторично спросилъ, почему же ничего не сдѣлано по правиламъ, подлинность которыхъ была засвидѣтельствована, то Оловениновъ отвѣчалъ: «безъ вселенскаго патріарха призывать Никона и другаго на его мѣсто ставить невозможно; да у великаго государя и другія дѣла есть, которыя безъ васъ никакъ устроить нельзя, весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служитъ всякій по своему, а пастыря

. Нектарій обѣщалъ идти въ Москву: «Пойду, хотя бы мнѣ
ть принять» говорилъ онъ: «потому что я считаю великаго
ря вселенскимъ царемъ, это единственный христіанскій
единственная наша надежда и похвала». Однако Нектарій
ѣхалъ въ Москву; онъ прислалъ царю грамоту, въ ко-
увѣщевалъ призвать снова Никона на патріаршій пре-
показавъ ему присланныя съ Мелетіемъ статьи вселен-
патріарховъ, какъ руководство для его будущаго поведе-
если онъ обѣщаетъ руководствоваться ими, то достоинъ
нія; просилъ царя не приклонять уха къ совѣтамъ людей
ливыхъ, любящихъ смуты, особенно если такіе будутъ
ховенства. «Въ настоящемъ положеніи нашемъ» пи-
Нектарій: «когда наша церковь находится подъ игомъ
а, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпре-
ными бурями, и въ одной вашей Руской церкви видимъ
ъ Ноевъ». Нектарій увѣщеваетъ царя послѣдовать кро-
Давидовой, и не полагать во время своего царствованія
и гибельнаго начала смѣнять патріарховъ, правомысля-
о догматахъ вѣры; говоритъ, что нельзя обращать
аго вниманія на отреченіе Никона; указываетъ примѣ-
огда отреченія іерарховъ были уничтожаемы; что же
ся до Никона, то онъ не подалъ даже письменнаго от-
, царь и народъ не принимали этого отреченія, кото-
стоитъ только въ словахъ. Нектарій заключаетъ, что
мѣнно должно или возвратить Никона, или возвести на
сто другаго, но гораздо лучше рѣшиться на первое.
рію дано было знать, что Лигаридъ ищетъ титула эк-
патріаршескаго и уже называется такъ въ Москвѣ;
у патріархъ наказалъ своему посланному объявить въ
, что это самозванство, что никто не облеченъ званіе
кзарха; Нектарій просилъ также, чтобъ никого не при-
въ качествѣ пословъ патріаршескихъ, если на гра-
ь не будетъ патріаршеской печати; переводить грамо-
тріаршескія проситъ отдавать не Грекамъ, но царскимъ
дчикамъ, потому что Греки искажаютъ смыслъ гра-

мотъ. Легко понять, какъ эти предостереженія увеличивали недоумѣніе, безпокойство царя, заставляли его желать прибытія патріарховъ, которое должно разрѣшить все. И вотъ Мелетію удалось уговорить ѣхать въ Москву двоихъ изъ нихъ — Макарія Антіохійскаго и Паисія Александрійскаго.

Что же дѣлалъ въ это время человѣкъ, котораго имя повторялось безпрестанно и въ Константинополѣ, и въ Яссахъ, въ Египтѣ и Сиріи, что дѣлалъ Никонъ? Въ 1663 же году началось новое соблазнительное дѣло. Опять сосѣдъ Никона по землямъ Воскресенскаго монастыря, Иванъ Сытинъ, подалъ государю челобитную, что патріархъ его крестьянъ пыткою пыталъ, а иныхъ перевѣшалъ. Никонъ написалъ оправдательное письмо: «Извѣщаю о себѣ св. Евангеліемъ, что ни ни, не знаю того дѣла, ни вѣдаю, сдѣлалъ то дѣло малый иноземецъ: поймавши на озерѣ Ивановыхъ крестьянъ, побилъ батогами безъ нашего вѣдома, а у меня такого указа не было; билъ онъ ихъ за то, что у него рыбу покрали; я послалъ малаго къ тебѣ, великому государю: изволь его разспросить хотя и съ пристрастіемъ. Сотвори судъ праведный, припомни свое обѣщаніе, на избраніи нашемъ предъ всѣмъ соборомъ и синклитомъ данное, что тебѣ ни во что священное не вступаться; а теперь дѣлаешь надъ нами неправды великія, клеветниковъ, враговъ Божіихъ слушаешь и всѣхъ чиновъ людей въ грѣхъ вводишь тѣмъ, что̀ въ патріаршей крестовой дѣлается». — Призванный къ допросу патріаршій сынъ боярскій Лускинъ показалъ, что онъ дѣйствительно билъ Сытинскихъ крестьянъ безъ Никонова вѣдома, но когда они стали похваляться поджогомъ, то онъ отвелъ ихъ къ патріарху, и тотъ велѣлъ бить ихъ батогами въ другой разъ. Въ Февралѣ 1664 года окольничій Сукинъ и дьякъ Бреховъ отправились въ Воскресенскій монастырь съ страшными, сокрушительными словами: «Ты писалъ, что про дѣло не вѣдаешь, а малый твой сказалъ, что ты крестьянъ батогами бить велѣлъ въ монастырѣ въ другой разъ, значитъ ты очень хорошо про дѣло знаешь. Ты писалъ, чтобъ учинить судъ пра-

ведный: но судъ чинить здѣсь не въ чемъ, потому что крестьянебиты батогами дважды безъ розыску и безъ свидѣтельства. Да объяви противъ своего письма, во что священное великій государь вступается, надъ тобою какія неправды чинитъ и клеветниковъ кого слушаетъ? Когда присылаютъ ему бить челомъ на тебя и на твои монастыри, то онъ о розыскѣ посылаетъ говорить тебѣ, какъ и теперь по Сытинскому дѣлу. Объяви, чѣмъ великій государь въ грѣхъ вводитъ въ патріаршей крестовой? Въ патріаршей крестовой сидятъ теперь власти: Рязанскій архіепископъ Иларіонъ да бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ и розыскиваютъ, что при твоемъ патріаршествѣ изъ соборной церкви и изъ монастырей взяты какія церковныя утвари и книги, потому что этимъ церквамъ и монастырямъ взятыя тобою утвари и книги даны при прежнихъ великихъ князьяхъ и царяхъ и при немъ, государѣ, а не келейной какой-нибудь казны сыскиваютъ: за церковныя вещи великій государь будетъ стоять и сыскивать и впередъ».

Никонъ сталъ изворачиваться и погрузился еще глубже: «Я сказалъ, что не знаю про побои крестьянамъ на озерѣ, а въ монастырѣ велѣлъ я ихъ бить за невѣжество, велѣлъ побить ихъ слегка, и въ томъ воля государева». Чтобъ поправиться, онъ изъ обвиненнаго спѣшилъ перейти въ обвинители: «Какъ вы говорите» сказалъ онъ: «что великій государь въ священное не вступается? онъ всѣмъ духовнымъ чиномъ владѣетъ: кого въ попы и въ дьяконы поставить, объ этомъ и объ всякихъ духовныхъ дѣлахъ челобитныя подписываютъ его указомъ; это не его дѣло, его обѣщаніе не исполнено и за это онъ приметъ судъ отъ Бога. А неправды ко мнѣ великія: выискиваютъ, научаютъ и накупаютъ многихъ людей, чтобъ на меня говорили и писали неправды всякія. Меня же поносятъ и безчестятъ всячески, ко псу меня приравниваютъ, а государь не пожалуетъ, оборонить меня отъ тѣхъ людей не велитъ. А клеветники на меня Романъ Бабарыкинъ да Иванъ Сытинъ». — «Патріаршій пре-

столъ» отвѣчали ему посланные: «оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію какому-нибудь, и такое долгое время церкви было не безъ пѣнія стоять? Митрополитамъ и епископамъ въ попы и дьяконы какъ не ставить и духовныхъ дѣлъ какъ не вѣдать? а если въ чемъ учинилось какое-нибудь неисправленіе, то это Богъ взыщетъ на тебѣ, потому что ты престолъ свой самовольно оставилъ». Никонъ: «Въ соборной церкви нѣтъ теперь пѣнія; изъ нея сдѣлали теперь вертепъ или пещеру, она теперь вдовствуетъ; а и патріархъ новый будетъ, будетъ онъ прелюбодѣйца, потому: пошелъ я изъ Москвы отъ многихъ неправдъ и отъ изгнанія, а неправды и изгнанія отъ великаго государя. Не только въ мои дѣла вступались, но и бить моихъ людей начали: Хитрово сына моего боярскаго билъ напрасно, а великій государь сыску о томъ учинить не велѣлъ». Посланные: «Не знаемъ, кто тебя безчеститъ, и ко псу приравниваетъ, и кто тебѣ про это сказывалъ; а мы объ этомъ ни отъ кого никогда не слыхивали». Никонъ: «Всякая тайна откровенна бываетъ отъ Бога». Посланные: «Развѣ ты духъ прозорливъ имѣешь?» Никонъ: «Такъ таки и есть». Посланные: «Какъ же! чай пріѣзжаютъ да лгутъ ссорщики». Никонъ: «Въ патріаршей крестовой людей въ грѣхъ вводятъ потому: многихъ людей на меня накупаютъ и всякія неправды сочиняютъ. Архіепископамъ владѣть и распоряжаться кто власть далъ? Келейную мою рухлядь князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой перебиралъ и переписывалъ, и изъ нея лучшее все изволилъ великій государь взять на себя. Да и теперь не про одно церковное сыскиваютъ, про посулы и про взятки сыскиваютъ, и государевы грамоты по всѣмъ монастырямъ о томъ посланы. И то я знаю, что по указу великаго государя Газскій митрополитъ на меня сочиняетъ и выписываетъ, и другихъ такихъ же лжесвидѣтелей, которымъ быть на соборѣ, накуплено съ 500 человѣкъ, а иныхъ въ палестины накупать послано, и денежной казны для того отправлено 30,000 рублей. Собору я самъ радъ, только пусть будетъ соборъ праведный, а не

накунной, а Газскому я во всемъ отвѣтъ дамъ, не только правилами, но св. Евангеліемъ». Посланные: «Если ты лжесвидѣтелями называешь властей Московскаго государства, то за это пріимешь месть отъ Бога». Никонъ: «Какія власти? и кому книжнымъ ученіемъ и правилами говорить? они и грамотѣ не умѣютъ!» Посланные: «Одинъ ли ты въ Московскомъ государствѣ грамотѣ умѣешь, и есть ли кто другой?» Никонъ: «Есть не много, а Питиримъ митрополитъ и того не знаетъ, почему онъ человѣкъ». Посланные: «Напрасно ты это говоришь, что ты только одинъ грамотѣ умѣешь; изо всякихъ чиновъ люди книжнымъ ученіемъ и правилами съ тобою говорить готовы, и говорить есть что; только все удержано государскою милостію до собора, а на соборѣ будутъ вселенскіе патріархи».

Услыхавъ эту страшную для себя вѣсть о пріѣздѣ патріарховъ на соборъ, Никонъ написалъ царю письмо съ цѣлію напугать его тѣмъ, что на соборѣ откроется много такого, что ему будетъ очень непріятно; хотѣлъ вмѣстѣ напугать и архіереевъ Русскихъ. «Мы не отметаемся собора» писалъ Никонъ: «и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ Евангельскимъ, св. Апостолъ и св. Отецъ канонамъ — ей не отметаемся. Но прежде молимъ твое благородіе послушать малое это наше увѣщаніе съ кротостію и долготерпѣніемъ. Твое благородіе изволилъ собрать по нашемъ отшествіи митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ на судъ, вопреки Божіимъ заповѣдямъ, потому что нѣтъ такой заповѣди, по которой епископы могли бы судить своего патріарха, особенно же отъ него рукоположенные, и судить заочно». Выписавши Евангельскія повѣствованія о судѣ надъ Христомъ, Никонъ продолжаетъ: «Зри, христіаннѣйшій царь! даже въ такой лютой зависти Іудейской ничего не сдѣлано не по закону и безъ свидѣтелей и заочно, хотя во всемъ поступлено неправедно; того ради рече: предавый Мя тебѣ болій грѣхъ понесетъ. Такъ

и здѣсь смутившій твое благородіе большій грѣхъ понесетъ. Если соборъ хочетъ меня осудить за одинъ уходъ нашъ, то подобаетъ и самого Христа извергнуть, потому что много разъ уходилъ зависти ради Іудейской. Когда твое благородіе съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви былъ, и однажды, ненависти ради людской, мы писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во святой великой церкви, то каковъ былъ тогда твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго никто кромѣ насъ не знаетъ. Ты же смотри, благочестивый царь! чтобъ не было тебѣ чего-нибудь отъ этихъ твоихъ грамотъ, не было бы тебѣ это въ судъ предъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ. Я это пишу не изъ желанія патріаршаго стола, желаю, чтобъ св. церковь безъ смущенія была и тебѣ предъ Господомъ Богомъ не вмѣнился грѣхъ, пишу, не боясь великаго собора, но не давая св. царствію зазора, занеже между двумя или тремя станетъ всякъ глаголъ, кольми паче во множествѣ. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ перваго и втораго собора, которое не о насъ написано. Но какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойный! Константинопольскаго патріарха Русскіе епископы при поставленіи клянутъ всѣ. Тогда какъ нетопыри усмотрятъ свои дѣянія смущающіе твое преблаженство, Крутицкій митрополитъ съ Іоанномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками. Ты послалъ Мелетія, а онъ злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ; и здѣсь такое дѣло за нимъ было, думаю, и теперь есть въ патріаршемъ приказѣ; есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого воришки».

Отвѣта не было. Всѣ въ тревожномъ состояніи ждали развязки дѣла отъ прибытія патріарховъ; наступила зима 1664 года, приближался праздникъ Рождества Христова. Ночью съ 17 на 18 Декабря, во время заутрень, подъѣхало къ заставѣ

нѣсколько саней. «Кто ѣдетъ?» закричали сторожа. — «Власти Савина монастыря» былъ отвѣтъ. Поѣздъ былъ немедленно пропущенъ и направился прямо въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню, присутствовалъ Ростовскій митрополитъ Іона. На второй каѳизмѣ вдругъ сдѣлался шумъ, двери загремѣли, растворились и вошла толпа монаховъ, за ними внесли крестъ, а за крестомъ явился — патріархъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Раздался знакомый повелительный голосъ, котораго давно было не слыхать въ Успенскомъ соборѣ: «перестань читать!» Подьякъ Ростовскаго митрополита, читавшій псалтырь, повиновался, и Воскресенскіе старцы, пріѣхавшіе съ Никономъ, запѣли: исполаэти деспота! и потомъ: Достойно есть. Когда пѣніе кончились, Никонъ велѣлъ соборному дьякону говорить ектенью, а самъ пошелъ прикладываться къ образамъ и мощамъ; приложившись, вошелъ опять на патріаршее мѣсто, проговорилъ молитву: «Владыко многомилостиве!» и велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословеніе Ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство. «Поди» сказалъ Никонъ Іонѣ: «возвѣсти великому государю о моемъ приходѣ». Іона отправился вмѣстѣ съ Успенскимъ ключаремъ Іовомъ. Они нашли государя у заутрени, въ церкви св. Евдокіи. «Въ соборную церковь пришелъ патріархъ Никонъ, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, великому государю», проговорилъ Іона. Немедленно забѣгали огни во дворцѣ, отправились посланцы за архіереями и комнатными боярами; шумъ, смятеніе, точно пришла вѣсть, что Татары или Поляки подъ Москвою; архіереи, бояре перемѣшались, все спѣшило вверхъ по лѣстницѣ. Наконецъ собрались архіереи: Павелъ митрополитъ Сарскій (Крутицкій), Паисій Газскій, Ѳеодокъ Сербскій; собрались и комнатные бояре. Царь, въ сильномъ волненіи, объявилъ имъ новость; бояре начали кричать, архіереи, качая головами, повторяли: «Ахъ, Господи! ахъ, Господи!» Совѣщаніе впрочемъ не было продолжительно; въ

соборъ отправились люди, которыхъ появленіе не предвѣщало Никону ничего добраго — бояре князья: Никита Ивановичъ Одоевскій и Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ, дьякъ Алмазъ Ивановъ; они обратились къ Никону съ вопросомъ: «Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщался впередъ въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь и объ этомъ написано уже къ вселенскимъ патріархамъ: а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? ступай въ монастырь по прежнему». Никонъ: «Сшелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ не званный для того, чтобъ великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ, а отъ суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на свой престолъ по явленію; вотъ письмо, отнесите его къ великому государю». — «Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ» отвѣчали посланные: «пойдемъ извѣстимъ объ этомъ великому государю». Отправились во дворецъ, чрезъ нѣсколько времени снова вошли въ соборъ и сказали Никону: «Великій государь приказалъ намъ объявить тебѣ прежнее, чтобъ ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять». — «Если великому государю пріѣздъ мой ненадобенъ» отвѣчалъ Никонъ: «то я въ монастырь поѣду назадъ, но не выйду изъ церкви до тѣхъ поръ, пока на письмо мое отповѣди не будетъ». Письмо понесли къ государю, начали читать: «Слыша смятеніе и молву великую о патріаршескомъ столѣ, одни такъ, другіе иначе говорятъ развращенная, каждый что хочетъ, то и говоритъ; слыша это, удалился я 14 Ноября въ пустыню внѣ монастыря на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь Богъ, чему подобаетъ быть; молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія. Съ 13 Декабря уязвился я любовію Божіею больше прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, бдѣніе къ бдѣнію, постъ къ посту, и постился даже до 17 дня, ни ѣлъ,

ни пилъ, ни спалъ, лежалъ на ребрахъ, утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки. Однажды, съѣвши, сведенъ я былъ въ малый сонъ и вижу: стою я въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого, стоятъ одни усопшіе святители и священники по сторонамъ, гдѣ гробы митрополичьи и патріаршіе. И вотъ одинъ святолѣпный мужъ обходитъ всѣхъ другихъ съ хартіею и киноварницею въ рукахъ и всѣ подписываются. Я спросилъ у него, что̀ они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: о твоемъ пришествіи на святой престолъ. Я спросилъ опять: а ты подписалъ ли? онъ отвѣчалъ: подписалъ, и показалъ мнѣ свою подпись: Смиренный Іона Божіею милостію митрополитъ. Я пошелъ на свое мѣсто, и вижу: на немъ стоятъ святители! я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: не ужасайся, брате, такова воля Божія: взыди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы. — Ей, ей, такъ мнѣ Господь свидѣтель о семъ. Аминь. — Обрѣтаюсь днесь въ соборной церкви св. Богородицы, исповѣдая вашему царскому величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ, что задумалъ, то и сотворилъ, и теперь пришелъ видѣть пресвѣтлое лице ваше и поклониться пресвятой славѣ царствіи вашего, взявши причину отъ св. Евангелія, гдѣ написано: «вы, рече, взыдете въ праздникъ сей, азъ не взыду въ праздникъ сей, яко время мое не уисполнися; егдаже взыдоша братія его въ праздникъ, тогда и самъ взыде на явѣ, но яко тай. И паки ино писаніе: рече Павелъ къ Варнавѣ: возвращьшеся посѣти братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же возвѣстихомъ слово Божіе, како суть. Такожде и мы пришли: како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ? Пришли мы въ кротости и смиреніи. Хощешь ли самого Христа принять? мы твоему благородію покажемъ како, Господу свидѣтельствующу: пріемляй васъ, меня пріемлетъ и слушаяй васъ, мене слушаетъ. Во имя Господне пріими насъ и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отмѣнитъ. Это написалъ я твоему царско-

му величеству не отъ себя что-либо, мы не корчемствуемъ слово Божіе, но отъ чистоты яко отъ Бога предъ Богомъ о Христѣ глаголемъ, ни отъ прелести, ни отъ нечистоты, ниже лестію сице глаголемъ, не яко человѣкомъ угождающе, но Богу искушающему сердца наша. Аминь».

Въ третій разъ отправился митрополитъ Павелъ съ боярами въ соборъ и объявилъ Никону: «Письмо твое великому государю донесено, онъ, власти и бояре письмо выслушали: а ты, патріархъ, изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь по прежнему». Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. «Оставь посохъ» говорили ему бояре. «Отнимите силою» отвѣчалъ Никонъ, и вышелъ изъ церкви. Еще оставался часъ до свѣта; на небѣ горѣла хвостовая комета [70]. Садясь въ сани, Никонъ началъ отрясать ноги, произнося Евангельскія слова: идеже аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилпшый къ ногамъ вашимъ, отрясите во свидѣтельство на ня. Стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать Никона, сказалъ: «Мы этотъ прахъ подметемъ!» — «Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!» отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету. Сани двинулись; окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ѣхали за патріархомъ; выѣхавши за земляной городъ, остановились; Долгорукій подошелъ проститься, и сказалъ Никону: «Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха, благословенія и прощенія просить». — «Богъ его проститъ, если не отъ него смута» отвѣчалъ Никонъ. — «Какая смута?» спросилъ Долгорукій. — «Вѣдь я по вѣсти пріѣзжалъ» сказалъ Никонъ.

Возвратившись во дворецъ, Долгорукій немедленно передалъ Никоновы слова царю, и вотъ по Воскресенской дорогѣ поскакали митрополитъ Павелъ Крутицкій, Чудовской архимандритъ Іоакимъ, Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ съ наказомъ взять у Никона посохъ Петра митрополита и

дознаться, по какой вѣсти онъ пріѣзжалъ? Посланные нагнали патріарха въ селѣ Черневѣ: «Пріѣзжалъ я въ Москву не самовольно, по вѣсти изъ Москвы» началъ Никонъ: «посоха не отдамъ, отдать мнѣ посохъ некому; оставилъ я патріаршій престолъ на время за многое внѣшнее нападеніе и за досады». Потомъ, обратившись къ Крутицкому митрополиту, продолжалъ: «Тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю; кто тебя въ митрополиты поставилъ — не вѣдаю; посоха тебѣ не отдамъ и съ своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого посоху быть. Кто ко мнѣ вѣсть прислалъ, объявлю по времени; вотъ и письмо! а письмо это принялъ я потому: какъ великій государь былъ въ Савинѣ монастырѣ, то я посылалъ къ нему архимандрита своего, и великаго государя милость была ко мнѣ такая, какой по уходѣ моемъ изъ Москвы никогда не бывало». Но посланные отъ него не отставали; они просидѣли въ Черневѣ съ 5 часа дня до одиннадцатаго часа ночи; наконецъ послѣ многихъ разговоровъ Никонъ сказалъ: «Посохъ и письмо отошлю я самъ къ великому государю; вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ къ вселенскимъ патріархамъ, чтобъ они рѣшили дѣло объ отшествіи моемъ и о поставленіи новаго патріарха: я великому государю бью челомъ, чтобъ онъ къ вселенскимъ патріархамъ не посылалъ; я какъ сперва обѣщался, такъ и теперь обѣщаюсь на патріаршій престолъ не возвращаться; и въ мысли моей того нѣтъ; хочу, чтобъ выбранъ былъ на мое мѣсто патріархъ, и когда будетъ новый патріархъ поставленъ, то я ни въ какія патріаршія дѣла вступаться не стану, и дѣла мнѣ ни до чего не будетъ; велѣлъ бы мнѣ великій государь жить въ монастырѣ, который построенъ по его государеву указу, а новопоставленный патріархъ надо мною никакой бы власти не имѣлъ, считалъ бы меня братомъ, да не оставилъ бы великій государь ко мнѣ своей милости въ потребныхъ вещахъ, чтобъ было мнѣ чѣмъ пропитаться до смерти, а вѣкъ мой не долгой, теперь уже мнѣ близко 60 лѣтъ». Никонъ исполнилъ обѣщаніе, отправилъ посохъ и

письмо съ своимъ посланцемъ, который долженъ былъ обратиться къ духовнику царскому съ просьбою доложить государю, чтобъ позволилъ ему, Никону, пріѣхать въ Москву помолиться Богородицѣ и видѣть государевы очи. Въ отвѣтъ полученъ былъ прежній отказъ, приправленный выговоромъ и угрозою: «Великій государь указалъ тебѣ сказать: для мірской многой молвы ѣхать тебѣ теперь въ Москву непристойно, потому что въ народѣ теперь молва многая о разности въ церковной службѣ и печатныхъ книгахъ, и отъ твоего въ Москву пріѣзда и по готову ждать въ народѣ всякаго соблазна, потому что патріаршій престолъ оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію; такъ для всенародной молвы и смятенія изволь теперь ѣхать назадъ въ Воскресенскій монастырь, пока будетъ объ этомъ соборъ въ Москвѣ и къ собору пріѣдутъ вселенскіе патріархи и власти; въ то время тебѣ дадутъ знать, чтобъ и ты пріѣзжалъ на соборъ, а на соборѣ великій государь станетъ говорить обо всемъ. Ты писалъ отъ себя къ Газскому митрополиту Паисію и жаловался, будто невинно съ престола своего изгнанъ, и объ иныхъ, тому подобныхъ дѣлахъ; во всемъ этомъ великаго государя терпѣніе отъ тебя многое, а какъ приспѣетъ время собору, и въ то время онъ, великій государь, обо всѣхъ этихъ вещахъ говорить будетъ».

Исчезла послѣдняя надежда покончить дѣло мирнымъ образомъ; Никонъ отправился въ Воскресенскій монастырь, а въ Москвѣ занялись слѣдствіемъ по письму, которымъ Никонъ былъ вызванъ въ Москву. Оказалось, что письмо писано бояриномъ Никитою Ивановичемъ Зюзиннымъ, котораго мы сначала видѣли въ посольскихъ дѣлахъ, потомъ воеводою въ Путивлѣ; видѣли, что изо всѣхъ бояръ онъ одинъ продолжалъ переписку съ Никономъ по удаленіи послѣдняго изъ Москвы. Письмо было такого содержанія: «Являлись ко мнѣ Аѳанасій (Ординъ-Нащокинъ) и Артемонъ (Матвѣевъ) и сказывали: 7-го Декабря у Евдокѣи въ заутреню наединѣ говорилъ съ ними царь: «Присылалъ ко мнѣ патріархъ архимандрита въ

Савинъ монастырь; и его совѣту обрадовался, хорошій архимандритъ! сидѣлъ я съ нимъ наединѣ, и онъ со слезами говорилъ, чтобъ намъ ссорѣ не вѣрить, и я съ клятвою говорю, что никакой ссорѣ отнюдь не вѣрю; вотъ теперь на Николинъ день пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ съ наносными словами всякими на патріарха; я знаю, кто съ нимъ и въ заводѣ, только я этому ничему не вѣрю; а нашъ совѣтъ и обѣщаніе наше Господь единъ вѣсть, и душею своею отъ патріарха ей я не отступенъ, да духовенства и синклита ради, по нашему царскому обычаю, собою, мнѣ патріарха звать нельзя и писать къ нему о томъ, потому что онъ вѣдаетъ, для чего ушелъ, а нынѣ въ церкви и во всемъ кто ему бранитъ? Какъ пошелъ, такъ и придетъ— его воля, я ей ей въ томъ ему не противенъ. А мнѣ къ нему нельзя о томъ отписать, вѣдая его нравъ: въ сердцахъ на архіереевъ и на бояръ не удержится, скажетъ, что я ему велѣлъ пріѣхать, или по письму моему откажетъ и мнѣ то будетъ конечно въ стыдъ, въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, и всѣ поставятъ мнѣ то въ непостоянство; а хотя и пришлю спросить въ церковь для прилика, отводя подозрѣніе и скрывая совѣтъ, и онъ скажетъ, что по своей волѣ ради церковныхъ потребъ отъѣзжалъ и опять пришелъ; кто, скажетъ, мнѣ возбранитъ? кто мнѣ въ церкви указчикъ? а что, скажетъ, духовное письмо давали на меня, и я имъ дамъ отвѣтъ, они сами не знаютъ ничего, почему я ушелъ, почему опять прихожу, а судъ износятъ на меня не по своей мѣрѣ и не по правиламъ; и если станутъ просить прощенія, то за невѣдѣніе ихъ изволилъ бы сказать: Богъ проститъ! А я, продолжалъ государь, свидѣтеля Бога поставляю, что ему ни въ чемъ противенъ не буду и душевно совѣтую такъ сдѣлать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласіе? врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, которые для своихъ прихотей не хотятъ, чтобъ намъ въ совѣтѣ быть: это я узналъ доскональво. Только бы пожаловалъ, изволилъ патріархъ придти къ 19 Декабрю, къ за-

утрени въ соборную церковь, прежде памяти чудотворца Петра, и онъ намъ чудотворецъ и посредникъ любви нашей и всѣхъ враговъ нашихъ отженетъ; для того пришелъ бы, чтобъ кровь христіанскую остановилъ вмѣстѣ съ нами, и его слово надобно будетъ во всенародное множество, и любо имъ конечно будетъ и всѣ ему за то конечно ради будутъ и послушны; а мнѣ то въ помощь отъ него и заступленіе; да и мнѣ надобно душевно: началъ я это ратное дѣло и всякія свои царственныя и духовныя дѣла вмѣстѣ съ нимъ: такъ чтобъ Господь Богъ молитвами его святительскими и совершить сподобилъ во благая, вмѣстѣ, по совѣту; и ты, Аѳанасій, моимъ словомъ прикажи Никитѣ отписать ему все это тайно; а вотъ мнѣ къ тому числу надобно съ нимъ вмѣстѣ порѣшить, съ чѣмъ отпустить тебя на посольское дѣло, пособоровать о томъ со всѣми чинами и постъ заповѣдать; у Поляковъ и Венгровъ постъ былъ о соединеніи, а намъ и больше надобно то и всякую вражду и ненависть оставить, а время тому послѣднее наступило, все поставимъ на мѣрѣ и переговоримъ обо всемъ, какъ чему быть. Но опять молю, чтобъ въ тишинѣ, безъ большихъ выговоровъ, чтобъ не ожесточилъ всѣхъ, всѣ опасаются, ждутъ отъ него жестокости. Покинулъ онъ меня въ такихъ напастяхъ одного, борима отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а не на томъ мы между собою обѣщались, что до смерти другъ друга не покинуть, и клятва есть въ томъ между нами».

Призвали Зюзина къ допросу: онъ сказалъ, что письмо его руки, посылалъ онъ такое письмо патріарху дважды съ поддіакономъ Никитою, патріархъ отвѣчалъ ему письменно; онъ его письма и свои жегъ, патріархъ присылалъ ему его письма назадъ, кромѣ послѣдняго. Никита поддіаконъ сказалъ, что когда онъ привезъ къ Никону грамотку, то патріархъ, прочтя, сказалъ: «Буди въ томъ воля Божія, сердце царево въ руцѣ Божіей, я миру радъ». Ординъ-Нащокинъ показалъ: «Пріѣхалъ Никита Зюзинъ въ Москву изъ Новгорода и сказывалъ мнѣ: писалъ ему въ Новгородъ патріархъ

Никонъ изъ Воскресенскаго монастыря о видѣніи ему Петра митрополита, и какъ онъ, Зюзинъ, изъ Новгорода ѣхалъ въ Москву, и былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ у патріарха, то Никонъ ему сказывалъ, что о видѣніи писалъ онъ къ государю, и въ Москвѣ рѣшили, что онъ пророчествуетъ о Вельзевулѣ, а скоро потомъ у великаго государя во дворцѣ погорѣли сушильни. — Зюзинъ, продолжалъ Нащокинъ, хотѣлъ деньги занимать для отвоза поташу въ Вологду, и говорилъ: патріархъ Никонъ меня въ бѣдности не покинулъ бы, да не смѣю я ему бить челомъ для людскихъ переговоровъ; слышу, что патріархъ горько плачетъ и говоритъ на людей, что великому государю приносятъ на него ссоры невмѣстныя; за грѣхи наши всенародные чего и не ждали случилось: между великимъ государемъ и патріархомъ учинилась ссора! а здѣсь я не слыхалъ, чтобъ великой государь говорилъ что про патріарха, и, будучи въ Савинѣ монастырѣ, онъ посылалъ къ патріарху стольника Григорья Собакина съ своею милостью. Говоря это, Зюзинъ плакалъ. — Я къ тѣмъ его рѣчамъ ему молвилъ: слышалъ я отъ великаго государя, какъ возвратился онъ изъ Савина монастыря, что приходилъ къ нему отъ патріарха Воскресенскій архимандритъ, а въ село Хорошово приходилъ старецъ Григорій Нероновъ и говорилъ про патріарха вздорныя рѣчи, что и слушать нечего». — При вторичномъ допросѣ Зюзинъ объявилъ, что Нащокина и Матвѣева онъ поклепалъ, Нащокинъ говорилъ ему: хорошо бы, если бы къ моему посольству былъ и патріархъ, и что у государя на патріарха гнѣва нѣтъ; тутъ онъ, Зюзинъ, сказалъ ему, что будетъ писать къ патріарху, звать его въ Москву, и Нащокинъ отвѣчалъ: «хорошо, если тебѣ патріархъ совѣтенъ, кабы то Господь Богъ церковь умирилъ»! — Нащокинъ на это показалъ, что ничего подобнаго не бывало; прибавилъ только, что Зюзинъ занялъ у него денегъ 50 рублей, а потомъ, когда Нащокинъ былъ боленъ, пріѣзжалъ сказать, что этихъ денегъ мало на провозъ поташу. Нащокинъ просилъ у государя прощенія: «Въ 1662 году, въ Сен-

тябрѣ или Октябрѣ мѣсяцѣ, государь мнѣ говорилъ, чтобъ мнѣ съ Зюзинымъ не знаться, потому что онъ многоязычёнъ и приплететъ меня къ ненадобнымъ дѣламъ, и какъ я пріѣхалъ въ Москву изо Львова, то при первой встрѣчѣ съ Зюзинымъ объявилъ ему, чтобъ онъ со мною нигдѣ не видался, потому что онъ человѣкъ опальный; но теперь для его Никитиныхъ слезъ двора своего отъ него запереть не велѣлъ: въ томъ я передъ великимъ государемъ виноватъ, достоинъ казни, и безъ повелѣнія великаго государя по исповѣди къ причастію сего Декабря 24 числа приступить не смѣю». При пыткѣ Зюзинъ сказалъ, что всѣ Никоновы письма показывалъ Нащокину; сказывалъ ему и про тѣ письма, которыя писалъ къ Никону, только не тѣмъ лицемъ, какъ онъ въ письмахъ писалъ, и Нащокинъ ему сказалъ: хорошо!» — Что же это значитъ? По всѣмъ вѣроятностямъ, Нащокинъ говорилъ Зюзину, что со стороны царя не будетъ препятствій къ примиренію, что у государя гнѣва нѣтъ на патріарха; вѣроятно, и одобрилъ намѣреніе Зюзина склонить Никона сдѣлать первый шагъ; а Зюзинъ, чтобъ сильнѣе подѣйствовать, написалъ письмо извѣстнаго намъ содержанія, причемъ дѣйствительно поклепалъ Нащокина и Матвѣева, написавши *не тѣмъ лицемъ*. Бояре приговорили Зюзина къ смертной казни; но царь, по просьбѣ сыновей своихъ, какъ объявлено, измѣнилъ приговоръ боярскій, приказалъ сослать Зюзина въ Казань, гдѣ записать на службу, а помѣстья и вотчины отписать въ казну, дворъ же и движимое имѣніе отдать ему на прокормленіе.

Увидавши, что въ Москвѣ нельзя ничего сдѣлать, Никонъ обратился къ патріархамъ, хотѣлъ заранѣе подробно объяснить имъ дѣло съ своей точки зрѣнія, оправдать свое поведеніе. Но трудно было переслать грамоты къ патріархамъ. Случай представился, когда въ 1665 году пріѣхалъ въ Москву гетманъ Запорожскій, Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. У Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ жилъ въ дѣтяхъ боярскихъ двоюродный племянникъ его отъ сестры, Курмышскій

посадскій, Өедотъ Тимоөеевъ Марисовъ; этого Марисова патріархъ прислалъ къ Брюховецкому съ просьбою взять его съ собою въ Малороссію и оттуда отпустить въ Константинополь. Но гетманъ отказался. Тогда служка патріаршій, Иванъ Шушера, авторъ извѣстнаго житія Никонова, подкупилъ козака Васильковца Кирилла Давыдовича, который взялъ съ собою Марисова, объявивъ, что это его племянникъ, взятый въ плѣнъ во время похода Бутурлина на Львовъ; дѣло было обдѣлано за 50 рублей и 50 золотыхъ. Изъ Москвы Марисовъ выѣхалъ благополучно; но скоро здѣсь провѣдали объ его отъѣздѣ, и въ Генварѣ 1666 года посланъ гонецъ къ Брюховецкому съ требованіемъ захватить патріаршаго посланца; Марисова поймали и прислали въ Москву вмѣстѣ съ грамотами; грамоты эти были прочтены: въ нихъ Никонъ подробно описывалъ патріархамъ, что̀ случилось съ нимъ съ того времени, какъ вступилъ онъ на патріаршій престолъ, описывалъ, какъ по возвращеніи изъ Соловокъ силою взяли его изъ дому, привели въ соборъ, и здѣсь царь со всѣмъ народомъ, приклоняясь къ землѣ, со слезами умолялъ принять патріаршество; какъ онъ согласился съ условіемъ, чтобъ всѣ слушались его во всемъ какъ начальника и пастыря. Сперва царь былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всемъ Божіихъ заповѣдей искатель; но потомъ началъ гордиться и выситься. Дѣло дошло и до явныхъ оскорбленій: Хитрово прибилъ во дворцѣ слугу патріаршаго и остался безъ наказанія; царь пересталъ являться въ соборную церковь, когда служилъ тамъ онъ, патріархъ; князь Юрій Ромодановскій прямо объявилъ ему гнѣвъ царскій: тогда онъ, отъ этого гнѣва и отъ безчинія народнаго, удаляется изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. «Уѣзжая изъ Москвы» пишетъ Никонъ: «я взялъ архіерейское облаченіе, всего по одной вещи для архіерейской службы; я ушелъ, но не отказался отъ архіерейства, какъ теперь клевещутъ на меня, говоря, будто я своею волею отрекся отъ архіерейства. Я ждалъ, что царское величество помирится со мною; царь, узнавъ, что я хочу

уѣхать въ Воскресенскій монастырь, прислалъ бояръ сказать мнѣ, чтобъ я не ѣздилъ до тѣхъ поръ, пока не увижусь съ нимъ; я ждалъ на подворьѣ три дня, и только по прошествіи трехъ дней уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. За нами прислалъ царское величество въ монастырь тѣхъ же бояръ, которые спрашивали насъ: зачѣмъ ты безъ царскаго повелѣнія ушелъ изъ Москвы? я отвѣчалъ, что ушелъ не въ дальнія мѣста; если царское величество на милость положитъ и гнѣвъ свой утолитъ, опять придемъ; и послѣ этого о возвращеніи нашемъ отъ царскаго величества ничего не было. Приказали мы править на время Крутицкому митрополиту Питириму: и по уходѣ нашемъ царское величество всякихъ чиновъ людямъ ходить къ намъ и слушаться насъ не велѣлъ, потребное отъ патріаршества давать намъ запретилъ; указалъ — кто къ намъ будетъ безъ его указа, тѣхъ людей да истяжутъ крѣпко и сошлютъ въ заключеніе въ дальнія мѣста, и потому весь народъ устрашился. Крутицкому митрополиту велѣлъ спрашивать себя, а не насъ. Учрежденъ монастырскій приказъ, повелѣно въ немъ давать судъ на патріарха, митрополитовъ и на весь священный чинъ, сидятъ въ томъ приказѣ мірскіе люди и судятъ. Написана книга (уложеніе), св. Евангелію, правиламъ св. Апостолъ, св. Отецъ и законамъ Греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія: въ ней-то въ 13 главѣ уложено о монастырскомъ приказѣ; другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать — такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но кромѣ уничиженія не получилъ ничего. Я исправилъ книги — и они называютъ это новыми уставами и Никоновыми догматами. Главный врагъ мой у царя — это Паисій Лигаридъ; царь его слушаетъ и какъ пророка Божія почитаетъ; говорятъ, что онъ отъ Рима и вѣруетъ по-римски, хиротонисанъ дьякономъ и пресвитеромъ отъ папы, и когда былъ въ Польшѣ у короля, то служилъ Латинскую обѣдню. Въ Москвѣ живущіе у него духовные Греческіе и

Русскіе разсказываютъ, что онъ ни въ чемъ не поступаетъ по достоинству святительскаго сана, мясо ѣстъ и пьетъ безчинно, ѣстъ и пьетъ, а потомъ обѣдню служитъ, муже..........; я съ этимъ свидѣтельствомъ послалъ письмо къ царю, но онъ не обратилъ на него вниманія. Наклеветали на меня царю, что я его проклиналъ, но я въ этомъ невиненъ, кромѣ моей тайной молитвы. Теперь все дѣлается царскимъ хотѣніемъ: когда кто-нибудь захочетъ ставиться во дьяконы, пресвитеры, игумены или архимандриты, то пишетъ челобитную царскому величеству и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишутъ: по указу государя царя поставить его, и въ ставленной грамотѣ пишутъ: хиротонисанъ повелѣніемъ государя царя. Когда повелитъ царь быть собору, то бываетъ, и кого велитъ избирать и поставить архіереямъ, избираютъ и поставляютъ, велитъ судить и осуждать, судятъ, осуждаютъ и отлучаютъ. Царь забралъ себѣ патріаршескія имѣнія, также берутъ, по его приказанію, имѣнія и другихъ архіереевъ и монастырскія, берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостивно, весь родъ христіанскій отягчилъ данями, сугубо, трегубо и больше, но все безполезно. Много разъ писали мы къ царскому величеству, представляя ему примѣры царей благочестивыхъ, благословенныхъ Богомъ за добрыя дѣла, и нечестивыхъ, принявшихъ отъ Бога мученія: но онъ ни во что вмѣнилъ наши увѣщанія, только гнѣвался на насъ и прислалъ сказать намъ: «если не перестанешь писать унижая и позоря насъ примѣрами прежнихъ царей, то болѣе не будемъ терпѣть тебя». Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ: мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, прокляли его, а царское величество не обратилъ на это никакого вниманія и держитъ Стрѣшнева у себя по прежнему въ чести. Мы предали анаѳемѣ и Крутицкаго митрополита Питирима, потому что пересталъ поминать на литургіи наше имя, и которые священ-

ники продолжали номинать, тѣхъ наказывалъ; онъ же хиротонисалъ епископа Меѳодія въ Оршу и Мстиславль и послали его въ Кіевъ мѣстоблюстителемъ, тогда какъ Кіевская митрополія подъ благословеніемъ вселенскаго патріарха; когда мы были въ Москвѣ, то царское величество много разъ говорилъ намъ, чтобъ хиротонисать въ Кіевъ митрополита, но мы безъ вашего благословенія и безъ вашего совѣта не захотѣли этого сдѣлать и никогда бы не сдѣлали».

Письмо это всего болѣе раздражило царя противъ Никона: если и прежде Никонъ не щадилъ жесткихъ выраженій относительно Алексѣя Михайловича, то это было дѣло свое, домашнее, о которомъ знали свои, немногіе; а теперь Никонъ рѣшился выставить въ черномъ свѣтѣ поведеніе государя относительно себя, относительно церкви и всего народа передъ чужими, и именно передъ людьми, добрымъ мнѣніемъ которыхъ, по религіозности своей, Алексѣй Михайловичъ очень дорожилъ. Въ сильномъ волненіи и съ досадою читалъ онъ это письмо, что видно изъ собственноручныхъ замѣтокъ его на поляхъ; такъ напримѣръ противъ того мѣста, гдѣ Никонъ говоритъ, что тяжкія дани, налагаемыя царемъ на народъ, не приносятъ никакой пользы, Алексѣй Михайловичъ написалъ: «А у него льготно и что въ пользу?»

Пришла вѣсть, что патріархи ѣдутъ въ Москву; по военнымъ обстоятельствамъ они не могли ѣхать Европейскимъ путемъ, чрезъ Европейскія украйны, ѣхали дорогою Азіатскою черезъ Астрахань, поднимаясь оттуда Волгою. 11 Марта 1666 года царь писалъ Астраханскому архіепископу Іосифу: «Какъ патріархи въ Астрахань пріѣдутъ, то ты бы ѣхалъ изъ Астрахани въ Москву съ ними вмѣстѣ, и держалъ къ нимъ честь и береженье; если они станутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ вызваны они въ Москву, то отвѣчай, что Астрахань отъ Москвы далеко, и потому ты не знаешь, для чего имъ указано быть въ Москву, думаешь, что велѣно имъ пріѣхать по поводу ухода *бывшаго* патріарха Никона и для другихъ великихъ церковныхъ дѣлъ, а того не сказывай,

какъ ты былъ у него вмѣстѣ съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, во всемъ будь остороженъ и бережевъ, да и людямъ, которые съ тобою будутъ, прикажи накрѣпко, чтобъ они съ патріаршими людьми о томъ ничего не говорили и были бъ осторожны».

Издержекъ для дорогихъ гостей не щадили: подъ патріархами было 500 лошадей! Но скоро царю дали знать, что патріархи везутъ съ собою изъ Астрахани въ Москву наборщика печатнаго двора Ивана Лаврентьева, который по царскому указу сосланъ былъ на Терекъ за то, что завелъ Латинское воровское согласіе и многіе Римскіе соблазны; везутъ съ собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, писавшаго къ воровскимъ козакамъ воровскія грамотки, по которымъ козаки грабили царскій насадъ, торговыя суда и многихъ людей побили до смерти. 5 Сентября царь писалъ къ *многострадальному* іеродіакону Мелетію Греку, провожавшему патріарховъ, чтобъ онъ обходился съ гостями учтиво, во всемъ ихъ государскою милостію обнадеживалъ, но сказалъ бы имъ, чтобъ они съ великимъ государемъ не ссорились, воровъ въ Москву не возили, а отдали бы ихъ воеводамъ. Приставы, находившіеся при патріархахъ, доносили, что по дорогѣ, по городамъ и селамъ, патріархи принимаютъ челобитныя и розыски чинятъ: въ Симбирскѣ остригли и велѣли пасадить въ тюрьму протопопа Никифора за крестное знаменіе и за то, что не служитъ по новымъ служебникамъ; тамъ же остригли дьякона Дѣвичья монастыря за связь съ монахинею; въ городкѣ Уренѣ остригли попа по челобитной дочери его духовной и по сыску стороннихъ священниковъ и многихъ людей. Въ этихъ распоряженіяхъ въ Москвѣ не могли найти ничего противузаконнаго.

Въ Москвѣ патріарховъ ждала великолѣпная встрѣча, богатые подарки, привѣтственныя рѣчи: «Васъ благочестнѣ яко самихъ святыхъ верховныхъ апостолъ пріемлемъ», говорилъ имъ самъ царь: «любезно яко ангеловъ Божіихъ объемлемъ, вѣрующе, яко всесильнаго Монарха всемощный промыслъ

вашимъ здѣ архіерарщескимъ пречестнымъ пришествіемъ всяко въ вѣрныхъ сомнѣніе искоренити, всяко желаемое благочестивымъ благое исправленіе насадити и благочестно, еже паче солнца въ нашей державѣ сіяетъ, извѣстными свидѣтелями быти и св. Россійскую церковь и всѣхъ вѣрныхъ возвеселити, утѣшити. О святая и пречестная двоице! что васъ наречемъ толикъ душеспасительный трудъ подъемшихъ? херувимы ли, яко на васъ почилъ есть Христосъ? серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его?» и т. д.

Приступили къ дѣлу. 5 Ноября патріархи три часа сидѣли съ царемъ наединѣ; седьмаго числа къ совѣщанію были допущены архіереи, бояре, окольничіе и думные люди. Государь говорилъ объ уходѣ изъ Москвы Никона патріарха, архіереи подали сказки и выписку изъ правилъ. 28 Ноября третье засѣданіе: царь вычиталъ обвиненія Никону и просилъ патріарховъ рѣшить дѣло по правиламъ и по своему разсмотрѣнію. Патріархи отвѣчали, что надобно позвать Никона на соборъ и потребовать отъ него отвѣта. На другой день отправились за Никономъ въ Воскресенскій монастырь Арсеній, архіепископъ Псковской, Сергій, архимандритъ Спасо-Ярославскаго и Павелъ Суздальскаго Евфиміева монастырей. «Я поставленіе святительское и престолъ патріаршескій имѣю не отъ Александрійскаго и не отъ Антіохійскаго патріарховъ, но отъ Константинопольскаго», отвѣчалъ имъ Никонъ: «Александрійскій и Антіохійскій патріархи и сами живутъ не въ Александріи и не въ Антіохіи: одинъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; если же патріархи пришли по согласію съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами для духовныхъ дѣлъ, то я въ царствующій градъ Москву приду для духовныхъ дѣлъ извѣстія ради». 30 Ноября патріархи, архіереи и синклитъ собрались въ столовой избѣ: государь сидѣлъ на царскомъ мѣстѣ, патріархи подлѣ него на лѣвой сторонѣ въ креслахъ, архіереи на правой сторонѣ на скамьяхъ, бояре, окольничіе и думные люди по лѣвую сторону на скамьяхъ. Объявленъ былъ отвѣтъ Никона и показался до-

садителенъ; опредѣлили послать вторично Филарета, архимандрита Владимірскаго Рождественскаго монастыря, и Новоспасскаго келаря Варлаама Палицына, которые повезли Никону такую грамоту: «Ты великаго государя указа и св. патріарховъ повелѣнія не послушалъ, въ Москву не поѣхалъ, отказалъ нечестно: и великій государь за премногое свое беззлобіе и долготерпѣніе, и св. патріархи и преосвященный соборъ, презрѣвши твои досады и непослушаніе, прислали къ тебѣ въ другой разъ, чтобъ ты пріѣзжалъ въ Москву 2 Декабря во второмъ или третьемъ часу ночи, не раньше втораго и не позднѣе третьяго часа, и остановился бы на Архангельскомъ подворьѣ въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ; ѣхать тебѣ смирнымъ образомъ въ 10 человѣкахъ или меньше».

Отправивъ посланцевъ, соборъ занялся чтеніемъ правилъ, присланныхъ патріархами. Паисій и Макарій подтвердили, что правила дѣйствительно посланы ими, и спросили: «По этому свитку Никонъ повиненъ ли?» — «Повиненъ!» отвѣчали архіереи и бояре. Между-тѣмъ Филаретъ и Варлаамъ встрѣтили Никона уже на дорогѣ въ Москву, куда онъ пріѣхалъ въ 12 часовъ ночи. На другой день, 1 Декабря, въ третьемъ часу дня, соборъ, въ прежнемъ порядкѣ, уже засѣдалъ въ столовой избѣ. За Никономъ были посланы нашъ старый знакомый Меѳодій, епископъ Мстиславскій, и два архимандрита; они должны были сказать Никону, чтобъ шелъ на соборъ смирнымъ обычаемъ; но онъ пошелъ, какъ всегда ходилъ: передъ нимъ несли крестъ. По патріаршески вошелъ онъ и въ стотовую избу: говорилъ входъ и молитву за здоровье государя и всего царствующаго дома, патріарховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ; присутствующіе всѣ стояли во время молитвы; изговоря входъ, поклонился государю до земли трижды, патріархамъ дважды; тѣ обратились къ нему съ приглашеніемъ сѣсть по правую сторону близъ государева мѣста. Но Никонъ, увидавъ, что его приглашаютъ садиться на одной лавкѣ съ другими архіереями, что особаго мѣста для него нѣтъ, отвѣчалъ: «Я мѣста себѣ, гдѣ

сѣсть, съ собою не принесъ, развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою; пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріархи меня звали?» Тутъ царь сошелъ съ своего мѣста, сталъ передъ патріархами и началъ говорить: «Отъ начала Московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ *бывшій* патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта церковь оставилъ, патріаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многія смуты и мятежи учинились, церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ; допросите бывшаго патріарха Никона, для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь?» Патріархи обратились съ этимъ вопросомъ къ Никону, и тотъ отвѣчалъ: «Есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами, что меня судить? а безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому что хиротонисанъ я отъ Константинопольскаго патріарха». Паисій и Макарій указали ему на свитки, содержащіе полномочіе отъ двухъ остальныхъ патріарховъ. Тогда Никонъ билъ челомъ государю и патріархамъ, чтобъ выслали изъ собора недруговъ его, Питирима, митрополита Новгородскаго, и Павла Сарскаго, которые хотѣли его отравить и удавить. Питиримъ и Павелъ отвѣчали, что это ложь и что у государя есть дѣло чернеца Ѳеодосія. Царь поднесъ это дѣло патріархамъ. Патріархи снова повторили вопросъ Никону: для чего отрекся отъ патріаршества? Никонъ сталъ говорить о Теймуразовскомъ обѣдѣ, повторилъ исчисленіе всѣхъ получениыхъ имъ оскорбленій, какъ онъ это сдѣлалъ въ письмѣ къ патріархамъ. Царь отвѣчалъ: «Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово въ то время, какъ у меня обѣдалъ Грузинскій царь, и въ ту пору разыскивать и оборону давать было некогда». Отвѣтъ этотъ былъ очень неудовлетворителенъ: если некогда было во время стола, то было время послѣ; впрочемъ царь спѣшилъ дать болѣе благопріятный для себя оборотъ дѣлу: «Никонъ патріархъ говоритъ», про-

должалъ онъ: «будто человѣка своего присылалъ для строенія церковныхъ вещей, но въ ту пору на Красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего и Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во время и учинилъ смятеніе, и это безчестье къ Никону патріарху не относится; а въ праздники выходу мнѣ не было за многими государственными дѣлами. Я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшнева, чтобъ онъ на свой патріаршій столъ возвратился, а онъ отъ патріаршества отрекался, сказывалъ: какъ де его на патріаршество обирали, то онъ на себя клятву положилъ — быть на патріаршествѣ только три года. Посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобъ онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ». Ромодановскій объявилъ, что онъ о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ. Патріархи спросили Никона: «Какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?» — «Никакихъ обидъ не бывало» отвѣчалъ онъ: «но когда онъ началъ гнѣваться и въ церковь ходить пересталъ, то я патріаршество и оставилъ». Царь: «Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ: «будешь ты, великій государь, одинъ, а я Никонъ какъ одинъ отъ простыхъ». Никонъ: «Я такъ не писывалъ».

Патріархи обратились къ архіереямъ съ вопросомъ: «Какія обиды были Никону отъ государя?» — «Никакихъ» былъ отвѣтъ. Никонъ: «Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ; и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали, Аѳанасій Александрійскій и Григорій Богословъ». Патріархи: «Другіе патріархи оставляли престолъ, да не такъ какъ ты: ты отрекся, что впередъ не быть тебѣ патріархомъ, если будешь патріархомъ, то анаѳема будешь». Никонъ: «Я такъ не говаривалъ, а говорилъ, что за недостоинство свое иду; а еслибъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою святительской одежды». Патріархи: «Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: *достоинъ*; а ты какъ святительскую одежду снималъ, то го-

ворилъ: *недостоинъ*». Никонъ: «Это на меня выдумали». Царь: «Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ св. патріархамъ на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ. Допросите его: все ли онъ истину безо всякаго прилога писалъ? за церковные ли догматы онъ стоялъ? Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?» Никонъ: «Что въ грамотахъ писано, то и писано, а стоялъ я за церковные догматы; Іосифа патріарха почитаю за патріарха, а святъ ли онъ — того не вѣдаю; церковныя вещи продавалъ я по государеву указу».

Царь велѣлъ читать грамоту Никона къ патріарху Діонисію. Когда читали: «Посыланъ я въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно» — Алексѣй Михайловичъ прервалъ чтеніе и сказалъ: «Для чего онъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ безъ собора Павла епископа Коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно; допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?» Никонъ промолчалъ о царѣ Иванѣ и отвѣчалъ только относительно Павла: «По какимъ правиламъ я его низвергъ и сослалъ, того не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю, есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло». — «На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало, отлученъ епископъ Павелъ безъ собора», возразилъ митрополитъ Сарскій.

Никонъ молчалъ; стали опять читать письмо. Когда дошли до того мѣста, гдѣ говорилось, что царь началъ вступаться въ патріаршескія дѣла, то Алексѣй Михайловичъ сказалъ патріархамъ: «Допросите, въ какія архіерейскія дѣла я вступаюсь?» — «Что я писалъ, того не помню», отвѣчалъ Никонъ. Продолжали читать: «оставилъ патріаршество вслѣдствіе государева гнѣва». — «Допросите» прервалъ царь: «ка-

кой гнѣвъ и обида?» Никонъ: «На Хитрово не дал обороны, въ церковь ходить пересталъ; ушелъ я самъ собою, патріаршества не отрекался, государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ, кромѣ сакоса и митры съ собою не взялъ ничего». Патріархи: «Хотя бъ Богданъ Матвѣевичъ человѣка твоего и зашибъ, то тебѣ можно бы терпѣть и послѣдовать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ; а еслибъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, то тебѣ слѣдовало объ этомъ посовѣтоваться съ архіереями и къ великому государю посылать, бить челомъ о прощеніи, а не сердиться». Тутъ послышался голосъ Хитрово, ободреннаго словами патріарховъ: «Во время стола я царскій чинъ исполнялъ», началъ Богданъ Матвѣевичъ: «въ это время пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежъ и я его зашибъ не знаючи, и въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія и онъ меня простилъ». Раздались голоса съ обѣихъ сторонъ, съ архіерейской и боярской: «Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не бывало, пошелъ онъ не отъ обиды, съ сердца». — «Когда онъ снималъ панагію и ризы», говорили архіереи: «то говорилъ: аще помыслю въ патріархи, анаѳема да буду, панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ; какъ поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, то за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему же отослано изъ патріаршей казны денегъ 2000 рублей». — Патріархи: «Ты отрекся отъ архіерейства: снимая митру и омофоръ, говорилъ: *недостоинъ*. Никонъ: «Въ отреченіи лжесвидѣтельствуютъ; еслибъ я вовсе отрекся, то архіерейской одежды съ собою не взялъ бы».

Дочли въ письмѣ до выходки Никона противъ Уложенія: «Къ этой книгѣ» сказалъ царь: «приложили руки патріархъ Іосифъ и весь освященный соборъ, и твоя рука приложена: для чего ты, какъ былъ на патріаршествѣ, эту книгу не исправилъ, и кто тебя за эту книгу хотѣлъ убить?» — «Я руку приложилъ по неволѣ», отвѣчалъ Никонъ. Дочли до разсказа о пріѣздѣ князя Одоевскаго и Паисія Лигарида въ

Воскресенскій монастырь. «Митрополитъ и князь» сказалъ царь: «посланы были выговаривать ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многимъ безчестьемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ Евангеліе; позорилъ онъ Газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцомъ духовнымъ и ставленная грамота у него есть». Никонъ: «Я за обидящаго молился, а не клялъ; Газскому митрополиту по правиламъ служить не слѣдуетъ, потому что епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время; слышалъ я отъ дьякона Агаѳангела, что онъ Іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ; у меня много такихъ мужиковъ; мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сытинъ хочетъ меня зарѣзать». Одоевскій: Такихъ рѣчей я не говаривалъ, а Никонъ мнѣ говорилъ: «если хотите меня зарѣзать, то велите», и грудь обнажалъ. Патріархъ Макарій: «Митрополитъ Газскій въ дьяконы и попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я про это подлинно знаю. Алмазъ Ивановъ: «Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся». — Никонъ: «Никогда не говорилъ».

Когда прочли въ грамотѣ, что царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары, то Алексѣй Михайловичъ, обратясь къ Никону, сказалъ: «Я никакихъ даровъ не посылывалъ, писалъ, чтобъ пришли въ Москву для умиренія церкви; а ты посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего, и далъ Черкашенину много золотыхъ». Никонъ: «Я Черкашенину не давалъ, а далъ племяннику на дорогу».

Читали о Зюзинѣ, о его ссылкѣ, о смерти жены его съ горя. Царь: «Зюзинъ достоинъ былъ за свое дѣло смертной казни, потому что призывалъ Никона въ Москву безъ моего повелѣнія и учинилъ многую смуту, а жена умерла отъ Никона, потому что онъ выдалъ мужа ея, показавъ его письмо». Никонъ: «Я письма Зюзина прислалъ къ великому государю, оправдывая себя, что пріѣзжалъ по письмамъ, а не самъ собою». Царь поднесъ патріархамъ Зюзинское дѣло и го-

ворилъ: «Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ незванный, и изъ соборной церкви увезъ было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ: и то онъ какое добро учинилъ? и ребята его какіе учители, что такъ учинили?» — «Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали, того я не видалъ», отвѣчалъ Никонъ: «а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Черново, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти». — До смерти побивать никого не было велѣно и не биты», возразилъ царь.

Читали: «Которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ, тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь». — «Никита», прервалъ царь: «ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни; Сысой вѣдомый воръ и ссорщикъ и сосланъ за многія плутовства; Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ; допросите, кто былъ мученъ?» — Никонъ: «Мнѣ объ этомъ сказывали». Царь: «Ссорнымъ рѣчамъ вѣрить было ненадобно и ко вселенскимъ патріархамъ ложно не писать».

Читали: архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ св. Отецъ, запрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію. «Когда Никонъ», сказалъ на это царь: «былъ на патріаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ». Никонъ: «Я это дѣлалъ не по правиламъ, по невѣдѣнію». Питиримъ: «Ты и самъ на Новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живаго митрополита Авѳонія». Никонъ: «Авѳоній былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ также обезумѣть!»

«Отъ сего беззаконнаго собора», продолжали читать въ грамотѣ: «престало на Руси соединеніе съ восточными церквами и отъ благословенія вашего отлучились, отъ Римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими». Царь: «Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патрі-

архов отчел и къ католицкой вѣрѣ причел и назвал всѣхъ еретиками! только бы его Никоново письмо до св. вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою, и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься». — «Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась?» спросили патріархи Никона. «Тѣмъ» отвѣчалъ онъ: «что Паисій Газскій Питирима перевелъ изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другаго митрополита; и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводили же; а ему то дѣлать не довелось, потому что отъ Іерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ; да хотя бъ Газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, то ему на Москвѣ долго быть не для чего; я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ; всякій мужикъ надѣнетъ на себя мантію — такъ онъ и митрополитъ! я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ». Оправданіе было слишкомъ ничтожно; враги Никона торжествовали; отовсюду поднялся крикъ: «онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, а не одного Газскаго митрополита; надобно учинить объ этомъ указъ по правиламъ!» Никонъ увидалъ, куда завела его привычка употреблять сильныя, необдуманныя рѣчи; но опять по привычкѣ всегда во всемъ обвинять другихъ, а не себя, онъ обратился къ государю и сказалъ: «Только бъ ты Бога боялся, то такъ бы надо мною не дѣлалъ».

Царь не отвѣчалъ ничего. Когда всѣ успокоились, стали опять читать грамоту Никона къ патріархамъ; читали жалобу его на поставленіе духовныхъ по государеву указу, на тяжелые сборы съ церквей и монастырей; царь объяснилъ дѣло: «Какъ прежде бывало во время междупатріаршества» сказалъ онъ: «такъ дѣлается и теперь на счетъ поставленія духовныхъ лицъ: возводятъ въ степени архіереи соборомъ. Если что изъ патріаршей казны взято, то взято въ займы; съ архіереевъ и монастырей брались даточные люди, деньги

и хлѣбъ по прежнему обычаю; а онъ Никонъ патріархъ на строеніе Новаго Воскресенскаго монастыря бралъ изъ домовой казны большія деньги, которыя взяты были съ архіереевъ и монастырей вмѣсто даточныхъ людей; да онъ же бралъ съ архіереевъ и монастырей многія подводы самовольствомъ». Никонъ отвѣчалъ, что ничего никогда не бралъ. Когда прочли мѣсто о Меѳодіи Мстиславскомъ, то царь сказалъ: «Епископъ Меѳодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, а блюстителемъ, и объ этомъ писалъ я къ Константинопольскому патріарху». Относительно поведенія Питирима отвѣчалъ самъ обвиненный: «Въ божественныхъ службахъ въ соборной церкви я стоялъ и сидѣлъ гдѣ мнѣ слѣдуетъ, а не на патріаршескомъ мѣстѣ; въ недѣлю ваій дѣйствовалъ по государеву указу, а не самъ собою». Никонъ: «Тебѣ дѣйствовать не довелось: то дѣйство наше патріаршеское». Царь: «Какъ ты былъ въ Новгородѣ митрополитомъ, то самъ дѣйствовалъ; а въ твое патріаршество въ Новгородѣ, Казани и Ростовѣ митрополиты дѣйствовали же». Никонъ: «Это я дѣлалъ по невѣдѣнію». Дошли и до Стрѣшневской собаки. «Никонъ», сказалъ при этомъ царь: «ко мнѣ ничего не писалъ, а бояринъ Семенъ Лукьяновичъ передо мною сказалъ съ клятвою, что ничего такого не бывало». Духовенство свидѣтельствовало, что Никонъ проклялъ Стрѣшнева понапрасну безъ собора, а бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ прибавилъ, что патріархъ разрѣшилъ Стрѣшнева отъ клятвы и простилъ и грамоту къ нему прощальную прислалъ. Никонъ не говорилъ ничего, но когда чтеніе грамоты кончилось, то онъ сказалъ царю: «Богъ тебя судитъ; я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ». Царь обратился къ патріархамъ: «Допросите его, какъ онъ это узналъ на избраніи своемъ?» Никонъ на этотъ вопросъ не отвѣчалъ ничего. Тутъ Иларіонъ Рязанскій воспользовался случаемъ, чтобъ упомянуть о другихъ пророчествахъ Никона: «Онъ говорилъ», началъ Иларіонъ: «что видѣлъ звѣзду метлою и отъ того бу-

детъ Московскому государству погибель: пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увѣдалъ?» Никонъ: «И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали, на Москвѣ это и сбудется; Господь пророчествовалъ на горѣ Элеонской о разореніи Іерусалима за четыреста лѣтъ». Всѣ утомились, особенно царь и Никонъ, стоявшіе все время на ногахъ. Патріархи кончили засѣданіе, велѣвъ Никону идти на подворье.

Между разными голосами, поднимавшимися противъ Никона на соборѣ, мы не слыхали голоса Паисія Лигарида. Онъ почелъ за полезное для себя удалиться отъ развязки дѣла, въ которомъ такъ сильно участвовалъ прежде, и подалъ царю просьбу: «Я пришелъ сюда не для того, чтобъ спорить съ Никономъ или судить его, но для облегченія моей епархіи отъ долга на ней тяготѣющаго. Я принялъ щедрую милостыню твою, которой половину укралъ воръ Агаѳангелъ: предаю его вѣчному проклятію какъ новаго Іуду! Прошу отпустить меня, пока не съѣдется въ Москву весь соборъ; если столько натерпѣлся я прежде собора, то чего не натерплюсь послѣ собора? довольно, всемилостивѣйшій царь! довольно! не могу больше служить твоей святой палатѣ; отпусти раба своего, отпусти! какъ вольный, незванный пришелъ я сюда, такъ пусть вольно мнѣ будетъ и отъѣхать отсюда въ свою митрополію».

3-го Декабря было второе засѣданіе. Царь объявилъ патріархамъ, что вчера, 2 числа, онъ посылалъ Никону ѣду и питье, но тотъ не принялъ и сказалъ, что у него и своего есть много и будто онъ о томъ къ нему, великому государю, не приказывалъ. «Никонъ дѣлаетъ все изступя ума своего» отвѣчали патріархи. Когда подсудимый вошелъ, царь, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ патріархамъ рѣчь и всѣ присутствующіе били челомъ на Никона: «Бранясь съ митрополитомъ Газскимъ, писалъ онъ въ грамотѣ къ Константинопольскому патріарху, будто все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ святая соборная восточная церковь имѣетъ въ себѣ

Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ святыхъ Московскихъ чудотворцевъ мощи и никакого отлученія не бывало, держимъ и вѣруемъ по преданію св. Апостолъ и св. Отецъ истинно: бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили». Тутъ царь и весь соборъ патріархамъ поклонились до земли. «Это дѣло великое», отвѣчали патріархи: «за него надобно стоять крѣпко; когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ, то онъ и насъ также назвалъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ разсуждать, а мы въ Московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ; мы станемъ за это Никона патріарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ». Выставивши съ такою торжественною обстановкою главный пунктъ обвиненія противъ Никона, показавши, что не можетъ быть примиренія съ пастыремъ, такъ жестоко оскорбившимъ паству, обвинившимъ ее въ неправославіи, для усиленія впечатлѣнія представили патріархамъ самую важную улику на Никона, потрясавшую довѣріе къ его словамъ, къ его оправданіямъ: до сихъ поръ Никонъ постоянно утверждалъ, что онъ не отказывался отъ патріаршества; теперь царь подалъ патріархамъ три письма, въ которыхъ Никонъ называлъ себя *бывшимъ* патріархомъ. Патріархи объявили: «въ законахъ написано: кто уличится во лжи трижды, тому впередъ вѣрить ни въ чемъ не должно: Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ; кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ; кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ — священникъ низверженія, а мірской человѣкъ проклятія». Царь поднесъ письмо Никона о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто. Патріархи продолжали: «Когда Теймуразъ былъ у царскаго стола, то Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить, а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти, и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ, потому

что подобаетъ такъ быть». При этихъ словахъ Антіохійскій патріархъ всталъ и осѣнилъ Хитрово, потомъ продолжалъ: «Архіепископа Сербскаго Гавріила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ; да онъ же Никонъ въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургіи съ нѣкотораго архіерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ; онъ же Никонъ на ердань ходилъ въ навечеріи Богоявленія, а не въ самый праздникъ».

5-го Декабря третье засѣданіе собора. Государь обратился къ патріархамъ: «Никонъ», сказалъ онъ: «пріѣхалъ въ Москву и на меня налагаетъ судьбы Божіи за то, что соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то по моему указу у него взятъ малый (Шушера) за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поноситъ и безчеститъ, говоритъ: царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъ-подъ креста; если Никонъ на соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, св. патріархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою своею въ Москву исповѣдовался, пріобщался и масломъ освящался». Патріархи подивились гораздо. Когда Никонъ вошелъ, то патріархъ Паисій началъ говорить ему, что онъ отрекся отъ патріаршескаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. «Я не отрекался съ клятвою», отвѣчалъ Никонъ: «я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва, и теперь иду куда великій государь изволитъ; благое по нуждѣ не бываетъ». Патріархи: «Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою». Никонъ: «Это на меня затѣяли; а если я негоденъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду». Патріархи: «Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?» Никонъ: «Не писывалъ и не говаривалъ». Тутъ Иларіонъ Рязанскій показалъ письмо его, гдѣ именно такъ было написано. Никонъ: «Рука моя, развѣ

описался. Слышалъ я отъ Грековъ, что на Антіохійскомъ и Александрійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ: чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать, пусть патріархи положатъ Евангеліе». Патріархи: «Мы патріархи истинные, не изверженные и не отрекались отъ престоловъ своихъ; развѣ Турки безъ насъ что сдѣлали; но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ, прелюбодѣй; а св. Евангелію быть не для чего, архіерею не подобаетъ Евангеліемъ клясться». Никонъ: «Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока Константинопольскій и Іерусалимскій сюда будутъ». Иларіонъ Рязанскій: «Какъ ты не боишься суда Божія: и вселенскихъ-то патріарховъ безчестишь!» Патріархи, обратясь къ собору: «Скажите правду про отрицаніе Никоново съ клятвою!» Питиримъ Новгородскій и Іоасафъ Тверской показали, что Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патріархъ, то анаѳема буду. Никонъ: «Я назадъ не поварачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ; а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема; такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другаго патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю; какъ изволитъ великій государь и вселенскіе патріархи». Патріархи велѣли читать правила Амасійскому митрополиту по-гречески, а по-русски читалъ Иларіонъ Рязанскій. Читали: «Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ, тому впредь не быть на престолѣ». Никонъ: «Эти правила не апостольскія, и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ, я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю». Павелъ Крутицкій: «Эти правила приняла церковь». Никонъ: «Ихъ въ Русской Кормчей нѣтъ, а Греческія правила непрямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики; а я не отрекался отъ престола, это на меня затѣяли». Патріархи: «Наши Греческія правила прямыя!» Тверской архіепископъ Іоасафъ: «Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріаршескаго престола, то мы его молили, чтобъ

не покидалъ престола; но онъ говорилъ, что разъ отрекся и больше не будетъ патріархомъ, а если возвратится, то будетъ анаѳема». Никонъ по прежнему отвергалъ это показаніе. Тутъ всталъ Родіонъ Стрѣшневъ и объявилъ: «Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патріаршествѣ только три года». Никонъ: «Я не возвращаюсь на престолъ; воленъ великій государь». Алмазъ Ивановъ: «Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ яко псу на своя блевотины». Никонъ отперся и прибавилъ: «Не только меня, и Златоуста изгнали неправедно»; потомъ, обратясь къ царю, сказалъ: «Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва». Царь: «Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь: на меня никто бунтомъ не прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня, приходили бить челомъ мнѣ объ обидахъ». Со всѣхъ сторонъ поднялись крики: «Какъ ты не боишься Бога непристойныя рѣчи говорить и великаго государя безчестить!» Патріархи: «Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?» Никонъ: «Ношу черный клобукъ по примѣру Греческихъ патріарховъ; херувимовъ ношу по примѣру Московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ; съ одною панагіею съ патріаршества сошелъ, а другая—крестъ, въ помощь себѣ ношу». Архіереи: «Когда отрекся отъ патріаршества, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ, взялъ простой монашескій, а теперьноситъ съ херувимомъ». Антіохійскій патріархъ: «Знаешь ли, что Антіохійскій патріархъ судья вселенскій?» Никонъ: «Тамъ себѣ и суди; въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: Александрійскій живетъ въ Египтѣ, Антіохійскій въ Дамаскѣ». Патріархи: «Когда благословили вселенскіе патріархи Іова митрополита Московскаго на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?» Никонъ: «Я въ то время невеликъ былъ». Патріархи: «Слушай правила святыя». Никонъ: «Греческія правила непрямыя, печатали ихъ еретики». Патріархи: «При-

ложи руку, что нашъ номоканонъ еретическій, и скажи имянно, какія въ немъ ереси?» Никонъ отказался это сдѣлать. Патріархи: «Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?» Никонъ: «Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха вся вселенная». Патріархи: «Ты *одинъ* Павла епископа низвергъ не по правиламъ». Царь: «Вѣришь ли всѣмъ вселенскимъ патріархамъ? они подписались своими руками, что Антіохійскій и Александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву». Никонъ посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: «Рукъ ихъ не знаю». Антіохійскій патріархъ: «Истинныя то руки патріаршескія!» Никонъ Антіохійскому: «Широкъ ты здѣсь; какъ то ты отвѣтъ дашь предъ Константинопольскимъ патріархомъ!» Голоса съ разныхъ сторонъ: «Какъ ты Бога не боишься, великаго государя безчестишь и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставишь!» Патріархи велѣли взять у Никона крестъ, который передъ нимъ носили, на томъ основаніи, что ни у одного патріарха нѣтъ такого обычая, а Никонъ взялъ отъ Латынниковъ. Начался опять споръ объ отреченіи; наконецъ патріархи сказали: «Написано: по нуждѣ и дьяволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ». Произнесли приговоръ: «Отселѣ не будеши патріархъ и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простый монахъ».

8-го Декабря патріархи сидѣли у государя наединѣ три часа. 12-го Декабря патріархи собрались съ духовенствомъ въ крестовой патріаршей и послали просить государя, чтобъ отрядилъ къ нимъ кого-нибудь изъ синклита; царь прислалъ князя Никиту Ивановича Одоевскаго, боярина Петра Михайловича Салтыкова, думнаго дворянина Елизарова, думнаго дьяка Алмаза Иванова. Никонъ дожидался въ сѣняхъ передъ крестовою. Патріархи отправились въ церковь, которая была на воротахъ Чудова монастыря, и стали па своихъ мѣстахъ въ саккосахъ, другіе архіереи въ саккосахъ же стояли по чину. Позвали Никона; онъ вошелъ, помолился иконамъ, поклонился патріархамъ дважды въ поясъ и сталъ по лѣвую сто-

рону западныхъ дверей. Начали читать выписку изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски; когда чтеніе кончилось, патріархи сошли съ своихъ мѣстъ, стали у царскихъ дверей, подозвали Никона къ себѣ и перечислили его вины, которыя состояли въ слѣдующемъ: «Проклиналъ Россійскихъ архіереевъ въ недѣлю православія мимо всякаго стязанія и суда; покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать весемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругаяся двоимъ архіереямъ, одного называлъ Анною, другаго Каіафою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, другаго Пилатомъ; когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ, и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ, всячески отвергъ; номоканонъ назвалъ книгою еретическою, потому что напечатанъ въ странахъ западныхъ; въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ Латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Оссіи, говорилъ, что синклитъ и вся Россійская церковь приклонилисъ къ Латинскимъ догматамъ: но порицающій стадо ему врученное не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ; по низложеніи съ Павла, епископа Коломенскаго, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе, архіерей этотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ-нибудь образомъ погибъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцовъ наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ». Когда вины были объявлены, патріархъ Александрійскій снялъ съ Никона клобукъ и панагію, и сказалъ ему, чтобъ впередъ патріархомъ не назывался и не писался, назывался бы просто

монахомъ Никономъ, въ монастырѣ жилъ бы тихо и безмятежно и о своихъ согрѣшеніяхъ молилъ всемилостиваго Бога. «Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить», отвѣчалъ Никонъ: «а что вы клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти и по шести, да золотыхъ по десяти. Вы султанскіе невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану; откуда взяли вы эти законы? зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь тайно, какъ воры, въ монастырской церкви, въ отсутствіи царя, думы и народа? при всемъ народѣ упросили меня принять патріаршество; я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя;. поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ; а если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдемъ въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня чему хотите». Ему отвѣчали, что все равно, въ какой бы церкви ни было произнесено опредѣленіе собора, лишь было бы оно по совѣту государя и всѣхъ архіереевъ. На Никона надѣли простой клобукъ, снятый съ Греческаго монаха; но архіерейскаго посоха и мантіи у него не взяли, страха ради народнаго, по однимъ извѣстіямъ, по просьбѣ царя, по другимъ.

Мѣстомъ заточенія для низверженнаго патріарха назначёнъ былъ Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, куда отправились съ нимъ два священника черныхъ, два дьякона, одинъ простой монахъ и два бѣльца. Садясь въ сани, Никонъ сталъ говорить, обращаясь къ самому себѣ: «Никонъ! отъ чего все это тебѣ приключилось? не говори правды, не теряй дружбы! если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ тобою этого». Никона везли изъ Чудова монастыря подъ прикрытіемъ ратныхъ людей, но толпа народа слѣдовала за нимъ. Позади саней шелъ Спасо-Ярославскій архимандритъ Сергій, и когда Никонъ началъ

что-нибудь говорить, Сергій кричалъ: «Молчи, Никонъ!» Тотъ обратился къ своему прежнему эконому: «Скажи Сергію, что если онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ». Экономъ исполнилъ порученіе, причемъ назвалъ Никона святѣйшимъ патріархомъ. «Какъ ты смѣешь» закричалъ Сергій: «называть патріархомъ простаго чернеца!» Въ отвѣтъ послышался голосъ изъ толпы: «Что ты кричишь! имя патріаршеское дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго». Сергій обратился къ стрѣльцамъ съ требованіемъ, чтобъ схватили дерзкаго; ему отвѣчали, что онъ уже схваченъ и отведенъ куда слѣдуетъ. Никонъ ночевалъ на земскомъ дворѣ. На другой день, 13 Декабря, назначенъ былъ выѣздъ; царь прислалъ Никону денегъ и шубу на дорогу: тотъ не взялъ; царь просилъ благословенія себѣ и всему семейству своему: Никонъ не далъ благословенія. Народъ сталъ собираться въ Кремль; ему сказали, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ; но когда толпы отхлынули въ Китай, Никона повезли по другой дорогѣ. Наблюдать за Никономъ былъ посланъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандритъ Іосифъ.

21 Декабря Никонъ былъ уже въ Ѳерапонтовѣ; первымъ дѣломъ Іосифа было потребовать отъ него архіерейскую мантію и посохъ; Никонъ отдалъ безо всякаго возраженія; просилъ только, чтобъ монаховъ и бѣльцовъ, которые съ нимъ пріѣхали, пускать по волѣ всюду, куда они ни захотятъ. На смѣну Іосифу Нижегородскому отправился другой Іосифъ, архимандритъ Новоспасскій, которому данъ былъ наказъ: «Беречь, чтобъ монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ; беречь накрѣпко, чтобъ никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ ему владѣть ничѣмъ не велѣть, а пищу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ».

Но этотъ наказъ не могъ быть легко исполненъ относительно Ѳерапонтовскаго заточника. Никонъ, по своей природѣ, не могъ оставаться въ покоѣ и оставлять другихъ въ покоѣ; значеніе патріарха было слишкомъ велико на Руси;

Никонъ, и будучи въ Москвѣ, и будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ, надѣлалъ слишкомъ много шуму, произвелъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, которое не теряло этой силы по мѣрѣ отдаленія отъ главной сцены дѣйствія; Русскіе люди того времени такъ легко подчинялись вліянію лица, умѣвшаго внѣшними средствами выставить права, хотя бы даже мнимыя, хотя бы даже исчезнувшія; наконецъ, самъ царь Алексѣй Михайловичъ, по природѣ своей, не давалъ Никону успокоиться, самъ поддерживалъ въ немъ мечты о возможности перемѣны, самъ поддерживалъ въ немъ притязанія на значеніе высшее того, какое оставилъ при немъ соборъ. Сильно раздраженный письмомъ Никона къ патріархамъ, Алексѣй Михайловичъ схватился враждебно на соборѣ съ прежнимъ своимъ *собиннымъ* пріятелемъ, когда увидалъ его лицемъ къ лицу, также гнѣвнаго, по прежнему гордаго, неуступчиваго, скораго на обиду. Но когда дѣло кончилось, приговоръ былъ произнесенъ — и вмѣсто святѣйшаго патріарха, великаго государя Никона въ воображеніи царя явился бѣдный монахъ Никонъ, ссыльный въ холодной пустыни Бѣлозерской, гнѣвъ прошелъ, прежнее начало пробуждаться, Алексѣй Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... Въ религіозной душѣ царя поднимался вопросъ: по христіански ли поступилъ онъ? не долженъ ли онъ искать примиренія съ Никономъ, хотя и не будучи въ правѣ измѣнять приговора соборнаго? Мы видѣли, какъ онъ передъ отъѣздомъ Никона въ Ѳерапонтовъ послалъ просить у него благословенія; потомъ, когда въ 1667 году на перемѣну приставу Шепелеву посланъ былъ изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ новый приставъ Наумовъ, то царь поручилъ ему также просить у Никона себѣ благословенія и прощенія. Но Никонъ не понялъ или не хотѣлъ понять побужденій, руководившихъ царемъ въ этомъ случаѣ; не въ его характерѣ было сообразоваться съ христіанскою заповѣдію о прощеніи враговъ, о примиреніи съ братомъ прежде приступленія къ алтарю; онъ хотѣлъ воспользоваться совѣстливостію царя въ этомъ отношеніи для улучшенія сво-

ей участи: «Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія; но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прощу». — «Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы» писалъ Никонъ царю: «ты присылалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и съ просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему — ждать суда Божія. Опять Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова: и ему я тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія: ты меня осудилъ и заточилъ, и я тебя трикраты проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содома и Гомора: въ первый разъ какъ уходилъ съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ; во второй разъ какъ приходилъ передъ Рождествомъ, и былъ изгнанъ — во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ!»

Съ этою же цѣлію напугать царя Никонъ въ Ѳерапонтовѣ вздумалъ повторить то же, что онъ сдѣлалъ въ Москвѣ во время суда надъ нимъ. 6 Марта 1667 года является къ Наумову монахъ и говоритъ ему отъ имени Никона: «Пошли за всякими запасами въ Воскресенскій монастырь, а государевыхъ запасовъ принимать и ѣсть мы не хотимъ, потому что Никонъ патріархъ на государя гнѣвается, государь его сослалъ въ ссылку, а не вселенскіе патріархи, и за это намъ государева подаянія принимать и ѣсть нельзя». — «Какъ ты смѣешь называть Никона патріархомъ!» сказалъ Наумовъ монаху. — «Тебя я не слушаю», отвѣчалъ тотъ: «а Никона и впередъ буду называть патріархомъ и подъ благословеніе ходить; слышали мы и то, что теперь поставленъ новый патріархъ Іоасафъ, и то непрямой патріархъ, и вселенскіе патріархи непрямые, отставные и нанятые, просили они у нашего Никона патріарха посулу 3000 и говорили: ты у насъ по прежнему будешь патріархъ; Никонъ 3000 имъ не

далъ, и они, за то на него осердясь, и отставили». Еще болѣе придалъ духа Никону пріѣздъ стряпчаго Ивана Образцова въ Іюлѣ 1667 года. Видя, что Наумовъ слишкомъ строго держитъ заточника, Образцовъ посадилъ Наумова въ сторожку, гдѣ тотъ и сидѣлъ часа съ три. Никонъ сердился и говорилъ: «Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа». Наумовъ пришелъ къ нему просить прощенія, кланялся и говорилъ: «Я человѣкъ невольный: какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ». Никонъ за эти слова его простилъ и съ тѣхъ поръ началась у нихъ дружба. Приставъ началъ приходить къ Никону и разсказывать всякія вѣсти изъ Москвы. Оба — и приставъ, и заточникъ, съ одинакою легкостію вѣрили всякимъ слухамъ: такъ однажды люди Наумова, возвратясь изъ Москвы, разсказывали, что Никону быть папою. Наумовъ испугался, началъ Никона патріархомъ звать и подъ руки водить; толковалъ: «Дай государю благословеніе и прощеніе, а государь тебѣ ни за что не постоитъ, голова моя въ томъ!» разсказывалъ, будто государь, отпуская его въ Ѳерапонтовъ, наказывалъ умаливать Никона о благословеніи и прощеніи; а когда онъ запросилъ наказа на письмѣ, то Алексѣй Михайловичъ разсердился и сказалъ: «Что жь мнѣ тебѣ запись дать, чтобъ ты ее съ женою дома читалъ, а словамъ моимъ не вѣришь!» Съ 23 Іюля начали къ Никону пріѣзжать всякихъ чиновъ люди, изъ городовъ посадскіе, съ Бѣлаозера земской избы староста да кружечнаго двора голова, Каргопольцы, изъ разныхъ монастырей монахи, изъ дѣвичья Воскресенскаго монастыря игуменья Марѳа; всѣ эти гости подходили къ Никону подъ благословеніе, цѣловали его руку, величали патріархомъ, сидѣли у него въ кельѣ съ утра до вечера; въ дѣвичій монастырь за монахинями Никонъ посылалъ на монастырскихъ подводахъ, сталъ владѣть всѣмъ монастыремъ и монастырскою вотчиною; на представленія Наумова отвѣчалъ съ сердцемъ: «Не указалъ тебѣ государь ни въ чемъ меня вѣдать». Изъ старыхъ вотчинъ его, изъ села Короткова и

изъ села Богословскаго, начали пріѣзжать монахи и крестьяне съ челобитьями объ указѣ и привозили деньги. Наумовъ, по наказу, запрещалъ давать Никону бумагу и чернила; тотъ дразнилъ его: «Ты мнѣ запрещаешь давать бумаги и чернилъ, а я съ Москвы съ собою привезъ четыре чернильницы и бумагу, вотъ смотри!» и показывалъ бумаги дестей съ восемь. Архимандритъ Іосифъ и Ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій увлеклись общимъ примѣромъ, начали Никона называть патріархомъ, цѣловать въ руку, поминать на ектеніяхъ по прежнему; Іосифъ дурно отзывался о новомъ патріархѣ Іоасафѣ; Никону это очень нравилось и онъ дарилъ Іосифа суконами и шубами.

Но почетъ, оказываемый въ Ѳерапонтовѣ, не могъ утѣшить Никона, который жаждалъ возвращенія изъ ссылки, а объ этомъ возвращеніи не было слуху. Въ Августѣ пришелъ указъ изъ Москвы — взять и сослать служку Яковлева за то, что онъ, не спросясь съ Наумовымъ, ѣздитъ всюду по порученію Никона. Никонъ, по своему обычаю, вспылилъ, называлъ Наумова воромъ, царскую грамоту ложною, кричалъ: «Это все дѣлаетъ Дементій Башмаковъ безъ государева указа!» Покричавши, наконецъ выдалъ служку. Этотъ случай показалъ ему, что въ Москвѣ не только не думаютъ о его возвращеніи, но даже и о смягченіи наказа приставу. Никонъ попробовалъ, нельзя ли уступчивостію получить то, что̀ прежде хотѣлъ взять жесточью, угрозою. Прежде онъ отказывалъ дать царю благословеніе и прощеніе, требуя, чтобъ царь сперва возвратилъ его изъ ссылки; теперь онъ посылаетъ благословеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что слѣдствіемъ этого будетъ возвращеніе изъ Ѳерапонтова. Онъ призвалъ Наумова и спросилъ: «Какой съ тобою ко мнѣ приказъ отъ великаго государя?» Наумовъ повторилъ, что государь приказывалъ просить его о благословеніи и прощеніи. Тогда Никонъ отдалъ ему письмо для отсылки къ государю: «Великому царю государю и великому князю богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостію Божіею патріархъ Бога моля челомъ

бью. Въ нынѣшнемъ 176 (1667) году Сентября 7 приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что велѣно ему съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобъ я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты меня, по своему государскому разсмотрѣнію, милостію своею пожалуешь. И я тебя, царицу, царевичей и царевенъ благословляю и прощаю, а когда ваши государскія очи увижу, тогда вамъ государямъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, яко же св. Евангеліе наказуетъ и дѣянія св. Апостолъ всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбу творить».

Но прошелъ годъ — изъ Москвы отвѣта не было; Никонъ вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился напомнить о себѣ другимъ способомъ. Въ Октябрѣ 1668 года явился въ Москву отъ него монахъ Флавіанъ и подалъ царю письмо: «Иже живъ сый привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдяй во тьмѣ и сѣни смертней, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя, боюсь измѣнниковъ твоихъ: послыша такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а твое дѣло погаснетъ безъ вѣсти, Приставъ Степанъ Наумовъ, приходя, сказывалъ мнѣ милость твою съ часу на часъ, со дня на дeнь, съ мѣсяца на мѣсяцъ: но твоя милость удалилась отъ меня, зане прогнѣвалъ ярость твою, и я, видя, что дѣло твое замедлилось, 7 Сентября призывалъ къ кельѣ Новоспасскаго архимандрита Іосифа, стрѣлецкаго сотника Саврасова, Ѳерапонтовскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ, и сказывалъ твое великое слово, чтобъ архимандритъ и сотникъ дали мнѣ подводу и провожатыхъ добрыхъ, съ кѣмъ бы мнѣ къ тебѣ съ этимъ великимъ дѣломъ отпустить своего человѣка, и дѣло имъ объявилъ твое безголовное, что на Москвѣ измѣнники твои хотятъ тебя очаровать или очаровали. Архимандритъ, сотникъ и стрѣльцы согласились; но измѣн-

никъ келарь Макарій началъ кричать: «Намъ черезъ государевъ указъ подводъ давать нельзя». Я сотнику и стрѣльцамъ велѣлъ взять моихъ лошадей, и велѣлъ къ тебѣ писать, что̀ отъ меня слышали; но келарь для письма подъячаго не далъ; я говорилъ сотнику, чтобъ ѣхалъ онъ самъ и безъ письма; сотникъ хотѣлъ ѣхать, но Степанъ Наумовъ прислалъ человѣка своего: холопъ, прибѣжавъ на монастырь, кричалъ, что Степанъ не велѣлъ никого отпускать и лошадей давать; пріѣхалъ и самъ Степанъ на конюшій дворъ съ ослопомъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, лошадей всѣхъ взялъ къ себѣ въ руки и никому не далъ, кричалъ: «увижу, кто поѣдетъ! что онъ меня стращаетъ! я не малый ребенокъ; у меня есть великое дѣло и на самого патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить». Я говорилъ, чтобъ сотникъ и стрѣльцы шли пѣшкомъ въ Кирилловъ; но Степанъ и въ Кирилловъ пускать ихъ не велѣлъ, кричалъ: «Моя въ томъ голова!» но вѣдь его голова передъ твоею очень не дорога! На другой день отпустилъ онъ въ Москву человѣка своего Андрюшку да вора стрѣльца Якимка, а меня велѣлъ заковать и около кельи поставить семь карауловъ».

20 Октября бояре, въ присутствіи царя, допрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло, съ которымъ прислалъ его Никонъ? Флавіанъ объявилъ: «Въ Петровъ постъ пришелъ въ Ѳерапонтовъ монастырь изъ Москвы Воскресенскаго монастыря черный попъ Палладій и сказалъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ, на Кирилловскомъ подворьѣ, и сказывалъ ему черный попъ Іоиль про окольничаго Ѳедора Ртищева; говорилъ Ртищевъ Іоилю: «сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ». Іоиль окольничему сказалъ: «Мнѣ сдѣлать этого нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня». Ртищевъ отвѣчалъ: «Жонкѣ говорить объ этомъ нельзя, потому что она хочетъ за меня замужъ». — Но вслѣдъ за Флавіаномъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ также излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева являлся

тутъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово съ жонкою Литовкою; въ письмѣ Никона Іоиль говорилъ Палладію: «Никонъ меня не любитъ, называетъ колдуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего того нѣтъ, только я умѣю звѣздочетіе, то у меня гораздо твердо учено; меня и вверхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я сказалъ, что ей не встать, что̀ и сбылось, и мнѣ государь указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ поближе; мнѣ и Богданъ Хитрой другъ и говорилъ мнѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его Богдана любилъ и жаловалъ, и я, помня государеву милость къ себѣ, ему отказалъ, и онъ мнѣ сказалъ: «Нишкни же!» и я ему молвилъ: «да у тебя Литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея сильнѣе». И Богданъ говорилъ: «Это такъ, да лихо запросы велики, хочетъ, чтобъ я на ней женился, и я бы взялъ ее, да государь не велитъ».

Призвали къ допросу Іоиля: тотъ объявилъ, что приходилъ къ Палладію лечить его, но ни объ чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ. Призвали Палладія: тотъ объявилъ, что лечился у Іоиля, но ни о чемъ съ нимъ не говаривалъ, и въ Ѳерапонтовѣ Никону ни о чемъ не сказывалъ: «вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ. Въ то время какъ я жилъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, пріѣзжалъ стряпчій Иванъ Образцовъ и привезъ Никону государева жалованья 500 рублей, да старцамъ, которые съ нимъ, 200 рублей; Никонъ имъ этихъ денегъ не далъ; я объ этомъ съ старцами поговорилъ, и Никонъ, узнавши, велѣлъ меня изъ Ѳерапонтова выбить дубьемъ»: — Іоиля обыскали и нашли книги: одна книга Латинская; одна по-латыни и по-польски; книга печатная счету звѣздарскаго, печатана въ Вильнѣ въ 1586 году; книга письменная съ Марта мѣсяца во весь годъ лунамъ и днямъ, и планитамъ и рожденіямъ человѣческимъ въ мѣсяцахъ и въ звѣздахъ; тетрадь письменная о пусканіи крови жильной и рожечной; записка, кого Іоиль излечилъ, и тѣ люди приписывали руками своими.

Въ Ноябрѣ отправился въ Ѳерапонтовъ стрѣлецкій голова Лутохинъ; онъ долженъ былъ разсказать Никону все дѣло, какъ найдена разница между его письмомъ и извѣтомъ Флавіана: въ одномъ Хитровъ, въ другомъ Ртищевъ, и объявить, что Іоиль не винится. Лутохинъ долженъ былъ также спросить Никона: въ келью воду самъ онъ носитъ и дрова рубитъ своею ли волею или по неволѣ? Никонъ отвѣчалъ: «Я приказывалъ Флавіану извѣстить о Хитровѣ, а не о Ртищевѣ, да и не пристало про Ѳедора Михайловича тому быть, потому что онъ человѣкъ женатый; Флавіанъ ослышался. Я не задержалъ Палладія и не отправилъ къ государю потому, что надѣялся вскорѣ самъ государевы очи видѣть: сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велитъ взять въ Москву скоро, выманилъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Ѳерапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государской милости не будетъ, то я по прежнему ничего государева принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою». — Лутохинъ: «Дай мнѣ росписи тому, чего тебѣ не даютъ изъ кушанья?» — Никонъ: «Что мнѣ росписи давать! у меня никогда кромѣ щей да квасу худаго ничего не бываетъ, морятъ меня съ голоду». Лутохинъ справился; Наумовъ и монастырскія власти показали, что у Никона никогда безъ живой рыбы и безъ пива не бывало; показали и садки, гдѣ для него рыба, стерляди и щучки, язи, окуни и плотва. Но Никонъ сказалъ, что этой рыбы ѣсть нельзя, изсидѣлась; что дрова и воду самъ носилъ за безлюдствомъ, а теперь не носитъ. Лутохину показали кресты, которые водрузилъ Никонъ въ разныхъ мѣстахъ съ надписями: «Никонъ, Божіею милостію патріархъ, поставилъ сій крестъ Христовъ, будучи въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ».

Но въ то время, какъ Никонъ объявленіемъ великаго государева дѣла про Хитрово хотѣлъ показать свое усердіе и проложить себѣ дорогу къ возвращенію изъ ссылки, про него самого объявилось великое государственное дѣло, давшее новое блистательное торжество Хитрову съ товарищи и отяготившее участь заточника. Изъ Ферапонтова пріѣхалъ архимандритъ Іосифъ и донесъ: «Весною 1668 года были у Никона воры Донскіе козаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это Донскіе козаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: «Нѣтъ ли тебѣ какого утѣсненія: мы тебя отсюда опростаемъ». Никонъ говорилъ мнѣ также: «И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня Донскіе козаки и говорили: если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей». Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію Цареградскаго патріарха: писалъ ему объ этомъ Аѳанасій Иконійскій». Монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ѳерапонтова и обратиться къ народу съ жалобою на напрасное заточеніе.

Аѳанасія Иконійскаго сослали въ Макарьевъ монастырь на Унжу; Никона затворили въ кельѣ.

Кончина царицы Марьи Ильиничны опять напомнила царю о старомъ *собинномъ* пріятелѣ. Онъ отправилъ въ Ѳерапонтовъ близкаго человѣка, Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, съ деньгами Никону на поминъ души царицыной. Никонъ не взялъ денегъ. Но это было послѣднее проявленіе твердости съ его стороны. Лѣтомъ 1671 года онъ попытался напомнить о себѣ, выставить свое достоинство, прозорливость и заслугу для государства; онъ призвалъ пристава, князя Шайсупова, который замѣнилъ Наумова, и началъ ему говорить: «Когда пріѣзжалъ ко мнѣ отъ государя съ милостынею по царицѣ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, то я ему о преставленіи царевича Алексѣя Алексѣевича и о разореніи козацкомъ, чему быть, назначилъ, а мнѣ это было объявлено отъ Господа

Бога; да и впредь, если вселенскихъ и Московскаго патріарховъ на весь православный Россійскій народъ безразсудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего; обо всемъ этомъ писалъ я къ великому государю. При Степанѣ Наумовѣ въ Ѳерапонтовъ монастырь приходили три человѣка козаковъ, Ѳедька да Евтюшка, а третьяго позабылъ какъ звали, которые прежде были на службѣ съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкій монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкій шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою, пришло ихъ двѣсти человѣкъ; Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь разорить и съ казною его, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу; но я на ту ихъ воровскую прелесть не подался, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобъ великому государю вины свои принесли, и они пропали невѣдомо куда».

Шайсуповъ, разумѣется, немедленно далъ знать объ этомъ разговорѣ въ Москву. Отвѣта не было. Тогда Никонъ рѣшился сдѣлать третій, послѣдній шагъ для полученія свободы: сначала онъ угрозою хотѣлъ вынудить у царя возвращеніе изъ ссылки, обѣщалъ дать благословеніе и прощеніе царю только подъ условіемъ освобожденія изъ Ѳерапонтова; потомъ самъ послалъ прощеніе и благословеніе въ надеждѣ, что за этимъ немедленно послѣдуетъ освобожденіе; наконецъ теперь рѣшился самъ просить прощенія у царя въ прежнемъ своемъ поведеніи. 25 Декабря 1671 года онъ отправилъ къ государю такое письмо: «Въ прошломъ 160 году, Божіею волею и твоимъ, великаго государя, изволеніемъ и всего освященнаго собора избраніемъ былъ я поставленъ на патріаршество не своимъ изволомъ; я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня съ такое великое дѣло не станетъ, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я тебѣ челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года;

по прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять я тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь. Ты, подражая Небесному Отцу въ щедротахъ, и въ Воскресенскомъ монастырѣ милостію своею меня не забылъ, пироги именинные и милостыню присылалъ, а я твою милость съ презорствомъ принималъ, и все это дѣлалъ нарочно, чтобъ ты меня забылъ. Случилось мнѣ однажды въ Воскресенскомъ монастырѣ заболѣть; ты, узнавши объ этомъ, прислалъ ко мнѣ Аѳанасія Матюшкина съ обѣщаніями и утѣшительными словами, что не оставишь меня до смерти; я этой милости не очень порадовался, а потомъ, навѣтами враговъ моихъ, Романа Бабарыкина, Ивана Сытина и другихъ, возросла между нами великая смута: они же меня обидѣли, они же тебѣ на меня и наклеветали. Да у меня же въ Воскресенскомъ монастырѣ были два Жида крещеныхъ, и, оставя православную вѣру, начали они старую Жидовскую держать и молодыхъ чернецовъ развращать; я, сыскавъ объ этомъ подлинно, велѣлъ Жида Демьяна посмирить и сослать въ Иверскій монастырь, а Демьянъ другому Жиду Мишкѣ сказалъ: не пробыть и тебѣ безъ бѣды, бѣги въ Москву и скажи за собою государево слово; тотъ такъ и сдѣлалъ; ты по этому дѣлу присылалъ ко мнѣ думнаго дьяка Дементія Башмакова, а въ это время молодые чернецы, бывшіе въ Жидовской ереси, покрали у меня деньги и платье и тѣмъ Жидамъ помогали, да имъ же помогалъ архимандритъ Чудовскій потому: былъ онъ у меня въ Воскресенскомъ и въ Иверскомъ монастыряхъ строителемъ долгое время и не считанъ, а какъ захотѣлъ я его считать, то онъ ушелъ въ Москву, добрыми людьми тебѣ одобренъ и ты началъ жаловать его знать. Когда ты послалъ Мелетія къ восточнымъ патріархамъ, то я, вѣдая лукавство, убоясь тамошняго осужденія, писалъ къ патріархамъ; но отъ тебя мое письмо не утаилось, какъ отъ

ангела Божія, и въ томъ прощенія прошу себѣ и прочимъ, которые тому дѣлу повинны, родшагося ради Христа Бога остави! Да ты же созвалъ соборъ и на соборѣ, подойдя ко мнѣ, говорилъ: «мы тебя позвали на честь, а ты шумишь!» и я тебѣ говорилъ, чтобъ ты мою грамоту не велѣлъ читать на соборѣ, а переговорилъ бы наединѣ, и я бы все сдѣлалъ по твоей волѣ; ты такъ не соизволилъ, и я по неволѣ, соображаясь съ своими писанными словами, говорилъ тебѣ прекословно и досадно: въ томъ прощенія прошу. Да ты же присылалъ ко мнѣ на Лыковъ дворъ столъ такой же, какой былъ и патріархамъ, и я твое жалованье отринулъ и тѣмъ тебя обезчестилъ: Господа ради прости. Да ты же прислалъ съ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ денегъ и мѣховъ, я грѣшный и того не принялъ: Христова ради Рождества прости. Ради всѣхъ этихъ моихъ винъ отверженъ я въ Ѳерапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцынжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнутъ и потому не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ; я его мучителемъ, лихоимцемъ и дневнымъ разбойникомъ называлъ, а онъ за то затворилъ меня въ кельѣ съ 9 Мая до Ильина дни на смерть и запасовъ давать никакихъ не велѣлъ, я воду носилъ и дрова сѣкъ самъ. До тебя это дошло, и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ

указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого наказанія не учинилъ какъ было велѣно, только въ хлѣбенной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ, немного спустя, началъ мучить меня пуще прежняго: служка мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! а если выглянетъ въ окно, съ шумомъ говоритъ: «я въ монастыри писалъ, чтобъ прислали запасное, но они не слушаютъ, а у меня указа нѣтъ, что на нихъ править; пора прихоти оставить, ѣшь что дадутъ». Когда ты прислалъ Родіона Матвѣевича Стрѣшнева съ вѣстью о кончинѣ царицы и милостынею по ней, и просилъ, чтобъ я ее простилъ и поминалъ вѣчно, то я Родіону сказалъ, что Господь Богъ проститъ, а поминать государыню радъ за многую ея милость прежнюю, денегъ же не взялъ для того, что я у васъ государей не наемникъ, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю; Родіонъ мнѣ говорилъ: «возьми теперь государево жалованье, будетъ къ тебѣ большая присылка, а потомъ и все доброе будетъ». Я ему сказалъ: если государева милость будетъ, тогда и деньги не уйдутъ, а ты этому доброму дѣлу будь ходатай, а иное, ей, отъ великой скорби по государынѣ царицѣ и по дѣткахъ вашихъ обезпамятовался, и въ томъ прощенія прошу, а по государынѣ царицѣ во всю Четыредесятницу псалтырь и канонъ пѣлъ и поминаю доднесь незабытно. Когда къ Степану вѣсть пришла, что сына твоего, царевича Алексѣя, не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: «нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ». А теперь князь Самойла Шайсуповъ дѣлаетъ все по Степанову жь. Прошу тебя: ослаби ми мало да почію преже даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего».

Письмо достигло цѣли. Алексѣй Михайловичъ всегда готовъ былъ отозваться на кроткій призывъ стараго собиннаго пріятеля. Немедленно по полученіи письма, въ Генварѣ 1672

года, поскакалъ въ Ѳерапонтовъ Ларіонъ Лопухинъ: «Тебѣ святому и великому отцу указалъ государь говорить», началъ свою рѣчь царскій посланный. «Сначала дѣла соборнаго и до соборнаго дѣянія всегда онъ государь желалъ умиренія, но этого не учинилось, потому что хотѣлъ ты въ Московскомъ государствѣ учинить новое дѣло противъ обычая вселенскихъ патріарховъ, какъ они сходили съ престоловъ. А теперь государь всякія враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ. Государь велѣлъ тебѣ говорить, что ничего того не бывало, что ты въ письмѣ написалъ про разговоръ свой съ нимъ на соборѣ: ты передъ государемъ не шумливалъ, государь тебя не унималъ, и чтобъ грамоту прочесть наединѣ, о томъ ты не говаривалъ; шумно было про статьи, которыя писаны въ грамотѣ твоей неправдою, да за книги, которыя ты по совѣту съ государемъ исправилъ, а послѣ самъ укорялъ напрасно, досадныхъ же никакихъ словъ не бывало, изволь попамятовать. Посланъ ты въ Ѳерапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженья, а не для утѣсненія; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ утѣсненіе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать. Родіонъ Матвѣевичъ допрашиванъ и съ клятвою извѣщалъ, что онъ тебѣ говорилъ упорно, чтобъ ты деньги принялъ и государыню поминалъ, а другихъ никакихъ словъ, что въ письмѣ твоемъ написано, онъ не говаривалъ. Объяви, кто на Вологдѣ хотѣлъ начать кровопролитіе: воръ Ильюшка шелъ изъ Галича отъ тѣхъ мѣстъ недалеко; да и воръ Стенка Разинъ въ разспросѣ говорилъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ старецъ отъ тебя и говорилъ, чтобъ онъ шелъ вверхъ Волгою, а ты съ своей стороны пойдешь, потому что тебѣ тошно отъ бояръ, которые переводятъ государскія сѣмена, а у тебя есть на-готовѣ съ 5000 человѣкъ на Бѣлѣозерѣ; старецъ этотъ и на бою былъ и закололъ своими руками сына

боярскаго въ глазахъ Разина, и потомъ изъ-подъ Симбирска ушелъ. Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсупову, узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали, надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое превеликое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ козаковъ велѣлъ переловить, а трехъ человѣкъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь». — «Престолъ я свой оставилъ и паки было возвратился — дѣло не новое», отвѣчалъ Никонъ: «и прежніе вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана не взыскую, только желаю великаго государя милости, а ничѣмъ я кромѣ своихъ монастырей не владѣлъ. Соборъ патріарховъ Паисія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повинуюсь я Константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ, которые на престолахъ своихъ. О томъ, что говорено было на соборѣ, я писалъ правду, государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присылыщикахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писывалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великій государь за многія мои досадительства мнѣ не мстилъ, за то великую мзду отъ Бога воспріиметъ. Новоисправленныхъ книгъ я ничѣмъ не укорялъ и не укоряю. Денегъ я у Стрѣшнева не принялъ потому, что государь меня на соборѣ укорялъ, говорилъ: «бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ былъ у тебя въ запрещеніи, и ты съ него взялъ 100 рублей и его простилъ»; а я его простилъ для того, что онъ добилъ челомъ и обѣщался Воскресенскому монастырю работать, и о многихъ дѣлахъ того монастыря государю докладывалъ, деньги же прислалъ вкладомъ въ монастырь послѣ прощенія спустя года съ полтора. О Вологдѣ и Разинѣ ни-

чего не знаю; козаки три человѣка мнѣ говорили, что по указу государеву посланы они были на Невль, велѣно ихъ устроить землями, но они такъ жить и пашни пахать не привыкли, а государева жалованья и корму имъ не было, и они идутъ воли искать; а не сказалъ я Наумову про козаковъ потому, что они сказывали про свое многолюдство, такъ я боялся, чтобъ смуты не учинить, а оборониться отъ нихъ было некѣмъ; къ государю же о козакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу сказывалъ. Родіону Стрѣшневу я не говорилъ про смерть царевича и про смуту именно, а говорилъ, что по смерти царицы будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ этой еще хуже будетъ, потому что мнѣ это объявлено отъ Господа Бога; а говорилъ я эти слова сердито, досаждая великому государю; князю же Самойлѣ я говорилъ о смерти царевича и о разореніи отъ воровъ именно, потому что уже сдѣлалось. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ быть въ Воскресенскомъ монастырѣ или въ другомъ какомъ моего строенья, лучше въ Иверскомъ, и указалъ бы у меня быть кому онъ вѣритъ; лѣта мои немалыя, постигло увѣчье, а призрѣть меня стало некому; да пожаловалъ бы государь, простилъ всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня».

Никона не перевели ни въ Воскресенскій, ни въ Иверскій монастырь; но положеніе его въ Ѳерапонтовѣ стало иное, какъ скоро государь возобновилъ съ нимъ сношенія, сталъ присылать богатые подарки, величать великимъ и святымъ старцемъ. И вотъ Никонъ, какъ нарочно, спѣшитъ доказать, что ни то, ни другое названіе нейдутъ къ нему, спѣшитъ подтвердить то наблюденіе, что скорбь располагаетъ мягкія натуры къ уединенію, къ жизни внутренной, созерцательной, натуры же безпокойныя становятся отъ скорби еще безпокойнѣе. Съ 1672 года у Никона начинается мелкая, неприличная борьба его съ монахами Кирилловскаго Бѣлозерскаго монастыря, на который была возложена обязанность снабжать его съѣстными припасами. Начинается рядъ жалобъ,

доносовъ царю, причемъ новый приставъ, князь Шайсуповъ, не былъ забытъ. Такъ однажды Никонъ проситъ царя: «Не вели, государь, Кирилловскому архимандриту съ братьею въ мою кельишку чертей напускать! Дворецкій Кириллова монастыря говорилъ про меня: «Что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строитъ? чертямъ что ли въ нихъ жить?» И вотъ того же вечера птица, невѣдомо откуда взявшись, яко вранъ черна, пролетѣла сквозь кельи во всѣ двери и исчезла невѣдомо куда, и въ ту ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долой и бѣды всякія неподобныя многія творили, да и по многіе дни великія бѣды бѣсы творили, являясь овогда служками Кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами, и въ окна теперь пакостятъ, овогда звѣрьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми». Тяжекъ приходился Никонъ Кирилловскимъ монахамъ; они говорили Ѳерапонтовскимъ: «кушаетъ вашъ батька насъ». И эти слова подаютъ Никону поводъ къ новой жалобѣ: «Я, благодатію Божіею, не человѣкоядецъ», пишетъ онъ царю. Шайсуповъ доносилъ царю: «Въ Великій Четвертокъ (1674 года) монахъ Никонъ пошелъ было къ обѣднѣ въ соборную церковь, передъ нимъ пошли два человѣка стрѣльцовъ, а позади пошелъ сотникъ да еще шесть стрѣльцовъ. Не дошедъ до церкви, онъ вдругъ осердился и пошелъ назадъ въ келью, а идучи говорилъ, что онъ подъ стражею въ церковь идти не хочетъ. Я въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья послѣ заутрени приходилъ къ нему въ келью о Христѣ цѣлованіе получить, но онъ въ келью меня къ себѣ не пустилъ и выслалъ монаха сказать мнѣ, будто я его въ Великій Четвертокъ отъ причастья отлучилъ, и съ того времени онъ Никонъ яко отъ огня съ кручины разгорѣлся, видѣться со мною и христосоваться не захотѣлъ». До какой степени доходила запальчивость Никона, всего лучше можно видѣть изъ письма его къ Вологодскому архіепископу Симону. Узнавъ, что Никонъ не ходитъ въ церковь, Симонъ писалъ къ Шайсупову, чтобъ тотъ попросилъ

его объявить причину этого, не заражены ли игуменъ съ братьею расколомъ, такъ ли идетъ у нихъ служба церковная, какъ предписываетъ православная церковь? Что же отвѣчалъ Никонъ? «Никонъ, Божіею милостію патріархъ, Симону, епископу: ты, чернецъ, забывъ священное евангельское приточное наказаніе фарисейское, паки и другое о маломъ сучцѣ во очеси брата, въ своемъ глазѣ бревна не чуеши. Забылъ еси то, какъ ты въ Александровѣ монастырѣ на кобылѣ пахивалъ, а нынѣ...» Но мы отказываемся передавать читателямъ дальнѣйшія обличенія.

Чего только ни видѣлось и ни слышалось Никону? У повара Ларіона была привычка, когда кто ему что-нибудь скажетъ, отвѣчать *добро-ста*; но Никону въ этомъ *добро-ста* послышалось совсѣмъ другое, и вотъ царь получаетъ письмо: «Оглашаютъ меня Кирилловскіе, будто я ихъ монастырскихъ людей бью, а я никого не бивалъ. А какъ строитель Исаія въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ у келейнаго дѣла былъ, въ то время былъ поварокъ ихъ Ларка и ко всякому дѣлу говорилъ, о чемъ я ему молвлю: *добръ Астартъ*, а въ древнемъ писаніи идолъ былъ нѣкій Сидонскій Астартъ, и которые его за бога почитали, приглашали: *добръ Астартъ*. Я ему Ларкѣ говаривалъ много разъ: не зови меня Астартомъ, я, благодатію Божіею, христіанинъ, а не Астартъ, и онъ Ларка не пересталъ зовучи Астартомъ; я жаловался на него строителю Исаіи и строитель смирялъ его передъ нашею кельею плетьми, а не я его билъ».

Царь терпѣливо принималъ всѣ эти жалобы и объясненія, посылалъ разыскивать, въ чемъ дѣло, успокоивать Никона, устроивать его хозяйство, помѣщеніе, посылалъ подарки, деньги, лакомства. Однажды государь послалъ ему кромѣ денегъ пять бѣлугъ, десять осетровъ, двѣ севрюги, двѣ лососи свѣжихъ, коврижекъ; Никонъ писалъ, благодаря за эту присылку: «А я было ожидалъ къ себѣ вашей государской милости и овощей, винограду въ патакѣ, яблочекъ, сливъ, вишенокъ, только вамъ Господь Богъ о томъ не извѣстилъ, а

здѣсь этой благодати никогда не видаемъ, и аще обрѣлъ буду благодать предъ вами государи, пришлите Господа ради убогому старцу». Въ другой разъ царь послалъ имянинный пирогъ, денегъ 200 рублей, отъ царицы 25 полотенъ и 20 полотенецъ, отъ царевича Петра мѣхъ соболій. Никонъ отвѣчалъ, что изъ мѣха шубы не выйдетъ, надобно два вершка въ прибавку, прикупить здѣсь негдѣ: и прежде присланные мѣха, соболій и лисій, лежатъ затѣмъ, что шубъ изъ нихъ сдѣлать нельзя: «сотворите, Господа ради, милость, велите свое жалованье исполнить.» Добавка къ мѣхамъ была послана.

Но неужели Никонъ позволилъ всего себя поглотить мелкимъ заботамъ о кельяхъ, поварняхъ, погребахъ, шубахъ, яблокахъ, виноградѣ? Нѣтъ, выказывались и стремленія къ высшей дѣятельности: въ келью къ Никону стекались больные; онъ говорилъ надъ ними молитвы, давалъ лѣкарства; находившійся при немъ монахъ Мардарій ѣздилъ въ Москву покупать эти лѣкарства: масло деревянное, ладанъ росный, скипидаръ, траву чечуй, целибоху, звѣробойную, нашатырь, квасцы, купоросъ, канфору, камень безуй. Враги Никона старались опозорить и эту дѣятельность его; но имѣемъ ли право вѣрить врагамъ-обвинителямъ? Къ сожалѣнію, Никонъ самъ старался показать, какъ чистое смѣшивалось у него съ нечистымъ: такъ онъ не преминулъ прислать царю списокъ излѣченныхъ имъ людей, и посланному царскому разсказывалъ, что былъ ему глаголъ: «отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: лѣчи болящихъ» [71].

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Московскіе соборы 1666 и 1667 года. Соловецкое возмущеніе. Козацкія движенія по восточной украйнѣ и причины ихъ. Воровство на Волгѣ. Городокъ Рига. Возмущеніе Васьки Уса въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ. Стенька Разинъ. Его воровство на Волгѣ. Разинъ въ Яицкомъ городкѣ. Его морской походъ. Стенька въ Астрахани съ повинною. Впечатлѣніе имъ здѣсь произведенное. Стенька бушуетъ въ Царицынѣ. Вызовъ его воеводамъ. Разинъ на Дону. Его вторичный походъ на Волгу. Взятіе Царицына. Разбитіе Московскихъ стрѣльцовъ. Измѣна стрѣльцовъ Астраханскихъ. Взятіе Астрахани и кровавыя слѣдствія. Приходъ Разина подъ Симбирскъ и отступленіе князя Борятинскаго. Вторичный приходъ Борятинскаго подъ Симбирскъ и пораженіе Разина. Бунтъ по всей восточной украйнѣ. Движенія Мишки Харитонова, Васьки Ѳедорова и Максима Осипова. Осада Желтоводскаго монастыря. Волненія въ Нижнемъ Новгородѣ. Главный воевода князь Юрій Долгорукій. Удачныя дѣйствія воеводъ Леонтьева и Щербатова. Дѣйствія воеводы Якова Хитрово. Движенія Долгорукаго. Побѣды Борятинскаго на Урени, Кандараткѣ и у Тургенева. Побѣды Щербатова, Хитрово, Леонтьева и Данилы Борятинскаго. Неудача Разина на Дону. Онъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ. Дѣйствія козаковъ въ Астрахани. Гибель митрополита Іосифа. Неудача козаковъ подъ Симбирскомъ. Сдача Астрахани воеводѣ Милославскому. Осада Соловецкаго монастыря. Его взятіе.

Еще въ то время, какъ участь Никона не была рѣшена, еще до пріѣзда патріарховъ восточныхъ, соборъ духовенства Русскаго рѣшилъ участь противниковъ Никона, которые ратовали противъ его новшествъ, противъ исправленія книгъ. Въ Февралѣ 1666 года десять архіереевъ рѣшили предвари-

тельно — признавать православными патріарховъ Греческихъ не смотря на то, что они живутъ подъ властію султана; признавать православными и Греческія книги, ими употребляемыя; наконецъ признавать правильнымъ Московскій соборъ 1654 года. Ватскій епископъ Александръ, архимандритъ Спасскаго Муромскаго монастыря Антоній, игумны — Златоустовскаго монастыря Ѳеоктистъ и Бизюкова Сергій Солтыковъ, монахи — Ефремъ Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ, Григорій (Іоаннъ Нероновъ), попъ Никита принесли собору покаяніе въ сопротивленіи своемъ новоисправленнымъ книгамъ и получили разрѣшеніе. Нераскаявшіеся были преданы анаѳемѣ и наказаны; протопопъ Аввакумъ заточенъ въ Пустоозерскій острогъ; дьяконъ Ѳеодоръ и послѣ попъ Лазарь лишены языка и сосланы туда же. Въ одиннадцать засѣданій дѣло объ исправленіи книгъ было окончено: написали наставленіе духовенству съ увѣщаніемъ употреблять новоисправленныя книги, а во всѣхъ спорныхъ пунктахъ относительно крестнаго знаменія, аллилуіи и проч. сообразоваться съ восточною православною церковію. Кромѣ того, соборъ разсмотрѣлъ и издалъ *Жезлъ Правленія*, книгу ученаго Бѣлорусскаго монаха Симеона Полоцкаго, направленную противъ раскольниковъ. Восточные патріархи, осудившіе Никона, вмѣстѣ съ новымъ Московскимъ патріархомъ Іоасафомъ II-мъ подтвердили опредѣленія собора 1666 года; тутъ же рѣшено было не перекрещивать Латынъ при переходѣ ихъ въ православіе [72]. Антіохійскій патріархъ Макарій съ дороги изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря писалъ въ Москву къ патріарху Іоасафу: «Въ здѣшней странѣ много раскольниковъ и противниковъ, не только между невѣждами, но и между священниками: вели ихъ смирять и крѣпкимъ наказаніемъ наказывать» [73].

Эти мѣры пришлось принять противъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей въ государствѣ. Мы уже упоминали о смутѣ, происшедшей въ Соловкахъ по поводу новоисправленныхъ книгъ. Въ то самое время, какъ вопросъ объ этихъ

книгахъ окончательно рѣшался въ Москвѣ, Соловецкіе монахи опять напомнили о себѣ челобитьемъ на новаго архимандрита своего Варѳоломея и «на угодника его, а монастырю владѣльца, келаря Савватія Обрютина, которые пьянственнымъ и всякимъ нестройнымъ житіемъ уставъ и чинъ св. Зосимы и Савватія нарушили и во всю Русскую землю св. обитель сотворили безчестну и поносну, священниковъ и дьяконовъ и рядовую братью напрасно плетьми бьютъ на смерть, въ тюрьмы глухія сажаютъ, голодомъ морятъ и, ограбивъ, вонъ высылаютъ изъ монастыря, чтобъ про нихъ впредь никто ничего не говорилъ». Въ 1666 году Варѳоломей былъ вызванъ въ Москву и подалъ сказку: «Въ 1663 году въ Генварѣ мѣсяцѣ призвалъ я въ алтарь священниковъ и дьяконовъ, и говорилъ имъ, чтобъ быть въ пѣніи и службѣ по указу великаго государю и соборному изложенію. Въ это время началъ на меня кричать дьяконъ Нилъ: «держишься ты уставщика еретика попа Геронтія, да и самъ ты еретикъ: онъ тебя ереси научилъ; Арсеній Грекъ научилъ ереси патріарха Никона, а Никонъ научилъ ереси государя». За это дьяконъ Нилъ битъ безо всякой пощады».

Несмотря на то, что Варѳоломей указалъ причину нерасположенія къ себѣ Соловецкой братіи, его не хотѣли снова послать къ ней архимандритомъ, дали ему другой монастырь, а въ Соловецкій на его мѣсто поставили Іосифа, Соловецкаго же монаха. Лѣтомъ 1666 года новый архимандритъ отправился въ свой монастырь, поѣхалъ и старый Варѳоломей для сдачи монастыря; вмѣстѣ съ ними поѣхалъ и бывшій архимандритъ Саввина монастыря Никаноръ: онъ жилъ въ Соловкахъ на покоѣ, возсталъ противъ новоисправленныхъ книгъ, былъ вызванъ въ Москву и далъ обѣщаніе передъ соборомъ ни въ чемъ не прекословить, и кого прежде прельщалъ, тѣхъ приводить на путь истинный.

Между-тѣмъ, въ отсутствіе архимандрита, монастыремъ управляли келарь Азарій и казначей Геронтій. Въ Іюлѣ получаютъ они грамотку, рука Ѳадѣйки Петрова, служки архи-

мандрита Никанора: «Ѣдутъ къ вамъ» пишетъ Ѳадейка: «новый архимандритъ Іосифъ, старый Варѳоломей и Никаноръ: смотрите, Іосифа къ себѣ въ архимандриты не принимайте, подъ благословеніе къ нему не ходите и другимъ ходить запретите: онъ идетъ безъ государева указа, стакнувшись съ бывшимъ архимандритомъ Варѳоломеемъ». Грамота произвела желанное дѣйствіе: Іосифъ не былъ принятъ; но пуще всего досталось старому Варѳоломею: у него въ соборной церкви изодрали клобукъ на головѣ, выдрали волосы; онъ слышалъ какъ кричали: «Когда собака вскочитъ въ церковь, церковь святить надобно; а это тоже сабака, хотя и ушибить его, то грѣха не будетъ, все равно, что собаку ушибить!»

Осенью отправился въ Соловецкій монастырь Ярославскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Сергій. Онъ собралъ монаховъ и прочелъ имъ указъ государевъ, грамоты и наказъ архіерейскаго собора. Въ отвѣтъ раздались крики: «Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся, а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи, и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ!» Тутъ встаетъ архимандритъ Никаноръ, обѣщавшійся приводить прельщенныхъ на путь истинный; Никаноръ поднимаетъ руку, складываетъ три первые пальца и кричитъ: «Это ученіе и преданіе Латинское, преданіе антихристово, я готовъ пострадать! да у васъ теперь и главы, патріарха нѣтъ, и безъ него вы не крѣпки!» — «Выберите кого-нибудь, съ кѣмъ бы можно было говорить безъ шума», сказалъ Сергій монахамъ. — «Геронтій! Геронтій!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Выступаетъ Геронтій и начинаетъ: «Зачѣмъ вы въ молитвѣ: «Господи Іисусе!» отъемлете Сына Божія?» Ораторъ былъ прерванъ страшнымъ воплемъ: «Охъ, охъ! горе намъ! отнимаютъ у насъ Сына Божія! гдѣ вы дѣвали имя Сына Божія!» Когда крики утихли, Геронтій взялъ книгу съ житіемъ Евфросина, сталъ на стулъ, началъ читать и увѣщевать: «Не прельщайтеся и не слушайте таковаго ученія!» Отъ этихъ рѣчей всталъ

мятежъ и крикъ больше прежняго. Съ толпою нельзя было сладить; Сергій попробовалъ поговорить съ Геронтіемъ въ кельѣ при немногихъ свидѣтеляхъ; но и этотъ споръ кончился ничѣмъ; Геронтій говорилъ: «Прежде отъ Соловецкаго монастыря вся Русская земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ; вы теперь новой вѣрѣ отъ Грековъ учитесь, а Греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ присылаютъ, они креститься не умѣютъ, мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься». Сергій, чтобъ сломить противника, прибѣгъ къ страшному средству; онъ сталъ спрашивать: «Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли и православенъ ли, и христіанскій ли царь?» — «Благовѣренъ, благочестивъ и православенъ», отвѣчалъ Геронтій съ товарищами. Сергій продолжалъ спрашивать: «А повелѣнія его, къ вамъ присланныя, православны ли?» Застигнутые врасплохъ, принуждаемые или къ противорѣчію, или къ произнесенію страшныхъ словъ противъ царскихъ повелѣній, противники замолчали. Сергій продолжалъ: «Освященный соборъ православенъ ли?» — «Прежде патріархи были православны», отвѣчалъ Геронтій: «а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ, а Россійскіе архіереи православны». — «Соборное повелѣніе, съ нами присланное, православно ли?» спрашивалъ Сергій. — «Повелѣнія соборнаго не хулимъ», отвѣчалъ Геронтій: «а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія св. Чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть».

Сергію велѣно было взять изъ монастыря книги, которыя будутъ годны къ «соборному дѣянію»; но монахи не пустили его въ *книгохранительную* палату; росписи именамъ своимъ не дали. Сергій и товарищи его все время пребыванія ихъ на островѣ жили за монастырскимъ карауломъ, а Московскіе стрѣльцы подслушали, какъ мірскіе Соловецкіе люди переговаривали между собою: «которые Московскіе

стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, тѣмъ мы указъ учинимъ, и которые за монастыремъ въ лодьяхъ, и тѣхъ захватимъ, будто моремъ разбило: слѣдуетъ ихъ побить каменьемъ, потому что посланы отъ антихриста прельщать насъ».

Но монахи попытались, нельзя ли отстоять свои убѣжденія, не прибѣгая къ силѣ, не разрывая съ верховною властію; они послали къ царю челобитную: «Бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: Соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Варсонофій, священники, дьяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія рядовая и болнишная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ *архимаритъ* Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, а преданія великихъ святыхъ Апостолъ и св. Отецъ седми вселенскихъ соборовъ, въ коемъ прародители твои государевы и начальники преподобные отцы Зосима и Савватій и Германъ и преосвященный Филиппъ митрополитъ, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы чрезъ преданія св. Апостолъ и св. Отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вмѣсто Ісуса написано съ приложеніемъ излишней буквы Іисусъ, чего страшно намъ грѣшнымъ не точію приложити, но и помыслити» и т. д. «Милосердый государь! помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, не вели архимариту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватія, Германа и Филиппа преданія нарушить, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врозвь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не запустѣть». Вслѣдъ за этою челобитною монахи дали знать въ Москву, что они за преданія великихъ чудотворцевъ готовы съ радостію смерть принять, и многіе старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, посхимились [74].

Странная судьба царя Алексѣя Михайловича! кто меньше его имѣлъ желанія бороться съ духовными лицами? и, несмотря на то, ему суждено было вынести на своей душѣ тяжелое бремя Никоновскаго дѣла, и потомъ вести настоящую войну съ Соловецкимъ монастыремъ! Получивъ челобитную, царь посылаетъ новыя увѣщанія: на нихъ прежній отвѣтъ и прямо вызовъ на бой: «Вели, государь, на нас свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безметежное и вѣчное житіе». Монахи вызывали мірскую власть на тяжелую борьбу, выставляя себя беззащитными жертвами, безъ сопротивленія подклоняющими головы подъ мечъ царскій; но когда, въ 1668 году, подъ стѣнами монастыря явился стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ, то, вмѣсто покорнаго подклоненія головъ подъ мечъ, встрѣченъ былъ выстрѣлами. Такому ничтожному отряду, какой былъ у Волохова, нельзя было одолѣть осажденныхъ, у которыхъ были крѣпкія стѣны, множество запасовъ, 90 пушекъ. Осада затянулась на многіе годы; государство не могло послать большихъ силъ на Бѣлое море: страшный бунтъ кипѣлъ на концѣ противоположномъ [75].

Выходъ извѣстной части народонаселенія въ козаки продолжался и въ описываемое время, и долженъ былъ еще усилиться, ибо мы видѣли, какъ тяжело было состояніе народа въ тринадцатилѣтнюю войну. Послѣ присоединенія Малороссіи бѣглые крестьяне и холопи направились было сюда; но правительство Московское не хотѣло признавать Малороссіи козацкою страною, постоянно требовало выдачи бѣглецовъ, и по прежнему вольною *сиротскою* дорогою оставалась дорога на Донъ, откуда не было выдачи. Но бѣдствія тринадцатилѣтней войны коснулись и Дона: Крымцы загородили дорогу въ море и навѣщали козаковъ въ ихъ жилищахъ. Азовское, Черное море заперты: чѣмъ же жить козакамъ, гдѣ добывать себѣ зипуны? Оставался одинъ способъ: переброситься на Волгу и ею выплыть въ Каспійское море, погромить тамошніе бусурманскіе берега. Но это не такъ было легко сдѣ-

лать. Прежде изъ Дону можно было выходить въ море: Донъ былъ въ козацкихъ рукахъ, но устье Волги въ рукахъ у государства: оно не пуститъ козаковъ! И вотъ сначала образуются небольшія разбойничьи шайки на Волгѣ; государство преслѣдуетъ ихъ; отталкиваемыя отъ выхода въ море, они естественно опрокидываются внутрь государства, ищутъ здѣсь себѣ союзниковъ въ низшихъ слояхъ народонаселенія. Сперва это движеніе произошло въ малыхъ размѣрахъ; но потомъ, найдя способнаго вождя, образуется огромная шайка, прорывается въ Каспійское море, громитъ бусурманскіе берега, возвращается съ богатыми зипунами: но какъ возвратиться на Донъ? государство не пропускаетъ; надобно мнимою покорностію вымолить пропускъ, обязавшись не ходить вторично на море; и дѣйствительно, какъ идти вторично? опять государство не пропуститъ, опять надобно будетъ пробиваться силою; удастся пробиться, удастся погромить бусурманскіе суда и берега: но какъ опять возвратиться? государства уже нельзя будетъ обмануть во второй разъ, оно возьметъ свои мѣры. Лишенная такимъ образомъ надежды гулять по Каспійскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства, въ надеждѣ воспользоваться его неприготовленностію и поднять низшіе слои народонасенія на высшіе. Таковъ смыслъ явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ бунта Стеньки Разина. Не забудемъ, что то же самое произошло на западной украйнѣ, когда Польша заперла козакамъ выходъ изъ Днѣпра въ Черное море.

29 Сентября 1659 года въ Саратовской приказной избѣ съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ воевода Данила Хитровъ; передъ нимъ стоялъ прикащикъ Московскаго купца Селиванова и разсказывалъ: «Ѣхалъ я изъ Астрахани на хозяйскомъ соляномъ стругу вверхъ до Саратова, и какъ былъ въ Царицынскихъ водахъ, отъ Саратова 170 верстъ, ночью пріѣхали ко мнѣ воровскіе козаки, человѣкъ съ 80, били меня и пытали, на огнѣ жгли, рабочихъ людей моихъ ограбили. Въ ту пору подплыли сверху въ двухъ стругахъ Черкесы, которые

ѣхали съ Москвы въ Астрахань, уздени Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкаскаго, Муртоза Алексѣевъ съ товарищами; воровскіе козаки къ тѣмъ Черкесамъ приступали, съ ними и съ служивыми людьми, которые были у Черкесъ въ греблѣ и въ провожатыхъ, былъ бой долгое время, Черкесовъ козаки всѣхъ порубили, животы взяли и пошли съ Волги рѣки степью на Иловлю рѣку, а чтобъ грабежные животы нести, взяли они рабочихъ многихъ людей, которыхъ потомъ отпустили, а иные пошли сами къ нимъ охотою въ козаки».

Выслушавъ разсказъ, воевода отправилъ за разбойниками 200 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по нагорной сторонѣ; стрѣльцы догнали козаковъ на рѣкѣ Иловлѣ за день пути до Дону, побили ихъ, двоихъ взяли въ плѣнъ, другіе ушли по Иловлѣ крѣпкими мѣстами займищами. Плѣнники, съ пытки и огня, разсказали свою исторію: «Зовутъ насъ Кондрашка Ходеряхинъ и Нефедка Золотаревъ; родились мы въ Соколинскомъ городкѣ, и пошли на Донъ своею охотою, жили въ *Сиротскомъ* (1) городкѣ. Нынѣшнею весною вѣдомость намъ учинилась отъ проѣзжихъ торговыхъ людей, что объявились на Волгѣ съ Дону воровскіе козаки; вотъ мы лѣтомъ и пошли изъ городка на рѣку Иловлю за звѣремъ съ капканами: отпустилъ насъ Донской козакъ Немытовскій для зипуна. На дорогѣ встрѣтили мы 80 человѣкъ Донскихъ козаковъ и пристали къ нимъ для воровства, были съ ними въ двухъ походахъ, по насадамъ и по стругамъ людей грабили, прикащиковъ били, мучили и огнемъ жгли. И воровавъ по Волгѣ рѣкѣ, отъѣзжали мы съ грабежными животами въ свой воровской городокъ на Иловлѣ, между козачьими городками Паншинскимъ и Иловлинскимъ, имя ему Рига; взять его лѣтомъ до зимняго пути нельзя никакъ потому: пришли около городка со всѣхъ сторонъ воды».

Когда въ Москвѣ узнали о существованіи этой новой Риги, на Донъ пошла царская грамота: «Вы бы послали на тѣхъ воровскихъ козаковъ и велѣли атамана и есаула съ то-

варищами перехватать и привесть къ себѣ и учинить по войсковому праву казнь смертную». Царскій приказъ былъ исполненъ: отрядъ вѣрныхъ козаковъ отправился къ Ригѣ; но воровскіе сѣли въ ней на смерть, начали отстрѣливаться изъ пушекъ и переранили многихъ осаждающихъ; наконецъ послѣдніе взяли ихъ за большимъ боемъ и подкопами, многихъ побили и живыхъ захватили, городокъ сожгли и разорили совсѣмъ, а старшинъ ихъ *забродчиковъ*, атаманишка Ивашку, да есаулишка Петрушку съ товарищи, 10 человѣкъ привезли для вершенья къ войску. Здѣсь собрался кругъ, воровъ разспросили и повѣсили, чтобъ «впредь инымъ не повадно было такъ воровать, съ такимъ воровствомъ на Донъ переходить, на войско и на всю рѣку напрасное *оглашенство* наводить».— «Эти воры», писали Донцы въ Москву: «эти воры и на Дону во все лѣто торговыхъ людей съ Руси Дономъ ни одной будары съ запасами къ намъ не пропустили, брали запасы у нихъ грабежемъ; только бы, государь, да не твоя милость и жалованье, то намъ пришлось бы съ голоду помирать».

Рига была взята; но вѣсти о козацкихъ разбояхъ на Яикѣ и на Каспійскомъ морѣ не прекращались, потому что Донцы не переставали жаловаться: «Теперь у насъ на Дону добычи никакой нѣтъ, на море ходить стало нельзя, рѣку Донъ и Донецъ съ нижняго устья Крымскій ханъ закрѣпилъ, государева жалованья на годъ не станетъ». Лѣтомъ 1666 года искатели зипуновъ затѣяли дѣло поопаснѣе Волжскихъ разбоевъ. Шайка въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, разбойничала въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ, подговаривала крестьянъ и холопей, разоряла помѣщиковъ и похвалялась всякимъ дурномъ. Донцы писали государю, что они учинили Усу съ товарищами наказанье жестокое безъ пощады. Наказанье не подѣйствовало, если только было учинено; Усъ приготовлялся къ новымъ подвигамъ въ томъ же родѣ; но тутъ онъ явился уже на второмъ планѣ.

Былъ въ Донскомъ войскѣ козакъ извѣстный, ловкій, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ; былъ онъ росту средняго, крѣп-

каго сложенія, лѣтъ около сорока. Весною 1661 года войско посылало его къ Калмыкамъ уговаривать ихъ быть заодно съ Донцами, служить государю на Крымскаго хана. Возвратясь отъ Калмыковъ, осенью того же года Степанъ Тимоѳеевичъ явился въ Москву: онъ отправлялся на богомолье въ Соловецкій монастырь. Такое благочестіе не было диковиною между козаками: «за многія войсковыя службы, за кровь и раны» пожалованъ имъ былъ въ Шацкомъ уѣздѣ Чернѣевъ монастырь; козаки его строили, многіе вклады давали, а старики и раненые постригались въ немъ.

Прошло пять лѣтъ — о Разинѣ нѣтъ слуховъ. Но вотъ въ 1667 году Астраханскіе воеводы получаютъ царскую грамоту: «Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженьемъ» писалъ государь: «на Дону собираются многіе козаки и хотятъ идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ». Грамота объясняетъ, отъ чего происходитъ это козацкое движеніе: «во многіе Донскіе городки пришли съ украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой». Кто же былъ атаманомъ этой толпы, питавшей такіе опасные замыслы? нашъ знакомый паломникъ Степанъ Разинъ! Какъ же произошло это чудесное превращеніе изъ странника въ разбойничья атамана?

Иностранныя извѣстія говорятъ, что братъ Разина, находясь со своимъ козацкимъ отрядомъ при войскѣ князя Юрія Долгорукаго, просилъ у воеводы отпуска на Донъ; воевода отказалъ и козаки ушли самовольно; но ихъ догнали, законъ опредѣлялъ смертную казнь бѣглецамъ со службы, и Долгорукій исполнилъ законъ. Разинъ былъ повѣшенъ, и двое братьевъ его, Степанъ и Фролъ, задумали отомстить боярамъ и воеводамъ.

Не знаемъ, вѣрить ли этому извѣстію иностранцевъ? ни актъ правительственный, ни дума народная его не подтверждаютъ. Притомъ же дѣло объясняется и безъ того такъ просто.

Разинъ былъ истый козакъ, представитель тѣхъ стародавныхъ Русскихъ людей, тѣхъ богатырей, которыхъ народное представленіе єднаетъ съ козаками, которымъ обиліе силъ не давало сидѣть дома и влекло въ вольные козаки, на широкое раздолье въ степь, или на другое широкое раздолье — море, или, по-крайней-мѣрѣ, на Волгу-матушку. Мы уже видѣли, что это былъ за человѣкъ Разинъ; весною сходитъ онъ въ посольствѣ къ Калмыкамъ, а осенью готовъ уже идти на богомолье на противоположный край свѣта, къ Соловецкимъ: «много было бито, граблено, надо душу спасти!» Воротился Разинъ съ богомолья на Донъ, на Дону тѣсно, точно въ клѣткѣ, а искателей зипуновъ, голутьбы накопилось множество. Всѣ они, и Русскіе козаки, и хохлачи, говорили, что имъ идти на Волгу воровать, а на Дону жить имъ неучего: государева жалованья въ дуванѣ досталось по кусу на человѣка, а инымъ и двоимъ кусъ, денегъ по 30 алтынъ, сукна по два аршина человѣку, а инымъ по аршину, и этимъ прокормиться нечѣмъ, а тутъ еще на море путь запертъ и зипуна достать стало негдѣ. Разинъ принялъ начальство надъ голутвенными и рванулся было въ море Дономъ, но сами Донцы загородили эту дорогу, потому что были въ мирѣ съ Азовцами. Отброшенный снизу, Разинъ поплылъ вверхъ по Дону, туда, гдѣ эта рѣка близка къ Волгѣ; Воронежцы посадскіе люди, Иванъ Горденевъ и Трофимъ Хрипуновъ, ссудили его порохомъ и свинцомъ; и отъ многихъ Воронежцовъ было воровство: порохъ и свинецъ привозили и ворамъ продавали, а у нихъ покупали рухлядь. Да и не воровать Воронежцамъ было нельзя, говорили современники, потому что у многихъ на Дону сродичи.

Снова поднялись козаки, поднялась и новая Рига между рѣкъ Тишини и Иловли, близь Паншинскаго городка; стоялъ Разинъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ его полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ, ни языка поймать. Подъѣхали было посланцы Царицынскаго воеводы, протопопъ да монахъ, и воротились на-

задъ: за водою проѣхать нельзя, а перевезти ихъ никто не смѣлъ.

Разинъ сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ, пока добыча стала показываться на Волгѣ. Поплылъ внизъ большой караванъ: тутъ былъ казенный стругъ съ ссыльными, ѣхавшими на житье въ Астрахань, былъ стругъ знаменитаго Московскаго богача Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, былъ стругъ патріаршій и струга другихъ лицъ. Стрѣльцы провожали караванъ; но стрѣльцы не тронулись, когда нагрянулъ на нихъ Стенька съ 1000 своей голутьбы. Лодья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, съ почернѣлыми отъ огненной пытки тѣлами, или качались на висѣлицахъ; старинный Соловецкій богомолецъ самъ переломилъ руку у монаха патріаршескаго; не тронули работниковъ, ярыжекъ, дали волю куда хотятъ; 160 ярыжекъ пристало къ Разину, и съ ними патріаршій сынъ боярскій Лазунка *Жидовинъ;* ссыльные были раскованы, и стали они всякимъ людямъ чинить всякое разоренье, мучить и грабить пуще прямыхъ Донскихъ козаковъ.

Народное воображеніе разыгралось: счастливый атаманъ выросъ, превратился въ чародѣя, котораго пуля не брала, которому ничто не могло противостать. Стенька плылъ мимо Царицына, воевода велѣлъ стрѣлять по воровскимъ судамъ: ни одна пушка не выстрѣлила, запаломъ весь порохъ выходилъ. Воевода обомлѣлъ отъ ужаса, и когда явился къ нему есаулъ отъ Разина, то онъ исполнилъ всѣ его требованія: отдалъ наковальню, мѣхи, кузнечную снасть.

Настращавъ Царицынскаго воеводу, Стенька поплылъ дальше; плылъ онъ теперь на тридцати пяти стругахъ, вмѣсто тысячи было уже у него 1500 человѣкъ, проплылъ мимо Чернаго Яра, ограбилъ, прибилъ, высѣкъ плетьми встрѣтившагося ему воеводу Беклемишева, выплылъ моремъ къ устью Яика, гдѣ уже ждали его свои: старый богомолецъ, взявши съ собою сорокъ человѣкъ, подошелъ къ воротамъ Яицкаго городка и послалъ къ стрѣлецкому головѣ Яцыну, чтобъ пу-

стилъ ихъ въ церковь помолиться; Разинъ съ товарищами былъ впущенъ, ворота за нимъ заперли, но онъ уже былъ хозяиномъ въ городкѣ: товарищи его отперли ворота и впустили остальную толпу; Яцынъ съ своими стрѣльцами не сопротивлялся, но и не приставалъ явно къ ворамъ. Это не понравилось атаману: вырыли глубокую яму, у ямы стоялъ стрѣлецъ Чикмазъ и вершилъ своихъ товарищей, начиная съ Яцына: сто семьдесять труповъ попадало въ яму. Звѣрь насытился и объявилъ остальнымъ стрѣльцамъ, что даетъ имъ волю: хотятъ остаются съ нимъ, хотятъ идутъ въ Астрахань. Одни остались, другіе пошли; но при видѣ людей, которые уходили, не сочувствуя искателямъ зипуновъ, уходили, чтобъ увеличить средства страшнаго и ненавистнаго государства, Стенька снова разсвирѣпѣлъ и поплылъ въ погоню за ушедшими; козаки нагнали стрѣльцовъ и начали имъ кричать, чтобъ были съ ними вмѣстѣ; видя, что они не слушаются, воры начали ихъ рубить и бросать въ воду; тогда нѣкоторые послушались и пристали къ козакамъ, другіе успѣли спрятаться въ камышахъ.

Стенька расположился надолго въ Яицкомъ городкѣ. Осенью его голутьба успѣла еще позаняться козацкимъ дѣломъ: погромили Татаръ въ устьяхъ Волги, пограбили на морѣ бусурманскія суда. Въ Ноябрѣ пріѣхали въ Яицкой гости, посланцы съ Дону, привезли грамоту великаго государя и войсковую отписку съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и возвратиться на Донъ. Собрался кругъ, прочли и царскую грамоту и войсковую отписку: «Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ», сказалъ Разинъ посланнымъ: «то я великому государю вину свою принесу». Съ этимъ посланные и отправились назадъ на Донъ. Они возвратились, по крайней мѣрѣ, всѣ цѣлы. Не такъ были счастливы посланцы новаго Астраханскаго воеводы, князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, посланнаго на смѣну князя Хилкова. Съ дороги, изъ Саратова, Прозоровскій отправилъ къ Разину двоихъ посланцевъ съ увѣщаніями принести свои вины: одинъ посланный

возвратился въ Саратовъ, а другаго ночью Разинъ убилъ и бросилъ въ воду.

Проходила зима. Голутьбѣ было привольно въ Яицкомъ: они завели дружбу съ сосѣдними Калмыками, торги между ними были безпрестанные. Между-тѣмъ вѣсть о счастьи Разина, которому удалось перекинуться на Яикъ, засѣсть въ государевомъ городкѣ, добыть свободный выходъ въ море — эта вѣсть волновала Донъ: въ войскѣ и во всѣхъ низовыхъ городкахъ воровскіе козаки собирались многимъ собраньемъ, чтобъ идти на Волгу къ Царицыну, грозя побить атамана Корнила Яковлева и старшинъ, которые не одобряли ихъ намѣренія. Товарищи Разина ждали своихъ, но вмѣсто своихъ пришли государевы ратные люди. Старый Астраханскій воевода, князь Хилковъ, прежде сдачи должности своему преемнику, хотѣлъ промыслить надъ ворами, и отправилъ къ Яицкому степью товарища своего Якова Безобразова; но прежде чѣмъ начать промыслъ, Безобразовъ послалъ къ Стенькѣ двоихъ стрѣлецкихъ головъ для *сговору*, чтобъ козаки добили челомъ и шли на Саратовъ къ новому воеводѣ, князю Прозоровскому. Несчастныхъ посланцевъ ждала висѣлица въ Яицкомъ; Безобразовъ началъ промышлять надъ нераскаянными ворами, но промыселъ былъ неудаченъ: больше пятидесяти человѣкъ стрѣльцовъ и солдатъ было у него побито, нѣкоторые перешли къ ворамъ, и весною 1668 года Стенька уже гулялъ по морю, направляясь къ шаховой области.

Стенька ушелъ въ море; но Волга не осталась покойна; воровской путь былъ указанъ. Толпа человѣкъ въ 700 собралась на Дону подъ начальствомъ Серёжки Криваго и перекинулась на Волгу, Царицынскіе служилые люди ей не помѣшали. На переёмъ Кривому отправился изъ Астрахани письменный голова Аксентьевъ; онъ нагналъ козаковъ и схватился съ ними ниже Краснаго Яру на Карабузанѣ: Кривой одолѣлъ государевыхъ людей и 100 человѣкъ стрѣльцовъ передались къ ворамъ, Аксентьевъ ушелъ въ лодки съ неболь-

шими людьми, но солдатскаго строю поручикъ Нѣмецъ и стрѣлецкій пятидесятникъ попались въ плѣнъ — и были повѣшены за ноги, другихъ плѣнныхъ били ослопьями и посажали въ воду. Побѣдители ушли на море къ Разину. Въ Іюнѣ пришла вѣсть въ Астрахань, что въ 50 верстахъ отъ козачьихъ Гребенскихъ городковъ стоитъ 100 человѣкъ Донскихъ конныхъ козаковъ съ атаманомъ Алёшкою Протокинымъ, на Кумѣ 400, и ждутъ съ Дону Алёшку Каторжнаго съ 2000 козаковъ; во многихъ городахъ, на Дону и на Хопрѣ, козаки похвалялись идти на Волгу, похвалялись идти прямо на Царицынъ и сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ Разинъ и Серёжка Кривой.

Но это была только похвальба, у хвастуновъ недоставало атамана, недоставало другаго Разина, и они должны были ждать, пока Степанъ Тимоѳеевичъ возвратится изъ своего морскаго похода.

Разину хорошо гулялось по морю; онъ страшно разорилъ берегъ отъ Дербента до Баку, и, достигнувъ Решта, предложилъ свою службу шаху, прося земель для поселенія. Переговоры затянулись; жители Решта напали врасплохъ на козаковъ и убили у нихъ 400 человѣкъ. Разинъ отплылъ отъ Решта и жестоко отомстилъ свое пораженіе на Фарабатѣ: онъ далъ знать жителямъ, что приплылъ къ нимъ для торговли, торговалъ пять дней, на шестой поправилъ шапку на головѣ: это былъ условленный знакъ: козаки бросились на беззащитную добычу и раздѣлались съ нею по-казацки. Нахватавши много плѣнныхъ, Стенька укрѣпился на зимовку на островѣ и завелъ съ Персіянами размѣнъ невольниковъ: за трехъ и четырехъ христіанъ козаки давали по одному Персіянину.

Весною 1669 года Разинъ перекинулся на восточный берегъ моря, погромилъ Трухменскіе улусы, но потерялъ удалаго товарища — Серёжку Криваго. Козаки расположились на Свиномъ островѣ, съ котораго дѣлали набѣги на твердую землю; тутъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ напалъ на нихъ Персидскій

флотъ съ 4000 войска, и потерпѣлъ совершенное пораженіе, только три судна успѣли спастись съ предводителемъ Менеды-ханомъ; но сынъ и дочь его попали въ плѣнъ къ побѣдителямъ, и дочь ханская сдѣлалась наложницею счастливаго атамана.

«Но не все же будетъ счастье!» — могъ думать атаманъ въ минуту трезвости. Вѣчно странствовать по Каспійскому морю нельзя, берега опустошены, хлѣба нѣтъ, часто воды нѣтъ, и отъ соленой воды козаки заболѣваютъ, ихъ уже не досчитывалось 500 человѣкъ, а Персы могли выслать вмѣсто 4000 и 8, и 10,000. Долго оставаться на морѣ козакамъ было дѣло необычное: погромивши берега и суда, они привыкли возвращаться домой, на пресловутую рѣку Донъ. Но какъ возвратиться? чрезъ области государства, съ которымъ было поступлено такъ враждебно? Дѣлать было нечего, надобно было помириться съ государствомъ, принести повинную.

Въ началѣ Августа въ Астраханскомъ государствѣ снова услыхали о Разинѣ: прибѣжалъ митрополичій сынъ боярскій съ митрополичьяго учуга съ вѣстію, что учугъ пограбленъ козаками; вслѣдъ за нимъ явился Персидскій купецъ съ вѣстію, что козаки ограбили его судно, взяли въ плѣнъ его сына, захватили подарки, которые онъ везъ великому государю. Въ тотъ же день отправилась противъ воровъ государева рать: второй воевода князь Семенъ Ивановичъ Львовъ поплылъ съ 4000 стрѣльцовъ на тридцати шести стругахъ. Но мы знаемъ постоянное поведеніе Московскаго правительства относительно козаковъ: прощать какъ только будетъ принесена повинная; слабость государства условливала существованіе козаковъ подлѣ него, условливала безнаказанность ихъ воровства. Увидавши государевы суда, козаки убѣжали въ море; Львовъ гнался за ними двадцать верстъ, утомился и послалъ милостивую царскую грамоту. Стенька воротился и начались переговоры; къ воеводѣ явились двое выборныхъ козаковъ: «Все войско бьетъ челомъ», говорили они: «чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины ихъ отдать и от-

пустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, гдѣ великій государь укажетъ, а пушки, которыя мы взали на Волгѣ въ судахъ, въ Яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдадимъ, служилыхъ людей отпустимъ, а струга и струговыя снасти отдадимъ въ Царицынѣ». Князь Семенъ велѣлъ этихъ двухъ козаковъ привести къ вѣрѣ за все войско и поплылъ назадъ въ Астрахань, за нимъ плылъ Стенька съ своими *голутвенными*, теперь разбогатѣвшими отъ частыхъ дувановъ.

25 Августа въ Астраханскомъ государствѣ было большое торжество: въ приказной избѣ сидѣлъ воевода; туда же шелъ Разинъ съ товарищами; подойдя къ избѣ, козаки положили бунчукъ, знамена, сдали плѣнныхъ Персіянъ, объявили, что и пушки отдадутъ и Русскихъ служилыхъ людей отпустятъ безъ задержки. Разинъ билъ челомъ предъ воеводою, чтобъ великій государь велѣлъ отпустить ихъ на Донъ, а теперь бы шестерыхъ выборныхъ изъ нихъ отправить въ Москву бить великому государю за вины свои головами своими. Выборные были отправлены. Въ Москвѣ ихъ спросили: «Пошли вы съ Дону на такое воровство и то учинили, забывъ страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованье: такъ теперь скажите правду — на такое воровство гдѣ у васъ зачалась мысль? и кто у васъ въ той мысли въ заводѣ былъ?» — «На Дону намъ начала быть скудость большая», отвѣчали козаки: «на Черное море проходить стало нельзя: сдѣланы Турскими людьми крѣпости, и мы, отобравшись, охочіе люди, пошли на Волгу, а съ Волги на море, безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева, а начальный человѣкъ къ тому дѣлу былъ у насъ Стенька Разинъ». По указу царскому, козакамъ вины ихъ выговорены и сказано, что великій государь, по своему милосердому разсмотрѣнью, пожаловалъ, вмѣсто смерти велѣлъ дать имъ животъ и послать ихъ въ Астрахань, чтобъ они вины свои заслуживали.

Но козаки отвѣдали широкаго раздолья и богатыхъ дува-

новъ: тяжело имъ было вины свои заслуживать, не слуги они были больше государству. На возвратномъ пути въ Астрахань, за Пензою, въ степи, за рѣкою Медвѣдицею, козаки напали на своихъ провожатыхъ, прибили ихъ, отняли лошадей и помчались въ степь бездорожно: «въ Астрахань не поѣдемъ, боимся государева гнѣва», говорили они. Они провѣдали, что Разинъ отпущенъ на Донъ.

Передъ отпускомъ на Донъ воеводы хотѣли разсчитаться съ Разинымъ; но мы знаемъ, какъ труденъ былъ разсчетъ съ козаками: отдать даромъ добычу, пріобрѣтенную саблею, было хуже всего для козаковъ; мы видали уже и прежде, какъ дерзко отказывали они правительству, требовавшему безвыкупнаго освобожденія плѣнныхъ. Воеводы начали приступать къ Разину и товарищамъ его, чтобъ дали себя переписать, да чтобъ отдали всѣ пушки, дары, которые Персидскій купчина везъ государю, всѣ его товары и всѣхъ плѣнныхъ Персіянъ. «Товары», отвѣчалъ Разинъ: «у насъ раздуванены, послѣ дувану у иныхъ проданы и въ платье передѣланы, отдать намъ нечего и собрать никакъ нельзя; за все это идемъ мы къ великому государю и будемъ платить головами своими; полонъ въ шаховой области взятъ у насъ за саблею, много нашей братьи за тотъ полонъ на бояхъ побиты и въ полонъ взяты, и въ раздѣлѣ одинъ полонянинъ доставался пяти, десяти и двадцати человѣкамъ. А что насъ переписывать, то переписка козакамъ на Дону и на Яикѣ и нигдѣ по нашимъ козачьимъ правамъ не повелась, и въ милостивой государевой грамотѣ не написано». Стенька отдалъ 21 пушку и морскіе струга, но 20 пушекъ удержалъ у себя: «Эти пушки», говорилъ онъ: «надобно намъ на степи для проходу отъ Крымскихъ, Азовскихъ и всякихъ воинскихъ людей, а какъ дойдемъ, то пушечки пришлемъ тотчасъ же».

Воеводы не настаивали больше, велѣли Персіянамъ выкупать своихъ плѣнныхъ у козаковъ безпошлинно. «Взять этотъ полонъ безъ окупу, взять силою у козаковъ дары, которые везъ шаховъ купчина, и товары его мы не смѣли»,

писали воеводы въ Москву: «мы боялись, чтобъ козаки вновь шатости къ воровству не учинили и не пристали бы къ ихъ воровству иные многіе люди, не учинилось бы кровопролитіе».

Воеводы были правы, ибо государство было слишкомъ слабо въ застепной украйнѣ, широкомъ раздольѣ козачества. Мы уже знаемъ, какое очарованіе въ молодомъ Русскомъ обществѣ производилъ козакъ и его вольная, удалая жизнь. Поэтическія представленія тогдашняго Русскаго человѣка, отрывавшія его отъ повседневной однообразной жизни, переносившія его въ иной, фантастическій міръ, эти поэтическія представленія сосредоточивались главнымъ образомъ около козака и его подвиговъ; старинные богатыри народныхъ пѣсенъ и сказокъ превратились въ козаковъ, и все чудесное, соединявшееся съ представленіемъ объ Ильѣ Муромцѣ и его товарищахъ, естественно переходило теперь къ козакамъ, которые выдавались впередъ своею удалью. Русь, особенно низшіе слои народонаселенія, и въ XVII вѣкѣ жила еще понятіями IX и X вѣковъ: вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Кіевлянъ старый Олегъ, когда возвратился съ моря съ богатою добычею, погромивъ Греческіе берега: вѣщимъ, чародѣемъ прозвалъ его народъ. Вѣщимъ, чародѣемъ явился и богатый Разинъ Астраханцамъ: «По истинѣ Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятно быти мнится: на судахъ его веревки и канаты всѣ шелковые и паруса также всѣ изъ матеріи Персидской шелковые учинены». То же самое разсказывалось и о судахъ Олеговыхъ и внесено въ лѣтопись. Легко понять, какое впечатлѣніе въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества должно было производить появленіе козака-вольнаго молодца, о которомъ такъ много разсказывалось и пѣлось и который могъ самъ о себѣ такъ много разсказать. Среди этой однообразной и бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ жизни являлся козакъ, богато, роскошно, ярко одѣтый, онъ звенитъ оружіемъ, звенитъ деньгами, деньги ему нипочемъ, онъ гуляетъ и вся жизнь его представляется какъ непрерыв-

ная гульба; понятно, какое впечатлѣніе производило это на людей, которымъ болѣе другихъ хотѣлось погулять, которымъ ихъ собственная жизнь представлялась непрерывною тяжелою, печальною работою. А прелесть добычи, такъ искусительно дѣйствовавшая на человѣка тогдашняго общества! мы видѣли, что торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ для мирныхъ промысловъ, какъ скоро узнавали о сборѣ Донцовъ въ походъ, бросали свою торговлю и шли вмѣстѣ съ козаками за зипунами. Кромѣ прелести добычи, прелесть подвига, дававшаго выходъ силамъ, безпокойно, тяжело и праздно волновавшимъ человѣка. И не забудемъ, что описываемыя событія происходили въ Астраханскомъ государствѣ, въ степной украйнѣ, гдѣ постоянно пахло козацкимъ духомъ, на этой подвижной почвѣ, гдѣ было такъ мало установленнаго, гдѣ еще продолжалось время, пережитое Европою въ началѣ среднихъ вѣковъ, время хаотическаго броженія народныхъ силъ, время образованія дружинъ.

Самое сильное обаяніе, разумѣется, козацкій духъ производилъ на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и козакъ, онъ человѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полукозакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ козакомъ, при первой возможности повоевать на себя, т. е. пограбить, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ козакамъ. А вся сила Астраханскихъ воеводъ основывалась на стрѣльцахъ, и воеводы были сто разъ правы, не употребляя крутыхъ мѣръ съ Стенькою, желая какъ можно скорѣе выпроводить его на Донъ, удалить страшное искушеніе отъ своихъ подвластныхъ.

Искушеніе было дѣйствительно страшное: козаки расхаживали по городу въ шелковыхъ, бархатныхъ кафтанахъ, на шапкахъ жемчугъ, дорогіе камни; они завели торговлю съ жителями, отдавали добычу нипочемъ: фунтъ шелка продавали за 18 денегъ. А онъ-то, богатырь, чародѣй, держав-

шій въ могучихъ рукахъ всѣхъ этихъ удальцовъ, козацкій батюшка, Степанъ Тимофеевичъ! прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди: со всѣми такой ласковый, а ужь добрый-то какой, кто ни попроси — нѣтъ отказа! Степана Тимоѳеевича величали какъ царя: становились на колѣни, кланялись въ землю. И ни что не было пощажено, чтобъ усилить обаяніе. Но чѣмъ производилось тогда самое сильное обаяніе? Широкостію размѣровъ во всемъ, чудовищною силою, чудовищною властію; могучее обаяніе производилъ человѣкъ, которому все было нипочемъ, который не сдерживался ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, оцѣпенялъ простаго человѣка, низлагалъ, порабощалъ его. Таковы обыкновенно понятія наразвитыхъ обществъ о силѣ и власти; во сколько общество образованное требуетъ мѣры и ненавидитъ безмѣріе, во столько необразованное увлекается послѣднимъ, ибо здѣсь молчитъ умъ и тѣмъ сильнѣе разыгривается воображеніе; выходки слѣпой силы, безчувственнаго насилія всего болѣе его поражаютъ, для него сильный человѣкъ прежде всего не долженъ быть человѣкомъ, а чѣмъ-то въ родѣ грома и молніи. И козацкій батюшка, Степанъ Тимоѳеевичъ, какъ нельзя больше приходился по этимъ понятіямъ, былъ какъ нельзя больше способенъ обаять толпу своею силою, своимъ произволомъ, ничѣмъ не сдерживающимся. Однажды Разинъ катался по Волгѣ; подлѣ него сидѣла его наложница, плѣнная Персіянка, ханская дочь, красавица, великолѣпно одѣтая. Вдругъ пьяный отаманъ вскакиваетъ, хватаетъ несчастную женщину и бросаетъ ее въ Волгу, приговаривая: «Возьми, Волга-матушка! много ты мнѣ дала серебра и золота и всякаго добра, надѣлила честью и славою, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ!»

Четвертаго Сентября Разинъ отправился изъ Астрахани; до Царицына отпущенъ былъ съ нимъ въ провожатыхъ жилецъ Леонтій Плохово, а отъ Царицына до Паншина городка долженъ былъ провожать сотникъ съ 50 стрѣльцами. При

отпускѣ воеводы наказывали козакамъ, чтобъ они дорогою никакихъ людей съ собою на Донъ не подговаривали, а которые сами станутъ къ нимъ приставать, тѣхъ бы не принимали и опалы государевой на себя не наводили. На Черный Яръ и въ Царицынъ послана была грамота, чтобъ тамъ козаковъ въ города не пускали, вина имъ не продавали, чтобъ у козаковъ съ городскими и сельскими жителями никакой ссоры и никакаго дурна не было. Но скоро воеводы получили извѣстія, что козаки не думаютъ исполнять ихъ наказа, буйствуютъ по дорогѣ, останавливаютъ струга, подговариваютъ къ себѣ стрѣльцовъ. Воеводы послали приказъ Плюхово — выговорить Стенькѣ и его товарищамъ ихъ дурости. Но въ отвѣтъ пришло извѣстіе о новыхъ, большихъ дуростяхъ.

1 Октября приплылъ Стенька къ Царицыну. Хорошо было Астраханскимъ воеводамъ давать приказанія Царицынскому воеводѣ, Андрею Унковскому, чтобъ не пускалъ козаковъ въ городъ: но какія у послѣдняго были средства не пускать козаковъ? Гости безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ. Астраханскіе воеводы писали также, чтобъ не продавать вина козакамъ: но опять какія средства для этого у воеводы Царицынскаго? Чтобъ удержать козаковъ отъ пьянства и его слѣдствій — ссоръ съ жителями, Унковскій могъ придумать одно — велѣлъ продавать вино по двойной цѣнѣ. Но дорого поплатился воевода за это распоряженіе. Козаки завопили на притѣсненіе; обязанность атамана — заступиться за своихъ; а тутъ еще подлили масло въ огонь: «Воевода этотъ», говорили козаки: «уже давно насъ притѣсняетъ: которые наша братья пріѣзжаютъ съ Дону на Царицынъ за солью, у тѣхъ онъ беретъ съ дуги по алтыну; да у нашихъ же козаковъ онъ отнялъ у одного двѣ лошади съ санями и хомутами, у другаго пищаль». И вотъ Разинъ двинулся съ своею толпою на воеводскій дворъ, грозясь зарѣзать Унковскаго; дверь у горницы уже была выбита бревномъ; воевода выкинулся изъ горницы въ окно, вышибъ себѣ ногу, но ус-

пѣлъ спрятаться. Стенька искалъ его по всѣмъ хоромамъ, искалъ въ соборной церкви, въ алтарѣ. Не нашедъ воеводы, Разинъ велѣлъ сбить замокъ у тюрьмы и выпустилъ колодниковъ. Когда козаки схлынули, Унковскій вышелъ изъ мѣста своего убѣжища и сѣлъ въ приказной избѣ, но не долго посидѣлъ покойно: въ избу явился козачій старшина, Запорожецъ, на-веселѣ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поругать воеводу всякою неподобною бранью и подрать его за бороду. Но этимъ дѣло не кончилось: самъ Степанъ Тимоѳеевичъ, узнавъ, что воевода въ приказной избѣ, шелъ съ нимъ раздѣлаться; Унковскій спрятался въ задней избѣ. Дѣло впрочемъ обошлось безъ крови: воевода заплатилъ козакамъ деньги за лошадей и за пищаль, и Стенька удовольствовался острасткою: «Если ты», сказалъ онъ воеводѣ: «станешь впередъ нашимъ козакамъ налоги чинить, то тебѣ отъ меня живу не быть». Объявились и другія обычныя козацкія дурости: ѣхалъ на частномъ стругѣ сотникъ, посланный изъ Москвы въ Астрахань съ государевыми грамотами; ночью козаки напали на него, стругъ пограбили, государевы грамоты пометали въ воду. Леонтій Плохово, разставаясь съ Стенькою въ Царицынѣ, говорилъ ему, чтобъ выдалъ бѣглыхъ и подговорныхъ людей. «У козаковъ того не повелось, что бѣглыхъ людей отдавать», отвѣчалъ Разинъ, и не отдалъ. Съ тѣмъ же требованіемъ выдачи бѣглыхъ явился посланецъ отъ самого набольшаго воеводы Астраханскаго, князя Прозоровскаго. Посланный приправилъ требованіе угрозою; Стенька вспыхнулъ: «Какъ ты смѣлъ придти ко мнѣ съ такими рѣчами?» закричалъ онъ: «чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и разсчитаюсь съ воеводою. Онъ дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мною какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный человѣкъ. Я сильнѣе его; я расплачусь съ этими негодяями!»

Это не была простая угроза; это былъ прямой вызовъ. Стенька былъ дѣйствительно сильнѣе Прозоровскаго, но что

ему было дѣлать съ своею силою? она исчезнетъ безъ употребленія, исчезнетъ и значеніе Разина, его атаманство. Но куда употребить силу? Къ Азову Турки не пустятъ; опять пробиться на Каспійское — можно, но какъ возвратиться? въ другой разъ уже не обмануть государства! И вотъ Стенька опрокидывается на государство; гдѣ же средства для борьбы? поднять всѣхъ голутвенныхъ противъ бояръ и воеводъ, поднять крестьянъ и холопей противъ господъ. Васька Усъ уже указалъ дорогу.

По извѣстному обычаю, Стенька сдѣлалъ земляной городокъ между Кагальникомъ и Ведерниковымъ, перезвалъ къ себѣ сюда изъ Черкаска жену и брата Фрола. Донъ раздѣлился: въ Черкаскѣ сидѣло старое войсковое правительство, атаманъ Корнило Яковлевъ съ старшиною; но сильнѣе его былъ атаманъ новаго войска, Степанъ Разинъ, который сидѣлъ въ своемъ новомъ городкѣ и котораго силы увеличивались со дня на день. Вѣсти о подвигахъ батюшки Степана Тимоѳеевича, о богатой добычѣ разнеслись быстро: Разинъ распустилъ Донскихъ жильцовъ на сроки за крѣпкими поруками въ козачьи городки для свиданія съ родственниками и для исполненія обязательствъ: мы видѣли уже, что въ козачествѣ былъ такой обычай: домовитые козаки ссужали оружіемъ и платьемъ голутвенныхъ, которые отправлялись за добычею, съ условіемъ, чтобъ по возвращеніи добыча была раздѣлена пополамъ. Теперь Стенькины сподвижники дѣлили добычу съ своими *посыльщиками*. Добыча была богатая, и вотъ охотники до зипуновъ потянулись со всѣхъ сторонъ къ счастливому вождю: шли къ Разину голутвенные изъ Донскихъ и Хоперскихъ городковъ, гулящіе люди съ Волги, Черкасы Запорожскіе; и не нужно имъ было ни у кого ссужаться: батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ принималъ каждаго съ распростертыми объятіями, ссужалъ и уговаривалъ всячески. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ было у него уже 2700 человѣкъ. Безпрестанно говорилъ онъ имъ, чтобъ были готовы, но куда будетъ походъ — про то знали немногіе козаки и у нихъ никакими мѣрами довѣдаться

о томъ было нельзя. Старое правительство войсковое, бывшее въ Черкаскѣ, старые козаки сильно тужили: «пріѣхали въ Черкаскъ изъ Азова присыльщики для заключенія перемирья; козаки имъ отказали и объявили прямо причину: пріѣхалъ Стенька Разинъ съ товарищами, и если онъ, мимо насъ, сдѣлаетъ надъ Азовомъ какое дурно, то вы намъ, козакамъ, впередъ ни въ чемъ вѣрить не станете». Не знали, что дѣлать Корнило Яковлевъ съ товарищами: принимать ли Стеньку въ войско или промыслъ надъ нимъ чинить? Рѣшили послать за этимъ нарочно къ великому государю бить челомъ объ указѣ. Но Разинъ спѣшилъ вывесть ихъ изъ нерѣшительнаго положенія.

Весною 1670 года, въ Ѳомино Воскресенье, пріѣхалъ на Донъ жилецъ Герасимъ Евдокимовъ съ царскимъ милостивымъ словомъ; Атаманъ Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ. Евдокимовъ былъ принятъ честно, грамоту вычли, на государской милости челомъ ударили и объявили посланному, чтобъ онъ былъ готовъ къ отъѣзду: его скоро отпустятъ назадъ къ великому государю вмѣстѣ съ козацкою станицею, какъ водилось. Но въ понедѣльникъ явился въ Черкаскъ другой гость, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ, и когда во вторникъ Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ для выбора станицы въ Москву, явился и Разинъ съ своими голутвенными: «Куда станицу выбираете?» стросилъ онъ. — «Отпускаемъ съ жильцомъ Герасимомъ къ великому государю», былъ отвѣтъ. — «Позвать Герасима сюда!» закричалъ Разинъ, и приказъ немедленно былъ исполненъ, побѣжали за Евдокимовымъ и привели въ кругъ. «Отъ кого ты поѣхалъ, отъ великаго государя или отъ бояръ?» спросилъ его Разинъ. — «Посланъ я отъ великаго государя съ милостивою грамотою», отвѣчалъ тотъ. — «Врешь!» закричалъ Стенька: «пріѣхалъ ты не съ грамотою, пріѣхалъ къ намъ лазутчикомъ, такой-сякой!» бросился бить Евдокимова и, избивши до полусмерти, велѣлъ бросить въ Донъ. — «Непригоже ты такъ учинилъ», отозвался было атаманъ Корнило Яковлевъ. — «И ты того же захотѣлъ», за-

кричалъ на него Разинъ: «владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ!» Атаманъ замолчалъ, видя, что не его время; Разинъ съ голутвенными началъ господствовать въ Черкаскѣ. Нѣсколько добрыхъ козаковъ возвысили было голосъ и отвѣдали Донской воды. Разинъ началъ сбивать съ Дону священниковъ, этихъ подозрительныхъ для него «царскихъ богомольцевъ»; церковь составляла связь козачества съ государствомъ, и вотъ Разинъ износитъ хулу на церковь; послѣ, пожалуй, онъ опять пойдетъ къ Соловецкимъ: «Съ молоду было много бито, граблено, подъ конецъ надо душу спасти!» но теперь Разину было не до богомолья, дикія силы кипѣли въ немъ и требовали выхода, козакъ гулялъ и не вѣрилъ ни во что, «вѣрилъ только въ свой червленый вязъ», какъ богатырь старой пѣсни. Говорятъ, Стенька вѣнчалъ голутьбу, заставляя ихъ плясать вокругъ дерева. Это не была новость: кто не зналъ пѣсни, какъ богатыри «кругъ ракитова куста вѣнчалися»?

Изъ Черкаска Разинъ отправился вверхъ, въ Паншинъ городокъ, куда пришелъ къ нему знаменитый Васька Усъ съ толпою голутвенныхъ. Всего набралось тысячъ съ семь козаковъ. Собрался кругъ, и атаманъ объявилъ, что идетъ судами и конями подъ Царицынъ. На другой день войско выступило, черезъ два дня, ночью, подошло къ Царицыну, и какъ только началась заниматься заря, козаки съ сухаго пути и съ рѣки обступили городъ. Здѣсь начали бить въ набатъ, выстрѣлили разъ изъ пушки, но уже пять человѣкъ Царицынцевъ перекинулись къ козакамъ и объявили Стенькѣ, сколько въ городѣ казны, запасовъ, какія крѣпости. Оставивъ Уса осаждать городъ, Стенька отправился за тридцать верстъ, погромилъ Едисанскихъ Татаръ и привелъ подъ Царицынъ плѣнныхъ, пригналъ лошадей, животину. Между-тѣмъ, 13 Апрѣля, въ таборъ къ Васькѣ Усу явились еще пять человѣкъ Царицынцевъ съ просьбою позволить имъ выходить изъ города, брать воду, выгонять скотъ на пастбище. «Уговаривайте воеводу», отвѣчалъ Усъ: «чтобъ онъ городъ от-

перъ, а если онъ заупрямится, то вы сами отбейте городовой замокъ». Въ тотъ же день приказаніе было исполнено: ворота отворились, и воевода Тургеневъ съ племянникомъ своимъ, прислугою, десяткомъ Московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками Царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались пиры, попойки съ козаками, самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился до-пьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ козаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тургеневъ достался живой козакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили.

Стенька укрѣпилъ Царицынъ, созвалъ кругъ и объявилъ свой широкій замыселъ: идти вверхъ по Волгѣ подъ государевы города выводить воеводъ, или идти къ Москвѣ противъ бояръ. Козаки закричали въ отвѣтъ, что полагаются на слово своего батюшки атамана. Но скоро оказалось препятствіе: пришла вѣсть, что Астраханскій воевода, князь Прозоровскій, высылаетъ людей къ Черному Яру. Стенька тотчасъ выслалъ конную станицу для провѣдыванья; посыльщики возвратились и сказали, что въ Черномъ Яру стоитъ Астраханская рать; но вслѣдъ за этимъ другая вѣсть, что сверху идутъ Московскіе стрѣльцы къ Царицыну. Стенька не унылъ, зная, что ни изъ Астрахани, ни изъ Москвы не можетъ быть послано много войска; онъ бросился на Московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ было 1000 человѣкъ подъ начальствомъ Лопатина. Стрѣльцы стояли спокойно на Денежномъ островѣ, въ семи верстахъ отъ Царицына, какъ вдругъ пули посыпались на нихъ съ двухъ сторонъ: съ луговой стороны напалъ въ судахъ самъ Разинъ, а съ нагорной конные козаки; несмотря на превосходную силу козаковъ, которыхъ было тысячъ съ пять, стрѣльцы начали пробиваться къ Царицыну, думая, что оттуда будетъ имъ выручка; но только что они подплыли подъ городъ, какъ оттуда встрѣтили ихъ пушечными ядрами. 500 стрѣльцовъ было убито, остальныхъ разо-

брали подъ городомъ, Лопатинъ съ другими начальными людьми имѣлъ участь Тургенева; болѣе 300 стрѣльцовъ Стенька посажалъ на свои суда въ гребцы неволею, они слышали отъ козаковъ удивительныя слова: «Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя».

Московскихъ стрѣльцовъ надобно было доставать боемъ; Астраханскіе передались безъ сопротивленія: въ Астрахани уже работали Разинскіе посланцы, и легко имъ было тамъ работать: почва была удобная и подготовленная прежнимъ пребываніемъ Стеньки. На встрѣчу ворамъ плыли 2600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей подъ начальствомъ товарища воеводскаго, князя Семена Ивановича Львова; но только что у Чернаго Яру показались воровскія суда, какъ всѣ стрѣльцы взволновались и начали вязать начальныхъ людей, громко привѣтствуя своего батюшку, Степана Тимоѳеевича, своего освободителя. Разинъ отвѣчалъ имъ обѣщаніями вольной, богатой, разгульной жизни; восторженные крики не прерывались, и подъ эти крики падали обезображенные трупы начальныхъ людей. Но уцѣлѣлъ какъ-то воевода князь Львовъ.

Вѣсти, полученныя отъ стрѣльцовъ, перемѣнили намѣреніе Разина: сперва онъ хотѣлъ идти подъ верхніе государевы города, тамъ переводить воеводъ; теперь онъ узналъ, что въ Астрахани *свои* ждутъ его съ нетерпѣніемъ и сдадутъ городъ, только что покажутся удалые. Стенька поплылъ къ Астрахани.

Здѣсь давно уже ждали чего-то недобраго: давно были напуганы знаменіями, шумомъ въ церквахъ точно колокольный звонъ, землетрясеніями. Съ 25 Мая, съ того дня, какъ отправился князь Львовъ съ стрѣльцами, между Астраханцами начался ропотъ и непослушаніе воеводѣ, и вотъ 4-го Іюня приходитъ страшная вѣсть, что стрѣльцы передались Разину. Князь Прозоровскій не потерялъ духа и началъ, сколько могъ, хлопотать объ укрѣпленіи города. Помощникомъ ему

въ этомъ дѣлѣ былъ Нѣмецъ Бутлеръ, капитанъ перваго Русскаго корабля *Орелъ*, стоявшаго въ Астрахани. Въ тотъ же день воевода велѣлъ Бутлеру пересмотрѣть всѣ пушки по валамъ и раскатамъ, и корабельнымъ людямъ приказалъ быть у наряда. На другой день, 5 числа, волненіе между Астраханцами усилилось: какъ видно, и въ народѣ узнали уже объ измѣнѣ стрѣльцовъ. 9 Іюня Прозоровскій велѣлъ Бутлеру осмотрѣть каменный городъ, а на другой сторонѣ вала хлопоталъ Англичанинъ полковникъ Ѳома Бойль; валъ и раскаты починивали, вездѣ разставили крѣпкій караулъ, стрѣльцы всю ночь стояли по валамъ; въ Нижней башнѣ стояли Персіане, Калмыки, Черкесы. 13-го Іюня ночью караульные стрѣльцы увидали, какъ надо всею Асраханью отворилось небо и просыпались изъ него на городъ точно печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ и разсказали объ этомъ митрополиту Іосифу. Тотъ долго плакалъ и, возвратившись въ келью отъ заутрени, говорилъ: «Изліялся съ небеси фіалъ гнѣва Божія!» Іосифъ имѣлъ право не ждать ничего добраго отъ козаковъ, зная ихъ очень хорошо. Онъ былъ родомъ Астраханецъ; восьми лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя позволяли себѣ козаки Заруцкаго въ Астрахани, какъ безчестили архіепископа Ѳеодосія за то, что называлъ ихъ ворами, какъ перебили всѣхъ его дворовыхъ, разграбили домъ, самого посадили въ Троицкомъ монастырѣ въ каменную тюрьму. Іосифъ на самомъ себѣ носилъ тяжелый знакъ памяти отъ этого страшнаго времени: голова его постоянно тряслась отъ удара, нанесеннаго ему козаками.

Прозоровскій, услыхавъ о видѣніи, также заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добраго отъ стрѣльцовъ и Астраханцевъ, и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, приласкать иноземцевъ: 15 числа онъ позвалъ къ себѣ обѣдать Бутлера, подарилъ ему кафтанъ изъ желтаго атласа, нижнее платье, бѣлье, велѣлъ приходить каждый день обѣдать.

Но въ то время какъ воевода задобривалъ Бутлера, стрѣльцы искали только предлога къ возмущенію. Они являются къ

воеводѣ и требуютъ жалованья за прошлый годъ. — «Казны великаго государя изъ Москвы еще не бывало», отвѣчалъ Прозоровскій: «развѣ что дастъ отъ себя взаймы митрополитъ или изъ Троицкаго монастыря, и я вамъ раздамъ, по скольку придется, чтобъ вамъ богоотметника и измѣнника Стеньки Разина не слушать и радѣть великому государю». Объяснившись такъ откровенно съ стрѣльцами, Прозоровскій идетъ къ митрополиту: «Какъ быть? надобно дать, иначе бѣда!» — «Надобно дать», отвѣчаетъ митрополитъ: «злоба велика, прельстились къ богоотступнику!» и вынесъ своихъ келейныхъ денегъ 600 рублей, да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять 2000. Воевода роздалъ эти деньги стрѣльцамъ; предлогъ къ возмущенію исчезъ, но не исчезло желаніе, и съ нетерпѣніемъ ждали батюшки Степана Тимоѳеевича.

И вотъ пошли толки о новомъ знаменіи: раннимъ утромъ караульные стрѣльцы увидали три столпа разноцвѣтныхъ, точно радуга, а на верху три вѣнца. Видѣлъ и самъ митрополитъ Іосифъ. Не къ добру! Не къ добру и то, что въ Петровки, когда бывало негдѣ дѣться отъ жара, теперь ходятъ всѣ въ тепломъ платьѣ: холодъ, дожди съ градомъ!

22-го числа воровскіе козаки уже были въ виду города. Стенька сталъ у Жареныхъ Бугровъ и прислалъ въ Астрахань съ прелестными грамотами Воздвиженскаго священника и человѣка князя Львова, попавшихся къ нему въ плѣнъ; была у нихъ и грамотка къ Бутлеру на Нѣмецкомъ языкѣ! Стенька уговаривалъ Нѣмцевъ поберечь свою жизнь и не стоять противъ козаковъ. Бутлеръ отдалъ грамоту воеводѣ; тотъ разодралъ ее, велѣлъ пытать холопа и отсѣчь голову; попа посадили въ тюрьму, заклепавши ротъ. Воевода укрѣплялъ городъ, закладывалъ ворота кирпичемъ, митрополитъ съ духовенствомъ обходилъ городъ крестнымъ ходомъ. 23-го числа козаки пристали къ городу у рѣчки Кривуши подъ виноградными садами; запылала Татарская слобода: ее зажгли свои намѣренно, чтобъ не давать пріюта непріятелю. Но вотъ приводятъ къ воеводѣ другаго рода зажигальщиковъ: двое ни-

нихъ перебѣжали къ Разину и возвратились отъ него съ порученіемъ зажечь Бѣлый городъ во время приступа. Нищіе были казнены для острастки; но воевода мало надѣялся на одну острастку и спѣшилъ употребить другое средство: на митрополичій дворъ созваны были пятидесятники и старые лучшіе люди: митрополитъ и воевода долго уговаривали ихъ постараться за домъ Пречистыя Богородицы, послужить великому государю вѣрою и правдою, биться съ измѣнниками мужественно, обѣщали царскую милость живымъ, вѣчное блаженство падшимъ. Всѣ на словахъ увѣряли, что не будутъ щадить живота своего; но иначе вышло на дѣлѣ.

Вечеромъ бояринъ, принявши благословеніе у митрополита, ополчился въ ратную сбрую и выступилъ, какъ обыкновенно воеводы выступали въ походъ, пошелъ со всѣми своими держальниками и дворовыми людьми, передъ ними вели коней подъ попонами, били въ тулунбасы, трубили въ трубы. Прозоровскій сталъ у Вознесенскихъ воротъ, куда ждалъ самаго сильнаго напора отъ воровъ.

Ночь проходила. Въ три часа утра 24-го числа тревога, приступъ, пушки загремѣли съ города. Но козаки, не обращая на нихъ вниманія, приставили лѣстницы къ стѣнамъ, — и не копьями, не варомъ были встрѣчены: измѣнники принимали ихъ какъ друзей, давно жданныхъ; по всему городу раздались козачьи крики, и кричали не одни воровскіе козаки, кричали стрѣльцы, кричали Астраханцы и первые бросились бить дворянъ, сотниковъ, боярскихъ людей, вѣрныхъ господамъ своимъ, и пушкарей. Въ одномъ углу, еще ничего не зная, стоялъ Бутлеръ и продолжалъ работать изъ пушекъ, какъ вдругъ является къ нему Англичанинъ Бойль, съ окровавленнымъ лицомъ, шатающійся: «Что вы тутъ дѣлаете?» кричитъ онъ: «весь городъ измѣнилъ; стрѣльцы моего полка прокололи мнѣ лице и ноги копьемъ, до смерти бы убили, еслибъ не латы; я говорилъ имъ, чтобъ вѣрно служили, а они мнѣ велѣли молчать». Бутлеръ бросился бѣжать.

Между-тѣмъ народъ спѣшилъ къ соборной церкви: туда вѣрные холопи принесли на коврѣ Прозоровскаго, раненаго копьемъ въ животъ. Скоро прибѣжалъ и митрополитъ Іосифъ и со слезами бросился къ воеводѣ, съ которымъ жилъ очень дружно; но плакать было некогда: Іосифъ спѣшилъ пріобщить страдальца св. Таинъ. Церковь все больше и больше наполнялась народомъ: вбѣгали дьяки, головы стрѣлецкіе, подъячіе, всѣ тѣ, которымъ нечего было ждать добра отъ воровъ. Думали еще защищаться; заперли церковныя двери и у нихъ съ большимъ ножемъ сталъ стрѣлецкій пятидесятникъ Фролъ Дура, рѣшившійся дорого отдать ворамъ святое мѣсто. Онъ не долго дожидался: козаки прибѣжали и начали ломиться; рѣзныя желѣзныя двери не подавались, они выстрѣлили сквозь нихъ изъ самопала. Раздался вопль: на рукахъ у матери трепеталъ въ крови полуторагодовой ребенокъ. Наконецъ двери подались; Фролъ Дура началъ работать ножемъ: разъяренные козаки выхватили его изъ церкви и у паперти изсѣкли на части; Прозоровскаго, дьяковъ, головъ стрѣлецкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотниковъ и подъячихъ всѣхъ перевязали и посадили подъ раскатъ дожидаться козацкаго суда и расправы. Судъ и расправа были коротки: явился атаманъ и велѣлъ взвести воеводу на раскатъ и оттуда ринуть на землю. Другихъ несчастныхъ не удостоили такого почета: ихъ сѣкли мечами и бердышами передъ соборною церковію, кровь текла ручьемъ мимо церкви до приказной палаты; трупы бросали безъ разбору въ Троицкомъ монастырѣ въ братскую могилу; подлѣ могилы стоялъ монахъ и считалъ: начелъ 441.

Послѣ убійствъ начался грабежъ: пограбили приказную палату, дворы убитыхъ, дворы богатыхъ людей, гостиные дворы: Русскій, Гилянскій, Индѣйскій, Бухарскій, и все свезено было въ кучу для ровнаго дувана. Но въ то время, когда цѣлый уже городъ со всѣми своими богатствами былъ въ рукахъ Стеньки и его товарищей, въ одномъ мѣстѣ слышалась стрѣльба: въ пыточной башнѣ сѣли на смерть люди Каспу-

лата Муцаловича Черкаскаго, двое Русскихъ, да пушкари, всего девять человѣкъ, и бились съ ворами до полудня; не стало свинцу, стрѣляли деньгами; не стало пороху — покидались за городъ; нѣкоторые пришиблись до смерти, другихъ схватили и посѣкли.

Это было послѣднее сопротивленіе. Начальныхъ людей не было: они лежали всѣ въ Троицкомъ монастырѣ, въ общей могилѣ. Стенька владѣлъ Астраханью. Онъ сдѣлалъ изъ нея козацкій городъ, раздѣлилъ жителей на тысячи, сотни, десятки, съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками; зашумѣлъ кругъ, старинное вѣче. Въ одно утро все это козачество двинулось за городъ: тамъ на просторномъ, открытомъ мѣстѣ приводили ихъ къ присягѣ, клялись: за великаго государя стоять, атаману Степану Тимоѳеевичу и всему войску служить, измѣнниковъ выводить; два священника стали обличать вора: одного посадили въ воду, другому отсѣкли руку и ногу. Разинъ велѣлъ сжечь всѣ бумаги и хвалился, что сожжетъ всѣ дѣла и въ Москвѣ, *въ верху*, т. е. во дворцѣ государевомъ.

Козаки, старые и новые, гуляли, съ утра все уже пьянѝ; Стенька разъѣзжалъ по улицамъ или пьяный сидѣлъ у митрополичьяго двора на улицѣ, поджавши ноги по-турецки. Каждый день кровавыя потѣхи: по мановенію пьянаго атамана одному отсѣкутъ голову, другаго кинутъ въ во́ду, иному отрубятъ руки и ноги; то вдругъ смилуется Стенька, велитъ отпустить несчастнаго, ожидающаго казни. Дѣтямъ понравилась потѣха отцовъ: и они завели круги, и кто провинится, бьютъ палками, вѣшаютъ за ноги, одного повѣсили за шею — и сняли мертваго. Женамъ и дочерямъ побитыхъ дворянъ, сотниковъ и подъячихъ не было проходу отъ ругательства козацкихъ женъ; но ругательствами дѣло не кончилось: атаманъ началъ выдавать ихъ замужъ за своихъ козаковъ, священникамъ приказано было вѣнчать по печатямъ атамана, а не по архіерейскому благословенію. Митрополитъ молчалъ; въ день именинъ царе-

вича Θеодора Алексѣевича онъ имѣлъ слабость позвать или допустить къ себѣ на обѣдъ Стеньку и всѣхъ старшихъ козаковъ: гостей нагрянуло больше ста человѣкъ.

У митрополита въ кельяхъ скрывалась вдова воеводы, княгиня Прозоровская, съ двумя сыновьями; одному было 16, другому 8 лѣтъ. Стенька вспомнилъ о княжатахъ и велѣлъ привести къ себѣ старшаго: «Гдѣ казна, что̀ сбиралась въ Астрахани съ торговыхъ людей?» — «Вся пошла на жалованье служилымъ людямъ», отвѣчалъ мальчикъ и сослался на подъячаго Алексѣева, который подтвердилъ его слова. — «А гдѣ ваши животы?»—«Разграблены», отвѣчалъ князь: «нашъ казначей отдавалъ ихъ по твоему приказу, возилъ ихъ твой есаулъ». Послѣ этого допроса Прозоровскій висѣлъ вверхъ ногами на городской стѣнѣ, подъячій на крюкѣ за ребро. Аппетитъ былъ возбужденъ: Стенька велѣлъ вырвать у княгини Прозоровской и другаго сына и повѣсить за ноги подлѣ брата. На другой день старшаго Прозоровскаго сбросили съ стѣны; младшаго сняли живымъ, высѣкли и отослали къ матери; подъячій уже не дышалъ.

Стенька протрезвился и увидалъ, что загостился въ Астрахани. Онъ хотѣлъ прямо изъ Царицына нагрянуть на государевы города, и тогда, трудно сказать, гдѣ бы онъ былъ остановленъ силою государства; по всѣмъ вѣроятностямъ, ему удалось бы зимовать въ Нижнемъ, какъ намѣревался. Но вѣсти о выходѣ князя Львова изъ Астрахани заставили его спуститься внизъ, а разсказы передавшихся стрѣльцовъ, представившихъ Астрахань легкою добычею, заставили его идти къ этому городу. Такимъ образомъ Стенька потерялъ много дорогаго времени. Въ концѣ Іюля онъ сталъ сбираться вверхъ; сборы эти протрезвили Астраханцевъ, побратавшихся съ козаками: хотя они и присягали великому государю, однако хорошо знали, что по уходѣ Стеньки могутъ скоро явиться подъ ихъ городомъ государевы воеводы, и какъ Стенька успѣлъ овладѣть Астраханью благодаря *своимъ людямъ*, такъ и у воеводъ найдутся свои же люди, теперь

смолкнувшіе изъ страха или успѣвшіе укрыться отъ истребленія; Астраханцы явились къ Стенькѣ: «Многіе дворяне и приказные люди перехоронились: позволь намъ сыскавъ ихъ побить, для того, когда отъ великаго государя будетъ въ Астрахань какая присылка, то они намъ будутъ первые непріятели».—«Когда я изъ Астрахани пойду», отвѣчалъ Стенька: «то вы дѣлайте какъ хотите, и для расправы оставляю вамъ козака Ваську Уса».

На двухъ-стахъ судахъ поплылъ Разинъ вверхъ по Волгѣ, по берегу шло 2000 конницы. Отпустивъ изъ Царицына Астраханскую добычу на Донъ, Стенька пошелъ дальше, занялъ Саратовъ, Самару съ обычными церемоніями: воевода утопленъ, дворяне и приказные люди перебиты, имѣніе ихъ пограблено, жители покозачены. Изъ Самары Разинъ двинулся къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, а на помощь ему спѣшилъ изъ Казани окольничій князь Юрій Никитичъ Борятинскій и успѣлъ придти къ Симбирску 31 Августа, прежде Разина. «Нельзя мнѣ было не спѣшить» писалъ Борятинскій: «чтобъ Симбирскъ не потерять и въ черту вора не пропустить». Но воевода имѣлъ мало надежды на успѣхъ: «Со мною пришло ратныхъ людей не много» доносилъ онъ царю: «начальные люди Зыковскаго и Чубаровскаго полковъ взяли на Москвѣ жалованье, а въ полки до сихъ поръ не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать некому. Алексѣй Еропкинъ разбиралъ служилыхъ людей не по указу, для своей бездѣльной корысти, вмѣсто того, чтобъ оставить у себя самыхъ меньшихъ статей, оставилъ лучшихъ людей, кому было можно служить; рейтарскимъ полкамъ прислалъ списки, а въ спискахъ написаны многіе мертвые, одно имя дважды и трижды, на лицо 1300 человѣкъ въ обоихъ полкахъ, и въ томъ числѣ треть пѣшихъ. А безъ пѣхоты мнѣ быть нельзя. Пока надъ ворами промыслу не учинить, станутъ ходить и прельщать безопасно; а еслибъ надъ ними промыслъ учинили, то онъ бы убавилъ вымыслу своего воровскаго. Промыслъ чинить буду

сколько милосердый Богъ помощи подастъ, а по спискамъ у меня въ полку гораздо малолюдно, и съ малолюдствомъ надъ такимъ воромъ, безъ пѣхоты, въ дальнихъ мѣстахъ, промыслу учинить нельзя».

Такимъ образомъ воевода загодя уже спѣшилъ объяснить причину своей будущей неудачи. Борятинскій не долго ждалъ оправданія своихъ опасеній. 4 Сентября явился и Разинъ подъ Симбирскомъ, ночью обошелъ городъ, остановилъ свои струга за полверсты выше города, и, въ отдачу ночныхъ часовъ, выйдя изъ струговъ, направился къ городу на приступъ; но Борятинскій загородилъ ему дорогу, Стенька бросился на него и завязался ожесточенный бой, длившійся съ утра до вечера; ни та, ни другая сторона не получила верха; разошлись отъ усталости и цѣлыя сутки стояли на одномъ мѣстѣ, смотря другъ на друга. Но Разинъ не былъ безъ дѣла: онъ пересылался съ жителями Симбирска и, увѣрившись, что они на его сторонѣ, ночью напалъ на Борятинскаго и учинилъ бой великій, а за полчаса до свѣта воры начали приступать къ Симбирску, именно къ тѣмъ прясламъ стѣны, гдѣ стояли Симбирцы. Пострѣлявши сначала для виду пыжами, они впустили козаковъ въ острогъ и сами бросились рубить людей боярскихъ, не бывшихъ съ ними въ одной думѣ. Овладѣвши острогомъ, воры бросились къ городу, но тутъ явился Борятинскій; воры обратили на него острожныя пушки и не допустили безъ пѣхоты пробиться къ городу, но за то и сами должны были отступить. Борятинскій, видя, что безъ пѣхоты ничего не сдѣлаетъ, отступилъ отъ Симбирска къ Тетюшамъ, написавъ государю: «Татары, которые въ рейтарахъ и сотняхъ, худы и ненадежны, съ перваго боя многіе утекли въ домы свои, нельзя на нихъ надѣяться и денегъ на нихъ нечего терять. Начальные люди въ полкъ ко мнѣ не бывали, живутъ по деревнямъ. Окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій сѣлъ въ маломъ городкѣ, съ нимъ головы стрѣлецкіе, солдаты и иныхъ чиновъ люди; малый городокъ крѣпкій, скоро взять не чаю, только безводенъ,

колодцевъ нѣтъ, а они воды навозили много. Я пошелъ въ Тетюши и дожидаюсь князя Петра Семеновича Урусова, чтобъ намъ пойти опять къ Симбирску: и будетъ Иванъ (Милославскій) сидитъ, чтобъ его отъ осады освободить; а будетъ Ивана взяли, и намъ идти на Разина; а у него не многолюдно, больше пяти тысячъ нѣтъ худаго и добраго, а нынче у него на бояхъ и на приступѣ безмѣрно побито лучшихъ людей. Хотя бы у меня было 2000 пѣхоты, и онъ бы совсѣмъ пропалъ, не только бы къ Симбирску, и къ берегу бы не допустилъ; но видя, что безъ пѣхоты съ нимъ дѣлать нечего, я отошелъ и полкъ твой отвелъ въ цѣлости».

Иванъ сидѣлъ, несмотря на то, что силы Разина день ото дня увеличивались приходомъ Чувашъ, Мордвы и Русскихъ крестьянъ. Четыре раза козаки приступали къ городку, все по ночамъ; чтобъ зажечь городокъ, возили изъ уѣздовъ солому, дѣлали туры, въ туры клали зелье, смолу, сухія драницы; но всѣ приступы были отбиты и городокъ оставался невредимъ. Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ Иванъ, и 1 Октября увидалъ движеніе въ козацкомъ станѣ, Стенька уходилъ: въ семи верстахъ стоялъ обозомъ князь Юрій Борятинскій, выдержавшій на дорогѣ съ устья Казани рѣки четыре боя съ воровскими козаками, Татарами, Чувашами, Черемисою и Мордвою. Въ двухъ верстахъ отъ Симбирска, у рѣки Свіяги, Стенька схватился съ своимъ старымъ знакомымъ. Въ первой схваткѣ Стеньку сорвали и прогнали; но онъ собрался со всѣми силами, взялъ пушки и схватился въ другой разъ: «люди въ людяхъ мѣшались и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная была въ притинъ»; съ козацкой стороны пало безчисленное множество народа, самъ Стенька получилъ двѣ раны, одинъ Алатырецъ схватилъ было его и повалилъ, но былъ застрѣленъ ворами. Стенька былъ разбитъ въ-пухъ, побѣжалъ къ острожному Симбирскому валу и заперся въ башнѣ. 2-го числа онъ могъ вздохнуть, оглядѣться; Борятинскій наводилъ мосты на Свіягѣ и 3 числа подошелъ къ городку: Милославскій былъ освобожденъ. Но дѣло еще не кончилось:

Стенька стоялъ по ту сторону города у Казанскихъ воротъ, весь острогъ занялъ воровскими людьми. Стенька не оставлялъ намѣренія зажечь городъ и взять его. Борятинскій употребилъ хитрость: ночью велѣлъ полковнику Чубарову зайти за Свіягу съ полкомъ своимъ и тамъ дѣлать окрики, какъ будто бы пришло новое царское войско. Хитрость удалась вполнѣ: на Стеньку напалъ страхъ и онъ рѣшился убѣжать тайкомъ съ одними Донскими козаками, потому что бѣгство цѣлаго войска было бы замѣчено и нужно было бы выдержать преслѣдованіе отъ воеводъ. Онъ объявилъ собравшейся около него толпѣ Астраханцевъ, Царицынцевъ, Саратавцевъ и Самарцевъ, чтобъ они стояли у города, а самъ онъ съ Донцами пойдетъ на царскихъ воеводъ; но вмѣсто того кинулся на суда и поплылъ. Борятинскій, узнавъ о бѣгствѣ Разина, рѣшился покончить съ оставшимися ворами: онъ вышелъ съ конницею на поле и сталъ около города, а пѣхоту пустилъ на покинутый Разинымъ обозъ и въ острогъ; Милославскій съ другой стороны входилъ въ острогъ, который запылалъ въ разныхъ мѣстахъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ и особенно вытѣсняемые пламенемъ, воры бросились къ рѣкѣ, къ судамъ, но были всѣ перетоплены; въ плѣнъ попалось 500—600 человѣкъ, и всѣ были истреблены: заводчиковъ четвертовали, другихъ рубили и вѣшали по всѣмъ дорогамъ и по берегу Волги. По чертѣ и по уѣздамъ разосланы были повѣстки, чтобъ всѣ измѣнившіе добили въ винахъ своихъ челомъ государю и жили въ домахъ своихъ по прежнему; пригородные служилые люди добили челомъ: изъ нихъ выбирали съ слободы по человѣку и били кнутомъ. Послѣдній успѣхъ свой въ Симбирскѣ Борятинскій приписывалъ зажженію острога: «если бы не зажгли острогу» писалъ онъ государю: «то долго было бы около нихъ ходить за многолюдствомъ».

Гостьба козаковъ въ Астрахани, упорная защита Симбирскаго городка Милославскимъ и побѣда Борятинскаго погубили Стеньку и его дѣло, которое начало было разыгрываться въ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ только еще Стенька подошелъ къ Симбирску и заставилъ Борятинскаго удалиться на сѣверъ, воровскіе козаки съ прелестными листами разсѣялись вверхъ по Волгѣ. Въ прелестныхъ листахъ говорилось, что козаки идутъ противъ измѣнниковъ бояръ и съ ними идутъ *Нечай* царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (недавно умершій) и патріархъ Никонъ, изгнанный боярами. Бунтъ запылалъ на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою; повторилось то, что̀ мы уже видѣли въ Смутное время здѣсь же, на восточной украйнѣ, и во время возстанія Хмельницкаго на западной: въ селахъ крестьяне начали истреблять помѣщиковъ и прикащиковъ ихъ, и толпами поднялись въ козаки; заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ, въ городахъ чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ козаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила козацкое устройство; воеводы и приказные люди, *облихованные* міромъ, на которыхъ было много жалобъ, истреблялись, *одобренныхъ* не трогали. Какъ въ Смутное время, поднялись варварскіе инородцы — Мордва, Чуваши и Черемисы.

Поднимая бунтъ, воровскіе козаки держались двухъ главныхъ направленій: отъ Симбирска на западъ, по нынѣшнимъ губерніямъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской, и потомъ къ сѣверо-западу, по Симбирской и Нижегородской. Первое ополченіе, отдѣлившееся отъ Разина подъ Симбирскомъ въ Сентябрѣ, направилось къ Корсуню подъ начальствомъ Мишки Харитонова; цѣль была объявлена: идти въ Русскіе города, побить бояръ, женъ ихъ и дѣтей и домы разорить. Корсунскіе городскіе люди пристали къ ворамъ и пошли съ ними вмѣстѣ бить помѣщиковъ по селамъ и деревнямъ. 18 Сентября Атемарцы сдали свой городъ; 19 сдался Инсарскій острогъ; первое сопротивленіе оказалъ Саранскъ: съ утра до вечера приступали воры къ Саранску, наконецъ ворвались въ него, побили воеводу и ратныхъ людей. Атаманы собрали кругъ и объявили, что пойдутъ по чертѣ до Тамбова. Царскіе воеводы, сидѣвшіе въ городкахъ по этой чертѣ, предвидѣли

свою горькую участь: Керенскій воевода Безобразовъ писалъ въ Тамбовъ: «Здѣшніе люди всѣ въ отчаяніе пришли; хотя и не много воровъ придетъ, но я отъ здѣшнихъ людей добра ничего не чаю и въ печаляхъ своихъ чуть живъ; да ихъ же воровская прелесть во всѣхъ людей всѣяла, будто съ ними идетъ Нечай царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ да Никонъ патріархъ: и малоумные люди все то ставятъ въ правду, и отъ того пущая бѣда и поколебаніе въ людяхъ». Нижнеломовскій воевода Андрей Пекинъ писалъ воеводѣ Якову Хитрову (23 Сентября): «Въ Нижнемъ Ломовѣ козаки знатно что измѣнили: поминай меня убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми».

Не долго ждали воеводы своей участи. Изъ Саранска Мишка Харитоновъ отправился къ Пензѣ; здѣсь какъ только завидѣли воровскія знамена, конскіе хвосты, развѣвавшіеся на шестахъ, такъ тотчасъ же взволновались, убили воеводу и побратались съ козаками. Въ Пензу изъ Саратова явилась новая толпа воровъ, атаманомъ которой сталъ Донской козакъ изъ бѣглыхъ солдатъ, Васька Ѳедоровъ. Взявши двѣ пушки, воры вышли изъ Пензы и заняли Наровчатъ. Предчувствія Андрея Пекина оправдались: Нижнеломовцы схватили его, посадили въ тюрьму и послали въ Наровчатъ къ воровскимъ козакамъ; тѣ явились и подняли на копья облихованнаго воеводу, что́ считалось ругательною смертію; изъ Нижняго Ломова отправился козачій отрядъ къ Верхнему, гдѣ жители также выдали своего воеводу Корсакова: его привезли въ Нижній Ломовъ и умертвили; но Керенскаго воеводу Безобразова отпустили въ Шацкъ. Двигаясь туда же, воры вошли въ Кадомскій уѣздъ; здѣсь къ Мишкѣ Харитонову и Васькѣ Ѳедорову присталъ въ Жуковщинѣ третій атаманъ Мишка, а въ селѣ Конобеевѣ четвертый, Шиловъ; въ каждой деревнѣ, черезъ которую проходили козаки, они брали къ себѣ по мужику съ дыма; кромѣ того толпы ихъ увеличивались Татарами и Мордвою. Въ разореніи помѣщичьихъ

домовъ особенно отличался крестьянинъ Жуковыхъ, Кадомскаго уѣзда Острогожскаго села, прозвищемъ Чирокъ.

Другая толпа воровъ, посланная Разинымъ изъ-подъ Симбирска съ атаманомъ Максимомъ Осиповымъ, который выдавалъ себя за царевича Алексѣя, двигалась на сѣверо-западъ къ Алатырю; городъ былъ взятъ и сожженъ; воевода Акинѳъ Бутурлинъ съ женою и дѣтьми и дворяне, запершіеся въ соборной церкви, всѣ сгорѣли; Темниковъ также былъ взятъ: воевода Челищевъ убѣжалъ, но брата его, племянника и подъячихъ воры побили. Въ Курмышѣ козаки встрѣтили почетный пріемъ: городскіе и уѣздные люди вышли къ нимъ съ образами и вмѣстѣ съ ними встрѣчалъ воевода: Курмышцы всѣ міромъ его одобрили, и онъ остался на воеводствѣ, грабежу и никакого разоренья воеводѣ и городскимъ людямъ не было. И въ Ядринѣ воевода остался живъ, потому что его міромъ одобрили. Изъ Василя воевода убѣжалъ; Козьмодемьянцы убили своего воеводу, подъячаго, выбрали въ старшины посадскаго человѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцевъ, и одинъ изъ нихъ, Долгополовъ, пошелъ поднимать Ветлугу. Взволновались жители Лыскова и прислали въ Курмышъ звать къ себѣ атамана Осипова; воевода ушелъ; Мурашкинцы отсѣкли голову своему воеводѣ, Племянникову. Въ Лысковѣ козаки были приняты съ торжествомъ; но на другой сторонѣ Волги не хотѣлъ сдаваться имъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, привлекавшій воровъ богатою добычею. 8 Октября воры приступили къ монастырю съ страшнымъ крикомъ: «Нечай! Нечай!» (мы знаемъ, что̀ это значило) и старались зажечь монастырь; но монахи, служки, крестьяне и богомольцы затушили пожаръ и отбили воровъ. Козаки отступили въ Лысково, оттуда въ Мурашкино и все болѣе и болѣе набирали къ себѣ людей; у Осипова было уже тысячъ пятнадцать народа, Мордвы, Черемисъ и Русскихъ крестьянъ, и между ними сто человѣкъ Донскихъ козаковъ, товарищей Разина. Отрядъ этого войска, подъ начальствомъ атамана Янка Микитинскаго, пошелъ въ другой разъ подъ Макарьевъ

монастырь и успѣлъ захватить его: пожитки частныхъ людей, отданные въ монастырь на сбереженіе, были разграблены, но монастырскаго ничего не тронули. Между-тѣмъ къ Осипову въ Мурашкино нахлынули новыя толпы Татаръ, Мордвы и Чувашъ, и онъ сбирался идти подъ Нижній, потому что Нижегородская чернь уже дважды присылала къ нему съ приглашеніемъ придти: городъ будетъ сданъ и государевы люди побиты. Но во время сборовъ къ Нижнему прискакалъ гонецъ отъ Разина съ приказомъ идти къ нему на помощь со всѣми силами, потому что его, Стеньку, князь Борятинскій подъ Симбирскомъ побилъ.

Такимъ образомъ нечего было ждать главнаго атамана для поддержанія и распространенія мятежа; а между-тѣмъ царскіе воеводы стали двигаться съ разныхъ сторонъ, и нестройныя толпы черни, кой-какъ вооруженной, не могли стоять противъ государевыхъ ратныхъ людей. Остановка Разина въ Астрахани и потомъ подъ Симбирскомъ дала воеводамъ возможность собраться съ силами, которыхъ вначалѣ, какъ мы уже могли видѣть изъ донесенія Борятинскаго, было очень недостаточно. Знаменитый бояринъ и воевода князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій стоялъ въ Арзамасѣ и оттуда доносилъ царю: «Пущіе заводчики въ воровствѣ тѣ, которые присланы отъ Стеньки Разина, изъ Симбирской черты стрѣльцы и козаки, да будники, которые были на будахъ. Пущіе заводы воровскіе отъ Нижегородскаго уѣзда, отъ Лыскова, Мурашкина и отъ Терюшевской волости; этихъ воровъ умножилось; ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ; а съ другой стороны отъ Шацка, Кадома и Темникова воровство большое жь; на такихъ воровъ малыя посылки посылать опасно, а многолюдную посылку послать — и у насъ малолюдно: стольниковъ объявилось въ естяхъ 96 человѣкъ, а въ нѣтяхъ 92, стряпчихъ въ естяхъ 95, а въ нѣтяхъ 212, дворянъ Московскихъ въ естяхъ 108, а въ нѣтяхъ 279, жильцовъ въ естяхъ 291, а въ нѣтяхъ 1508, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ зѣло

мелю въ пріѣздахъ, а рейтарскіе полковники и рейтары изъ Переяславля Залѣскаго и Рязанскаго не бывали». Долгорукій уже объяснилъ, почему было такое количество нѣтей: «ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ». Нижегородскіе воеводы подтверждали это объясненіе: «Пришли къ Нижнему Новгороду ратные люди, велѣно быть имъ въ полку боярина князь Юрья Алексѣевича Долгорукаго. И нынѣ тѣ ратные люди стоятъ подъ Нижнимъ для того, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ воры дороги всѣ переняли и учинили по дорогамъ крѣпости и засѣки и заставы крѣпкія и многолюдныя, конныхъ и пѣшихъ людей не пропустятъ, побиваютъ до смерти. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ многія села и деревни разорили и выжгли, дворянъ, ихъ женъ и дѣтей и людей ихъ побили; къ Нижнему Новгороду подъѣзжаютъ и всякимъ жилецкимъ людямъ говорятъ съ угрозами и воровскія письма привозятъ, чтобъ жилецкіе люди имъ городъ сдали и ихъ встрѣтили; изъ тѣхъ воровъ два человѣка, пріѣхавшіе съ воровскими письмами, пытаны накрѣпко и кажнены смертію».

Бунтъ обхватывалъ Долгорукаго съ трехъ сторонъ, съ юга, востока и сѣвера; воевода не могъ думать о наступательныхъ движеніяхъ и долженъ былъ ограничиться оборонительными дѣйствіями отъ наступавшихъ воровъ. Оборона была удачна. 28-го Сентября воевода думный дворянинъ Өедоръ Леонтьевъ побилъ воровъ въ селѣ Путятинѣ; узнавъ, что новыя толпы движутся изъ Алатыря прямо къ Арзамасу, Леонтьевъ соединился съ окольничимъ княземъ Константиномъ Щербатовымъ и 30-го Сентября побили воровъ въ селѣ Пановѣ; но черезъ пять дней узнали, что воры въ деревнѣ Исуповѣ, только въ 12 верстахъ отъ Арзамаса: на нихъ пошелъ Щербатовъ и разбилъ; 9 Октября Леонтьевъ разбилъ другую шайку въ селѣ Кременкахъ; 13-го Октября Щербатовъ встрѣтилъ и разбилъ воровъ по Саранской дорогѣ, въ селѣ Поѣ; другой большой бой загорѣлся у села Мамлѣева и кончился также пораженіемъ козаковъ.

Воровской напоръ на Арзамазъ былъ сдержанъ, и Долгорукій могъ перейти къ наступательнымъ движеніямъ. Важнѣе всего ему было очистить сѣверъ, Нижегородскія мѣста, и не дать ворамъ Нижняго. Съ этою цѣлію онъ отправилъ Щербатова и Леонтьева къ Мурашкину, на самое сильное скопище, гнѣздо самозванства и воровскихъ прелестей. 22-го Октября, не доходя пяти верстъ до Мурашкина, воеводы встрѣтили воровъ и начали бой; воры стали отступать, вели государевыхъ людей полторы версты и навели на главные свои полки къ пушкамъ; тутъ, въ трехъ верстахъ отъ Мурашкина, загорѣлся большой бой; нестройныя толпы, несмотря на свою многочисленность и пушки, не выдержали натиска государевыхъ людей и побѣжали, оставивъ побѣдителямъ 21 пушку, 18 знаменъ и 61 плѣнника; участь послѣднихъ была рѣшена немедленно, у Мурашкина же: одни повѣшены, другимъ отсѣчены головы; побѣда стоила воеводамъ 2 человѣка убитыми и 48 ранеными. Отъ Мурашкина воеводы двинулись къ Лыскову: Лысковцы сдались 24-го Октября. 28-го Октября воеводы-побѣдители пришли въ Нижній и остановились здѣсь на три дня для расправы: «въ Нижегородскихъ жителяхъ была къ воровству шатость; воеводы этихъ воровъ перехватали и велѣли казнить смертію: повѣсить около города по воротамъ, инымъ отсѣчь головы, другихъ четвертовать въ городѣ».

Послѣ этихъ мѣръ Нижній стихъ; но уѣздъ его еще далеко не былъ очищенъ. 10-го Ноября Леонтьевъ поразилъ воровъ подъ селомъ Ключищами и на другой же день выступилъ снова въ походъ. За Ключищами по большой дорогѣ у воровъ сдѣлана была по обѣ стороны засѣка крѣпкая, въ длину на версту, а поперёкъ на обѣ стороны по полверстѣ. Леонтьевъ велѣлъ стрѣльцамъ приступать къ засѣкѣ, а самъ бился съ конными людьми; воры были выгнаны изъ засѣки; но у нихъ оставались еще другія крѣпости: они перекопали всю большую Курмышскую дорогу, сдѣлали большой ровъ, ко рву осыпь земляную высокую, по обѣ стороны осыпи по-

дѣлали шанцы и большіе дубовые надолбы; вытѣсненные изъ засѣки, воры въ числѣ 4500 засѣли въ этой крѣпости и учинили бой большой съ государевыми людьми; здѣсь большая часть ихъ была истреблена, остальные бросились бѣжать къ селу Маклакову и засѣли здѣсь въ дворахъ и гумнахъ: государевы люди запалили село и сожгли въ немъ воровъ.

Послѣ этихъ успѣховъ на сѣверѣ, Долгорукій нашелъ возможность двинуть часть войска и на югъ; сюда двинулся воевода Лихаревъ: когда онъ стоялъ обозомъ въ селѣ Веденяпинѣ, воры напали на него въ числѣ 5000 человѣкъ и были разбиты, потеряли 4 пушки, 16 знаменъ, 30 человѣкъ плѣнными. 19-го Ноября Лихаревъ вошелъ въ Кадомскій лѣсъ; языки сказали, что воры, числомъ 500 человѣкъ, съ атаманомъ, крестьяниномъ Сенькою Бѣлоусомъ, стоятъ близь рѣки Варнавы въ засѣкѣ, которая засѣчена въ длину на три версты, а поперекъ на версту. Лихаревъ 20 Ноября взялъ засѣку и убилъ атамана; къ ворамъ шло на помощь триста человѣкъ: и тѣхъ въ шести верстахъ отъ засѣки побили. На встрѣчу этому движенію государевыхъ людей двинулись воры изъ Саранска большими толпами къ Красной слободѣ; но теперь, вслѣдствіе успѣховъ царскихъ войскъ, страхъ передъ ворами началъ исчезать: Краснослободцы отсидѣлись; пришелъ чередъ ворамъ бѣгать изъ городовъ: какъ только Лихаревъ послалъ отрядъ къ Темникову, 30-го Ноября, воры побѣжали въ лѣсъ, а Темниковцы лучшіе люди сдались государевымъ людямъ.

Здѣсь, въ сѣверной части нынѣшней Тамбовской губерніи, уже давно съ успѣхомъ дѣйствовали другіе царскіе воеводы, двигавшіеся съ юга. Изъ Тамбова 11-го Октября выступилъ на сѣверъ воевода Яковъ Хитрово съ 2670 человѣкъ войска, оставя въ Тамбовѣ съ воеводою Пашковымъ 2118 человѣкъ; Пашкову казалось это мало; онъ сильно боялся и писалъ: «На Тамбовцевъ въ нынѣшнее смутное время надѣяться не на кого, потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина». Мы видѣли, что воровскія

толпы, возмутившія нынѣшнюю Пензенскую губернію, подъ начальствомъ Мишки Харитонова и Васьки Ѳедорова, рѣшили овладѣть Шацкомъ. Бывшіе здѣсь рейтарскіе полковники Зубовъ и Зыковъ предупредили воровъ и 14 Октября напали на часть ихъ, стоявшую въ селѣ Конобеевѣ. Воры были всѣ побиты, два атамана попались въ плѣнъ съ десятью козаками. Но этотъ успѣхъ не отвратилъ опасности отъ Шацка, и 17-го Октября полковники увидали у себя гостей: подъ городъ подступили главныя толпы: съ одной стороны Мишка Харитоновъ, съ другой Васька Ѳедоровъ. Воры были отбиты и принуждены отступить въ заповѣдный лѣсъ; рейтары преслѣдовали ихъ сюда и побили. Но кромѣ этихъ Пензенскихъ шаекъ, въ 20 верстахъ отъ Шацка, въ деревнѣ Печинищахъ, образовалось новое воровское гнѣздо особаго рода: вмѣстѣ съ забунтовавшими крестьянами стояли здѣсь Тамбовскіе козаки и солдаты разныхъ слободъ и селъ, которымъ было велѣно идти на службу въ Шацкій полкъ и къ Хитрово. Изъ Печенищъ они перебросились въ Тамбовскій уѣздъ на Рыбную пустошь, въ село Алгасово, гдѣ и стали обозомъ подъ начальствомъ Тимоѳея Мещерякова, разбойничая въ окрестностяхъ и призывая къ себѣ крестьянъ Рыбной пустоши. 22-го Октября, въ тотъ самый день, какъ Щербатовъ и Леонтьевъ бились съ ворами подъ Мурашкинымъ, Хитрово осадилъ воровской обозъ подъ Алгасовымъ, приступалъ жестокими приступами, а село велѣлъ зажечь и разорить, потому что крестьяне его сидѣли въ воровскомъ же обозѣ. На другой день, 23-го Октября, Мещеряковъ съ товарищи начали бить челомъ, и Хитрово привелъ ихъ къ присягѣ на томъ, чтобъ козаки и солдаты впередъ служили государю, и отпустилъ ихъ въ Тамбовъ. Но Мещеряковъ не пошелъ на службу, а сталъ опять наговаривать на воровство и на измѣну Тамбовскихъ служилыхъ людей; многіе послушались его и выбрали себѣ притономъ село Червленое, въ 20 верстахъ отъ Тамбова. И около Шацка не вдругъ стало тихо: разбитыя шайки Харитонова и Ѳедорова стягивались нѣсколько разъ въ

разныхъ мѣстахъ; три раза еще схватывались съ ними государевы люди и только послѣ 19 Ноября Шацкій уѣздъ успокоился.

Въ это время Долгорукій по прочищенному Лихаревымъ пути двигался къ Темникову. 4 Декабря, за двѣ версты отъ города встрѣтили его Темниковцы, духовенство и всякихъ чиновъ люди и уѣздныхъ церквей священники и крестьяне, съ образами и крестами, били челомъ и говорили съ великимъ плачемъ, что они у воровскихъ людей были по неволѣ, воры ихъ разоряли, а которые городскіе и уѣздные люди были съ ворами заодно, тѣхъ они переловятъ и приведутъ. Долгорукій велѣлъ привести всѣхъ къ присягѣ, и Темниковцы исполнили обѣщаніе, привели попа Савву и 18 человѣкъ крестьянъ, которые были вмѣстѣ съ ворами, противъ государевыхъ людей бились, бунты многіе заводили, домы грабили, женскому полу поруганіе чинили, и иныхъ запытали до смерти; на пыткѣ попъ съ товарищами признались въ своихъ преступленіяхъ. Потомъ Темниковцы привели къ Долгорукому вора особеннаго рода, *вора-еретика-старицу*: «Меня», говорила воръ-старица въ разспросѣ: «меня зовутъ Аленою, родомъ изъ выѣздной Арзамаской слободы крестьянская дочь, была замужемъ за крестьяниномъ же, а какъ мужъ мой умеръ, то я постриглась и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и людей портила; и въ нынѣшнемъ году пришла я изъ Арзамаса въ Темниковъ, собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ ними воровала, стояла въ Темниковѣ на воеводскомъ дворѣ съ атаманомъ Ѳедькою Сидоровымъ и учила его вѣдовству». Попа съ товарищами повѣсили около Темникова, а богатыря-вѣдьму XVII вѣка сожгли въ срубѣ, какъ еретицу, вмѣстѣ съ чародѣйными бумагами (заговорами) и кореньями.

7 Декабря Долгорукій выступилъ изъ Темникова въ Красную слободу (Краснослободскъ) и здѣсь имѣлъ такую же встрѣчу съ челобитьемъ: приведено было 56 человѣкъ воровъ и послѣ розыску повѣшены около города и слободъ по боль-

шимъ дорогамъ. Долгорукій такимъ образомъ вошелъ въ сѣверо-западную часть нынѣшней Пензенской губерніи, главный притонъ мятежа. Въ Москвѣ распорядились, чтобъ онъ остановился въ Красной слободѣ или въ Троицкомъ острогѣ, въ Шацкъ послалъ воеводу, ссылался съ Хитрово и Бутурлинымъ и промыслъ чинили всѣ заодно. Чтобъ сообщить еще болѣе единства воеводскимъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ, отозванъ былъ изъ Казани князь Петръ Семеновичъ Урусовъ, обвиняемый въ медленности, и главное начальство надъ всѣми дѣйствующими войсками поручено Долгорукому; онъ получилъ указъ — отправить воеводу Панина для промыслу надъ Алатыремъ и Алатырскимъ уѣздомъ и велѣть ему сходиться съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Борятинскимъ, который долженъ былъ двигаться туда же изъ Симбирска; а другому Борятинскому, князю Даниле, идти къ Долгорукому на Ядринъ и Курмышъ, очищая эти города отъ воровства. Указъ былъ въ точности исполненъ Долгорукимъ.

Мы оставили князя Юрія Борятинскаго подъ Симбирскомъ послѣ пораженія Разина. Здѣсь онъ оставался довольно долго, вѣроятно поджидая вѣстей о дальнѣйшихъ замыслахъ Стеньки. Не ранѣе конца Октября Борятинскій двинулся по Симбирской чертѣ и на рѣкѣ Урени столкнулся съ ворами, которыхъ было тысячъ восемь; они были побиты на-голову, 170 человѣкъ плѣнныхъ, 16 знаменъ и 4 пушки достались побѣдителю; побѣжденные бросились за Суру, но и тамъ преслѣдовали ихъ государевы люди, били, побрали обозы; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Борятинскій отпустилъ въ Корсунь и на Урень уговаривать тамошнихъ жителей къ повиновенію; средство удалось: многіе Уренцы въ винахъ своихъ добили челомъ. Послѣ Уренскаго бою Борятинскій отошелъ въ Тагаевъ, и тутъ 5 Ноября узналъ, что Донскіе козаки Ромашка и мурза Калка, собравши 15,000 народа, стоятъ у рѣки Барыша въ Кандаратѣ. На другой же день Борятинскій выступилъ изъ Тагаева; узнавъ, что Усть-Уренская слобода занята воровскимъ ертоуломъ, онъ приступилъ къ ней и,

выбивши воровъ, казнилъ плѣнныхъ, заводчика попа села Никитина и другихъ козаковъ. 12 Ноября князь, построивъ три моста, перебрался черезъ Барышъ и увидалъ воровъ: они стояли за рѣчкою Кандараткою подъ слободою, въ обозѣ, конные и пѣшіе, съ 12 пушками. Рѣчка мѣшала схватиться, и стояли полки съ полками съ утра до обѣда на разстояніи меньше полуверсты; Борятинскій все ждалъ, что воры переберутся за рѣчку на его сторону, но они не двигались. Князь началъ искать удобныхъ мѣстъ, нашелъ и велѣлъ пѣхотѣ съ обозомъ и пушками наступать на воровъ, а самъ съ конницею переправился черезъ рѣчку, наметавши въ нее сѣна. Пѣхота схватилась съ пѣхотой, конница съ конницей и государевы люди одолѣли, взяли 11 пушекъ, 24 знамени; воры побѣжали врознь разными дорогами, ихъ преслѣдовали; побито было воровъ такое множество, что на полѣ, въ обозѣ и на улицахъ въ слободѣ между трупами нельзя было конному проѣхать, пролилось крови столько, какъ отъ дождя большіе ручьи текутъ. Побѣдители потеряли 13 человѣкъ убитыми, раненыхъ оказалось 108. — 323 плѣнныхъ были приведены къ воеводѣ: онъ велѣлъ посѣчь заводчиковъ, остальныхъ, приведя къ присягѣ, отпустилъ и пошелъ къ рѣкѣ Сурѣ. И вотъ съ того берега начали показываться толпы, но то были не вооруженные воры, а челобитчики изъ деревень Алатырскаго и Саранскаго уѣздовъ, съ образами, *плачь неутишимая*, обѣщанія, что ни къ какимъ воровскимъ прелестямъ впередъ приставать не будутъ. 17-го Ноября выступила толпа огромная: строитель Алатырскаго монастыря, священники съ образами, посадскіе люди, стрѣльцы, пушкари, козаки — всѣ со слезами принесли свои вины, били челомъ, чтобъ князь или самъ шелъ въ Алатырь, или воеводу прислалъ. Борятинскій отпустилъ къ нимъ воеводу Шилникова съ стрѣльцами и солдатами, а самъ пошелъ по чертѣ къ Корсуню и остановился въ Мордовской деревнѣ Котяковѣ: тутъ явились челобитчики изъ Корсуня, Корсунова и Талскаго. Борятинскій удовольствовался этимъ и поспѣшилъ въ Ала-

тырь, боясь, чтобъ воры, собравшись, не заняли этого важнаго мѣста. Онъ пришелъ туда 23-го Ноября и сдѣлалъ острогъ.

Опасенія Борятинскаго не были напрасны: въ началѣ Декабря воровскіе атаманы мурза Калка, Алёшка Савельевъ, Янка Никитинскій, Ивашка Маленькій, Петрушка Леонтьевъ, собравъ послѣднія силы, двинулись къ Алатырю. Но объ этомъ движеніи провѣдалъ воевода Василій Панинъ, отправленный, какъ мы видѣли, для соединенія съ Борятинскимъ. Панинъ поспѣшилъ на перерѣзъ ворамъ, встрѣтилъ ихъ недалеко отъ Мордовской деревни Баевой, вступилъ въ бой, побилъ ихъ, взялъ десять знаменъ, пушку, много плѣнныхъ и вогналъ бѣгущихъ въ обозъ, находившійся въ селѣ Тургеневѣ, но обоза взять не могъ и ночью отступилъ съ версту, къ деревнѣ Баевой. Въ эту же самую ночь явился въ Баеву и князь Юрій Борятинскій съ конными и пѣшими людьми. На другой день, 8 Декабря, рано, оба воеводы отправились къ Тургеневу, на воровскіе обозы, взяли ихъ приступомъ и сѣкли бѣгущихъ на пятнадцати верстахъ, добыли три пушки мѣдныхъ, три бочки пороху, 8 знаменъ, возъ фитилю, тридцать семь мушкетовъ.

Думая, что опасность, грозившая Алатырю, изчезла, 11 Декабря Барятинскій и Панинъ двумя дорогами выступили подъ Саранскъ: Борятинскій шелъ прямою дорогою, Панинъ подлѣ Сурскаго лѣса. До самаго Атемара, куда воеводы пришли 16 Декабря, они не встрѣчали никакого сопротивленія, встрѣтили только Русскихъ крестьянъ, Татаръ и Мордву, бившихъ челомъ о пощадѣ; Русскіе шли къ присагѣ, Татары и Мордва давали шерть по своей вѣрѣ и указывали мѣста, гдѣ укрывались раненые, получившіе эти раны на воровскихъ бояхъ съ государевыми людьми: ихъ казнили смертію; въ Атемарѣ были повѣшены старшины и есаулы, бывшіе съ воровскими козаками. Въ то же время Долгорукій изъ Красной слободы отправилъ уже извѣстнаго намъ воеводу, князя Константина Щербатаго, для очистки Пензенскихъ мѣстъ, гдѣ

прежде всего утвердились мятежники. Щербатовъ поразилъ воровъ 12 Декабря, за восемь верстъ отъ Троицкаго острогу, и потомъ выгналъ ихъ изъ Троицкаго острога; оба Ломовы и Пенза сдались безъ сопротивленія. Съ другой стороны изъ Шацка туда же, по направленію къ юго-востоку, шелъ воевода Яковъ Хитрово, шелъ на воровскія засѣки черезъ большой лѣсъ: въ деревнѣ Ачадовѣ онъ долженъ былъ выдержать съ ворами самый упорный бой: «полковникъ Денисъ Швыйковскій съ своею Смоленскою, Бѣльскою и Рославскою шляхтою приступали къ деревнѣ жестокими приступами, не щадя головъ своихъ, пріѣзжали къ воровскому обозу, на воровскихъ людей на пику, пику сѣкли и обозъ ломали; много шляхты было переранено тяжелыми ранами, пробиты насквозь пиками и рогатинами, иные изъ пищалей и луковъ прострѣлены». Наконецъ воры увидали невозможность держаться долѣе и сдались. Хитрово распустилъ ихъ, и они, пришедши въ Керенскъ, напугали его жителей разсказами про шляхетскіе жестокіе напуски. Слѣдствіемъ было то, что Керенчане вышли на встрѣчу къ Швыйковскому и впустили его въ городъ. Хитрово, въ донесеніи государю, не можетъ нахвалиться храбростію Швыйковскаго и шляхты его полка.

Но когда вниманіе Долгорукаго было сосредоточено на военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ къ югу отъ его главной стоянки, Красной слободы, бунтъ отрыгнулъ на сѣверовостокѣ: защитникъ Симбирска, окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, пріѣхавъ изъ Симбирска въ Москву, далъ знать, что на дорогѣ между Арзамасомъ и Алатыремъ приходили на него многіе воровскіе люди съ нарядомъ. Противъ нихъ двинулся воевода Леонтьевъ, разбилъ ихъ въ Алатырскомъ уѣздѣ у села Апраксина, и, какъ обыкновенно бывало, разбитые бросились въ лѣсъ, въ свои засѣки, расположенныя подъ деревнею Селищами; здѣсь сидѣли они съ женами, дѣтьми и со всѣмъ воровскимъ обозомъ: засѣки были взяты; плѣнные разсказывали, что было ихъ въ сборѣ больше 3000, Русскихъ людей и Мордвы, сбирались идти къ Арза-

масу и къ Нижнему. Отрядъ изъ 500 воровъ стоялъ въ Мордовской деревнѣ Андреевкѣ: узнавъ о Селищевскомъ пораженіи своихъ, они добили челомъ. Бѣжавшая съ бою Мордва спряталось въ своихъ деревняхъ: Леонтьевъ велѣлъ сжечь эти деревни. Арзамаскій и Алатырскій уѣзды были успокоены.

Далѣе на востокѣ, для усмиренія Черемисы и Чувашъ, волновавшихся вмѣстѣ съ Русскими ворами по нагорному берегу Волги, для очистки Свіяжска, Цывильска, Чебоксаръ, Кузьмодемьянска и другихъ городовъ, еще съ половины Октября дѣйствовалъ князь Данила Борятинскій: впродолженіе Октября онъ разбилъ воровъ на осьми бояхъ, выручилъ Цывильскъ, Чебоксары и, приблизившись къ Кузьмодемьянску, 2 Ноября, написалъ къ его жителямъ, чтобъ добили челомъ государю. Отвѣта не было. 3-го числа воевода подошелъ еще ближе къ городу и увидалъ, что идутъ священники съ крестами, но подлѣ духовенства не было никого изъ другихъ чиновъ; священники объявили, что городскіе и уѣздные люди, выпустивъ ихъ, священниковъ, изъ города съ крестами, заперли за ними городъ съ угрозою, что порубятъ ихъ женъ и дѣтей, пушки и всякое оружіе противъ государевыхъ людей у воровъ приготовлено. Борятинскій немедленно велѣлъ солдатамъ и стрѣльцамъ идти на приступъ; приступъ удался: воры были перебиты и побраны въ плѣнъ, между прочими и воровскіе старшины — посадскій Шустъ да соборный попъ Ѳедоровъ. Василь-городъ, узнавъ о судьбѣ Кузьмодемьянска, прислалъ повинную. Въ Кузьмодемьянскѣ Борятинскій остановился для розыску: 60 человѣкъ пущихъ воровъ казнено смертію, у сотни отсѣчены руки или по пальцу у правой руки, 400 биты кнутомъ нещадно. Но строгости и увѣщанія мало помогли: Черемиса нагорной стороны Кузьмодемьянскаго уѣзда вся воровала съ воровскими козаками: дадутъ шерть и тотчасъ же опять заворуютъ, бьются съ государевыми людьми; Русскіе воры собрались въ Ядринѣ. Борятинскій послалъ уговаривать ихъ монаха Герасима и

посадскаго Тихонова: монахъ былъ сброшенъ съ башни, посадскій положенъ на огонь. Воры были такъ смѣлы, что не хотѣли ждать прихода на себя государевыхъ людей, въ половинѣ Ноября напали въ числѣ 13,000 на Кузьмодемьянскъ и зажгли слободы, но потерпѣли сильное пораженіе, потеряли двѣ пушки и семь знаменъ. Послѣ этой побѣды Борятинскій послалъ въ Василь за подводами, чтобъ везти пушки подъ Ядринъ: воры, засѣвшіе здѣсь, испугались и бѣжали, Ядринцы присягнули государю, Курмышане послѣдовали ихъ примѣру. На Ветлугѣ бунтъ не распространился: тамъ прикащики разныхъ помѣстій и вотчинъ и безъ государевыхъ воеводъ управились съ воровскою шайкою. Другая шайка перебросилась было на Унжу, но изгибла неизвѣстно какъ. Къ Генварю 1671 года восточная украйна утихла. Мятежъ вспыхивалъ и во многихъ мѣстахъ южной украйны, но не разгорался: главнаго заводчика не было.

Подъ Симбирскомъ Стенька потерялъ и силы и власть. Онъ такъ растерялся, что прибѣжавъ на Самару, сталъ разсказывать жилецкимъ людямъ, какъ пушки у него не стали стрѣлять и отъ того онъ бѣжалъ на Низъ. Самъ богатырь-чародѣй признался, что сверхъестественная сила его оставила, и Самарцы не пустили его къ себѣ въ городъ, Саратовцы сдѣлали то же самое. Пока еще Стенька былъ силенъ и держалъ Симбирскъ въ осадѣ, сторона его на Дону держала верхъ и не давала Корнилу Яковлеву съ товарищами высказаться въ пользу государства. Въ Сентябрѣ пріѣхалъ въ Черкаскъ изъ Москвы Донской козакъ Артемій Михайловъ съ товарищемъ, привезъ царскую грамоту. Собрался кругъ и когда грамоту вычли, Корнило Яковлевъ началъ говорить: «Мы отъ вѣры христіанской и отъ соборной церкви отступили: пора намъ вспокаяться, дурость отложить и великому государю служить по прежнему». Трижды со слезами повторялъ онъ эти рѣчи козакамъ въ кругу, и рѣшили не порывать сношеній съ Москвою, отпустить туда станицу; но Волжскіе козаки закричали: «Зачѣмъ посылать станицу въ

Москву, развѣ захотѣлъ въ воду, кто поѣдетъ?» Потомъ, обратясь къ пріѣхавшимъ изъ Москвы козакамъ, закричали: «А вы зачѣмъ изъ Валуекъ вожа и провожатыхъ брали? будто вы сами дороги не знаете? знатное дѣло: отпущены вожъ и провожатые для провѣдыванія вѣстей!»

Но когда пришли вѣсти, что Разинъ разбитъ государевыми людьми, когда онъ самъ явился на Дону съ подтвержденіемъ этого извѣстія, то дѣла перемѣнились: старые козаки взяли верхъ. Стенька свирѣпствовалъ, жегъ попадавшихся ему враговъ въ печи вмѣсто дровъ, но ничто не помогало, Донъ не поднимался на его защиту. Въ Февралѣ 1671 года онъ подошелъ было съ своею шайкою къ Черкаску, но его не пустили; онъ отошелъ съ угрозою, что возвратится и изведетъ всѣхъ, и засѣлъ въ Кагальницкомъ городкѣ. А между-тѣмъ Корнило Яковлевъ сносился съ Москвою, какъ бы промыслить надъ Стенькою: въ Москвѣ, въ недѣлю Православія, прокричали анаѳему Стенькѣ Разину и велѣли старому нашему знакомому стольнику Касогову, привыкшему жить между козаками, двинуться на Донъ съ тысячью человѣкъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ. Дѣло покончилось скорѣе, чѣмъ ждали: 14 Апрѣля старые козаки подступили къ Кагальницкому, сожгли городокъ, схватили Стеньку съ братомъ Фроломъ, сообщниковъ его перевѣшали. 6 Іюня Стеньку, послѣ обычнаго допроса, четвертовали въ Москвѣ.

Оставалось покончить съ Астраханью. Мы видѣли, что Разинъ, уѣзжая, оставилъ здѣсь вмѣсто себя атамана Ваську Уса и объявилъ Астраханцамъ, что они могутъ управиться сами съ остальными своими лиходѣями. Астраханцы не долго медлили; 3-го Августа бунтъ, порубили бердышами подъячихъ Якова Трофимова и Ивана Безчастнаго съ товарищами, однихъ въ сугонъ, другихъ въ домахъ, иныхъ въ тюрьмахъ; прибѣжали на митрополичій дворъ, начали искать здѣсь государева дворцоваго промышленника Ивана Турчанина, не нашли и напустились на митрополита и на его домовыхъ людей, зачѣмъ спрятали Турчанина, грозились всѣхъ побить

до смерти, ругали Іосифа скверными словами: «Ты угождаешь боярамъ», кричали они ему: «только тебѣ у насъ не уцѣлѣть!» На этотъ разъ митрополитъ спасся, что предсказано ему было и въ сонномъ видѣніи: видѣлъ онъ палату вельми чудну и украшенну, сидятъ въ ней трое убіенныхъ князей Прозоровскихъ и пьютъ питіе сладкое паче меда, надъ ними вѣнцы златы съ драгимъ и многоцѣннымъ каменіемъ; и онъ митрополитъ обрѣтеся въ той же палатѣ, токмо отъ нихъ подалѣ сидѣлъ и питья своего ему не дали пить, глаголюще: онъ къ намъ еще не поспѣлъ. Разсказывая этотъ сонъ, митрополитъ плакалъ и говорилъ: «Еще не пришелъ часъ мой смертный!»

Начали ходить слухи, что Стенькѣ плохо, разбитъ подъ Симбирскомъ и бѣжалъ; но бунтъ кипѣлъ еще на восточной украйнѣ, царскіе воеводы еще были заняты тамъ, и воровскіе козаки не отчаявались. 2 Ноября явился къ митрополиту Татаринъ и подалъ царскую грамоту, въ которой государь увѣщевалъ Астраханцевъ принести повинную. Митрополитъ велѣлъ списать нѣсколько списковъ съ грамоты и распорядился такъ: ключаря своего Негодява и Вознесенскаго игумена Сильвестра отправилъ къ есаулу Лебедеву (на котораго, какъ видно, больше надѣялся, чѣмъ на атамана Уса) убѣдить его, чтобъ уговаривалъ своихъ воровскихъ козаковъ отстать отъ воровства, а самъ хотѣлъ увѣщевать народъ въ церкви. Но Лебедевъ, выслушавъ игумена и ключаря, «учинился неистовъ, и на другой день поутру началъ являть козакамъ, что митрополитъ со властями, съ попами и дворовыми дѣтьми боярскими складываетъ у себя грамоты, хочетъ насъ всѣхъ отдать боярамъ руками». Козаки стали собираться на дворъ къ атаману своему Усу, туда же собирались и приставшіе къ нимъ Астраханцы, а между-тѣмъ гудѣлъ большой колоколъ и народъ толпился у соборной церкви. Пришелъ митрополитъ, велѣлъ ключарю облачиться и прочесть подлинную государеву грамоту вслухъ передъ всѣмъ народомъ; въ это время подошли съ атаманова двора и козаки съ окозачившимися Астра-

ханцами и также слушали грамоту. Ключарь кончилъ чтеніе и отдалъ грамоту митрополиту, но тутъ козаки бросились къ послѣднему и вырвали у него изъ рукъ грамоту. Раздраженный такимъ безчинствомъ, Іосифъ началъ бранить козаковъ, называлъ ихъ еретиками, измѣнниками; тѣ не остались безотвѣтными, начали ругать митрополита позорными словами, кричали: «Чернецъ! Зналъ бы ты свою келью! что тебѣ до насъ за дѣло? знаешь ли ты раскатъ?» — «Посадить его въ воду!» раздавалось въ одномъ мѣстѣ. — «Послать въ заточенье!» — въ другомъ. Однако ни одна изъ угрозъ не была исполнена: козаки съ государевою грамотою отошли къ своему воровскому атаману. За митрополита поплатился ключарь: на другой день козаки схватили его, связали и били палками, допрашивали: «Скажи, кто ту грамоту писалъ? вы съ митрополитомъ, попами и дѣтьми боярскими ее здѣсь сложили?» — «Государева грамота прямая», отвѣчалъ ключарь: «прислана изъ Москвы». — «А есть ли съ нея списокъ?» спрашивали воры. Ключарь, не стерпя палокъ, сказалъ, что списки есть. Явился къ митрополиту есаулъ и съ нечестью отобралъ у него списки.

Слухи все приходили хуже и хуже для козаковъ: бунтъ улегался на восточной украйнѣ, и вотъ въ Апрѣлѣ пришла страшная вѣсть — Разинъ взятъ старыми козаками въ Кагальницкомъ. Воры переполошились, но еще не потеряли всей надежды; рѣшили, чтобъ одна шайка съ атаманомъ Ѳедоромъ Шелудякомъ отправилась вверхъ по Волгѣ къ Симбирску; Васька Усъ по прежнему оставался въ Астрахани.

Здѣсь, 21 Апрѣля, въ Великую Пятницу, митрополиту дали знать, что юртовскіе Татары привезли изъ Москвы новую государеву грамоту и стоятъ за Волгою; Іосифъ тотчасъ послалъ къ новоучрежденнымъ воровскимъ Астраханскимъ старшинамъ, чтобъ пришли къ нему на совѣтъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что старшины нейдутъ, а стоятъ на базарѣ. Тогда митрополитъ пошелъ самъ на базаръ и сталъ говорить народу: «Православные христіане! вѣдомо мнѣ учи-

нилось, что есть къ вамъ великаго государя милость, призывная грамота, привезли Татары, стоятъ они за Волгою; я государевой грамоты принять не смѣю, потому что вы меня и первою грамотою поклепали, будто я ее со властями и съ попами складывалъ и писалъ дома: такъ вы теперь ступайте, возьмите грамоту сами и привезите ее ко мнѣ; а великій государь-свѣтъ милостивъ, вины вамъ отдастъ». — Митрополиту отвѣчали старшины: «Мы не смѣемъ безъ атамана Васьки Уса», и пошли къ атаману, а митрополитъ въ соборъ; тутъ подошелъ къ нему Васька Усъ съ есауломъ Топоркомъ; Топорокъ началъ бранить митрополита; тотъ разсердился и кинулся на него съ посохомъ: «Врагъ ты окаянный, еретикъ и богоотступникъ! Что вы не повинуетесь великому государю?» Пошумѣвъ у собора, козаки пошли прочь, ругаясь скверными словами.

На другой день, въ Великую Субботу, воры нѣсколько разъ присылали къ митрополиту есауловъ, чтобъ отдалъ государевы грамоты: «А если не отдашь», говорили есаулы: «всѣхъ твоихъ людей побьемъ, и самому тебѣ достанется!» — «Государевы грамоты за Волгою у Татаръ», отвѣчалъ Іосифъ: «пошлите за ними кого хотите». Наконецъ за грамотами послали: ихъ привезли прямо въ соборную церковь, гдѣ митрополитъ распечаталъ ихъ при Васькѣ Усѣ съ товарищами; но когда Іосифъ хотѣлъ ихъ читать, козаки повернулись и вышли изъ церкви въ свой кругъ; митрополитъ пошелъ за ними въ кругъ съ священниками, домовыми дѣтьми боярскими и дворовыми людьми, и велѣлъ въ кругу читать грамоты. Но когда чтеніе кончилось, козаки закричали: «Вольно писать имъ боярамъ и самимъ; еслибъ была государева грамота, то была бы за красною печатью; ее митрополитъ самъ сложилъ со властями и съ попами; тужитъ по немъ раскатъ; еще того раскату осталось; не тѣ дни теперь захватили, а то бы онъ митрополитъ узналъ у насъ, какъ атаманы-молодцы смуту чинятъ; вся смута и бѣда отъ него, митрополита: онъ переписывается съ Московскими боярами, съ Терекомъ и До-

номъ; по его письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились». Несмотря на эти крики, митрополитъ обратился къ Астраханцамъ: «Астраханскіе жители! велѣно по грамотѣ великаго государя воровъ Донскихъ всѣхъ перехватать и посадить въ тюрьму до указа, а вамъ велѣно во всемъ вины свои принести; онъ государь-свѣтъ милостивъ, вины ваши отдастъ; вы то все положите на мнѣ, что великій государь васъ окаянныхъ ничѣмъ не велитъ тронуть». — «Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму», закричали въ отвѣтъ: «мы всѣ воры; возьмите его митрополита и посадите въ тюрьму или въ каменную будку; счастье твое, что пристигла Святая Недѣля, а то мы бы тебѣ дали память!»

Великъ День помѣшалъ преступленію; но оно было неминуемо: враги стояли лицомъ къ лицу; Іосифъ высказался окончательно; на его призывъ броситься на воровъ и посажать ихъ въ тюрьмы Астраханцы не двинулись, но не нынче, завтра могли двинуться; въ городѣ была власть, начальный человѣкъ, и этотъ человѣкъ прямо, открыто дѣйствовалъ противъ воровъ, вооруженный крестомъ и грамотою великаго государя.

Только что прошла Святая Недѣля, въ Ѳомино Воскресенье козаки принялись за враговъ своихъ; опять привели въ кругъ несчастнаго ключаря и спрашивали, кто сочинялъ и писалъ грамоты? — «Вы сами знаете, что онѣ не здѣсь сочинены», отвѣчалъ ключарь: «сами вы взяли ихъ у Татаръ». Ключаря повели за городъ и срубили. Схватили митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и повели ихъ пытать; но въ кругу послышались голоса: «Что ихъ пытать, или рубить, или казнить? ихъ казнимъ, а послѣ нихъ у митрополита другіе будутъ писцы; пора намъ приниматься за самого митрополита: его убьемъ, такъ въ городѣ у насъ смуты не будетъ». Дѣтей боярскихъ сперва пасадили за крѣпкій караулъ, но потомъ выпустили. Поджигали себя, чтобъ убить митрополита, но дѣло было страшное, не рѣшались; нужна была сильная поджога, и она явилась.

Шелудякъ плылъ къ Симбирску съ тяжелою думою: это была послѣдняя попытка, и что если она не удастся? Астрахань оставалась послѣднимъ убѣжищемъ; но ее нужно было очистить отъ враговъ, а то, пожалуй, прибѣгутъ къ Астрахани, а тамъ и ворота для нихъ заперты. Шелудякъ на дорогѣ созвалъ кругъ и приговорили: убить митрополита Іосифа и воеводу князя Семена Львова; чтобъ заставить товарищей поднять руки на архіерея, послали сказать Усу, что Іосифъ и князь Семенъ ссылаются съ Донскими козаками, по ихъ письму Разинъ пойманъ и всякое зло промышляется надъ его товарищами.

11 Мая Іосифъ былъ за проскомидіею въ соборѣ, когда воры пришли звать его къ себѣ въ кругъ: «Добро», отвѣчалъ митрополитъ: «вотъ я облачусь во всю святительскую одежду», и пошелъ въ алтарь облачаться, а воры дожидались на паперти; показалось имъ долго; начали говорить: «Что это митрополитъ съ попами не заперся ли въ алтарѣ? мы пойдемъ въ кругъ и, возвратясь, и нечестью вытащимъ изъ церкви». Митрополитъ облачился и велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ, чтобъ собирались священники идти съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ. Войдя въ кругъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, Іосифъ спросилъ Уса: «Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?» Усъ обратился къ козаку, пріѣхавшему отъ Шелудяка: «Что ты сталъ, выступайся! съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска — говори теперь!» Козакъ началъ говорить митрополиту: «Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переписываешься съ Терекомъ и Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ». — «Я съ ними не переписывался», отвѣчалъ Іосифъ: «а хотя бы и переписывался, такъ вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чтобъ и вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли». Отвѣтъ сильно не понравился: «Что онъ таитъ свое воровство, что не переписывался будто?» закричали въ кругу: «какой онъ правый человѣкъ! что онъ пришелъ въ

кругъ съ крестомъ? мы вѣдь и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ». Крикуны начали уже выходить изъ круга, чтобъ снять съ митрополита облаченіе; но тутъ изъ толпы рванулся Донской козакъ Миронъ: «Что вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя». Въ отвѣтъ козакъ Алёшка Грузинкинъ кинулся на Мирона, схватилъ его за волосы, другіе воры пристали къ Грузинкину, начали Мирона колоть, рубить, вытащили за кругъ и убили. Мирона убили, но слова его произвели впечатлѣніе: точно показалось страшно дотронуться до архіерейскаго облаченія, и козаки начали приступать къ священникамъ, толкать и бранить ихъ скаредною бранью: «Снимайте съ митрополита санъ! онъ снималъ же и съ Никона патріарха санъ». Іосифъ самъ снялъ съ себя митру, панагію и, обратившись къ протодіакону, сказалъ: «Что же ты сталъ, не разоблачаешь? уже пришелъ часъ мой!» Протодіаконъ, въ ужасѣ, снялъ омофоръ, снялъ саккосъ. Тутъ козаки выбили все духовенство изъ круга, крича: «до васъ дѣла нѣтъ!» и повели Іосифа пытать на пороховой дворъ. Митрополита положили на огонь и спрашивали: «Скажи свое воровство, какъ ты переписывался?» Іосифъ не отвѣчалъ ни слова, только творилъ молитву и проклиналъ палача. Спросили о казнѣ: Іосифъ объявилъ, что у него только 150 рублей, а поклажи ничьей нѣтъ. Послѣ пытки митрополита повели на казнь, на раскатъ; проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ еще трупъ убитаго за него Мирона, Іосифъ осѣнилъ его и поклонился. Взвели на раскатъ, посадили на край и хотѣли сринуть; Іосифъ испугался послѣдней минуты, ухватился за козака и поволокъ было его съ собою; тогда воры положили его на бокъ на краю раската и столкнули. Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскатѣ, Алёшка Грузинкинъ съ немногими товарищами. Самая дѣятельность поддерживала ихъ ожесточеніе, ихъ опьяненіе. Но съ другимъ чувствомъ стояло большинство воровъ внизу подлѣ раската; ихъ страхъ

увеличивался все болѣе и болѣе съ приближеніемъ дѣла къ развязкѣ, и когда наконецъ тѣло Іосифа ударило объ землю, козакамъ послышался страшный стукъ: они обомлѣли и минутъ съ двадцать стояли въ глубокомъ молчаніи, повѣся головы. Потомъ опохмѣлились пыткою и казнію воеводы, князя Семена Львова.

Наказъ Шелудяка былъ исполненъ: Астрахань очищена отъ опасныхъ людей. На другой день послѣ убійства Іосифа и князя Львова воры написали запись и силою заставили духовенство приложить къ ней руки за себя и за дѣтей духовныхъ: обязывались стоять противъ бояръ и измѣнниковъ и умирать другъ за друга. Но запись не помогла.

Ѳедька Шелудякъ въ Іюнѣ доплылъ до Симбирска, но это важное мѣсто успѣли уже защитить: здѣсь сидѣлъ старый нашъ знакомый, перебравшійся, подобно другимъ воеводамъ, съ запада на востокъ, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Воры были отбиты и завели переписку съ Шереметевымъ, обѣщаясь принести повинную; Шереметевъ отвѣчалъ имъ, что пошлетъ къ великому государю за указомъ, и воры отступили въ Самару дожидаться этого указа. Этотъ поступокъ Шереметева съ шайкою воровъ, болѣе не опасною, не понравился въ Москвѣ, особенно когда тамъ прочли подлинныя воровскія грамоты къ воеводѣ. Въ Симбирскъ явился стольникъ князь Волконскій съ похвалою Шереметеву за его подвиги противъ воровъ и вмѣстѣ съ выговоромъ: «Ты присылалъ къ великому государю воровскія письма, но писаны они не такъ, какъ виновные добиваютъ челомъ и милости просятъ; да они же воры написали, будто у великаго государя есть бояре измѣнники, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; написали и другія многія затѣйныя дѣла. Ты на ихъ воровскія письма писалъ къ нимъ памяти, гдѣ въ началѣ писано: по указу великаго государя, и иное многое писано въ тѣхъ памятахъ, чего къ нимъ ворамъ писать не довелось, и печатаны памяти печатью Симбирскаго города. Тебѣ боярину съ такими ворами переписы-

ваться не довелось; а у великаго государя бояръ измѣнниковъ никого нѣтъ, служатъ великому государю вѣрно. Ты пишешь, что воры пошли на Самару и ждутъ тамъ государева указа: и то знатно, что вы своими письмами воровъ остановили, и учинили это не гораздо».

Воры, видя, что милостивой царской грамоты къ нимъ не приходитъ, разбѣжались съ Самары — каждый въ свой городъ, а Ѳедька Шелудякъ съ Астраханцами поплылъ въ Астрахань, гдѣ принялъ главное начальство послѣ Уса, умершаго червивою болѣзнію. Но слѣдомъ плыли къ Астрахани государевы люди съ воеводою бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ. Въ концѣ Августа суда Милославскаго показались въ виду Астрахани; воры отправились было противъ него на стругахъ, чтобъ не пропустить къ городу; но бояринъ отбилъ ихъ, присталъ къ берегу и построилъ себѣ земляной городъ на устьѣ рѣки Болды. Отсюда нѣсколько разъ посылалъ онъ уговаривать Астраханцевъ и Донскихъ козаковъ къ сдачѣ, обѣщая государеву милость: «они же яко дикіе звѣріе ни мало внимаху». Козаки не ограничились только обороною: атаманъ Алёшка Каторжный сталъ со своимъ отрядомъ на нагорной сторонѣ, чтобъ мѣшать сообщенію Милославскаго съ Верхомъ, козаки рѣшились напасть даже на самый станъ Милославскаго, но были отбиты. 12 Сентября бояринъ велѣлъ сдѣлать земляной городокъ и на нагорной сторонѣ, на рѣчкѣ Соленой, противъ своего стана. Шелудякъ и Каторжный немедленно напали на новый городокъ, но были поражены на-голову.

Три мѣсяца послѣ того стоялъ Милославскій подъ Астраханью; воры не предпринимали болѣе наступательныхъ движеній, но и не сдавались. На помощь къ Милославскому явился Черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичь, и осадилъ Астрахань съ другой стороны. Милославскій, чтобъ имѣть болѣе возможности къ увѣщаніямъ, позволилъ Астраханцамъ свободный входъ въ свой станъ для переговоровъ: каждый день являлись они къ нему пьяные и говорили всякія рѣчи;

бояринъ отвѣчалъ всегда мягко, уговаривая взыскать милость великаго государя. Наконецъ въ Астрахани обнаружилось раздѣленіе между закоренѣлыми ворами, которые не хотѣли сдаваться и между умѣренными желавшими принести вины свои. Послѣдніе, убѣгая насилій отъ противной стороны, начали перебѣгать въ полки государевы: бояринъ принималъ ихъ ласково, приказывалъ кормить и поить. Воры, въ злобѣ на этихъ перебѣжчиковъ, кричали, что побьютъ вдовъ, оставшихся отъ прежде побитыхъ ими, побьютъ остальныхъ дѣтей боярскихъ, подъячихъ и митрополичьихъ людей; но время ихъ явно проходило, у нихъ уже недоставало ни силы, ни смѣлости для новыхъ преступленій. Самъ Ѳедька Шелудякъ истребилъ *единачную* запись, составленную на другой день по смерти митрополита Іосифа. Князю Каспулату Муцаловичу удалось какъ-то выманить къ себѣ Шелудяка и задержать. Сильное волненіе началось въ Астрахани, когда узнали, что Шелудякъ въ рукахъ у государевыхъ людей. Кончилось тѣмъ, что 26 Ноября Астраханцы дали знать Милославскому о своей покорности.

27-го Ноября по вновь наведенному мосту на рѣкѣ Кутумѣ двинулись государевы полки въ покорившійся городъ: впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ, несли икону Богородицы «Живоносный Источникъ въ чудесѣхъ», данную Милославскому при отпускѣ государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли на встрѣчу и, увидавъ икону, пали на землю и завопили, чтобъ государь отдалъ имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. «Вины всѣмъ отданы», отвѣчалъ Милославскій: «и вы государскою милостію уволены». Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы Живоноснаго Источника велѣлъ списать новую и оставить въ соборѣ на память будущимъ родамъ. По стѣнамъ и воротамъ стали сотники и стрѣльцы Московскіе.

Какъ нѣкогда во Псковѣ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, такъ теперь и въ Астрахани никого не тронули. Самъ Ѳедька Шелудякъ жилъ на свободѣ на воеводскомъ дворѣ;

другіе заводчики бунта также оставались безъ наказанія, поплатившись только награбленнымъ добромъ въ пользу воеводы и приказныхъ людей; даже Алёшка Грузинкинъ, задаривъ послѣднихъ, получилъ отпускъ изъ Астрахани; другіе воры закабалились въ холопи воеводѣ и приказнымъ людямъ. Но когда все совершенно успокоилось, лѣтомъ 1672 года явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы: главные заводчики — Ѳедька Шелудякъ, Алёшка Грузинкинъ, Ѳеофилка Колокольниковъ, Красулинъ были повѣшены; Корнилко Семеновъ, у котораго нашли заговоры, сожженъ какъ еретикъ; другіе отправлены на службу въ верховые города.

Государство, сосредоточивъ свои силы на восточной украйнѣ, отправивъ туда лучшихъ воеводъ, задавило бунтъ впродолженіе 1670 и 1671 года. Соловецкое возмущеніе не казалось опаснымъ, силы, туда отправляемыя, были ничтожны, воеводы плохи, и потому Соловецкій монастырь держался противъ царскаго войска семь лѣтъ слишкомъ. Мы видѣли, что въ 1668 году отправленъ былъ туда стряпчій Игнатій Волоховъ съ отрядомъ стрѣльцовъ; архимандритъ Іосифъ, не принятый въ монастырѣ, жилъ въ Сумскомъ острогѣ и завѣдывалъ всѣми соловецкими вотчинами — Сумскимъ острогомъ, Кемскимъ городкомъ и 22-мя усольями. Въ Генварѣ 1669 года Волоховъ, по государеву указу, отправилъ въ монастырь стрѣльца съ увѣщаніемъ обратиться; стрѣлецъ принесъ отвѣтъ: «У насъ одно положено, что по новымъ книгамъ пѣть и служить отнюдь не хотимъ; на томъ мы въ монастырѣ и сѣли, что помереть, и если Волоховъ впередъ къ намъ пришлетъ, то мы его посланца въ тюрьму засадимъ». Волоховъ не предпринималъ ничего противъ монастыря, а завелъ ссору съ архимандритомъ Іосифомъ, доносилъ на него въ Москву, что онъ, вмѣстѣ съ монахомъ Кирилломъ, только и любятъ тѣхъ, у которыхъ въ монастырѣ братья и племянники воруютъ, что братъ бунтовщика попа Матюшки, дьячекъ Ивашка Евстратьевъ, живетъ у архиман-

дрита въ кельѣ и съ монахомъ Кирилломъ всякія письма тайно пишутъ и посылаютъ. «Надобно думать» писалъ Волоховъ: «что въ архимандритѣ къ тебѣ, государю, мало правды: за ваше здоровье въ навечеріи Рождества Христова Бога не молилъ и дьякона возглашать не заставлялъ и говоркомъ псаломщикъ не говорилъ; за это я на архимандрита шумѣлъ; на 12-е число Февраля, на Алексѣя Митрополита и на ангелъ царевича Алексѣя Алексѣевича свадьбы вѣнчали. Сказывалъ мнѣ поповскій староста, Унежемскаго усолья попъ Василій, какъ ѣздилъ онъ по Соловецкимъ вотчинамъ, то замѣтилъ, что за ваше здоровье на великомъ выходѣ Бога не молятъ, въ церквахъ говорятъ не единогласно и пѣніе поютъ не *нарѣчное*. Хотѣлъ я ѣхать въ Кемскій городокъ, потому что Кемскіе люди Соловецкимъ ворамъ радѣютъ: и архимандритъ мнѣ подводъ не далъ... Архимандритъ Іосифъ и по усольямъ старцы всѣ бражники; чернецы и служки ходятъ на волость пьяные и государевы запасы на воровство приносятъ бабамъ». Архимандритъ Іосифъ, съ своей стороны, писалъ, что Волоховъ надъ Соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинитъ, самъ на море не ѣздитъ и стрѣльцовъ не посылаетъ, живетъ въ Сумскомъ острогѣ и, примѣтываясь къ монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ, чинитъ налоги для своей корысти, бьетъ батогами безвинно, въ цѣпяхъ и желѣзахъ держитъ многіе дни, хвалится архимандрита великому государю огласить напрасно; монастырскихъ крестьянъ, ѣздящихъ къ Архангельску, велитъ задерживать и беретъ съ нихъ деньги за пропускъ. На Волохова же писали сотники Московскихъ стрѣльцовъ, Чадуевъ и Молчановъ, обвиняя его въ нерадѣніи и трусости.

Наконецъ вражда между Волоховымъ и архимандритомъ дошла до того, что 16 Марта 1672 года Волоховъ пришелъ въ церковь и во время херувимской, передъ самымъ выходомъ, схватилъ архимандрита, билъ по щекамъ, дралъ за бороду и началъ толкать въ шею; стрѣльцы подхватили Іосифа, выволокли изъ церкви съ ругательствами и посадили въ

тюрьму, гдѣ онъ сидѣлъ на большой цѣпи со стуломъ. Давая знать въ Москву о посаженіи Іосифа на съѣзжій дворъ *за карауломъ*, Волоховъ объяснялъ дѣло такимъ образомъ, что 15 Марта явились къ нему всѣ монахи кромѣ троихъ, живущихъ въ кельѣ у архимандрита, и объявили, что Іосифъ въ Сумскомъ заводитъ бунтъ и воровство такое же, что̀ въ Соловецкомъ, хочетъ его, Волохова, сотниковъ и стрѣльцовъ бить.

Разумѣется, немедленно была отправлена грамота въ Сумской — освободить архимандрита; Волохову очень это не понравилось, онъ началъ было говорить, что грамота прислана воровски, однако, дѣлать нечего, 2 Мая выпустилъ Іосифа изъ тюрьмы. Оба, и Волоховъ и архимандритъ, были вызваны въ Москву для суда, вызваны были и старцы, донесшіе на архимандрита. Противъ обвиненій въ нерадѣніи Волоховъ оправдывался, что онъ къ монастырю на море не ходилъ и стрѣльцовъ не посылалъ за малолюдствомъ, а въ Кемскомъ городкѣ заставу постановилъ, чтобъ монастырскіе крестьяне въ монастырь запасовъ не провозили. Но къ чему служила эта застава, когда выходцы сказывали, что въ монастырѣ хлѣбныхъ запасовъ и соли будетъ на 15 лѣтъ? къ чему служила Кемская застава, когда во все лѣто 1671 года Анзерской пустыни чернецъ Варѳоломей и Двинскаго уѣзда старецъ Никандръ и съ береговъ всякіе люди провозили въ монастырь рыбу, масло, всякіе товары и, между прочимъ, 15 бочекъ краснаго вина? Архимандритъ Іосифъ показалъ, что Волоховъ принялъ въ Сумской острогъ бѣгуна чернеца Германа и, воспринявъ на себя архіерейскую честь, память ему далъ, велѣлъ ему обѣдню служить и духовнымъ отцомъ себѣ сдѣлалъ, приказалъ вѣдать прочихъ священниковъ во всемъ, а Германъ пьянскимъ обычаемъ благословлялъ народъ обѣими руками какъ митрополитъ. — Волоховъ не запирался, что далъ память по Германову челобитью и по свидѣтельству Соловецкихъ монаховъ, знавшихъ этого монаха. Но самъ Германъ показалъ, что Волоховъ велѣлъ ему служить насильно

и сажалъ его въ цѣпь, принуждая взять память. Германъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и на Іосифа, что къ нему присылаютъ изъ Соловецкаго монастыря деньги, а онъ посылаетъ въ монастырь запасы и говорилъ ему, Герману: «По новоисправленнымъ служебникамъ я не служилъ и впередъ служить не хочу, по этимъ книгамъ не устоитъ, будетъ все по прежнему». Іосифъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ Герману. Что же касается до показанія монаховъ о бунтѣ Іосифа, то монахи эти объявили въ Москвѣ: «когда у архимандрита съ Волоховымъ учинилась вражда, то архимандритъ посылалъ насъ къ Волохову говорить, чтобъ онъ пожилъ смиреньемъ; но Волоховъ взялъ насъ съ собою въ съѣзжую избу, велѣлъ подъячему написать сказки на архимандрита въ бунтѣ, какъ ему годно, и по неволѣ велѣлъ намъ приложить руки».

Іосифъ былъ переведенъ въ Казанскій Спасскій монастырь; не знаемъ, что сдѣлали съ Волоховымъ, только на его мѣсто въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1672 года отправленъ былъ стрѣлецкій голова Клементій Іевлевъ. 2-го Августа Іевлевъ съ 725 стрѣльцами отправился на Соловецкіе острова и, пришедъ въ Глубокую губу, послалъ къ мятежникамъ письмо, чтобъ добили челомъ и впустили его въ монастырь; но мятежники отказали ему съ великимъ невѣжествомъ. Получивъ такой отказъ, Іевлевъ отправился подъ монастырь, пожегъ около него хоромное строенье, амбары, лодки, карбасы, сѣно и дрова, разорилъ рыбныя и звѣриныя ловли, побилъ лошадей, и ушелъ въ Сумской острогъ, хвалясь тѣмъ, что государевыхъ ратныхъ людей отвелъ въ цѣлости, только было ранено два человѣка; предпринять противъ монастыря что-нибудь важное Іевлевъ не могъ, потому что у служилыхъ людей пороху и свинцу не стало, не было этихъ запасовъ и въ Сумскомъ. Іевлевъ былъ также отозванъ въ Москву въ 1673 году, и осада поручена была воеводѣ Ивану Мещеринову. У него было 700 стрѣльцовъ и, что всего важнѣе, стѣнобитныя орудія. Мещериновъ началъ было дѣйствовать рѣшительно въ

1674 году, окопалъ свое войско шанцами, устроилъ городки и открылъ съ нихъ пальбу противъ монастыря; но когда въ Октябрѣ начались холода, онъ снялъ осаду, разорилъ всѣ свои укрѣпленія и, по примѣру предшественниковъ, ушелъ зимовать въ Сумской. Въ монастырѣ при оборонѣ сильнѣе всѣхъ дѣйствовали старый заводчикъ, архимадритъ Никаноръ, служка Бородинъ, келарь Наѳанаилъ Тучинъ, городничій старецъ Протасій, изъ мірянъ сотники: Исачко Воронинъ да Кемлянинъ Самко. Никаноръ ходилъ безпрестанно по башнямъ, кадилъ пушки, кропилъ ихъ водою и приговаривалъ: «Матушки мои галаночки! надежда у насъ на васъ, вы насъ обороните!» — «Стрѣляйте, стрѣляйте!» кричалъ безпрестанно Никаноръ: «смотрите хорошенько въ трубки, гдѣ воевода; въ него и стрѣляйте: какъ поразимъ пастыря, ратные люди разойдутся аки овцы». Но между осажденными была постоянно рознь. Мы видѣли, что монахи, стоя горячо за преданія Чудотворцевъ, какъ они выражались, не хотѣли однако порвать съ правительствомъ и на вопросъ архимандрита Іосифа: царь православенъ ли? отвѣчали утвердительно; даже главный ораторъ старообрядства Геронтій не одобрялъ стрѣльбы въ государевыхъ людей. Такимъ образомъ двое главныхъ заводчиковъ возстанія разошлись. Но на сторонѣ Никанора были начальники ратныхъ людей, сотники Воронинъ и Самко; эти не только считали позволительнымъ стрѣлять въ государевыхъ людей, но требовали отъ священниковъ, чтобъ перестали молиться за государя: «Молитесь за преосвященныхъ митрополитовъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ!» говорили они священникамъ, а про государя говорили такія слова, что «не только написать, но и помыслить страшно». Видя, что по ихъ не дѣлается, воры схватили четырехъ монаховъ, главныхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Геронтія, 16 Сентября созвали соборъ и объявили келарю, что служить больше не будутъ и ружье на стѣну положили, потому что священники ихъ не слушаются, молятся за государя, а они этихъ молитвъ слышать не

хотятъ. Келарь сталъ имъ бить челомъ, и они умилостивились, взяли снова оружіе, но объявили священниковъ еретиками, перестали ходить въ церковь, исповѣдовались другъ у друга, а не у отцовъ духовныхъ, завели содомію, начали расхищать монастырскую казну. Геронтій съ товарищами были выпущены изъ тюрьмы, но принуждены были оставить монастырь и явились къ Мещеринову. Геронтій остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и объявилъ въ допросѣ: «Передъ великимъ государемъ я во всемъ виноватъ; я за него всегда Бога молилъ, теперь молю и впередъ молить долженъ; апостольскому и св. Отецъ преданію послѣдую; а новоисправленныхъ печатныхъ книгъ, безъ свидѣтельства съ древними харатейными, слушать и тремя перстами крестъ на себѣ воображать сумнительно мнѣ, боюсь страшнаго суда Божія!»

Большая часть священниковъ оставила монастырь; тогда воры приговорили между собою крестъ цѣловать, что имъ стоять и биться противъ государевыхъ людей за сотниковъ и помереть всѣмъ заодно; но когда начали цѣловать крестъ, то оказалось много нежелающихъ, а двое оставшихся священниковъ прямо отказали въ церковной службѣ. Но Никаноръ не унывалъ: «Мы», кричалъ онъ: «и безъ священниковъ проживемъ, въ церкви часы станемъ говорить, а священники намъ не нужны!»

Въ концѣ Мая 1675 года Мещериновъ опять явился подъ монастыремъ со 185 стрѣльцами. Въ Августѣ пришло къ нему еще около 800 стрѣльцовъ Двинскихъ и Холмогорскихъ. На этотъ разъ воевода не пошелъ, по обычаю, зимовать въ Сумской, но остался подъ монастыремъ. Попытка взять его приступомъ 23 Декабря не удалась; но перебѣжчикъ монахъ Ѳеоктистъ указалъ Мещеринову отверстіе въ стѣнѣ, легко закладенное камнями. Ночью на 22-е Генваря, въ сильную мятель и бурю, Ѳеоктистъ повелъ стрѣльцовъ къ отверстію; камни были выломаны, и передъ разсвѣтомъ стрѣльцы были уже въ монастырѣ; осажденные, ничего не подозрѣвая, разошлись уже спать, часовые стояли по башнямъ, и стрѣльцы

могли на свободѣ сбить замки и отворить ворота, въ которыя и вошелъ Мещериновъ съ остальными стрѣльцами. Защитники монастыря проснулись уже слишкомъ поздно: нѣкоторые изъ нихъ бросились было на стрѣльцовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но згибли въ неравномъ боѣ; заводчики — Никаноръ, Самко были схвачены и казнены, другіе разосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги; тѣ же, которые объявили, что повинутся государю и церкви, прощены и остались жить въ монастырѣ [76].

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Москов. глав. архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Малороссійскія 1657 года.

2) Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. приказа, № 6001.

3) Синбирскій Сборникъ, Кикинскія бумаги.

4) Арх. мин. ин. д., Крымскія дѣла 1655, 1656 и 1657 годовъ, дѣла Турецкія и Донскія 1657 и 1658 годовъ.

5) Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. приказа № 5852.

6) Тамъ же, № 5836, 5852, 5841, 6040; Синб. Сборникъ, Кикинскія бумаги, стр. 14; Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Малороссійскія и Польскія 1658 года; Лѣтопись Величка подъ тѣмъ же годомъ.

7) Theiner — Monuments historique de Russie, p. 35.

8) Импер. публ. библ., рукоп. на разныхъ языкахъ in 4, отд. IV, № 62.

9) Арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Польскія 1657 и 1658 годовъ.

10) Тамъ же, дѣла Шведскія 1658 года; Węslawski — Victor et victus V. C. Gosiewski, p. 38.

11) Допол. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 184.

12) Столбцы приказа тайн. дѣлъ въ Государств. архивѣ.

13) Акты истор. IV, № 118.

14) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1659 года.

15) Величка; то же находимъ у Венславскаго, стр. 90.

16) Архивъ мин. ин. д., дѣла Крымскія 1659 года.

17) Дополн. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 194; Węslawski, p. 93.

18) Архивъ мин. ин. д., дѣла Крымскія 1659 года.

19) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1659 г. № 2.

20) Тамъ же, дѣла Крымскія и Донскія 1659 года.

21) Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1659 года; Архивъ министерства юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5843, 5845. — По Московскимъ извѣстіямъ, Данило Выговскій умеръ на дорогѣ; но изъ нижеприведеннаго (стр. 113) письма Бѣнѣвскаго къ Юрію Хмельницкому видно, что Данила былъ жестоко пытанъ, что больше чѣмъ вѣроятно. Въ Малороссіи не знали о смерти Выговскаго: въ Декабрѣ 1659 года Хмельницкій присылалъ просить объ его освобожденіи.

22) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Шведскія 1657—1661 года; столвцы Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. архивѣ. — Во время переговоровъ съ Швеціею встрѣчаемъ упоминовеніе о знаменитомъ Катошихинѣ: «Отъ царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея В. и М. и Б. Россіи самодержца нашимъ великимъ и полноночнымъ посламъ дум. двор. и намѣстнику Шацкому Афонасью Лавр. Ордину-Нащокину съ товарищи. Апрѣля въ 19 писали есте къ намъ Свѣйскихъ пословъ съ вами о съѣздахъ и съ листа Свѣйскихъ же пословъ прислали переводъ. А въ отпискѣ вашей въ первомъ столбцѣ прописано гдѣ было надобно написать насъ великаго государя, и написано великаго, а государя не написано. И то вы учинили неостерегательно. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ впредь въ отпискахъ своихъ и во всякихъ нашихъ дѣлехъ которые будутъ на писмѣ наше великаго государя именованье и честь писали съ великимъ остерегательствомъ, а вы діаки вычитали всякія писма сами не по единожды и высматривали гораздо чтобъ впредь въ вашихъ писмахъ такихъ неосторожностей не было, а подъячему Гришке Катошихину который тоѣ отписку писалъ велѣлибъ есте за то учинить наказанье бить батоги. Писанъ на Москвѣ лѣта 7168 Мая въ 4. — Послѣ, 9 Октября, Нащокинъ посылалъ Катошихина въ Ревель провѣдывать о Шведскихъ послахъ.

23) Дополненіе къ III ч. Дворц. разрядовъ, стр. 207.

24) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1659 и 1660 г.

25) Węsławski, p. 119.

26) Памятники, изд. Кіевск. коммисс., т. IV, отд. 3, № 1.

27) Архивъ мин. ин. д., дѣла Польскія 1660 года.

28) Suis cladibus orbi notus, говоритъ Майербергъ о Хованскомъ

29) Акты арх. эксп. IV, № 119, 127; Дополненія къ III ч. Дворцовыхъ разряд. стр. 244; Памятн. изд. Кіев. коммис. IV, 61.

30) Relatio historica belli Szeremetici; Journal de ce qui s'est passé entre l'armée des polonais et celle des Moscovites; Theiner—Monuments historiques de Russie, p. 40.

31) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія, Польскія и Крымскія 1660 года. Относительно числа войска, бывшаго у Шереметева, мы не имѣемъ другихъ показаній, кромѣ приведеннаго выше (стр. 108) извѣстія козацкихъ посланцевъ, что у него было 60,000.

32) Столбцы Прик. тайн. дѣлъ, № 85.

33) Архивъ мин. юстиц., столбцы Малоросс. приказа, № 5871.

34) Węslawski, p. 146.

35) Архивъ мин. ин. д., дѣла Донскія 1660 года; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5871.

36) Памятн. изд. Кіевск. коммис. т. IV; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 6043.

37) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1660 и 1661 годовъ; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 154.

38) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1661 года; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик., № 5871.

39) Дополн. къ III т. Дворцов. разр., стр. 263, 306; Архивъ мин. юст., столбцы Малор. прик., № 5888.

40) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1662 года; Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. прик. № 5859.

41) Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 189, 209, 212, 216, 226, 250, 255, 287.

42) Тамъ же, столбцовъ № 5861.

43) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малорос. 1662 и 1663 годовъ; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик. № 5865; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 256.

44) Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Малорос. 1663 года; столбцы Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. архивѣ, № 75.

45) Theiner, p. 49; Węslawski, p. 227.

46) Архивъ мин. ин. д., дѣла Польскія 1661—1663 годовъ; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 194.

47) Книги разрядныя, т. II, годъ 1663.

48) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малорос. и Польскія 1663 года.

*

49) Тамъ же, дѣла Польскія 1662 года, № 116; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, стр. 395 и слѣд.

50) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1664 года; Государств. архивъ, столбцы Приказа тайн. дѣлъ, № 75.

51) Архивъ мин. ин. д., дѣла Малорос. 1664 и 1665 годовъ.

52) Тамъ же; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа № 5872, 5870.

5) Тамъ же, № 5872.

54) Тамъ же.

55) Тамъ же.

56) Тамъ же.

57) Архивъ мин. ин. д., дѣла Крымскія 1666 и 1667 годовъ.

58) Тамъ же, дѣла Польскія тѣхъ же годовъ.

59) Mayerberg, Iter. p. 179; Акты арх. эксп. IV, 193; Катошихинъ, стр. 79 и слѣд.

60) Архивъ мин. юстиц. — столбцы Приказнаго стола, № 1477; Катошихинъ.

61) Архивъ мин. ин. д., приказныя дѣла 1663 года, № 7, 122, 123, 238; 1664 года, № 15; Катошихинъ.

62) Акты арх. эксп. IV, № 71.

63) Правосл. Собесѣдникъ 1859 года, статья *Діаконъ Өеодоръ*.

64) Столбцы Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. архивѣ, № 49.

65) Москов. арх. мин. ин. д.; статейные списки Суханова въ Греческихъ дѣлахъ.

66) Правосл. Собесѣдникъ 1858 года. Матеріалы для Истор. Рус. раскола.

67) Слѣдующее изложеніе Никонова дѣла составлено по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ Государственномъ архивѣ между столбцами Приказа тайныхъ дѣлъ; часть актовъ хранится въ Синодальной библіотекѣ; нѣкоторые акты напечатаны въ Собраніи государ. грамотъ и договоровъ. Въ Синодальной же библіотекѣ находится изложеніе Никонова дѣла, составленное Паисіемъ Лигаридомъ, любопытное по нѣкоторымъ живымъ подробностямъ. Что же касается до житія Никонова, написаннаго Иваномъ Шушерою, то опытъ научилъ насъ пользоваться имъ съ большою осторожностію: при изложеніи дѣятельности Никона во время Новгородскаго мятежа (Исторія Россіи, т. X, стр. 173 и слѣд.) мы увидѣли, какъ разукрашенное въ пользу Никона повѣствованіе Шу-

шеры разнится отъ свидѣтельства подлинныхъ актовъ, какія заключаетъ въ себѣ неправильности относительно порядка событій. Само собою разумѣется, съ какою подозрительностію мы должны были смотрѣть на извѣстія раскольниковъ о Никонѣ, которому, какъ врагу Божію, они старались приписать всевозможныя преступленія и неправды.

68) Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несходными свидѣтельствами: съ письмомъ Никона къ патріархамъ, гдѣ онъ описываетъ свой уходъ, и съ показаніями лицъ, находившихся въ соборѣ 10 Іюля; но такъ какъ Шушера, пристрастный къ Никону, гораздо болѣе сходится съ послѣдними, чѣмъ съ Никономъ, то мы и слѣдуемъ показаніямъ.

69) Węslawski, p. 105.

70) Въ 1664 году дѣйствительно видима была комета, о которой упоминаетъ Гевелій (Hevelius) въ своемъ *Prodromus cometicus*; также Mantissa — Prodromi cometici и Machina coelestis; Pingré въ Cometographie. Сообщено проф. Савичемъ.

71) Приведемъ еще нѣкоторые, не лишенные интереса акты о Никоновомъ дѣлѣ изъ бумагъ Приказа тайныхъ дѣлъ. 1. Грамота патріарха Діонисія Цареградскаго къ царю 174 года, Ноября 12-го: «О Никоновомъ дѣлѣ преже сего трудихомся вонюзѣ съ великимъ прилежаніемъ и сложихомъ главы въ двухъ свиткахъ, ни о чемъ же въ себѣ разнствующія; таже извѣствую главы реченныя въ тѣхъ свиткахъ въ сей силѣ состаятися на твоей пресвѣтлости и по твоему изволенію и повелѣнію обладати патріархомъ тамо поставленнымъ якоже и прочими сигклитиками, не бо суть благая два начала въ единомъ самодержствѣ, но единъ буди старѣйшина. Проклятый той Аѳанасій движимый отцомъ лжи дьяволомъ яко орудіе его безъ всякія нужды пришелъ туды, лжесвидѣтельствуя на свитки и правильныя главы; лживо бо глаголалъ есть, яко посланъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ; вѣждь, яко есть сосудъ злосмрадный и злаго изволенія, и отъ церкви изверженъ много уже лѣтъ, сего ради да посланъ будетъ на нѣкое мѣсто да плачется за душу свою, и да не возвратится въ наши страны до скончанія живота своего. И тотъ нашъ извѣтъ буди таиннѣйшій, паче же въ малѣйшія части да издеретъ пресвѣтлость твоя, чтобъ невидимо было многихъ ради винъ, чтобъ инымъ не слышно было. Постановили есмы Киръ Паисія святаго и благо-

разумнаго митрополита Газскаго, послахомъ ему вольность, яко разсудному и свѣдущему о сицевыхъ церковныхъ дѣлахъ, поставляющи его намѣстника во обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшити всякое неудобство и сомнѣніе предлагаемое отъ сопротивныя страны и правити судъ купно со освященнымъ соборомъ помѣснымъ архіерейскимъ предсѣдящему на немъ яко образотворящему нашу порсуну въ томъ единомъ дѣлѣ даже до совершенія его.

2. Никонъ доносилъ въ 180 году, что Кирилловскія власти называютъ государя разорителемъ и грабителемъ за взятіе лишняго хлѣба изъ монастыря; да у нихъ же въ монастырѣ вкладчикъ Александръ Борковъ держитъ Капитонскія ереси, про государя говоритъ слова непрестойныя, Никона называетъ антихристомъ и вездѣ свою ересь прославляетъ, къ архимариту ко кресту для сложенія перстовъ и въ церковь для новоисправленныхъ книгъ не приходитъ. — Посланный царскій Лопухинъ взялъ Боркова въ Москву. — Кирилловскіе монахи жаловались, что Никонъ запасовъ хорошихъ не принимаетъ, хулитъ, вмѣсто запасовъ беретъ деньги, беретъ лишнее. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: буде онъ Никонъ такъ чинилъ, и ему отъ переговоровъ и отъ огласки не отбыть, и впредь отъ него станутъ плакать и переговаривать, особенно онъ самъ на себя славу наводитъ, что беретъ вмѣсто запасовъ деньги, да спрашиваетъ осетровъ живыхъ мѣрою по два аршина съ четью, какихъ въ Шекснѣ въ уловѣ не бываетъ. — Кирилловскимъ монахамъ Лопухинъ долженъ былъ наказать накрѣпко, чтобъ давали Никону рыбу добрую безпереводно; строенье Лопухинъ долженъ былъ досмотрѣть тайно и на чертежъ начертить; чего не достроено — велѣть достроить, ибо Никонъ жаловался, что Кирилловскіе плотники не достроивъ ушли. Никонъ отвѣчалъ, что деньги вмѣсто запасовъ Кирилловскіе монахи давали сами по совѣту. Лопухинъ нашелъ, что не достроено было то, чего строить не было приказано.

3. На содержаніе Никона шло: изъ Кириллова монастыря сѣна 20 возовъ, дровъ 15 саженъ; изъ Спасокаменнаго сѣна 12 копенъ, дровъ 8 саженъ, да служка съ лошадью для посылокъ; изъ Спасоприлуцкаго сѣна 15 копенъ, дровъ 8 саженъ да поваръ. Изъ Корнильева сѣна 8 копенъ, дровъ 7 саженъ, одинъ приспѣшникъ. Изъ Павлова сѣна 8 копенъ, дровъ 7 саженъ, одинъ портной.

Троицкаго Устьшекснинскаго сѣна 12 копенъ, дровъ 10 саженъ, служка съ лошадью. Кириллова Новоезерскаго сѣна 10 копенъ, дровъ 10 саженъ, одинъ псаломщикъ. Никитскаго и Благовѣщенскаго сѣна 5 копенъ, дровъ 5 саженъ, 1 келейникъ. У Никона было 11 лошадей, 36 коровъ. Приставъ Шайсуповъ писалъ, что Никонъ держитъ у себя на рыбныхъ ловляхъ и по другимъ службамъ 22 человѣка. Лопухинъ говорилъ Никону: какая ему прибыль, что лишнихъ людей держитъ, отъ того рождается молва и многіе пореговоры, чтобъ держалъ по 5 или по 6, а по нуждѣ по 7 человѣкъ. Никонъ на это билъ челомъ, чтобъ зимою было у него по 12, а лѣтомъ по 6 ловцовъ, меньше нельзя. Никонъ билъ челомъ на Лопухина, что онъ не положилъ слугъ съ Кириллова монастыря для своей бездѣльной корысти; жаловался, что ему не даютъ положеннаго съ монастырей, которые бѣдны; Кирилловъ богатъ, а столовыхъ запасовъ ему не присылаетъ, грибовъ и прислали, только такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не станутъ ѣсть, рыбу прислали сухую, только голова да хвостъ, хмѣлю прислали съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится; прислали, чего не прошено — стяги говяжьи и полти свиные на смѣхъ; образцы всѣхъ этихъ запасовъ Никонъ прислалъ къ царю. Онъ писалъ: «Платьемъ и обувью я съ братьею обносился, а сшить некому, присланъ изъ Павлова монастыря портной швечишко неумѣющій, кромѣ шубнаго и сермяжнаго сшить и скроить о себѣ ничего не умѣетъ. Отъ недостройки въ погребѣ всѣ запасы, овощи перемерзали, помираемъ съ голоду, наги и босы ходимъ».

3. Никонъ выпросилъ у государя, чтобъ на Ѳерапонтовѣ монастырѣ доимочныхъ денегъ не правили. Онъ прислалъ было за нихъ свои деньги 200 рублей, но эти деньги отосланы были къ нему назадъ.

4. 180 года, Мая 24 Никонъ жалуется, что къ Великому дню прислали ему изъ Кириллова монастыря 13 гривенокъ масла, 200 яицъ сырыхъ, 100 красныхъ, да сметаны брацкую братину, да хлѣбныхъ запасовъ небольшое, а изъ иныхъ монастырей ничего не прислали.

5. 182 года, Ноября 18 посылка стряпчаго Кузьмы Лопухина. Послано было для рожденія царевича Петра древо сахарное, коврижка на орелъ, хлѣбецъ черный; отъ царевны Натальи Алексѣевны — денегъ 200 рублей, коврижка сахарная, коврижка пря-

ничная, хлѣбецъ черный. Для поминовенія царевича Алексѣя, денегъ 200 рублей; послано было также арбузовъ Тамбовскихъ, арбузовъ Бѣлогородскихъ, яблоковъ Нѣжинскихъ, яблоковъ Московскихъ. Лопухинъ объявилъ, что велѣно давать ему, Никону, изъ Бѣлозерскихъ монастырей запасовъ въ годъ 15 ведръ вина церковнаго, 10 ведръ романеи, 10 ренскаго, 10 пудъ патаки на медъ, 30 пудъ меду сырцу, 20 ведръ малины на медъ, 10 ведръ вишень на медъ, 30 ведръ уксусу, 50 осетровъ, 20 бѣлугъ, 400 тешъ межукосныхъ, 70 стерлядей свѣжихъ, 150 щукъ, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пудъ икры, 300 пучковъ вязиги, 2000 кочней капусты, 20 ведръ огурцовъ, 5 ведръ рыжиковъ, 50 ведръ масла коноплянаго, 5 ведръ масла орѣховаго, 50 пудъ масла коровья, 50 ведръ сметаны, 10000 яицъ, 30 пудъ сыровъ, 300 лимоновъ, полпуда сахару головнаго, пудъ пшена сорочинскаго, 10 фунтовъ перцу, 10 фунтовъ инбирю, 5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибовъ, 10 ч. рѣпы, 5 ч. свеклы, 500 редекъ, 3 ч. хрѣну, 100 пудъ соли, 60 четвертей муки ржаной, 20 ч. пшеничной, 50 ч. овса, 30 ч. муки овсяной, 30 ч. ячменю, 50 ч. солоду ржанаго, 30 ячнаго, 10 овсянаго, 15 ч. крупъ гречневыхъ, 50 ч. овсяныхъ, 3 ч. проса, 12 ч. гороху, 5 ч. сѣмени конопляного, 20 ч. толокна, да работникамъ 40 стяговъ говядины, или 150 полоть ветчины.—Никонъ писалъ, чтобъ дороги отъ кельи его не отводить; Лопухинъ долженъ былъ отвѣчать ему: «ему то прибыль, что дорога будетъ подальше: всякіе люди мимо келей станутъ ѣздить и, пріѣхавъ къ Москвѣ и ѣдучи съ Москвы, станутъ сказывать небывалыя рѣчи. —Относительно запасовъ Никонъ писалъ: «Мы, съ Кузьмою Лопухинымъ поговоря, какихъ запасовъ преизлишно написано въ росписи, и мы тѣхъ убавили, а какихъ не написано, и мы приписали, а чаять молва будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ; что и въ прошлыхъ годахъ велѣно давать, и они давали малые запасы и то съ великими брюзгами, и въ выписи писали впятеро и вдесятеро и во сто и тысячными числами, оболгали тебѣ, великому государю, меня; а по твоей росписи многихъ запасовъ въ здѣшнихъ странахъ не водится. Пожалуй меня, вели Крестнаго монастыря властямъ присылать про мой обиходъ рыбы семги и сижковъ». — Вмѣсто назначеннаго въ росписи количества Никонъ написалъ: 10 ведръ малины на медъ, 5 ведръ вишень на

медъ, 30 ведръ уксусу, 20 пудъ икры, 175 язей и щукъ, 100 пучковъ вязиги, 10 осетровъ, 2000 кочней капусты, 20 ведръ огурцовъ, 3 ведра рыжиковъ, 40 ведръ масла конопляного, 3 ведра масла орѣховаго, 30 пудъ масла коровья, 30 ведръ сметаны, 5000 яицъ, 20 пудъ сыровъ, 200 лимоновъ, 2 ч. луку, 8 ч. чесноку, 5 ч. свеклы, 1 ч. хрѣну, 8 ч. грибовъ, 10 ч. крупъ гречневыхъ, 1 ч. проса, 10 ч. толокна, 500 карасей ушныхъ, 6 ч. гороху, 500 редекъ; прибавилъ: 4 пуда воску, $1/2$ пуда ладану, 1 пудъ семги, 6 ч. снетковъ, 20 пудъ хмѣлю, 150 судаковъ и язей, 500 свѣчъ сальныхъ.

6. 182 года, Мая 5 Лопухинъ ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ, чтобъ, по просьбѣ Никона, положить всякой рыбѣ мѣру, велѣть строить поварни и житницы. Никонъ билъ челомъ, чтобъ прислали ему соболей на каптуры и рукавицы.

7. Письмо Никона царю: «Еще отъ бѣднаго своего прошенья къ тебѣ не престану, яко червь отъ древоточенія, понеже утробою стѣсняемъ отъ Кириллова монастыря, что, противъ твоего указа, архимаритъ съ братьею никакихъ столовыхъ запасовъ не присылаетъ со 182 по 184 годъ Сентября по 20, и питаюся я твоимъ государевымъ жалованьемъ, покупаючи столовые запасы дорогою цѣною, да и купить стало негдѣ, пустое мѣсто и отъ города удалѣло, а нынѣ осень настаетъ, а у меня клячишка своя есть и коровенка, а скотинныхъ кормовъ, сѣнъ и иныхъ нѣтъ, а ближе Кириллова монастыря иныхъ монастырей нѣтъ. А въ Кирилловѣ монастырѣ смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы прiѣлъ. А нынѣ священникъ и дьяконъ и простой старецъ просятся отъ меня прочь скудости ради пищныя, потому что мнѣ ихъ кормить стало нечѣмъ, и келейнаго ради безпокойства, потому что печей нѣтъ, а держать мнѣ ихъ насильно нельзя, понеже они терпѣли у меня, помня мою милость къ себѣ прежнюю. Милостивый, милостивый, милостивый великій государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить. Да вѣдомо мнѣ учинилось, что будто нѣкій чернецъ, именемъ Сергій дьяконъ, говоритъ про меня, будто я не чаю воскресенія мертвыхъ. А я мню, что и тебѣ самому памятно, идеже прилучится при твоемъ приходѣ во св. церковь, идеже прилучится символу вѣры глаголатися, никому иному оставляю глаголати, но всюду самъ и до днесь. И

ты Господа ради не повѣрь тому и, воспріимъ ревность Давида, погуби глаголющія неправду. Господа ради вели печи сдѣлать, а не велишь, и братья разбредутся розно и я останусь один. Охъ увы мнѣ, что буду!»

8. Письмо Никона царю: «Бьютъ челомъ тебѣ Кириллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на украйну покупать для меня вишни, и то тебѣ буди вѣдомо, что ни едина мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня, только на прошлой 182 годъ за вишни деньги дали и на 183 строитель говорилъ, чтобъ имъ платить черемховымъ морсомъ за вишни, потому что черемха родилась и собрали великое множество того морса съ вотчинъ, и мнѣ не дали ни единой капли; да на прошлой же 183 годъ собрали Кириллова монастыря крестьяне малины тоже не малое число ведеръ, а мнѣ не дали ни единой же капли. Они бьютъ челомъ тебѣ, будто отъ меня Кирилловъ монастырь разоряется, и мнѣ разорять Кирилловъ монастырь некѣмъ, я мало могу и ходить отъ старости, и слышится намъ, что они сами Кирилловъ монастырь пустошатъ и съ крестьянъ денежные поборы частые сбираютъ и посылаютъ къ Москвѣ и говорятъ: стало де намъ челобитье на Никона тысячи въ двѣ, а хотя станетъ и въ пять тысячъ, и намъ будетъ отбиваться, и тѣмъ тебя, великаго государя, безчестятъ, будто про площадной приказъ говорятъ безстрашно; а на мнѣ милость твоя не по челобитью, ни по дачамъ, но по твоей милости и разсмотрѣнію. Воистину скуднѣе и нищѣе насъ нынѣ нѣтъ; сотвори милость, пожалуй рыбки и икорки, да умилосердися надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ надъ князь Самойломъ (Шайсуповымъ), вели перемѣнить: онъ со всякія нужды помираетъ, да и меня уморилъ, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ. А Кирилловскіе старцы и нынѣшняго 184 году берутъ съ своихъ крестьянъ по 2 рубля, а говорятъ, будто на мой расходъ.

9. Во 184 году, Генваря 26 государь отправилъ къ Никону стряпчаго Кузьму Лопухина, послалъ съ нимъ отъ себя 100 рублей; отъ царицы мѣхъ соболій и мѣхъ бѣличій хребтовый, 10 полотенъ, 15 полотенецъ; отъ царевичей 100 рублей денегъ, 5 бѣлугъ, 10 осетровъ, 10 лососей, по пуду икры зернистой и паюсной и разныхъ сластей, яблокъ въ патокѣ, винограду, арбузовъ, постилъ. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: великій го-

сударь указалъ ему монаху Никону за всякіе столовые запасы и за питья и за работничьи мяса, за сѣно и за дрова имать со всѣхъ монастырей деньгами: съ Кириллова 319 рублей, Прилуцкаго 106, Каменнаго 88, Устьшекснинскаго 94, Новоезерскаго 61, Никитскаго и Благовѣщенскаго по 31, Корнилова 55, Павлова 54. И если ему денегъ покажется мало, то сказать, что въ прибавку государь будетъ присылать къ нему рублевъ по 100 изъ своей казны, только бъ у него съ монастырей запросовъ больше того не было.

72) Дополн. къ акт. истор. V, № 102.

73) Эта грамота находится въ Синодальной библіотекѣ.

74) Столбцы съ извѣстіями о Соловецкомъ возмущеніи въ Синодал. библіотекѣ; также въ архивѣ мин. юстиціи, между столбцами приказнаго стола, № 1525.

75) Слѣдующій разсказъ о возмущеніи Стеньки Разина основанъ преимущественно на актахъ, хранящихся въ архивахъ мин. юстиціи и мин. иностр. дѣлъ. Большая часть этихъ актовъ издана особою книгою, подъ заглавіемъ: Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина, и составляетъ приложеніе къ монографіи о Разинѣ, написанной г. Поповымъ и помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ 1857 года. Но г. Попову остались неизвѣстны важные акты, хранящіеся въ архивѣ мин. юстиціи между столбцами приказнаго стола, подъ №№ 1567 и 1573; такъ, между прочимъ, изъ этихъ актовъ оказывается, что Борятинскій былъ два раза подъ Симбирскомъ; мы воспользовались также любопытными извѣстіями о козацкихъ движеніяхъ до Разина, находящимися въ Донскихъ дѣлахъ означенныхъ годовъ; также извѣстіями о лицахъ, ссудившихъ Разина порохомъ и свинцомъ: эти извѣстія случайно включены въ Малороссійскія дѣла 1668 года, № 1. Важныя извѣстія о Разинѣ помѣщены въ Актахъ историч. №№ 202 и 226. Изъ иностранныхъ сочиненій: 1) Страуса — Sehr schwere, widerwertige und merkwürdige Reisen; 2) Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin; 3) Stephanus Razin cosacus perduellis — Штурцфлейша. — Иностранными извѣстіями, какъ вездѣ, такъ и тутъ, надобно пользоваться съ большою осторожностію: такъ по иностраннымъ извѣстіямъ Разинъ ничего не говорилъ съ пытокъ, но мы изъ Никонова дѣла знаемъ, что говорилъ, говорилъ о монахѣ, будто бы присланномъ отъ Никона.

76) При наложеніи осады Соловецкаго монастыря мы пользовались извѣстіями, находящимися въ архивѣ мин. юстиціи между столбцами приказнаго стола, №№ 1525, 1533 и 2159; извѣстія о томъ же событіи находятся въ Актахъ арх. экспед. (т. IV), въ Актахъ историч. (т. IV) и въ Дополненіяхъ къ актахъ историч. (т. V).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

КЪ IV ТОМУ:

Посланія митрополита Кипріана къ св. Сергію и Өеодору 1378 года, Іюня 3, изъ Любутска:

1) Слышу о васъ и о вашей добродѣтели, како мирьская вся мудрованія преобидите и о единой воли Божіей печетеся; и о томъ велми благодарю Бога, и молюся Ему, да сподобитъ васъ видѣти другъ друга и насладитися духовныхъ словесъ. Буди же вамъ свѣдомо: пріѣхалъ есмь въ Любутскъ, въ четверкъ, мѣсяца Іюня 3 день, а иду къ сыну къ своему, ко князю къ великому, на Москву. Иду же якоже иногда Иосифъ отъ отца посланъ къ своей братіи, миръ и благословеніе нося. Аще нѣціи о мнѣ инако свѣщаютъ, азъ же святитель есмь, а не ратный человѣкъ; благословеніемъ иду, якоже и Господь, посылая ученики своя на проповѣдь, учаше ихъ глаголя: «пріемляй васъ, Мене пріемлетъ». Вы же будите готовы видитися с нами, гдѣ сами погадаете; велми жадаю видитися с вами и утѣшитися духовнымъ утѣшеніемъ.

2) Не утаилося отъ васъ и отъ всего рода христіанскаго, елико створилося надо мною, еже не створилося есть ни надъ единымъ святителемъ, како Руская земля стала. Язъ, Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго и св. сбора, и благословеніемъ и ставленіемъ вселенскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитъ на всю Русскую землю, а вся вселенная вѣдаетъ; и нынѣче поѣхалъ есмь былъ, со всѣмъ чистосердечіемъ и з доброхотѣніемъ къ князю великому: и онъ послы ваша (?) разослалъ, мене не пропустити,

и еще заставилъ заставы, рати сбивъ и воеводы предъ ними поставивъ, и елико зла надъ мною дѣяти, еще же и смерти предати насъ немилостивно, тѣхъ научи и наказа же. Азъ же, его безъчестія и души его болши стрега, инымъ путемъ проидохъ, на свое чистосердіе надѣяся и на свою любовь, еже имѣлъ есмь къ князю великому и къ его княгини и къ его дѣтемъ. Онъ же пристави надо мною мучителя, проклятаго Никифора: и которое зло остави, еже не сдѣя надо мною? Хулы и наруганія, и насмѣханіе, грабленія, голодъ! Мене в ночи заточилъ, нагаго и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и нынѣча стражу. Слуги же моя надъ многимъ злымъ, что̀ надъ ними издѣлали, отпуская ихъ на клячахъ хлибивыхъ, бесѣделъ, во обротѣхъ лычиныхъ, изъ города вывели ограбленыхъ и до сорочки, и до ножевъ и до ногавицъ, и сапоговъ и киверовъ не оставилй на нихъ! Токоли не обрѣтеся никтоже на Москвѣ добра похотѣти душѣ князя великаго и всей отчинѣ его?.... И аще міряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатства, и того не хотятъ погубити: вы же иже мира отреклися есте и иже въ мирѣ, живете единому Богу, како, толику злобу видѣвъ, умолчали есте?.... Которую вину нашелъ есть на мнѣ князь великій? чѣмъ язъ ему виноватъ, или отчинѣ его? Кладетъ на мене вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое: и которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамо? Аще былъ есмь въ Литвѣ, много Христіанъ горькаго плѣненія освободилъ есмь, многи отъ невѣдящихъ Бога познали нами истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ св. крещеніемъ пришли. Церкви св. ставилъ есмь, христіанство утвердилъ есмь, мѣста церковная, запустошена давными лѣты, оправилъ есмь. Новый Городокъ Литовескый давно отпалъ, и язъ его оправилъ, и десятину доспѣлъ къ митрополіи же и села. Въ Волыньской же земли такоже колько лѣтъ стояла Волимерьская епископія безъ владыки, запустошала: и язъ владыку поставилъ и мѣста исправилъ.

3) 1378, Октября 18 изъ Кіева: «Елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣете къ св. Божіей церкви и къ нашему смиренію, все познали есмь отъ словъ вашихъ» (Правосл. Собесѣдн. 1860 года).

КЪ IX ТОМУ:

Стр. 227. Отъ Іосафа дошла до насъ слѣдующая соборная сказка, неизвѣстно къ какому году относящаяся: «Благовѣрному и благочестивому и христолюбивому государю царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи богомолецъ твой государевъ Юасафъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ Бога молимъ и совѣтъ даемъ. Прислано ко мнѣ богомольцу твоему изъ Посольскаго приказу писмо что объявлено на соборѣ всякихъ чиновъ людемъ Крымскаго царя и калгины и нурадиновы многія неправды, что они, мимо своей правды и шерти, чинятъ въ Крымѣ твоимъ государевымъ посланникомъ позоръ и мученіе и грабежъ и всякую тѣсноту, чего ни въ которыхъ государствахъ надъ посланники не бываетъ и о тѣхъ злыхъ неправдахъ и о казнѣ, которая посылана по старинѣ въ Крымъ для дружбы и любви; и казну емлютъ, а въ правдѣ не стоятъ; и о многомъ запросѣ и по вымученнымъ кабаламъ о платежѣ какъ нынѣ быть? и за мученіе твоихъ государевыхъ людей Крымскимъ посломъ и гонцомъ что́ учинити? И я со всѣмъ освященнымъ соборомъ даемъ мысль свою: наше должная молити и просити у Бога милости о мирѣ всего міра и о устроеніи и о твоемъ государевѣ многолѣтномъ здравіи. Занеже ты отъ вышнія Божія десницы поставленъ еси самодержецъ, намъ же лѣпо по царскому твоему остроумію и богопреданной мудрости воспоминати яко царю, яко владыцѣ: покажи, государь, ревность и благочестіе, чтобъ тебѣ своихъ посланниковъ отъ такихъ отъ бесерменскихъ рукъ и злаго мученія и позоровъ какъ мочно свободить, а царская твоя казна тѣмъ скудна не будетъ, а какъ Богъ твоихъ посланниковъ свободитъ, а имъ (т. е. Крымцамъ) о той казнѣ противъ ихъ запасовъ мочно, по ихъ многой неправдѣ, и отказать. А въ украйныхъ городахъ пристойно тебѣ устроити ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ, какъ тебѣ Богъ извѣститъ. А за мученіе твоихъ государевыхъ людей Крымскимъ посломъ и гонцомъ что учинить, и о томъ намъ богомольцамъ твоимъ таково совѣту что имъ воздаяніе учинить написать не пристоитъ. Занеже, государь, на такое дѣло на отмщеніе враговъ что надъ ними учинити бываетъ твое государево благорассмотрительство и твоихъ государевыхъ бояръ и ближнихъ людей и всего твоего

царскаго сигклита, а не нашего чину твоихъ государевыхъ богомольцевъ. (Столбцы Приказа тайн. дѣлъ, № 149.)

КЪ X ТОМУ:

Стр. 284. Въ этомъ же родѣ были разговоры съ Хмельницкимъ и Выговскимъ у монаха Арсенія Суханова, ѣздившаго на Востокъ и останавливавшагося въ Чигиринѣ. Выговскій пришелъ къ Арсенію, который стоялъ вмѣстѣ съ Назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ, и завязался такой разговоръ: *Писарь*: Какъ мы просили у государя помочи, и государь язнался было намъ помогать и ни въ чемъ не помогъ, и мы, видѣвъ то отъ государя намъ помочи нѣту и чтобъ Крымской царь не завладѣлъ государствомъ Польскимъ еслибы короля взялъ для того помирились съ королемъ и король многіе городы отдалъ Татарамъ въ полонъ: тѣ де души и кровь и полонъ взыщетъ Богъ на государѣ; а если бы отъ него была намъ помочь, и мы, на него государя надѣяся, съ королемъ не мирились и тѣхъ бы городовъ король не отдавалъ хану». (И митрополитъ Назаретскій, прислонясь къ писарю, на ухо говорилъ: «такъ есть истина, и патріархъ (Паисій Іерусалимскій) то жъ говорилъ, что та кровь и полонъ взыщется на государѣ, что государь не помогъ вамъ». — А патріархъ у себя будучи, тѣ рѣчи многожды Арсенію говорилъ, что для чего государь козаковъ не приметъ.)

8 Ноября (1650 года) митрополиты Коринеской и Назаретской служили обѣдню въ церкви что у гетманскаго двора; гетманъ стоялъ съ сыномъ на правомъ крылосѣ. По заамвонной молитвѣ оба митрополита вышли изъ алтаря царскими дверьми, передъ которыми послали коверъ, и призвали къ себѣ гетмана съ сыномъ и велѣли имъ обоимъ стать на коврѣ на колѣняхъ, а митрополиты положили имъ на главы омофоры свои и напердъ челъ молитву погречески Коринеcкій, потомъ челъ двѣ молитвы Назаретскій порусски. Во многолѣтіи и въ ектеньяхъ митрополиты поминаютъ гетмана государемъ и гетманомъ Великія Россіи.

9 Ноября пришелъ гетманъ на дворъ къ митрополиту Назаретскому и къ Арсенію въ келью, Гречанъ и своихъ всѣхъ велѣлъ выслать вонъ (кромѣ Выговскаго) и говорилъ: «Посылали мы къ государю царю пословъ своихъ, просили помочи и били челомъ;

чтобъ государь насъ пожаловалъ, принялъ подъ свою державу. И государь было сказалъ намъ хорошо и принялъ добре, а такъ не учинилъ какъ намъ сказалъ и мы послѣ того опять послали и государь сказалъ намъ инаково, будто вѣчный миръ съ королемъ; помогать будто не умѣть ему государю. А нынѣ чрезъ васъ духовныхъ людей еще ко государю словесно посылаю, чтобъ надъ нами милостиво учинилъ, насъ принялъ подъ свою царскую державу и помочь бы намъ подалъ, а я ему буду служить; чтобъ насъ государь не пустилъ до бусурманъ, и о томъ бы государь намъ вѣдомость далъ истинную чрезъ писаніе или чрезъ якого духовнаго человѣка, чтобъ намъ было на что надѣяться; а если государь насъ не пожалуетъ, и подъ свою державу не приметъ и помочи не дастъ, что ему государю будетъ, какъ я сложусь съ Турками и съ Татары и съ Волохи и съ Мутьяны и съ Венгры и пойду и землю его запустошу также какъ и Волоскую?...» И Арсеній говорилъ: «Мости пане гетмане! какъ государю идти на Ляховъ, преступить крестное цѣлованіе и нарушить вѣчное мирное постановленіе?...» Гетманъ: «Государь благочестивый мирное постановленіе преступить не хочетъ ради крестнаго цѣлованія: вотожъ Ляхи такъ преступаютъ, и папа въ томъ ихъ разрѣшаетъ. На такое дѣло благословятъ его государя четыре вселенскіе патріархи со всѣмъ своимъ православнымъ освященнымъ соборомъ и Бога молить за него станутъ вся Греческая страна и всѣ православніи, и въ той клятвѣ его разрѣшатъ и простятъ; то мнѣ вѣдомо, понеже пишетъ ко мнѣ о томъ вселенскій патріархъ Пароеній Царяграда и Паисій Еросалимскій да и всѣ благочестивіи того желаютъ Греци и Серби и Болгары и Волохи и Мутьяня, чтобъ намъ всѣмъ въ соединеніи быть. Ино папа отступной благословляетъ и разрѣшаетъ Ляховъ и во всякихъ заклинаніяхъ прощаетъ, а Ляхи на то надѣются: колми паче наши благочестивіи патріархи и весь освященный соборъ и иноци могутъ государя разрѣшити».

КЪ XI ТОМУ:

Дѣла Малоросс. въ Москов. глав. архивѣ мин. иност. дѣлъ 1665 года, № 68. Списокъ городовъ:

Переяславскій полкъ: Переяславль, Барышполе, Барышовка,

Воронковъ, Золотоноша, Домонтовъ, Бубновъ, Оржица; разоренные: Генилзовъ, Ирклеево, Басань, Кропивная, Бурорль.

Кіевскій полкъ: Кіевъ, Остръ, Кевелецъ; разоренные: Бобровица, Заворычь, Гоголевъ.

Нѣжинскій полкъ: Нѣжинъ; разоренные: Кобыжче, Носовка, Олишевка, Мрынъ, Дѣвица Салтыкова, Ивань-Городище, Бахмачь; жилые: Борзна, Конотопъ, Батуринъ, Новые Млыны, Коропъ, Глуховъ, Королевецъ, Воронежъ.

Черниговскій полкъ: Черниговъ, Седневъ, Березная, Мена, Сосница; разоренные: Любечь, Лоевъ.

Стародубскій полкъ: Стародубъ, Новгородокъ, Погарь, Почепъ, Илынъ.

Полтавскій полкъ: Плотава, Санджаровъ старый, Санджаровъ новый, Бѣлики, Кобылякъ, Кишенка, Переволочная, Рѣшетиловка.

Миргородскій полкъ: Миргородъ, Хороль, Сорочинцы, Учтивица, Яресни, Остапъ Голтва, Манджелеевка; разоренные: Барановка, Шишакъ, Бѣлоцерковка, Богачка, Балаклейка.

Лубенскій полкъ: Лубны, Перятынъ, Глинскъ, Роменъ; разоренные: Чернухи, Смѣлая, Костянтиновъ, Лукомль, Венча, Куренка, Яблоновъ.

Прилуцкій полкъ: Прилуки, Гуня, Красной, Серебряное, Варва, Иванница, Переволочная, Буровка (разоренъ).

— Роспись, въ которыя времена въ Малороссійскихъ городахъ ярмонки бываютъ:

Въ *Кіевѣ*: въ день св. Георгія послѣ Свѣтлаго Воскресенья; на Рождество Богородицы; въ первую недѣлю Великаго поста.

Въ *Переяславлѣ:* въ день св. Симеона (1 Сентября); на Богоявленіе; въ десятую пятницу.

Въ *Баришовцѣ*: на Воздвиженье; о Василевѣ днѣ (1 Января); въ день Николы вешняго.

Въ *Барышполѣ:* въ день св. Петра и Павла, о Масленой недѣлѣ

Въ *Золотоношѣ:* на Успеніе Богородицы; въ Сырную недѣлю.

Въ *Черниговѣ:* на Богоявленіе; въ день св. Прокопія; въ день. св. Евстаѳія.

Въ *Млинѣ:* въ день Преображенія.

Въ *Погарѣ*: въ оба Николина дня и на Успеніе.

Въ *Почеповѣ*: въ Ильинъ день.

Въ *Конотопѣ*: въ день св. Георгія.

Въ *Коропѣ*: въ Троицынъ день и въ день св. Евстаѳія (Сентября 20).

Въ *Прилукѣ:* въ Сырную недѣлю; въ день Рождества Предтечи; въ день св. Димитрія.

Въ *Ичнѣ:* о Петровомъ заговѣньѣ; въ Ильинъ день.

Въ *Варвѣ*: въ день апостола Петра.

Въ *Чернухахъ*: въ Петрово заговѣнье.

Въ *Красномъ*: въ Николинъ день осенній; въ Петрово заговѣнье.

Въ *Серебряной*: въ день Николы осенняго.

Въ *Пирятинѣ*: въ четвертую недѣлю Великаго поста.

Въ *Лубнахъ*: въ Троицынъ день, Преображенье, Покровъ.

Въ *Миргородѣ:* въ Рождество Богородицы; въ Николинъ день осенній.

Въ *Нѣжинѣ*: на Троицынъ день; на Покровъ; во всеѣдную недѣлю передъ Масляницею.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Должно читать*
Стран.	строка.		
15	33	волю	велю
38	28	не было;	не было,
46	3	о соединеніе	о соединеніи
51	2	съ тѣм:	съ тѣмъ:
69	22	Цыцура	Цецура
70	29	усоввіемъ	условіемъ
71	5	посольство	посполъство
104	3	нерпіятельскія	непріятельскія
113	1	человѣка	человѣкъ
124	8	и съ чѣмъ	ни съ чѣмъ
130	29	Юроска	Юраска
—	32	Юросомъ	Юрасомъ
181	20	Перескопи	Перекопи
191	9	и высылкѣ	о высылкѣ
202	4	и интересовъ	интересовъ
221	13	къ гетманъ Шереметеву	къ гетману Шереметевъ
301	29	если я	если бы я
312	14	чью	бью
341	13	кончились	кончилось
357	27	стотовую	столовую
372	7	весемь	восемь

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Грачева и Комп.
1862.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Грачева и Комп.

1862.

Одобрено Цензурою. Москва. Мая 30-го, 1862 года.

ГЛАВА I.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Вѣсти отъ Брюховецкаго о Турецкихъ замыслахъ, доносы на Запорожье и на епископа Меѳодія. Убіеніе царскаго посланника Ладыженскаго въ Запорожьи. Письма кошеваго Васютенка къ Брюховецкому по этому случаю. Слѣдствіе по козацкимъ жалобамъ на Полтавскаго воеводу. Увѣщательная царская грамота къ козакамъ. Сношенія съ Дорошенкомъ. Неудовольствія епископа Меѳодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ. Наговоры Меѳодія на Москву. Тукальскій сносится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ. Начало волненій въ Малороссіи. Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій. Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ Малороссійскихъ городахъ. Грамота Брюховецкаго на Донъ. Внушенія польскія противъ козаковъ. Движенія князя Ромодановскаго. Татары и Дорошенко на восточномъ берегу Днѣпра. Гибель Брюховецкаго. Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянетъ къ Москвѣ. Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Архіепископъ Лазарь Барановичъ и протопопъ Симеонъ Адамовичъ. Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ простить Малороссіянъ и вывести отъ нихъ воеводъ. Послѣдняя дѣятельность епископа Меѳодія. Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣенка. Затруднительное положеніе Дорошенка. Сношенія его и Многогрѣшнаго съ Кіевскимъ воеводою Шереметевымъ. Большое Малороссійское посольство въ Москвѣ. Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю. Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцемъ Шереметева. Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы. Сношенія съ Польшею и Швеціею. Король Янъ Казимиръ отрекается отъ престола. Вопросъ объ избраніи въ короли Польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича. Послѣдняя служба Ордина-Нащокина. Переписка его съ царемъ. Избраніе въ Польскіе короли Михаила Вишневецкаго. Съѣзды Нащокина съ Польскими коммиссарами. Удаленіе Нащокина въ монастырь. Польскіе послы—Гнинскій и Бростовскій въ Москвѣ. Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турокъ. Русское посольство въ Турціи. Событія въ Крыму.

Въ то время какъ Москву занимали важныя событія, съ одной стороны окончаніе тяжелой тринадцатилѣтней войны, съ другой небывалый соборъ въ присутствіи двухъ патріарховъ восточныхъ, осужденіе и заточеніе Никона, рѣшеніе раскольничьяго вопроса,—въ это время, т. е. въ концѣ генваря 1667 года, по-

Одобрено Цензурою. Москва. Мая 30-го, 1862 года.

ГЛАВА I.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Вѣсти отъ Брюховецкаго о Турецкихъ замыслахъ, доносы на Запорожье и на епископа Меѳодія. Убіеніе царскаго посланника Ладыженскаго въ Запорожьи. Письма кошеваго Васютенка къ Брюховецкому по этому случаю. Слѣдствіе по козацкимъ жалобамъ на Полтавскаго воеводу. Увѣщательная царская грамота къ козакамъ. Сношенія съ Дорошенкомъ. Неудовольствія епископа Меѳодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ. Наговоры Меѳодія на Москву. Тукальскій сносится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ. Начало волненій въ Малороссіи. Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій. Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ Малороссійскихъ городахъ. Грамота Брюховецкаго на Донъ. Внушенія польскія противъ козаковъ. Движенія князя Ромодановскаго. Татары и Дорошенко на восточномъ берегу Днѣпра. Гибель Брюховецкаго. Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянетъ къ Москвѣ. Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Архіепископъ Лазарь Барановичь и протопопъ Симеонъ Адамовичь. Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ простить Малороссіянъ и вывести отъ нихъ воеводъ. Послѣдняя дѣятельность епископа Меѳодія. Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣенка. Затруднительное положеніе Дорошенка. Сношенія его и Многогрѣшнаго съ Кіевскимъ воеводою Шереметевымъ. Большое Малороссійское посольство въ Москвѣ. Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю. Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцемъ Шереметева. Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы. Сношенія съ Польшею и Швеціею. Король Янъ Казимиръ отрекается отъ престола. Вопросъ объ избраніи въ короли Польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича. Послѣдняя служба Ордина-Нащокина. Переписка его съ царемъ. Избраніе въ Польскіе короли Михаила Вишневецкаго. Съѣзды Нащокина съ Польскими коммиссарами. Удаленіе Нащокина въ монастырь. Польскіе послы—Гнинскій и Бростовскій въ Москвѣ. Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турокъ. Русское посольство въ Турціи. Событія въ Крыму.

Въ то время какъ Москву занимали важныя событія, съ одной стороны окончаніе тяжелой тринадцатилѣтней войны, съ другой небывалый соборъ въ присутствіи двухъ патріарховъ восточныхъ, осужденіе и заточеніе Никона, рѣшеніе раскольничьяго вопроса,—въ это время, т. е. въ концѣ генваря 1667 года, по-

сланцы войска Запорожскаго, Каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и канцеляристъ Карпъ Мокріевичь подали *информацію* отъ боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго. По прежнему бояринъ и гетманъ просилъ помощи противъ непріятелей и тогобочныхъ измѣнниковъ и объявлялъ свое плохое и недостойное разумѣніе, чтобъ не принимать просьбы Крымскаго хана о мирѣ: «Бусурманинъ хочетъ только оплошить миромъ и потомъ напасть на города Малороссійскіе; купцы Греческіе разказывали завѣрное, что султанъ велѣлъ воеводамъ Молдавскому и Волошскому идти войною на Украйну; міръ весь опасается приходу бусурманскаго и измѣнничьяго и бьетъ челомъ о прибавкѣ ратныхъ людей въ города Малороссійскіе; при бояринѣ и гетманѣ съ воеводою Протасьевымъ государевыхъ ратныхъ людей нѣтъ, всѣ разбрелись по домамъ; въ измѣнничьемъ городкѣ Тарговицѣ по указу ханскому, а по просьбѣ Дорошенко, бусурманскимъ имянемъ начали деньги дѣлать, чтобъ этими деньгами, будто серебряными, а не мѣдными, всякихъ людей къ бусурманской мысли приклонять; Чигиринъ и другіе измѣнничьи города надобно въ конецъ разорить, потому что пока они будутъ стоять цѣлы, Украйнѣ не дадутъ покоя; бояринъ и гетманъ, по христіанскому обычаю, ради царя и вѣры православной, велѣлъ построить церковь Сорока мучениковъ подъ Конотопомъ, на мѣстѣ побоища: бьетъ челомъ, чтобъ государь помогъ на церковное строеніе изъ казны, и на колокола далъ двѣ пушки; да будетъ царскому величеству вѣдомо о безчиніи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ: людямъ обоего пола беззаконно жить и разводиться позволяютъ; пожаловалъ бы великій государь митрополита на митрополію Кіевскую, который бы всякое безчиніе уничтожалъ; духовенство двоедушествуетъ, а какъ отъ патріарха Московскаго на митрополію Кіевскую присланъ будетъ митрополитъ, то всѣ шалости на Украйнѣ прекратятся; жена покойнаго Богдана Хмельницкаго пріѣхала въ Кіевъ съ измѣнничьей стороны, съ нею дочь Гришки Гуляницкаго, и живутъ въ Печерскомъ монастырѣ; во всѣхъ государевыхъ городахъ воеводы позволили мужикамъ вино курить и продавать сколько кто сможетъ: это дѣло нестаточное, отъ него выростаютъ бунты, лѣсамъ умаленье и хлѣбамъ убавка: велѣлъ бы великій государь воеводамъ заказъ учинить, чтобъ кромѣ козаковъ мужикамъ не

курить вина». Наконецъ посланные объявили о винахъ Нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовки: будучи въ Москвѣ, онъ не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ; по возвращеніи изъ Москвы съѣхались къ гетману полковники и объявили о неправой службѣ Гвинтовки; въ прошломъ году подъ Чигириномъ показалъ явную измѣну, и когда гетманъ сталъ ему за это выговаривать, то Гвинтовка отвѣчалъ: «нигдѣ не ведется, чтобъ свой на своего воевалъ». Да онъ же научалъ гетмана собрать раду и положить булаву. Теперь, объявили послы, Гвинтовка сидитъ въ Гадячѣ за карауломъ, а на его мѣсто выбрали со всею старшиною Артема Мартинова.

Съ отвѣтами на всѣ эти статьи и съ объявленіемъ о заключеніи Андрусовскаго перемирія отправился въ Малороссію стольникъ Телепневъ. За службу и остерегательство на счетъ хана великій государь жаловалъ гетмана, милостиво похвалялъ; ратные люди въ Малороссійскіе города присланы будутъ вскорѣ; о митрополитѣ въ Кіевъ царскій указъ будетъ впредь; съ Гвинтовкою указалъ государь учинить по войсковымъ правамъ чего доведется.—Бояринъ и гетманъ, послѣ торжественнаго молебствія о всемірной радости, о замиреніи съ Поляками, объявилъ Телепневу, что Турскій султанъ самъ хочетъ идти войною на Поляковъ подъ Каменецъ, который хотятъ сдать ему Армяне. Потомъ гетманъ сталъ просить, чтобъ государь указалъ ему быть въ другомъ городѣ, а въ Гадячѣ быть ему неучего—мѣсто пустое; по прежнему Иванъ Мартыновичь предостерегалъ на счетъ Запорожья: «Козаки идутъ толпамивъ Запороги: надобно въ Койдакъ и Кременчугъ какъ-нибудь ввести ратныхъ людей, чтобъ въ Запорожье хлѣба не пропускать; а когда въ Запорожьи будетъ козаковъ многолюдство, то ждать отъ нихъ шатости.»

Отъ боярина и гетмана Телепневъ отправился въ Кіевъ къ боярину и воеводѣ Шереметеву, отъ котораго услыхалъ жалобы на козаковъ: «мѣщанамъ отъ козаковъ чинятся налоги большіе и мѣщане бредутъ врозь; а въ Кіевѣ ратные люди отъ голоду бредутъ врозь; конныхъ и пѣшихъ людей всего въ Кіевѣ 3,177 человѣкъ.»

Скоро пришли новыя вѣсти отъ Брюховецкаго о Запорожьѣ вмѣстѣ съ доносомъ на епископа Меѳодія: «Скорѣе, какъ мож-

не скорѣе прислать ко мнѣ ратныхъ людей, чтобы народъ на этой сторонѣ Днѣпра въ отчаяніе не приходилъ, писалъ бояринъ и гетманъ. Запорожскихъ козаковъ всякими гостинцами обсылаю, на доброе дѣло всячески уговариваю, только бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ двоедушныя духовныя особы не были препоною и Запорожцамъ на всякое зло поджогою, какъ, напримѣръ, преосвященный епископъ Мстиславскій: съ его поджоги невинная кровь христіанская разливается; теперь, когда этого епископа здѣсь на украйнѣ нѣтъ, то многимъ кажется, что другой свѣтъ сталъ; пусть епископъ живетъ въ Москвѣ или гдѣ будетъ угодно государю, только бы не въ городахъ, близкихъ къ Запорожью; и Переяславскіе бунты не легко бы укротились, еслибы прошлаго года епископъ не уѣхалъ въ Москву. Епископъ уговорилъ енаральнаго судью Петра Забѣлу послать сына своего въ Запорожье, за чѣмъ? Самъ Забѣла состарѣлся, а въ Запорожьи не бывалъ; сыновья его и подавна, были только у Польскаго короля и привилегіи себѣ повыправили; а теперь умыслилъ сына въ Запорожье слать, людьми мутить и Запорожцевъ на зло уговаривать. Бью челомъ великому государю, чтобы не велѣлъ видаться на Москвѣ съ епископомъ козакамъ, которые отъ меня пріѣзжаютъ, особенно Запорожцамъ: онъ ихъ научаетъ на всякое зло. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ сказывали, что епископъ тайно призывалъ къ себѣ голодныхъ Запорожцевъ и жаловался, будто по моей милости ему казны съ дворца не доходитъ.»

Опасенія Брюховецкаго на счетъ Запорожья сбылись, не помогли его гостинцы! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ переправился за Днѣпръ стольникъ Ладыженскій, ѣхавшій въ Крымъ вмѣстѣ съ ханскими гонцами. На дорогѣ пристало къ нимъ человѣкъ полтараста Запорожцевъ, которые зимовали въ Малороссійскихъ городахъ, ночевали вмѣстѣ двѣ ночи спокойно, но на третій день напали на Татаръ и перерѣзали ихъ, имѣніе пограбили и скрылись. Пріѣхавши въ Запорожье, Ладыженскій обратился къ Кошевому Рогу съ требованіемъ, чтобы велѣлъ сыскать злодѣевъ, а его стольника проводить до перваго Крымскаго городка. — «Воры учинили это злое дѣло безъ нашего вѣдома, отвѣчалъ Кошевой, въ Сѣчу къ намъ не объявились и сыскать ихъ негдѣ.» Чрезъ нѣсколько дней собралась рада, послѣ которой козаки захвати- у Ладыженскаго всѣ бумаги и казну, пересмотрѣли и спрята-

ли въ Сѣчи, а Ладыженскому объявили, что его не отпустятъ, потому что къ нимъ нѣтъ грамотъ ни отъ государя, ни отъ гетмана.

Какъ скоро узнали объ этомъ въ Москвѣ, то въ Гадячь къ Брюховецкому поскакалъ хорошо знакомый съ Малороссіею стольникъ Кикинъ: «Вамъ бы, говорилъ онъ боярину и гетману, службу свою и радѣнье показать, послать въ Запороги вѣрныхъ и досужихъ людей, чтобы Кошевой и все войско про то про все разыскали наскоро, воровъ казнили смертію по стородавнымъ войсковымъ правамъ, пограбленное отдали сполна, и стольника Ладыженскаго отпустили.» Но Ладыженскій былъ уже отпущенъ...

12 мая зашумѣла новая рада въ Запорожьѣ: скинули съ атаманства Ждана Рога, выбрали на его мѣсто Астапа Васютенка, и начали толковать объ отпускѣ Ладыженскаго; рѣшили отпустить. Тутъ старый атаманъ Рогъ повелъ рѣчь, что надобно сыскать тѣхъ козаковъ, которые побили Татаръ: «Чего сыскивать? закричали ему изъ круга: самъ ты про то вѣдаешь, татарская рухлядь теперь у тебя въ курени.» Побѣжали къ Рогу въ курень и принесли вещи на улику: «Это мнѣ принесли въ подарокъ козаки, отвѣчалъ Рогъ, а того не сказали, гдѣ взяли». Тѣмъ дѣло и кончилось въ Сѣчи. Самъ кошевой Астапъ Васютенко съ 40 козаками отправился провожать Ладыженскаго внизъ по Днѣпру; но едва отъѣхали они отъ Сѣчи версты съ двѣ, какъ нагнали ихъ козаки въ судахъ и велѣли пристать къ берегу. Москвичи повиновались: козаки раздѣли несчастныхъ до нага, поставили ихъ на берегу, окружили съ пищалями и велѣли бѣжать въ Днѣпръ, но только что тѣ побѣжали, какъ вслѣдъ за ними раздался залпъ изъ пищалей; смертельно раненый Ладыженскій пошелъ ко дну; другихъ пули не догнали и они были уже близко другаго берега, но убійцы пустились за ними въ лодкахъ, захватили и перебили. Объявивши такимъ Запорожскимъ манеромъ войну Москвѣ, козаки начали толковать, чтобы быть въ соединеньи съ Дорошенкомъ и выгонять Московскихъ ратныхъ людей изъ Малороссійскихъ городовъ, не давать Московскому царю никакихъ поборовъ съ отцовъ своихъ и родичей. Запорожцы хвалились, что Полтавскій полковникъ на ихъ сторонѣ, и дѣйствительно стоявшій въ Полтавѣ воевода,

князь Михайла Волконскій далъ знать государю, что между Полтавцами шатость большая: «Отъ Полтавскаго полковника козакамъ и мѣщанамъ, которые тебѣ, великому государю, хотятъ вѣрно служить, заказъ крѣпкій, съ большимъ пристрастіемъ, чтобы ко мнѣ никто не ходилъ и съ твоими Русскими людьми никто не водился, а кто станетъ водиться, тѣхъ хотятъ побивать до смерти; мѣщанамъ, которые выбраны къ таможенному сбору въ цѣловальники, полковникъ грозитъ большимъ боемъ, чтобы съ проѣзжихъ людей на тебя, государя возовыхъ пошлинъ не брали.»

Гетману Брюховецкому далъ знать объ убійствѣ Ладыженскаго самъ кошевой Васютенко: «Грустна намъ нынѣшняя весна, писалъ Астапъ: никто о цѣлости народа нашего не заботится; за грѣхи наши и тотъ, кто прежде намъ хлѣбъ давалъ, теперь камень дать замыслилъ. Не знаю, кто бы былъ благодаренъ за камень, потому что онъ на пищу не потребенъ. Царское величество тѣшитъ насъ листами бумажными какъ дѣтей яблоками. Пишетъ намъ, чтобъ мы вѣрно служили, а самъ, заключивши миръ съ королемъ Польскимъ, тотчасъ съ тѣмъ же и къ хану отзывается, обѣщая за его дружбу намъ всего умалить, что, какъ видимъ, уже и началъ. За что бѣдныхъ людей, войною разоренныхъ, такъ стѣсняютъ? Не одинъ лице свое кровавыми слезами омываетъ. Не хочетъ государь насъ, птенцовъ своихъ, подъ крылами держать: такъ милосердіе Божіе избавитъ насъ отъ такого ига горькаго, которое прежде было сахарно. Человѣкъ, желая устроить ниву для потомства, прежде терніе изъ нея вымечетъ: такъ и предки наши, не жалѣя здоровья, терніе изъ отчины своей выметывали, чтобы намъ вольность уродила, которую считаемъ самою дорогою вещію, ибо и рыбамъ и птицамъ, и звѣрямъ, и всякому созданію она мила. Рѣка великая много иныхъ рѣчекъ преодолѣетъ: такъ и всемогущаго Бога помощь всѣ замыслы земныхъ монарховъ превозможетъ. Не довелось не только дѣлать, но и мыслить о томъ, чтобъ нашу отчину къ послѣднему разоренію привести, на которое смотря и самый злой звѣрь, еслибы имѣлъ человѣческій разумъ, могъ сжалиться. Знаю, что и стольникъ (Ладыженскій) безъ вѣдома нашего смерть принялъ за то, что въ городахъ великія обиды отъ чихъ люди терпятъ. Однако оставя все это, желаемъ съ вашимъ

вельможествомъ по прежнему жить въ любви. Изволь царскому величеству донести, чтобъ запретилъ своимъ ратнымъ людямъ чинить въ городахъ всякіе вымыслы, пусть живутъ по прежнему, а если не перестанутъ, то чтобы бо̀льшій огонь не всталъ, потому что доколѣ живы, будемъ остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились. Въ этомъ они напрасно головы свои ломаютъ: имъ этого не удастся какъ слѣпому въ цѣль попасть; пусть монархи о томъ подумаютъ, что человѣкъ начинаетъ, а Богъ совершаетъ».

Для развѣданія объ убійствѣ Ладыженскаго Брюховецкій отправилъ есаула Ѳедора Донца. 26 мая въ Троицынъ день Донецъ пріѣхалъ въ Сѣчь; собралась рада, прочли листъ гетманскій и начали толковать. Запорожцы, которые вышли съ восточной стороны Днѣпра, также и тѣ, которые хотя и съ западной стороны, но жили долго въ Запорожьѣ, накинулись на тѣхъ козаковъ, которые недавно пришли съ Дорошенковой стороны: «Это отъ васъ такое зло учинилось; а какъ васъ не было, такъ у насъ въ Запорогахъ такого зла не бывало». Началась брань; кошевой подошелъ къ Донцу и сказалъ ему: «Уходи ка лучше къ себѣ въ курень, а то неровенъ часъ, убьютъ». Козаки съ западной стороны показывали бумаги, взятыя у Ладыженскаго, и кричали: «Вотъ смотрите, что написано: Московскій государь съ королемъ Польскимъ, съ царемъ Турскимъ и съ ханомъ Крымскимъ помирился, а для чего помирился? разумѣется для того, чтобъ Запорожье снести. Вотъ почему мы Ладыженскаго и потопили»!

Покричали и разошлись, не рѣшивши ничего. Старые козаки ворчали между собою въ куреняхъ: «Не знаемъ, что съ этими своевольниками и дѣлать; видишь, сколько ихъ нашло! насъ и старшихъ не слушаютъ!» Кошевой, старшины и старые козаки разсказали Донцу, что пущій бунтовщикъ Страхъ, который Ладыженскаго потопилъ, былъ у нихъ пойманъ и прикованъ къ пушкѣ, но, подпоивъ караульщика и прибивъ его мало не до смерти, сломилъ съ цѣпи замокъ и ушелъ. Онъ скрылся въ Крымскомъ городѣ Исламѣ; но Татары, признавъ въ немъ убійцу своихъ, повѣсили его.

Донецъ возвратился къ Брюховецкому съ грамотою отъ кошеваго, въ которой тотъ писалъ, что Запорожцы сами

рады бы были казнить преступниковъ, совершившихъ такое злое дѣло; но ихъ до сихъ поръ въ Кошѣ нѣтъ. Но при этомъ Васютенко давалъ знать гетману, что убiйцы татарскихъ гонцовъ могутъ быть извинены. «Собственныя слова гонца, писалъ онъ, возбудили жалость и жестокiй гнѣвъ въ козакахъ: меня, говорилъ Татаринъ, царское величество отпустилъ къ хану съ тѣмъ, чтобы васъ Запорожскихъ козаковъ искоренить, ваше жилище разорить; уже васъ больше щадить не будутъ». Кошевой не счелъ за нужное объяснить, кто же слышалъ эти слова Крымскаго гонца, если убiйцы его не явились въ Сѣчь? Васютенко, выдавая эти слова за непреложно вѣрныя, распространялся по прежнему въ жалобахъ на Московскаго государя, въ жалобахъ, что на нихъ съ трехъ сторонъ сѣти закидываютъ. Въ заключенiе кошевой просилъ, чтобы царь простилъ Запорожцевъ за убiйство Татаръ и Ладыженскаго, обѣщая за это стоять мужественно противъ всякаго непрiятеля.

И вотъ Брюховецкiй дѣйствительно говоритъ Кикину, что государь долженъ простить Запорожцевъ за это двойное убiйство и грабежъ казны: иначе кошевое войско, отобравшись отъ государевой руки, соединится съ Крымскимъ ханомъ и съ Заднѣпровскимъ гетманомъ Дорошенкомъ: «а я, продолжалъ Брюховецкiй, буду стараться, чтобы по времени, не вскорѣ злодѣевъ и заводчиковъ истребить». Донецъ разсказывалъ, что кошевой прямо ему говорилъ: «Если государь насъ проститъ, то мы ради ему впередъ служить; если же будетъ гнѣваться, то у насъ положено, сложась съ Дорошенкомъ и Татарами, пойдемъ воевать въ государевы украинскiе города».

Но прежде всего нужно было разузнать, не поступаютъ ли Московскiе воеводы въ самомъ дѣлѣ дурно съ козаками? Рядъ жалобъ поданъ былъ на Полтавскаго воеводу, князя Волконскаго, за то, что онъ нѣкоторыхъ козаковъ помѣстилъ въ число мѣщанъ и беретъ съ нихъ денежные и медовые оброки. Тотъ же Кикинъ отправился изъ Гадяча въ Полтаву по этому дѣлу, сравнилъ имена челобитчиковъ со сказкой Волконскаго и съ переписными мѣщанскими книгами и нашелъ, что многiе люди прозвищами не сошлись. Тогда онъ обратился къ Полтавскому полковнику, Григорью Витязенку, чтобы тотъ выслалъ къ нему всѣхъ челобитчиковъ на лице къ допросу для подлиннаго розыска.

«Выслать ихъ къ допросу нельзя, отвѣчалъ Витязенко: теперь пора рабочая, пашня и сѣнокосъ, козаки работы не кинутъ и не поѣдутъ; а иныхъ многихъ козаковъ и въ домахъ нѣтъ, живутъ на Запорожьѣ. А что козаки прозвищами не сходятся, такъ это потому: у насъ на Украйнѣ обычай такой, называются люди разными прозвищами, у одного человѣка прозвища три и четыре: по отцу, по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ спискѣ другими. Какъ были присыланы въ Полтаву изъ Москвы переписчики, и они писали многихъ козаковъ въ мужики заочно, а козаки въ то время были всѣ со мною въ походѣ подъ Кременчугомъ, а иные на Запорожьѣ. Самъ переписчикъ жилъ въ Полтавѣ, а по уѣзду посылалъ писать подъячихъ, подъячіе эти и писали козаковъ въ мужики заочно и не распрося подлинно, кто козакъ и кто мужикъ? а мужики имъ нарочно называли козаковъ мужиками для своей легкости, чтобы и казаки съ ними за одно всякіе поборы давали и подводы выставляли».

Кикинъ сталъ освѣдомляться, справедливо ли было донесеніе воеводы на полковника; онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ протопопу Лукѣ, и тотъ сказалъ: «Полковникъ съ воеводою живетъ недружно, козакамъ и мѣщанамъ многимъ къ князю Волконскому ходить заказывалъ: только ты, пожалуйста, меня не выдавай, чтобъ мнѣ отъ полковника гнѣва и гоненья не было». Вечеромъ пришелъ къ Кикину полковой судья Климъ Чернушенко, разговорились, и отъ судьи пошли тѣ же рѣчи, что и отъ протопопа; но Чернушенко былъ разговорчивѣе, началъ разсказывать про свое житье-бытье, что̀ они терпятъ отъ полковника: «Насъ козаковъ полковникъ Витязенко многимъ зневажаетъ и бьетъ напрасно, а жена его женъ нашихъ напрасно же бьетъ и безчеститъ; и кто козакъ или мужикъ упадетъ хоть въ малую вину, и полковникъ его имѣніе все, лошадей и скотъ беретъ на себя. Со всего полтавскаго полка согналъ мельниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему на дворовое строеніе лѣсъ, и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самого гетмана такого дома и строенія нѣтъ; а городъ нашъ Полтава весь опалъ и огнилъ, и о томъ у полковника раденья нѣтъ; станемъ мы ему объ этомъ говорить — не слу-

шаетъ! Мы уже хотимъ бить челомъ великому государю и гетману, чтобы Витязенку у насъ полковникомъ не быть. А приво́дятъ его на всякія злыя дѣла жена его да писарь Ильяшъ Туранской; мы ему писарю не вѣримъ, потому что онъ съ того боку Днѣпра; чтобы отъ него не было измѣны? онъ сдѣлалъ другую печать полковую и держалъ у себя тайно безъ полковничья вѣдома».

Послѣ этого Кикинъ началъ розыскивать по селамъ на счетъ правильности въ сборѣ податей. Оказалось, что въ спискахъ между мужиками были написаны и козаки, но козаки давные, которые козаковали во времена Хмельницкаго, и послѣ тянули съ мѣщанами заодно, когда же пришлось платить подати, то они и вспомнили о своемъ старомъ козачествѣ. Но кромѣ этого оказались дѣйствительныя злоупотребленія со стороны Москалей: переписчики ѣздили по селамъ пьяные и брали деньги—по шагу и по два шага съ человѣка; назначенный для сбора податей рейтарскій прапорщикъ Должиковъ самъ не сбиралъ, присылалъ своихъ деньщиковъ, которые сверхъ государева оброка, брали еще себѣ по чеху съ человѣка. Кикинъ учинилъ управу, за что Брюховецкій со всѣми Полтавскими козаками благодарилъ государя.

Чиня управу по козацкимъ челобитнымъ, чтобы отнять предлогъ ко возстанію, въ Москвѣ сочли за нужное отправить увѣщательную царскую грамоту ко всѣмъ полкамъ войска Запорожскаго: «Московскіе ратные люди, говорилось въ грамотѣ, живутъ съ вами въ городахъ Малороссійскихъ не для того, чтобы наблюдать за вашею вѣрностію, но для вашей защиты, на страхъ врагамъ вашимъ. Мы надѣялись, что перемиріе съ Польскимъ королемъ будетъ принято у васъ съ особенною радостію, потому что вами началась война и прилагались христіанскія крови къ вашей оборонѣ: но вмѣсто всенародной христіанской радости объявилось въ вашихъ городахъ нечаемое противленіе и страшная кровь. Гдѣ слыхано посланниковъ побивать? У васъ безстрашные люди, на свою кровь наступивъ и забывъ судъ Божій, такое преступное и нехристіанское дѣло учинили и злую славу на весь свѣтъ пустили. Мы отъ васъ, какъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидали розысканія и отлученія преступныхъ людей отъ правдивыхъ христіанъ: но нынѣ съ

удивленіемъ слышимъ, что у васъ, вопреки присягѣ и уставленнымъ статьямъ, смятеніе во всемъ поспольствѣ начинается, хотите раду чинить безъ нашего указу, а съ какою мыслію — не знаемъ! Удержитесь отъ такого злаго начинанія! Огонь огнемъ не обычай людямъ тушить; пламень заливать надобно мирною водою, которую милосердый Богъ пріумножилъ, сердечные сосуды и черпала подалъ въ христіанскіе руки наши: почерпая отъ этихъ спасительныхъ струй, крововидный пламень военнаго огня заливать, и зноемъ оскорбленія изсохшія людскія сердца прохлаждать и мирно напоять должно. У васъ нѣкоторые легкомысленные люди въ злой путь гетману Дорошенку хотятъ послѣдовать: а надобно было и самого Дорошенка напоминать единою купелью христіанства; ей попекитесь осемъ богоугодномъ дѣлѣ»!

О богоугодномъ дѣлѣ хотѣлъ попечься Кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель: по обязанности іерейской Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ; уговаривалъ покориться православному государю Московскому. Московское правительство, съ своей стороны, пеклось также о богоугодномъ дѣлѣ: выпустили изъ плѣна брата Дорошенкова, Григорія, за что гетманъ Петръ, въ ноябрѣ, прислалъ царю благодарственную грамоту: «проповѣдывалъ милость, хвалилъ незлобіе, исповѣдовалъ неизреченное благодѣяніе, кланялся до лица земли со всякимъ смиреніемъ, обѣщалъ всякое радѣніе, обѣщалъ не допускать никакого озлобленія государевымъ людямъ».

Кіевской воевода Шереметевъ послалъ сказать ему, чтобы онъ доказалъ благодарность свою на дѣлѣ, отсталъ отъ Татаръ, обратился къ христіанству и служилъ обоимъ великимъ государямъ Московскому и Польскому.—«За милость великаго государя я желаю голову свою сложить, отвѣчалъ Дорошенко; только отъ Татаръ отстать и подъ государевою рукою быть вскорѣ нельзя: будетъ у меня съ королемъ на сеймѣ договоръ въ силу постановленія съ гетманомъ Яномъ Собѣскимъ, который обѣщалъ отдать мнѣ Бѣлую Церковь, но она до сихъ поръ мнѣ не отдана, и если Бѣлой Церкви послѣ сейма мнѣ не отдадутъ, то я буду доступать ее самъ». Боярскій посланецъ требовалъ у До-

рошенка, чтобы онъ не пускалъ Татаръ за Днѣпръ на государевы Малороссійскіе города.—«О татарскихъ замыслахъ я ничего не знаю, отвѣчалъ Дорошенко: а если Татары и придутъ, то у нихъ и у меня и у всего войска Запорожскаго есть непріятель поближе государевыхъ городовъ: служилъ я съ козаками королю Польскому много лѣтъ и головы свои за него складывали, а выслужили то, что Поляки церкви Божіи обратили въ унію; король дастъ намъ на всякія вольности привилегіи и универсалы, а потомъ пришлетъ Поляковъ и Нѣмцевъ, и тѣ всякія вольности у насъ отнимаютъ, и православныхъ христіанъ, не только простыхъ козаковъ, но и полковниковъ, старшинъ бьютъ, мучатъ, берутъ съ насъ всякіе поборы, и во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а иныя обратили на костелы, чего всякому православному христіанину терпѣть невозможно, и мы за православную вѣру и за правды свои стоять будемъ. Я христіанскаго кровопролитія не желаю, а если я пошлю Татаръ на государевы города, то пусть тогда разольется моя кровь; если бы я служилъ государю столько же, сколько королю, то получилъ бы отъ царскаго величества милость; я подъ рукою великаго государя быть давно желалъ, только меня прежде не призывали; а отъ Татаръ мнѣ вскорѣ отлучиться нельзя, потому что прежде чѣмъ придутъ государевы полки на защиту, Татары насъ разорятъ. Татары мнѣ безпрестанно говорили, чтобы идти разорать государевы Малоросійскіе города, но я ихъ удержалъ, боярину Шереметеву объ осторожности противъ Татаръ писалъ и впредь писать буду; быть подъ рукою великаго государя желаю, боярства и ничего отъ него не хочу, хочу только государевой милости, чтобы козаки оставались при своихъ правахъ и вольностяхъ. По Андрусовскому договору Кіевъ надобно Полякамъ отдать: но я со всѣмъ войскомъ головы свои положимъ, а Кіева Полякамъ не отдадимъ».

Посланецъ видѣлся и съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ и съ монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ, говорилъ имъ, чтобъ они отводили Дорошенка отъ Татаръ. Оба обѣщали. Всѣ, Петръ Дорошенко съ братомъ Григоріемъ, Тукальскій и Хмельницкій говорили посланному по секрету, что будутъ давать знать боярину Шереметеву о всякихъ тайныхъ

вѣстяхъ непремѣнно, за то что бояринъ оказываетъ къ нимъ большую любовь, посланцамъ ихъ честь великую воздаетъ, поитъ, кормитъ и подарками великими гетмана и посланцевъ его даритъ.

Шереметевъ не жалѣлъ подарковъ, чтобы только задобрить опаснаго Дорошенка, отъ котораго теперь зависѣло спокойствіе восточной украйны, именемъ котораго волновались Запорожцы. Въ Москвѣ Ординъ-Нащокинъ зорко слѣдилъ за Чигириномъ; онъ отправилъ въ Переяславль стряпчаго Тяпкина, для свиданія съ Григоріемъ Дорошенкомъ, для склоненія гетмана Петра отстать отъ Татаръ и быть подъ рукою великаго государя, ибо соединеніе съ Польшею для него болѣе уже невозможно. Тяпкинъ сообщалъ Нащокину, что Тукальскій уговариваетъ Дорошенка поддаться Московскому государю, думая чрезъ это добиться митрополіи Кіевской, а епископъ Меѳодій радъ бы и неслыхать о Тукальскомъ, не только видѣть его, точно такъ какъ Брюховецкій не хочетъ слышать о Дорошенкѣ, боясь лишиться чести своей. Мѣщане и козаки, особенно черный народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра очень любятъ и почитаютъ Тукальскаго и Дорошенка. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину, что Печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ, также бы отписать и къ прочимъ игумнамъ и братіи Кіевскихъ монастырей, потому что чрезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласное и развратное. Въ Переяславлѣ нѣтъ вѣрнаго и добраго человѣка ни изъ какихъ чиновъ, всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, ни въ одномъ словѣ вѣрить никому нельзя. Одно средство повернуть ихъ на истинный путь — послать тысячи три ратныхъ людей: тогда испугаются и будутъ вѣрны; а которые теперь ратные люди въ Переяславлѣ не многіе, тѣ всѣ наги, босы, голодны и бѣгутъ отъ бѣдности розно. Хуже всего для меня то, что не могу вѣрнаго человѣка пріобрѣсти изъ здѣшнихъ, послѣднее бы отдалъ, да лихи лгать, божатся, присягаютъ и лгутъ».

Но лгалось не въ одномъ Переяславлѣ, лгалось сильно въ Чигиринѣ, хотя здѣсь не было никакой нужды лгать, по независи-

мости положенія. 1-го января 1668 года Петръ Дорошенко написалъ Тяпкину рѣзкое письмо, что не можетъ поддаться царю; причины къ отказу можно было бы найти; но Дорошенко наполнилъ письмо лжами и клеветами. Богданъ Хмельницкій, по словамъ Дорошенка, отдалъ Москвѣ не только Бѣлую Русь, но и всю Литву съ Волынью; во Львовъ (!) и въ Люблинъ царскихъ ратныхъ людей ввелъ и многою казною учредилъ. Какая же благодарность! Пословъ гетманскихъ Московскіе коммиссары въ Вильнѣ до переговоровъ не допустили! Выговскаго гетманомъ учредили и, между тѣмъ, подвигли на него Пушкаря, Безпалаго, Барабаша, Силку! Въ Андрусовскомъ договорѣ оба монарха усовѣтовали смирять, т. е. искоренять козаковъ. Дорошенко рѣшился даже упрекнуть Московское правительство за возвращеніе Польшѣ Бѣлоруссіи, вслѣдствіе чего здѣсь опять началось гоненіе католиковъ на церкви православныя. Дерзость Дорошенки перешла наконецъ предѣлы, перешла въ смѣшное, въ шутовство: онъ спрашиваетъ у Тяпкина: «на какомъ основаніи вы безъ насъ рѣшили одни города оставить, другіе отдать, тогда какъ вы ихъ пріобрѣли не своею силою, но Божіею помощію и нашимъ мужествомъ?»—И въ тоже самое время Дорошенко и братъ его Григорій въ сношеніяхъ съ Тяпкинымъ безпрестанно повторяли, что они подданные короля: но провозглашая себя королевскими подданными, по какому праву выговаривали они Московскому правительству за уступки земель въ королевскую сторону? Этого мало: зная очень хорошо, что всѣмъ извѣстно отступничество ихъ отъ короля къ султану, они рѣшались утверждать, что настоящій союзъ ихъ съ ханомъ основывается на Гадячскомъ договорѣ Выговскаго съ Польшею, по которому козаки должны были находиться подъ властію королевскою и въ союзѣ съ Татарами! Но когда нужно было похвастаться, показать свое значеніе, то все позабывалось, и начинали твердить, что Андрусовскимъ перемиріемъ Москва обязана имъ козакамъ, ибо они съ Татарами напали на Поляковъ, и заставили послѣднихъ спѣшить миромъ съ Москвою. Такую страшную порчу произвели политическія смуты, шатость въ этихъ несчастныхъ людяхъ, заставили потерять уваженіе къ самимъ себѣ, къ своимъ словамъ!

Козаки никакъ не могли переварить Андрусовскаго перемирія, не потому, что, благодаря имъ же, Москва должна была заключить на условіи—кто чѣмъ владѣетъ и отказаться отъ западнаго берега Днѣпра; но потому, что миръ между двумя государствами, изъ которыхъ каждое имѣло много причинъ негодовать на козаковъ, былъ опасенъ для послѣднихъ; козаки подозрѣвали соглашеніе обоихъ государствъ противъ себя, но не довольствовались высказываньемъ однихъ подозрѣній, а прямо уже утверждали, что соглашеніе дѣйствительно существуетъ. Они отводили душу тѣмъ, что стращали Москву непродолжительностію мира: «Договоръ съ польской стороны не будетъ исполненъ, говорилъ Григорій Дорошенко Тяпкину: князья Вишневецкіе, иные сенаторы и шляхта, которые имѣли въ Малороссіи города, мѣстечки и села, теперь этихъ маетностей всѣхъ отбыли, а королю наградить ихъ нечѣмъ, и оттого Польша должна будетъ нарушить мирный договоръ». Григорій Дорошенко не отставалъ отъ брата въ вымышленіи винъ Московскаго правительства относительно козаковъ: «Великій государь, говорилъ онъ, далъ козакамъ право: на гетманство и на всякіе уряды выбирать своихъ природныхъ козаковъ: а теперь у великаго государя выбранъ въ гетманы не природный украинскій козакъ, также и полковники многіе иноземцы, Волохи и неприродные козаки, и войско запорожское отъ того въ великомъ непостоянствѣ пребываетъ, а Заднѣпровскій гетманъ и старшіе всѣ природные козачьи дѣти. Да и отъ того многіе бунты: по указу великаго государя нынѣ гетмана учинятъ, грамоту, булаву и хоругвь вручатъ, а послѣ другаго гетмана втайнѣ выберутъ, грамоту булаву и хоругвь ему вручаютъ, и вотъ эти гетманы—Выговскій, Пушкаренко, Барабашъ, Силка, Безпалый, Искра, желая каждый удержать данную себѣ честь, междоусобіе въ войскѣ Запорожцевъ учинили. Отъ неприродныхъ гетмановъ и полковниковъ прямые воры свободны, а вѣрные слуги царскіе—Самко гетманъ, Васюта Золотаренко, Апика Черниговскій горькою смертію казнены».

Дерзость, упреки смѣнялись робостію, просьбами. Пронесся слухъ, что царь пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и вотъ Григорій Дорошенко обратился съ просьбою къ Тяпкину: «Когда царское величество, дастъ Богъ, будетъ въ Кіевѣ съ великими

силами, тогда опасаемся накрѣпко и весь народъ сильно ужасается, чтобы, надѣясь на силы царскаго величества, Поляки на насъ не пошли войною; милости просимъ у великаго государя, чтобъ не позволилъ своему войску помогать Полякамъ. Народы наши сильно боятся прихода царскаго величества въ Кіевъ, не вѣрятъ, что молиться идетъ. А когда Поляки одни на насъ будутъ наступать, и мы поднимемъ противъ нихъ Татаръ, то царское величество на насъ не гнѣвался бы и ратей своихъ на насъ не посылалъ». Наконецъ Григорій Дорошенко объявилъ Тяпкину тайную статью: «Подъ высокодержавною рукою царскаго величества быть хотимъ, только бы у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ воеводъ, ратныхъ людей и всякихъ начальниковъ Московскихъ не было, вольности наши козацкія и права были бы не нарушены и гетманомъ бы на обѣихъ сторонъ Днѣпра быть Петру Дорошенку, поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не брать; а гетману Брюховецкому по милости великаго государя можно прожить и безъ гетманства, потому что пожалованъ самою высокою честью и многими милостями».

Но выговаривая себѣ у Москвы гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, Дорошенко, вмѣстѣ съ Тукальскимъ, хлопоталъ объ этомъ другимъ путемъ, поднимая возстаніе противъ Москвы и на восточномъ берегу, обманомъ побуждая къ возстанію и самого Брюховецкаго.

Мы видѣли, что тѣ же самыя опасенія, какія высказывались въ Чигиринѣ относительно союза обоихъ государствъ противъ козаковъ, высказывались и въ Запорожьѣ, и мы видѣли, что Запорожцы и всѣ вообще козаки поведеніемъ своимъ спѣшили заставить Московское правительство дѣйствительно смотрѣть враждебно на козачество. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести въ Москвѣ извѣстіе объ убійствѣ Крымскихъ гонцовъ и потомъ объ убійствѣ Ладыженскаго и о волненіяхъ въ цѣлой Украйнѣ, а Брюховецкій писалъ, чтобы великій государь простилъ Запорожцевъ, иначе будетъ плохо! Понятно, что послѣ этого въ Москвѣ не могли встрѣчать козацкихъ посланцевъ съ улыбающимся лицемъ и распростертыми объятіями. Такъ присланный гетманомъ бунчужный пробылъ въ Москвѣ только три дня, государевыхъ очей не видалъ, от-

пущенъ ни съ чѣмъ, и, возвратясь, разсказывалъ, будто Ординъ-Нащокинъ, отпуская его, сказалъ: «Пора уже васъ къ Богу отпущать»! Аѳанасій Лаврентьевичь, какъ человѣкъ порядка, любитель крѣпкой власти, дѣйствительно былъ не охотникъ до козаковъ, и козакамъ онъ былъ особенно непріятенъ и страшенъ, какъ виновникъ Андрусовскаго перемирія, сближенія Москвы съ Польшею, виновникъ того, что ненавистной шляхтѣ, лишенной козаками земель въ Украйнѣ, государь пожаловалъ милліонъ въ вознагражденіе; козакамъ представлялось, что Нащокинъ докончитъ свое дѣло, и вотъ между ними понесся слухъ, что Нащокинъ идетъ въ Малороссію съ большимъ войскомъ—и какого добра ждать козакамъ отъ Нащокина?

Но всѣ эти опасенія, слухи и волненія между козаками, не могли бы имѣть важныхъ послѣдствій на восточномъ берегу Днѣпра, если бы въ челѣ движенія противъ Москвы не сталъ самъ бояринъ и гетманъ, царскаго престола нижайшая подножка. Что же заставило боярина превратиться вдругъ въ козака, прямо выразить свое сочувствіе Стенькѣ Разину?

Врагъ Брюховецкаго, епископъ Меѳодій находился въ Москвѣ въ 1666 и началѣ 1667 года, по Никоновому дѣлу. Поведеніе Меѳодія въ Кіевѣ по вопросу о митрополитѣ и ожесточенная вражда его къ гетману, столь противная спокойствію Малороссіи и государственнымъ въ ней интересамъ, не могли не ослабить того расположенія, какимъ прежде пользовался епископъ въ Москвѣ. Хотя опытъ и долженъ былъ научить здѣсь не вѣрить всѣмъ доносамъ, приходившимъ изъ Малороссіи: однако постоянныя и сильныя обвиненія боярина и гетмана также не могли остаться безъ дѣйствія. Меѳодій увидалъ перемѣну; чести ему прежней не было, попросилъ онъ однажды соболей — соболей не дали, и, при отпускѣ въ Малороссію, строго наказали: не продолжать смуты, помириться съ гетманомъ. Въ сильномъ раздраженіи выѣхалъ преосвященный изъ Москвы, направляя путь въ Гадячь, столицу гетманскую. Здѣсь уже знали о выѣздѣ Меѳодія изъ Москвы; страшно стало боярину и гетману; и вотъ станица знатныхъ козаковъ помчалась изъ Гадяча въ Смѣлую, маетность Кіевопечерскаго монастыря, гдѣ жилъ въ это время самъ отецъ архимандритъ, Иннокентій Гизель; козаки везли приглашеніе архимандриту пріѣхать въ Гадячь, боярину и гет-

ману очень нужно съ нимъ видѣться. Гизель испугался, жилъ онъ съ гетманомъ въ большихъ неладахъ; но дѣлать нечего, не поѣдетъ, такъ козаки неволею повезутъ, поѣхалъ. — «За что это вы на меня сердитесь, и въ Печерской святой великой лаврѣ за меня Бога не молите»? встрѣтилъ Брюховецкій Гизеля. — «Зла тебѣ мы никакого не хотимъ, отвѣчалъ тотъ, а не ласку твою видимъ: многократно мы писали къ тебѣ съ великимъ прошеніемъ слезнымъ, что козаки лавру нашу Печерскую разоряютъ, въ маетностяхъ подданныхъ бьютъ, коней и воловъ и всякій товаръ и хлѣбъ грабятъ, меня и братью мою, иноковъ, людей честныхъ безчестятъ, бьютъ; ты учинилъ немилосердіе, писаніе и слезное наше прошеніе презрѣлъ, и за такую къ святой обители неласку твою мы за тебя Бога не молили». — «Правда, сказалъ Брюховецкій: козаки надѣлали много зла святой обители; я имъ вѣрилъ, а теперь вѣрить не стану. Слышу, что ѣдетъ изъ столицы епископъ Меѳодій; до сихъ поръ было у насъ тихо, а какъ пріѣдетъ, то не будетъ ли намъ лиха? Поговори ка ему, отецъ архимандритъ, чтобы онъ со мною помирился, зло укротилъ и жилъ въ совѣтѣ, чтобы во всемъ Малороссійскомъ краю люди жили въ покоѣ и великому государю нашему чистыми сердцами работали».

Бояринъ и гетманъ напрасно безпокоился: Меѳодій самъ явился къ нему съ словомъ примиренія, все старое было забыто, кромѣ старой дружбы, бывшей до 1665 года; и въ знакъ новой дружбы дочь епископа сосватана была за племянника гетманскаго. Но гетманъ и епископъ подружились и породнились не для того, чтобы чистыми сердцами работать царскому величеству: Меѳодій передалъ свату все свое неудовольствіе, все свое раздраженіе противъ неблагодарной Москвы, передалъ ему свои наблюденія, свои страхи, что Москва готовитъ недоброе для Малороссіи. Но одними тайными разговорами съ гетманомъ Меѳодій не удовольствовался. Изъ Гадяча поѣхалъ онъ въ свой родной городъ Нѣжинъ, и здѣсь въ своемъ домѣ при гостяхъ бранилъ вельможъ и архіереевъ Московскихъ; въ черномъ свѣтѣ выставлялъ нравы тамошнихъ людей, клялся, что никогда ноги его не будетъ въ Москвѣ. Тѣ же рѣчи началъ онъ говорить у протопопа въ присутствіи воеводы царскаго, Ивана Ржевскаго, такъ что воевода счелъ приличнымъ для себя уйти, не дождавшись обѣда. Меѳо-

дій не скрывалъ причину своего неудовольствія на Москву: безчестили его тамъ: соболей и корму, сколько хотѣлъ, не давали. Но Меѳодій, говоря о своей обидѣ, не забывалъ внушить, что обида готовится и всей Малороссіи: «Ординъ-Нащокинъ, говорилъ онъ, Ординъ-Нащокинъ идетъ изъ Москвы со многими ратными людьми въ Кіевъ и во всѣ Малороссійскіе города, чтобы всѣ ихъ высѣчь и выжечь и разорить безъ остатку. Рѣчи эти дошли до Тяпкина въ Переяславль; тотъ нарочно прискакалъ въ Нѣжинъ, чтобы спросить у Меѳодія, отъ кого это онъ слышалъ? Епископъ сказалъ отъ кого: «Московскіе торговые люди, которые ѣздятъ съ товарами въ Литву и Польшу и потомъ пріѣзжаютъ въ Малороссію, сказываютъ мѣщанамъ, что бояринъ Аѳасій Лаврентьевичь со многими ратными людьми идетъ въ Малую Россію для отдачи Кіева; а къ гетману и ко мнѣ въ грамотахъ великаго государя о Кіевѣ и о Малороссійскихъ городахъ не объявлено, и мы съ гетманомъ объ этомъ очень скорбимъ и смущаемся». Меѳодій далъ знать и въ Москву о слухахъ, что Кіевъ и всѣ украйные города уступлены Ляхамъ, писалъ, что онъ объявляетъ объ этомъ, видя во всемъ народѣ смятеніе и помня къ себѣ великаго государя милость. Шереметевъ, узнавши въ Кіевѣ о рѣчахъ Меѳодія, отправилъ къ нему немедленно голову Московскихъ стрѣльцовъ Лопатина сказать, что всѣ слухи, безпокоющіе Малороссіянъ, вздорные: «Великій государь, говорилъ Лопатинъ, учинилъ миръ съ королемъ для того, чтобы въ его государской стародавной дѣдичной отчинѣ, въ градѣ Кіевѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ всякій человѣкъ въ православіи доброхотно жилъ въ добромъ покоѣ и веселіи. Нынѣ великій государь хочетъ идти въ Кіевъ, поклониться его святынѣ, свою отчину, городъ Кіевъ осмотрѣть, Малороссійскіе города и вѣрнаго войска Запорожскаго ратныхъ людей и всѣхъ жителей своимъ пришествіемъ увеселить и вовѣки непоколебимыхъ въ вѣрѣ и подданствѣ учинить; а боярина своего, Аѳанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина изволилъ въ Малороссійскіе города послать напередъ себя, какъ издавна государскій чинъ належитъ: передъ государскимъ походомъ посылаются бояре и думные люди для заготовленія записокъ и для объявленія всѣмъ о походѣ царскомъ. А что бунчужный написалъ о словахъ боярина Ордина-Нащокина, и то дѣло нестаточное: бояринъ Аѳа-

насій Лаврентьевичь человѣкъ умный, государскихъ великихъ дѣлъ положено на немъ множество, и такихъ словъ не только что бунчужному въ-слухъ говорить, и тайно мыслить не будетъ; такія слова вмѣстилъ какой-нибудь врагъ Креста Господня, сатанинъ угодникъ, ненавистникъ рода христіянскаго. Тебѣ бы, епископу, слыша, что плутишка бунчужный такія слова вмѣстилъ, разговаривать, что ничего такого быть не могло».

Но эти увѣщанія не дѣйствовали. Меѳодій писалъ Брюховецкому: «Ради Бога не оплошайся. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей. Чаять того, что честной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ съ нами, взявъ за шею, выдать Ляхамъ. Почему знать, не на томъ ли и присягнули другъ другу: много знаковъ, что объ насъ торгуются. Лучше бы насъ не манили, чѣмъ такъ съ нами коварно поступать! Въ великомъ остерегательствѣ живи, а Запорожцевъ всячески ласкай; сколько ихъ вышло, ими укрѣпляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засѣла. Мой такой совѣтъ, потому что утопающій и за бритву хватается: не послать ли тебѣ пана Дворецкаго для какого-нибудь воинскаго дѣла къ царскому величеству? чтобы онъ сошелся съ Нащокинымъ, вывѣдалъ что-нибудь отъ него и далъ тебѣ знать; у него и своя бѣда: оболганъ Шереметомъ и сильно жалуется на свое безчестіе. Недобрый знакъ, что Шереметъ самыхъ бездѣльныхъ Ляховъ любовно принимаетъ и ихъ потчиваетъ, а козаковъ, хотя бы какіе честные люди, за ляцкихъ собакъ не почитаетъ и похваляется на нихъ, да и съ Дорошенкомъ ссылается! Богъ вѣсть, то все не намъ ли на зло? Надобно тебѣ очень осторожну быть и къ Нащокину не выѣзжать, хотя бы и манилъ тебя. Мнѣ своя отчизна мила: сохрани Богъ, какъ возьмутъ насъ за шею и отдадутъ Ляхамъ или въ Москву поведутъ. Лучше смерть нежели золъ животъ. Будь остороженъ, чтобы и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка Ляхамъ не отослали»!

Но Брюховецкій не ограничился одною осторожностію: онъ прямо измѣнилъ, прямо поднялъ возстаніе противъ царя. Но неужели Меѳодій такъ умѣлъ передать свое раздраженіе, свои опасенія Брюховецкому, что тотъ по однимъ внушеніямъ епископа, рѣшился сдѣлать это? Нѣтъ сомнѣнія, что Меѳодій сво-

ными внушеніями приготовилъ гетмана къ измѣнѣ, но окончательно Брюховецкій рѣшился на нее по другимъ, болѣе сильнымъ побужденіямъ. Мы видѣли, какіе замыслы питались на западномъ берегу Днѣпра, въ Чигиринѣ: Дорошенко хотѣлъ быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Тукальскій митрополитомъ Кіевскимъ и всей Малороссіи. Тукальскій былъ непрочь достигнуть своей цѣли и съ помощію Москвы; и Дорошенко готовъ былъ называться гетманомъ царскаго величества; но старый соумышленникъ Выговскаго не хотѣлъ быть гетманомъ на условіяхъ Брюховецкаго, а другихъ условій теперь трудно было получить отъ Москвы. И вотъ Дорошенко и Тукальскій находятъ средство оторвать восточный берегъ Днѣпра отъ Москвы — съ помощію самого Брюховецкаго. Тукальскій завелъ переписку съ послѣднимъ, сталъ его обнадеживать, что Дорошенко уступитъ ему свою булаву, и такимъ образомъ будетъ онъ Брюховецкій гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, но прежде всего онъ долженъ выжить изъ Украйны воеводъ Московскихъ, отложиться отъ царя и отдаться подъ покровительство султана. Самъ Дорошенко писалъ, что царь прислалъ къ нему Тяпкина съ призывомъ на гетманство восточной стороны Днѣпра. Брюховецкій не преодолѣлъ искушенія, тѣмъ болѣе, что внушенія Меѳодія уже сдѣлали свое дѣло: Брюховецкій, потакая Москвѣ, возбудилъ противъ себя ненависть въ козачествѣ; но какого добра ждать отъ Москвы?—объ этомъ знаетъ епископъ Меѳодій, объ этомъ знаетъ бунчужный; надобно выйти изъ тяжелаго положенія между двумя огнями, между ненавистію козацкою и замыслами Московскими—и средство готово: поднявшись противъ Москвы, противъ воеводъ царскихъ, Брюховецкій пріобрѣталъ расположеніе козаковъ, Дорошенко откажется отъ гетманства, и Иванъ Мартыновичь засядетъ въ столицѣ Богдана Хмельницкаго.

И вотъ гетманъ шлетъ за полковниками, зоветъ ихъ на тайную раду; въ Гадячь съѣхались: Нѣжинскій полковникъ Артема Мартыновъ, возведенный на мѣсто сверженнаго Брюховецкимъ Гвинтовки, Черниговскій Иванъ Самойловичь (будущій гетманъ), Полтавскій Костя Кублицкій, Переяславскій Дмитрій Райча, Миргородскій Грицко Апостоленко, Прилуцкій Лазарь Горленко, Кіевскій Василій Дворецкій. Была рада о томъ, ка-

ними мѣрами дѣло начать, какъ выживать Москву изъ Малороссійскихъ городовъ? Сначала полковники слушали Брюховецкаго недозрительно, думали, что онъ этими словами искушаетъ ихъ; Брюховецкій замѣтилъ это и поцѣловалъ Крестъ, и полковники ему поцѣловали.

Уже въ концѣ 1667 года между козаками пущена была вѣсть, что Брюховецкій больше не нижайшая подножка царскаго престола, и волненія начались. Въ Батуринскомъ и Батманскомъ уѣздахъ козаки Переяславскаго полка начали разорять крестьянъ, бить ихъ, мучить, править деньги и всякіе поборы, вслѣдствіе чего уѣздные люди перестали давать деньги и хлѣбъ въ казну царскую. Въ январѣ 1668 года въ Миргородѣ многіе мѣщане записались въ козаки и отказались платить подати въказну; пріѣхалъ челядникъ Брюховецкаго и запретилъ мельникамъ давать въ казну хлѣбъ. Въ Сосницѣ нечего было взятъ съ мѣщанъ и крестьянъ, которые, отъ козацкаго разоренія или разбрелись или сами записались въ козаки. Тоже самое произошло въ Козелецкомъ уѣздѣ. Въ Прилукахъ въ большомъ городѣ стояла на площади вѣстовая пушка: полковой есаулъ велѣлъ пушку взять и поставить въ проѣзжихъ воротахъ, и когда воевода прислалъ солдатъ взять пушку въ верхній городокъ, то есаулъ билъ солдатъ и пушки не далъ: «Мы и изъ верхняго городка всѣ пушки вывеземъ!» кричалъ онъ; по его же наушенію всѣ мѣщане и поселяне перестали платить подати, и сборщикамъ нельзя стало появляться въ уѣздахъ: имъ грозили смертію; козаки грабили мѣщанъ - откупщиковъ, рѣзали имъ бороды, и прямо говорили мѣщанамъ: «Будьте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и Русскимъ людямъ жить всего до масляницы.» Въ Нѣжинѣ откупщики были не изъ мѣщанъ, и тѣмъ сильнѣе сердились на нихъ послѣдніе; но здѣшніе мѣщане, довольные воеводою Ржевскимъ, дѣйствовали законнымъ путемъ, послали челобитчиковъ въ Москву, чтобъ государь хотя на одинъ годъ льготою ихъ пожаловалъ для уплаты долговъ. «На арендовый откупъ даны были грамоты самому городу, а теперь стрѣлецъ откупаетъ изъ наддачи, чиня великую обиду оплаканому мѣсту; утвержденные грамотами доходы на ратушу: вѣсчее, помѣрное, съ продажи лошадей, дегтярная торговля, табакъ и мельницы Авдѣевскія— всѣ эти доходы стрѣлецъ Спицынъ съ великою налогою выди-

раетъ. По жалованной грамотѣ, въ случаѣ большой неправды въ судѣ, указано не звать магистрата къ боярину и воеводѣ, но звать въ Москву; а теперь Кіевскій приказъ все это разорилъ.» —Но кто былъ виноватъ при тогдашней новости, неопредѣленности отношеній? Челобитчики указали любопытный случай: въ гостяхъ у Троицкаго попа Ильи Нѣжинскій мѣщанинъ Петрушка Сасимовъ учинилъ досадительство невѣдомо какое райцѣ Гаврилѣ Тимоѳеевү; райца началъ ему говорить: «Изневажилъ ты жену мою, а теперь и меня изневажаешь: буду на тебя права просить!» А Петрушка, показавъ ему кукиши, сказалъ: «Вотъ вамъ на ваше право!» Тутъ былъ бурмистръ Яковъ Ждановъ; обидѣлся онъ такимъ поруганіемъ праву и пошелъ донести объ этомъ въ съѣзжей избѣ воеводѣ. Воевода сказалъ Петрушку на судъ въ ратушу; но Петрушка отправилъ жену въ Кіевъ къ боярину Шереметеву съ челобитьемъ, и тотъ велѣлъ взять въ Кіевъ бурмистра и райцу; сидѣли они въ приказѣ въ оковахъ больше двухъ недѣль, да за порукою выжили въ Кіевѣ 12 недѣль, суда и очной ставки ни съ кѣмъ не было, а взяли за правежомъ въ съѣзжей избѣ 220 рублей невѣдомо за что.— Изъ Москвы была послана немедленно грамота въ Кіевъ, чтобы Шереметевъ разъяснилъ дѣло, да чтобы не велѣлъ брать въ Кіевъ изъ Нѣжина ратушныхъ людей по челобитьямъ. Нѣжинцы били также челомъ, чтобы государь велѣлъ еще оставить у нихъ воеводу Ржевскаго, потому что онъ человѣкъ добрый, живетъ съ ними Бога боясь, никакихъ бѣдъ, разоренья и воровства не допускаетъ. И въ тоже время били челомъ на Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, что великую имъ гoресть учинилъ, отнялъ два села.

Въ концѣ января Шереметеву въ Кіевъ дали знать, что въ Чигиринѣ была рада, сошлись—Дорошенко, митрополитъ Тукальскій, Гедеонъ Хмельницкій, полковники, вся старшина, послы Крымскіе, монахъ, присланный отъ Меѳодія и посолъ отъ Брюховецкаго. Дорошенко не вытерпѣлъ и началъ говорить послѣднему: «Брюховецкій человѣченко худой и не породный козакъ: для чего бремя такое великое на себя взялъ и честь себѣ, которой недостоинъ, принялъ? и козаковъ отдалъ Русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣка не бывало»—«Брюховецкій это сдѣлалъ по неволѣ, отвѣчалъ посланный: взятъ онъ

быть со всею старшиною въ Москву.» Дорошенко притворился удовлетвореннымъ этимъ отвѣтомъ и со всею старшиною утвердилъ: по обѣ стороны Днѣпра жителямъ быть въ соединеніи, жить особо и давать дань Турскому султану и Крымскому хану, какъ даетъ Волошскій князь; Турки и Татары будутъ защищать козаковъ и вмѣстѣ съ ними ходить на Московскія украйны. Послышался и голосъ монаха Хмельницкаго: «Я всѣ отцовскіе скарбы откопаю и Татарамъ плату дамъ, лишь бы только не быть подъ рукою Московскаго царя и короля Польскаго; хочу я монашеское платье сложить и быть мірскимъ человѣкомъ.» На той же радѣ положили: въ Малороссійскихъ городахъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей побить. Были на радѣ и послы отъ Запорожья: они присягнули за свою братью быть подъ властью Дорошенка. Татары уже стояли подъ Чернымъ лѣсомъ: Дорошенко хотѣлъ часть ихъ отправить съ братомъ на Польшу, а съ другою частію идти самъ на Московскія украйны.

Когда въ Москвѣ изъ отписокъ Шереметева узнали о волненіяхъ въ Малороссіи, то къ Брюховецкому, въ началѣ февраля, пошла царская грамота: «Козаки не даютъ денегъ и хлѣба на раздачу нашимъ служилымъ людямъ; воеводы писали къ тебѣ объ этомъ, а ты не вѣришь и отъ своевольства козаковъ не удерживаешь, въ своихъ воляхъ безстрашно чернь пишутъ въ козаки, а нашихъ ратныхъ людей голодомъ и всякою тѣснотою морятъ, чтобы и остальные отъ нужды разошлись. Гонцы наши малороссійскими городами съ великою нуждою проѣзжаютъ, въ въ подводахъ имъ отказываютъ, во всемъ чинятся непослушны и безстрашны. Смотрѣть за козаками ваша гетманская обязанность, также полковниковъ и всей старшины, которые многою нашею милостію пожалованы, а преступленія ихъ всѣ забыты. Ты въ письмѣ своемъ называешься вѣрнаго войска гетманъ, и неотлучно житье твое съ козаками, а въ противныхъ дѣлахъ не сдерживаешь: и та вѣрность не противъ обѣщанія, надобно держать ее на дѣлѣ, а не на языкѣ; которые устами чтутъ, а сердца ихъ отстоятъ далече, такимъ судитъ Богъ. Знатно по такимъ козацкимъ своевольнымъ дѣламъ явное отступленіе не только отъ подданства нашего, но и отъ вѣры христіанской: отступивъ отъ Бога жива и отъ обороны христіанской, предаются бусурманамъ въ вѣчное проклятство. Думаютъ, что Кіевъ будетъ у-

тупленъ въ Польскую сторону и за то прежде времени подъ злое бусурманское иго поддаются, а не разсудятъ, что до того времени души христіанскія спаслись бы отъ крови и отъ аляну бусурманского: вѣрнымъ христіанамъ годится ли такое злое убійство брать на свои души? Для обнадеживанія христіанскихъ людей и для приведенія къ истинѣ шатающихся посылаемъ къ вамъ съ надежнымъ объявленіемъ дворянина Желябужскій, который прочтетъ вамъ и полковникамъ договорныя посольскія статьи съ королемъ Польскимъ; вы бы, согласившись съ епископомъ Мефодіемъ, съ полковниками и старшиною, съѣхались въ одно мѣсто, говорили и малодушныхъ утверждали духомъ кротости, чтобъ объ отдачѣ Кіева никакого бы смутнаго помышленія христіанскіе народы не имѣли: дастъ Богъ дойдетъ впредь миромъ христіянскимъ къ успокоенію безо всякаго оскорбленія. Въ войну, многіе убытки принявъ, украйцы мы не отступилисьl А если малодушные волнуются за то, чтобъ нашимъ воеводамъ хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ не вѣдать, хотятъ взять эти сборы на себя: то пусть будетъ явное челобитье отъ всѣхъ Малороссійскихъ жителей къ намъ, мы его примемъ милостиво и разсудимъ, какъ народу легче и Богу угоднѣе. Мы указали сбирать поборы съ черни полковникамъ съ бурмистрами и войтами по ихъ обычаямъ, безъ всякаго оскорбленія, и давать служилымъ людямъ на кормъ и платье, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя не посылать. А которыхъ посыльныхъ своихъ съ письмами станешь къ намъ впредь посылать, то выбирай разумныхъ и вѣрныхъ людей, а не такихъ, что твой бунчужный, которой вмѣсто нашей государской милости, ненавистныя дурныя рѣчи въ народъ внесъ.»

6 февраля написана была эта грамота, а 8-го, бояринъ и гетманъ уже началъ свое дѣло въ Гадячѣ. Въ этотъ день воевода Огаревъ и полковники Московскаго войска, по обычаю, пришли къ гетману на дворъ челомъ ударить. Брюховецкій былъ дома, но не сказался; вышелъ изъ хоромъ карликъ Лучка и сказалъ: «Гетманъ пошелъ молиться въ церковь подъ гору.» Огаревъ посылалъ деньщика къ церкви провѣдать про гетмана; посланный никого тамъ не нашелъ, и Огаревъ отправился къ обѣдни, а полковники по домамъ. Въ половину обѣдни Брюховецкій присылаетъ за полковникомъ Яганомъ Гулцомъ и говоритъ ему: «При-

пише ко мнѣ изъ Запорогъ кошевой атаманъ да полковникъ Сирко съ козаками, говорятъ: не любо намъ, что царскіе воеводы въ Малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды, а я къ царскому величеству объ этомъ писалъ, но отвѣта не бывало; такъ вы, полковники, изъ городовъ выходите.» — «Пойдемъ за воеводою и за моими товарищами,» сказалъ на это Нѣмецъ. Брюховецкій сталъ бранить воеводу: «Если вы изъ города не пойдете, то козаки васъ побьютъ всѣхъ!» кричалъ онъ. Нѣмецъ испугался и сказалъ: «А если мы пойдемъ изъ города, то ты не вели насъ бить.» — «Брюховецкій перекрестилъ лице и сказалъ: «Отъ козаковъ задоровъ не будетъ, только вы выходите смирно.» Гульцъ отправился къ воеводѣ и объявилъ ему о своемъ разговорѣ съ гетманомъ. Воевода пошелъ къ Брюховецкому; тотъ сначала долго не выходилъ, наконецъ вышелъ и сталъ говорить, чтобъ выбирались вонъ изъ города. Огаревъ объявилъ своимъ ратнымъ людямъ, что надобно выходить, потому что противъ козаковъ стоять не съ кѣмъ, всего Московскихъ людей съ 200 человѣкъ, и крѣпости никакой въ городѣ нѣтъ. Русскіе люди собрались и пошли, подходятъ къ воротамъ — заперты, стоятъ у нихъ козаки: Гульца съ начальными людьми выпустили, но стрѣльцовъ, солдатъ и воеводу остановили; Иванъ Бугай бросился на Огарева, козаки на ратныхъ людей. Воевода съ немногими людьми пробился было за городъ; но козаки догнали его, догнали и Гульца съ товарищами, тѣ отбивались сколько было силъ, но козаки одолѣли; 70 человѣкъ стрѣльцовъ и 50 солдатъ пали подъ ножами убійцъ, человѣкъ 30 стрѣльцовъ успѣли уйти изъ города, но перемерзли на дорогѣ, 130 начальныхъ и лучшихъ служилыхъ людей было захвачено козаками въ плѣнъ, воевода Огаревъ раненъ въ голову и положенъ лѣчиться къ протопопу, лѣкаремъ былъ цирюльникъ; не пощадили и жену воеводы: въ поруганіи водили ее простоволосую по городу, отрѣзали одну грудь и отдали въ богадѣльню. Покончивъ съ Москвою у себя въ Гадячѣ, Брюховецкій разослалъ листы по всѣмъ другимъ городамъ, съ увѣщаніемъ послѣдовать его примѣру: «Не съ нашего единаго, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни Московской отлучились, по важнымъ причинамъ. Послы Московскіе съ Польскими коммиссарами присягою утвердились съ обѣихъ сторонъ разорять Украйну, отчиз-

ну нашу малую, истребивъ въ ней всѣхъ жителей, больших и малыхъ; для этого Москва дала Ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска четырнадцать милліоновъ денегъ. О такомъ злоумышленіи непріятельскомъ и Ляцкомъ узнали мы чрезъ Духа Святаго. Спасаясь отъ погибели, мы возобновили союзъ съ своею братьею. Мы не хотѣли выгонять саблею Москву изъ городовъ украинскихъ, хотѣли въ цѣлости проводить до рубежа; но Москали сами закрытую въ себѣ злость объявили, не пошли мирно дозволенною имъ дорогою, но начали было войну: тогда я передъ встал и сдѣлалъ надъ ними то, что они готовили намъ: мало ихъ ушло живыхъ! Прошу васъ именемъ цѣлаго войска Запорожскаго; пожелайте и вы цѣлости отчизнѣ своей Украйнѣ, промыслите надъ своими домашними непріятелями, т. е. Москалями, очищайте отъ нихъ свои города; не бойтесь ничего, потому что съ братьею нашею той стороны желанное намъ учинилось согласіе, если нужно будетъ, не замедлятъ вамъ помочь, также и орда въ готовности, хотя не въ большой силѣ, на той сторонѣ.

Пошла изъ Гадяча грамота и на Донъ: «Обманъ Ляцкій и злоба развращенная правовѣрныхъ бояръ едва меня и все войско Запорожское въ густо связанныя сѣти не уловили: жалуюсь на нихъ передъ вами, братьями моими и передъ всѣмъ славнымъ рыцарскимъ войскомъ, подавая вамъ къ разсужденію сію вещь: праведно ли Москва сотворила, что съ древними главными врагами православнаго Христіанства, Ляхами побратався, постановили православныхъ Христіанъ на Украйнѣ живущихъ всякаго возраста, и малыхъ отрочатъ мечемъ выгубить, свобожданъ, захвативъ, какъ скотъ въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и въ конецъ истребить, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православные Христіане отъ кровавыхъ трудовъ питаются, стали дикія поля, звѣрямъ обиталища, да чтобы здѣсь можно было селить иноземцевъ изъ оскудѣлой Польши. Бояре Московскіе, помогая разореннымъ Ляхамъ, дали имъ четырнадцать милліоновъ денегъ и вѣчную дружбу присягою утвердили не для чего инако, думаю, какъ для того только, чтобъ выбиться изъ-подъ царской руки, чтобы могли какъ въ Польшѣ, Ляцкимъ обычаемъ, и городами владѣть, потому что въ Польшѣ сенаторы всѣ королями, и одного господина имѣть не хотятъ; поэтому всѣхъ невинныхъ людей и начальника Бо-

гомъ данаго къ нищетѣ и хлопотамъ приводятъ, а наконецъ и сами къ пагубѣ приходятъ. Мы великому государю добровольно безъ всякаго насилія поддались, потому только что онъ царь православный; а Московскіе царики, бояре безбожные усовѣтовали присвоить себѣ насъ въ вѣчную кабалу и неволю; но всемогущая Божія десница, уповаю, освободитъ насъ. Подаю вамъ къ разсужденію: Москва, взявши перемирье съ Ляхами, Жидовъ и другихъ иновѣрцевъ плѣнныхъ, которые покрестились и поженились на Москвѣ, отпускала въ Польшу, а тѣ, какъ только вышли изъ Москвы, крестъ святой бросили и стали держать вѣру своимъ древнимъ поганымъ обычаемъ: праведно ли это? А нашу братью православныхъ Христіанъ никакъ освободить не хотятъ, но еще въ бóльшую кабалу и бѣду ведутъ. Жестокостію своею превосходятъ они всѣ поганые народы, о чемъ свидѣтельствуетъ самое поганское ихъ дѣло: верховнѣйшаго пастыря своего, святѣйшаго отца патріарха свергли, не желая быть послушными его заповѣдя; онъ ихъ училъ имѣть милость и любовь къ ближнимъ, а они его за это заточили; святѣйшій отецъ наставлялъ ихъ, чтобы не присовокуплялись къ Латинской ереси, но теперь они приняли унію и ересь латинскую, ксендзамъ въ церквахъ служить позволили, Москва уже не Русскимъ, но Латинскимъ письмомъ писать начала; города, которые козаки, саблею взявши, Москвѣ отдали, Ляхомъ возвращены и въ нихъ началось уже гоненіе на православныхъ. Вы, братья моя милая, привыкли при славѣ, побѣдѣ и вольности пребывать: порадѣйте, господа, о золотой вольности, при которой всѣ богатства Богъ подаетъ, и не прельщайтесь обманчивымъ Московскимъ жалованьемъ. Остерегаю васъ: какъ только насъ усмирятъ, станутъ промышлять объ искорененіи Дона и Запорожья. Ихъ злое намѣреніе уже объявилось: въ недавнее время подъ Кіевомъ въ городахъ: Броворахъ, Гоголевѣ и другихъ всѣхъ жителей вырубили, не пощадивъ и малыхъ дѣтокъ. Прошу вторично и остерегаю: не прельщайтесь ихъ несчастною казною, но будьте въ братскомъ единомысліи съ господиномъ Стенькою, какъ мы находимся въ неразрывномъ союзѣ съ Заднѣпровскою братьею нашею».

Донъ не тронулся на призывъ Брюховецкаго, ибо, къ счастію для Москвы, силы голутьбы съ господиномъ Стенькою были от-

влечены на востокъ; но козачество Малороссійской украйны поднялось противъ государевыхъ ратныхъ людей. Еще 25-го января Черниговскій полковникъ Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ) съ козаками и мѣщанами осадилъ въ маломъ городѣ царскаго воеводу Андрея Толстаго, покопавъ кругомъ шанцы. 1-го февраля къ Толстому явился священникъ съ предложеніемъ отъ Самойловича выйти изъ города, потому что гетманъ Брюховецкій со всею украйною отложился отъ государя, присягнулъ хану Крымскому и Дорошенку. Въ отвѣтъ Толстой сдѣлалъ вылазку, зажегъ большой городъ, побилъ много осаждающихъ и взялъ знамя. 16-го февраля воеводѣ подали грамоту отъ самого гетмана. Бояринъ и гетманъ царскаго величества писалъ пріятелю своему Толстому, что все вѣрное войско Запорожское и весь міръ украинскій умыслили изо всѣхъ городовъ выпроводить государевыхъ ратныхъ людей, потому что они жителямъ великія кривды и несносныя обиды починили; Брюховецкій предлагалъ также пріятелю своему выйти изъ Чернигова, оставивши нарядъ, по примѣру воеводъ—Гадяцкаго (!), Полтавскаго и Миргородскаго. Толстой не принялъ пріятельскаго предложенія. Воеводы: Сосницкій Лихачевъ, Прилуцкій Загряжскій, Батуринскій Клокачевъ, Глуховскій Кологривовъ были взяты козаками. Въ Стародубѣ погибъ воевода князь Игнатій Волконскій, когда городъ былъ взятъ козацкими полковниками—Сохою и Бороною. Въ Новгородѣ Сѣверскомъ сидѣлъ воевода Исай Квашнинъ; нѣсколько разъ присылали къ нему козаки съ предложеніемъ выйти изъ города. «Умру, а города не отдамъ», отвѣчалъ воевода. 29-го февраля на разсвѣтѣ явились къ нему три сотника съ тѣмъ же предложеніемъ; Квашнинъ велѣлъ убить посланныхъ; разсвирѣпѣвшіе козаки полезли на приступъ и взяли городъ, но воевода прежде чѣмъ самъ былъ сраженъ пулею изъ мушкета, отправилъ на тотъ свѣтъ болѣе десяти козаковъ; разказывали, что Квашнинъ хотѣлъ убить свою жену, ударилъ ее саблею по уху и по плечу, но ударъ не былъ смертельный: судьба жены воеводской въ Гадячѣ объясняетъ поступокъ Квашнина. Къ Переяславлю и Нѣжину козаки дѣлали по два приступа, но понапрасну. Къ Остру приступилъ полковникъ Василій Дворецкій, но не могъ взять города, благодаря помощи, присланной изъ Кіева Шереметевымъ. Но

положеніе самого Шереметева было незавидное. Доносоя, что въ Острѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ ратные люди храбро отбиваются отъ козаковъ, Шереметевъ писалъ государю: «Только въ городахъ скудость большая хлѣбными запасами, бѣда, если засидятся долго! Измѣнники вездѣ поставили заставы крѣпкія, въ Кіевъ и изъ Кіева мѣщанъ для покупки хлѣбной никуда не пропускаютъ, и если возьмутъ Остеръ, то Кіеву еще больше тѣсноты будетъ. Въ Кіевѣ въ казнѣ денегъ нѣтъ ничего, и хлѣбныхъ запасовъ скудость великая, на мартъ мѣсяцъ мы роздали хлѣба ратнымъ людямъ въ половину меньше прежняго, апрѣль кой-какъ прокормили съ большою нуждою, а потомъ, если лошадей станутъ ѣсть, то больше какъ на два мѣсяца не хватитъ. Дорошенко дожидается Татаръ и сейчасъ съ ними нагрянетъ подъ Кіевъ, а у насъ ратныхъ людей мало, да и тѣ наги, голодны и скудны въ конецъ, многіе дня по три и по четыре не ѣдятъ, а Христовымъ именемъ никто не дастъ».

Въ это время въ Варшавѣ находился Московскій посланникъ Акинѳовъ. Узнавъ о Малороссійскихъ событіяхъ, онъ потребовалъ у сенаторовъ, чтобы, согласно съ условіями, король высылалъ свое войско на бунтовщиковъ на помощь войскамъ царскимъ. «Обманы ихъ козачьи намъ уже знакомы, отвѣчали сенаторы: и теперь писалъ Дорошенко къ гетману Собѣскому, чтобы войскъ коронныхъ король посылать не велѣлъ, а онъ, Дорошенко сдѣлаетъ такъ, что обѣ стороны Днѣпра будутъ за королемъ. Но это явный обманъ: будто королевскому величеству радѣетъ, а самъ Турку уже давно поддался; также и той стороны козаковъ бунтуетъ, чтобы и ихъ поддать Турку. По этому надобно хана теперь какъ-нибудь приласкать, чтобъ онъ къ нимъ не присталъ. Король послалъ универсалы къ гетманамъ короннымъ и Литовскимъ, чтобы собирали войска и ссылались съ царскими воеводами». Литовскій гетманъ Пацъ говорилъ присланному къ нему подъячему Полкову: «Надобно обоимъ великимъ государямъ, совокупя войска, высѣчь и выжечь всѣхъ измѣнниковъ Черкасъ, чтобы мѣста ихъ были пусты, потому что они обоимъ государямъ присяги никогда не додерживаютъ, да и впередъ отъ нихъ никогда добраго не чаять; а что они султану Турецкому поддались, то султану ежегодно защищать ихъ за дальностію трудно, а царскому и королевскому величеству ихъ

собакъ сгубить можно». Самъ Янъ Казимиръ писалъ царю, что онъ велѣлъ гетману коронному вести свои войска для соединенія съ войсками царскими, и просилъ, чтобы часть русскихъ полковъ переправилась на западную сторону Днѣпра, ибо надобно опасаться Волоховъ. Все ограничилось одними обѣщаніями со стороны Польши; надобно было управляться своими силами. Въ апрѣлѣ царскіе воеводы, князь Константинъ Щербатый и Иванъ Лихаревъ поразили козаковъ подъ Почепомъ, въ іюнѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и на возвратномъ пути къ Трубчевскому разорили много селъ и деревень верстъ по двадцати около дороги. Князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій облегъ своими войсками города Котельву и Опошню.

Что же Брюховецкій? Ему было не до Ромодановскаго. Полковники восточной стороны не любили его и прежде, а теперь еще болѣе возненавидѣли, потому что онъ окружилъ себя Запорожскою чернью и далъ ей волю: Запорожцы что хотѣли по городамъ, то и творили. Полковники призывали Дорошенка; тотъ вмѣстѣ съ Тукальскимъ, послалъ сказать Брюховецкому, чтобъ привезъ свою булаву къ нему и поклонился, а себѣ взялъ бы Гадячь съ пригородами по смерть. Разсвирѣпѣлъ обманутый Брюховецкій, сейчасъ же порвалъ всѣ сношенія съ Чигириномъ, началъ хватать Дорошенковыхъ козаковъ и отправилъ посланцевъ въ Константинополь, поддаваясь султану. 2-го апрѣля пріѣхали въ Адріанополь, гдѣ жилъ тогда султанъ Магометъ, полковникъ Григорій Гамалея, писарь Лавринко, обозный Безпалый, и били челомъ, чтобъ гетману Брюховецкому и всѣмъ Черкасамъ быть подъ султановою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, только бы съ Черкасъ никакихъ поборовъ не брать, да указалъ бы султанъ оберегать ихъ отъ царя Московскаго и отъ короля Польскаго. Въ Гадячь явилась толпа Татаръ подъ начальствомъ Челибея для принятія присяги. Брюховецкій долженъ былъ дать гостямъ 7000 золотыхъ червонныхъ, а Челибею подарилъ рыдванъ съ конями и коврами да двухъ дѣвокъ русскихъ. Вмѣстѣ съ Татарами выступилъ Брюховецкій изъ Гадяча противъ государевыхъ ратныхъ людей и остановился подъ Диканькою, сжидаясь съ полками своими, какъ вдругъ пришла вѣсть о приближеніи Дорошенка. Кручина взяла Ивана Мартыновича: онъ сталъ просить Татаръ, чтобы ве-

лѣли Дорошенку удалиться на свою сторону. Но Татары не вступились въ дѣло и спокойно дожидались, чѣмъ оно кончится. Сперва явились къ Брюховецкому десять сотниковъ съ прежнимъ предложеніемъ отъ Дорошенка отдать добровольно булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ. Брюховецкій прибилъ сотниковъ, сковалъ и отослалъ въ Гадячь; но на другой день показались полки Дорошенковы, и какъ скоро козаки обѣихъ сторонъ соединились, раздался крикъ между старшиною и чернью: «Мы за гетманство биться не будемъ! Брюховецкій намъ добраго ничего не сдѣлалъ, только войну и кровопролитіе началъ»! и тотчасъ побѣжали грабить возы восточнаго гетмана. Дорошенко послалъ сотника Дроздeнка схватить Брюховецкаго и привести къ себѣ. Иванъ Мартыновичь сидѣлъ въ палаткѣ своей, въ креслахъ, когда вошелъ Дрозденко и взялъ гетмана подъ руку; но тутъ Запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, вѣрный пріятель Брюховецкаго, безотлучно находившійся при немъ съ начала его гетманства, ударилъ Дрозденка мушкетнымъ дуломъ въ бокъ такъ, что тотъ упалъ на землю. Это однако не спасло Брюховецкаго: толпа козаковъ восточной стороны, съ криками и ругательствами, ворвались въ шатеръ, схватили гетмана и потащили его къ Дорошенку.—«Ты зачѣмъ ко мнѣ такъ жестоко писалъ и не хотѣлъ добровольно булавы отдать»? спросилъ его Дорошенко. Брюховецкій не промолвилъ ни слова. Не добившись никакого отвѣта, Дорошенко далъ знакъ рукою—и толпа бросилась на несчастнаго, начали рѣзать на немъ платье, бить ослопьемъ, дулами, чеканами, рогатинами, убили какъ бѣшеную собаку и бросили нагаго. Чугуй храбро защищалъ его и тутъ, но ничего не могъ сдѣлать одинъ съ немногими товарищами. Дорошенко увѣрялъ Чугуя, что вовсе не желалъ смерти Брюховецкаго. Егосамого чуть было непостигла таже участь; вечеромъ козаки обѣихъ сторонъ, подпивши, зашумѣли, стали кричать, что надобно убить и Дорошенка, тотъ едва утишилъ ихъ, выкативши нѣсколько бочекъ горѣлки, а ночью со всею старшиною выѣхалъ для осторожности на край обоза. Тѣло Брюховецкаго велѣлъ онъ похоронить въ Гадячѣ, въ построенной имъ церкви. (Іюнь 1668).

Покончивъ съ соперникомъ и провозгласивши себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Дорошенко двинулся къ Ко-

тельвѣ, которую осаждалъ бояринъ князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій. Воевода отступилъ, Дорошенко его не преслѣдовалъ и возвратился въ Чигиринъ, взявши имѣніе Брюховецкаго и армату войсковую (сто десять пушекъ), пограбивши всѣхъ, на которыхъ ему указали, какъ на богатыхъ людей. Москва въ слѣдствіе измѣны Брюховецкаго потеряла 48 городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ Дорошенкомъ, 144,000 рублей денегъ, 141,000 четвертей хлѣбныхъ запасовъ, 183 пушки, 254 пищали, 32,000 ядеръ, пожитковъ воеводскихъ и ратныхъ людей на 74,000. На восточной сторонѣ Дорошенко оставилъ наказнымъ гетманомъ Черниговскаго полковника Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. Но какъ скоро гетманъ покинулъ восточный берегъ, то здѣсь повторилось тоже самое явленіе, какое мы видѣли послѣ Конотопа и Чуднова: восточная сторона потянула къ Москвѣ; князь Ромодановскій собрался съ значительными силами и началъ наступательное движеніе; наказной Сѣверскій гетманъ, какъ назывался Многогрѣшный, не имѣлъ силъ ему противиться, да и подъ чьимъ знаменемъ онъ сталъ бы оказывать это сопротивленіе? Сначала онъ послалъ къ Дорошенку съ просьбою о помощи, но получилъ отвѣтъ: «пусть сами обороняются!» Ромодановскій взялъ приступомъ новое мѣсто въ Черниговѣ; не надѣясь спасти стараго мѣста, Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ царскимъ воеводою. 25-го октября пріѣхали въ Москву Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичь, братъ наказнаго гетмана Василій Многогрѣшный, да бывшій Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Они объявили, что князь Ромодановскій отправилъ ихъ вмѣстѣ съ сеунщиками, сыномъ своимъ княземъ Андреемъ, Скуратовымъ, Толстымъ изъ обоза, изъ-за Бѣлой Вежи; но на дорогѣ напали на нихъ Татары и захватили въ плѣнъ людей Ромодановскаго съ товарищами. Малороссіянъ стали разспрашивать порознь: Гвинтовка сказалъ, что до измѣны Брюховецкаго сидѣлъ онъ у него въ Гадячѣ скованъ, а на его мѣсто былъ поставленъ въ полковники Артема Мартыновъ; когда начали государевыхъ людей побивать, то его, Гвинтовку перевели въ Нѣжинъ за карауломъ; а когда Брюховецкаго убили, то его освободили; въ тоже время въ Веприкѣ освободили изъ заключенія Василія Многогрѣшнаго, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что жену свою побилъ,

и та съ побоевъ умерла. Оба—Гвинтовка и Василій Многогрѣшный поѣхали въ мѣстечко Седнево къ гетману Демьяну Многогрѣшному и стали ему говорить, чтобы учинился въ подданствѣ у царскаго величества по прежнему. Демьянъ обрадовался этому совѣту и отпустилъ ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому; въ той же думѣ съ ними былъ и Стародубскій полковникъ Петръ Рословченко. Когда они пріѣхали къ Ромодановскому, то между нимъ и Демьяномъ пошли пересылки, и кончилось дѣло тѣмъ, что Демьянъ и Рословченко, въ присутствіи двоихъ Московскихъ полковниковъ, присланныхъ Ромодановскимъ, поцѣловали крестъ, а потомъ въ городѣ Дѣвицѣ Демьянъ имѣлъ свиданіе съ Ромодановскимъ. Гвинтовка прибавилъ къ своимъ показаніямъ: «Слышалъ я отъ полковниковъ, Демьяна и Рословченка и отъ иныхъ, чтобы у нихъ впередъ въ войскѣ гетманъ былъ данный отъ царскаго величества, а не избранный козаками; если государевы ратные люди станутъ подъ Черкаскіе города подступать и промыслъ чинить, то города всѣ станутъ сдаваться».

Разсказавши свои похожденія, Гвинтовка и Василій Многогрѣшный объявили, что Демьянъ Многогрѣшный и Рословченко приказывали имъ накрѣпко домогаться царской милостивой обнадеживательной грамоты, да особо отъ патріарха Московскаго прощальной грамоты въ нарушеніи крестнаго цѣлованія. Какъ скоро они возвратятся къ Демьяну и Рословченку, то немедленно къ царскому величеству придутъ козацкіе послы, чтобы государь изволилъ быть у нихъ гетману Русскому съ войскомъ, и стоять ему въ Коробовѣ, а козаки будутъ кормить царское войско всякимъ довольствомъ. Доходы бы государь указалъ собирать съ полковъ оптомъ, а не такъ какъ до сего времени было: у кого и не было, и на тѣхъ правили; а они сами между собою обложатся, что съ котораго полка дать; обо всѣхъ этихъ статьяхъ Демьянъ и Рословченко уже говорили съ княземъ Ромодановскимъ.

Въ это время какъ Многогрѣшный и Гвинтовка разсказывали въ Москвѣ такія пріятныя новости, приходитъ грамота отъ Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, изъ которой нельзя было заключить о такой безусловной покорности наказнаго гетмана и о желаніи видѣть надъ собою русскаго гетмана,

даннаго царскимъ величествомъ. Мы видѣли, что Лазарь былъ одно время блюстителемъ Кіевской митрополіи и былъ смѣненъ въ этомъ званіи Меѳодіемъ. Чтобы понять характеръ политической дѣятельности Лазаря, надобно припомнить, за какіе главные интересы шла борьба въ странѣ. Мы видѣли, что интересъ войска или козачества рознился съ интересомъ городоваго народонаселенія. Старшина козацкая стремилась къ тому, чтобъ вся власть находилась въ ея рукахъ, и чтобы надъ нею было какъ можно менѣе надзора со стороны государства: отсюда сильное нежеланіе видѣть царскихъ воеводъ въ городахъ Малороссійскихъ. Иначе смотрѣло на дѣло городское народонаселеніе: ему тяжело приходилось отъ козаковъ и полковниковъ ихъ, и потому оно искало защиты у царскихъ воеводъ и отъ враговъ внѣшнихъ и отъ насилій полковничьихъ. Духовенство относительно этихъ двухъ стремленій не могло сохранить единства взгляда: взглядъ архіереевъ, властей былъ отличенъ отъ взгляда городскаго бѣлаго духовенства. Архіереи сочувствовали стремленію старшины козацкой: для нихъ важно было, чтобы страна удержала какъ можно болѣе самостоятельности въ отношеніи къ Московскому государству, ибо эта самостоятельность условливала ихъ собственное независимое положеніе. Оставаться въ номинальной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, а не подчиняться патріарху Московскому, который не захочетъ ограничиться одною тѣнью власти — вотъ что было главнымъ желаніемъ Малороссійскихъ архіереевъ; интересы ихъ слѣдовательно были тождественны съ интересами старшины козацкой. Напротивъ, городское бѣлое духовенство, по самому положенію своему тѣсно связанное съ горожанами, раздѣляло стремленія послѣднихъ, и это не случайность, что протопопъ городскаго собора, лице тогда очень важное, является въ Москвѣ представителемъ горожанъ, доноситъ великому государю о ихъ желаніи видѣть у себя воеводъ. Съ такимъ характеромъ мы видѣли Нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова; теперь съ такимъ же характеромъ является другой протопопъ, Симеонъ Адамовичъ. Но архіерей Черниговскій, Лазарь Барановичъ и прежде являлся въ глазахъ Московскаго правительства человѣкомъ, холоднымъ къ его интересамъ, и теперь, принимая на себя роль посредника, примирителя, онъ хлопочетъ однако о томъ, чтобы

требованія старшины козацкой относительно вывода воеводъ были исполнены. Лазарь умолялъ царя простить преступныхъ козаковъ: «Аще есть родъ строптивъ и преогорчевая, но ему же со усердіемъ похощетъ работати, не щадя живота работаетъ. Ляхи подъ Хотиномъ и на различныхъ бранехъ силою ихъ преславная содѣлаша; родъ сицевъ иже свободы хощетъ, воинствуетъ не нуждою, но по воли; Ляхи къ каковой тщетѣ пріидоша, егда ихъ войско Запорожское остави? Нынѣ видятъ и различными образы ихъ утвержаютъ, но болшее усердіе ихъ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, но отъ однихъ воеводъ, съ ратными людьми въ городѣхъ будучихъ, скорбятъ, и весь міръ, сущимъ воеводамъ въ городахъ украинныхъ, однѣ въ Литву, а иные въ Польшу итить готовы, подущеніе всегдашнее отъ варваръ имѣютъ; свободою убо, еюже Христосъ насъ свободи, помазаниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ ихъ укрѣпи, да истинно тебѣ поработаютъ и отъ варваръ отлучатся всяко! На знаменіе обращенія своего Демко Игнатовичъ гетманъ Сѣверскій плѣненныхъ отпущаетъ. Яко жена кровоточивая егда коснуся края ризъ Христовыхъ, ста токъ крови ея: сице егда войско запорожское со смиреніемъ припадаетъ и касается края ризъ вашего пресвѣтлаго царскаго величества чаю яко станетъ токъ крови.» Барановичъ переслалъ въ Москву письмо къ себѣ Многогрѣшнаго, гдѣ высказаны были условія, на которыхъ козаки могли снова подчиниться царю: «Посовѣтовавъ съ полками сей стороны Днѣпра, при какихъ вольностяхъ хотимъ быть, вѣдомо чиню, пишетъ Многогрѣшный: когда великій государь насъ своихъ подданныхъ захочетъ при прежнихъ вольностяхъ покойнаго славныя памяти Богдана Хмельницкаго, въ Переяславлѣ утвержденныхъ, сохранить и нынѣшнихъ ратныхъ людей своихъ изъ городовъ нашихъ всѣхъ — Переяславля, Нѣжина, Чернигова вывесть, тогда изволь ваше преосвященство написать царскому величеству: буде насъ по милости своей приметъ, вольности наши сохранитъ и, что учинилось за подущеньемъ Брюховецкаго, проститъ (а то учинилось отъ насилія воеводъ и отнятія вольности войска запорожскаго), то я готовъ съ полками сей стороны Днѣпра царскому величеству поклониться и силы наши туда обратить, куда будетъ указъ царскій. Если же царское величество нашею службою возгну-

пается, то мы при вольностяхъ нашихъ умирать готовы; если воеводы останутся, то хотя одинъ на другомъ померетъ, а ихъ не хотимъ.» — Въ отвѣтъ на всѣ эти грамоты къ Барановичу и Многогрѣшному отправлены были въ ноябрѣ грамоты изъ Москвы: государь объявлялъ прощеніе козакамъ и удостовѣрялъ ихъ въ своей милости: никакихъ условій или болѣе опредѣленныхъ обѣщаній не было.

Но въ то время, какъ Лазарь Барановичъ принялъ на себя посредничество между козаками и великимъ государемъ, что дѣлалъ другой архіерей, бывшій до сихъ поръ на первомъ планѣ, Меѳодій, блюститель митрополіи Кіевской? Онъ также обманулся въ своихъ разсчетахъ, какъ и сватъ его Брюховецкій, гибель котораго неминуемо влекла за собою и бѣду Меѳодію: ибо если Дорошенко не могъ терпѣть подлѣ себя Брюховецкаго, то Іосифъ Тукальскій не могъ терпѣть Меѳодія. Сперва держали его за карауломъ въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу, потомъ перевезли за Днѣпръ и посадили въ Чигиринскомъ монастырѣ. Сюда прислалъ къ нему Тукальскій отобрать архіерейскую мантію: «недостоинъ ты быть въ епископахъ, потому что принялъ рукоположеніе отъ Московскаго митрополита», велѣлъ сказать ему Іосифъ. Изъ Чигирина перевезли его въ Уманьскій монастырь; но здѣсь онъ напоилъ караульныхъ монаховъ и ушолъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ первымъ его дѣломъ было обвинить передъ бояриномъ Шереметевымъ Кіевскихъ архимандритовъ и игумновъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Тукальскимъ и Брюховецкимъ; архимандритъ Печерскій, Иннокентій Гизель отвѣчалъ на допросъ, что Брюховецкій присылалъ за нимъ для того, чтобы онъ помирилъ его съ Меѳодіемъ, пріѣзда котораго гетманъ опасался; оправдывая себя, Гезель разсказалъ, какъ Меѳодій въ Нѣжинѣ безчестилъ вельможъ и архіереевъ Московскихъ; на обвиненіе въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ Гизель отвѣчалъ, что дѣйствительно писалъ къ Чигиринскому гетману, просилъ запретить козакамъ грабить маетности Печерскаго монастыря, о томъ же писалъ и къ Тукальскому. Николопустынскій игуменъ Алексѣй Туръ оперся на то въ своемъ отвѣтѣ, что Меѳодьевы обвиненія голословны, ничѣмъ подтвердить ихъ нельзя; игумены — Михайловскій Ѳеодосій Сафоновичъ, Кирилловскій Мелетій Дзикъ,

Братскаго монастыря Варлаамъ Ясинскій, Выдубицкаго Θеодосей Углицкій, Межигорскаго Иванъ Стениславскій — подали сказки, что они сносились съ Чигириномъ съ вѣдома боярина Шереметева, всѣ въ одинъ голосъ объявили, что пока Меѳодій былъ въ Москвѣ, все было тихо, а какъ онъ пріѣхалъ въ Малороссію и породнился съ Брюховецкимъ, то и начались бунты. Съ тѣми же рѣчами приходили къ Шереметеву и мѣщане Кіевскіе; Дорошенко также прислалъ обвинительную грамоту на Меѳодія, прислалъ письмо, которое тотъ писалъ къ Брюховецкому, возстановляя его противъ Москвы.

Положеніе Меѳодія было незавидное: онъ совсѣмъ растерялся, не зналъ что̀ дѣлать, къ кому обратиться? У Шереметева подслуживался доносомъ на своихъ; а къ Θеодосію Сафоновичу писалъ, что онъ поссорился съ Шереметевымъ изъ-за общей пользы, для цѣлости отчизны, церкви Божіей и вольности народной. Шереметевъ призналъ за лучшее отправить Меѳодія въ Москву, а то, пожалуй, онъ и въ Кіевѣ какіе-нибудь бунты заведетъ. Голова Московскихъ стрѣльцовъ, Иванъ Мещериновъ повезъ Меѳодія Днѣпромъ до Лоева, отсюда сухимъ путемъ въ Старый Быховъ. Въ этомъ городѣ пришелъ къ нему коммендантъ Юдицкій и спрашивалъ, на какія мѣста онъ поѣдетъ и кого это онъ съ собою везетъ? Когда Мещериновъ объявилъ ему, что везетъ Меѳодія, то Юдицкій началъ: «Служа обоимъ великимъ государямъ, не могу тебя не остеречь: на Могилевъ не ѣзди: тамъ мужики своевольные, взбунтуются и епискова у тебя отобьютъ, они такіе же своевольцы какъ и Запорожскіе козаки; за день до твоего пріѣзда пригнали сюда два монаха, сказались, что изъ Кіева, изъ Печерскаго монастыря и въ тотъ же часъ погнали въ Могилевъ, а тамъ, я знаю подлинно, они мужиковъ взбунтовали; ступай лучше на Чаусы да на Смоленскъ.» Мещериновъ послушался и поѣхалъ на Чаусы. Въ этомъ городѣ Меѳодій началъ бранить сотника: «Богъ до васъ добръ, говорилъ онъ, что вы на Могилевъ не поѣхали: увидали бы, что̀ бы тамъ надъ вами сдѣлалось!» Въ Москвѣ на всѣ обвиненія епископъ отвѣчалъ одно, что онъ объ измѣнѣ Ивашки Брюховецкаго не вѣдалъ до тѣхъ поръ, какъ государевы люди были побиты въ Гадячѣ. Его оставили въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ подъ стражею; здѣсь онъ и умеръ.

Дорого поплатились оба — Брюховецкій и Мефодій за смуту; не долго торжествовалъ и главный ея виновникъ — Дорошенко. Татары не давали ему раздѣлаться съ Брюховецкимъ; но скоро пришла къ нему страшная вѣсть — Татары поставили въ Запорожьѣ другаго гетмана. Былъ въ Запорогахъ писарь, Петръ Суховѣй или Суховѣенко, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, досужій и ученый, посыланъ былъ въ Крымъ для договоровъ, и такъ тамъ успѣлъ всѣмъ понравиться, что писали оттуда въ Запорожье: «Вы бы и впередъ присылали къ намъ такихъ же досужихъ людей, а прежде вы такихъ умныхъ людей къ намъ не присылывали.» Этого-то досужаго и умнаго человѣка Татары провозгласили гетманомъ козацкимъ. Дорошенко скрежеталъ зубами: «Еще я, говорилъ онъ, не зарекаюсь своею саблею обернуть Крымъ вверхъ ногами, какъ дѣдъ мой Дорошенко четырьмя тысячами Крымъ ни во что обернулъ!» Суховѣенко писалъ въ Чигиринъ, что онъ гетманъ ханова величества, и чтобъ Дорошенко не смѣлъ писаться Запорожскимъ гетманомъ. На грамотѣ была ханская печать — лукъ и двѣ стрѣлы, а не старая гетманская Запорожская — человѣкъ съ мушкетомъ. «Я иду на сокрушеніе этого лука и стрѣлъ», велѣлъ сказать Дорошенко Шереметеву. Онъ надѣялся на раздѣленіе Запорожья: изъ 6000 тамошнихъ козаковъ половина была за Суховѣенка, а другая половина за Дорошенка. Шестеро знатныхъ Запорожцевъ пріѣхали въ Чигиринъ, привезли письмо къ Дорошенку отъ его приверженцевъ: «Выходи, писали они, въ поле, на чернецкую раду, а мы Суховѣенка и неволею выведемъ въ поле и убьемъ, ханскіе стрѣлы мушкетами своими поломаемъ.» Дорошенко отпустилъ Запорожцевъ съ честію, далъ имъ по шубѣ, сафьянные сапоги, шапки, послалъ съ ними въ Запорожье козакамъ подарки, хлѣбные запасы, овощи. Но были и другія вѣсти изъ Запорожья, что если соберется черная рада, то Дорошенку не сдобровать. Плохо пришлось Чигиринскому гетману между Польшею, Москвою и Татарами, и вотъ онъ со всѣми пересылается, на всѣ стороны манитъ, лжетъ, обманываетъ. Сносится съ Татарами, покупаетъ у хана Суховѣенка; но ханъ дорого проситъ: дай ему Сѣрка за Суховѣенка! Сносится Дорошенко и съ Шереметевымъ, съ Ромодановскимъ, увѣряетъ въ преданности своей великому государю. Разсказываютъ, что много разъ сзывалъ онъ полковниковъ и толко-

валъ—не поддаться ли Москвѣ, не отправить ли за этимъ послов къ царю? но полковники приговорили оставаться въ подданствѣ у султана, потому что Московскій царь велитъ старшинѣ всѣхъ казнить, точно также и король, если ему поддаться, будетъ имъ мстить.

Малороссія разрывалась. Суховѣенко стоялъ съ Ордою на Лиевой Долинѣ недалеко отъ Путивля; уже неслись слухи, что онъ обусурманился и называется Татарскимъ именемъ Шамай; козаки полковъ Полтавскаго, Миргородскаго и Лубенскаго присоединились къ нему; но Прилуцкій полковникъ держался Дорошенка, и, впустивъ къ себѣ сотню Татаръ, всѣхъ ихъ перебилъ. Григорій Дорошенко, назначенный братомъ въ наказные гетманы, стоялъ съ войскомъ въ Козельцѣ. Онъ писалъ въ Кіевъ Шереметеву, что хочетъ служить великому государю; но когда Шереметевъ прислалъ взять съ него присягу, то онъ отвѣчалъ посланному: «Я писалъ не о томъ, что великому государю служить и присягу давать, а писалъ, что пришелъ съ полками въ Козелецъ не для войны, чтобы не тревожились и задоровъ военныхъ со мною не дѣлали. А присягу мнѣ давать изъ какой неволи? я теперь по своей волѣ плаваю, что орелъ сизый. Война у насъ стала за казацкія вольности; по неволѣ насъ въ подданство привесть трудно; мы за свои вольности до послѣдняго человѣка помремъ; если же великій государь укажетъ изъ Малороссійскихъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей вывесть, то мы великому государю въ послушаніи быть рады; войско Запорожское государству Московскому и Польскому каменная стѣна.»

Тоже самое продолжалъ повторять и Сѣверскій наказной гетманъ, Демьянъ Многогрѣшный: «Нынѣшняя война съ великимъ государемъ, писалъ онъ Лазарю Барановичу, возникла по благословенію его милости, отца Меѳодія Филимоновича, епископа Мстиславскаго и его послушника, протопопа Нѣжинскаго. Слышу, что князь Ромодановскій отпустилъ этого протопопа съ братомъ моимъ Васильемъ и съ Гвинтовкою къ великому государю; отпустилъ онъ его на послѣднюю гибель нашей бѣдной Малороссіи и всему міру; да туда же въ Москву поѣхалъ и отецъ Меѳодій! Этотъ пуще всѣхъ будетъ бунтовать и своими непотребными замыслами царское величество, бояръ и весь синклитъ побуждать и наговаривать. Если великій государь не за-

хочетъ подтвердить намъ вольности, постановленныя при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда ради не ради поддадимся поганцу; а на комъ будетъ грѣхъ? на епископѣ Меѳодіи да на протопопѣ Нѣжинскомъ. Пошли ваша святительская милость къ царскому величеству, бей челомъ, чтобы тѣмъ злосѣятелямъ клеветникамъ не вѣрилъ». Барановичь прислалъ эту грамоту въ Москву, вмѣстѣ съ своею, въ которой словами писанія умолялъ государя исполнить просьбу Многогрѣшнаго: «Отврати лице твое отъ грѣхъ ихъ, и нечестивіи къ тебѣ обратятся; умоленъ буди на рабы своя, да не отъ отчаянія сопрягутся къ невѣрному ярму бусурманскому».

Но въ Москвѣ знали, что требованія Многогрѣшнаго и Дорошенка — это требованія козацкія или лучше старшины козацкой и, для отвращенія этихъ требованій, рѣшили дать голосъ всей Малороссіи, всѣмъ составнымъ частямъ ея народонаселенія. Царь отвѣчалъ Барановичу: «Пусть Демьянъ и войско Запорожское пришлютъ къ намъ знатныхъ людей отъ себя, отъ духовнаго и мірскаго, служилаго и мѣщанскаго чина, и отъ поселянъ, съ прозьбою о принятіи подъ нашу государскую руку: тогда о вольностяхъ и правахъ нашъ милостивый указъ имъ будетъ». Съ тѣмъ же требованіемъ отправлена была грамота къ Многогрѣшному и ко всему Запорожскому войску.

Между тѣмъ Дорошенко не переставалъ сноситься съ Шереметевымъ, не переставалъ твердить, что согласенъ быть подъ рукою великаго государя, если въ Малороссіи не будетъ Московскихъ воеводъ. «Имѣю о томъ подивленіе великое, отвѣчалъ Шереметевъ, что гетманъ Петръ Дороѳеевичь о такихъ дѣлахъ приказываетъ! и какое вамъ будетъ отъ того добро, что воеводамъ и ратнымъ людямъ на восточной сторонѣ не быть? Въ нынѣшнее шаткое время, при воровствѣ Переяславскаго полковника Дмитрашки Райча, еслибы въ Переяславлѣ государевыхъ ратныхъ людей не было, то Переяславль былъ бы за Татарами; они сдѣлали бы изъ него себѣ столицу и желаніе свое исполнили бы, что хотѣли васъ всѣхъ выгнать въ Крымъ». — «Потому, продолжалъ Дорошенко, надобно Московскихъ ратныхъ людей изъ Малороссіи вывесть, что въ прошлыхъ годахъ король Польскій велѣлъ своихъ ратныхъ

людей вывесть изъ Корсуня, Умани и Чигирина и тѣмъ Малороссійскихъ людей увеселилъ; гетманъ Дорошенко и все войско Запорожское, видя такую королевскую милость, утѣшились и по волѣ его королевскаго величества учинили». — «Да, отвѣчалъ Шереметевъ, видѣли мы, какъ учинено было по королевской волѣ: какъ только Польскій коммендантъ изъ Чигирина выступилъ, то гетманъ призвалъ Татаръ, пошелъ въ Польшу и многіе города, села и деревни разорилъ. Того же надобно опасаться и въ Малороссіи, если государевы ратные люди будутъ выведены. Нападетъ непріятель, козаки выйдутъ противъ него въ поле, а въ городахъ кто останется? робкіе мѣщане будутъ сдаваться».

Шереметевъ пересылался и съ Многогрѣшнымъ, также уговаривалъ его отстать отъ требованій на счетъ воеводъ: «Бояринъ Петръ Васильевичь, говорилъ посланникъ Шереметева Многогрѣшному никогда, не мыслилъ, чтобы ты, пріятель его, былъ великому государю невѣрный слуга; безпрестанно вспоминаетъ онъ твой правдивый умъ, дородство, желательное радѣніе и кровопролитіе, какъ ты великому государю служилъ вѣрно и радѣтельно и надъ непріятелями промыслъ чинилъ. Вольности ваши и права никогда нарушены не были, а чинилъ ссоры воръ Брюховецкій съ подобными себѣ, съ Ваською Дворецкимъ и съархіереемъ. Въ городахъ воеводы всѣ исполняли по вашимъ договорнымъ статьямъ, права ваши и вольности ни въ чемъ не нарушены, а если какія непріятности вамъ и были, такъ не по волѣ великаго государя, но по челобитьямъ вора Брюховецкаго.»

Но Многогрѣшный съ товарищами не отставалъ отъ своего требованія. Въ январѣ 1669 года явилось въ Москву большое Малороссійское посольство: отъ Лазаря Барановича игуменъ Макснаковскаго монастыря Іеремія Ширковичь, отъ гетмана Демьяна обозный Петръ Забѣла, есаулъ Матвѣй Гвинтовка, судья Иванъ Домонтовъ, сотниковъ 6 человѣкъ, 2 атамана, судья полковой, подписокъ войсковой, рядовыхъ козаковъ 46 человѣкъ; представителями городовъ явились два войта, бурмистръ, поселянъ никого. Послы объявили наказъ отъ гетмана и всего войска: бить челомъ о подтвержденіи вольностей, данныхъ Богдану Хмельницкому: «Войское Запорожское частые расколы чинило отъ того, что по смерти Богдана Хмельницкаго гетманы, для

чести и маетностей, войску умаляли вольностей. Хотя по статьямъ Богдановымъ и должны быть воеводы въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ для обороны отъ непріятелей: однако они вмѣсто обороны пущую намъ пагубу навесли; ратные люди въ нашихъ городахъ кражами частыми, пожарами, смертоубійствами и разными мучительствами людямъ докучали; сверхъ того, нашимъ правамъ и обычаямъ не навыкли; когда кого нибудь изъ нихъ на зломъ дѣлѣ поймаютъ и воеводамъ челобитную подадутъ объ управѣ, то воеводы дѣло протягивали. Нынѣшняя война ни отъ чего другаго началась какъ отъ этого. Чтобъ изволилъ великій государь своихъ людей изъ нашихъ городовъ вывести, а въ казну оброкъ мы сами будемъ давать чрезъ своихъ людей, которыхъ войско выберетъ, и то не съ этого времени, а когда украйна оправится. Тѣ же воеводы, не смотря на постановленныя статьи, въ козацкія права и вольности вступались и козаковъ судили, чего никогда въ войскѣ Запорожскомъ не бывало. А когда войско Запорожское будетъ свои вольности имѣть, то никогда измѣны не будетъ. Въ немалой смутѣ гетманъ и все войско Запорожское пребываетъ отъ того, что ваше царское величество городъ царствующій Кіевъ королевскому величеству отдать изволили; а войско Запорожское за то только и войну съ Польшею начало, что Поляки церкви Божіи на костелы обращали, и теперь они на нынѣшнемъ сеймѣ постановили церкви православныя на костелы обращать, святыя мощи въ Польшу розно развесть. Все духовенство и войско Запорожское проситъ и молитъ: смилуйся великій государь нашъ помазанникъ Божій, не подавай своей отчины во иго латинское!» Государь объявилъ имъ лично, что онъ «вины ихъ велѣлъ имъ отдать и къ прежнему своему милосердію принять изволилъ; а еслибъ впредь, забывъ страхъ Божій и великаго государя милость, стали бъ къ какой измѣнѣ и къ суетнымъ и ссорнымъ словамъ и письмамъ приставать и вѣрить, и учинять какую шатость и междоусобіе, то великій государь больше терпѣть не будетъ: прося у всемогущаго Бога милости и пречистыя Богородицы помощи, и взявъ святый и животворящій Крестъ и во всѣхъ своихъ милосердыхъ къ нимъ дѣлахъ свидѣтельствовавшись всемогущимъ Богомъ, станетъ самъ своею государскою особою въ подданство приводить и своевольныхъ унимать.»

А между тѣмъ въ Москву пришла вѣсть, что только старшина козацкая желаетъ вывода воеводъ Московскихъ; въ томъ же январѣ прислалъ государю письмо извѣстный намъ протопопъ Нѣжинскій Симеонъ Адамовичь, о которомъ такъ дурно отзывался Многогрѣшный. Протопопъ зналъ, что на него донесли царю, обвинили въ дружбѣ и сообщничествѣ съ Меѳодіемъ, и потому начинаетъ письмо свое оправданіемъ: «Милости у васъ, великаго государя, не прошу, только свидѣтель мнѣ Богъ и вся Малая Россія, что отъ измѣны и невиннаго христіанскаго кровопролитія чиста моя душа предъ Богомъ и предъ вами, великимъ государемъ, и предъ всѣми людьми. Послѣ моихъ трудовъ я никакъ не хотѣлъ ѣхать изъ Москвы, зная непостоянство своей братіи, Малороссійскихъ жителей; но ваше царское величество приказали мнѣ ѣхать въ Малую Россію съ милостію вашею государскою и грамотами къ архіепископу Лазарю Барановичу, гетману Демьяну Игнатовичу и полковнику Рословченку. Гетманъ Сѣверскій сначала принялъ меня любовно, а потомъ, по совѣту преосвященнаго Лазаря, возъярился, и съ 27 ноября до 10 января мучилъ меня за карауломъ, за порукою и за присягою, не отпускалъ ни въ Москву, ни въ Кіевъ, ни въ Нѣжинъ, безпрестано волочилъ меня за собою. Сталъ я писать къ полковникамъ и городамъ, приводя ихъ подъ вашу высокодержавную руку, писалъ и къ воеводѣ Нѣжискому Ив. Ив. Ржевскому, чтобы онъ о всякихъ вѣстяхъ писалъ къ вамъ, великому государю и отписку свою прислалъ ко мнѣ; и съ тѣми проходцами, которыхъ я посылалъ въ Нѣжинъ, воевода прислалъ отписки къ вамъ, великому государю; но какъ только проходцы пришли ко мнѣ изъ Нѣжина, гетманъ велѣлъ ихъ перехватать и въ тюрьму посадить, а меня изъ Березны до Сосницы переслать ночью за карауломъ, отписки всѣ мнѣ же велѣлъ вычитать передъ собою подъ смертною казнью, и пожегъ ихъ; еслибы воевода Ржевскій хотя мало не на ихъ руку въ этихъ отпискахъ что написалъ, то гетманъ хотѣлъ меня тотчасъ разстрѣлять, и запретилъ мнѣ, подъ смертною казнію, ни въ Москву, ни къ воеводамъ отнюдь не писать. Потомъ потащилъ меня съ собою въ Новгородокъ Сѣверскій; туда съѣхалась изъ полковъ старшина, и, по совѣту архіепископа Лазаря, учинился Демьянъ Игнатовичь совершеннымъ гетманомъ надъ тремя

полками, точь въ точь какъ покойникъ Самко въ Козельцѣ; Нѣжинскимъ полковникомъ сдѣлалъ Филиппа Уманца Глуховскаго, а Остапа Золотаренка отставилъ за то, что онъ въ Нѣжинѣ вашему царскому величеству присягнулъ. Тамъ же въ Новгородѣ преосвященный архіепископъ приговорилъ гетману держать меня за карауломъ до тѣхъ поръ, пока возвратится Забѣла съ товарищами изъ Москвы, и если ваше царское величество, по желанію архіепископа и гетмана, позволите своимъ ратнымъ людямъ изъ городовъ выйти, то оставить меня въ живыхъ; если же нѣтъ, то меня либо смерти предать, либо Татарамъ отдать. Я сталъ со слезами просить архіепископа, чтобъ не для меня, но для милости вашего царскаго величества отпустили меня либо въ Москву, либо въ Нѣжинъ. Архіепископъ отвѣчалъ мнѣ: «Не сдѣлаю этого для земнаго царя, а только для небеснаго, и еслибъ не мое заступленіе, давно бы тебя гетманъ смерти предалъ.» А Василій Многогрѣшный говоритъ: «Братъ мой гетманъ передъ тобою невиноватъ, архіепископъ велитъ держать тебя за крѣпкимъ карауломъ, сердясь, что ты желаешь добра царскому величеству и что къ тебѣ милость государская есть». А Василій Многогрѣшный вѣренъ тебѣ, великому государю, много разъ брата своего лаялъ, что онъ гордится, людей деретъ и тебѣ, великому государю, не хочетъ истинно служить; и Гвинтовка добръ же. Самъ я слышалъ своими ушами какъ архіепископъ говорилъ: «Надобно намъ того, чтобы у насъ въ Малой Россіи и нога Московская не была; если государь не выведетъ своихъ ратныхъ людей изъ городовъ, то гетманъ хотя и самъ пропадетъ, а царство Московское погубитъ: какъ огонь—вещь подлежащую спалитъ и самъ погаснетъ». Воля ваша: если прикажете изъ Нѣжина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своихъ ратныхъ людей, то не думайте, чтобъ было добро. Весь народъ кричитъ, плачетъ: какъ Израильтяне подъ Египетскою, такъ они подъ козацкою работою жить не хотятъ; воздѣвъ руки, молятъ Бога, чтобъ по прежнему подъ вашею государскою державою и властію жить; говорятъ всѣ: за свѣтомъ государемъ живучи, въ десять лѣтъ того бы не видали, что теперь въ одинъ годъ за козаками. Нынѣшній гетманъ безмѣрно побралъ на себя во всей Сѣверской странѣ дани великія медовыя, изъ виннаго котла у мужиковъ по рублю, а съ козака по полтинѣ, и съ

священниковъ (чего и при польской власти не бывало) съ котла по полтинѣ; съ козаковъ и съ мужиковъ поровну, отъ сохи по двѣ гривны съ лошади, и съ вола по двѣ же гривны, съ мельницы по пяти и по шести рублей бралъ, а кромѣ того отъ колеса по червонному золотому; а на ярморкахъ, чего никогда не бывало, съ Малороссіянъ и Великороссіянъ бралъ съ воза по 10 алтынъ и по двѣ гривны; если не вѣрите, велите допросить Путивльцевъ, Сѣвчанъ и Рылянъ. Уже объ немъ не умолкаютъ козаки и мужики, а какъ вооружатся на него, хочетъ утекать въ цесарскую землю. Ей, ей, ей, государь, отъ его устъ я слышалъ трижды на тайныхъ со мною разговорахъ; я его, гетмана уговаривалъ и милостію вашею царскою обнадеживалъ всячески: отнюдь не хочетъ служить вашему царскому величеству, на васъ, помазанника Божія, и на царство ваше православное хулы возлагаетъ: стыдно и писать мнѣ. Повѣрь, государь, священству моему: великій врагъ, а не доброхотъ вашему царскому пресвѣтлому величеству. Нынѣ разорвались на три доли: одни къ сему гетману, другіе къ Дорошенку, третьи къ Суховѣю; отнюдь ничего добраго нѣтъ, для чего выводить изъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей; еще бы нынѣ промышлять, доколѣ посланцы у вашего царскаго величества на Москвѣ: послать бы изъ Сѣвска будто въ Кіевъ на перемѣну, въ Глуховъ приказа три или четыре съ воеводою какимъ умнымъ; а тамъ сами князя Ромодановскаго просятъ въ Гадячь; а еслибы эти два города вашего царскаго величества ратные люди осѣли, то козакамъ бы уже нечего дѣлать! а то ихъ горстка, а затѣваютъ небылицу, будто они побѣду и одолѣніе одержали, такихъ статей домогаются, какихъ не бывало и прежде, когда все войско было вмѣстѣ не рознясь. Козаки умные, которые помнятъ свое крестное цѣлованье, мѣщане и вся чернь говорятъ вслухъ: если вы, великій государь, изволите вывесть своихъ ратныхъ людей изъ Малороссійскихъ городовъ, то они селиться не хотятъ, хотятъ бѣжать врознь: одни въ украйные города вашего царскаго величества, другіе за Днѣпръ въ королевскіе города. А которые посланы къ вамъ отъ гетмана козаки, Забѣла съ товарищами — изволь, государь, ихъ задержать и черезъ нихъ посланцами договоръ чинить для того: если вы по желанію архіепископа и гетмана не сдѣлаете, то они

тотчасъ къ Татарамъ, а Татары съ калгою до сихъ поръ стоятъ за Днѣпромъ. Забѣла и Гвинтовка со мною говорили, что они не желаютъ выхода государскихъ людей изъ городовъ; вели, государь, ихъ по одному, тайнымъ обычаемъ допросить, какъ Бога боятся, пусть такъ скажутъ; учинилось это не ихъ совѣтомъ, а только архіепископскимъ и гетманскимъ. Да и о томъ милости у васъ, великаго государя, прошу: пощади меня убогаго богомольца своего, не вели этого моего письма объявлять: какъ скоро довѣдаются, тотчасъ меня смерти предадутъ. А людей, государь, Бога ради, изъ Малороссійскихъ городовъ не вели выводить, а лучше и прибавить.»

Вслѣдъ за грамотою Симеона Адамовича, въ январѣ же мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Москву жилецъ Ушаковъ, посыланный Шереметевымъ изъ Кіева къ Многогрѣшному и Барановичу. Ушаковъ разсказывалъ о своихъ разговорахъ съ ними: на приглашеніе Шереметева чинить промыслъ надъ городами, бывшими въ рукахъ у измѣнниковъ—надъ Остромъ, Козельцомъ, Барышполемъ и другими, гетманъ отвѣчалъ: «Жду отъ великаго государя посланныхъ своихъ и всякой государской милости; а какъ отъ великаго государя милость всякую увидятъ, то города эти, думаю, скоро подъ его высокую руку подклонятся». Барановичь говорилъ: «Надобно великому государю надъ гетманомъ и надо всѣмъ войскомъ милость показать во всемъ вскорѣ и посланцевъ ихъ отпустить не задержавъ; а если посланцы на Москвѣ замѣшкаются, то чтобы чего-нибудь дурнаго не сдѣлалось. Царское величество Кіевъ Польскому королю уступитъ ли или нѣтъ? Когда я съ Меѳодіемъ былъ на Москвѣ, въ то время договорныя статьи читали на весь міръ; въ статьяхъ постановлено, что Кіевъ отдать въ королевскую сторону; но кагда мы были у великаго государя на отпуску и о Кіевѣ докладывали, то государь милость свою намъ сказалъ, что Кіева отнюдь не уступитъ. И если царское величество Кіевъ Полякамъ уступитъ, то и сей стороны Днѣпра Малороссійскіе города подъ его рукою въ твердости не будутъ никогда. Во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ духовный и мирской чинъ сильно этимъ оскорбляются, особенно въ Кіевскихъ монастыряхъ архимандриты, игумны и старцы сѣтуютъ и болѣзнь имѣютъ великую о церквахъ Божіихъ, говорятъ: какъ скоро Кіевъ въ королевскую сторону будетъ уступленъ, тотчасъ

Поляки церкви Божіи превратятъ въ костелы и учинятъ унію, да и то Полякамъ будетъ досадно, что Меѳодій въ Кіевѣ прежній польскій каменный костелъ разломалъ и хотѣлъ Софійскій монастырь строить, но монастырскому строенью и почину неучинилъ, а костелъ разломалъ: такъ Поляки за это тотчасъ Софійскій монастырь въ кляшторъ обратятъ. Царскому величеству надобно за Кіевъ стоять крѣпко, потому что Кіевъ благочестію корень, а гдѣ корень, тутъ и отрасли.» Многогрѣшный толковалъ о своихъ ближайшихъ дѣлахъ: «Слышалъ я, что Дорошенко къ великому государю присылаетъ, будто подъ его высокою рукою хочетъ быть, и тому вѣрить нечего: эти присылки чинитъ онъ лестью, хочется ему на обѣихъ сторонахъ быть гетманомъ одному. А я по присягѣ своей царскому величеству служить радъ до скончанія живота; если же Дорошенка принять, то меня тотчасъ убьетъ, а въ дѣлахъ великаго государя проку накакого не будетъ.» — Ушаковъ разсказывалъ и о Кіевѣ: въ Кіевѣ во всѣхъ монастыряхъ и въ городѣ митрополита Іосифа Тукальскаго любятъ и хотятъ, чтобы онъ на митрополіи Кіевской былъ по прежнему. Да архимандритъ Печерскій очень оскорбляется, что службы его и радѣнія къ великому государю было много, государевымъ ратнымъ людямъ деньгами и хлѣбомъ помогалъ, противъ измѣнниковъ всѣми монастырскими людьми стоялъ, а за это государевой милости до сихъ поръ не получилъ, только было прислано спросить его о здоровьѣ; также и другихъ монастырей игумны, которые ратнымъ людямъ хлѣбомъ помогали, оскорбляются.

24 января государь велѣлъ боярину Богдану Матв. Хитрово поговорить съ Малороссійскими посланцами, Забѣлою и Гвинтовкою. Хитрово объявилъ имъ, что всѣ дѣла должны быть рѣшены на радѣ, на которую отправляются бояринъ князь Григ. Григ. Ромодановскій, стольникъ Артемонъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ. Хитрово объявилъ также, что государь велѣлъ отпустить Малороссійскихъ плѣнниковъ 161 человѣка, и спрашивалъ, гдѣ пристойнѣе быть радѣ? Посланцы отвѣчали, что вдругъ сказать не могутъ, подумаютъ; лучше быть радѣ около Десны, но черневой радѣ не быть, быть только полковникамъ и старшинѣ, потому что мѣста разоренныя: какъ съѣдутся многіе люди, то и лошадей накормить будетъ нечѣмъ. Сего боку козаки

выбрали совершеннымъ гетманомъ Многогрѣшнаго: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать ему булаву и знамя.

На другой день, 25-го, посланцы были на казенномъ дворѣ у думнаго дворянина Ларіона Лопухина и думнаго дьяка Дементья Башмакова. Имъ объявлено, что государь отпустилъ 161 плѣнника, отпуститъ и всѣхъ, если они дадутъ имъ роспись.—«Дадимъ роспись на радѣ, отвѣчали посланцы».—«Дайте письменныя улики на епископа Меѳодія и Нѣжинскаго протопопа», сказалъ Лопухинъ. — «Уликъ съ нами не прислано, отвѣчали посланцы, дадимъ ихъ на радѣ; но мы подлинно знаемъ, что вся дума у гетмана Брюховецкаго была съ епископомъ, да съ Нѣжинскимъ и Романовскимъ протопопами.» — «Кто говорилъ вамъ смутныя рѣчи, что листовъ вашихъ царскому величеству не доносятъ, и на кого въ томъ нарекали?» — спрашивалъ Лопухинъ.—«Говорилъ намъ про то Брюховецкій, отвѣчали послы: сказывали ему посланцы его, пріѣхавшіе изъ Москвы, бунчужные Поповичь и арматный писарь Микифоръ, будто листовъ нашихъ царскому величеству не доноситъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ и говоритъ, что Малая Россія царскому величеству ненадобна.» — «Можно вамъ и самимъ разумѣть, сказалъ Лопухинъ, что все это дѣло несбыточное, Ивашка Брюховецкій нарочно говорилъ на смуту.»

Посланцы настаивали, чтобы радѣ быть въ Батуринѣ, но государь рѣшилъ быть ей въ Глуховѣ — для ближайшаго привоза изъ городовъ людскихъ запасовъ и конскихъ кормовъ, и рѣшилъ, чтобы рада была черневая.

Перваго марта пріѣхалъ Ромодановскій съ товарищами въ Глуховъ, 3-го пріѣхалъ Лазарь Барановичь, и въ тотъ же день бояринъ созвалъ раду у себя на дворѣ: народу не было много, потому что изъ козаковъ и мѣщанъ были только выборные люди. Ромодановскій объявилъ, что царское величество указалъ имъ, по ихъ правамъ и вольностямъ, выбрать гетмана, кого они излюбятъ: всѣ отвѣчали, что выбираютъ Демьяна Игнатовича. Наступило дѣло потруднѣе: начали читать статью, что въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ быть воеводамъ и ратнымъ людямъ. Поднялся шумъ: «Мы били челомъ, чтобы воеводамъ не быть на этой сторонѣ!» — «Такъ, вы били объ этомъ челомъ, отвѣчалъ Ромодановскій: но великій государь велѣлъ быть

воеводамъ для крѣпкаго утвержденья и обороны тебѣ гетману и всѣмъ Малороссіянамъ, для проѣзду до Кіева и къ тебѣ, чтобы сухимъ и воднымъ путемъ всякимъ проѣзжимъ людямъ и хлѣбнымъ отпускамъ путь былъ чистъ, а не для того, чтобы воеводамъ и ратнымъ людямъ, живя въ городахъ, дѣлать налоги; ты, гетманъ, видишь самъ, что Маллороссійскихъ городовъ жители шатки, всякимъ смутнымъ воровскимъ словамъ вѣрятъ и на всякія прелести сдаются, Петрушка Дорошенко, который называется гетманомъ той стороны, поддается султану Турскому и, присылая на эту сторону козаковъ, воровски здѣшнихъ жителей прельщаетъ, многіе изъ нихъ и теперь еще держатъ его сторону; Переяславль, Нѣжинъ и другіе города разорены, жители ихъ разбрелись, все пусто: и если въ нихъ царскихъ ратныхъ людей не будетъ, то возвращающимся жителямъ безъ обороны нельзя будетъ строить своихъ домовъ и жить, да и Дорошенко тотчасъ же займетъ эти города своими людьми, дороги до Кіева займетъ и учинитъ васъ въ подданствѣ у Турка вмѣстѣ съ собою».—«Не поставь себѣ въ досаду, сказалъ Демьянъ, что мы эту статью оспорили; вели читать другія статьи, а объ этой мы подумаемъ». Начались толки о Кіевѣ, просьбы, чтобы не отдавать его Ляхамъ.—«Вѣдомо вамъ самимъ, говорилъ Ромодановскій, что той стороны Днѣпра козаки и всякіе жители отъ царскаго величества отлучились и Польскому королю поддались сами своею охотою прежде Андрусовскихъ договоровъ, а не царское величество ихъ отдалъ, потому ихъ отлученію и въ Андрусовѣ договоръ учененъ.»—«Намъ вѣдомо подлинно, отвѣчалъ гетманъ, что тамошніе козаки поддались Польскому королю сами, отъ царскаго величества отдачи имъ не бывало, и если положено будетъ на съѣздахъ съ польскими коммиссарами, что Кіевъ отдать — въ томъ воля великаго государя, только бы Поляки благочестивой вѣры не гнали, а царскому величеству можно митрополію и въ Переяславлѣ сдѣлать.» — «Нѣтъ, возразилъ Лазарь Барановичь, митрополію надобно сдѣлать въ Черниговѣ, Черниговъ старше Переяславля и княженіе древнее».

На другой день пришли къ боярину обозный Петръ Забѣла, войсковые есаулы, полковники и, отъ имени гетмана, начали говорить, чтобъ воеводамъ не быть въ ихъ городахъ и подали

письменное челобитье по статьямъ: жаловались, что царскіе воеводы, наѣзжая на города, завѣдывали войсковою арматою; просили, чтобы реестровыхъ козаковъ было 40,000; просили на пять лѣтъ льготы отъ податей, а если недостанетъ денегъ на жалованье реестровому войску, то чтобы платила казна царская; чтобы гетману жить въ Батуринѣ, а когда Переяславль окончательно подчинится государю, то въ Переяславлѣ; чтобы воеводъ вывесть хотя черезъ полгода или черезъ годъ, когда все успокоится.

5-го марта былъ новый съѣздъ. Ромодановскій началъ тѣмъ, что выводъ воеводъ дѣло не схожее. «Но воеводы, отвѣчалъ гетманъ, козакамъ и жилецкимъ людямъ обиды многія нестерпиныя чинили, въ дѣла вступались, насъ убытчили; служилые люди козаковъ безчестили, лаяли, мужиками называли, воровства отъ нихъ частыя и поджоги; а въ томъ бы великій государь былъ на насъ надеженъ, станемъ служить вѣрно, безо всякой шатости, измѣнять никогда не будемъ». — «До сихъ поръ, говорилъ Ромодановскій, отъ козаковъ и мѣщанъ на воеводъ и ратныхъ людей челобитья не было, а впередъ въ права ваши и суды, козацкіе и мѣщанскіе, воеводамъ вступаться государь не указалъ, судиться вамъ между собою самимъ. До сихъ поръ никакихъ жалобъ не было; еслибъ были жалобы, то былъ бы сыскъ и по сыску наказанье; явно, что дѣло затѣяно теперь: и вы о выводѣ ратныхъ людей изъ городовъ и не думайте, какую вы дадите поруку, что впередъ измѣны никакой не будетъ?»

Гетманъ и старшина молчали.

Бояринъ продолжалъ: «И прежде были договоры, передъ святымъ Евангеліемъ душами своими ихъ крѣпили, и что жъ? соблюли ихъ Ивашка Выговскій, Юраска Хмельницкій, Ивашка Брюховецкій? Видя съ вашей стороны такія измѣны, чему вѣрить? Вы беретесь всѣ города оборонять своими людьми: но это дѣло несбыточное! Сперва отберите отъ Дорошенки Полтаву, Миргородъ и другіе; и еслибы въ остальныхъ городахъ царскихъ людей не было, то и они были бы за Дорошенкомъ. Чтобъ больше объ томъ дѣлѣ и помину не было!»

Заговорилъ архіепископъ: «Отъ чего намъ чинятся налоги, о томъ какъ не говорить и великому государю не бить челомъ? Теперь ты, бояринъ, не хочешь съ нами чинить договору о вы-

водѣ ратныхъ людей: такъ написать въ статьяхъ, чтобъ впередъ было вольно бить челомъ государю объ этомъ».

«Не только что объ этомъ въ статьяхъ писать, и говорить съ вами не хотимъ,» отвѣчалъ бояринъ. — «Вечеромъ мы еще подумаемъ, сказалъ гетманъ; а изъ нынѣшнихъ разговоровъ я и самъ узналъ, что въ тѣхъ городахъ безъ воеводъ и ратныхъ людей быть невозможно».

6-го марта рано утромъ съѣхались всѣ и подписали статьи, согласно волѣ великаго государя. Въ статьяхъ говорилось: Быть воеводамъ и ратнымъ людямъ въ городахъ: Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ; жителей воеводамъ не вѣдать, имѣть начальство только надъ своими ратными людьми. Если получится жалоба на обиду отъ ратныхъ людей, то воеводы судятъ ратныхъ людей, но вмѣстѣ съ воеводами быть при этихъ судахъ изъ Малороссійскихъ жителей знатнымъ, добрымъ и разумнымъ людямъ. Поборы собирать какъ написано въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Реестровымъ козакамъ быть въ 30,000, и давать человѣку по 30 золотыхъ польскихъ; гетману 1,000 золотыхъ червонныхъ на годъ; обозному и писарю по 1,000 золотыхъ польскихъ, на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, на писаря судейскаго 100, на бунчужнаго 100; на полковниковъ 100 ефимковъ, на есауловъ по 200, на сотниковъ по 100. Въ реестръ писать старыхъ козаковъ, которые много служили; а если такихъ недостанетъ, то принимать мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Пожалованные дворянствомъ, сохраняютъ его; и впредь государь жалуетъ этою честію за заслуги по челобитью гетмана и старшины; жалуетъ также грамоты на мельницы и деревни, данныя гетманомъ и старшиною за войсковыя заслуги. Великій государь указалъ быть выборному, кого гетманъ, старшина и все войско выберутъ, жить ему въ Москвѣ погодно, чтобъ гетману обо всѣхъ дѣлахъ писать къ нему, а онъ будетъ приносить письма къ приказнымъ людямъ, которые будутъ доносить ихъ до великаго государя, чтобъ изъ Москвы къ гетманамъ частымъ посланцамъ не быть, также и гетману посылать къ великому государю не часто, только для самыхъ нужныхъ дѣлъ, по три или по четыре раза въ годъ; посланному для такихъ важныхъ дѣлъ давать по 20 подводъ, а гонцамъ по 3, потому что подводы теряются, отъ чего козакамъ и мѣщанамъ

много убытковъ. Ратнымъ людямъ на козацкихъ дворахъ не ставиться, ставиться у мѣщанъ и мужиковъ, козаковъ измѣнниками и мужиками не называть; бѣглецовъ выдавать. Какъ будетъ съѣздъ съ польскими коммиссарами, то будутъ на него приглашены и Малороссійскіе выборные; только эти посланцы съ послами и коммиссарами сидѣть не будутъ для избѣжанія ссоры, а когда начнутся разговоры о дѣлахъ Малороссійскихъ, то бояре призовутъ посланцевъ и объявятъ имъ, о чемъ идетъ дѣло; если же призовутъ ихъ царскіе послы и польскіе коммиссары въ засѣданіе, то имъ говоритъ о благочестивой вѣрѣ и о другихъ своихъ дѣлахъ, только безъ всякихъ ссоръ, тихими и приличными разговорами. (Козаки никакъ не согласились на то, чтобъ посланцамъ ихъ не сидѣть съ послами и коммиссарами). Если гетманъ въ чемъ провинится, кромѣ измѣны, то его не перемѣнять безъ указа великаго государя. Учинить полковника изъ Малороссійскихъ городовъ и при немъ быть 1,000 козаковъ реестровыхъ: гдѣ начнутся шатости и измѣны, то этому полковнику своевольныхъ унимать по своимъ правамъ. Гетманъ будетъ жить въ Батуринѣ.

Подписавши статьи, отправились на площадь предъ соборною церковію; здѣсь опять бояринъ спросилъ, кого хотятъ въ гетманы? Раздался крикъ: «Демьяна Игнатова!» Обозный и полковники поднесли Демьяну булаву: «Хотя я и не желаю быть гетманомъ, сказалъ Демьянъ, однако противиться не могу, и буду служить великому государю вѣрно.»—«И мы хотимъ служить вѣрно!» завопили всѣ. Бояринъ вручилъ новому гетману подтвердительныя царскія грамоты, послѣ чего всѣ пошли во церковь и принесли присягу.

8-го марта раздавалось государево жалованье: гетманъ получилъ два сорока соболей, по 100 рублей сорокъ; старшины получили по двѣ пары; лучшіе люди въ полкахъ по три, а другіе по соболю; Лазорю Барановичу прислано два сорока: одинъ въ 100, другой въ 50 рублей.

Раздвоеніе между козаками и остальнымъ народонаселеніемъ Малороссійскимъ, раздвоеніе, давшее возможность Московскому правительству не согласиться на требованія Многогрѣшнаго и Барановича, это раздвоеніе ясно высказалось въ мѣщанскихъ челобитныхъ, поданныхъ царю: «Чтобъ отъ козаковъ великихъ

насильствъ и налоговъ христіанамъ въ Малороссійскихъ городахъ, пригородахъ и деревняхъ не было; жители принимають къ себѣ переселенцевъ съ той стороны Днѣпра на хлѣбъ и на соль мірскую, отъ чего бѣднымъ мірянамъ великое разоренье и даже кровопролитіе въ домахъ дѣлается, междоусобная брань, бунты начинаются, потому что голики не хотятъ быть сыты тѣмъ, чтò имъ даютъ, а берутъ насильно съ мѣщанъ и крестьянъ. —Дѣла градскія бѣдныхъ крестьянъ чтобъ въ казацкую державу и власть не были отданы, чтобъ козаки на своихъ вольностяхъ жили, а до крестьянъ ни въ чемъ бы не касались, въ управленіе и въ суды градскіе не вступались.—Доходы всякіе въ казну великаго государя козакамъ не собирать, собирать ихъ мѣщанамъ и крестьянамъ и отдать, кому царское величество изволитъ, чтобъ бѣднымъ мѣщанамъ и крестьянамъ отъ козаковъ вконецъ не разориться.»

Послѣ рады, въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Москву посланный отъ новаго гетмана и всего войска, судья енаральный войсковой Иванъ Самойловъ съ челобитьемъ, чтобъ князь Ромодановскій съ своимъ войскомъ всегда готовъ былъ на защиту украйны по первому требованію, не отговариваясь неимѣніемъ царскаго указа; чтобъ возвращены были въ отечество Малороссіяне, сосланные по навѣтамъ Брюховецкаго, и взятые въ плѣнъ въ последнюю войну. Но важнѣе была другая статья: «Если поборовъ съ Малороссійскихъ городовъ не станетъ, доплачивать жалованье войску Запорожскому изъ казны государевой; нынѣ вся украйна пуста и не скоро оправится; всѣмъ городамъ, по указу государеву, дана льгота на пять лѣтъ, и потому не съ кого поборовъ брать, мельницы всѣ разорены.» На всѣ пункты послѣдовало согласіе кромѣ пункта о доплачиваніи жалованья козакамъ изъ казны царской. Іосифъ Тукальскій прислалъ грамоту, просилъ, чтобъ государь позволилъ ему быть митрополитомъ въ Кіевѣ; о томъ же просилъ и архимандритъ Гизель: имъ отвѣчали, что за нѣкоторыми мѣрами Іосифу быть на митрополіи не возможно, потому что дѣло о Кіевѣ между Россіею и Польшею еще не рѣшено, а какое рѣшеніе на общемъ съѣздѣ послѣдуетъ, въ то время митрополиту царскій указъ будетъ.

И третья смута Малороссійская, и третья измѣна гетманская не отняла восточной Малороссіи у Москвы. Турки и Татары не

поддержали возстанія Барабашей (какъ называли тогда козаковъ восточнаго берега въ Крыму); Поляки, еслибы и хотѣли, не могли дѣйствовать противъ Москвы, еслибъ и хотѣли, не могли помочь ей въ борьбѣ съ козаками. Еще весною 1668 года посланникъ царскій Акинѳовъ изъ Варшавы и воевода Смоленскій давали знать въ Москву, что въ Польшѣ и Литвѣ большая рознь и нестроеніе, что король королевство покинетъ и пойдетъ во французскую землю. Акинѳовъ обратился къ извѣстному Литовскому референдарю Бростовскому съ вопросомъ: кто изъ коронныхъ и литовскихъ сенаторовъ сильны, и отъ кого въ дѣлахъ великаго государя службы и радѣнья чаять!—«Царскому величеству, отвѣчалъ Бростовскій, радѣтеленъ литовскій канцлеръ Хриштофъ Пацъ, а изъ коронныхъ Андрей Ольшевскій, бискупъ Хелмскій, подканцлеръ, да Янъ Рей, воевода Любельскій. Надобно тебѣ съ ними видѣться и царскою милостію ихъ обнадежить; а канцлеръ коронный хотя и не очень радѣтеленъ, однако тѣмъ людямъ не поперечитъ: такъ надобно и его почтить и видѣться съ немъ.» Акинѳовъ въ тотъ же день поѣхалъ къ Ольшевскому и подарилъ ему сорокъ соболей; былъ у канцлера короннаго и у воеводы Любельскаго, государевою милостію обнадеживалъ, но дачи никакой не чинилъ; къ Пацу отвезъ соболей и грамоту Ордина-Нащокина. Пацъ объявилъ свою службу, какъ онъ, пріѣхавши изъ Москвы, расхваливалъ всѣмъ царевича Алексѣя Алексѣевича, образъ котораго показываетъ мудрость, тихость и милосердіе; какъ уговаривалъ не искать другаго государя кромѣ царевича; Литовскіе на эту мысль всѣ склонились, склоняются и коронные, только не всѣ: которыхъ Французъ задарилъ большими подарками, тѣ для короля молчатъ и поманиваютъ на Француза. На будущій сеймъ надобно государю царю прислать пословъ своихъ съ полною мочью; король на этомъ сеймѣ непремѣнно отъ короны откажется, и въ то время станутъ ея домогаться многіе, а пуще всѣхъ Французъ. Пацъ впервые указалъ русскому правительству могущественное средство рѣшать выборы польскихъ королей: «Царское величество послалъ теперь войска на козаковъ: такъ пусть эти войска далеко отъ границы не отходятъ; тогда Турокъ и Французъ и другіе замѣривальщики станутъ опасаться, думать: какъ Москва съ козаками управится, то и Польшу станетъ оборонять;

также и во время избирательнаго сейма люди, радѣтельные царскому величеству, будутъ надежнѣе и смѣлѣе, зная, что государевы войска на границѣ.»

Между тѣмъ надобно было выполнить условіе, по которому уполномоченные обѣихъ державъ должны были съѣхаться въ Курляндіи; положено было пригласить туда же и шведскихъ уполномоченныхъ. Со стороны Швеціи послѣ Кардискаго мира слышались постоянныя жалобы на то, что не всѣ плѣнные отпущены изъ Россіи, и что шведскіе купцы терпятъ притѣсненія въ ея областяхъ. Новый договоръ, заключенный окольничимъ Волынскимъ съ шведскими уполномоченными на рѣкѣ Плюсѣ въ 1666 году не положилъ конца жалобамъ. Русское правительство въ свою очередь жаловалось на притѣсненія своихъ купцовъ въ шведскихъ владѣніяхъ, жаловалось на дурное поведеніе въ Москвѣ шведскихъ резидентовъ: «не годится имъ быть на Москвѣ для того, что въ торговляхъ своихъ живучи корыстуются, а государственныхъ дѣлъ не помнятъ», писалъ царь королю. Въ апрѣлѣ 1668 года пошла царская грамота въ Стокгольмъ съ приглашеніемъ королевскихъ уполномоченныхъ въ Курляндію для порѣшенія всѣхъ торговыхъ затрудненій. Съ русской стороны отправился на съѣздъ самъ начальникъ Посольскаго Приказа бояринъ Аѳонасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель. 26 мая выѣхалъ онъ изъ Москвы съ большимъ торжествомъ: благочестивый государь, во исполненіе евангельскаго гласа «яко безъ Мене не можете творити ничесоже», воздвигнулъ изъ своихъ хоромъ образъ Вседержителя, и провожалъ его отъ Успенскаго собора за Тверскіе ворота до церкви Благовѣщенія, здѣсь по совершеніи молебствія, государь обра́тился къ патріархамъ, просилъ ихъ молиться, чтобы дѣло совершилось на славу св. Троицы, на радость православнымъ христіанамъ, на посрамленіе племенамъ варварскимъ, и при этомъ государь объявилъ патріархамъ, что такого великаго дѣла издавна въ Россіи не бывало. Но Ординъ-Нащокинъ по напрасну прожилъ лѣто въ Курляндіи: ни шведскіе, ни польскіе уполномоченные не пріѣзжали. Королева Гедвига Элеонора, отъ имени малолѣтняго сына своего Карла XI, отвѣчала царю: «Ваше Величество уговорились о съѣздѣ съ польскимъ королемъ, не объ-

явивши намъ, не оказавши намъ этой чести. Нашему королевскому величеству этотъ съѣздъ не надобенъ, потому что съ вашимъ царскимъ величествомъ о вольной торговлѣ мы условились въ Кардискомъ, и потомъ въ Плюскомъ договорѣ, а съ королемъ польскимъ въ Оливскомъ; что въ этихъ договорахъ постановлено, то все будемъ содержать крѣпко безо всякаго умаленья, и потому пословъ нашихъ на тотъ съѣздъ отправлять мы не соблаговолили. Если же вашему царскому величеству угодно будетъ пригласить насъ въ посредники при заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, то мы ради будемъ всякимъ пріятствомъ и дружбою оказываться.» Въ августѣ король Янъ Казимиръ отрекся отъ престола и начались выборы. Архіепископъ-примасъ, гетманъ Пацъ и референдарь Бростовскій присылали къ Нащокину съ объявленіемъ, что царевичь Алексѣй Алексѣевичь назначенъ кандидатомъ и что успѣхъ дѣла несомнѣненъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ хотѣлось вывѣдать у Нащокина, согласится ли царь послать къ нимъ сына на ихъ условіяхъ?—«Прежде всего, отвѣчалъ Нащокинъ, надобно исполнить то, что договорено, съѣхаться въ Курляндіи, и, дастъ Богъ, при этомъ съѣздѣ, всѣ тайныя дѣла къ вѣчному миру совершены будутъ. Шведы въ съѣздѣ отказали: явно, что не рады они видѣть союзъ Москвы съ Польшею. О государѣ же царевичѣ — быть ли ему королемъ польскимъ—волѣ праведной Божіей кто противится? какъ восхощетъ, такъ по прошенью вѣрныхъ своихъ и сотворитъ; а прежде всего между обоими многочисленными народами надобно вѣчное утвержденіе учинить, и тогда, будутъ ли государи родные или чужіе, во всякомъ случаѣ будутъ жить въ единствѣ богоугоднымъ совѣтомъ.» Причины, заставлявшія его отклонять предложенія объ избраніи царевича, Нащокинъ высказалъ государю такимъ образомъ: «Нѣтъ никакой нужды ѣхать на сеймъ: вѣчнаго мира тамъ не заключить, царевича въ короли не выберутъ, а только прежнему договору поруха будетъ. Вдаваться въ избраніе страшно и мыслить: сколько изъ Великой Россіи королевству польскому надобно будетъ дать? Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утвержденіе, а на разрушеніе мира. Корону польскую перекупятъ какъ товаръ, другіе.»

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву гонецъ Янъ Гойшевскій, привезъ грамоту отъ «радъ духовныхъ и мірскихъ обоего на-

рода» съ извѣстіемъ объ отреченіи Яна Казимира, также подлинную грамоту шведскаго короля, въ которой тотъ объявлялъ, что не считаетъ нужнымъ съѣздъ уполномоченныхъ трехъ державъ въ Курляндіи, ибо въ договорахъ, какъ Оливскомъ, такъ и Кардискомъ достаточно постановлено о торговлѣ». Такимъ образомъ, писали паны радные: съѣздъ не состоялся не по нашей винѣ, а мы готовы выслать своихъ коммиссаровъ». Согласились, что съѣзду русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ опять быть въ Андрусовѣ, и съ русской стороны назначенъ былъ тотъ же Ординъ-Нащокинъ, съ польской Янъ Гнинскій, воевода Хелминскій. Нащокинъ выговаривалъ коммиссарамъ, что мирное постановленіе не сдержано со стороны Поляковъ, которые не дали условленной помощи въ войнѣ противъ хана и Дорошенка, и послѣдній овладѣлъ царскими городами. «Видя такое замѣшательство въ Украйнахъ, говорилъ бояринъ, надобно, для устрашенія бусурманъ, заключить союзъ вѣчный и крѣпкій».—«Нельзя, отвѣчалъ воевода Хелминскій, заключать намъ теперь, въ перемирныхъ годахъ, вѣчнаго союза, потому что завоеванные города остались бы тогда вѣчно въ сторонѣ царскаго величества; надобно непремѣнно назначать срокъ отдачи Кіева».—«Если назначать срокъ отдачи Кіева, говорилъ Нащокинъ, то надобно назначить срокъ отдачи тѣхъ городовъ украинскихъ, которыми владѣетъ теперь Дорошенко. Лучше положить все это на волю Божію; послѣ великіе государи по обсылкамъ, общимъ совѣтомъ постановятъ и о Кіевѣ, и объ украинскихъ городахъ». Коммиссары настаивали на срокъ.— «Прежде всего, повторялъ Нашокинъ, надобно подтвердить о соединеніи силъ противъ бусурманъ; а если вы этого не сдѣлаете, то царство Московское, по нуждѣ, будетъ искать дружбы у тѣхъ сосѣдей, противъ которыхъ теперь требуетъ у васъ союза». Наконецъ, по многимъ разговорамъ, коммиссары съ великою нуждою отложили упорныя свои рѣчи и подались учинить крѣпость о соединеніи силъ противъ бусурманъ. Это было уже въ концѣ декабря. Нащокинъ возвратился въ Москву.

Но весною 1669 года онъ уже опять ѣхалъ на съѣздъ, ѣхалъ на послѣднюю службу. Мы имѣли много случаевъ изучить характеръ знаменитаго оберегателя посольскихъ дѣлъ. Мы видѣли, что это былъ одинъ изъ предтечь Петра Великаго, чело-

вѣкъ, который убѣдился въ превосходствѣ запада и началъ громко говорить объ этомъ превосходствѣ, требовать преобразованій по западному образцу. Онъ дорого поплатился за это, когда хваленый западъ отнялъ у него сына. Но непріятности этимъ не могли ограничиться. Узнавши чужое, лучшее, Нащокинъ сталъ порицать свое худшее; но порицая дѣла, онъ непремѣнно долженъ былъ порицать лица, принять на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда какъ было много людей сильныхъ, которые не хотѣли признавать этого превосходства, не хотѣли быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокинъ поступалъ при этомъ не очень мягко, слишкомъ давалъ чувствовать свое превосходство, свои учительскія права. Сдѣлаютъ что-нибудь въ Москвѣ безъ совѣта съ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ или вопреки его совѣта,—Аѳанасій Лаврентьевичь никогда этого не забудетъ: постоянно онъ будетъ повторять, что вся бѣда произошла отъ того, что его мнѣнія не приняли, а не приняли не по чему другому, какъ только изъ ненависти къ нему. И какъ онъ пользовался этою ненавистію, какъ употреблялъ во зло свои отношенія къ царю! Выведенный въ люди царемъ и поддерживаемый имъ, онъ постоянно возбуждаетъ самолюбіе Алексѣя Михайловича: «ты меня вывелъ, такъ стыдно тебѣ меня не поддерживать, дѣлать не по моему, давать радость врагамъ моимъ, которые, дѣйствуя противъ меня, дѣйствуютъ противъ тебя». Такимъ образомъ, проповѣдуя самодержавіе, Нащокинъ прямо стремился овладѣть волею самодержца. Не могъ не чувствовать этого царь Алексѣй Михайловичь, не могъ не скучать постоянными однообразными жалобами Нащокина. Андрусовское перемиріе, столько желанное для всѣхъ, чрезвычайно подняло Нащокина: его сдѣлали бояриномъ, подарили богатую Порѣцкую волость, сдѣлали начальникомъ посольскаго приказа съ громкимъ, небывалымъ титуломъ. Легко понять, что Аѳанасій Лаврентьевичь не счелъ за нужное при этомъ перемѣнить своего образа дѣйствій и тона своихъ рѣчей; легко понять, какъ доставалось отъ него дьякамъ посольскаго приказа — Дохтурову, Голосову и Юрьеву, которые вели дѣло по старинѣ, а Нащокинъ хотѣлъ вести его по новому. Какъ смотрѣлъ онъ на посольскій приказъ, видно изъ слѣдующаго представленія его царю: «На Москвѣ, государь, ей!

слабо и въ государственныхъ дѣлахъ нерадѣтельно поступаютъ. Посольскій приказъ есть око всей Великой Россіи, какъ для государственной превысокой чести, вкупѣ и здоровья, такъ промыслъ имѣя со всѣхъ сторонъ и неотступное съ боязнію Божіею попеченіе, разсуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народѣхъ, въ крѣпости содержати нелестно, а не выжидая только прибылей себѣ. Надобно, государь, мысленныя очеса на государственныя дѣла устремляти безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государствъ ото всѣхъ краевъ, и то, государь, дѣло одного посольскаго приказа. Тѣмъ и честь, и низость во всѣхъ земляхъ. И иныхъ приказовъ къ посольскому не примѣняютъ, и думные дьяки великихъ государственныхъ дѣлъ съ кружечными дѣлами не мѣшали бы и непригожихъ рѣчей на Москвѣ съ иностранцами не плодили бы».

Дьяки, которымъ тяжело приходилось отъ взыскательнаго нововводителя, естественно не могли отзываться о немъ хорошо, желали отъ него избавиться и были готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Нащокина, особенно въ его отсутствіе. Въ числѣ враговъ Нащокина указываютъ на одного изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, Богдана Матвѣевича Хитрово; указываютъ и на причину вражды: Нащокинъ покровительствовалъ Англичанамъ, Хитрово Голландцамъ. Уже съ дороги Нащокинъ началъ посылать жалобныя письма государю: «Товарищи мнѣ на съѣздъ назначены прежніе и для своихъ нужныхъ дѣлъ остались они на Москвѣ. Нынѣ я свободенъ отъ постороннихъ печалей, только бы товарищи мои насильно изъ Москвы высланы не были и печалей бы ихъ я не видалъ. Посольское дѣло основаніемъ своимъ имѣетъ совѣтъ Божій и прежде всего миръ между своими, тогда и противные въ миръ придутъ; а тебѣ, великому государю, сиротство мое, какъ ненавидимъ отъ стороны, извѣстно: такъ, по крайней мѣрѣ, не видать бы мнѣ отъ товарищей своихъ воздыханія и печалей и свободною мыслію, безъ переговоровъ многихъ служить. Умилосердися, великій государь, не изволь съ оскорбленіемъ, не по охотѣ изъ Москвы товарищей ко мнѣ высылать, чтобъ холопъ твой отъ чужихъ печалей не отбылъ твоего дѣла, которое всему свѣту годно. Я не на урочное время и не изъ корысти тебѣ, великому государю служу, при Вседержителевѣ чудотворномъ образѣ ваше государ-

ское пресвѣтлое лице мысленно на всякъ часъ во убогой душѣ моей и непремѣнно имѣю: такъ бы скончать ваше великаго государя дѣло неотложно. Какъ въ докладахъ, такъ и въ челобитьѣ моемъ обиды своей въ корыстяхъ никогда на товарищей своихъ не извѣщалъ. Великія государственныя дѣла оберегать—эта должность въ Божіей и въ вашей государской волѣ: за мое недостоинство отпустить и того на мнѣ не спрашивать. А если за злыми чужими нравами не буду имѣть свободной службы, товарищи мои отъ страха желанія своего въ совѣтъ не приложатъ, то въ такомъ несогласіи не было бы всему государству урона.» Польскіе коммиссары замѣшкались за королевскими выборами, и царь, въ началѣ мая, прислалъ Нащокину указъ—ѣхать въ Москву. «Мнѣ велѣно оберегать государственныя дѣла, отвѣчалъ Нащокинъ: такъ послѣ этого на мнѣ не спросили бы? Не знаю, зачѣмъ я изъ посольскаго стана къ Москвѣ поволокусь? въ твоей государевой грамотѣ ничего не написано. Пойду я за Спасовымъ образомъ въ Смоленскъ — станутъ говорить, что посольство отставлено; а на посольскомъ станѣ въ Мигновичахъ оставить чудотворный образъ безъ твоего указа я не смѣю. Пословъ ли мнѣ дожидаться, или на время въ Москву ѣхать, или впрямь быть отставлену отъ посольскихъ дѣлъ? надобно, чтобъ всѣ людскіе переговоры и разности въ твоихъ дѣлахъ исчезли». Нащокинъ подозрѣвалъ, что тутъ все дѣйствуютъ козни враговъ его, и знатныхъ вельможъ, и товарищей по приказу посольскому, видѣлъ, что ему не присылаютъ изъ приказа нужныхъ бумагъ, пишутъ, чтобы ѣхалъ въ Москву, а зачѣмъ, не объявляютъ. Всплакался, по своему обычаю, Аѳанасій Лаврентьевичъ: «Отвелъ бы ты меня, холопа твоего, отъ посольства, такъ чтобъ уже во вѣки не былъ. Вотъ и прошлою зимою обругали меня ни за что во весь свѣтъ! Возри, великій государь, для своего здоровья и для всенародныхъ неисчетныхъ слезъ и оскорбленія всякаго въ нестроеніи приказномъ, омерзѣлаго меня холопа твоего вели отъ дѣла откинуть, если я тебя прогнѣвалъ и недостоинъ въ оборонѣ быть. Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, ненадобны такія великія государственныя дѣла! Откинуть меня, чтобъ не разорилось мною государственное дѣло! Какъ въ Московскомъ царствѣ искони такъ и, во всѣхъ государствахъ посольскія дѣла вѣдаютъ люди тайной ближней думы, во всемъ освя-

дѣтельствованные разумомъ и правдою и мады неиріемные. А я, холопъ твой, всего пустъ и вся дни службы своей плачусь о своемъ недостоинствѣ. У такого дѣла пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный промыслъ имѣть и жить умѣютъ; и посольскій приказъ ни отъ кого обруганъ не будетъ; отдаю тебѣ, великому государю, крестное цѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего.» Въ Москву Нащокина послѣ этого не требовали; но вотъ пришла бѣда съ другой стороны: грамота изъ Варшавы отъ пановъ радныхъ, отъ 20 апрѣля: «Отдача Кіева, писали паны, по Андрусовскому договору, назначена нынѣшняго мѣсяца апрѣля 15-го числа; но изъ грамоты царскаго величества видно, что отдача эта отложена до коммиссіи о вѣчномъ мирѣ. Это Андрусовскому договору очевидное нарушеніе. Вы, какъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель и владѣтель, должны стараться, чтобы Андрусовскій договоръ остался ненарушенъ. Ожидаемъ удовлетворительнаго отвѣта.» — «На съѣздахъ объявится, отвѣчалъ Нащокинъ, кто нарушилъ Андрусовскій договоръ,» а въ Москву послалъ сказать, что въ Польшѣ и Литвѣ надобно промышлять казною, да надобно отпустить плѣнныхъ мѣщанъ, иначе на съѣздахъ будутъ изъ-за этого большіе вычеты, и не уступчивость со стороны польскихъ коммиссаровъ. Въ тоже время Нащокинъ писалъ, чтобы отослали въ Польшу шведскую грамоту, написанную во враждебномъ для Россіи духѣ и привезенную Польскимъ гонцомъ въ Москву: «Надобно отдать грамоту Полякамъ, чтобы не было изъ-за нея ссоры; если въ посольскомъ приказѣ скажутъ, что грамота нужна для улики Шведамъ, то вѣдь надобно прежде помириться съ Поляками, а потомъ уже ссориться со Шведами и уличать ихъ; если посольскій приказъ причтетъ мнѣ въ дерзость, что я обнадежилъ Поляковъ въ возвращеніи этой грамоты, то такой моей дерзости для прославленія государева имени и для сдержанія правды, во всякихъ дѣлахъ много.» Нащокинъ угадалъ: ему прислали изъ Москвы запросныя статьи, и въ первой статьѣ говорилось: по какому указу обнадежилъ Поляковъ, что шведская грамота будетъ имъ возвращена? Будучи на Москвѣ, ты говорилъ при государѣ и боярахъ, что грамоту надобно держать крѣпко на улику Шведамъ, потому что и за большія тысячи такой улики на Шведовъ

ни купить?—«Можно было держать до тѣхъ поръ, пока не спрашивали, отвѣчалъ Нащокинъ: а когда просятъ, то надобно по дружбѣ отдать, потому что по дружбѣ прислали, а улика не уйдетъ, если грамота будетъ въ рукахъ у союзнаго друга.» 2) Писалъ, что Дорошенка можно принять и прислалъ статьи, но по этимъ статьямъ принять отнюдь нельзя; нельзя принимать до тѣхъ поръ пока не окончатся переговоры на съѣздѣ съ коммиссарами.—Отвѣтъ: «Въ томъ царскаго величества воля, а я долгъ свой отдалъ; а нынѣшнее устроенье въ крѣпость вѣчную о духовномъ чину учинить что на свѣтѣ истинная вѣра безсмертна; а пріемъ Дорошенковъ безъ вѣры всегда непостоянен и много Дорошенковъ. И Богъ къ готовому приступаетъ, а мое письмо по волѣ жь Его святой въ доношенье посылано.» 3) По его мнѣнію, объ удержаніи Кіева надобно дѣлать чрезъ намѣстника Тукальскаго, но какимъ образомъ? Отвѣтъ: «Въ докладныхъ въ 21 статьѣ въ приказъ Малой Россіи подлинно писано; когда бы милостивый указъ изъ Москвы былъ посланъ на челобитье Кіевскихъ духовныхъ, какъ въ тѣхъ статьяхъ изображено, тогда надобно было бы и намѣстнику наказывать; а теперь уже время прошло.» 4) Пусть объявитъ, что̀ говорилъ въ разговорахъ въ посольскомъ приказѣ о пріѣздѣ нынѣшняго Крымскаго посла. Отвѣтъ: «Съ Крымскимъ посломъ надобно договорится на крѣпко, чтобъ впредь въ общемъ съѣздѣ на украйнѣ или на Валуйкахъ быть государевымъ, польскимъ и крымскимъ посламъ вмѣстѣ и общимъ совѣтомъ миръ заключить.» 5) Какія докладныя письма оставлены имъ въ тайномъ и посольскомъ приказахъ о Кіевѣ, потѣмъ письмамъ Кіева задержать невозможно; а что онъ толкуетъ 16-ю статью, та къ Кіеву нейдетъ. Отвѣтъ: «Доклады оставлены на волю государеву, буди воля Божія и государева, а устроенье восточной церкви по склоненію духовныхъ по докладамъ отложено. 6) По какому указу отдалъ Гизелевы письма Бѣнѣвскому, и для чего? Отвѣтъ: «Кто объ этомъ донесъ, радъ съ тѣмъ стать на очную ставку въ такомъ причетѣ къ измѣнѣ. А что къ Гизелю отъ Бѣнѣвскаго слова дошли, то Бѣнѣвскій радъ ссорить; если товарищи мои тогда видѣли и слышали мою измѣну, а не извѣщали, и то ихъ правдали? Устроенье за такими ложными извѣтами отлагается. Въ такомъ извѣтѣ по очной ставкѣ, въ чемъ Московскому госу-

дарству убыль учинилъ, радъ, пристойно правдѣ, смертью розняться, чтобы мною ненавидимымъ воровство и нерадѣнье въ посольскомъ приказѣ искоренилось, а дѣлали бы по прежнимъ обычаямъ, безъ помѣшки, какъ имъ надобно.» 7) Для чего онъ, ѣдучи изъ Курляндіи къ Смоленску, писалъ между инымъ дѣломъ безъ указу къ панамъ раднымъ объ отдачѣ Кіева по договору въ польскую сторону прежде времени, и тѣмъ подалъ поводъ панамъ прислать съ требованіемъ отдачи Кіева; и для чего польскаго нынѣшняго гонца у себя задержалъ, а въ Москву не пропустилъ, зная 20 статью Андрусовскаго договора? Отвѣтъ: «Писалъ къ Рѣчи посполитой, чтобъ коммиссаровъ на съѣздъ прислали до сроку отдачи Кіева, а не забытно это у Поляковъ и безъ письма моего. Гонца не послалъ за тѣмъ, чтобы не было посольскимъ съѣздамъ отволоки; все равно съ переводомъ листа въ посольскій приказъ подлинно писано. 8) О переводѣ Малороссійскаго духовенства изъ-подъ вѣдомства Константинопольскаго патріарха въ вѣдомство Московскаго говорено патріарху Александрійскому, и онъ хотѣлъ писать объ этомъ къ Константинопольскому патріарху съ прошеніемъ, только сказалъ, что безъ совѣта всѣхъ своихъ духовныхъ Константинопольскій патріархъ сдѣлать этого не смѣетъ, а онъ Александрійскій въ чужую епархію о томъ писать и указывать не смѣетъ. Отвѣтъ: «Когда по истиннымъ докладнымъ статьямъ промыслу быть не изволено, то какъ Богъ извѣститъ великому государю. А мое доношеніе со многою докукою для того: зачѣмъ входить въ убытки, держа Кіевъ черезъ срокъ? а чѣмъ держать?—тому былъ путь. А въ съѣздахъ для вѣчнаго міра безъ предварительнаго устроенья не мое сиротское дѣло отговаривать; совершать это великимъ посламъ изъ ближнихъ бояръ; по своему высокому господскому согласію учинятъ какъ хотятъ; переговаривать будетъ некому, потому что не смѣютъ. 9) Почта для чего не за крестнымъ цѣлованьемъ? Грамотки распечатываютъ; а Марселисъ сказалъ, что и впередъ будетъ распечатывать; явно, что вѣсти переписываетъ; въ числахъ не сходится. И въ золотыхъ улика есть, что многіе присылаются чрезъ почту, а онъ не всѣ объявляетъ. Томасъ Келдерманъ не бивалъ челомъ, чтобъ ему почту держать и никто у него челобитья не слыхалъ. Отвѣтъ: «Леонтій Марселисъ самъ за себя отвѣтъ дастъ, какъ принимаетъ, а присягалъ ли

служить правдою—это приказное дѣло. Если посольскій приказъ считаетъ Марселиса мнѣ другомъ, то по дѣлу ему ненавидиму быть. Такъ лучше меня изринуть; а тѣ узнаютъ перекупать и безъ меня, имъ же милы будутъ. А мнѣ до смерти одного пути, за помощію Божіею, безстрашно держаться, и какъ Богу, такъ единому помазаннику Его служить, сильныхъ не боясь; а сынишку оборона тажъ. 10) Государева грамота къ нему послана была, чтобъ ѣхалъ въ Москву: пріѣхалъ Крымскій посланникъ для великихъ дѣлъ. Отвѣтъ: «Писалъ я во многихъ отпискахъ объ указѣ: Спасовъ образъ гдѣ поставить? А для чего мнѣ было въ Москву ѣхать—объ этомъ мнѣ не писали. На посольскомъ стану житье не праздно: великіе въ Литвѣ всполохи и наславлено про войска Московскія на ссору; все это сдержано. Чтобъ милостивый царскаго величества указъ послѣдовалъ—откинуть меня отъ посольства за мои многія неистовыя дѣла, которыя тяжко нынѣ посольскому приказу слышать. Радъ бы я былъ, чтобы для меня дѣлу Божію и государскому не ругались и въ иныя земли безчестье Московскому государству проноситься перестало. 11) Мацкѣевичь за собою никакихъ дѣлъ не сказалъ, кромѣ того, что Дорошенка къ подданству приводить, а Дорошенокъ самъ объ этомъ пишетъ и готовъ въ подданство. Отвѣтъ: «Зная Мацкѣевича, я писалъ о его вѣрности; а нынѣ онъ про меня въ приказѣ и на площади Богъ знаетъ что слышитъ; невинная смерть всякому претитъ; держатся того, гдѣ помощь; а я по Господѣ моемъ ни лисьихъ язвинъ, ни птичья гнѣзда, гдѣ подклонить грѣшную голову, не имѣю, и не надобно, а ему еще свѣтъ, хотя и въ бѣдности, не наскучилъ. 12) Пишетъ отъ себя въ Малороссійскій приказъ о Черкасахъ, что ихъ принимали мимо всякой правды: къ чьему лицу онъ это написалъ? Кто ихъ принялъ мимо всякой правды? И что въ томъ пріемѣ правда, и что не правда? Отвѣтъ: «Милостивому государскому сердцу предать это суду праведному: ни къ чьему лицу это не причитано, ни мышлено, а самое дѣло показуетъ. Хмельницкаго пріемъ-отъ Турскаго поворочёнъ съ польскихъ кровей; другой подъ Конотопомъ, такъ и до нынѣшняго времени. Или еще то неизвѣстно: за благословеніемъ духовнымъ, отъ гоненія, какъ они именуютъ, Лядскаго, въ Константинополѣ и мірскіе къ Турку жъ, какъ прежде и Хмельницкій, въ подданство пошли, а къ святительскому пре-

столу въ царство Московское духовнаго утвержденія не донашивали. А нынѣ отъ нихъ и есть. 13) Для чего англійскій и голландскій послы теперь къ Москвѣ идутъ? Отвѣтъ: «Идутъ къ Москвѣ по шведскому заводу, домогаются въ порубежныхъ городахъ и досталь долгами разорить; что̀ ихъ государствамъ надобно, то посланники и станутъ вымогать, а слабость посольскаго приказа узнали, что имъ надобно, то и дѣлаютъ по ихъ волѣ. 14) Для чего шведскому резиденту велѣно быть въ свою землю? Отвѣтъ: «Такого ссорщика на Москвѣ, по его прошенью, оберегалъ посольскій приказъ. Вывѣдавъ все нестроенье посольское, какая между приказными ненависть и злая вражда, и кто въ этой враждѣ силенъ и въ приказѣ владѣтеленъ: вывѣдавъ все это, онъ ѣдетъ домой, чтобъ друзья шведскіе безъ него отъѣздомъ его наводили всякій страхъ, чего привыкли на Москвѣ блюстись. Англійскій посолъ грозилъ Шведами царству Московскому; а въ посольскомъ приказѣ ему въ томъ спущено: явная Шведу дружба! По этой дружбѣ и грамота шведская задержана для разрыва съ Польшею, а не для улики Шведамъ; и кто Шведовъ станетъ уличать по закупленнымъ ихъ стороннимъ страхамъ, которые на Москвѣ вкоренились? Призритъ Господь Богъ и помазанникъ Его изволитъ освободить всенародное христіанское дѣло отъ разрушенья, вскорѣ меня Аѳонку отъ посольства откинуть, и будетъ во всемъ безъ помѣшки, и что вновь дѣлано дерзостію, не по прежнимъ московскимъ дѣламъ и то въ вѣчномъ мирѣ все исправятъ, все согласно по своимъ правамъ учинятъ; а мертвымъ сердцемъ того дѣла мнѣ впередъ дѣлать нельзя, и чему не выучился—взять неоткуда.» Въ Москвѣ нападали на Леонтія Марселиса, котораго Нащокинъ употреблялъ по почтовому дѣлу. Нащокинъ выставлялъ заслуги своего любимца, и при этомъ случаѣ не забылъ уколоть приказъ: «Апрѣля 9, (писалъ онъ царю), пріѣхалъ ко мнѣ на посольскій станъ Леонтій Марселисъ: ѣздилъ онъ въ Вильну, чтобъ съ тамошнимъ почтаремъ устроить постоянную государственную почту. Это великое государственное соединительное дѣло впередъ къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ. Онъ же Леонтій, будучи въ Вильнѣ, сыскалъ уставы печатные торговые постояннаго сбора со всякихъ товаровъ пошлинъ, какіе, при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ, годны въ Москвѣ и во всей

великой Россіи. Эти уставы Леонтій повезъ въ Москву. Тамъ бояре спрашивали гостей о торговыхъ уставахъ; но гости, зная за собою вину и желая себѣ помочь, хотятъ Марселиса отъ твоей государской милости отогнать, потому что онъ, служа въ сборахъ таможенныхъ, хотѣлъ объявить нерадѣніе головъ и съ гостями размолвилъ. Только бы въ приказѣ правдою разсуждено было; неисчетные убытки твоей казнѣ въ приказѣ!»

Въ то время, какъ Ординъ-Нощокинъ перекаривался съ подчиненнымъ ему посольскимъ приказомъ, въ Варшавѣ былъ избранъ новый король—Михаилъ князь Вишневецкій, сынъ знаменитаго Іереміи, ведшаго такую ожесточенную борьбу съ козаками. Ординъ-Нащокинъ изъ Мигновичей послалъ вѣсть въ Москву объ избраніи Вишневецкаго, но изъ Москвы къ нему ни вѣсточки. Въ началѣ іюля онъ обратился къ государю: «Иноземцы, наслышась про палату твою государскую, что изъ посольскаго приказа о мнѣ огласная вражда въ міръ пущена, сомнѣваются въ совершеніи вѣчнаго мира, дивятся, что у такого превысокаго государственнаго дѣла я, ненавидимый въ палатѣ; а неправда моя не обличена и отъ дѣла посольскаго не откинутъ. Ваше государское самодержаніе во всемъ, съ сейму на Москвѣ государей не выбираютъ, и обо мнѣ знаютъ, что я вашею государею милостію взысканъ. Шведскій резидентъ, наслышась на Москвѣ, великія тайныя ссоры учинитъ, какъ и до сихъ поръ дѣлалъ, и въ такихъ приказныхъ ссорахъ вѣчный миръ съ Польшею заключенъ быть неможетъ; указныхъ статей, по докладу моему, до сихъ поръ ко мнѣ не присылывано; шведская грамота, которой въ Польшу просятъ, отъ чего не отдать неизвѣстно! Дойдетъ до съѣздовъ, и мнѣ облихованному и ненавидимому человѣченку съ прежнею смѣлостію твоихъ государевыхъ дѣлъ начать нельзя; прежде когда товарищъ былъ на посольствѣ, самъ не дѣлалъ, но въ Москвѣ стыдился меня уличать. Опальными и ненавидимыми людьми во всемъ свѣтѣ такихъ безцѣнныхъ дѣлъ о унятіи христіанской крови не дѣлаютъ. Припомни, великій государь, многія горькія слезы предъ лицомъ твоимъ государскимъ. Кто Богу и тебѣ неотступно служитъ, безъ мірскаго привода, тѣ гонимы. Явно тебѣ, великому государю, что я, холопъ твой, по твоей государской неисчетной милости, а не по палатному выбору тебѣ служу и, никакихъ по-

житковъ тленныхъ не желая, за милость твою государскую неотвратно и безстрашно, никого сильныхъ не боясь, умираю вправдѣ. Если я избываю своей вины, или за нерадѣніе твоей государской службы или надъ кѣмъ хотя видѣть твою государскую праведную опалу, то укажи меня беззаступнаго прежде казнить, чтобъ иные наказались безъ заступы такъ дерзко, какъ я, въ дѣлахъ поступать, и держались бы кто изъ палаты къ твоимъ дѣламъ по совѣту выбранъ будетъ. Разрушая Божію помощь, мучатъ меня злыми ненавистями, но доискавшись вины, что̀ Богу и тебѣ, великому государю, въ моей дерзости противно и всему государству въ чемъ вредно было; уличили бы меня, на какія свои корысти продалъ я твои государскія дѣла? потому что корень всему злу сребролюбіе; а къ иноземцамъ меня въ поступкахъ дѣлъ причитаютъ, то апостолъ сказалъ: всѣмъ себя поработихъ да множае пріобрящу.»

Аѳанасій Лавретьевичь не пропускалъ случая уколоть дьяковъ. Одинъ Грекъ билъ челомъ въ посольскій приказъ, чтобы отписали въ Минскъ о безпошлинномъ пропускѣ оттуда его товаровъ, Нащокинъ отвѣчалъ, что на это нѣтъ никакого права: «Чтобы изъ посольскаго приказа дать грамоту челобитчику: и я мимо себя съ такою неправдою непропущу; тутъ твоему государскому имени отъ иноземцевъ была бы укоризна; есть съ чего посольскимъ дьякамъ нескуднымъ быть и безъ иноземскихъ дѣлъ. Не научились посольскіе дьяки при договорахъ на съѣздахъ государственныя дѣла въ высокой чести имѣть, а на Москвѣ живучи, безстрашно мѣшаютъ посольскія дѣла въ прибыляхъ съ четвертными и съ кабацкими откупами».

Въ Москвѣ платили ему тою же монетою и назначили ему въ товарищи Ивана Желябужскаго, человѣка нелюбимаго имъ. Нащокинъ встрѣтилъ Жялябужскаго вопросомъ: «впередъ ты, будучи у посольскаго дѣла, помогать мнѣ станешь ли? объяви заранѣе, потому что послѣ отсылать тебя отъ дѣла будетъ нехорошо».—«Тебѣ допрашивать меня не указано, отвѣчалъ Желябужскій; польскіе послы моего имени въ грамотахъ своихъ не пишутъ, такъ я на съѣздѣ стану имъ то выговаривать, а дѣло посольское стану дѣлать, о чемъ указъ будетъ присланъ». Нащокинъ послалъ грамоту въ Москву: «По такому, великій государь, несогласію, дѣлу Божію и твоему разрушеніе! И на Мо-

свѣ изъ посольскаго приказа злыхъ дѣлъ неслушано, и то великое разрушеніе, а теперь на пословъ нападутъ со враждою и съ небыличными выговорами».

Желябужскій въ свое оправданіе писалъ: «Я пріѣхалъ въ Мигновичи 10-го іюля, и до 20-го числа бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичь со мною о государскихъ дѣлахъ ничего не говаривалъ; получитъ черезъ почту изъ Польши письма — меня не призываетъ и знать мнѣ объ нихъ не даетъ, а если и призоветъ, то ни о какихъ дѣлахъ не говоритъ, только распрашиваетъ, по какому моему доводу государь присылалъ къ нему стрѣлецкаго голову Лутохина? для чего я къ нему чрезъ его письмо ѣхалъ? говоритъ, будто онъ къ великому государю писалъ, чтобы меня не высылать; говоритъ, что я ему у государева дѣла ненадобенъ, дѣлаю будто я дѣла проклятыя; что мнѣ у посольскаго дѣла быть нельзя, потому что съ польскими коммиссарами стану говорить спорно, а ему боярину говорить надобно все съ поклонами и съ челобитьемъ, чтобы польскихъ коммиссаровъ ничѣмъ не раздосадовать, ходить ему надобно за коммиссарами съ покорствомъ, потому что за нами есть ихъ добро (Кіевъ), и впередъ грозитъ многими распросами. А я противъ его распросовъ никакого своего довода не таилъ, и никого ни въ чемъ не вѣдаю, и не доваживалъ, и проклятыхъ дѣлъ никакихъ не держусь, и посольскихъ дѣлъ на съѣздахъ безъ противныхъ словъ съ поклонами и съ хожденьемъ за польскими коммиссарами съ покорствомъ какъ дѣлать—на столько меня не станетъ. И теперь мнѣ за боярскимъ письмомъ на меня къ великому государю, у дѣла быть нельзя, чтобы отъ недружбы боярина Аѳанасія Лавретьевича напрасно не пострадать и отъ великаго государя въ опалѣ не быть, чтобы мнѣ бѣдному въ Мигновичахъ въ конецъ не погинуть».

Желябужскій былъ отозванъ въ Москву; прислали и шведскую грамоту. Но Аѳанасій Лаврентьевичь не успокоился, послалъ къ государю новую жалобу на посольскихъ дьяковъ, обвинялъ ихъ въ явномъ желаніи не допустить до вѣчнаго мира; жаловался, что когда онъ былъ отправленъ къ Курляндію, то дьяки, удержавъ у себя посольскій наказъ, передѣлывали и прислали къ нему съ подъячимъ въ дорогу; послѣ его отъѣзда докладывали государю, писать ли его, Нащокина царственной большой пе-

чати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ? — «Указу и статей для мирнаго постановленія мнѣ до сихъ поръ не прислано; въ посольскомъ приказѣ развѣ то мнѣ въ вину поставлено, что неотступно великому государю служу? Если мнѣ посольскій приказъ не вѣритъ, то этимъ государственныя дѣла обругаиы. Въ чужія государства меня оберегателемъ пишутъ, а у себя въ приказѣ не вѣрятъ»?

Съ 25 сентября начались у Нащокина съѣзды съ польскими коммиссарами — Яномъ Гнинскимъ, воеводою Хельминскимъ, Николаемъ Тихановецкимъ, воеводою Мстиславскимъ, Павломъ Бростовскимъ, писаремъ Литовскимъ. Нащокинъ объявилъ, что для утвержденія вѣчнаго мира надобно быть посредникамъ; коммиссары говорили, чтобы мириться безъ посредниковъ, а если дѣло не сладится, тогда искать способу чрезъ посредниковъ. Потомъ начали говорить, какъ бы украинскіе народы успокоить, и отъ Турскаго подданства отвратить? Нащокинъ говорилъ, что это дѣло надобно рѣшить прежде всего, и для успокоенія Украйны надобно быть посольскимъ съѣздамъ подъ Кіевомъ или призвать выборныхъ изъ Украйны въ Андрусово. — «Нѣтъ, возражали коммиссары, надобно прежде заключить вѣчный миръ.» — «Вѣчный миръ, отвѣчалъ Нащокинъ, можетъ быть заключенъ только на условіяхъ Андрусовскаго перемирія.» — «А зачѣмъ Кіевъ не отданъ въ положенный срокъ?» спрашивали коммиссары.— «За тѣмъ, отвѣчали имъ, что вы прислали для его занятія полковника Пиво съ немногими людьми; но развѣ можно было сдать имъ такую крѣпость? это было все равно, что сдать ее бусурманамъ. — «Отъ чего, спрашивали опять коммиссары, отъ чего по союзному договору царскія войска не соединялись съ нашими между Днѣпромъ и Днѣстромъ?» — «Потому, былъ отвѣтъ, что не допустили до этого соединенія Татары и Дорошенко, перешедши на Путивльскую сторону, гдѣ Дорошенко захватилъ многіе города и теперь держитъ; королевскимъ войскамъ слѣдовало помогать нашимъ на Путивльской сторонѣ.» — «Не могли тогда наши войска помогать, отвѣчали коммиссары, потому что въ прошедшую войну мы изнурились. Надобно это пустить на волю Божію.» — «Надобно писать въ Украйну для ея успокоенія», началъ опять Нащокинъ. «Какъ писать?» спросили послы. «Писать съ обѣихъ сторонъ къ духовнымъ и мірскимъ людямъ,

пусть они или пришлютъ выборныхъ на нынѣшніе съѣзды, или какого другаго утвержденія потребуютъ.» 19 октября письма были отправлены. Послѣ этого коммиссары опять начали толковать о Кіевѣ: «Нельзя было вамъ отдать Кіевъ, отвѣчалъ Нащокинъ, смута была тогда въ Украйнѣ». Коммиссары стали говорить о вѣчномъ мирѣ съ возвращеніемъ всего пріобрѣтеннаго по Андрусовскому перемирію. «Объ этомъ нечего говорить, отвѣчалъ Нащокинъ: Смоленскъ и строенъ съ нашей стороны и останется за нами вѣчно». Въ этихъ переговорахъ протянулось два мѣсяца слишкомъ. На девятомъ съѣздѣ 29 ноября коммиссары объявили, что имъ велѣно подтвердить договоръ о соединеніи войскъ, договоръ о вѣчномъ мирѣ былъ отложенъ, но коммиссары упорно стояли, чтобы назначенъ былъ срокъ сдачи Кіева. Это упорство затянуло переговоры до 7 марта 1670 года, когда Поляки перестали наконецъ толковать о Кіевѣ. Постановили, чтобы первый Андрусовскій догововоръ сохранялся во всѣхъ статьяхъ, запятыхъ и точкахъ, равно и постановленіе о союзѣ противъ бусурманъ.

Подробности о дальнѣйшей судьбѣ Нащокина намъ неизвѣстны. Въ январѣ 1671 года, по случаю свадьбы царской, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ упоминается въ числѣ бояръ, бывшихъ за великимъ государемъ, а въ февралѣ начальникомъ посольскаго приказа уже является любимецъ царскій Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ; Нащокинъ сходитъ съ служебнаго поприща и постригается, подъ именемъ Антонія, въ Крыпецкомъ монастырѣ, въ 12 верстахъ отъ Пскова. Въ Дворцовыхъ Розрядахъ сохранилось слѣдующее извѣстіе «Тогожъ году (1671) въ Польшу великіе послы: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ, да думный дворянинъ Ив. Ив. Чаадаевъ. И Аѳанасій Нащокинъ отставленъ, а на его мѣсто указалъ государь быть окольничему Вас. Сем. Волынскому». Очень можетъ быть, что вслѣдствіе этого назначенія Нащокинъ подалъ такія докладныя статьи, на которыя не хотѣли согласиться, а онъ иначе не согласился ѣхать, и это несогласіе повело къ окончательному удаленію Нащокина отъ дѣлъ.

Въ то время, какъ посольскій приказъ перемѣнялъ своего начальника, сношенія съ Польшею получали все больше и больше важности по поводу дѣлъ турецкихъ.

Въ августѣ 1670 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ. Онъ требовалъ, чтобы царь велѣлъ двинуться войскамъ своимъ въ Украйну противъ Турокъ и Татаръ, постоянно грозящихъ Польшѣ, требовалъ, чтобы немедленно дана была помощь Бѣлой Церкви, угрожаемой Дорошенкомъ, который разорвалъ переговоры съ польскими коммиссарами въ Острогѣ. Ему отвѣчали: «Если царскія войска явятся въ Украйну, то это только раздражитъ козаковъ, особенно Дорошенко, котораго это не успокоитъ, напротивъ въ движеніи царскихъ и королевскихъ войскъ онъ увидитъ явное намѣреніе изгубить украинскіе народы и станетъ призывать къ себѣ на оборону турецкія войска. Царскія войска стоятъ въ Бѣлгородскомъ и Сѣвскомъ полкахъ и оберегаютъ Украйну. Обоимъ великимъ государямъ шатостныхъ козаковъ лучше привесть въ послушаніе милостію, а не жесточью».

Въ декабрѣ 1671 года во дворцѣ великаго государя было большое торжество — пріемъ великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества, Яна Гнинскаго и Павла Бростовскаго. Воевода Хельминскій витійствовалъ въ длинной рѣчи предъ царемъ: «Кто здравымъ окомъ и нетемнымъ разумомъ взвѣситъ дѣла Божіи, у Котораго народы игрищемъ, вселенная и небеса яблокомъ, кто изочтетъ на востокѣ солнца Мидійское, Ассирійское и Персидское единоначальство, на полдень и западъ Греческое и Римское величіе, премудрость силу и обиліе Египта, рай обѣтованной земли, ея богатства и утѣшенія, и потомъ увидитъ эти страны въ пеплѣ, въ крови, безъ имени, подъ игомъ неволи и, что всего хуже, безъ познанія Божія,—тотъ долженъ признать, что Богъ взамѣну всѣхъ этихъ народовъ возбудилъ, поставилъ и укрѣпилъ народы, находящіеся подъ владѣніемъ королевскаго и вашего царскаго величества, далъ королевскому величеству отъ востока и отъ полудня заступленіе, утверждающееся на крѣпкомъ союзѣ съ цесарскимъ величествомъ и съ цѣлымъ домомъ Австрійскимъ; велики владѣнія ихъ! до Африки и Сициліи расширяются, обнимаютъ Америку, полную златомъ, и непобѣдимымъ скипетромъ защищаютъ Европу. А ваше царское величество заступаете Европу съ другой стороны, въ предѣлахъ владѣній вашихъ родятся, ростутъ, разливаются Донъ, Двина и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ наслѣдниковъ Батыя и

и Темиръ Аксака и защищаешь Европу, зѣницу вселенныя; ты стремишься къ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, незнаемой части вселенныя наложить имя славянское; паче всего услаждаешь неудобства полунощныя милосердіемъ правленія. Оба народа Польскій и Русскій Богъ превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ предъ небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослаблять или дѣлить несогласіемъ или дружбою неискреннею».

Для переговоровъ съ послами назначены были ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгорукій, бояринъ князь Димитрій Алексѣевичь Долгорукій, думный дворянинъ Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ. Послы начали жалобою на Сѣверскихъ козаковъ, которые въ воеводствѣ Мстиславскомъ и повѣтѣ Кричевскомъ заѣхали земли по рѣку Сожь и мирному постановленію чинятъ всякія противности. «Объ этомъ уже послано къ гетману Демьяну Многогрѣшному», отвѣчали бояре. Потомъ послы объявили дѣло поважнѣе: «Съ великою жалостію объявляемъ, что въ государствѣ королевскаго величества имѣются нѣкоторыя противности: гетманъ Петръ Дорошенко измѣнилъ, и на корону польскую наступаютъ непріятели посторонніе: чтобы великій государь изволилъ учинить помощь своими ратными людьми для успокоенія такихъ противностей, по любви къ королю и по утвержденному договору». Бояре: «Въ прошломъ году, какъ были на съѣздахъ съ обѣихъ сторонъ великіе и полномочные послы, писали они въ Украйну къ духовенству и къ мірскимъ людямъ, призывая къ себѣ на съѣзды ихъ выборныхъ, чтобы эти выборные прислушались и увидали, что послы договариваются только объ успокоеніи христіанскомъ, а противнаго ничего украинскимъ городамъ не чинится. И теперь гетманъ Демьянъ Игнатовичь прислалъ къ великому государю Кіевскаго полковника Константина Солонину съ товарищами, людей честныхъ и разумныхъ: такъ вы бы, послы позволили въ отвѣтной палатѣ этимъ посланцамъ быть для прислушанія къ дѣламъ, и какія зацѣпки Сѣверскіе козаки въ королевскихъ владѣніяхъ сдѣлали, посланцы свое оправданіе намъ объявятъ сами; пусть посланцы знаютъ, что мы договариваемся о братской дружбѣ между великими государями, объ успокоеніи обоихъ государствъ; а то какъ прежде при подтвержденіи въ Москвѣ Андрусовскаго

договора изъ Украйны выборныхъ людей не было, то вскорѣ послѣ гетманъ Ивашко Брюховецкій, сославшись съ королевскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, царскому величеству измѣнилъ, и невинной крови пролилось много». Послы: «При нашихъ разговорахъ гетманскимъ посланцамъ быть непристойно, потому что если какое-нибудь наше объявленіе покажется имъ противно, то они станутъ намъ о томъ выговаривать неучтиво, по своему козацкому украинскому праву, и это королевскому величеству будетъ къ безчестью и королевскаго указа у насъ о томъ нѣтъ. Если у гетманскихъ посланцевъ есть какія дѣла, то пусть бьютъ челомъ въ приказѣ, а вы намъ объ этомъ объявите. На Андрусовскіе съѣзды украинскіе выборные не были присланы, значитъ милость обоихъ государей украинскіе люди преслушали, и къ нынѣшнему договору призывать ихъ не надобно, а приводить непослушныхъ къ послушанію и отъ Турецкаго подданства отвратить такимъ способомъ, какъ написано въ Московскомъ договорѣ — войсками съ обѣихъ сторонъ». Бояре: «Безчестья королевскому величеству не будетъ никакого, позвольте только имъ быть для прислушанія дѣлъ, а въ разговоры они вступаться не станутъ, и сидѣть не будутъ, будутъ стоять, какъ и другіе наши и ваши дворяне; прежде украинскіе духовные, митрополитъ и два епископа при самомъ королѣ въ Сенатѣ засѣдали и вольный голосъ имѣли. Недавно еще великій гетманъ коронный Собѣскій съ козаками украинскими договаривался, и въ Острогѣ у Станислава Бѣнѣвскаго была коммисія съ козаками и договаривались прямымъ посольскимъ обычаемъ: стало быть дѣло не новое». Послы: «Украинскихъ народовъ по совѣту обоихъ великихъ государей призывать ненадобно, потому что украинскіе люди непостоянны и никогда въ правдѣ не стоятъ. На прошлую коммиссію въ Андрусово гетманъ Дорошенко къ намъ писалъ, что послалъ о всемъ бить челомъ королевскому величеству на елекцію, а послѣ сталъ бить челомъ въ подданство царскому величеству. И гетмана Демьяна посланцамъ при нашихъ разговорахъ быть опасно: вывѣдавъ обо всемъ, станутъ они писать къ гетману Демьяну, а тотъ станетъ ссылаться съ Дорошенкомъ. При посольскихъ разговорахъ для наученія государственнымъ дѣламъ бываютъ люди вѣдомые, вѣрные. Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго называемъ мы подден-

нымъ царскаго величества только въ перемирные годы; а какъ перемирные годы отойдутъ, тогда можно будетъ его называть и королевскаго величества подданнымъ. Прежде Кіевскій митрополитъ и двое владыкъ въ Сенатѣ мѣсто имѣли по волѣ королевской, и то дѣло особое. Только въ этихъ длинныхъ разговорахъ время проволакивается, а дѣло не дѣлается; изволилъ бы великій государь учинить тому разрѣшеніе».

Но скораго разрѣшенія трудно было надѣяться, потому что впереди стояли важныя дѣла. Въ январѣ 1672 года послы объявили, что король могъ бы покрыть братскою любовію, что Кіевъ на срокъ не отданъ, если только будетъ назначенъ другой срокъ уступки; потомъ послы спрашивали: по обязательствамъ союза какую помощь противъ бусурманъ окажетъ царское величество королевскому? Просили наказать Сѣверскихъ козаковъ, перешедшихъ рубежи воеводства Мстиславскаго, подававшихъ помощь Дорошенку, непріятелю обоихъ государствъ; чтобы жителямъ Римской вѣры въ уступленныхъ по Андрусовскому договору областяхъ дозволено было свободно отправлять свое богослуженіе, вольно было или принимать въ домы свои каплановъ, или для богомолья выѣзжать за рубежь; чтобы шляхтѣ изъ этихъ областей вольно было переходить въ королевскую сторону; жаловались, что плѣнная шляхта и воинскіе люди до сихъ поръ еще не освобождены, мощи, образа, утварь костельная, дѣла воеводства Кіевскаго не отданы; просили, чтобы царь велѣлъ отдать Велижъ къ воеводству Витепскому, а Себежъ и Невль къ Полоцкому.

Бояре отвѣчали, что къ гетману Многогрѣшному посланъ указъ о козацкихъ зацѣпкахъ и списокъ съ этого указа данъ будетъ посламъ; надобно было съѣхаться на рубежахъ съ обѣихъ сторонъ межевымъ судьямъ, но со стороны королевской они не высланы. Изъ плѣнныхъ въ сторонѣ царскаго величества никто не задержанъ, остались тѣ, которые сами захотѣли остаться; но много плѣнныхъ задержано въ сторонѣ королевской, и посламъ объ этомъ такъ досадительно объявлять не довелось, потому что съ обѣихъ сторонъ уже объ этомъ говорено пространно. Съ польской стороны не только что въ титулѣ царскаго величества сдѣланы многія прописки, но и книги напечатаны государю и предкамъ его на великое безчестье;

Союзъ нарушенъ со стороны королевской: когда королевскій гетманъ Дорошенко съ Татарами воевалъ на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе города, то отъ короля помощи не подано. Въ Варшавѣ, въ королевскомъ дворцѣ, въ той палатѣ, гдѣ принимаютъ пословъ, на сводѣ написано живописнымъ письмомъ: на одной сторонѣ король съ сыномъ и панами-радою, а на другой гетманъ польскій гонитъ Московскіе полки, царь и бояре взяты въ плѣнъ связаны, ту гисторію всѣмъ иностраннымъ посламъ показываютъ, и подлинно какъ была побѣда разсказываютъ съ насмѣханіемъ и съ укоризною Московскому государству и Россійскому народу. Тѣло царя Василья Ивановича Шуйскаго уже въ Москвѣ, прежнее вспоминать и тѣмъ досаждать за такимъ теперь мирнымъ постановленіемъ не годится, и королевское величество для братской любви велѣлъ бы то выображеніе въ палатѣ своей снять. Чтобъ отклонить бусурманское нашествіе, надобно обоимъ великимъ государямъ писать къ государямъ христіанскимъ и къ султану Турскому, а помочь войскомъ и Кіевъ отдать царскому величеству невозможно, потому что съ королевской стороны противъ Дорошенка и Татаръ помощи не дано; но царское величество не перестанетъ помогать королю Калмыцкими, Ногайскими и Донскими войсками. Пишутъ уже теперь и въ печатныхъ курантахъ, что Турскій султанъ очень печалится: всѣ христіанскіе государи заключили союзъ и хотятъ на него войною наступать. Въ курантахъ же пишутъ, что Турскій султанъ послалъ было войска свои на Черное море, но какъ услыхалъ, что Русскія войска на Черное море противъ него идти хотятъ, то велѣлъ всѣ свои войска возвратить. Послѣ этого объявленія бояре дали посламъ записку о Дорошенкѣ: «Къ великому государю пишетъ гетманъ Демьянъ Игнатовичь, что присылаетъ къ нему съ той стороны гетманъ Петръ Дорошенко и вся старшина, просятъ, чтобъ царское величество велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку, потому что въ сторонѣ королевской въ вѣрѣ чинится имъ гоненіе. И королевское величество позволилъ бы царскому величеству принять Дорошенка, чтобы его тѣмъ отъ Турскаго подданства отвратить. А если король и Рѣчь Посполитая принять Дорошенка не позволятъ, то царскому величеству принять его можно и потому, что король въ своей грамотѣ называлъ его подданнымъ

Турскаго султана, и писалъ, что онъ уговариваетъ къ турецкому же подданству и восточную сторону Днѣпра, а Дорошенко пишетъ, что онъ поддался Турскому султану отъ гоненія въ вѣрѣ, и потому по всему царскому величеству принять Дорошенка подъ свою высокую руку можно. Да и Запорожцы просятся въ подданство къ царскому величеству, а у короля быть не хотятъ, потому что имъ никакой заплаты не было».

Послы продолжали требовать, чтобъ Сѣверскіе козаки выступили изъ занятыхъ ими воеводствъ и разоренная ими шляхта получила вознагражденіе, — иначе эта шляхта разорветъ сеймъ; требовали, чтобы царь помогъ войсками королю противъ Турокъ: царь обязанъ это сдѣлать, вопервыхъ, потому, что Турки сбираются воевать Польшу за союзъ ея съ Москвою, а вовторыхъ царь долженъ помочь и потому: когда сосѣдъ погоритъ, то и до другаго огонь доберется; въ Польшѣ есть приповѣстка такая: однажды Русинъ звалъ Поляка на помощь противъ Турка, Полякъ отказалъ и Русинъ ему молвилъ: «поддавшись Турку, приду на корону войною». Наконецъ послы не переставали требовать, чтобъ назначенъ былъ срокъ возвращенію Кіева. «Уступимъ вамъ Кіевъ, возражали бояре, а Турокъ войдетъ въ Украйну, и Кіевъ сдѣлается гнѣздомъ для турецкихъ войскъ».

На счетъ Дорошенка послы объявили: «Царскому величеству нельзя и не годится принять Дорошенка; хотя бы и принялъ, то права на украйну отъ этого не прибудетъ, потому что и самъ Дорошенко права на нее не имѣетъ; какъ вольно было королевскому величеству поставить его гетманомъ, такъ и перемѣнить вольно, когда того заслуживаетъ. Если королевское величество объявляетъ самъ о его измѣнѣ, то царскому величеству слѣдуетъ помогать на него, а не принимать его. Вѣра Греческая не терпитъ никакого утѣсненія и поруганія; притѣснена она самимъ Дорошенкомъ, который платитъ бусурманамъ за оборону свою душами христіанскими, всѣ церкви въ вѣчное порабощеніе предаетъ и ко введенію мечетей ворота отворяетъ. Если царское величество возьметъ Дорошенка въ защиту, то война турецкая этимъ не утишится, но еще больше разгорится, ибо Турки увидятъ, что владѣнія царскія приближаются къ Греческимъ государствамъ, находящимся подъ турецкимъ владыче-

ствомъ».—«Если, говорили бояре, король позволитъ царскому величеству принять Дорошенка, то отъ этого королю и Рѣчи Посполитой противъ Турокъ будетъ великая помощь и прибыль.»—«Какая прибыль»? спросили послы.—«Султанъ, отвѣчали бояре, испугается, узнавъ, что Дорошенко подданный царскій, а не королевскій, подумаетъ, что всѣ соединятся противъ него, и пристанутъ къ нимъ Волохи, Молдоване и другіе Греской вѣры люди. Испугавшись этого, султанъ не начнетъ войны, какъ прежде султанъ Баязетъ, узнавъ о союзѣ христіанскихъ государствъ, тотчасъ прислалъ просить о перемирьѣ къ польскому королю Яну Албрехту, какъ разказываетъ хроника Стрыйковскаго.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласились на слѣдующихъ статьяхъ: 1) Оба великіе государи обязуются содержать ненарушимо Андрусовскія и Московскія постановленія безо всякаго умаленія и противнаго толкованія. 2) Эти трегубые прошлые договоры и настоящее четвертое постановленіе государи подтверждаютъ присягою передъ св. Евангеліемъ. 3) Трудности, которыя явились при исполненіи нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, на счетъ Кіева и вспоможенія войсками другъ другу, уладить на коммиссіи, имѣющей быть въ іюнѣ 1674 года. 4) Въ случаѣ наступленія Турецкаго султана на Польшу, царь помогаетъ королю войсками Калмыцкими, Ногайскими и другими ордами сухимъ путемъ, и Донскими козаками моремъ, также пошлетъ указъ на Запорожье, чтобы тамошніе козаки выходили какъ можно скорѣе въ море въ возможно большей силѣ чайками. 5) Царь пошлетъ къ султану и хану грамоты, отговаривая ихъ отъ войны съ Польшею. 6) Царь запретитъ Сѣверскимъ козакамъ давать помощь бусурманамъ или Дорошенку. 6) Царь позволяетъ шляхтѣ, оставшейся въ Смоленщинѣ, Стародубщинѣ и другихъ мѣстахъ, отъ Литвы присоединенныхъ, возвратиться въ сторону королевскую съ женами, дѣтьми и имуществомъ. 7) Римской вѣры людямъ, въ сторонѣ царскаго величества оставшимся, позволяется для богослуженія ѣздить за границу въ ближніе костелы; а Русскимъ людямъ, въ сторонѣ королевской пребывающимъ, вольное употребленіе вѣры Греческой. 8) Мѣщане и купцы, остававшіеся до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ, по заплатѣ своихъ долговъ, отпускают-

ся въ сторону королевскую, кромѣ тѣхъ, которые сами захотятъ остаться; о тѣхъ же мѣщанахъ, которые живутъ въ боярскихъ и другихъ людей дворахъ, будетъ рѣшено на будущей коммиссіи. 9) Возвращаются части св. Древа, взятаго въ Люблинѣ, сколько можно было собрать; возвращаются мощи св. Калистрата, золото, серебро, утварь и колокола каѳедры Смоленской, сколько можно найти. Царское величество разошлетъ указы отыскивать всякія книги, дѣла, образа, церковныя утвари и украшенія, и, что найдется, возвратить королевскому величеству. 10) Сѣверскимъ козакамъ приказано будетъ очистить занятыя ими мѣста въ воеводствѣ Мстиславскомъ, повѣтахъ Рѣчицкомъ и Мозырскомъ, но безъ вознагражденія убытковъ. 11) Назначаются по два порубежныхъ судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтѣ и уѣздѣ.

Въ исполненіе пятой статьи договора въ апрѣлѣ 1692 года толмачь Даудовъ и подъячій Венюковъ отправились къ султану Магомету IV съ царскою грамотою. Государь писалъ, чтобы Магометъ удержался отъ войны съ Польшею и хану запретилъ ходить на короля; въ противномъ случаѣ онъ, какъ государь христіанскій, обославшись со всѣми окрестными государями христіанскими, станетъ противъ Турокъ промыслъ чинить, пошлетъ къ Донскимъ козакамъ указъ, чтобъ шли на Черное море, сухимъ путемъ пошлетъ Калмыковъ, Ногаевъ и Едисанскихъ Татаръ, кромѣ того подвигнетъ сосѣднихъ государей христіанскихъ и шаха Персидскаго. Вмѣсто султана отвѣчалъ великій визирь, упрекалъ за неприличныя слова, недостойныя государей и оканчивалъ грамоту такъ: «Будете друзья или недруги намъ, въ какой путь ни пойдете, съ нашей стороны тоже самое увидите». Возвратясь, Даудовъ разскаазывалъ: «Въ Молдавіи и Валахіи жители говорятъ: «Если Христіане хотя малую побѣду одержатъ, то и мы сейчасъ же станемъ промышлять надъ Турками». Но за то разсказалъ и другое: Астраханскіе и Казанскіе Татары и Башкирцы приходили къ султану съ просьбою, чтобы онъ ихъ всѣхъ съ Астраханскимъ и Казанскимъ царствомъ принялъ въ подданство, жаловались, будто Московскіе народы, ненавидя ихъ бусурманскую вѣру, многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и разоряютъ безпрестанно. Султанъ отвѣчалъ, чтобы потерпѣли не много, и пожаловалъ ихъ кафтанами.

Гроза собиралась на югѣ; начавшіяся было мирныя соглашенія съ Крымомъ были порваны. 29-го апрѣля 1671 года плѣннаго боярина Василья Борисовича Шереметева позвали къ хану на отпускъ и велѣли ему поклониться Адиль-Гирею въ землю. Ханъ велѣлъ надѣть на боярина шубу соболью да кафтанъ золотный, а когда Шереметевъ вышелъ изъ палаты, то ему подвели аргамака со всѣмъ конскимъ уборомъ; потомъ ханъ прислалъ ему два кафтана—атласный и суконный, шапку и штаны суконные, прислалъ рыдванъ со всѣмъ нарядомъ и шесть возниковъ. Шереметевъ выѣхалъ изъ Бакчисарая къ Перекопи. Но судьба хотѣла жестоко насмѣяться надъ несчастнымъ старикомъ: пріѣхалъ изъ Константинополя чаушъ съ султанскою грамотою—велѣно хана Адиль-Гирея перемѣнить. Новый ханъ Салимъ-Гирей прислалъ приказъ—не отпускать Шереметева; боярина поворотили назадъ изъ Перекопи въ Бакчисарай и заковали въ кандалы, вмѣстѣ съ молодымъ княземъ Андреемъ Ромодановскимъ и другими знатными плѣнниками. Когда пріѣхалъ новый ханъ, то съ Шереметева кандалы сняли и началась торговля: боярину объявили, что Салимъ-Гирей хочетъ быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви, только бы прислалъ казну за всѣ годы царствованія Адиль-Гиреева, потому что въ эти годы ханъ войною не ходилъ на Москву. Бояринъ отказалъ, что такого великаго дѣла перенимать на себя онъ не можетъ. Обратились къ Ромодановскому, запросили съ него 80,000 ефимковъ, да плѣнныхъ Татаръ 60 человѣкъ. «Больше 10,000 рублей за меня не дадутъ», отвѣчалъ Ромодановскій.—«Какъ не дадутъ? говорили Татары: отецъ твой бояринъ и владѣетъ всею Украйною, хотя съ шапкою пойдетъ, то сберетъ съ Украйны больше 100,000».—«Хотя бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10,000 не будетъ», покончилъ Ромодановскій. Государь, узнавши, что плѣнники опять задержаны, послалъ Шереметеву 200 золотыхъ червонныхъ, а другимъ знатнымъ плѣнникамъ, Ромодановскому, Скуратову и Толстому по 50.

«Ближніе люди новые, увѣдомлялъ Шереметевъ царя,—во нравахъ своихъ злые и ко мнѣ недобрые, не такіе добронравные, какъ прежніе, что были при Адиль-Гиреѣ ханѣ; князя Андрея и всѣхъ твоихъ знатныхъ людей безъ окупа на размѣ-

ну ханъ не отпускаетъ, прежній договоръ съ Адиль-Гиреемъ ставятъ ни во что, кричатъ, что по ихъ старому обыкновенію и вольностямъ ханъ не воленъ отбирать у нихъ ясырь, то имъ дано за службу, за кровь и за смерть, кто что возьметъ на войнѣ, тѣмъ они и живутъ. Твоему великаго государя дѣлу замедленье многое учинилось, а моему отпуску помѣшка большая отъ твоихъ людей, которые въ полону у лучшихъ и черныхъ Татаръ, научились они татарскому языку и наговариваютъ Татаръ, что если я буду отпущенъ, то послѣ ни размѣны, ни окуповъ за нихъ не будетъ; сказанъ имъ твой государевъ указъ, что окуновъ за нихъ никакихъ не будетъ, и потому они думаютъ, что пропадутъ въ Крыму. У тебя, великаго государя, милости прошу я холопъ твой убогій и безпомощный, давній плѣнникъ и нужетерпецъ: умилосердись, государь праведный, укажи розыскать такую неправду. А дума бусурманская похожа была на раду козацкую: на что ханъ и ближніе люди приговорятъ, а черные юртовые люди не захотятъ, и то дѣло никакими мѣрами сдѣлано не будетъ. Посланники твои твердятъ хану и ближнимъ людямъ, чтобы по договору съ Адиль-Гиреемъ, плѣнники были отпущены на размѣну безъ окупа; но тѣже посланники, уѣзжая изъ Крыма, берутъ съ собою много плѣнниковъ на окупъ. Отъ этого черные люди и не хотятъ розмѣны: намъ, говорятъ, въ розмѣнѣ прибыли нѣтъ, только прибыль одному хану; прибыльнѣе намъ плѣнниковъ отпускать съ посланниками и брать на нихъ окупъ на Москвѣ. Умилосердись, государь праведный, не дай напрасною смертію умереть, и въ нечестивой сторонѣ тѣло грѣшное собакамъ и звѣрямъ поѣсть, и костей убогихъ врознь розносить; укажи, государь, быть розмѣнѣ на Донцѣ». Но розмѣны на Донцѣ не было, и плѣнники по прежнему оставались въ Крыму.

Скоро число ихъ увеличилось, вслѣдствіе войны турецко-татарской. Но прежде чѣмъ приступимъ къ ея описанію, обратимся къ Малороссіи, которая уже успѣла перемѣнить гетмана.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Безпокойства относительно Малороссіи. Письма Барановича въ Москву. Новый соперникъ Дорошенку — Ханенко. Барановичь хлопочетъ о ненарушеніи Глуховскихъ статей. Непрочность Многогрѣшнаго въ Малороссіи. Торжество Дорошенка. Происки Тукальскаго. Константинопольскій патріархъ выдаетъ проклятіе на Многогрѣшнаго. Притязанія Барановича. Царскій отвѣтъ Малороссійскимъ посланнымъ. Посольство изъ Москвы къ Константинопольскому патріарху для снятія проклятія съ Многогрѣшнаго. Представленія Дорошенка. Война на западной сторонѣ Днѣпра. Неудовольствія Многогрѣшнаго. Посольства къ нему изъ Москвы. Доносы старшины на гетмана. Многогрѣшный схваченъ и привезенъ въ Москву. Обвиненія на него поданныя. Допросъ и ссылка Многогрѣшнаго. Ссылка Сѣрка. Рада въ Козачьей Дубровѣ. Избраніе Самойловича въ гетманы. Похожденія ложнаго пророка Вдовиченка въ Запорожьи.

Успѣшнымъ окончаніемъ Глуховской рады безпокойства Московскаго правительства на счетъ Малороссіи далеко не прекращались: новый гетманъ далъ знать въ Москву, что 1-го іюля 1669 г. Суховѣй съ Запорожцами и съ Крымскимъ султаномъ Нурадиномъ пришелъ подъ Каневъ и сталъ на Расавѣ, съ нимъ Запорожцевъ 3,000 да Татаръ 100,000, полки Уманскій, Корсунскій и Кальницкій поддались Суховѣю, отставъ отъ Дорошенка; что Дорошенко съ митрополитомъ Тукальскимъ упросилъ Юрія Хмельницкаго оставить монашество: они хотятъ сдѣлать его гетманомъ; только въ такомъ случаѣ Дорошенко надѣется сохранить жизнь, потому что если выберутъ въ гетманы Суховѣя, то ему не быть живу: Суховѣй отомститъ ему за потопленіе своихъ людей подъ Переволочною. 6 іюля пришелъ въ Каневъ и Дорошенко и разослалъ универсалы, приглашая полковниковъ на раду на Расаву.

Въ сентябрѣ явился въ Москву посланецъ отъ Лазаря Барановича и увѣдомилъ, что гетманъ въ Смѣлой между Пути-

влемъ и Ромнами, при немъ царскія войска, Нѣжинской пѣхоты 300 человѣкъ, да козацкіе полки — Нѣжинскій, Черниговскій, Переяславскій, Прилуцкій, Стародубскій, при немъ и Мурашка; къ Смѣлой пошелъ гетманъ противъ Гамалеи и орды, потому что въ Малороссіи села и деревни жгутъ, людей побиваютъ и въ плѣнъ Татарамъ отдаютъ; съ Гамалеею три полка — Миргородскій, Полтавскій, Лубенскій, да при немъ же 3,000 Татаръ; гетманъ Черкасъ и Татаръ многихъ побилъ; но съ другой стороны, Дорошенко собирается многимъ собраньемъ и орда пришла къ нему многая, пришли Турки, Волохи и Молдаване. Барановичь писалъ государю: «Многочастно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству о помощи ратными людьми, да не буду безстуденъ, потому что гетманъ Демьянъ Игнатовичь утруждаетъ меня грамотами, и самъ въ Черниговѣ, когда провожали святѣйшаго папу и патріарха Паисія Александрійскаго, говорилъ: «мы святыни твоей послушавшись, цѣловали крестъ царскому величеству въ надеждѣ, что къ намъ ратные люди будутъ на помощь. Теперь на насъ орда наступаетъ, а помощи нѣтъ; наше попраніе ордамъ врата отверзетъ и въ Великороссійскіе города.» Смилуйся, государь, прикажи бояриму своему, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому спѣшить на помощь украйнѣ, а гетманъ уже пошелъ изъ Батурина.» Сильнѣе писалъ Барановичь къ Матвѣеву: «Государь указалъ князю Гр. Гр. Ромодановскому стоять въ Сѣвскѣ: но отъ этого гетману и украйнѣ какая помощь, когда подъ бокомъ у этихъ войскъ бусурманы съ козаками обѣихъ сторонъ бѣдную украйну, какъ хотятъ, пустошатъ, надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ и надо мною насмѣхаются. Еслибы сначала, вскорѣ послѣ статей Глуховскихъ, какъ я твоему благородію совѣтовалъ и къ царскому величеству писалъ, силы государевы наступили, то давно бы уже украйна успокоилась; и теперь еще не такъ трудно это сдѣлать, если скорая помощь къ гетману придетъ, потому что гетманъ человѣкъ рыцарскій, знаетъ какъ дѣло сдѣлать, только было бы съ чѣмъ.» Барановичь просилъ также царя и Матвѣева и о своемъ дѣлѣ, чтобы книга его: Трубы была напечатана въ Москвѣ: «чтобы могъ вскорѣ типомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ вострубити.» — «По нашему великаго государя указу,

отвѣчалъ царь, велѣно боярину князу Ромодановскому идти немедленно въ Малороссійскіе города, и велѣно передъ собою послать помощь къ гетману 500 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ людей; книги: Трубы отданы въ свидѣтельство, и какъ изъ свидѣтельства выйдутъ, то нашъ указъ о нихъ будетъ.»

Архіепископъ напрасно такъ безпокоился: Дорошенко, занятой у себя усобицею, не могъ быть очень страшенъ для восточной стороны. Въ Запорожьѣ явился ему новый соперникъ, Ханенко, котораго польское правительство провозгласило гетманомъ западной стороны, гдѣ онъ и утвердился въ Умани и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Суховѣй началъ помогать Ханенку; Юрій Хмельницкій, скинувши монашескую рясу, соединился съ ними. Ханенко писалъ Многогрѣшному, чтобы помогалъ ему на общаго непріятеля Дорошенка. Но изъ Москвы Демьяну Игнатовичу дали знать, чтобы не вмѣшивался въ эту усобицу: «Указъ вашего царскаго величества исполнять готовъ, отвѣчалъ Многогрѣшный: понеже между собою раздоръ учинили, пусть сами и расправятся.» Гетманъ понялъ мысль царя и успокоился. Но Лазарь Барановичь, теперь, по удаленіи Меѳодія, единственный архіерей на восточной сторонѣ, считалъ своею обязанностію заботиться объ интересахъ Малороссіи, не допускать нарушенія Глуховскихъ статей. Въ концѣ года пріѣхалъ отъ него въ Москву игуменъ Іеремія съ жалобами: 1) въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, что по первому или второму прошенію гетмана государевы войска явятся на защиту украйны: теперь все лѣто гетманъ просилъ войска — и не обрѣлъ милости, отъ чего великая поднялась молва въ людяхъ. 2) Въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено отпустить всѣхъ узниковъ, засланныхъ въ Москву Брюховецкимъ, также всѣхъ козаковъ, взятыхъ на бою и деревенскихъ крестьянъ: теперь многіе Малороссіяне ходили въ Великую Россію отыскивать своихъ родственниковъ и возвратились нисъ чѣмъ. 3) Вопреки Глуховскимъ статьямъ взятыя воеводами войсковыя и городскія пушки до сихъ поръ не отданы, что нелюбо козакамъ. 4) Не отданы церковные утвари и сосуды. 5) Въ Глуховѣ постановлено, что безъ козацкихъ пословъ коммиссія съ поляками не будетъ отправляться; а теперь коммиссія не только отправлялась безъ казацкихъ пословъ, но, какъ видно изъ коммиссарскихъ писемъ къ До-

рошенку, и совершено, отъ чего встала большая смута. Архіепископъ бьетъ челомъ: если еще коммиссія не окончилась, то чтобы государь велѣлъ отправить на нее пословъ гетманскихъ, да утолится жителей украинскихъ малодушіе. 6) Полномочные коммиссары восточнымъ берегомъ Днѣпра отправили посланниковъ къ западному гетману Дорошенко, не давши знать объ этомъ гетману восточному, чѣмъ возбудили въ немъ гнѣвъ. 7) Посланники эти коммиссарскіе произвели большую смуту тѣмъ, что листами своими приглашали Малороссіянъ обѣихъ сторонъ Днѣпра высылать на сеймъ знатныхъ людей духовнаго и мірскаго чина съ челобитными къ королю о своихъ надобностяхъ: Малороссіяне стали опасаться, чтобы ихъ на коммиссіи королю не отдали.—Царь отвѣчалъ Барановичу: «Тебѣ бы радѣнье свое показать, гетмана и все войско утверждать, чтобы они на нашу милость были надежны: никто ихъ, за милосердіемъ Божіимъ, изъ-подъ нашей высокой руки восхитить не можетъ. Ты пишешь про Глуховскія-статьи, что безъ посланниковъ козацкихъ коммиссіямъ не отправляться: хотя и такъ въ Глуховсккихъ статьяхъ постановлено, однако тому время не дошло; а въ 17-й статьѣ написано: если у насъ, великаго государя съ королевскимъ величествомъ или ханомъ Крымскимъ на коммиссіяхъ будетъ вспоминъ о войскѣ запорожскомъ, то въ то время быть козацкимъ посламъ; когда такіе разговоры начнутся, тогда гетманскіе посланцы и будутъ позваны; ты пишешь, что коммиссарскіе посланцы призывали Малороссіянъ на сеймъ къ королю; но въ листѣ боярина Ордина-Нащокина написано: призываетъ изъ украйны духовнаго и мірскаго чина людей для истинной вѣдомости и разсужденія духовнаго, о устроеніи вѣчномъ, призываетъ къ себѣ на коммиссію и Дорошенка, отводя отъ бусурманскаго совѣта, о посылкѣ же къ королю на сеймъ въ листѣ не написано. Заточники и плѣнные, которые сысканы, отосланы къ гетману, и кто именно, о томъ къ тебѣ послана роспись; о пушкахъ воеводы намъ писали, что они отдали ихъ гетману по Глуховскимъ статьямъ, и что̀ отдано, послана къ тебѣ роспись.»

Весною 1670 г. поѣхалъ въ Малороссію подъячій Михайла Савинъ искать мастера винограднаго строенья, также мастера, который бы умѣлъ сажать дули, груши, сливы, орѣхи Кіевскіе,

пасечника для пчелъ. 17 апрѣля въ Батуринѣ Савинъ былъ на обѣдѣ у гетмана, къ которому съѣхались полковники всѣхъ городовъ восточной стороны поздравлять съ праздникомъ, Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ; не было только полковниковъ Полтавскаго и Миргородскаго. За обѣдомъ Многогрѣшный началъ говорить полковникамъ: «Слышу я, что козаки всѣхъ городовъ меня мало любятъ; если и вправду такъ, то вы бы били челомъ великому государю объ избраніи другаго гетмана, я клейноты войсковые уступлю тому, кого вы выберете. А пока я буду гетманомъ, своевольниковъ усмирять не перестану, сколько во мнѣ мочи будетъ, на томъ я великому государю присягалъ; не такъ бы, какъ Ивашка Брюховецкій: какъ Іуда Христа предалъ, такъ онъ великому государю измѣнилъ; а я обѣщался за великаго государя умереть, чтобы послѣ меня роду моему слава была; а сколько своевольникамъ не крутиться, кромѣ великаго государя дѣться имъ негдѣ.» Тутъ Переяславскій полковникъ Дмитрашка Райча ударился объ столъ и началъ говорить со слезами: «Полно намъ уже тѣхъ гетмановъ обирать и за тѣми гетманами крови христіанской литься; будемъ себѣ только одного великаго государя имѣть неотступно, а своевольниковъ укрощать.»

На другой день, 18 числа у гетмана съ полковниками и старшиною была рада, потому что годъ безъ войны не пройдетъ: полковники всѣ присягали, цѣловали государево знамя на томъ, чтобы имъ ни на какія непріятельскія прелести не склоняться и противъ непріятелей стоять упорно и гетмана во всемъ слушаться. Савину сказывали, что Полтавскій и Миргородскій полки гетману не послушны: Дорошенко къ нимъ пишетъ съ угрозами, чтобы гетмана Демьяна не слушались, а гетманъ Демьянъ къ нимъ пишетъ, чтобъ на Дорошенковы прелести не склонялись; а Полтавцы и Миргородцы, запершись въ городахъ, ни того, ни другаго не слушаются. Не очень хорошо говорили Савину и о другихъ полковникахъ: съ гетманомъ Демьяномъ великому государю вѣрно служатъ и прямымъ сердцемъ поступаютъ полковники — Переяславскій Дмитрашка да Стародубскій Рословченко, а другихъ украинскихъ городовъ полковники такъ и сякъ.

Не прочно, по этимъ вѣстямъ, было положеніе гетмана въ Малороссіи, а тутъ еще самъ гетманъ присылалъ дурныя вѣсти о Запорожьѣ; въ іюлѣ 1670 года Многогрѣшный прислалъ грамоту Матвѣеву, «благодѣтелю и пріятелю своему милостивому;» гетманъ жаловался что Ханенко и Запорожцы отправили пословъ своихъ къ великому государю, въ грамотѣ, писанной къ нему, Демьяну, не назвали его гетманомъ: «Они хотятъ бить государю челомъ, писалъ Многогрѣшный, чтобы позволено было выбирать гетмана въ Запорогахъ, а не въ городахъ; но еслибы царское величество это позволилъ, то на украйнѣ вновь встало бы смятеніе, ибо запорожцы привыкли людей разгонять.» Но Москвѣ въ это время было не до поставленія въ Запорогахъ гетмана: Разинъ поднималъ восточное казачество. Въ сентябрѣ опять пріѣхалъ въ Батуринъ къ Многогрѣшному подъячій Савинъ съ царскою грамотою: царь приказывалъ гетману выбрать пять или шесть сотъ козаковъ и отправить ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому противъ Разина; гетманъ отвѣчалъ: «По государеву указу велѣлъ я въ разные города универсалы разослать, чтобы войско козацкое собиралось въ Глуховъ; велѣлъ я собрать войска тысячу человѣкъ, начальникомъ у него будетъ генеральный есаулъ Матвѣй Гвинтовка; я приказалъ ему идти въ полкъ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому. Ко мнѣ пришли вѣсти изъ Лубенъ и Миргорода, что ханъ Крымскій съ большимъ войскомъ вышелъ и хочетъ воевать на той сторонѣ Днѣпра Дорошенка и польскіе города; а Юраска Хмельницкій съ калгою салтаномъ идетъ на эту сторону и войска при немъ съ 60,000, хочетъ ханъ Крымскій Юраску сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Изъ Запорогъ писали козаки къ Стенькѣ Разину, будто я гетманъ у великаго государя не въ подданствѣ, чтобы Стенька шелъ на государевы понизовые города безопасно, меня не боясь. А еслибы у меня такихъ вѣстей про Татарскій приходъ не было, то ябы, по указу великаго государя, послалъ войска своего съ 10,000 человѣкъ. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ въ Сѣвскѣ быть пѣхотѣ, солдатскимъ полкамъ или стрѣлецкимъ приказамъ двумъ или четыремъ тысячамъ, потому что чаю я отъ своихъ людей шатости: Юраска Хмельницкій идетъ съ ордою на сю сторону; а меня мало любятъ, потому что наикъ руку и къ злой мысли

мало поступаю, унимаю ихъ отъ всякой шатости; а что при мнѣ голова Московскихъ стрѣльцовъ съ приказомъ, то его въ походъ съ собою брать не буду, потому что онъ будетъ домъ мой оберегать.»

Въ тоже время были въ Москвѣ посланцы Барановича и Многогрѣшнаго, нашъ старый знакомый, протопопъ Семенъ Адамовичъ и сотникъ Василій Семеновъ; гетманъ извѣщалъ чрезъ нихъ великому государю, что въ малороссійскихъ жителяхъ начала быть шатость: какъ были у царскихъ пословъ съ королевскими коммиссарами съѣзды, то будто постановили Кіевъ и всѣ города этой стороны отдать Полякамъ; на съѣздахъ былъ Стародубовскаго полковника Рословченка братъ Иванъ, и онъ-то сказывалъ гетману про всѣ посольскія постановленія; гетманъ и старшина отъ этого въ великомъ сомнѣніи, особенно оттого, что посланцы ихъ на съѣздѣ не были. Еслибы въ нынѣшнемъ или въ будущіе годы съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожцы начали бить челомъ великому государю, чтобы собрать черневую раду, то великій государь гетмана пожаловалъ бы, черневой рады созывать не велѣлъ, чтобъ между ними не учинилось междоусобія и кровопролитія какъ при Брюховецкомъ. Если Дорошенку отъ непріятелей его, Ханенка и Суховѣя учинится утѣсненіе, и побѣжитъ онъ въ Кіевъ или иные города этой стороны Днѣпра или въ слободы на украйну, то великій государь не велѣлъ бы его принимать, чтобы не встало между ними междоусобіе. Если Дорошенко, Ханенко, Суховѣй или Сумской полковникъ и другой кто-нибудь станутъ писать къ царскому величеству на него, гетмана о какой невѣрности, то чтобы великій государь не изволилъ тому вѣрить. Если на этой сторонѣ ему гетману объявится противникъ, то великій государь велѣлъ бы его гетмана своими ратями оборонить и въ изнеможеніи позволилъ бы ему въ велико российскіе города съ домомъ своимъ пріѣхать, а когда пріѣдетъ, чтобы воеводы или приказные люди непріятелямъ его не отдали. Великій государь велѣлъ бы его гетмана обнадежить, что Кіевъ и города восточной стороны не будутъ никогда уступлены королю.

Многогрѣшный думалъ, что Суховѣй и Ханенко заставятъ бѣжать Дорошенко; но вышло противное: Дорошенко поразилъ Суховѣя, Ханенка и Хмельницкаго, взялъ послѣдняго въ плѣнъ

и отослалъ къ султану. Сперва Хмельниченко сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ; но потомъ султанъ велѣлъ освободить его, пожаловалъ кормомъ и дворомъ. Торжествующій Дорошенко тѣмъ опаснѣе былъ для Многогрѣшнаго; но къ усобицѣ между гетманами присоединялась еще усобица между архіереями: Іосифъ Тукальскій не переставалъ хлопотать о подчиненіи себѣ Кіева и всей Малороссіи, а такъ какъ политическое раздѣленіе Малороссіи на двѣ части подъ двумя гетманами производило и раздѣленіе церковное, то Іосифъ враждовалъ къ восточному гетману не менѣе Дорошенка. Но если на западной сторонѣ подлѣ Дорошенка находился претендентъ на митрополію, то на восточной подлѣ Многогрѣшнаго находился также архіерей, который, какъ мы видѣли, домогался первенства даже и въ томъ случаѣ, еслибы Кіевъ отошелъ къ Польшѣ. Лазарь Барановичь заступился за себя и за своего пріятеля Демьяна Игнатовича и написалъ государю: «Преосвященный Іосифъ Тукальскій, митрополитъ кіевскій домогается у Демьяна Игнатовича, чтобы духовенство восточной стороны находилось въ его послушаніи и повинности. Я отписалъ ему, что Демьянъ Игнатовичь безъ вѣдома, воли и указу вашего царскаго величества ему этого позволить не можетъ. Что жь случилось? Попъ Романовскій (Романъ Ракушка), который передъ тѣмъ въ Нѣжинѣ былъ козакомъ, зашедши на ту сторону Днѣпра, поѣхалъ отъ митрополита Тукальскаго въ послахъ къ св. Меѳодію, патріарху Константинопольскому, и хитростію выправилъ на гетмана Демьяна Игнатовича неблагословенный листъ, чтобы его этимъ неблагословеніемъ застращавши, и міръ въ обиду подавши, смуту на сей сторонѣ украйны учинить. Хотя гетманъ вашего царскаго величества и ненаходится подъ зависимостію Константинопольскаго престола, однако нельзя же не обращать вниманія на имя и власть вселенскаго патріарха. Демьянъ Игнатовичъ удивляется вмѣстѣ со мною такъ неосторожно выданному патріархомъ неблагословенію, что не можетъ не оскорбить и вашъ пресвѣтлый престолъ, потому что Демьянъ Игнатовичь вашего войска гетманъ. Онъ бьетъ челомъ, чтобы ваше царское величество ходатайствовало предъ патріархомъ Константинопольскимъ о благословеніи ему, и чтобы впередъ патріархъ такъ неосторожно клятвенныхъ листовъ не выдавалъ; достойнѣе клятвы тотъ, кто ее обманомъ у св. патрі-

арха выправилъ и вашего царскаго величества престолъ укорить дерзнулъ; въ этой патріаршей неблагословенной грамотѣ Демьянъ Игнатовичь и гетманомъ не названъ, названъ простымъ именемъ Демкомъ Игнатенкомъ; мало ли есть Демковъ Игнатенковъ, но гетманъ одинъ — Демьянъ Игнатовичь. Митрополитъ Тукальскій хочетъ завладѣть духовенствомъ восточной стороны Днѣпра; но здѣсь духовенство и мірскіе люди всѣ хотятъ быть подъ моею паствою; я отдаю это дѣло на вашего царскаго величества высокое разсмотрѣніе — вѣдать ли мнѣ все духовенство на сей сторонѣ Днѣпра, какъ гетманъ вѣдаетъ мірскаго чина людей? потому что трудно духовенству, пребывающему на вашей царскаго величества сторонѣ, переѣзжать къ митрополиту на другую, королевскую сторону; въ этомъ раздѣленіи могло бы что-нибудь и недоброе возрасти. Митрополитъ Кіевскій хотя и всей Россіи пастырь и ексархъ Константинопольскій, однако не всегда священниковъ этой стороны имѣлъ въ своей паствѣ, но всякій находился въ послушаніи у своего особаго пастыря: Черниговскіе Черниговскаго архіепископа, Переяславскіе Переяславскаго епископа знали; митрополитъ же Кіевскій отъ древнихъ вѣковъ въ Кіевѣ на своемъ сидя мѣстѣ у св. Софіи, только одною тою стороною Днѣпра довольствовался, и теперь, на той сторонѣ Днѣпра пребывая, довольствоваться таковымъ духовнымъ чиномъ можетъ. О Кіевѣ и прежде многочастно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству, и теперь повторяю, ибо слухъ здѣсь прошелъ, что онъ на коммиссіи уступленъ Ляхамъ и послѣдняго числа ноября нынѣшняго года будетъ отданъ, о чемъ всѣ православныя Кіевскіе обители плачутъ, и весь православный малороссійскій народъ въ смятеніи. Ей премилосердый, православный царю! пожалѣй крови своей и искони вѣчнаго отечества, потому что сущая-то вашего царскаго величества кровь — оные правовѣрные великіе князья и цари Кіевскіе; не отпускай же своего присвоенія и вѣнца царскаго, того святаго великаго града Кіева отъ своей государской руки правовѣрной въ иновѣрную, въ вѣчное поношеніе и жалость всему православному христіанско мународу. Смѣю припомнить и о государскомъ словѣ (понеже слово дѣломъ закоснѣло) на счетъ напечатанія трудовъ моихъ Трубами названныхъ; смиренно бью челомъ, чтобы

ваше царское пресвѣтлое величество слово свое дѣломъ совершить изволилъ, потому что книги уже исправлены, св. Іоасафомъ патріархомъ благословены.» Протопопъ Семенъ подалъ и листъ патріаршескій съ проклятіемъ на Многогрѣшнаго: «Меѳодій, Божіею милостію архіепископъ Новаго Рима великій патріархъ. Честный отецъ Романъ протопопъ Бряславскій извѣстилъ насъ, что во время войны и смятенія межъ людьми Демко Игнатенко овладѣлъ домомъ онаго іерея и пограбилъ имѣніе его—четыреста осмачекъ хлѣба, шесть котловъ великихъ, четыре коня, полтораста свиней, двѣ сабли оправныхъ позолоченыхъ, пять сотъ золотыхъ денегъ, а самого его изгналъ: если Демко Игнатенко отдастъ протопопу все, что взялъ, въ цѣлости, безъ отговорокъ, по доброй волѣ, то будетъ благословенъ; а если не захочетъ отдать, то дабудетъ отлученъ отъ Бога, проклятъ и не прощенъ, мертвый да не разсыплется никогда, до урѣченнаго суда; камни, дрова, желѣзо да истлѣютъ и разсыпаются и земля разсядется, онъ же никогда. И пожретъ его земля яко Даѳана и Авирона; гроза Божія верху главы его; имѣніе его и труды дабудутъ прокляты и да неузритъ счастія никогда; имѣніе его вѣтромъ да пойдетъ, напослѣдокъ же и самъ да обратится ни во что; да познаетъ самъ, яко не съ нимъ Богъ, и св. Ангелъ Божій на страшномъ судѣ не при немъ, отлученъ отъ церкви христовой, чтобы его къ церкви никто не припускалъ, и дабы его не благословилъ и не кадилъ, дара Божія не давалъ, и у трапезы никто съ нимъ не ѣлъ и не пилъ и не сидѣлъ съ нимъ и не прощался съ нимъ и здоровья не сказывалъ, и когда умретъ, чтобы его тѣло никто не хоронилъ подъ тяжкою нашею клятвою архипастырскою и отлученіемъ отъ церкви того іерея, который его похоронитъ; будетъ на немъ проклятіе св. 318 богоносныхъ отцовъ Никейскаго собора, доколѣ не отдастъ всѣхъ вещей, взятыхъ у отца господина Романа.»

13-го іюля протопопъ и сотникъ видѣли очи великаго государя, были у него у руки на крыльцѣ передъ передними сѣнями и, по первой статьѣ о Кіевѣ самъ государь объявилъ посланнымъ: хотя въ Андрусовскихъ статьяхъ и упомянуто было объ отдачѣ Кіева, но такъ какъ Поляки нарушили нѣкоторыя условія, потому теперь онъ и въ помышленіи не имѣетъ Кіева королю отдавать; на нынѣшней коммиссіи полномочные послы ко-

ролевскимъ коммиссарамъ и слова не дали говорить объ отдачѣ Кіева, восточной же стороны Днѣпра и сами Поляки не домогались. Подлиннаго постановленія о вѣчномъ мирѣ не учинено; а еслибы договоръ состоялся, то немедленно дано было бы знать гетману, чтобы присылалъ своихъ людей на коммиссію по статьямъ Глуховскимъ. На вторую статью о радѣ былъ отвѣтъ: великій государь черневой радѣ, хотя бы отъ кого и челобитье пришло, быть не изволитъ, да и быть радѣ не для чего: бываетъ черневая рада для гетманскаго выбора, когда гетманъ умретъ или гетманомъ быть не велятъ. Дорошенка государь никуда пускать и принимать не велѣлъ. Государь знаетъ вѣрную службу гетмана Демьяна Игнатовича, и если кто-нибудь станетъ на него писать, вѣрить не изволитъ; въ нуждѣ воеводы его въ царскіе города примутъ и непріятелямъ не выдадутъ. Барановичу былъ отвѣтъ, что государь тотчасъ же велѣлъ начать печатаніе Трубъ; къ несчастію бумаги нѣтъ, придетъ изъ-за моря не ранѣе 1-го сентября. Царь обѣщалъ послать надежнаго Грека къ патріарху Константинопольскому по дѣлу о проклятіи гетманскомъ. Наконецъ Кіевская область и Малороссія по сю сторону Днѣпра отдана въ паству Барановичу. Протопопъ Семенъ писалъ гетману изъ Москвы: «Царское величество неизрѣченную милость къ вельможности твоей являетъ; непотребно нимало о милости его сомнѣваться; къ тому же и ходатай скорый и пріятный господинъ Артемонъ Сергѣевичь (Матвѣевъ); онъ къ вельможности твоей совершенную любовь имѣетъ, а это лучше всего, о войскѣ Запорожскомъ и о всей сторонѣ Малороссійской безпрестанно у царскаго престола, какъ мать о чадахъ убивается; сказалъ намъ: «пока живъ, не перемѣнюсь». Замедлились мы здѣсь за благимъ совѣтомъ Артемона Сергѣевича, который хотѣлъ, чтобы мы были при отпускѣ низовыхъ козаковъ Запорожскихъ; не стыдился его милость Артемонъ Сергѣевичь, именемъ царскимъ выговорилъ Запорожцамъ: для чего Ханенко гетманомъ пишется, и для чего вельможность твою Сѣверскимъ, а не настоящимъ гетманомъ почитаютъ? Запорожцы дали слово быть подъ твоимъ послушаніемъ».

Для ходатайства предъ Византійскимъ патріархомъ о снятіи проклятія съ Многогрѣшнаго отправился въ Константинополь переводчикъ Христофоровъ, и привезъ оттуда любопытныя

извѣстія, показывающія, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился патріархъ вслѣдствіе подданства Дорошенкова султану. Въ Яссахъ царскій посланецъ встрѣтился съ знаменитымъ Тетерею, который ѣхалъ къ султану; на вопросъ Христофорова, что это значитъ? Тетеря отвѣчалъ, что въ Польшѣ чести ему никакой не оказали. Пріѣхавши въ Царьградъ, Христофоровъ представился патріарху и подалъ ему царскую грамоту, въ которой Алексѣй Михайловичь просилъ снять проклятіе съ гетмана Многогрѣшнаго. «О чемъ ко мнѣ великій государь пишетъ, отвѣчалъ патріархъ, того я не упомню, справлюсь въ своихъ записныхъ книгахъ и завтра тебѣ отвѣтъ дамъ». На другой день Христофоровъ отправился за отвѣтомъ «Пріискалъ я дѣло, сказалъ ему патріархъ: сдѣлалось оно по неволѣ, такимъ образомъ: не стало въ польскомъ королевствѣ, въ городѣ Львовѣ православнаго епископа, одинъ Латинецъ, именемъ Симеонъ пожелалъ Львовскаго архіерейскаго престола, и билъ челомъ Волошскому господарю, чтобы писалъ объ немъ ко мнѣ. Господарь ко мнѣ написалъ; но я ему отказалъ, что безъ вѣдома всѣхъ православныхъ Львовскихъ жителей въ епископы поставить мнѣ никого нельзя. Тогда этотъ Латинецъ нашелъ въ Волошской землѣ двоихъ запрещенныхъ митрополитовъ, которые и посвятили его въ епископы въ городѣ Сочавѣ, и отпустили во Львовъ, но Львовскіе православные на престолъ его не пустили, и выбрали набожнаго и добраго человѣка, инока Іосифа, ко мнѣ его прислали, и я поставилъ его къ нимъ въ епископы. Но Латинецъ Симеонъ билъ челомъ Дорошенку и Тукальскому, чтобы они объ немъ писали ко мнѣ, и они написали, что Симеонъ этотъ человѣкъ добрый, ученый и христіанинъ православный. Съ грамотами ихъ пріѣхалъ ко мнѣ Браславскій протопопъ Романовскій. Я отвѣчалъ, что уже епископъ поставленъ во Львовъ, а Симеона посвящалъ невѣдомо кто. Тогда Романовскій поѣхалъ къ султану, и я получилъ грамоту отъ каймакама Мустафы паши, что султанъ приказываетъ мнѣ исполнить то, о чемъ писалъ Дорошенко. Я не послушался; но Романовскій поѣхалъ въ другой разъ къ султану, и привезъ мнѣ грамоту уже отъ самого султана, чтобы я сейчасъ же исполнилъ Дорошенкову прозьбу. Тутъ дѣлать мнѣ было нечего: отставилъ я епископа Іосифа и благословилъ Симеона. Въ это же время протопопъ Романов-

скій билъ мнѣ челомъ, что во время войны Демьянъ Игнатовичь пограбилъ у него имѣніе и до сихъ поръ имъ владѣетъ, и чтобы я патріархъ предалъ за это Демьяна проклятію, а того мнѣ не сказалъ, что Демьянъ гетманъ и царскаго величества подданный. Я, посовѣтовавшись со всѣмъ соборомъ, далъ Романовскому на Демьяна проклятую грамоту, въ которой написано: если дѣйствительно такъ, какъ доносилъ Романовскій, то анаѳема».

«Учини, святѣйшій патріархъ, по прошенью царскаго величества, началъ Христофоровъ, изволь дать прощальную грамоту гетману Демьяну Игнатовичу и съ тѣмъ отпусти меня къ царскому величеству». — «Никакъ мнѣ этого сдѣлать нельзя, отвѣчалъ патріархъ: еслибы отъ этого мнѣ одному приключилась бѣда, то я принялъ бы съ радостію; но опасаюсь, чтобъ не навести бѣды всему христіанству; пошлю я къ Демьяну Игнатовичу прощальную грамоту, а онъ станетъ этимъ хвалиться, узнаетъ Дорошенко, тотчасъ отпишетъ къ султану, и будетъ отъ этого великое кровопролитіе».

«Опасаться тебѣ этого нечего, возражалъ Христофоровъ: прощальную грамоту отвезу я къ царскому величеству, и царское величество изволитъ отослать ее къ гетману, и прикажетъ, чтобы держалъ ее при себѣ, для души своей, а хвалиться ему предъ народомъ не для чего». — «Вотъ посмотри, отвѣчалъ патріархъ, какую сочинили ложную грамоту, будто я писалъ ее къ великому государю. Грамота объявилась у визиря; визирь призывалъ меня и хотѣлъ было погубить, да спасибо оправдали меня добрые люди; однако дѣло стоило мнѣ съ пять сотъ мѣшковъ». Наконецъ патріархъ далъ грамоту.

Въ Константинополѣ патріархъ боялся Дорошенки, какъ присяжника султанова; а въ Чигиринѣ Дорошенко увѣрялъ греческаго архіерея въ своей преданности православному монарху. Весною 1671 года заѣхалъ къ нему греческій архіерей Манассія, отправлявшійся въ Москву, и Дорошенко началъ ему говорить: «Писать я къ царскому величеству не смѣю; донеси великому государю, что мы ради ему служить; отъ польскаго насилія принуждены мы на время поддаться Агарянину. Чтобы великій государь, для святой восточной церкви, принялъ насъ подъ свою руку, держалъ бы насъ, какъ держитъ нашихъ братьевъ той

стороны; а если не захочетъ принять, то помирилъ бы насъ съ польскимъ королемъ. Въ 68 году приходилъ я въ царскіе заднепровскіе города съ Татарами по прошенью Ивашки Брюховецкаго и иныхъ старшинъ; однако и тогда я козаковъ и Татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ, взятыхъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву многихъ (!) отпустилъ, хотя и претерпѣлъ за то отъ Татаръ большую бѣду; полковниковъ, которые съ Демьяномъ Игнатовичемъ царскому величеству поддались, не подговаривалъ и впередъ подговаривать не буду. Чтобы гетманъ той стороны со мною въ дружбѣ былъ и Запорожскихъ посланцевъ къ польскому королю не пропускалъ; а ссоры всѣ отъ Запорожцевъ: чтобы великій государь ни въ чемъ имъ вѣрить не изволилъ. Если государь пришлетъ ко мнѣ свой указъ, то я и Стеньку Разина къ его царскому величеству по прежнему въ подданство наговорю.» — Въ Каневѣ Тукальскій объявилъ Манассіи, что какъ скоро государь обнадежитъ ихъ, что приметъ въ подданство, то онъ, митрополитъ сейчасъ же самъ поѣдетъ въ Москву, а теперь ѣхать и писать не смѣетъ, потому что и прежнія его письма объявились у Поляковъ. Въ грамотѣ своей къ царю Дорошенко особенно нарекалъ на Запорожцевъ, которые, по его словамъ, и при Богданѣ Хмельницкомъ, и при другихъ гетманахъ, творили великое смятеніе между русскими христіанами, надъ безчисленными благочестивыми людьми убійства, мучительства и кровопролитіе исполняли. «Самъ я, писалъ Дорошенко, восточной церкви удъ, и потому, ища добра церквамъ Россійскимъ, тебя, православнаго государя, за главу себѣ имѣю».

Лѣтомъ 1671 года на западной сторонѣ Днѣпра началась война: съ одной стороны Дорошенко съ Турками и Татарами, съ другой Поляки пустошили несчастную страну; Ханенко и Сѣрко были на сторонѣ польской. Но и восточная сторона не была покойна. Въ концѣ 1671 года въ Москвѣ узнали, что гетманъ Многогрѣшный обнаруживаетъ сильное неудовольствіе вслѣдствіе неопредѣленія границъ между Малороссіею и Литвою по рѣкѣ Сожѣ. «Если царское величество, говорилъ гетманъ царскому посланцу, подъячему Савину, если царское величество изволилъ земли наши отдавать королю по немногу, то ужь изволилъ бы насъ и всѣхъ отдать, король будетъ намъ радъ! Но у насъ на

этой сторонѣ войска тысячь со сто, будемъ обороняться, а земли своей не уступимъ. Отъ насъ задору никакого нѣтъ и не будетъ, а за правду будемъ головы свои складывать. Ожидалъ я къ себѣ царскаго величества милости больше прежняго, а царское величество изволилъ насъ въ неволю отдать: нашихъ купцовъ польскіе люди грабятъ и въ тюрьмахъ держатъ, около Кіева разоряютъ, а великій государь ничего имъ не сдѣлаетъ и насъ не обороняетъ; еслибъ мы сами себя не обороняли, то давно бы насъ Поляки въ неволю побрали; а на оборону отъ Московскихъ людей надѣяться намъ нечего». Все это говорилъ гетманъ съ сердцемъ, и тотчасъ же поѣхалъ съ челядью своею въ поле. Тамошніе люди Савину сказывали: когда гетманъ сердитъ или въ какомъ сумнительствѣ, то все ѣздитъ по полямъ и думаетъ про всякія дѣла.

Гетманомъ дѣйствительно овладѣло сильное сумнительство: «Я, говорилъ онъ, нынѣшняго своего чина не желаю, потому что очень боленъ, желаю прежде смерти сдать гѐтманство. Если мнѣ смерть приключится, то у козаковъ такой обычай — гетманскіе пожитки всѣ разнесутъ, жену, дѣтей и родственниковъ моихъ нищими сдѣлаютъ; да и то у козаковъ бываетъ, что гетманы своею смертію не умираютъ; когда я лежалъ боленъ, то козаки сбирались всѣ пожитки мои разнести по себѣ».

Для объясненій по дѣламъ польскимъ въ январѣ 1672 года къ Демьяну въ Батуринъ явился стрѣлецкій полуголова Танѣевъ. «Точно, сказалъ гетманъ Танѣеву: я говорилъ, что великій государь изволилъ отдавать землю нашу по немногу, говорилъ для того, чтобы великій государь пожаловалъ, Поляковъ пускать за Днѣпръ и за Сожу не велѣлъ; только ихъ пустить за рѣку Сожу, и они станутъ вступаться въ Малороссійскіе города, земли и угодья, станутъ называть города многіе на этой сторонѣ Днѣпра своими; правда ихъ и постоянство мнѣ извѣстны, на чемъ пункты ни становятъ, никогда того не держатся». Въ Батуринѣ при гетманѣ жилъ въ это время голова Московскихъ стрѣльцовъ Григорій Неѣловъ; онъ поразсказалъ Танѣеву много новостей: «Ѣздилъ Нѣжинскій протопопъ въ Новгородокъ Сѣверскій къ архіепископу Лазарю Барановичу, заѣхалъ по дорогѣ въ Батуринъ, былъ у гетмана, и тотъ началъ ему говорить: «я узналъ, что государь указалъ быть на мое мѣсто гетманомъ Кіевскому

полковнику Константину Солонинѣ, а меня отставить». Протопопъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ не вѣрилъ такимъ словамъ, государь его жалуетъ и никогда не перемѣнитъ. Гетманъ осерчалъ и хотѣлъ своими руками отсѣчь протопопу голову саблею у себя въ свѣтлицѣ и бранилъ его всячески, кричалъ: «Ты за одно съ Москалями мною торгуешь»! Протопопъ перепугался, не сталъ при гетманѣ сходиться съ Неѣловымъ и ему подходить къ себѣ не велѣлъ, видѣлся съ нимъ тайно у церкви и велѣлъ беречься, чтобы какого лиха отъ тѣхъ словъ не сдѣлалось въ Украйнѣ».

Симеонъ Адамовичь самъ описалъ Матвѣеву разговоръ свой съ гетманомъ: «Яко изначала началъ я за помощію Божіею служити вѣрно великому государю: тако и нынѣ, сколько могу, служу и радѣю; только нынѣшней наглой нашедшей на гетмана скорби никоими притчами и мѣрами исцѣлити не могу. Нѣкто крамольникъ вмѣстилъ гетману, будто великій государь Константина Солонину гетманомъ Запорожскимъ учинилъ. Зѣло о томъ сѣтуетъ; скорбитъ о томъ, что Пиво съ Ляхами около Кіева монастыря и монастырскія отчины попустошилъ; спрашиваетъ, по коихъ мѣстъ граница съ Ляхами? а мнѣ почему знать! И о Кіевѣ сѣтуетъ и говоритъ, буде Кіевъ великій государь отдастъ? И я ему клянуся душею и священствомъ, что ничего того великій государь не мыслитъ, и на меня оскорбился, смертною казнію грозя: если что съ Москвы послышу непристойное, велю тебя лютою смертію уморити. И я ему сказалъ, что за истину и за великаго государя готовъ умереть, а то все сказываютъ ложь, и его милостію государскою безпрестанно обнадеживаю, а какъ увидалъ конечную его непреклонную скорбь, пріѣхавъ изъ Батурина февраля въ 1-е, посовѣтовавъ съ думнымъ двораниномъ, съ Ив. Ив. Ржевскимъ, нарочно скорымъ гонцомъ в. государю и твоей милости о томъ вѣстно чинилъ. Бога ради, попецытеся, какъ скоряе посылайте какова умна человѣка отъ в. государя къ гетману съ грамотою, обнадеживая его, опишите о Кіевѣ и о границѣ, что Кіевъ не въ отдачѣ Ляхамъ и о томъ, что о Солонинѣ на гетманство и не помышляется, потѣшьте Господа ради»! Въ слѣдъ за грамотою, протопопъ, вмѣстѣ съ есауломъ Павломъ Грибовичемъ отправился въ Москву въ послахъ отъ гетмана.

Дѣйствительно молва о смѣнѣ Многогрѣшнаго Солониною, невѣдомо откуда, шла по Украйнѣ; но мы знаемъ, съ какою легкостію вѣрили въ украйнѣ всякой молвѣ; приверженцы Демьяна встревожились не меньше его самого. Къ Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому пришелъ того же города козацкій полковникъ Гвинтовка и началъ говорить, что царь велѣлъ перемѣнить гетмана и всю старшину. Ржевскій позвалъ его къ себѣ обѣдать; тотъ не пошелъ и сказалъ: «Какъ къ вамъ идти? какіе вы добрые люди, что такъ дѣлаете непостоянно?» Старая сказка объ уступкѣ Кіева и всей Малороссіи королю польскому опять пошла въ ходъ. Многогрѣшный говорилъ Неѣлову: «Государь съ королемъ помирился, городъ Кіевъ и насъ всѣхъ уступилъ Полякамъ; но если такъ сдѣлано, то мы всѣ, покиня женъ своихъ и дѣтей у царскаго величества, пойдемъ головами своими противъ Поляковъ борониться, Кіева, Печерскаго монастыря и Малороссійскихъ городовъ въ королевскую сторону не отдадимъ, у короля въ подданствѣ никогда не будемъ; далъ мнѣ знать объ этомъ Дорошенко, а Дорошенку сказывалъ польскій посолъ». Когда пронесся слухъ о смѣнѣ Демьяна Солониною, то гетманъ пилъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время, съ Неѣловымъ не говорилъ ничего и къ себѣ не призывалъ, пьяный изрубилъ саблею Переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу, такъ что тотъ слегъ отъ ранъ. Въ другой разъ, напившись, билъ по щекамъ и пинками и хотѣлъ рубить саблею судью Ивана Домонтова, насилу Неѣловъ отнялъ у него саблю, за что Демьянъ бранилъ его Москалемъ. — «Но когда гетманъ не пьетъ, говорилъ Неѣловъ Танѣеву, то у него все разсмотрительно; теперь вся старшина боится его взгляду, и говорить ни о какихъ дѣлахъ не смѣютъ, потому что гетманъ сталъ къ нимъ непомѣрно жестокъ. Судьи очень тужатъ; говорили мнѣ, что гетманъ теперь сталъ очень сердитъ на нихъ всѣхъ старшинъ: только кто молвитъ слово—онъ и за саблю, спуску никому нѣтъ; Стародубскаго полковника Петра Рословченка онъ перемѣнилъ, велѣлъ быть полковникомъ брату своему родному Саввѣ Шумѣйку; Рословченко сидитъ въ Батуринѣ за карауломъ, за что сидитъ—никто не вѣдаетъ и бить челомъ никто за него не смѣетъ. Старшины—обозный Петръ Забѣла, и судьи, и Дмитрашка Райча в. государю служатъ вѣрно и обо всякихъ новостяхъ мнѣ даютъ знать,

только боятся со мною видѣться днемъ, потому что безпрестанно гетманъ велитъ челядникамъ своимъ за ними смотрѣть, чтобы они съ Московскими людьми не сходились; съ новостями приходятъ они ко мнѣ по ночамъ; я привелъ ихъ-къ присягѣ: цѣловали образъ Спасовъ, что быть имъ неотступно подъ государевою рукою. Однажды говорилъ со мною гетманъ: какъ бы царское величество изволилъ той стороны Днѣпра гетмана Петра Дорошенка принять подъ свою высокую руку, то онъ бы Дорошенко былъ на той сторонѣ Днѣпра гетманомъ, а я на этой сторонѣ; Дорошенко бы ту сторону отъ непріятельскихъ людей оберегалъ, а эта сторона была бы въ мирѣ и тишинѣ, на сю сторону Дорошенко непріятелей не пускалъ бы». Неѣловъ объяснилъ и причину такой внезапной перемѣны въ отношеніахъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку: гетманъ, говорилъ онъ, ссылается тайно и безпрестанно съ Дорошенкомъ, на банкетахъ пьетъ здоровье Дорошенка и меня пить заставляетъ. Былъ гетманъ на банкетѣ у полковника Дмитрашки Райчи и говорилъ всей старшинѣ: «Видите вы, какая ко мнѣ великаго государя неизреченная милость: присланъ ко мнѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, и у него стрѣльцовъ въ полку съ 1000 человѣкъ». Старшина говорила: «еслибы не царская милость и не радѣнье батьки нашего и добродѣя, неотступнаго просителя государской милости ко всей украйнѣ, Артемона Сергѣевича Матвѣева, еслибы хотя мало присылка Танѣева запоздала, то быть бы въ украйнѣ большимъ бѣдамъ, должно быть ангелъ благовѣстилъ великому государю, что на эти лихіе часы, въ такихъ нашихъ смутныхъ бѣдахъ прислалъ своего посла, его пріѣздомъ все у насъ пошло хорошо по прежнему, и многія души освободились отъ невиннаго турбованія». Неѣловъ говорилъ Танѣеву: «если гетманъ станетъ пить по прежнему, то я боюсь бѣды; ключи городскіе у меня; кто откуда ни пріѣдетъ, гетманъ приказалъ мнѣ, распрося, посылать къ себѣ».

Когда въ Москвѣ получена была грамота Симеона Адамовича, то, поскакалъ въ Батуринъ Малороссійскаго приказа переводчикъ Григорій Колчицкій съ царскою грамотою къ гетману. Государь писалъ: «Нашего указа не бывало, чтобы Солонинѣ быть гетманомъ; мы никогда не назначимъ гетмана безъ челобитья всего войска Запорожскаго и безъ рады войсковой даже

и по смерти твоей. Солонина удержанъ въ Москвѣ для переговоровъ съ польскими послами.» Выслушавъ грамоту, гетманъ сказалъ: «Въ грамотѣ написано: государю вѣдимо учинилось, что я пребываю въ великомъ сомнѣніи на счетъ Солонины; а отъ кого вѣдимо учинилось—въ грамотѣ не сказано?—«Великому государю и мнѣ это неизвѣстно», отвѣчалъ посланный. Если слухъ пошелъ отъ Малороссіянъ, уйми ихъ по своимъ правамъ; если отъ Московскихъ ратныхъ людей, отпиши объ нихъ къ в. государю».—«О назначеніи Солонины, сказалъ гетманъ, слышалъ мой слуга въ Кіевѣ. Тотъ же слуга сказывалъ мнѣ, что жена Солонины разослала по Кіевскому полку листы, приказывая, чтобъ готовили стацію къ пріѣзду мужа ея. Я велѣлъ ей быть въ Батуринъ для допросу». При Колчицкомъ пріѣхала она въ Батуринъ и объявила, что ничего не слыхала и ни о чемъ не приказывала. Гетманъ велѣлъ отпустить ее въ Кіевъ. Посланный обнадеживалъ гетмана и на счетъ Кіева, что никогда не будетъ отданъ Полякамъ; гетманъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не сомнѣвается, но потомъ высказалъ новую причину неудовольствія на Москву: «Какая мнѣ и войску честь отъ великаго государя? на Глуховской радѣ постановлено, что при переговорахъ съ Поляками присутствуютъ посланцы войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ, а теперь на Москвѣ посланцевъ нашихъ и въ палату не пускаютъ. Войску Запорожскому отъ того безчестье и печаль великая!»—«Послѣ переговоровъ, отвѣчалъ Колчицкій, полковнику Солонинѣ и товарищамъ даютъ знать обо всѣмъ и отвѣтныя письма объявляютъ.»—«Какъ тому вѣрить? возразилъ гетманъ: показываютъ что написано русскимъ письмомъ: вольно что хотятъ написать; а намъ тутъ большое сомнѣніе.»—«Не одни русскіе письма показываютъ, но и польскія», отвѣчалъ посланный, увѣряя гетмана, что его служба и радѣнье не будутъ забвенны у великаго государя. «Еслибъ я мыслилъ зло, сказалъ гетманъ, то этихъ словъ не объявлялъ бы.» Но еще Колчицкій былъ въ Батуринѣ, какъ 20 февраля Неѣловъ далъ знать Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому, что въ Батуринѣ становится мятежно и чаетъ онъ бѣды: пришелъ въ Батуринъ Ворошиловскій полкъ и козаки этого полка разставлены по тѣмъ же дворамъ, гдѣ стоятъ стрѣльцы, и козаки говорятъ стрѣльцамъ непристойныя слова, отъ которыхъ и прежде была

біда. Самъ Ржевскій писалъ къ Кіевскому воеводѣ князю Козловскому, смѣнившему Шереметева, что сынъ Нѣжинскаго полковника Гвинтовки объявилъ ему, что гетманъ Демьянъ посылаетъ въ Кіевъ Стародубскій полкъ брата своего Шумейка да изъ Батурина Ворошиловскій полкъ. Ржевскій въ той же грамотѣ жаловался Козловскому, что Гвинтовка начинаетъ быть къ нему недобръ, и жители Нѣжинскіе не по прежнему ласковы. Пришелъ въ Кіевъ Гоголевскій попъ Исакій и объявилъ воеводѣ: былъ я въ Терехтемировскомъ монастырѣ и слышалъ отъ тамошняго игумена, что гетманъ Демьянъ и полковники разныхъ городовъ Переяславской (восточной) стороны часто списываются съ гетманомъ Дорошенкомъ отомъ, чтобы имъ не допустить государя до миру съ Польскимъ королемъ, а если государь отдастъ Кіевъ Польскому королю, то имъ соединиться всѣмъ съ обѣихъ сторонъ, за Кіевъ стоять и съ Поляками биться.

Въ Батуринъ опять поскакалъ только что возвратившійся оттуда Танѣевъ. Выслушавъ успокоительную царскую грамоту, гетманъ долго молчалъ, потомъ началъ: «Какъ мнѣ, начальнымъ людямъ и всему войску Запорожскому не имѣть опасенія, видя, что великій государь Кіевъ и эту сторону Днѣпра отдаетъ Ляхамъ въ вѣчную нестерпимую неволю, посрамленіе и безчестіе, церкви Божіи на унію, разореніе и запустѣніе, отдаетъ тайно, потому что во время переговоровъ въ Москвѣ нашимъ посланцамъ не позволили сидѣть въ посольской избѣ и вольныхъ голосовъ имѣть, держатъ ихъ на Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто королевскіе послы этого не хотятъ, называя ихъ своими холопями. Но это сдѣлали не королевскіе послы, а царскіе бояре, чтобы отдача Кіева и Малороссійскихъ городовъ была невѣдома войску Запорожскому. Этимъ войско запорожское на вѣки обезчещено; Поляки станутъ смѣяться надъ нами и въ хроники впередъ для спору напишутъ, что Москва козаковъ въ посольство не допустила. Когда ранятъ кого въ лобъ, то хотя рану и залѣчатъ, но знакъ ея до смерти останется: такъ и намъ этого безчестья вѣчно не забыть. А великій государь городъ Кіевъ и всѣ Малороссійскіе города не саблею взялъ, поддались мы добровольно для единой православной вѣры. Если Кіевъ, Малороссійскіе города, я и все войско Запорожское

великому государю не надобны, отдаетъ королю, то онъ бы воеводъ своихъ изъ этихъ городовъ велѣлъ вывести, мы сыщемъ себѣ другаго государя. И Брюховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ да не утерпѣлъ, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ: такъ и я, видя неправды великія, велѣлъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго городка оттгородить, а что отъ этого сдѣлается, Богъ вѣдаетъ. Да и время намъ искать другаго государя, кромѣ короля, а подъ королевскою рукою не будемъ, хоть до ссущаго младенца помремъ. Поляки хотятъ на московскія деньги идти на Дорошенка, усмирить его, и потомъ взять Кіевъ и Малороссійскіе города; но мы, войско обѣихъ сторонъ Днѣпра, соединясь съ Турскимъ войскомъ и съ Татарами, пойдемъ противъ польскихъ силъ, и хотя всѣ помремъ, а Кіева и Малороссійскихъ городовъ не дадимъ. Да и дожидаться не станемъ: послѣ Свѣтлаго Воскресенья пойдемъ въ Польское государство войною великимъ собраньемъ: Варшава и всѣ Польскіе городы не устоятъ, будутъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православія много, развѣ устоитъ Каменецъ Подольскій и то не надолго; ни одинъ Полякъ не останется, развѣ православной вѣры, и посполитые люди подъ державою Турскаго султана будутъ; а какъ надъ Польскимъ государствомъ что учинится, такъ и другому кому тоже достанется. Государь пишетъ, что списокъ съ договорныхъ статей пришлетъ съ полковникомъ Солониною: но я и все войско этимъ спискамъ не вѣримъ, чего глаза наши не видали и уши не слыхали. И такъ много ко мнѣ писемъ съ Москвы присылаютъ, только бумагою да ласковыми словами утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявляютъ, много съ Поляками договоровъ чинятъ, а границы не учинятъ; а Поляки мало по малу Малороссійскій край зaѣзжаютъ, полковникъ Пиво около Кіева все запустошилъ, людей побивалъ въ посадахъ. Гомельцы просятся къ войску Запорожскому, и мнѣ не принять ихъ нельзя, войско никого не отгоняетъ, да и время мнѣ свой разумъ держать. Писалъ я къ царскому величеству о Дорошенкѣ и Запорожцахъ; мнѣ даютъ знать, что съ отвѣтомъ скоро пріѣдетъ голова Московскихъ стрѣльцовъ Колупаевъ; но онъ присланъ будетъ не для тѣхъ дѣлъ, знаю я, для чего онъ пріѣдетъ, да пусть нездоровъ пріѣдетъ. И ты если еще ко мнѣ съ неправдою пріѣдешь, то будешь

въ Крыму, потому что и ты у Поляковъ набрался ихъ лукавыхъ нравовъ. Какъ Польскіе послы, набравшись на Москвѣ денегъ, пойдутъ въ свою землю на Смоленскъ или на другіе тамошніе города, то наши козаки эту казну съ ними раздѣлятъ; а хорошо, еслибы они пошли на Малороссійскіе города, тогда и намъ бы что-нибудь досталось». Получивши такой пріемъ, Танѣевъ бросился къ Неѣлову: тотъ подтвердилъ, что Демьянъ конечно соединился съ Дорошенкомъ, съ нимъ и съ его стрѣльцами обходится не по прежнему, на караулахъ велѣлъ стоять стрѣльцамъ съ убавкою, а которые ставились по форткамъ, тѣхъ велѣлъ свести. «Старшины, продолжалъ Неѣловъ, обозный Петръ Забѣла, судьи и полковникъ Дмитрашка Райча государю служатъ вѣрно, про всякія вѣдомости мнѣ знать даютъ; они говорятъ, что Демьянъ государю измѣнилъ, соединясь съ Дорошенкомъ, поддался Турскому султану, далъ Дорошенку въ помощь на войско 24,000 ефимковъ, во всѣхъ полкахъ помѣстилъ полковниками родню свою, братьевъ, зятей и друзей, и хочетъ сдѣлать также какъ и Брюховецкій; имѣніе свое изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Крупицкій монастырь и въ Сосницу; брату своему Василью велѣлъ большой Черниговъ отгородить отъ малаго городка, въ которомъ царскіе ратные люди, и шанцы сдѣлать, а имѣніе ему велѣлъ вывезть изъ Чернигова въ Седневъ; самъ Демьянъ хочетъ идти съ женою и дѣтьми изъ Батурина въ Лубны 15 марта. Наконецъ Многогрѣшный, призвавъ старшину, объявилъ, что государь къ нему пишетъ, всю старшину прислать въ Москву, а изъ Москвы разослать ихъ въ Сибирскіе города на вѣчное житье.»

Ночью на 8 марта Танѣевъ и Неѣловъ отправились къ Петру Забѣлѣ въ стрѣлецкихъ зипунахъ, съ бондолерами и бердышами. Тамъ, кромѣ хозяина, были судьи, Иванъ Домонтовичъ и Иванъ Самойловичъ и Дмитрашка Райча. Какъ увидали старшины Московскихъ людей, залились слезами и повели жалобную рѣчь: «Бѣда наша великая, печаль неутѣшная, слезы неутолимыя! По наученью дьявольскому, по прелести Дорошенковой, гетманъ забывъ страхъ Божій, и судъ Его праведный, царскую милость и жалованье, великому государю измѣнилъ, соединился съ Дорошенкомъ подъ державу Турскаго султана. Посылалъ гетманъ къ Дорошенку совѣтниковъ своихъ чернецовъ, и

Дорошенко при нихъ присягнулъ ему, а черносы присягнули Дорошенку за гетмана; потомъ Дорошенко прислалъ къ гетману Спасовъ образъ съ своими посланцами, и гетманъ клялся при нихъ, и посланцы дали ему клятву за Дорошенка. Послѣ этой присяги гетманъ послалъ Дорошенку въ помощь, на жалованье войску, 24,000 ефимковъ. Къ намъ, старшинѣ гетманъ сталъ безмѣрно жестокъ, не дастъ ни одного слова промолвить, бьетъ и саблею рубитъ, во всѣхъ полкахъ подѣлалъ полковниками и старшиною все своихъ братьевъ, затей, друзей и собесѣдниковъ. Говоритъ, будто послалъ Ворошиловъ полкъ по вѣстямъ къ Днѣпру; но послалъ онъ его не къ Днѣпру, а въ Лубны къ зятю своему и велѣлъ поставить на Чигиринской дорогѣ; во всѣ полки разослалъ универсалы, будто Татары вышли къ Дорошенку и изо всѣхъ мѣстъ велѣлъ идти въ осаду, точно такъ же, какъ и Брюховецкій дѣлалъ. Имѣніе свое все изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Крупицкій монастырь, а изъ монастыря въ сотницу; самъ съ женою и дѣтьми хочетъ идти въ Лубны 15 марта, а славу пускаетъ, будто идетъ въ Кіевъ молиться; насъ, старшину возьметъ съ собою; мы боимся, какъ только насъ изъ Батурина вывезетъ, велитъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ; да и то опасно: какъ поѣдетъ изъ Батурина, велитъ послѣ себя по воротамъ стать мужикамъ силою, стрѣльцы пустить ихъ не захотятъ, и оттого начнется задоръ, кровопролитіе великое, что и будетъ началомъ войны. Стрѣльцовъ въ Батуринѣ мало, да и тѣ худы, надѣяться на нихъ нельзя. Неѣлова, выманя за городъ, не связалъ бы и въ Крымъ не отдалъ; давно бы онъ надъ нимъ и надъ стрѣльцами сдѣлалъ дурно, да мы по сіе время берегли. Да и насъ отпуститъ ли, а если и отпуститъ, то въ Королевцѣ и Глуховѣ будутъ обыскивать писемъ. Степана Гречаного, который былъ въ Москвѣ съ полковникомъ Солониною, заведши въ комнату, привелъ къ присягѣ, что быть съ нимъ заодно, и велѣлъ ему писать то, чего отнюдь на Москвѣ не бывало, чтобъ этимъ отвратить украйну отъ государя. Однажды гетманъ созвалъ къ себѣ всѣхъ насъ и говорилъ: царское величество издавна пишетъ ко мнѣ, чтобъ я всю старшину прислалъ въ Москву, а изъ Москвы хочетъ сослать въ Сибирь на вѣки; мы ему въ этомъ не вѣримъ: затѣваетъ онъ своимъ злымъ умысломъ. Какъ бу-

детъ въ Лубнахъ и Сосницѣ, сберетъ къ себѣ всю старшину и духовныхъ, прочтетъ имъ письма Степана Гречанаго, также объ отсылкѣ всей старшины въ Сибирь и станетъ говорить: «Видите, какъ Москва обманчива; что намъ отъ нихъ добраго ждать?» Въ Лубны Дорошенко пришлетъ къ нему Татаръ, а послѣ и самъ гдѣ-нибудь съ нимъ увидится.» Райча объявилъ: «Призывалъ меня гетманъ ночью и велѣлъ цѣловать Спасовъ образъ, что быть съ нимъ заодно и государевыхъ ратныхъ людей побивать, послѣ чего подарилъ мнѣ свой лукъ. Я эту присягу въ присягу не ставлю, потому что присягалъ неволею, убоясь смерти, да и не по правдѣ.» — Старшины просили, чтобы Танѣевъ передалъ все это Матвѣеву, а тотъ бы доложилъ государю: чтобы великій государь не отдалъ отчины своей злохищному волку въ разоренье, изволилъ въ Путивль прислать на снѣгъ самыхъ выборныхъ конныхъ людей, человѣкъ 400 или 500, а къ нимъ прислать свою милостивую обнадеживательную грамоту. Они и Неѣловъ дадутъ ратнымъ людямъ знать, чтобы прибѣжали въ Батуринъ на снѣхъ: можно на Конотопъ поспѣть ободву ночь; но еще до ихъ пріѣзда они свяжутъ волка и отдадутъ Неѣлову, а когда пріѣдутъ ратные люди, отошлютъ съ ними въ Путивль и, написавъ всѣ его измѣны, повезутъ къ великому государю сами. Вся бѣда чинится отъ совѣтниковъ его, протопопа Симеона Адамова, есаула Павла Грибовича, Батуринскаго атамана Еремѣя, а промышленникъ во всемъ Нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Больше всѣхъ ссорщикъ протопопъ Семенъ: посылаетъ его гетманъ на Москву для провѣдыванія всякихъ вѣстей, а тотъ, желая его удобрить, сказываетъ ему то, чего не бывало. «Глуховскія статьи становилъ я, сказалъ Забѣла, въ нихъ написано: духовнаго чина въ посольствѣ не посылать и не принимать, и именно Нѣжинскаго протопопа Семена Адамова. Если сего злохищника Многогрѣшнаго Богъ предастъ въ руки наши, то чтобы великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ быть гетманомъ боярину Великороссійскому, тогда и постоянные будетъ; а если гетману быть изъ Малороссійскихъ людей, то никогда добра не будетъ».

Между тѣмъ виновники всего зла, по словамъ старшины, протопопъ Симеонъ Адамовичъ и есаулъ Грибовичъ отправили свое посольство въ Москвѣ, подали информацію отъ Демьяна Игнато-

вича: гетманъ просилъ о размежеваніи Малороссіи съ Литвою; жаловался, какъ смѣли польскіе послы не пустить козацкихъ посланцевъ къ засѣданію при переговорахъ: «Время господамъ Ляхамъ перестать съ нами такъ обращаться, потому что съ такимъ же ружьемъ, съ такими же саблями и на такихъ же коняхъ сидимъ, какъ и они; пусть знаютъ, что еще не засохли тѣ сабли, которые насъ освободили отъ холопства и отъ тяжкой неволи. Молимъ царское величество, чтобы господа Ляхи не смѣли больше называть насъ своими холопами. Довольно нашего терпѣнія! Польскій полковникъ Пиво пустошитъ хутора Кіевскіе, захватилъ шесть человѣкъ и куда дѣвалъ—неизвѣстно; мы послали бывшаго Черниговскаго полковника Лысенка въ Кіевъ; тотъ обратился къ воеводѣ, князю Козловскому съ просьбою о помощи: «Не могу тебѣ помочь, отвѣчалъ воевода, потому что отъ царскаго величества задирать Поляковъ указа не имѣю». Посланные должны подать царскому величеству роспись убытковъ, причиненныхъ Пивомъ, и спросить, неужели гетману и войску оставаться долѣе въ такомъ смущеніи?

Смущеніе кончилось, ибо Забѣла съ товарищами исполнили свое обѣщаніе: въ ночь на 13 марта они схватили Многогрѣшнаго и отправили въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Карпомъ Мокріевичемъ. Братья Многогрѣшнаго Василій и Шумейка, услыхавъ о судьбѣ гетмана, скрылись. 6 апрѣля тайно пришелъ къ Кіевскому воеводѣ, князю Козловскому Кіевобратскаго монастыря ректоръ игуменъ, Варлаамъ Ясинскій, и сталъ умолять, чтобы о его извѣтѣ не свѣдали Малороссійскіе духовные и мірскіе люди. Воевода обѣщалъ глубокую тайну, и Варлаамъ началъ: «Пришли ко мнѣ два монаха и показали проѣзжій листъ отъ игумена Максаковскаго монастыря Ширкевича и сказали, что пришли за своими дѣлами, я ихъ отпустилъ уже изъ кельи; но одинъ изъ нихъ вернулся и началъ меня упрашивать: умилосердись, отецъ ректоръ, вели меня проводить до Печерскаго монастыря, чтобы меня Московскіе люди, Кіевскіе козаки и жители не опознали: я гетмана Демьяна братъ, Василій Многогрѣшный! Теперь онъ у меня».—Воевода сейчасъ же послалъ захватить бѣглеца въ Братскомъ монастырѣ и привесть въ приказную избу, гдѣ его допросили и отправили въ Москву.

Здѣсь, ничего не зная, отпустили въ началѣ марта гетманскихъ посланцевъ, протопопа Симеона Адамовича и Грибовича и вмѣстѣ съ ними отправили обѣщаннаго стрѣлецкаго голову Михайла Колупаева. 15 марта Колупаевъ подъѣзжалъ къ Сѣвску, какъ на встрѣчу ему прискакалъ стрѣлецъ отъ Сѣвскаго воеводы и подалъ письмо: воевода увѣдомлялъ, что пригналъ къ нему гонецъ изъ Путивля съ вѣстію: гетмана Демьяна скованнаго привезли въ Путивль генеральный писарь Карпъ Мокріевъ, да полковники Рословецъ и Райча, и везутъ къ великому государю, обвиняя въ измѣнѣ. Колупаевъ отвѣчалъ воеводѣ, чтобы онъ постарался задержать въ Сѣвскѣ протопопа Адамовича съ товарищами, подъ предлогомъ недостатка подводъ, пока не объяснится гетманское дѣло, да послалъ бы воевода поскорѣе въ Малороссію провѣдать про это дѣло. Хитрость не удалась: когда воевода объявилъ Адамовичу, что подводъ нѣтъ, то на другой день протопопъ съ товарищами пришелъ и сказалъ, что подводы они сами себѣ собрали и поѣдутъ напередъ одни. — «Нельзя вамъ однимъ ѣхать, говорилъ Колупаевъ, грамота къ гетману у насъ съ вами одна». Тутъ Грибовичь съ товарищами начали кричать и порываться изъ избы вонъ: «Поѣдемъ одни, ждать васъ не будемъ!» Колупаевъ принужденъ былъ объявить имъ, что про гетмана пришли не добрые слухи и потому надобно подождать вѣстей подлинныхъ. — «Отъ гетмана мы никакого дурна нечаемъ, отвѣчали козаки, еслибы онъ хотѣлъ сдѣлать что дурное, то бы насъ съ протопопомъ къ великому государю не посылалъ». Съ этими словами Грибовичь съ товарищами вышли, но Адамовичь остался и началъ разсказывать, что дѣйствительно гетманъ съ нѣкотораго времени началъ быть не по прежнему: «мнѣ гетманъ велѣлъ доовѣдыватся подлинно въ Москвѣ, будутъ ли отданы Малороссія и Кіевъ королю? и если это правда, то онъ хотѣлъ послать тотчасъ же войско для занятія Гомеля. Когда я его спрашивалъ: на кого онъ надеженъ? то онъ мнѣ отвѣчалъ: «на того же, на кого и Дорошенко; Брюховецкій згинулъ за правду, пусть и я згину также; Нѣжинъ помину, въ Переяславлѣ Московскихъ людей мало, Черниговъ осажду, а самъ пойду до Калуги». На Запорожье послалъ 6000 талеровъ, чтобы Запорожцы были ему послушны. Теперь слухъ есть, что гетмана

скованнаго везутъ въ Москву, и мнѣ въ Нѣжинѣ жить не зачѣмъ, буду государю бить челомъ, чтобы жить мнѣ въ Москвѣ».—Живи по прежнему въ Нѣжинѣ и служи великому государю правдою по прежнему», сказалъ Колупаевъ. — «И въ Брюховецкаго измѣну много мнѣ было мученья, имѣніе потерялъ; мы съ Райчею Спасовъ образъ поцѣловали на томъ: если гетманъ Демьянъ измѣнитъ, то намъ совсѣмъ уѣзжать въ Путивль». 17 марта пріѣхали въ Сѣвскъ Карпъ Мокріевичъ и полковникъ съ своимъ колодникомъ, и 19-го Колупаевъ и Адамовичь поѣхали съ ними въ Москву. Въ Москвѣ распорядились: 17 марта разосланы были въ разныя мѣста ратные люди для провѣдыванія всякихъ вѣстей, слушать и разсматривать въ козакахъ и мѣщанахъ, какія отъ нихъ мысли и слова станутъ исходить за то, что гетманъ взятъ, и впредь чего отъ нихъ чаять и каковы вѣрностію великому государю? Возвратившись, посыльщики сказали одни рѣчи: козаки, мѣщане и вся чернь великаго государя державѣ рады, за гетмана никто не вступается, говорятъ и про всю старшину, что имъ, черни стало отъ нихъ тяжело, притѣсняютъ ихъ всякою работою и поборами; ни одинъ гетманъ такъ ихъ не тяжелилъ и въ порабощенье старшинамъ и союзникамъ своимъ не выдавалъ какъ нынѣшній Демка; да и впередъ отъ старшинъ своихъ того же чаютъ, и хвалятъ прежнее воеводское владѣнье: въ то время имъ легко было; а не залюбили воеводскаго владѣнья старшина, что не панами стали; привели ихъ старшина неволею къ смутѣ, напугали Татарами; а теперь сколько Татарами и Поляками ни пугали, не повѣрили. Про старшину говорятъ: только бы не опасались ратныхъ людей великаго государя, то всю бы старшину побили и пограбили; а больше всѣхъ недовольны Нѣжинскимъ полковникомъ Гвинтовкою, Василіемъ и Савою Многогрѣшными, Переяславскимъ полковникомъ Стрыевскимъ, Черниговскими сотниками — Леонтіемъ Полуботкомъ и Василіемъ Бурковскимъ, бывшимъ полковникомъ Дмитрашкою Райчею. Про генеральнаго судью Ивана Самойлова и про генеральнаго писаря Карпа Мокрѣева ничего добраго не носится. Про писаря говорятъ, что давно за гетманомъ измѣну вѣдалъ; а какъ пришла причина на гетмана явная, то и началъ выносить на гетмана, а до явной причины писарь ничего не объявилъ.

25 марта подъячій Алексѣевъ поѣхалъ въ Батуринъ къ старшинѣ съ милостивымъ словомъ; на дорогѣ многіе Черкасы ему говорили: «Чтобы царскому величеству прислать къ намъ своихъ воеводъ, а гетману у насъ не быть, да и старшихъ бы всѣхъ перевесть: намъ было бы лучше, разоренья и измѣны ни отъ кого не было бы; а то всякій старшина, обогатясь, захочетъ себѣ панства и измѣняетъ, а наши головы гинутъ напрасно». Черезъ 2 дня по отъѣздѣ Алексѣева изъ Москвы, 28 марта привезли туда Демьяна Игнатова, и генеральный писарь Карпъ Ивановичь Мокрѣевъ разсказывалъ: 14 марта Демко сбирался идти изъ Батурина со всею старшиною и съ Григорьемъ Неѣловымъ, говорилъ, будто идетъ по обѣщанію въ Кіевъ молиться; но Ворошиловъ полкъ стоялъ въ Ичнѣ на готовѣ, да и Волошской хоругви, которая, стояла въ Ольшовкѣ, велѣлъ идти къ себѣ же; собравшись со всѣмъ войскомъ, хотѣлъ онъ остановиться въ Лубнахъ недѣли на двѣ, чтобы въ это время ссылаться съ Дорошенкомъ. Мы, старшина, видя, что онъ Демка великому государю конечно измѣнилъ, насъ хотѣлъ побить до смерти, обознаго Петра Забѣлу и судью Ивана Домонтова отдать въ неволю къ Дорошенку; думая, что и Неѣлову съ стрѣльцами добра никакаго не будетъ, потому что Демка въ глаза сказалъ Неѣлову, что отсѣчетъ ему голову съ бородою;— видя все это, мы ночью на 13-го марта пришли въ малый городокъ и около гетманскаго двора тайно разставили стрѣльцовъ на сторожу, потомъ, собравшись съ ружьемъ, вошли къ нему въ хоромы тайно же, а онъ въ ту пору спалъ; полковникъ Дмитрашка первый вошелъ къ нему въ спальню, и въ темнотѣ сталъ спрашивать, гдѣ тутъ Демка? тотъ проснулся, вскочилъ съ постели и сталъ было обороняться; но тутъ мы всѣ вошли, взяли его силою и отвели на дворъ къ Григорью Неѣлову. Здѣсь, у Григорья въ избѣ Демка рвался къ ружью, хотѣлъ съ нами биться; но я, до ружья его не допустя, поранилъ его въ плечо изъ пистолета; отъ этой раны Демка сѣлъ; тутъ мы его сковали и въ малый городъ привели. Онъ Демка передо всею старшиною говорилъ: «Соберу тысячь съ шесть войска конныхъ добрыхъ людей и пойду на великороссійскіе города войною; а больше того войска мнѣ не надобно, будетъ мнѣ въ помощь ханъ Крымской по веснѣ какъ трава пойдетъ: тогда поймаю

Артема за волосы и знаю, что надъ нимъ сдѣлаю».—Братство и сватовство у него съ Дорошенкомъ ближнее, потому что Дорошенко сговорилъ дочь свою за роднаго его племянника Мишку Зиновьева, сватовство шло черезъ Куницкаго. Турскаго султана хвалилъ онъ Демка безпрестанно; говорилъ: лучше мнѣ быть подъ Турскимъ, чѣмъ подъ Московскимъ царемъ; говорилъ всей старшинѣ, будто Москва неправдива и хочетъ съ Ляхами насъ всѣхъ Малороссіянъ посѣчь, а города запустошить, будто государь для этого посѣченія далъ Полякамъ много денегъ; говорилъ: я самъ Московскимъ людямъ дамъ отпоръ своею храбростію, какъ Александръ Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я Демьянъ не меньше его, опустошу Московское государство, какъ и Александръ воевалъ грады». Я ему говорилъ: попомни Бога и присягу, для чего отступать? Лиха никакого мы не видали, живемъ во всякой вольности; подожди, какъ воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ.—«Я все знаю, отвѣчалъ мнѣ Демка: нечего ждать! не хочу быть подъ царемъ; хоть пріѣзжай кто изъ Москвы да весь Батуринъ наполни богатствомъ, мнѣ ничего ненадобно»!

Генеральный писарь подалъ на бумагѣ: «Слова недостойныя, которыя изъ устъ бывшаго гетмана Демьяна исходили противъ высокаго престола Его царскаго величества: 1) великимъ постомъ въ своемъ домѣ говорилъ старшинѣ о межеваньѣ: видите, каково царское желательство къ намъ: пустилъ Ляхамъ всю украйну, учиня границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до Путивля. 2) Говорилъ намъ: подлинно я слышалъ отъ капитана, живущаго въ Черниговѣ, а тотъ слышалъ отъ самого царскаго синклита, велѣли этому капитану сказать мнѣ: тебѣ приготовлено въ царскихъ слободахъ пять сотъ дворовъ крестьянскихъ, только ты намъ выдай всю старшину и подначальныхъ людей украинскихъ. Когда мы отвѣчали ему: подожди отца протопопа, какая милость государская будетъ? то онъ сказалъ намъ: бороды у васъ выросли, а ума не вынесли. 3) Петру Забѣлѣ наединѣ говорилъ: заблаговременно надобно намъ постараться о другомъ государѣ, а отъ Москвы намъ добра нечего надѣяться. 4) Судьѣ Самойловичу говорилъ: видишь, что чинится: Ляхи намъ непріятели, а Москва имъ деньги на 30,000 войска дала, а какъ придется платить Турку, то заплатятъ нами; надобно заранѣе

позаботиться о сильнѣйшемъ государѣ, какъ Заднѣпровье сдѣлало. 5) Прошлую осенью, взявши клятву съ Андрея Мурашки хранить тайну, говорилъ: увидишь, что я Москвѣ сдѣлаю? увидишь мою саблю въ крови Московской; я ихъ и за столицу загоню, только вы будьте при мнѣ неотступны. 6) Передъ масляницею говорилъ Дмитрашкѣ Райчѣ: у меня есть указъ самого царя рубить Москву. 7) Говорилъ: вы не знаете, въ какой чести царь Московскій и король Польскій у султана Турскаго: королю Польскому запретилъ называться цѣлымъ королемъ, а только короликомъ, а Московскому велѣлъ сказать, что онъ также его уважаетъ, какъ чернаго Татарина. 8) Всѣ слова его досадительныя страшно вспомнить: тогда слыша и теперь пишучи, члены наши трясутся.

Въ слѣдъ за этимъ извѣтомъ старшина прислали другой: разсказъ Батуринскаго сотника, Григорья Карповича, посыланнаго Многогрѣшнымъ къ Тукальскому вмѣстѣ съ посланцемъ послѣдняго, Семенемъ Тихимъ: «Какъ мы пріѣхали въ Каневъ, разсказывалъ Григорій, то пошли къ митрополиту, и Семенъ положилъ передъ нимъ на столѣ икону, которую возилъ въ Батуринъ. Митрополитъ, поцѣловавши икону, спросилъ Семена: «Что тамъ добраго учинили?» — «Зачѣмъ былъ посланъ, все исполнилъ вашими молитвами», отвѣчалъ Семенъ. Тутъ Іосифъ подошелъ ко мнѣ и взявши за пуговицы, сказалъ: «Давно бы такъ, господинъ сотникъ, надобно было поступить вашему гетману: сами хорошо знаете: при комъ ханъ, тотъ и господинъ; у султана столько силы, что и Полякамъ и Москвѣ дастъ себя знать, не только имъ на насъ не придется наступить, и своихъ городовъ не оборонятъ; а теперь еще болѣе испугаются когда наши гетманы въ неразрывномъ пріятствѣ пребываютъ». — «Если бы, писали старшина государю, еслибы мы выписывали всѣ доказательства Демковой измѣны, то не умѣстили бы всего не только на листѣ бумаги, но и на воловьей кожѣ». Лазарь Барановичь также разсказывалъ присланному къ нему стольнику Самарину: «Какъ скоро я узналъ, что Демка ссылается съ Дорошенкомъ, то писалъ къ нему, чтобы онъ эти ссылки прекратилъ и въ Кіевопечерскій монастырь молиться не ѣздилъ; онъ, прочтя мою грамоту, бросилъ ее по столу, и сказалъ моему посланцу: «зналъ бы архіепископъ свой клобукъ!»

14-го апрѣля бояре и думные люди съѣхались въ посольской приказъ распрашивать Демку Игнатова объ его измѣнѣ и кто съ нимъ въ той измѣнѣ совѣтовалъ?—«Я великому государю измѣнить не хотѣлъ, отвѣчалъ Демьянъ: служилъ я ему вѣрно, за Сожу не заѣзжалъ, полковниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины; въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по письму Печерскаго архимандрита, что отъ Ляховъ насиліе и разореніе; я посылалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Козловскому, чтобы онъ оборонилъ Печерскихъ людей отъ Поляковъ, но писарь Карпъ присовѣтовалъ мнѣ самому идти въ Кіевъ съ обозомъ. Съ Дорошенкомъ ссылался я о томъ, чтобы онъ на этой сторонѣ никому обидъ не дѣлалъ; къ Сожѣ посылалъ я по совѣту полковниковъ и всѣхъ начальныхъ людей, а больше писаря Карпа Мокрѣева; я хотѣлъ одного: сдѣлать рубежь по Сожу».—«Ты хотѣлъ сдѣлать рубежь по Сожу—хорошо! говорили бояре; но зачѣмъ же ты хотѣлъ овладѣть Гомелемъ? вѣдь Гомель за Сожею»!—«Въ томъ воля великаго государя, отвѣчалъ Демьянъ: хотя Гомель и за Сожею, но во время польской войны отъ него было Малороссійскимъ жителямъ великое утѣсненіе, поэтому я и велѣлъ было его заѣхать; еслибы впередъ была съ Поляками война, то Малороссійскимъ жителямъ было бы отъ Гомеля обереженье великое, потому что онъ стоитъ надъ самою рѣкою Сожею».

Демьяна спросили: «зачѣмъ онъ говорилъ царскому посланцу, что пусть бы уже государь ихъ всѣхъ отдалъ королю и прочее»?—«Никогда не говорилъ», отвѣчалъ Многогрѣшный? Позвали посланца, и Демьянъ на очной ставкѣ повинился: «Говорилъ я это пьянымъ обычаемъ, безпамятствомъ своимъ», сказалъ онъ. Бояре спросили о рѣчахъ его къ Танѣеву; Демьянъ заперся: «Я ничего этого не говаривалъ; а говорилъ писарю Карпу; «вотъ великій государь обрадовалъ насъ своею грамотою на счетъ Кіева»; а писарь мнѣ сказалъ: «Не всему вѣрь, держи свой разумъ; не такъ бы сдѣлали, какъ прежде: прислана была царская грамота къ Брюховецкому, войско Запорожское обнадежили, а послѣ того князь Данила Великаго-Гагинъ съ войскомъ высланъ, Золотаренка, Самка, Силича побилъ». Слыша такія рѣчи отъ писаря, началъ я быть въ сомнѣніи и въ опасеніи отъ войскъ царскихъ; въ томъ передъ великимъ государемъ виноватъ, а измѣнять не хотѣлъ».

«Для чего жь ты такихъ рѣчей на писаря старшинѣ и всему войску не объявилъ и къ царскому величеству не писалъ? спросили бояре: да и какое тебѣ было опасенье! Развѣ ты не знаешь, что князь Великого-Гагинъ Золотаренка и Самка не билъ, а былъ съ войскомъ на радѣ, потому что безъ царскаго войска вы бы на радѣ передрались?»—«Я человѣкъ простой и неграмотный, отвѣчалъ Демьянъ: а къ царскому величеству не писалъ спроста, думая, что писарь говорилъ правду, остерегая меня: виноватъ.» Тутъ поднялся свидѣтель, протопопъ Симеонъ, очутившійся опять въ Москвѣ: «Когда я ѣхалъ въ Москву, сказалъ онъ, то говорилъ ему не однажды, укрѣплялъ, чтобы держался милости царской, напоминалъ, какъ Брюховецкій измѣнилъ и что съ нимъ послѣ того случилось, а онъ мнѣ на это сказалъ: «Поѣзжай только въ Москву: вотъ тамъ тебя въ Москвѣ посадятъ!» Демьянъ повинился.

Спрашивали: зачѣмъ перемѣнилъ обращеніе съ Неѣловымъ, зачѣмъ велѣлъ убавить стрѣлецкіе караулы?—«Самъ собою убавлять стрѣлецкихъ карауловъ я не приказывалъ, отвѣчалъ Демьянъ. Дѣло вотъ какъ было: однажды шелъ я въ церковь и спросилъ, есть ли караульщики? Мнѣ отозвались, что стоятъ два пятидесятника и съ ними стрѣльцовъ человѣкъ со сто. Я спросилъ, нѣтъ ли имъ скудости въ кормахъ? Въ кормахъ нѣтъ скудости никакой, отвѣчали они, только безпокойство великое отъ карауловъ. Я поговорилъ объ этомъ съ головою Неѣловымъ, и велѣлъ съ караулу стрѣльцовъ понемногу убавить. Разговаривать съ Неѣловымъ я никому не заказывалъ и присматривать за нимъ не велѣвалъ».

На вопросъ о сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и о перемѣнѣ полковниковъ отвѣчалъ: «Чернецовъ къ Дорошенку я объ измѣнѣ не посылывалъ, а присылалъ ко мнѣ Дорошенко козака Сеньку Тихонова, потому что Крымскіе татары на сей сторонѣ въ Лубнахъ взяли малороссійскихъ жителей; Дорошенко Татаръ этихъ разбилъ, полонъ отнялъ и возвратилъ на свои мѣста. 24,000 ефимковъ я къ Дорошенку не посылывалъ и посылать было мнѣ нечего, потому что съ начала гетманства и двухъ тысячь левковъ въ собраньѣ у меня никогда не бывало. А полковниковъ и другихъ урядниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины.»

— Зачѣмъ говорилъ старшинѣ, что царь требуетъ ихъ въ Москву для отсылки въ Сибирь? зачѣмъ велѣлъ Гречаному писать то, чего на Москвѣ не бывало? заставлялъ ли ночью Димитрашка Райчу присягать, что будетъ съ нимъ заодно? посылалъ ли игумена Ширковича въ Варшаву?» — На все отвѣтъ отрицательный.

Явился на очную ставку Александръ Танѣевъ и началъ уличать Демьяна по своему статейному списку. Обвиненный по прежнему отрекся отъ всего. Но когда началъ уличать его протопопъ Симеонъ, что онъ ссылался съ Дорошенкомъ, то Многогрѣшный отвѣчалъ: «Передъ великимъ государемъ я виноватъ, протопоповымъ рѣчамъ я не внималъ.»

Бояре начали распрашивать съ великимъ пристрастіемъ, чтобы Демьянъ вину свою принесъ, сказалъ правду, какъ съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ ссылался, кто про ихъ совѣтъ вѣдалъ и на чемъ у нихъ положено? если же не скажетъ, то будутъ пытать. Демьянъ повторилъ, что никогда не думалъ объ измѣнѣ, съ Дорошенкомъ ссылался о любви и дружбѣ, чтобы тотъ не приходилъ войною на этотъ берегъ, и Дорошенко его къ Турскому не подговаривалъ. «Вина моя одна, что я говорилъ неистовыя рѣчи въ безпамятствѣ, пьянствомъ,» прибавилъ онъ. — «Еслибы у тебя мысли объ измѣнѣ не было, сказали бояре, то ты бы всѣ Дорошенковы грамоты присылалъ къ великому государю.» — «Я человѣкъ простой и безграмотный, отвѣчалъ Демьянъ: положено все это на войсковаго писаря; я всѣ грамоты приказывалъ посылать къ царскому величеству; но писарь не посылалъ, умысля съ старшиною на меня, чтобы отлучить меня отъ милости царскаго величества и измѣну на меня положить; у нихъ у старшихъ всегда такъ ведется, какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое зло, тотчасъ къ тому его приведутъ; а я человѣкъ простой, ссылался съ Дорошенкомъ по его лести, а измѣны я никакой не мыслилъ.»

Сдѣланъ былъ новый распросъ у пытки, и тотъ же отвѣтъ, что измѣны никакой не мыслилъ. Тутъ началъ говорить Батуринскій атаманъ Ерема Андреевъ: «Когда Демка посылалъ меня къ Дорошенку, то приказывалъ сказать ему, что двое за одинъ кожухъ торгуются; я его спросилъ, что это значитъ? и онъ мнѣ отвѣчалъ, что Дорошенко это слово знаетъ, только

скажи такъ.»—«Я объ этомъ не приказывалъ и не помню,» отвѣчалъ Демьянъ. Повели къ пыткѣ, дали 19 ударовъ. — «Я про измѣну свою только на словахъ говорилъ, винился Демьянъ, но съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ не ссылался; кожухъ, о которомъ я съ Еремою приказывалъ, значитъ то, что Поляки хотятъ Кіевъ взять, а царское величество отдать не хочетъ. Еслибы Поляки ссоръ дѣлать не перестали, то я Гомель принять хотѣлъ, но про ту мою измѣну никто не вѣдалъ и въ совѣтѣ со мною не былъ, думалъ я одинъ.» Тутъ же распоряжались съ Матвѣемъ Гвинтовкою: клали его руки въ хомутъ и распрашивали про Демкову измѣну: Гвинтовка отвѣчалъ, что ничего не зналъ и самъ служилъ вѣрно. На второй пыткѣ Демьянъ говорилъ тѣ же рѣчи. Спросили о сношеніяхъ съ Тукальскимъ: «Какъ шелъ Паисій патріархъ Александрійскій изъ Москвы на Малороссійскіе города, то братъ мой Васька билъ челомъ ему и архіепископу Лазарю Барановичу о разрѣшеніи въ убійствѣ жены и о позволеніи жениться на другой; патріархъ и епископъ простили его и жениться позволили, только велѣли дать въ церковь милостыню; и онъ архіепископу Лазарю да митрополиту Тукальскому послалъ по лошади. Ко мнѣ митрополитъ писалъ, чтобы позволено было ему брать дань съ церквей Кіевской области, и я ему въ томъ отказалъ.»

6 мая Артамонъ Матвѣевъ и думный дьякъ Богдановъ распрашивали гетманова брата Василія Многогрѣшнаго, есаула Павла Грибовича и Дорошенковыхъ посланцевъ. Василій Многогрѣшный отвѣчалъ, что ничего не вѣдаетъ. Но ему показали собственное его письмо къ наказному полковнику Леонтію Полуботку, въ которомъ онъ приказывалъ распорядиться съ какимъ-то Московскимъ подъячимъ: «Этого подъячаго, писалъ Василій, вынувъ изъ тюрьмы и давъ вину, надгнети животомъ, а кіями не бей, чтобъ не было синяковъ, но такъ подержи въ рукахъ, чтобы не забылъ до вѣка; будь въ томъ надеженъ, ничего тебѣ за это не будетъ, только не води его къ себѣ, а ночью пусть сторожа обвинятъ его, что хотѣлъ уйти.»—«Виноватъ, отвѣчалъ Василій, такой листъ писалъ, потому что подъячій досадилъ намъ своими словами, до начала войны Брюховецкаго говорилъ самому гетману: «Самковы кафтаны мы носили, не заканваемся и ваши носить.»

—«Если ты, спросилъ Матвѣевъ, за братомъ своимъ измѣны никакой не зналъ и самъ не хотѣлъ измѣнять, то зачѣмъ свое полковничество покинулъ, изъ Чернигова побѣжалъ и монашеское платье на себя надѣлъ?»—«Виноватъ, отвѣчалъ Василій; а побѣгъ мой учинился отъ того: въ недавнемъ времени писалъ я къ брату, что Черниговскій воевода безпрестанно проситъ лѣсу на городовое строенье, городъ починилъ и бои подѣлалъ, что государевы ратные люди стали насъ опасаться и осадою крѣпиться, да и про то стало слышно, что начальные люди пули льютъ; сказывалъ мнѣ шляхтичь Половецкій, выходецъ съ той стороны, что государевы ратные люди пули льютъ, хотятъ съ козаками войну начинать. Я писалъ объ этомъ къ брату и самого Половецкаго къ нему послалъ. Братъ прислалъ ко мнѣ выростка Ивашку сказать, чтобы я съ Черниговскимъ воеводою и государевыми ратными людьми задору никакого не дѣлалъ, а онъ Демьянъ ждетъ къ себѣ изъ Москвы протопопа Симеона да Михайлу Колупаева съ подлиннымъ указомъ, и чаетъ онъ, что Поляки ихъ съ царскимъ величествомъ ссорить и мутить больше не будутъ. Да тотъ же выростокъ Ивашка сказывалъ мнѣ тайно: пріѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ чернецъ и сказывалъ ему Ивашкѣ, будто гетмана Демьяна велѣно поймать и къ Москвѣ послать. На другой день приходитъ ко мнѣ полуполковникъ и зоветъ меня къ воеводѣ сурово, чтобы я ѣхалъ тотчасъ. Я, видя, что меня зовутъ не по прежнему обычаю, испугался и началъ догадываться, что брату моему, по чернецовой сказкѣ, не здорово. Осѣдлавъ лошадь, поѣхалъ было я въ городъ, а изъ города идетъ ко мнѣ на встрѣчу многая пѣхота съ ружьями и бердышами; я тутъ и пуще испугался и побѣжалъ. Прибѣжалъ въ монастырь Елецкой Богородицы и говорю архимандриту Голятовскому, что̀ мнѣ дѣлать? къ воеводамъ ѣхать или бѣжать дальше? Какъ себѣ хочешь, говоритъ архимандритъ: побѣги дальше, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего. Я за Десну въ Никольскій монастырь, покинулъ здѣсь лошадь свою и платье свое съ себя скинулъ, и надѣлъ монашескую раску. Изъ Никольскаго пришелъ въ Максаковскій монастырь къ игумену Ширкѣевичу; тотъ далъ мнѣ старца де челядника и велѣлъ проводить до Кіева Десною въ лодкѣ.»

Грибовичь отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, знаетъ только, что Демьянъ далъ Дорошенку взаймы 6,000 золотыхъ польскихъ. Про отставку полковника Дмитрашки Райчи знаетъ онъ вотъ что: слухъ пронесся, что Дмитрашка хочетъ передаться къ Ляхамъ или къ Дорошенку; Демка послалъ за нимъ своихъ челядниковъ, но Дмитрашка не поѣхалъ, заперся въ Барышевкѣ и говорилъ гетманскимъ посланцамъ: какъ погублены Самко и Золотаренко, также и со мною хотятъ сдѣлать! Тогда Демьянъ, взявши царскихъ ратныхъ людей и свои войска, пошелъ въ Нѣжинъ; выѣхавъ изъ Нѣжина, встрѣтилъ митрополита Сербскаго и посылалъ его къ Дмитрашкѣ въ Барышевку уговаривать; изъ Барышевки пріѣзжалъ къ гетману попъ съ Дмитрашковою женою бить челомъ за полковника. Демьянъ обнадежилъ ихъ и велѣлъ Дмитрашкѣ ѣхать къ себѣ безъ боязни. Но какъ Дмитрашка пріѣхалъ къ нему въ Басань, гетманъ велѣлъ его сковать и, привезши въ Батуринъ, отдалъ подъ караулъ, но потомъ по прозьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ и велѣлъ жить при себѣ въ Батуринѣ, а на его мѣсто послалъ Стрыевскаго. Стародубскаго же полковника Рославца перемѣнилъ по челобитью козаковъ и черни за его налоги, перемѣнилъ поговоря съ старшиною и послалъ на его мѣсто брата своего Шумѣйку.

Василій Многогрѣшный увѣрялъ, что онъ хотѣлъ остаться въ Кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, но старецъ Максаковскаго монастыря объявилъ, что Василій пробирался къ Тукальскому. Многогрѣшнаго опять взяли къ допросу: зачѣмъ утаилъ, что хотѣлъ ѣхать къ Тукальскому? — «Виноватъ, отвѣчалъ онъ, испугался, хотѣлъ я бѣжать къ митрополиту, чтобы онъ меня и отъ Дорошенка ухоронилъ и царскому величеству не выдалъ; а чтобы собравшись съ кѣмъ, войну вести противъ великаго государя — и въ мысляхъ у меня не было; да еслибы и хотѣлъ это сдѣлать, да не могъ, потому что какъ былъ-я на Запорожьѣ, съ Запорожцами ссорился, а при Дорошенкѣ писарь енеральный Войхеевичь великій мнѣ недругъ; не до войны было, лишь бы отъ бѣдъ великихъ голову свою ухоронить, хотѣлъ я, все покиня, постричься».

28-го мая на болотѣ за кузницами поставили плаху—будутъ казнить гетмана Демку Многогрѣшнаго и брата его Ваську.

Привезли преступниковъ и начали читать имъ вины, т. е. всѣ поданныя на нихъ обвиненія: «Ты, Демка, про все распрашиванъ и пытанъ, и во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился; а 20-го мая старшины со всѣмъ народомъ малороссійскимъ прислали челобитье, чтобы тебя казнить смертью въ Москвѣ, а для подлиннаго обличенья прислали Батуринскаго сотника Григорья Карпова, который отъ тебя къ Дорошенку образъ возилъ и присягалъ, что вамъ служить Турскому султану. Бояре и думные люди, слушавъ вашихъ распросныхъ рѣчей, приговорили васъ, Демку и Ваську, казнить смертью, отсѣчь головы». Демку и Ваську положили на плаху; но бѣжитъ гонецъ и объявляетъ, что великій государь, по упрошенью дѣтей своихъ, пожаловалъ, казнить Демку и Ваську не велѣлъ, а указалъ сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житье; бояре приговорили — сослать къ нимъ женъ ихъ и дѣтей. Таже участь постигла полковника Гвинтовку и есаула Грибовича. На другой день великій государь пожаловалъ, велѣлъ дать на милостыню Демкѣ 15 рублей, Васькѣ 10 рублей, Гвинтовкѣ и Грибовичу по 5; Многогрѣшнымъ отдана была и вся ихъ рухлядь, съ которою привезены въ Москву, нѣсколько очень не дорогихъ вещей. Семейство Многогрѣшнаго состояло изъ жены Настасьи, двоихъ сыновей — Петра и Ивана, дочери Елены и племянника Михайлы Зиновьева; съ ними поѣхали двѣ работницы. Съ Гвинтовкою отправилась жена его Ирина и двое сыновей, Еѳимъ и Ѳедоръ. Въ Тобольскѣ велѣно держать ссыльныхъ за крѣпкимъ карауломъ скованныхъ, а изъ Тобольска разослать по разнымъ острогамъ въ пѣшую козачью службу. Участь ссыльныхъ была отягчена вслѣдствіе бѣгства Грибовича. Тогда Многогрѣшнаго съ товарищами, вмѣсто того, чтобы послать по острогамъ въ козачью службу, велѣно держать скованныхъ въ тюрьмахъ «для того, говорилось въ указѣ, что они забыли страхъ Божій и нашу государеву милость, товарищъ ихъ Пашка Грибовичь изъ Сибири бѣжалъ».

Между тѣмъ еще 3-го мая пріѣхалъ въ Москву старый Черниговскій полковникъ Лысенко и привезъ грамоту: старшина писали, что во время праздниковъ воскресныхъ полковники, сотники и атаманы, будучи въ Батуринѣ, приговорили быть радѣ въ Конотопѣ, чтобы князю Ромодановскому съ товарищами не далеко было идти, и на радѣ быть полковникамъ, сотни-

комъ, старшинѣ войсковой и начальнымъ людямъ, не собирая всего войска, чтобы не встало смятенія въ многочисленныхъ толпахъ. Старшина давали также знать, что Иванъ Сѣрко, отдѣлясь отъ Ханенка, гетмана королевской милости, пріѣхалъ въ полкъ Полтавскій для всѣянія между народомъ бунтовъ; но полковникъ Жученко схватилъ его и прислалъ въ Батуринъ. Наконецъ старшина била челомъ объ указѣ Ромодановскому оборонять ихъ отъ своевольниковъ.

Князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ржевскому велѣно было отправиться въ Конотопъ на раду для гетманскаго обиранья; но въ началѣ іюня Ромодановскій далъ знать государю, что въ Батуринѣ между старшинами начинается безсовѣтство; да у Батурина стоятъ козаки таборомъ, и 26-го мая приходило ихъ человѣкъ 400 въ городъ къ старшинѣ и говорили: «Прежняго гетмана вы невѣдомо гдѣ дѣли, другаго гетмана нѣтъ; мы подъ Батуринымъ стояли для гетманскаго обиранья долгое время, испроѣлись, выходите съ войсковыми клейнотами изъ города въ поле на раду!» Старшины отказали, боясь, что въ полѣ козаки ихъ побьютъ. Козаки приходили къ Неѣлову съ тѣмъ же требованіемъ; Неѣловъ, видя шатость, велѣлъ заперетъ малый городъ и не пускать впередъ козаковъ. Кромѣ того пришла въ Москву вѣсть, что хотятъ выбирать въ гетманы Сѣрка. Знаменитаго Запорожца подъ карауломъ отправили въ Москву, а оттуда подальше въ Сибирь.

Ромодановскій и Ржевскій двинулись къ Конотопу, и 15-го іюля, верстахъ въ трехъ отъ козачьей Дубровы встрѣтили ихъ старшина и говорили, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣмъ имъ сдѣлать раду, не ходя въ Конотопъ, въ Козачьей Дубровѣ, на рѣчкѣ Красенѣ, потому что подъ Конотопомъ стояли козацкія войска и конскіе кормы потравлены около города верстъ по десяти и больше. — «Что жь? сказалъ бояринъ, учинимъ раду и въ Козачьей Дубровѣ, по вашему прошенью». Ромодановскій сталъ по одну сторону Красены, старшина по другую. На слѣдующій день старшина пріѣхали къ боярину съ просьбою немедлить радою. — «По указу великаго государя надобно подождать архіепископа Лазаря Барановича», отвѣчалъ Ромодановскій. — «Нельзя ли безъ архіепископа?» просили старшина. Бояринъ согласился и велѣлъ сходиться для разсужде-

нія о статьяхъ. Старшина вошли въ государевъ шатеръ, потомъ отобрали половину козаковъ, бывшихъ при старшинѣ и велѣли имъ идти на раду; когда козаки собрались въ шатеръ и къ шатру, бояринъ объявилъ вѣрющую грамоту и спросилъ старшину о здоровьѣ, объявилъ, что государь милостиво похваляетъ ихъ за неучастіе въ измѣнѣ Демки и жалуетъ прежними правами и вольностями. Начали читать Глуховскія прежнія и новыя статьи вслухъ, а писарь Карпъ Мокрѣевъ смотрѣлъ статьи по тетрадямъ по своему Бѣлорусскому письму. Но вдругъ чтецъ замолкъ: въ шатеръ вошелъ царскій посланный, жилецъ Григорій Синявинъ: «Бояринъ и воевода князь Григорій Григорьевичь! сказалъ онъ Ромодановскому: объявляю тебѣ великаго государя радость: мая 30, за молитвами св. отецъ, даровалъ Богъ царскому величеству сына, а намъ великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи!» Старшины встали и начали поздравлять боярина; чтеніе снова началось. Выслушавъ статьи, старшина и козаки говорили: «Всѣ эти статьи намъ надобны кромѣ двадцать второй, въ которой написано, чтобы для своевольныхъ людей учинить полковника и при немъ быть 1000 человѣкъ козаковъ реестровыхъ: если гдѣ учинятся шатости и измѣна, то полковнику этому своевольниковъ унимать. А теперь мы бьемъ челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ—у гетмана полковнику и козакамъ и у полковниковъ кампаніи быть не велѣлъ, потому что отъ такихъ кампаній малороссійскимъ жителямъ чинится всякое разореніе и обиды.» Бояринъ отвѣчалъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ этой статьѣ быть по ихъ челобитью. Постановили также слѣдующія статьи: 1) старшина и все войско били челомъ, чтобы отъ новаго гетмана не терпѣть имъ такой же неволи и жесточи, какъ отъ измѣнника Демки, чтобы гетманъ никого не смѣлъ казнить и отставлять отъ должностей безъ войсковаго суда и доводу. 2) Старшина и все войско били челомъ, чтобы гетманъ, безъ указа великаго государя и безъ совѣта старшинъ къ посторониимъ государямъ и ни къ кому, особенно же къ Дорошенку, ни о чемъ не писалъ и изустно ссылаться не дерзалъ. 3) Если Малороссіяне дѣйствительно заѣхали по рѣку Сожь, то должны отступиться отъ занятыхъ земель, и впередъ королевскихъ земель не заѣзжать, а жить съ

королевскими людьми спокойно. 4) Турецкій султанъ, изъ-за Дорошенкова подданства, начинаетъ съ королемъ войну: такъ если султанъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то гетману, старшинѣ и всему войску Запорожскому Дорошенку не помогать. 5) Гетману, старшинѣ и всему войску никакихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ изъ Великой Россіи не принимать, а которые приняты, тѣхъ отпустить. Потомъ бояринъ говорилъ: «Высланы были вами въ Москву полковникъ Константинъ Солонина для прислушиванія къ переговорамъ между боярами и уполномоченными королевскими послами, гдѣ будетъ рѣчь идти объ украинскихъ дѣлахъ; польскіе послы не согласились допустить вашихъ посланцевъ къ переговорамъ; но все что въ отвѣтѣ о вашихъ дѣлахъ было говорено, все полковнику Солонинѣ читали: такъ впередъ вамъ своихъ посланцевъ на посольскіе съѣзды посылать не для чего, одни только убытки и посольскимъ дѣламъ затрудненія; а какъ скоро на посольскихъ съѣздахъ о вашихъ дѣлахъ какой вспоминъ будетъ или договоры, то великій государь велитъ васъ увѣдомлять письмами». — Старшина положились на волю ґосударевy. — «Теперь, сказалъ бояринъ, объявите, какія вы хотите становить новыя статьи? — «У насъ никакихъ статей нѣтъ», сказали старшина. — «Такъ 17 іюня будьте въ обозъ къ государеву шатру для обранія гетмана.»

17 іюня часу въ третьемъ дня пріѣхалъ въ обозъ Лазарь Барановичь, архіепископъ Черниговскій, за нимъ пришелъ голова московскихъ стрѣльцовъ Григорій Неѣловъ, пріѣхали генеральная и войсковая старшина и козаки, а передъ старшиною несли государево жалованье — войсковые клейноты — булаву, знамя, бунчукъ, литавры. Архіепископъ говорилъ, чтобъ прочесть ему новыя статьи; бояринъ велѣлъ читать, и когда чтеніе кончилось, объявилъ, чтобъ приступили къ гетманскому избранію. Передъ шатромъ въ обозѣ устроили мѣсто, поставили на налоѣ Спасовъ образъ, булаву положили на столъ, знамя и бунчукъ поставили у стола. Бояринъ и старшина вышли изъ шатра, архіепископъ говорилъ передъ образомъ молитву; послѣ молитвы бояринъ говорилъ на всѣ четыре стороны: «Великій государь указалъ мнѣ быть па радѣ для обиранья гетмана: и вы бы по своимъ правамъ и вольностямъ гетмана обирали, царское величество положилъ гетманское обиранье на ваше войсковое

право и волю, кого вы войскомъ излюбите.» Изговоря рѣчь, бояринъ отступилъ отъ стола прочь. Вольные и тихіе голоса провозгласили гетманомъ генеральнаго судью Ивана Самойлова. Полковники — Райча и Солонина взяли избраннаго подъ руки и поставили на столъ, обозный Забѣла и другіе полковники поднесли ему булаву, укрыли знаменами и бунчукомъ. «На гетманскій урядъ я не желаю,» началъ новый гетманъ: но нельзя же мнѣ не принять царскаго величества жалованье, булавы и знамени. Только я объявляю, что великому государю буду служить вѣрно и никогда не измѣню, какъ прежніе гетманы дѣлали.» Старшина, козаки и мѣщане закричали, что великому государю съ гетманомъ служить готовы, пусть Иванъ беретъ булаву и будетъ гетманомъ. Иванъ принялъ булаву, послѣ чего всѣ двинулись въ шатеръ, отслужили молебенъ и Лазарь Барановичь привелъ новаго гетмана къ присягѣ.

Новый гетманъ, Иванъ Самойловичь былъ сынъ священника съ западной стороны Днѣпра; когда жители этой стороны толпами переходили на восточную сторону, какъ болѣе спокойную, перешелъ и Самойловичь съ отцомъ своимъ и начали жить въ городѣ Старомъ Колядинѣ. Молодой Иванъ Самойловичь былъ человѣкъ грамотный, уменъ, хорошъ собою, ко всѣмъ ласковъ и услужливъ, и потому скоро былъ поставленъ въ томъ же Колядинѣ писаремъ сотеннымъ; пріобрѣлъ расположеніе генеральнаго писаря при Брюховецкомъ, Гречанаго, и былъ сдѣланъ сотникомъ въ Веприкѣ; изъ сотниковъ, по просьбѣ того же Гречанаго, поставленъ наказнымъ полковникомъ Черниговскимъ, и наконецъ, на Глуховской радѣ, при избраніи Многогрѣшнаго въ гетманы, Самойловичь сдѣлался генеральнымъ судьею войсковымъ.

Паденіе Многогрѣшнаго не нарушило спокойствія въ Малороссіи; ссылка Сѣрка не взволновала Запорожье. Здѣсь въ это время явился вождь особаго рода.

Осенью 1672 года подъячій Семенъ Щеголевъ привезъ на Запорожье пять пушекъ, ядра, порохъ и свинецъ. Подъѣзжая къ кошу, Щеголевъ выстрѣлилъ изо всѣхъ пушекъ и изъ ружей, изъ коша отвѣчали тѣмъ же, священники вышли на встрѣчу съ крестами. Запорожцы поставили царскіе подарки на майданѣ, гдѣ бываетъ рада, и объявили Щеголеву, что у нихъ начальнымъ

кошевымъ и гетманомъ полевымъ Никита Вдовиченко, который пошелъ подъ Перекопь, не дожидаясь царскихъ пушекъ, объявили, что они примутъ государеву грамоту всею радою, какъ придутъ изъ-подъ Перекопа Кошевой и войско. 17 Октября войско изъ подъ Перекопа пришло, но безъ Вдовиченка. 19 числа собралась рада; выбрали кошевымъ Луку Андреева, читали грамоту царскую, королевскую и сенаторскія. Когда царская грамота была прочтена, новый кошевой началъ рѣчь: «Братья, войско Запорожское, кошевое, Днѣпровое и морское! Слышимъ и глазами видимъ великаго государя премногую милость и жалованье: милостивымъ словомъ изволилъ увеселить, про наше здоровье велѣлъ спрашивать, пушки, ядра, порохъ и свинецъ приказалъ прислать, Калмыкамъ, Донскимъ козакамъ, изъ городовъ охочимъ людямъ на помощь противъ бусурманъ къ намъ на кошъ позволилъ переходить, также чайками, хлѣбными запасами и жалованьемъ обнадеживаетъ, только бъ наша правда была.» — «За премногую царскаго величества милость бьемъ челомъ! закричала рада, а правда наша конечно будетъ: полно намъ безъ пристанища волочиться. Служили мы и съ Татарами послѣ измѣны Брюховецкаго и во время Суховѣева гетманства; Крымскій ханъ со всего Крыма хлѣбные запасы сбиралъ и къ намъ на кошъ присылалъ; да и теперь, еслибъ хотѣли, будетъ присылать, только тотъ его хлѣбъ обращался намъ въ плачь, насъ же за шею водили и какъ овцами торговали, въ неволю отдавали, все добро и клейноты отняли. Пока свѣтъ будетъ и Днѣпръ идти не перестанетъ, съ бусурманами мириться не будемъ.» — Кошевой началъ опять: «Съ нынѣшняго времени его царскому величеству и его королевскому величеству обѣщаемся Богомъ служить вѣрно и неотступно. Братья, войско Запорожское, кошевое, рада полная! такъ ли моя рѣчь къ престоламъ обоихъ великихъ государей христіанскихъ монарховъ?» — «Такъ, такъ, господинъ кошевой!» отвѣчало войско.

— «Воздадимъ же Господу Богу и великому государю нашему свѣту хвалу!» сказалъ кошевой, и въ отвѣтъ грянули пушки и ружья. Потомъ пошли въ церковь къ молебну.

Щеголевъ провѣдалъ, что до его пріѣзду на ектеніяхъ поминали прежде короля; онъ сталъ говорить войску и священникамъ, что надобно поминать прежде царя, и его послушались.

Потомъ Щеголевъ позвалъ къ себѣ въ курень кошеваго съ старшими и спросилъ: «гдѣ вашъ гетманъ Вдовиченко и откуда онъ на Запорожье пришелъ?» — «Пришелъ онъ на Запорожье въ нищемъ образѣ, былъ отвѣтъ, сказался Харьковскимъ жителемъ, святъ мужъ и пророкъ, дана ему отъ Бога власть будущее знать; тому седьмой годъ, какъ велѣлъ ему Богъ, дождавшись этого времени, съ войскомъ Запорожскимъ разорить Крымъ, и въ Царѣгородѣ взять золотые ворота и поставить въ Кіевѣ на прежнемъ мѣстѣ. Князь Ромодановскій до этого добраго дѣла его не допускалъ и мучилъ, только его муки эти не берутъ, писано, что сынъ вдовицы всѣ земли усмиритъ. Теперь послалъ его Богъ къ войску Запорожскому, и въ городахъ всякому человѣку до ссущаго младенца велѣлъ сказывать, что онъ такой знающій человѣкъ, чтобъ шли съ нимъ разорять Крымъ, какъ придетъ въ Крымъ, пять городовъ возьметъ и будетъ въ нихъ зимовать, бусурманы стрѣлять не будутъ, потому что онъ невидимо будетъ подъ города приходить, стѣны будутъ распадаться сами, ворота сами же отворяться, и отъ того прославится онъ Вдовиченко по всей землѣ. А напередъ ему надобно Перекопь взять и войско запорожское пожитками наполнить. Услыхавъ такія слова, многіе люди покинули домы свои, хлѣбъ въ поляхъ и пришли за Вдовиченкомъ на Запорожье, собралась большая толпа и войску Запорожскому говорили, чтобы идти съ Вдовиченкомъ подъ Перекопь. Кошевой Евсевій Шашолъ отказывалъ, чтобъ дожидались пушекъ отъ великаго государя; но городовые люди хотѣли Шашола убить, кричали, что они шли не на ихъ войсковую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова ихъ все склонилось, собрали раду, Шашола отставили, а выбрали Вдовиченко атаманомъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ. Когда начали собираться подъ Перекопь, спрашивали у Вдовиченка, сколько брать пушекъ? «Мнѣ пушки не надобны, отвѣчалъ Вдовиченко: и безъ пушекъ будетъ добро; слышалъ я, что вы послали къ царю бить челомъ о пушкахъ, и та ваша посылка напрасная, отъ этихъ пушекъ мало вамъ будетъ проку; а если вамъ пушки понадобятся, тогда который городъ бусурманскій будетъ поближе и богатъ, въ томъ и пушки возьмете.» Только нѣкоторые знающіе люди не во всемъ ему Вдовиченку повѣрили и взяли двѣ пушки. Всего пошло подъ Перекопь ты-

сячь шесть конныхъ, да тысячи три пѣшихъ. Вдовиченко шелъ до самаго Перекопа безъ отдыха, отъ чего у многихъ лошади попадали, а пришедши къ Перекопскому валу, подъ городъ не пошелъ и промыслу никакого не чинилъ. Войско, по своему обычаю, ровъ засыпало и половина обоза перебралась; но Перекопскіе жители начали изъ пушекъ и изъ ружей стрѣлять и нашихъ людей бить и топить. Вдовиченко сталъ отъ стрѣльбы прятаться, и войско, видя, что онъ не такой человѣкъ, какъ про себя сказывалъ, отъ Перекопа отступило, дорогою булаву и бунчукъ у него отняли и хотѣли убить, но онъ скрылся.» Вдовиченко не наказался Перекопскою исторіею: онъ явился въ Барышевкѣ и сталъ проповѣдовать прежнія рѣчи; но тутъ его схватили и отослали къ гетману, а гетманъ отослалъ къ Ромодановскому.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Нашествіе Турокъ на Польшу. Битва при Батогѣ. Взятіе Каменца Подольскаго. Распоряженія въ Москвѣ по случаю войны Турецкой. Освобожденіе Сѣрка. Прибытіе сыновей гетмана Самойловича въ Москву. Извѣстія съ западнаго берега. Ханенко изъявляетъ желаніе поддаться царю. Поведеніе митрополита Тукальскаго. Неудачное движеніе Ромодановскаго и Самойловича къ Днѣпру. Неудовольствія Малороссіянъ на царское войско и на воеводу кн. Трубецкаго. Похвалы князю Ромодановскому. Ропотъ на Самойловича. Военныя дѣйствія на Дону. Воръ Міюска. Самозванецъ Семенъ въ Запорожьѣ. Поведеніе Сѣрка. Сношенія Дорошенка съ Москвою. Самойловичь хлопочетъ, чтобы царь не принималъ Дорошенка въ подданство. Ромодановскій и Самойловичь на западномъ берегу Днѣпра. Письмо Ханенка къ князю Трубецкому. Переяславская рада; избраніе Самойловича въ гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра. Дорошенко проситъ о принятіи его въ подданство. Сѣрко высылаетъ самозванца въ Москву; допросъ и казнь вору. Дорошенко уклоняется отъ подданства царю. Приходъ Татаръ къ нему на помощь. Братъ его Андрей разбитъ царскими войсками. Посланецъ Дорошенка Мазепа, отправленный къ хану, схваченъ Запорожцами и присланъ въ Москву. Показанія Мазепы. Царь не отпускаетъ изъ Москвы сыновей гетмана Самойловича. Ромодановскій и Самойловичь подъ Чигириномъ. Новое нашествіе Турокъ и Татаръ. Русскія войска отступаютъ на восточный берегъ. Мнѣніе гетмана Самойловича о соединеніи Русскихъ войскъ съ Польскими. Грамота Ромодановскаго къ царю. Доносъ архіепископа Барановича на протопопа Адамовича. Пріѣздъ послѣдняго въ Москву съ порученіемъ отъ архіепископа. Доносы Самойловича на Сѣрка. Жалоба гетмана на протопопа Адамовича. Сношенія Сѣрка съ Москвою. Смута въ Каневѣ Новый походъ царскихъ войскъ на западный берегъ Днѣпра. Затруднительное положеніе Дорошенка. Онъ обращается къ посредничеству Сѣрка. Въ Москвѣ не принимаютъ этого посредничества. Событія на Дону.

Въ то самое время, какъ на восточнй сторонѣ Днѣпра ставили новаго гетмана, на западной разразилась наконецъ буря, о которой такъ давно и долго толковали, и которой, отъ продолжительности ожиданій и толковъ, переставали уже бояться. Мы видѣли, какое важное вліяніе на ходъ событій имѣло отложеніе

Дорошенка отъ Польши и обращеніе его къ Турціи. Испуганная Польша поспѣшила помириться съ Москвою, выговаривая себѣ ея помощь противъ Турокъ, одинаково страшныхъ для обоихъ государствъ. Янъ Казимиръ не сталъ дожидаться новой бѣды и отказался отъ престола. Надобно было ожидать, что Поляки, въ виду опасной войны, выберутъ теперь въ короли какого-нибудь знаменитаго полководца изъ своихъ или чужихъ; но, какъ нарочно, мелкая шляхта выбрала въ короли человѣка хотя изъ знатной, но обѣднѣвшей фамиліи, и человѣка, своими личными достоинствами менѣе всего способнаго заставить забыть, что онъ не царственнаго происхожденія. Масса шляхты могла выкрикнуть Вишневецкаго, но давала ему слабую опору противъ недовольной его выборомъ знати, которая составила сильную партію и мѣшала королю во всемъ; къ недовольнымъ принадлежалъ и самый видный по талантамъ и мѣсту человѣкъ—великій гетманъ и великій маршалокъ коронный Янъ Собѣскій. Турками стращали другъ друга, но о мѣрахъ противъ грозы никто не думалъ. И повидимому имѣли основаніе отложить страхъ: пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Дорошенко отложился отъ Польши къ Турціи и Турки не думали о войнѣ. Магометъ IV сперва былъ занятъ войною Венеціанскою; но и послѣ этой войны, кончившейся блистательнымъ успѣхомъ, завоеваніемъ Кандіи, султанъ не трогался: шли слухи, что ему не до войны, что онъ проводитъ время или въ гаремѣ, или на охотѣ. Мы упоминали, что лѣтомъ 1671 года шла война въ западной украйнѣ между Поляками и Дорошенкомъ, которому помогали Татары. Нападеніе Дорошенка на Умань не удалось: городъ отбился. Собѣскій поразилъ Дорошенковыхъ козаковъ и Татаръ подъ Брацлавлемъ, и занялъ нѣсколько городовъ, признававшихъ власть Чигиринскаго гетмана. Но этотъ минутный успѣхъ польскаго оружія только раздражилъ султана, заставилъ его спѣшить походомъ на Польшу, которая осмѣлилась воевать вассала его, Дорошенка. Весною 1672 года Турецкое войско въ числѣ болѣе чѣмъ 300,000 перешло Дунай. Передовой отрядъ, состоявшій изъ 40,000 Татаръ ворвался въ Подолію и на берегахъ Буга, при Батогѣ, встрѣтилъ Поляковъ, бывшихъ подъ начальствомъ Лужецкаго, каштелана Подляскаго, при которомъ находился и Ханенко съ своими козаками; всѣхъ же Поляковъ, и ко-

заковъ было не болѣе 6000; не смотря на то, они опрокинули и втоптали въ рѣку Татаръ. Надменный успѣхомъ, Лужецкій рѣшился гнаться за Татарами за рѣку. Тщетно удерживалъ его Ханенко; Лужецкій не хотѣлъ ничего слушать. «По крайней мѣрѣ, говорилъ Ханенко, позволь мнѣ остаться на сторожѣ на этомъ берегу: если успѣешь что-нибудь сдѣлать на той сторонѣ, то будешь имѣть свидѣтеля твоего знаменитаго подвига; если же дѣло не пойдетъ на ладъ, то поспѣшимъ раздѣлить твой жребій». Ханенко остался и немедленно огородился обозомъ, а Лужецкій бросился въ Бугъ, и стомилъ коней, подмочилъ огнестрѣльное оружіе. Въ такомъ положеніи онъ не могъ удержаться съ своею горстью людей на противоположномъ берегу; толпы Татаръ обхватили его со всѣхъ сторонъ и заставили обратиться назадъ въ рѣку, Лужецкій едва спасся самъ, потерявши много своихъ убитыми и плѣнными. Бѣглецы нашли спасеніе въ таборѣ Ханенка. Какъ скоро всѣ Поляки вбѣжали въ таборъ, онъ началъ двигаться назадъ; Татары напирали съ тыла и съ боковъ; но козаки успѣшно отстрѣливались изъ пушекъ и ружей, и движущійся валъ достигъ Ладыжина. Татары осадили этотъ городъ, но не могли взять.

Иная судьба ждала Каменецъ, который въ августѣ мѣсяцѣ облегло все турецкое войско подъ начальствомъ самого султана. Число защитниковъ знаменитой крѣпости не превышало 1500 человѣкъ; былъ порохъ, но мало пушкарей и тѣ плохіе: говорятъ, что на 400 пушекъ приходилось только четыре пушкаря. Измученные работами надъ укрѣпленіями, осажденные не имѣли свободной минуты поѣсть и уснуть. Турки взяли Новый замокъ и подвели мину въ скалѣ подъ воротами Стараго, послѣ чего пошли на приступъ, но были отбиты, потерявши 200 человѣкъ. Осажденные видѣли однако, что долго нельзя имъ держаться, и вывѣсили бѣлое знамя. Условія сдачи были: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія, для чего Христіане сохраняютъ нѣсколько церквей, остальныя обращаются въ мечети; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, воленъ и остаться; 4) ратнымъ людямъ вольно выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ и знаменъ. По заключеніи этихъ условій Янычаръ-ага пріѣхалъ въ городъ и занялъ его именемъ султана; янычары смѣнили гарни-

зонъ; жителямъ оставлены три церкви: одна Русскимъ, одна католикамъ и одна Армянамъ; соборная церковь обращена въ мечеть; со всѣхъ церквей сломали кресты, свѣсили колокола; часть знатныхъ шляхтянокъ забрали на султана, часть на визиря, часть на пашей. Магометъ IV съ торжествомъ въѣхалъ въ покоренный городъ и прямо направился въ главную мечеть—бывшую соборную церковь: тамъ передъ нимъ обрѣзали осьмилѣтнаго христіанскаго мальчика.

Страшное впечатлѣніе произвела въ Москвѣ вѣсть о взятіи Каменца, этого оплота Польши съ юга, подобнаго которому не имѣла Россія. Явились уже разсказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали бусурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и Римскіе костелы Турки разорили и подѣлали мечети; образа изъ церквей и костеловъ выносили, клали въ проѣзжихъ воротахъ и велѣли Христіанамъ по нимъ идти и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти Давали знать, что визирь, ханъ и Дорошенко хвалятся идти подъ Кіевъ. Кіевскій воевода князь Козловскій писалъ, что въ Кіевѣ, Переяславлѣ и Острѣ мало людей. Въ Кіевѣ чинили городъ безпрестанно: гдѣ осыпалось на валу, зарубали лѣсомъ и крѣпили, только вала валить было нельзя, потому что мѣсто песчаное, и дерну близко нѣтъ: Тукальскій безпрестано посылалъ къ Дорошенку, чтобы шелъ подъ Кіевъ, обнадеживая, что тамъ мало людей. Дорошенко называлъ себя подданнымъ султана и воеводою Кіевскимъ. Симеонъ Адамовичь писалъ Матвѣеву: «Бога ради заступай насъ у царскаго пресвѣтлаго величества, не плошась, прибавляйте силъ въ Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ. Вѣдаешь непостоянство нашихъ людей: лучше держаться будутъ, какъ государскихъ силъ прибавится. Присылайте воеводою въ Нѣжинъ добраго человѣка: Степ. Ив. Хрущовъ не по Нѣжину воевода; давайте намъ такого, какъ Ив. Ив. Ржевскій: и послѣдній бы съ нимъ теперь за великаго государя радъ былъ умереть».

Царь призвалъ на совѣтъ высшее духовенство, бояръ и думныхъ людей, объявилъ имъ объ успѣхахъ султана, о замыслахъ его идти весною подъ Кіевъ, на Малороссійскіе города и Сѣверскую украйну, и спрашивалъ, что дѣлать? Назначили чрезвычайные сборы со всѣхъ помѣстій и вотчинъ, по полтинѣ съ дво-

ра, съ горожанъ десятую деньгу; государь объявилъ о намѣреніи своемъ выступить лично къ Путивлю со всѣми силами, и написалъ къ гетману Самойловичу, что въ Кіевъ назначенъ бояринъ и воевода князь Юрій Петровичь Трубецкой со многими ратными людьми; въ Черниговъ стольникъ князь Семенъ Андреевичь Хованскій, въ Нѣжинъ князь Семенъ Звенигородскій, въ Переяславль князь Владиміръ Волконскій и съ-Москвы отпущены будутъ скоро; а если султанъ двинется подъ Кіевъ, то онъ самъ, великій государь пойдетъ на него, для чего въ Путивлѣ уже велѣно строить царскій дворъ. Боялись, какъ мы видѣли, весны, ибо относительно зимы скоро пришли успокоительные слухи: султанъ пошелъ за Дунай на замовку, ханъ въ Крымъ, Дорошенко въ Чигиринъ и Татаръ осталось у него немного; Поляки подъ Бучачемъ (въ Галиціи) заключили миръ съ Турками, уступивъ имъ Подолію, Украйну и обязавшись платить султану ежегодно по 22,000 червонныхъ. Такимъ образомъ тяжесть новой Турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву, и все вниманіе ея правительства обращено было на югъ.

Въ декабрѣ 1672 года Иванъ Самойловичь писалъ Матвѣеву, зѣло милостивому своему пріятелю и благодѣтелю: «Посланный мой сказалъ мнѣ, будто твоя милость велѣлъ мнѣ теперь къ его пресвѣтлому царскому величеству быть; еслибы указъ царскаго величества мнѣ наинижайшему рабу былъ, дайто Христе Боже, усердно сего желаю, только бы время было удобное, и не пріятельскіе замыслы отъ насъ отдалились; смиренно молю о скорой вѣдомости отъ твоей милости, благодѣтеля моего.» Гетманъ не ладилъ почему-то съ Карпомъ Мокріевичемъ; тотъ также обратился къ Матвѣеву съ нижайшимъ поклономъ до лица земли: «Стыдно мнѣ частымъ писаніемъ вашей милости добродѣю моему докучать, но думаю, до рукъ вашихъ не доходитъ, потому что и по сіе время не удостоиваюсь милости вельможнаго господина гетмана за свои вѣрныя и правдиво желательныя къ великому государю службы, о которыхъ не только всему свѣту явно, но и самъ Господь вѣдаетъ душу мою, что вѣрно царскому величеству работалъ и до конца жизни моей обѣщаю. Съ покореніемъ полагая себя подножіемъ вашей милости благодѣтелю моему многомилостивому, смиренно челомъ бью: смилуйся надо

мною, работникомъ своимъ, изволь своимъ высокимъ ходатайствомъ его царскому величеству обо мнѣ доложить, чтобы съ какимъ-нибудь дѣломъ въ своей государской грамотѣ обо мнѣ указалъ отписать, чтобы я вѣрный подданный работникъ при своей чести былъ, а иные, которые ни малой службы великому государю не учинили, нынѣ сугубую милость и честь и корысть имѣютъ.»

Въ тоже время Матвѣевъ получилъ грамоту изъ Запорожья отъ кошеваго, Лукьяна Андреева: «Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насъ, войскѣ Запорожскомъ многочестному ходателю и всякихъ щедротъ давцу нижайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умилосердись яко отецъ надъ чады, чтобъ милостивымъ твоимъ ходатайствомъ Калмыки и чайки (лодки) и хлѣбные запасы присланы были къ намъ, и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сѣрко къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насъ втораго такого полеваго воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ запорожскомъ Ивана Сѣрко, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи свобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышляютъ.» Царь отвѣчалъ, что всѣ просьбы ихъ будутъ исполнены и полевой воинъ Сѣрко къ нимъ будетъ отпущенъ. Дѣйствительно въ мартѣ 1673 года Сѣрко привезенъ былъ въ Москву и представленъ государю: сперва самъ царь, потомъ патріархъ и весь синклитъ, особенно князь Юрій Алексѣевичь Долгорукій и Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ накрѣпко увѣщевали его быть вѣрнымъ престолу царскаго величества, патріархъ грозилъ клятвою и вѣчною погибелью если помыслитъ что худое. «Отпускаю тебя, сказалъ царь, по заступленіи вѣрнаго нашего подданнаго гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово непремѣнно, писалъ я и къ королю Польскому, и къ Запорожцамъ, что отпущу, и отпускаю.»

Мы видѣли, что шелъ вопросъ о пріѣздѣ гетмана въ Москву, и Самойловичь уже давалъ знать, что это трудно сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. Придумано было средство—и оставить гетмана въ Малороссіи и дать залогъ вѣрности его царю. Еще въ концѣ 1672 г. Симеонъ Адамовичь писалъ къ Ма-

твѣеву: «Богъ да видитъ убогую службу и радѣніе мое къ царскому пресвѣтлому величеству; многіе гетманы, архіереи и полковники, много поглотавъ государской казны, поизмѣняли и кровопролитіе чинили; а я убогій червь, а не человѣкъ, какъ началъ, такъ и работаю Богу и великому государю. Нынѣшній гетманъ Иванъ Самойловичь совершенно на мой совѣтъ положился; уже я его къ тому привелъ—если страна наша освободится отъ непріятельскаго нашествія, то по первому пути хочетъ дѣтей своихъ къ великому государю посылать со мною». Въ мартѣ 1673 года протопопъ пріѣхалъ въ Москву и съ нимъ два сына гетманскихъ, Семенъ и Григорій съ начальникомъ своимъ, Батуринскаго монастыря намѣстникомъ Исаакомъ и учителемъ Павломъ Ясилковскимъ, для вѣрности подданства и службы его гетманской, чтобы царскому величеству служба его гетманская была во всемъ вѣрна. Самойловичь писалъ, что сыновья его должны оставаться при царѣ до тѣхъ поръ, пока самъ гетманъ пріѣдетъ въ Москву. Адамовичь билъ челомъ отъ имени Самойловича, чтобы государь приказалъ князю Ромадоновскому и ему, гетману идти войною на Крымъ или на Дорошенка, и для этого похода прислалъ пушекъ полковыхъ, легкихъ, пороху и свинцу, прислалъ еще ратныхъ людей въ малороссійскіе города.

19-го марта гетманскихъ посланцевъ позвали смотрѣть какъ повезутъ пушки строемъ изъ Никольскихъ воротъ подъ дворцовые переходы въ Спасскіе ворота. Кромѣ Малороссіянъ были тутъ разныхъ земель торговые Нѣмцы и Греки и Персіяне; въ ихъ толпу пробрались тайкомъ подъячіе посольскаго приказа и подслушивали, что говорятъ иноземцы. Протопопъ Семенъ съ Черкасами говорилъ: «Должно быть идетъ самъ государь въ походъ на Турскаго султана;» дивились, что пушки везены зѣло урядствомъ и строемъ премудрымъ; хвалили, что лошади впряжены были парами и устроены воинскиі, пушки велики и къ войнѣ зѣло удобны. Когда шелъ между пушками дворъ окольничаго князя Ивана Петровича Борятинскаго, то протопопъ, сжавъ плеча, сказалъ: «Ей по истинѣ надъ симъ намѣреніемъ и надъ людьми происходитъ Божіе милосердіе; конечно чаю, что дѣла ихъ воинскія во всякомъ добрѣ совершатся, потому что по многимъ моимъ примѣтамъ, люди смѣло и радостно выступаютъ и благополучія себѣ ожидаютъ: это съ Божіей воли!»

Гетманскіе сыновья распрашивали протопопа обо всемъ, считали, многоль пушекъ, которая больше и все хвалили. Греки говорили: когда Турки брали Кандію, а теперь Каменецъ, то у нихъ было пушекъ много, только невелики, такія или немного побольше бывали при султанѣ по двѣ или по три, но сдѣланы грубо и не такъ къ войнѣ удобны. Нѣмцы также хвалили и говорили, что прежде такихъ строевъ на Москвѣ не бывало и потому надобно ждать побѣды царя надъ Туркомъ; Богъ не оставитъ царя, потому что онъ начинаетъ войну для защиты христіанской вѣры. Персіане и Армяне говорили, что у шаха такихъ пушекъ нѣтъ и Турки ихъ не стерпятъ.

Отецъ протопопъ былъ въ восторгѣ отъ пріема въ Москвѣ, и писалъ гетману: «Царскаго величества отеческая къ вельможности твоей неизрѣченная милость: о чемъ били челомъ, все будетъ исполнено. Дѣтямъ твоимъ дворъ съ палатами каменными купить пріискиваютъ; въ господинѣ Артемонѣ Богъ послалъ твоей вельможности и дѣтямъ твоимъ отца милостиваго, на котораго милость и заступленіе будь всегда надеженъ, далъ онъ мнѣ въ томъ слово, и дѣткамъ твоимъ всякое добро при царскомъ величествѣ будетъ. Не могу перечислить царскаго величества милости и Артемона Сергѣевича пріятства и любви.» Протопопъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: что касается до похода на Крымъ, то государь указалъ этотъ способъ теперь до времени оставить; а идти князю Ромодановскому и гетману Самойловичу къ Днѣпру и, ставши у этой рѣки, послать къ Дорошенку грамоту съ двумя досужими людьми, сказать ему: ты присылалъ къ великому государю съ челобитьемъ, чтобы велѣлъ тебя принять въ подданство: великій государь на это изволяетъ и прислалъ къ тебѣ милостивую грамоту; при этомъ обѣщать, что права и вольности будутъ ненарушены и государь будетъ оборонять Дорошенка отъ Турокъ; если же Дорошенко откажется принять присягу, то объявить ему, что царскія войска обратятся противъ него. Если, мимо Дорошенка, заднѣпровскіе козаки станутъ присылать, что поддаются великому государю, то ихъ принять, привести къ присягѣ и, поговоря со всѣмъ войскомъ, учинить на той сторонѣ гетмана, добраго и досужаго, особенно же вѣрнаго человѣка, а надъ Дорошенкомъ чинить промыслъ. Если заднѣпрскіе козаки будутъ просить, чтобы сдѣлать гетманомъ на обѣихъ

сторонахъ Днѣпра Ивана Самойловича или станутъ просить себѣ въ особые гетманы кого-нибудь съ восточной стороны, то исполнить ихъ желаніе. Мы видѣли, что государь обѣщалъ отправить въ Кіевъ большое войско съ бояриномъ княземъ Юріемъ Петровичемъ Трубецкимъ: дѣйствительно въ началѣ 1673 года Трубецкой двинулся въ Малороссію. Въ десяти верстахъ отъ Сосницы встрѣтилъ его гетманъ съ старшиною, и до Сосницы сидѣлъ съ бояриномъ на саняхъ у щита на облучкѣ. 13 февраля Трубецкой вступилъ въ Кіевъ.

Войска должны были выступить въ походъ по послѣднему зимнему пути, разсчитывая по московской погодѣ; но Ромодановскій далъ знать государю, что этого сдѣлать нельзя: «У насъ на украйнѣ съ полей снѣгъ весь сбило и водное располеніе большое, никоторыми мѣрами мнѣ походомъ поспѣшить нельзя; ратныхъ людей при мнѣ нѣтъ никого.» А между тѣмъ на западномъ берегу какъ только узнали о намѣреваемыхъ движеніяхъ царскаго войска, такъ уже начали толковать о подданствѣ великому государю. Есаулъ Яковъ Лизогубъ сносился изъ Канева съ Переяславскимъ полковникамъ Райчею, обѣщая сдать Каневъ какъ только русскія войска явятся за Днѣпромъ: «Радъ бы я, говорилъ Лизогубъ, перейти за Днѣпръ въ сторону царскаго величества со всѣмъ своимъ домомъ и пожитками, да славу свою потеряю: тутъ я начальнымъ знатнымъ человѣкомъ и всѣ меня здѣсь слушаютъ, лучше мнѣ будетъ, живучи здѣсь, царскому величеству службу свою показать, потому что здѣсь всѣ люди, видя утѣсненіе отъ Турокъ, Дорошенка и насъ всѣхъ проклинаютъ и всякое зло мыслятъ, и самъ Дорошенко скучаетъ, что поддался Турскому. Послѣ Рождества Христова у него была рада со всею старшиною; говорилъ Дорошенко: весна приходитъ, и слухъ носится, что царь со всѣми силами будетъ на украйну, такъ рѣшите, при комъ намъ держаться? Старшина приговорили: отъ Турскаго султана не отставать и его не гнѣвить, потому что нынѣ, кромѣ него, дѣться намъ негдѣ: царь, по договору съ королемъ подъ свою руку насъ не приметъ, а подъ королемъ быть не хотимъ, потому что много досады ему учинили, будетъ намъ мстить, да и для того, что искони вѣковъ въ раздѣленіи мы не бывали, а теперь одна сторона безъ другой быть не хотятъ. Турской салтанъ въ Каменецъ будетъ, видя что король

мирнаго постановленія не исполняетъ, изъ Бѣлой Церкви ратнымъ людямъ выступить не велѣлъ и если теперь отъ Турскаго намъ отстать, а помощи ни отъ кого не будетъ, и онъ, пришедши въ конецъ насъ всѣхъ разоритъ.»—Когда Дорошенко былъ въ походѣ вмѣстѣ съ Турками, продолжалъ Лизогубъ, то ему честь была добрая, называли его княземъ; но козакамъ нужда была великая, Турки называли ихъ и теперь называютъ свиньями, гдѣ увидятъ свинью, называютъ козакомъ. Турскіе люди теперь въ Каменцѣ, Межибожьѣ, Барѣ, Язловцѣ, Снятинѣ, Жванцѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ они церкви Божіи разорили, подѣлали изъ нихъ житницы, изъ другихъ мечети, колокола на пушки перелили, жителямъ нужды чинятъ великія, малыхъ дѣтей берутъ, женятся силою, мертвыхъ погребать и младенцевъ крестить безпошлинно не даютъ, безпрестанно кандалы куютъ и въ Каменецъ отсылаютъ, двѣ башни до верху наметали, также конскія желѣза дорогою цѣною покупаютъ—для чего, не вѣдомо. Пусть гетманъ Иванъ Самойловичь напишетъ къ великому государю, чтобъ присылалъ многихъ ратныхъ людей сюда на западную сторону, ни одинъ городъ, кромѣ Чигирина, стоять не будетъ, только бы великій государь Польскому королю насъ не отдавалъ; да занялъ бы государь своими войсками Сѣчь и Кодакъ, а если займутъ ихъ Турки, то Полтавской сторонѣ и намъ здѣсь трудно будетъ.»—«Не вѣрю я Лизогубу, говорилъ гетманъ Иванъ Самойловичь: все это онъ говоритъ по Дорошенкову наученью; да у Лизогуба пашня, и скотина на этой сторонѣ въ Переяславскомъ полку, боится онъ, чтобы я ихъ у него не отнялъ. Если мы съ княземъ Гр. Гр. Ромодановскимъ пойдемъ на ту сторону Днѣпра, тогда и не въ честь будутъ сдаваться, потому: какъ Турскій султанъ наступитъ, разволокутъ всѣхъ; Хмельницкій (Юрій) съ бусурманами водился и залетѣлъ въ Царь-городъ; и Дорошенко изъ-подъ Каменца чуть чуть туда же не угодилъ, и впередъ ему не отбыть. Посылать къ Лизогубу о склонности впередъ не надобно, потому что онъ обо всемъ будетъ передавать Дорошенкѣ и Дорошенко подумаетъ, что, боясь Турскаго султана, къ нимъ подсылки дѣлаются о склонности, и пуще будетъ султана и хана къ войнѣ побуждать.» Но Дмитрашка Райча говорилъ иное: хвалилъ вѣрность Лизогуба, утверждалъ, что впередъ на него можно положиться.

Въ апрѣлѣ прислалъ въ Москву грамоту Ханенко: «Падши раболѣпно къ ногамъ царскаго престола, билъ челомъ о принятіи въ подданство: яко елень на источники водные, сице желала душа его подъ пресвѣтлую державу единаго святолѣпнаго монарха. Былъ онъ Ханенко при королевскомъ величествѣ многіе годы, кровь свою проливалъ на оборону кѓороны Польской, но зато ни онъ, ни войско ни малаго себя награжденія не получили, только сенаторскими пыхами (гордостію) озлоблены бывали.»

Лизогубъ въ своемъ разсказѣ о Чигиринской радѣ пропустилъ любопытное извѣстіе о Тукальскомъ. Кіевскій мѣщанинъ, пріѣхавшій изъ Черкасъ, разсказывалъ, что во время рады митрополитъ читалъ поученіе, въ которомъ сильно поносилъ Дорошенка и другихъ начальныхъ людей за то, что Турку служатъ, и церкви разоряютъ и мечети строятъ. Послѣ этого митрополитъ на радѣ совѣтовалъ козакамъ, чтобы оставались въ союзѣ только съ ханомъ, а отъ Турокъ, какимъ бы то ни было способомъ, отлучились. Тогда обозный Гурлакъ отвѣчалъ митрополиту: «Ужь бы тебѣ, отче митрополитъ, полно въ наши рады вступаться, своего бы ты духовнаго дѣла остерегалъ, а не насъ; ужь ты насъ усовѣтовалъ, такъ не скоро отсовѣтуешь».

17-го апрѣля князь Ромодановскій съѣхался съ гетманомъ Самойловичемъ въ Сумахъ и постановили: Ромодановскому съ своими ратными людьми собираться въ Суджѣ, а гетману въ Батуринѣ и сойтиться вмѣстѣ между Глинскомъ и Лохвицею у рѣки Сулы. 22-го мая вожди соединились за Лохвицею у Лебединыхъ озеръ, и 1-го іюня отправили отрядъ за Днѣпръ подъ Каневъ съ предложеніемъ Дорошенку и Лизогубу поддаться великому государю; но Дорошенко, Лизогубъ и Каневцы отказали, что они въ подданствѣ у великаго государя быть никогда не хотятъ. Отрядъ переправился назадъ за Днѣпръ, а между тѣмъ на восточной сторонѣ появились татарскія толпы. Ромодановскій послалъ за ними Харьковскаго полковника; подъ Коломыкомъ встрѣтился онъ съ Татарами, бился цѣлый день и едва ушелъ. Это заставило Ромодановскаго и гетмана изъ-подъ Лубенъ отступить назадъ къ Бѣлгороду. Ромодановскій и гетманъ писали царю, что имъ нельзя было переправиться за Днѣпръ, потому что рѣка очень распалилась, а Дорошенко отогналъ всѣ

суда.—«Но если-бы и не это, отвѣчалъ царь, то развѣ вамъ велѣно было переправляться за Днѣпръ? Вамъ именно было велѣно стать у Днѣпра гдѣ пристойно, и, устроясь обозомъ, послать къ Дорошенку съ милостивыми грамотами двоихъ досужихъ людей, а не полкъ; также велѣно было, услыхавъ о Татарахъ, не отступать, а выслать противъ нихъ часть войска!» Царь оканчивалъ грамоту объявленіемъ, что если султанъ, ханъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то онъ самъ выступитъ въ походъ. Но Самойловичь не переставалъ оправдываться въ томъ, что не перешли за Днѣпръ: войска было мало, запасовъ мало, и Дорошенко распустилъ слухъ, что козаки и восточной и западной стороны, соединясь, будутъ промышлять надъ царскими людьми.

Въ Малороссіи требовали царскихъ войскъ; но въ то время проходъ войскъ въ странѣ извѣстно чѣмъ сопровождался. Архимандритъ Иннокентій Гизель говорилъ: «Превеликая царскаго величества милость, что изволилъ свою отчину, преславный градъ Кіевъ охранить: этому мы рады; но что ратные люди дорогою дѣлали, тому Богъ свидѣтель: не только эти новопришлые, но и прежніе подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ и около монастырскія и подданныхъ монастырскихъ сѣна побрали безъ остатку, пришлось лошадей и скотину съ двора спускать; также и лѣса наши пустошили и теперь пустошатъ, не исключая борныхъ и надобныхъ.»—Полковникъ Солонина жаловался: «Воеводы и головы стрѣлецкіе, идучи дорогою, подъ Кіевомъ брали подводы многія, и изъ этихъ подводъ большая половина распропала; людей, которые за подводами шли, стрѣльцы били, за хохлы драли и всякими скверными словами безчестили; у бѣдныхъ людей дворы и огороды пожгли, разорили, сѣна всѣ потравили, крали и силою отнимали; такой налоги бѣднымъ людямъ еще не бывало; не знаю я какъ и назвать: неужели это христіане къ христіанамъ пришли на защиту? Но и Татары тоже бы сдѣлали! только тѣмъ и удивляться нечего: непріятельскія люди и бусурманы». Не понравился и самъ Трубецкой съ товарищами своими: знатные Малороссіяне жаловались, что бояринъ и воеводы неприступны, ласки къ нимъ не держатъ, Трубецкой полковникамъ на дворъ и съ двора ѣздить не велитъ, не то что бояринъ князь Григ. Григор. Ромодановскій: кто бы изъ Малороссіянъ къ нему ни пришелъ, и онъ со всякимъ обходится какъ

равный, за это всѣ его любятъ. И по всей Малороссіи, гдѣ проходилъ Трубецкой съ войскомъ, слышались однѣ рѣчи: «Намъ очень надобно, что великій государь прислалъ многихъ людей въ Кіевъ и хочетъ удержать его за собою; если бусурманы на Кіевъ станутъ наступать, то мы всѣ за него умирать готовы; только то нехорошо, что ратные люди съ нами не ласково поступаютъ и не смирно ходятъ; ни отъ чего мы такъ не скучаемъ, какъ отъ подводъ, и многіе съ Кіевской и Переяславской дороги хотятъ разбрестись».

Слышался ропотъ и на новаго гетмана; знатные и простые люди говорили: «Очень тяжело было намъ при Демкѣ, но и теперь отъ того не ушли: на радѣ было отговорено гетману: охочихъ людей не держать, съ винныхъ, пивныхъ котловъ и съ мельничныхъ колесъ пошлинъ не брать, но все по прежнему, какъ при Демкѣ, дѣлается: компанейщину сбираютъ и поборы частые берутъ». Объ этихъ жалобахъ дали знать гетману; онъ отвѣчалъ: «Я компанейщиковъ сбираю и пошлины брать велѣлъ для того, что въ нынѣшнее время люди мнѣ надобны противъ непріятеля. Еслибы съ той стороны всѣ воинскіе люди на эту сторону Днѣпра перешли, то я ихъ приму и кормить буду; а пошлины не себѣ я сбираю, а на кормъ воинскимъ людямъ, которые, покинувъ домы и пожитки свои, великому государю служатъ, не жалѣя головъ; часто случается, что противъ непріятельскихъ ратныхъ людей и нанимаютъ, жалованье большое даютъ; а этимъ людямъ только и пожитку, что сами да лошади ихъ сыты».

Въ то время, какъ походъ царскихъ войскъ къ Днѣпру кончился такъ неудачно, въ августѣ 1673 года начались промыслы на другой сторонѣ, подъ Азовомъ: отправленные на Донъ воеводы Иванъ Хитрово и Григорій Касоговъ съ государевыми ратными людьми и съ Донскими козаками, въ числѣ 8,000, подошли подъ Каланчинскія башни, и, стрѣляя изъ пушекъ день и ночь, сбили у одной изъ башенъ верхній и середній бои и отняли водяное сообщеніе у Азова съ башнями, но сухопутнаго, по недостатку конницы, отнять не могли. Азовцы вышли на бой всѣмъ городомъ, но потерпѣли пораженіе: побѣдители гнали ихъ больше версты. Ядеръ не стало, а идти на приступъ къ башнѣ воеводы и атаманы сочли невозможнымъ, по причинѣ широкихъ валовъ, глубокихъ рвовъ и янычаръ, которыхъ было

1000 человѣкъ. Не успѣвши взять башенъ, воеводы пропустили козаковъ козачьимъ еркомъ въ море на 22 стругахъ для промыслу надъ Турецкими и Крымскими берегами. Донское войско писало Матвѣеву, что если великій государь велитъ идти подъ Азовъ и чинить приступъ, то ратныхъ людей надобно пѣхоты 40,000, да конницы 20,000: съ такимъ войскомъ къ Азову пытаться можно, а съ малымъ войскомъ идти на приступъ нельзя, мѣсто большое; Каланчинскія башни въ десять разъ крѣпче Азова, взять ихъ никакъ нельзя, и впередъ подъ ними людей и казны терять не для чего.

Московскіе ратные люди и козаки промышляли подъ Азовомъ; а въ тылу у нихъ чинился промыслъ своего рода. Хитрово доносилъ, что объявилось на Дону воровство великое, воруетъ старый товарищъ Разина, Иванъ Міюска, около котораго собралось больше 200 человѣкъ; проѣздъ степью сталъ тяжелъ, и впередъ надобно ожидать воровства большаго, потому что товарищи Разина, ушедшіе изъ Астрахани и съ черты, живутъ по Дону въ верховыхъ городохъ. По настоянію Хитрово, Донцы послали отрядъ противъ Міюски на Сѣверскій Донецъ; но Міюска, узнавъ объ этой посылкѣ, перешелъ на устье Черной Калитвы, гдѣ объявилось великое воровство внизъ и вверхъ, торговымъ и служилымъ людямъ не стало проѣзду, и шелъ слухъ, что на весну Міюска пойдетъ на Волгу, пристанетъ къ нему съ Дона и верховыхъ городковъ много воровъ, какъ и къ Разину. Посланные Воронежскимъ воеводою козаки ни-гдѣ не отыскали слѣдовъ Міюски: онъ объявился въ другомъ мѣстѣ.

Въ началѣ зимы гетманъ Самойловичь далъ знать, что въ Запороги пріѣхалъ человѣкъ—хорошъ и тонокъ, долголицъ, не черменъ и не русъ, немного смугловатъ, по лицу трудно сказать лѣта, козаки угадывали, что лѣтъ пятнадцать, молчаливъ, два знамени у него: на знаменахъ написаны орлы и сабли кривыя, съ нимъ восемь человѣкъ Донской породы, надѣтъ на немъ кафтанъ зеленый, лисицами подшитъ, а подъ исподомъ кафтанецъ червчатый китайковый, называется царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ; вожъ его, козакъ Міуской говорилъ судьѣ Запорожскому, будто у этого царевича на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя видѣніемъ царскаго вѣнца. Когда узнали въ Запорожьѣ, что Сѣрко приближается, то царевичь, распустивъ

знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчею. Сѣрко посадилъ его подлѣ себя и спрашивалъ: «Слышалъ я отъ наказнаго своего, что ты называешься какого-то царя сыномъ: скажи, Бога боясь, потому что ты очень молодъ, истинную правду скажи, нашего ли великаго государя Алексѣя Михайловича ты сынъ, или другаго какого царя, который подъ его рукою пребываетъ? чтобы мы и тобою обмануты не были, какъ иными въ войскѣ плутами». Молодой человѣкъ всталъ, снялъ шапку и говорилъ какъ бы плача: «Не надѣялся я, что ты меня бояться будешь; Богъ мнѣ свидѣтель правдивый, что сынъ я вашего государя». Услыхавъ это, Сѣрко и всѣ козаки сняли шапки, поклонились до земли и начали потчивать его питьемъ. У самозванца спрашивали, будетъ ли онъ своею рукою писать къ гетману Самойловичу и къ батюшкѣ своему великому государю? — «Господину гетману, отвѣчалъ онъ, изустнымъ приказомъ кланяюсь; а къ батюшкѣ писать трудно, чтобы моя грамотка къ боярамъ въ руки не попалась, чего очень опасаюсь, а такой человѣкъ не сыщется, чтобы грамотку мою батюшкѣ въ самыя руки могъ отдать, и ты, кошевой атаманъ, умилосердись, никому Русскимъ людямъ обо мнѣ не объявляй; сосланъ я былъ на Соловецкій островъ, и какъ Стенька былъ, то я къ нему тайно пришелъ и жилъ при немъ пока его взяли, потомъ съ козаками на Хвалынское море ходилъ, откуда на Дону былъ, войскомъ здѣсь про меня не вѣдали, только одинъ атаманъ вѣдалъ». А вожъ Міюской говорилъ Сѣрку, что подлинно на тѣлѣ у царевича знаки видѣніемъ царскаго вѣнца есть; намѣреніе такое имѣетъ, тайно пробраться въ Кіевъ и оттуда ѣхать къ Польскому королю.

14 декабря къ гетману Самойловичу и на кошъ къ Сѣрку за самозванцемъ отправились сотникъ стрѣлецкій Чадуевъ и подъячій Щеголевъ.—«Я уже писалъ въ Запороги, сказалъ имъ Самойловичь, чтобы вора съ товарищами ко мнѣ прислали; думаю, что Сѣрко не будетъ мнѣ противенъ; боюсь одного, что на Запорожьѣ никого не выдаютъ, говорятъ, что они войско вольное, кто хочетъ приходитъ по волѣ и отходитъ также.» На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Керебердѣ пришелъ къ московскимъ посланцамъ Запорожскій козакъ Максимка Щербакъ и началъ говорить:» Знаете ли вы Щербака Донскаго, а онъ знаетъ, зачѣмъ вы на Запорожье посланы; вамъ ѣхать не зачѣмъ, даромъ

пропадете: самый истинный царевичь Симеонъ Алексѣевичь нынѣ на Запорожьѣ объявился, я про это про все знаю и вѣдаю; царевичь дѣда своего, боярина Илью Даниловича Милославскаго ударилъ блюдомъ и отъ того ушелъ, по всей Москвѣ слава носилась, что то правда была, а я въ то время на Москвѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго освобожденъ, былъ на Дону и на Запорожьѣ, а вышелъ изъ Запорожья тому другая недѣля.» — «Это воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ,» говорили посланцы. Щербакъ на это плюнулъ имъ въ глаза и сказалъ: «Завяжите себѣ ротъ, даромъ злую смерть примете.» Встрѣтились Чадуеву и Щеголеву посланцы Самойловича, ѣздившіе въ Запорожье и объявили: «Когда Запорожцы выслушали гетманское письмо о самозванцѣ, то смѣялись, про гетмана и про бояръ говорили всякія непристойныя и грубыя слова, самозванца, по приказу Сѣркову, называютъ царевичемъ; къ гетману ничего не отписали, писалъ къ нему самозванецъ и запечаталъ своею печатью на подобіе печати царскаго величества; сдѣлали ему эту печать Запорожцы изъ ефимковъ, да сдѣлали ему тафтяное знамя съ двоеглавымъ орломъ и платье доброе дали. На отпускѣ нашемъ пришелъ въ раду самозванецъ, безчестилъ всячески гетмана, говорилъ: «Глупъ вашъ гетманъ, что меня такъ описываетъ, еслибы вы не прѣсныя души, велѣлъ бы повѣсить; если гетману надобно меня знать, пусть пришлетъ осмотрѣть обозная Петра Забѣлу, да судью Ивана Домонтовича; о выдачѣ моей много бояре станутъ присылать знатныхъ людей именемъ царскаго величества съ грамотами, только я не поѣду три года, буду ходить на море и въ Крымъ, а кто присланы будутъ, даромъ не пробудутъ.» Въ Кишенкѣ Московскіе посланцы нашли челядника Василья Многогрѣшнаго, Лучка, да самозванцева товарища Мерешку; оба говорили Чадуеву и Щеголеву, чтобы на Запорожье ни подъ какимъ видомъ не ѣздили: еще у Кодака Запорожцы встрѣтятъ и повѣсятъ, а самозванца выдать и не подумаютъ. «Я, говорилъ Лучка, при немъ жилъ многое время и видѣлъ на плечахъ природные знаки красные: царскій вѣнецъ, двоеглавый орелъ, мѣсяцъ съ звѣздою.» Пріѣхалъ въ Кишенку Игнатъ Оглобля, отправлявшійся въ посланникахъ отъ Сѣрка къ гетману Самойловичу; онъ говорилъ, что Сѣрко хотѣлъ бить Чадуева за самозванца и на-

зывалъ его собачьимъ сыномъ. Услыхавъ всѣ эти вѣсти, Чадуевъ и Щеголевъ приняли мѣры для собственной безопасности: велѣли Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю отослать къ гетману въ Каневъ, чтобы онъ держалъ ихъ тамъ до ихъ возвращенія.

1-го марта 1674 года выѣхали царскіе посланники изъ Кишенки на Запорожье; 9-го числа въѣхали въ Сѣчу: кошевой атаманъ Сѣрко и все поспольство вышли за городъ на встрѣчу, и поставили Чадуева и Щеголева за городомъ, на берегу рѣки Чертомлика въ Греческой избѣ. На другой день посланниковъ позвали въ курень къ атаману; тамъ нашли они Сѣрка, судью, писаря, куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ-радцевъ (совѣтниковъ): «Для какихъ великаго государя дѣлъ вы къ намъ присланы? спросилъ Сѣрко: слышали мы, что за царевичемъ?» —«Это не царевичь, отвѣчалъ Чадуевъ: это воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступникъ, Стеньки Разина ученикъ.»—«Неправда, говорили Запорожцы: это истинный царевичь Симеонъ Алексѣевичь и желаетъ съ вами видѣться.» — «Мы присланы, отвѣчалъ Чадуевъ, для взятья этого вора и самозванца, а не видѣться съ нимъ.» Сѣрко: «Мы его въ радѣ вамъ покажемъ, станете съ нимъ говорить, и мы знаемъ, что вы, узнавъ, поклонитесь ему какъ слѣдуетъ.» Послѣ этого разговора Сѣрко, судья, писарь и куренные атаманы пили у самозванца мало не весь день, и Сѣрко, упившись, будто спалъ. Часа за два до вечера самозванецъ, опоясавшись саблею, вышелъ изъ своего куреня, съ нимъ судья Степанъ Бѣлый, писарь Андрей Яковлевъ, есаулы и козаковъ человѣкъ съ триста, всѣ пьяные, подошли къ избѣ, гдѣ стояли послы, и стали выкликать Щеголева: «Поди! царевичь тебя зоветъ.» Щеголевъ не пошелъ, а Чадуевъ вышелъ въ сѣни и, отворя дверь, говорилъ: «Кто и зачѣмъ Щеголева спрашиваетъ!» Отвѣчалъ самозванецъ: «Поди ко мнѣ!» Чадуевъ: «Ты что̀ за человѣкъ?» Самозванецъ: «Я царевичь Симеонъ Алексѣевичь.» Чадуевъ: «Страшное и великое имя вспоминаешь; такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, что и въ разумъ человѣческій не вмѣстится; царевичи государи по степамъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ; ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ.» Самозванецъ: «Брюхачи,

измѣнники! смотрите! наши же холопи да намъ же досаждаютъ! Я тебя устрою!» И вынувъ саблю, побѣжалъ къ дверямъ на Чадуева; тотъ взялъ пищаль и хотѣлъ его убить; но писарь схватилъ самозванца поперекъ, унесъ за хлѣбную бочку и потомъ пошелъ съ нимъ въ городъ. Остались козаки и начали съ полѣньями приступать къ избѣ, а другіе разбирать крышу, ругались, крича: «Ты, старый, государича хотѣлъ застрѣлить.» Тутъ Чадуевъ съ пищалью, Щеголевъ съ саблею, стрѣльцы съ мушкетами, простясь между собою, сѣли на смерть. Но до смерти дѣло не дошло: посланники вынули государеву грамоту и закричали: «Подождите до рады, а въ радѣ выслушайте великаго государя грамоту!» Козаки закричали судьѣ и есауламъ: «Поставьте у нихъ караулъ, чтобы не ушли: умѣютъ Москали изъ рукъ уходить.» И одинъ за другимъ разошлись. Но вмѣсто нихъ явился полковникъ Алексѣй Бѣлицкій, при немъ козаки съ мушкетами, и стали въ сѣняхъ, у самыхъ избныхъ дверей, готовые къ бою.

Вечеромъ пришли къ посламъ отъ Сѣрка судья, писарь, есаулъ, атаманъ куренный и говорили: «Худо вы сдѣлали, что государича хотѣли застрѣлить, будучи между войскомъ; 12 марта будетъ рада и государичь въ радѣ будетъ; что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ вѣдомо, и если надъ вами войску велитъ что̀ сдѣлать, то войско что огонь, по маковому зерну разорветъ. Вы когда придете въ раду, поскорѣе добивайте ему челомъ и кланяйтесъ до земли.» Чадуевъ: «Недобрый, небогоугодный, невѣрныхъ слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ его, повѣря невѣдомо какому вору, смерти предаете! мы не на смерть къ вамъ посланы, а на увеселеніе и объявленіе царскаго величества премногой милости вамъ же.»

12-го марта собралась рада; пословъ царскихъ позвали туда, но ножи у нихъ обобрали и велѣли за ними идти караульщикамъ съ мушкетами. Самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ въ окно на раду. Сѣрко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманскій листъ, началъ говорить Запорожцамъ: «Братья мои, атаманы молодцы, войско Запорожское низовое Днѣпровое, какъ старъ, такъ и молодой. Прежде въ войскѣ Запорожскомъ у васъ добрыхъ молодцовъ того не бывало, чтобъ кому кого выдавали:

не выдадимъ этого молодчика!» — «Не выдадимъ, господинъ кошевой!» грянула толпа. — Сѣрко продолжалъ: «Братья моя милая! Какъ одного его выдадимъ, тогда всѣхъ насъ Москва по одному разволочетъ; а онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичь, и сидитъ какъ птица въ клѣткѣ и никому ничего невиненъ». — «Пустъ они того плута сами въ очи посмотрятъ, закричали козаки: узнаютъ, что̀ за плутъ! Идетъ имъ о печать и о письмо; царевичь и самъ сказываетъ, что бояре все это пишутъ и присылаютъ безъ указа великаго государя и еще будутъ присылать; пора ихъ утопить, либо руки и ноги отрубить».—«Поберегите, братцы, меня, сталъ опять говорить Сѣрко: еще потерпимъ, нашихъ много у гетмана, а иныхъ они, Чадуевъ и Щеголевъ, для своей свободы къ гетману отослали, и пока наши будутъ, подержимъ ихъ живыхъ, или одного изъ нйхъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить, а караулъ у нихъ крѣпкій стоитъ, неуйдутъ. Пошлемъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ клейноты войсковые отдалъ намъ накошъ да и самъ къ намъ пріѣхалъ, онъ меня послушаетъ, потому что мнѣ кумъ; спасибо ему, что до сихъ поръ клейнотовъ войсковыхъ Ромодановскому не отдалъ. Какая правда Ромодановскаго? Когда побилъ Юраску Хмельницкаго и клейноты войсковые взялъ, намъ ихъ не отдалъ, и теперь тоже сдѣлаетъ, если Дорошенко клейноты ему отдастъ». — «Пошлемъ, господинъ кошевой! загремѣла опять толпа, вели листы къ Дорошенку писать». Тутъ Сѣрко велѣлъ Чадуеву и Щеголеву выйти изъ рады; но козаки зашумѣли: «Показать имъ царевича, чтобы они по его волѣ учинили, а если не учинятъ, побить». Сѣрко сталъ ихъ опять успокоивать: «Онъ государичь, зачѣмъ ему по радамъ волочиться; когда будетъ время, увидятъ и безъ рады и по волѣ его учинятъ, а теперь пускайте ихъ».

Вечеромъ пришли къ посламъ судья, писарь и есаулъ и начали говорить: «Царевичь очень печаленъ, что къ вамъ въ раду его не позвали, хочетъ онъ съ вами видѣться, и кошевой хочетъ его съ вами свести въ своемъ куренѣ». Послы отвѣчали: «Присланы мы отъ царскаго величества къ войску Запорожскому за самозванцемъ, а не бесѣдовать съ нимъ; если кошевой введетъ его къ себѣ въ курень съ саблею, а онъ захочетъ озорничать то какая ваша правда? мы и теперь, какъ тогда, шеи не протянемъ».

13-го марта созвавъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ, Сѣрко призвалъ пословъ и говорилъ имъ: «Много вы на Запорожьѣ наворовали, на великаго человѣка хотѣли руку поднять, государича убить, достойны вы смерти. А намъ Богъ далъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего никогда, искони вѣковъ у насъ на Запорожьѣ не бывало. Сказываетъ онъ, что изъ Москвы изгнанъ такимъ образомъ: однажды былъ онъ у дѣда своего, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, и въ тоже время былъ у боярина Нѣмецкій посолъ и говорилъ о дѣлахъ; царевичь разговору ихъ помѣшалъ, а бояринъ невѣжливо отвелъ его рукою. Царевичь, возвратившись въ свои палаты, говорилъ матери, царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ: еслибы мнѣ на царствѣ хотя бы три дни побыть, и я бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ. Царица спросила: кого бы онъ перевелъ? — Прежде всѣхъ боярина Илью Даниловича, отвѣчалъ царевичь. Царица кинула въ него ножемъ, ножъ попалъ въ ногу, и онъ отъ того занемогъ. Царица велѣла стряпчему Михайлѣ Савостьянову его окормить, но стряпчій окормилъ вмѣсто его пѣвчего и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а другое на мертваго; царевича берегъ втайнѣ три дни, нанялъ двухъ нищихъ старцевъ, одного безъ руки, другаго криваго, далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и эти старцы вывезли его изъ города на малой тележкѣ подъ рогожею и отдали посадскому мужику, а мужикъ свезъ его къ Архангельской пристани. Скитаясь тамъ долгое время, царевичь наконецъ пришелъ на Донъ и былъ съ Стенькою Разинымъ на морѣ, не сказывая про себя, былъ у Разина кашеваромъ и назывался Матюшкою; а передъ Стенькинымъ взятьемъ онъ ему про себя сказывалъ подъ присягою; а послѣ Стеньки былъ на Дону царскаго величества посланный съ казною, который его царевича дарилъ, и онъ съ нимъ послалъ письмо, но этого письма бояре до царскаго величества не допустили. Какъ время придетъ, пошлетъ онъ къ царскому величеству письмо съ такимъ человѣкомъ, который самъ до государя донесетъ. — Я, продолжалъ Сѣрко, мало этому вѣрилъ; но въ нынѣшній великій постъ онъ постился, я велѣлъ священнику его на исповѣди подъ клятвою свидѣтельствовать, подлинно ли такъ какъ сказываетъ, и онъ подъ клятвою сказалъ, что правда истинная и причащался. И

теперь кто что ни говори и ни пиши, всѣ мы въ томъ ему вѣримъ». Тутъ Сѣрко перекрестился и сказалъ: «Истинный царевичъ! не зарекаемся мы за его промысломъ, какъ онъ у насъ росписи проситъ, чтò войску надобно? на 3,000 и больше кармазинныхъ суконъ по 10 аршинъ на человѣка на годъ брать, также денежную, свинцовую и пороховую и многую казну, ломовыя пушки и нарядныя ядра; и мастеръ, который тѣми ядрами умѣетъ стрѣлять, и сипоши, и чайки у насъ будутъ. Царевичь говоритъ да и мы сами хорошо знаемъ, для чего Донскимъ козакамъ инамъ государева жалованья, пушекъ, всякихъ войсковыхъ запасовъ и чаекъ не даютъ: царскоѐ величество къ намъ милосердъ, много обѣщаетъ, а бояре и малого не даютъ; царское величество изволилъ намъ прислать шиптуховыхъ суконъ, и намъ досталось только по полтора локтя на человѣка».—«Оставьте всѣ эти слова, отвѣчалъ Чадуевъ, выдайте самозванца и пошлите къ великому государю съ нимъ сто человѣкъ и больше своихъ, и всѣ они будутъ пожалованы, и къ вамъ на кошъ царское жалованье, сукна, пушки, ядра, мастеръ, зѣлье, свинецъ, сипоши и чайки присланы будутъ». — «Если и тысячу человѣкъ за нимъ пошлемъ, отвѣчали атаманы, то на дорогѣ его отнимутъ и до царскаго величества не допустятъ; если дворяне или воеводы съ людьми ратными за нимъ присланы будутъ, не отдадутъ; Москва и насъ всѣхъ называетъ ворами и плутами, будто мы не знаемъ, чтò и откуда кто есть? Ёсли государь, по приговору бояръ, что мы царевича не отдали, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демка Многогрѣшный не пропускалъ, то мы какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ, сыщемъ мы себѣ и другаго государя, дадутъ намъ и Крымскіе мѣщане хлѣба, и ради намъ будутъ, чтобы только брали, такъ какъ во время Суховѣева гетманства давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопи. А про царевича вѣдомо и хану Крымскому: присылалъ провѣдывать объ немъ и мы сказали, что есть у насъ на кошѣ такой человѣкъ. Турскій султанъ нынѣшнею весною непремѣнно хочетъ быть подъ Кіевъ и далѣе; пусть цари между собою перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ, кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ. Жаль намъ Пашки Грибовича: еслибы въ нынѣшнее время онъ

Пашка былъ съ нами, узналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле посмотрѣть, узнали бы какой жолнырь Сѣрко. Какому они мужику дали гетманство? онъ своихъ разоряетъ и разорять-то не умѣетъ: по Днѣпру попласталъ и поволочился я, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у насъ четыре гетмана: Самойловичь, Суховѣй, Ханенко, Дорошенко, а ни отъ кого ничего добраго нѣтъ, въ домахъ сидятъ и только между собою христіанскую кровь проливаютъ за гетманство, за маетности, за мельницы; то бы было хорошо, еслибы Крымъ разорить и войну унять. Когда рада была и Ромодановскій гетманство Самойловичу далъ, а войско спрашивало меня и гетманство хотѣло дать мнѣ. Ромодановскій не повойсковому поступилъ и давно меня въ пропасть отослалъ. Слышно, что той стороны Днѣпра многіе города и Лизогубъ теперь при вашемъ гетманѣ. Хвала Богу, что Лизогубъ подлизался, а какъ лизнетъ, то и въ пятахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ дали гетманство, я бы не такъ сдѣлалъ; еслибы и теперь дали мнѣ на одинъ годъ гетманство, или гетманъ, Московскій обранецъ, поповичь далъ мнѣ четыре полка, Полтавскій, Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій, то я бы зналъ что съ ними сдѣлать, Крымъ бы весь разорилъ.» — Теперь у князя Ромодановскаго и у гетмана войска много, сказали послы: ступай къ нимъ и промышляй съ ними сообща. — «Теперь не прежнее, отвѣчалъ Сѣрко, не обманутъ меня; прежде Ромодановскій отписалъ ко мнѣ государскую милость; я, повѣря ему, поѣхалъ къ нему, а онъ меня продалъ за 2000 золотыхъ червонныхъ.» — «Кто эти червонные за тебя далъ?» спросили послы. — «Царское величество, милосердуя обо мнѣ, велѣлъ дать ихъ Ромодановскому», отвѣчалъ Сѣрко.

17 марта передъ обѣднею Сѣрко посылалъ священника, да 11 человѣкъ куренныхъ атамановъ осматривать царевича; никакого вѣнца, ни орла, ни мѣсяца, ни звѣзды не нашли, только на груди отъ одного плеча до другаго восемь пятенъ бѣлыхъ, точно пальцемъ ткнуты, да на правомъ плечѣ точно лишай — широко и бѣло. Самозванецъ говорилъ имъ, будто про эти знаки знаетъ царица, да мама Марья; теперь кромѣ стряпчаго Михайлы Савостьянова никто его не узнаетъ, да и онъ, кромѣ его, никому не повѣритъ, а къ царю писать будетъ. Сѣрко и вѣ

козаки еще больше послѣ этого увѣрились. Въ тотъ же день Московскимъ посламъ было объявлено, что ихъ къ государю отпустятъ, но вмѣстѣ съ ними отправятъ своихъ козаковъ, чтобы они сами изъ устъ царскаго величества о томъ человѣкѣ слово услышали и, пріѣхавъ на кошъ, имъ объявили, и тогда у нихъ свой разумъ будетъ.»

Старая исторія! Запорожскій кошевой срываетъ сердце: зачѣмъ его не выбрали гетманомъ? его, давняго сторонника Дорошенка! притворяется, что вѣритъ самозванцу; козакъ высказывается: пусть государи перевѣдаются, а мы будемъ затѣмъ, кто осилитъ; приговоръ Запорожью былъ подписанъ этими словами, ибо кто осилилъ окончательно, тотъ не захотѣлъ болѣе терпѣть людей, шатающихся между государями, выжидающими, кто изъ государей будетъ сильнѣе. Сѣркѣ было досадно, что гетманъ-поповичь, Самойловичь получилъ успѣхъ на западной сторонѣ Днѣпра. Дѣйствительно въ началѣ 1674 года привелось въ исполненіе давно задуманное предпріятіе перенести царское оружіе на западную сторону. Самойловичь получилъ приказаніе изъ Москвы соединиться съ Ромодановскимъ и двинуться противъ Дорошенка, съ которымъ не прекращались безполезные переговоры о подданствѣ. Дорошенко съ Тукальскимъ присылали и въ Москву монаха Серапіона съ предложеніемъ подданства и съ условіями, на которыхъ Дорошенко хотѣлъ поддаться великому государю. Дорошенко требовалъ, чтобы Кіевъ отданъ былъ козакамъ, чтобы царь вывелъ изъ него своихъ людей, а козаки за то позволятъ царю въ какомъ городѣ угодно занять крѣпость своими войсками. Если царь не согласится на это, то Серапіонъ долженъ былъ просить обнадеживанья, чтобъ Кіева не отдавать Полякамъ. Дорошенко требовалъ, чтобы на обѣихъ сторонахъ Днѣпра былъ одинъ гетманъ, который владѣлъ бы войскомъ и поспольствомъ какъ господарь, какъ теперь за Днѣпромъ, чтобъ всѣ его слушались. Гетманъ съ украйною не на время признаютъ царское величество дѣдичнымъ государемъ: такъ чтобы и гетманъ на всю жизнь былъ утвержденъ, особенно, чтобы вольности козацкія въ цѣлости пребывали. Чтобы царь не допускалъ непостоянства нѣкоторыхъ людей украинскихъ, какъ недавно по нѣскольку гетмановъ бывало. Гдѣ домовитовъ много, тамъ порядка нѣтъ, особенно когда со-

гласія и послушанія не будетъ: такъ чтобы приказалъ государь Запорожцамъ слушаться гетмана. Касательно рубежа польскаго въ составъ украйны должны входить три прежнія воеводства: Кіевское, Браславское и Черниговское. Чтобы царь оборонялъ украйну и велъ наступательную войну противъ бусурманъ. — У Дорошенка больше всего было на сердцѣ двойное гетманство: «Никогда я этого не уступлю, говорилъ Дорошенко: дѣло невозможное и въ Украйнѣ неслыханное, чтобы гетманъ на той сторонѣ Днѣпра когда-нибудь былъ; не только я, но и вся сторона, которая подъ моимъ начальствомъ, на это никакъ не согласится. При двухъ гетманахъ мы никогда ничего добраго не сдѣлаемъ; примѣръ Польша и Литва: отъ безпрестанной зависти что̀ тамъ добраго дѣлается? Не хвалюсь, но пусть панъ Самойловичь такой будетъ какъ я. Козакъ ли онъ отъ прадѣдовъ и дѣдовъ! Знаетъ ли онъ запорожье, рѣчки, проливы морскіе, рѣки, самое море? на многихъ ли войнахъ бывалъ! гдѣ чего нагладѣлся? когда съ монархомъ дѣло имѣлъ, воевалъ или договаривался, чтобы теперь умѣть начать что-нибудь для услуги царскаго величества? Если онъ на себѣ покажетъ, что знаетъ все и можетъ что доброе начать, то я ему уступлю и низко поклонюсь, что съ меня эту тягость сниметъ. А то онъ и козакомъ-то недавно, случилось ли ему хотя однажды быть въ войскѣ? долго ли былъ полковникомъ? всѣ ли наши старшинства—отъ малаго до великаго—перешелъ? А еще мнѣ пакость дѣлаетъ! козаковъ съ нашей стороны забираетъ, на лошадяхъ козацкихъ украденныхъ съ нашей стороны, самъ ѣздитъ; вора, который, служа у меня, покралъ и на ту сторону ушелъ, не велѣлъ выдать; Дмитряшку ключникомъ, на зло мнѣ, сдѣлалъ. Послѣ этого пусть царское величество разсудитъ, какъ мы можемъ согласиться? какъ онъ можетъ мнѣ въ нуждахъ помогать? Хорошо ли, что въ Польшѣ два гетмана безпрестанно ссорятся, одинъ другому пакоститъ и Польша отъ ихъ несогласія погибаетъ? Кромѣ того: одною стороною украйны не только отъ Турокъ, но и отъ орды не оборонюсь. Не обо мнѣ дѣло: у меня нѣтъ дѣтей; наберу тысячу, другую, третью похоты, пойду въ поле—и тамъ проживу. Дѣло идетъ обо всѣхъ людяхъ, которые отъ моего поступка могутъ погибнуть. Если царское величество возложитъ на меня гетманство обѣихъ сторонъ, то буду стараться услужить. Если царское

величество будетъ слушаться Самойловича, то добра не видать. Такихъ найдется не мало, которые, сидя въ покоѣ, господствуютъ, о добрѣ общемъ христіанскомъ не стоятъ. Дѣло понятное, что Нѣжинскій протопопъ на соединеніе украйны подъ моимъ гетманствомъ не согласится: тогда бы пришлось имъ бояться пастыря бдящаго, а теперь что хотятъ то творятъ.»

Самойловичь платилъ Дорошенку тою же монетою: писалъ въ Москву, что Дорошенко съ Тукальскимъ о томъ только и думаютъ, какъ бы властвовать на обѣихъ сторонахъ съ помощію Турокъ; что онъ, Самойловичь не хочетъ имѣть съ ними никакихъ сношеній, что Дорошенко вредитъ ему самымъ нехристіанскимъ образомъ, присылаетъ зажигателей на восточную сторону и цѣлые города горятъ. Царь успокоивалъ гетмана, приказывалъ къ нему, что Дорошенко принятъ будетъ въ подданство только подъ условіемъ оставаться гетманомъ на одной западной сторонѣ. Дѣйствительно Дорошенку велѣно было сказать: «Царское величество дивится, что онъ гетманъ Петръ Дорошенко укоряетъ гетмана Ив. Самойловича за низкое происхожденіе, и будто онъ никакихъ поведеній войска Запорожскаго не знаетъ. Надобно ему Дорошенку припамятовать прежнихъ гетмановъ, кромѣ Богдана Хмельницкаго, знатной ли фамиліи и знающіе ли были люди, Самко, Цыцура, Безпалый, Барабашъ, Пушкаренко, Золотаренко, Брюховецій: только выбраны были вольными голосами по правамъ войска Запорожскаго, потому что государь не запрещаетъ войску Запорожскому выбирать гетмановъ. Нечего укорять Ив. Самойловича, что онъ съ монархами не договаривался: ему этого дѣлать нельзя, потому что онъ подъ рукою царскаго величества; какъ онъ Дорошенко своими договорами войско Запорожское успокоилъ—это всему свѣту извѣстно; а гетманъ Ив. Самойловичь и все войско Запорожское на восточной сторонѣ въ покоѣ живутъ. Въ Польшѣ и Литвѣ изъ древнихъ лѣтъ гетманы великіе и польные, а что между ними несогласіе, то сдѣлалось по волѣ Божіей, и въ примѣръ того писать негодится.» Также Дорошенку велѣно было сказать, что сейчасъ нельзя сдѣлать его гетманомъ обѣихъ сторонъ; но если весною войска обѣихъ сторонъ, вышедши въ поле, захотятъ имѣть его единственнымъ гетманомъ по правамъ своимъ козацкимъ, то царское величество его утвердитъ.

Но Дорошенко, толкуя постояно о правахъ и вольностяхъ козацкихъ, не хотѣлъ признать главнаго права козаковъ, права на выборъ гетмана, опасаясь, что они могутъ воспользоваться этимъ правомъ не въ его пользу. «Не подлинная эта вещь, отвѣчалъ Дорошенко: потому что извѣстные люди не хотятъ на это позволить, и я неподлинными вещами далъ бы себя провести, а потомъ некому было бы меня защищать отъ Турокъ и Татаръ. Видя недружбу пана Самойловича, нечего мнѣ ждать отъ него помощи. Мнѣ говорятъ, что царскому величеству трудно смѣнить Самойловича! Но вѣдь по милости царскаго величества дано ему гетманство, минуя заслуженнѣйшихъ людей и не спрашивая нашу братью козаковъ; козаки были принуждены взять его въ гетманы, потому что князь Ромодановскій утвердилъ. Такъ и теперь, если царское величество захочетъ, возможно. Хорошъ будетъ порядокъ, когда войско будетъ въ послушаніи двоихъ гетмановъ, въ недружбѣ живущихъ! а захочу того, онъ другаго: можетъ ли выйти отсюда что доброе?»

Понятно, что Самойловичь не могъ успокоиться, зная характеръ и притязанія Чигиринскаго гетмана; но кромѣ Дорошенка онъ боялся еще друзей Многогрѣшнаго: «Многогрѣшный съ совѣтниками своими по волѣ ходятъ и, разумѣется, что-нибудь умышляютъ, писалъ гетманъ къ Черниговскому полковнику Бурковскому: Грибовичь уже въ Запорогахъ, наши своими глазами его видѣли, да и тѣ (т. е. Многогрѣшные) невѣдомо гдѣ? Богъ вѣсть, что изъ того будетъ! Не хитръ былъ и Стенька, а много бѣды надѣлалъ! И этимъ не надобно было довѣрять: слыхали мы не разъ своими ушами, что хотѣли станъ раскинуть около самой Москвы; такъ бывало явно брешутъ». Раздѣленіе гетманства точно также не нравилось и Самойловичу, какъ Дорошенку: «Если оба гетмана, говорилъ Самойловичь царскому послу Бухвостову, если оба гетмана пошлютъ противъ непріятеля своихъ наказныхъ гетмановъ, то бояринъ, который придетъ съ государевыми людьми, не будетъ знать, которому гетману угодить? При польскомъ владычествѣ никогда двухъ гетмановъ не бывало. А что гетманъ Богданъ Хмельницкій билъ челомъ, чтобы быть другому гетману, то онъ хотѣлъ дать гетманство какому-нибудь родственнику своему, да и войска въ то время было на обѣихъ сторонахъ много, а теперь на той сторонѣ мало-

людство; по старому захочетъ Дорошенко этою стороною славенъ быть и подъискивать надо мною. Если же царское величество хочетъ принять Дорошенка для отвращенія Турецкой войны, то война этимъ не отвратится; принявъ Дорошенка, надобно будетъ его отъ непріятеля оборонять и поставить войска по городамъ: въ Чигиринѣ, въ Каневѣ, въ Умани, въ Черкасахъ, потому что Турецкій султанъ будетъ воевать Дорошенка за измѣну. Какъ поддастся Дорошенка великому государю, то будетъ безпрестанно посылать въ Москву прося помощи и для другихъ дѣлъ черезъ наши города; эти посланцы всегда будутъ намъ докучать, всего просить, насильно отнимать и плевелы всякіе въ народъ пускать, и будемъ мы у нихъ точно въ подданствѣ. Дорошенко укоряетъ меня за низкое происхожденіе: но еслибъ посмотрѣлъ въ зерцало правды, то могъ бы увидать, что я не только равенъ, но и честнѣе его родомъ, какое же я получилъ воспитаніе у родителей моихъ, въ томъ свидѣтель Богъ и люди честные; пришедши въ возрастъ, не былъ я празденъ, но тотчасъ занялся войсковыми дѣлами, проходя равные чины: послѣ полковничества получилъ судейство генеральное, которое требуетъ совершеннаго человѣчества, т. е. страха Божія и разсужденія. Нарекаетъ Дорошенка и на отца Симеона: подай Богъ, чтобъ много такихъ было какъ отецъ протопопъ. Митрополитъ Тукальскій погубилъ Выговскаго: когда король Казимиръ былъ подъ Сѣвскомъ и Глуховымъ, то онъ приводилъ Выговскаго къ тому, чтобы всталъ на королевское величество. Выговскій, послушался его, писалъ къ Сѣрку и къ Сулимкѣ, чтобъ они, собравшись съ войскомъ Запорожскимъ, шли къ нему, а онъ хотѣлъ короля у Днѣпра перенять. Но грамоты попались Тетерѣ, который вмѣстѣ съ Маховскимъ и убилъ Выговскаго, а Тукальскаго въ Маріенбургъ послали въ заточеніе. Тукальскій же погубилъ и Брюховецкаго, прельстивъ его булавою на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Демка Многогрѣшный сначала словъ непристойныхъ на государя и на синклитъ неговаривалъ, а какъ началъ пересылаться съ митрополитомъ и Дорошенкомъ, то вознесся въ гордость и сталъ говорить и писать хульныя рѣчи на государя и государство. Дорошенко погубилъ Степана Опару, который выбранъ былъ войскомъ послѣ Тетери, и самъ сдѣлался гетманомъ насильно, съ помощію орды, а не вольными голосами».

Чтобы покончить это дѣло и заставить Дорошенко поддаться на всей волѣ великаго государя или свергнуть его съ гетманства, Самойловичу и Ромодановскому надобно было двинуться за Днѣпръ. Матвѣевъ получилъ письмо отъ протопопа Семена Адамовича: «Гетманъ Иванъ Самойловичь во всякихъ дѣлахъ совершенно на волю Божію и царскую и на твое благодѣтеля моего заступленіе положился, и ничего мимо указа царскаго и твоего совѣта не дѣлаетъ. Теперь, по указу государеву, собрался съ полками въ походъ и дорогою узналъ, что князь Трубецкой обѣщаетъ Дорошенку гетманство на обѣихъ сторонахъ, обѣщаетъ собрать раду чернецкую для козаковъ обѣихъ сторонъ. Самъ гетманъ своею рукою писалъ объ этомъ ко мнѣ; какъ онъ выходилъ въ походъ, то у насъ съ нимъ такой приговоръ учинился: если ему отъ чего-нибудь будетъ скорбь, то пишетъ ко мнѣ, а я отписываю объ этомъ къ тебѣ, благодѣтелю моему милостивому: мы теперь по Богѣ и по царскомъ величествѣ инаго, кромѣ милости твоей, заступника не имѣемъ. Не отрини насъ отъ своей милости, какъ началъ благодѣтелемъ намъ быть, такъ и соверши». Въ Кіевъ поскакалъ гонецъ съ указомъ Трубецкому не пересылаться съ Дорошенкомъ на счетъ подданства, а если Дорошенко пришлетъ, то отвѣчать, что это дѣло положено на Ромодановскаго и Самойловича: пусть съ ними и сносится.

31 декабря Самойловичь рушился изъ Батурина и 8 января 1674 года достигъ Гадяча; сюда 12 числа пришелъ и князь Ромодановскій; переговоривши обо всемъ, 14-го оба полководца выступили къ Днѣпру, имѣя вмѣстѣ тысячь 80 войска. Не смотря на то, что Дорошенко «предавался въ отеческую милость его превысочества, великаго визиря», Турки не защитили его на этотъ разъ. 27 января сдался Крыловъ; 31 января, товарищъ Ромодановскаго, Скуратовъ съ русскими и козацкими полками подошелъ подъ Чигиринъ, выжегъ всѣ посады, побилъ Дорошенковыхъ людей и преслѣдовалъ ихъ до городской стѣны. 4 февраля Ромодановскій и Самойловичь заняли Черкасы. 9 февраля, только что Ромодановскій и Самойловичь подошли къ Каневу, находившійся тутъ Дорошенковъ генеральный есаулъ Яковъ Лизогубъ и Каневскій полковникъ Гурскій со всею старшиною явились въ таборъ къ соединеннымъ полководцамъ и били челомъ о поддан-

ствѣ царскому величеству; всѣ Каневцы были приведены къ присягѣ. Когда въ Москвѣ узнали о началѣ непріятельскихъ дѣйствій за Днѣпромъ, о взятіи Черкасъ и о посылкѣ Скуратова подъ Чигиринъ, то къ воеводѣ и гетману поскакалъ полковникъ и стрѣлецкій голова Колобовъ — спросить о здоровьи, похвалить за службу, но потомъ спросить: «Зачѣмъ бояринъ и гетманъ со всѣми ратными людьми не пошли сообща подъ Чигиринъ, а послали Скуратова да полковниковъ козацкихъ? Тѣ въ предмѣстіи сожгли дома, въ домахъ всякіе запасы и живность, и, не учиня никакого промысла надъ самимъ Чигиринымъ, отступили назадъ; тогда какъ надобно было въ предмѣстьи и въ другихъ мѣстахъ устроить крѣпость и осадить Дорошенка въ Чигиринѣ накрѣпко. Тогда, видя Дорошенка въ осадѣ, всѣ полки начали бы сдаваться. Въ Черкасахъ великій государь указалъ учинить самую твердую крѣпость и въ другихъ мѣстахъ около Чигирина, чтобъ не пропускать въ этотъ городъ хлѣбныхъ запасовъ, и не выпустить изъ него осадныхъ людей. Если поддадутся многіе полки той стороны, то собрать раду, и какъ съѣдутся полковники, начальные люди и козаки, говорить имъ: чтобы они выбрали себѣ вмѣсто Дорошенка другаго гетмана, добраго, досужаго, особенно вѣрнаго человѣка. Ханенка призывать въ подданство. — «Потому мы подъ Чигиринъ не пошли со всѣми силами, отвѣчали Ромодановскій и гетманъ, что тамъ при Дорошенкѣ было воинскихъ людей больше десяти тысячь, кромѣ поселянъ, которыхъ онъ согналъ изъ окрестныхъ мѣстъ для обороны, пушекъ больше двухъ сотъ и всякихъ запасовъ довольство, а замокъ Чигиринскій на какомъ пригожемъ мѣстѣ поставленъ — всякъ бывшій тамъ знаетъ; приступать къ нему ниоткуда нельзя, шанцы въ зимнее время подѣлать также нельзя, долго стоять безъ конскихъ кормовъ войску трудно, на сторонѣ взять негдѣ, и пришлось бы намъ, постоявъ и войско истомя, со стыдомъ отступить. А теперь все дѣлается хорошо». — Ромодановскій и гетманъ не сочли нужнымъ оставаться на западномъ берегу и перешли въ Переславль съ главными силами, оправдываясь тѣмъ, что съ 5 до 15 февраля зимній путь былъ въ разрушеньи отъ большихъ дождей, снѣгу по обѣ стороны Днѣпра не было, идти санями нельзя; притомъ же лошади падаютъ отъ безкормицы и ратные люди бѣгутъ безпрестанно. Гет-

манъ говорилъ Колобову съ великою докукою, чтобы великій государь велѣлъ распустить козацкіе полки, потому что такой тяжелой службы не только не видано, но и неслыхано.

Не смотря однако на отступленіе главныхъ вождей, дѣла на западной сторонѣ шли удачно. 2 марта московскій полковникъ Цеевъ съ копѣйщиками, рейтарами, драгунами и солдатами, да генеральный есаулъ Лысенко схватились съ Дорошенковымъ братомъ Григорьемъ и съ Татарами за 15 верстъ отъ Лысенки, и разбили на голову. Разбитые заперлись было въ Лысенкѣ, но были захвачены здѣсь съ помощію жителей, попался въ плѣнъ и Григорій Дорошенко. Узнавши объ этомъ пораженіи, Гамалѣя и Андрей Дорошенко бросились изъ Корсуня въ Чигиринъ, а оставшіеся въ Корсунѣ полковники—Корсунскій, Браславскій, Уманскій, Калницкій, Подольскій добили челомъ великому государю въ подданство. 4 марта Ханенко написалъ Кіевскому воеводѣ Трубецкому слѣдующее письмо: «Покорно молю, исходатайствуй, чтобы его царское величество, какъ отецъ щедрый, пожаловалъ меня своею милостію. Вѣрою и правдою служилъ я королю и Рѣчи Посполитой, безъ опасенія оставилъ жену и дѣтей въ Польшѣ, безо всякаго жалованья кровь свою проливалъ, а теперь принужденъ бѣжать сюда, по враждѣ и нестерпимой злобѣ гетмана Яна Собѣскаго, который безъ вины старшаго сына моего мучительски велѣлъ убить и на мою жизнь умышляетъ. Обѣщаюсь быть въ подданствѣ его царскаго величества». Ханенко не ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ, но явился съ 2000 козаковъ въ полкъ къ Ромодановскому и Самойловичу.

17 марта, въ день имянинъ царскихъ, собралась въ Переяславлѣ рада; собрались полковники восточной стороны: Кіевскій Солонина, Переяславскій Райча, Нѣжинскій Уманецъ, Стародубскій Рославецъ, Черниговскій Борковскій, Прилуцкій Горленко, Лубенскій Сербинъ; съ западной стороны: генеральный есаулъ Лизогубъ, обозный Гуликъ, судья Петровъ, полковники: Каневскій Гурскій, Корсунскій Соловей, Бѣлоцерковскій Бутенко, Уманскій—Бѣлогрудъ, Торговицкій Щербина, Браславскій Лисица, Поволоцкій Мигалевскій. Передъ начатіемъ рады Ханенко со всѣмъ товариществомъ своимъ положилъ войсковые клейноты, булаву и бунчукъ, полученные отъ короля. Ромода-

новскій объявилъ, что такъ какъ войско западной стороны учинилось у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ, то, по царскому указу, выбрали бы себѣ на свою сторону гетмана. Старшина и войско отвѣчали, что имъ многіе гетманы не надобны, отъ многихъ гетмановъ они разорились, пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ быть на обѣихъ сторонахъ одному гетману, Ивану Самойловичу. Самойловичь сталъ было отговариваться, но поднялся крикъ, что имъ любъ, старшины схватили его, поставили на скамью и покрыли бунчукомъ, при чемъ изодрали платье на гетманѣ. Старшина была утверждена старая и били челомъ, чтобы гетману Самойловичу жить въ Чигиринѣ или Каневѣ, а если нельзя на западной сторонѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Переяславлѣ. Потомъ били челомъ, чтобы государь велѣлъ въ Чигиринѣ и Каневѣ быть своимъ ратнымъ людямъ. Ханенка сдѣлали Уманскимъ полковникомъ. Послѣ рады пошли всѣ обѣдать къ князю Ромодановскому, всѣ увѣряли, что вседушно ради служить великому государю и промышлять надъ бусурманами. Въ самый обѣдъ доложили князю, что пріѣхалъ посланецъ отъ Дорошенка; не предчувствовалъ новый гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Самойловичь, что въ этомъ посланцѣ Дорошенковомъ готовился ему преемникъ: то былъ генеральный писарь Иванъ Степановичь Мазепа. Мазепа началъ передъ княземъ смиренную рѣчь: «Обѣщался Дорошенко, цѣловалъ образъ Спасовъ и Пресв. Богородицы, что быть ему въ подданствѣ подъ высокою царскою рукою со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ той стороны: великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ его принять, и бояринъ князь Григорій Григорьевичь взялъ бы его на свою душу, чтобы ему никакой бѣды не было». — «Скажи Петру Дорошенкѣ, отвѣчалъ бояринъ, чтобы онъ, надѣясь на милость великаго государя, ѣхалъ ко мнѣ въ полкъ безо всякаго опасенья». Тутъ же разнеслась вѣсть, что Іосифъ Тукальскій ослѣпъ въ Чигиринѣ.

Порадовали Москву вѣсти изъ Переяславля; но безпокоило Запорожье съ своимъ царевичемъ. Уже посланъ былъ указъ Ромодановскому, что если самозванецъ изъ коша пойдетъ куда-нибудь для воровства, посылать противъ него войско Московское и Малороссійское по совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ. 1-го мая явился въ Москву Запорожскій пос-

ланецъ Прокофій Семеновъ съ товарищами, и подалъ грамоту «Помазаннику Божію, многомилостивому свѣту и дыханью нашему Вашего царскаго пресвѣтлаго величества вѣрные слуги, войско Запорожское, Днѣпровское, кошевое, верховое, низовое, живущее на лугахъ, на поляхъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ Днѣпровскихъ, и полевыхъ и морскихъ.» Сѣрко объявлялъ въ грамотѣ о пріѣздѣ къ нимъ молодаго человѣка, называющаго себя царевичемъ Симеономъ, излагалъ разсказъ самозванца о своихъ похожденіяхъ, скрывши только о знакомствѣ съ Разинымъ, и въ заключеніи писалъ: «Сохраняемъ его у себя потому, что называется сыномъ вашего царскаго величества, стережемъ его, отъ насъ никуда не уйдетъ; покажи милость посланнымъ нашимъ, чтобы отъ вашего царскаго величества услышали, правда ли то?» Посланцы подали и письмо къ царю отъ мнимаго сына его: «Бью челомъ я, сынъ твой, благочестивый царевичь Семенъ Алексѣевичь, который похвалился было при вашемъ царскомъ пресвѣтломъ величествѣ батюшкѣ моемъ на думныхъ бояръ, и за то меня хотѣли уморить и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами батюшки моего живъ нынѣ на славномъ Запорожьѣ при войскѣ Запорожскомъ при вѣрныхъ слугахъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества. Когда батюшко мой самъ своима очима меня увидишь и вѣры поимешь, когда я предъ твоимъ царскимъ лицемъ стану и къ ногамъ паду, тогда правду мою познаешь, Богъ всемочій вся вѣсть. И нынѣ я хотѣлъ къ батюшку моему пойти, да чтобъ на дорогѣ зла какова не было, а войско вѣрно тебѣ батюшку моему служитъ, по ихъ войсковому челобитью пожалуй о чемъ бьютъ челомъ для лутчаго промыслу надъ бусурманы, чтобы не токмо полемъ доказывали надъ бусурманы надъ непріятели и побѣждали, но и водою въ ихъ прямую землю проходили и надъ ними знатную побѣду одерживали. Также припадая низко, челомъ бью и жалуюсь батюшку моему на Семена Щеголева да на Василья Чадуева, которые, безъ указа вашего царскаго величества, взявъ себѣ злый замыслъ, хотѣли меня изъ пищали застрѣлить.» — «Этотъ листъ, отвѣчалъ царь Сѣрку, нашему царскому величеству нынѣ и никогда не потребенъ. Ты презрѣлъ нашу премногую милость и свое обѣщаніе, вору и самозванцу далъ печать и знамя, прежде пріѣзда Чадуева не далъ

намъ о немъ знать, священника и знатныхъ козаковъ посылалъ вора распрашивать безъ нашего указа, съ Дорошенкомъ безъ нашего указа ссылался. Сынъ нашъ царевичь Симеонъ скончался 18 іюня 1669 года, мощи его погребены въ церкви архистратига Михаила при насъ, при Александрійскомъ патріархѣ Паисіи и московскомъ Іоасафѣ. И вамъ бы, кошевому атаману, свое обѣщаніе помнить, самозванца и Міюска прислать къ намъ скованныхъ за самымъ крѣпкимъ карауломъ, а пока не пришлете, посланцы ваши будутъ оставаться въ Москвѣ. Чайки (лодки) и пушки пришлемъ, сукна и золотые посланы, но удержаны въ Сѣвскѣ пока вора пришлете.»

12 августа Сѣрко далъ знать Ромодановскому, что онъ отправилъ вора къ великому государю. Сѣрко писалъ въ грамотѣ: «Человѣка, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству, свѣту, нашему дыханію отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется; теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, свое обѣщаніе исполнить хочу и вѣрно служить до послѣднихъ дней живота; съ Дорошенкомъ ссылался я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству; смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ и на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза, Переволочной, не далъ, а мы просили не для собиранья пожитковъ, какъ иные выпрашиваютъ, просили на защиту вѣры христіанской. Всѣ поборы, которые съ христіанъ на украйнѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевозу не даютъ.»

17 сентября у землянаго города, противъ Смоленскихъ воротъ стоялъ цѣлый приказъ московскихъ стрѣльцовъ съ головою Яновымъ, принимали вора и самозванца, ставили на ту самую телѣгу, на которой везли Стеньку Разина, приковывали руки къ дыбѣ и за шею. Кончивши эту церемонію, повезли Тверскою улицею въ Земскій Приказъ. Въ тотъ же день всѣ бояре, окольничіе и думные люди собрались на земскій дворъ для розыска.

«Я породы Польской, роду Вишневецкихъ, звали отца моего Еремѣемъ, меня зовутъ Семеномъ. Отецъ мой жилъ въ Варшавѣ, подъ Варшавою поймали меня Нѣмцы и продали на рѣкѣ

Васлѣ купцу Глуховскому, а тотъ продалъ Литвину. Жилъ я въ Глуховѣ недѣль съ пять и сбѣжалъ съ товарищами, шли на Харьковъ и Чугуевъ къ Донцу, съ Донца на Донъ, съ Дону пошелъ я съ Міюскомъ въ Запороги, и хотѣлъ идти въ Кіевъ или въ Польшу; но Міюска началъ мнѣ говорить, чтобъ назвался я царевичемъ; я такимъ страшнымъ и великимъ именемъ назваться не смѣлъ, но Міюска хотѣлъ меня убить, и я изъ страха назвался. А больше еще Міюски принудилъ меня къ такому страшному имени Сѣрко, хотѣли было, собравшись, идти войною на московское государство и думали бояръ побить. Стеньки Разина я не зналъ, узналъ его уже въ то время, какъ привели его козаки на Донъ скованнаго.

Повели въ застѣнокъ, подняли:

«Я мужичій сынъ, жилъ отецъ мой въ Варшавѣ, былъ мѣщаниномъ, подданный князя Дмитрія Вишневецкаго, пришелъ жить въ Варшаву изъ Лохвицы, звали его Иваномъ Андреевымъ, прозвище Воробьевъ, а мнѣ прямое имя Семенъ; воровству училъ меня Міюска, который породою хохлачь. Хотѣли мы собрать войско и, призвавъ Крымскую орду, идти на Московское государство и побить бояръ.»

Съ огня говорилъ тѣ же рѣчи.

Того же числа великій государь указалъ, и св. патріархъ Іоакимъ, бояре, окольничіе и думные люди приговорили вора и самозванца казнить такою же смертію, какою казненъ Стенька Разинъ. Приговоръ былъ исполненъ въ тотъ же день; на Красной площади самозванецъ казненъ и на кольѣ разбитъ, а на другой день перенесенъ на болото и поставленъ съ Стенькою Разинымъ. И пожаловалъ государь кошеваго атамана Ивана Сѣрка, велѣлъ послать два сорока соболей, по 50 рублей сорокъ, да двѣ пары, по семи рублей пара. Сѣрко билъ челомъ: «Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житія съ женою и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь велѣлъ дать въ Полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Кереберду». Городокъ атаману и Переволоченскій перевозъ войску были даны.

Успокоились на счетъ Сѣрка; но надобно было управляться съ Дорошенкомъ, который не думалъ пріѣзжать въ Переяславль,

и отдаваться въ руки Ромодановскаго и ненавистнаго Самойловича, теперь гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра. Уже 5 мая написана была въ Москвѣ царская грамота къ Дорошенку: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты нынѣ, по непріятельскимъ прелестнымъ письмамъ, подъ нашу высокую руку несклоненъ, въ мысли своей сумнѣваясь непостояненъ и началъ быть въ шатости, безпрестанно ссылаешься съ Турскимъ султаномъ и съ Крымскимъ ханомъ. А мы, великій государь, имѣемъ надежду на Господа Бога и на Пресвятую Богородицу, въ которой надеждѣ были и предки наши и отецъ нашъ, и мы, великій государь, живемъ и движемся, и царство наше въ ея жребіи. А если что по твоему навѣту, случится отъ бусурманскаго нашествія святымъ Божіимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ какой отвѣтъ дашь въ день страшнаго суда Божія? Вспомни прежнихъ гетмановъ, не сохранившихъ своего обѣщанія, Выговскаго и другихъ! Гдѣ ихъ жены и дѣти? не въ сиротствѣ ль и не въ нищетѣ ль пребываютъ? И тебѣ бы, помня это, учиниться подъ нашею высокою рукою въ подданствѣ безъ отлагательства, не опасаясь нашего гнѣва; а мы тебя и все твое родство будемъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьѣ.»

25 мая пріѣхалъ въ Чигиринъ посланецъ отъ Ромодановскаго, стрѣлецкій сотникъ Терпигоревъ: «Будь въ подданствѣ у великаго государя, говорилъ сотникъ Дорошенку, и ступай въ Переяславль къ боярину и воеводамъ для присяги; самъ не хочешь ѣхать, пошли тестя своего, Павла Яненка, или брата Андрея, или другихъ какихъ-нибудь знатныхъ людей въ заложники, и бояринъ пришлетъ къ тебѣ голову Московскихъ стрѣльцовъ для переговоровъ».—«Ничего этого сдѣлать мнѣ теперь нельзя, отвѣчалъ Дорошенко, потому что я подданный Турецкаго султана; сабля султанова, ханская и королевская на моей шеѣ висятъ. Прежде я хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но старшина и полковники рѣшили быть въ подданствѣ у султана; а что теперь старшина и полковники перешли въ подданство великаго государя, такъ это только для соболей, не вѣчно, послѣ измѣнятъ. Если бояринъ и гетманъ придутъ подъ Чигиринъ, то я радъ имъ отпоръ давать, только бы Татаръ дождаться, да и безъ того Татары у меня есть.» Терпигоревъ былъ задержанъ. Дѣло объяснялось тѣмъ, что къ Дорошенку пришли на помощь

Татары въ числѣ 4000, и, вмѣстѣ съ Чигиринскими козаками, въ маѣ же мѣсяцѣ осадили Черкасы, гдѣ сидѣлъ московскій воевода Иванъ Вердеревскій; осажденные отбили непріятеля и гоняли его на пространствѣ 15 верстъ до рѣки Тясмина. Братъ Дорошенка Андрей съ козаками серденятами и Черемисами (*) взялъ обманомъ мѣстечки Орловку и Балыклею, сказавшись царскимъ подданнымъ. Жители были отведены въ плѣнъ Татарами, а старшинѣ буравомъ глаза вывертѣли, другихъ повѣсили. Но жители Смѣлаго не дались въ обманъ, разбили Андрея и гнали его до Чигирина. По этимъ вѣстямъ Ромодановскій и Самойловичь отпустили за Днѣпръ рейтарскаго полковника Беклемишева да Переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу съ 5-ю козацкими полками. 9 іюня у рѣчки Ташлыка, между городковъ Смѣлаго и Балаклеи, Беклемишевъ и Райча сошлись съ непріятелемъ и поразили его; много мурзъ полегло на мѣстѣ, Андрей Дорошенко ушелъ раненый. Чтобъ получить поскорѣе новую помощь отъ Татаръ и Турокъ, Дорошенко отправилъ къ хану и султану уже знакомаго намъ Ивана Мазепу съ 15 невольниками, козаками восточной стороны, въ подарокъ. Но Сѣрко перехватилъ Мазепу, задержалъ его у себя, а грамоты переслалъ къ Самойловичу, который препроводилъ ихъ въ Москву. «Знатно, писалъ Самойловичь, что сѣрко сдѣлалъ это для объявленія своей вѣрной прежней службы, чтобъ исправить свой неразсудительный поступокъ.» Сѣрко сдѣлалъ еще больше: по первому требованію Ромодановскаго, прислалъ къ нему самого Мазепу, но при этомъ Сѣрко писалъ Самойловичу, прося прилежно со всѣмъ войскомъ, чтобы его никуда не засылали. Самойловичь далъ слово и просилъ царя отпустить Мазепу назадъ, а то войско и такъ уже попрекаетъ ему гетману, будто онъ посылаетъ людей на заточеніе.

Мы познакомились съ Мазепою мелькомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Переяславль отъ Дорошенка, при которомъ былъ генеральнымъ писаремъ. Но до насъ дошло нѣсколько извѣстій и объ его предыдущей судьбѣ. Мазепа былъ родомъ козакъ, получилъ шляхетство отъ короля Яна Казимира и былъ при немъ комнатнымъ дворяниномъ. Разсказываютъ, что онъ долженъ былъ оста-

*) Такъ назывались Польскіе Татары, измѣнившіе королю.

вить Польшу по слѣдующему случаю: у него было имѣніе на Волыни по сосѣдству съ паномъ Фалбовскимъ. Слуги донесли послѣднему, что сосѣдъ Мазепа часто бываетъ у нихъ въ его отсутствіе, и очень благосклонно принимается госпожею, съ которою у него идетъ постоянная переписка. Однажды Фалбовскій выѣхалъ куда-то въ дальній путь; на дорогѣ нагоняетъ его холопъ, везущій письмо отъ госпожи къ Мазепѣ съ приглашеніемъ пріѣхать, потому что мужа нѣтъ дома. Фалбовскій велѣлъ слугѣ ѣхать къ Мазепѣ, отдать письмо, просить скораго отвѣта и привезти этотъ отвѣтъ къ нему. Посланный скоро возвращается съ запиской, что Мазепа летитъ на свиданіе. Фалбовскій беретъ письмо и ждетъ на дорогѣ. Мазепа ѣдетъ: «Добраго здоровья!» — «Добраго здоровья!» — «Куда изволите ѣхать?» Мазепа выдумываетъ какое-то мѣсто, куда будто бы нужно ему ѣхать. Тутъ Фалбовскій хватаетъ его за шею: «А это что? чья это записка?» Мазепа обмеръ; проситъ извиненія, говоритъ, что въ первый разъ ѣдетъ. «Холопъ! кричитъ Фалбовскій слугѣ: сколько разъ панъ былъ у насъ безъ меня?» — «Столько же сколько у меня волосъ на головѣ» отвѣчаетъ слуга. Мазепа долженъ признаться во всемъ, но признаніе не помогло. Фалбовскій велитъ раздѣть грѣшника до нага и привязать на его же собственную лошадь, лицемъ къ хвосту. Раздраженная ударами кнута, испуганная выстрѣлами, раздавшимися надъ ея головою, лошадь понеслась изо всѣхъ силъ домой черезъ чащу лѣса и остановилась прямо у воротъ панскаго дома. Выходитъ слуга и видитъ — чудовище! бѣжитъ назадъ, созываетъ всю дворню и та насилу признаетъ своего пана. Это было въ 1663 году; но въ томъ же году Мазепа получилъ важное порученіе — ѣхать къ гетману Тетерѣ, и отъ него, по благоусмотрѣнію гетмана, ѣхать или къ Самку въ Переяславль уговаривать его поддаться королю, или въ Запорожье подговаривать тамошнихъ козаковъ также отстать отъ Москвы. Какъ исполнено было порученіе, мы не знаемъ; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, Мазепа, не желая возвращаться въ Польшу, гдѣ и до происшестія съ Фалбовскимъ, не любили его какъ козака, остался у западныхъ козаковъ, гдѣ при своихъ способностяхъ и образованіи, дослужился до званія генеральнаго писаря.

Теперь вмѣсто Константинополя Иванъ Степановичь является въ Москвѣ, въ видѣ плѣнника, котораго участь еще нисколько не обезпечивалась просьбою Самойловича. Мазепу повели къ допросу въ Малороссійскій приказъ передъ начальника его Артамона Сергѣевича Матвѣева. Мазепа спѣшилъ выиграть расположеніе царскаго любимца длиннымъ, обстоятельнымъ отвѣтомъ; знали, что онъ пріѣзжалъ въ Переяславль съ обѣщаніемъ подданства отъ Дорошенка, а потомъ поѣхалъ въ Крымъ поднимать хана на государевы украйны:—и вотъ Мазепа началъ разсказъ съ поѣздки своей въ Переяславль. «Присылали къ Дорошенку старшина города Лисенки, объявляя, что они поддались царскому величеству, чтобы онъ также поддался, ѣхалъ бы къ нимъ на раду въ Корсунь и привезъ съ собою булаву и бунчукъ. Дорошенко послалъ меня съ отписками къ той старшинѣ, да со мною же послалъ листъ къ князю Ромодановскому, а при отпускѣ велѣлъ мнѣ присягу учинить на томъ, что я не останусь въ Корсуни у жены, и, будучи на радѣ, стану говорить боярину и старшинѣ восточной стороны, по его Дорошенкову приказу, а приказывалъ онъ говорить старшинѣ: если они добьются того, что ему быть гетманомъ на той сторонѣ Днѣпра, то онъ готовъ быть въ подданствѣ у государя; если же ему гетманомъ быть не велятъ, то чтобъ знатные государевы люди при мнѣ присягнули, что ему ничего дурнаго не сдѣлается. Но когда я пріѣхалъ въ Переяславль, то въ тотъ самый день рада уже вершилась до меня, и я одинъ Дорошенковъ листъ отдалъ боярину, а другой старшинѣ. Князь и гетманъ писалъ со мною къ Дорошенку, чтобъ пріѣзжалъ къ нимъ безо всякаго опасенья. Онъ отвѣчалъ, чтобы прислали въ Черкасы честнаго человѣка, а онъ пришлетъ отъ себя въ аманаты своихъ людей. Бояринъ прислалъ въ Черкасы голову Московскихъ стрѣльцовъ. Тогда Дорошенко созвалъ раду въ Чигиринѣ и спрашивалъ: посылать ли аманатовъ въ Черкасы или нѣтъ? Положили — посылать; но вотъ пришла вѣсть изъ Крылова, что идутъ Сѣрковы посланцы; аманатовъ задержали, хотѣли прежде узнать, что скажутъ Запорожцы. Тѣ объявили, чтобъ Дорошенко булавы и бунчука въ Переяславль не отдавалъ и самъ бы не ѣхалъ, потому что гетманъ долженъ быть по прежнему на западной сторонѣ; что Запорожцы хотятъ соединиться съ нимъ и съ ханомъ Крымскимъ заодно, какъ было при Бог-

данѣ Хмельницкомъ, писали они къ хану, чтобы онъ помирилъ Сѣрка съ Дорошенкомъ, чтобы Дорошенко для подтвержденія гетманства и для союза ѣхалъ въ Запорожье. Дорошенко на Запорожье не поѣхалъ, опасаясь государевыхъ людей, а присягнуть вмѣсто себя послалъ козака. Я сталъ проситься у Дорошенка, чтобы отпустилъ меня къ женѣ въ Корсунь. «Ты хочешь измѣнить! сказалъ мнѣ на это Дорошенко, видно тебя Ромодановскій соболями прельстилъ!» Велѣлъ мнѣ при митрополитѣ Тукальскомъ присягнуть, что буду служить ему впередъ, и, будучи въ Переяславлѣ, не говорилъ ли про него чего дурнаго? Я присягнулъ; и дней черезъ пять послалъ меня къ визирю Турскому съ листами.»

Служа великому государю, Мазепа объявилъ: «Дорошенковъ резидентъ въ Константинополѣ, Порывай писалъ: ханъ Крымскій конечно на томъ положилъ—помирить Поляковъ съ Турками и обратить войско на Московское государство». Мазепа разсказалъ кой-что и о самозванцѣ Семенѣ, который былъ при немъ въ Запорожьѣ: Сѣрко называлъ его прямымъ царевичемъ и сказывалъ мнѣ: проситъ царевичь у него войска ста съ два, и съ ними хочетъ ѣхать на островъ Чертомликъ, а оттуда писать на Донъ къ черни, чтобы на Дону всѣхъ старшинъ вырубили и къ нему приклонились; а когда чернь приклонится, то онъ, собравъ по городамъ людей, пойдетъ къ Москвѣ. Сѣрко ему говорилъ: «зачѣмъ тебѣ собирать войско? если хочешь ѣхать въ Москву, то я тебя и такъ отпущу съ провожатыми.» — «Нельзя мнѣ ѣхать въ Москву», отвѣчалъ самозванецъ: «меня бояре убьютъ.» Съ тѣхъ поръ Сѣрко велѣлъ его беречь, чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ сѣчи. А какъ были у Сѣрка царскіе посланцы, то воръ, взявши лошадей, гонялъ за ними, хотѣлъ ихъ порубить; Сѣрку дали знать, и онъ тотчасъ послалъ за нимъ козаковъ, которые не дали ему убить посланцевъ.

Мазепа былъ неистощимъ въ важныхъ показаніяхъ: «Крѣпкая и подлинная пріязнь у Собѣскаго съ Дорошенкомъ. Пріѣзжалъ Орѣховскій въ Чигиринъ уговаривать Дорошенка, чтобы покинувъ протекцію Турецкую, обратился въ подданство къ Рѣчи Посполитой; Орѣховскій подалъ и статьи на которыхъ должно было совершиться это подданство: 1) быть коммиссіи о томъ, какіе убытки уніаты сдѣлали церквамъ православнымъ въ Поль-

нѣ и Литвѣ. 2) Границѣ войска Запорожскаго быть до воеводства Кіевскаго и Браславскаго; однако обывателямъ этихъ воеводствъ долженъ быть сысканъ особливый способъ вознагражденія отъ войска Запорожскаго. 3) Войскамъ Польскимъ кварцянымъ никогда въ украйнѣ не быть, развѣ только само войско Запорожское ихъ потребуетъ. 4) Дорошенко долженъ послать въ Варшаву бунчуки Турецкіе; если же по какимъ-нибудь причинамъ нельзя бунчуковъ прислать, то пусть пришлетъ брата съ другими козаками въ аманаты, за что Собѣскій обѣщалъ выпроводить коммендаита изъ Бѣлой Церкви. И то положено между статьями: нечего упоминать и просить у Рѣчи Посполитой такихъ вольностей, какими козаки пользуются на восточной сторонѣ подъ Москвою. Какія это вольности? посмотри, что терпитъ народъ подъ воеводами московскими? Гетманъ нынѣшній выбранъ не по вольностямъ и правамъ войсковымъ, подъ бердышами и мушкетами; дѣти его забраны въ неволю въ аманаты; власть вырвана у гетмана изъ рукъ, потому что виновныхъ козаковъ наказывать не можетъ, а долженъ отсылать ихъ въ Москву въ неволю; наконецъ безчестье Многогрѣшнаго! Собѣскій указывалъ Дорошенку средство защиты отъ царской рати: послать въ Варшаву съ предложеніемъ подданства, а онъ, Собѣскій тотчасъ напишетъ царю грамоту, чтобы не велѣлъ своимъ войскамъ наступать на подданнаго Рѣчи Посполитой. Поляки, продожалъ Мазепа, просятъ хана и Дорошенка, чтобы уговаривалъ султана помириться съ Польшею и поднять войну на Московское государство. Турки говорили: «Какіе разумные люди Ляхи! вмѣсто того, чтобы намъ у нихъ въ Краковѣ обѣдать, будемъ теперь подъ Кіевомъ ужинать». Резидентъ Дорошенка въ Константинополѣ писалъ гетману: «Не кручинься, что потерялъ украйну: нетрудно ее назадъ взять: нѣтъ у васъ на украйнѣ Крита и Каменца Подольскаго». Султанъ нынѣшнею войною хочетъ взять Хмельницкаго изъ неволи съ собою про запасъ: еслибы Дорошенко измѣнилъ, то Хмельницкаго на его мѣсто поставитъ. Мазепа объявилъ подробно и о средствахъ Дорошенка въ Чигиринѣ: всего и съ Чигиринскими жителями около 5,000 человѣкъ. Пушекъ большихъ и малыхъ въ обоихъ городахъ съ 200 будетъ; пушечныхъ запасовъ много; хлѣбныхъ запасовъ у жителей будетъ на годъ, а у ратныхъ людей запасовъ никакихъ

нѣтъ, и солью очень скудно. Дорошенко говаривалъ тайно: какъ послышу приходъ Москвы, то побѣгу изъ Чигирина къ Турскому султану; а теперь онъ сидитъ въ осадѣ развѣ для того, что есть къ нему грамоты отъ Турскаго султана или Собѣскаго о помощи. Большая половина Чигиринскихъ жителей Дорошенка не любятъ, желаютъ, чтобы онъ поддался царскому величеству, а родичи и пріятели въ одной съ нимъ думѣ. Сотникъ Блоха уговариваетъ конныхъ козаковъ тайно, чтобы соединились съ войскомъ царскимъ. Дорошенко и старшина говаривали между собою, что если придетъ подъ Чигиринъ царское войско, то имъ лучше вести переговоры съ княземъ Ромодановскимъ, чѣмъ съ своими козаками.

Мазепою остались очень довольны въ Москвѣ: онъ видѣлъ царскія пресвѣтлыя очи, пожалованъ государскимъ жалованьемъ и отпущенъ безъ задержанья; отправлена съ нимъ призывная грамота къ Дорошенку и Чигиринскимъ жителямъ; но Иванъ Степановичь отправлялся въ Чигиринъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться: онъ долженъ былъ возвратиться въ полкъ къ Ромодановскому и гетману, которымъ наказано было беречь его, чтобы никуда не ушелъ.

Отправляя въ Москву, Мазепу, Самойловичь билъ челомъ, чтобы государь отпустилъ къ нему сыновей его: «Твои дѣти, былъ отвѣтъ, пребываютъ при его царскомъ величествѣ въ премногой милости, которая никогда отмѣнна не будетъ; отпустить же ихъ къ тебѣ за нынѣшними украинскими смутами невозможно, чтобы украинскіе народы непокорные не подумали, что гетманскіе сыновья высланы изъ Москвы по немилости.» Предлогъ отказа былъ не очень искусно придуманъ; но примѣръ четырехъ гетмановъ заставилъ Москву быть подозрительною.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались на западной сторонѣ. 23 іюля Ромодановскій и Самойловичь подошли къ Чигирину, подѣлали шанцы и начали безпрестанную стрѣльбу въ городъ. Много домовъ было разбито, много козаковъ и горожанъ перебито и переранено. Домъ Тукальскаго также былъ разбитъ гранатами; митрополитъ ушелъ въ верхній городъ и тамъ заболѣлъ отъ страха; Крымскій ханъ прислалъ своего доктора лѣчить его. Въ концѣ іюля Московскія войска подъ начальствомъ копейнаго и рейтарскаго строя полковника Сасова и

другихъ чиновъ начальныхъ людей, а Малороссійскія подъ начальствомъ бунчужнаго Леонтья Полуботка и Черниговскаго полковника Борковскаго, отправились подъ Чигиринъ съ Крымской стороны. Въ двухъ верстахъ отъ города встрѣтилъ ихъ братъ гетманскій, Андрей Дорошенко, но былъ разбитъ, побѣдители преслѣдовали его до городской стѣны и истребили весь хлѣбъ въ окрестностяхъ Чигирина, потерявши только шесть человѣкъ убитыми и одного прапорщика, взятаго въ плѣнъ. Но въ тоже время пришла вѣсть, что Крымскій ханъ переправился черезъ Днѣстръ подъ Сорокою, гдѣ строятъ мостъ для переправы самому султану со всѣмъ Турецкимъ войскомъ, которое двинется въ Умань, а изъ Умани прямо подъ Кіевъ. 6 августа Турецкій отрядъ явился подъ Ладыжинымъ. Здѣсь сидѣлъ извѣстный своими партизанскими подвигами противъ Татаръ и Турокъ, Грекъ Анастасъ Дмитріевъ, изъ купца ставшій начальникомъ вольной сбродной дружины козацко-польско-волошской. Съ Анастасомъ же заперлись въ Ладыжинѣ полковникъ Мурашка и Савва; ратныхъ людей было 2500 человѣкъ, да мѣщанъ съ женами и дѣтьми съ 20,000, изъ нихъ боевыхъ людей тысячи съ четыре, пушка одна, и та испорчена, валъ худой, запасовъ ни какихъ. 80 турецкихъ пушекъ загремѣло противъ города. Мурашка съ протопопомъ и сотникомъ перебѣжали въ непріятельскій станъ; но защитники Ладыжина выбрали въ полковники Анастаса—чтобъ биться до смерти. Отбивши пять приступовъ, Ладыжинцы отчаялись, сдались и были всѣ объявлены плѣнными. Анастасъ, переодѣтый, пошелъ за простаго мужика, и успѣлъ потомъ освободиться изъ плѣна. Мурашку взяло раскаяніе: сталъ онъ браниться, называлъ визиря и султана воришками, проклиналъ Магомета—и потерялъ голову.

Изъ-подъ Ладыжина Турки двинулись подъ Умань. Уманцы сдались; Турки, оставя залогу въ ихъ городѣ, двинулись далѣе по Кіевской дорогѣ; но Уманцы, раздраженные насиліями турецкаго гарнизона, перерѣзали его и заперлись въ городѣ. Визирь и ханъ, услыша объ этомъ, возвратились и взорвали Умань подкопомъ. Съ другой стороны Татары пошли освобождать Чигиринъ; но какъ скоро, 9 августа, появились они подъ городомъ, Ромодановскій и Самойловичъ отступили къ Черкасамъ, куда пришли 12 августа; на другой день явились къ Черкасамъ

и ханъ съ Дорошенкомъ: отъ втораго часа дня до вечера былъ бой; государевы люди, какъ доносили воеводы, многихъ Татаръ и козаковъ побили и пришли въ обозъ въ цѣлости; но выходцы изъ непріятельскихъ полковъ объявили, что ханъ и Дорошенко переправляются на восточную сторону Днѣпра, а Турецкій визирь отъ Ладыжина прямо идетъ на Черкасы. По этимъ вѣстямъ Ромодановскій и Самойловичь сожгли Черкасы, оставленные еще прежде жителями, переправились на восточную сторону и стали противъ Канева. Въ то же время Татары явились съ Азовской стороны; подошли подъ степные города Змѣевъ и Мерехву и побрали многихъ жителей въ плѣнъ; но Харьковскій полковникъ Григорій Донецъ выступилъ противъ нихъ, настигъ за Торцомъ на рѣчкѣ Бычку, побилъ на голову, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, захватилъ мурзу татарскаго и одного знатнаго Турка.

Страхъ, нагнанный на украйну турецкимъ и татарскимъ нашествіемъ не былъ однако продолжителенъ: въ первыхъ числахъ сентября Турки были уже на дорогѣ въ свою землю; ханъ и Дорошенко, проводя султана до Днѣстра, повернули назадъ и сначала, казалось, имѣли намѣреніе перейти на восточную сторону Днѣпра; загоны ихъ уже явились здѣсь, но были побиты, и 8 октября ханъ отправился въ Крымъ. Изъ Польши присланы были къ Ромодановскому и Самойловичу грамоты съ убѣжденіями идти вмѣстѣ съ королевскимъ войскомъ промышлять надъ непріятелемъ; но и воевода и гетманъ были далеки отъ этого. Гетманъ говорилъ присланному къ нему подъячему Щеголеву: «Поляки пишутъ ко мнѣ и къ князю Григорью Григорьевичу, чтобы теперь выдти съ ними промышлять надъ непріятелемъ. Лукавый народъ! когда непріятель отступилъ и слуху объ немъ нѣтъ, тогда они о соединеніи войскъ пишутъ. Тутъ явная ихъ неправда, потому что безпрестано съ султаномъ и ханомъ тайные договоры чинятъ. Спрашивается, кого теперь воевать, противъ кого стоять, подъ которые города ходить? Въ Валахію и Молдавію не зачѣмъ: и безъ нихъ разорены Турками; если же имъ надобны Молдавія и Валахія, такъ пусть идутъ, имъ ближе. Подъ Чигиринъ идти: чѣмъ самимъ сытымъ быть и лошадей кормить? около Чигирина и другихъ мѣстъ степи, какъ паханная земля, черны. Для чего Поляки пропустили на насъ съ бояриномъ

султана, визиря и хана, для чего съ тылу надъ ними не промышляли? Лживые ихъ поступки я подлинно знаю: Турецкая и Крымская на украйнѣ война не отъ одного Дорошенка, Поляки сами рады были чтобы обѣ стороны Днѣпра и Кіевъ изъ рукъ царскаго величества вырвать, и явно украйну отдали такимъ образомъ: калга султанъ Крымскій во всю прошлую зиму стоялъ въ Волошской землѣ и беспрестанно съ Собѣскимъ ссылался, и пока не договорились, никто въ украйну не смѣлъ вступать; а какъ договорились, что султану, визирю и хану ихъ Поляковъ не воевать и разоренья никакого не чинить, когда непріятелю въ украйну и подъ Кіевъ вольную дорогу отворили, тогда Турки и Татары въ украйну вступили и что хотѣли, то и дѣлали. Слыша о такихъ ихъ злыхъ поступкахъ, я усматривалъ всякихъ способовъ, какъ бы тотъ ихъ злой совѣтъ и союзъ прекратить, и Господь Богъ такой способъ мнѣ далъ: какъ взятъ былъ Гришка Дорошенко на бою, то у него взято 8 листовъ бѣлыхъ за Дорошенковою рукою и печатью войсковою: далъ ему Дорошенко эти листы съ приказомъ писать отъ его имени въ города къ старшинѣ и поспольству. На одномъ такомъ листѣ велѣлъ я написать по польски отъ Дорошенкова имени къ калгѣ Крымскому, что Собѣскій хитрыми своими поступками учинился королемъ польскимъ, и чтобы калга боялся хитростей королевскихъ. Въ это время былъ въ Межибожьи польскій коммендантъ: я велѣлъ полковнику Райчѣ передать листъ къ komмендaнту, будто перехватили его на дорогѣ, а коммендантъ переслалъ къ королю. Когда мы съ бояриномъ отступили отъ Чигирина, а ханъ съ Дорошенкомъ на насъ напиралъ, то вдругъ прибѣжалъ отъ султана гонецъ, чтобы ханъ съ Дорошенкомъ, оставя все, шли подъ Умань, потому что Поляки начали договоръ нарушать, и, дождавшись хана и взявши Умань, султанъ дальше не пошелъ, а хану на нашу сторону Днѣпра ходить не велѣлъ. Пріѣзжалъ послѣ того къ намъ полковникъ польскій Лазицкій и сказывалъ: «Врагъ-то Дорошенко писалъ къ Крымскому калгѣ, будто король на престолѣ сѣлъ хитрыми поступками; до этого времени король былъ къ Дорошенку совершенно милостивъ и во всемъ его остерегалъ; а теперь, когда такъ дѣлаетъ, то рукъ нашихъ не уйдетъ. Такимъ образомъ прошлая Турецкая и Крымская война отвратилась моею службою, этимъ листомъ, который я

послалъ Межибожскому комменданьту. Теперь Дорошенко, слыша, что король на него сердитъ, проситъ прощенья и объщается ему служить для того, чтобы короля задержать и между тѣмъ Крымскаго хана вызвать, какъ прежде клялся быть подъ рукою царскаго величества, и вызвалъ султана съ визиремъ и ханомъ. А на все зло подучаетъ его кошевой Сѣрко. Была у Дорошенка съ митрополитомъ Тукальскимъ рада; митрополитъ говорилъ: «Насъ никто нелюбитъ и жить тутъ намъ нельзя, пойдемъ къ султану и будемъ бить челомъ, чтобы далъ мѣсто, тебя пусть сдѣлаетъ господаремъ Волошскимъ, и я буду тамъ же. На томъ и постановили и пожитки свои въ сундуки прибравъ, живутъ въ готовности, смотрятъ времени.»

Движеніе польскихъ войскъ, занятіе ими нѣкоторыхъ городовъ на западномъ берегу взволновало восточную сторону, пронесся опять слухъ, что царь хочетъ уступить королю Кіевъ и восточную сторону; надобно было писать увѣренія, что государь не только Кіева и восточнаго берега, но и западнаго не уступитъ Польшѣ. Самойловичь радовался этимъ увѣреніямъ, но не переставалъ возбуждать въ Москвѣ подозрѣнія относительно польскихъ замысловъ на Малороссію. Въ народѣ ходили слухи, что Поляки непремѣнно перейдутъ на восточную сторону; съ другой стороны шелъ слухъ, что царь самъ явится съ войскомъ въ Малороссію. Одни радовались царскому пріѣзду, а другіе говорили, что царь пріѣдетъ въ Путивль для того, чтобы украйну снесть за одно съ королемъ; царь пойдетъ отъ Путивля, а король отъ Кіева. Государь писалъ Ромодановскому, что если дѣйствительно непріятеля уже нѣтъ въ украйнѣ, то онъ, воевода можетъ отступить къ московскимъ границамъ и распустить ратныхъ людей, также и гетманъ Самойловичь можетъ идти въ Батуринъ, но должно оставить въ Переяславлѣ молодаго князя Михайлу Ромодановскаго съ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей, у которыхъ есть еще запасы и которые, слѣдовательно, могутъ еще продолжать службу; также и Самойловичь долженъ оставить въ Переяславлѣ отрядъ козаковъ, выбравъ имъ наказнаго гетмана. На это Ромодановскій отвѣчалъ любопытною грамотою: «Ратные люди Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ, будучи на службѣ въ безпрестанныхъ походахъ полтора года, изнуждались, наги и голодны, запасовъ у нихъ вовсе не-

кажихъ нѣтъ, лошадьми опали, и многіе отъ великой нужды, разбѣжались и теперь бѣгутъ безпрестанно, а которыхъ немного теперь осталось, у тѣхъ никакихъ запасовъ нѣтъ, оставить ихъ долѣе на службѣ никакъ нельзя; и мнѣ въ разлученіи съ сынишкомъ своимъ Мишкою, за скудостію и безлюдствомъ, быть нельзя. Теперь я, государь, съ нимъ и не врозни, и то живемъ съ великою нуждою; убогія мои малыя худыя деревнишки безъ меня разорились въ конецъ, потому что служу тебѣ на украйнѣ 22 года безпрестанно, да и сынишка мой Мишка служитъ шесть лѣтъ безъ перемѣны, а другой мой сынишка Андрюшка, за тебя разливъ свою недозрѣлую кровь, въ томительной нуждѣ въ Крымскомъ полону, въ кандалахъ животъ свой мучитъ седьмой годъ.» Царь велѣлъ отцу идти въ Курскъ, а сына отпустить въ Москву для свадьбы.

Гетманъ возвратился въ Батуринъ — отдохнуть отъ трудовъ военныхъ; но внутренніе враги не хотѣли дать ему отдыха и опять пошли старые слухи, что государь хочетъ возвратить Многогрѣшнаго изъ ссылки и поручить ему часть войска. Въ началѣ 1675 года царь долженъ былъ въ своей грамотѣ увѣрять Самойловича, что этого никогда не будетъ, и требовалъ казни плевосѣятельнымъ людямъ. Съ другой стороны Лазарь Барановичь доносилъ на протопопа Симеона Адамовича. Еще въ сентябрѣ 1674 года былъ въ Малороссіи стряпчій Бухвостовъ для объявленія тамошнимъ начальнымъ людямъ о рожденіи царевны Θеодоры Алексѣевны. Прежде всего явился онъ къ Лазарю Барановичу, и тотъ началъ говорить ему: «Когда пріѣдешь въ Москву, извѣсти, что отъ Нѣжинскаго протопопа Симеона Адамова проходятъ многія лукавства, ссылается онъ тайно съ Турецкимъ султаномъ и съ Дорошенкомъ, въ грамотахъ своихъ хвалитъ султана, что войсками своими изъ дальнихъ странъ обороняетъ Дорошенка, а царское величество, будучи въ пяти стахъ верстахъ, жителей обѣихъ сторонъ Днѣпра не обороняетъ. Этимъ протопопъ приводитъ Малороссійскихъ жителей ко всякому злу; письма его у меня въ рукахъ. Я ихъ ни съ кѣмъ не пошлю; самъ я хотѣлъ ѣхать въ Москву вскорѣ, да упрашиваетъ меня гетманъ не ѣздить; а какъ я буду въ Москвѣ, то не только про эти письма, и о другихъ дѣлахъ великому государю извѣщу.» Разумѣется въ Москвѣ не могли

не удивиться, когда тотъ же самый протопопъ пріѣхалъ по дѣламъ архіепископа, привезъ его книги—Трубы. Барановичъ просилъ, чтобы государь велѣлъ взять всѣ книги въ казну и заплатить деньги; ему отвѣчали, что государь Трубы похваляетъ, но въ казну взять и по монастырямъ неволею раздавать не указалъ, указалъ продавать ихъ повольною цѣною, какъ въ Россійскомъ царствѣ съ печатнаго двора всякія книги продаютъ, а вневолю книгъ никому не даютъ и въ монастыри не наметываютъ. Какъ же распорядилось правительство относительно продажи книгъ Барановича! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1675 года по указу великаго государя бояринъ Арт. Серг. Матвѣевъ приказалъ раздать мѣщанамъ въ лавки сто двѣ книги Кіевской печати въ переплетѣ Трубы духовныя, цѣною по 2 рубля съ полтиною книга, и того 255 рублей; велѣть имъ тѣ книги продавать съ великимъ радѣніемъ по настоящей цѣнѣ неоплошно, а раздать мѣщанамъ книги съ роспискою, кому можно вѣрить, самымъ лучшимъ людямъ, не бражникамъ, чтобы было кому вѣрить и на комъ можно взять; а деньги велѣть собрать въ нынѣшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ безъ недобору. — Это называлось тогда: въ неволю книгъ никому не давать! — Барановичъ просилъ, чтобы позволено ему было завести типографію въ Черниговѣ: просьба была исполнена; просилъ прислать ему сукна и лисьихъ мѣховъ: сукна и мѣха были отосланы.

Царь увѣрялъ Барановича и гетмана, что не отдастъ никогда Кіева Полякамъ; гетманъ клялся, что никогда не поддастся королю, но доносилъ, что Запорожскій кошевой Сѣрко не такого образа мыслей: когда король вступилъ въ западную украйну, то на кошу началась шатость; Сѣрко говорилъ: «При которомъ государѣ родились, при томъ и будемъ пребывать и головы за него складывать, и еслибы войско не захотѣло идти къ королю, какъ государю своему дѣдичному, то я Сѣрко хоть о десяти коняхъ поѣду поклониться государю своему.» Схваченъ былъ въ Нѣжинѣ, отосланъ къ гетману и казненъ имъ плѣвосѣятель, толковавшій объ измѣнѣ и въ восточной украйнѣ. Эти событія поддерживали недовѣрчивость московскихъ воеводъ и печальную привычку называть Малороссіянъ измѣнниками. Архимандритъ Новгородо-Сѣверскаго Спасскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій писалъ къ Матвѣеву: «Невѣдаю, за что порубежные воево-

ды нашихъ украинцевъ измѣнниками зовутъ: изволь предварить, чтобы воеводы въ такихъ мѣрахъ были опасны, и такихъ вѣстей ненадобныхъ не начинали и Малороссійскихъ войскъ не озлобляли; опасно, чтобы отъ малой искры большой огонь не запылалъ». Въ слѣдствіе этого къ порубежнымъ воеводамъ былъ посланъ указъ съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы Малороссіянъ измѣнниками не называли, жили съ ними въ совѣтѣ и во всякомъ пріятствѣ, а если впередъ отъ нихъ такія неподобныя и поносныя рѣчи пронесутся, то будетъ имъ жестокое наказаніе безо всякой пощады. Самойловичь непереставалъ доносить на Сѣрка, будто онъ хочетъ идти къ Астрахани и Сибирскимъ странамъ, въ надеждѣ на Калмыковъ. 23-го апрѣля гетманъ писалъ Матвѣеву: «Богъ видитъ совѣсть мою, что не изъ ненависти какой-либо объявляю объ атаманѣ Иванѣ Сѣркѣ. Постомъ великимъ былъ у насъ писарь Запорожскій и тайно объявилъ намъ Сѣрковы замыслы, со слезами прося, чтобы до времени оставалось тайною; знатнымъ козакамъ, находящимся въ Запорожьѣ Сѣрко постоянно говоритъ: «Какъ предки наши не служили государству Московскому, такъ и намъ не надобно служить, а держаться дѣдичнаго государя: если вы не позволите помогать, то хотя съ десяткомъ самъ пойду къ королевскому величеству. А что меня на Москвѣ къ присягѣ привели, то присяга невольная, мнѣ она ни во что; а что меня изъ Сибири освободили, то я объ этомъ не просилъ никого: могъ я выйти и другимъ способомъ.» Тотъ же писарь говорилъ: какъ посылалъ его Сѣрко къ царскому величеству съ самозванцемъ, то приказывалъ бить челомъ о мѣстечкѣ Керебердѣ, при чемъ говорилъ: «Колибы не догадались и отдали мнѣ его! тогда бы могъ жену изъ Слободскихъ полковъ вывесть, зналъ бы я тогда что̀ начать»! Это мѣстечко ему на злое его дѣло надобно, потому что лежитъ на Днѣпровскомъ берегу выше всѣхъ городовъ Полтавскаго полка, а въ тѣхъ краяхъ живутъ все люди западной стороны. Сѣрко, въ измѣну Брюховецкаго, взбунтовавши нѣсколько городовъ около себя, жителей ихъ посадилъ въ Керебердѣ, гдѣ прежде людей не было. Теперь Запорожцы отправили посланцевъ своихъ къ великому государю, а къ намъ о томъ ни одного слова не написали: Царскій указъ, чтобъ писали къ намъ о чемъ хотятъ бить челомъ, пошелъ ни за что. Теперь ихъ съ такимъ бездѣльемъ

съ-полтораста было пошло, насилу разогнали, а дорогою идучи, въ городахъ безчинства дѣлаютъ; у насъ это уже вывелось было; при Брюховецкомъ имъ это позволялось, что грѣхъ и стыдъ предъ знатными людьми припомнить; мы имъ больше терпѣть не будемъ, чтобы не смѣли нами пренебрегать».

Самойловичь поссорился и съ отцомъ протопопомъ, Симеономъ Адамовичемъ, писалъ къ Ромодановскому: «Объявляю вашей милости печаль мою и жалость, которыя причинилъ мнѣ пріятель мой Симеонъ протопопъ Нѣжинскій: какъ ѣхалъ онъ въ Москву съ книгами архіепископскими, то я ему никакихъ дѣлъ не поручалъ, потому что, по милости великаго государя, всякія вѣсти и указы и безъ него къ намъ доходятъ, а онъ тамъ оглашаетъ насъ нестаточными дѣлами передъ высокими людьми, самъ не имѣя въ себѣ постоянства, а ужь пора бы ему перестать отъ того. Я здѣсь нѣсколько свидѣтелей надежныхъ имѣю, что онъ нѣсколько особъ здѣсь обнадежилъ: какіе захотятъ они чины, то въ Москвѣ имъ промыслитъ, не откажутъ ему тамъ ни въ чемъ, и добрыхъ людей своими вымыслами потерялъ». Въ маѣ явились въ Москву Запорожскіе посланцы съ грамотою отъ Сѣрка. Кошевой писалъ, что король Польскій зоветъ ихъ къ себѣ на службу, но что они не могутъ двинуться безъ указа царскаго; просилъ, чтобы гетманъ Самойловичь шелъ вмѣстѣ съ ними на Крымъ и тѣмъ отвлекъ хана отъ поданія помощи султану, жаловался, что перевозъ на Переволокѣ не отданъ имъ, просилъ, чтобы отданы были на Запорожье клейноты, бывшіе у Ханенка. Но извѣстія Самойловича произвели свое дѣйствіе въ Москвѣ. Сѣрку отвѣчали, чтобы къ Польскому королю не ходилъ, а шелъ одинъ съ своими Запорожцами на море. Клейнотовъ отдать нельзя, потому что они вручены Ханенку королемъ Михаиломъ, а Ханенко отдалъ ихъ гетману Самойловичу; о перевозѣ посланъ указъ къ гетману. Этотъ указъ состоялъ въ томъ, чтобы гетманъ учинилъ по своему разсмотрѣнію. Пріѣзды Запорожцевъ были накладны казнѣ, какъ прежде пріѣзды Крымцевъ: такъ теперь ѣхало ихъ человѣкъ полтораста, да гетманъ Самойловичь всѣхъ не пропустилъ, пріѣхало только 41 человѣкъ. Царь послалъ указъ на Запорожье, чтобы впередъ ѣздило не болѣе десяти человѣкъ, если же пріѣдутъ лишніе, то будутъ кормиться на свой счетъ. Въ іюнѣ Самойловичь далъ знать, что

на Запорожье пріѣхалъ королевскій посланецъ Завиша; Сѣрко, какъ будто бы затѣмъ, чтобы проводить посла, выступилъ въ поле съ большимъ отрядомъ войска; но Запорожцы, заподозривъ, что Сѣрко прямо хочетъ идти къ королю, остановились въ степи, выбрали себѣ другаго старшину и возвратились на кошъ, а Сѣрко только съ 300 преданныхъ себѣ людей отправился вмѣстѣ съ Завишею. Но оказалось, что онъ ходилъ на Крымскіе юрты за добычею и языками и возвратился на Запорожье.

Въ то же время царя безпокоила смута въ Каневѣ, этомъ важномъ по близости къ Чигирину городѣ. Въ мартѣ 1675 года Каневскій воевода князь Михайла Волконскій писалъ къ князю Ромодановскому, что въ Каневѣ только два приказа московскихъ стрѣльцовъ, и тѣ неполны: многіе разбѣжались отъ головъ стрѣлецкихъ, Карандѣева и Лупандина, отъ нестерпимыхъ побоевъ, въ остаткѣ только 1600 человѣкъ. Волконскій жаловался, что головы его не слушаются, во всемъ ему отказали. Но головы объяснили дѣло иначе: присланы въ Каневъ деньги на хлѣбную покупку стрѣльцамъ, а Волконскій хлѣба не покупаетъ и деньгами стрѣльцамъ не даетъ, отъ чего стрѣльцы мрутъ и бѣгутъ; воевода призываетъ къ себѣ городскихъ войтовъ и бурмистровъ и передъ ними бранитъ головъ, называетъ ихъ измѣнниками, разсказываетъ, будто они хотятъ отъѣхать къ Дорошенку. Пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы подтвердили грамоту головъ, приславши къ Ромодановскому жалобу, что воевода задерживаетъ ихъ жалованье. Царь велѣлъ послать Волконскому грамоту съ угрозою, что если впередъ будетъ такъ поступать, то подвергнется жестокому наказанью. Но Волконскій прислалъ новую жалобу на головъ: «Держатъ они у себя другіе ключи отъ воротъ городовыхъ и отпираютъ тайкомъ отъ меня. 7 марта былъ я въ церкви, и когда послѣ обѣдни шелъ домой, то Карандѣевъ и Лупандинъ дождались меня на паперти и начали бранить непристойными словами, похвалялись бить; велѣли деньщикамъ своимъ взять у меня солдатскаго полковаго подъячаго, били его ослопами и задержали у себя; отъ страха сижу на своемъ дворищкѣ заперши́сь.»

Ссору между воеводою и стрѣлецкими головами утишили: Карандѣевъ и Лупандинъ обѣщали слушаться воеводу. Но ско-

ро Волконскій столкнулся съ другими людьми посильнѣе головъ стрѣлецкихъ. 14 іюня въ съѣзжую избу къ воеводѣ привели лазутчика, схваченнаго на площади. Съ пытки, послѣ троекратнаго поджариванія, лазутчикъ объявилъ: «Прислалъ меня Дорошенко съ листомъ къ здѣшнему полковнику Ивану Гурскому; полковникъ взялъ у меня листъ и положилъ за пазуху, потомъ кликнулъ челядника своего, велѣлъ мнѣ дать хлѣба и проводить къ матери своей въ домъ, гдѣ бы я могъ прожить до извѣстнаго времени.» Привели челядника полковничья, поставили на очную ставку съ лазутчикомъ: челядникъ сначала заперся, но съ пытки объявилъ, что всѣ показанія лазутчика справедливы. Полковникъ Гурскій заперся; тогда воевода отдалъ его на береженье стрѣлецкимъ головамъ Карандѣеву и Лупандину, и немедленно далъ знать объ этомъ происшествіи государю, прося указа. Воеводская грамота пришла въ Москву только 25 іюня; 27 іюня царь отвѣчалъ Волконскому, что посланъ указъ гетману взять Гурскаго, челядника его и лазутчика изъ Канева къ себѣ въ Батуринъ и, разыскавъ подлинно, указъ имъ учинить по ихъ войсковымъ правамъ. Отвѣтъ этотъ не могъ придти въ Каневъ ранѣе десяти дней, а между тѣмъ извѣстіе о Каневскомъ происшествіи возбудило сильное негодованіе въ Батуринѣ: воевода отдалъ полковника подъ караулъ! Гетманъ писалъ Матвѣеву, что Гурскій человѣкъ добрый и слуга царю вѣрный, вины его никакой нѣтъ; писалъ, что Дорошенково войско хотѣло перейти въ Каневъ и поддаться государю, но узнавъ, какая въ Каневѣ смута, отложило свое намѣреніе: «Для того прошу вашу боярскую милость, изволь вступиться, какъ особенный нашъ Малороссійскій ходатай, чтобы въ чести были у великаго государя наши войсковыя вольности и указы его же царскаго величества. Если милости великаго государя ко мнѣ и къ войску Запорожскому не будетъ, воеводу скоро перемѣнить не укажетъ, то Каневъ пустъ будетъ; да и давно бы былъ пустъ, еслибы не головы стрѣлецкіе, Карандѣевъ и Лупандинъ держали. Очень мнѣ и всему войску досадительно, будто я сталъ царскому величеству измѣнникъ.» Въ бытность царскаго посланца въ Батуринѣ пріѣхали туда изъ Канева жена Гурскаго да обозный съ атаманомъ и говорили: «Какъ малыя дѣти безъ матери, такъ мы теперь безъ полковника, а непріятель подлѣ Канева, и какъ

придетъ, что намъ дѣлать безъ полковника? Отъ Дорошенковыхъ козаковъ попреки намъ и стыдъ: «поддавайтесь царю, поддавайтесь! хороша къ вамъ царская милость!» Всѣ бы мы давно разбрелись, еслибы не головы стрѣлецкіе держали; они воеводѣ говорили, чтобы въ такія дѣла не вступался, вѣдалъ бы одинъ городъ да государевыхъ ратныхъ людей, а полковника отослалъ бы къ гетману; но онъ и головъ называетъ измѣнниками.» Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана: Волконскій былъ смѣненъ, и въ царскомъ указѣ къ нему по этому случаю говорилось: «То ты дуростію своею дѣлаешь не гораздо, вступаешься въ ихъ права и вольности, забывъ нашъ указъ: и мы указали тебя за то посадить въ тюрьму на день, а какъ будешь на Москвѣ, и тогда нашъ указъ сверхъ того учиненъ тебѣ будетъ.»

Съ весны 1675 года начали думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій: 26 апрѣля государь послалъ Ромодановскому и Самойловичу приказъ собраться съ Бѣлгородскими и Сѣвскими полками и съ козаками и двинуться къ Днѣпру, къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ Днѣпръ удобенъ для переправы; а пришедши къ Днѣпру, писать къ коронныхъ и литовскимъ гетманамъ, чтобъ они, согласясь между собою, шли къ Днѣпру же въ ближнія мѣста. Когда Поляки дадутъ знать о своемъ приходѣ, то становить съ ними слѣдующій договоръ о соединеніи обѣихъ ратей: соединяться на той сторонѣ Днѣпра подъ Коростышевымъ, или подъ Мотовиловкою, или подъ Паволочемъ, потому что окрестности этихъ мѣстечекъ лѣсисты и кормовъ всякихъ достать можно; назначить точно время и мѣсто, гдѣ соединяться, и чтобы въ сборѣ были всѣ коронныя и литовскія войска, съ пѣхотою и пушками; чтобы съ обѣихъ сторонъ даны были аманаты; если Турки и Татары нынѣшняго лѣта на войну не придутъ, и будетъ при Дорошенкѣ Турокъ и Татаръ немного, то царскимъ войскамъ съ королевскими не соединяться; далѣе Паволочи войскамъ царскимъ не ходить; въ подъѣзды войскъ царскихъ не посылать, кромѣ охочихъ людей, и когда съ непріятелемъ сойдутся, то первый бой давать войскамъ королевскимъ, а царскихъ войскъ напередъ не посылать, и въ напускахъ и въ отводъ не выдавать, стоять заодно и въ нужное время другъ отъ друга не отступать, въ кормахъ конскихъ и во всякихъ обычаяхъ войскъ

царскихъ не тѣснить, и быть въ соединеніи до тѣхъ поръ, пока непріятель не отступитъ; договариваться и о томъ, чтобы прибавить къ прежнимъ перемирнымъ годамъ еще 10 лѣтъ, чтобы непріятель, видя склонность обоихъ государей къ братской дружбѣ, отъ злаго намѣренія своего отсталъ; просить, чтобы въ благодарность за соединеніе войскъ король уступилъ на вѣки всѣ завоеванныя мѣста; чтобъ Поляки гетмана Ивана Самойловича почитали и войску Запорожскому укоризны и безчестья никакого не дѣлали. Если королевскіе гетманы станутъ заключать мирный договоръ съ султаномъ и ханомъ, то внести въ него слѣдующія статьи: на пограничныя съ Турціею и Крымомъ царскія украйны войною не ходить, если же Турки и Татары договоръ нарушатъ, то царское и королевское величества будутъ давать имъ отпоръ сообща.

29 мая, въ Сумахъ, гетманъ Самойловичь съ старшиною, въ присутствіи князя Ромодановскаго и царскаго посланца, стряпчаго Алмазова, далъ такой отвѣтъ: «Соединяться намъ съ Поляками всѣми нашими войсками опасно по многимъ причинамъ: прошлою зимою, когда король былъ на украйнѣ, и Аджи-Гирей салтанъ тамъ не далеко стоялъ въ шести тысячахъ войска, то Поляки съ этою ордою никакого бою знатнаго не имѣли, а все ссылались съ салтаномъ и Дорошенкомъ о мирѣ, и носились слухи, что король пришелъ на украйну не для отпора Туркамъ, но чтобы какимъ бы то ни было образомъ отобрать ее и Кіевъ себѣ. Поэтому мы не только не желаемъ соединяться съ польскими войсками, но и въ другихъ малѣйшихъ вещахъ не хотимъ съ ними ссылаться; у насъ одинъ защитникъ, православный монархъ, его царское величество; если же государю угодно дать помощь Полякамъ, то послать нѣкоторую часть московскихъ и козацкихъ войскъ, а не всѣ. Аманатовъ давать Полякамъ страшно: въ прошлыхъ годахъ они дали Туркамъ аманатовъ изо Львова, духовенство, шляхту и мѣщанъ, знатныхъ людей, и въ правдѣ своей не устояли, усмотря время, Турокъ побили. Да и потому намъ нельзя соединяться съ Поляками: Поляки народъ гордый, станутъ насъ безчестить и называть своими подданными, козаки станутъ стоять за свои права и пойдетъ ссора. Если непріятель подступитъ всѣми силами подъ Кіевъ, то мы съ бояриномъ будемъ отпоръ

чинить, сколько милосердый Богъ помощи подастъ. Въ этомъ и будетъ королю великое вспоможеніе, а соединяться съ Поляками мы не хотимъ, чтобы чрезъ соединеніе большей ссоры не было.»

Генеральный писарь Савва Прокоповъ говорилъ: «Хотя Поляки и толкуютъ о соединеніи войскъ, но лукавымъ сердцемъ, вѣрить имъ нельзя: нынѣшнею зимою сенаторы Яблоновскій и Сѣнявскій пріѣзжали въ Кіевъ провѣдать про войска и крѣпости городовыя и про иныя московскія вѣсти, а сказывались простою шляхтою, будто пріѣзжали для покупокъ, и этимъ умыселъ свой объявили.»

Ромодановскій и Самойловичь говорили въ одинъ голосъ: «Если великій государь укажетъ идти намъ въ Крымъ, то надѣемся учинить тамъ великое разоренье.»

Бывшій Дорошенковъ есаулъ Яковъ Лизогубъ разсказывалъ Алмазову: «Былъ тайный съѣздъ у визиря съ Дорошенкомъ, съѣзжались только трое — Дорошенко, визирь да я; визирь говорилъ: «Мы хотимъ Запорожье и Кіевъ взять.» Когда разговоры кончились, то Дорошенко, вышедши изъ шатра, сказалъ мнѣ: «Слышалъ, что говорилъ визирь? нашею кожею торгуютъ!» и сталъ плакать: «не дай Боже, чтобы замыселъ ихъ исполнился!»

Въ концѣ іюля, по вѣстямъ изъ украйны, царь велѣлъ Ромодановскому двинуться изъ Курска въ Суджу, отправить въ Заднѣпровье знающихъ людей для подлинныхъ извѣстій, а къ гетману коронному, князю Дмитрію Вишневецкому отписать, что если всѣ войска, коронныя и литовскія въ согласіи и соединеніи не будутъ, то царскія войска съ однимъ короннымъ гетманомъ то соединятся. Въ началѣ августа другой указъ: двинуться Ромодановскому изъ Суджи, а Самойловичу изъ Батурина къ Днѣпру, и отправить за рѣку по отряду, выбравъ добрыхъ людей. Самойловичь объявилъ царскому посланцу, что готовъ исполнить указъ великаго государя, но что надобно только ограничиться прогнаніемъ Татаръ, а не соединяться съ Поляками: «Мнѣ, гетману, и всему нашему войску лучше смерть принять, нежели отъ Поляковъ въ безчестіи и порабощеніи быть. Если мнѣ и боярину перейти за Днѣпръ, то это все равно, что руками насъ отдать Полякамъ: у нихъ только рѣчей, что московская пѣхота способна городовъ доставать, позовутъ насъ неволею хана въ

поляхъ искать и Каменца Подольскаго доставать, начнутъ называть мужиками и своими подданными, бить обухами, спрашивать кормовъ, выговаривать: вы насъ въ такое осеннее время вызвали, вы и кормите; а козаки теперь и не Полякамъ не спускаютъ, Турокъ и Татаръ побиваютъ: такъ чего добраго ждать? начнутъ биться; ни на одинъ часъ нельзя соединяться съ Поляками! Полякамъ всего досаднѣе то, что на этой сторонѣ Малороссійскіе люди живутъ подъ царскою рукою во всякихъ вольностяхъ, покоѣ и многолюдствѣ; Полякамъ непремѣнно хочется, чтобы какою-нибудь хитростію эту сторону въ свои руки прибрать и такъ же, какъ ту сторону, разорить и людей погубить; особенно этого добивается коронный гетманъ, князь Дмитрій Вишневецкій, потому что на этой сторонѣ ихъ маетности были. Мнѣ и всему войску нужно не то, чтобы всѣ коронныя и литовскія войска пришли къ Днѣпру, намъ нужно, чтобы ни одинъ Полякъ въ этихъ мѣстахъ не былъ. А присяга ихъ извѣстна: бояринa Шереметева за присягою въ Крымъ отдали! Теперь короля своего на украйнѣ покинули и разошлись по домамъ!»

Соединеніе русскихъ войскъ съ польскими было рѣшительно отвергнуто, и въ началѣ осени началось особное движеніе русскихъ войскъ: Ромодановскій и Самойловичъ сошлись у Обечевской грабли, между рѣкою Галицею и Прилуками, въ 5 верстахъ отъ Монастырища и въ 50 отъ Днѣпра. Отсюда 11 сентября двинулись къ Яготину, гдѣ стояли до 16 числа; недостатокъ въ конскихъ кормахъ и бездровица заставили ихъ приблизиться къ Днѣпру, къ которому подошли 18 сентября, стали въ 10 верстахъ отъ Канева и послали на ту сторону отрядъ московскаго войска подъ начальствомъ генералъ-майора Франца Вульфа, и козацкій подъ начальствомъ генеральнаго есаула Лысенка. Заслышавъ о приближеніи этого войска, два полка Дорошенковыхъ сердюковъ бросили города Корсунь, Богуславль, Черкасы, Мошны и другіе, и ушли въ Чигиринъ; жители также покинули свои города, села и деревни и перешли на восточную сторону. Это движеніе нагнало сильный страхъ на Дорошенка, который тщетно просилъ помощи у Турокъ и Татаръ, занятыхъ войною съ Поляками, и хотя Ромодановскій съ гетманомъ, не предпринявши ничего важнаго, разошлись — одинъ въ Курскъ, а другой въ Батуринъ, однако положеніе До-

рошенка не улучшалось. Ненависть къ нему была возбуждена сильная, потому что подданство султану оказалось въ последнее время всею своею черною стороною для украйны. Чигиринъ, по свидѣтельству самовидцевъ, превратился въ невольничій рынокъ, всюду по улицамъ Татары выставляли и продавали ясырь (плѣнныхъ), даже подъ самыми окнами Дорошенкова дома. Если кто изъ Чигиринскихъ жителей, по христіанству, хотѣлъ выкупить земляка, то навлекалъ на себя подозрѣніе въ непріязни къ покровителямъ украйны Туркамъ и Татарамъ. По городамъ не было мѣры притѣсненіямъ отъ голодныхъ Татаръ. Проклятія на Дорошенка были во всѣхъ устахъ. Онъ бы могъ еще не обращать вниманія на эти проклятія; но въ самомъ Чигиринѣ было мало хлѣба, потому что два года уже ничего не сѣяли, кормились тѣмъ, что могли купить украдкою у жителей восточной стороны. Въ такой крайности Дорошенко рѣшился обратиться къ Сѣрку: нельзя ли посредствомъ Запорожья какъ-нибудь продержаться, получить выгодныя условія отъ царя, остаться гетманомъ?

Въ концѣ сентября Сѣрко далъ знать въ Москву о своей вѣрной службѣ: по царскому указу пришли въ Запорожье князь Каспулатъ Муцаловичь Черкаскій, стольникъ Леонтьевъ, стрѣлецкій голова Лукошкинъ, Мазинъ-мурза съ Калмыками, атаманъ Фролъ Миняевъ съ Донскими козаками; Сѣрко соединился съ ними, и 17 сентября всѣ пошли чинить воинскій промыслъ надъ крымскими улусными людьми, за Перекопью разбили Татарскую заставу, села попалили, много полону побрали и христіанскихъ душъ много освободили, и всѣ здоровы назадъ пришли. При этомъ Сѣрко билъ челомъ: «Многое время, не щадя головы своей, промышлялъ я надъ непріятелемъ; а теперь я устарѣлъ, отъ великихъ волокитъ, отъ частыхъ походовъ и отъ ранъ изувѣченъ, жена моя и дѣти въ украинскомъ городкѣ Мерехвѣ скитаются безъ пріюта, отъ Татаръ лошадьми и животиною разорились, а мнѣ Ивану теперь полевая служба стала не въ мочь, присмотрѣть за старикомъ и упокоить его некому. Милосердый Государь! вели мнѣ, холопу своему, съ женишкою и дѣтишками, въ домишкѣ пожить, чтобы, живучи порознь, въ конецъ не разориться и при старости безпріютно не умереть; вели мнѣ дать свою грамоту, чтобы мнѣ, живучи въ домишкѣ своемъ, утѣсненія ни отъ кого не было». — «Не время теперь,

отвѣчалъ царь, жить тебѣ въ домѣ съ женою и дѣтьми, а когда будетъ время, и воинскія дѣла станутъ приходить въ успокоеніе, тогда мы тебя пожалуемъ, въ домѣ жить позволимъ и нашею царскою грамотою обнадежимъ».

Но въ слѣдъ затѣмъ, отъ 15 октября, кошевой атаманъ объявилъ другую свою службу: «Гетманъ войска Запорожскаго Петръ Дорошенко, отъ давныхъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пресвѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ его, за многими нѣкоторыхъ завистныхъ людей препонами, привести въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ къ войску Низовому, чтобы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти, и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ и частію Донскаго, то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариществомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посполитыми людьми, предъ св. Евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что онъ будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и ненарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при клейнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыя преступленія мести, отъ всѣхъ непріятелей, Татаръ, Турокъ и Ляховъ, будетъ войсками вашего царскаго величества защищенъ, мѣста всѣ запустѣлыя на сей (западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться какъ и Заднѣпровская (восточная) сторона».

Этотъ Запорожскій поступокъ, нарушавшій порядокъ, установленный на послѣдней Переяславской радѣ, сильно не понравился въ Москвѣ и Царь отвѣчалъ кошевому: «Ты это сдѣлалъ не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; къ тебѣ о томъ нашего указа не послано, посланъ былъ указъ о Дорошенковомъ подданствѣ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу: и впередъ бы тебѣ и всему войску Запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не ссылаться и въ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ

у Дорошенка клейноты войсковые гетманскіе, данные нами прежнимъ гетманамъ, булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя: и ты бы сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьѣ никогда гетманскихъ клейнотовъ не бывало.» Сѣрко продолжалъ распоряжаться: минуя гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, Самойловича, онъ разослалъ грамоты къ полковникамъ: «Объявляю, что гетманъ Петръ Дорошенко отъ Турскаго султана и Крымскаго хана отступилъ, и подъ высокодержавную руку царскаго величества подклонился: такъ извольте междоусобную брань между народомъ христіанскимъ оставить и инымъ заказать, которыхъ много, что общему христіанскому дѣлу не ради; ибо всѣ мы единаго Бога созданіе, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хвально, дабы Богъ обратилъ ярость злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажи, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать.» Опять царь долженъ былъ напомнить кошевому атаману, что всѣ эти дѣла положены на князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича.

Легко понять, какъ эти событія должны были обезпокоить послѣдняго; онъ обратился къ Матвѣеву, «своему благодѣтелю милостивому.» «Не разъ, писалъ Самойловичь, былъ я предостереженъ добрыми людьми на счетъ шатости и замысловъ Ивана Сѣрка. Писалъ я уже къ твоей боярской милости, какъ онъ добивалъ челомъ царскому величеству, чтобы ему нѣсколько козацкихъ полковъ дать, будто Крымъ воевать, потомъ, чтобъ ему изъ Слободскихъ городовъ жену выдать, потомъ, чтобъ Кереберду городъ дать въ Полтавскомъ полку; но въ тоже самое время открылъ онъ тайну писарю своему, говорилъ: «Только бы мнѣ въ тотъ уголокъ залезть, зналъ бы я что дѣлать!» Только объ одномъ и заботится: какъ бы собрать войско да войти въ города и завести тамъ смуту. Дорошенко, видя, что не надъ кѣмъ гетманить (потому что отъ Днѣстра до Днѣпра нигдѣ духа человѣческаго нѣтъ, развѣ гдѣ стоитъ крѣпость польская), призвалъ къ себѣ въ Чигиринъ Сѣрка и 10 октября встрѣчалъ его съ духовенствомъ, разгласивши между народомъ, что хочетъ жить подъ рукою царскою. Но здѣсь явный обманъ, какъ далъ намъ знать одинъ близкій къ нему

человѣкъ. Отъ Турокъ и Татаръ помощи ему нѣтъ, а тутъ Ляхи въ гостяхъ, да и мы не далеко; вотъ онъ, чтобы какъ-нибудь перезимовать, получить съѣстные припасы съ нашей стороны и перезвать къ себѣ опять людей, такую молву и распустилъ о подданствѣ. Завидуя особенно нашей украйнѣ, въ мирѣ живущей, хлопочутъ они завести здѣсь смуту. И въ прошломъ 1674 году Сѣрко намъ помѣшалъ въ добрыхъ дѣлахъ; теперь при мнѣ Мазепа и Кочубей, которые тогда были при Дорошенкѣ: такъ они сказываютъ, что Сѣрко присылалъ къ Дорошенку съ такою рѣчью: «Если на тебя Москва наступитъ, то войско Запорожское тебѣ поможетъ, клейнотовъ войсковыхъ ни за что Москвѣ не отдавай.» Къ Ромодановскому Самойловичь писалъ: «Разсуди, благодѣтель мой, дѣло этихъ крутоголовыхъ! передъ нами не хотѣли сдѣлать ничего добраго, а передъ какимъ-то Фроломъ да Міюскомъ, что самозванца съ Дону къ Сѣрку привелъ, какую-то присягу дали! Какова совѣсть у Дорошенка? намъ разъ десять присягалъ, и по прежнему солгалъ! Мы узнали, благодѣтель мой, что тамъ между собою усовѣтовали: попытаться черезъ своихъ пословъ у царскаго величества: если имъ позволитъ черневую раду собрать, то и эту украйну туда же потянуть, смуту здѣсь завести и намъ не поддаться.»

Ромодановскій, наравнѣ съ гетманомъ, былъ оскорбленъ поступкомъ Дорошенка, который отъ 12 октября увѣдомилъ его о своей присягѣ передъ Сѣркомъ и Фроломъ Минаевымъ, и просилъ прислать въ Чигиринъ добрыхъ людей «для достовѣрнѣйшаго разговора.» Ромодановскій отвѣчалъ: «Когда мы стояли у Днѣпра, то ты по письму моему и по присылкамъ своимъ, обѣщанія своего не исполнилъ, для присяги въ обозъ къ намъ не пріѣхалъ; а теперь для разговора просишь о присылкѣ знатныхъ людей. Это мнѣ очень удивительно! Когда мы съ вѣрнымъ и неотмѣннымъ царскаго величества подданнымъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Иваномъ Самойловичемъ, усердно желали тебя принять и государскою милостію обнадежить, то ты, за перепятіемъ нрава своего, этого сдѣлать не изволилъ; а теперь какъ могу къ тебѣ для разговора знатныхъ людей посылать? Если ты вправду поддался царскому величеству, то пріѣзжай ко мнѣ и къ гетману Ивану Самойловичу и присягни предъ нами.»

Донесенія Самойловича произвели большое безпокойство въ Москвѣ. Царь писалъ Ромодановскому и гетману: Мы какъ прежде, такъ и теперь, положили Дорошенково дѣло на васъ, и вы бы поступили по своему разсмотрѣнію, чтобы то дѣло до весны успокоить и къ расширенію не допустить.» Наконецъ отправлена была царская грамота и въ Чигиринъ: «Петру Дорофеевичу наше царскаго величества милостивое слово. Мы твоего обѣщанія, даннаго предъ Иваномъ Сѣркомъ и Фроломъ Минаевымъ, въ правду не вмѣняемъ, потому что они ѣздили къ тебѣ въ Чигиринъ безъ нашего указа; эти наши дѣла на нихъ не положены, и впредь тѣмъ дѣламъ крѣпкимъ быть нельзя; и тебѣ бы, Петру, пріѣхать къ боярину князю Ромодановскому и гетману Ив. Самойловичу, и при нихъ присягу принести. Если же не пріѣдешь, то мы велимъ боярину и гетману чинить надъ тобою промыслъ.»

«Я и прежде не отговаривался къ тебѣ ѣхать, отвѣчалъ Дорошенко Ромодановскому, но всегда дѣло шло о моей безопасности. Такъ и теперь, присягнувши великому государю, мы сейчасъ же снарядили посольство къ царскому величеству, и дали объ этомъ знать твоей милости и гетману Самойловичу; но гетманъ отвѣта никакого не далъ, и по его приказанію Заднѣпровскіе козаки пограбили Чигиринское село надъ Тясминомъ, полковникъ Переяславскій подъ Черкасами много людей разорилъ, по берегу Днѣпровскому крѣпкую стражу поставили съ гетманскимъ приказомъ не пропускать моихъ посланниковъ. Нижайше прошу, прекрати войну съ нами, какъ уже съ подданными одного государя, и пришли сюда добраго человѣка для безопасности пословъ нашихъ; какъ только этотъ человѣкъ къ намъ пріѣдетъ, сейчасъ же пословъ и съ ними санжаки Турецкіе къ царскому величеству отпустимъ.» Посланецъ Дорошенковъ, падши къ ногамъ Ромодановскаго, долженъ былъ просить: «Пусть Дорошенку не чрезъ кого инаго, только чрезъ его боярскую вельможность, чрезъ его предстательство будетъ пріобрѣтена щедрая царская милость, чтобъ быть ему безопасну въ своемъ здоровьѣ.» Получивъ это письмо, Ромодановскій немедленно отправилъ къ Самойловичу дьяка, чтобы прекращены были всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Дорошенка, а въ Чигиринъ для пріема пословъ и санжаковъ, отпустить полковника

Вестова съ двумя стами человѣкъ пѣхоты. Къ самому Дорошенку Ромодановскій отписалъ: «Совѣтую твоей милости и сердечно желаю, какъ другу и пріятелю, для твоего добра, чтобы ты благоволилъ безъ всякаго замедленія самъ съ полковникомъ Вестовымъ пріѣхать ко мнѣ въ Курскъ, а изъ Курска ѣхать къ великому государю. Еслибы ты это сдѣлалъ, то я, для большей чести тебѣ, послалъ бы изъ Курска съ тобою сына моего, князя Михайлу.»

Но Дорошенко не думалъ такъ скоро покончить этого дѣла. Въ концѣ декабря пріѣхалъ отъ него въ Москву Чигиринскій атаманъ Сенкеевичь и объявилъ: Петръ Дорошенко приказалъ мнѣ бить челомъ, чтобы царское величество его Петра и все посполъство пожаловалъ, велѣлъ милостивый указъ учинить и своею милостивою грамотою обнадежить и увеселить, чтобъ быть ему, сродникомъ его и всему посполъству подъ высокою рукою царскаго величества въ вѣчномъ подданствѣ, при своемъ здоровьѣ, пожиткахъ и вольностяхъ неотмѣнно. Онъ, Дорошенко великому государю служить и всякаго добра хотѣть, и, не желая чина гетманскаго, умирать готовъ, только имѣетъ безпрестанное попеченіе, чтобы быть при милости его государской. Когда бояринъ князь Ромодановскій и гетманъ Иванъ Самойловичь стояли у Днѣпра, то онъ Дорошенко къ нимъ для присяги не поѣхалъ, опасаясь за свое здоровье, чтобы нежелательные ему люди западной стороны Днѣпра, перешедшіе на восточную, не сдѣлали надъ нимъ того же, что надъ Самкомъ и Брюховецкимъ. Опасаясь этого, онъ писалъ на Запорожье къ кошевому атаману Ивану Сѣрку, чтобы пріѣхалъ въ Чигиринъ для совѣта и быть свидѣтелемъ присяги Дорошенкова царскому величеству. Когда Сѣрко пріѣхалъ, то присяга была принесена и клейноты войсковые ему отданы, при чемъ Сѣрко и все войско велѣли ему Дорошенку писаться гетманомъ до указа великаго государя. Въ подданствѣ у Турецкаго султана былъ онъ и санжаки Турецкіе принялъ съ общей рады всей старшины. Когда онъ въ одно время получилъ и милостивую государеву грамоту изъ Москвы и обнадеживательныя грамоты отъ короля, то созвалъ всю старшину и спрашивалъ: у котораго государя быть въ подданствѣ? И старшина пожелали обороны Турецкой и Крымской. Понеже султанъ и ханъ для этой обороны пришли на украйну, пе-

рода разорили, множество невинныхъ душъ погубили и въ неволю захватили, въ то время тѣ же совѣтники, складывая вину на Дорошенка и желая себѣ гетманства, перешли всѣ на восточную сторону, также и жители; а онъ, Дорошенко, вспоминая царскія милостивыя грамоты, и не видя въ томъ дѣлѣ ни отъ кого помѣшки, отъ султана отсталъ и санжаки шлетъ къ великому государю съ тестемъ своимъ и братомъ Андреемъ, и какъ скоро чрезъ этихъ посланниковъ получитъ полное увѣреніе, то немедленно безъ отговорокъ поѣдетъ въ Москву. Теперь при немъ города Чигиринскаго полка: Крыловъ, Вороновка, Бужинъ, Боровица, Суботово, Медвѣдовка, Жаботинъ, Черкасы, Бѣлозерье.»

Сенкеевичь подалъ грамоту отъ гетмана: въ ней Дорошенко сравнивалъ себя съ евангельскимъ разслабленнымъ, не имѣвшимъ человѣка, который бы ввергнулъ его въ цѣлительную купѣль. «Не имѣлъ я человѣка, писалъ Дорошенко, не имѣлъ человѣка, который бы избавилъ меня отъ злаго недуга, отъ ига бусурманскаго, ввергнувъ въ цѣлебную купѣль великомощной вашего царскаго величества обороны. Умилосердись, великій государь царь, не отринь меня отъ пресвѣтлаго лица своего, но милостивно, яко царь небесный, Христосъ, разслабленному рцы: возстани, возьми одръ свой и ходи, повели мнѣ срамное ложе ига бусурманскаго оставити!»—«Все прежнее будетъ забыто, отвѣчалъ царь: безо всякаго сомнѣнія пріѣзжай на сю сторону Днѣпра къ князю Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу и предъ ними принеси присягу; захочешь съ родственниками своими ѣхать къ намъ въ Москву, то получишь нашу многую милость и жалованье, и укажемъ отпустить тебя въ Малороссійскіе города по прежнему, позволимъ жить въ какомъ городѣ захочешь, безо всякой обиды и укоризны.»

Нежеланный былъ это гость для гетмана Ивана Самойловича; гетманъ не вѣрилъ, чтобъ Дорошенко рѣшился пріѣхать на восточную сторону въ видѣ частнаго человѣка, онъ все боялся смутъ отъ Дорошенка и Сѣрка, созванія рады и сверженія его, Самойловича. Онъ послалъ въ Запорожье грамоту съ выговоромъ, какъ смѣлъ Иванъ Сѣрко съ товарищами ѣздить въ Чигиринъ и подтверждать тамъ гетманство Дорошенку безъ вѣдома гетмана и всего войска Запорожскаго городоваго? потомъ, какъ

смѣли разослать грамоты къ полковникамъ, чтобы тѣ не враждовали болѣе съ Дорошенкомъ? «И такъ уже, писалъ гетманъ, почти 30 лѣтъ за грѣхи наши, кровавымъ обливаемся потомъ. Каждый изъ молодцовъ добрыхъ, Бога боящихся и правду любящихъ, знаетъ, что западная сторона разорена, благодаря Дорошенку, который возбудилъ противъ себя бѣды со всѣхъ сторонъ, поддавшись Турецкому султану, подъ которымъ и послѣднихъ людей потерялъ; а когда увидалъ, что мало тамъ осталось, то, чтобы побыть нѣкоторое время гетманомъ, призвалъ васъ къ своему расколу. Извѣщаю вамъ что не надобно въ этихъ городахъ нашихъ никакихъ радъ собирать и ничего у царскаго величества добиваться; были уже въ четыре года двѣ рады.» Царскому послу Алмазову гетманъ говорилъ: «У Сѣрка съ Дорошенкомъ давняя дружба и клятва другъ другу во всемъ добра искать. Теперь Дорошенка держитъ Сѣрко, а только бъ не Сѣрко, то Дорошенко давно бы самъ пріѣхалъ къ князю Ромодановскому или ко мнѣ.»

Въ январѣ 1676 года пріѣхали въ Москву и обѣщанные Дорошенкомъ знатные послы, тесть его, уже извѣстный намъ Павелъ Яновичь (Яненко) Хмельницкій съ товарищами и послами изъ Запорожья, привезли Турецкіе санжаки—бунчукъ и два знамени таффтяныя. На спросъ, зачѣмъ пріѣхали? послы объявили: «Приказалъ намъ Петръ Дорошенко у великаго государя милости просить, чтобы царское величество пожаловалъ, вины его изволилъ простить и принять подъ свою высокую руку, и позволилъ бы остаться ему въ прежнемъ своемъ чинѣ гетманомъ, и войсковые прежніе клейноты были бы при немъ; а онъ Дорошенко служить будетъ во вѣкъ, нещадя здоровья своего; впрочемъ гетманскій чинъ въ волѣ великаго государя. Бьетъ челомъ Петръ Дорошенко, чтобы великій государь пожаловалъ его, сродниковъ его и все поспольство, указалъ имъ жить по прежнему на той сторонѣ Днѣпра въ старыхъ своихъ поселеніяхъ, при пожиткахъ своихъ и вольностяхъ, какъ живутъ во всякихъ покояхъ и вольностяхъ на сей сторонѣ Днѣпра Малороссійскіе жители, чтобы на той сторонѣ церкви Божіи не разорилось, а имъ на сей сторонѣ между дворами не волочиться; слухи у насъ носятся, что заставятъ насъ покинуть домы, сжечь города и перейти на сю сторону. Да чтобы мы были защищены отъ Турец-

наго султана, Крымскаго хана и Польскаго короля, чтобы на той сторонѣ Днѣпра церкви Божіи не запустѣли и обѣ стороны въ разлученіи не были. Какъ будетъ на это челобитье милостивый указъ, и мы къ Дорошенку возвратимся, то онъ пріѣдетъ ударитъ челомъ великому государю, а до тѣхъ поръ ни въ Москву, ни въ полкъ къ боярину и гетману не поѣдетъ.»

Въ отвѣтъ посламъ сказали, что они будутъ отпущены къ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу и тамъ задержаны до тѣхъ поръ, пока самъ Дорошенко пріѣдетъ на сю сторону и присягнетъ великому государю; но въ то же время Ромодановскому и гетману дано было знать: «если, смотря по тамошнему дѣлу, пристойнѣе будетъ Павла Яненка съ товарищами отпустить къ Дорошенку въ Чигиринъ, то сдѣлайте это по своему разсмотрѣнію, какъ васъ Господь Богъ вразумитъ, чтобы Дорошенка совершенно обнадежить и на сю сторону перезвать.» На челобитье Дорошенка, объявленное послами, былъ данъ указъ: «За подданство и присылку санжаковъ великій государь милостиво похваляетъ. Присяга передъ Сѣркомъ въ правду не вмѣняется, присяга должна быть принесена передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ. Всѣ прежнія преступленія прощаются. На обѣихъ сторонахъ быть одному гетману Ивану Самойловичу. Городомъ Чигириномъ со всѣми поселеніями жалуетъ государь Петра Дорошенка и все посполъство. Для обороны въ Чигиринъ и Каневъ ратные люди будутъ присланы въ то время, когда Дорошенко присягнетъ на вѣчное подданство передъ бояриномъ и гетманомъ. Жить Дорошенко можетъ гдѣ захочетъ, и никакого притѣсненія ему не будетъ. Братъ Дорошенка, Григорій будетъ освобожденъ и отосланъ къ боярину и гетману.

Въ Днѣпровской украйнѣ дѣла начали принимать благопріятный для Москвы оборотъ; но иначе было на другой украйнѣ, на другой козацкой рѣкѣ, на Дону.

1674 годъ прошелъ здѣсь безо всякаго дѣла. Новый воевода, смѣнившій Хитрово, князь Петръ Хованскій пришелъ на Донъ поздно, ходилъ осматривать мѣста на Міусѣ, гдѣ бы построить городокъ, и нашелъ, что нигдѣ ничего построить нельзя; донесенія воеводы царю наполнялись извѣстіями о побѣгахъ ратныхъ людей. Лѣтомъ 1675 года государь послалъ на Донъ указъ идти

на козачій ерекъ, прокопать его и построить городки. Хованскій договорилъ объ указѣ тайно съ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ, и тотъ началъ въ Черкаскѣ собирать круги и объявлять указъ: козаки отвѣчали, что имъ прокапывать ерекъ, городки строить и въ нужное время въ осадѣ сидѣть за малолюдствомъ не въ мочь, и, говоря эти слова, расходились изъ круга съ крикомъ. Атаманъ созвалъ ихъ въ кругъ въ послѣдній разъ и допрашивалъ: «Скажите въ одно слово, прокапывать ли ерекъ и городки строить ли? чтобы мнѣ писать о томъ къ великому государю подлинно». Козаки и тутъ, не сказавши ничего навѣрное, хотѣли расходиться изъ круга. Корнилъ началъ кричать съ угрозами, чтобы не смѣли расходиться, не порѣшивши дѣла, и зашибъ двоихъ или троихъ козаковъ палкою. Козаки зашумѣли, бросились на атамана и прибили его; одного изъ старшинъ, Родіона Калужанина хотѣли убить до смерти, но тотъ убѣжалъ, отмахавшись ножомъ и скрылся у Хованскаго въ новомъ городкѣ, гдѣ стояли государевы ратные люди. Черезъ три дня Хованскій поѣхалъ въ Черкаскъ и взялъ Родіона съ собою; послѣ обѣдни воевода началъ уговаривать козаковъ, чтобы они отъ непослушанья своего отстали и были съ старшиною въ совѣтѣ. Козаки простили Родіона, позволили ему жить въ Черкаскѣ по прежнему; но Корнилъ Яковлевъ атаманство сдалъ, и на его мѣсто выбрали Михайлу Самаренина.

Выбравши новаго атамана, козаки собрались въ кругъ и говорили, чтобы имъ идти на ерекъ для осмотру, можно ли имъ ерекъ прокопать и городки строить? Хованскій отправился на ерекъ, взялъ съ собою ратныхъ людей тысячи съ четыре, да атаманъ Михайла Самаренинъ взялъ съ собою козаковъ тысячи съ три, осмотрѣли мѣста, и нашли, что на еркѣ можно построить два городка, а третьяго противъ Азова на взморьѣ строить нельзя, потому что земля не сдержитъ, развѣ построить каменный. Хованскій сталъ говорить козакамъ: «Мы начнемъ строить городки, а вы будете въ нихъ сидѣть, будете получать государево жалованье». — «Хотя бы намъ государь положилъ жалованья и по сту рублей, то мы въ городкахъ сидѣть не хотимъ, ради мы за великаго государя померетъ и безъ городковъ: въ городки надобно людей 13,000, а насъ всѣхъ на рѣкѣ только тысячь съ шесть.

Осмотрѣвши ерекъ, возвратились въ Черкаскъ, и козаки стали между собою говорить, чтобы имъ идти на море для промыслу надъ непріятелями, а себѣ для добычи; собралось ихъ три тысячи и послали сказать Хованскому, чтобы далъ имъ въ помочь государевыхъ ратныхъ людей. Воевода самъ пошелъ ихъ провожать къ ерку съ 4,000 войска. Но какъ пришли они на ерекъ, въ тѣ мѣста, которыя прежде осматривали, то нашли, что по другую сторону каланчи, отъ Азова, построены шанцы, въ нихъ сидятъ Азовцы съ пушками. Засвистали ядра и пули. Русскіе на своей сторонѣ построили шанцы, и стрѣляли въ непріятеля черезъ рѣку пятеро сутокъ, многихъ побили, живыхъ взяли троихъ и тѣмъ удовольствовались; козаки узнавъ, что близь Азова стоятъ военныя суда, испугались, на море не пошли, и возвратились всѣ въ Черкаскъ.

Когда въ Москвѣ узнали объ этихъ происшествіяхъ, то на Донъ къ Хованскому пошла гнѣвная государева грамота: «Козаки такъ дѣлаютъ, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ наше жалованье, писалъ царь: въ Москвѣ атаманъ Родіонъ Калужаниновъ отъ имени всего войска билъ челомъ, чтобы мы велѣли козакамъ и нашимъ ратнымъ людямъ прокопать ерекъ и построить на немъ три городка; говорилъ, что козаки охотно сядутъ въ этихъ городкахъ, если имъ дано будетъ по 10 рублей жалованья, что городки эти будутъ держать въ осадѣ не одинъ Азовъ, но и самый Царьгородъ; а теперь козаки во всемъ намъ отказали и старшинъ своихъ обезчестили! мы простимъ ихъ, по просьбѣ нашихъ сыновей царевичей, но съ тѣмъ, чтобы они немедленно же шли на ерекъ и строили городки; если же этого не сдѣлаютъ, то жалованья нашего имъ не видать, и запретимъ нашимъ городамъ подъ смертною казнію пропускать къ нимъ запасы».

Грамоту прочли козакамъ въ кругу; въ отвѣтъ поднялся шумъ, посыпались ругательства на Хованскаго за то, что грамота прислана по его письму, и отказались идти на ерекъ. Чтобы какъ-нибудь смягчить отказъ, атаманъ и старшины объявили Хованскому, что они не смѣютъ постановить никакого рѣшенія безъ совѣту съ верховыми городками. Была и другая причина шуму въ кругахъ: царь требовалъ выдачи извѣстнаго вора, Сеньки Буянка; Корнилъ Яковлевъ и другіе добрые козаки при-

поговаривали выдать Буянка; но другіе козаки кричали Корнилу: «Повадился ты насъ къ Москвѣ возить, будто Азовскихъ ясырей, будетъ съ тебя и той удачи, что Разина отвезъ; если Буянка отдать, то и по достальнаго козака присылки изъ Москвы ждать будетъ!»

Выступилъ въ кругу Родіонъ Калужанинъ и сталъ держать рѣчь: «Изъ—за одного человѣка вы повелѣнье великаго государя презираете. Вспомните, что̀ вы говорили, лежа въ камышѣ подъ каланчами? что надобно на еркѣ городъ построить, будетъ онъ Азову вмѣсто осады, а козакамъ на море будетъ путь свободный. По этимъ вашимъ словамъ, будучи на Москвѣ, я великому государю извѣстилъ; а теперь у васъ во всемъ стало непостоянно». Фролъ Миняевъ поддакивалъ Родіону, и на обоихъ поднялись крики: «Вы этимъ выслуживаетесь, берете ковши да соболи, а Донъ раззоряете; тебя Фрола, растакую м..., на руку посадимъ, а другою раздавимъ!» Не слыхать было одного, атамана Михайлы Самаренина: хотя бы слово сказалъ и унялъ козаковъ!

Съ тѣхъ поръ козаки начали дурно обходиться съ государевыми ратными людьми, ругать ихъ мясниками, прибили и ограбили стрѣльца, а управы не дали.

Надобно было выбирать въ зимовую станицу для посылки въ Москву, какъ былъ обычай; выбрали Корнила Яковлева и другихъ козаковъ, которые отличались радѣньемъ къ государю. Корнилъ сказалъ, что онъ въ зимовой станицѣ не поѣдетъ: «Прежде я ѣзжалъ въ Москву и доносилъ великому государю вашу службу; а теперь, что̀ я ему объявлю? что во всемъ вы ему не послушны?» Козаки зашумѣли: «Если ты не поѣдешь, кричали они, то мы тебя и съ пасынкомъ Родіономъ скуемъ, и какъ ты Разина возилъ, такъ и съ тобой сдѣлаемъ». Послѣ этихъ угрозъ Корнилъ не посмѣлъ больше отказываться. — «Смотри ты въ Москвѣ немного говори, кричали ему козаки: говори одно, чтобы ратныхъ людей отъ насъ вывести, у насъ и безъ нихъ войска много!» Хованскому доносили, что во всѣхъ городкахъ по станичнымъ избамъ всѣ козаки собираются идти на государевыхъ ратныхъ людей и московскихъ стрѣльцовъ хотятъ побить, а городовымъ стрѣльцамъ дать волю; говорятъ: «Московскихъ стрѣльцовъ немного, а украйные стрѣльцы съ

нами биться не будутъ. А если государь пришлетъ на Донъ рать большую, то мы замиримся съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ; старшинъ, которые съ Разинымъ не были и государю доброхотуютъ, побьемъ, чтобы они въ Москву вѣстей не давали». Доносили, что ратныхъ людей, которые бѣгутъ изъ полковъ, козаки уговариваютъ, чтобы остались съ ними, а у нихъ на весну всего будетъ много, и бѣглецы остаются на Дону. Во всѣхъ городкахъ козаки пустили молву, что стрѣльцамъ въ Москву идти не зачѣмъ: бояринъ Матвѣевъ за одного своего человѣка два приказа стрѣльцовъ велѣлъ порубить.

Когда на Дону узнали, что Хованскій послалъ съ этими вѣстями въ Москву, то къ нему явились старшины съ объясненіями: «Мы узнали, говорили они, что нѣкоторые пьяницы козаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться и непристойныя слова распускать, и ты, князь, писалъ объ этомъ государю: такъ мы тебя обнадеживаемъ, что у козаковъ въ нижнихъ городкахъ никакихъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало, государю по присягѣ служатъ и впередъ его наслѣдникамъ служить будутъ. А если козаки пьяницы въ верхнихъ городкахъ и побунтовались, то мы воровъ сыщемъ и казнимъ безъ пощады.»

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Сношенія съ Польшею послѣ Турецкаго нашествія. Рознь литовскихъ сенаторовъ съ польскими по поводу мира съ Турками. Поляки требуютъ отъ Москвы сильной помощи. Литовскій гетманъ Пацъ совѣтуетъ не подавать этой помощи и обѣщаетъ поддаться со всею Литвою государю русскому. Свидерскій, первый польскій резидентъ въ Москвѣ. Стольникъ Тяпкинъ первый русскій резидентъ въ Варшавѣ. Кончина короля Михаила. Вопросъ объ избраніи царевича Ѳеодора Алексѣевича на польскій престолъ. Условія избранія. Переговоры о нихъ. Затруднительное положеніе Тяпкина и его жалобы. Королевскіе выборы. Избраніе Яна Собѣскаго въ короли. Разныя вѣсти о расположеніи новаго короля къ Москвѣ. Посольство Венелавскаго въ Москву. Съѣзды уполномоченныхъ въ Андрусовѣ. Поляки дѣлаютъ неудовольствія Тяпкину и стращаютъ его миромъ короля съ Турками. Жалобы Тяпкина на продажность Поляковъ; онъ умоляетъ Матвѣева отозвать его. Поѣздка резидента къ королю во Львовъ. Сынъ Тяпкина польско-латинскою рѣчью благодаритъ короля за школьную науку. Разговоры старика Тяпкина съ панами. Злой отвѣтъ его гетману Пацу, смѣявшемуся надъ русскимъ войскомъ. Обращеніе короля съ русскимъ резидентомъ. Поведеніе Поляковъ по удаленіи непріятеля. Сношенія царя Алексѣя съ Австріею, Швеціею, Даніею. Мысль о заведеніи флота на Балтійскомъ морѣ. Сношенія по этому поводу съ Курляндіею. Сношенія съ Голландіею, Англіею, Франціею, Испаніею, Италіею.

Царское войско дѣйствовало на Днѣпрѣ и на Дону для исполненія договора, заключеннаго съ Польшею. Польское правительство во все это время требовало болѣе дѣятельной помощи, требовало соединенія русскихъ войскъ съ своими для дружнаго дѣйствія противъ Турокъ: но мы видѣли, какъ рѣшительно противился этому соединенію гетманъ Самойловичь, да и вѣсти изъ Польши, какъ увидимъ, не могли заставить Московское правительство дѣйствовать на перекоръ желанію гетмана и козачества Малороссійскаго. Въ январѣ 1673 года, по донесенію гонца Протопопова, у короля былъ генеральный съѣздъ

сенаторовъ и пословъ. Сенаторы коронные на радѣ говорили, чтобы нынѣшнею весною съ Турецкимъ султаномъ войны не вести, а дать гарачь (дань), потому что весна уже наступаетъ, а войска въ готовности нѣтъ; лучше, собравшись съ силами, выступить на другой годъ. Но литовскіе сенаторы говорили: «Если нынѣшнею весною противъ непріятеля не выступить и дать гарачь, тѣ онъ, взявъ гарачь, по давнему своему бусурманскому замыслу, пойдетъ на царскую украйну, и тогда будетъ нарушенъ договоръ со стороны королевской; лучше гарачь употребить на заплату войску и выступить противъ непріятеля. Если вы коронные подлинно хотите поддаться бусурману, то объявите, а княжество Литовское никогда подъ игомъ бусурманскимъ не бывало, и теперь не будетъ. Если мы у васъ не увидимъ вѣрной службы и старанія къ оборонѣ отчизны, то княжество Литовское отдѣлится отъ короны и отъ бусурманской неволи освободится милостію царскаго величества, лучше быть подъ его самодержавною рукою, чѣмъ подъ игомъ бусурманскимъ». Ханенко билъ челомъ въ подданство великому государю и говорилъ: «Объявилъ мнѣ гетманъ литовскій Михайла Пацъ, чтобы я отъ его стороны не отлучался, ибо въ коронѣ польской многіе сенаторы явились губителями отчизны и продавцами; отъ этой продажи корона польская приходитъ къ концу; если мы не увидимъ отъ Поляковъ искреннаго старанія о защитѣ отчизны, то будемъ просить великаго государя о принятіи насъ въ подданство». Литовцы уже назначали двоихъ пословъ къ царю, Витепскаго воеводу Храповицкаго и Троцкаго воеводу Огинскаго.

Въ Москвѣ королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ въ тайномъ разговорѣ съ окольничимъ Матвѣевымъ и дьяками, объявилъ, что султанъ, напавши на Польшу внезапно, принудилъ короля къ тяжкому договору. Но, не смотря на всю тяжесть договора, король и Рѣчь Посполитая не могутъ его нарушить, не будучи обезпечены союзомъ сосѣднихъ державъ, при чемъ король надѣется всего больше на царское величество, и требуетъ его совѣта, сохранять ли миръ? если же нѣтъ, то требуетъ сильной помощи, по крайней мѣрѣ тысячь сорокъ войска съ добрыми воеводами и многочисленнымъ нарядомъ, потому что нельзя ждать непріятеля къ себѣ, а надобно искать его въ его соб-

стенныхъ владѣніяхъ; надобно, чтобы король, предводительствуя войсками коронными, литовскими, доброжелательными козаками и посполитымъ рушеньемъ, соединился въ Валахіи съ войсками царскими и цесарскими: первыя вступятъ туда черезъ украйну, а вторыя черезъ Венгрію. Такъ изволилъ бы великій государь объявить число своего войска, число пушекъ, имена воеводъ, и чтобы войско это къ первымъ числамъ мая стояло уже на Волошской границѣ.

Матвѣевъ отвѣчалъ, что всѣ условія послѣдняго договора о помощи исполнены свято: Калмыки и Черкесы, по царскому указу, бьютъ хана, на Запорожье отправлены запасы и чайки, на Донъ посланъ думный дворянинъ Большого-Хитрово со многими знатными людьми, чтобы промышлять надъ Турками вмѣстѣ съ Донскими и Запорожскими козаками, морскимъ и сухимъ путемъ. Узнавши о взятіи Каменца, великій государь разослалъ гонцовъ своихъ ко всѣмъ окрестнымъ государямъ христіанскимъ, призывая ихъ къ союзу на Турокъ для помощи королевскому величеству; не дождавшись отъ нихъ отвѣта, не заключивъ съ ними договора, и неукрѣпившись присягою, царскому величеству нельзя подать помощи королю, кромѣ той, которая уже безпрестанно подается съ великими убытками для царской казны. Удивляемся мы, что ты спрашиваешь совѣта—сохранять ли договоръ съ султаномъ? Тогда какъ существуетъ договоръ между царскимъ и королевскимъ величествомъ—одному государю безъ другаго не заключать мира ни съ султаномъ, ни съ ханомъ! Если же государь вашъ былъ къ этому договору принужденъ, то все же ему слѣдовало бы, до заключенія договора, какъ можно скорѣе обослаться съ царскимъ величествомъ; а то намъ, до твоего пріѣзда, не было никакой отъ васъ вѣсти о договорѣ, да и ты не привезъ намъ статей его. А намъ хорошо извѣтно, что въ договорѣ съ султаномъ между прочимъ постановлено, что украйна по старымъ рубежамъ остается за козаками; такой статьи вносить въ договоръ не годилось, потому что украйною по этой сторонѣ Днѣпра владѣетъ великій государь нашъ. А теперь спрашиваете—сохранять ли этотъ договоръ, или нѣтъ? Неужели это значитъ поступать побратски и поприятельски? Царскому величеству нельзя выслать своей рати, не дождавшись отвѣта отъ другихъ государей; нельзя и потому,

что у короля и Рѣчи Посполитой съ первымъ сенаторомъ короны польской, Николаемъ Пражмовскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ да съ гетманомъ Собѣскимъ и съ другими сенаторами и шляхтою учинилось междоусобное несогласіе и до сихъ поръ не усмирено.

Весною поѣхалъ въ Польшу подъячій Возницынъ съ объясненіемъ, что царское величество разослалъ грамоты ко всѣмъ окрестнымъ государямъ съ приглашеніемъ вступиться за Польшу. Подканцлеръ Литовскій Михайла Радзивилъ говорилъ Возницыну: «Донеси царскому величеству отъ имени королевскаго: Его королевское величество, вся корона польская и мы сенаторы обрѣтаемся въ доброй пріязни къ его царскому величеству; чтобы царское величество не вѣрилъ измѣннику гетману Пацу, который ссоритъ вашего государя съ нашимъ. Пацъ, изъ зависти, видя воинственнаго и такимъ фальшамъ неподатнаго государя, царскому величеству какъ будто вѣрность свою показываетъ, подданство обѣщаетъ и на вражду съ королемъ и короною польскою приводитъ. Пацъ не только желаетъ вражды между вашимъ и нашимъ государями, но и придалъ мужества непріятелю короны Польской и всего христіанства: потому что Дорошенко, узнавши, что онъ отступилъ отъ короля изъ-подъ Бара съ нѣкоторыми хоругвями, далъ знать хану, что Литва вся отступила, и ханъ, по этой вѣсти, уже приближается къ нашимъ границамъ. Ханъ требуетъ, чтобы государь нашъ помирился съ султаномъ, уступивъ ему украйну и Подолію и отворилъ путь въ государство Московское; король отвѣчалъ на это, что ханъ, если хочетъ, пусть договаривается съ нимъ о мирѣ въ полѣ, а онъ, король, надѣется на добрую пріязнь царскаго величества и пути въ государство Московское никогда не отворитъ. По разглашенію измѣнниковъ великій государь вашъ опасается соединить свои войска съ нашими противъ непріятелей Креста Св. Въ полки наши и въ государство царскіе воеводы присылаютъ для провѣдыванія вѣстей. Эти лазутчики, наслышась невѣдомо отъ кого неразумныхъ вѣстей, приносятъ ихъ въ Московское государство: великій государь не вѣрилъ бы ни Литвѣ, ни этимъ вѣстовщикамъ, но ради Бога и своей безсмертной славы, умилосердился надъ всѣмъ христіанствомъ, а особенно надъ невинными душами нашего народа, изволилъ бы

подать помощь королевскому величеству и соединить свои войска съ войсками Рѣчи Посполитой. Весь свѣтъ назоветъ его за это не только братомъ, но и отцемъ королевскому величеству, а мы бы за такую милость не стали на коммиссіяхъ много упоминать о городахъ нашихъ, находящихся теперь въ сторонѣ царскаго величества». И гетманъ Пацъ говорилъ Возницыну: «Извѣсти ближнему боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобы царское величество изволилъ поскорѣе подать намъ помощь съ тылу на общаго непріятеля, потому что государству нашему приходитъ послѣднее разоренье; а я со всѣмъ войскомъ къ королю пойду, когда уже иначе быть не могло, а потомъ выдамъ универсалы и на посполитое рушенье; только безъ помощи вашихъ войскъ однимъ намъ такого сильнаго непріятеля не сдержать; а если великій государь войскамъ своимъ наступить съ тылу на погань не укажетъ, то намъ придется заключить миръ на всей волѣ Турецкой, что и вашему государству будетъ не безопасно».

Гонецъ подъячій Бурцовъ, бывшій лѣтомъ въ Польшѣ, привезъ вѣсти: король въ Варшавѣ не безопасенъ; сенаторы по прежнему поднимаются, короля почитать не хотятъ, бранятъ его, называютъ невоинственнымъ. Гетманъ Собѣскій, презирая королевскіе листы и посыльщиковъ, зовущихъ его въ Варшаву, не ѣдетъ. Кто противенъ королю, тѣ пріѣзда гетманскаго съ радостію ожидаютъ, кто за короля, тѣ не хотѣли бы и на свѣтѣ видѣть Собѣскаго. Епископъ Волошскій и посолъ Молдавскій были у Бурцова и говорили: «Присланы мы къ королю съ просьбою, чтобы поспѣшилъ походомъ, а наши государи въ союзѣ, и на готовѣ у нихъ войска 8000; еслибы только показались польскія войска, то мы бы со всѣми христіанами обратились на Турка. Но намъ здѣсь чинятъ проволоку, отвѣта никакого не даютъ, отговариваются отсутствіемъ гетмана Собѣскаго, всю силу полагаютъ въ немъ. Отъ такой задержки намъ можетъ быть бѣда, потому что посланы мы тайно, узнаютъ о томъ Турки, то не только насъ съ домашними смерти предадутъ, и самихъ господарей не пощадятъ. Видится намъ, что господа сенаторы не только насъ изъ-подъ иги басурманскаго не освободятъ, но и сами не хотятъ ли добровольно Турку податься. Еслибы мы жили такъ погранично съ государствами царскаго

величества, и присланы были къ нему, то конечно отпускъ намъ былъ бы скорый и намѣреніе наше отъ царскаго престола отринуто не было.» Говоря это, епископъ и посолъ плакали. Въ Вильнѣ гетманъ Михайла Пацъ объявилъ Бурцову иное, чѣмъ Возницыну: «Чтобы царское величество походъ свой на Турка удержать изволилъ, изволилъ бы оставаться въ Москвѣ, чтобы лишнихъ мыслей инымъ не прибывало. Чтобы войну съ Туркомъ около границъ Кіевскихъ изволилъ вести и отпоръ давалъ черезъ бояръ. Чтобы не велѣлъ войскамъ своимъ переходить за Днѣстръ, чтобы такою стремительностію не облегчить Польши и не навлечь на себя большей тяжести. Чтобы царскія войска подъ Бѣлою Церковью или въ другихъ мѣстахъ съ войсками коронными не соединялись: а то лукавымъ не пришло бы въ голову сдѣлать также какъ подъ Чудновымъ. Чтобы царскія войска не наступали на Турокъ безъ задору съ ихъ стороны, а смотрѣли бы, что будетъ дѣлаться у коронныхъ? прямо ли станутъ оборонять отчизну свою отъ Турокъ? Чтобы царское величество изволилъ приказать въ пріемѣ Дорошенка наблюдать осторожность, потому что Дорошенко бьетъ челомъ и королю, а мы считаемъ его другомъ Собѣскому. Я къ войнѣ на Турка готовлюсь, только Литовскія войска съ коронными соединяться не будутъ. Если еще немного продлится непостоянство коронныхъ и нерадѣніе, то я со всею Литвою поддамся царскому величеству.»

Въ августѣ пріѣхалъ въ Москву отъ короля покоевый дворянинъ Павелъ Свидерскій съ небывалымъ характеромъ — резидента. «Я присланъ резидентомъ, объявилъ Свидерскій, для удобнѣйшей обсылки съ королевскимъ величествомъ, особенно теперь, когда король этотъ годъ будетъ находиться въ обозѣ, чтобы царское величество зналъ обо всѣхъ движеніяхъ короля и его войскъ, и наоборотъ, чтобы королевское величество зналъ обо всѣхъ намѣреніяхъ царскихъ. Еще давно, при договорахъ Андрусовскихъ Ординъ-Нащокинъ предлагалъ установить резиденцію, для чего и почта была учреждена, и Тяпкинъ уже былъ назначенъ резидентомъ къ королю Яну Казимиру.» Свидерскій потребовалъ, чтобы ему былъ вольный доступъ къ царскому величеству, ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, воеводамъ и думнымъ людямъ, вольный разговоръ съ резидентами и послами окрестныхъ государствъ, чтобы ему давали овесъ, сѣно и

дрова, столъ же будетъ имѣть на счетъ короля и Рѣчи Посполитой. Ему отвѣчали, что какъ скоро присланы къ нему будутъ отъ короля государственныя грамоты, то съ ними онъ будетъ имѣть доступъ къ царскому величеству; съ боярами, окольничими и думными людьми, также съ иностранными послами и резидентами можетъ видаться, только прежде долженъ давать знать объ этомъ въ государственный посольсій приказъ.

Въ Варшаву резидентомъ отправился стольникъ и полковникъ Василій Михайловичь Тяпкинъ, при немъ въ дворянахъ сынъ его жилецъ Иванъ, переводчикъ, подъячій, черный священникъ съ антиминсомъ и полною церковною службою и шесть человѣкъ стрѣльцовъ. На дорогѣ въ Смоленскѣ, 24 ноября Тяпкинъ узналъ о кончинѣ короля Михаила, далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ указъ—отправляться на мѣсто назначенія. Въ Оршѣ его остановили па основаніи предписанія пановъ радныхъ — не пропускать иностранныхъ пословъ въ Варшаву по случаю смерти королевской. Но Тяпкинъ, зная только указъ своего государя, отправился далѣе на своихъ подводахъ и безъ пристава. 30 января 1674 года въѣхалъ Тяпкинъ въ Варшаву, и чрезъ нѣсколько дней принесли ему сочиненіе на польскомъ языкѣ, разсуждавшее объ избраніи царевича Θеодора Алексѣевича на польскій престолъ. «Славные оба народа языкомъ и обычаями въ вѣрѣ мало рознятся, живутъ на одной землѣ, не раздѣлены моремъ и никакими неудобопроходимыми рубежами; по большей части сосѣди у нихъ общіе, и могли бы они стать необоримою стѣною христіанства противъ силы бусурманской, когда бы между собою заключили союзъ вѣчный. Союзъ этотъ можетъ быть заключенъ, если старшій сынъ царскій сдѣлается королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Потому указывается старшій сынъ, что царское величество, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ, можетъ долго управлять своими государствами и воспитать меньшаго сына; а съ другой стороны нравы и обычаи отчизны нашей, особенно въ нынѣшнее время, требуютъ государя уже возрастнаго. Побужденія къ союзу: союзъ съ домомъ Австрійскимъ, съ которымъ у царскаго величества давно уже дружба, можетъ быть еще болѣе скрѣпленъ супружествомъ царевича со вдовствующею королевою польскою, эрцгерцогинею Австрійскою. Союзъ между тремя государства-

ми поведетъ къ счастію и обогащенію подданныхъ посредствомъ свободной и безопасной торговли. Сосѣдамъ всѣмъ страхъ, особенно Турку. Открытый путь къ распространенію всѣхъ этихъ государствъ безъ взаимной обиды и ненависти. Помощь общая и скорая. Надежда наслѣдства Польскаго и Литовскаго для потомства царевича: ибо хотя въ Польшѣ правленіе избирательное, однако не было еще примѣра, чтобы обходили сыновей королевскихъ, напротивъ отыскивали ихъ въ монастыряхъ и вымаливали у папы позволеніе возвести ихъ на престолъ. Освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ изъ неволи бусурманской. Съ другой стороны, если царь несоглаѣсится на этотъ союзъ, то Поляки могутъ выбрать себѣ государя изъ дому Французскаго; этотъ государь не будетъ друженъ ни съ цесаремъ, ни съ царемъ, потому что корона Французская въ союзѣ съ султанами Турецкими; также въ союзѣ съ королевствомъ Шведскимъ.

6 февраля Тяпкинъ отправился къ архіепископу-примасу въ присланной за нимъ каретѣ шестеркою; съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ съ лѣвой руки сидѣли приставъ и переводчикъ; передъ каретою верхомъ съ государевою грамотою ѣхалъ жилецъ Иванъ Тяпкинъ съ двумя подъячими, передъ грамотою ѣхали дворяне королевскіе 20 человѣкъ, а за каретою шли московскіе стрѣльцы съ бердышами и посланниковы люди. Первая встрѣча была у крыльца, у самой кареты, другая въ сѣняхъ, третья въ дверяхъ палатныхъ; при каждой встрѣчѣ говорили гостю: «Его милость ясноосвѣщенный арцыбискупъ васъ, его царскаго величества посланника, ожидаетъ съ любовію.» Самъ архіепископъ съ пятью сенаторами встрѣтилъ Тяпкина среди палаты. «Великій государь, началъ посланникъ, вамъ примасу и первому князю, и всѣмъ вамъ господамъ сенаторамъ и цѣлой Рѣчи Посполитой свою царскую милость обѣщаетъ на всякое время, и велѣлъ мнѣ васъ навѣстить и спросить о вашемъ здоровьѣ.» Архіепископъ и сенаторы стояли всѣ безъ шапокъ и слушали посольство со всякою учтивостію. Посланникъ поднесъ архіепископу грамоту великаго государя въ тафтѣ; тотъ, принявъ грамоту, спрашивалъ о здоровьи великаго государя, говорилъ рѣчь, именованье и титулъ по письму сполна. Когда Тяпкинъ отвѣтилъ, что царское величество въ добромъ здравіи, то примасъ спросилъ: «Великаго государя бояре и вся дума ихъ по здорову ль?» — «Бо-

аре и всѣ думные люди въ благоденствіи и добромъ здравіи пребываютъ,» отвѣчалъ посланникъ. Слѣдовалъ спросъ о здоровьи и путешествіи самого посланника; когда Тяпкинъ отвѣтилъ, что «милостію Божіею и великаго государя жалованьемъ въ путномъ шествіи поводилось во всемъ здраво и благополучно,» архіепископъ и сенаторы сѣли по мѣстамъ, велѣли сѣсть и посланнику среди палаты противъ архіепископа. Посидѣвши немного, посланникъ всталъ и объявилъ, что онъ присланъ резидентомъ, точно такъ какъ Свидерскій присланъ въ Москву. Канцлеру Литовскому, Кристофу Пацу Тяпкинъ подалъ статьи, чтобы ему быть въ Варшавѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ Свидерскій находится въ Москвѣ: «Великій государь вашему резиденту позволилъ вольный доступъ къ себѣ, къ своимъ ближнимъ людямъ и къ иностраннымъ резидентамъ, конскій кормъ указалъ давать понедѣльно и дрова помѣсячно, по пяти четвертей московскихъ овса, да по пяти возовъ битыхъ сѣна на недѣлю, дровъ на мѣсяцъ по 20 возовъ; кромѣ того дано денежнаго жалованья на три недѣли съ пріѣзда его, по 70 рублей на недѣлю.»

Въ тоже самое время въ Москвѣ посланникъ Литовскаго гетмана Паца, Августинъ Константиновичь подалъ Матвѣеву условія, на которыхъ царевичь Θеодоръ можетъ быть избранъ въ короли Польскіе: 1) принятіе католицизма; 2) вступленіе въ бракъ со вдовою покойнаго короля Михаила; 3) возвращеніе всѣхъ завоеваній; 4) соединеніе силъ противъ Турокъ и денежное вспоможеніе Польшѣ. Отвѣчалъ посланнику ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгорукій: «Великій государь сыну своему на коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ быть не изволяетъ, а соизволяетъ быть государемъ самъ своею государскою особою въ православной христіанской вѣрѣ восточной церкви. Быть королю католикомъ — эта статья трудна съ обѣихъ сторонъ: на коронаціи у васъ король присягаетъ не притѣснять никого въ вѣрѣ, если же присягу нарушитъ, то этимъ подданныхъ отъ подданства увольняетъ, а если быть королю и греческой вѣры католикомъ, отъ этого между восточною церковію и западнымъ костеломъ преломленіе, чему никакимъ образомъ сдѣлаться нельзя.» Между греческою и римскою вѣрою, отвѣчалъ посланникъ, мало разницы; только въ королевствѣ Польскомъ всегда бывали короли като-

лики, точно такъ какъ и другіе окрестные государи держатъ также католическую вѣру, и объ этомъ можно договориться.» —«Станутъ духовные съѣзжаться для постановленія о вѣрѣ, пройдетъ много времени, сказалъ Долгорукій. Великій государь хочетъ быть государемъ Польскимъ и Литовскимъ въ греческой вѣрѣ, а Рѣчи Посполитой всѣ права и вольности подтверждаетъ. Что прежніе польскіе короли были католиками и что другіе окрестные государи католики, то не примѣръ; которые у великаго государя подданные римской, люторской, кальвинской, калмыцкой и другихъ вѣръ служатъ вѣрно, тѣмъ никакой тѣсноты въ вѣрѣ не дѣлается, за вѣрную службу жалуетъ ихъ великій государь.»—«Въ Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало государей греческой вѣры,» повторялъ посланникъ.—«Бывали разныхъ вѣръ» отвѣчали ему; самъ ты говорилъ, что между греческою и римскою вѣрою мало разницы, слѣдовательно государю греческой вѣры у васъ быть можно; можно быть и потому: въ послѣднемъ договорѣ съ султаномъ вы обязались давать ему гарачь, слѣдовательно сдѣлали его себѣ государемъ. Объ условіи, чтобы царевичь вступилъ въ бракъ съ королевою говорить нечего, потому что королемъ хочетъ быть самъ государь. О возвращеніи завоеваній будетъ договоръ въ то время, какъ пріѣдутъ къ царскому величеству польскіе и литовскіе послы. Что же касается до вспоможенія казною, то до сихъ поръ войскамъ государевымъ, которыя помогаютъ коронѣ Польской, розданы многія тысячи милліоновъ. Царское величество дѣлаетъ это теперь только для имени христіанскаго, а когда будетъ государемъ Польскимъ и Литовскимъ, тогда совѣсть понудитъ его оборонять своихъ подданныхъ какъ своими, такъ и чужеземными войсками. Всѣ доходы королевскіе государь велитъ собирать Рѣчи Посполитой на наемъ войскъ, а самъ будетъ довольствоваться своею царскою казною.» Константиновичь былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: «Великому государю не только для короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, но и для цѣлаго свѣта нельзя оставить благочестивой вѣры греческаго закона; быть у васъ государемъ царское величество изволяетъ самъ, а сына своего отпустить не соизволяетъ; слѣдовательно королевѣ замужъ выходить незакого, а какъ ей жить, о томъ договорятся коммиссары съ обѣихъ сторонъ. Когда царское величество

будетъ государемъ во всѣхъ трехъ государствахъ, то рубежей раздѣлять не для чего. Права ваши и вольности не будутъ нарушены, а при коронаціи сенаторы и вся Рѣчь Посполитая присягаютъ въ вѣрной службѣ и послушаніи; въ уряды ваши и маетности великій государь никогда вступаться не будетъ и никому не велитъ. Когда царское величество будетъ вашимъ государемъ, тогда Польшу и Литву станетъ оборонять отъ всякихъ непріятелей своими ратными людьми, не требуя изъ скарбовъ коронныхъ и литовскихъ никакихъ податей; коронныя и литовскія войска должны помогать государевымъ ратнымъ людямъ на всякаго непріятеля ровнымъ числомъ на коронныхъ и литовскихъ проторяхъ, потому что великій государь никакихъ поборовъ и податей, которыя сбирывались въ казну королевскаго величества съ его экономій, въ свою казну собирать не изволитъ, а укажетъ всякіе поборы и подати раздавать ратнымъ людямъ. Ты упоминалъ о дачѣ милліоновъ Рѣчи Посполитой: но великій государь владѣетъ своимъ Россійскимъ государствомъ и впредь его содержать можетъ по своему бодроопасному разуму безъ пріискиванія иныхъ государствъ куплею; такъ эту торговлю Рѣчь Посполитая оставилабы. Если Рѣчь Посполитая хочетъ имѣть у себя государя премудраго, благочестиваго, въ ратныхъ дѣлахъ искуснаго, многонароднаго, и всякими годностями въ Европѣ цвѣтущаго, то пусть обратится къ царскому величеству, пусть пришлетъ пословъ своихъ съ прошеніемъ, а государь отправитъ на елекцію своихъ пословъ съ полною мочью, которые и станутъ договариваться.»

Къ Тяпкину въ Варшаву посланъ былъ списокъ этихъ статей съ наказомъ: повидаться съ гетманомъ Пацомъ и говорить ему, чтобы онъ великому государю радѣнье свое показалъ, и свою братью пановъ и Рѣчь Посполитую приводилъ, чтобъ они избрали себѣ государемъ царское величество именно на этихъ статьяхъ.

4-го марта написанъ былъ этотъ наказъ Тяпкину, который между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи, не получая никакихъ грамотъ изъ Москвы; 25 февраля онъ обратился съ жалобою къ Матвѣеву: «Милостивый государь отецъ и благодѣтель мой Артемонъ Сергѣевичь! Преславши обыкновенное прениижайшее рабское мое поклоненіе, тебѣ, милостивому моему государю отъ Превышняго Господа Бога яко многолѣтнаго

здравія, такъ и счастливаго и доброполезнаго господствованія усердно тебѣ государю присно желаю. По своей, государя, велiей ко мнѣ отеческой милости изволишь вѣдать: и я на службѣ великаго государя въ Варшавѣ за помощію Божіею и его государскимъ жалеваньемъ и твоимъ свѣта и государя отца моего милостивымъ заступленіемъ живъ до воли Вседержителя нашего; только никогда не могу безпечаленъ быти, поневже чрезъ многія почты не токмо вижу писанія, ниже слышу о твоемъ, государя моего, здравіи, котораго сердечно, любовною моею охотою радъ бы на всякъ часъ слышать и о немъ веселиться, яко неотмѣнный рабъ и желатель твоей, государя моего, милости. Понеже убо вся вещи ветхость снѣдаетъ, а благодѣянія же точію память во вѣки старѣтися не имать: сице же и у мене искушенная твоя, государя моего, отеческая благодать, ея же долженъ есмь въ сердцѣ моемъ имѣти, даже и до послѣдняго издыханія моего. Наипаче же о сиротствѣ моемъ съ плачемъ прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради такъ забвенъ есмь? яко николи же чрезъ многія почты неимамъ и на отписки и вѣстовыя письма мои изъ Минска и изъ Вильны и изъ Варшавы никакого государскаго указу по се число ко мнѣ не бывало, и ни единыя ни о чемъ вѣдомости не имѣлъ; а сенаторы, государь, безпрестанно спрашиваютъ, а наипаче о войскахъ его царскаго величества. Отъ нихъ только что услышу, а самъ во время безвѣстенъ пребываю, отъ чего и зазоръ себѣ не малый предъ другими резиденты имѣю, понеже ко всѣмъ чрезъ всякую почту письма доходятъ, а я уже въ Варшавѣ по се число живу четвертую недѣлю, ни о чемъ неслышу. Пожалуй, премилостивый государь отецъ мой и благодѣтель, не прогнѣвись на грубое письмо и прошенье мое, вели, государь, хотя малое что надлежитъ до вѣдомости мнѣ посылать чрезъ всякую почту. Посолъ безмѣрно на елекцію желаютъ, и говорятъ о томъ мнѣ, чтобы я къ тебѣ, государю, писалъ; а референдарь Литовскій, Павелъ Бростовскій съ великимъ прошеньемъ говорилъ мнѣ и велѣлъ къ тебѣ, государю, нарочно отписать, чтобы ты изволилъ съ нимъ дружество имѣть и любительнымъ письмомъ ссылаться, крѣпко, государь, желаетъ твоей пріятной милости и частаго писанья.»

Жалуясь, что не получаетъ известій изъ Москвы, Тяпкинъ долженъ былъ жаловаться на Поляковъ, что не даютъ ему во время посылать писемъ въ Москву, и что трудно получить отъ нихъ правдивыя известія: «Варшавскій почтмайстеръ двѣ почты, не сказавъ мнѣ, отпустилъ (жаловался резидентъ Матвѣеву): сказалъ намъ, что отпустится почта въ среду; я изготовилъ письма и послалъ въ среду рано къ почтмейстеру, а онъ уже почту отпустилъ еще въ понедѣльникъ! Все это они дѣлаютъ для своихъ лакомыхъ подарковъ, которыхъ много надобно въ годъ, если придется всѣхъ дарить. Думаю, что ихъ резидентъ не очень много передарилъ нашихъ; а здѣсь услужитъ какимъ-нибудь пустякомъ, пустую вѣстишку принесетъ и уже смотритъ, чтобъ ему дали; такихъ лакомыхъ и лживыхъ людей и между погаными трудно найти. Я не только Варшавскому, но и Минскому, и Виленскому почтмайстеру добрые подарки далъ, чтобы только писемъ нашихъ не задерживали; также и отъ другихъ людей, что куплю, то и провѣдаю, и Богъ вѣсть, какъ впередъ жить будетъ съ такими лакомцами. Тяпкинъ жаловался, что ему даютъ мало денегъ на дрова и конскій кормъ, который въ Варшавѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Москвѣ, именно давали по четыре рубля въ недѣлю. Свидерскій въ Москвѣ имѣлъ у Матвѣева два дня въ недѣлю—воскресенье и среду, а Тяпкину Литовскій канцлеръ Пацъ назначилъ только одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье послѣ обѣда; Тяпкинъ потребовалъ у Паца, чтобъ позволено ему было посылать въ ихъ канцелярію переводчика и подъячихъ для провѣдыванія вѣстей, также чтобы присылали къ нему авизы для прочтенія; но Пацъ отвѣчалъ, что у нихъ канцеляріи нѣтъ и авизовъ никакихъ не бываетъ, а если нужно будетъ резидента о чемъ увѣдомить, то это будетъ сдѣлано во время пріѣзда его къ канцлеру въ воскресенье, въ случаѣ же крайней необходимости канцлеръ за нимъ пришлетъ нарочно.» Поэтому, государь, и людей Свидерскаго не надобно пускать въ посольскій приказъ, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву. Отнюдь нималаго пріятства отъ канцлера себѣ, кромѣ гордости не имѣю. Только архіепископъ зѣло человѣкъ благоувѣтливъ, учтивъ и низокъ; также и гетманъ Литовскій Пацъ и маршалокъ Литовскій Полубенскій ласковы мнѣ явились, обсылали меня кормомъ, овощами и питьемъ.» Жалобы не преры-

валась: «Житье наше въ Варшавѣ яко единымъ отъ убогихъ: никакого призрѣнія и почтенія не имѣемъ; противъ господина Свидерскаго и вполовину не дано; развѣ впередъ намъ лучше станетъ, когда король будетъ, а теперь очень мы имъ непотребны, только потому отказать не смѣютъ, что ихъ резидентъ въ Москвѣ живетъ, боятся того, что Заднѣпровская сторона становится подъ скипетръ великаго государя. Канцлеръ говорилъ мнѣ, чтобы князь Григ. Григ. Ромодановскій соблюдалъ большую осторожность на счетъ гетмана Самойловича: Дорошенко пишетъ къ нему такія письма: «Мы другъ съ другомъ будемъ биться такъ, чтобы у насъ обоихъ войска были въ цѣлости; у меня протекторъ Турскій султанъ, а у тебя заступникъ царь, и если наши войска будутъ въ цѣлости, то мы отъ государей своихъ въ бо́льшой чести и милости будемъ. Лучше было бы, еслибы царское величество велѣлъ всѣмъ войскамъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нашими.»

Получивъ изъ Москвы статьи на счетъ королевскаго избранія, Тяпкинъ отправился съ ними къ гетману Пацу. Тотъ отвѣчалъ: «Я, желая прислужиться царскому величеству, вмѣсто съ Литовскими сенаторами, воеводою Троцкимъ Огинскимъ, маршалкомъ Полубенскимъ, референдаремъ Бростовскимъ, Виленскимъ каштеляномъ Котовичемъ, радѣлъ всѣми силами, чтобы быть королемъ царевичу Өеодору Алексѣевичу, и канцлера Литовскаго Кристофа Паца привелъ было на тоже доброе желаніе. Еслибы царское величество позволилъ сыну своему быть католикомъ по нашему древнему праву, то мы бы, оставя всѣхъ другихъ государей, выбрали царевича. Но въ статьяхъ, привезенныхъ Константиновичемъ отъ бояръ, объявлено, что быть королемъ самому царскому величеству; этого намъ сдѣлать нельзя, нельзя оставить королеву безъ супружества; но, что важнѣе, объявлено, что великій государь и для пріобрѣтенія цѣлаго свѣта католикомъ не сдѣлается; объ этомъ намъ нельзя объявить панамъ польскимъ, да и некогда было говорить, потому что сеймики въ Литвѣ и коронѣ всѣ кончились, и предложить это дѣло некому, а безъ предложенія шляхтѣ на сеймикахъ нельзя начинать дѣло.»

Въ апрѣлѣ начались выборы. Послы папскій и цесарскій хлопотали за герцога Лотарингскаго. 28 апрѣля въ полѣ рыцар-

своимъ державы рѣчь послы Волынскіе, объявляя, что они впередъ никакихъ податей въ казну королевскую платить не будутъ, потому что воеводы Московскіе разослали универсалы по всей Волынской землѣ и Подоліи, запрещаютъ давать подати въ казну королевскую; а войска царскія приближаются уже къ Полѣсью, Заславлю, Острогу, и догадываются они, нѣтъ ли согласшенія у царя съ султаномъ, чтобы заодно промышлять надъ Польскимъ государствомъ. Многіе паны коронные говорили: «Во столько лѣтъ черезъ посольскіе договоры не могли мы вытребовать у царя Кіева, а теперь еще труднѣе стало, когда всю украйну царь отобралъ. Польскіе паны начали винить въ этомъ Литву; тутъ вмѣшался въ ихъ рѣчи посолъ цесарскій и спросилъ у коронныхъ: «Вѣдь украйна оставалась въ вашихъ рукахъ?» и, услыхавъ отвѣтъ, что украйна съ Дорошенкомъ поддалась султану, сказалъ: «За что же вы сердитесь? лучше пусть владѣетъ ею государь христіанскій и вашъ союзникъ!» Троцкій воевода Огинскій говорилъ также въ защиту царя: «Трудно на васъ угодить, господа коронные! въ прежніе годы, когда царь не давалъ вовсе помощи противъ Татаръ, то вы съ сердцемъ говорили, что онъ поступаетъ не по договору; а теперь, когда царь сталъ помогать и всю украйну изъ-подъ султанскаго подданства освободилъ, сердитесь и говорите, что онъ всю украйну отъ васъ отобралъ!»

8 мая провозглашенъ былъ королемъ великій гетманъ коронный Янъ Собѣскій. 11 мая, по требованію Троцкаго воеводы Огинскаго, Тяпкинъ послалъ къ нему переводчика Лаврецкаго, и воевода говорилъ: «Писали мы къ царскому величеству, просили себѣ въ короли царевича Ѳеодора Алексѣевича; удивительно намъ, почему царское величество не изволилъ исполнить наше желаніе. А теперь своею силою, посулами и тайнымъ сговоромъ подканцлера Литовскаго Радзивила и всѣхъ Сапѣговъ, которымъ многія сотни тысячь золотыхъ роздалъ, сталъ королемъ гетманъ Янъ Собѣскій. И хотя гетманъ Михайло Пацъ, и канцлеръ, и я, и другіе паны литовскіе противились этому и стояли крѣпко отъ самаго избранія его, съ 8 мая до 11-го, только теперь пришлось и намъ позволить по неволѣ, а тайно конечно будемъ радѣть, чтобы его какою ни есть смертію извести, и есть на то хорошіе способы. Собѣскій намъ не-

тому нелюбъ, что онъ великій непріятель Московскому государству, и, надобно думать, что помирится съ султаномъ сейчасъ же; хочетъ онъ пустить Турокъ на цесаря войною, чтобы отвлечь его отъ Франціи, а самому съ отрядомъ Турецкаго войска и съ Крымомъ идти непремѣнно на Московское государство. Но если онъ обнаружитъ намѣреніе разорвать миръ съ царскимъ величествомъ, то мы, Литовскіе никакъ этого не позволимъ, если же возьмутъ силу коронные, то пусть будетъ извѣстно царскому величеству, что мы, пріѣхавши въ Литву, всѣми силами станемъ радѣть, будемъ приводить всю шляхту Литовскую на сеймикахъ по повѣтамъ и по воеводствамъ, чтобы на войну съ Московскимъ государствомъ не давали никакихъ податей, ни войска ни одного человѣка. Думаю, что мы со всею Литвою совсѣмъ отложимся отъ коронныхъ и приклонимся къ царскому величеству, усмотря время. Хотя мы теперь по неволѣ и позволили быть королемъ Яну Собѣскому, потому что онъ многихъ коронныхъ и литовскихъ пановъ задарилъ, а иныхъ застращалъ, приведши подъ Варшаву войско коронное: однако мы его впредь королемъ имѣть не будемъ.» Огинскій плакалъ, цѣловалъ крестъ: «Отнюдь, говорилъ онъ, Литва не хочетъ воевать съ царскимъ величествомъ; пусть великій государь велитъ своимъ войскамъ поступать осторожно на Украйнѣ, если случится быть вмѣстѣ съ войсками коронными, а теперь бы изволилъ явить къ королю свою милость, не показывалъ бы ни въ чемъ жесточи, наблюдая, что впередъ отъ короля и отъ коронныхъ объявится, и если что объявится, то царскаго величества рати должны быть на рубежѣ Литовскомъ: и этимъ страхъ большой разгласится по всей Литвѣ, и станетъ Литва отговариваться и помощи не дастъ. Во всѣхъ этихъ и въ другихъ своихъ дѣлахъ указалъ бы государь тайно ссылаться и промышлять съ гетманомъ Михаиломъ Пацомъ и со мною, не довѣряя другимъ.»

Иное говорилъ Тяпкину подканцлеръ Литовскій, князь Михаилъ Радзивилъ: «Нынѣшній король во многихъ случаяхъ былъ желателенъ къ царскому величеству: такъ, когда коронные гетманы отдали въ Крымъ боярина Василья Борисовича Шереметева, то онъ сильно противился этому несправедливому поступку, говорилъ, что они это дѣлаютъ не по христіанскому обычаю. А теперь, получивши корону, онъ еще больше желаетъ дружбы и

любви съ царскимъ величествомъ. [illegible] къ великому государю, чтобы онъ имѣлъ съ королемъ нашимъ истинную дружбу и никакимъ ссорамъ не вѣрилъ, чтобы, какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ промышлять надъ Крымомъ и надъ Азовомъ и тѣмъ отвести Татаръ отъ помощи войскамъ Турецкимъ, да и противъ Турокъ велѣлъ бы своимъ полкамъ съ польскими и литовскими войсками сближаться и за одно стоять.»

Узнавши, что король отложилъ коронацію и готовится выступить въ походъ, Тяпкинъ обратился къ Литовскому канцлеру съ требованіемъ, чтобы ему позволено было быть на резиденціи при королѣ въ обозѣ. — «Старый у насъ обычай, отвѣчалъ канцлеръ, что послы и резиденты ни только что въ обозъ съ королемъ, и никуда изъ Варшавы не ѣзжали.» Доносяя объ этомъ отвѣтѣ Матвѣеву, Тяпкинъ писалъ: «Трехдневнаго корма по сіе время мнѣ не выдавали, ей, до конца изпроѣлись, и что было государскаго жалованья, рухляди, все издержали, а впередъ, Богъ вѣсть, какъ буду жить? А если королевское величество насъ съ собою не возьметъ, то не знаю, какой толкъ въ моей резиденціи будетъ?»

Московскому резиденту долго пришлось дожидаться кормовыхъ денегъ: денегъ не было въ казнѣ королевской, послали занимать ихъ въ Данцигъ, повезли королевскіе бриліанты въ закладъ. Безъ денегъ нельзя было выступить въ походъ. Въ предстоящей страшной войнѣ съ Турками была помощь только съ одной стороны—Московской. Сначала въ Варшавѣ сильно безпокоились—какъ взглянутъ въ Москвѣ на избраніе Собѣскаго? безпокоились, что долго не приходила поздравительная грамота отъ царя новому королю; наконецъ грамота пришла, и 11 іюля Тяпкинъ поднесъ ее королю. Подканцлеръ коронный Ольшевскій, епископъ Хельминскій, въ тайномъ разговорѣ клялся резиденту, что король желаетъ съ царемъ истинной братской дружбы и соединенія силъ противъ Турокъ и Татаръ: «Если это соединеніе послѣдуетъ, говорилъ епископъ, то силами обеихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промышлять, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тяжки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Воло-

ха, Сербы, Молдаване, Славяне какъ скоро заслышатъ, что царскія войска соединялись съ польскими, то сейчасъ же прилянутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества; они всякими способами провѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ далъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи, и тогда немедленно поддадутся обоимъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ Задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою.»

Новичка въ дѣлѣ, Тяпкина сильно смущало разногласіе сужденій о королѣ Янѣ и его намѣреніяхъ: «Дивные здѣсь въ народѣ голоса! одни королевское величество очень благодарятъ, ставятъ такимъ мудрымъ и въ воинскихъ дѣлахъ искуснымъ, какого отъ двухъ сотъ лѣтъ у нихъ не бывало. Другіе считаютъ его хитрымъ и лукавымъ, склоннымъ къ поганымъ. Одни утверждаютъ, что идетъ онъ въ обозъ на оборону Рѣчи Посполитой, будто непремѣнно хочетъ, соединясь съ войсками царскаго величества, сообща стать противъ бусурманъ. Другіе говорятъ, что идетъ въ обозъ нарочно, чтобъ ему ближе было съ Туркомъ и Крымскимъ ссылаться, чтобъ украйну имъ всю отдать, а себѣ Каменецъ и другіе края завоеванные возвратить, а потомъ вмѣстѣ съ Турками и Татарами идти на государство Московское. Одинъ Богъ вѣсть, кому изъ нихъ вѣрить? Солдаты, которые долго служатъ, а жалованья не получаютъ, приходятъ и явно говорятъ: еслибы вѣрное царское слово въ нашъ войсковой народъ было пущено, что царское величество жалуетъ насъ и заслуженныя деньги обѣщаетъ заплатить вскорѣ, то не только литовскіе, и коронные всѣ пристанутъ и будутъ ему государю служить противъ всякаго недруга. Староста Сахновскій, бывшій въ Москвѣ, брался уговорить войско перейти на царскую сторону.»

12 августа выѣхалъ король изъ Варшавы къ войску; кромѣ придворныхъ урядниковъ изъ сенаторовъ никто съ нимъ не поѣхалъ, разъѣхались всѣ по маетностямъ. Въ Варшавѣ остался

подскарбій коронный Морштейнъ—врагъ государству Россійскому: «Караула у меня на дворѣ нѣтъ, писалъ Тяпкинъ, а воровство и убійство безпрестанныя: боюсь, чтобы не обокрали или не разбили; живу безъ дѣла, испроѣлся и одолжалъ.»

Но московскаго резидента ждали еще большія непріятности, когда въ Варшавѣ узнали объ успѣхахъ Турокъ въ украйнѣ, о переходѣ Ромодановскаго и Самойловича назадъ на восточную сторону Днѣпра: «Сильно на насъ злобятся вертоглавы бѣсовскіе, которые французскою завистію заражены и лакомствомъ задавлены», писалъ Тяпкинъ. Когда онъ послалъ подъячаго къ Морштейну съ вопросомъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей изъ украйны? то подскарбій велѣлъ отвѣчать ему: «Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, только Москва ваша утекла за Днѣпръ позорно, никѣмъ не гонимая, Турецкихъ войскъ не видавши, пушки всѣ погубила и больше 10,000 войска потопила, хорошо бы, еслибы и вся пропала!» — «Живя въ Варшавѣ, продолжалъ жаловаться Тяпкинъ, я всякія вѣдомости покупаю дорогою цѣною; которые были со мною въ дружбѣ, и тѣ уже начинаютъ отказывать, хотятъ награжденія, говорятъ не стыдясь, что они вѣдомости сами покупаютъ дорогою цѣною, рискуютъ и здоровьемъ, навлекая подозрѣніе. Аврамъ Сокольскій, староста Сахновскій очень доброхотенъ, вѣры благочестивой, во всемъ съ радостію царскому величеству служить хочетъ: радъ бы, говоритъ, поѣхать и къ границамъ для провѣдыванія, да нечѣмъ подняться! проситъ жалованья; а Сахновскій этотъ очень способенъ и достовѣренъ. А что къ митрополиту Винницкому Антонію послано чрезъ того же Аврама большое жалованье, то отъ него не слыхать никакого доброхотства, не пишетъ ко мнѣ ничего.»

Единственною цѣлію сношеній Польскаго правительства съ Русскимъ въ это тяжелое для Польши время было убѣдить царя подать болѣе дѣятельную помощь въ войнѣ Турецкой, соединить свои войска съ войсками королевскими. Не довольствовались заявленіемъ этого желанія резиденту Русскому, и въ сентябрѣ прислали въ Москву извѣстнаго уже здѣсь Самуила Венславскаго. Посланникъ, по обычаю, привѣтствовалъ великаго государя пышною рѣчью; поздравляя съ новымъ (сентябрьскимъ) годомъ отъ имени польскихъ и литовскихъ народовъ, желалъ, чтобы Алексѣй Михайловичъ побѣдами, долголѣтіемъ,

муществомъ равенъ былъ Казимиру III-му и Сигизмунду I-му, слылъ бы у государей христіанскихъ миротворцемъ, уподобился бы счастіемъ Гераклію, долгоденствіемъ Юстиніану, воскресилъ бы память Карла Великаго: какъ тотъ на западѣ, такъ бы теперь царь на востокѣ, вмѣстѣ съ королемъ польскимъ, поддержалъ падающую корону цесарскую.

На объявленіе стараго требованія о соединеніи войскъ, Матвѣевъ отвѣчалъ Венславскому, что Турки побили царскія войска въ Ладыжинѣ, а войска коронныя и литовскія съ тылу на непріятеля не пошли, чѣмъ возбуждено сомнѣніе въ царскомъ величествѣ. Еслибы въ то время, какъ непріятель вошелъ въ украйну, король со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся на него, то царскія войска, бывшія въ тоже время на украйнѣ, непремѣнно бы соединились съ польскими; но король сдѣлать этого не захотѣлъ, и Турки опустошили украйну; за этою пустотою царскимъ войскамъ нельзя идти впередъ на ту сторону Днѣпра, хотя они всегда стоятъ въ готовности. Король желаетъ соединенія силъ, когда войска Турецкія обратились въ его сторону, а какъ непріятель былъ на украйнѣ, то Поляки на него не шли. Царскія войска хотя и истомились, однако стоятъ въ готовности на украйнѣ, а королевскихъ войскъ и теперь на украйнѣ нѣтъ: такъ какъ же соединиться войскамъ? Король послалъ тебя сюда, зная навѣрное, что Турки идутъ въ украйну, а самъ за ними не пошелъ. — «Король былъ обнадеженъ: ханъ присылалъ ему сказать, чтобы войска польскія не двигались», сказалъ Венславскій. — «Мы только еще подозрѣвали, а теперь выходитъ прямо, что король хана послушалъ; ясно, что войска непріятельскія приходили на украйну съ королевскаго совѣта!» возразилъ Матвѣевъ. Венславскій: «Если непріятель изъ украйны уже вышелъ, то пусть царскія войска хотя перейдутъ на другую сторону Днѣпра». Матвѣевъ: «До весны наши войска будутъ на этой сторонѣ; а на весну какое непріятельское намѣреніе будетъ, въ то время оба великіе государи станутъ между собою ссылаться. Что же касается до общаго мира съ Турками, то царское величество на миръ согласенъ, только былъ бы онъ прибыленъ обоимъ великимъ государямъ.»

Въ грамотѣ, отправленной съ Венславскимъ къ королю, царь писалъ, что соединеніе войскъ за осеннимъ и наступающимъ

зимнимъ временемъ невозможно: «Ваше королевское величество желаете теперь соединенія войскъ, видя, что такая великая сила бусурманская въ государства ваши валится; а еслибы бусурманскія войска въ государства ваши не обратились, то, надобно думать, вы бы этого соединенія силъ и не пожелали. Однако мы своимъ войскамъ, какъ они ни истомились, по домамъ расходиться не велѣли, приказали имъ стоять на отпоръ непріятелю и пошлемъ къ нимъ на помощь многихъ людей. Мы вамъ помогать готовы, только бы ваше королевское величество съ чинами Рѣчи Посполитой и Великаго Княжества Литовскаго изволили сложить сеймъ вольный и постановить, какъ непріятелю сообща отпоръ дѣлать, чтобы это постановленіе было крѣпко и постоянно, а не такъ бы, какъ теперь со стороны вашего королевскаго величества дѣлается: кто хочетъ, тотъ противъ непріятеля и идетъ.»

Уполномоченнымъ, отправленнымъ на новые Андрусовскіе съѣзды, двоимъ князьямъ Одоевскимъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу и стольнику князю Юрію Михайловичу съ товарищами, былъ данъ наказъ: о соединеніи силъ коммиссарамъ отказать, и въ договоры не вступать. Но польскіе коммиссары Марціанъ Огинскій, воевода Троцкій и Антоній Храповицкій, воевода Витепскій съ товарищами грозили, что если соединенія силъ не произойдетъ, то Поляки по неволѣ должны будутъ заключить миръ съ Турками. На счетъ вѣчнаго мира согласиться не могли, потому что коммиссары не хотѣли уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе тѣхъ городовъ, которые уступлены были ей по перемирію; объ увеличеніи лѣтъ перемирія они не хотѣли говорить безъ договора о соединеніи силъ. «Если, говорили коммиссары, соединеніе силъ не послѣдуетъ и Кіевъ не будетъ отданъ, то мы его саблями станемъ отыскивать; у насъ теперь государь воинственный, который не только Кіевъ, но и другіе города отыскивать будетъ; можетъ онъ оборониться отъ непріятеля и безъ царской помощи»! По этому случаю Алексѣй Михайловичь написалъ Собѣскому: «Великіе послы съѣзжаются для умноженія братской дружбы между ихъ государями, а не для угрозъ; неприлично стращать мечемъ того, который и самъ, за помощію Божіею, мечь въ рукахъ держитъ: въ томъ свидѣтельствуетъ прошлая война. О Кіевѣ вашимъ коммиссарамъ го-

ворить не годилось! Кіевъ задержанъ за многія и несчетныя съ вашей стороны намъ безчестья и досады въ прописках нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ: въ грамотахъ, отправленныхъ изъ вашей канцеляріи, пишутъ меня Михаиломъ Алексѣевичемъ! Кіевъ задержанъ также за несчетные убытки при вспоможеніи вашему королевскому величеству противъ султана и хана Крымскаго. Вы отдали султану украйну, въ которой и Кіевъ: такъ можно ли послѣ того вамъ отдать Кіевъ»? Андрусовскіе переговоры тянулись съ половины сентября до конца декабря и кончились ничѣмъ, а между тѣмъ Собѣскій въ своихъ грамотахъ не переставалъ умолять царя о немедленномъ вспоможеніи, увѣдомляя о своихъ успѣхахъ, выставляя, что теперь самое удобное время ударить сообща на врага и очистить страны придунайскія.

8-го декабря пріѣхалъ въ Варшаву съ царскою грамотою подъячій Тимоѳеевъ, велѣно ему отдать грамоту королю непремѣнно при резидентѣ Тяпкинѣ. Тяпкинъ отправился къ канцлеру Пацу, объявилъ царскій указъ и потребовалъ, чтобы отпустили ихъ немедленно съ Тимоѳеевымъ въ обозъ королевскій.—«Въ опасной грамотѣ, отвѣчалъ Пацъ, написанъ одинъ подъячій, а резидентова имени нѣтъ: подъячему и будетъ отпускъ безъ задержки, а тебѣ ѣхать съ нимъ невозможно: по обычаю польскому всѣ резиденты обязаны жить въ столицѣ.»—«Присланъ особый царскій указъ, чтобы мнѣ ѣхать съ подъячимъ», возражалъ Тяпкинъ.—«Вольно царскому величеству указъ свой присылать о чемъ ему угодно, отвѣчалъ Пацъ: только удивительно, для чего въ опасной грамотѣ о твоемъ отпускѣ ничего не упомянуто! Отпустить тебя нельзя, потому что недавно король прислалъ указъ: если царское величество выступитъ изъ Москвы съ войсками въ Путивль, какъ объявлено королю, и если резидентъ королевскій будетъ въ этомъ походѣ, то пусть и Тяпкинъ ѣдитъ въ обозъ королевскій; если же царское величество и резидентъ польскій останутся въ Москвѣ, то и Тяпкинъ долженъ оставаться въ Варшавѣ».

Положили, что канцлеръ спишется съ королемъ, а Тимоѳеевъ будетъ ждать въ Варшавѣ отвѣта. Въ этомъ ожиданіи онъ успѣлъ поссориться съ резидентомъ: пріѣхавшіе съ нимъ приставъ посольскаго приказа Репьевъ и двое Смоленскихъ рей-

таръ стали ходить по корчмамъ и, напившись, стали бросаться ночью на Поляковъ съ саблями и ножами, стаскивали платье, отнимали деньги; караулъ схватилъ буяновъ и съ уликою, съ обнаженными саблями и пограбленными вещами прямо препроводилъ къ Тяпкину, потому что они назвались людьми Русскаго резидента. На другой день Литовскій канцлеръ и Варшавскій губернаторъ прислали къ Тяпкину съ выговорами и требованіемъ расправы съ виноватыми. Тяпкинъ препроводилъ ихъ къ Тимоѳееву, чтобы расправился съ ними тотъ. Но подъячій принялъ сторону пристава и рейтаръ, сталъ бранить Тяпкина при всѣхъ Русскихъ людяхъ, называлъ коварникомъ и Тяпкинъ послалъ на него жалобу государю.

15-го февраля 1675 года Тимоѳеевъ отправился къ королю одинъ—Тяпкина не пустили, а стали стращать его миромъ короля съ Турками, которые послѣ того пойдутъ на Московское государство. Пріѣзжалъ къ Тяпкину Венявскій, довѣренный человѣкъ у короля и подъ великою клятвою разсказывалъ, что король хочетъ двинуться ко Львову не для сейма и не для коронаціи, а для заключенія мира съ Турками, Татарами и Дорошенкомъ, потому что бусурманы обѣщаютъ возвратить королю всѣ завоеванія, но съ тѣмъ, чтобы король пропустилъ чрезъ свои владѣнія Турецкое и Татарское войско въ Московское государство. Магометане Казанскіе, Астраханскіе, Сибирскіе и даже живущіе въ самой Москвѣ слезно просятъ султана, чтобы онъ какъ Богъ ихъ и царь, избавилъ ихъ изъ работы христіанской, обѣщаютъ, что какъ скоро почуютъ пришествіе рати Турецкой и Татарской въ Московское государство, то немедленно и единодушно встанутъ на него. Но если, закончилъ Венявскій обычнымъ припѣвомъ, если царское величество дастъ на весну помощь королю войсками, то никакихъ трактатовъ съ Туркомъ не будетъ». Тимоѳеева отпустили не прежде, какъ онъ обѣщалъ подскарбію соболей на 30 рублей; поэтому случаю Тяпкинъ писалъ Матвѣеву: «Такое наше здѣсь житье, что и въ самыхъ постановленныхъ между государствами дѣлахъ безъ куны обойтись трудно»! По прежнему Тяпкинъ жалуется, что трудно достать ему правдивыхъ вѣдомостей, потому что много составныхъ проектовъ разсѣваютъ каждый по своему желанію, чрезъ обычные свои вертоглавные концепты. Кручинятся и нарекаютъ

безпрестанно, что помощи не получаютъ отъ царскаго величества, а того будто не видятъ, что сами между собою перегрызлись и разбрелись врозь; войско Литовское лежитъ на хлѣбѣ въ пяти стахъ верстахъ отъ Браславля: думаю, что оно на помощь къ королю на завтрашній день не поспѣетъ. Дѣйствительно старый врагъ Собѣскаго, гетманъ Литовскій Михаилъ Пацъ отступилъ съ своимъ войскомъ отъ коронныхъ полковъ; старшій братъ гетмана, стражникъ Литовскій Бонифацій Пацъ объяснялъ Тяпкину это отступленіе тѣмъ, что король хочетъ помириться съ Турками и вмѣстѣ съ ними обратиться или на Москву или на императора, но что Пацъ и вся Литва отнюдь этого не позволятъ. Пацъ жаловался, что король самовластвуетъ, паны радные только и слышатъ отъ него: «ваше дѣло передо мною стоять, слушать и исполнять то, что я приказываю». — «Польскіе сенаторы, говорилъ Пацъ, привыкли, чтобы государь обо всемъ ихъ спрашивался, ихъ слушалъ, что ему нужно домогался съ прошеніемъ, а этотъ не такъ поступаетъ. Избраніе царевича теперь могло бы легко совершиться, пока Собѣскій не коронованъ».

Тяпкинъ не переставалъ тревожить государя слухами, что Московскому государству предстоитъ большая опасность: французскій король употребляетъ всѣ средства, чтобы примирить Польшу съ Турціею и весною двинуть ихъ на Москву, а Швеція союзница Франціи: «поэтому нужно, писалъ резидентъ, какъ въ украйнѣ, такъ и по шведской и на другихъ границахъ чуткое ухо наставить и осторожность войсковую имѣть, чтобы тѣмъ французскимъ концептамъ не допустить и лаптей сплести, не только сапоговъ сшить, въ которыхъ бы могли ногу свою протянуть въ государство Московское, и яко дымъ да исчезнутъ.» Но тутъ же резидентъ доносилъ, что канцлеръ литовскій съ клятвою увѣрялъ его въ ложности всѣхъ этихъ слуховъ; канцлеръ повторялъ старое, что не могутъ они надивиться, почему московскія войска не соединяются съ польскими, а ведутъ войну особо, въ отдаленныхъ сторонахъ и этимъ даютъ непріятелю возможность легко взять верхъ, нападши на каждаго по рознь; собьютъ Турки съ поля Поляковъ—Русскія войска и не узнаютъ объ этомъ, наступятъ на московскія силы—Поляки ничего не будутъ объ этомъ знать; невозможно войску

отъ войска дальше десяти миль быть. Если помощи не будетъ, то по неволѣ Рѣчь Посполитая позволитъ королю мириться съ Турками на какихъ придется условіяхъ, кромѣ условія союза противъ государства Московскаго.»

Донося о польскихъ жалобахъ, Тяпкинъ не переставалъ, въ письмахъ къ Матвѣеву, жаловаться на свое положеніе въ Варшавѣ и просить объ отозваніи: «Умилосердися государь, милосердый мой отецъ! Ежели уже всячески не возможно меня отсюда взять или перемѣнить, то вели обослать государскимъ жалованьемъ денежнымъ, а не соболями, и на раздачу присылать деньгами же. Я бы здѣсь не дорожеМосковскаго для раздачи купилъ соболей, какихъ надобно, а то Василій Тимоѳеевъ привезъ самые плохіе и подопрѣлые, а лучшіе себѣ взялъ. Хотя и послѣднюю деревишку вели отписать на великаго государя, а меня удоволить государскимъ жалованьемъ, чтобы я здѣсь не скитался, занимая по людямъ, и въ зазорѣ отъ иноземцевъ не былъ. А наипаче, смилуйся, государь, Господа ради, вели перемѣнить, въ иную страну куда ни изволишь послать, всюду готовъ. Паки и паки, милосердый государь отецъ, смилуйся! Ей, государь, резиденты здѣсь всѣхъ государей богатые и ближніе люди, консиліарами королей своихъ титулуются и полнымъ жалованьемъ обсылаются; а у меня семья: я съ сынишкомъ самовторъ, подъячихъ два человѣка, священникъ, шесть человѣкъ стрѣльцовъ, людишекъ четыре человѣка, безъ которыхъ трудно обойтись, шесть лошадей, и на всѣхъ тѣхъ помянутыхъ выходитъ за всякую пищу и за дрова, кромѣ починки и новаго платья и служивой рухляди, по 3 рубля на день. Полковники кормовые на Москвѣ великіе кормы на мѣсяцъ берутъ не только себѣ, но и конямъ: а мнѣ, будучи въ чужомъ государствѣ, особенно между такими льстивыми и злыми народами, кромѣ государской милости и твоего отеческаго призрѣнія, надѣяться не начто. Скоро всѣхъ мнѣ придется отпустить отъ себя, лошадей избыть и остаться въ самомъ маломъ числѣ, если твоего отеческаго призрѣнія не получу.»

Въ апрѣлѣ резидентъ далъ знать, что противъ Собѣскаго большая партія въ разныхъ сословіяхъ, которая никакъ не хочетъ допустить его до коронаціи; противъ него главныя воеводства, Краковяне, Великополяне, Мазуры, Львовское воеводство

со всѣми Русскими странами, Литва и Жмудь; во всѣхъ этихъ областяхъ очень любятъ королеву Элеонору, хотѣли бы, чтобы царевичъ Θеодоръ женился на ней, и былъ ихъ государемъ, если же этого не льзя, то соглашаются имѣть государемъ короля шведскаго опять съ условіемъ женитьбы на Элеонорѣ; императоръ очень хлопочетъ объ этомъ по тремъ причинамъ: во первыхъ, желательно ему породниться съ шведскимъ королемъ; во вторыхъ, видѣть на сосѣднемъ престолѣ близкаго свойственника; въ третьихъ, и больше всего, отвлечь Швецію отъ союза съ Франціею. Отъ этого, говорятъ, король Янъ приходитъ въ отчаяніе, и отъ великой печали слабѣетъ въ здоровьи. «Впрочемъ, добавляетъ Тяпкинъ, нѣтъ въ нихъ ничего постояннаго, потому что какъ вольные народы, имѣютъ уста самовольные и незатворенные, что хотятъ, то поютъ, одинъ такъ, другой инакъ, и ни одному вѣрить нельзя; вѣрнѣе всего то, что когда Собѣскій въ Польшу явится, то на банкетахъ голоса противниковъ виномъ разогрѣются, и вмѣсто словъ нежелательныхъ, зазвонятъ: виватъ! виватъ! Другіе деньгами и почестями успокоены будутъ. Нѣтъ ни малого постоянства въ здѣшнемъ народѣ, нельзя узнать, кто изъ нихъ правъ или кривъ: всѣ красомовцы, всѣ мудры, всѣ крутятся ехиднымъ попозновеніемъ, не только головами но и самыми душами, больше желаютъ несытое свое лакомство удовольствовать, нежели добру общему прибыли и правды».

Не смотря однако на такіе отзывы о Полякахъ, Тяпкинъ сталъ явно склоняться къ тому, что необходимо исполнить желаніе польскаго правительства, дать сильную помощь и соединить царскія войска съ королевскими: это было, по мнѣнію резидента самое лучшее средство разорвать факціи французскую и шведскую, которыя з і я ю т ъ на государство Московское. Польскій резидентъ Свидерскій доносилъ королю изъ Москвы, что царскія войска стоятъ на готовѣ по всей западной границѣ, начиная отъ Новгорода Великаго, но неизвѣстно, куда двинутся. «А я, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву, я безвѣстенъ и безсловесенъ пребываю, потому что очень рѣдко писанія изъ государственной палаты ко мнѣ бываютъ, а когда и приходятъ, то не пишется ни о какихъ войсковыхъ и другихъ вѣдомостяхъ, которыя здѣсь надобны; отъ этого великую укоризну терплю отъ канцлера и

другихъ: о чемъ ни спросятъ—не вѣдаю. И если впередъ такъ глухъ буду и безвѣстенъ, то предаюсь подъ твое высокое разсужденіе, что изъ такого безпотребнаго житья моего здѣсь выросли можетъ?» Продолжались и жалобы на крайнюю нужду: въ началѣ іюня Тяпкинъ писалъ Матвѣеву, что принужденъ былъ заложить свою ферязь. Чтобы вырваться какъ-нибудь изъ Варшавы, резидентъ прибѣгъ къ хитрости, писалъ, будто вѣрный человѣкъ извѣстилъ его о большомъ въ нѣсколько милліоновъ кладѣ князей Шуйскихъ въ Смоленскѣ, и что онъ, Тяпкинъ, если будетъ вызванъ въ Москву, можетъ обстоятельно разсказать объ этомъ кладѣ, написать же не можетъ. Не надѣясь на полный отзывъ изъ Польши, Тяпкинъ просилъ дать ему полкъ и отправить на помощь къ королю: тамъ при войскѣ онъ, по крайней мѣрѣ, самъ все бы видѣлъ, а не покупалъ авизы, какъ въ Варшавѣ.

Наконецъ изъ Москвы пришло резиденту позволеніе обѣщать Полякамъ скорую помощь, вслѣдствіе чего Тяпкинъ былъ вызванъ къ королю во Львовъ. Въ іюлѣ онъ поскакалъ туда, но не на радость: король и паны были встревожены тѣмъ, что слухи о движеніи царскихъ войскъ начали стихать; несчастному резиденту не было покоя отъ выговоровъ; а тутъ еще новая непріятность: священникъ, бывшій съ Тяпкинымъ въ Варшавѣ, отправленъ былъ въ Москву, и здѣсь началъ наговаривать на резидента Матвѣеву: «Я умолилъ его честью ѣхать въ Москву, писалъ Тяпкинъ: потому что не могъ долго сносить позора отъ Римскихъ духовныхъ и другихъ лицъ: извѣстенъ онъ сталъ въ Варшавѣ во всѣхъ корчмахъ: бунтовщикъ, ссорщикъ, ненавистникъ всякаго добраго человѣка, пьяница, колдунъ, совершенный кумирослужитель! на всякій часъ мало ему было по квартѣ горѣлки, а пива выходило на него по бочкѣ въ сутки; умилосердись, не вѣрь его вражескимъ рѣчамъ, помилуй, вели меня хотя на время взять, а его подержать до той поры.»

7 августа резидентъ былъ позванъ въ обозъ королевскій для принятія грамоты Собѣскаго къ царю; прежде отдачи грамоты король велѣлъ подканцлеру литовскому сказать Тяпкину: «Въ этой грамотѣ королевское величество прилагаетъ новыя просьбы о помощи, которая съ давняго времени только обѣщается, а не дается; королевское величество съ оскорбленіемъ этому удив-

ляется, и ты, резидентъ, эти мои слова напиши ближнему боярину Матвѣеву.» Въ Москву съ королевскою грамотою отправлялъ Тяпкинъ сына своего, котораго тутъ же представилъ Собѣскому; молодой Тяпкинъ благодарилъ короля за «его государское жалованье, за хлѣбъ и соль и за науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ.» Рѣчь эта говорилась полатынѣ, «довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ належитъ.» Отецъ хвастался, что сынокъ «такъ явственно и изобразительно орацію свою предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся.» Король поблагодарилъ оратора сотнею золотыхъ червонныхъ и 15-ю аршинами краснаго бархата. 12 августа пришла царская грамота съ извѣщеніемъ, что князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичь получили указъ двинуться къ Днѣпру, куда для соединенія съ ними должны придти всѣ коронныя и литовскія войска.—«Этому статься теперь нельзя, говорили паны: это значитъ открыть непріятелю польскіе края, Львовъ и другіе города, непріятель только въ 12 миляхъ отъ Львова, около Злочева, Збаража воюетъ. Пусть царскія войска переправляются за Днѣпръ и соединяются тамъ съ нѣкоторыми частями польскихъ войскъ, которыя ихъ ждутъ, и пусть промышляютъ надъ Дорошенкомъ, потому что при немъ очень мало козаковъ и Татаръ, а затѣмъ бы и самыя большія рати царскаго величества вооружались. Въ прошломъ году выговорили, что зимою трудно воевать за Днѣпромъ, и потому царскія войска явятся туда весною; теперь не только весна, но и лѣто все проходитъ. Когдажь мы дождемся вашихъ войскъ? Степью и зимою трудно за стужами и непогодами, весною голодно, лѣтомъ жарко!»

Въ августѣ пришло письмо отъ Ромодановскаго и Самойловича къ гетманамъ короннымъ, что царскія войска уже подъ Днѣпромъ и нѣкоторые отряды ихъ перешли рѣку и соединились съ отрядами польскими. Король очень обрадовался и прислалъ дворянина своего съ этою вѣстію къ Тяпкину. Между тѣмъ непріятель истреблялъ города недалеко отъ Львова, порывался и на самый обозъ королевскій. Король выступилъ изъ обоза, взявши съ собою и русскаго резидента. Послѣдній писалъ Матвѣеву, что войска польскія очень стройны и охочи къ битвѣ, только между старшинами большое несогласіе. Знатные и чест-

ные люди прямо говорили Тяпкину: «Хотя король съ гетманами и вышелъ въ поле, однако каждый изъ нихъ радъ бы былъ, чтобы на кого-нибудь непріятель напалъ, а другой бы о томъ будто и не слыхалъ; развѣ самъ Богъ смилуется надъ христіанскимъ народомъ и дастъ намъ помощь и соединеніе.» Тяпкинъ отвѣчалъ имъ: «Чего же ваша Польша и Литва негодуютъ, что наши войска съ вами до сихъ поръ не соединяются, когда вы сами между собою не можете согласиться? Посторонняго государя войска, видя ваши такія другъ съ другомъ злохитрыя факціи, слыша, какъ вы злорѣчите своего монарха, могутъ ли вамъ вѣрить и соединяться съ вами.» На это былъ одинъ отвѣтъ: «Слушна твоя рація, господине резиденте!» Литовскій гетманъ Пацъ вздумалъ было подсмѣяться надъ Тяпкинымъ и въ большомъ собраніи сталъ ему говорить: «Видите, господинъ стольникъ, что король и мы всѣ съ малою горстью людей безпрестанно въ полѣ обращаемся и отпоръ даемъ недругу; а ваши московскіе полки, которыхъ говорятъ, тысячь полтораста и больше, развѣ только съ горъ Кіевскихъ на насъ смотрѣть будутъ, что надъ нами станется? И если хотя одинъ Татаринъ подбѣжитъ подъ Кіевъ, то они всѣ отъ него въ валъ схоронятся и показаться не посмѣютъ, а послѣ на Коммиссіи будутъ оправдываться, что ходили на помощь Полякамъ.» Резидентъ ловко отшутился: «Господинъ гетманъ! сказалъ онъ Пацу: недивись войскамъ царскаго величества, что не поспѣшили къ тебѣ на помощь; можетъ быть медленность ихъ не безъ причины: бояре и воеводы слышатъ о чрезвычайно скоромъ сборѣ войскъ польскихъ и литовскихъ. Ваша гетманская честность не очень давно изволила прибыть на помощь къ королевскому величеству не съ Кіевскихъ горъ, а изъ Виленскихъ долинъ. Твоя честность очень скоро отчизну свою оборонилъ и прибылъ на помощь, когда Турки взяли уже 24 города!» Пацъ разсердился: «Ни одинъ Москаль мнѣ такъ остро не говаривалъ,» повторялъ гетманъ, и прислалъ къ Тяпкину съ требованіемъ, чтобы сейчасъ же отдалъ ему долгъ — 1000 золотыхъ польскихъ. Но резидентъ упросилъ его чрезъ іезуитовъ, чтобы подождалъ еще мѣсяцъ. Тяпкинъ не могъ нахвалиться обращеніемъ съ собою короля: «Самъ велѣлъ мнѣ у себя всегда быть въ покояхъ, какъ будетъ надобность, разговариваетъ со мною очень милостиво, когда помяну имя велика-

го государя, всегда снимаетъ шапку и говоритъ о немъ государѣ любезно со всякою учтивостію.»

Впрочемъ резидентъ скоро оставилъ короля и возвратился во Львовъ. Здѣсь онъ подружился съ епископомъ Львовскимъ Іосифомъ Шумлянскимъ и вошелъ въ переписку съ Антоніемъ Винницкимъ, епископомъ Перемышльскимъ. Антоній присылалъ къ нему своего секретаря, который въ тайномъ разговорѣ началъ просить совѣта, какъ бы у великаго государя получить митрополію Кіевскую, потому что Тукальскій умеръ, а онъ Антоній имѣетъ привилегію на митрополію отъ двухъ королей польскихъ. «Какъ господинѣ епископъ, отвѣчалъ Тяпкинъ, вѣрно великому государю служитъ и его государскую милость помнитъ, такую можетъ за свои заслуги и награду получить.» Въ письмѣ своемъ къ Антонію резидентъ объяснился подробнѣе, выразилъ удивленіе свое, что епископъ только теперь припомнилъ милость великаго государя, за которую, неизвѣстно, заплатилъ ли хотя одною молитвою или одною безкровною жертвою, и только теперь отозвался съ своимъ служебнымъ желаніемъ.»

Походъ королевскій кончился ничѣмъ: непріятель спокойно вышелъ изъ границъ королевства, обремененный добычею: «Поляки, пишетъ Тяпкинъ, проводили Турокъ, какъ милыхъ гостей, одаривши ихъ безчисленными дарами изъ душъ православныхъ, проводили за самый Днѣстръ, мало не до Дуная. Когда же увидали, что Турки и Татары изъ Валахіи вышли, то обнаружили здѣсь великую храбрость надъ церквами и монастырями благочестивыми, стали до основанія ихъ разорять и жечь, церковныя утвари разбойнически расхитили, нѣсколько епископовъ и многихъ игуменовъ и священниковъ до смерти побили; въ церквахъ съ конями стояли и, что еще хуже, съ невольницами ночевали; и теперь по маетностямъ своимъ стадами, какъ безсловесныхъ, гонятъ невольниковъ Волошскихъ. Православные христіане во Львовѣ сильно объ этомъ вздыхаютъ и плачутъ, опасаясь, чтобъ и надъ ними латинская прелесть окончательно не взяла верха. Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, что ихъ владыки здѣсь только мантіею благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри же тажки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ.»

Тяпкинъ въ своихъ донесеніяхъ не нахвалится дружелюбнымъ обращеніемъ съ собою цесарскаго резидента Зеровскаго: «во всемъ братолюбно со мною дружбу и согласіе имѣть желаетъ въ равенствѣ; только я не могу съ нимъ равняться, потому что онъ очень богатъ и славенъ, ѣздитъ въ позолоченой каретѣ шестернею, а у меня двѣ клячи насилу живы, и тѣхъ кормить нечѣмъ.»

Мы видали, какъ австрійскіе послы играли роль посредниковъ при заключеніи мира между Россіею и Польшею, когда дѣло шло безъ избраніи царя Алексѣя въ преемники Яну Казимиру. Послѣ. неблагопріятный оборотъ дѣлъ, сильное желаніе окончить войну, истощавшую въ конецъ государство, заставляли царя снова обращаться къ посредничеству императора Леопольда. Но это обращеніе было похоже на стараніе утопающаго схватиться за соломину, и происходило отъ очень недостаточнаго знанія тогдашнихъ европейскихъ дворовъ и ихъ отношеній. Польское правительство, болѣе опытное отклоняло австрійское посредничество. Вѣнскій дворъ объяснялъ это интригами польской королевы-француженки, которая хочетъ видѣть родственника своего, Французскаго принца на польскомъ престолѣ, объяснялъ союзомъ Яна Казимира съ ханомъ Крымскимъ, а чрезъ хана и съ султаномъ Турецкимъ, что все ставило Польшу во враждебныя отношенія къ Австріи. Но Москвѣ было отъ этого нелегче: она не переставала требовать содѣйствія къ прекращенію тяжкой войны. Какъ будто въ насмѣшку въ концѣ 1661 года австрійскій посолъ Августинъ фонъ Майербергъ объявивъ, что Турецкое войско вторгнулось въ императорскія владѣнія, и просилъ, чтобъ царское величество изволилъ мысль свою объявить, какъ бы противъ общаго христіанскаго непріятеля бусурмана вспоможенье учинить ратными людьми? Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ на это: «Сами знаете, что польскій король, непріятель нашего государя, съ бусурманомъ въ союзѣ, слѣдовательно цесарскому величеству надобно стараться о томъ, какъ бы польскаго короля отъ бусурманскаго союза оторвать и съ царскимъ величествомъ привести къ прежней братской дружбѣ и любви. Когда оба эти государя будутъ въ мирѣ, то надежнѣе будетъ мысль противъ общаго христіанскаго непріятеля. Цесарскому величеству можно

помирить великаго государя нашего съ королемъ Польскимъ способомъ внѣшнимъ и духовнымъ: внѣшнимъ—войною, духовнымъ—клятвою, потому что вѣра у нихъ одна папежская, а папа издавна имѣетъ стараніе о томъ, чтобы всѣ христіанскіе государи были въ совѣтѣ, и съ бусурманами не дружились и союза не имѣли. Вамъ извѣстно, что теперь у царскаго величества непріятель польскій король, и всѣ войска наши стоятъ противъ Поляковъ: такъ, не помирясь съ польскимъ королемъ, начать войну съ другимъ великимъ непріятелемъ надобно разсудя.»

Андрусовское перемиріе и потомъ нашествіе Турокъ на Польшу перемѣнили отношенія: въ 1672 году русскій посланникъ майоръ Павелъ Менезіусъ поѣхалъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о взятіи Каменца Турками, о вооруженіяхъ Россіи, и съ вопросомъ: будетъ ли императоръ помогать Польшѣ и какъ? Императоръ отвѣчалъ, что онъ двигаетъ къ польскимъ границамъ большое и искусное войско. Избраніе Собѣскаго и тревожныя вѣсти, приходившія изъ Польши о намѣреніяхъ новаго короля заставили Алексѣя Михайловича отправить новое посольство въ Вѣну въ 1674 году. Посланники—стольникъ Потемкинъ и дьякъ Чернцовъ объявили цесарскимъ думнымъ людямъ осторожность: «На королевство польское избрали Яна Собѣскаго, бывшаго гетмана, а княжества литовскаго сенаторы и все посольство этому избранію противились, и склонились послѣ за великіе подарки изъ страха, потому что Собѣскій привелъ съ собою ратныхъ людей, Краковъ и Варшаву своими пѣшими людьми осадилъ, и не столько избраніемъ, сколько силою сдѣлался королемъ. Нѣкоторыя особы говорили тайно, что Собѣскій обоимъ государствамъ, какъ царскаго, такъ и цесарскаго величества великій непріятель и съ Турецкимъ султаномъ можетъ помириться вскорѣ: французскій посолъ изъ Варшавы уже поѣхалъ къ султану, чтобы устроить этотъ миръ. Когда миръ состоится, то султанъ пойдетъ войною на цесарскія земли, чтобы не дать цесарю воевать французскаго короля, а король польскій съ частью войска Турецкаго и съ Крымомъ обратится на Московское государство. Нынѣшнимъ королемъ Польское государство въ послѣднее искореневіе придетъ, потому что онъ малолюденъ и съ Турками заключитъ миръ для того, что имѣнія его всѣ на турецкой границѣ».

Думные люди отвѣчали: «Когда былъ здѣсь вашъ посланникъ Менезіусъ, въ то время у императора было намѣреніе послать войско на Силезскую границу, въ помощь Польшѣ; но французскій король напалъ на Голландцевъ, и цесарское величество, по просьбѣ Голландцевъ, отправилъ многія войска свои на помощь имъ противъ Французовъ. Если наши войска одолѣютъ короля французскаго, то императоръ станетъ помогать королю польскому. Враждебнымъ замысламъ новаго польскаго короля цесарское величество вѣритъ: обнаруживаются они дѣломъ, а не словами. Но многіе сенаторы не хотятъ и слышать отъ томъ, чтобы султанъ могъ наступить войною на императора; если сенаторы и все посполъство въ Польшѣ услышатъ, что у нашего государя съ вашимъ крѣпкая братская дружба и любовь, то не посмѣютъ напасть ни на насъ, ни на васъ, будутъ опасаться, что они между такими великими государями».

Борьба съ Турціею оживила наши дипломатическія сношенія и съ другими европейскими государствами. Въ сношеніяхъ съ ближайшею Швеціею до 1673 года продолжались взаимные перекоры за несоблюденіе договорныхъ статей, особенно на счетъ торговли. Въ 1670 году былъ въ Ригѣ находившійся въ русской службѣ полковникъ фонъ-Стаденъ; шведскіе генералы Врангель и Тотте поручили ему предложить ближнимъ людямъ оборонительный союзъ между обоими государствами. Государь велѣлъ отвѣчать, что онъ, въ случаѣ непріятельскаго нашествія на Швецію, готовъ помогать ей деньгами и запасами, но ратныхъ людей не пошлетъ и отъ короля не потребуетъ, потому что когда бываетъ походъ ратныхъ людей, то происходятъ многія ссоры. Генералы дали знать Стадену, что Стенька Разинъ разослалъ по Корельскимъ и Ижерскимъ крестьянамъ грамоты за рукою и печатью бывшаго Никона патріарха. Отправляя снова Стадена въ Швецію, государь поручилъ ему хлопотать, чтобы грамоты эти и люди ихъ привезшіе присланы были въ Москву. Стадену поручено было также объявить Врангелю съ товарищами: «Король желаетъ съ царскимъ величествомъ союза, а подданные его печатаютъ въ курантахъ ложныя извѣстія и тѣмъ между обоими государями производятъ ссоры. Такъ 19 ноября изъ Риги напечатано: бывшій Московскій патріархъ, собравши великое число войска, хочетъ войною идти на царя

за то, что царь, обезчестивъ его, отъ патріаршескаго чина безо всякія вины отставилъ, не разсудя, что онъ патріархъ премудрый и ученый человѣкъ, и во всемъ лучше самого царя, а вина его заключается въ томъ, что онъ лютеранамъ, кальвинистамъ и католикамъ позволилъ ходить въ русскія церкви. Царь ищетъ случая помириться съ Стенькою Разинымъ, который и самъ не прочь отъ мира, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы государь сдѣлалъ его царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ; 2) далъ ему на войско 20 бочекъ золота; 3) выдалъ ему восемь человѣкъ ближнихъ бояръ, которыхъ, за грѣхи ихъ, Стенька умыслилъ казнить; 4) чтобы Никонъ былъ по прежнему патріархомъ.—Государь велѣлъ Стадену домогаться, чтобы напечатавшіе такія вѣсти были жестоко наказаны.

Въ концѣ 1673 года пріѣхалъ въ Москву шведскій посолъ графъ Оксенштернъ съ товарищами; но когда начались толки о пріемѣ, то встрѣтилось важное затрудненіе: отъ пословъ потребовали, чтобъ они были во дворцѣ съ непокрытыми головами, что точно также и Русскіе послы въ Стокгольмѣ будутъ предъ королемъ безъ шапокъ. Оксенштернъ не рѣшился согласиться на эту новизну безъ королевскаго указа; надобно было посылать за этимъ нарочно гонца въ Стокгольмъ; разрѣшеніе пришло, но за этими переговорами и пересылками прошло много времени, и переговоры могли начаться не ранѣе апрѣля 1674 года. Эти переговоры велись боярами княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ и княземъ Михаиломъ Юрьевичемъ Долгорукими, и окольничимъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. Оксенштернъ началъ: «Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ; да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ Турецкій наступилъ войною на королевство Польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостію, Каменцомъ Подольскимъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложитъ, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать». Оксенштернъ кончилъ постоянною жалобою,

что условіе Кардискаго договора не исполнено, не всѣ плѣнные отпущены. Начался споръ о томъ, о чемъ прежде разсуждать? о союзѣ или о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ. — «А зачѣмъ король не прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Курляндію? спрашивали бояре: тамъ бы всѣ спорныя дѣла и были порѣшены». — «Въ Курляндіи, при польскихъ послахъ, говорить о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора было непристойно», отвѣчали Шведы. — «Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора: такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры»! твердили бояре.

Шведы уступили и начали говорить о союзѣ противъ Турокъ, объявили, что король ихъ обѣщалъ послать Полякамъ на помощь 5000 человѣкъ пѣхоты, а если у Швеціи будетъ война съ другимъ государствомъ, то 3000; войска эти пойдутъ всюду, гдѣ надобно будетъ Полякамъ и будутъ помогать имъ до прекращенія войны; король Шведскій подаетъ эту помощь королевству Польскому съ имени христіанскаго, не желая себѣ за то никакого вознагражденія. Бояре отвѣчали, что 5000 очень мало, великій государь желаетъ, чтобы король Шведскій стоялъ противъ Турка всѣми своими силами съ царскимъ величествомъ заодно, а изъ-за 5000 и союза заключать не для чего, хотя бы эти 5000 были все ученые инженеры, а не простые солдаты, то все же противъ такихъ большихъ силъ стоять не могутъ. — «Но Поляки сами больше у насъ не просили» — возражали послы. — «Чего у васъ Поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре: а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами заодно, чтобъ Турокъ Польшею не овладѣлъ; а когда Турокъ, чего Боже сохрани, Польскимъ государствомъ овладѣетъ, тогда и Шведскому государству тяжко будетъ». Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться ненаказано; для заключенія такого союза пусть царское величество отправляетъ своихъ пословъ къ королю. — «Такъ зачѣмъ же вы то пріѣхали? спросили бояре и продолжали: намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200,000 войска: наши

будетъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменцомъ Подольскимъ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ». — «Но какъ же въ бумагѣ, присланной съ фонъ-Стаденомъ, прямо было сказано, что помощи людьми царское величество не желаетъ»? говорили Шведы.—«Это было уже давно, отвѣчали бояре: тогда еще Турокъ на польскаго короля не наступалъ и Каменца Подольскаго не бралъ». Послы объявили прямо, что такой союзъ именно противъ Турокъ вовсе невыгоденъ для Швеціи, и выгоденъ только для Россіи: Турецкія границы сходятся съ Русскими и вовсе не сходятся съ Шведскими: за что же Швеція обяжется помогать постоянно Россіи безъ надежды получить когда-либо взаимную помощь! Поэтому послы предлагали заключить союзъ глухо на всѣхъ непріятелей обоихъ государствъ, не называя именно Турокъ. Тщетно бояре толковали, что отдаленность границъ ничего не значитъ, что опасность большая и для Швеціи отъ Турокъ; тщетно брали доказательства изъ исторіи: какъ Греки, угрожаемые Турками, просили помощи у сосѣднихъ державъ, тѣ не дали на томъ основаніи, что до нихъ было еще далеко; но когда безпомощная Греческая имперія пала, то и сосѣднія державы въ слѣдъ за нею подверглись игу бусурманскому. Послы остались непреклонными; бояре уступили, и было постановлено: если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно; также если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно. Это разумѣется о помощи какъ людьми, такъ денежною казною и военными запасами. Государь велѣлъ собрать въ Москву всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, крещенныхъ и некрещенныхъ, и расспросить ихъ при бояринѣ Ив. Богдан. Милославскомъ и при королевскомъ дворянинѣ: если которые изъ нихъ и вѣру греческую приняли, а скажутъ, что принуждены къ тому неволею, тѣхъ отпустить въ Швецію; а которые приняли греческую вѣру добровольно, или хотя и вѣры не приняли, но захотятъ остаться въ Россіи, тѣ пусть остаются; тоже самое будетъ сдѣлано въ Новгородѣ и Псковѣ съ шведскими плѣнниками, и въ Швеціи съ Русскими. Статья о торговыхъ пошлинахъ отложена, потому что послы, безъ королев-

ского указа, не согласились на предложеніе бояръ брать пошлины по существующимъ уставамъ въ обоихъ государствахъ. Послы взялись представить на королевское усмотрѣніе и слѣдующую статью: перебѣжчиковъ казнить смертію въ той сторонѣ, куда перебѣгутъ, перебѣжавшихъ до сего времени выдать безъ задержанія.

Мы видѣли, какія дѣятельныя сношенія были у царя съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ 1656 и 1657 годахъ по поводу войны шведской. Хотя прекращеніе этой войны отняло у сношеній съ Даніею главный интересъ, однако въ Москвѣ не хотѣли прекращать ихъ, и въ 1660 году отправился въ Копенгагенъ стряпчій Яковъ Кокошкинъ съ грамотою, въ которой царь изъявлялъ желаніе быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ сосѣдскихъ пріятельскихъ ссылкахъ свыше прежняго навѣки непремѣнно. Кокошкинъ былъ принятъ очень любезно, и услыхалъ о важной новости: 14-го октября пришелъ къ нему королевскій переводчикъ и сталъ разсказывать: «Вскорѣ послѣ миру съ Швеціею пришли къ Датскому королю архіепископъ Копенгагенской, епископъ и духовный чинъ, да съ ними Копенгагенцы посадскіе выборные люди и говорили: прежніе Датскіе короли и отецъ его Христіанъ король и онъ самъ дѣлъ государственныхъ и другихъ никакихъ по своему изволенью, безъ воли думныхъ людей не совершали, и государствомъ владѣли ближніе люди, отъ которыхъ были многія измѣны и Датскому государству разоренье большое. И теперь они, духовный чинъ и посадскіе люди хотятъ того, чтобы онъ король государствомъ своимъ владѣлъ одинъ и всякія дѣла дѣлалъ и волею своею исполнялъ, не ожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенью, какъ ему будетъ годно, чтобы думныхъ людей измѣною государство впередъ не разорялось, и чтобы король велѣлъ объ этомъ учинить раду вскорѣ. По ихъ словамъ король посылалъ по всѣмъ городамъ государства своего листы, чтобы изъ городовъ прислали въ Копенгагенъ человѣка по два и по три, выбравъ людей добрыхъ. Когда выборные люди въ Копенгагенъ пріѣхали, то король велѣлъ учинить раду и говорилъ на ней, чтобы Датскимъ государствомъ владѣть ему одному, и всякія дѣла дѣлать и волею своею исполнять безъ рады и воли думныхъ людей. Думные и ближніе люди

этого было не захотѣли сдѣлать и стояли упорно; только духовный чинъ и выборные изъ городовъ посадскіе люди за большою неволею ихъ наговорили, чтобы они на то дѣло позволили. Сего дня рада кончилась: приговорили, чтобъ въ Датскомъ государствѣ нынѣшнему королю и потомкамъ его дѣла государственныя и всякія совершать, неожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенью, какъ имъ королямъ будетъ угодно. Думные люди, духовный чинъ, дворяне и ратные люди и изъ городовъ выборные люди станутъ при королѣ присягать, чтобы тому дѣлу быть во вѣкъ неподвижну».

17-го числа король прислалъ за Кокошкинымъ карету, и русскій посланникъ отправился на площадь подлѣ дворца, смотрѣть, какъ будетъ происходить эта торжественная присяга самодержцу: «На площади, доноситъ посланникъ, сдѣлано было мѣсто деревянное, какъ на Москвѣ Лобное мѣсто, на мѣстѣ сдѣланъ рундукъ, обито мѣсто и рундукъ сукнами красными, на рундукѣ поставлено 8 креселъ, обиты кресла бархатомъ червчатымъ. Около мѣста стояли ратные люди. Въ шестомъ часу дня король вышелъ изъ дворца, передъ нимъ шли дворяне, думные и ближніе люди, несли знамя красное тафтяное, шпагу королевскую, яблоко серебряное и корону. Король шелъ съ королевою, двумя королевичами и четырьмя королевнами, подъ покровомъ (балдахиномъ) бархатнымъ червчатымъ; за королемъ шли духовные и выборные люди. Король съ своимъ семействомъ сѣлъ въ кресла. Архіепископъ, епископъ и думные люди поднесли ему корону. Король всталъ, снялъ шляпу, принялъ корону и отдалъ ее ближнимъ людямъ, которые поставили ее на стулъ. Тогда канцлеръ началъ читать статьи, на которыхъ всѣ и присягали, а по присягѣ подходили къ королю и къ королевѣ къ рукѣ».

Кокошкинъ привезъ въ Москву грамоту, въ которой Фридрихъ III извѣщалъ царя, что онъ сдѣлался отчиннымъ королемъ: «Надѣемся, писалъ Фридрихъ, что такая нашему королевскому дому прибылая честь вашей любви, какъ нашему брату, особному другу и сосѣду пріятна будетъ». Поздравить короля съ этою прибылою честію въ началѣ 1662 года отправились въ Данію двое дворянъ Нащокиныхъ—Григорій и Богданъ. Московскіе дипломаты не хотѣли отставать отъ Малороссіянъ и Поляковъ въ витійствѣ, и Григорій Нащокинъ держалъ къ

королю Фридриху такую рѣчь: «Слышавъ великій государь нашъ его царское величество о сицевомъ великодаревитомъ на ваше королевское величество изліянномъ Божіи благосердіи и изящномъ вашего королевскаго величества добросчастіи, возслa всѣми владѣющему Царю Богу хваленіе, сице о таковомъ вашего королевскаго величества радуясь благополученіи, яко о особичномъ его царскаго величества пріобрѣтеніи, на знакъ же постоянныя и давностію времени любви сотвержденныя, насъ, великихъ пословъ, къ вашему королевскому величеству послати изволилъ, извѣствуя, яко онъ, великій государь нашъ, соблюденьемъ всѣхъ Содѣтеля въ Троицы славимего Бога на своихъ великихъ государствахъ здравствуетъ, и яко истинныя любве рачитель, чрезъ насъ ваше королевское величество поздравляетъ: здравствуй ваше королевское величество на отчинномъ вашего государства королевствѣ благосчастнѣ, Вышній Вседержитель велелѣпною си десницею да соблюдаетъ ваше королевское величество въ долголѣтномъ и благоденственномъ здравіи, державу твою въ неотмѣнной цѣлости, и достоинствовъприличномъ благостояніи, королевство твое въ честности и подобающемъ служеніи людей твоихъ, да яко другій адамантъ лѣпотою и крѣпостію благородствуя, ни единымъ отъ сопротивныхъ емлемъ будеши, но надъ многихъ свѣтяся яснымъ ти королевскихъ исправленій блистаніемъ, блеска противящихъ ти ся одолѣваеши и зраки доброхотствующихъ ти увеселяеши и къ симъ желательнаго потомства свѣтельство испущаеши, да искры сего адаманта, си есть вашего королевскаго величества потомки, вашимъ государствомъ державствующе, не померкнутъ, но твердость выше намененныя давностію временъ и многими предки и средствы сокрѣпленныя, и сѣдинами высокія чести цвѣтущія дружбы и любве братскія между великаго государя нашего и вашего королевскаго величества да пребываетъ вѣчно на подобіе адаманта крѣпчайшаго, ничимъ же отъ слабоумныхъ нарушаема, сице да и страны окрестнія образецъ сего постояннаго дружества спемше, вмѣсто зловинновныхъ раздоровъ добровиновную тишину любве между себе обымутъ. И Богъ вседержавный, не безсловесныхъ смущеній, но мира и добрыя любве виновный, всѣхъ благъ даровтель отъ крѣпкоумныхъ устъ преславится присно, иже постоянне чиномъ правды любящихъ ...

любви постоянствующихъ обыче вѣнчати». Богданъ Нащокинъ говорилъ подобную же рѣчь отъ царевичей—Алексѣя и Θеодора «двухъ благородныхъ и безцѣнныхъ царскихъ искръ, отъ дражайшаго и безцѣннаго адаманта возсіявшихъ». Послы объявили въ подаркахъ отъ царя королю пять тысячь пудъ пеньки; король велѣлъ сказать имъ, что пенька ему теперь очень нужна и онъ посылаетъ за нею нарочно корабль въ Архангельскъ.

Въ 1665 году ѣздилъ въ Данію извѣстный намъ Петръ Марселисъ съ просьбою, чтобы король Фридрихъ постарался склонить польскаго короля къ миру съ Россіею. Фридрихъ отвѣчалъ, что пошлетъ къ Яну-Казиміру узнать о его намѣреніяхъ. Понятно, что вмѣшательство датскаго короля не могло нисколько помочь дѣлу. Мы видѣли, что̀ помогло ему. По заключеніи Андрусовскаго перемирія въ Москвѣ сочли нужнымъ извѣстить объ этомъ и датскаго короля.

Данія не славилась въ Москвѣ богатствомъ, промышленностію и торговлею, и потому къ ней не обращались ни съ просьбою о ссудѣ деньгами, ни съ просьбою о присылкѣ мастеровъ. Мы видѣли бѣдственное положеніе Московскаго государства во время польской войны, когда финансовыя средства истощились и правительство бросало всюду тревожные взоры съ вопросомъ: гдѣ бы занять денегъ, какъ бы увеличить доходы? Знали, какъ богаты западныя поморскія государства, знали, что богаты они отъ мореплаванія, торговли, что купцы ихъ ѣздятъ на своихъ корабляхъ въ дальнія богатыя страны и привозятъ оттуда дорогіе товары. Еще въ 1662 году явилась мысль—нельзя ли завести свои корабли и отправлять ихъ въ эти богатыя страны за дорогими товарами? На Балтійскомъ морѣ не было своихъ гаваней: родился вопросъ: нельзя ли завести мореплаваніе изъ чужихъ гаваней? Московское правительство находилось въ дружескихъ сношеніяхъ съ герцогомъ Курляндскимъ: ему оказаны были услуги: во время войны съ Польшею не трогали его областей, ходатайствовали передъ нимъ у шведскаго короля: Царскій посланникъ Желябужскій, проѣздомъ въ Англію и другія страны, вызвалъ къ себѣ въ Ригу канцлера Курляндскаго Фёлькерзама и говорилъ ему: «Вашъ князь, помня къ себѣ великаго государя милость, службу свою и радѣнье оказалъ бы,

объявилъ бы великому государю: куда его корабли ходятъ для пряныхъ зелей и овощей, въ которыя урочища и чьи владѣнья, и въ какое время ходятъ, и въ какое время корабли назадъ возвращаются, и въ какую цѣну ему корабль обходится, съ снастями и со всѣмъ корабельнымъ заводомъ, и сколько будетъ стоить корабельный ходъ людскимъ наймомъ и запасами? За милость великаго государя князь сдѣлалъ бы, чтобы государевымъ кораблямъ ходить въ тѣ мѣста для тѣхъ промысловъ, и корабли бы великому государю для тѣхъ промысловъ велѣлъ изготовить совсѣмъ какъ можно идти, а во сколько ему корабли станутъ, и то ему будетъ заплачено изъ царской казны. Да объявилъ бы князь: гдѣ добывать мастеровъ къ серебрянымъ рудамъ, и гдѣ онъ самъ князь руду серебряную добываетъ?»

— «За премногую милость великаго государя отвѣчалъ Фелькерзамъ, князь мой во всемъ служить и работать радъ: ходятъ его корабли для пряныхъ зелій и овощей въ его владѣнія, въ Индію: тамъ у князя свой островъ, устроенъ на немъ городокъ, живетъ тамъ княжихъ людей 200 человѣкъ. Строенье князю стало дорого: возили лѣсъ на корабляхъ отсюда. Корабли намъ стоятъ дорого, потому что на нихъ строенье все привозятъ изъ чужихъ земель. Думаю, что пристойнѣе великому государю заводить корабли у Архангельска.» Герцогъ прислалъ грамоту съ подробнымъ изъясненіемъ дѣла; грамота не сохранилась; но мы легко можемъ догадаться о ея содержаніи.

Сношенія съ Голландіею, откуда вызывались ратные люди и мастера, были такъ важны, что въ 1660 году Англичанинъ Иванъ Гебдонъ отправленъ былъ туда резидентомъ или коммиссаріусомъ.

Мы видѣли, что сношенія съ Англіею прекратились въ 1649 году вслѣдствіе казни короля Карла I, но продолжались съ претендентомъ Карломъ II, которому дано было вспоможеніе. Въ 1654 году къ Архангельску приплылъ посланникъ англійскаго владѣтеля Оливера (Кромвеля), Вильямъ Придаксъ. Посланникъ подалъ государю письмо, въ которомъ говорилось, что великій земскій сеймъ, отчаявшись въ исправленіи многихъ дуростей, бывшихъ въ Англійской землѣ при державѣ прежнихъ королей, перемѣнилъ правленіе и поставилъ самаго добраго и премудраго государя Оливера, который посылаетъ съ большою любовію

поклонъ къ Кесарскому величеству, великому государю Кесарю Алексѣю Михайловичу, прося о возвращенiи вольностей, отнятыхъ у купцовъ англiйскихъ. Царь не всталъ, спрашивая о здоровьѣ протектора; посланникъ протестовалъ:» Хотя нынѣ въ англiйской землѣ и учинены Статы (республика), однако государство ничѣмъ не убыло; Испанскiй, Французскiй и Португальскiй короли и Венецiанскiе статы воздаютъ владѣтелю нашему честь такъ какъ и при прежнихъ короляхъ.» — «Англiйскому королевству учинилось премѣненье, былъ отвѣтъ; отъ владѣтеля вашего къ царскому величеству присылка первая, и съ какимъ дѣломъ ты присланъ, про то царскому величеству было невѣдомо; а Венецiанскiе и Голландскiе владѣтели царскому величеству не примѣръ, и тебѣ про то выговаривать не годилось.»—«Въ какихъ государствахъ я ни былъ, продолжалъ посланникъ, такой почести себѣ не видывалъ: приставъ сидѣлъ у меня въ саняхъ по правую сторону, и шпагу съ меня сняли!»— «Какъ въ Московскомъ государствѣ въ обычаяхъ повелось, такъ и дѣлаютъ, отвѣчали ему: а тебѣ въ чужомъ государствѣ причины выговаривать не годится.» Въ отвѣтной грамотѣ Кромвелю царь писалъ: «Оливеру владѣтелю надъ статы Аглинской, Шотландской и Ирландской земель, и государствъ, которыя къ нимъ пристали. Что вы съ нами дружбы и любви ищете, то мы отъ васъ принимаемъ въ любовь, въ дружбѣ, любви и пересылкѣ съ вами протекторомъ быть хотимъ, и поздравляемъ васъ на вашихъ владѣтельствахъ, въ чемъ васъ Богъ устроилъ. Что ваша честность пишете о торговыхъ людяхъ, то намъ теперь объ этомъ дѣлѣ вскорѣ разсмотрѣнье учинить за воинскимъ временемъ нельзя, а впередъ нашъ милостивый указъ будетъ, какой пристоенъ обоимъ государствамъ къ покою, прибыли, дружбѣ и любви.»

Далѣе этихъ неопредѣленныхъ учтивостей съ Кромвелемъ дѣло нешло. Царскiй резидентъ въ Голландiи, Англичанинъ Гебдонъ оказался приверженцемъ Карла II, и когда послѣднiй призванъ былъ на престолъ англiйскiй, Гебдонъ явился къ нему съ просьбою отпустить въ Россiю трехтысячный отрядъ войска. Король далъ ему полную свободу набирать войско, и давая знать объ этомъ царю (весною 1661 года) писалъ, что никогда не можетъ забыть знаковъ братской дружбы, оказанныхъ ему Алек-

свеомъ Михайловичемъ во время нечестиваго смятенія, особенно не можетъ забыть распоряженія, по которому недостойные подданные его были лишены прежнихъ вольностей въ Московскомъ государствѣ; но теперь, когда добрые подданные возвратились къ прежнему послушанію, то онъ, король надѣется, что царское величество возвратитъ имъ привилегію. Грамота королевская была прислана съ сыномъ Гебдона.

Поздравить новаго короля съ восшествіемъ на престолъ въ 1662 году отправились въ Англію стольникъ князь Петръ Прозоровскій и дворянинъ Ив. Желябужскій. Послы были встрѣчены увѣреніями, что король Карлъ ни къ кому изъ государей не питаетъ такой пріязни, какъ къ Русскому кесарю; всѣмъ пріѣзжимъ людямъ объявляетъ великаго государя милость къ себѣ, съ ближними своими боярами и со всѣми подданными своими говоритъ безпрестанно, что кромѣ Русскаго государя, никто не оказалъ ему такой милости когда онъ былъ въ изгнаніи; ждетъ король, чѣмъ бы воздать великому государю за эту милость. Когда послы ѣхали по Темзѣ, на всѣхъ корабляхъ стрѣляли изъ пушекъ; гдѣ не было пушекъ, тамъ всѣ люди привѣтствовали пословъ громкими криками; по лондонскимъ улицамъ мелкимъ людямъ велѣно было кричать, а лучшимъ людямъ всѣмъ быть на встрѣчѣ.

Въ отвѣтѣ королевскіе бояре объявили посламъ: когда королевское величество былъ въ изгнаніи, въ то время великій государь помогъ ему казною. Это вспоможенье королевскому величеству памятно, и теперь онъ занятую казну посылаетъ къ великому государю. Послы говорили, чтобы королевское величество сверхъ этой казны велѣлъ бы великому государю дать взаймы ефимковъ 10,000 пудъ, а великій государь велитъ заплатить товарами, пенькою и поташемъ погодно, какъ будетъ положено въ договорѣ. Королевскіе бояре отвѣчали, что это дѣло великое, скоро его рѣшить нельзя, а король на отпускѣ самъ сказалъ Прозоровскому: «Я вседушно бы радъ помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и нынѣ въ большой скудости живу; а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ вашимъ.»

Въ бытность свою въ Лондонѣ второй посолъ Желябужскій поссорился съ Гебдономъ; по донесенію Желябужскаго, Гебдонъ получалъ деньги изъ королевской казны на содержаніе пословъ, и утаивалъ, давалъ дурную пищу. На посольскомъ дворѣ занялъ себѣ и дѣтямъ своимъ лучшія комнаты; доктору Самуилу и другимъ Нѣмцамъ, пріятелямъ своимъ, отвелъ комнаты хорошія, а дьяку и дворянамъ далъ палатишки тѣсныя, подъячему же отвелъ такую палатишку, что и войти въ нее скаредно. Гебдонъ говоритъ, что бояре на Москвѣ государю не радѣютъ, надобныхъ людей иноземцевъ беречь и взыскивать не умѣютъ; а которые иноземцы худые люди и умѣютъ жить ложью, до тѣхъ бояре добры и казною государевою такихъ обогащаютъ. И прежде при царѣ Михаилѣ бояре Иванъ Бор. Черкаскій и Ѳедоръ Ив. Шереметевъ худыхъ лживыхъ людей иноземцевъ жаловали: иной за собою сказывалъ рудознательство серебряное, иной другое мастерство, и тѣмъ выманивали много денегъ, а бояре имъ давали. Теперь отогнали отъ Архангельской пристани всѣхъ торговыхъ людей, и намъ Англичанамъ и подавно впередъ ѣздить не зачѣмъ: какіе товары привозили изъ Московскаго государства, тѣ всѣ въ англійской землѣ завели. Царскіе подарки, присланные королю, Гебдонъ дешевилъ; о русскихъ людяхъ распускалъ слухи, что они пьянствуютъ, выпиваютъ въ день по 11 бочекъ; втораго посла Желябужскаго называлъ брюзгою и будто его дурость вѣдома всему Лондону.

Гебдонъ, въ свою очередь, писалъ въ Москву зятю своему, что Желябужскій вредитъ посольскому дѣлу, что король и вельможи и видѣть его не могли за его гордость; а какъ онъ уѣхалъ черезъ Францію въ Италію, то король и думные люди хвалятъ князя Прозоровскаго за его учтивость. Сынъ Гебдона писалъ, что послы приняты съ небывалыми почестями по радѣнью отца его, ежедневно отпускается имъ отъ короля по 200 серебряныхъ рублей; только Желябужскій унизилъ государево имя гордостью своею; а князь Прозоровскій у короля и вельможъ въ славѣ и чести высокой. Докторъ Самуилъ Коллинсъ писалъ, что весь дворъ про князя Прозоровскаго говоритъ все доброе, а Желябужскій гордъ, никого не почитаетъ и никому нелюбъ, когда уѣхалъ, то оказалось, что мебель въ его квартирѣ перепорчена и хоромы всѣ испоганены.

Въ Москвѣ однако, какъ видно, не такъ смотрѣли на Прозоровскаго и Желябужскаго, какъ въ Англіи: не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было снестись съ герцогомъ Курляндскимъ на счетъ мореплаванія; не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было занять у англійскихъ купцовъ 31,000 ефимковъ. Желябужскій обратился къ купцамъ, предложилъ условіе, что уплата будетъ произведена въ Архангельскѣ пенькою и поташемъ; купцы отвѣчали, что дадутъ, но пусть поговоритъ прежде съ воеводою лондонскимъ (лордомъ меромъ). Воевода отвѣчалъ: «Радъ я работать великому государю, стану говорить торговымъ людямъ, кто что захочетъ дать, а иное и самъ дамъ, что смогу.» Желябужскій обратился и къ резиденту Гебдону, чтобъ порадѣлъ великому государю, промыслилъ ефимковъ; но тотъ отвѣчалъ: «Теперь нельзя давать взаймы: у Архангельска въ торгахъ стала неправда и неповольность; если дать въ займы, то почитай за пропалое. И прежде платежъ бывалъ займамъ худъ, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ, добывать мнѣ ефимковъ негдѣ и дѣла мнѣ до этого нѣтъ!» Нѣсколько разъ потомъ посылалъ Желябужскій къ воеводѣ и купцамъ, все обѣщались придти, наконецъ пришли и объявили: «Ефимковъ намъ дать нельзя, потому что товары въ Архангельскѣ стали дороги; отдаемъ здѣсь ваши товары дешевле чѣмъ покупаемъ, да и то никто не покупаетъ; у насъ и такъ много въ долгахъ пропадаетъ на московскихъ людяхъ, а сыску въ тѣхъ долгахъ нѣтъ.»

Желябужскій:, По чьему-нибудь нерадѣтельному умыслу не хотите дать ефимковъ, да и говорите затѣйное дѣло! Никогда у васъ въ займахъ ничего не пропадало.»

Купцы: «И теперь у насъ много по записямъ долговъ и задатковъ на московскихъ торговыхъ людяхъ пропадаетъ, а расправы нѣтъ. Да и пріѣздъ къ Архангельску передъ прежнимъ сталъ намъ тяжелъ отъ головъ и цѣловальниковъ. Еслибъ еще побывалъ въ головахъ Василій Шоринъ, а въ цѣловальникахъ Климшинъ, то бы и вовсе всѣхъ пріѣзжихъ иноземцевъ отогнали; такихъ мы другихъ неправедныхъ людей на свѣтѣ не видали.»

Желябужскій: Все это къ моему дѣлу не относится: я прошу теперь взаймы для великаго государя и запись дамъ, что

заплачено будетъ изъ царской казны; у васъ долги межъ своею братьею, и бейте челомъ на своихъ должниковъ великому государю; жалуйтесь и на тѣхъ, отъ кого вамъ тягость и налога въ торгахъ; во всемъ будетъ розыскъ и расправа.»

Купцы: «Въ Архангельскѣ мы всегда о долгахъ своихъ и задаткахъ бьемъ челомъ и у воеводъ указа просимъ; воеводы намъ въ долгахъ и задаткахъ расправу чинятъ, а въ обидахъ отъ головъ и цѣловальниковъ отказываютъ, будто имъ воеводамъ до нихъ дѣла нѣтъ; а какъ прежде головъ и цѣловальниковъ вѣдали воеводы, то намъ было лучше ѣздить съ товарами.»

Не смотря ни на какія увѣщанія со стороны Желябужскаго, купцы рѣшительно отказали въ ефимкахъ. Пришелъ Голландецъ Артемій живописецъ и сталъ объяснять дѣло: «Купцы ефимковъ не дали по наговору Гебдона; онъ имъ говорилъ: не давайте ефимковъ: еслибъ царю нужно было здѣсь что-нибудь, то бы онъ къ вамъ прислалъ грамоту, или бы отписалъ ко мнѣ.» Толмачь подтверждалъ то же самое.

Въ 1664 году пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ, Говартъ графъ Карлейль, и, небывалое дѣло, пріѣхалъ съ женою и сыномъ. Въ грамотѣ своей Карлъ II извинялся передъ царемъ, что замедлилъ отправленіемъ торжественнаго посольства, но выборъ такого знатнаго человѣка, какъ родственникъ его графъ Карлейль долженъ показать особенное высокое почитаніе, которое онъ король питаетъ къ персонѣ царскаго величества. Бояре князья Ник. Ив. Одоевскій и Юрій Алекс. Долгорукій да окольничій Васил. Сем. Волынскій назначены были въ отвѣтъ; велѣно быть имъ въ золотахъ, съ образцами низаными, въ золотыхъ цѣпяхъ и черныхъ шапкахъ. Посолъ объявилъ наказъ королевскій: 1) извѣстить великому государю, чтобы онъ изволилъ утвердить съ королемъ прежнюю братскую дружбу и любовь; 2) просить возвращенія привилегій англійскимъ купцамъ. На первую статью отвѣчали, что государь братской дружбы и любви съ королемъ очень желаетъ; а на вторую статью послѣдовалъ отказъ: «Торговали Англичане въ Московскомъ государствѣ безпошлинно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали; заповѣдные товары привозили и вывозили тайкомъ; чужіе товары провозили за свои, чтобы не платить по-

шлинъ; одинъ изъ купцовъ Англійской Компаніи пріѣзжалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ и хотѣлъ грабить царскихъ подданныхъ, которые ѣздятъ въ Швецію для торговли. Мы думаемъ, говорили бояре, что королю все это неизвѣстно: иначе онъ не сталъ бы просить о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ.»—«Королю все извѣстно, отвѣчалъ посолъ: но теперь онъ проситъ привилегій, потому что хочетъ пожаловать Русскою торговлею людей себѣ вѣрныхъ, отъ которыхъ никакой неправды въ Московскомъ государствѣ не будетъ: узорочные товары станутъ отдавать въ царскую казну по заморской цѣнѣ, товары станутъ привозить добрые, сукна нетянутыя.» Бояре: «Станутъ Англичане торговать въ Архангельскѣ съ пошлинами, и королевскому величеству убытка никакого не будетъ, а царскіе подданные начнутъ торговать въ Англіи, будутъ платить пошлины прямыя, и отъ того обоимъ государствамъ будетъ прибыль; если же Англичане будутъ торговать въ Московскомъ государствѣ безпошлинно, то царской казнѣ будетъ большой убытокъ, а прибыли никакой.»

Послѣ долгихъ переговоровъ и письменныхъ пересылокъ, бояре объявили Карлейлю: «Великій государь, для прошенья любезнѣйшаго и вожделеннѣйшаго своего брата, указалъ англійскимъ гостямъ ѣздить въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Москву десяти человѣкамъ, людямъ добрымъ и въ правдѣ свидѣтельствованнымъ и королевскому величеству годнымъ, которыхъ королевское величество изволитъ выбрать вновь. Эти десять человѣкъ могутъ въ Москвѣ дворъ купить; пошлину съ своихъ товаровъ будутъ они платить наравнѣ съ другими иноземцами, пока у царскаго величества съ польскимъ королемъ и крымскимъ ханомъ война; а какъ война кончится, въ то время царское величество велитъ англійскимъ гостямъ указъ учинить по своему государскому милосердому разсмотрѣнію, какъ возможно.»

Посолъ былъ недоволенъ: «Если, говорилъ онъ, царское величество привилегій не возвратитъ, то какъ между обоими великими государями основанію дружбы быть крѣпку?»

— «А когда король отказалъ дать взаймы денегъ, то вѣдь отъ этого дружба не нарушилась», былъ отвѣтъ.

Карлейль былъ сильно раздраженъ неуспѣхомъ своего дѣла и въ этомъ раздраженіи позволилъ себѣ рѣзкія выраженія въ разговорахъ и на письмѣ. Такъ между прочимъ онъ позволилъ себѣ сказать, что Московское правительство нарочно запросило такъ много денегъ у короля въ займы, чтобы придраться къ отказу и не дать привилегій купцамъ; ему платили тою же монетою, прямо говорили, что онъ взялъ большія деньги съ своихъ купцовъ и потому такъ сильно хлопочетъ о возстановленіи привилегій. Чтобы выторговать привилегію, Карлейль предложилъ посредничество Англіи въ примиреніи Россіи съ Польшею. Думные люди объявили ему, что государь согласенъ, и чтобы онъ, посолъ отправилъ отъ себя поскорѣе гонца къ польскому королю.—«Гонца послать мнѣ трудно, отвѣчалъ Карлейль, потому что прежнимъ моимъ дѣламъ рѣшенія нѣтъ; прежде всего надобно возстановить теперь же привелегіи англійскимъ купцамъ.» — «Тебѣ о привилегіяхъ объявлено, говорили думные люди, и перемѣны въ рѣшеніи не будетъ.»—«А если перемѣны не будетъ, отвѣчалъ Карлейль, то я къ польскому королю гонца не пошлю и самъ не пойду, дѣлать мнѣ тамъ нечего; бью челомъ великому государю объ отпускѣ. Еслибы царское величество королевское прошенье исполнилъ теперь же при мнѣ, то я бы царскому величеству былъ вѣчно работникомъ. Прислалъ меня король для этого дѣла нарочно. Когда я къ королевскому величеству пріѣду и отвѣтъ ему царскій передамъ, то онъ скажетъ, что такой же отвѣтъ данъ и Кромвелеву послу, хотя бы онъ и гонца послалъ, то и тотъ такой же бы отвѣтъ привезъ, и думаю, что впередъ король нашъ къ царскому величеству великихъ пословъ присылать не будетъ. Жаль, что это дѣло сдѣлалось не при мнѣ; а еслибы порѣшено было при мнѣ, то я бы смѣло объявилъ, что царскому величеству заплатилось бы въ десять и въ двадцать разъ.»

Никакія представленія не помогли. Карлейль съ досадою уѣхалъ въ Швецію, давши знать въ Англію о безуспѣшности своего посольства. Въ Москвѣ были увѣрены, что Карлейль захочетъ сорвать свое сердце предъ королемъ, и поспѣшили послать въ Лондонъ стольника Дашкова для объясненій. Если Прозоровскій и Желябужскій были встрѣчены съ небывалыми почестями, то Дашковъ испыталъ небывалое безчестье: ему не

дали ни подводъ, ни кормовъ, ни квартиры; на жалобы его отвѣчали: «Послу нашему Карлейлю была у васъ честь обычная, и о чемъ было съ нимъ наказано, того ничего не сдѣлали.» Дашковъ объяснилъ, что Карлейль велъ дѣло не такъ какъ слѣдуетъ: толковалъ все о возвращеніи привилегій купцамъ, называя эти привилегіи основаніемъ братской дружбы и любви между обоими государями; но основаніе братской дружбы между ихъ величествами заключается въ ихъ взаимномъ благожеланіи, а не въ привилегіяхъ; привилегіи не могутъ быть основаніемъ безцѣнной, дражайшей и свѣтлѣйшей солнца дружбы и любви между государями, какъ земля не можетъ быть подошвою солнцу.» Къ Дашкову явился Гебдонъ съ предложеніемъ услугъ царскому величеству: «Мнѣ съ вами говорить не велѣно, но, помня великаго государя милость, скажу по секрету: Карлейль въ Швеціи заключилъ договоръ, чтобы шведскому королю съ нашимъ королемъ быть въ союзѣ противъ царскаго величества; англійскимъ купцамъ къ Архангельску не ходить и голландскихъ и другихъ народовъ кораблей не пропускать, ѣздить Англичанамъ за русскими товарами въ Ригу, Ревель и Нарву и торговать безпошлинно. Король нашъ говорилъ съ боярами: «У русскаго государя съ польскимъ королемъ война не скоро кончится, а съ крымскимъ ханомъ у него и никогда миру не бываетъ: такъ нашимъ компанейщикамъ долго ждать.» Карлейлева посылка стала королю во многія тысячи, а компанія ему за это не заплатитъ, потому что дѣло не сдѣлано; для Московской посылки изъ королевской казны дано Карлейлю 20,000 рублей.» Гебдонъ хвалился, что онъ уговариваетъ вельможъ не заключать союза съ Швеціею противъ царя, представляя, что Россіи этимъ они вреда большаго не сдѣлаютъ, а безъ русскихъ товаровъ имъ обойтись нельзя. Король отпустилъ Дашкова весною 1665 года, велѣвши заплатить ему 1,200 рублей за то, что жилъ все время на своемъ.

Во время войны Англичанъ съ Голландцами, царь чрезъ находившагося у него въ службѣ Шотландца полковника Гордона далъ знать Карлу II, что онъ запретилъ продавать Голландцамъ у Архангельска лѣсъ и другіе корабельные припасы. Съ отвѣтомъ явился въ Москву въ 1667 году старый знакомый Гебдонъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла королевскаго. Геб-

донъ объявилъ о неправдахъ Голландскихъ Штатовъ, которые забывъ помощь, оказанную имъ нѣкогда королевою Елисаветою противъ испанскаго короля, начали теперь противъ Англіи войну и поступаютъ въ этой войнѣ гордо. Король велѣлъ просить царское величество о возвращеніи привилегій англійскимъ купцамъ, что уже было обѣщано Карлейлю. Король узналъ, что у Голландцевъ, торгующихъ въ Россіи, объявилась фальшивость, и потому велѣлъ просить царское величество, чтобы этихъ Голландцевъ, за ихъ обманы и за то, что они королевскому величеству непріятели, приказалъ выслать изъ Московскаго государства. Но потомъ Гебдонъ прибавилъ: «По указу королевскому я объявилъ о Голландцахъ, чтобы ихъ изъ Московскаго государства выслать; но теперь слухъ носится, что у государя моего съ Голландскими штатами заключенъ миръ: такъ на счетъ высылки Голландцевъ полагаюсь я на волю и на разсужденіе великаго государя.»

Самъ Посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ написалъ отвѣтъ Гебдону, что̀ видно по хорошо знакомому намъ слогу, тяжелому, темному и вычурному: «Всегда отъ Бога данная христіанамъ радость, чтобы они въ покоѣ и въ умноженіи торговыхъ пожитковъ пребывали, а непріятели христіанскіе отъ того въ страхѣ были. Нынѣ въ Московскомъ государствѣ торговыя статьи учинены великимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ торговля происходила безъ ссоръ и безъ обиды; прежнимъ компаніямъ быть негодится, потому что отъ тѣхъ больше ссоры, чѣмъ дружбы: открылось, что иноземцы торгуютъ подкрадными обидными товарами, тайные подряды дѣлаютъ и многими долгами русскихъ людей обременяютъ.» Понятно, что Гебдонъ небылъ доволенъ этимъ отвѣтомъ: онъ возражалъ, что обѣщаніе, данное Карлейлю, нарушено; обѣщано было возвратить привилегію, какъ скоро прекратится война съ Польшею; теперь война прекратилась, а привилегій возвратить не хотятъ. Никакія представленія не были приняты.

Существенный вопросъ въ сношеніяхъ съ Англіею былъ рѣшенъ; другихъ общихъ интересовъ не было. Но когда Турки напали на Польшу, то царь Алексѣй Михайловичь, по неопытности въ европейскихъ дѣлахъ, взялся пригласить всѣхъ европейскихъ государей къ подааію помощи Польшѣ противъ вра-

тов Креста Христова. Съ этою цѣлію отправился въ Англію переводчикъ посольскаго приказа Андрей Виніусъ. Ему сказали, что король не можетъ помочь Польшѣ по двумъ причинамъ: вопервыхъ мѣшаетъ война съ Голландцами, которая занимаетъ весь англійскій флотъ, больше семидесяти военныхъ кораблей; вовторыхъ, въ Турціи живетъ множество англійскихъ купцовъ, и если король начнетъ войну противъ Турокъ, то султанъ велитъ всѣхъ Англичанъ ограбить или побить. Сверхъ того при дворѣ султана всегда живетъ англійскій посолъ. — Виніусъ впервые внесъ въ свой статейный списокъ извѣстія объ образѣ правленія въ Англіи: «Правленіе англійскаго королевства, или какъ общимъ именемъ именуютъ, Великой Британіи, есть отчасти монархіально (единовластпо), отчасти аристократно (правленіе первыхъ людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархіально есть, потому что имѣютъ Англичане короля, которой имѣетъ отчасти въ правленіи силу и повелѣніе, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великихъ дѣлъ, начатія войны или учиненія мира, или поборовъ какихъ денежныхъ, король созываетъ парламентъ или сеймъ. Парламентъ дѣлится на два дома: одинъ называютъ вышнимъ, другой нижнимъ домомъ. Въ вышнемъ собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; въ другомъ собираются старосты мірскихъ людей всѣхъ городовъ и мѣстъ, и хотя что въ вышнемъ домѣ и приговорятъ, однако безъ позволенія нижняго дома совершить то дѣло невозможно, потому что всякіе поборы денежные зависятъ отъ меньшаго дома. И потому вышній домъ можетъ назваться аристокрація, а нижній демокрація. А безъ повелѣнія тѣхъ двухъ домовъ король не можетъ въ великихъ дѣлахъ никакого совершенства учинить.»

Мы видѣли, что при объявленіи войны Польшѣ царь Алексѣй Михайловичь счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ французскаго короля. Сочли также нужнымъ объявить Людовику XIV и о прекращеніи войны: въ 1668 году отправился во Францію стольникъ Петръ Потемкинъ съ дьякомъ Румянцевымъ, и представился королю въ С. Жерменѣ. Людовикъ отвѣчалъ, что очень радъ прекращенію войны и проситъ всемогущаго Бога о совершеніи вѣчнаго докончанія. Будучи въ отвѣтѣ, посланники говорили королевскимъ думнымъ людямъ: 1) Великій государь же-

лаетъ быть съ королевскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви; 2) для подкрѣпленія этой дружбы и любви изволилъ бы король послать къ царскому величеству своихъ пословъ или посланниковъ; 3) съ обѣихъ сторонъ торговымъ людямъ ходить и торговать во всѣхъ городахъ. Думные люди на эти статьи отвѣчали слѣдующими статьями: 1) Быть доброму и долговѣчному покою, соединенію и пріятству между царскимъ и королевскимъ величествами и ихъ наслѣдниками. 2) Быть во всякомъ покоѣ и братской любви, честь и славу о себѣ воздавать во всѣ окрестныя государства. 3) Укрѣпить навѣки, чтобы одинъ на другаго не наступалъ и другъ другу убытка не чинилъ. 4) Царскаго величества людямъ приходить и торговать во всѣ французскія государства съ великою вольностію, не платя за пріѣздъ ничего; съ товаровъ ихъ пошлину брать какъ съ другихъ иноземныхъ торговыхъ людей; домы, погреба и анбары нанимать имъ безо всякой трудности; торговать горою и водою всякими товарами безъ помѣшки и дворы строить; брать пошлину только съ тѣхъ товаровъ, которые будутъ въ продажѣ; всякіе французскіе товары отвозить имъ куда кто захочетъ. 5) Московскимъ людямъ, которые будутъ жить во Французскомъ государствѣ, налоговъ и обидъ не будетъ; подати платить имъ, какъ платятъ французскіе торговые люди; для своихъ расправъ держать имъ своего судью, и службу Божію отправлять имъ по своей вѣрѣ со всякою вольностію. 6) Французскимъ торговымъ и другихъ чиновъ людямъ ѣздить чрезъ Московское государство во всѣ другія окрестные государства и въ Персію; проѣздъ имъ и въ вѣрѣ вольность такъ же какъ и Русскимъ людямъ во Франціи; съ проѣзда и отъѣзда пошлинъ не брать; съ товаровъ пошлины брать, какъ брали съ англійской компаніи— половину, и съ Русскихъ людей за то будутъ брать во Франціи половинную же пошлину.

Посланники не вступили въ договоръ и не дали никакого письменнаго отвѣта, послали только сказать думнымъ людямъ съ приставомъ, что о торговыхъ дѣлахъ договариваться имъ не наказано, пусть король отправляетъ за этимъ дѣломъ свое посольство въ Москву. Пришли къ посланникамъ купцы и начали говорить о тѣхъ же условіяхъ, какія предложены были и въ статьяхъ. «Ступайте для купечества въ Архангельскъ, сказалъ

имъ Потемкинъ: налоговъ и обидъ никакихъ вамъ не будетъ, пошлину возьмутъ какъ съ другихъ иноземцевъ».—«Безъ договора и постановленья въ такой дальнiй путь ѣхать намъ не надежно», отвѣчали купцы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Не смотря на явно выказанное Людовикомъ XIV не желанiе вступаться въ дѣла восточной Европы, царь въ 1670 году отправилъ къ нему грамоту, въ которой извѣщалъ, что русскiе уполномоченные и польскiе коммиссары для заключенiя вѣчнаго мира назначили его, короля въ посредники, вмѣстѣ съ императоромъ Нѣмецкимъ, королемъ Шведскимъ и Датскимъ, и курфирстомъ Браденбургскимъ. Наконецъ въ 1673 году тотъ же Винiусъ, котораго мы видѣли въ Англiи съ требованiемъ помощи Польшѣ противъ Турокъ, отправился съ этимъ предложенiемъ и къ Людовику XIV, котораго засталъ на походѣ во Фландрiю; король отвѣчалъ, что война съ Голландцами мѣшаетъ ему исполнить желанiе царя.

Не была забыта и далекая Испанiя. Уже знакомый намъ стольникъ Петръ Потемкинъ ѣздилъ въ 1667 году въ Мадридъ; царская грамота, объявлявшая о прекращенiи войны съ Польшею, была написана на имя короля Филиппа IV; но посланникъ вручилъ ее преемнику Филиппа, молодому Карлу II-му: «Имя предковъ нашихъ, писалъ царь, во всѣхъ государствахъ славится, и Великая Россiя отъ года въ годъ во благихъ прiумножается, многiе окрестные государи любительную и спомочную ссылку съ нами имѣютъ, а съ вами, великимъ государемъ, любительныя ссылки даже до сего времени удержаны были, или за отдаленiемъ страны, или по волѣ Всесильнаго Бога, строящаго все непостижимо въ ожиданiи лучшаго времени». Карлъ въ своей грамотѣ отвѣчалъ, что немедленно отправитъ пословъ въ Россiю, а до тѣхъ поръ приказалъ онъ по всѣмъ своимъ морскимъ пристанямъ допускать царскихъ подданныхъ къ вольной торговлѣ, надѣясь, что и царь сдѣлаетъ тоже самое для Испанцевъ. — Дорога была проложена, и въ 1673 году Винiусъ изъ Францiи заѣхалъ въ Испанiю съ извѣстнымъ приглашенiемъ подать помощь Польшѣ противъ Турокъ. Онъ привезъ отвѣтъ, что Карлъ II-й, по свойству съ королемъ польскимъ, намѣренъ помочь ему деньгами, войскомъ же помочь неудобно по причинѣ дальняго разстоянiя.

Италія напомнила сама о себѣ. Венеціанская республика въ борьбѣ своей съ Турками, которая приходилась ей не подъ силу, искала всюду помощи. Зная хорошо отношенія христіанскаго народонаселенія Балканскаго полуострова къ Россіи, и слыша объ успѣхахъ царскаго оружія въ польскихъ областяхъ, она въ 1656 году отправила посольство въ Москву съ просьбою, чтобы царь велѣлъ Донскимъ козакамъ напасть на Турокъ и развлечь ихъ силы, также, чтобы позволилъ Венеціанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ. Москвѣ было въ это время не до Турокъ: польская война, повидимому оканчивалась, но она привела за собою другую войну, шведскую. Денежныя средства истощились въ Москвѣ и здѣсь хотѣли воспользоваться Венеціанскимъ посольствомъ, чтобы попытаться, нельзя ли занять денегъ у республики, слывшей, по старымъ преданіямъ, богатою. Осенью того же 1656 года отправились въ Венецію моремъ изъ Архангельска на голландскихъ корабляхъ царскіе посланники стольникъ Чемодановъ и дьякъ Посниковъ, повезли съ собою, по обычаю, государевы и патріаршіе товары на продажу. Въ Атлантическомъ океанѣ 27 октября ночью застигла ихъ буря: многія волны въ корабли вливались и въ верхнія жилья въ окошки валами било, много рухляди помочило; въ среднемъ жильѣ было воды на аршинъ и больше, а на верху попоясъ человѣку, изъ государевой казны бочку ревеню потопило. Въ то время на кораблѣ былъ плачь и вопль великій; посланники и всѣ государевы люди начали пѣть молебенъ, и буря утихла. Прошла одна бѣда, впереди ждала другая: противъ Лиссабона увидали 14 кораблей, приняли ихъ за разбойничьи варварійскіе и приготовились къ бою; но оказалось, что идутъ разныхъ государствъ торговые Нѣмцы изъ Испаніи; Нѣмцы однако сказали, что на Средиземномъ морѣ къ Ливорнѣ гуляютъ въ корабляхъ Турскіе люди. Дѣйствительно, проѣхавши Узкое мѣсто (Гибралтарскій проливъ), встрѣтились три разбойничья корабля. Посланники и всѣ Русскіе люди, видя Турскихъ воровскихъ людей нахожденіе и напускъ, Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери молебное пѣніе со слезами воздавали. Разбойники, исправясь по вѣтру и устремясь къ бою, за кораблями гнались быстрымъ ходомъ, и догнали; но увидавъ на корабляхъ государевыхъ людей боевыя знамена и осторожность, не посмѣли напасть

и ночью исчезли. 25 ноября посланники пріѣхали въ Ливорно, гдѣ были встрѣчены съ большимъ почетомъ. Такой же пріемъ ждалъ ихъ и во Флоренціи; самъ герцогъ Фердинандъ посѣтилъ ихъ и говорилъ: «Великій государь вашъ пожалуетъ ли моихъ подданныхъ, торговыхъ людей, велитъ ли у Архангельска покупать икру и другія товары? а я государскому жалованью и совѣту радъ, и что великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою, до скончанія живота радъ служить и помогать». Черезъ Феррару провожалъ посланниковъ генералъ, папскій внукъ; поравнявшись съ церковію, онъ сказалъ имъ: «вотъ костелъ св. Георгія, гдѣ довершенъ осьмой соборъ, начатой во Флоренціи».—«Тотъ ли это осьмой соборъ, спросилъ Чемодановъ, котораго во Флоренціи не далъ довершить и разогналъ св. Маркъ Ефесскій?» — «Я не знаю, зачѣмъ онъ во Флоренціи не довершенъ, только знаю, что онъ довершенъ здѣсь, въ этомъ костелѣ», отвѣчалъ генералъ.

Въ Венеціи къ посланникамъ явились Греки съ поклономъ: «Ради мы, говорили они, что Богъ велѣлъ намъ видѣть посланниковъ такого великаго восточнаго государя, православныхъ христіанъ нашего закона; пожалуйте, велите намъ къ вашей милости приходить почаще; пришли мы доложить, когда изволите посѣтить благочестивую церковь греческой вѣры? мы къ тому времени велимъ изготовиться и станемъ молебенъ пѣть о государевомъ и царевичевомъ здоровьѣ». — «Дадимъ вамъ объ этомъ знать, какъ время будетъ», отвѣчали послы.

Пришли приставы отъ правительства и объявили, что дожъ боленъ ногами, и потому посланниковъ примутъ честные владѣтели; а въ княжомъ мѣстѣ сядетъ старшій между ними, которому посланники и подадутъ грамоту. «Этому быть невозможно, отвѣчалъ Чемодановъ: посланы мы къ вашему князю, велѣно намъ его видѣть и грамоту подать ему».—«Это все равно, говорили приставы: дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ же ихъ дѣлать; князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего».—«Если князь вашъ не дѣлаетъ ничего, возразилъ Чемодановъ, если государствомъ правите вы, то-вы бы въ грамотѣ къ царскому величеству писали имена свои виѣстѣ съ княжескимъ». Положили дожидаться выздоровленія дожа. Пріемъ послѣдовалъ 22-го января 1657 года; посланники объявили, что

государь позволилъ Венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обыкновенныхъ пошлинъ; касательно же главнаго дѣла, высылки Донскихъ козаковъ, сказали: «Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ бусурманскихъ рукъ высвободилось; только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего; а какъ, за Божіею помощію, съ непріятелемъ управится, то велитъ заключить договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля». Наконецъ посланники объявили главное дѣло, за которымъ были присланы, объявили великія неправды шведскаго короля, и что царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ: «такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ въ займы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать бы поскорѣе».

Князь и честные владѣтели не хорошо выразумѣли: какъ это Московскій государь помогать противъ Турокъ откладываетъ до другаго времени, а денегъ взаймы проситъ поскорѣе? Для разясненія дѣла пріѣхалъ къ посланникамъ приставъ и спросилъ: «Скажите мнѣ, за то ли государь у насъ проситъ казны, что хочетъ помочь намъ на Турка?» — «Ты говоришь непристойныя слова, простыя, былъ отвѣтъ: великій государь нашъ если изволитъ послать рать свою на Турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. По чьему указу говоришь ты эти бездѣльныя слова: приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?» Приставъ призадумался и отвѣчалъ: «Я это сказалъ отъ себя». Когда дѣло уяснилось, Венеціанское правительство дало отвѣтъ: «Уже тринадцатый годъ, какъ мы воюемъ съ Турками: разумъ нашъ и охота не ослабѣваютъ, но казнѣ убытокъ большой, и потому съ прискорбіемъ должны отказать царскому величеству; надѣемся, что узнавши бѣдность нашу, онъ не прогнѣвается на насъ».

Посланники были въ греческой церкви, гдѣ были встрѣчены съ большимъ торжествомъ, съ радостными слезами. Послѣ амвонной молитвы духовенство вышло изъ алтаря и одинъ изъ дьяконовъ говорилъ посланникамъ рѣчь: «Родъ Греческій, живущій въ семъ преславномъ градѣ Венеціи, молитъ Вседержи-

теля: дай Господи, чтобы пресвѣтлый, непобѣдимый, сильный, преславный, благочестивый и благовѣрный защитникъ церкви Божіей Восточной, рачитель благочестія, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, утѣшитель рода христіанскаго здравъ былъ на многія лѣта. Какъ пресвѣтлое солнце возсталъ онъ на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе и соединеніе благочестивой христіанской вѣры, на побѣжденіе враговъ Божіихъ; какъ второй Константинъ явился для освобожденія вѣрныхъ христіанъ Грековъ, изъ рукъ поганыхъ Турокъ; молимъ всемогущаго Бога, чтобы всегда отъ его царскаго пресвѣтлаго меча мусульманы въ порабощеніи и побѣжденіи были.» Послѣ обѣда Греки говорили посланникамъ: «Ѣздимъ мы изъ Венеціи въ Турцію со всякими товарами часто и съ Турками торгуемъ; многіе Турки говорили намъ: Богъ далъ Московскому государю побѣду надъ Поляками и другими государствами, и у насъ въ Турціи слава о томъ великая. Султанъ и паши, сыскавъ въ своихъ гадательныхъ книгахъ, говорятъ, что пришло время и Цареграду быть за русскимъ государемъ, живутъ съ великимъ опасеніемъ, въ Цареградѣ на долгое время ворота бываютъ засыпаны; боясь Русскихъ, Турки начали сильно притѣснять насъ Грековъ; но мы надѣемся на милость Божію и на заступленіе великаго государя, что онъ высвободитъ насъ изъ бусурманскихъ рукъ». Но прежде Грековъ великому государю нужно было освобождать своихъ Русскихъ изъ бусурманскихъ рукъ: къ посланникамъ въ Венеціи явилось больше 50 человѣкъ Русскихъ, освободившихся изъ Турецкаго плѣна; они пришли за милостынею и объявили, что другіе ихъ братья плѣнники пошли разными государствами въ Москву.

Почетный пріемъ, сдѣланный Чемоданову во Флоренціи, обратилъ вниманіе царя, и въ 1659 году отправился туда дворянинъ Лихачевъ. На этотъ разъ пріемъ былъ еще лучше: великій герцогъ Фердинандъ Медичи, принявъ государеву грамоту, поцѣловалъ ее, и сталъ говорить со слезами: «За что меня, холопа своего, вашъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь изъ дальняго великаго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? Онъ, великій государь, отстоитъ отъ меня, что небо отъ земли; преславенъ онъ отъ конецъ до конецъ вселенныя, имя его страшно во всѣхъ

государствахъ: и что мнѣ бѣдному воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сынъ великаго государя рабы». Посланника поставили въ великогерцогскомъ дворцѣ. Лихачевъ, подобно Чемоданову, попалъ въ Италію прямо изъ Архангельска, обогнувши моремъ западную Европу: понятно слѣдовательно, какъ поразили его чудеса природы и искусства въ отечествѣ Медичи: «На княжомъ дворѣ палаты объ осьми жильяхъ, числомъ ихъ 250, во всѣхъ запоны дорогія, столы аспидные, писаны золотомъ травы, палаты подписаны золотомъ, чернилица золотая, фунтовъ тридцать, а вмѣсто песка руда серебряная; кресла крыты бархатомъ. На томъ же княжомъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, устроенъ Іорданъ, и выше Іордана сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу что камень хрусталь. А около княжаго двора деревья кедровыя и кипарисныя и благоуханіе великое, о Крещеньи жары великія, какъ у насъ объ Ивановѣ дни; яблоки великія и лимоны родятся по дважды въ годъ, а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца». Герцогъ велѣлъ приготовить для посланника театральное представленіе, стоившее 8,000 ефимковъ: «Князь приказалъ играть: объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди: и почали облака съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверхъ. Да спущался съ неба же на облакѣ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ». Русскаго человѣка изумлялъ благодатный югъ, а южнаго владѣтеля занималъ дальній сѣверъ, дикая природа съ ея естественными первобытными богатствами: «Флоренскій князь распрашивалъ и смотрѣлъ по чертежу про Сибирское государство, и по скольку который звѣрь плодится, тому роспись взялъ. А Сибирскому государству и плоду соболиному, что ихъ много, и куницамъ, и лисицамъ, и

бѣлкамъ и инымъ звѣрамъ зѣло дивился, какъ ихъ не львя выловить? А у нихъ никакого звѣря нѣтъ, потому что мѣста очень гористы, а не лѣсны, лѣсъ все саженый. Флоренскаго князя княгиня била челомъ посланнику, чтобы ей сдѣлали по русскому обычаю двѣ шубки, чѣмъ ей подарить новобрачную невѣстку свою, и онъ шубки сдѣлать велѣлъ подъ камкою и подъ тафтою: у одной исподъ горностайный, а у другой бѣлій; и княгиня надѣла на себя и дивилась, что урядно выдѣлали».

Венеціанское правительство, озадаченное требованіемъ Чемоданова, уже не отправляло болѣе посольства въ Москву; но Московское правительство вспомнило о республикѣ, знаменитой своею борьбою съ Турками, когда нужно было готовиться къ войнѣ съ Портою. Въ 1668 году торговый иноземецъ Келдерманъ повезъ дожу и сенату грамоту отъ царя, въ которой высказывалось удивленіе, почему они не подаютъ о себѣ никакой вѣсти, и объявлялось, что великій государь заключилъ миръ съ королемъ польскимъ и союзъ противъ бусурманъ; объявлялось, что въ Москвѣ заключенъ торговый договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, по которому персидскіе товары пойдутъ исключительно черезъ Россію; и есть надежда, что Персидскій шахъ обратитъ свое оружіе противъ Турокъ. Дожъ и Сенатъ въ отвѣтной грамотѣ благодарили государя и изъявляли желаніе, чтобы и всѣ христіанскіе государи соединились противъ Турокъ.

Нападеніе Магомета IV на Польшу заставило снова царя вспомнить о Венеціи. Извѣстный намъ Менезіусъ изъ Вѣны долженъ былъ заѣхать въ Венецію съ приглашеніемъ къ союзу противъ Турокъ. Сенатъ отвѣчалъ: «Боже помоги царскому величеству наступающую непріязнь сокрушить и христіанскихъ государей успокоить». Наконецъ изъ Венеціи Менезіусъ поѣхалъ въ Римъ съ царскою грамотою къ папѣ Клименту X-му: «Вамъ бы, папѣ и учителю римскаго костела, къ намъ, великому государю, отписать: по должности христіанской на общаго непріятеля брату нашему, его королевскому величеству, войсками своими помогать станете ли? и если помочь захотите, то вамъ бы къ намъ обосляться грамотою вскорѣ, какими мѣрами, въ которое время и въ какихъ мѣстахъ быть этой помощи, чтобы заключить чрезъ общихъ посланниковъ договоръ. Да и къ окрестнымъ го-

сударямъ вамъ писать же, чтобы и они королевскому величеству были помощниками, а именно писать къ Людвику королю французскому и Карлу королю англійскому, чтобы они войну съ Голландскими штатами прекратили, и войска свои противъ общаго христіанскаго непріятеля обратили».

Пріѣхавши въ Римъ, Менезіусъ прежде всего объявилъ условія пріемной и отпускной церемоніи: папа долженъ слушать именованье и титулъ великаго государя стоя, грамоту принять и свою дать также стоя; прежде чѣмъ грамота будетъ запечатана, показать ее посланному для удостовѣренія, что титулъ царскій написанъ сполна. Папскій церемонійместеръ объявилъ на это свои условія: папа во все время пріема и отпуска будетъ сидѣть; посланный долженъ цѣловать ногу у его святѣйшества; указывать папѣ, чтобы онъ дѣлалъ иначе, нельзя. «Ногу папежскую цѣловать отнюдь мнѣ не велѣно, говорилъ Менезіусъ, потому что великій государь нашъ католицкому римскому закону не повинуется; да и въ прошлыхъ годахъ, когда Греки съ латинцами были въ соединеніи вѣры, и тогда Греки папу въ ногу не цѣловали. Когда въ 1438 году пріѣзжалъ въ Феррару къ папѣ Евгенію IV-му цареградскій патріархъ Іосифъ съ митрополитами и епископами, то папа цѣловался съ ними помонашески, и потомъ митрополиты и епископы и иные чины цѣловали его въ руку.» — «Если, продолжалъ церемонійместеръ, къ папѣ пріѣдетъ цесарь или какой другой христіанскій потентатъ, и ногу папежскую цѣловать не будетъ, то папу видѣть не можетъ». — «Когда такъ, отвѣчалъ Менезіусъ, то пусть папа велитъ меня отпустить».

Отпустить не согласились, и посланный не цѣловалъ ноги у папы, только «наклонили по римскому обычаю, впрямь до колѣннаго приклоненія и вскорѣ подняли, а голову не наклоняли». Когда Менезіусъ началъ подавать папѣ царскую грамоту, то его понизили. Папа принялъ грамоту сидя, и, отдавъ ее первому церемонійместеру, сказалъ: «Радуюсь, видя посланника отъ вашего государя; а что вашъ государь въ своей грамотѣ у насъ спрашиваетъ, то мы съ радостію будемъ исполнять и вскорѣ отвѣтъ учинимъ.» Когда папа кончилъ, церемонійместеры наклонили Менезіуса до папиныхъ колѣнъ, и когда папа вставъ, далъ всѣмъ благословеніе, Менезіуса понизили на колѣни. Послан-

ный выговаривалъ потомъ кардиналу Алтерію, зачѣмъ его наклоняли силою? Кардиналъ отвѣчалъ, что всѣ посланники исполняютъ заведенный при папскомъ дворѣ обычай и слушаются церемоніймейстеровъ.

Менезіусъ ѣздилъ и къ бывшей шведской королевѣ Христинѣ, принявшей католицизмъ и жившей тогда въ Римѣ. «Очень рада, сказала Христина посланному, что царское величество изволилъ прислать къ папѣ; если я чѣмъ-нибудь могу радѣть въ дѣлахъ государевыхъ, то должна это дѣлать, потому что когда я на королевствѣ шведскомъ королевствовала, то между нами былъ союзъ, который я буду вѣчно помнить».

Начали писать отвѣтную грамоту, и тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Менезіусу объявили: «Папа напишетъ великаго государя именованіе и титулъ, какъ они написаны въ царской грамотѣ, напишетъ свыше всѣхъ потентатовъ: вельможнѣйшему; только невозможно назвать государя вашего царемъ, потому что царь и цесарь одно и то же слово, и если написать царемъ, то цесарь и другіе потентаты станутъ на папу сердиться.» На это Менезіусъ показалъ грамоты императорскую, Венеціанскую, курфюрстовъ Бранденбургскаго и Саксонскаго, гдѣ государь былъ названъ царемъ. Но этимъ неудовольствовались; папа прислалъ спросить: что такое царь? Менезіусъ отвѣчалъ: «Какъ называется папа, цесарь Римскій, султанъ Турецкій, шахъ Персидскій, ханъ Крымскій, Моголъ Индѣйскій, Претіанъ Абиссинскій, Зерефъ Арабскій, Колманъ Булгарскій, деспотъ Пелопонейскій, Калифъ Вавилонскій и другіе, такъ точно на славянскомъ языкѣ называется: царь Россійскій.» — «Какъ перевести царь полатынѣ?» спрашивали Менезіуса. — «Перевести нельзя, отвѣчалъ онъ: но вѣдь вы безъ перевода пишете же латинскими буквами всѣ вычисленныя мною названія государей!»

Кардиналъ Барберини говорилъ Менезіусу: «Если теперь папа не исполнитъ достоинства царскаго величества, то послѣ его кто будетъ папой изъ насъ старыхъ кардиналовъ, тогда царское достоинство будетъ исполнено; мы, кардиналы старые къ великому государю пошлемъ грамоту съ повинною, напишемъ именованіе и титулъ вполнѣ, только бы теперь великій государь на насъ не сердился, потому что папскою властію и словомъ папскимъ владѣетъ племянникъ папскій кардиналъ Алтерій и

дѣлаетъ все по своему для своей временной гордости, что положитъ папѣ на языкъ, то папа и говоритъ.»

Наконецъ Менезіуса позвали на тайную аудіенцію къ папѣ. «Зачѣмъ ты у меня не хочешь принять грамоты?» спросилъ Климентъ.—«Великій государь нашъ, отвѣчалъ Менезіусъ, писалъ къ вамъ для имени Божія и должности христіанской о помощи брату его, королю Польскому противъ общаго христіанскаго непріятеля, Турскаго султана. Вы, папа и учитель римскаго костела, великому государю любви своей не оказали, не хотѣли назвать его царемъ; а вамъ, папѣ и учителю римскаго костела, должно чинить соединеніе, а не разрушеніе.»—«Невозможное это дѣло, сказалъ папа, потому что моя братья, прежніе папы, этого не дѣлали; у насъ было уже засѣданіе съ кардиналами, и они мнѣ не позволяютъ.»—«Если вы сдѣлаете какую-нибудь грубость царскому величеству, отвѣчалъ Менезіусъ, то государь будетъ писать объ этомъ къ другимъ христіанскимъ государямъ.» Тутъ папа позвонилъ въ серебряный колокольчикъ и велѣлъ вошедшему маестро ди камера принести золотую цѣпь съ папскимъ гербомъ и четки изъ лазореваго камня. Подавая эти вещи Менезіусу, онъ сказалъ: «Дарю тебѣ на память.»

Менезіуса отпустили съ обѣщаніемъ, что папа отправитъ въ Россію посланника для договора о титулѣ.

ГЛАВА V.

ОКОНЧАНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Сношенія съ православнымъ Востокомъ: Греціею и Грузіею. Сношенія съ Персіею. Договоръ съ компаніею Персидскихъ Армянъ. Построеніе корабля для Каспійскаго моря. Калмыки. Сибирь. Сношенія съ Китаемъ. Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича. Семейныя дѣла царя. Его кончина. Характеръ. Приближенные къ нему люди.

Мы видѣли, какую жизнь сообщили нашимъ сношеніямъ съ Греціею нужды Русской церкви—исправленіе книгъ и Никоново дѣло. Мы видѣли, какую важную роль въ послѣднемъ дѣлѣ игралъ Паисій Лигаридъ, видѣли, что онъ хотѣлъ оставить Москву при окончаніи дѣла. Не знаемъ—волею или неволею—но онъ остался въ Москвѣ. Лѣтомъ 1667 года онъ билъ челомъ государю: «Служу я тебѣ, великому государю на Москвѣ седьмой годъ, а жалованья идетъ мнѣ на день по 18 алтынъ по 4 деньги, и этимъ мнѣ съ людьми прокормиться нельзя.» Просьба не была исполнена, велѣно давать прежнее жалованье. Чтобы показать свою службу, Лигаридъ подалъ царю письмо, въ которомъ извѣщалъ объ извѣстномъ пророчествѣ, находящемся въ житіи Андрея юродиваго, что бѣлокурый народъ овладѣетъ Константинополемъ. Паисій, разумѣется, прилагаетъ это пророчество къ Русскимъ; толкуетъ и о князѣ Россскомъ Мосохѣ, въ которомъ видитъ Москвича. Но Лигаридъ не могъ заниматься въ Москвѣ покойно толкованіемъ пророчествъ: въ 1668 году іерусалимскій патріархъ Нектарій писалъ къ царю: «Даемъ подлинную вѣдомость, что Паисій Лигаридъ отнюдь не митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что столько лѣтъ какъ покинулъ свою епархію, и, по правиламъ св. отецъ, архіерейскаго чина лишенъ. Онъ съ право-

славными православенъ, а латины называютъ его своимъ, и папа римскій беретъ отъ него ежегодно по двѣсти ефимковъ; а что онъ Паисій бралъ милостыню для престола апостольской соборной церкви, то, лютый волкъ, послалъ съ племянникомъ своимъ на островъ Хіосъ.» Грамота, какъ видно, не произвела никакого дѣйствія, потому что вскорѣ послѣ ея полученія сдѣлано было слѣдующее распоряженіе: «Пожаловалъ великій государь Газскаго митрополита Паисія, велѣлъ ему дать жалованье, вмѣсто прибавки корму, сто рублей; дворъ, гдѣ онъ стоитъ, осмотрѣть, и что ветхо, починить, да съ винъ, которыя купитъ въ Архангельскѣ, пошлинъ не брать.»

Чтобъ не было однако впередъ подобныхъ доносовъ, Лигаридъ обратился съ просьбою о помощи къ логоѳету Константинопольской церкви Константину, писалъ, что враги оклеветали его, что осужденіе произнесено неправильно. «Я не проводилъ жизни моей, пишетъ Лигаридъ, въ сластолюбіи, пьянствѣ и блудѣ; съ молоду возлюбилъ я мудрость, съ большими трудами и издержками прошелъ морской путь изъ любви къ ученію. Называютъ меня латиномысленнымъ и еретикомъ: но я латинскимъ повелѣніямъ не повинуюсь, общаго у меня съ латинами—одна наука; вмѣстѣ съ ними я былъ и есмь ревнитель древнимъ философамъ Аѳинскимъ, Ливанію и Ямвлиху, Богу добрымъ служителямъ. Заступись за меня, преученый мужъ! Чтобы невѣжды не тщеславились и не превозносились; будь ходатай и помощникъ дѣломъ и словомъ.» Логоѳетъ показалъ эту грамоту преемнику Нектарія, Досиѳею. Тотъ сильно разсердился на Лигарида, увидавъ рѣзкія выраженія его о своихъ врагахъ и гонителяхъ, къ которымъ принадлежалъ и Нектарій. Но явился царскій посланный съ просьбою—простить Лигарида и прислать ему разрѣшительную грамоту. Не исполнить просьбы было нельзя, разрѣшительную грамоту послали въ Москву, и Досиѳей сорвалъ сердце, написавши только на Лигаридовой грамотѣ къ логоѳету: «Еслибы не было святаго ходатайства царева, то узналъ бы ты, кто мертводушенъ и бѣденъ, тотъ ли, кто 15 лѣтъ какъ оставилъ паству безъ пастыря, или тотъ, кто полагаетъ душу свою за овцы? исполнилась на тебѣ басня Езопова: козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста; ты самъ по себѣ не великъ и глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь—дворъ царскій. Уцѣломудрись хоть теперь.»

Въ концѣ 1672 года Лигаридъ собрался въ Палестину, но доѣхавъ до Кіева, остановился здѣсь и долго жилъ, служа великому государю, донося о тамошнихъ дѣлахъ. Такъ въ 1675 году онъ писалъ къ Матвѣеву: «По Богѣ и царѣ въ тебѣ имѣю заступника милостивѣйшаго, помоги мнѣ нѣкіимъ даромъ вмѣсто милостыны, умоли, чтобы мнѣ позволили служить по архіерейски. Собираютъ здѣсь много денегъ отовсюду, а кому и на что собираютъ—не знаю. Изволь объ этомъ розыскать, о бодрѣйшій Кіева стражъ! разузнай, на что митрополичьи доходы обращаются? Здѣсь носятся слухи, будто епископъ Меѳодій освобожденъ и Кіевскимъ митрополитомъ поставленъ. Стереги крѣпко и радѣй, чтобы этого не было, ибо великая будетъ смута между духовными и мірскими; до сихъ поръ еще живъ раздоръ и измѣна, учиненная недавно, и бывшая причиною столь великаго побоища. Вопіетъ, вопіетъ и св. Софія, на починку которой взялъ 14,000 рублей у царскаго величества; о другихъ его своевольствахъ молчу.»

Скоро послѣ этого пришелъ въ Кіевъ царскій указъ, чтобъ Лигаридъ немедленно возвратился въ Москву. Онъ счелъ это опалою, и, пріѣхавъ въ Москву, написалъ государю: «Воспѣвалъ пророкъ и царь Давыдъ въ десятострунномъ своемъ псалмѣ: не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего, яко печалюся, скоро услыши мя: тоже смѣю и я возгласить къ тебѣ, единодержавцу царю; не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего отъ меня, яко погибну душою и тѣломъ; особенно печалюсь, потому что не знаю причины моего возвращенія.» Въ январѣ 1676 года Лигаридъ обратился къ Матвѣеву съ жалобами, что умираетъ отъ голода и жажды, что просьбы его на смѣхъ пересылаютъ изъ приказа въ приказъ, что одолжалъ вслѣдствіе большаго и труднаго путешествія, что для службы церковной нѣтъ у него ни священника, ни діакона, ни пѣвца, ни иподіакона: «Ты заботишься обо всемъ въ богатѣйшемъ царствѣ: забылъ только обо мнѣ, архіереѣ.» Объ немъ вспомнили и велѣли давать кормъ по прежнему. Чѣмъ занимался Лигаридъ, видно отчасти изъ того, что онъ привезъ въ Москву изъ Кіева іеромонаха Виссаріона, бывшаго начальника школъ Кіевскихъ «для пособія себѣ въ тщаніяхъ и службѣ царскаго величества.»

Кромѣ Греціи была еще другая страна христіанская, православная, болѣе несчастная, болѣе страдающая отъ бусурманъ, чѣмъ даже Греція, издавна искавшая помощи у единовѣрной Россіи: то была Грузія. Послѣ несчастной попытки при царѣ Борисѣ, Московское государство отказалось отъ мысли посылать войска свои за Кавказъ, помогало деньгами, посылало духовенство свое въ Грузію осматривать состояніе церквей, богослуженія, помочь тамошнему духовенству совѣтомъ. Тяжелое впечатлѣніе производило Грузинское христіанство на Русскихъ духовныхъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе сами не всегда могли отличить существенное отъ несущественнаго и сильно были привязаны къ формѣ, къ буквѣ. «Первое у васъ несогласіе съ соборною и апостольскою церковію, говорили Русскіе духовные Грузинскимъ епископамъ, первое несогласіе то, что церкви отъ алтарей не отгорожены, царскихъ дверей нигдѣ нѣтъ, да и не бывало, престолы вездѣ наги и къ стѣнѣ придѣланы, служите въ неосвященныхъ церквахъ, крестовъ ни на одной церкви нѣтъ да и не бывало; если и есть въ церкви иконы, то вы свѣчи прилѣпляете къ простой стѣнѣ, а иконы стоятъ особо, и мнится намъ, что у васъ къ божественнымъ иконамъ и къ честному кресту вѣра оскудѣла, да и на себѣ креста не носите; у кого и есть иконы, и тѣ спрятаны, а иные носятъ малыя иконы на поясахъ за кушаками; мотаете рукою не по истинѣ, и кланяетесь, смотря на небо, а не на иконы; архіереи ваши и попы сами себя крестнымъ знаменіемъ оградить и прочихъ людей благословить неумѣютъ. Если попу у васъ случится служить литургію, то онъ принесетъ съ собою сосуды и ризы въ мѣшкѣ, а евангелія и креста ни у кого нѣтъ; иной попъ, пришедъ въ церковь, постелетъ на престолѣ платъ и, постава сосуды, дѣйствуетъ въ одномъ чекменѣ, и отдѣйствовавъ, покрывъ святая, облачится въ ризы и начинаетъ литургію, отслужа, велитъ малому собрать съ престола сосуды и ризы въ кошель и понесетъ къ себѣ. Вы епископы и попы ваши дѣйствуютъ, ризы надѣвъ на шею, свѣсивъ напередъ, и какъ начинать литургію, тогда ризы назадъ спускаете. Крестятъ у васъ младенцевъ однимъ погруженіемъ. Покаянія отцамъ духовнымъ мало у васъ знаютъ, также и причастія, только при смерти даютъ причастіе и то безъ покаянія. Всякіе люди у васъ входятъ въ церковь въ шапкахъ съ саблями и ослопами, и вы,

епископы, также входятъ съ ослопами въ церковь и въ алтарь. Женятся безъ вѣнца, и если дѣти будутъ, то вѣнчаются, а дѣтей не будетъ, то покинувъ старую жену, берутъ другую; свадьбы у васъ играютъ въ великій постъ, въ Благовѣщенье.» Въ одномъ мѣстѣ Русскіе духовные были свидѣтелями слѣдующаго явленія: между заутренею и обѣднею вышло на площадь духовенство, вынесли образъ св. Георгія и поставили на столбѣ, а противъ образа на церковной крышѣ сѣлъ мужикъ, надѣлъ на себя другой образъ св. Георгія и сталъ говорить во весь міръ: «Послушайте меня! я нынче ночевалъ въ храмѣ и сказывалъ мнѣ св. Георгій: людей моихъ не обижайте, которые въ мое имя вѣруютъ.» Послѣ этого мужикъ началъ пророчествовать объ урожаѣ и кому умереть въ этотъ годъ.—«Что это у васъ святой человѣкъ? спросили Русскіе, и умѣетъ онъ грамотѣ?» — «Нѣтъ, не умѣетъ, отвѣчали Грузины: но это такой родъ; если кто умретъ, то изъ ихъ же роду другой станетъ разсказывать Егорьевы слова въ міръ.»

Мы видѣли, что при царѣ Михаилѣ Кахетинскій царь Теймуразъ поддался Россіи. При царѣ Алексѣѣ, весною 1647 года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Теймураза и подалъ такую грамоту: «Какъ у отца твоего былъ я съ сыномъ своимъ и со всею Грузинскою землею въ холопствѣ, такъ теперь и тебѣ, великому государю, бью челомъ въ холопство. Отца твоего заступленіемъ и жалованьемъ наше Грузинское государство живо и цѣло; а если ты насъ не пожалуешь, за насъ не вступишься, то окрестныя государства насъ разорятъ безъ остатку и станутъ говорить: вы поддались Московскому государю, и онъ васъ выдалъ, за васъ не вступился. Теперь самъ я, Теймуразъ царь съ сыномъ своимъ Давидомъ отдался тебѣ въ холопство со всею Грузинскою землею; внука своего Григорья пришлю къ тебѣ въ холопи въ Москву, а за большаго моего внука Іоасаѳа изволилъ бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели къ намъ послать митрополитовъ сколько изволишь; государство Грузинское Божье да твое: и вѣра такъ же была бы справлена, какъ и въ твоемъ великомъ государствѣ.» Мы знаемъ, что въ это время, особенно въ 1648 году въ Москвѣ было не до Грузіи. Въ 1649 оттуда новое посольство: «Хотѣлъ я, писалъ Теймуразъ, отправить къ тебѣ великому государю внука своего Николая(!);

но какъ узнали объ этомъ Персіяне, то начали государство мое воевать съ трехъ сторонъ. Мнѣ черезъ горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху Персіяне не пропустятъ. Пожаловалъ бы великій государь, прислалъ за внукомъ моимъ своихъ людей и велѣлъ взять его къ себѣ въ холопи.»

Съ отвѣтомъ на эти предложенія отправился въ Грузію въ 1650 году Никифоръ Толочановъ. Посланникъ поднесъ Теймуразу въ подарокъ соболи; царь билъ челомъ низко, но спросилъ: «Прежде присылали ко мнѣ по 20,000 ефимковъ, а теперь мнѣ съ вами не прислано?»—«Потому тебѣ денегъ не прислано, отвѣчалъ посланникъ, что про тебя великому государю было не вѣдомо, гдѣ ты обрѣтаешься послѣ своего раззоренья, какъ разорилъ тебя Тифлискій ханъ; а какъ только твоя правда и служба объявятся великому государю, то тебя и больше прежняго царское величество пожалуетъ.»

— «Видите, продолжалъ Теймуразъ, какъ я разоренъ Тифлискимъ ханомъ по шахову приказу. Прежде государевы послы у меня въ Кахетіи были, и всякое строенье, монастыри и церкви видѣли, а теперь гдѣ были церкви, тамъ стали мечети: царское величество вступился бы за домъ Божій и за меня, холопа своего.»

Толочановъ объявилъ Теймуразу главную цѣль своего посольства—взять съ собою въ Москву внука его, царевича Николая.—«А выдастъ ли за него великій государь сестру свою?» спросилъ Теймуразъ.—«Съ нами объ этомъ дѣлѣ не наказано, отвѣчалъ посланникъ: такое великое тайное дѣло кромѣ Бога да великаго государя кто можетъ вѣдать? Если Богъ изволитъ, а его государская мысль будетъ, то дѣло и состоится; а если не будетъ воли Божіей и государской мысли, то дѣлу какъ состояться? Ты только отпускай съ нами внука своего, исполняй передъ великимъ государемъ правду свою.»

«Если я внука своего пошлю, продолжалъ Теймуразъ, а государь не изволитъ государства моего, Кахетіи очистить, ратныхъ людей и казны не пришлетъ, то зачѣмъ моя посылка?»

— «Ратныхъ людей, отвѣчалъ Толочановъ, послать къ тебѣ нельзя, потому что горы снѣжныя, высокія, въ нихъ разсѣлины большія, ратнымъ людямъ пройти, наряду и запасовъ провезти нельзя, у тебя государство пустое, и то за шахомъ, хотя рат-

ные люди и пройдутъ, то имъ у тебя съ голоду помереть; а казны тебѣ государь пришлетъ столько, сколько тебѣ и въ умъ не вмѣщалось, если теперь исполнишь правду свою, внука съ нами отпустишь. Кромѣ того государь пошлетъ великихъ пословъ къ шаху Аббасу, чтобы отдалъ Кахетію по совѣту и по братству, а если не отдастъ, то думаемъ, что великій государь пошлетъ войско свое Каспійскимъ моремъ на шаховы города и велитъ городовъ раззорить въ десятеро, только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь съ нами и другаго внука своего Влавурсака, то великій государь дастъ ему свое жалованье по своему милосердому разсмотрѣнію.»

— «Влавурсака никому не отдамъ, сказалъ Теймуразъ: мнѣ самому не съ кѣмъ будетъ жить, некому будетъ и души моей помянуть.»

— «Ты намъ объявилъ, что тебя раззорилъ Тифлискій ханъ, продолжалъ посланникъ: такъ если тебѣ въ Грузинской землѣ жить неучего, то ступай и ты самъ къ царскому величеству, намъ велѣно принять тебя и съ подданными твоими.

«Когда будетъ мое время, тогда и поѣду къ государской милости, а теперь еще побуду здѣсь», отвѣчалъ Теймуразъ.

Всѣ эти разговоры кончились тѣмъ, что Теймуразъ не отправилъ внука въ Москву. Тѣмъ сильнѣе высказывалъ свое усердіе къ великому государю Имеретинскій царь Александръ, присягнувшій при Толочановѣ царю Алексѣю Михайловичу: «Теймуразъ царь, говорилъ Александръ, внука своего съ вами не отпускаетъ; а еслибы у меня былъ сынъ мой Багратъ да братъ Мамука, то я бы обоихъ къ царскому величеству отпустилъ. Если государю угодно, то онъ бы прислалъ воеводу своего въ Кутансъ; еслибы мнѣ было кому свою отчину, Имеретинскую землю приказать, то я бы и самъ поѣхалъ видѣть пресвѣтлыя государскія очи». Въ грамотѣ своей къ царю Александръ писалъ: «Учинился я, и сынъ мой, и братъ, и весь духовный чинъ, и ближніе люди, и всего государства воинскіе ратные и земскіе люди подъ вашего царскаго величества высокою рукою въ подданствѣ на вѣки неподвижно, отъ дѣтей на внучатъ: и тебѣ бы, великому государю, меня не презрѣть и отъ недруговъ невѣрныхъ держать въ оборонѣ, чтобы люди моего государства въ невѣріе не впали. Прежде были у меня въ подданствѣ Дадьяне, и нѣсколь-

ко лѣтъ тому назадъ отложились, поддались Турецкому султану и живутъ съ бусурманами заодно, берутъ себѣ на помощь бусурманскую рать, меня раззоряютъ и воюютъ. Донскіе козаки ходятъ на Черное море и бусурманъ воюютъ, а православнымъ христіанамъ никакого вреда не дѣлаютъ; а Дадьяне козаковъ къ себѣ приманиваютъ, будто хотятъ вмѣстѣ съ ними воевать бусурманъ, и, приманя въ свои мѣста, ихъ побиваютъ и къ Туркамъ продаютъ, и въ подарокъ отсылаютъ къ Турецкому султану, который за это присылаетъ имъ жалованье. Тѣ же Дадьяне крадутъ христіанъ изъ моей земли и у себя и отсылаютъ къ Персидскому шаху, просятъ у него себѣ помощи; Дадьянскій владѣлецъ сестру свою отдалъ къ шаху и отъ христіанской вѣры отрекся, за то ему отъ шаха жалованье и помощь. Онъ же Дадьянскій владѣлецъ отослалъ другую свою сестру Рустемъ-хану Тифлискому, чтобы тотъ шелъ на меня войною: и Рустемъ-ханъ много разъ присылалъ своихъ ратныхъ людей на мое государство. Теперь я у царскаго величества милости прошу и желаю, чтобы какъ-нибудь съ Чернаго моря стругами учинить надъ Дадьянами промыслъ, за то разоренье имъ отомстить, отъ бусурманъ отлучить, въ православіи утвердить и подъ мою руку привести по прежнему. Дадьянскій прислалъ ко мнѣ, что хочетъ опять быть у меня въ подданствѣ и самъ ко мнѣ пріѣхать, только чтобы я прислалъ къ нему сына моего въ заложники: я сына своего къ нему послалъ, а онъ ко мнѣ не пріѣхалъ и сына моего не отпустилъ: тогда, говоритъ, отпущу къ тебѣ сына, когда ты поддашься Турецкому султану. Братъ мой пошелъ на охоту, а Дадьянскіе люди схватили его и держатъ у себя. Великій государь пожаловалъ бы меня, помогъ мнѣ сына и брата изъ неволи освободить, а какъ освободятся, то къ себѣ ли ихъ велитъ взять, или мнѣ отдать—въ томъ его государева воля. Да пожаловалъ бы, велѣлъ прислать мнѣ печать свою, чтобы во всей землѣ царское повелѣнье было вѣрнѣе; да велѣлъ бы государь присылать моимъ ближнимъ и ратнымъ людямъ жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имѣли бы мочь стоять противъ своихъ недруговъ; да велѣлъ бы прислать мнѣ пушечный нарядъ, чѣмъ отъ недруговъ обороняться».

Съ 1653 года начинаются пріѣзды въ Москву Грузинскихъ владѣтелей: въ этомъ году пріѣхалъ осьмилѣтній внукъ Теймуо-

раза, Николай Давыдовичь съ матерью Еленою Леонтьевною. За внукомъ поднимался и самъ дѣдъ: когда въ 1656 году пріѣхалъ къ Теймуразу государевъ посланникъ Жидовиновъ съ ефимками и соболями, то встрѣтилъ его въ Имеретіи, и бѣдный старикъ говорилъ посланнику: «Персидскій шахъ выгналъ меня изъ моего государства, и живу я теперь въ Имеретинской землѣ, у зятя своего царя Александра; но отъ него помощи мнѣ никакой нѣтъ, скуденъ я всѣмъ, а въ свое государство отъ непріятелей ѣхать не смѣю; теперь я съ царицею своею, со внукомъ и со внукою и со всѣми людьми ѣду служить къ великому государю въ Москву, поѣдетъ со мною человѣкъ съ триста».

Въ январѣ 1657 года въ Посольскомъ приказѣ дьяки распрашивали троихъ Грузинъ, пріѣхавшихъ изъ Тушей: зачѣмъ они въ Москву пріѣхали? «Пріѣхали мы бить челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ насъ для православной христіанской вѣры, велѣлъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное подданство». — «А прежде у кого были вы въ подданствѣ, и кто у васъ начальные люди, и вѣра у васъ христіанская ли, и какъ далеко вы живете отъ Терека и въ какихъ мѣстахъ, и города у васъ есть ли, и сколько у васъ служилыхъ людей, и какой у васъ бой, кто у васъ сосѣди, и нѣтъ ли вамъ отъ Персидскаго шаха, отъ Кумыкъ и отъ Черкесъ какого утѣсненья, хлѣбъ у васъ родится ли, и если великій государь изволитъ принять васъ подъ свою высокую руку, то на какихъ статьяхъ вы хотите быть въ подданствѣ»! — «Мы хотимъ быть у царскаго величества въ вѣчномъ холопствѣ, гдѣ велитъ быть на службѣ — и мы готовы; вѣра у насъ христіанская; живемъ мы въ крѣпкихъ мѣстахъ, въ горахъ, въ трехъ станахъ, а городовъ и начальныхъ людей у насъ нѣтъ, всякій владѣетъ своею деревнею; ратныхъ людей у насъ 8000, бой лучной и копейный, всѣ бываютъ въ панцыряхъ; отъ Терека до Тушинской земли скораго ходу 4 дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а какъ его персидскій царь разорилъ, съ того времени живемъ особо.

Наконецъ въ 1658 году явился въ Москву и самъ царь Теймуразъ Давыдовичь. На представленіи великій государь велѣлъ царю Теймуразу приступить къ своему царскому мѣсту и изволилъ встать. Тутъ Теймуразъ сталъ бить челомъ, чтобы великій государь далъ ему свою царскую руку цѣловать; но великій го-

сударь руки не далъ и сказалъ: «въ Евангеліи написано: идѣже будутъ собрани во имя мое, ту есмь и азъ посредѣ ихъ: и мы воздадимъ хвалу Всемилостивому Богу, сотворимъ о Христѣ цѣлованіе во уста, ибо ты благочестивой христіанской вѣры».—«Я твоего царскаго величества холопъ, говорилъ Теймуразъ: такого великаго и пресвѣтлаго государя недостойно мнѣ въ уста цѣловать».—«На то Божья воля, что ты у насъ въ подданствѣ, отвѣчалъ Алексѣй: но ты, царь, нашей благочестивой христіанской вѣры, и по Христовой заповѣди сотворимъ цѣлованіе въ уста». Тогда Теймуразъ, съ великимъ страхомъ, цѣловалъ государя въ уста.

Государь поручилъ боярину Хилкову перговорить съ Теймуразомъ.

«Съ которымъ Турскимъ царемъ было у тебя розратье и бой, какъ давно и какое было тебѣ отъ него изгнаніе и землѣ твоей разоренье»? спросилъ бояринъ.

Теймуразъ: «Тому лѣтъ съ тридцать измѣнилъ мнѣ бояринъ Георгій Сіосъ, и, обусурманясь, поддался Турскому султану Амурату и поднялъ на меня рать; я противъ него ходилъ съ своими ратными людьми, и былъ у меня бой съ измѣнникомъ и Турками между моей и Карталинской земли; Турскихъ людей съ измѣнникомъ было тысячь сорокъ, а у меня было тысячи съ три, но мнѣ Богъ пособилъ, побилъ я измѣнника своего и Турскихъ людей, а побилъ я Турскихъ людей не многолюдствомъ, силою крестною». Тутъ царь показалъ на крестѣ язву отъ сабельнаго удара. «Послѣ того, продолжалъ Теймуразъ, мнѣ отъ Турка никакого гоненія и присылки ни о чемъ не бывало».

Хилковъ: «Какъ ты, царь Теймуразъ Давыдовичь, билъ челомъ великому государю о подданствѣ, въ то время Персидскій шахъ землѣ твоей какое разоренье учинилъ и въ которомъ году»?

Теймуразъ: «Этому лѣтъ одиннадцать, какъ присылалъ къ великому государю бить челомъ о подданствѣ, и нынѣшній шахъ Аббасъ прислалъ на мое государство ратныхъ людей, я противъ нихъ бился, и на томъ бою убили сына моего, дочь взяли насильствомъ, да два города разорили; а при старомъ Аббасѣ шахѣ разоренье было мнѣ многое. Не хотя государству своему разоренья, послалъ я къ шаху мать свою, да сына своего мень-

шаго Александра царевича въ аманатахъ. Когда моя мать со внукомъ пріѣхала къ старому шаху и била челомъ, чтобы онъ взялъ внука ея въ аманаты и бралъ съ государства дань, а разоренья не чинилъ, то шахъ сказалъ моей матери, чтобы она послала и по другаго внука своего Леона, а онъ, шахъ котораго внука въ аманаты взять захочетъ, того и возьметъ, а другаго отпуститъ. Мать моя взяла и другаго внука Леона, но шахъ матери моей и дѣтей не отпустилъ и присылалъ къ ней, чтобы она бусурманилась, а онъ ее будетъ имѣть вмѣсто матери. Она отказала, что отнюдь вѣры христіанской не отбудетъ. Тогда шахъ отдалъ ее подъ стражу и велѣлъ мучить: сперва велѣлъ сосцы отрѣзать, а послѣ закаленными желѣзными острогами исколоть и по суставамъ рѣзать; отъ этихъ разныхъ мукъ мать моя пострадала за Христа до смерти, а тѣло укралъ и привезъ ко мнѣ Французъ; дѣтей же моихъ шахъ обоихъ извалошилъ, и теперь они у шаха. Послѣ этого шахъ послалъ на меня своихъ ратныхъ людей, я пошелъ противъ нихъ и побилъ, послѣ чего ушелъ въ Имеретію и жилъ тамъ два года; потомъ собрался съ Имеретійскими и Дадіанскими ратными людьми и шаховыхъ людей изъ земли своей выбилъ и землю очистилъ; но въ томъ же году шахъ прислалъ опять ратныхъ своихъ людей и я въ другой разъ ушелъ въ Имеретію, а шахъ велѣлъ всю Грузинскую землю плѣнить и разорить, чтобы христіанство все вывесть. Я и тутъ Персіянъ выбилъ и сталъ владѣть своимъ государствомъ по прежнему. Но при нынѣшнемъ шахѣ, тому лѣтъ одиннадцать, измѣнили мнѣ два боярина, отвезли дочерей своихъ къ шаху, сами обусурманились и навели на меня шаховыхъ людей; я съ ними бился, и на томъ, бою сына моего Давида убили, а меня выгнали; отъ этого гоненія я и до сихъ поръ живу въ Имеретіи.»

Хилковъ: «Какъ земля твоя велика, сколько въ ней теперь за тобою жилыхъ и разореныхъ?»

Теймуразъ: «Земля моя въ длину 10 днищъ ходу и поперекъ столько же; городовъ всѣхъ большихъ семь, а малыхъ и много, только разорены и пусты; въ двухъ городахъ живутъ измѣнники мои бояре, и въ тѣхъ городахъ люди есть, а иные города всѣ разорены; въ стольномъ городѣ Кремѣ живетъ людей не много, иные живутъ по деревнямъ. Надо всѣмъ государствомъ

моимъ владѣтель теперь Рустемъ-ханъ, былъ онъ Грузинской породы, да обусурманился.»

Хилковъ: «Дадьянскую и Гуріальскую земли какъ давно ты подъ высокую руку великаго государя привелъ, присягу онѣ принесли ли, теперь они у великаго государя по прежнему ли въ подданствѣ и кто ими владѣетъ?»

Теймуразъ: «Какъ былъ живъ Дадьянскій царь Леонтій, то у насъ съ нимъ была безпрестанная вражда и бой. Но какъ царь Леонтій умеръ, и теперь на его мѣсто выбрали сродника моего Вамыка, который сговорилъ дочь свою за моего внука Леонтія Давыдовича, и крестъ цѣловалъ великому государю со всею землею; государства ихъ четыре города большихъ, стоятъ въ мѣстахъ крѣпкихъ, у Чернаго моря, кораблей у нихъ ходитъ по морю по пяти и по шести, а людей всякихъ будетъ съ 40,000; бой у нихъ сабельный и копѣйный, пищали есть, а пушки не большія. Гуріальская земля небольшая; крестъ великому государю цѣловала; лежитъ она между Имеретинскою и Дадьянскою землями. Дадьянами и Гуріальскою землею владѣетъ по совѣту Имеретинскій царь Александръ, но дани ему не даютъ, только такъ съ нимъ въ дружбѣ. Земли эти за моею землею подлѣ шаха. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ землю мою очистить отъ измѣнниковъ, а до шаховой земли мнѣ дѣла нѣтъ, и будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять или нѣтъ, того я не знаю. Я для того и поддался государю, чтобы онъ велѣлъ землю мою очистить и дать своихъ ратныхъ людей. Тогда я съ государевыми и съ своими людьми, съ Имеретинцами, Дадьянцами и Гурьянцами соберусь и стану свою землю очищать, а если шаховы люди на меня придутъ, то я буду отъ нихъ обороняться. Какъ великій государь изволитъ меня отпустить, то отписалъ бы къ Имеретинскому, къ Дадьянамъ и Гурьянамъ, чтобы мнѣ давали ратныхъ людей въ помощь; а къ шаху бы изволилъ отписать, что я православной христіанской вѣры и въ подданствѣ у него, великаго государя: такъ бы шахъ въ землю мою не вступался, а станетъ ее разорять, то великій государь будетъ меня защищать.»

Хилковъ: «Великій государь указалъ тебя спросить: сколько тебѣ служилыхъ людей надобно, какими мѣстами ихъ до твоей земли вести и какъ далеко, гдѣ имъ брать лошадей и хлѣбные

запасы, чтобы въ дальнемъ пути и будучи у тебя имъ голодомъ не помереть; да не будетъ ли стоять войною персидскій шахъ за измѣнниковъ твоихъ?»

Теймуразъ: «Надобно воеводу добраго, а ратныхъ людей съ 30,000 конныхъ; запасы брать изъ Астрахани до моей земли, а въ моей землѣ запасовъ будетъ много; а будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять войною, того я не знаю. Когда я поддался отцу великаго государя, царю Михаилу Ѳеодоровичу, то государь прислалъ мнѣ свою жалованную грамоту за золотою печатью, въ грамотѣ написано, что великій государь будетъ меня отъ недруговъ оборонять; послѣ того писаны ко мнѣ многія государевы грамоты, чтобы прислалъ я въ Москву внука моего; я внука прислалъ, а теперь и самъ пріѣхалъ бить челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ мнѣ своихъ ратныхъ людей. Если царское величество оборонить меня не велитъ, то, смотря на меня, Имеретійскій царь, и Дадьяны и Гурьяны отъ бусурманскаго гоненья станутъ искать другаго государя; у всѣхъ у насъ одно челобитье, чтобы великій государь пожаловалъ намъ ратныхъ людей и велѣлъ насъ оборонить. Били великому государю челомъ и не правые козаки, чтобы ихъ изволилъ взять подъ свою высокую руку; великій государь и козаковъ пожаловалъ для православной христіанской вѣры, изволилъ взять подъ свою высокую руку, а съ польскимъ королемъ разорвать; а я былъ въ своемъ государствѣ царь православной христіанской вѣры, и для того поддался великому государю, чтобы ему пожаловать, насъ оборонить.»

Съ отвѣтомъ на эти требованія пріѣхалъ къ Теймуразу бояринъ князь Алексѣй Никитичь Трубецкой: «У великаго государя, говорилъ бояринъ, война съ польскимъ и шведскимъ королями; ратные люди его многіе теперь на границахъ: такъ ты бы, царь Теймуразъ Давыдовичь, хотя бы какую нужду и утѣсненье отъ непріятелей своихъ принялъ, а ѣхалъ бы въ свою Грузинскую землю и царствомъ своимъ владѣлъ по прежнему. А какъ царское величество съ непріятелями своими управится, то въ утѣсненіи и разореніи видить тебя не захочетъ и своихъ ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ; и теперь велѣлъ тебѣ дать денегъ 6000 рублей да соболей на 3000. — «Великаго государя воля, отвѣчалъ Теймуразъ: чаялъ я къ себѣ государской милости

и обороны, для того сюда и пріѣхалъ, а теперь царское величество отпускаетъ меня ни съ чѣмъ. Пріѣхалъ я сюда по указу царскаго величества, и въ то время ко мнѣ не писано, что всѣ государевы ратные люди на его службѣ; еслибы я чаялъ, что царское величество ратныхъ людей мнѣ на оборону не пожалуетъ, то я бы изъ своей земли не ѣздилъ.»

Трубецкой: «Ты говоришь, будто тебя государь отпускаетъ въ свою землю ни съ чѣмъ; но тебѣ даютъ 6000 рублей и соболей на 3000: можно тебѣ съ этимъ жалованьемъ до своей земли проѣхать; и ты бы этимъ великаго государя не гнѣвилъ.»

Теймуразъ: «Дорогъ мнѣ великаго государя и одинъ соболь; а при отцѣ его государевѣ и заочно присылывано ко мнѣ по 20,000 ефимковъ, а соболей безъ счету; теперь мнѣ лучше раздать государево жалованье по своей душѣ, нежели въ свою землю ѣхать, да въ бусурманскія руки впасть. Услыхавъ, что я ѣду къ великому государю, Турки, Персіяне и горскіе Черкесы испугались, Черкесы дороги залегли, въ горахъ на меня наступали и ратныхъ людей моихъ побили, я едва ушелъ; потерявъ своихъ ратныхъ людей, ѣхалъ я къ царскому величеству украдкою, днемъ и ночью, пріѣхалъ и голову свою принесъ въ подножіе его царскаго величества и челомъ ударилъ внукомъ своимъ; какъ увидѣлъ государевы очи, чаялъ, что изъ мертвыхъ воскресъ, чего желалъ, то себѣ и получилъ. А теперь пріѣздъ мой и челобитье стали ни во что; насмѣются надъ мною измѣнники мои горные Черкесы и до основанья разорятъ. Чѣмъ мнѣ отдану быть и душу свою христіанскую погубить въ невѣрныхъ бусурманскихъ рукахъ, лучше мнѣ здѣсь въ православной христіанской вѣрѣ умереть, а въ свою землю мнѣ не почто ѣхать. На комъ то Богъ взыщетъ, что бусурманы меня, царя православной христіанской вѣры, погубятъ и царство мое разорятъ? Великому государю какая будетъ честь, что меня царя погубятъ и родъ мой и православную христіанскую вѣру искоренятъ? я за православную христіанскую вѣру съ малою своею Грузинскою землею противъ Турокъ и Персіянъ стоялъ и бился, не боясь многой бусурманской рати. Пожаловалъ бы хотя меня государь, велѣлъ проводить своимъ ратнымъ людямъ».

Трубецкой: «Государь тебя велитъ проводить ратнымъ людямъ и къ шаху отпишетъ, чтобы онъ на тебя не наступалъ и

Грузинской земли не разорялъ. Какъ-нибудь проживая теперь въ своей землѣ, а потомъ царское величество ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ, будь надеженъ, безъ всякаго сомнѣнія».

Теймуразъ: «Коли я самъ нынѣ милости не упросилъ и никакой помощи не получилъ, то впередъ заочно нечего ждать. И прежде обо мнѣ царское величество къ шаху писалъ: однако шахъ Аббасъ землю мою разорялъ и меня выгонялъ».

Теймуразъ отправился. Въ 1660 году отправился назадъ въ Грузію и внукъ его, царевичь Николай Давыдовичь съ матерью и съ царскимъ посланникомъ Мякининымъ. Въ Астрахани они узнали страшныя новости: Имеретинскаго царя Александра окормили: почувствовавъ смерть, посадилъ онъ на свое мѣсто сына Баграта и велѣлъ ему жениться на внукѣ Теймуразовѣ, что и было исполнено. Но молодой царь сидѣлъ на престолѣ только три мѣсяца; царица, жена Александрова, дочь Теймураза, не желая видѣть на царствѣ пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла за мужъ за Грузинца Вахтана, съ которымъ и начала владѣть Иметеріею; говорили, что она это сдѣлала по наговору Католикоса. Встала смута; царь Теймуразъ бѣжалъ въ Персидскій городъ Тифлисъ. Бояринъ Еристовъ привелъ Турокъ, и царицу съ мужемъ ея сослалъ къ Черному морю въ городъ Апхазитъ. Затѣмъ пришла другая вѣсть, что Теймураза взяли и повезли къ шаху. Не смотря на эту смуту въ Грузіи, царевичь Николай уѣхалъ изъ Астрахани и остался въ Тушинской землѣ; въ 1666 году онъ возвратился въ Москву; а въ 1674 отпущенъ опять на родину.

Грузія не могла дождаться, чтобы Россія въ царствованіе Алексѣя управилась когда-либо съ своими европейскими врагами и могла начать войну въ отдаленномъ Закавказьѣ. Грузинскіе цари указывали на Персіянъ, какъ на главныхъ враговъ своихъ, отъ которыхъ Русскій царь долженъ оборонить ихъ; но между Персіею и Россіею издавна происходили дружественныя сношенія, которыя невыгодно было порывать. Въ 1650 году пріѣхалъ въ Москву посолъ шаха Аббаса, Магметъ Кулыбекъ и привезъ въ подарокъ отъ шаха 4000 батмановъ селитры. Въ отвѣтѣ съ боярами посолъ началъ старыми жалобами на воровскихъ козаковъ: взяли они у шахова купчины подъ Бакою на морѣ съ бусы товару на 3000 рублей, да 2000 руб-

лей денегъ; разбойниковъ выбило изъ моря на берегъ, Терскіе воеводы это пограбленное имѣніе взяли, а въ Персію не отдали: такъ царское величество велѣлъ бы отдать, а воровъ козаковъ казнить: «Когда я, говорилъ посолъ, былъ теперь на Терекѣ, то самъ этихъ воровъ козаковъ видѣлъ; а какъ пришелъ я въ Астрахань, то писалъ ко мнѣ Шемахинскій ханъ, что воры козаки опять приходили на Шемахинскія мѣста и пограбили многихъ шаховыхъ людей». — «Прежде, отвѣчали бояре, между великими государями ссоры и нелюбья изъ-за козачьяго воровства не бывало, потому что козаки эти не изъ Астрахани и не съ Терека, приходятъ воровать на море съ Дону, не однихъ шаховыхъ, и царскаго величества людей грабятъ и побиваютъ. Теперь воры козаки на морѣ перехватаны и сидятъ на Терекѣ въ тюрьмѣ, что сыскано у нихъ персидскаго имѣнья, все велѣно отдать вашимъ людямъ, которыхъ Шемахинскій ханъ пришлетъ на Терекъ, и воровъ козаковъ велѣно казнить смертью при вашемъ послѣ; но ханъ до сихъ поръ никого не присылалъ, и если имѣніе не отдано, то его вина. Козаковъ Терскіе воеводы хотѣли казнить при тебѣ, но ты самъ не согласился.» — «Все это хорошо, говорилъ посолъ, но въ прежней царской грамотѣ къ шаху написано, что впередъ воровъ не будетъ.» — «Въ грамотѣ этого нѣтъ, отвѣчали бояре: государство великое не безъ вора, а гдѣ воры объявятся, то ихъ пригоже сыскивать сообща.» Потомъ посолъ жаловался, что въ Астрахани и другихъ городахъ таможенные головы цѣнятъ товары для пошлинъ дорогою цѣною, тогда какъ при царѣ Михаилѣ пошлины брали меньше, и торговыхъ людей изъ Персіи пріѣзжало больше. Ему отвѣчали, что въ пошлинахъ Персіянамъ никакого убытка не бываетъ, потому что чѣмъ больше пошлина, тѣмъ дороже они продаютъ свои товары, и пошлинныя деньги ложатся на людяхъ царскаго величества. У шаха селитры много: такъ шахово величество велѣлъ бы изъ своей области въ Московское государство отпускать по 20,000 пудовъ на годъ, а царское величество изволитъ за селитру посылать мѣдью или соболями. «Государь нашъ, отвѣчалъ посолъ, царскому величеству не только что за селитру, ни зачто не постоитъ; велѣлъ бы государь ту работу положить на меня, а я буду говорить шахову величеству.»

Наконецъ дѣло дошло до Грузіи, до Теймураза. Посолъ такъ объяснялъ дѣло: «Теймуразова сестра была за старымъ шахомъ Аббасомъ, а Теймуразова дочь была за отцемъ нынѣшняго шаха, Софи, и по этому Теймуразъ государю нашему свой. Ссоры у Грузинскаго Теймураза съ Рустемомъ, ханомъ Тифлисскимъ, потому что они между собою свои близкіе, одного поколѣнья, пошли отъ великаго князя Грузинскаго. Рустемъ ханъ теперь шаховъ подданный и бусурманинъ и половина Грузинской земли за нимъ, а другая половина за Теймуразомъ. Такъ ссора между ними, и шахъ на Рустема-хана сердится, что онъ Грузинскую землю разорилъ и царевича убилъ. Теперь Теймуразъ живетъ у зятя своего, Имеретинскаго царя, покинувъ свою землю, а къ шаху ни о чемъ не пишетъ и не бьетъ челомъ; еслибы онъ билъ челомъ, то шахъ велѣлъ бы ему жить по прежнему въ своей землѣ. Я донесу объ этомъ шахову величеству, и шахъ для царскаго величества велитъ Теймуразу землю его отдать и впередъ землю его велитъ оберегать.»

Обѣщаніе было исполнено относительно воровскихъ козаковъ. 39 человѣкъ ихъ сидѣло въ тюрьмѣ на Терекѣ; троихъ вершили при послѣ Магметъ-Кулыбекѣ — атамана Кондратья Иванова Кобызенка съ двумя другими пущими заводчиками; четверо умерло въ тюрьмѣ; остальныхъ прислали въ Москву; большая часть ихъ была родомъ изъ городовъ восточной украйны; трое Москвичей, по одному изъ Великаго Новгорода, Костромы, Луха, Романова и Перми, одинъ Грузинъ, а трое названы Царегородцами!

Въ 1653 году поѣхали въ Персію великіе послы, окольничій князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и стольникъ Иванъ Комынинъ. Послы поѣхали жаловаться на шемахинскаго хана Хосрева, который давно уже грозился войною на Астрахань и на Терекъ все за козаковъ, а теперь въ 1652 году писалъ къ Астраханскому воеводѣ, что Гребенскіе козаки не только грабятъ Персидскихъ торговыхъ людей, но въ Дагестанской области поставили городокъ, служилыхъ людей въ немъ устроили и тамъ будто Черкаскую дорогу закрѣпили; Хосревъ писалъ, что по шахову приказу онъ собираетъ войско, чтобы взять этотъ городъ; а потомъ идти подъ Астрахань и подъ Терекъ. Кромѣ того Русскіе торговые люди бьютъ челомъ, что въ Шемахѣ

Хосревъ-ханъ, а въ Гилани приказные люди задержали ихъ третій годъ, утѣсненіе всякое, обиды, насильства, налоги и убытки дѣлаютъ большіе, бьютъ, грабятъ; тогда какъ въ Московскомъ государствѣ персидскимъ торговымъ людямъ во всемъ свобода и береженье. Шахъ принимаетъ Русскихъ измѣнниковъ и помогаетъ имъ: откочевалъ отъ Астрахани государевъ подданный Ногайскій Чебанъ-мурза и кочевалъ подъ Терекомъ, а потомъ началъ кочевать по Кумыцкой сторонѣ въ дальнихъ мѣстахъ и учинился царскому величеству непослушенъ. Въ 1651 году ходили на него царскіе ратные люди — князь Муцалъ Черкаскій и стрѣлецкіе головы съ Нагайскими, Едисанскими и Черкаскими мурзами; но когда государевы ратные люди пришли на Чебана, измѣнилъ подданный великаго государя, вѣчный холопъ Суркай, шевкалъ Тарковскій, и, сложась съ Чебанъ-мурзою, началъ съ государевыми людьми биться, а ратные люди безъ царскаго указу съ Суркой-шевкаломъ биться не смѣли. Потомъ Суркай и Андреевскій Каганалпъ-мурза съ Кумыками приходили войною на русскій Сунширскій городокъ, подъ Барагуны и на улусы князя Муцала Черкаскаго, а къ шевкалу прислано было ратныхъ людей изъ Шемахи 500 человѣкъ, да изъ Дербента 300 человѣкъ, съ ними двѣ пушки; эти Шемахинскіе и Дербентскіе люди съ Кумыками многихъ царскихъ ратныхъ людей побили и переранили, а иныхъ въ плѣнъ захватили, барагунскихъ мурзъ взяли себѣ, городъ Сунширскій сожгли, взяли лошадей съ 3000, верблюдовъ съ 500, рогатаго скота съ 10,000, да овецъ съ 15,000. Великій государь надѣется, что все это сдѣлано безъ повелѣнія шаха Аббаса, надѣется, что шахъ велитъ Хосревъ-хана перемѣнить за это съ Шемахинскаго владѣнья и накажетъ его, чтобы впередъ между обоими великими государями больше ссоры не было, велитъ отдать плѣнныхъ и все пограбленное имѣніе. Великіе послы потребовали также, чтобы шахъ отдалъ Теймуразу его землю и наказалъ людей, разоряющихъ Грузію.

На все это шахъ велѣлъ отвѣчать посламъ чрез своихъ ближнихъ людей: «Покойный шахъ Аббасъ велѣлъ на Терекѣ сдѣлать одну сторожню, а другихъ городовъ ставить нигдѣ не велѣлъ; но вашего государя люди поставили города безъ указа и торговыхъ нашихъ людей побили и пограбили; ссора началась слѣдо-

вательно съ вашей стороны, и Шемахинскій ханъ Хосревъ послалъ своихъ людей, которые тѣ города сожгли. Ханъ Хосревъ умеръ; преемнику его, Мигиръ-Алей-хану и шевкалу Суркаю шахъ послалъ приказъ впередъ съ людьми вашего государя не ссориться, также и вашъ государь запретилъ бы своимъ людямъ нападать на Персіянъ, которые на море ходятъ. Шевкалъ Суркай, Чебанъ-мурза и Барагунскіе мурзы приклонились къ сторонѣ шахова величества сами собою, а по нашему закону, кто къ намъ приклонится, тѣхъ насильно назадъ отдавать нельзя; а а если они сами захотятъ служить вашему государю, то шахъ за нихъ стоять не будетъ. Приказнымъ людямъ велѣно отдать назадъ взятки, которыя они побрали у русскихъ людей. Какъ скоро царское величество велитъ отпустить съ Терека Суркаева племянника и торговыхъ Персіянъ, тамъ засаженныхъ, то и Русскихъ торговыхъ людей изъ Шемахи отпустятъ. Что же касается Грузіи, то прежніе шахи за непристойныя дѣла царя Теймураза много разъ посылали ратныхъ людей въ его землю, разоряли ее и самого его выгнали. Теймуразъ рабски вину свою прежнимъ шахамъ принесъ, дѣтей своихъ прислалъ, и ему область его отдали. За это у прежнихъ шаховъ съ великими государями Россійскими нелюбья не бывало. Въ прошлыхъ годахъ Теймуразъ опять затѣялъ непристойныя ссорныя худыя дѣла, и по шахову указу посыланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали; если Теймуразъ за вину свою внука своего къ шахову величеству пришлетъ, то опять область свою получитъ».

Послы возражали: «Не только та земля, гдѣ Терекъ и Суншинскій городокъ, но и та земля, гдѣ Тарки, издавна принадлежитъ царямъ Россійскимъ, города здѣсь было вольно ставить, и самъ покойный шахъ Аббасъ просилъ объ этомъ царя Михаила Ѳеодоровича. О грабежѣ торговыхъ людей по сыску въ Астрахани ничего не объявилось, а еслибы и дѣйствительно козаки ихъ ограбили, то эта бѣда имъ самимъ отъ себя: зачѣмъ они шли въ караванѣ вмѣстѣ съ Тарковскими Кумыками и другими воровскими людьми; извѣстно, что у Терскихъ и Гребенскихъ козаковъ съ Кумыками бываютъ ссоры большія; прежде купцы не хаживали въ горы безъ обсылки съ Терскимъ воеводою, и никто ихъ не грабилъ. Кумыцкіе шевкалы и мурзы издавна хо-

лони великихъ государей нашихъ, а прежніе Персидскіе шахи въ Кумыцкую землю не вступались: также и теперешній шахъ не вступался бы и съ царскимъ величествомъ за то нелюбья не начиналъ; а Барагунскіе мурзы поддались шаху по неволѣ. Грузинская земля православной христіанской вѣры греческаго закона, и Грузинскіе цари издавна подданные нашихъ великихъ государей».

— «Нѣтъ! начали говорить шаховы ближніе люди: Теймуразъ и вся Грузинская земля въ подданствѣ у нашихъ Персидскихъ шаховъ; правда, покойный шахъ Аббасъ обѣщалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу охранять Грузію по братской дружбѣ и любви; если и теперь Теймуразъ самъ пріѣдетъ къ шаху или внука своего пришлетъ, то шахъ землю его ему отдастъ. О Теймуразѣ и Грузинской землѣ мы въ другой разъ докладывать шахову величеству не станемъ, потому что онъ велѣлъ отвѣчать вамъ впрямь и быть тому дѣлу безповоротно, также и всѣмъ другимъ дѣламъ. Нашимъ торговымъ людямъ въ Московскомъ государствѣ свободы нѣтъ, держатъ ихъ на дворахъ за сторожами, а куда имъ случится выйти, то за ними также ходятъ сторожа».

— «Это дѣлается не для тѣсноты, а для обереганья», отвѣчали послы.

Шаховы рѣшенія остались безповоротны; перемѣнилось только одно: Аббасъ велѣлъ отпустить всѣхъ задержанныхъ въ Персіи Русскихъ купцовъ. На отпускѣ онъ позвалъ пословъ вечеромъ къ себѣ въ садъ прохладиться. Угощали сахарами и овощами; потомъ принесли передъ шаха сосудъ золотой съ каменьями, въ немъ виноградное питье чихирь, шахъ пилъ за государево здоровье, и спрашивалъ пословъ: «У брата моего, великаго государя вашего такое виноградное питье есть ли?»— «У царскаго величества, отвѣчали послы, питей всякихъ много, и изъ винограду есть питья—романея, ренское и другія, только не тѣмъ именемъ.» Передъ шахомъ стояли въ золотомъ сосудѣ цвѣты разные: Аббасъ, поднявъ цвѣты, спрашивалъ: «Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть ли?»—«У великаго государя, отвѣчали послы, цвѣты этимъ подобные есть, піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ разноличныхъ цвѣтовъ много.» Передъ шахомъ играли музыканты на домрахъ, гус-

ляхъ и скрипкахъ; шахъ спрашивалъ пословъ: «Братъ мой, великій государь вашъ чѣмъ тѣшится, и въ государствѣ его такія игры есть ли?»—«У великаго государя нашего, отвѣчали послы, всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много; но царское величество тѣми играми не тѣшится, тѣшится духовными органы, поютъ при немъ, воздая Богу хвалу, многогласнымъ пѣніемъ, и самъ онъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученію навыченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому чину и достоянію; выѣзжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить своимъ ближнимъ людямъ служилымъ строемъ: играютъ передъ нимъ древками, стрѣляютъ изъ луковъ и пищалей.»

Отвѣтъ шаха на счетъ Грузіи былъ слишкомъ ясенъ; продолжать дѣло можно было только съ оружіемъ въ рукахъ, а для этого у Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича не было никакой возможности. Когда началась Турецкая война, то Россія, вмѣстѣ съ Польшею, попытались было привесть и шаха къ союзу съ собою противъ Турокъ; но шахъ отвѣчалъ, что ему нельзя безъ причины разорвать мира съ султаномъ. Такимъ образомъ относительно Персіи у Москвы оставался одинъ торговый интересъ. Въ столицу постоянно пріѣзжали Кизильбашскіе купчины, и привозили восточные узорочные товары, считавшіеся необходимыми для великолѣпія царскаго двора. Въ 1660 году пріѣхалъ въ Москву купчина Армянинъ Захаръ Сарадовъ и привезъ царю въ подарокъ богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугомъ, восточною бирюзою и турецкою финифтью, оцѣненный въ 22,589 рублей; перстень золотой съ алмазами; жаровню серебряную съ сулейкою серебряною для сожиганія ароматовъ; 15 сулей ширазскаго шарапу, что̀ шахъ пьетъ; 4 сулейки водки гуляфной; 3 сулейки водки ароматной; скляницу водки нарызжовой; 12 золотниковъ аромату восточнаго; 12 ваій, которыя государь носитъ въ правой рукѣ во время церемоніи шествія патріарха на осляти. Въ Посольскомъ приказѣ Армянина распрашивали: можно ли ему въ своей землѣ промыслить для великаго государя каменья дорогаго, запонъ и другихъ узорочныхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотописцевъ и золотаго и се-

ребрянаго дѣлъ мастеровъ и алмазниковъ рѣзцовъ, которые рѣжутъ на всякихъ каменьяхъ? Армянинъ отвѣчалъ, что отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что прикащики ихъ ѣздятъ во всѣ государства; можно заказать богатый чепракъ — можно сдѣлать въ 50,000; можно изъ Индіи привезти птицъ, которыя говорятъ поиндѣйски, а звѣрей привезти нельзя, потому что ѣхать надобно черезъ два моря. Мастеровыхъ людей въ шаховой области много, и онъ, купчина станетъ ихъ призывать въ Московское государство. Они съ отцемъ великому христіанскому государю во всемъ работать и служить ради, а не для своей прибыли; шахъ ихъ жалуетъ, торгуютъ они безпошлинно; только шахъ вѣры бусурманской, а они христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать ради.

Мы видѣли, какъ при царѣ Михаилѣ Англичане и другіе западные народы домогались у Московскаго правительства свободной торговли по Волгѣ съ Персіею; теперь подобное предложеніе явилось на оборотъ, изъ Персіи, отъ компаніи тамошнихъ Армянъ. Въ 1666 году Армянинъ Григорій Лусиковъ подалъ царю челобитную: «Пожалована наша компанія отъ шаха правомъ вывозить изъ Персіи за море шелкъ сырецъ черезъ которое государство мы захотимъ. Возимъ мы шелкъ многіе годы черезъ Турецкое государство, которое обогащается отъ насъ таможенными сборами. Поговоря съ товарищами, я выѣхалъ къ тебѣ, великому государю, бить челомъ, чтобы ты пожаловалъ, велѣлъ намъ возить шелкъ сырецъ и другіе персидскіе товары, которые на нѣмецкую руку, черезъ свое Московское государство за море въ Нѣмецкія земли и опять указалъ насъ пропускать назадъ изъ-за моря черезъ Архангельскъ съ нѣмецкими товарами, съ золотыми и ефимками въ Персію. Если мы продадимъ шелкъ въ Астрахани, то заплатимъ пошлины по 5 копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, вели оцѣнить шелкъ по 20 рублей пудъ, взять по пяти копѣекъ съ рубля и пропустить къ Москвѣ; если продадимъ въ Москвѣ, то вели взять пошлины по пяти копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, то вели оцѣнить пудъ по 30 рублей, взять пошлины по 5 копѣекъ съ рубля и отпустить къ Архангельску. Если продадимъ въ Архангельскѣ, вели взять пошлины по 5 копѣекъ; если же не продадимъ, вели

пудъ оцѣнить по 40 рублей, пошлины взять по 5 копѣекъ съ рубля и пропустить за море въ Нѣмецкія земли. А которые персидскіе товары годны на нѣмецкую руку, вели съ насъ брать пошлину, какъ ведется; также вели брать обычную пошлину и съ нѣмецкихъ товаровъ, которые мы привеземъ въ Архангельскъ. Отъ провозу этого шелка и другихъ товаровъ твоимъ подданнымъ великая прибыль. Иноземцы, которые теперь ѣздятъ на корабляхъ въ турецкую землю для покупки этого шелку и другихъ товаровъ, всѣ будутъ ѣздить къ Архангельску и съ нихъ будутъ сходить въ твою казну большія пошлины».

Въ маѣ 1667 года Ординъ-Нащокинъ написалъ договоръ съ компаніею на условіяхъ, означенныхъ въ просьбѣ; агентомъ компаніи въ Москвѣ, по просьбѣ Армянъ, утвержденъ былъ Англичанинъ Брейнъ. Агентъ обязывался послать своихъ вѣрныхъ людей въ Астрахань, Новгородъ, Архангельскъ и другіе порубежные города, и всякими дѣлами компаніи въ челобитьѣ и торговыхъ промыслахъ честно и вѣрно радѣть, великому государю, его боярамъ, думнымъ и приказнымъ людямъ обо всякихъ дѣлахъ и обидахъ извѣщать и бить челомъ радѣтельно, безъ всякой понаровки недругамъ компаніи; отписывать о дѣлахъ компаніи къ ея членамъ въ Персію, какъ случатся ѣздоки. За это радѣнье компанія платитъ Брейну съ проданныхъ товаровъ по деньгѣ съ рубля; если же компанія пришлетъ шелкъ или другіе товары къ самому агенту для продажи, то платитъ ему съ продажныхъ товаровъ по грошу съ рубля; если же онъ товары продастъ или вымѣняетъ на другіе, то платитъ ему по другому грошу съ рубля.

Въ маѣ написанъ былъ договоръ, а 19-го іюня сдѣлано было распоряженіе о строеніи кораблей для Каспійскаго моря: великій государь указалъ для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ, а вѣдать это корабельное дѣло въ приказѣ Новгородской чети боярину Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, да думнымъ дьякамъ—Дохтурову, Голосову и Юрьеву. Въ тотъ же день иноземецъ Иванъ фанъ-Сведенъ объявилъ въ приказѣ корабельщиковъ, Ламберта Гелта (Holt) съ товарищами, четырехъ человѣкъ, нанятыхъ на четыре года. Полковникъ Корнеліусъ фанъ-Буковенъ (Bockhoiven) отправился въ Вяземскій и

Коломенскій уѣзды осматривать лѣса; къ Марселисамъ на ихъ Тульскіе и Каширскіе заводы послана была память—давать желѣзо самое доброе на корабельное дѣло. Плотниковъ и кузнезовъ велѣно было набирать изъ рыболововъ села Дѣдинова, охотниковъ, а въ неволю никого не нудить. Главнымъ распорядителемъ при строеніи кораблей былъ приставленъ Яковъ Полуехтовъ.

Новое дѣло пошло не такъ скоро, какъ бы хотѣлось. Хотѣлось, чтобы корабль поспѣлъ къ веснѣ 1668 года; но 1-го октября 1667 Полуехтовъ прислалъ сказку Дѣдиновскаго старосты, что у нихъ къ корабельному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ; того же числа другая отписка Полуехтова: Коломенскій кабацкій голова отказалъ: денегъ у него нѣтъ, на корабельное дѣло дать нечего. Плотниковъ велѣли нанимать въ Коломнѣ и Дѣдиновѣ; но отъ 27-го октября отъ Полуехтова новая отписка: въ Дѣдиновѣ плотники охотою не нанимаются, а подрядчиковъ нѣтъ, и корабельное дѣло за плотниками стало. Послали память въ Приказъ Большаго Дворца, велѣно всѣмъ Дѣдиновскимъ плотникамъ уговариваться безъ всякаго опасенья, наемъ имъ будетъ безъ убавки, и въ неволю на нихъ корабельное дѣло накинуто не будетъ, ссорщикамъ не вѣрили бы; Полуехтову послали государеву грамоту: изъ Дѣдинова и другихъ селъ взять у приказныхъ людей плотниковъ тридцать человѣкъ, а корму давать имъ по четыре алтына на день. Работа пошла съ 14-го ноября. Въ январѣ отписка отъ Полуехтова: «Плотникамъ и кузнецамъ дано корму по четыре алтына на день человѣку, а дни малые и холодные, корабельное дѣло неспоро, а корму, безъ указа, убавить не смѣю». Въ отвѣтъ велѣно давать по два алтына человѣку, да смотрѣть, чтобы не гуляли. Тридцати плотниковъ оказалось мало; понадобились канаты и бичевки, мастеровъ канатныхъ можно было сыскать между крестьянами епископскаго села Городищь, но никто изъ нихъ волею не подряжался; спросили паруснаго мастера — нѣтъ! иноземцы объявили, что надобно на кораблѣ вырѣзать корону: рѣзчика негдѣ было сыскать; Дѣдиновцы наскучили незваными гостями: староста приходилъ со многими людьми и ссылалъ полковника фанъ-Буковена со двора, отводили дворы далеко отъ корабельнаго дѣла. Велѣли прибавить еще 20 человѣкъ Дѣдиновскихъ плот-

никовъ и полковника велѣли поставить на ближнемъ дворѣ, епископу Коломенскому велѣли дать канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ; изъ Оружейной Палаты велѣли выслать въ Дѣдиново рѣзнаго мастера; туда же велѣли послать изъ Пушкарскаго приказа казеннаго кузнеца Никитина. Но и тутъ неудачи: Пушкарскій приказъ отвѣчалъ, что кузнецъ Никитинъ дѣлаетъ къ большому Успенскому колоколу языкъ, а кромѣ того кузнеца языка дѣлать некому; Оружейная Палата отвѣчала, что у нея рѣзнаго мастера нѣтъ. Парусныхъ швецовъ и токарей велѣли взять на Коломнѣ, кузнецовъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ, живописца и рѣзца на Гранатномъ дворѣ, но на Гранатномъ дворѣ ихъ не оказалось, послали въ Стрѣлецкій приказъ. Между тѣмъ наступила весна, май мѣсяцъ; Полуехтовъ далъ знать, что корабль на воду спущенъ, будутъ отдѣлывать его на водѣ, а яхта и шлюпы поспѣютъ скоро. Но въ іюнѣ новыя жалобы отъ Полуехтова: Коломенскій епископъ Мисаилъ канатныхъ мастеровъ не даетъ; а епископъ жалуется: «далъ я 8 человѣкъ мастеровъ, но Полуехтовъ бьетъ ихъ и мучитъ, въ подклѣть сожаетъ, пеньки и кормовыхъ денегъ не даетъ, мучитъ голодною смертію». На Коломенскомъ кружечномъ дворѣ, на которомъ до сихъ поръ брали деньги для корабельнаго строенія, денегъ не достало, послали взять въ Зарайскѣ и Переяславлѣ Рязанскомъ изъ таможенныхъ доходовъ. Отыскали и отправили въ Дѣдиново иконописца и рѣзца, рѣзцу велѣно короны рѣзать, а иконописцу, гдѣ доведется, цвѣтить. Лѣто уже приближалось къ исходу, а корабль все не былъ готовъ. 7-го августа послана къ Полуехтову царская грамота: велѣно у корабля на кормѣ сдѣлать и вырѣзать травы и вызолотить, орла и короны дѣлать не велѣно, а на носу сдѣлать льва; велѣно дѣлать съ большимъ поспѣшеніемъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ отпустить корабль изъ Дѣдинова. Полуехтовъ отвѣчалъ на это, что главная остановка за епископомъ Мисаиломъ: осьми канатныхъ мастеровъ мало, а епископъ не даетъ въ прибавку. Послали новую грамоту къ епископу съ большимъ подтвержденіемъ, а къ Полуехтову опять приказъ, чтобы непремѣнно корабли были готовы къ отпуску въ августѣ мѣсяцѣ. Прошелъ августъ; прошла и половина сентября; Полуехтовъ доноситъ, что корабль, яхта, два шлюпа и боты сдѣланы совсѣмъ наготовѣ; но большихъ канатовъ, на

чѣмъ кораблю и яхтѣ стоять, не сдѣлано, потому что мастеровъ только 8 человѣкъ, а больше епископъ Мисаилъ не присылывалъ. Пошла третья грамота къ епископу, а къ Полуехтову приказъ: отпустить корабли въ Нижній Новгородъ съ полковникомъ фанъ-Буковеномъ и корабельщиками, а кормщиковъ и гребцовъ взять изъ Коломенскаго посада и Коломенскаго яма, знающихъ людей, которые бы въ Окѣ рѣкѣ водяной ходъ знали. Въ Нижнемъ велѣно корабли поставить, для осенняго и весенняго льда, въ заводяхъ и беречь накрѣпко; чего на корабляхъ не подѣлано, то фанъ-Буковенъ долженъ былъ додѣлать въ Нижнемъ. Но 19 октября отписка изъ Дѣдинова: Коломенскіе ямщики государеву указу учинились ослушны, на корабли кормщиковъ и гребцовъ не дали, кораблю по Окѣ идти нельзя: вода мелка; а тутъ еще Полуехтовъ поссорился съ Буковеномъ, начали доносить другъ на друга: фанъ-Буковенъ пишетъ, что въ Окѣ вода мелка, идти кораблю нельзя, а Полуехтовъ пишетъ, что въ рѣкѣ вода велика и кораблямъ идти можно, только полковникъ съ подъячимъ пьетъ и бражничаетъ, о государевѣ дѣлѣ не радѣетъ, хочется ему, чтобы корабли зазимовали въ Дѣдиновѣ. Чтобы помочь дѣлу, послали грамоты: къ Полуехтову: если отпускъ замедлится, то быть ему въ опалѣ и наказаньѣ, и во что корабли станутъ, тѣ деньги доправятъ на немъ; къ Буковену: если не пойдетъ въ Нижній тотчасъ, то доправятъ на немъ кормы за всѣ прошлые мѣсяцы. Но и это не помогло: Буковенъ далъ знать, что съ 4 ноября морозы сильные, по Окѣ ледъ нaначалъ плыть большой; а Полуехтовъ присылаетъ сказку за руками старостъ Ловецкихъ селъ, что 2 ноября по Окѣ корабельный ходъ былъ. Какъ бы то ни было, корабль зазимовалъ въ Дѣдиновѣ.

20 ноября явился въ Посольскомъ приказѣ корабельный капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ 14 товарищами: пріѣхали они изъ-за моря изъ Амстердама, къ великому государю въ службу, по призыву фанъ-Сведена. 2 марта 1669 года Бутлера съ товарищами, да Астраханца, который на Каспійскомъ морѣ бывалъ, отправили въ Дѣдиновъ осмотрѣть корабль, можно ли на немъ по Каспійскому морю ходить? Посланные возвратились и объявили, что корабль и яхта годны. 25 апрѣля, по государеву указу, велѣно кораблю дать прозванье О р е л ъ, капитану Бутлеру велѣно поста-

вить на носу и на кормѣ по орлу, и на знаменахъ и на еловчикахъ нашивать орлы. Бутлеръ подалъ въ Посольскомъ приказѣ списокъ съ артикульныхъ статей, какъ долженъ капитанъ между корабельными людьми расправу чинить и вѣдать ихъ; артикулы были одобрены. Наконецъ въ началѣ мая Орелъ двинулся изъ Дѣдинова, а 13 іюня отпущенъ изъ Нижняго въ Астрахань. Постройка корабля, яхты, двухъ шнекъ и бота обошлась въ 9021 рубль.

Неудачному началу соотвѣтствовалъ несчастный конецъ; Стенька Разинъ сжегъ корабль въ Астрахани. Разбои Разина, разногласіе, происшедшее въ компаніи и смерть шаха Аббаса II-го помѣшали также исполненію договора, заключеннаго съ Армянами. Между тѣмъ Ординъ-Нащокинъ удалился отъ дѣлъ; мѣсто его занялъ Матвѣевъ, и въ іюлѣ 1672 года въ Посольскій приказъ созваны были выборные торговые люди, по два человѣка добрыхъ изъ сотни. Имъ прочли договоръ съ Армянскою компаніею 1669 года и спросили: если Армяне, по договору, шелкъ сырой и всякіе товары станутъ привозить въ Московское государство, въ Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и за море съ товарами ѣздить, то не будетъ ли Московскимъ и всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ въ ихъ промыслахъ помѣшки? Выборные отвѣчали: «При царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ Персидской области купецкіе люди Персіяне и Армяне, Кумычане и Индѣйцы пріѣзжали съ шелкомъ и со всякими персидскими товарами и торговали въ Москвѣ и въ Астрахани и по другимъ городамъ всегда съ Русскими купецкими людьми, а съ Нѣмцами, Греками и ни съ какими иноземцами нигдѣ не торговали, а въ Нѣмецкія земли черезъ Московское государство не ѣзжали. А Русскіе купецкіе люди со всякими русскими и нѣмецкими товарами ѣздили въ Астрахань и въ Персію за море и мѣняли русскіе и нѣмецкіе товары на шелкъ и на другіе персидскіе товары и продавали ихъ въ казну великаго государя, а изъ казны продавали Нѣмцамъ на ефимки, также и отъ себя продавали шелкъ Нѣмцамъ на ефимки, а ефимки отдавали въ казну на мелкія деньги и отъ того казнѣ бывало не малое пополненіе, а Русскимъ купецкимъ людямъ былъ промыслъ, и многія пошлины сходили съ нихъ и съ Персіянъ. Если же теперь Армяне станутъ торговать съ Нѣмцами, то постановятъ съ ними

договоръ, шелкъ продадутъ Нѣмцамъ на ефимки и на золотые и на заморскіе такіе товары, которые прежде Русскіе люди покупали у Нѣмцевъ и продавали Персіянамъ. Такъ по этому договору ефимки и золотые и заморскіе товары пойдутъ въ Персидскую землю чрезъ Московское государство, и Персидской землѣ будетъ прибыль, а казнѣ великаго государя убытокъ, Русскіе купецкіе люди лишатся своихъ промысловъ и придутъ въ убожество.»

Въ концѣ 1672 опять пріѣхалъ въ Москву Григорій Лусиковъ, и услышалъ отъ Артамона Сергѣевича Матвѣева такія рѣчи: «Въ 1667 году великій государь васъ Армянъ пожаловалъ, съ шелкомъ и другими товарами вамъ пріѣзжать позволилъ, какъ о томъ въ крѣпости написано. Для покупки шелка приготовлена царская казна многая, и потерпѣла она въ простоѣ отъ долгаго времени убытки великіе. Этимъ вы свой договоръ нарушили, а теперь объяви, по договору шелкъ съ собою ты привезъ ли, и чѣмъ вознаградишь убытки, понесенные царскою казною?»

Лусиковъ: Христосъ не пришелъ разорить Моисеева закона, но исполнить, а слухъ носится, что договоръ о шелкѣ хотятъ перемѣнить.

Матвѣевъ: Правда, что Христосъ сошелъ на землю ради нашего спасенія, и не пришелъ разорить законъ, но исполнить; это твое слово къ пополненію царской казны пристойно. Объяви, какимъ способомъ можешь вознаградить царскую казну за убытки?

Лусиковъ: Въ договорѣ не постановлено, чтобы намъ шелкъ ставить въ царскую казну. Шелку я не привезъ теперь съ собою за козацкимъ воровствомъ, а какъ вознаградить убытки царской казнѣ, не вѣдаю.

Матвѣевъ: За козацкимъ воровствомъ останавливать товаровъ вамъ было не для чего, потому что всякому свое здоровье должно беречь больше пожитковъ; самъ ты проѣхалъ, и шелкъ могъ провести, а не привезъ-царскую казну изубытчилъ и договоръ нарушилъ.

Лусиковъ: Если покупать шелкъ въ казну, то этимъ самымъ договоръ будетъ нарушенъ, потому что въ договорѣ такой статьи нѣтъ.

Матвѣевъ: Если у царскаго величества съ Нѣмецкими государями будутъ какія ссоры, то за море васъ отпускать нельзя, торговать вамъ въ Архангельскѣ и въ другихъ Русскихъ городахъ, продавать свои товары или въ царскую казну, или Русскимъ торговымъ людямъ. — На эту новую статью, ненаходившуюся въ первомъ договорѣ, Лусиковъ отвѣчалъ письменно, что они, Армяне согласны на нее, только бы установлена была шелку цѣна, и если во время проѣзду изъ Астрахани до Москвы учинится въ товарахъ убытокъ, то онъ вознаграждается изъ казны царской. На установленіе цѣны согласились; но относительно случаевъ утраты товаровъ отъ воровства постановили: если на Волгѣ объявится воровство, то Астраханскіе воеводы дадутъ знать объ этомъ въ первый Персидскій порубежный городъ, чтобъ торговые люди въ Астрахань съ шелкомъ и другими товарами не ѣздили. Если не смотря на все береженіе и провожаніе Армянъ, товары потонутъ или какимъ-нибудь другимъ образомъ пропадутъ, то съ этихъ товаровъ пошлинъ не брать. Арманинъ вытребовалъ чтобы во время провозу товаровъ при нихъ былъ постоянный караулъ изъ Русскихъ людей, и если за этимъ карауломъ товары пропадутъ, то хозяевамъ искать судомъ на караульщикахъ, и если разыскать будетъ нельзя, то давать вѣру: «Зимою, говорилъ Лусиковъ, пріѣдемъ на станъ и пойдемъ въ избу, а безъ насъ Русскіе люди что хотятъ, то и сдѣлаютъ надъ нашими товарами, потому что мы къ зимѣ непривычны, на морозѣ оставаться не можемъ.» Что касается до цѣны, по какой брать шелкъ въ казну, то уговорились, чтобъ пудъ шелку лежей стоилъ 35, а ардашъ 30 рублей. Лусиковъ далъ обязательство: «Въ Нѣмецкія государства черезъ Турцію и никакимъ другимъ путемъ съ шелкомъ сырцомъ и другими товарами ни компанейщикамъ, ни другимъ подданнымъ Персидскимъ не ѣздить; если иноземцы пріѣдутъ въ Персидское государство для покупки шелку, то Армяне не должны имъ его продавать: весь шелкъ идетъ въ Россію.»

21 мая 1673 года Матвѣевъ призывалъ гостей, Василья Шорина съ товарищами и объявилъ имъ царскій указъ: впередъ изъ Астрахани Русскихъ торговыхъ людей и ихъ прикащиковъ въ Персію не отпускать; также Персидскимъ торговымъ людямъ торговать съ Русскими въ одной Астрахани, и въ верховые го-

рода ихъ не пускать до тѣхъ поръ пока будетъ постановлено объ этомъ чрезъ пословъ отъ обоихъ государствъ, потому что Шемахинскій ханъ гостя Астаѳья Филатьева прикащика, также и другихъ прикащиковъ товары и имѣніе взялъ грабежемъ, и впередъ Русскихъ людей будутъ грабить изъ мести, что въ Астрахани при Стенькѣ Разинѣ ограблены шаховъ посланникъ и купчины. Будучи на Москвѣ въ Посольскомъ приказѣ домогались они многими разговорами и челобитьемъ, чтобы великій государь указалъ послать въ Астрахань и другіе понизовые города сыскныя грамоты. Посланнику отказали въ этомъ для того, что въ Астрахани послѣ Стеньки на воровствѣ многіе торговые люди покупили персидскіе товары и везутъ въ Москву и другіе города: такъ еслибы послать сыскныя грамоты, то посланникъ и купчина гдѣ такіе товары сыщутъ, будутъ называть своими и начнутся великія ссоры. Если гостямъ такое распоряженіе, чтобы въ Персію не ѣздить, и торговать въ Астрахани, годно, то пусть пришлютъ сказку за руками въ Посольскій приказъ.

Гости прислали сказку: «Русскимъ купецкимъ людямъ въ шаховой области во всѣхъ городахъ отъ начальныхъ хановъ чинится великая обида и тѣснота и неволя; ханы берутъ лучшіе товары, соболи, пупки, сукна, кость рыбью и слюду безъ цѣны силою, держатъ у себя по полугоду и по году, и послѣ долгаго челобитья платятъ цѣну въ половину и въ треть, а иные товары, державъ долгое время и перегноя, отдаютъ назадъ съ великимъ безчестьемъ и обидою; а во многихъ городахъ Русскихъ купецкихъ людей бьютъ и увѣчатъ палками безвинно. Въ Шемахѣ въ 1650 году захватили Русскихъ купецкихъ людей и держали ихъ въ заперти до 1656 года, при чемъ убытка Русскіе люди потерпѣли больше 50,000. Въ 1660 году Тарковскій Шёвкалъ пограбилъ товары гостей Шорина, Филатьева, Денисова и Задорина слишкомъ на 70,000 рублей. Въ 1672 году тотъ же Шевкалъ ограбилъ Астраханскаго жителя, Армянина Нестора слишкомъ на 5000 рублей; а Шевкаловы торговые люди ежегодно пріѣзжаютъ въ Астрахань и торгуютъ вольно; еслибы ихъ задержать въ Астрахани, то и Шевкалъ пересталъ бы грабить Русскихъ людей. Видя такія обиды въ шаховыхъ областяхъ, Русскіе купецкіе люди ѣздить туда опасаются; но чтобы и пер-

сидскихъ купцовъ далѣе Астрахани не пускать, иначе они отнимутъ промыслы у Русскихъ людей и царской казнѣ будетъ убыль большая: Персіяне и Армяне, Кумычане, Черкесы, Индѣйцы и Астраханскіе Татары, пріѣзжая въ Москву и другіе города станутъ продавать свои товары всякимъ людямъ врозь дорогою цѣною, а русскіе товары лучшіе станутъ покупать дѣшевою цѣною; вмѣсто двухъ и трехъ пошлинъ, что̀ съ Русскихъ сходитъ, станутъ платить одну пошлину; Русскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ покупкѣ персидскихъ товаровъ передача великая, вся прибыль будетъ у Персіянъ.

По прочтеніи этой сказки послали спросить Лусикова, не разсердится ли шахъ, если Персіянъ не будутъ пропускать изъ Астрахани въ Москву? и не будетъ ли отъ Персіянъ челобиты шаху на нихъ, Армянъ, когда они одни, по договору, будутъ пріѣзжать въ Москву и другіе Русскіе города? Лусиковъ отвѣчалъ, что Персидскіе купчины теперь и сами не поѣдутъ въ Россію, потому что прежде брали они товары взаймы изъ шаховой казны, казначей бралъ съ нихъ взятки и давалъ имъ роспись за шаховой печатью, вслѣдствіе чего они торговали безпошлинно; а теперь, какъ состоялся договоръ съ Армянскою компаніею, купчинамъ казенныхъ товаровъ уже не даютъ; бить челомъ Персіяне на Армянъ не будутъ, потому что послѣдним шахъ далъ жалованную грамоту на вывозъ шелка въ Россію, и грамоты этой перемѣнить нельзя. По этому случаю Лусиковъ прибавилъ: «Пріѣзжаютъ изъ шаховой области въ Русское государство тезики съ купчинами, а иные и особо, торги у нихъ малые, обыкновенно торгуютъ табакомъ, живутъ въ Москвѣ и другихъ городахъ многіе годы, а прибыли отъ нихъ нѣтъ. Тому лѣтъ съ шесть подговорили они и увезли изъ Москвы молодую монахиню, которая обусурманилась и вышла замужъ за тезика, и тезики насъ Армянъ укоряютъ, что вотъ христіане въ ихъ вѣру обращаются: указалъ бы великій государь всѣхъ тезиковъ отовсюду выслать въ Персію; шаху будетъ это пріятно; а мы Армяне табакомъ торговать и Русскихъ людей увозить не будемъ, потому что мы христіане.»

До сихъ поръ мы слѣдили за сношеніями Московскаго государства, готоваго перейти въ Россійскую Имперію, съ государствами Европы и Азіи, съ народами, принадлежащими христі-

анской или магометанской цивилизаціи. Но Россія, съ самаго начала своей исторіи, имѣла постоянно сосѣдями кочевые народы, выходившіе изъ степей Средней Азіи, и мы знаемъ, какое вліяніе оказывало на ея исторію это сосѣдство. Исчезли Печенѣги и Половцы, страшные поработители Татары подчинились своимъ прежнимъ данникамъ Русскимъ, хотя и не переставали обращать взоры на Константинополь, въ ожиданіи, что преемникъ калифовъ избавитъ ихъ отъ царя христіанскаго; но степная украйна не перемѣнила своего характера, кочевники движутся, тѣснятъ другъ друга, какъ нѣкогда Половцы потѣснили Печенѣговъ, Татары Половцевъ. Но теперь они сталкиваются уже не съ Кіевскою Русью, сталкиваются съ могущественною для нихъ Москвою, и любопытно прослѣдить ихъ первоначальныя отношенія къ Москвѣ, какъ сначала они хотятъ удержать свою независимость, право движенія и хищничества, но скоро, волею-неволею, должны подчиниться Москвѣ, войти къ ней въ служебныя отношенія, изъ дикихъ Половцевъ сдѣлаться Черными Клобуками.

Въ 1645 году, еще при жизни царя Михаила, двое Калмыцкихъ тайшей прислали въ Москву пословъ своихъ бить челомъ о принятіи ихъ въ послушанье, съ обѣщаніемъ служить и добра хотѣть, а государь бы за это велѣлъ пріѣзжать имъ къ Астрахани, къ Уфѣ и къ другимъ городамъ со всякими торгами. Алексѣй Михайловичь, по восшествіи своемъ на престолъ, въ концѣ того же 1645 года отправилъ къ тайшамъ голову московскихъ стрѣльцовъ Кудрявцева, чтобы ихъ уговорить и къ государской милости обратить безъ войны и безъ крови. Кудрявцевъ выѣхалъ изъ Уфы 22 марта 1646 года по послѣднему зимнему пути, по пластамъ, степью и ѣхалъ до Калмыцкихъ улусовъ четыре недѣли въ полую воду. 21 апрѣля пріѣхалъ онъ въ улусъ къ Лоузаню тайшѣ на рѣчку Кіимъ и велѣлъ ему сказать, чтобы послалъ къ братьи своей, племянникамъ и другимъ тайшамъ, пусть съѣдутся въ одно мѣсто для выслушанія царскаго посланника. «Для этого наши тайши ко мнѣ не поѣдутъ, отвѣчалъ Лоузань: подай государеву грамоту мнѣ здѣсь и государево милостивое слово скажи.» Кудрявцевъ поѣхалъ къ нему и подалъ грамоту: «Подожди, сказалъ тайша, когда обо всемъ между собою переговоримъ, тогда тебѣ обо всемъ скажемъ.» Кудряв-

цевъ ждалъ недѣлю и дождался: Лоузань прислалъ къ нему людей своихъ, тѣ прибили, ограбили посла и отвезли его въ другой улусъ, къ племяннику Лоузаневу, Наамсарѣ; тотъ послалъ его къ другому дядѣ своему; послѣднiй, продержавъ Кудрявцева три недѣли, отослалъ назадъ къ Наамсарѣ. 17 iюня тайши съѣхались на рѣкѣ Оръ, и позвали къ себѣ посланника, который говорилъ имъ такую рѣчь: «Вѣдомо вамъ самимъ, что издавна были вы у великихъ государей царей въ послушаньѣ; но въ 1643 году, забывъ милость царя Михаила Θеодоровича, приходили подъ Астрахань, Русскихъ и Ногайскихъ людей побили, а Едисанскихъ мурзъ и улусныхъ людей съ женами и дѣтьми взяли и отвезли къ себѣ и до сихъ поръ не отдали. Потомъ выходили на Терекъ на Ногайскихъ мурзъ, но были побиты въ горахъ Кумыками и горными Черкасами. Этимъ вы не унялись, но приходили подъ Саратовъ и другiе понизовые города. Не терпя такихъ досадъ, царь Михаилъ Θеодоровичь посылалъ на васъ воеводу своего Плещеева; воевода встрѣтилъ васъ за Саратовымъ и многихъ побилъ, другихъ въ плѣнъ взялъ и много разоренья за ваши неправды вамъ сдѣлалъ; наконецъ вы прислали къ великому государю бить челомъ, чтобы принялъ васъ подъ свою высокую руку. Великiй государь Михаилъ Θеодоровичь премѣнилъ гнѣвъ на милость, воевать и разорять васъ больше не велѣлъ, а сынъ его, великiй государь царь Алексѣй Михайловичь послалъ къ вамъ меня съ своимъ милостивымъ словомъ: и вамъ бы отъ неправдъ своихъ отстать, великому государю служить, изъ-подъ Астрахани и изъ-подъ Уфы и отъ другихъ городовъ отойти кочевать на прежнiя свои дальнiя кочевья, и передо мною присягу дать по своей вѣрѣ, Едисанскихъ Татаръ отпустить, аманатовъ въ Астрахань и Уфу дать изъ тайшей или изъ улусныхъ лучшихъ родственныхъ людей. А какъ вы все это исполните, то государь станетъ васъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьѣ, торги и промыслы вамъ будутъ безпошлинные.»

«Въ прошлыхъ годахъ, отвѣчали тайши, калмыцкiе улусы у Московскихъ государей въ послушаньѣ бывали ль, или нѣтъ, и чѣмъ ихъ прежнiе государи жаловали или нѣтъ, того мы не упомнимъ; а то мы знаемъ, что дѣды и отцы наши и мы сами, и братья наши и племянники у царей Московскихъ и у царя

Михаила Θеодоровича никогда въ послушаньѣ не бывали и никакого государева жалованья къ намъ не присылывано, и пословъ своихъ не посылывали съ челобитьемъ, чтобы быть намъ въ неволѣ, посылали мы бить челомъ о томъ, чтобы быть съ государемъ въ мирѣ, намъ на его города войною не ходить, а ему на насъ своихъ ратныхъ людей не посылать, и дать намъ подъ своими городами торгъ. Къ Астрахани ходили не всѣ тайши, ходило только двое тайшей, ходили не подъ государеву отчину, а на встрѣчу къ Едисанскимъ мурзамъ и улуснымъ людямъ, которые просили нашихъ тайшей, чтобы приняли ихъ къ себѣ; тайши къ себѣ ихъ и приняли, взяли ихъ не за саблею, люди они Божьи, и теперь кочуютъ на степи своими улусами по своей волѣ, захотятъ подъ Астрахань, и мы ихъ не держимъ, а по неволѣ не отдадимъ. Подъ Саратовъ и другіе города мы не прихаживали, а если кто и приходилъ изъ насъ украдкою, того мы не знаемъ, потому что кочуемъ не въ одномъ мѣстѣ; а что воевода Плещеевъ нашихъ людей побилъ и въ полонъ взялъ, то такъ повелось изъ вѣка, на войнѣ побиваютъ и въ полонъ берутъ. Государь велитъ намъ идти изъ подъ своихъ городовъ на прежнія дальнія кочевья: но мы кочуемъ не подъ его городами, земля Божія, кочуемъ на порожней землѣ, мы люди Божіи вольные, кочуемъ по своей волѣ не въ указъ. Служить мы государю не хотимъ, а и безъ шерти лиха ему не желаемъ, въ прежніе годы не бывало, чтобы мы какому-нибудь государю служили и шерть давали; если ты поцѣлуешь крестъ, что государь не будетъ насъ воевать, то и мы велимъ лучшимъ людямъ шертовать, что войны начинать не будемъ. Аманатовъ не дадимъ, потому что этого у насъ не повелось, а Русскаго полону у насъ нѣтъ, потому что мы на Русь не ходимъ; а торгъ дѣло вольное, велитъ государь съ торгомъ приходить, и мы торгуемъ, а намъ и кромѣ государевыхъ людей есть съ кѣмъ торговать, пошлинъ же никому не даемъ.»

— «Если такъ, сказалъ Кудрявцевъ, то государь велитъ васъ воевать съ двухъ сторонъ съ огненнымъ боемъ, и къ врагамъ вашимъ, дальнимъ Калмыкамъ пошлетъ, чтобы также шли на васъ.»

— «Что ты намъ грозить пріѣхалъ! отвѣчали тайши: еслибы ты не изъ Москвы былъ присланъ, то за такое слово быть бы

тебѣ въ Бухарѣ; еслибы государю насъ воевать, то онъ бы и не грозясь велѣлъ воевать и разорять: это въ Божьей рукѣ, кому Богъ поможетъ.»

Калмыки дѣйствительно сговаривались посланника убить или продать; но нѣкоторые отговорили; Кудрявцева повели въ дальнія кочевья, гдѣ онъ терпѣлъ голодъ, принужденъ былъ ѣсть всякую сквернy. Здѣсь посланникъ видѣлся съ Ногайскими и Едисанскими мурзами и уговаривалъ ихъ возвратиться подъ Астрахань: «Мы государю измѣнили, былъ отвѣтъ, и намъ назадъ идти нельзя, улусные люди не хотятъ, да если и пойдемъ подъ Астрахань на старыя кочевья, то Калмыки придутъ и возьмутъ насъ; если же отъ Калмыковъ будетъ тѣсно, то мы пойдемъ подъ Астрахань.» — «Все это мурзы обманываютъ, писалъ Кудрявцевъ, забыли государеву милость и Калмыцкихъ ташей на всякое зло наговариваютъ; только бы не они, то тайши иного и не знали бы, всякіе русскіе обычаи разсказываютъ и наговариваютъ.» Кудрявцевъ вывѣдывалъ у Калмыковъ, не согласятся ли они идти вмѣстѣ съ Русскими людьми войною на Крымъ; но тайши отказались: «Ждемъ мы на себя войны отъ дальнихъ Калмыковъ, говорили они: а Крымъ отъ насъ далеко, мѣсто незнакомое, и съ Русскими людьми идти намъ вмѣстѣ нельзя: вашъ Русскій походъ тяжелъ, ходите пѣши; гдѣ намъ идти день, а Русскимъ людямъ идти недѣлю, да и Русскихъ людей опасаемся, чтобы чего-нибудь надъ нами не сдѣлали.» Продержавъ Кудрявцева у себя почти пять мѣсяцевъ, Калмыки наконецъ отпустили его изъ степи.

Калмыки остались на новыхъ своихъ кочевьяхъ по Яику, Ѳру, Сакмарѣ, по рѣкамъ, которыми владѣли ясачные люди Уфимскаго уѣзда, грабили, били и хватали въ плѣнъ этихъ ясачныхъ людей на промыслахъ; врывались въ Казанскій и Самарскій уѣзды, раззоряли Русскія и Башкирскія села; Башкирцы платили имъ тѣмъ же; съ обѣихъ сторонъ накоплялись плѣнники и шли переговоры о ихъ размѣнѣ, при чемъ Московское правительство не переставало твердить тайшамъ, чтобы уходили назадъ въ свои дальнія кочевья, на Чѳрные пески и на Иргизъ рѣку, и не занимали бы земель между Яикомъ и Волгою. Тайши отвѣчали одно, что въ холопствѣ никогда ни у кого не были и никого не боятся, кромѣ Бога. «Земля и воды Божьи,

говорили они, а прежде та земля, на которой мы теперь съ Ногайцами кочуемъ была Ногайская, а не государева, и Башкирскихъ вотчинъ въ тѣхъ мѣстахъ не бывало; мы, пришедши сюда, Ногайцевъ сбили, и Ногайцы пошли кочевать подъ Астрахань; а какъ мы подъ Астраханью Ногайскихъ и Едисанскихъ мурзъ за саблею взяли, то и кочуемъ съ ними по поламъ по этимъ рѣкамъ и урочищамъ, потому что они теперь стали наши холопи; намъ въ этихъ мѣстахъ зачѣмъ не кочевать? да кромѣ нихъ и кочевать намъ негдѣ, а государевыхъ городовъ здѣсь нѣтъ.»

Но не долго Калмыки говорили этимъ языкомъ. Въ 1657 году четверо тайшей прислали царю грамоту, въ которой писали: «Большой Астраханскій воевода началъ къ намъ безпрестанно пословъ присылать, не дали намъ покою, все аманатовъ у насъ просили: и мы, Калмыки аманатовъ своихъ дали, родственника своего, при воеводахъ и при дьякѣ шертовали съ своими улусными людьми, и на договорной записи мы, тайши руки приложили, чая отъ васъ, великаго государя, впередъ жалованья, а какъ шертовали, то сказали намъ, что жалованье будетъ.» Калмыцкіе послы подали статьи: 1) чтобы великій государь велѣлъ тайшамъ давать жалованье, а ихъ родства есть еще три улуса, и они, увидя къ себѣ государеву милость и жалованье, и тѣ улусы станутъ призывать подъ царскую высокую руку. 2) Велѣлъ бы государь лѣтомъ кочевать имъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ по обѣ стороны и на перевозахъ бы ихъ нигдѣ не задерживали. 3) Въ городахъ, которые близко ихъ кочевья, указалъ бы государь давать имъ торгъ повольный, налоговъ бы и обидъ отъ воеводъ не было и во всемъ бы ихъ оберегали. 4) Указалъ бы государь идти имъ въ Крымъ войною, а съ ними бы послать Астраханскихъ служилыхъ людей.

Послѣдняя статья была очень важна при тогдашнихъ обстоятельствахъ Московскаго государства, и въ 1661 году дьякъ Гороховъ отправился къ Калмыцкому тайшѣ Дайчину съ требованіемъ, чтобы послалъ къ Крымскому хану, велѣлъ ему отстать отъ польскаго короля и не давать ему помощи, и если не отстанетъ, то Калмыки будутъ воевать Крымскіе юрты; но всего бы лучше, говорилъ Гороховъ, еслибы Дайчинъ-тайша нынѣшнимъ лѣтомъ со всѣми Калмыками пошелъ воевать Крымскіе юрты: тамъ богатства много отъ польскихъ людей, наполниться

Калмыкамъ есть чѣмъ; царскаго величества премногая милость къ тайшамъ и ко всѣмъ Калмыкамъ будетъ за ихъ службы, и въ государевыхъ городахъ Русскіе люди, видя Калмыцкую правду и прямую службу, будутъ съ Калмыками единодушно.

«Великій государь спрашиваетъ теперь на насъ службы, отвѣчалъ тайша, а жалованья посылаетъ намъ мало, тогда какъ мнѣ говорили, что будетъ мнѣ жалованье такое же, какъ прежде было Крымскому хану».

— «Такъ говорить негодится, возражалъ Гороховъ: потому что вы въ подданствѣ и послушаньи у великаго государя. Жалованья вы перебрали уже много, а службы еще никакой не показали».

— «Калмыки служатъ великому государю, говорилъ тайша: воюютъ улусы послушныхъ Крыму Ногаевъ; мы были и подъ Азовомъ и по рѣкѣ Кабану, и теперь ради исполнить повелѣнье великаго государя, пошлемъ своихъ людей на Крымъ, а послѣ большой воды пойду самъ съ дѣтьми и племянниками, стану станомъ на Дону подлѣ козачьихъ городковъ и буду промышлять надъ Крымомъ. Всѣмъ своимъ улуснымъ людямъ и Татарамъ велимъ заказъ учинить крѣпкій, чтобы никакихъ ссоръ и задоровъ съ людьми великаго государя не чинили, только чтобъ и отъ Русскихъ людей Калмыкамъ лиха не было, а злѣе всѣхъ Башкирцы: всегда всякое зло Калмыкамъ отъ Башкирцевъ».

— «Въ прошломъ году, отвѣчалъ дьякъ, вы жаловались, и по этой жалобѣ посланъ на Уфу стольникъ Сомовъ, велѣно ему про Башкирцевъ сыскать накрѣпко, взятое ими отослать къ вамъ въ улусы, а Башкирцевъ пущихъ воровъ велѣно казнить смертію, а другихъ наказать торговою казнію. Башкирцы, пущіе воры и вашихъ улусовъ разорители, Гаурко Ахбулатовъ съ товарищами, 30 человѣкъ, избывая смертной казни, бѣжали и живутъ теперь у сына твоего Мончакъ-тайши, и сынъ твой, позабывъ ихъ обиды, сдѣлалъ имъ большой привѣтъ и ласку, далъ имъ на пріѣздѣ по двѣ лошади, да по верблюду человѣку, коровъ и овецъ далъ не мало; но это сдѣлалъ онъ неправдою, шерть свою нарушилъ. Пусть онъ этихъ воровъ Башкирцевъ отошлетъ въ Астрахань; а если ихъ отдать не захочетъ, то впередъ Башкирцевъ отъ Калмыцкаго разоренья унимать нельзя».

Дайчинъ, помолчавъ немного, сказалъ: «Я про это ничего не знаю; когда увидишься съ Мончакъ-тайшею, то поговори съ нимъ; Мончакъ самъ владѣлецъ, а я старъ, и улусные люди прочатъ Мончака; а я къ нему съ ближними своими людьми прикажу. Повидавшись съ Мончакомъ, поѣзжай въ Москву поскорѣе, службу нашу и послушанье великому государю объяви, и если впередъ государю надобно будетъ наше Калмыцкое дѣло, то государь указалъ бы вѣдать это дѣло въ Астрахани Казбулату мурзѣ Черкаскому, потому что ему Калмыцкое наше дѣло за обычай».

Дьякъ поѣхалъ въ улусъ къ Мончаку, и первымъ дѣломъ его было, по пріѣздѣ туда, отправить Уфимскихъ жителей переговорить тайкомъ съ бѣглыми Башкирцами: для чего они великому государю измѣнили, съ Уфы бѣжали, и какого себѣ добра ждутъ въ Калмыцкихъ улусахъ? Калмыки давніе имъ злодѣи и будутъ мстить имъ за свою кровь. Когда Гороховъ пришелъ къ Мончаку, то тайша объявилъ, что онъ отъ отца своего не раздѣленъ и повелѣнье великаго государя также исполнить хочетъ съ радостью. Но иное говорили мурзы Едисанскихъ Татаръ; они пріѣхали къ дьяку и объявили отъ имени тайши: «Великій государь спрашиваетъ на насъ службы, а жалованья привезено мало; если намъ государева жалованья дано будетъ столько же, сколько давалось Крымскому хану, по 40,000, то мы на службу пойдемъ, а если жалованья не будетъ, то на службу не пойдемъ, а станемъ воевать по Волгѣ города великаго государя и его людей».—«Вы это говорите, забывъ страхъ Божій, отвѣчалъ Гороховъ мурзамъ: вамъ слѣдовало о дѣлахъ великаго государя радѣть, потому что вы его холопи природные».—«Мы служили и радѣли, сказалъ одинъ изъ мурзъ, Калмыковъ къ послушанью великому государю привели, но ничего за это не получили; ты намъ теперь ничего не привезъ, такъ мы тебя и всѣхъ государевыхъ людей, которые съ тобою, ограбимъ и тѣмъ себя наполнимъ. Крымскій посолъ у насъ, и мы съ этихъ поръ станемъ радѣть Крымскому хану». Сказавши это, мурзы вышли съ шумомъ.

Дьякъ немедленно послалъ толмача провѣдать, правда ли, что Крымскій посолъ въ улусахъ? Толмачь возвратился съ извѣстіемъ, что въ улусахъ Азовскій ага и говоритъ, что крещеные съ

хохлатыми соединились и будетъ отъ нихъ бусурманамъ зло. Гороховъ, вмѣстѣ съ Казбулатомъ мурзою Черкаскимъ, отправился къ Мончаку; тайша велѣлъ запереть избу и никого не пускать; началось тайные переговоры. Дьякъ разсказалъ тайшѣ о пріѣздѣ Едисанскихъ мурзъ и о ихъ рѣчахъ; тайша отвѣчалъ, что онъ мурзъ не посылалъ, но что они дѣйствительно озлоблены, не получая ничего отъ государя: противъ ихъ челобитья объявлено имъ княжество и жалованье, и ничего не дано, а можно было ихъ обрадовать.

«Въ Калмыцкой ордѣ надъ Калмыками и Татарами владѣльцы вы, тайши, говорилъ дьякъ: великій государь присылаетъ вамъ жалованье, съ вами о своихъ дѣлахъ переговоры ведетъ, а мурзамъ въ равенствѣ съ вами быть непристойно; да и то вамъ знать можно, что мурзы и всѣ Татары Калмыкамъ не доброхоты, послушны вамъ только изъ страха, по своей бусурманской вѣрѣ желаютъ всякаго добра Крымцамъ, а Калмыкамъ ищутъ всякаго разоренья, и хотятъ васъ отъ милости великаго государя отлучить. Абызы ихъ Татарскіе по закону своему говорятъ, что Татарамъ и Крыму быть отъ Калмыковъ въ разореньѣ; теперь отецъ твой Дайчинъ посылаетъ на Крымъ своихъ ратныхъ людей, и надобно думать, что приспѣло время вамъ Калмыкамъ Крымскими юртами завладѣть: такъ тебѣ пристойно быть съ отцемъ своимъ въ одной мысли, а раскольниковъ Татаръ не слушать».

— «И въ нашемъ Калмыцкомъ письмѣ написано, что Калмыки будутъ владѣть Крымскими юртами, отвѣчалъ тайша. Есть на Крымскомъ островѣ гора, слыветъ Чайка бурунъ: про ту гору написано у насъ, что въ ней много золота, и владѣть тѣмъ золотомъ Калмыкамъ. Что Татары намъ недоброхоты, это мы и сами знаемъ, бусурманъ доброхотъ бусурману; только и на Русскихъ людей надѣяться намъ нельзя: Яицкіе козаки и по Волгѣ изъ городовъ Русскіе люди и Башкирцы много зла ежегодно намъ дѣлаютъ; Русскіе люди обычаевъ Калмыцкихъ не знаютъ и чинится отъ того во всемъ рознь; а Крымскій ханъ каждый годъ присылаетъ пословъ къ намъ, сулитъ большую казну, хочетъ брать государевы города Калмыцкими людьми и отдавать ихъ совсѣмъ Калмыкамъ. Но мы не слушаемся и Крымскому хану не помогаемъ; но и войною намъ идти на Крымъ съ чего?

Намъ казны не прислано, а Крымскому хану ежегодно изъ Москвы посылаютъ по сороку тысячь золотыхъ; однакоже Крымцы на Русь войною ходятъ, а Калмыки чѣмъ хуже Крымцевъ, что имъ столько казны не давать»?

Дьякъ отвѣчалъ: «Крымскій ханъ хочетъ давать вамъ государевы города; но это дѣло не статочное, потому что Крымцы не только городовъ, и малой деревни никогда у насъ не брали. Вы хотите большой казны: но прежде покажите свою службу. Вотъ будетъ служба, если вы теперь Крымскаго посла отправите въ Москву: за это получите большое жалованье, а послу ничего дурнаго не будетъ».

— «Этого сдѣлать никакъ нельзя, сказалъ тайша: намъ будетъ укорно и впередъ никто къ намъ пословъ посылать не станетъ». Этимъ разговоръ и кончился.

Горохову удалось зазвать къ себѣ нѣсколько бѣглыхъ Башкировъ. На вопросъ, за чѣмъ бѣжали? они отвѣчали, что не стерпѣли налоговъ отъ ясачнаго сбора. — «Лжете! сказалъ дьякъ: никакихъ налоговъ вамъ не было, а здѣсь у чего вамъ жить! развѣ не знаете, что Калмыки вамъ злодѣи и отомстятъ вамъ»? — «Знаемъ, отвѣчали Башкирцы, да дѣлать то ужь нечего, назадъ ѣхать не смѣемъ, боимся смертной казни, а Калмыковъ какъ-нибудь удобримъ службою и промысломъ, потому что мы знаемъ не только большія дороги, но и малыя всѣ стежки и переправы на большихъ и малыхъ рѣкахъ». — «Вамъ бы страшно было объ этомъ и помыслить, говорилъ дьякъ: мало того, что измѣнили, хотите еще приводить Калмыковъ на разоренье нашихъ селъ и деревень!» — «Изъ-за чего же намъ добро то мыслить: вѣдь мы отъ юрта своего отстали,» сказали Башкирцы. — «Лучше обратитесь къ великому государю, онъ васъ пожалуетъ,» говорилъ дьякъ. — «Обратиться страшно, отвѣчали Башкирцы: бѣжали мы, пограбивъ государевыхъ людей, а иныхъ и побивъ до смерти.» Дьякъ обнадеживалъ ихъ государевою милостью и попотчивалъ; слѣдствіемъ было то, что Башкирцы обѣщались подумать и придти въ другое время.

Проживши двѣ недѣли у Мончака, Гороховъ сталъ торопить тайшу, чтобы покончилъ дѣло о походѣ на Крымъ; тайша отвѣчалъ, что надобно прежде покончить дѣло о Башкирскихъ набѣгахъ: недавно еще Башкирцы отогнали у Калмыковъ 2000

лошадей: какъ тутъ идти на государеву службу? — «А зачѣмъ было принимать бѣглыхъ Башкирцевъ? спросилъ дьякъ: выдайте ихъ великому государю.» Мончакъ отвѣчалъ съ сердцемъ: «Кто себѣ лиходѣй, что станетъ отпускать отъ себя людей? Будешь просить Башкирцевъ, и мы ратныхъ людей не пошлемъ на Крымъ.» Кончилось тѣмъ, что Мончакъ сказалъ Горохову: «Вели принести отъ себя изъ стану вина и питья: хочу я съ ближними своими людьми напиться, чтобы сердитыя слова запить и впредь ихъ не помнить.» Дьякъ поспѣшилъ исполнить это доброе желаніе. Сердитыхъ словъ дѣйствительно послѣ того не было, и Калмыки обязались подъ клятвою идти на Крымъ; подписывая шертную запись, Мончакъ говорилъ: «Какъ бумага склеена, такъ бы Калмыцкимъ людямъ съ Русскими людьми вмѣстѣ быть вѣчно.»

Шерть была исполнена; война между Турецко-Татарскимъ и Монгольскимъ племенемъ началась въ степяхъ Черноморскихъ. Мончакъ слѣдилъ за своими врагами, Татарами и Башкирцами, и доносилъ въ Москву о сношеніяхъ ихъ съ Крымомъ. Въ 1664 году онъ извѣстилъ великому государю, что уже шестой или седьмой годъ, какъ Уфимскіе Башкирцы и Казанскіе Татары отправили пословъ къ Крымскому хану объявить ему, что они съ нимъ одной вѣры и прежде были людьми Крымскихъ хановъ, а теперь, живя съ Русскими людьми, отстали отъ своей бусурманской вѣры: такъ бы ханъ принялъ ихъ къ себѣ и ходилъ съ ними вмѣстѣ подъ государевы города. Тайша доносилъ, что и Астраханскіе Татары и всѣ вообще мусульмане пересылаются съ Крымскимъ ханомъ и Азовскимъ пашою, промышляютъ этимъ союзомъ Тарковскій Суркай шевкалъ да Кабардинскіе владѣльцы, мыслятъ построить городъ на Крымской сторонѣ на урочищѣ Мажарѣ, что бывало Венгерское городище между Астраханью и Терекомъ, чтобы не было дороги между этими городами. Для пріема Татаръ ханъ хочетъ прислать царевичей своихъ со многими ратными людьми, и стоять имъ между Чернымъ Яромъ и Царицынымъ, чтобы въ Астрахань и въ другіе понизовые города судовъ съ запасами и товарами не пропускать; а суда, въ чемъ имъ разъѣзжать по Волгѣ, взялись имъ промыслить Астраханскіе юртовскіе Татары и Ногайцы.

До сихъ поръ мы касались только тѣхъ Калмыковъ, которые безпокоили юговосточную украйну, Уфимскую и Астраханскую сторону; но гораздо больше безпокойства отъ нихъ было для Сибири. Мы видѣли, какое обширное пространство земель въ Сѣверной Азіи занято было Русскими людьми въ царствованіе Михаила Θеодоровича: малочисленные отряды съ огненнымъ боемъ легко одолѣвали разсѣянные роды туземцевъ и заставляли ихъ платить ясакъ. Но въ двадцатыхъ годахъ столѣтія въ южныхъ, степныхъ краяхъ Западной Сибири явились незваные гости, съ которыми нельзя было такъ легко раздѣлываться; то были именно Калмыки. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, Монголами и Киргизъ-Кайсаками, они заняли земли у верховьевъ Иртыша, Ишима и Тобола, и спокойно располагались въ странахъ, которыя Русскіе считали уже своими. Появленіе Калмыковъ было тѣмъ опаснѣе, что владычество Русскихъ въ Сибири далеко еще не было упрочено: туземцы, принужденные только огненнымъ боемъ платить ясакъ, искали перваго случая, какъ бы избавиться отъ этой обязанности, и въ степяхъ бродили еще потомки Кучума съ притязаніями на отчину и дѣдину. Калмыковъ приняли какъ освободителей, и начали громко выражать надежду, что въ короткое время о Русскихъ не будетъ слышно въ Сибири. Правда, у Калмыковъ не было огненнаго бою, но они какъ-нибудь ухитрятся, мечтали туземцы, нападутъ на Русскихъ въ сильную бурю, мятель, когда нельзя будетъ стрѣлять изъ ружей.

Надежды туземцевъ не исполнились; люди съ лучнымъ боемъ не могли выжить изъ Сибири людей съ огненнымъ боемъ; но попытки были дѣлаемы не разъ. Въ 1634 году запылали деревни Тарскаго и Тюменскаго уѣздовъ, самъ городъ Тара два раза былъ осажденъ, Калмыки не могли устоять передъ огненнымъ боемъ, не взяли города, но за то и поиски Русскихъ въ степи за грабителями не были удачны. Нѣсколько лѣтъ сряду не проходило почти ни одной осени, чтобы Русскіе поселенцы не были встревожены вѣстями о Калмыцкихъ замыслахъ, и крестьяне по Иртышу покидали свои деревни, скрываясь въ города и остроги. Въ сентябрѣ 1651 года запылалъ новый монастырь, который строилъ на рѣкѣ Исети старецъ Далматъ; Русскіе люди, жившіе въ монастырѣ были перебиты или захвачены въ плѣнъ: это было дѣло Татаръ, пришедшихъ подъ предводительствомъ князьковъ

крови Кучумовой. Другіе Кучумовичи въ 1659 году повели Калмыковъ на Барабинскую степь, пять волостей было разорено, 700 человѣкъ уведено въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году новое опустошеніе Барабы. Что же дѣлали люди съ огненнымъ боемъ, русскіе козаки? Они, гдѣ могли, истребляли по частямъ хищниковъ; но надобно замѣтить, что для защиты всей Барабинской степи городъ Тара не могъ выставить болѣе 60 козаковъ! Въ 1662 году возмущеніе вспыхнуло на рѣкѣ Исети, измѣнили Башкирцы, Черемисы и Татары, и стали разорять Русскія слободы; встали и Верхотурскіе Вогуличи, крича: «поднялся на Русь нашъ царь!» Калмыки, разумѣется, были тутъ. Татары, Башкирцы, Мордва, Черемисы, Чуваши взяли Кунгуръ, выжгли всѣ русскіе крестьянскіе дворы по рѣкѣ Сылвѣ. Разсказывали, что Татары, повоевавъ Кунгуръ, поставили себѣ острогъ и стрѣляютъ понѣмецки, чинеными ядрами; разсказывали, что всѣ Татары-Уфимскіе, Пышминскіе, Япанчинскіе и Верхотурскіе Вогуличи руки подавали царевичамъ Кучумова рода и хотятъ идти по рѣкамъ Исети и Пышмѣ, въ уѣзды Тобольскій, Тюменскій и Верхотурскій, что возстаніе произошло по уговору съ Крымскимъ ханомъ.

Въ томъ же году узнали, что между Остяками не хорошо: князьки и простые люди часто съѣзжаются на думу къ князьку Ермаку, покупаютъ молодыхъ людей для принесенія въ жертву Сосвинскому шайтану, а это бывало у нихъ прежде только тогда, когда замышляли измѣнить. Въ началѣ 1663 года схваченъ былъ Сосвинскій Остякъ Умба и повинился: приходилъ къ нему изъ Перми шуринъ и призывалъ ихъ всѣхъ Березовскихъ Остяковъ въ измѣну. Березовскіе Остяки ему сказали, что готовы идти съ ними вмѣстѣ на Березовъ и побить служилыхъ людей; уговорились подняться еще весною 1662 года, по полой водѣ, но за тѣмъ не пришли подъ Березовъ, что не могли призвать съ собою въ измѣну Самоѣдовъ; но теперь они сговорились съ Самоѣдами и совсѣми Остяками, Чердынскими и Пелымскими, и порѣшено идти на Березовъ весною 1663 года. По указанію Умбы, допросили другихъ Остяковъ, и открыли обширный заговоръ: еще въ 1661 году Остяки снеслись съ царевичемъ Кучумова рода Девлетъ-Киреемъ, положено было лѣтомъ 1663 года идти подъ всѣ Сибирскіе города, царевичу придти подъ То-

больскъ съ Калмыками, Татарами и Башкирцами; когда возьмутъ города и перебьютъ Русскихъ людей, царевичу сѣсть въ Тобольскѣ и владѣть всею Сибирью, со всѣхъ городовъ брать ясакъ, а въ Березовѣ владѣть Обдорскому князьку Ермаку Мамрукову да Ивашкѣ Лечманову. Эти претенденты на березовское княжество были схвачены, привезены въ Березовъ, пытаны, повинились и повѣшены съ 14 другими заводчиками, по распоряженію Березовскаго воеводы Давыдова. Тобольскій воевода князь Хилковъ разсердился и написалъ Давыдову: «Ты учинилъ не по государеву указу, что Березовскихъ лучшихъ Остяковъ перевѣшалъ безъ вины, для своей бездѣльной корысти, норовя ворамъ, Березовскимъ ясачнымъ сборщикамъ. По государеву указу велѣно было тебѣ развѣдывать въ Остякахъ измѣны, и которые изъ нихъ объявятся въ измѣнномъ дѣлѣ, прислать ко мнѣ въ Тобольскъ, а самому не казнить.» Мы не можемъ рѣшить, во сколько былъ правъ Хилковъ въ своемъ обвиненіи на Давыдова; знаемъ только, что зимою же 1663 года Самоѣды сожгли Пустозерскій острогъ, воеводу и всѣхъ служилыхъ людей побили, а въ Мангазеѣ побили ясачныхъ сборщиковъ и промышленныхъ людей.

Остяки не поднимались, и на югѣ русскіе ратные люди, солдаты и рейтары били Башкирцевъ и товарищей ихъ вездѣ, гдѣ только могли встрѣтить; но преслѣдовать разбитыхъ и не давать имъ снова собираться было невозможно по малочисленности русскихъ отрядовъ и по обширности пространствъ. Въ концѣ 1663 года Башкирцы Уфимскаго уѣзда, Ногайской и Казанской дорогъ и Ицкихъ (по рѣкѣ Ику) волостей прислали сказать Уфимскому воеводѣ князю Волконскому, что они хотятъ быть по прежнему подъ рукою великаго государя въ вѣчномъ холопствѣ, только чтобы аманатовъ ихъ перевели изъ Казани на Уфу и чтобы воевода прислалъ къ нимъ какого-нибудь Уфимца обнадежить ихъ милостію великаго государя. Волконскій обнадежилъ ихъ, что великій государь, милостивый нежелатель кровей ихъ, вины виноватыхъ милостію награждаетъ, если они бьютъ челомъ чистыми душами безъ всякаго лукавства. По этому обнадеживанію Башкирцы прислали въ Москву выборныхъ, которые въ приказѣ Казанскаго Дворца передъ бояриномъ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и передъ дьяками

дали шерть на коранѣ — отъ Калмыковъ и Ногайцевъ отстать, возвратиться тою же зимою въ Уфимскій уѣздъ на прежнія свои жилища, служить великому государю вѣрою и правдою, и отдать всѣхъ плѣнниковъ и все пограбленное. По принесеніи шерти Башкирскіе выборные видѣли великаго государя очи, «аки пресвѣтлое солнце», и получили жалованную грамоту на двухъ листахъ, русскимъ и татарскимъ письмомъ. Уфимскій воевода отъ себя писалъ Башкирцамъ, что впередъ имъ отъ Уфимцевъ, служилыхъ и торговыхъ людей никакихъ обидъ не будетъ, и подводъ лишнихъ, кромѣ государевыхъ дѣлъ, никто съ нихъ не возьметъ, и въ вотчинахъ ихъ никто ничѣмъ владѣть не станетъ.

Волконскій писалъ Уфимскимъ Башкирцамъ, чтобы они уговаривали къ покорности и Башкирцевъ Сибирской и Осинской дорогъ. Но эти уговоры, если они были, не подѣйствовали. Въ іюлѣ 1664 года Башкирцы явились подъ Невьянскимъ острогомъ (на рѣкѣ Нейвѣ, впадающей въ Туру), сожгли монастырь и сосѣднія деревни. За разбойниками погнались рейтары и солдаты, но за полднище пути отъ Уфы рѣки успѣли настичь только ничтожный отрядъ въ 20 человѣкъ, а большое Башкирское войско, послыша за собою ратныхъ людей, разбѣжалось за Камень (Уральскія горы), по лѣсамъ и по болотамъ врозь на перемѣнныхъ коняхъ налегкѣ, а солдатамъ и рейтарамъ гоняться за ними было нельзя, потому что лошади ихъ устали и отъ прежней гоньбы. Въ слѣдующемъ году въ тѣхъ же мѣстахъ, на притокахъ рѣки Туры, явились воровскіе Татары. Но и эти разбойники, какъ скоро увидали за собою погоню солдатъ и рейтаръ, «отопились болотами и рѣчками топкими, и ушли, побросавъ все свое платье, сѣдла, котлы и топоры.» Далѣе на востокъ большой опасности подвергался украинный городъ Кузнецкъ, отрѣзываемый съ сѣверо-запада отъ Русскихъ поселеній непокорными Телеутами или Бѣлыми Калмыками. Въ 1636 году онъ выдерживалъ осаду отъ Телеутовъ, соединившихся съ Калмыками. Не брала сила—дѣйствовали хитростію: такъ однажды Телеуты пришли подъ Кузнецкъ и предложили его жителямъ обычный торгъ за городомъ: тѣ, ничего не подозрѣвая, вышли на торговище, и были перебиты. Телеутскіе князьки присягали великому государю, присылали ясакъ, и потомъ опять возставали, опустошая

Кузнецкій уѣздъ вмѣстѣ съ Калмыками и такъ называемыми Саянскими Татарами. Красноярскъ еще болѣе терпѣлъ отъ Киргизовъ, чѣмъ Кузнецкъ отъ Телеутовъ, такъ что жители не смѣли показаться за городъ, и просили въ Москвѣ, если имъ не пришлютъ бо́льшаго числа ратныхъ людей, то пусть позволятъ покинуть несчастный городъ. Всѣ инородцы, жившіе около Красноярска и платившіе дань, или разбѣгались, не вынося положенія между двумя огнями, или возмущались и били Русскихъ людей. Наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича правительство приняло сильныя мѣры, собраны были служилые люди изъ разныхъ Сибирскихъ городовъ, и Киргизы были сдержаны. Тѣснимые, въ свою очередь, Русскими, требовавшими покорности, дани, Киргизы обратились за помощію къ Калмыкамъ и Монголамъ. Монгольскій ханъ, или, какъ его обыкновенно тогда называли, Алтынъ-ханъ далъ шерть на подданство царю Михаилу, но для того только, чтобы выманивать богатые подарки; теперь онъ не прочь былъ отъ поданія помощи Киргизамъ, но не безкорыстно; онъ хотѣлъ также покорить Киргизовъ себѣ. Киргизы и другіе ясачные инородцы—Тубинцы, Алтырцы, Керельцы, населявшіе Красноярскій уѣздъ, стали между двухъ огней. Въ 1652 году Алтынъ-ханъ нагрянулъ на нихъ, требуя послушанія и ясака. Красноярскій воевода послалъ къ нему съ угрозою, что идутъ на него государевы ратные люди изъ четырехъ городовъ съ огненнымъ боемъ. Ханъ испугался и ушелъ, не отказываясь однако отъ своихъ требованій относительно инородцевъ. Но какъ скоро Монголы стали убираться въ свои кочевья, къ инородцамъ явились посланцы Красноярскаго воеводы съ требованіемъ, чтобы стояло крѣпко и неподвижно на своей правдѣ, къ Алтыну царю не отъѣзжали. Киргизы, Тубинцы и всѣ иноземцы вспомнили свою шерть, къ Алтыну царю не поѣхали; но Русскіе при этомъ случаѣ съ ужасомъ примѣтили у нихъ тридцать Русскихъ винтовокъ, пятнадцать пищалей Калмыцкихъ, также много пороху и свинцу. На вопросъ, откуда они это взяли? инородцы отвѣчали: «Привозятъ къ намъ изъ Томска всякіе люди и мѣняютъ на товары.» Что всего хуже, посланцы замѣтили, что инородцы стрѣляютъ въ цѣль и убиваютъ не хуже Русскихъ людей. «Впередъ, писалъ Красноярскій воевода Томскому, впередъ отъ Киргизовъ, Тубинцевъ, Алтыр-

цевъ и Керельцовъ добра ждать нечего, потому что они Алтына-царя боятся и слушаютъ; они говорили моимъ посланцамъ: «Съ тѣхъ поръ какъ мы на своихъ земляхъ зачались, ни одинъ Монгольскій царь, ни царевичь, ни Монгольскіе, ни Калмыцкіе тайши войною не бывали и воинскихъ людей не посылывали; а теперь Алтынъ царь на нашу землю приходилъ съ 5000 человѣкъ! И если впередъ Алтынъ царь или сынъ его на насъ будутъ приходить, то намъ никакъ въ правдѣ своей не устоять, потому что Алтынъ-царь живетъ отъ насъ за Саянскимъ Камнемъ (горами) только днищахъ въ десяти пути.»—И если, продолжаетъ воевода, Алтынъ царь или сынъ его съ большимъ войскомъ придетъ на государевы украйны, то мнѣ не только нельзя послать изъ Красноярска на выручку государевыхъ иноземцевъ, но и Красноярскаго острога уберечь некѣмъ: потому что у меня служилыхъ людей только 350 человѣкъ, и изъ тѣхъ посылаютъ по разнымъ острожкамъ нагодовыя службы за хлѣбными запасами, въ Москву за государевою казною, въ ясачныя земли для сбору ясака, по вѣстямъ въ проѣзжія станицы и на отъѣзжіе караулы, всего посылается съ триста человѣкъ и больше, въ Красноярскѣ остается во все лѣто только человѣкъ 50 и меньше, и у тѣхъ оружія нѣтъ и у половины, а въ государевой казнѣ нѣтъ ни одной пищали. Отъ подгородныхъ Татаръ, Качинцевъ, Арынцевъ и Ястынцевъ, которые кочуютъ подъ Красноярскимъ, добра ждать нечего, потому что они Киргизамъ и Тубинцамъ въ роду и въ племени, сами у нихъ женятся и дочерей своихъ за нихъ выдаютъ, и мысль у нихъ съ ними одна.»

Опасенія Красноярскаго воеводы не сбылись; но зато въ 1657 году пришла очередь Томску трепетать предъ кочевниками. Сынъ Алтынъ-хана съ 4000 войска напалъ нечаянно на Киргизовъ, разбилъ ихъ и заставилъ покориться себѣ, послѣ чего царевичь направился прямо на Татаръ Томскаго уѣзда. Монгольскій царевичь поступалъ по примѣру предковъ своихъ, завоевателей XIII вѣка, всѣхъ молодыхъ людей изъ Киргизовъ и Татаръ набиралъ въ свое войско, которое отъ того скоро удвоилось. Онъ уже заключилъ договоръ и съ Телеутскимъ князькомъ, чтобы въ одно время напасть на Томскъ; но вѣсть о смерти старика отца заставила царевича возвратиться въ свои степи. Послѣ того десять лѣтъ было мирно: воровалъ только измѣнникъ Киргизскій

князецъ Еренякъ; но въ 1667 году Красноярскъ долженъ былъ выдержать осаду отъ Калмыцкаго тайши Сенги, соединившагося съ Еренякомъ. Въ Калмыцкіе улусы отправился изъ Томска сынъ боярскій спросить тайшу: «Ты ли, Сенга тайша, своихъ людей посылалъ, или они сами собою ходили подъ Красноярскъ?» Отвѣта не было; тайша про здоровье великаго государя не спрашивалъ и царское жалованье, сукна и камки принялъ не по достоинству, не честно. Еренякъ не переставалъ разсылать по ясачнымъ волостямъ стрѣлы съ угрозами, что придетъ опять войною, вмѣстѣ съ Калмыками, если ясачные не будутъ платить своего ясака тайшѣ Сенгѣ. Калмыкамъ удалось утвердить свою власть надъ Телеутами; но нѣкоторые изъ послѣднихъ отѣхали въ Томскъ. Сенга требовалъ ихъ выдачи и очень сердился, когда этого требованія не исполняли; онъ говорилъ посланцу Томскаго воеводы: «Я у великихъ государей прошу своихъ людей, Бѣлыхъ Калмыковъ по многіе годы, и великіе государи меня не жалуютъ, моихъ людей мнѣ не отдаютъ; и если впередъ не отдадутъ, то изъ Томска ко мнѣ пословъ не посылали бы, Томскъ я буду воевать.» Томскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ были въ постоянной тревогѣ, потому что кромѣ Калмыковъ и Киргизовъ, поднялись Тубинцы, Алтырцы и особенно Телеуты, не дававшіе покою Кузнецку. Наконецъ въ 1674 году Томскій воевода князь Данила Борятинскій получилъ указъ соединить силы четырехъ городовъ и смирить войною измѣнниковъ. Начали съ Телеутовъ—«и на всѣхъ бояхъ государевыхъ измѣнниковъ побито было много.»

И Тобольскіе воеводы также должны были имѣть дѣло съ Калмыками, которые прикочевали къ рѣкѣ Ишиму. Воеводы вошли въ сношенія съ тайшею ихъ Дундукомъ и уговорили его подклониться подъ высокую руку великаго государя. Лѣтомъ 1674 года къ Дундуку поѣхалъ стрѣлецкій голова Аршинскій для осмотра земель, занятыхъ Калмыками и для истребованія аманатовъ: Аршинскій былъ встрѣченъ очень почетно и дѣло шло какъ нельзя лучше, Дундукъ увѣрялъ въ своей преданности великому государю. Уже девять дней прожилъ Аршинскій въ улусѣ, на Десятый Дундукъ прислалъ звать его къ себѣ: «посовѣтуемся, какъ бы написать къ великому государю грамоту посладнѣе.» Въ то время какъ подъячій писалъ грамоту, тайша

разговаривалъ съ Аршинскимъ: «Посылаю я двоихъ своихъ людей съ грамотою къ великому государю въ Москву; въ прошломъ году я также посылалъ человѣка своего въ челобитчикахъ въ Тобольскъ и въ Москву съ служилымъ Татариномъ Авезбакеемъ; этого человѣка моего изъ Тобольска въ Москву не скоро отпустили, манили со дня на день, а дорогою Авезбакей говорилъ ему, что сына моего выучатъ грамотѣ и крестятъ.» Сказавши эти слова, Дундукъ закричалъ и велѣлъ своимъ Калмыкамъ связать Аршинскаго и всѣхъ бывшихъ при немъ Русскихъ и ограбить ихъ до нага. «Правда моя идетъ вамъ отъ Авезбакея, объявилъ тайша Аршинскому: впрочемъ не бойся, до смерти не побьютъ.» Между тѣмъ Калмыки стали вьючиться и выступили въ походъ, Русскихъ вели связанныхъ. Перевезшись за Ишимъ, Дундукъ велѣлъ привести къ себѣ Аршинскаго и сказалъ ему: «Взялъ я у тебя свое имѣніе, а не твое и не твоихъ товарищей; вы ищите своего добра на Авезбакеѣ: потому что я далъ ему двадцать лошадей, и приказывалъ привезти изъ Москвы товару, а онъ ничего не привезъ и самъ ко мнѣ не пріѣхалъ.» Аршинскій съ 30-ю товарищами былъ отпущенъ въ Тобольскъ пѣшкомъ; но Калмыкъ смиловался, далъ имъ съ полпуда крупъ на дорогу.

Но въ то время какъ старыя Русскія поселенія за Уральскими горами подвергались опасности отъ возстанія туземцевъ, подкрѣпляемыхъ Калмыками, въ то время когда поднимались противъ Русскихъ людей старые подданные великаго государя, Башкирцы, Черемисы, Чуваши и Мордва, — въ то время Русскіе люди въ далекихъ предѣлахъ сѣверной Азіи неутомимо искали новыхъ землицъ для поселенія, новыхъ народцевъ, на которыхъ бы можно было наложить ясакъ, новыхъ торговыхъ путей, и посольства великаго государя являются передъ Сыномъ Неба, въ Срединной имперіи.

Утвержденіе русскихъ людей въ Восточной Сибири происходило съ такими же ничтожными средствами, какъ и въ Западной, и происходило при недостаткѣ единства въ дѣйствіяхъ, ибо правительственный надзоръ, по отдаленности, былъ слабъ. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича русскіе казацкіе пятидесятники, сидѣвшіе съ своими козаками въ Верхоленскомъ Братскомъ острогѣ, дрались съ Бурятами, заставляя ихъ платить ясакъ ве-

ликому государю, подкрѣпляя свои пять десятковъ небольшими толпами изъ промышленныхъ и гулящихъ охочихъ людей. Но въ тоже время атаманъ Колесниковъ, отправленный изъ Енисейска для провѣдыванія «про Байкалъ озеро и про серебряную руду,» поставилъ острогъ на Ангарѣ и сталъ также требовать ясака съ Бурятовъ; тѣ не давали на томъ основаніи, что они относятъ ясакъ въ Верхоленскій острогъ, а Колесниковъ, видя въ отказѣ непокорность, сталъ ихъ воевать и разорять. Буряты взволновались и начали дѣйствовать враждебно противъ Русскихъ: «Что это, говорили они, отъ одного государя приходятъ къ намъ двойные люди? Одни изъ Верхоленска берутъ съ насъ ясакъ на государя, а другіе отъ того же государя приходятъ на насъ войною, бьютъ, женъ и дѣтей въ плѣнъ берутъ, скотъ и лошадей отгоняютъ: какъ же намъ подъ государевою рукою быть?»

Какъ бы то ни было, теперь надобно было укрощать возмутившихся Бурятъ силою, огненнымъ боемъ. Раздраженные Буряты не бѣгали отъ государевыхъ ратныхъ людей, выходили на бой человѣкъ по тысячѣ и больше, собираясь изъ многихъ родовъ, и отчаянная борьба продолжалась до 1655 года, когда наконецъ истощенные Буряты принуждены были признать владычество пришельцевъ. Между тѣмъ Колесниковъ, виновникъ Бурятскаго возстанія, дѣйствовалъ удачно на Байкалѣ противъ Тунгусовъ, которые обѣщали довести его до серебряной руды. Въ 1647 году Колесниковъ возвратился въ Енисейскъ и представилъ воеводамъ ясакъ, собранный съ новыхъ Байкальскихъ земель, мѣха цѣною на тысячу рублей; кромѣ того Колесниковъ объявилъ, что посылалъ четверыхъ изъ своихъ козаковъ съ вожами Тунгусами для вѣстей о серебряной рудѣ. Посланные были въ Монгольской землѣ, гдѣ князекъ Турукой великому государю поклонился, обѣщаясь быть послушнымъ съ 20,000 своихъ подданныхъ; князёкъ сказалъ, что золотая и серебряная руда подлинно есть и отъ него близко у Богдыцаря (въ Китаѣ), и къ нему, князьку ее привозятъ: въ доказательство онъ послалъ великому государю кусочекъ золота вѣсомъ въ четыре золотника, да чашку и тарелку серебряныя. На смѣну Колесникову пошли изъ Енисейска къ Байкалу другіе начальники отрядовъ, другіе сборщики ясака. Въ 1661 году основанъ былъ Иркутскъ.

Изъ Енисейска шли отряды Русскихъ ратныхъ людей для занятія земель и подчиненія народцевъ по Ангарѣ, Байкалу, Витиму, Шилкѣ, Селенгѣ; изъ Якутска шли отряды на сѣверъ къ самому Ледовитому морю, на востокъ къ Охотскому, на югъ къ Амуру. Дикари сѣверо-восточной Сибири также неохотно сносили владычество пришельцевъ, какъ и дикари западной и возставали при первомъ удобномъ случаѣ. Въ сороковыхъ годахъ взволновались Якуты около Якутска, но были укрощены сильными мѣрами воеводы Петра Головина. Въ 1645 году на крайнемъ сѣверѣ на рѣкѣ Индигиркѣ встали Юкагиры, князекъ Пелева съ товарищами, убили Русскаго служилаго человѣка, и выхватили своихъ аманатовъ, содержавшихся въ Русскомъ ясачномъ зимовьѣ. Противъ нихъ отправились изъ Якутска служилые люди Горѣлый и Катаевъ, погромили Пелеву, взяли новыхъ аманатовъ. Но въ 1650 году измѣнили Алазейскіе Юкагиры, убили двоихъ служилыхъ людей, государеву казну пограбили, по промысламъ торговыхъ и промышленныхъ людей многихъ побили. Катаевъ пошелъ противъ измѣнниковъ изъ Алазейскаго ясачнаго зимовья вверхъ по рѣкѣ Алазеѣ и наконецъ отыскалъ Юкагировъ: живутъ въ большомъ острожкѣ, человѣкъ съ 200 большихъ мужиковъ, которые лукомъ владѣютъ, кромѣ подростковъ, олени всѣ собраны въ томъ же острожкѣ. Русскіе поставили своихъ два острожка, одинъ въ 40, а другой въ 20 саженяхъ отъ Юкагирскаго. Началась стрѣльба съ обѣихъ сторонъ: гдѣ Юкагиры ранятъ, тамъ Русскіе бьютъ до смерти; потомъ Русскіе сдѣлали шесть щитовъ, выкатили ихъ и начали приготовляться идти за ними на Юкагирскій острожекъ. Дикари испугались, увидали, что имъ не отсидѣться и начали кричать: «Не убивайте насъ, мы дадимъ аманатовъ, и государевъ ясакъ станемъ платить, а теперь у насъ соболей нѣтъ, этою осенью мы не промышляли, боялись васъ козаковъ, жили все въ острожкѣ.» Русскіе остановились и взяли въ аманаты лучшихъ князьковъ.

Русскіе достигли уже и рѣки Колымы; стоявшій на ней сынъ боярскій Власьевъ въ 1649 году отправилъ служилыхъ и промышленныхъ людей подъ начальствомъ Никиты Семенова далѣе къ сѣверовостоку, къ верховьямъ рѣки Ануя налагать ясакъ на непокорныхъ еще инородцевъ. Они отыскали дикарей, погромили ихъ, по обычному выраженію, и плѣнники сказали,

что за Камнемъ (за горами) есть новая рѣка Анадыръ, и подошла она къ вершинѣ Ануя близко. Немедленно прибрались охочіе промышленные люди и подали Власьеву челобитную отпустить ихъ въ тѣ новыя мѣста, за ту захребетную рѣку Анадыръ, для пріиску вновь ясачныхъ людей и приводу ихъ подъ царскую высокую руку. Власьевъ отпустилъ ихъ подъ предводительствомъ Семена Моторы. Но у нихъ явились соперники: служилый человѣкъ Стадухинъ, послыша рѣчи дикарей, началъ также собираться на Анадыръ. Но еще прежде, лѣтомъ 1648 года служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ отправился изъ устья Колымы моремъ для открытія новыхъ землицъ. «Носило меня, пишетъ Дежневъ, по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадыръ рѣку *); а было насъ на кочѣ всѣхъ двадцать пять человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны и голодны, наги и босы, и шелъ я бѣдный Семейка съ товарищи до Анадыра рѣки ровно десять недѣль, и попали на Анадыръ рѣку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лѣсу нѣтъ, и съ голоду мы бѣдные врознь разбѣжались. Осталось насъ отъ двадцати пяти человѣкъ всего двѣнадцать человѣкъ, и пошли мы въ судахъ вверхъ по Анадыру рѣкѣ и шли до Анаульскихъ людей, взяли два человѣка за боемъ и ясакъ съ нихъ взяли». Тутъ Дежневъ встрѣтился съ Семеномъ Моторою, который сухимъ путемъ достигъ Анадыра, и пошли вмѣстѣ. Но Стадухинъ идетъ слѣдомъ за Дежневымъ и Моторою, и громитъ тѣхъ дикарей, которые уже дали ясакъ Дежневу. Однажды въ виду дикарей, сидѣвшихъ въ своемъ острожкѣ, произошла любопытная сцена: между Дежневымъ и Стадухинымъ началась перебранка: «Ты дѣлаешь негораздо, говорилъ Дежневъ Стадухину: побиваешь иноземцевъ безъ разбора».—«Это люди неясачные, отвѣчалъ тотъ; а если они ясачные, то ты ступай къ нимъ, зови ихъ вонъ изъ острожка и возьми съ нихъ государевъ ясакъ». Дежневъ началъ говорить дикарямъ, чтобъ они выходили безъ боязни и дали ясакъ, и одинъ изъ дикарей сталъ подавать изъ юрты соболи. У Стадухина разгорѣлись глаза на соболи,

*) Такимъ образомъ Дежневъ обогнулъ сѣверовосточную оконечность Азіи и открылъ проливъ, названный послѣ Беринговымъ.

которые бралъ Дежневъ, онъ бросился на него, вырвалъ изъ рукъ мѣха, и сталъ бить по щекамъ. Дежневъ послѣ того почелъ залучшее уйти какъ можно подальше отъ Стадухина. Въ 1652 году Дежневъ съ товарищами вышелъ изъ устья Анадыра въ море на судахъ; главный промыселъ ихъ тутъ состоялъ въ битвѣ моржей и въ сборѣ моржеваго зуба: «Звѣря вылегаетъ очень много, пишетъ Дежневъ: на самомъ мысу вкругъ съ морской стороны на полверсты и больше, а въ гору сажень на тридцать и на сорокъ». Дежневъ дошелъ до большаго Каменнаго носу, «а тотъ носъ вышелъ въ море гораздо далеко, живутъ на немъ люди Чукчи, много ихъ очень, а противъ носу на островахъ живутъ люди, называютъ ихъ зубатыми, потому что пронимаютъ они сквозь губу по два зуба немалыхъ костяныхъ». Но однимъ моржевымъ промысломъ Русскіе люди не могли заниматься въ устьѣ Анадыра, должны были также драться съ Коряками. «Мы на нихъ ходили, пишетъ Дежневъ, и нашли ихъ четырнадцать юртъ въ крѣпкомъ острожкѣ; Богъ намъ помогъ, тѣхъ людей разгромили всѣхъ, женъ и дѣтей у нихъ взяли, но сами они ушли, а лучшіе мужики увели и женъ съ дѣтьми, потому что они люди многіе, юрты у нихъ большія, въ одной юртѣ живетъ семей по десяти; а мы были люди не велики, всѣхъ насъ было двѣнадцать человѣкъ». По вѣстямъ отъ Дежнева немедленно отправленъ былъ изъ Якутска стрѣлецкій сотникъ утвердить власть великаго государя въ новой землицѣ и установить порядокъ въ промыслахъ съ соблюденіемъ казеннаго интереса. Но въ то время какъ прибирали къ рукамъ новыя землицы, съ трудомъ удерживали старые вслѣдствіе возстанія дикарей—на рѣкахъ Янѣ и Индигиркѣ. Въ 1666 году Ламуты осадили русской острожекъ на Индигиркѣ; осажденные отбились; но дикари не платили цѣлый годъ ясака. Въ началѣ слѣдующаго года Ламуты, «собравъ себѣ воровское великое собранье, приступили ночью къ острожку, и начали острожныя стѣны, ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные приставили лѣстницы къ стѣнамъ черезъ амбары. Служилые и промышленные люди бой съ ними поставили и убили у нихъ лучшихъ трехъ человѣкъ и многихъ переранили». Ламуты испугались, побросали свое оружіе и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что служилыхъ людей въ острожкѣ

было только пять человѣкъ, да промышленныхъ десять, оружія, свинцу и пороху нѣтъ, да и взять негдѣ.

Весною 1647 года отрядъ Русскихъ людей подъ начальствомъ Семена Шелковника явился на рѣкѣ Ульѣ, впадающей въ Охотское море, съ устья Ульи моремъ переплылъ къ устью Охоты; но Охоту взять надобно имъ было съ большаго бою, разбить Тунгусовъ, которыхъ собралось больше 1000 человѣкъ. Русскіе поставили острожекъ; Тунгусы осадили его; но навыручку къ осажденнымъ приспѣлъ другой Русскій отрядъ. На Охотѣ Русскимъ было много дѣла, потому что дикари уступали только съ боя, умѣя собираться большими толпами. Въ 1654 году они сожгли Охотскій острожекъ, освободили аманатовъ и разогнали Русскихъ людей, которые объявили, что «жить на Охотѣ отъ иноземцевъ не въ силу». Появился новый отрядъ служилыхъ людей изъ Якутска и поднялся новый острожекъ; поставивъ его, Русскіе начали наступательное движеніе на дикарей, взяли ихъ острожекъ и захватили въ аманаты главнаго заводчика возстаній Комку Бояшинца: съ этихъ поръ Тунгусы на Охотѣ, и около Охоты, пѣшіе и оленные подъ государеву руку приклонились. Но въ 1665 году опять новое волненіе между Охотскими Тунгусами: пришли въ острогъ ясачные люди, лучшій человѣкъ Зелемей съ товарищами и извѣщали начальнику острога, Ѳедору Пущину: пришли на Охоту неясачные Тунгусы и ясачныхъ людей въ шатость призываютъ, живутъ отъ острога въ двухъ днищахъ пути и дожидаются посылки въ Якутскъ съ государевою казною, хотятъ служилыхъ людей побить. Пущинъ, чтобы отвратить опасность, отправилъ 50 человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей звать этихъ неясачныхъ Тунгусовъ въ Охотскій острогъ, велѣлъ призывать лаexcою и привѣтомъ, а не жесточью. Но изъ этихъ посланныхъ ни одинъ не остался въ живыхъ, и погибли они отъ того самого Зелемея, который первый извѣстилъ Пущина объ опасности. Возмутился умомъ Зелемей со всѣми ясачными иноземцами разныхъ родовъ, и побилъ Русскихъ тайкомъ, залегши на дорогѣ. Зелемей, говорятъ, держалъ такую рѣчь къ ясачнымъ Тунгусамъ: «Что вы, глупые люди, не разумѣете и Русскихъ переводовъ не знаете, вы бы также жили какъ я Зелемей живу; самимъ вамъ извѣстно, сколько я Русскихъ людей побилъ, а какъ надъ собою увижу какую не-

мѣру, то я къ Русскимъ людямъ приклонюся, и до меня, въ вашихъ глазахъ, Русскіе люди лучше прежняго. Да Русскіе люди насъ обманываютъ, говорятъ намъ и ждутъ къ себѣ въ Охотскій острогъ на перемѣну по вся годы большихъ людей, и большихъ людей въ острогъ не бывало; а пока большіе люди не пришли, мы и остальныхъ людей выкоренимъ и аманатовъ своихъ выручимъ, а потомъ, въ то время, какъ Русскіе люди на Охоту приходятъ, на дорогахъ залягемъ и большихъ людей не пропустимъ. А какъ на Охотѣ Русскихъ людей изведемъ, то истребимъ всѣхъ Русскихъ на Маѣ и по инымъ рѣкамъ; а впредь, для береженья и безопасности, призовемъ къ себѣ Богдойскихъ людей (Китайцевъ), потому что они отъ насъ не далеко; ясакъ имъ станемъ платить небольшой, по своимъ долямъ; а не такъ какъ теперь на насъ спрашиваютъ ясаковъ за прошлые годы, о которыхъ мы многія челобитныя великимъ государямъ писали, но льготы себѣ никакой не получили и указу о томъ никакого не бывало». Опасность для Русскихъ была тѣмъ больше, что въ острогѣ осталось только 30 человѣкъ, старыхъ, малыхъ и цынжалыхъ (больныхъ цынгою), аманатовъ же было 60 человѣкъ, острогъ ветхъ. Но дѣло обошлось безъ большой бѣды: Тунгусы никакъ не рѣшались напасть на острогъ пока тамъ были ихъ аманаты; они старались всякими способами обмануть Русскихъ и выманить аманатовъ, но понапрасну: Пущинъ велѣлъ схватить показавшихся подъ городомъ нѣсколько подозрительныхъ Тунгусовъ для допросу; дикари не дались даромъ въ руки: двое Русскихъ было убито, но Тунгусовъ побито пятеро, и трое взято въ плѣнъ; плѣнники повинились, что приходили служилыхъ людей побить, острогъ взять и аманатовъ выручить, ибо видѣли, что въ Охотскѣ козаковъ мало и острогъ плохъ. Плѣнники были повѣшены, и Пущинъ тотчасъ же велѣлъ построить новыя укрѣпленія, поставить по стѣнѣ, для страху дикарямъ, деревянныя пушки, и аманатскую избу выстроить новую. Эти мѣры произвели желанное дѣйствіе: Тунгусы явились съ повинною, извиняясь, что своровали, не стерпя обидъ отъ служилыхъ людей.

Прежде Анадыра и Охоты изъ того же Якутска открыта была великая рѣка Амуръ.

Еще при царѣ Михаилѣ начали носиться слухи, что на рѣкѣ Шилкѣ сидятъ многіе пахотные хлѣбные люди, и живетъ князекъ Лавкай, у котораго на устьѣ рѣки Уры въ двухъ мѣстахъ серебряная руда: одна въ утесѣ, а другая въ водѣ; да на той же рѣкѣ Шилкѣ внизу мѣдная и свинцовая руда, а хлѣба всякаго много. По этимъ вѣстямъ Якутскій воевода Головинъ въ 1643 году отправилъ письменнаго голову Василья Пояркова на рѣки Зію и Шилку для государева ясачнаго сбору, для пріиску вновь неясачныхъ людей, серебряной, мѣдной и свинцовой руды и для хлѣба. Съ Поярковымъ отправилось 133 человѣка. Плыли они изъ Якутска Леною внизъ, потомъ Алданомъ вверхъ, и изъ притоковъ Алданъ волокомъ въ притоки Зіи, впадающей въ Амуръ. Отъ устья Зіи Поярковъ поплылъ внизъ по Амуру, представляя себѣ, что плыветъ по Шилкѣ; Амуръ же, по его словамъ, начался съ устья Шингала. Поярковъ достигъ устья Амура и тутъ зимовалъ, а лѣтомъ пошелъ на судахъ моремъ къ устью Ульи рѣки, изъ Ульи волокомъ переправился въ Маю, притокъ Алдана, которымъ и Леною возвратился въ Якутскъ, привезши богатый ясакъ соболями, но потерявши человѣкъ 80 изъ своего отряда: изъ нихъ 25 человѣкъ было убито Дучерами на Амурѣ, другіе умерли въ дорогѣ отъ недостатка въ пищѣ. Поярковъ указалъ Якутскимъ воеводамъ мѣста по Зіи и Шилкѣ (т. е. Амуру), и по ихъ притокамъ, гдѣ, по его мнѣнію, надобно было поставить острожки: «Тамъ, говорилъ Поярковъ, въ походы ходить и пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привесть можно, и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить, и ясакъ съ нихъ сбирать, въ томъ государю будетъ многая прибыль, потому что тѣ землицы людны и хлѣбны и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбны, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ.»

Вмѣстѣ съ пышными разсказами Пояркова о Пѣгой Ордѣ (какъ называли приамурскія страны) слышались страшные разсказы спутниковъ его о поведеніи самого Пояркова во время похода. «Служилыхъ людей онъ билъ и мучилъ напрасно, и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ, а велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасною смертію помереть, съѣли многихъ мерт-

выхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, пріѣли человѣкъ съ пятьдесятъ; иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: «не дороги они служилые люди! десятнику цѣна десять денегъ, а рядовому два гроша.» Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зіѣ, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя Русскихъ людей погаными людоѣдами. Когда весною въ устьѣ Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тѣмъ кормиться; но Поярковъ велѣлъ своему человѣку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣною.»

Какъ бы то ни было, разсказы Пояркова о богатствѣ приамурскихъ странъ не могли быть забыты: въ 1649 году старый опытовщикъ, Ярко (Ероѳей) Павловичь Хабаровъ подалъ Якутскому воеводѣ челобитную, объявилъ, что пойдетъ на Амуръ, поведетъ семьдесятъ человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей и будетъ содержать ихъ на своей счетъ, снабдитъ деньгами, хлѣбными запасами, судами, ружьемъ, зельемъ и свинцомъ. Воевода согласился, и Хабаровъ пошелъ, только новымъ путемъ, рѣкою Олекмою, притокомъ Лены, и потомъ Тугиремъ, притокомъ Олекмы, изъ Тугиря волокомъ въ рѣку Урку, притокъ Амура. Здѣсь были улусы уже извѣстнаго Лавкая князя: но улусы пусты и городъ пустъ, а городъ большой, съ пятью башнями, глубокими рвами, подлазами подо всѣ башни и тайниками къ водамъ, въ городѣ свѣтлицы каменныя, окна большія, оконччны бумажныя. Хабаровъ пошелъ отъ рѣки Урки внизъ по Амуру, дошелъ до другаго города, и тотъ пустъ! пошелъ дальше внизъ по Амуру, стоитъ третій городъ, и опять пустой! Хабаровъ остановился отдохнуть въ пустомъ городѣ, разставилъ караулы, и въ тотъ же день караульщики дали знать, что пріѣхало пять человѣкъ иноземцевъ. Хабаровъ послалъ толмача спросить: что за люди? Одинъ, старикъ объявилъ, что онъ князь Лавкай, съ двумя братьями, зятемъ и холопомъ, и спросилъ въ свою очередь, какіе вы люди и откуда пришли? — «Мы пришли къ вамъ торговать и привезли подарковъ много,» отвѣчалъ толмачь.—«Что ты обманываешь! сказалъ на это Лавкай: мы васъ, козаковъ, знаемъ; прежде васъ былъ у насъ козакъ Квашнинъ, и сказалъ про васъ, что идетъ васъ пять сотъ человѣкъ, а за ва-

ми идетъ еще много людей, хотите всѣхъ насъ побить и имѣніе наше пограбить, женъ и дѣтей въ полонъ взять: по этому мы и разбѣжались.» Хабаровъ велѣлъ толмачу уговаривать Лавкая, чтобы давалъ ясакъ великому государю; Лавкаевы братья и зять говорили, что за ясакъ стоять не зачто; но Лавкай сказалъ, что еще посмотримъ, каковы люди? Съ этимъ князьки отправились и больше не возвращались. Хабаровъ пошелъ за ними, нашелъ четвертый и пятый городъ—все пустые. Дальше Хабаровъ не пошелъ, возвратился въ первый городъ, оставилъ тутъ часть ратныхъ людей, а самъ возвратился въ Якутскъ (въ маѣ 1650 года) съ донесеніемъ, что по славной великой рѣкѣ Амурѣ живутъ Даурскіе люди пахотные и скотные, и въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много противъ Волги, по берегамъ луга великіе и пашни, лѣса темные большіе, соболя и всякаго звѣря много, государю казна будетъ великая. Хлѣбъ въ полѣ родится ячмень и овесъ, просо, горохъ, грѣчиха и сѣмя конопляное; если Даурскіе князьки государю покорятся, то прибыль будетъ большая, въ Якутскій острогъ хлѣба присылать будетъ не надобно, потому что изъ Лавкаева города съ Амура рѣки черезъ волокъ на Тургирь рѣку въ новый острожекъ, что поставилъ онъ, Хабаровъ, переходу только со сто верстъ, а изъ Тугирскаго острожка внизъ Тугиремъ, Олекмою и Леною до Якутска поплаву только двѣ недѣли. Даурская земля будетъ прибыльнѣе Лены, да и противъ всей Сибири будетъ мѣсто украшено и изобильно.

Разсказы Хабарова произвели то дѣйствіе, что около него тотчасъ же собралось 170 человѣкъ охотниковъ, Якутскій воевода далъ ему двадцать козаковъ, и Хабаровъ въ томъ же 1650 году отправился на Амуръ, взявъ съ собою три пушки. На этотъ разъ онъ нашелъ здѣсь не пустые городки: Дауры рѣшились не пускать пришельцевъ селиться между ними и брать ясакъ. Не доходя до одного изъ Лавкаевыхъ городковъ (Албазина), Хабаровъ встрѣтилъ Дауровъ въ полѣ, бился съ ними съ полудня до вечера, прогналъ, но у Русскихъ оказалось 20 человѣкъ ранеными. Дауры бросили Албазинъ, который и былъ занятъ Русскими. Князекъ Гугударъ изъ тройнаго городка своего далъ отчаянный отпоръ Русскимъ; на требованіе ясака для великаго государя, Гугударъ отвѣчалъ: «Даемъ мы ясакъ Богдойскому (Китайскому) царю, а вамъ какой ясакъ у насъ? Хотите ясака, что

мы бросаемъ последнимъ своимъ ребятамъ?» — «И настреляли Дауры, пишетъ Хабаровъ, изъ города къ намъ на поле стрелъ какъ нива стоитъ насеяна. И те свирепые Дауры не могли стоять противъ государской грозы и нашего бою.» Хабаровъ взялъ городокъ, положивши на месте больше 600 непріятелей. Русскихъ было убито четверо, да сорокъ пять ранено. Въ другихъ местахъ по всей Сибири Русскіе привыкли къ тому, что какъ скоро попадутъ имъ въ руки аманаты родоначальники, князьки, то уже весь родъ и покоряется, платитъ ясакъ. Но у Дауровъ было иначе; Хабарову удалось захватить нечаянно одинъ Даурскій улусъ, привести улусниковъ къ шерти и взять князей ихъ въ аманаты; но скоро ему дали знать, что улусники бегутъ; Хабаровъ къ аманатамъ:» Зачемъ государю изменили и людей своихъ прочь отослали?» — «Мы не отсылали, былъ ответъ: мы сидимъ у васъ, а у нихъ своя дума; чемъ намъ всемъ помереть, такъ лучше мы помремъ за свою землю одни, когда ужь къ вамъ въ руки попали.» Для зимовки Хабаровъ построилъ Ачанскій городокъ, въ которомъ былъ осажденъ Дучерами и Ачанцами; Русскимъ небольшаго труда стоило отразить этихъ дикарей; но весною 1652 года явился непріятель другаго рода: то было Манжурское войско, присланное по приказанію наместника Китайскаго богдыхана. Манжуры пришли подъ Ачанскій городокъ съ пушками и винтовками; но Русскіе ратные люди и Русскія пушки оказались лучше въ этой первой встрече. Пусть самъ Хабаровъ разскажетъ намъ про битву: «Марта въ 24 день, на утренней заре, сверхъ Амура реки славныя ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ козаковъ, сила Богдойская, все люди конные и куячные (панцырные), и нашъ козачій есаулъ закричалъ въ городъ Андрей Ивановъ служилый человекъ: братцы козаки, ставайте наскоре и оболокайтесь въ куяки крепкіе! И метались козаки на городъ въ единыхъ рубашкахъ на стену городовую, и мы козаки чаяли изъ пушекъ изъ оружія бьютъ козаки изъ города; ажно бьютъ изъ оружія и изъ пушекъ по нашему городу козачью войско Богдойское. И мы козаки съ ними Богдойскими людьми, войскомъ ихъ, дрались изъ-за стены съ зари и до схода солнца; и то войско Богдойское на шерты козачьи пометалось, и не дадутъ намъ козакамъ къ те поры прейти черезъ городъ, а Богдойскіе люди знаменами стену

городовую укрывали, у того нашего города вырубили они Богдойскіе люди три звена стѣны сверху до земли; и изъ того ихъ великаго войска Богдойскаго кличетъ князь Исиней царя Богдойскаго и все войско Богдойское: не жгите и не рубите козаковъ, емлите имъ козаковъ живьемъ; и толмачи наши тѣ рѣчи князя Исинея услышали и мнѣ Ярофейку сказали; и услыша тѣ рѣчи у князя Исенея, оболокали мы козаки всѣ на ся куяки, и азъ Ярофейко и служилые люди и вольные козаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою прощалися и говорили то слово язъ Ярофейко, и есаулъ Андрей Ивановъ и все наше войско козачье: умремъ мы, братцы козаки, за вѣру крещеную, и постоимъ за домъ Спаса и Пречистые и Николы Чудотворца, и порадѣемъ мы козаки государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, и помремъ мы козаки всѣ заодинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы козаки въ руки имъ Богдойскимъ людямъ не дадимся. И въ тѣ стѣны проломныя стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы козаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную, и почали азъ пушки по Богдойскому войску бити и изъ мелкаго оружія учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жь стали по нихъ Богдойскихъ людяхъ: тутъ и Богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божіею милостію и государскимъ счастьемъ и нашимъ радѣніемъ, ихъ собакъ побили многихъ. И какъ они Богдои отъ того нашего пушечнаго бою и отъ пролому отшатилися прочь, и въ тапору выходили служилые и вольные охочіе козаки сто пятьдесятъ шесть человѣкъ въ куякахъ на вылазку Богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ, и какъ мы къ нимъ Богдоемъ на вылазку вышли изъ города, и у нихъ Богдоевъ тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и Божіею милостію и государскимъ счастьемъ, тѣ двѣ пушки мы козаки у нихъ Богдойскихъ людей и у войска отшибли, и у которыхъ у нихъ Богдойскихъ людей у лучшихъ воинновъ огненно оружіе было, и тѣхъ людей мы побили и оружье у нихъ взяли. И нападе на нихъ Богдоевъ страхъ великій, показались имъ сила наша несчетная и всѣ достальные Богдоевы люди отъ города и отъ нашего бою побѣжали врознь. И кругъ того Ачанскаго города

сыскали мы, что побито? Богдоевыхъ людей и силы ихъ шестьсотъ семьдесятъ шесть человѣкъ наповалъ, а нашіе силы козачьи отъ нихъ легло отъ Богдоевъ десять человѣкъ, да переранили насъ козаковъ на той дракѣ семдесятъ восимъ человѣкъ.»

Хабаровъ писалъ поэтическимъ складомъ; но думалъ, какъ видно, прозаически, разсчиталъ, что нельзя надѣяться, чтобы могущественный Богдойскій царь позволилъ козакамъ распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и нельзя надѣяться на вторую побѣду, если подъ Ачанскій городъ придетъ Богдойское войско болѣе многочисленное. Еще не прошелъ мѣсяцъ послѣ нападенія Богдойскихъ людей, какъ уже Хабаровъ съ товарищами плыли вверхъ по Амуру. Прибрежные жители оказывали прежнее нерасположеніе, ясакъ можно было сбирать только силою; захваченные въ плѣнъ туземцы извѣщали о враждебныхъ замыслахъ, о новыхъ опасностяхъ: «Наши люди, объявляли они, не хотятъ вамъ ясаку давать, хотятъ съ вами драться, говорятъ: гдѣ они станутъ зимовать и городъ поставятъ, тамъ мы соберемъ войска тысячь десять или больше и ихъ давомъ задавимъ.» На дорогѣ Хабаровъ встрѣтилъ отрядъ козаковъ, посланный къ нему на помощь изъ Якутска; но этотъ ничтожный отрядъ, привезшій одну пушку, не давалъ Хабарову возможности возвратиться внизъ, гдѣ, по его выраженію, вся земля была въ скопѣ. 1-го августа, на устьѣ рѣки Зіи, Хабаровъ вышелъ на берегъ и сталъ говорить своимъ козакамъ: гдѣ бы намъ городъ поставить? — «Гдѣ будетъ годно и гдѣ бы государю прибыль учинить, тутъ и городъ станемъ дѣлать»—былъ отвѣтъ. Но не всѣ такъ отвѣчали: человѣкъ со сто козаковъ замыслили другое, «порадѣли своимъ зипунамъ и нажиткамъ.» Они отвалили на трехъ судахъ отъ берега, а на судахъ была государева казна, пушки, свинецъ, порохъ и куяки; одну пушку воры бросили прямо съ судна на берегъ, а другую въ воду; часть остальной казны побросали также въ воду, часть взяли съ собою, захватили неволею съ тридцать вольныхъ козаковъ, но двое изъ нихъ, не желая плыть съ ворами, побросались съ судна въ воду въ однихъ рубашкахъ. Воры поплыли внизъ по Амуру, въ числѣ ста тридцати шести человѣкъ, и начали громить прибрежныхъ иноземцевъ. Съ Хабаровымъ осталось 212 человѣкъ; онъ шесть недѣль простоялъ на устьѣ Зіи, призывалъ иноземцевъ, которыхъ аманаты уже

давно были у него въ рукахъ: но иноземцы близко не ѣхали: «Вы все обманываете, говорили они: и теперь ваши люди поплыли внизъ и нашу землю громятъ.» Хабаровъ послалъ четверыхъ козаковъ въ Якутскъ донести тамошнимъ воеводамъ, что воры государевой службѣ поруху учинили, иновѣрцовъ отогнали и землю смяли; что съ оставшимися у него людьми землею овладѣть нельзя, потому что земля многолюдная и бой огненный, а сойти съ Амура безъ государева указа не смѣетъ.

Отвѣтъ пришелъ не ранѣе 1653 года. На Амуръ пріѣхалъ дворянинъ Зиновьевъ съ государевымъ жалованьемъ, золотыми Хабарову и его товарищамъ. Хабаровъ, сдавши ясакъ Зиновьеву, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву, а «приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура новой Даурской земли» оставленъ Онуфрій Степановъ. Степановъ принялъ начальство неохотно, потому что послѣднія похожденія Хабарова не могли представить ему будущее на Амурѣ въ привлекательномъ видѣ. Въ сентябрѣ, посовѣтовавшись съ войскомъ, поплылъ онъ внизъ по Амуру, потому что на верху ни хлѣба ни лѣсу не было. Хлѣбъ былъ найденъ на берегахъ рѣки Шингала (притокъ Амура съ юга), откуда Степановъ поплылъ далѣе внизъ по Амуру и зимовалъ въ странѣ Дучеровъ, собирая съ нихъ ясакъ. Лѣтомъ 1654 года онъ опять отправился въ Шингалъ за хлѣбомъ и бѣжалъ три дня вверхъ по рѣкѣ благополучно, но 6 іюня встрѣтилъ Богдойскую большую силу ратную со всякимъ огненнымъ стройнымъ боемъ, конную и струговую. Не смотря на пушечную пальбу Богдойцевъ по Русскимъ судамъ, козаки выбили непріятеля изъ струговъ на берегъ; но на берегу Богдойцы стали въ крѣпкомъ мѣстѣ и начали драться изъ-за валовъ. Русскіе приступили было къ этимъ укрѣпленіямъ, но были отбиты, и принуждены были, безъ хлѣба, выплывать на Амуръ и бѣжать вверхъ по великой рѣкѣ. Плѣнники разсказали печальныя вѣсти: Богдойскій царь послалъ 3000 войска, велѣлъ ему три года стоять на устьѣ Шингала въ Амуръ, не пускать Русскихъ людей. По Амуру хлѣба достать было негдѣ, потому что тотъ же Богдойскій царь запретилъ прибрежнымъ иноземцамъ сѣять хлѣбъ и велѣлъ всѣмъ имъ переселиться поближе къ себѣ на рѣку Наунъ, берущую истокъ къ югу отъ Амура.

Уйдя изъ Шингала, Степановъ укрѣпился на устьѣ рѣки Камары (впадающей въ Амуръ съ юга); но 13 марта 1655 года 10,000 Богдойскаго войска явилось подъ острожкомъ и начали пускать огненные заряды на стрѣлахъ, чтобъ зажечь острожекъ, а 24 марта пошли на приступъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, везли телеги, на телѣгахъ щиты деревянные, обитые кожею, везли лѣстницы, на одномъ концѣ которыхъ были колеса, а на другомъ гвозди желѣзные и палки, везли дрова, смолу, солому, багры желѣзные и всякія приступныя мудрости; но приступъ былъ отбитъ и приступныя мудрости попались въ руки козакамъ. Послѣ этой неудачи Богдойцы оставались подъ острожкомъ до 4 апрѣля, били по немъ изъ пушекъ день и ночь, но, видя, что ничего сдѣлать нельзя, ушли.

Это пораженіе Китайскаго войска подъ Камарскимъ острожкомъ очистило Степанову Амуръ и Шингалъ, куда онъ опять сталъ пробираться за хлѣбомъ; но въ 1656 году пришелъ указъ Богдойскаго царя—свести всѣхъ Дучеровъ съ Амура и Шингала; Степановъ пришелъ было за ясакомъ и за хлѣбомъ—и не нашелъ никого и ничего! «Теперь, писалъ Степановъ въ Якутскъ, теперь всѣ въ войскѣ оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньемъ, и ждемъ государева указа.»

Сильныя препятствія, встрѣченныя Русскими людьми со стороны Богдойскихъ людей, заставляли попытаться, нельзя ли войти въ мирныя сношенія съ могущественнымъ царемъ Богдойскимъ. Въ 1654 году въ первый разъ отправленъ былъ изъ Тобольска въ Китай сынъ боярскій Ѳедоръ Байковъ для присматриванія въ торгахъ и товарахъ и въ прочихъ тамошнихъ поведеніяхъ. Отъ рѣки Иртыша, отъ впаденія въ нее Бѣлыхъ водъ до Китайскаго царства шелъ Байковъ Калмыками и Монголами, все межъ камня (горъ), землею, которая кормомъ и водою скудна. Китайскою землею до перваго Китайскаго города Кококотана шелъ два мѣсяца. Между Монгольскими тайшами простои бывали дней по десяти, недѣли по двѣ, по три и по мѣсяцу для кормовъ и безводныхъ мѣстъ. Отъ перваго города Кококотана до заставнаго города Капки ходу 12 дней; между этими городами живутъ Мугальскіе тайши кочевые, служатъ Китайскому царю. Изъ Капки посолъ пошелъ къ царю въ городъ Канбалыкъ (Пекинъ) на своихъ лошадяхъ и верблюдахъ, кор-

му и подводъ не дали, шелъ семь дней, и на этой дорогѣ видѣлъ 18 городовъ, города кирпичные, а иные глиняные, черезъ рѣки подѣланы мосты изъ дикаго камня очень затѣйливо. Канбалыка Байковъ достигъ только въ мартѣ 1656 года. Въ полверстѣ отъ города, посла встрѣтили двое царскихъ ближнихъ людей и потчивали чаемъ, варенымъ съ масломъ и молокомъ; посолъ отказался пить, потому что былъ великій постъ: «По крайней мѣрѣ возьми чашку,» сказали ближніе люди; посолъ взялъ чашку и, подержавъ, отдалъ назадъ. Посла поставили въ домѣ, въ которомъ было всего двѣ комнаты, потомъ перевели въ другой, болѣе обширный. На другой день пріѣхали царевы ближніе люди и сказали, что царь Богда велѣлъ взять у него подарки, присланные ему государемъ. — «Вездѣ такой обычай, сказалъ Байковъ, что посолъ самъ подаетъ государю любительную грамоту, и потомъ уже подарки.»—У вашего государя такой чинъ, а у нашего свой, отвѣчали ближніе люди; царь царю ни въ чемъ не указываетъ,» и взяли силою подарки. Черезъ день послѣ этого ближніе люди прислали сказать послу, чтобы съ царскою грамотою ѣхалъ къ нимъ въ приказъ. Байковъ отказалъ: «Присланъ я къ царю Богдѣ, а не къ приказнымъ ближнимъ людямъ.»—«Царь тебя велитъ казнить зато, что ты его указа не слушаешь», велѣли сказать ближніе люди.—«Хотя бы царь велѣлъ по составамъ меня рознять, а все же въ приказъ не пойду, и государевой грамоты вамъ не отдамъ», отвѣчалъ Байковъ. Въ знакъ царскаго гнѣва за это упрямство послу возвратили подарки, и этимъ все дѣло кончилось; Байковъ возвратился только съ разсказами объ удивительной странѣ, впервые видѣнной Русскимъ человѣкомъ.

Видя, что посольство принято нелюбовно, царь не дѣлалъ второй попытки. Враждебныя дѣйствія со стороны Китайцевъ не прекращались: въ 1658 году, 30 іюня Китайское войско на сорока семи бусахъ напало на Онуфрія Степанова, плывшаго по Амуру ниже Шингала; Русскіе потерпѣли совершенное пораженіе: Степановъ погибъ вмѣстѣ съ двумя стами семидесятью козаками, двѣсти двадцать семь человѣкъ спаслось берегомъ и на одномъ суднѣ, но государева ясачная соболиная казна досталась въ руки Китайцамъ. Козачьи походы на Амуръ изъ Якутска кончились несчастно; но еще задолго до гибели Степанова

сдѣлано было распоряженіе укрѣпиться на Шилкѣ и въ верхнихъ частяхъ Амура, и оттуда уже дѣйствовать, по возможности, далѣе внизъ по великой рѣкѣ. Съ этою цѣлію Енисейскій воевода Аѳанасій Пашковъ возобновилъ покинутые городки: Нерчинскъ при устьѣ рѣки Нерчи въ Шилку и Албазинъ на Амурѣ. И здѣсь не обошлось безъ столкновеній съ Китайцами: Албазинскіе козаки стали брать ясакъ съ народцевъ, которыхъ Богдыханъ считалъ своими подданными, и нѣкоторые изъ инозенцевъ, недовольные Китайцами, переходили въ Русское подданство. Въ 1667 году пришелъ изъ Китайскихъ владѣній въ Нерчинскъ подъ государеву высокую руку Тунгускій князекъ Гантемиръ съ дѣтьми и братьями и улусными людьми, всего сорокъ человѣкъ, обѣщаясь платить ясакъ по три соболя съ человѣка; Гантемиръ ушелъ съ досады, что проигралъ тяжбу по несправедливости Китайскаго суда. Правитель Китайскій, жившій на Шингалѣ, провѣдалъ, куда ушелъ Гантемиръ, и въ 1670 году прислалъ грамоту Нерчинскому воеводѣ Аршинскому: «Вы бы послали къ намъ пословъ своихъ, чтобы намъ переговорить съ очей на очи, и съ котораго мужика брать ясакъ по соболю или по два, за это намъ съ великимъ государемъ ссориться не для чего. Но вы подумайте: кто платитъ великому государю ясакъ и сбѣжитъ, то развѣ вы не ищете его по десяти, по двадцати и по сту лѣтъ?» Аршинскій отправилъ четырехъ козаковъ прямо въ Пекинъ къ Богдыхану съ предложеніемъ безпрепятственной торговли между обоими государствами и союза. Козаки возвратились въ Нерчинскъ очень довольные пріемомъ и привезли грамоту Богдыханову къ царю: «Были мои промышленные люди на Шилкѣ рѣкѣ и, возвратясь, сказали мнѣ: по Шилкѣ въ Албазинѣ живутъ Русскіе люди и воюютъ нашихъ украинныхъ людей. Я, Богдыханъ хотѣлъ послать на Русскихъ людей войною; и мнѣ сказали, что тамъ живутъ твои великаго государя люди, и я воевать не велѣлъ, а послалъ провѣдать, впрямь ли въ Нерчинскомъ острогѣ живутъ твои великаго государя люди? Воевода Нерчинскій, по твоему указу, присылалъ ко мнѣ пословъ и письмо, и я теперь узналъ, что впрямь въ Нерчинскомъ острогѣ воевода и служилые люди живутъ по твоему великаго государя указу. И впредь бы нашихъ украинныхъ земель не воевали и худа никакого не дѣлали, а что на этомъ словѣ по-

ложено, станемъ жить въ миру и въ радости.» Эта грамота дала поводъ къ новому посольству изъ Москвы въ Пекинъ.

Въ началѣ 1675 года отправился въ Китай посломъ переводчикъ Посольскаго приказа, Грекъ Николай Гавриловичь Спафари, который выбралъ другую дорогу, чѣмъ Байковъ, ѣхалъ на Енисейскъ и Нерчинскъ, и только 15 мая 1676 года добрался до царствующаго града Пежина (Пекина). И Спафари было объявлено, что Богдыханъ Канхи (второй изъ Манжурской династіи), царской грамоты у него не приметъ. «Какіе гордые обычаи, противъ права всѣхъ народовъ! говорилъ Спафари Китайцамъ: это чудо, всѣ удивляются, отъ чего у васъ такъ началось, что пословъ передъ хана берутъ, а грамоты государской не берутъ?» Ему объяснили начало обычая: «Въ старыхъ годахъ изъ нѣкотораго государства былъ у насъ посолъ, даровъ съ собою привезъ очень много и словесно объявилъ всякую дружбу и любовь. Нашъ Богдыханъ, обрадовавшись, тотчасъ велѣлъ посла и съ грамотою взять передъ себя; но какъ начали читать грамоту, оказалось въ ней большое безчестье Богдыхану, да и самъ посолъ началъ говорить непристойныя рѣчи. Съ тѣхъ поръ постановлено: брать прежде грамоту у посла и прочитывать, и, смотря по грамотѣ, Богдыханъ принимаетъ посла или не принимаетъ. Этого обычая и самъ ханъ переставить не можетъ; только изъ дружбы къ царскому величеству велѣлъ онъ, но по обычаю, взять у тебя грамоту двумъ ближнимъ людямъ, а чтобы тебя самого принять съ грамотою, объ этомъ и не думай!» Спафари отвѣчалъ, что не отдастъ грамоты въ приказѣ.

Послѣ этого разговора пріѣхали къ Спафари два мандарина и привезли съ собою старца католика, іезуитскаго чину, именемъ Фердинанда Вербіястъ, родомъ изъ Испанскихъ Нидерландовъ. Іезуитъ былъ переводчикомъ, потому что Спафари умѣлъ говорить полатыни. Послѣ новыхъ долгихъ споровъ о пріемѣ грамоты Спафари продиктовалъ іезуиту полатыни списокъ царской грамоты, чтобы Китайцы знали, что въ ней нѣтъ ничего безчестнаго для ихъ Богдыхана. Іезуитъ между прочимъ говорилъ посланнику: «Радъ я царскому величеству для христіанской вѣры служить и о всякихъ дѣлахъ радѣть; только жаль мнѣ, что отъ такого славнаго государя пришло посольство, а Китайцы варвары и никакому послу чести не даютъ; подарки,

которые присылаются къ нимъ отъ другихъ государей, называютъ и пишутъ даньи, и въ грамотахъ своихъ отвѣчаютъ, будто господинъ къ слугѣ; говорятъ, что всѣ люди на свѣтѣ видятъ однимъ глазомъ, и только они, Китайцы двумя.» Іезуитъ заклиналъ Спафари предъ образомъ, чтобы этихъ рѣчей никому не говорилъ и не писалъ, пока не выѣдетъ изъ Китая, потому что иностранцы многія нужды здѣсь терпятъ для Христа, и теперь въ подозрѣніи; обѣщалъ прислать посланнику латинскую книгу, гдѣ описаны обычаи Китайскіе и пріемъ пословъ.

Списокъ съ грамоты не помогъ; мандарины объявили, что повѣрятъ только подлинной грамотѣ и печати, когда ихъ увидятъ въ своихъ рукахъ: «Какъ на головѣ волосы выросли и стала сѣдина, то ихъ перемѣнить нельзя: такъ и обычая нашего перемѣнить нельзя; примутъ грамоту два ближнихъ человѣка, которые у Богдыхана какъ два плеча въ тѣлѣ, а Богдыханъ голова». Пограничный воевода, сносившійся съ Нерчинскомъ, говорилъ Спафари: «Въ прошлыхъ годахъ, какъ былъ здѣсь Байковъ, въ то время ходили козаки по Амуру и нашихъ людей разорили; мы говорили Байкову: ты ходишь съ посольствомъ а козаки воюютъ! Байковъ намъ отвѣчалъ, что козаки воры и воюютъ безъ царскаго указа, и этихъ воровъ войско Богдыханово всѣхъ побило. Послѣ того подданный Богдыхана Тунгусъ Гантемиръ съ своими людьми убѣжалъ въ Нерчинскъ. Тогда Богдыханъ приказалъ мнѣ, чтобы я взялъ 6000 войска и 10 пушекъ и шелъ бы въ походъ на воровъ и на Гантемира. Я пошелъ съ войскомъ, но напередъ отпустилъ къ Гантемиру Даурскаго мужика провѣдать, къ какимъ людямъ тотъ ушелъ? Но Гантемиръ схватилъ мужика и отвелъ къ Нерчинскому воеводѣ. Тотъ, вмѣстѣ съ Гантемиромъ, сказали мужику, что они не воры, а люди великаго государя, Бѣлаго царя и по указу его сдѣлали двѣ крѣпости въ Нерчинскѣ и Албазинѣ, что великій государь желаетъ жить въ дружбѣ и любви съ Богдыхановымъ величествомъ и чтобъ торгъ между обоими государствами производился. Этотъ Даурскій мужикъ встрѣтилъ меня, когда я былъ съ войскомъ за два дни пути отъ Нерчинска. Услыхавъ, что въ Нерчинскѣ не воры, а Бѣлаго царя люди и отпустили моего человѣка назадъ съ дружбою, я доложилъ Богдыхану, что лучше съ такими людьми поступать дружески, нежели войною; Бог-

дыханъ велѣлъ мнѣ послать въ Нерчинскъ и взять оттуда служилыхъ людей, потому что хотѣлъ писать грамоту къ царскому величеству для подлиннаго провѣдыванія. Кромѣ того, всѣ, кто былъ здѣсь изъ Россіи съ торгомъ послѣ Байкова, Сеитъ-кулъ, Тарутинъ и другіе, говорили, что съ ними есть государевы грамоты, а послѣ какъ пустили ихъ въ Китай, и съ ними никакихъ грамотъ не оказалось. Они насъ обманули, а потому и тебѣ теперь не вѣримъ, не видя подлинной государевой грамоты». Воевода утверждалъ, что Богдыхану и не докладывали о нарушеніи стараго обычая, чтобы онъ принялъ изъ рукъ посланника грамоту: такъ обычай этотъ святъ; а іезуитъ увѣрялъ, что воевода лжетъ, Богдыхану уже трижды докладывали, и онъ велѣлъ пріискивать въ старыхъ книгахъ, не было ли подобнаго примѣра? Богдыханъ не прочь отъ того, чтобы принять грамоту; но ближніе люди упорно отстаиваютъ старый обычай, боясь, что окрестные государи станутъ говорить, что сдѣлали это изъ страха предъ Русскимъ государемъ. Сверхъ того и списку грамоты не вѣрятъ, потому что они въ грамотѣ своей къ царю писали съ повелѣніемъ, какъ господинъ къ меньшому, и боятся, чтобы не было за то угрозъ въ царской грамотѣ. Чтобъ не подать подозрѣнія, іезуитъ говорилъ это, смотря на чертежъ, какъ будто бы читалъ въ слухъ.

Во все это время стояли страшные жары; половина служилыхъ людей, пріѣхавшихъ съ посланникомъ, были больны отъ жаровъ и отъ дурной воды; ворота посольскаго дома были заперты и никого за нихъ не пускали, съѣстное караульщики продавали тройною цѣною.

Наконецъ приступили къ сдѣлкамъ, и согласились, что посланникъ привезетъ грамоты не въ приказъ, а во дворецъ, гдѣ засѣдаютъ въ думѣ ближніе люди, положитъ грамоты на Богдыханское мѣсто, и двое ближнихъ людей понесутъ ихъ немедленно къ Богдыхану. Послѣ этой церемоніи посланникъ былъ на поклонѣ у Богдыхана. Спафари кланялся скоро и не до земли; мандарины говорили ему, чтобы кланялся до земли и не скоро, какъ они кланялись: «Вы холопи Богдыхановы, отвѣчалъ посланникъ, и умѣете кланяться; а мы Богдыхану не холопи, кланяемся какъ знаемъ». Послѣ тройныхъ поклоновъ, мандарины сказали Спафари, чтобы шелъ скоро къ Богды-

хану, ибо у нихъ такой обычай: когда ханъ зоветъ, то они идутъ бѣгомъ. «Мнѣ бѣжать не заобычай», отвѣчалъ посланникъ и шелъ потихоньку. Пришедши передъ Богдыхана, Спафари поклонился одинъ разъ въ землю и сѣлъ на подушку; отъ Богдыханскаго мѣста до мѣста, гдѣ сидѣлъ посланникъ, было саженъ съ 8. Ханское мѣсто вышиною отъ земли съ сажень, осьмиугольное, деревянное позолоченое, входъ на него треми позолочеными же лѣстницами. Богдыханъ человѣкъ молодой, лицемъ шедроватъ, говорили, что ему 23 года. Въ палатѣ, по обѣимъ сторонамъ, на землѣ, на бѣлыхъ войлокахъ сидѣли братья и племянники Богдыхана. Когда посланникъ пришелъ, начали разносить чай роднымъ Богдыхана и всѣмъ ближнимъ людямъ, разносили въ большихъ желтыхъ деревянныхъ чашкахъ, чай былъ татарскій, а не китайскій, вареный съ масломъ и молокомъ, музыка играла умильно и человѣкъ что-то громко кричалъ. Послѣ чаю музыка и крики прекратились, всѣ встали, Богдыханъ сошелъ съ своего мѣста и отправился въ заднія палаты.

Спафари былъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Сынъ Неба не обратилъ на него никакого вниманія; вельможи утѣшали посланника тѣмъ, что со временемъ онъ въ другой разъ увидитъ Богдыхана, который тогда вступитъ съ нимъ въ разговоръ. Дѣйствительно спустя долгое время русское посольство снова было позвано во дворецъ. Поклонившись десять разъ, посланникъ и свита его усѣлись на подушкахъ противъ Богдыхана; явились два іезуита и стали на колѣни; Богдыханъ говорилъ имъ потихоньку; когда кончилъ, іезуиты подошли къ посланнику, велѣли ему стать на колѣни и сказали: «Великій самодержецъ, всего Китайскаго государства ханъ, спрашиваетъ: великій государь, всея Россіи самодержецъ, Бѣлый царь въ добромъ ли здоровьѣ?» Спафари отвѣчалъ: «Какъ мы поѣхали отъ великаго государя, то оставили его въ добромъ здравіи и счастливомъ государствованіи; и желаетъ великій государь Богдыханову величеству также долголѣтняго здравія и благополучнаго государствованія, какъ наилюбезнѣйшему сосѣду и другу». Опять іезуиты-толмачи отправились къ престолу и возвратились съ новыми вопросами: «Богдыханово величество предлагаетъ три вопроса: царское величество сколькихъ лѣтъ, какого возраста и сколь давно на-

чалъ царствовать?» — «Великій государь, отвѣчалъ Спафари, лѣтъ пятидесяти, возраста совершеннаго и преукрашенъ всякими добродѣяніями, какъ царствовать началъ тому больше тридцати лѣтъ». Слѣдовали вопросы о самомъ посланникѣ: «Сколько тебѣ лѣтъ? слышалъ Богдыханъ, что ты человѣкъ ученый и велѣлъ спросить, учился ли ты философіи, математикѣ и тріугольномѣрію?» Богдыханъ спрашивалъ объ этомъ потому, что самъ учился у іезуитовъ тріугольномѣрію и звѣздесловію. Послѣ этихъ распросовъ принесли столы съ сластями: яблоки персидскія и комфети разныя, арбузы, дыни; потомъ принесли вино виноградное, самое доброе, въ родѣ добраго ренскаго, дѣлаютъ его іезуиты для Богдыхана каждый годъ; виномъ угощали только посланника и его свиту, а вельможи Китайскіе пили чай.

Все лѣто прожилъ Спафари въ Пекинѣ. Посланникъ и его свита привезли много товаровъ, казенныхъ и своихъ для продажи и мѣны на товары Китайскіе; но торговля шла плохо: камки, атласы и бархаты продавались въ одной лавкѣ, въ другихъ лавкахъ Русскимъ ничего не продавали, потому что вельможи, толмачи и купцы сговорились, по какой цѣнѣ покупать Русскіе товары и по какой продавать свои. Въ концѣ лѣта начали толковать объ отпускѣ: Спафари требовалъ, чтобы ему дали на латинскомъ языкѣ списокъ съ Богдыхановой грамоты къ государю, дабы знать, нѣтъ ли въ ней какого жестокаго слова, и объявилъ, что безъ грамоты не поѣдетъ. На это ему объявили слѣдующіе Китайскіе обычаи: 1) Всякій посолъ, приходящій къ намъ въ Китай, долженъ говорить такія рѣчи, что пришелъ онъ отъ нижняго и смиреннаго мѣста и восходитъ къ высокому престолу; 2) подарки, привезенные къ Богдыхану отъ какого бы то ни было государя, называемъ мы въ докладѣ данью; 3) подарки, посылаемые Богдыханомъ другимъ государямъ, называются жалованьемъ за службу; тѣ же самыя выраженія употребляетъ Богдыханъ и въ грамотахъ своихъ къ другимъ государямъ. «Ты не дивись, что у насъ обычай такой, говорили вельможи посланнику: какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ одинъ Богъ нашъ земной, Богдыханъ, стоитъ онъ среди земли, въ срединѣ между всѣми государями, эта честь никогда у насъ не была и никогда не будетъ измѣнена. Доложи царскому величеству словесно три дѣла: 1) чтобы выдалъ Гантемира; 2)

если впередъ пришлетъ сюда посланника, то чтобы наказалъ ему ни въ чемъ не сопретивляться, что ему ни прикажемъ; 3) чтобы запретилъ своимъ служилымъ людямъ, живущимъ на рубежахъ нашихъ, обижать нашихъ людей. Если царское величество эти три статьи исполнитъ, то и Богдыханъ исполнитъ его желанія, въ противномъ случаѣ, чтобы никто отъ васъ изъ Россіи и изъ порубежныхъ мѣстъ къ намъ въ Китай съ торгомъ и ни съ какими дѣлами не приходилъ».

Съ этимъ Спафари и былъ отправленъ, безъ грамоты Богдыхановой, ибо не согласился видѣть въ ней оскорбительныя для чести царской выраженія, предложенныя Китайцами. Посланникъ вывезъ о послѣднихъ самыя невыгодныя понятія: «Въ торгу такихъ лукавыхъ людей на всемъ свѣтѣ нѣтъ, и нигдѣ не найдешь такихъ воровъ: если не побережешься, то и пуговицы у платья обрѣжутъ, мошенниковъ пропасть»! Іезуиты, недовольные Богдыханомъ Канхи, жаловались на его непостоянство, неспособность къ правленію, въ печальномъ видѣ представляли положеніе Китая, обуреваемаго мятежами. Вообще іезуиты были очень откровенны и ласковы съ русскимъ посланникомъ; между прочимъ они просили у него въ свою церковь иконы для вѣчнаго воспоминанія: «а мы, говорили іезуиты, станемъ молить Бога за царское величество, потому что приходящіе въ Китай Русскіе люди всегда ходятъ къ намъ въ костелъ; но не видя Русской иконы, не вѣрятъ намъ, думаютъ, что мы идолопоклонники, а не католики». Спафари далъ имъ икону Михаила Архангела въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ и два подсвѣчника предъ икону.

Посольство Спафари въ Китай было однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ знаменитаго тридцатилѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича. Изданіе Уложенія, присоединеніе Малороссіи, подвиги Русскихъ людей въ Сѣверной Азіи, расширеніе дипломатическихъ сношеній отъ Западнаго Океана до Восточнаго, отъ Мадрида до Пекина, Никоново дѣло, расколъ, Разинское и Соловецкое возмущенія — вотъ крупныя явленія, которыя должны оправдать употребленное нами выраженіе: знаменитое царствованіе. Но знаменитость была дорого куплена; Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ отца тяжелое наслѣдство. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича съ перваго взгляда является вре-

леніемъ успокоенія Московскаго государства отъ смутъ внутреннихъ и войнъ внѣшнихъ: козаки не вооружались болѣе противъ государства, съ Польшею и Швеціею заключенъ былъ вѣчный миръ. Но тишина была передъ бурею. Привычки, пріобрѣтенныя письмами частями городоваго народонаселенія въ смутное время, далеко не искоренялись въ царствованіе Михаила. Козаки принуждены были оставить предѣлы государства, царики, ими выставляемые, самозванцы отыграли свою роль; но козачество ни сколько не было ослаблено у себя въ степяхъ, продолжало пользоваться сочувствіемъ украинскаго народонаселенія, сохранять связь съ нимъ; стоило только запереться выходу въ море изъ Дона и явиться предпріимчивому вождю, какъ оно опрокидывалось на государство, увлекая за собою массы низшаго народонаселенія. Варварскіе народцы въ областяхъ прежнихъ царствъ—Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго также ждали перваго случая, чтобъ возстать противъ Русскаго царства и не переставали поддерживать связи съ Крымомъ и Турціею, все ожидая, что господство мусульманства возстановится на берегахъ Волги. Даже бѣдные жители тундръ сѣверной Сибири не теряли надежды возстановить свою независимость подъ знаменами туземныхъ вождей. Вѣчные миры съ Польшею и Швеціею были тяжки; нельзя было забыть о Смоленскѣ; честь новой династіи требовала возвращенія Русскихъ областей, уступленныхъ начальникомъ династіи. Но, разумѣется, преемникъ Михаила могъ отдалить войну на неопредѣленное время, собраться съ силами. Обстоятельства не дали возможности откладывать: еще царю Михаилу предложено было взять Малороссію подъ свою высокую руку для избавленія ея отъ латинскаго гоненія; козацкія движенія не прекращались и происходили подъ знаменемъ вѣры и Русской народности. Сыну Михаила повторено было предложеніе принять Малороссію, но съ угрозою: въ случаѣ несогласія поддатся Туркамъ. Война съ Польшею оказалась неизбѣжною.

Какія же средства имѣлъ царь Алексѣй для этой западной войны, которая уже три раза оканчивалась несчастно? Мы видѣли, что во второй половинѣ XVI вѣка силы Московскаго государства, побѣдоносного на востокѣ, покорившаго тамъ себѣ цѣлыя царства, оказались несостоятельными при столкновеніи

съ западомъ. Воплемъ отчаянія, что у государства нѣтъ средствъ содержать войско, необходимое для отпора страшнымъ врагамъ, воплемъ отчаянія оканчивается царствованіе Іоанна IV, и такимъ же воплемъ начинается царствованіе преемника его. Этотъ вопль имѣлъ слѣдствіемъ закрѣпленія крестьянъ за служилыми людьми,—распоряженіе, которое всего лучше показывало, что Московское государство XVI и XVII вѣка, въ экономическомъ отношеніи, находилось въ такомъ же состояніи, въ какомъ западно-европейскія государства находились въ началѣ среднихъ вѣковъ, или въ какомъ находились Американскія колоніи, принужденныя, по недостатку рабочихъ рукъ, покупать черныхъ невольниковъ. Но чѣмъ яснѣе сознавалось печальное экономическое состояніе Московскаго государства, чѣмъ печальнѣе были мѣры, которыя правительство должно было принимать, чтобы какъ-нибудь извернуться для удовлетворенія первой потребности государства, потребности внѣшней защиты, тѣмъ сильнѣе должно было становиться стремленіе правительства къ сближенію съ богатыми и сильными государствами западно-европейскими, къ перенятію отъ нихъ того, что̀ дѣлало ихъ богатыми и сильными: по этому неудивительно, что тотъ же Годуновъ, который закрѣпилъ крестьянъ, извѣстенъ своею любовію къ иностранцамъ и обычаямъ ихъ. Послѣ смутнаго времени новая династія, находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, необходимо усвоиваетъ себѣ преданія, оставленныя прежними государями. При царѣ Михаилѣ Москва наполняется иностранцами, которымъ даются привилегіи для учрежденія разныхъ промышленныхъ предпріятій; иноземные ратные люди толпами набираются въ Русскую службу, подлѣ старинной дворянской конницы и стрѣлецкой пѣхоты учреждается новое войско по иностранному образцу съ иностранными названіями—рейтары, драгуны, солдаты. Но для наема иностранцевъ, для содержанія новаго войска нужны деньги, а денегъ нѣтъ: торговые люди бѣдны, имъ не стянуть съ иноземцами, которые забираютъ Русскую торговлю въ свои руки; платящія сословія обременены податями, вслѣдствіе чего избываніе отъ податей совершается въ обширныхъ размѣрахъ, цѣлыя мѣстности пустѣютъ, подати всею своею тяжестію падаютъ на оставшихся, а тутъ еще надобно кормить воеводъ и приказныхъ людей. Въ такомъ состояніи принялъ царство Алексѣй Михайловичь!

Неудовольствіе платящихъ сословій, высказывавшееся при царѣ Михаилѣ сильно, но законно, при молодомъ Алексѣѣ, высказалось Московскимъ бунтомъ 1648 года, когда получилась возможность обвинить въ народныхъ бѣдствіяхъ не царя, но боярина-правителя. Соборное Уложеніе, прекращеніе закладничества, какъ средства избывать податей, уничтоженіе привилегій купцовъ иностранныхъ служили для утишенія неудовольствія; бунтъ, замышляемый закладчиками, лишившимися своего выгоднаго положенія, неудался; Сольвычегодскъ и Устюгъ опоздали съ своими бунтами, еще болѣе опоздалъ Новгородъ и Псковъ; но все же это было тяжелое время для правительства и народа; а между тѣмъ въ то самое время, когда Москва пылала бунтомъ и пожаромъ, на югѣ Хмельницкій торжествовалъ надъ польскими гетманами и поднималъ украйну. Хмельницкій присылалъ въ Москву съ бросьбою принять его въ подданство, когда царь не зналъ, какъ утушить мятежи Новгорода и Пскова. Мятежи утихли отъ уединенія, какъ утихаетъ пожаръ, когда около горящаго зданія нѣтъ другихъ, которыя бы могли заняться; но черезъ два года надобно было начать войну съ Польшею. Бѣдное государство истощило свои средства, чтобы приготовиться къ войнѣ, и сначала успѣхъ оправдалъ пожертвованія; но скоро за тѣмъ язва, шведская война, Малороссійскія волненія, на востокѣ поднимаются варварскіе народцы. Казна истощена въ конецъ, ратные люди бѣгутъ отъ голоду и холоду; попробовали прибѣгнуть къ кредиту, но мѣдныя деньги упали въ цѣнѣ и Московская чернь опять подняла бунтъ. Андрусовское перемиріе прекратило бѣдствія тринадцатилѣтней войны; но надолго ли успокоилось государство? Въ 1667 году заключено Андрусовское перемиріе и въ 1667 же году поднимается Разинъ, а въ 1668 поднимается Брюховецкій, въ Малороссійскихъ городахъ козаки рѣжутъ Московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, а на сѣверѣ вспыхиваетъ Соловецкое возмущеніе. Въ 1671 году задавленъ былъ Разинскій бунтъ, а въ 1672 Турки взяли Каменецъ и держали Москву въ постоянной тревогѣ до конца царствованія. Послѣ этого мы не будемъ удивляться медленности, нерѣшительности правительственныхъ распоряженій относительно движенія войскъ, малочисленности послѣднихъ, ихъ дурнаго состоянія, вслѣдствіе котораго большая цифра была

только на бумагѣ, а не на дѣлѣ; надобно удивляться, какъ бѣдное государство могло выдержать такой рядъ ударовъ, рядъ войнъ!

Дѣйствительно иностранцы удивлялись, какъ могло Московское государство такъ скоро оправляться послѣ пораженій, подобныхъ Конотопскому, Чудновскому? Дѣло объяснялось сосредоточенностію власти, единствомъ, правильностію, непрерывностію въ распоряженіяхъ. Медлили, уклонялись отъ исполненія, не умѣли что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклоненіе и неумѣнье шла въ Москву, и отсюда повторялся указъ великаго государя однолично сдѣлать не измотчавъ; отвѣчали, что негдѣ взять чего-нибудь, шелъ указъ искать тамъ и тамъ; опять медлили — шелъ указъ съ угрозою опалы и жестокаго наказанья, и дѣло наконецъ дѣлалось. Начали строить корабль, ничего не приготовивши; мы видѣли, какъ строили, но выстроили же!

При этомъ однако не должно забывать и счастливой случайности. Мы видѣли, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московское государство было поражаемо рядомъ ударовъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ. Но это-то и важно, что удары слѣдовали одинъ за другимъ: бунты Новгородскій и Псковской произошли черезъ годъ послѣ Московскаго, когда въ столицѣ все уже было тихо и совершены были важныя перемѣны, успокоивавшія народонаселеніе центральныхъ областей, слѣдовательно правительство имѣло возможность сосредоточить все свое вниманіе на сѣверо-западѣ. Разинъ поднялся, когда была окончена война съ Польшею; онъ поднялся въ 1669 году; въ слѣдующемъ году поднялся Брюховецкій; но Разинъ въ это время ушелъ на Каспійское море, далъ Москвѣ досугъ устроить Малороссійскія дѣла, и поднялъ второй бунтъ когда уже въ Малороссіи было все спокойно, когда слѣдовательно большая часть военныхъ силъ могла быть двинута на востокъ. Турки начали грозить, когда уже все было кончено съ восточнымъ козачествомъ.

Но какія бы ни были благопріятныя обстоятельства, давшія Московскому государству возможность устоять при тяжкихъ испытаніяхъ, посланныхъ ему во второй половинѣ XVII вѣка, эти испытанія, слѣдовавшія такъ быстро одно за другимъ, могли разрушительно дѣйствовать и на природу болѣе твердую,

чѣмъ какая была у царя Алексѣя Михайловича. Къ бѣдствіямъ государственнымъ для Алексѣя Михайловича присоединялись еще огорченія семейныя. Отъ перваго брака, на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, царь имѣлъ шесть дочерей и пять сыновей; но всѣ сыновья отличались болѣзненностію; двое царевичей — Димитрій и Алексѣй умерли при жизни отца и матери; въ мартѣ 1669 года умерла царица Марья Ильинична; за нею въ томъ же году послѣдовалъ третій царевичь Симеонъ. 22-го января 1672 года Алексѣй Михайловичь женился въ другой разъ на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ думнаго дворянина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Въ продолженіе нашего разсказа мы часто встрѣчались съ Матвѣевымъ, однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ царю. Недостаточность источниковъ неоффиціальныхъ, именно записокъ (мемуаровъ) недаетъ намъ возможности объяснить, какимъ образомъ дьячій сынъ Матвѣевъ могъ приблизиться къ царю и сдѣлаться его другомъ. Если можно догадываться, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это сближеніе произошло посредствомъ Морозова. Матвѣевъ, подобно Ордину-Нащокину, Ртищеву и другимъ виднымъ лицамъ царствованія Алексѣя Михайловича, отличался любовію къ новизнамъ иностраннымъ: домъ его былъ убранъ по европейски, картинами, часами; жена его не жила затворницею, сынъ получилъ европейское образованіе; изъ дворовыхъ людей своихъ Матвѣевъ составилъ труппу актеровъ, которые тѣшили великаго государя театральными представленіями. Но, смотря, подобно Нащокину, на западъ, Матвѣевъ однако рѣзко отличался поведеніемъ своимъ отъ Аѳанасья Лаврентьевича. Послѣдній, какъ мы видѣли, шелъ быстро, не остерегаясь задѣвать по дорогѣ своей кого бы то ни было, перессорился съ знатью и преждевременно принужденъ былъ оставить служебное поприще. Матвѣевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ царю, но не выставлялся, долго, очень долго носилъ незавидное званіе полковника и головы Московскихъ стрѣльцовъ, вообще не ссорился съ знатью, и если впослѣдствіи, какъ увидимъ, низверженъ былъ въ царствованіе преемника Алексѣева, то низверженъ былъ не вельможными людьми, которые, по крайней мѣрѣ самая значительная часть, являются приверженцами царицы Натальи Кирилловны, слѣдовательно и Матвѣева. Уже

къ концу царствованія Алексѣя Матвѣевъ сдѣлался начальникомъ двухъ важнѣйшихъ приказовъ — Малороссійскаго и Посольскаго въ скромномъ званіи думнаго дворянина. Только въ 1672 году, по случаю рожденія царевича Петра, Матвѣевъ былъ пожалованъ въ окольничіе, вмѣстѣ съ отцомъ царицы, Кирилломъ Полуехтовичемъ Нарышкинымъ; въ октябрѣ 1674, по случаю крестинъ царевны Θеодоры, Матвѣевъ пожалованъ въ бояре.

1-го сентября 1674 года (въ тогдашній новый годъ) государь объявилъ старшаго сына своего, тринадцатилѣтняго царевича Θеодора: на Красной площади, на дѣйствѣ, оказывали государя царевича всему Московскому государству и иноземцамъ. Послѣ дѣйства царевичь поздравлялъ отца и патріарха съ новымъ годомъ и говорилъ рѣчь; послѣ Θеодора говорилъ рѣчь царю, царевичу и патріарху бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгорукій. Въ тотъ же день смотрѣли царевича въ Архангельскомъ соборѣ иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланникъ Литовскій. Государь посылалъ къ нимъ боярина Хитрово объявить царевича и сказать: «Вы видѣли сами государя царевича пресвѣтлыя очи и какого онъ возраста: такъ пишите объ этомъ въ свои государства нарочно». Въ 1676 году, съ 29 на 30 число января, съ субботы на воскресенье, въ 4 часу ночи, скончался царь Алексѣй Михайловичь, на 47 году отъ рожденія, благословивъ на царство старшаго сына Θеодора. Кромѣ Θеодора, отъ перваго брака оставался царевичь Іоаннъ, отъ втораго Петръ, и дочери: отъ перваго брака Евдокія, Марθа, Софья, Екатерина и Марья, отъ втораго Наталья и Θеодора. Да еще были живы сестры царя Алексѣя, Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

Въ самомъ началѣ разсказа о дѣятельности царя Алексѣя мы замѣтили сходство его природы съ природою отцовскою, замѣтили и различіе. Въ продолженіе тридцатилѣтней царственной дѣятельности это сходство и это различіе выяснились. Безспорно Алексѣй Михайловичь представлялъ самое привлекательное явленіе, когда-либо видѣнное на престолѣ царей Московскихъ. Иностранцы, знававшіе Алексѣя, не могли высвободиться изъ подъ очарованія его мягкой, человѣчной, благодушной природы. Эти черты характера выставлялись еще рѣзче, привлекали тѣмъ

большее вниманіе и сочувствіе при тогдашней темной обстановкѣ: «Изумительно, говорили иностранцы, что при неограниченной власти надъ народомъ, привыкшимъ къ совершенному рабству, онъ не посягнулъ ни начье имущество, ни начью жизнь, ни начью честь.» Простое, патріархальное обхожденіе Русскаго самодержца съ подданными тѣмъ болѣе должно было поражать иностранцевъ, что въ западной Европѣ оно уже исчезало: тамъ былъ вѣкъ Людовика XIV! Особенную мягкость, особенную привлекательность природѣ Алексѣя, поступкамъ его сообщала глубокая религіозность, которая проникала все его существо. Но, напоминая отца мягкостію природы, Алексѣй, съ другой стороны, напоминалъ знаменитаго сына своего живостію, воспріимчивостію, страстностію, былъ очень вспыльчивъ, и когда человѣкъ, возбудившій гнѣвъ его, былъ къ нему близокъ, то, по тогдашнему обычаю, Алексѣй расправлялся съ нимъ собственноручно, смирялъ, и это, какъ мы видѣли, несчиталось посягновеніемъ на честь; цесарскій посолъ Майербергъ, который такъ восхищается характеромъ царя Алексѣя Михайловича, описываетъ слѣдующіе случаи. Когда узнали въ Москвѣ о пораженіи Хованскаго и Нащокина въ 1661 году, царь созвалъ думу и спрашивалъ, что дѣлать? какими средствами отбиться отъ страшнаго врага? Начинаетъ говорить тесть царскій, бояринъ Иванъ Даниловичь Милославскій: «Если государь пожалуетъ, дастъ мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу польскаго короля плѣнникомъ.» Ничто такъ не раздражало царя Алексѣя, какъ хвастовство и самонадѣянность: онъ вышелъ изъ себя: «Какъ ты смѣешь, страдникъ, худой человѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками? какія побѣды показалъ надъ непріятелемъ! Или ты смѣешься надо мною?» Словами дѣло не кончилось: гнѣвный царь далъ пощечину старому тестю, надралъ ему бороду, выгналъ его пинками изъ комнаты и захлопнулъ двери. Другой случай: великій государь отворилъ себѣ кровь и, почувствовавъ облегченіе, предложилъ сдѣлать тоже и придворнымъ. Всѣ, волею-неволею, согласились, кромѣ родственника царскаго по матери, Родіона Стрѣшнева, который отказался подъ предлогомъ старости. Алексѣй Михайловичь вспылилъ: «Развѣ твоя кровь дороже моей? что ты считаешь себя лучше всѣхъ?»

И тутъ дѣло не кончилось словами; но когда гнѣвъ прошелъ, къ Стрѣшневу пошли изъ дворца богатые подарки, чтобы позабылъ побои. Когда провинялся кто-нибудь изъ знатныхъ воеводъ, Алексѣй Михайловичь также выходилъ изъ себя и писалъ къ провинившемуся длинное гнѣвное посланіе; но тонъ этихъ посланій постоянно умѣряется тѣмъ, что царь старается выставить на видъ виновному его грѣхъ предъ Богомъ, его отвѣтственность предъ Царемъ царей; гнѣвный, грозящій царь исчезаетъ, видѣнъ человѣкъ, взволнованный проступкомъ, его слѣдствіями, и старающійся представить всю важность ихъ преступнику; въ гнѣвныхъ выраженіяхъ слышится сочувствіе человѣка къ человѣку. Такъ въ 1668 году онъ посылаетъ стряпчаго Головкина спросить боярина князя Григорія Семеновича Куракина: «Зачѣмъ онъ по указу в. государя не пошелъ подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ? какъ онъ не умилосердился надъ людьми Божіими и государевыми, которые при концѣ живота сидятъ? какъ ему за нихъ на страшномъ судѣ отвѣтъ дать? Какъ онъ бояринъ забылъ Спасителя нашего Іисуса Христа, чудодѣйственную Его силу, даровавшую побѣду ради слезъ его и усердія? почто вознесся? что жь возношеніе его? послушалъ плутовъ и разговорщиковъ малоумныхъ, которые о себѣ впредь добра не мыслятъ; почто подъ Глуховымъ сталъ? не токмо стоять, и заходить непристойно, развѣ письмо, что писать въ городъ о сдачѣ. А итить было прямо къ Нѣжину и Черниговъ очищать да воевать; а что писалъ онъ, что не промысля надъ Глуховымъ, итить нельзя, и то помышленье высокое и Богу гнѣвное и мерзкое: се уже свое надѣяніе, а не Божіе учало быть, и надѣяться на силу свою и на счастье; а тѣ Нѣжинцы и Черниговцы воздыхаютъ на него: государь пожаловалъ ихъ выручилъ, а пропадутъ они отъ него боярина. Богъ на немъ взыщетъ ихъ. Лучше слезами и усердствомъ и низостью предъ Богомъ промыслъ чинить; по прежнему какъ началъ такъ бы и совершилъ, а не силою и славою. Въ великое подивленье в. государю, что, получа такую славу отъ Господа Бога своими слезами, онъ бояринъ и воевода да теряетъ самъ у себя. Лучше то, что возьметъ городъ Глуховъ и многая кровь прольется, а страдальцы въ Нѣжинѣ и Черниговѣ безгодною и томною смертью напрасно погинутъ, а притчею не промыслитъ, что будетъ? то будетъ:

первое Бога прогнѣваетъ: надѣялся на славную силу, хотѣлъ взять городъ и кровь напрасно многую прольетъ; второе—людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье—отъ в. государя гнѣвъ приметъ; четвертое—отъ людей стыдъ и соромъ, что даромъ людей потерялъ; пятое—славу и честь на свѣтѣ Богомъ дарованную непристойнымъ дѣломъ и стояніемъ подъ Глуховымъ неблагополучно отгонитъ отъ себя, и вмѣсто славы укоризны всякія и неудобные переговоры восприиметъ. И то все писано къ нему боярину хотя добра святой и восточной церкви, и чтобы дѣло Божіе и его государево совершалось въ добромъ полководствѣ, а его боярина жалуя и хотя ему чести и жалѣя его старости.»

Еще сильнѣе обратился Алексѣй Михайловичь въ письмѣ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому: «Врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому: воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, в. государю прямую сатанинскую службу, якоже Дафану и Авирону и Ананіи и Самфирѣ: они клялись Духу св. во лжу, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ конечно исправилъ, якоже и Іюда продалъ Христа на хлѣбѣ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ и милость продалъ же лжею. Велѣно было тебѣ отпустить къ стольнику Семену Змѣеву въ полкъ нашихъ ратныхъ людей для Божія и нашего скораго дѣла, и ты приказалъ послать ихъ таково стройно и крѣпко и всякою нашею милостью утвержаючи, что пять верстъ отшедчи, пришли къ тебѣ въ полкъ, и ты не токмо не отослалъ ихъ по прежнему нашему указу куда имъ идти велѣно, и съ собою ихъ взялъ, прельщаючи ихъ нашимъ большимъ жалованьемъ и обѣщаючися тайно отпускать ихъ по домамъ для своей треклятые корысти. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ, и жена, и дѣтки твои узрятъ такія же слезы, какъ и тѣ плачутъ сироты напрасно побитые; и самъ ты треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго, для того что людей не послалъ, и нашъ вѣрный измѣнникъ и самаго истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ нея же никто не возвращался. Воспомяни, окоянный, кѣмъ взысканъ? отъ кого пожалованъ? на кого надѣешься? гдѣ дѣться? куда бѣжать? кого не слушаешь? предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа

явно облыгаешь и дѣла Его теряешь! Вѣдаешь ли безконечную муку у него кто лестью Его почитаетъ и кто предъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дни свои провожаетъ и указы перемѣняетъ и ихъ не страшится. Въ конецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ; а товарища твоего, дурака и худаго князишка пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣсить. Богъ благословилъ и предалъ намъ государю править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду: и мы Божія дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному ненавистнику дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ на всѣ страны мещется. Писаны къ тебѣ и посыланы наши государевы грамоты съ милостивымъ словомъ такія, какихъ и къ господамъ твоимъ не бывало: и ты тѣмъ вознесся и показалъ упрямство бусурманское. И буде ты желаешь впредь отъ Бога милости и благословенія и не похочешь идти въ бездну безъ покаянія и въ нашемъ государевомъ жалованьи быть по прежнему: и тебѣ бъ, оставя всякое упрямство, учинить по сему нашему указу, послать къ стольнику Змѣеву тотчасъ полкъ рейтаръ да полкъ драгуновъ, давъ имъ денежное жалованье.»

Въ томъ же родѣ письмо къ Савинскому казначею Никитѣ (1652 года). Въ Савинѣ монастырѣ оставлены были стрѣльцы 18 человѣкъ, которымъ архимандритъ велѣлъ стоять на конюшенномъ дворѣ. Сюда къ нимъ пришелъ казначей Никита, подпивши, и спросилъ: по какому указу вы здѣсь стоите? услыхавъ, что по архимандричьему, онъ зашибъ десятника посохомъ въ голову, оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Царь послалъ Алексѣя Мусина-Пушкина сыскать про дѣло, а самъ написалъ казначею: «Отъ царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцова дому и единомысленнику сатанину врагу проклятому ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Миките. Уподобился ты сребролюбцу Июдѣ: якоже онъ продалъ Христа на тридесятъ сребреницъ, и ты промѣнилъ, проклятой врагъ, чюдотворцовъ домъ да и мои грѣшные слова на свое умное и збоиливое пьянство и на умные на глубокие

пронырливые вражые мысли; самъ сатана въ тебя врага Божия вселился; хто тебя сиротину спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и надо мною грѣшнымъ властвовать? Хто тебѣ сию власть мимо архиморита далъ, что тебѣ безъ ево вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михаиловскихъ бить? воспомяни евангельское слово: всякъ высокосердечный нечистъ предъ Богомъ. О враже проклятый! за что денница снебесе свергнута? не за гордость ли? Богъ не пощадилъ. Да ты жа сатанинъ угодникъ пишешь друзьямъ своимъ и вычитаешъ безчестье свое вражье, что стрѣлцы у твоей кельи стоятъ: и дорого добрѣ, что у тебя скота стрѣлцы стоятъ! лутче тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣлцы, по нашему указу, которой владыко тѣмжя путемъ ходитъ что и ты окаянной. И дорогиль мнѣ твои грозы? Вѣдаешь ли ты, что опричь Бога и Матери Его владыч. нашей Пресв. Богородицы и свѣта очию моею чюдотворца Савы и не имѣю опричь той радости никакой и надежды; то моя радость, то мое и веселье и сила и на брани противъ враговъ моихъ, и не твои мнѣ грозы, и своего брата государя и тѣ грозы яко поучину (т. е. паутину) вмѣняю, потому: Господь просвѣщение мое и Спаситель мой—кого убоюся? Да за помощию Пресв. Богородицы и за молитвою чюдотворца Савы ничье грозы не страшны. Вѣдай себѣ то окаянной: тотъ боитца грозъ, которой надежю держитъ на отца своего сатану и держитъ ее тайно, чтобъ нихто ее не позналъ, а передъ людми добръ и вѣренъ показуетъ себя. Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангелъ, что одному тебѣ и отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здѣшняя честь, а Содѣтелю нашему творцу небу и земли и свѣту моему чюдотворцу конешно грубны твои высокопроклятые и гордостные и вымышленные твои тайные дѣла ей не ложно евангельское речение не можетъ рабъ двемя господинома работати а мнѣ грѣшному здѣшняя честь аки прахъ и дорогиль мы предъ Богомъ стобою и дорогиль наши высокосердечные мысли доколе Бога не боимся доколе отвращаемся доколе не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди ево творимъ вѣдаешь ты окаянной самъ творяи заповѣди Божия снебреженiемъ проклятъ и горе намъ стобою и нашему збоиливому илукавому сердцу и злои нашеи и лукавои мысли и люто намъ будетъ въ день ярости Господа Саваоѳа не пособятъ намъ тогда наши збоиливые и лу-

кавые дѣла и мысли, вѣдаи себѣ и то, лукавый врагъ, какъ ты возмутилъ нынѣ чюдотворцевымъ домомъ да и моею грѣшною душою ей до слезъ стало чюдотворецъ видитъ что во мглѣ хожу отъ твоего збоиливаго сатанина ума возмутитъ тебя и самово Богъ и чюдотворецъ. Вѣдай себѣ то, что буду самъ у чюдотворца милости просить и оборони на тебя со слезами, не отъ радости буду на тебя жаловатца чѣмъ было тебѣ милости просить у Бога и у Пречистой Богородицы и у чюдотворца и со мною прощатца въ грамоткахъ своихъ и ты вычитаешь безчестие свое и я тебѣ за твое роптание спесивое учиню то чево ты вѣкъ надъ собою такова позору не видалъ. Ты промѣнилъ сие мѣсто чюдотворцево на свое премудрое и лукавое и напьяное сердце и на проклятые мысли а меня грѣшнаго тебѣ не диво не послушать здѣсь потому что и святое мѣсто продаешь на свой злой нравъ а на ономъ вѣце разсудитъ Богъ насъ съ тобою а опричь мнѣ тово нечемъ стобою боронитца. да и то тебѣ возвѣщаю аще не чистымъ сердцемъ покаешися къ чюдотворцу и со мною смирисся въ злыхъ своихъ роптанияхъ вѣдай что безъ проказы не будешь яко Наманъ утаился отъ Елисея пророка такъ и тебѣ тожа будетъ аще едину мысль утаиши у чюдотворца да по семъ буди Богомъ нашимъ І. Х. и Преч. Его Мат. и чюдотв. Савою и мною грѣшнымъ буди прогнанъ и изриновенъ и отлученъ со всякимъ безчестиемъ и безстудіемъ отъ сего мѣста святаго и чюдотворца дому. — И прочетчи сию грамоту и велите взяти ево предъ всѣмъ соборомъ яко врага Божия и чюдотворцева дому со всякимъ безчестиемъ стрѣлцомъ и велите положить на него чѣпь на шею а на ноги желѣза и велите Алексѣю ево свесть пережъ себя стрѣлцомъ на конюшенной дворъ.»

И это письмо, подобно приведенному нами прежде письму къ Никону въ Соловецкій монастырь, вводитъ лучше всего въ міръ тогдашнихъ патріархальныхъ отношеній. Пьяный казначей Никита прибилъ десятника стрѣлецкаго; царь велитъ наложить ему цѣпь на шею и желѣза на ноги; но между тѣмъ, оскорбленный письмами Никиты, въ которыхъ тотъ позволилъ себѣ какія-то угрозы, выходитъ изъ себя и пишетъ къ Никитѣ, не скрывая тревожнаго состоянія своего духа, зоветъ его на судъ Божій, грозитъ наказаніемъ свыше, пишетъ, что онъ, царь никого не боится, потому

что Господь просвѣщеніе его и спаситель, за помощію Богородицы и за молитвою чудотворца Саввы ничьи грозы ему не страшны. Въ пылу гнѣва царь сдерживается религіозностію, которая заставляетъ его признать надъ собою и надъ Никитою высшій судъ, уравнять себя съ нимъ; царь пишетъ, что будетъ просить у чудотворца обороны на Никиту, который такъ возмутилъ его душею, что до слезъ стало, во мглѣ ходитъ. Религіозность красила патріархальныя отношенія, сообщая имъ иногда необыкновенную умилительность и вмѣстѣ величіе: таково извѣстное намъ письмо Нижнеломовскаго воеводы Пекина воеводѣ Хитрову: «Въ Нижнемъ Ломовѣ козаки знатно что измѣнили: поминай меня убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми.» Великій государь былъ именно способенъ понимать и исполнять такія просьбы.

Всего лучше прекрасная природа царя Алексѣя высказывалась въ письмахъ утѣшительныхъ къ близкимъ людямъ. Мы уже привели въ своемъ мѣстѣ письмо его къ Ордину-Нащокину по случаю бѣгства сына его; въ этомъ письмѣ царь силою именно природы своей высоко поднялся надъ вѣкомъ. Въ такомъ же родѣ и письмо къ князю Ник. Ив. Одоевскому по поводу смерти сына его: «Да будетъ тебѣ вѣдомо, судбами всесильнаго и всеблагаго Бога нашего и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ свѣтъ взять сына твоего первенца, князя Михаила съ великою милостію въ небесныя обители; а лежалъ огневою три недѣли безо дву дней; а разболѣлся при мнѣ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таковъ, я его такова радостна николи не видалъ; да лошадью онъ да князь Ѳедоръ челомъ ударили, и я молвилъ имъ: «потолъ я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ?» И онъ плачучи да говоритъ мнѣ: «Мнѣ де, государь, тебя не видать здѣсь; возмиде, государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ же и до-вѣка такова гостя не видать. И я, видя ихъ нелестное прошеніе и радость не сумѣнную, взялъ жеребца темносѣра. Не лошадь дорога мнѣ, всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба, и послушанье, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всемъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ,

и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанія поѣхалъ я къ Покровскому тѣшиться въ рощи въ Карачаровскія; онъ со мною здоровъ былъ, и пріѣхалъ того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обоихъ виномъ романѣею, и подачами и корками, и ѣли у меня, и какъ отошло вечернее кушанье, а онъ сталъ изъ-за стола и почалъ стонать головою, голова де безмѣрно болитъ, и почалъ бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить для головной болѣзни, да и пошолъ домой, да той ночи хотѣлъ сѣсть въ сани да ѣхать къ Москвѣ поутру, а болѣзнь та ево почала разжигать да и объявилася огневая. И тебѣ боярину нашему и слугѣ и дѣтемъ твоимъ черезъ мѣру не скорбить, а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать, и уподобитца бъ тебѣ Іеву праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго діавола пострадалъ, сколко на него напастей приводилъ? не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ онъ діавола; не опять ли ему далъ Богъ сыны и дщери? А за что?—за то, что ни во устнахъ не погрѣшилъ; не оскорбился, что мертвы быша дѣти ево. А твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Вѣдаешь ты и самъ, Богъ все на лутчие намъ строитъ, а взялъ его въ добромъ покаяніи... Не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помошникъ; радуйся, что лучее взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣйся на Бога и на Его рождшую и на Его всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ, и мы тебя не покинемъ и съ детьми и, помня твое челобитье, ихъ жаловали и впредь радъ жаловать сына его князь Юрья, а отца радъ поминать. А князь Ѳедора я пожаловалъ отъ печали утѣшилъ, а на выносъ и на всепогребальная я послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня ни ково у васъ нѣтъ; и я радъ ихъ и васъ жаловать, толко ты, князь Никита, помни Божію милость, а наше жалованіе. Какъ живова его жаловалъ, такъ и поминать радъ... А преже того мы жаловали къ тебѣ писали, какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ; и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую Его Матерь и на всѣхъ святыхъ и на насъ великаго Государя быть надежнымъ, аще Богъ изволитъ, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и со внучаты по Бозѣ родители, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ и всѣмъ безпомошнымъ и бѣд-

нымъ но Безѣ помошники. На то насъ Богъ и поставилъ, чтобы безпомошнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать съ радостію, то и наша милость къ вамъ безотступно будетъ.» Подъ исподомъ грамоты еще написано: «Князь Никита Ивановичь! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ.»

Но въ письмахъ же царя Алексѣя патріархальныя отношенія являются безъ прикрасъ, во всемъ своемъ непригожествѣ; такъ въ письмѣ къ стольнику Матюшкину царь пишетъ: «Извѣщаю тебѣ, не то тѣмъ утѣшаюся, не то стольниковъ безпрестано купаю ежеутрь въ прудѣ, Іордань хорошо сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по 12 человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ; многіе нарокомъ не поспѣваютъ.»

Наружность царя Алексѣя, какъ описываютъ ее иностранцы очевидцы, много объясняетъ намъ его характеръ: съ кроткими чертами лица, бѣлый, краснощекій, темнорусый, съ красивою бородою, крѣпкаго тѣлосложенія; но между тѣмъ преждевременная толщина, особенно живота, одряхляла его, не смотря на дѣятельную жизнь: рано вставалъ онъ къ утренней службѣ, иногда ночи проводилъ въ горячихъ молитвахъ, ревностно занимался дѣлами, ѣздилъ часто на охоту, которую любилъ страстно, не пропускалъ храмовыхъ праздниковъ въ монастырскихъ и приходскихъ церквахъ. У него достало на столько энергіи, чтобы рѣшиться отказаться отъ отцовской жизни, покинуть Московскій дворецъ и выступить въ походъ. Сохранилось преданіе, что походы въ Бѣлоруссію и Литву развили Алексѣя, внушили ему болѣе самоувѣренности и перемѣнили отношенія его къ окружающимъ: онъ сдѣлался самостоятельнѣе. Но энергія, какъ видно, поддерживалась успѣхомъ; когда успѣхи кончились, то мы уже не видимъ болѣе Алексѣя въ челѣ войскъ. Замѣченное отолстѣніе было ли слѣдствіемъ или причиною прекращенія этой дѣятельности—рѣшить трудно. Иностранцы современники говорятъ о прекрасныхъ дарованіяхъ Алексѣя и жалѣютъ, что эти дарованія не развиты были наукою. Морозовъ могъ только сочувствовать образованію, жалѣть,

что въ молодости его не учили. Алексѣй прочелъ, какъ видно, все, что только можно было тогда прочесть на Славянскомъ и Русскомъ языкахъ. Но сильно возбужденная духовная дѣятельность обнаруживалась въ страсти писать. Сколько собственноручныхъ писемъ, обыкновенно довольно длинныхъ, записокъ, замѣтокъ сохранилось послѣ него! Алексѣй предпринялъ описаніе походовъ своихъ; сохранилось нѣсколько собственноручно поправленныхъ имъ экземпляровъ (черненій, какъ тогда называли) описанія выступленія войскъ изъ Москвы, отпуска воеводъ, рѣчей, говоренныхъ по этому случаю. Вѣроятно моровая язва и послѣдующія военныя неудачи остановили дѣло. Подъ конецъ царь Алексѣй пробовалъ писать и стихами. Вотъ письмо къ князю Григ. Григ. Ромодановскому: «Повелѣніе Всесильнаго и великаго и безсмертнаго и милостиваго царя царемъ и государя государемъ и всѣмъ всякимъ силамъ повелителя Господа нашего Іисуса Христа. Писахъ сіе письмо все многогрѣшный царь Алексѣй рукою своею.

Рабе Божій дерзай о имени Божіи
И уповай всемъ сердцемъ подастъ Богъ побѣду
И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко
Отъ всякихъ обмановъ и лестивыхъ дѣлъ и свой разумъ
Крѣпко въ твердости держи и разсматривай
Ратные дѣла великою осторожностью
Чтобъ писари Захарки съ товарищи чево не учинили
Также какъ Юраско надъ бояриномъ нашимъ
И воеводою надъ Васильемъ Шереметевымъ также и надъ бояриномъ
Нашимъ и воеводою князь Иваномъ Хованскимъ Огинской князь
Учинилъ и имай крѣпко опасенье и аргусовы очи по всякъ часъ
Безпрестанно въ осторожности пребывай и смотри на всѣ
Четыре страны и въ сердцы своемъ великое предъ Богомъ смиреніе и кротость имѣй
А не возношеніе какъ нѣхто нашъ братъ товарищь не родился такой
Промышленникъ кому бы чево одолѣть съ войскомъ и Богъ за превозношеніе его совсѣмъ предалъ въ плѣнъ.

По природѣ своей, слишкомъ мягкой, Алексѣй Михайловичъ не могъ не уступить большаго вліянія окружающимъ его ли-

дямъ; онъ былъ вспыльчивъ, но не выдерживъ. Излишняя доверчивость къ людямъ недостойнымъ, власть имъ уступленная, проистекали отъ слабости характера, а не отъ недостатка пониманія людей. Такъ, напримѣръ, онъ хорошо видѣлъ, кто такой былъ тесть его Милославскій, и въ минуту вспышки не щадилъ его; но наложить на него опалу—значило огорчить самое близкое къ себѣ существо, жену, которую онъ такъ любилъ, а это было уже выше силъ царя Алексѣя. Такъ было и въ отношеніи къ другимъ лицамъ, тѣсно связаннымъ между собою, крѣпко державшихся другъ за друга: наложить опалу на одного — и столько явится вдругъ недовольныхъ, печальныхъ лицъ, а эти лица, по обычаю, съ утра до вечера толпятся во дворцѣ, избавиться отъ нихъ нельзя, и вотъ доброй душѣ цѣлый день тягость невыносимая, и Алексѣй Михайловичь уступаетъ. Этимъ объясняются и странныя отношенія его къ Никону. Никонъ не могъ быть, подобно врагамъ своимъ, ближнимъ боярамъ и окольничимъ, безпрестанно во дворцѣ, и по этому самому проигрывалъ. Хитрость дитя слабости, и Алексѣй Михайловичь хитритъ въ дѣлѣ Никона: онъ соглашается съ боярами, что патріархъ зашелъ далеко, что съ нимъ жить нельзя, и въ тоже время старается внушить Никону о своемъ доброжелательствѣ къ нему, оправить себя въ глазахъ гнѣвнаго патріарха; такимъ образомъ добрый Алексѣй Михайловичь унижался до стремленія угодить обѣимъ сторонамъ, тогда какъ болѣе рѣшительными и самостоятельными дѣйствіями могъ уладить дѣло; безъ сомнѣнія главная причина паденія Никона заключалась въ характерѣ царя: болѣе твердый характеръ послѣдняго сдержалъ бы собиннаго пріятеля въ должныхъ предѣлахъ, и первая брань предотвратила бы печальныя слѣдствія послѣдней; Алексѣй Михайловичь погубилъ своего собиннаго пріятеля именно неспособностію своею къ первой брани; слабость государей имѣетъ иногда тѣ же слѣдствія, какъ и тиранство.

Но мягкость природы царя Алексѣя Михайловича нисколько не уменьшала значенія власти великаго государя. Алексѣй Михайловичь имѣлъ такое же возвышенное понятіе о своихъ правахъ, какъ и Іоаннъ IV-й: «Богъ благословилъ и предалъ намъ государю править и разсуждать люди своя на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду.» Тѣ же самыя отношенія,

какія мы видѣли при царѣ Михаилѣ, были въ силѣ и теперь. Въ народныхъ движеніяхъ, которыми такъ богато царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ которыхъ нельзя не видать отрыжки смутнаго времени послѣ необходимаго отдыха при Михаилѣ,—въ народныхъ движеніяхъ высказались рѣзко тѣ же отношенія большинства къ стоявшему на верху меньшинству; массы возставали противъ бояръ, выставляя единство своихъ интересовъ съ интересами царя. Меньшинству оставалось робко искать защиты у подножія престола. Такъ привязанности царской обязанъ былъ своимъ спасеніемъ самый видный изъ бояръ, Морозовъ. Преслѣдуя своею ненавистію Морозова, большинство оказывало особенное расположеніе боярамъ: Никиту Ивановичу Романову, дядѣ царскому, и князю Якову Куденетовичу Черкаскому, зная или предполагая въ нихъ враговъ Морозову. Но оба эти лица не обладали честолюбіемъ, которое бы заставило ихъ воспользоваться народнымъ расположеніемъ. Никита Ивановичь является на сцену во время народнаго возстанія противъ Морозова и Милославскаго и тутъ старается онъ утишить народъ; потомъ во время Псковскаго бунта отводитъ самъ къ царю Псковскихъ посланцевъ; наконецъ объ этомъ лицѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ охотникъ до иноземныхъ обычаевъ, одѣлъ своихъ людей въ ливрею по иностранному образцу; Никонъ, которому не нравилась эта новизна, придумалъ средство избавить дядю царскаго отъ грѣха: попросилъ у него это платье, какъ будто бы для образца, желая самъ одѣть такимъ же образомъ своихъ служекъ, но когда довѣрчивый бояринъ прислалъ ему платье, патріархъ велѣлъ изрѣзать его въ куски. Мы нисколько не ручаемся за вѣрность этого извѣстія въ подробностяхъ; но любовь боярина Никиты къ иностраннымъ новизнамъ подтверждается тѣмъ, что у него былъ ботъ, который въ послѣдствіи такъ занялъ молодаго внука его, царя Петра Алексѣевича и послужилъ началомъ флота. Разумѣется, желалось бы знать больше объ этомъ подстрекающемъ любопытство лицѣ; но отсутствіе извѣстій доказываетъ или недостатокъ у него личныхъ средствъ играть роль болѣе видную, или то, что ему нарочно загораживали дорогу, а самъ бояринъ былъ такъ осторожень, что не пробивался чрезъ полагаемыя ему преграды. Что же касается до князя Якова Куденетовича

Черкаскаго, то недостатокъ личныхъ средствъ оказался явно въ послѣдствіи—во время Польской войны.

При царѣ Алексѣ было 16 знатнѣйшихъ фамилій, члены которыхъ поступали прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго: Черкаскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. Изъ Черкаскихъ кромѣ Якова Куденетовича былъ извѣстенъ князь Григорій Сенчулеевичь; но объ немъ говорятъ, что это былъ дикарь, искавшій случая показать тѣлесную силу, опытный наѣздникъ, умѣвшій укрощать коней, которыми были наполнены его обширныя конюшни, болѣе сострадательный къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ. Представителемъ знаменитаго рода Воротынскихъ былъ князь Иванъ Алексѣевичь, человѣкъ ничтожный. Фамилія Трубецкихъ, послѣ князя Алексѣя Никитича, не имѣла достойнаго представителя; и Алексѣй Никитичь послѣ Конотопа потерялъ славу «въ воинствѣ счастливаго и недругамъ страшнаго.» Изъ Голицыныхъ знаменитый въ послѣдствіи князь Василій Васильевичь только еще начиналъ свое поприще; о князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ говорили, что онъ чѣмъ счастливѣе, тѣмъ скромнѣе.

Но если представитель Голицыныхъ не отличался Патрикѣевскимъ духомъ, то духъ этотъ перешелъ къ представителю другой Патрикѣевской линіи, князю Хованскому, знаменитому Ивану Андреевичу: мы видѣли любопытную борьбу его съ Ординымъ-Нащокинымъ, въ которомъ гордый потомокъ Гедимина видѣлъ худороднаго временщика, сильнаго только расположеніемъ царскимъ, въ родѣ Малюты Скуратова. Но самъ Хованскій, о предкахъ котораго не слыхать было въ старину, не имѣлъ связей и не пользовался хорошею славою относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичь могъ говоритъ ему: «Я тебя взыскалъ и выбралъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ». Отзывы и своихъ и чужихъ согласно описываютъ намъ Хованскаго человѣкомъ съ Патрикѣевскимъ высокоуміемъ, заносчивымъ, неумѣющимъ сдержать себя, непостояннымъ.Ординъ-Нащокинъ называетъ Хованскаго человѣкомъ непостояннымъ и слушающимся чужихъ внушеній; это отзывъ врага; но вотъ Майербергъ говоритъ, что Хованскій славился въ цѣломъ свѣтѣ своими пораженіями, про-

игрывалъ битвы по своей опрометчивости, по неумѣнью соразмѣрять свои силы съ силами непріятельскими; царь Алексѣй Михайловичь свидѣтельствуетъ, что всякъ называлъ его дуракомъ, и народъ даетъ ему прозванiе Тараруя. Сохранилось извѣстіе о безнравственномъ поведеніи его въ Псковѣ; сохранилось также извѣстіе о произвольныхъ и жестокихъ поступкахъ его съ людьми ратными. Изъ Морозовской фамиліи знаменитый воспитатель царя былъ послѣднимъ историческимъ лицемъ. Шереметевы личными достоинствами поддерживали значеніе своей фамиліи; мы часто встрѣчались съ дѣятельностію двоихъ Кіевскихъ воеводъ, Василья Борисовича, такъ несчастно окончившеюся, и Петра Васильевича; о послѣднемъ сохранился отзывъ, какъ о человѣкѣ съ большими способностями, но самохвалѣ, чрезвычайно жадномъ къ военной славѣ, невыносимо гордомъ и высокомѣрномъ. Хвалятъ блестящія военныя доблести Василья Васильевича Шереметева, но прибавляютъ, что само правительство не давало достойнаго поприща этому вельможѣ, заславши его воеводою въ несчастную область, которой избѣгаютъ всѣ бояре. Часто встрѣчались мы съ представителемъ фамиліи Одоевскихъ, княземъ Никитою Ивановичемъ; хвалятъ его мягкость, которою онъ рѣзко отличался отъ своихъ собратій. Мы видѣли его не разъ великимъ уполномоченнымъ посломъ, но трудно подмѣтить въ немъ что-либо иное кромѣ точнаго исполнителя наказа; самъ царь отозвался объ немъ въ письмѣ Долгорукому: «Чаю, что князь Никита тебя подбилъ, и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ! послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ.» Фамилія была небогатая; царь, пославши денегъ на погребеніе князя Михаилы Никитича, писалъ отцу его: «Впрямь я узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня ни ково у васъ нѣтъ». Изъ Пронскихъ извѣстенъ князь Иванъ Петровичь; ему поручено было важное дѣло воспитанія царевича Алексѣя Алексѣевича, но говорятъ, что выборъ былъ неудачный. Изъ Шеиныхъ никто не былъ на виду. Изъ Салтыковыхъ мы видѣли боярина Петра Михайловича начальникомъ Малороссійскаго приказа; говорятъ, что онъ былъ ровесникъ царя и очень любимъ имъ; Петра Михайловича хвалятъ за рѣдкое благоразуміе и непоколебимую вѣрность. Изъ

Репнины [illegible] любимца царя Михаила, князя Бориса Александровича, котораго обвиняютъ въ жестокости; о сынѣ его, князѣ Иванѣ Борисовичѣ, встрѣчаемъ такой отзывъ: онъ считается осторожнымъ, благоразумнымъ; но подозрѣваютъ, что скрываетъ азіатскіе пороки подъ личиною добродѣтели. Какъ теперь трудно рѣшить — эти неблагопріятные отзывы порождены ли завистію враговъ, нажитыхъ княземъ Борисомъ при Михаилѣ, или вражда порождена дѣйствительно непривлекательнымъ характеромъ Репниныхъ? Умственныя способности князя Ив. Семеновича Прозоровскаго являются не въ очень выгодномъ свѣтѣ во время переговоровъ съ Шведами, когда знатный бояринъ занималъ только первое мѣсто, а на дѣлѣ первымъ былъ Ординъ-Нащокинъ. О князѣ Ив. Андреевичѣ Хилковѣ сохранилось извѣстіе, что онъ не бралъ взятокъ, но былъ страшно вспыльчивъ.

Нѣкоторые изъ членовъ этихъ шестнадцати первостепенныхъ фамилій были люди даровитые; но кромѣ стариковъ Морозова и Трубецкаго, а изъ молодыхъ одного Салтыкова, мы не видимъ никого въ приближеніи, имѣющимъ важное вліяніе на дѣла. Изъ фамилій древнихъ, но второстепенныхъ, пробивали себѣ дорогу къ первымъ мѣстамъ Долгорукіе въ особѣ знаменитаго воеводы князя Юрія Алексѣевича. Объ немъ встрѣчаемъ неблагопріятный отзывъ иностранца, что онъ хотѣлъ казаться Фабіемъ, но похожъ былъ на Катилину; отзывъ голословный, а потому мы не имѣемъ права на немъ успокоиваться; мы знаемъ военныя заслуги Долгорукаго; другія же его дѣйствія такъ мало извѣстны, что мы рѣшительно не имѣемъ средствъ опредѣлить степень его сходства съ Катилиною. На военномъ же поприщѣ чаще всего встрѣчаемся мы съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ. Одна отрасль князей Стародубскихъ — знаменитые Пожарскіе сходятъ со сцены, другая, Ромодановскіе, остается и сильно подымается. Князь Григорій, какъ говорятъ, отличался свирѣпостію характера и тѣлесною силою, былъ больше солдатъ, нежели вождь; превосходилъ всѣхъ военною дикостію, неутомимою дѣятельностію, быстротою и удивительнымъ мужествомъ; въ Малороссіи, какъ мы видѣли, онъ пріобрѣлъ расположеніе жителей. О другихъ Ромодановскихъ, князьяхъ Василіѣ Григорьевичѣ и Юріѣ Ивановичѣ встрѣчаемъ только дурные отзывы.

Въ военной исторіи царствованія Алексѣя Михайловича, особенно въ исторіи Разинскаго бунта, обозначились имена князей Борятинскихъ: князю Юрію принадлежитъ честь перваго и послѣдняго пораженія страшнаго вора; но мы встрѣчались также съ свидѣтельствами и о дурныхъ поступкахъ самого Борятинскаго. Нерѣдко встрѣчается въ военныхъ извѣстіяхъ имя боярина и воеводы князя Григорія Семеновича Куракина; объ немъ отзываются, какъ о характерѣ незначительномъ, и мы не имѣемъ возможности опровергнуть этого отзыва. О другомъ Куракинѣ, князѣ Ѳед. Ѳедоровичѣ говорятъ, что выборъ его въ воспитатели царевичу Ѳеодору Алексѣевичу былъ выборъ неудачный.

Наконецъ переходимъ къ самымъ близкимъ людямъ: Милославскимъ, Стрѣшневу, Хитрово. Всѣ свидѣтельства единогласно говорятъ о способностяхъ Милославскихъ, какъ знаменитаго боярина Ильи тестя царскаго, такъ и родственниковъ его, Ивана Михайловича и Ивана Богдановича, но ни въ одномъ изъ нихъ умственнымъ способностямъ не соотвѣтствовали нравственныя достоинства. Въ Иванѣ Богдановичѣ, извѣстномъ намъ защитою Симбирска отъ Разина, указываютъ даже обширныя познанія, но соединенныя съ хитростію! Любопытно, что сохранилось извѣстіе (впрочемъ иностранное) о Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово, какъ человѣкѣ кроткомъ, привѣтливомъ, неутомимомъ ходатаѣ за несчастныхъ, не затыкающемъ ушей отъ просителей, особенно иностранныхъ. Послѣднія слова могутъ дать намъ разгадку такого лестнаго отзыва о человѣкѣ, котораго мы знаемъ преимущественно по распоряженію съ патріаршимъ сыномъ боярскимъ; но какъ бы пристрастенъ ни былъ этотъ отзывъ, все же мы должны заключить, что Хитрово въ извѣстныхъ случаяхъ, съ извѣстными людьми могъ являться кроткимъ и привѣтливымъ, и должны заключить, какого опаснаго врага пріобрѣлъ себѣ Никонъ въ Хитрово. Мы видѣли, что Хитрово былъ врагомъ Нащокина; но извѣстіе объ особенномъ расположеніи Хитрово къ иностранцамъ заставляетъ насъ и его, по направленію, причислить къ людямъ, смотрѣвшимъ на западъ, какъ Морозовъ, Ртищевъ, Нащокинъ и Матвѣевъ. О другомъ врагѣ Никона, Родіонѣ Матвѣевичѣ Стрѣшневѣ говорится, что царь Алексѣй Михайловичь считалъ его неподлежащимъ человѣческимъ стра-

отамъ—новое объясненіе, почему царь могъ такъ колебаться между Никономъ и врагами его, если авторитетъ патріарха могъ перетягиваться авторитетомъ Стрѣшнева. Наконецъ встрѣчаемъ отзывъ о третьемъ врагѣ Никона, Никитѣ Михайловичѣ Бобарыкинѣ, родственникѣ Романовыхъ и Шереметевыхъ, который представляется человѣкомъ, любящимъ добро, праводушнымъ и совершенно безкорыстнымъ. Если у царя составилось именно такое мнѣніе о Бобарыкинѣ, то понятно, почему онъ не спѣшилъ удовлетворить Никона, по жалобамъ котораго Бобарыкинъ являлся совершенно инымъ человѣкомъ.

Мы уже останавливались на дѣятельности одного изъ любимцевъ царя Алексѣя, Ѳедора Михайловича Ртищева, видѣли покровительство, которое онъ оказывалъ просвѣщенію, потомъ видѣли, что ему приписывалась попытка обращенія къ кредиту во время безденежья. До насъ дошло житіе Ртищева, краткое и написанное въ видѣ похвальнаго слова, но все же сообщающее намъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія о дѣятельности лица и его характерѣ. Житіе выставляетъ Ртищева человѣкомъ необыкновенно благоразумнымъ, умѣреннымъ, говоритъ, что онъ сдерживалъ Морозова и Никона. Майербергъ подтверждаетъ свидѣтельство житія, также выставляетъ благоразуміе Ртищева, которымъ онъ, не имѣя еще 40 лѣтъ, превосходилъ стариковъ. Въ житіи встрѣчаемъ еще нѣсколько любопытныхъ извѣстій о характерѣ Ртищева: такъ, напримѣръ, продавая одно изъ своихъ селъ, онъ уменьшилъ цѣну съ условіемъ, чтобы покупатель хорошо обходился съ крестьянами; подарилъ землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна жителямъ, а купить ее они не въ состояніи; при смерти умолялъ наслѣдниковъ объ одномъ—чтобы хорошо обходились съ крестьянами. Вообще, вглядываясь въ характеръ и дѣятельность любимцевъ царя Алексѣя, людей, имъ выведенныхъ и поддерживаемыхъ, Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвѣева, нельзя не признать, что онъ обладалъ драгоцѣннѣйшимъ для государей талантомъ—выбирать людей.

По личному характеру и отношеніямъ всей этой знати мы также можемъ видѣть, что и власть сына Михаилова не могла встрѣчать препятствій съ этой стороны. Мы уже видѣли, что, интересы, которые поддерживало Московское боярство при Іоаннѣ

III, сынѣ и внукѣ его, смѣнились другимъ интересомъ: преклонившись предъ властію великихъ государей, знатные роды начали хлопотать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы высшія должности невыходили изъ ихъ среды, чтобы не сидѣть вмѣстѣ съ какимъ-нибудь Андроновымъ, не подчиняться и своему брату, не только человѣку нисшаго происхожденія. Послѣ тяжелаго для нѣкоторыхъ правленія Филарета Никитича, они успѣли отдѣлаться отъ Репнина, благодаря мягкости царя Михаила. Царь Алексѣй, во время молодости, былъ еще болѣе похожъ на отца, чѣмъ послѣ, что всего лучше видно изъ писемъ его къ Никону въ Соловки и князю Трубецкому во время перваго похода подъ Смоленскъ. Впрочемъ и въ это время у него уже былъ любимецъ изъ худородныхъ, Матвѣевъ, но послѣдній имѣлъ осторожность не выдаваться впередъ. Во время походовъ, какъ говорятъ, государь становится самостоятельнѣе; онъ сближается съ Ординымъ-Нащокинымъ, который не имѣетъ осторожности Матвѣева, и столкновенія начинаются. Алексѣй Михайловичь находится, по характеру своему, въ затрудительномъ положеніи: съ одной стороны онъ считаетъ необходимымъ поддержать задорнаго Аѳанасья; съ другой какъ же оскорбить Одоевскаго и Долгорукаго съ товарищи? Не имѣя силъ дѣйствовать прямо и открыто, Алексѣй Михайловичь, какъ всѣ люди его характера, уходитъ, прячется, распоряжается тайкомъ, чтобы избѣжать сопротивленій, неудовольствій; онъ заводитъ свой собственный Приказъ, Приказъ Тайныхъ дѣлъ, изъ котораго посылаетъ бумаги, собственноручныя письма, наказы, о содержаніи которыхъ никто не долженъ знать, кромѣ получающаго; отсюда получаетъ и Аѳанасій наказы мимо старшихъ, сюда пересылаетъ свои мнѣнія, свои жалобы. Между тѣмъ Одоевскій и Долгорукій получали также удовлетвореніе; ихъ царь называлъ: великими и полномочными послами, «а на имя стародавныхъ честныхъ родовъ;» приписалъ было къ нимъ въ третьихъ и товарища ихъ Аѳанасья Лаврентьевича, но зачеркнулъ, потому что впереди написано было: стародавныхъ честныхъ родовъ. И вотъ совсѣми этими уступками Алексѣй Михайловичь доводитъ своего Аѳанасья до боярства, доводитъ подъ конецъ до боярства и дьячаго сына Матвѣева. Тихо, незамѣтно очищается путь, по которому такъ смѣло пойдетъ младшій сынъ Алексѣя.

Здѣсь мы оканчиваемъ исторію Древней Россіи. Дѣятельность обоихъ сыновей царя Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Петра принадлежитъ къ новой исторіи; но прежде нежели приступимъ къ изображенію этой дѣятельности, мы должны изложить состояніе Россіи, въ какомъ оставилъ ее царь Алексѣй. Этимъ изложеніемъ начнемъ слѣдующій томъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Дѣла Малороссійскія изложены по бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, также по столбцамъ и книгамъ Малороссійскаго приказа, находящимся въ Архивѣ Мин. Юстиціи; считаю излишнимъ выставлять № бумагъ, ибо ихъ также легко пріискать по годамъ. Изъ печатныхъ источниковъ взято: нѣкоторыя обстоятельства смерти Брюховецкаго изъ Лѣтописи Величка II, 163; о Мазепѣ изъ Reszty rękopismu I. Chr. Paska, изд. Лаховича, стр. 200, также изъ: Zrzódla do dziejow Polskich — Grabowskiego i Przedzieckiego, t. I. p. 34.

Дипломатическія сношенія изложены по бумагамъ, находящимся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Изъ печатныхъ источниковъ взято: о враждѣ Нащокина съ Хитрово у Коллинса (Чтенія Москов. Историч. Общ. 1846 г. № 1); о нападеніи Турокъ на Подолію у Kochowskiego-Roczników polski klimakter IV, p. 193.

О строеніи корабля: Орелъ въ Дополнен. къ актамъ историч. т. V, № 46 и 47.

О Сибири и Китаѣ — Миллеровскія бумаги, напечатанныя въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, т. III, стр. 20, 50, 68, 99, 102, 106, 108, 173, 175, 184, 208, 214, 219, 221, 258, 276, 277, 279, 280, 283, 319, 320, 321, 328, 332, 343, 345, 346, 348, 350, 352, 354, 356, 359, 371, 379, 387, 390, 523. Т. IV, стр. 2, 8, 9, 12, 16, 27, 32, 37, 56, 70, 80, 85, 88, 91, 94, 95, 120, 147, 176, 187, 199, 200, 214, 237, 241, 247, 260, 266, 282, 297, 384, 404, 409. Т. V, стр. 38, 39, 44, 68, 93, 160, 164, 288, 335, 337, 375, 379, 418. Т. VI, стр. 41, 51, 153, 292, 313, 367, 395. См. также Фишера—Сибирская Исторія.

Письма и другія бумаги, писанныя или поправленныя рукою царя Алексѣя Михайловича, находятся въ Государств. Архивѣ, между бумагами Приказа Тайныхъ дѣлъ.

Извѣстія о характерѣ вельможъ заимствованы изъ статьи: «Характеры вельможъ въ царствованіе Ал. Мих.» (Сѣверный Архивъ 1825 г.)

ДОПОЛНЕНІЕ.

Дѣло по жалобѣ ратныхъ людей на князя Ив. Андр. Хованскаго и сыновей его, (Архивъ Минист. Юстиціи, столбцы Приказн. стола, № 1619.)

Грамота князя Хованскаго государю: «Въ нынѣшнемъ во 174 году въ ноябрѣ послалъ я челобитныя заводныя, одна полковая, только полкъ про нее не вѣдаетъ, а завели тѣ челобитные вѣдомые составщики и гилевщики Новгородцы Петръ Арцыбашевъ, Михайло Теплевъ, Павелъ Мартьяновъ, князь Ив. Мышецкой, Василей Ушаковъ, Аѳанасій Уваровъ, Новоторжецъ Сава Цыплетевъ и иные такіе жъ плуты, и противъ тѣхъ заводныхъ челобитенъ дворяне принесли заручныя челобитныя и сказки, что онѣ про тѣ составныя челобитныя не вѣдаютъ, а Петра Арцыбашева велѣлъ я посадить въ тюрьму для того, чтобъ отъ него воровскіе заводы не множились, во Псковѣ не безъ лазутчика, услышитъ такой мятежъ и составныя челобитныя и вѣдомость учинитъ: непріятелю, слыша несогласіе въ полку, то и радость. И онъ Петръ отъ таковаго злаго умысла ни отсталъ, наипаче зло ко злу прилагаетъ, выходитъ изъ тюрьмы ночью и въ день тайнымъ обычаемъ, напоилъ сторожей пьяныхъ, и ходитъ къ совѣтникамъ своимъ и завелъ такуюжъ составную челобитную и призвалъ къ себѣ и къ совѣтникамъ своимъ невинныхъ, которые подобострастны имъ, велятъ руки прикладывать, напоя пьяныхъ, а инымъ неволею, и въ тюрьмѣ ночью тайнымъ обычаемъ. За Божіе и за твое, великаго государя, дѣло ненавидимъ холопъ твой отъ тѣхъ воровъ, будто отъ меня разборъ учинился и что не отпустилъ къ тебѣ, великому государю, челобитчиковъ ихъ бить челомъ объ отпускѣ, а говорилъ имъ что непріятель стоитъ за Двиною въ собраньѣ: какъ вамъ бить челомъ объ отпускѣ? А что разборъ учиненъ, и то тебѣ великому государю въ казнѣ прибыль будетъ большая, напрасно никто не станетъ жалованья имѣть, за кѣмъ 15 дворовъ, то безъ жалованья, а хотя за кѣмъ одинъ дворъ, вычету рубль у него, и дать 15 рублевъ, а онъ возьметъ 14, а безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ указныя статьи, за то тѣмъ ворамъ ненавидимъ сталъ.»

Въ челобитной дворяне жалуются, что многіе изъ нихъ побиты и разорены на многихъ бояхъ отъ его боярскія дерзости, подъ Ляховичами и подъ Полонкою, что съ немногими людьми ходилъ на многихъ. Пишутъ, что перешедши къ князю Борису Александровичу Репнину, свѣтъ увидали. Однажды случился въ полку сполохъ, и Хованскій велѣлъ дворянъ бить кнутомъ, а двоихъ казнить смертью, взводя вину, что они хотѣли въ сполохѣ грабить обозъ и его боярскіе коши: «у насъ, пишутъ дворяне, такого сквернаго помысла не бывало и впредь не будетъ, потому что мы холопи твои великаго государя природные, а не иноземцы и не Донскіе козаки.» Хованскій оправдывался, что «наказалъ подѣломъ: за чѣмъ сполохъ сдѣлали и въ свой обозъ стрѣляли? еслибы даже и непріятель подошелъ, то дѣло сторожей съ нимъ биться.»—Челобитчики подали роспись сводницамъ, которыя приводили къ князю Ив. Андр. Хованскому и сыну его князю Андрею жонокъ и дѣвокъ на блудъ. Оказывается, что четыре сводницы приводили болѣе двадцати женщинъ.

Челобитная Арцыбашева: «Бьетъ челомъ Новгородецъ Петрушка Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ: въ нынѣшнемъ въ 174 году, декабря 18 посадилъ онъ бояринъ меня въ тюрьму безъ твоего государева указа, безвинно за то, что я писалъ челобитную къ тебѣ по приказу полковыхъ людей о полковыхъ нуждахъ и разореньяхъ и на него боярина о перемѣнѣ, и мучилъ меня въ тюрьмѣ 10 недѣль, и свѣдалъ онъ, что есть у меня полковая заручная челобитная и присылалъ въ тюрьму меня обыскивать, и видя то, что я ему той заручной челобитной не отдамъ, писалъ къ тебѣ великому государю на меня и, не дождався твоего указа, по наговору головы стрѣлецкаго Андрея Коптева, велѣлъ меня привесть въ съѣзжую избу и училъ на мен якручинитца безвинно и бранилъ м..... и говорилъ мнѣ: «ты де меня измѣнникомъ называешь и челобитную на меня писалъ», и ставъ изъ мѣста, меня билъ по щекамъ и за волосы дралъ, и послѣ того меня велѣлъ вывесть на площадь и билъ на козлѣ кнутомъ нещадно и изувѣчилъ меня и обезчестилъ, а какъ меня на площадь вывели, и голова Московскихъ стрѣльцовъ Андрей Коптевъ на мнѣ платье оборвалъ самъ своими руками. Да онъ же бояринъ нынѣ писалъ къ тебѣ изъ Пскова на меня, будто онъ велѣлъ меня бить кнутомъ за то, что у меня судъ былъ съ посадскимъ мужикомъ въ покленномъ его иску, и будто онъ бояринъ указалъ на мнѣ править его мужичей искъ, и будто я не хотя того иску платить, изъ Пскова сбѣжалъ, а мнѣ противу суднаго дѣла приговору не сказано, и то судное дѣло не вершено. А иныхъ и многихъ онъ обезчестилъ и изувѣчилъ нашу братью знатныхъ людей напраено кнутомъ и батоги, и

говорилъ намъ многажды всему полку: «а чаю жъ вы дороги, хотя де васъ и всѣхъ побьютъ непріятельскіе люди, инъ де изъ нашихъ дворовъ наведутъ и тѣ де васъ будутъ лучше.» А я поѣхалъ изъ Пскова не побѣгомъ и не отъ правежу, отъ его боярской немилости къ тебѣ государя съ полковою заручною челобитною. Въ нынѣшнемъ во 174 году присланъ великаго государя указъ къ нему боярину о сыску про разоренье Курлянскаго князя, кто разграбилъ Тыновъ дворъ и иные мѣста, и бояринъ про то не сыскивалъ для того, что Тыновъ дворъ разграбили Донскіе козаки и дуваны были большіе, и изъ тѣхъ дувановъ козаки подвели боярину въ подаркахъ два возника каретные и иные многіе подарки къ нему носили.»

ОПЕЧАТКИ.

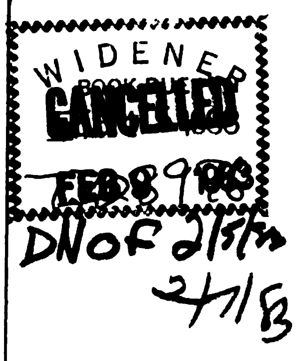
Стран.	Строка.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
6	15	Дорошенко.	Дорошенка
—	31	шалости	шатости
14	32	нечамое.	нечаемое
16	24	разорить.	разорять
19	3	заключить	заключить его
23	36	записокъ.	запасовъ
37	30	людей	сына
41	30	Гезель	Гизель
55	12	нестерпиныя.	нестерпимыя
57	27	во	въ
62	27	Нашокинъ.	Нащокинъ
73	1	неслушано.	наслушано
78	16	такитъ.	такимъ
82	7	Греской	Греческой
131	10	достоинствиан.	достоинствами
135	36	объстоятельствахъ .	обстоятельствахъ
146	7	въ сѣчу:	въ сѣчь:
156	8	Дорошенка.	Дорошенко
183	28	то соединятся.	не соединятся
189	38	отпустить	отпустилъ
190	28	Дорошенкова	его Дорошенковой
202	36	изъ-подъ иги	изъ подъ ига
211	19	вмѣсто	вмѣстѣ
225	28	степью	осенью
—	30	подъ	надъ
228	8	видали	видѣли
—	10	безъ избранiи.	объ избранiи
—	27	объявивъ	объявилъ
245	15	привелегiи.	привилегiи
269	32	присылалъ	присылалъ я
274	13	Теймуразовѣ	Теймуразовой
283	3	кузнезовъ.	кузнецовъ
285	35	Дѣдиновъ	Дѣдиново
292	12	выходили	вы ходили
312	6	битвѣ	битьѣ
315	12	Алданъ.	Алдана
317	20	Тургирь	Тугирь
819	5	имъ	ихъ
332	5	закрѣпленiя.	закрѣпленiе
—	31	наема.	найма
333	38	урнаго	дурнаго

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стрн.

Цѣна 2 рубля сер.

WIDENER
CANCELLED